Всемірная Иллюстрація

№ 1419. Годъ XXVIII. 6-го апрѣля 1896 г. **Томъ LV. № 15.**

Софія 8 Февраля 1896 г.

Фердинандъ, князь болгарскій

Пріѣздъ князя Фердинанда, теперь законнаго князя болгарскаго, въ Россію заставляетъ насъ поближе познакомиться съ лицомъ, которое отнынѣ предназначено Провидѣніемъ стоять во главѣ родственнаго и симпатичнаго намъ, такъ много страдавшаго, болгарскаго народа. Князь Фердинандъ, нынѣшній болгарскій князь, герцогъ Саксенъ-Кобургскій и Готскій, родился 26-го февраля 1861 года. Родители его были герцогъ Августъ Саксенъ-Кобургскій и Готскій († 1881 г.) и принцесса Клементина, дочь французскаго короля Людовика-Филиппа изъ дома Бурбоновъ-Орлеановъ, правнука знаменитой австрійской императрицы Маріи-Терезіи. Тетка князя — Луиза Орлеанская, королева бельгійская. Его старшій братъ, герцогъ Филиппъ, женатъ на дочери бельгійскаго короля Леопольда II, и его другой братъ— Августъ—былъ женатъ на дочери бразильскаго императора Дона-Педро. Сестра князя Клотильда замужемъ за эрцгерцогомъ Іосифомъ австрійскимъ, и другая его сестра Амалія за герцогомъ баварскимъ Максимиліаномъ, роднымъ братомъ австрійской императрицы. Нынѣшній король португальскій и король бельгійскій его двоюродные братья. Супруга князя Фердинанда принцесса Марія-Луиза, родившаяся 17-го января 1870 г., внучка короля Обѣихъ-Сицилій Франциска II, и дочь Роберта, герцога Пармскаго, женатаго на Бурбонской принцессѣ Маріи Піи. Выдающійся по уму и талантамъ изъ потомковъ Орлеановъ, герцогъ Омальскій— извѣстный ученый — приходится дядей князю болгарскому. По этой средѣ, въ которой родился и вращался болгарскій князь, можно представить себѣ, какъ тщательны были воспитаніе и образованіе его, которое было не только теоретическое, но также и въ высшей степени практичное. Онъ довольно рано сталъ развивать свои естественныя способности и дарованія, что и подобало по традиціямъ этого стариннаго историческаго дома, первоначально славянскаго и сроднившагося впослѣдствіи съ первыми царствующими семействами Европы. Отъ самыхъ малыхъ лѣтъ къ принцу были приставлены лучшіе учителя и профессора. Ученый Флейшманъ, небезъизвѣстный педагогъ, развивалъ въ молодомъ принцѣ склонность къ классической литературѣ, къ естественнымъ наукамъ и къ исторіи. Съ классными занятіями принца чередовались и полезныя путешествія. Съ двѣнадцати лѣтъ принцъ учился въ Вѣнѣ подъ руководствомъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ профессоровъ Терезіанской академіи и во время каникулъ путешествовалъ или одинъ, со своимъ ученымъ гувернеромъ, или со своимъ семействомъ чуть не по всей Европѣ. Въ 1864 году онъ путешествовалъ по Швейцаріи, въ 1865 г. по Англіи, посѣтивъ тамъ замокъ Клермонтъ и свою бабку, бывшую французскую королеву, Марію-Амалію, которая тогда и скончалась. Въ 1866 году онъ путешествовалъ по Италіи, Англіи и Шотландіи, затѣмъ въ 1867 г. пользовался въ Альпахъ хорошимъ горнымъ воздухомъ, и, когда ему было девять лѣтъ, онъ уже знакомился съ Востокомъ, былъ въ Царьградѣ, Варнѣ, на Черномъ морѣ и въ 1870 г. плавалъ по Дунаю, видѣлъ въ первый разъ болгарскіе города Видинъ, Руссе, Варну, обозрѣвалъ также Смирну, Магнезію и другіе города Малой Азіи. Тогда же онъ посѣтилъ Грецію, знакомился съ исторіею и знаменитостями Эллады и съ жизнью населенія Іоническихъ островахъ, Албаніи и Далмаціи. Въ 1871 г. онъ путешествовалъ по сѣверу Даніи и Швеціи, побывалъ и на югѣ, въ Пиренеяхъ, въ Испаніи, гдѣ изучалъ мавританскую культуру. Въ 1875 году принцъ присутствовалъ на свадьбѣ своего брата, Филиппа, въ Брюселѣ и при свадьбѣ своей сестры Амаліи, вышедшей замужъ за баварскаго герцога Максимиліана. Тогда онъ получилъ замокъ Эбенталь въ свое владѣніе и занимался очень серьезно разными науками. Лѣтомъ онъ посѣтилъ Венгрію, Италію, опять Пиренейскія горы, Вандэ и Бретань Франціи. 18 лѣтъ окончивъ курсъ Терезіанской академіи, принцъ путешествовалъ по Африкѣ, Сенегалу, Америкѣ и Бразиліи, гдѣ пристрастился къ естественнымъ наукамъ, фаунѣ, орнитологіи и ботаникѣ, и къ собиранію разныхъ систематическихъ научныхъ коллекцій, именно бразильской флоры. Результатомъ этихъ серьезныхъ ученыхъ работъ были два огромные тома, изданные въ 1883 году славянскимъ ученымъ, докторомъ Вваврою, подъ заглавіемъ: „Itinera principium S. Coburgi: Die botanische Ausbeute von den Reisen des Prinzen August und Ferdinand nach Brasilien 1879“. Объ этомъ изслѣдованіи были даны въ свое время въ ученыхъ обществахъ авторитетами науки самые серьезные и похвальные отзывы. Вернувшись изъ этого почти кругосвѣтнаго путешествія, князь Фердинандъ занялся военной службой въ австрійской арміи. Онъ поступилъ въ кадетскій корпусъ и при посредствѣ лучшихъ профессоровъ изучалъ военное дѣло теоретически и практически. Онъ служилъ подпоручикомъ въ австрійской кавалеріи въ гусарскомъ полку герцога Виртембергскаго, а также въ пѣхотѣ и въ стрѣлковомъ баталіонѣ два года, выполняя всѣ обязанности службы въ лагеряхъ, на бивуакахъ, походахъ и маневрахъ. Въ 1883 году князь Фердинандъ присутствовалъ на короновании Императора Александра III въ Москвѣ въ качествѣ представителя Саксенъ-Кобургскаго дома, гдѣ и познакомился съ Александромъ Батенбергомъ, княземъ болгарскимъ и съ Николаемъ, княземъ Черногорскимъ. Какъ онъ самъ выразился въ разговорахъ съ однимъ журналистомъ: „Россія своей необъятной ширью и привлекательностью своего народа поразила его сильно“. Послѣ священнаго коронованія князь, желая ближе познакомиться съ нравами, обычаями и языкомъ русскаго народа, остался нѣсколько недѣль въ Россіи и совершилъ нѣсколько поѣздокъ во внутрь страны. Затѣмъ онъ отправился во Францію, въ замокъ Шантильи, къ своему дядѣ, герцогу Омальскому, гдѣ снова работалъ и занимался съ французскими профессорами и учеными. Далѣе принцъ вновь посѣтилъ Испанію, Мадридъ, Гибралтаръ, Марокко, Португалію, Голландію, въ 1885 году, и вступилъ опять въ стрѣлковый австрійскій баталіонъ. Тогда же въ Гастейнѣ онъ впервые познакомился съ Вильгельмомъ I, германскимъ императоромъ. При всѣхъ своихъ занятіяхъ принцъ Фердинандъ всегда обнаруживалъ необыкновенное прилежаніе, любознательность и рѣдкое трудолюбіе. Въ 1886 г., 9-го августа, совершилось низверженіе князя Александра Батенберга, и 26-го августа того же года послѣдовалъ, послѣ рѣшительной телеграммы Императора Александра III, его отъѣздъ изъ Болгаріи. Въ Софіи образовано было регентство, состоявшее изъ Стамбулова, Каравелова и Мyткурова, которое назначило новое министерство подъ предсѣдательствомъ Радославова. Вскорѣ регентство приступило къ созыву перваго избирательнаго народнаго собранія въ Тырновѣ, и 19-го октября 1886 г. въ князья Болгаріи былъ избранъ принцъ Вальдемаръ Датскій. Отказъ принца Вальдемара принять княженіе повлекъ за собой восемь мѣсяцевъ большой неурядицы въ Болгаріи, пока не собралось второе великое народное избирательное собраніе, которое и избрало 25-го іюня 1887 г. княземъ болгарскимъ принца Фердинанда Кобургскаго. 10-го августа 1887 г. принцъ прибылъ въ Софію. Водворившись въ Болгаріи, онъ занялся серьезно изученіемъ языка болгарскаго народа, его исторіи, быта, обычаевъ и въ теченіе девяти лѣтъ, имъ здѣсь проведенныхъ, изучилъ эту страну въ совершенствѣ. Принцъ превосходно владѣетъ болгарскимъ языкомъ, прекрасно знаетъ также по сербски, и по русски. 8-го апрѣля 1893 г. принцъ Фердинандъ женился въ замкѣ Піанора, въ провинціи Лукка, въ Италіи, на Маріи-Луизѣ Бурбонской и принцессѣ Пармской, родившейся 17-го января 1870 г., которая въ тотъ же день была назначена шефомъ восьмаго болгарскаго пѣхотнаго полка и втораго полка кавалеріи. 18-го января 1894 г. у принца Фердинанда родился сынъ Борисъ, которому отецъ, вполнѣ естественно, пожелалъ обезпечить болгарскій престолъ. Умудренный опытомъ и тяжелыми условіями, среди которыхъ онъ находился, принцъ Фердинандъ понялъ, что безъ примиренія съ Россіей достигнуть этого невозможно; онъ пришелъ къ ясному сознанію, что въ Болгаріи немыслимо водвореніе династіи, исповѣдывающей римско-католическую вѣру. Дальнѣйшее извѣстно. Русскій Царь сталъ крестнымъ отцомъ болгарскаго престолонаслѣдника, и принцъ Фердинандъ Кобургскій, озаренный и просвѣтленный свѣтомъ Востока, сдѣлался наслѣдственнымъ княземъ болгарскимъ, главою и родоначальникомъ новой болгарской династіи. Россія, и за нею вся Европа, по волѣ Монарха Россіи, признала Фердинанда законнымъ княземъ болгарскимъ, и вслѣдъ за Россіей Порта признала за княземъ болгарскимъ и титулъ „царскаго высочества“. Обращаясь къ русскимъ, находившимся въ Софіи во время присоединенія князя Бориса къ православію, князь Фердинандъ говорилъ: „Я всегда думалъ о Россіи, какъ думаю сейчасъ. Меня отталкивали отъ Россіи, но я не отталкивалъ Россію: я всегда стремился къ общенію съ нею. Не моя вина, если оно не удавалось. Мѵропомазаніе князя тырновскаго не есть внезапный скачокъ моей политики въ сторону руссофильскаго угодничества, оно — логическое послѣдствіе неизмѣннаго тяготѣнія къ Россіи и православію, которое всегда жило во мнѣ, которое я исподволь развивалъ съ 18-го мая, и въ которое, наконецъ, увѣровала и Россія. Созрѣло время, и событіе свершилось. Радость эта пришла немного поздно, но — лучше поздно, чѣмъ никогда. Вы видите, что она уже принесла наглядные плоды. Вы встрѣтили въ моемъ дворцѣ всѣхъ нашихъ іерарховъ. Вы присутствуете при историческомъ событіи—двойнаго примиренія: русскаго народа съ болгарскимъ и болгарской церкви съ болгарскимъ государствомъ въ моемъ лицѣ. Эти дни должны явиться опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшей болгарской исторіи“. 1 (13)-го апрѣля султанъ пожаловалъ князю званіе турецкаго генералъ-фельдмаршла.

И. Вацликъ

1-го (13-го) апрѣля 1896 г.

Только что назначенный на время торжествъ священнаго коронованія верховный церемоніймейстеръ извѣстилъ черезъ газеты жителей Петербурга, что въ эту среду, на нынѣшней недѣлѣ, 3-го апрѣля, въ 3 часа пополудни, послѣдуетъ, по установленному для подобныхъ случаевъ церемоніалу, торжественное отправленіе въ Москву императорскихъ регалій, т. е. двухъ цѣпей ордена Андрея Первозваннаго, которыя возложатъ на себя Государь и Государыня въ Успенскомъ соборѣ, короны Государя Императора, короны Государыни Императрицы, скипетра и державы. По прибытіи въ Москву регаліи эти имѣютъ быть перенесены торжественно въ кремлевскую оружейную палату и останутся тамъ до дня священнаго коронованія.

Въ пятницу на нынѣшней недѣлѣ ожидается прибытіе въ Петербургъ князя Фердинанда болгарскаго, отправляющагося въ нашу столицу прямо изъ Константинополя

черезъ Одессу. Затѣмъ, во второй половинѣ апрѣля, предстоитъ Высочайшій смотръ на Царицыномъ Лугу всѣмъ войскамъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

На второмъ планѣ событій, которыми интересовалось за это время русское общество, слѣдуетъ поставить отъѣздъ въ Абиссинію санитарнаго отряда русскаго общества Краснаго Креста. Предположено было также послать другой подобный отрядъ въ Неаполь, гдѣ сосредоточены въ настоящее время итальянскіе офицеры и солдаты, раненные въ сраженіи подъ Адуей, но на дняхъ итальянское правительство заявило германскому и русскому обществамъ Краснаго Креста, что въ такой посылкѣ не предстоитъ надобности. Сегодня, сверхъ того, появилось въ нашей французской газетѣ офиціальное сообщеніе, что отрядъ русскаго Краснаго Креста, который первоначально предполагалось направить въ Абиссинію черезъ Массову, получилъ приказаніе ждать въ Александріи новыхъ распоряженій касательно дороги, по которой ему слѣдуетъ продолжать свое путешествіе, изъ чего можно заключить, что путь этого отряда черезъ Массову не пройдетъ.

На западѣ Европы самымъ выдающимся политическимъ событіемъ прошлой недѣли слѣдуетъ признать состоявшуюся вчера встрѣчу въ Венеціи императора Вильгельма II съ королемъ Гумбертомъ. Мы уже говорили о томъ—при какихъ обстоятельствахъ было рѣшено это свиданіе двухъ царственныхъ союзниковъ и друзей. Вильгельмъ II долженъ былъ встрѣтиться какъ можно скорѣе съ королемъ Гумбертомъ въ Венеціи, и сверхъ того берлинское правительство поспѣшило выразить Англіи свое согласіе на англо-египетскую экспедицію въ Донголу, которую въ Лондонѣ первоначально объявили предпріятіемъ, имѣющимъ цѣлью оказать помощь Италіи въ Кассалѣ, осажденной значительными вооруженными силами махдистовъ (дервишей). Лживость этого предлога выяснилась очень скоро, и нынѣ существуютъ поводы догадываться, что въ Берлинѣ начинаютъ сожалѣть о чрезмѣрной поспѣшности, съ которою германское правительство, въ ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ въ Африкѣ, согласилось на заимствованіе изъ кассы резервнаго египетскаго фонда полмилліона фунтовъ стерлинговъ, потребованнаго по наущенію Англіи правительствомъ хедива на покрытіе первыхъ издержекъ по снаряженію экспедиціи въ Донголу; но это, однако же, не измѣнило ровно ничего въ программѣ путешествія, предпринятаго императоромъ Вильгельмомъ II въ Италію съ цѣлью повидаться въ Венеціи съ королемъ Гумбертомъ. Германскій императоръ выразилъ желаніе, чтобы король Гумбертъ пригласилъ съ собою въ Венецію главу итальянскаго кабинета, маркиза ди-Рудини, и двухъ его товарищей, герцога ди-Сермонета (министръ иностранныхъ дѣлъ) и адмирала Брина (морской министръ). На продолжительномъ совѣщаніи, происходившемъ вчера въ Венеціи между двумя союзными монархами, присутствовали эти три совѣтника короля Гумберта, равно какъ и германскіе послы въ Римѣ и въ Вѣнѣ. Прямо изъ Венеціи императоръ Вильгельмъ отправился сегодня вечеромъ въ Вѣну—на свиданіе съ австрійскимъ императоромъ.

Въ Англіи на прошлой недѣлѣ, несмотря на обязательное затишье пасхальныхъ вакацій, обнаружилась замѣчательно сильная реакція противъ экспедиціи въ Донголу. Не только въ лагерѣ либераловъ, систематически враждебныхъ консервативному министерству Салисбюри, но и между союзниками послѣднихъ—уніонистами—начинаютъ раздаваться голоса, протестующіе противъ военнаго предпріятія, рѣшеннаго съ едва вѣроятною поспѣшностью и грозящаго стоить огромныхъ денегъ британскому правительству. Дѣло уже доходитъ до попытки собиранія подписей подъ протестомъ противъ экспедиціи въ Донголу, т. е. до такой формы агитаціи, которая въ Англіи почти всегда производитъ сильное впечатлѣніе на правительственныя сферы. Появились кромѣ того до сихъ поръ не опровергнутые изъ компетентныхъ источниковъ слухи о томъ, что Германія, сожалѣя о поспѣшно данномъ ею согласіи на экспедицію въ Донголу, готовится снова вернуться къ политикѣ совмѣстныхъ дѣйствій съ Франціею и Россіею, которой она держалась прошлою зимою на дальнемъ востокѣ и въ Турціи. Стало извѣстно въ то же время, что германскій канцлеръ князь Гогенлоэ провелъ инкогнито нѣсколько дней въ Парижѣ, оттуда онъ отправится въ Вѣну для встрѣчи съ императоромъ Вильгельмомъ II. Все это очень тревожитъ англійскую публику, говорящую себѣ, что ничего подобнаго, можетъ быть, и не произошло бы, еслибъ министерство Салисбюри не затѣяло экспедиціи въ Суданъ подъ лживымъ предлогомъ оказанія помощи Италіи, которая въ настоящую минуту въ такой помощи вовсе не нуждается, располагая возможностью сдѣлать свободными миромъ съ Абиссиніей всѣ военныя силы свои, расположенныя нынѣ въ Эритрейской колоніи подъ начальствомъ генерала Бальдиссеры.

Во Франціи весенняя вакаціи парламента проходятъ до сихъ поръ очень тихо и спокойно. Министерство Буржуа по наружности вовсе не смущается перспективой дальнѣйшей борьбы съ сенатомъ, дважды выразившимъ ему свое недовѣріе.

Сенатъ, повидимому, еще не рѣшилъ — въ какой именно формѣ будетъ онъ продолжать свою борьбу съ министерствомъ. Противники послѣдняго рекомендуютъ сенаторамъ отказать правительству въ кредитахъ, которые оно испрашиваетъ на покрытіе расходовъ по водворенію новаго порядка вещей въ Мадагаскарѣ. Въ случаѣ такого отказа правительству не будетъ другаго выхода, какъ полученіе нужныхъ ему денегъ путемъ декрета, одобреннаго государственнымъ совѣтомъ, но изданіе такого декрета немыслимо безъ согласія президента республики, и противники министерства выражаютъ надежду, что г. Феликсъ Форъ откажетъ въ этомъ согласіи, послѣ чего г. Леону Буржуа и его товарищамъ придется поневолѣ подать въ отставку.

Въ Константинополѣ весь интересъ тамошней политической жизни сосредоточивался на пребываніи въ этомъ городѣ князя Фердинанда болгарскаго, которому султанъ оказалъ много знаковъ своего благоволенія, несмотря на слухи, что князь Фердинандъ уклонился отъ предложеннаго ему Портою заключенія военной конвенціи съ Турціею.

Штрихи и контуры

Петербургскій фельетонъ

Итоги прошлой недѣли... Какіе же могутъ быть итоги недѣли, прошедшей въ праздничномъ угарѣ? Кромѣ непріятнаго душевнаго осадка — какъ реакціи чрезмѣрнаго возбужденія — да прискорбной пустоты кармановъ — и нѣтъ да и не предвидится ничего. Будутъ, впрочемъ, свадьбы, даже много свадебъ, но будутъ ли счастливы новобрачущіеся — рѣшать предоставимъ имъ самимъ. Вѣдь каждый человѣкъ — единственный и отвѣтственный виновникъ собственнаго счастья и несчастья.

Старый афоризмъ, не правда ли? А что же новаго на нашей бѣдной планетѣ? Только развѣ формы, но и о нихъ нужно догадываться. Нѣчто новое мы подмѣтили... гдѣ бы вы думали? На балаганахъ!

Признаться, мы отправились на балаганы съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ противъ такихъ *народныхъ* развлеченій. Народныя развлеченія! Сколько писали о томъ, чтобы упорядочить эти развлеченія, придать имъ разумный характеръ — „а возъ и нынѣ тамъ!“ Народъ и до сихъ поръ все тотъ же тургеневскій таинственный незнакомецъ... И кто знаетъ—сколько еще лѣтъ не сниметъ онъ передъ нами своей маски? Мы рѣшительно не знаемъ, что онъ любитъ, что ненавидитъ, что ему на пользу, что во вредъ. Мы бродимъ во тьмѣ, а между тѣмъ пробуемъ поучать.

Антрепренеры по части народныхъ увеселеній ничего подобнаго не дѣлаютъ, а просто собираютъ дань съ общечеловѣческой потребности въ развлеченіяхъ, превосходно уловляя духъ времени и примѣняясь къ текущимъ вѣяніямъ въ обществѣ.

Перестала интересовать публику арлекинада— и отъ нея не осталось слѣдовъ; была полоса воинственнаго настроенія въ обществѣ—и балаганы отдали этому настроенію обильную дань. Но вотъ настала полоса какого-то кроваваго символизма, и мы были поражены тѣмъ количествомъ чертовщины, которымъ пестрятъ нынѣшніе балаганы.

Трудно было бы придумать лучшую и болѣе наглядную иллюстрацію настроенія современнаго общества, какую представила намъ сѣрая группа сараевъ съ вывѣсками, изображавшими вѣдьмъ, привидѣній, чертей, добрыхъ и злыхъ геніевъ и даже „торжествующихъ свиней“ съ ихъ многочисленнымъ нисходящимъ потомствомъ.

„Сатаніель, или красный (?) чортъ“—феерія, поставленная А. Дуровымъ, тѣмъ самымъ Дуровымъ, который пытался дебютировать какъ „писатель“ своими воспоминаніями въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, а нынѣ украсилъ стѣны Малафѣевскаго балагана дубовыми виршами, надо полагать, собственнаго производства. Въ другомъ балаганѣ изображается: „Власть сатаны, или золото, любовь и преступленіе“ (ну, конечно); сюжетъ заимствованъ изъ сочиненія графа Л. Н. Толстого“. Къ сожалѣнію, не будучи знакомы съ такимъ произведеніемъ ради грубой рекламы названнаго автора, мы не рискнули войти въ маленькій балаганъ. Шутка сказать! Не угодно ли вмѣстить въ небольшой сарай и „власть сатаны“, и „золото“, и „любовь“, и „преступленіе“. Нѣтъ, мы не повѣрили рекламѣ и ограничились созерцаніемъ вывѣски. Чего, чего тутъ только не было! Повсюду главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся сатана, какъ слѣдуетъ быть по положенію: съ рожками, хвостомъ и когтями, но во фракѣ самаго моднаго покроя. Сатана игралъ въ карты, и... конечно, обыгрывалъ, соблазнялъ художника (должно быть изъ общества „непримиримыхъ“) портретомъ дѣвицы, толкалъ юношу въ долгополомъ сюртукѣ, съ ножемъ, въ мѣняльную лавку, стоялъ у изголовья умирающаго грѣшника, присутствовалъ на бракосочетаніи, даже отплясывалъ польку съ особою въ лиловомъ платьѣ.

Балаганъ съ вывѣскою: „Бѣдныя сиротки, или тайны дремучаго лѣса“ привлекъ наши особенныя симпатіи. Вѣдьмы, лѣшіе, кикиморы, пряники, летучія мыши и безумная мать, убѣгавшая съ ребенкомъ на рукахъ, — все это было крайне чувствительно, назидательно и символично!..

Какъ знать, думали мы, можетъ быть, эта полунагая, съ неимовѣрно вытаращенными глазами, мать бѣжитъ отъ „власти сатаны“, отъ „золота“ и „преступленія?“ Какъ знать, можетъ быть бѣдныя сиротки, которыхъ мы, однако, не нашли на вывѣскѣ, но которыя непремѣнно должны были существовать, напомнятъ намъ, поддержавшую фонды литературнаго кружка, другую бѣдную сиротку—пресловутую Ганнеле? Какъ знать, продолжали мы думать, можетъ быть, вся пьеса окажется символомъ торжества „малыхъ сихъ“ надъ „властью“ сатаны, золота и преступленія?

И, преисполненные самыхъ высокихъ чувствъ и надеждъ, мы вошли въ балаганъ.

Слава Богу, сиротки оказались на лицо: мальчикъ лѣтъ восьми и дѣвочка лѣтъ четырнадцати. Такъ какъ дѣти были нѣмцы, то веселый сосѣдъ принесъ имъ пряникъ. Скушавъ пряникъ, дѣтки принялись танцовать. Прекрасно! Но пришла мать и прогнала ихъ въ лѣсъ за прутьями. Явился отецъ и началъ упрекать жену, такъ какъ собралась гроза и дѣти могли заблудиться. Упреки перешли въ ссору, въ заключеніе которой мужъ пожелалъ, чтобы жену убилъ громъ. Тотчасъ же сіе и случилось, а отецъ, побуждаемый сосѣдями, отправился искать дѣтей. Конечно, послѣ всякихъ ужасовъ въ лѣсу—встрѣчи съ бабой-ягой, счастливаго избавленія отъ смерти— дѣти были найдены, явилась пряничная фея съ сіяніемъ и вызвалась порадовать дѣтей балетомъ столь любимыхъ ими пряниковъ. Балетъ кончается апофеозомъ, столько же блестящимъ, сколько нелѣпымъ апофеозомъ всѣхъ феерій, и насладившаяся торжествомъ маленькихъ добродѣтелей публика расходится покупать настоящіе одеревенѣлые пряники и коврижки.

А мы постучались въ грубо сколоченную дверь балагана и вошли... въ самую лабораторію, изготовлявшую и поставлявшую на сцену добрыхъ и злыхъ геніевъ, ангеловъ, вѣдьмъ, лѣшихъ, пряниковъ и апофеозъ. Мы увидѣли странную,

»На гробкахъ« на Ѳоминой недѣлѣ въ Малороссіи.

Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи« Н. И. Ткаченко.

Иностранные художники. — Букетикъ розъ. Картина Дж.-А. Ломакса.

Гравировали Гейеръ и Кирмзе въ Лейпцигѣ.

калейдоскопическую смѣсь серебряныхъ и золотыхъ ангеловъ, вицмундировъ (въ балаганѣ давалась еще пьеса Полевого: „Русскій человѣкъ добро помнитъ“), поддевокъ, бархатныхъ кафтановъ и шляпъ съ плюмажемъ, пѣвицъ въ бѣлыхъ и золотыхъ хитонахъ, дѣвицъ съ крыльями за плечами и пальмовыми вѣтками въ рукахъ и сновавшихъ подъ ногами ребятишекъ въ заячьихъ и медвѣжьихъ шкуркахъ.

Вотъ мимо насъ, съ сознаніемъ своего высокаго достоинства, прошла пряничная фея... Ахъ, какъ она была размалевана! А сіянье оказалось простымъ, ламповымъ, рефлекторомъ, прикрѣпленнымъ къ затылку. И чудище съ огромной черной головой былъ простой малый, сильно вспотѣвшій и видимо тяготившійся своимъ нарядомъ, а великолѣпные пряники оказались пустыми картонами и страшные лѣшіе — веселыми молодыми людьми.

Казалось, что правдивыми остались одни „сиротки“, беззаботно рѣзвившіяся за второй кулисой въ то время, когда отецъ вызывалъ гнѣвъ Божій на голову ихъ матери, но и въ сироткахъ, въ ихъ сѣрыхъ глазкахъ, была уже ложь, та артистическая ложь, которой суждено впослѣдствіи изломать, исковеркать человѣка...

Какая скука, какая апатія царила среди всѣхъ персонажей фееріи, долженствовавшихъ показываться публикѣ восемь и девять разъ въ день за плату отъ 20 до 6 рублей въ недѣлю. Нѣтъ, мы окончательно разочаровались въ символизмѣ.

— Пожалуйста, мальчикъ, попросила одѣтая ангеломъ дѣвица какого-то, проскользнувшаго за сцену, подростка, вотъ вамъ двѣ бутылки, сходите, принесите... она взглянула на насъ и многозначительно прибавила:—квасу!

— Квасу? Хм! осклабился подростокъ,—а ежели не пропустятъ?

— Пропустятъ! пропустятъ! убѣжденно повторила дѣвица, — вѣдь вы не здѣшній! Пожалуйста, сходите!

Мальчикъ взялъ бутылки и скрылся.

Мы въ уборной. Обитое кругомъ войлокомъ и клеенкой помѣщеніе въ 3—4 аршина въ квадратѣ. Передъ зеркаломъ три жестяныя керосиновыя лампы, источникъ свѣта и тепла. Накурено, душно. Пожилой актеръ, играющій стряпчаго въ пьесѣ Полевого, въ ожиданіи выхода сидѣлъ въ созерцательной позѣ, откинувъ голову назадъ и обѣими руками обнявъ колѣни. Другой, рядомъ, курилъ. Третій поправлялъ передъ зеркаломъ парикъ. Вошелъ „лѣшій“, оказавшійся очень симпатичнымъ юношей, и началъ стаскивать съ себя овчину.

— Вотъ овчина-то! Сносу нѣтъ! замѣтилъ поправлявшій парикъ.

— Да, въ прошломъ году существовала! подтвердилъ курившій.

— Эка! Въ прошломъ! воскликнулъ „стряпчій“, —да въ ней еще толстовскаго „Винокура“ играли! Помню я!

— Чего ты не помнишь, старый хрѣнъ! замѣтилъ курившій.

— Много, братъ, много! отозвался тотъ, снисходительно пропустивъ мимо ушей „хрѣнъ“, — многое помню! Да! А вотъ такого спектакля какъ здѣсь, съ горячностью обратился онъ къ намъ,— двадцать лѣтъ играю не запомню!

— Въ какомъ смыслѣ? спросили мы.

— А въ такомъ-съ! Изволили видѣть „Русскаго человѣка“? Каково мы его обработали? Узнали-съ?

— Сократили?

— Сократили! ядовито хихикнулъ „стряпчій“,—не сократили-съ, а можно сказать совсѣмъ порѣшили! Въ лоскъ! Лучшія-то мѣста, со смысломъ, онъ поднялъ два пальца большихъ и не совсѣмъ опрятныхъ и уподобилъ ихъ ножницамъ—вотъ-съ! Осталось одно шутовство... балаганъ-съ...

— Въ балаганѣ и играютъ! сказалъ курившій и сплюнулъ.

„Стряпчій“ взглянулъ на него сперва съ удивленіемъ, затѣмъ удивленіе перешло въ строгость, и вдругъ какое-то жалостное смущеніе разлилось по его, измазанному гримомъ, лицу.

Можно было поручиться чѣмъ угодно, что ему было стыдно за публику и больно за Полевого, Островскаго, Гоголя, за нашего русскаго генія истерзаннаго въ угоду толпы, для которой, повидимому, чѣмъ больше гаерства и безсмыслія, тѣмъ лучше.

Нѣтъ, мы окончательно разочаровались въ символизмѣ, приготовляемомъ полупьяными плотниками и изображаемомъ сомнительными дѣвицами съ алебастровыми крыльями. Впрочемъ, мы никогда не были имъ очарованы.

Сарматъ

Видѣнье

Видѣнье прежнихъ лѣтъ опять
Встаетъ передо мной —
Мнѣ внятно слышатся шаги
И милый голосъ твой.
Какъ птичка ты влетаешь въ дверь,
И сердцу моему
Твой каждый взглядъ — какъ солнца лучъ,
Пробравшійся въ тюрьму.
О чемъ-то ты лепечешь мнѣ
Съ улыбкой на устахъ?
И радость слышится въ твоихъ
Загадочныхъ словахъ.
И я хочу тебя обнять,
Но ускользаетъ тѣнь
И шепчетъ: „Жди, я вновь приду,
Когда погаснетъ день“.

Вл. Ахшарумовъ

БАЛАГАНЪ НИЩЕТЫ

Изъ американской жизни

Съ англійскаго

Продолженіе

Противъ пространства, въ которомъ остановились въ кучкѣ зрители, виднѣлась внутренность жилья: грязныя штукатурныя стѣны, съ которыхъ висѣла гнѣздами паутина; въ общемъ нѣчто мрачное, смрадное и убогое, какъ тѣ притоны, подъ крышами которыхъ укрываются въ народныхъ кварталахъ бѣдняки. Блѣдный свѣтъ чуть-чуть пробивался сквозь масляную бумагу единственнаго окна, смѣшиваясь съ узкими струями свѣта, пробивавшагося изъ щелей крыши. Вначалѣ ничего нельзя было разобрать кромѣ груды всякаго рода тряпья, развѣшаннаго по стѣнамъ, и разбросанной ветоши и обломковъ мебели, покрытой плѣсенью и пылью. Затѣмъ, когда глазъ привыкалъ къ потемкамъ, и вы всматривались,—вамъ дѣлались видны разныя подробности: выдавшаяся балка тянулась къ правой стѣнѣ и образовала собою нѣчто въ родѣ скамьи; въ глубинѣ, среди густо навѣшаннаго тряпья, лежало, растянутое по полу, подобіе широкаго тюфяка, служившаго, конечно, постелью для всей семьи Добсона; тутъ же валялась разбросанной разная битая посуда; глиняный очагъ, сквозь трещины котораго виднѣлся угасавшій пепелъ, кривился въ одномъ изъ угловъ.

Вскорѣ можно было разобраться во всемъ этомъ ужасѣ, казавшимся дурнымъ сномъ, и новыя открытія дѣлали дѣйствительность еще страшнѣе. Живыя существа обитали этотъ вертепъ; изъ-за лохмотьевъ и хлама выступали человѣческія головы. Въ одномъ изъ угловъ, на соломѣ, спалъ, лежа ничкомъ, человѣкъ, одѣтый въ разорванную рыжеватую бумажную рубаху и холщевыя панталоны, изъ-подъ которыхъ торчали его босыя ноги, напоминая своею неподвижностью мертвое тѣло какого нибудь чахоточнаго и голоднаго самоубійцы, выставленное въ моргѣ. Направо, на скамьѣ, прислоненной къ стѣнѣ, въ полиняной и латанной одеждѣ, сливавшейся съ висѣвшимъ тутъ же линючимъ тряпьемъ, сидѣла старуха, опершись локтями на колѣни и подперевъ исхудалыми кулаками свое синеватое лицо, на которомъ изъ подъ-сѣдыхъ безпорядочныхъ волосъ неподвижно смотрѣли, метавшіе злобные вагляды, глаза.

Направо отъ нея сидѣла дѣвушка лѣтъ двадцати, нѣжная и граціозная, не смотря на свой нищенской нарядъ, но съ блѣднымъ, изнуреннымъ лицомъ, портя себѣ глаза надъ починкой стараго платья. Она прерывала по временамъ свою работу и прижимала руки къ груди, какъ бы желая остановить приступъ душившаго ее кашля. Между ними, на грязномъ полу, среди разнаго рода валявшагося хлама, возилась, ползая на корточкахъ, дѣвочка съ худенькимъ личикомъ, окаймленнымъ золотистымъ сіяніемъ ея бѣлокурыхъ вьющихся и падавшихъ низко на лобъ волосъ. Вмѣсто платья она была обернута въ кусокъ грубой шерстяной матеріи, перевязанной у таліи, она качала на рукахъ подобіе куклы, сдѣланной изъ разныхъ кусочковъ, и смотрѣла на нее какимъ-то страннымъ дѣтскимъ взглядомъ, полнымъ нѣжности, но и тревоги, отъ котораго дѣлалось страшно.

Пока все представляло собою лишь молчаливую картину; но это было только приготовленіемъ къ драмѣ.

Вскорѣ каждый изъ дѣйствующихъ лицъ началъ по своему жаловаться на свою горькую судьбу.

Старикъ Добсонъ, вернувшись къ себѣ вслѣдъ за публикой, остановился среди своей семьи и бросилъ вокругъ себя измученный взглядъ страдальца. Онъ не проронилъ ни одного слова, но что могло быть трагичнѣе этого молчанія, и какое потрясающее впечатлѣніе вызвалъ онъ имъ въ зрителяхъ, оставшихся также безмолвными. Да! Таковъ именно долженъ быть взглядъ высшей степени отчаянія у бѣдняка, когда послѣ своего выхода на улицу, гдѣ, подышавъ немного свѣжимъ воздухомъ, наглядѣвшись на проходившихъ мимо счастливыхъ людей, несчастный, быть можетъ, подъ вліяніемъ простора и солнца, гонялся за какой нибудь призрачной надеждой и затѣмъ вернулся къ себѣ и съ испугомъ дикаго звѣря оглядѣлъ гниль и темноту своей берлоги! Но для старика, повидимому, оставались еще ступени, на которыя онъ могъ спуститься въ своемъ несчастьи. Неумолимый законъ борьбы за жизнь отказывалъ ему въ пассивномъ отупѣніи побѣжденнаго; ухищренія пытки должны были терзать горячими клещами его душу и вырывать изъ его груди послѣдніе стоны и рыданія.

По приходѣ Добсона дѣвочка, ползавшая на полу, вдругъ отбросила далеко отъ себя свою игрушку, которую до того держала въ своихъ объятіяхъ, и принялась плакать съ тѣмъ внезапнымъ наплывомъ скорби, какому предаются обыкновенно дѣти.

— Дѣточка моя милая, что съ тобою? проговорилъ тихо старикъ голосомъ, въ которомъ слышалось опасеніе неизбѣжнаго несчастья.

— Папа, я не вижу больше, я не могу играть! отвѣчала маленькая Добсонъ, несчастье которой дѣлалось тотчасъ же яснымъ каждому. Теперь становится понятнымъ странный взглядъ этихъ большихъ голубыхъ глазъ, блуждавшихъ въ поискахъ за послѣднимъ лучемъ свѣта.

— У старика вырвался стонъ, похожій на предсмертный хрипъ.

— Не видитъ больше—она! мое дитя!

Лицо его подернулось отъ конвульсій; онъ сжалъ кулаки и съ угрозой потрясъ ими въ сторону развалившейся печи и потолка своей лачуги, щели котораго пропускали дождь и смертельный холодъ. Но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, желая успокоить ребенка.

— Ничего миленькая, простоналъ онъ, — это пройдетъ, потерпи; только не плачь, это убиваетъ меня, нѣтъ, нѣтъ, не плачь! Смотри, я принесъ тебѣ поѣсть, попробуй вкусно, только не плачь, а кушай, кушай...

До сей минуты остальные члены семьи оставались совершенно равнодушными ко всему, что происходило вокругъ. Но при первомъ словѣ „кушай“ человѣкъ, лежавшій на соломѣ, приподнялся съ мѣста, обнаруживъ при этомъ всю свою ужасающую худобу, и взглянулъ на Добсона вопрошающимъ мутнымъ взглядомъ сумасшедшаго отъ голода. Старикъ вынулъ изъ своей холщевой сумы, висѣвшей у него на боку, кусокъ какого-то стараго печенья, найденнаго имъ на улицѣ, и протянулъ его дѣвочкѣ. Въ одинъ прыжокъ сумасшедшій очутился подлѣ ребенка и бросился вырывать его у него чуть не изо рта. Но онъ не могъ стоять на ногахъ, этотъ жалкій полумертвецъ!

— Прочь, обжора! крикнулъ Добсонъ, схвативъ идіота за воротъ и отшвырнувъ его въ сторону.

Тогда старуха-мать внезапно вышла изъ своего оцѣпенѣнія, закипѣвъ вдругъ гнѣвомъ женщины, ждавшей лишь предлога, чтобы разразиться; ея низкій лобъ и тупое мрачное выраженіе указывали на преемственность отъ нея идіотства ея сына, тогда какъ въ дочеряхъ замѣтны были унаслѣдованные отъ отца проблески ума и благородства.

— Каналья, ты смѣешь бить моего сына! загорланила мегера, кидаясь на Добсона съ кулаками.

— Прочь руки! проревѣлъ старикъ, также под-

нимая кулаки.—Чего онъ лѣзетъ отнимать хлѣбъ у ребенка.

— Онъ голоденъ не меньше другихъ, прошипѣла отвратительная самка.

— Велика бѣда! Тунеядецъ; пусть работаетъ, а не то — околѣваетъ!

Послѣ этого началась одна изъ тѣхъ сварливыхъ перебранокъ бѣдняковъ и возмутительныхъ ссоръ, въ которыхъ они съ пѣной у рта упрекаютъ другъ друга въ несчастьи, когда стучатъ зубы и искривленные злостью рты изрыгаютъ самые страшные и несправедливые попреки и каждый готовъ при этомъ вцѣпиться въ другого и одновременно изорвать на части его тѣло и душу. Она въ особенности, эта Добсонъ, только что передъ тѣмъ сонная и тупая, безумствовала теперь, дикая, разъяренная, не помня себя и швыряя въ лицо своего сожителя всякаго рода ругательства. Онъ же, въ свою очередь, съ силою, которую придали ему гнѣвъ и отвращеніе, кричалъ и рычалъ ей въ отвѣтъ:

— Отчего не остался онъ, сынъ нищаго и падшей женщины, одинокимъ? Жилъ бы себѣ одинъ въ своей дырѣ, если не хотѣлъ и не могъ работать. Откуда нашлась у него смѣлость взять себѣ жену, народить дѣтей для того, чтобы и ихъ обречь на существованіе въ грязи и нищетѣ и сдѣлать посмѣшищами и отбросками человѣчества! Но нужно было подвернуться ей, этой пьяницѣ, которую онъ поднялъ однажды ночью въ канавѣ! Нужно ей было пристать къ нему, какъ проказа! А теперь! Сидѣла бы спокойно, и нечего ей попрекать его, нечего кричать, что она и дѣти голодны, когда онъ одинъ работаетъ и проситъ милостыню, одинъ за всѣхъ.

Таковы были, изъ числа тысячи другихъ, оскорбленія, которыя, съ голодной злобой грызущихся между собою собакъ, бросали другъ другу эти паріи.

— Еслибы еще этотъ негодяй съумѣлъ бы научить васъ какому нибудь ремеслу, несчастныя дѣти! продолжала расходившаяся женщина.—Но нѣтъ, сидите голыя у себя въ тюрьмѣ, умирайте съ голоду и холоду—вы ничего не умѣете дѣлать, вы не люди, какъ всѣ!

— Ремеслу! кричалъ старикъ. — Да вѣдь для этого нужно здоровье, сила, а кого произвела на свѣтъ эта жалкая тварь! сына идіота, чахоточную дочь и другую — почти слѣпую. Хорошую поддержку имѣетъ онъ въ своихъ дѣтяхъ на старости лѣтъ!

Опьяненные гнѣвомъ, они продолжали въ томъ же духѣ, дрожа отъ злости и накидываясь другъ на друга. И никому изъ публики не было смѣшно; напротивъ того, всѣ присутствующіе были объяты ужасомъ.

Добсонъ сталъ смолкать.

Отвлеченіемъ послужили слезы старшей дочери, принявшейся горько плакать послѣ того, какъ отецъ назвалъ ее „чахоточной".

— Господи, ужъ скорѣе бы, я не могу больше, не могу! жаловалась несчастная среди новаго приступа кашля, душившаго ее и вызвавшаго на ея щеки багровыя пятна.

Принялась громко кричать и дѣвочка съ куклой.

— Слѣпая! Я буду слѣпая! Папа, зачѣмъ ты говоришь это, зачѣмъ?

Эта жалоба ребенка была грустнѣе всего остального. Озадаченные старики смолкли. Мать обняла старшую дочь, стараясь ее успокоить. Добсонъ сталъ ходить взадъ и впередъ, мучась раскаяніемъ и безсвязно бормоча:

— Простите, дѣти, не слушайте, что мы говоримъ! эта безъисходная нищета заставляетъ насъ городить всякій вздоръ; все это пустыя слова, такъ себѣ, шутка. Люди и судьба безжалостны и глухи — вотъ и начнешь придираться другъ къ другу; перебранишься — будто легче станетъ. Никакой ни у кого нѣтъ чахотки, никто тутъ не слѣпъ, пошлемъ за докторомъ—онъ поможетъ, и настанетъ день, когда и мы будемъ счастливы!

— Простите, дѣти, простите! Я — старый, выжившій изъ ума, дуракъ, вотъ и все!

Брань и жалобы смолкли. Разстроганная мать Добсонъ утирала глаза; дѣвушка принялась за свою неблагодарную работу; курчавая дѣвочка стала улыбаться.

— Все Богъ дастъ пойдетъ хорошо, заговорилъ Добсонъ, обращаясь къ зрителямъ. — Почтенная публика видитъ сама, что ее не обманываютъ, и поможетъ намъ. Да, вы, господа, счастливые и богатые, вы видите нашу ежедневную жизнь; сжальтесь надъ нами и дайте намъ на хлѣбъ, чтобы хоть сегодня мы могли поѣсть и заснуть спокойно, забыть до завтра наши мученія. Дайте моей маленькой дѣвочкѣ что можете; для нея больше всего молю я васъ о помощи. Иди, моя крошка, тебя, навѣрно, всякій пожалѣетъ. Иди, проси...

Старикъ зашатался и поникъ головой, удрученный отчаяніемъ.

Дѣвочка ощупью сошла съ мѣста и приблизилась къ публикѣ. Она протягивала руку и смотрѣла на каждаго кроткимъ взглядомъ своихъ голубыхъ глазъ, похожихъ на угасающія звѣздочки.

Женщины въ публикѣ гладили ея золотистую головку, нѣкоторые изъ мужчинъ клали ей въ руку крупныя серебряныя монеты; я самъ не могъ воздержаться, чтобы не дать ей доллара, и бросился къ выходу, вонъ изъ этого ада съ истерзанной и измученной душою.

Что за ужасъ, что за проклятіе подобная нищета, думалъ я. О, лучше умереть, тысячу разъ умереть, чѣмъ дойти до такого состоянія мнѣ и моей женѣ!

Окончаніе слѣдуетъ

Бесѣды о музыкѣ

Въ послѣднемъ обозрѣніи зимняго музыкальнаго сезона въ Петербургѣ мы обратили вниманіе читателя на явно развивающееся стремленіе къ музыкальному образованію, на обиліе спеціальныхъ школъ, на массу разнообразныхъ музыкальнымъ удовольствій, изъ которыхъ петербуржецъ можетъ свободно выбирать подходящее для себя—отъ концерта балалаечниковъ до ораторіи Грауна включительно, и упомянули, что въ музыкальныхъ увлеченіяхъ видимъ лишь хорошую сторону. Думаемъ, всякій согласится съ нами, что музыкальное образованіе, гдѣ бы оно ни давалось—въ консерваторіи и спеціальныхъ школахъ или въ концертахъ и театрахъ—что оно благотворно дѣйствуетъ на уровень и направленіе развитія общества, отвлекая главнымъ образомъ возрастающее поколѣніе отъ пустаго или грубаго времяпровожденія, отъ низменныхъ и чисто матеріальныхъ стремленій. Въ предисловіи къ чудной симфонической поэмѣ „Орфей" великій Листъ въ нѣсколькихъ строкахъ выразилъ свой взглядъ на значеніе музыки, и мы позволимъ себѣ привести эти строки, такъ кстати напечатанныя въ пояснительной программѣ къ четвертому симфоническому концерту с.-петербургской музыкальной школы: „человѣчество таитъ въ себѣ неистощимый родникъ злыхъ порывовъ и темныхъ стремленій къ дикой враждѣ, насилію, ненависти и чувственности; и въ укрощеніи, въ облагораживаніи этихъ порывовъ заключается великая задача искусства; оно проливаетъ въ душу человѣчества дивный потокъ своихъ мелодическихъ волнъ, своихъ могучихъ созвучій, соединяя разрозненное, примиряя враждующее кроткою, но непреодолимо-властною силою своею и ясной зарей сіяя надъ погрязшимъ въ крови и злобѣ человѣчествѣ". Какъ далека эта мысль отъ мнѣнія, выраженнаго нашимъ моралистомъ-художникомъ Львомъ Толстымъ въ его „Крейцеровой сонатѣ", гдѣ музыка развиваетъ чувственность, разжигаетъ страсти! Намъ кажется, что соната Бетховена, посвященная Крейцеру, не причемъ въ мрачной позднышевской исторіи; она является единственной свѣтлой точкой на тускломъ фонѣ семейной жизни этихъ скучныхъ супруговъ. Есть люди, вродѣ Позднышева, на которыхъ рѣшительно все дѣйствуетъ въ одномъ направленіи, хотя бы ихъ помѣстить въ условія истязующихся аскетовъ, и, конечно, виною тому не музыка, а ихъ собственная организація. Если мы сравнимъ то отдаленное время цивилизиціи, когда искусства находились въ зачаточномъ состояніи, или позже, когда они были достояніемъ лишь ничтожнаго кружка избранныхъ, — если сравнимъ тѣ времена съ нашимъ, когда искусства доминируютъ надъ другими проявленіями человѣческаго духа и отнимаютъ значительную часть нашей жизни, то мы должны будемъ сознаться, что чувственность, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ находится въ обратной пропорціи съ эволюціей искусствъ. Поэтому мы рѣшительно не видимъ опасности отъ легіона піанистовъ, скрипачей, пѣвцовъ, дирижеровъ, и насъ не пугаютъ колоссальные размѣры новой консерваторіи, воздвигаемой противъ Маріинскаго театра, которая грозитъ затопить Петербургъ музыкальной волной невиданной величины. Отъ этого близкаго будущаго перейдемъ къ близкому прошедшему и къ настоящему и припомнимъ читателю главнѣйшія событія текущаго сезона: интересныя новыя произведенія Римскаго-Корсакова и Хумпердинка, „Четыре времени года" Гайдна съ г-жею Зембрихъ, концерты Гофмана, Тимановой, Познанской-Рабцевичъ, русскія симфоническія собранія, симфоническіе концерты с.-петербургской музыкальной школы подъ управленіемъ Фридриха Реша, „Гибель Фауста" Берліоза въ Маріинскомъ театрѣ, „Геновева" Шумана, въ Обществѣ музыкальныхъ собраній, оперы русскія и итальянскія, квартетныя собранія, ораторія Грауна, концерты филармоническаго общества, хоръ Архангельскаго, духовные концерты — это только главнѣйшее — кромѣ Макса Эрдмансдерфера, о которомъ мы писали подробно, и множества концертовъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ. Размѣры нашей статьи не позволяютъ подробно останавливаться на всѣхъ названныхъ вечерахъ и произведеніяхъ, и мы не будемъ утомлять читателей указаніями, какая часть симфоніи была „проведена" слишкомъ быстро, какая слишкомъ медленно, когда пѣвецъ детонировалъ, когда пѣвица была въ ударѣ, какая тема прелестна и какая слаба и т. п. и постараемся дать общія характеристики нѣкоторыхъ вечеровъ и произведеній. Свѣдѣнія объ интересныхъ, но до сихъ поръ мало извѣстныхъ нашему обществу русскихъ симфоническихъ концертахъ, устроенныхъ по иниціативѣ М. П. Бѣляева въ залѣ Дворянскаго собранія, составятъ содержаніе особой замѣтки, также какъ и дѣятельность Фридриха Реша.

Ораторіи Гайдна и Грауна не представляютъ особаго интереса и остается лишь сожалѣть о томъ, что намъ вовсе не знакома большая часть сочиненій этого рода, принадлежащихъ геніальному Генделю; мы разъ въ десять лѣтъ слышимъ „Страсти Господни" Себастіана Баха, „Христа" Листа, „Дѣтство Христа" Берліоза и друг. Въ „Четырехъ временахъ года" художественное наслажденіе доставила г-жа Зембрихъ, не въ первый разъ доказывающая, что всѣ роды музыки для нея равно доступны и что вездѣ она съумѣетъ справиться со своей задачей какъ никто.

Геніальный юноша, піанистъ Гофманъ, не настолько вскружилъ голову публикѣ, чтобы она осталась равнодушна къ нашимъ талантливымъ піанисткамъ В. А. Тимановой и С. К. Познанской-Рабцевичъ, и концерты послѣднихъ были успѣшными въ полномъ смыслѣ этого слова. В. А. Тиманова давно извѣстна какъ блестящая піанистка съ рѣдкой техникой, какъ исполнительница съ полнымъ самообладаніемъ, отчасти разсудочная, безъ истинной поэзіи въ пѣвучихъ, лирическихъ страницахъ; ея концертъ выдѣлялся особенно интересной программой; такія пьесы, какъ G-moll'ная соната Шумана, какъ вовсе неизвѣстныя нашей публикѣ сочиненія и переложенія Листа встрѣтишь не часто, и подобное желаніе не только блеснуть въ общеизвѣстныхъ пьесахъ шаблоннаго репертуара, но заинтересовать музыкально-образованныхъ слушателей—свидѣтельствуетъ объ истинно художественной натурѣ даровитой ученицы Листа.

Съ искренней радостью можно констатировать фактъ частаго въ этомъ сезонѣ появленія на концертныхъ эстрадахъ одной изъ любимѣйшихъ учениць Антона Рубинштейна — С. К. Познанской-Рабцевичъ. Эта талантливая артистка, обратившая на себя всеобщее вниманіе въ Россіи и за границей тотчасъ послѣ окончанія курса въ с.-петербургской консерваторіи, за послѣдніе годы, казалось, равнодушно относилась къ своей артистической карьерѣ; сезонъ же 1895—96 г. доказалъ намъ ясное намѣреніе молодой піанистки продолжать публичную дѣятельность, и мы увѣрены, что при молодости С. К., при ея художественномъ чутьѣ, при необыкновенной легкости, съ какою ей все дается, при ея природныхъ музыкальныхъ качествахъ—силѣ, мягкомъ, полномъ и сочномъ тушѣ, при громадной памяти, при нервности натуры, при томъ свойствѣ, которое обыкновенно называютъ надоѣвшимъ, но мѣткимъ словомъ „feu sacré" — при этихъ данныхъ С. К. Познанской-Рабцевичъ предстоитъ занять мѣсто не „одной изъ нашихъ талантливыхъ піанистокъ", но вполнѣ авторитетной, законченной, первоклассной, европейски-извѣстной артистки.

Въ Маріинскомъ театрѣ почти ежегодно исполняется „La damnation de Faust" Берліоза—драматическая легенда для оркестра, хора и 4-хъ солистовъ или, выражаясь короче, согласно мнѣнію Г. А. Лароша—*ораторія*, посвященная авторомъ Францу Листу. Пропагандированіе безконечно-оригинальныхъ сочиненій французскаго геніальнаго новатора есть, конечно, крупная заслуга со стороны Э. Ф. Направника, но не слѣдуетъ останавливаться на „Фаустѣ" по нѣскольку лѣтъ; хотя труды, съ которыми неизбѣжно сопряжено разучиваніе такихъ сложныхъ произведеній, очень значительны, чѣмъ и оправдывается пристрастіе исключительно къ одному произведенію Берліоза, но средства русской оперы болѣе чѣмъ достаточны для ознакомленія петербургской публики и съ Реквіемомъ (Grande messe des morts), Te Deum, L'enfance du Christe, Ромео и Юліей, Леліо, Троянцами и др. сочиненіями того же композитора. Нельзя сказать, чтобы сочиненія

Анатолій Богдановъ

профессоръ, зоологъ, † 16-го марта с. г.

Съ фотографіи К. А. Фишера. Гравировалъ Б. А. Пуцъ.

А. А. СВѢЧИНЪ,

генералъ-лейтенантъ, † 8-го марта с. г.

Съ фотографіи Левицкаго и сына. Гравировалъ Б. А. Пуцъ.

Казачій сторожевой постъ въ Дагестанѣ.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« С. В. Животовскій.

Нашъ военный бытъ. — Кавказская армія.

ОТТО РОКЕТТЪ,

нѣмецкій писатель, † 6 (18)-го марта с. г.

Съ фотографіи К. Бакофена.

РЕНЕ ДЕКАРТЪ,

ученый, мыслитель, математикъ.

По поводу трехсотой годовщины рожденія.

Взводъ конно-дагестанскаго иррегулярнаго казачьяго полка со знаменемъ.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« С. В. Животовскій.

Нашъ военный бытъ. — Кавказская армія.

эти были намъ вовсе незнакомы; мы слышали очень многое и въ концертахъ Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, и въ концертахъ безплатной музыкальной школы. Но „Фаустъ“ уже дѣлается популярнымъ, строфы Мефистофеля поются студентами, а многія изъ названныхъ твореній еще оставляютъ слушателей холодными, сдержанными, недоумѣвающими; конечно, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если вспомнимъ, что *Мендельсонъ* не любилъ и не понималъ музыки Берліоза и говорилъ, что „его оркестровка представляетъ такую путаницу и галиматью, что послѣ просмотра его партитуръ нужно мыть руки“. Если мнѣнія подобнаго рода исходили отъ многихъ музыкальныхъ авторитетовъ Европы, можно вообразить, что говорилось и писалось разными пигмеями, сколько злобы, глупости и пошлаго остроумія было потрачено на униженіе благородной, страстной, до конца жизни юношески увлекавшейся, личности композитора. Но времена эти давно прошли; имя Гектора Берліоза, имѣющее теперь заманчивую прелесть чего-то необыкновеннаго, страннаго и неизвѣстнаго, всегда привлекаетъ толпу, и великій музыкантъ вѣроятно получилъ бы полное нравственное удовлетвореніе, еслибы возсталъ изъ могилы и увидѣлъ, съ какимъ вниманіемъ и наслажденіемъ слушаютъ на сѣверѣ, въ Петербургѣ, его творенія, какой успѣхъ ихъ сопровождаетъ. Публика цѣнитъ теперь не только венгерскій маршъ, пѣсню о крысѣ, серенаду Мефистофеля; остроумная фуга хора на тему пѣсни Брандера (Amen на мелодію словъ „Certain rat dans une cuisine“) произвела сильное впечатлѣніе, какъ и многіе другіе серьезные нумера. Думая, что изъ нашихъ музыкальныхъ замѣтокъ читатель долженъ извлекать и практическую пользу, хотя бы самую незначительную, мы обратимъ его вниманіе на единственное недорогое изданіе Фауста—это „Осужденіе Фауста“, клавирауслугъ изд. П. Юргенсона, цѣною 5 р., съ русскимъ переводомъ текста. По этому переложенію или по другому, французскому (гораздо болѣе дорогому) интересующійся музыкантъ-любитель можетъ ознакомиться съ ораторіей. Обратимъ вниманіе на художественно переданное настроеніе грубыхъ, пошлыхъ, веселящихся людей въ погребѣ Ауэрбаха, на жестокость и цинизмъ пѣсни о крысѣ, на упомянутую нами фугу, на пѣсню Мефистофеля о блохѣ. Речитативъ Фауста „Assez, fuijons ces lieux où la parole est vile, la joie ignoble et le geste brutal“ служитъ переходомъ къ поэтичнѣйшей, волшебной музыкѣ: арія Мефистофеля „Voici des roses“, хоръ гномовъ и сильфовъ во время сна Фауста „Dors heureux Faust“, на ту же тему написанный инструментальный балетъ сильфовъ—очаровательны. Послѣдній нумеръ рекомендуемъ играть въ переложеніи Листа (очень не трудномъ, Leipzig, у Rieter-Biedermann'a). Затѣмъ слѣдуютъ народныя сцены, аріи Фауста и Маргариты, фантастическій менуэтъ блуждающихъ огней, серенада Мефистофеля „Devant la maison“. Хотя послѣдняя прелестна и въ оперѣ Гуно, но у Берліоза ясно выражена въ музыкѣ иронія, циничная насмѣшка Мефистофеля, тогда какъ серенаду Гуно (до мажорной фразы) могъ бы пѣть съ успѣхомъ самый нѣжный, страстный влюбленный. Отсылаемъ интересующихся къ фортепіанному переложенію, где серьезные любители найдутъ для себя много музыкальной пищи и откуда басы, баритоны, тенора и меццо-сопрано могутъ извлечь многое для успѣшнаго исполненія въ концертахъ и въ обществѣ.

В.

Рене Декартъ

Въ нынѣшнемъ году, 19-го марта, Франція торжественно справляла трехсотлѣтіе со дня рожденія одного изъ славнѣйшихъ своихъ сыновъ, основателя философской школы, носящей имя своего основателя, Декарта. Рене Декартъ по справедливости считается обновителемъ человѣческихъ знаній своего времени. Вникнувъ въ тотъ арсеналъ свѣдѣній который современное ему поколѣніе ученыхъ унаслѣдовало отъ классическихъ временъ, Декартъ убѣдился, какъ шатки всѣ эти свѣдѣнія и рѣшилъ поставить всю науку на новомъ устоѣ, обосновавъ ее на одной только очевидности. Основнымъ критеріемъ истины Декартъ объявилъ очевидность. Въ громадномъ трудѣ пересмотра всѣхъ свѣдѣній онъ выступилъ какъ философъ, физикъ, математикъ, астрономъ. Онъ вывелъ несомнѣнность существованія своего собственнаго я изъ своей способности мышленія. Его изреченіе: „я мыслю, слѣдовательно существую“ (cogito, ergo sum) стало классическимъ. Всѣ субтильныя гипотезы древности и всѣ діалектическія ухищренія средневѣковой школьной философіи были имъ отброшены; онъ рѣшилъ сомнѣваться во всемъ, кромѣ очевидности. Основныя правила декартовскаго метода можно резюмировать по второй части его знаменитой „Discours sur la methode“ въ слѣдующимъ положеніяхъ: 1) никогда не принимать ничего за истину, если только это не очевидно; 2) каждое возникшее при изслѣдованіи затрудненіе дробить на такія отдѣльныя части, чтобы разрѣшеніе этихъ отдѣльныхъ частей вопроса, приведеніе ихъ къ очевидности, было по возможности облегчено; 3) вести разсужденіе въ строгомъ порядкѣ, начиная съ простѣйшихъ и наиболѣе постижимыхъ разумомъ частей предмета и постепенно переходя отъ нихъ къ болѣе сложнымъ; 4) эти дробленія и обзоры отдѣльныхъ частей предмета изслѣдованія дѣлать съ такою полнотою, чтобы, по возможности, не оставалось никакихъ пробѣловъ и опущеній.

Начавъ съ алгебры и приложивъ къ ней свой методъ съ полнымъ успѣхомъ, Декартъ перешелъ къ метафизикѣ. Здѣсь имъ установлена новая аргументація бытія Божьяго, безсмертія души, провидѣнія; онъ изслѣдовалъ духъ человѣка и животныхъ, сопоставилъ оба эти понятія и пришелъ къ заключенію о томъ, что душа, въ собственномъ смыслѣ слова, свойственна только человѣческому существу, животное же не болѣе какъ живая машина. Алгебра была передѣлана Декартомъ сверху до низу и именно съ него надо начинать современную исторію этой отрасли математики. Онъ упростилъ алгебрическіе знаки, ввелъ показатели, открылъ приложенія алгебры къ геометріи; строгое примѣненіе метода дало ему возможность сладить съ такими математическими задачами, которыя въ то время считались неразрѣшимыми. Не маловажны также заслуги Декарта и въ области физики. Имъ открыты законы преломленія свѣта, указаны вслѣдъ затѣмъ причины образованія радуги; правда, въ объясненіи нѣкоторыхъ другихъ явленій онъ пустился въ гипотезы, которыя какъ бы даже противорѣчили его собственному методу, но надо принять въ расчетъ необычайную скудость положительныхъ знаній, которыми человѣчество располагало въ то время. Въ астрономіи онъ является творцомъ въ свое время знаменитой, давно уже оставленной, теоріи вихрей; по этой теоріи солнце и звѣзды разсматривались какъ центры, вокругъ которыхъ непрерывно вращаются вихри особаго тонкаго вещества.

Декартъ родился въ Ля-Гэ, въ Туреннѣ, происходилъ изъ дворянской семьи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ іезуитской школѣ во Флешѣ, гдѣ съ дѣтства обратилъ на себя вниманіе необычайною остротою ума и ненасытною жаждою знанія; особенное рвеніе обнаруживалъ онъ въ изученіи астрономіи и математики. Первые годы его молодости онъ провелъ довольно бурно. Онъ увлекался военною службою, служилъ въ войскахъ въ Голландіи и Баваріи Около 1619 года онъ покинулъ военную службу и предался новой страсти—къ путешествіямъ. Онъ объѣздилъ всю Европу и наконецъ вернулся къ себѣ на родину. Здѣсь прежняя страсть къ знаніямъ овладѣла имъ всецѣло. Онъ рѣшилъ продать часть своего имущества, чтобы жить на покоѣ и вполнѣ отдаться кабинетному ученому труду. Устроившись съ имуществомъ, онъ въ 1629 году переселился въ Голландію, гдѣ жилъ около двадцати лѣтъ въ разныхъ городахъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ того, какъ его мѣстопребываніе становилось извѣстнымъ. Ему хотѣлось полнаго покоя, а между тѣмъ его философскія воззрѣнія, уже ставшія извѣстными, надѣлали ему немало враговъ, которые, конечно, всячески его преслѣдовали; можно думать, что эти же козни недруговъ заставили его удалиться изъ Франціи и искать спокойнаго убѣжища въ Голландіи. Каждый новый трудъ по метафизикѣ, математикѣ, астрономіи, который онъ выпускалъ въ это время, встрѣчался съ энтузіазмомъ многочисленными друзьями и поклонниками и ожесточенными нападками столь же многочисленныхъ враговъ. Въ 1643 году объявлено было папское запрещеніе печатать, продавать и читать что либо изъ твореній французскаго философа. Голландскіе богословы во главѣ съ утрехтскимъ профессоромъ Хисбертомъ Футомъ нападали на Декарта непрерывно и буквально не давали ему покоя; они обвиняли его въ безбожіи и добились того, что его сочиненія были запрещены въ нѣкоторыхъ голландскихъ университетахъ, а ему самому было запрещено заниматься преподаваніемъ. Декарту пришлось прибѣгнуть къ защитѣ французскаго посланника. Въ это время во Франціи ему уже начали отдавать должное; къ числу его поклонниковъ примкнулъ и тогдашній король, Людовикъ XIII; онъ не разъ приглашалъ Декарта вернуться на родину, но тотъ все отказывался, боясь враждебнаго настроенія французскаго духовенства. Между тѣмъ слава его росла и давно уже вышла за предѣлы Франціи и Голландіи. Въ числѣ его почитательницъ оказалась шведская королева Христина. Она пригласила его въ Стокгольмъ (въ 1649 г.), изъявляя желаніе брать у него уроки философіи. Декартъ, такъ крѣпко всегда державшійся за свою независимость, былъ чрезвычайно польщенъ этимъ приглашеніемъ и принялъ его. Королева вставала очень рано, и Декартъ ежедневно въ пять часовъ утра долженъ былъ появляться на урокъ. Рѣзкая перемѣна въ образѣ жизни, особенно же въ климатѣ, быстро пошатнула здоровье философа, онъ расхворался и умеръ въ самомъ концѣ января 1650 года.

Главнѣйшія литературныя произведенія Декарта носятъ заглавія: „Principes de la philosophie“ (основы философіи), „Méditations métaphisiques“ (метафизическія размышленія), „Discours sur la méthode“ (рѣчь о методѣ); послѣдній трудъ можно считать краеугольнымъ камнемъ при изученіи декартовской (картезіанской) философіи.

Отто Рокеттъ †

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ (6-го марта) умеръ въ Дармштадтѣ Отто Рокеттъ—писатель, занимавшій если не одно изъ первыхъ, то во всякомъ случаѣ почетное мѣсто въ нѣмецкой литературѣ какъ поэтъ, беллетристъ и изслѣдователь отечественной поэзіи.

Двадцати семи лѣтъ отъ роду (Рокеттъ род. въ 1824 г. въ Кроточинѣ, городѣ Познанской области) онъ выступилъ на литературное поприщѣ романтически-сказочною поэмою или, вѣрнѣе, сказкой въ романтическомъ духѣ „Waldmeisters Brautfahrt“, которая сразу доставила ему „имя“ и сдѣлалась одною изъ популярнѣйшихъ книгъ во всѣхъ слояхъ нѣмецкаго общества—доказательствомъ чему служитъ то, что въ 1851 г. до настоящаго времени она выдержала болѣе пятидесяти изданій. Главною причиной успѣха были непосредственная, чисто народная, свѣжесть настроенія автора и внѣшней формы, здоровый юморъ, богатство фантазіи; но уже тутъ сказалось, что въ лицѣ Рокетта нѣмецкая литература пріобрѣла поэта по преимуществу лирическаго, предъ которымъ эпическій отходилъ на задній планъ; сказалось это тѣми пѣснями, которыя были разсѣяны по всему произведенію и въ которыхъ явился на значительно высокой ступени совершенства ученикъ и послѣдователь Гете—великаго, какъ извѣстно, образца въ этой области поэзіи. Появленіе въ 1853 г. сборника чисто лирическихъ стихотвореній Рокетта вполнѣ подтвердило это мнѣніе и закрѣпило за авторомъ репутацію одного изъ лучшихъ—по чистотѣ, свѣжести и граціозности—нѣмецкихъ лириковъ. Но Рокеттъ не переставалъ трудиться и на эпическомъ поприщѣ какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, и тутъ между многочисленными его произведеніями достойны упоминанія—при многихъ ихъ недостаткахъ какъ произведеній повѣствовательнаго характера—поэмы „Der Tag von St. Jakob“, „Herr Heinrich“, романъ въ прозѣ „Heinrich Falk“ (признаваемый за одинъ изъ замѣчательныхъ психологическихъ романовъ), „Im Haus der Fäter“, разсказы „Susanne“, „Orion“ и много друг. Всѣмъ этимъ сочиненіямъ въ значительной мѣрѣ уступаютъ драматическіе труды Рокетта, которые составляли предметъ его дѣятельности и между которыми лучшіе „Die Protestanten in Salzburg“ и „Sebastian“.

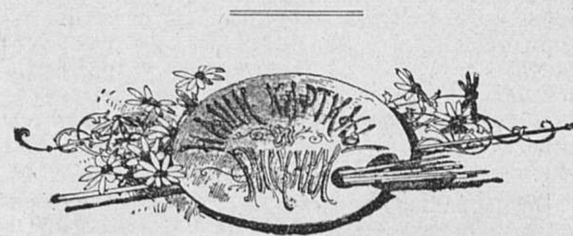
Выше упомянуто о Рокеттѣ, какъ изслѣдователѣ отечественной литературы. Въ этой области онъ извѣстенъ особенно, какъ авторъ „Исторіи нѣмецкой поэзіи“ (1862)—книгѣ, представляющей мало новаго и важнаго для ученаго специалиста, но въ высшей степени полезной для публики по изящной и отнюдь не поверхностной популярности изложенія, прекрасному освѣщенію фактовъ, талантливымъ и самостоятельнымъ характеристикамъ писателей и произведеній, наконецъ той полнотою, которая, при отсутствіи всякаго балласта, столь милаго филистерски-педантическимъ умамъ, не упускаетъ изъ виду ни одного изъ существенно-важнаго и характеристическаго явленія. Изъ отдѣльныхъ монографій Рокетта по исторіи нѣмецкой литературы слѣдуетъ указать на очеркъ жизни и дѣятельности несчастнаго и даровитаго поэта XVIII ст. Христіана Гюнтера. Труды нашего писателя на историко-литературномъ поприщѣ не ограничивались собственно литературною производительностью: разработкою въ этой области онъ занимался и на преподавательской каѳедрѣ. Начавши съ учительства въ гимназіи, Рокеттъ постепенно перешелъ къ профессурѣ, которую занималъ въ Дармштадтѣ съ 1869 г. до дня своей смерти.

П. В.

А. П. Богдановъ †

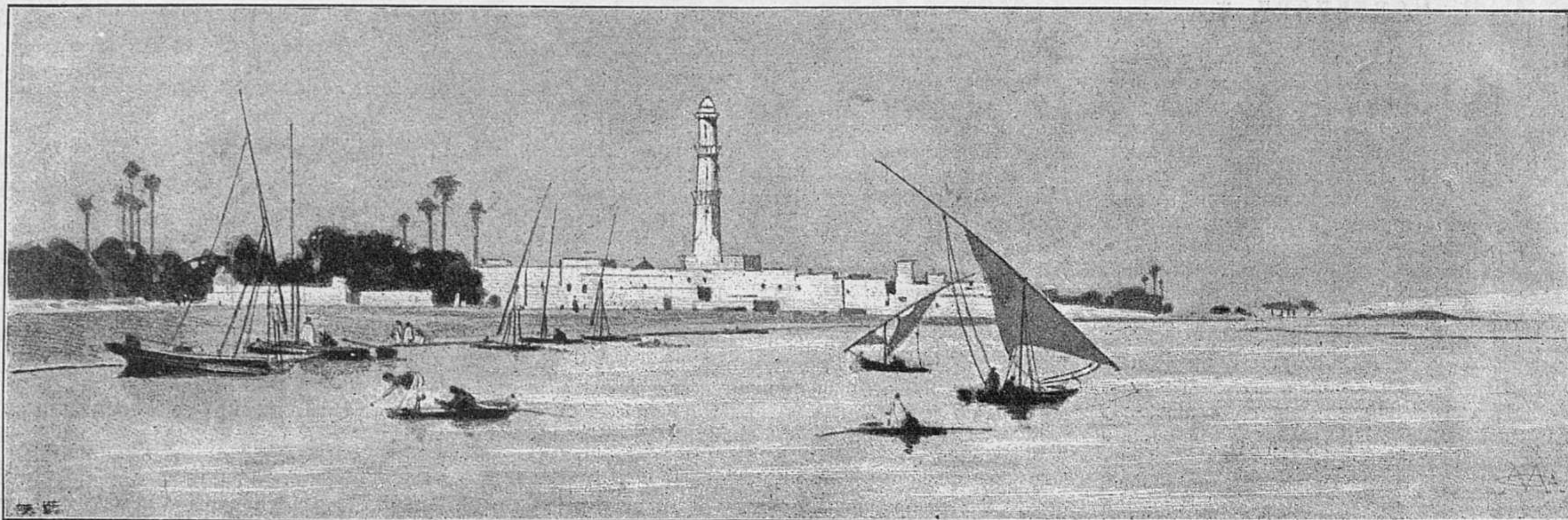
Огромную, невознаградимую утрату понесла русская наука. 16-го марта въ Москвѣ скончался заслуженный профессоръ московскаго университета, извѣстный зоологъ и антропологъ Анатолій Петровичъ Богдановъ, съ именемъ котораго, по замѣчанію профессора Зографа, „неразрывно связано почти полвѣка жизни и развитія русскаго естествознанія“. Это былъ учитель цѣлой плеяды ученыхъ, блестящій педагогъ, безпримѣрный организаторъ, истинный сынъ своего народа, добрый хорошій русскій человѣкъ, оставившій по себѣ прочную память въ цѣломъ рядѣ учрежденій, возникшихъ благодаря его энергичному почину или обязанныхъ своимъ значительнымъ развитіемъ его трудамъ и заботамъ. „Это былъ общественный дѣятель, говоритъ профессоръ Д. Н. Анучинъ — обладавшій въ высокой степени искусствомъ соединять разрозненныя силы и направлять ихъ къ общей дѣятельности на пользу научныхъ, научно-прикладныхъ и образовательныхъ цѣлей“. Упоминать объ антропологическихъ и исторіографическихъ трудахъ А. П. Богданова, „значитъ написать цѣлый учебникъ антропологіи населенія Россіи, писать объ исторіографіи русской зоологіи, это значитъ писать цѣлый трактатъ о движеніи науки въ Европѣ за періодъ съ тридцатыхъ по девятидесятые года нынѣшняго столѣтія“ — замѣчаетъ профессоръ Зографъ. „Анатолію Петровичу было еще немного лѣтъ — ему еще минуло 62, но онъ въ жизни своей сдѣлалъ столь много, что, какъ выражается про него знаменитый Вирховъ, Богдановъ жилъ почти два столѣтія, — такъ плодотворно и такъ поразительно богата была его дѣятельность „Во всѣхъ начинаніяхъ своихъ А. П. Богдановъ — по замѣчанію г. А. Тихомирова — всегда оставался вѣренъ одному здоровому принципу: глубоко вѣруя въ силы русскаго человѣка, онъ былъ убѣжденъ, что ему удастся всякое ученое и общественное дѣло, если удастся въ призванныхъ къ его исполненію дѣятелей вдохнуть сознаніе своихъ силъ и способностей. Глубоко уважая западно-европейскихъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей, будучи съ большинствомъ западно-европейскихъ собратій по наукѣ въ дружескихъ отношеніяхъ, онъ никогда не переставалъ твердить своимъ ученикамъ, что все чужое должно быть изучаемо лишь для того, чтобы развить свое, равное этому чужому, а если можно—то и высшее“. Энергическая организаторская дѣятельность А. П. Богданова сдѣлала его имя извѣстнымъ не только въ Россіи, но и за границей. Онъ былъ почетнымъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ, членомъ-корреспондентомъ Императорской академіи наукъ, почетнымъ членомъ с.-петербургскаго университета и т. д., онъ былъ также избираемъ въ вице-президенты и почетные президенты на нѣсколькихъ иностранныхъ международныхъ конгрессахъ. Особенно тѣсно была связана его дѣятельность съ московскимъ университетомъ, зоологическимъ музеемъ, обществомъ любителей естествознанія и его зоологическимъ и антропологическимъ отдѣлами, политехническимъ музеемъ и обществомъ акклиматизаціи. Его иниціативой, трудами и стараніями были осуществлены многія крупныя предпріятія этихъ обществъ и цѣлый рядъ ученыхъ изданій, созданы вновь или преобразованы многіе научные музеи, учрежденъ рядъ премій для поощренія молодыхъ ученыхъ, подготовленъ рядъ спеціалистовъ по зоологіи, осуществлены многія научныя экспедиціи, положены первыя прочныя основанія для развитія антропологіи и нѣкоторыхъ отраслей прикладной зоологіи въ Россіи, наконецъ, возбужденъ вопросъ объ ассоціаціи русскихъ натуралистовъ для содѣйствія развитію русскаго естествознанія. Все это такія заслуги, которыя долго не забудутся и которыя навсегда будутъ занимать видное мѣсто какъ въ исторіи московскаго университета и состоящихъ при немъ учрежденій и обществъ, такъ и вообще въ лѣтописяхъ русской общественной и научно-образовательной дѣятельности.

Анатолій Петровичъ Богдановъ родился 1-го октября 1834 г. въ нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, воронежской губерніи. Взятый на воспитаніе Е. Ѳ. Татариновой, а по смерти ея, въ 1839 г., матерью ея, княгинею Г. Н. Кейкуатовой, онъ получилъ хорошее, по тому времени, домашнее воспитаніе и затѣмъ окончилъ курсъ въ воронежской гимназіи съ серебряною медалью. Дальнѣйшее образованіе продолжалъ онъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1855 году по естественному отдѣленію физико-матиматическаго факультета первымъ кандидатомъ и получилъ серебряную медаль за сочиненіе по геологіи. Въ 1856 г. онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра зоологіи и поступилъ преподавателемъ въ земледѣльческую школу Императорскаго Общества сельскаго хозяйства, но уже въ слѣдующемъ, 1857, году отправился — на свой счетъ — за границу для подготовленія къ профессорскому званію. Особенно благотворное вліяніе изъ профессоровъ оказалъ на А. П. Богданова К. Ф. Рулье, память котораго впослѣдствіи онъ почтилъ обширной біографіей: „К. Ф. Рулье и его предшественники“. За границей А. П. Богдановъ работалъ въ особенности въ Парижѣ, гдѣ сталъ заниматься, подъ вліяніемъ И. Сентъ-Илера, подготовкой своей диссертаціи „Цвѣтность пера птицъ“ (М., 1858), главные результаты которой были изложены имъ также на французскомъ языкѣ (въ „Comptes Rendus“, 1857, и въ „Трудахъ парижскаго біографическаго Общества“, 1858). По возвращеніи въ Москву и по защитѣ диссертаціи, А. П. Богдановъ былъ назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ зоологіи въ московскомъ университетѣ. Въ 1859 г. онъ опять отправился за границу, преимущественно для осмотра зоологическихъ садовъ и музеевъ, отчасти въ виду предполагавшагося тогда основанія зоологическаго сада въ Москвѣ. Еще въ 1856 г., сблизившись съ С. А. Масловымъ, онъ осуществилъ, совмѣстно съ нимъ, основаніе при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства комитета акклиматизаціи животныхъ и растеній и былъ первымъ ученымъ секретаремъ этого комитета, преобразованнаго впослѣдствіи въ отдѣльное общество. Въ 60-хъ годахъ онъ сосредоточивается нѣкоторое время на зоологіи, издаетъ переводы обширнаго учебника зоологіи Бронна (Protozoa Coelenterata), „Сравнительно-анатомическихъ таблицъ“ Каруса, ряда таблицъ для опредѣленія насѣкомыхъ, нѣсколько спеціальныхъ замѣтокъ, собственную „Зоологію и зоологическую хрестоматію“; но въ то же время относится съ живымъ участіемъ и къ пробудившемуся тогда на Западѣ интересу къ антропологическимъ вопросамъ и начинаетъ раскопки кургановъ московской губ., съ цѣлью собранія краніологическаго матеріала. Въ то же время, при содѣйствіи профессоровъ Щуровскаго, Давидова, Попова и др. основываетъ при московскомъ университетѣ „Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи“ въ Москвѣ. Въ то время въ Москвѣ не было никакихъ собраній, ни по антропологіи, ни по этнографіи, поэтому первое, на что обратилъ вниманіе Общества А. П. Богдановъ—было созданіе такихъ коллекцій, необходимыхъ для научнаго изученія типа и бытовыхъ особенностей русскаго населенія. Средствомъ къ тому было имъ предложено устройство этнографической выставки, которая и была осуществлена лѣтомъ 1867 года, послужившая поводомъ къ съѣзду въ Москвѣ представителей науки и литературы всѣхъ славянскихъ племенъ и затѣмъ положивъ основаніе постоянному этнографическому (Дашковскому) музею. Въ тотъ же годъ А. П. Богдановъ опубликовалъ свои „Матеріалы для антропологіи курганнаго племени московской губ.“ и принесъ въ даръ университету собранныя имъ краніологическія коллекціи. Это сочиненіе послужило поводомъ къ признанію А. П. Богданова почетнымъ докторомъ (honoris causa). Въ 1867 г. онъ снова отправился за границу, гдѣ работалъ въ лабораторіи проф. Лейкарта въ Гиссенѣ и на берегу моря, въ Неаполѣ. Въ началѣ 70-хъ годовъ А. П. Богдановъ подналъ мысль о необходимости почтить предстоявшее въ 1872 году двухсотлѣтіе со дня рожденія Петра Великаго устройствомъ въ Москвѣ политехнической выставки, съ цѣлью, съ одной стороны, наглядно представить успѣхи, достигнутые за послѣднее время въ различныхъ областяхъ естествознанія и техники, а съ другой — положить основаніе музею прикладныхъ знаній въ Москвѣ. Благодаря ему же, возникъ новый антропологическій музей, помѣщенный впослѣдствіи въ зданіи историческаго музея. Важное участіе было принято также А. П. Богдановымъ (въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годовъ) въ дѣлѣ устройства зоологическаго сада, въ устройствѣ выставокъ пчеловодства, въ развитіи дѣятельности комитета шелководства, наконецъ — въ международныхъ съѣздахъ по антропологіи и доисторической археологіи и зоологіи, которые въ 1892 г. имѣли свои сессіи въ Москвѣ. Спеціально-математическая подготовка до нельзя сказалась на всемъ складѣ А. П. Богданова; отсюда явилась та строгая логичность, которая бросалась всѣмъ въ глаза, когда онъ говорилъ; отсюда точность его опредѣленій, строгая математическая послѣдовательность, и, наконецъ, та математическая подкладка, которую мы видимъ въ его трудахъ по антропологіи и которую онъ всегда старался вывести изъ метафизическаго періода ея развитія и свести на степень точной и положительной науки А. П. Богдановъ былъ врагъ эмпиризма, а такая черта могла явиться лишь въ томъ человѣкѣ, который чуть не съ дѣтства привыкъ къ положительному методу изслѣдованія.

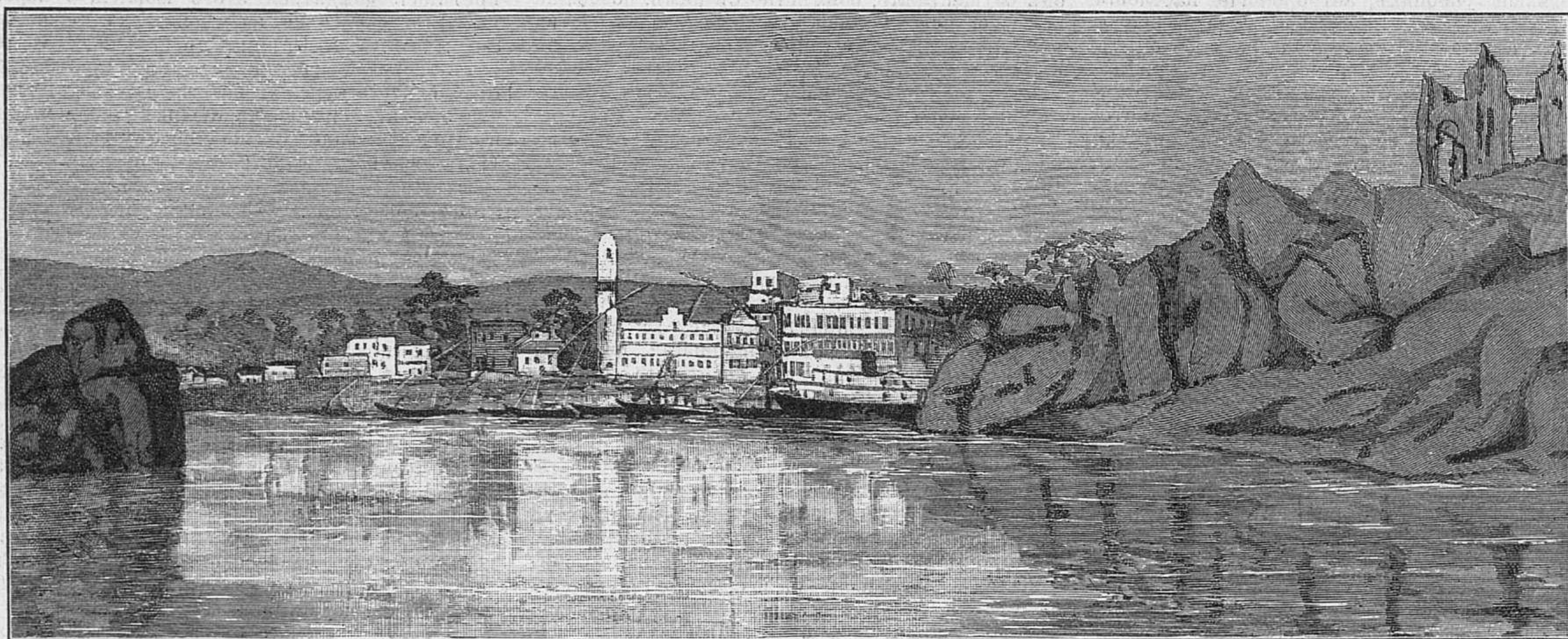

А. А. Свѣчинъ †

Не дальше какъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ текущаго года долженъ былъ праздноваться юбилей пятидесятилѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ бывшаго командира 10-го армейскаго корпуса, члена Александровскаго комитета о раненыхъ, генералъ-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи Александра Алексѣевича Свѣчина. Заслуженному воину славной русской арміи, увы, не пришлось дождаться этого юбилея; генералъ Свѣчинъ скончался за мѣсяцъ до торжества, 8-го марта. А. А. Свѣчинъ происходилъ изъ дворянъ тверской губерніи и родился въ 1826 году. По окончаніи курса въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище), онъ былъ выпущенъ въ 1842 году корнетомъ въ л.-гв. гусарскій Его Величества полкъ. Состоя въ этомъ полку, А. А. Свѣчинъ участвовалъ въ 1849 году въ походѣ гвардіи къ западнымъ предѣламъ имперіи по случаю венгерскаго мятежа, а въ 1854 году находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ прибрежья с.-петербургской губерніи отъ высадокъ англо-французовъ. Прослуживъ въ л.-гв. гусарскомъ Его Величества полку 14 лѣтъ и прокомандовавъ въ томъ числѣ болѣе 4-хъ лѣтъ эскадрономъ, онъ въ 1858 году, въ чинѣ полковника, вышелъ въ отставку, но черезъ годъ былъ принятъ вновь на службу, тѣмъ же чиномъ, съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи и съ назначеніемъ состоять при кавказской арміи. Съ прибытіемъ на Кавказъ, назначенный для особыхъ порученій при главнокомандующемъ кавказской арміей, А. А. Свѣчинъ находился осенью и зимой 1859 года при чеченскомъ, дагестанскомъ и лабинскомъ отрядахъ, принимая участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Шамиля въ Дагестанѣ и въ покореніи абадзеховъ, и былъ награжденъ за оказанныя имъ боевыя отличія орденомъ св. Анны 2-й степени съ Императорской короной и мечами. Въ слѣдующемъ году онъ находился въ экспедиціяхъ противъ горцевъ въ кубанской области, причемъ за особое отличіе, въ усмиреніи горскаго населенія долинъ рр. Шебша и Азипса удостоился награжденія золотою саблею, съ надписью „за храбрость“. Въ 1861 году состоялось назначеніе А. А. Свѣчина командиромъ 14-го гренадерскаго грузинскаго Его Императорскаго Высочества великаго князя Константина Николаевича—нынѣ генерала Котляревскаго—полка. Командуя этимъ полкомъ, А. А. Свѣчинъ принялъ участіе въ лѣтней экспедиціи 1862 года адагумскаго отряда въ долинахъ рр. Хабли, Иля и Азипса, а въ 1863 году въ дѣйствіяхъ, завершившихъ собою умиротвореніе западнаго Кавказа. За боевыя отличія въ этихъ дѣлахъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Произведенный въ 1863 году въ генералъ-маіоры за боевыя отличія, съ оставленіемъ командиромъ полка, онъ черезъ годъ назначенъ былъ помощникомъ начальника кавказской гренадерской дивизіи, въ 1868 г. командующимъ 38-й пѣхотной, впослѣдствіи 29-й пѣхотной дивизіей; въ 1872 году произведенъ за отличіе въ генералъ-лейтенанты и въ 1878 году назначенъ начальникомъ 1-й гренадерской дивизіи. Съ 1879 года А. А. Свѣчинъ командовалъ 10-мъ армейскимъ корпусомъ, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ въ занимаемой должности. Въ 1886 году онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и командиромъ 10-го корпуса. Членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ генералъ-адъютантъ Свѣчинъ былъ назначенъ въ 1889 году. Послѣдней наградой его былъ орденъ св. Владиміра 1-й степени. Генералъ-адъютантъ Свѣчинъ числился въ спискахъ 14-го гренадерскаго грузинскаго генерала Котляревскаго полка.

Видъ Вади-Гальфа съ сѣвера.

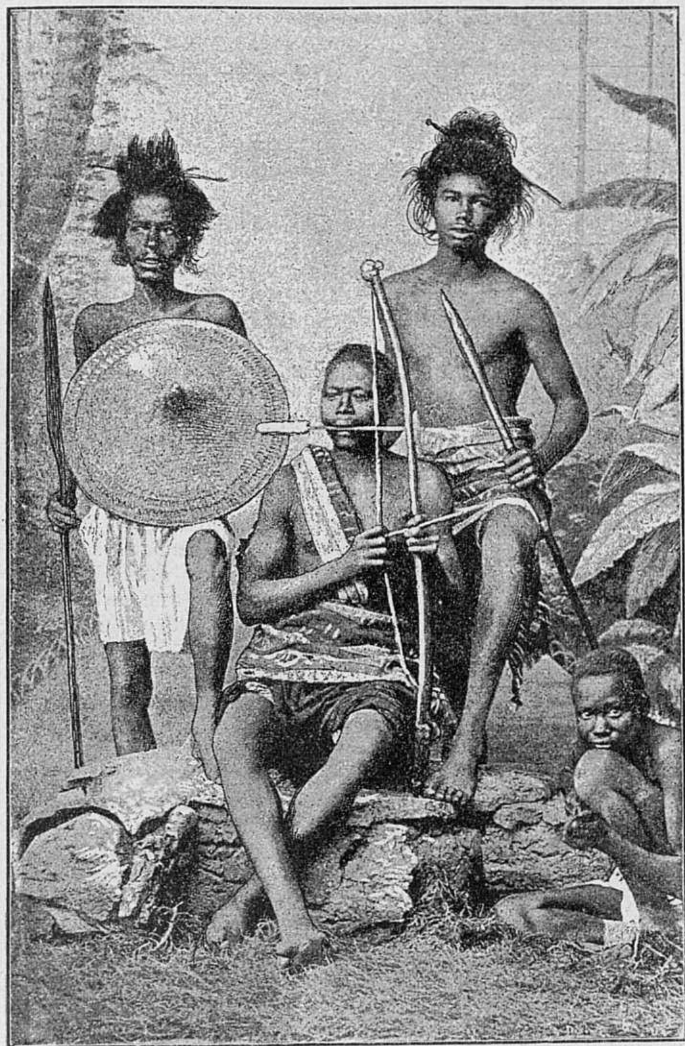

Видъ Ассуана у Нила.

Второй нильскій порогъ, къ югу отъ Вади-Гальфа.

Африка. — Англійская экспедиція въ Донголу.

Суданскіе воины.

Египетская смѣшанная артиллерійская баттарея.

Египетскій дромадерскій корпусъ на развѣдкахъ въ пустынѣ къ югу отъ Акашеха.

Африка. — Англійская экспедиція въ Донголу.

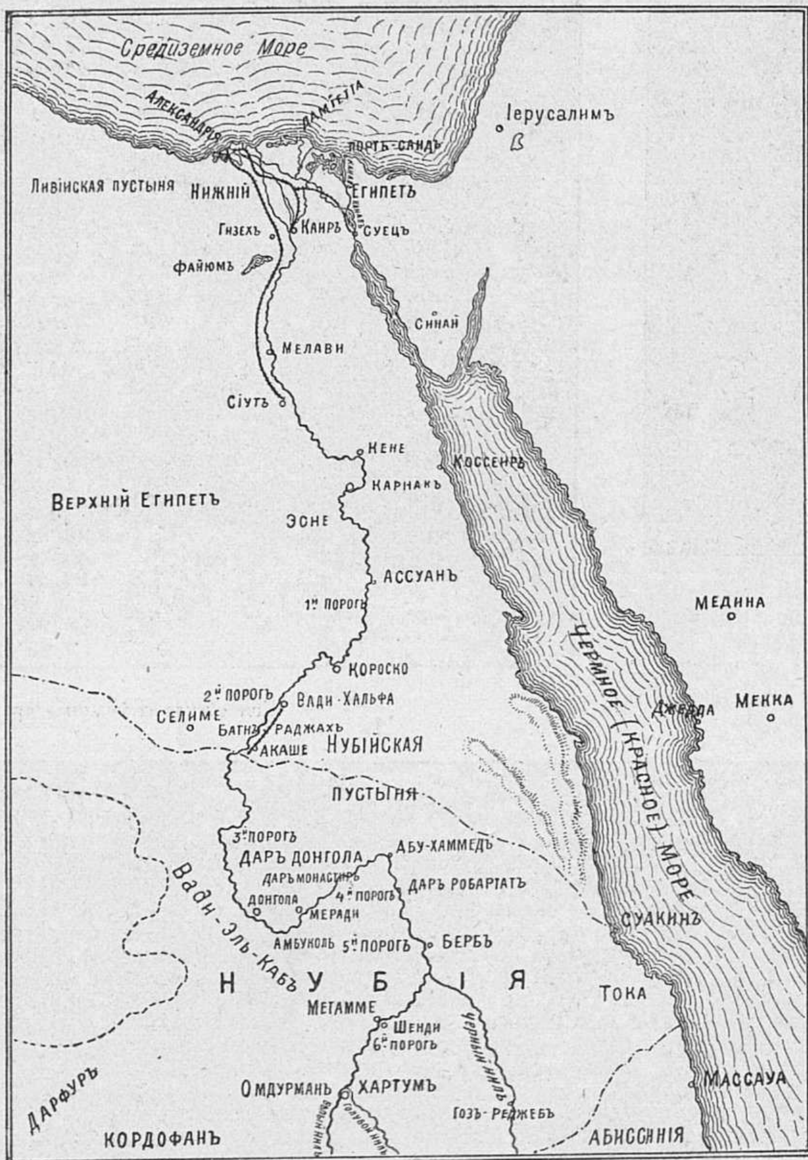
Кавказская армія. Конно-дагестанскій полкъ

Конно-дагестанскій иррегулярный казачій полкъ находится на стоянкѣ въ Дагестанѣ; одна сотня — въ г. Темиръ-Ханъ-Шурѣ, другая — въ Дербентѣ; одна сотня его распредѣлена по сторожевымъ постамъ, а остальныя три стоятъ по ауламъ. Всѣ нижніе чины этого полка—мѣстные жители, мусульмане; они отличаются большой ловкостью, типичною красотою и всѣ прекрасные наѣздники и джигиты, потому что съ самаго дѣтства не разлучаются съ лошадью. У дагестанцевъ есть прекрасный, производившій въ минувшее лѣто на водахъ въ Пятигорскѣ настоящій фуроръ, полковой оркестръ. Во время же похода въ каждой сотнѣ играетъ своеобразный дикій маршъ зурна подъ аккомпаниментъ барабана. Знамя обыкновенно везетъ теперь почтенный старикъ, вахмистръ Шахманъ, имѣющій четыре Георгія и двѣ медали на груди, а рядомъ съ нимъ ѣдетъ, въ качествѣ ассистента, другой такой же почтенный вахмистръ, и тоже съ четырьмя Георгіями. Еще недавно въ этомъ полку былъ цѣлый взводъ георгіевскихъ кавалеровъ. Во время пребыванія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны на Кавказѣ, дагестанцы конвоировали царскій поѣздъ и очень понравились Ея Величеству. Ея Величество изволила принять въ подарокъ отъ командира полка форменный Коннаго полка красный башлыкъ и затѣмъ изъ Петербурга прислала въ даръ полку свой портретъ въ башлыкѣ, писанный масляными красками и составляющій теперь драгоцѣнность полка.

С. Животовскій

Англійская экспедиція въ Донголу

Извѣстіе о томъ, что англичане предпринимаютъ военную экспедицію въ Донголу, упало какъ снѣгъ на голову, застало всѣхъ врасплохъ. Еще и теперь не выяснено, откуда взялась первоначальная мысль объ этомъ походѣ; въ послѣдніе дни проскользнуло, напр., извѣстіе, что Англія предприняла его по совѣту или даже по просьбѣ Италіи, которая этимъ способомъ вздумала будто бы поправить свои дѣла въ Абиссиніи. Вѣрнѣе всего, кажется, останется объясненіе, сразу высказанное французскою печатью, именно, что Англія затѣяла это дѣло съ цѣлью продлить еще на долгое время оккупацію Египта, на которую уже давно косо смотрѣли державы, заинтересованныя египетскими дѣлами. Всѣ эти политическія тонкости современемъ, вѣроятно, разъяснятся. Теперь, пока, главный, вопросъ, изъ-за котораго ведутся очень острые переговоры между державами, возникъ относительно употребленія на эту экспедицію запаснаго египетскаго фонда. Тѣмъ временемъ главнокомандующій египетскими войсками Китченеръ стянулъ всѣ свои силы къ Вади-Гальфа и дѣятельно готовится двинуться дальше. Теперь въ Вади-Гальфа собрано три батальона британской пѣхоты, десять тысячъ египетскихъ войскъ изъ уроженцевъ Судана, подъ командою англійскихъ офицеровъ, затѣмъ, около шести тысячъ иррегулярнаго войска, въ составъ котораго входятъ арабы и бедуины, наконецъ, артилерія и легкая кавалерія. Авангардъ, которымъ командуетъ маіоръ Коллинсонъ, подался впередъ уже до Акашеха; здѣсь, вѣроятно, и будетъ, въ концѣ концовъ, собранъ весь экспедиціонный отрядъ, прежде чѣмъ тронуться дальше, въ пустыню, такъ какъ отъ этого пункта начинается суданская степь. Акашехъ лежитъ приблизительно, въ концѣ первой трети, отдѣляющей Вади-Гальфа отъ Донголы. Англичане строятъ въ Акаше чрезвычайно сильное укрѣпленіе, которое послужитъ для нихъ надежнѣйшею точкою опоры во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ настоящее время желѣзная дорога связываетъ верхній Египетъ съ Шеллахомъ; теперь она скоро будетъ доведена до Вади-Гальфа, а впослѣдствіи и до Хартума. Тогда Суданъ будетъ, или, по крайней мѣрѣ, легко можетъ быть покоренъ Англіею, которая станетъ владычицею Египта и большей части африканскаго материка. Англичане очень довольны экспедиціею и спокойны за ея исходъ. Хедивъ будетъ доволенъ расширеніемъ своихъ владѣній. Хартумъ, истинный ключъ Судана, лежитъ у слiянія двухъ вѣтвей Нила — Голубой и Бѣлой. Этотъ городъ, основанный въ 1830 году Мехеметомъ-Али, былъ въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ (1884—85) театромъ въ высшей степени драматическихъ, еще свѣжихъ у всѣхъ въ памяти событій. Здѣсь генералъ Гордонъ выдержалъ почти цѣлый годъ осаду многочисленныхъ полчищъ „пророка“ Магди. Сторонники пророка и дервиши и до сихъ поръ остаются обладателями этого города; ихъ главною квартирою служитъ Омдурманъ, лежащій противъ Хартума на другомъ берегу рѣки. Многіе дальновидные люди полагаютъ, что, въ случаѣ удачи, англичане отнюдь не удовольствуются занятіемъ одной только пустынной Донголой; эта область послужитъ лишь яблокомъ раздора для дальнѣйшихъ схватокъ съ дервишами, которые, если будутъ побѣждены, уступятъ Хартумъ, ради завоеванія котораго, быть можетъ, въ сущности и предпринята нынѣшняя экспедиція.

Карта Нильскаго бассейна и района экспедиціи въ Донголу.

„На гробкахъ“

Къ рисунку Н. И. Ткаченко

Радуница... Солнышко красное — веснѣ радуется: свѣтитъ и грѣетъ, заливая волнами золотыхъ лучей землю-матушку, еще не обсохшую отъ поѣзднихъ слезъ изгнанницы-зимы... „Пришла весна съ радостью — съ великою милостью“, „на сошечкѣ, на бороночкѣ“; стоитъ весна на Красной Горкѣ... Только что успѣла уйти со святой Руси Пасха Свѣтлая, до самаго Вознесенья будетъ напоминать о ней православнымъ пасхальный звонъ колокольный, благовѣствующій о Воскресеніи Христовомъ... Ѳоминъ понедѣльникъ, слывущій то подъ именемъ „радуницы“, то — „навья-дня“ (на русскомъ сѣверо-западѣ), то — „родительской пасхи“ и проч. Идутъ на вешнія поминки на Украйнѣ — „на гробки“, т. е. на могилы и старые, и молодые, и малые — *порадоваться* съ родителями возврату весны на бѣлый свѣтъ, похристосоваться съ покойниками, угощать подземныхъ колодничковъ праздничными „остатками“, подчасъ изготовляемыми заново. Угощая покойниковъ, никто не забываетъ и самого себя, и своихъ родичей, живущихъ еще на землѣ и вмѣстѣ съ нею радующихся веснѣ... Не любо деревенскому люду, когда вдругъ „разрюмится радуница“: Дождь на радуницу—не обрадуешься!“ сложилась не даромъ въ старину еще присловье — крылатое словцо въ народѣ... А нѣтъ дождя — и солнышку, и всему пригрѣтому имъ весело. Повеселѣло и кладбище, подернутое зеленой пленкой травы, окруженное яворами въ дымкѣ едва развертывающихся почекъ... Въ воздухѣ разлита теплая, душистая влага; отъ земли сырой паръ слегка поднимается... Все оживаетъ, даже глубокія нѣдра земли вздыхаютъ радостно — пасхальнымъ благовѣстомъ. Покрываются-одѣваются могилушки травой-муравою, просыпаются въ нихъ спящіе крѣпкимъ „смертнымъ“ сномъ жильцы гробовъ — колодъ дубовыхъ... „Христосъ воскресе!“ прислоняются къ нимъ родные-близкіе; христосуясь пасхальными „крашенками“... „Воистину!“ отзываются они. Радостно и имъ даже въ эти свѣтлые-красные дни, куда веселѣе, чѣмъ въ осенніе поминки — на Дмитріеву субботу, когда прощается съ ними русскій народъ на цѣлую зимушку долгую-студеную. Меньше слезъ весною льется на могилахъ, да больше радости покойничкамъ по стародавнему повѣрью народному. Вѣритъ людъ православный, что съ перваго дня Пасхи сорокъ дней и сорокъ ночей даже „врата адовы“ отворяются, муки загробныя прекращаются — на радость всему живущему и жившему... Не узнать кладбища на радуницѣ. На могилахъ — „на гробкахъ“ разостланы скатерти. Вокругъ нихъ сидитъ разодѣтый по праздничному народъ: пьетъ, ѣстъ, угощается. Отъ каждой снѣди лучшій кусокъ отламывается, кладется на могильный холмъ; изъ каждаго стакана отплескивается всторону. Пусть попьютъ-поѣдятъ и покойники вмѣстѣ съ живыми! „Любилъ покойникъ водочку, помяни стаканчикомъ!“ слышится на одной могилѣ. „Отожъ и добра горілка у васъ, чоловіче!“ отвѣчаетъ другой голосъ. „А покойничекъ-то бувъ ще добріе!..“ Всюду довольныя, праздничныя лица, словно и не на кладбищѣ все это... Впрочемъ, нѣтъ, можетъ попасться и на радуницѣ здѣсь далекая отъ всякой радости картина... Вотъ бродитъ среди лѣса крестовъ и часовенекъ забытая всѣми старушка-нищенка: ищетъ чью-то близкую ей одной на свѣтѣ, всѣми забытую могилу. Память начинаетъ измѣнять и ей, хватитъ ли ея даже на этотъ коротенькій вѣкъ, что остался на долю горькой бобыльки... А вотъ стоитъ у креста молодая дівчина... Волны слезъ ея „кары оченята“. Вся она — словно застыла передъ дорогой ей могилкой... Въ ней зарыты молодыя дѣвичьи надежды на счастье, такъ недавно еще бывшія для нея свѣтлыми-радостными... Будетъ ли эта „гарная“ дівчина лить такъ много слезъ, такъ горевать здѣсь черезъ годъ, на новую радуницу...

Букетикъ изъ розъ

Картина Джона Ломакса

Ломаксъ принадлежитъ къ новѣйшему поколѣнію той школы англійскихъ жанристовъ, которые разрабатываютъ почти исключительно сцены семейной жизни и представителемъ которыхъ можно считать Лесли. Ломаксъ изображаетъ передъ нами именно такую, тихую, полную мирнаго счастія семейную сцену. Женихъ молодой красивой дѣвушки, сидящей ва креслѣ, явился съ визитомъ къ своей невѣстѣ и принесъ ей небольшой букетъ изъ розъ; онъ положилъ свою руку на ея руки и полный счастія, пожирая ее глазами, что-то сообщаетъ ей. Въ сторонѣ, грѣясь около камина, старушка мать, забывъ о чулкѣ, который она вяжетъ, съ нѣжной любовью

посматриваетъ на счастіе своихъ дѣтей. Исполненіе картины вполнѣ соотвѣтствуетъ этому содержанію: тутъ нѣтъ ничего крикливаго, бьющаго на эффектъ, на желаніе блеснуть техникой: простая, но прекрасная композиція, изящный рисунокъ, мягкій колоритъ, — все гармонируетъ съ этой мирной семейной сценкой, тонко задуманной и обставленной чрезвычайно красивыми аксессуарами. *В. Ч.*

Изъ Риги

(Корреспонденція „Всем. Илл.")

За послѣдніе два года, отчасти благодаря количественному увеличенію русскаго элемента, оказалась болѣе интенсивной и самая дѣятельность общества. Въ Ригѣ уже достаточное число лѣтъ существуютъ два русскихъ клуба, два русскихъ пѣвческихъ общества („Баянъ" и „Ладо") и русскій литературный кружокъ, основанный двадцать лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ мѣстнымъ дѣятелемъ, нынѣ покойнымъ, основателемъ также и первой русской газеты — „Рижскаго Вѣстника", Евг. В. Чешихинымъ.

Всѣ эти общества не могли до сихъ поръ похвастаться особенной жизнедѣятельностью, а нѣкоторыя изъ нихъ по временамъ вели только номинальное существованіе. Теперь во всѣхъ этихъ обществахъ замѣтно оживленіе. Русскій литературный кружокъ годъ тому назадъ принялъ въ свое вѣдѣніе устройство народныхъ чтеній, которыя до тѣхъ поръ существовали, только благодаря личной энергіи и преданности просвѣщенію народа одного лица—В. В. Руднева, инспектора одной изъ здѣшнихъ гимназій. Въ теченіе послѣдняго поста литературный кружокъ устроилъ въ пользу народныхъ чтеній рядъ лекцій, въ которыхъ приняли участіе и профессора мѣстнаго политехникума.

Кромѣ этого, за послѣдніе два года проявило чрезвычайно энергичную дѣятельность вновь основанное драматическое общество. Кромѣ ряда любительскихъ спектаклей съ благотворительною цѣлью, это общество рѣшило принести радикальную услугу русскимъ рижанамъ, взявъ на себя антрепризу русскаго театра. Однако этому благому намѣренію не суждено было осуществиться. Антреприза передана въ прежнія руки частнаго лица и, судя по предшествующимъ годамъ, мало надежды на то, чтобы русскій драматическій театръ сталъ на подобающую ему высоту.

Въ такомъ же положеніи находится и мѣстная печать. Нынѣшній „Рижскій Вѣстникъ" оставляетъ желать очень и очень многаго.

Въ музыкальномъ мірѣ свою дѣятельность проявляютъ вышеупомянутыя два общества: „Баянъ" и „Ладо". Русской оперы въ Ригѣ нѣтъ. Оперные спектакли, чередуясь съ драматическими, даются на нѣмецкомъ языкѣ въ мѣстномъ городскомъ театрѣ. Однако вокальныя силы здѣшнихъ оперныхъ пѣвцовъ не изъ блестящихъ, поэтому концерты заѣзжихъ знаменитостей, въ Ригѣ довольно частые, составляютъ яркое явленіе на мѣстномъ горизонтѣ. *Б.*

Естествовѣдѣніе

— Новое примѣненіе открытія Рёнтгена. Загадочный случай произошелъ въ лабораторіи профессора колумбійской коллегіи въ Нью-Іоркѣ, Макса Остерберга, производившаго опыты съ иксъ-лучами Рёнтгена. Онъ приготовлялся снять тѣневую фотографію костяка мыши и съ этою цѣлью предварительно утопилъ ее въ сосудѣ съ водою. Онъ продержалъ животное слишкомъ четверть часа на днѣ сосуда и когда вынулъ изъ воды, то мышь казалась совершенно мертвою и пролежала безъ движенія на столѣ въ продолженіе двухъ часовъ, ничѣмъ не проявляя ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Профессоръ Остербергъ, считая ее мертвою, приступилъ къ ея фотографированію по извѣстному рентгеновскому способу. Онъ положилъ ее на ящикъ съ чувствительною пластинкою, подставилъ подъ свѣтящійся балонъ Крукса и вышелъ изъ лабораторіи, такъ какъ экспозиція животнаго должна была продлиться два часа. Вернувшись черезъ полтора часа въ свою лабораторію, профессоръ замѣтилъ, что мышь какъ будто измѣнила положеніе своего тѣла по отношенію къ катоднымъ лучамъ. Это обстоятельство въ сильной степени заинтересовало американскаго ученаго. Онъ сталъ наблюдать за мышью и не повѣрилъ своимъ глазамъ, когда увидѣлъ, что животное начало шевелиться и какъ бы силилось подняться ближе къ Круксову балону, отъ котораго лежало на разстояніи 15 сантиметровъ. По прошествіи нѣкотораго времени мышь совершенно ожила и на слѣдующій день казалась въ своей клѣткѣ окончательно оправившеюся. Случай этотъ навелъ американскаго профессора на мысль произвести рядъ опытовъ въ этомъ направленіи съ цѣлью убѣдиться въ томъ: не обладаютъ ли иксъ-лучи свойствомъ возбуждать жизнедѣятельность въ организмахъ, прекратившихъ свои функціи подъ вліяніемъ асфиксіи, даже послѣ продолжительнаго пребыванія животнаго въ состояніи мнимой смерти.

Военное и морское дѣло

— Армія Менелика. По свѣдѣніямъ изъ итальянскихъ источниковъ, у Менелика армія насчитывала подъ своими знаменами въ 1889 году 196.000 человѣкъ. Военный домъ его насчитываетъ—19.000; три армейскихъ корпуса—45.000; войска расъ—104.000; партизаны—3,000; волонтеры—15.000; всего 196.090. Но это было въ 1889 году. Теперь эта цифра удвоилась. Въ 1889 же году у Менелика имѣлось 65.000 ружей превосходнаго качества; съ тѣхъ поръ онъ сдѣлалъ, конечно, большіе заказы и отнялъ много ружей у итальянцевъ; 72 пушки, потерянныя Баратьери въ роковомъ сраженіи при Адуѣ, въ свою очередь, удвоятъ артиллерію Менелика. По словамъ инженера Ильга, ближайшаго совѣтника Менелика, у шоанскихъ военачальниковъ имѣются итальянскія карты Абиссиніи. На службѣ у Менелика состоитъ также французскій капитанъ Клошеттъ. О событіяхъ въ Италіи Менеликъ получаетъ всегда точныя и своевременныя свѣдѣнія. Риму, говоритъ Ильгъ, не остается теперь ничего другого, какъ очистить Адигратъ и Кассалу и признать независимость Абиссиніи". Менеликъ не только главнокомандующій арміей, но и главный начальникъ своего штаба.

Политехника

— Новая система электрической тяги. Вездѣ, гдѣ существуютъ электрическія желѣзныя дороги, какъ въ Европѣ, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, электровозбудителями служатъ динамо-машины, устроенныя въ какомъ-либо одномъ мѣстѣ желѣзнодорожнаго пути, въ большей части случаевъ на станціяхъ отхода поѣздовъ. Отъ динамо-машинъ электричество передается по металлическимъ проводамъ, протянутымъ вдоль пути, съ которыми катящіеся по рельсамъ поѣзды или отдѣльные вагоны соединяются проволоками, передающими электричество, превращающееся въ двигательную силу. Эта система движенія представляетъ немало неудобствъ: она требуетъ, во первыхъ, установки вдоль пути столбовъ, загораживающихъ середины улицъ; самое движеніе возможно только въ опредѣленномъ направленіи въ прямой зависимости отъ направленія проводовъ, а затѣмъ передача электричества, какъ источника двигательной силы, ограничивается извѣстнымъ разстояніемъ, такъ что на дорогахъ большого протяженія нужно имѣть динамо-машины въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Недавно въ Ліонѣ производились опыты съ электродвигателями новаго устройства, состоящими изъ гальваническихъ батарей, помѣщающихся въ самомъ вагонѣ и приводящихъ его въ движеніе. Вагонъ съ пассажирами при замкнутомъ токѣ катится по рельсамъ быстро и плавно и останавливается мгновенно. Преимущество же этого способа движенія заключается въ томъ, что онъ не требуетъ столбовъ и проводовъ, а главное, что можетъ дѣйствовать безостановочно на линіяхъ дальняго протяженія.

Географія, этнографія, путешествія

— Шведскій воздухоплаватель Андре, собиравшійся лѣтомъ этого года отправиться къ сѣверному полюсу, объявляетъ, что онъ измѣняетъ свой планъ, если подтвердится извѣстіе о Нансенѣ и окажется, что послѣдній, дѣйствительно, достигъ сѣвернаго полюса. Такъ какъ полетъ къ сѣверному полюсу на воздушномъ шарѣ потеряетъ въ такомъ случаѣ свое значеніе, то Андре рѣшилъ, что, вмѣсто сѣвернаго полюса, онъ отправится къ южному. Поэтому онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ дальнѣйшихъ извѣстій о Нансенѣ, чтобы тотчасъ же начать приготовленія къ осуществленію своего новаго, еще болѣе труднаго, плана.

Некрологъ

Бертельсъ Александръ Андреевичъ, старшій врачъ охтенскихъ пороховыхъ заводовъ, неутомимый дѣятель на поприщѣ благотворительности, земскій дѣятель по устройству школъ, авторъ нѣсколькихъ статей, † въ Спб. 28-го марта, 52 лѣтъ.

Веселовскій Григорій Михайловичъ, редакторъ газеты „Донъ", бывшій преподаватель статистики и политической экономіи въ воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ, редактировавшій въ 60-хъ годахъ „Воронежскія Вѣдомости" и „Воронежскій Листокъ", общественный дѣятель, авторъ многихъ статей въ провинціальныхъ и столичныхъ изданіяхъ, † въ Воронежѣ 18-го марта, 60 лѣтъ.

Всеволожскій Никита Никитичъ, одинъ изъ популярнѣйшихъ людей въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, вращавшійся въ разнообразныхъ кружкахъ общества, свѣтскихъ, литературныхъ и друг., авторъ многихъ каламбуровъ, эпиграммъ, пародій и всякихъ острословій на злобы дня, не появлявшихся въ печати и одного разсказа, напечатаннаго въ „Новомъ Времени" 1892 г., бывшій гвардейскій офицеръ, † на станціи Голицыно, финляндской желѣзной дороги, 25-го марта. Н. Н. Всеволожскій былъ женатъ на артисткѣ М. Г. Савиной.

Дюгамель Михаилъ Осиповичъ, членъ адмиралтействъ совѣта, адмиралъ, одинъ изъ старѣйшихъ моряковъ, прослужившій во флотѣ болѣе шестидесяти лѣтъ, принимавшій дѣятельное участіе въ покореніи Кавказа, замѣчательный морской дѣятель, † въ Спб. 21-го марта, 84 лѣтъ.

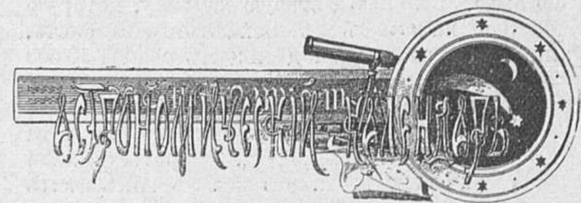
Жизневскій Августъ Казиміровичъ, управляющій тверской казенной палатой, директоръ основатель тверского археологическаго музея, археологъ, трудолюбивѣйшій изслѣдователь тверской старины, авторъ многочисленныхъ описаній древнихъ предметовъ—иконъ, монетъ, рукописей, изразцовъ и памятниковъ каменнаго вѣка и проч., † въ Твери 19-го марта, 76 лѣтъ.

Мартынова Ольга Петровна, писательница, поэтесса, прекрасная переводчица, печатавшая стихотворенія, оригинальныя и переводныя и разныя статьи и переводы въ „Звѣздочкѣ" и „Лучахъ" Ишимовой, „Сѣверной Пчелѣ", „Вѣсти", „Сынѣ Отечества" Старчевскаго, „Новомъ Времени" Юматова и Киркора, „Современникѣ", „Русскомъ Словѣ", „Женскомъ Вѣстникѣ", „Всемірной Иллюстраціи", „Трудѣ" и друг. изданіяхъ, † въ Спб. 19-го марта, 64 лѣтъ. Она писала подъ именемъ *О. Павлевой, Ольги П.* и другими псевдонимами.

Новиковъ-Ивановъ Николай Петровичъ, драматическій артистъ, недолго подвизавшійся на Александринской сценѣ и затѣмъ занявшій видное мѣсто среди театральныхъ дѣятелей провинціи, служившій у Сѣтова, исполнявшій съ успѣхомъ комическія роли въ опереткахъ и комедіяхъ, бывшій арендаторъ одесскаго „Русскаго театра", † въ Одессѣ 23-го марта.

Труворовъ Аскалонъ Николаевичъ, директоръ археологическаго института, тайный сов. одинъ изъ видныхъ ученыхъ дѣятелей, извѣстный своими многочисленными и цѣнными трудами по археографіи и изслѣдованію русской старины, сотрудникъ „Архива Калачева", „Историческаго Вѣстника", „Русскаго Архива", „Русской Старины", „Вѣстника археологіи и исторіи" и проч., † въ Спб. 30-го марта, 77 лѣтъ.

Ширяевъ Николай Лаврентьевичъ, литераторъ, сотрудникъ „Правительственнаго Вѣстника", „Историческаго Вѣстника", „Нивы", „Живописнаго Обозрѣнія", помѣщавшій компиляціи историческія и біографическія въ этихъ и другихъ изданіяхъ и собиравшій матеріалы для исторіи кавалергардскаго полка, † въ Царскомъ Селѣ 19-го марта, 43 лѣтъ.

16—30 апрѣля 1896 г.

Мартъ.	Средн. время въ чет. полд.	Въ С.-Петербургѣ. Восхожд. солнца.	Заходж. солнца.	Восхожд. луны.	Захожд. луны.	Въ Москвѣ. Восхожд. солнца.	Захожд. солнца.	Восхожд. луны.	Захожд. луны.
	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.
16	11 57.3	4 6	7 51	10 28в	3 33у	4 23	7 33	9 45в	4 3у
18	11 57.0	4 0	7 56	0 15у	4 3	4 19	7 37	—	5 2
20	11 56.8	3 55	8 2	2 10	6 20	4 14	7 41	1 18у	7 13
22	11 56.6	3 49	8 6	2 32	9 35	4 10	7 45	2 5	10 0
24	11 56.4	3 44	8 11	2 35	0 30в	4 5	7 49	2 23	0 40в
26	11 56.3	3 39	8 16	2 34	3 12	4 1	7 53	2 35	3 7
28	11 56.2	3 34	8 20	2 33	5 57	3 57	7 56	2 47	5 38
30	11 56.2	3 29	8 25	2 35	8 58	3 53	8 0	3 5	8 20

Солнце въ созвѣздіи Овна.

Луна въ послѣдней четверти 23, въ новолуніи 30 апрѣля.

Планеты: Меркурій удаляется отъ солнца къ востоку. Венера видна утреннею звѣздою. Марсъ также виденъ предъ восходомъ солнца. Юпитеръ виденъ въ первую половину ночи. Сатурнъ 23-го, Уранъ 30-го апрѣля въ противостояніи съ солнцемъ. Нептунъ виденъ вечеромъ на западѣ.

»Баядерка«, кобыла принадлежащая О. Н. Добрыниной, взявшая »Императорскій призъ«.

Спортъ. — Зимніе рысистые бѣга въ Петербургѣ сезона 1895—1896 г.

»Баядерка«

„Баядерка", кобыла сѣрой масти, принадлежащая О. Н. Добрыниной и выигравшая на рысистыхъ бѣгахъ нынѣшняго зимняго сезона въ Петербургѣ „Императорскій" призъ, родилась въ 1886 году, отъ „Ратника" и „Арабки", въ заводѣ А. Н. Добрынина. По красотѣ и правильности своихъ формъ она считается одной изъ лучшихъ чистокровныхъ русскихъ кобылъ, за что и получила премію въ текущемъ году отъ Императорскаго петербургскаго общества рысистаго бѣга. Въ свою бѣговую карьеру, которую „Баядерка" начала съ четырехлѣтняго возраста, она принесла своимъ владѣльцамъ свыше 50.000 рублей. Лучшая ея рѣзвость была: лѣтомъ — 3 версты 4 м. $50^{1}/_{4}$ с., 4 версты 6 м. $31^{1}/_{2}$ сек., $4^{1}/_{2}$ версты 7 м. 31 сек.; зимой—$1^{1}/_{2}$ версты съ хода 2 м. 30 с., 3 версты 5 м. $6^{1}/_{2}$ с., 3 версты съ хода 4 м. $59^{3}/_{4}$ сек., 4 версты 6 м. $48^{1}/_{4}$ сек. Въ нынѣшнемъ году она пришла, при розыгрышѣ „Императорскаго" приза, побивъ шестерыхъ лучшихъ ипподромныхъ бойцовъ, и 5 верстъ дѣлала въ 8 м. $42^{1}/_{3}$ с. Главные выигранные ею призы: „Мейендорфскій", „Гринвальдовскій" (1892 и 1893 гг.), „Голицынскій" (1893 г.), „Дубовицкаго" (1893 г.), „Долгоруковскій" (1895 г.) и, наконецъ, „Императорскій" (1896 г.).

Новости печати

В. Свѣтловъ. Семья или сцена? Романъ. С.-Петербургъ. 1896. Цѣна 1 р. 25 коп. Даровитый беллетристъ, выступившій еще не такъ давно на литературное поприще со своими разсказами, повѣстями и романами, успѣлъ уже обратить на себя вниманіе критики и занять мѣсто среди авторовъ, пользующихся симпатіями любителей изящнаго чтенія. Не задаваясь претенціозными цѣлями, В. Я. Свѣтловъ вводитъ читателей въ кругъ своихъ наблюденій, заинтересовывая фабулой произведенія, увлекая легкостью языка и цѣлымъ рядомъ красиво зарисованныхъ и оживленныхъ творческой мыслью картинъ. Одновременно съ этимъ онъ всегда останавливается подолгу и на внутреннемъ мірѣ своихъ героинь и героевъ, нерѣдко обобщая и дѣлая смѣлые выводы, чѣмъ, несомнѣнно, придаетъ своимъ повѣствованіямъ нѣчто уже выходящее за предѣлы того, что принято называть „легкимъ чтеніемъ". Въ новомъ романѣ, послѣ котораго, впрочемъ, появилось въ журналахъ нѣсколько другихъ его беллетристическихъ вещей, молодой писатель на довольно шаблонномъ фонѣ путевой и курортной жизни развиваетъ глубокую и далеко не шаблонную драму изъ современной жизни женской души. „Нѣтъ ничего на свѣтѣ страшнѣе, какъ столкновеніе изящнаго съ необходимымъ", сказалъ нашъ самобытный композиторъ Сѣровъ,— вся жизнь, дѣятельность и посмертная судьба котораго представляетъ собою настоящую драму. Г. Свѣтловъ взялъ эти знаменательныя слова, такъ сказать, девизомъ къ своему роману, принялъ на себя довольно нелегкую задачу изобразить подобное „столкновеніе", не впадая ни въ мелодраму, ни расплываясь въ сентиментальныхъ изліяніяхъ, бьющихъ на чувствительность прекрасной половины читающаго человѣчества. Задача автора романа „Семья или сцена?" тѣмъ труднѣе, что онъ живописуетъ въ немъ сложную психологію двухъ далеко не заурядныхъ личностей, столкнувшихся послѣ своего душевнаго романа съ вопросомъ, поставленнымъ въ заголовкѣ книги. Его докторъ Рогожинъ и артистка Танѣева—фигуры настолько крупныя и настолько хорошо выписанныя, что невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе читателей, съ живымъ и неослабѣвающимъ интересомъ слѣдящихъ за перипетіями ихъ романа-драмы. Встрѣча на пароходѣ, постепенное сближеніе, завязка сложнаго психологическаго романа, полный чистой поэзіи романъ героевъ г. Свѣтлова, начало ихъ драмы, невидимо подготовлявшейся еще съ самой завязки, и самая драма — далекая отъ мелодраматическихъ отступленій, но близкая въ трагедіи... Не выдержавъ борьбы, Танѣева снова уходитъ изъ семьи на сцену. Но, сознавая, что художникъ долженъ быть художникомъ, а чувствующій въ себѣ семейные инстинкты — отцомъ и мужемъ, она въ то же самое время не можетъ отказаться отъ той мысли, что у людей всѣхъ свободныхъ и не свободныхъ профессій есть еще „нѣчто", безъ чего жизнь будетъ не полна... Романъ В. Я. Свѣтлова кончается тѣмъ же вопросомъ, который стоитъ и въ заголовкѣ, но нельзя сказать, чтобы кончался „ничѣмъ". Это было бы несправедливо: талантливый беллетристъ многаго не досказалъ, но, прочитавъ его романъ, „*есть* что изъ него вынести".

Ап. К—скій.

Г. А. Бекеръ. Избранныя легенды. Переводъ съ испанскаго Ек. Бекетовой. Дешевая библіотека А. С. Суворина № 188. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к. Три писателя составили себѣ неувядаемую славу своими фантастическими разсказами: нѣмецъ Гофманъ, американецъ Эдгаръ По и испанецъ Бекеръ. Но въ то время какъ Гофманъ обращался преимущественно къ уму читателя, По къ его нервамъ,—Бекеръ говоритъ чувству. Его разсказы построены или на романической любви къ женщинѣ, или на глубокомъ пониманіи природы или—всего чаще на религіозномъ чувствѣ. Въ нихъ онъ даетъ яркія характеристики испанской народной жизни и картинки природы родной его Андалузіи, довольно полно и всесторонне отражая испанскій народный духъ. По формѣ, сочиненія Бекера скорѣе не разсказы, но небольшія поэмки въ прозѣ, написанныя такимъ образомъ яркимъ языкомъ, что онъ такъ и просится въ стихъ и дѣйствительно одну изъ его легендъ („Гротъ Мавританки") Ек. Бекетова сплошь перевела стихами. Всего въ этой книжкѣ помѣщено восемь разсказовъ—„Манисто Пересъ", „Зеленые глаза", „Чертовъ крестъ", „Бѣлая лань", „Гротъ Мавританки", „Обѣщаніе", „Гноли", „Miserere", „Изумрудное ожерелье". Большинство переводовъ Ек. Бекетовой напечатано уже во „Всемірной Иллюстраціи" и „Огонькѣ" и теперь только эти разсказы появляются въ отдѣльномъ изданіи. Благодаря имъ, мы имѣемъ возможность познакомиться съ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ и талантливыхъ писателей не только Испаніи, но и всей Европы.

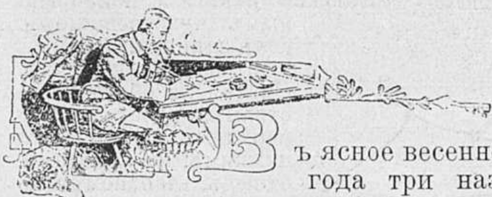
Пл. К.

П. Н. Красновъ. Казаки въ началѣ XIX вѣка. Историческій очеркъ. Издалъ В. Березовскій. Спб. 1896. Ц. 40 к. Подвиги, оказанные казаками въ войну 1812 года, обратили на нихъ всеобщее вниманіе и личность ихъ атамана Платова и военный строй казаковъ „лава" стали предметомъ изученія не только русскихъ, но и иностранныхъ стратеговъ. Г. Петръ Красновъ, молодой дебютантъ въ беллетристикѣ и въ военной литературѣ, излагаетъ въ популярной формѣ, но на основаніи произведенныхъ имъ изысканій по архивнымъ документамъ строй и порядки вооруженія донскихъ казаковъ, причины, дѣлавшія казачьи полки самыми храбрыми и, наконецъ, въ заключеніе своей брошюрки приводитъ любопытныя свѣдѣнія о „лавѣ" и объ атаманѣ Платовѣ. Брошюра написана довольно интересно и можетъ быть прочтена не безъ пользы.

Пл. К.

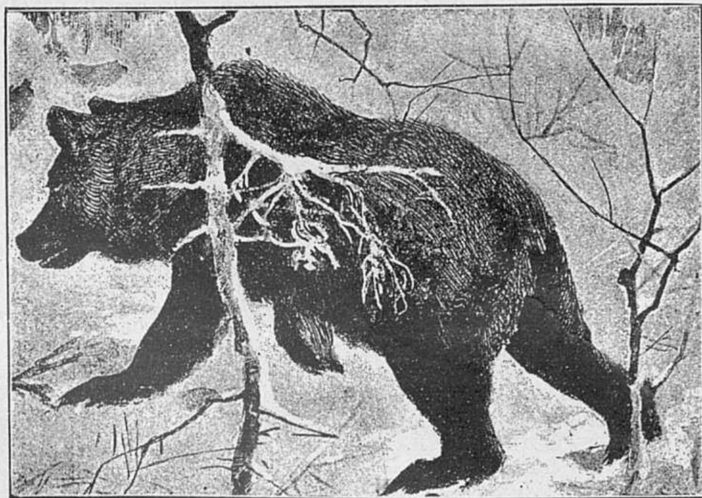

„ВОТЪ ТУТЪ!..“

Въ ясное весеннее утро, года три назадъ, я сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ довольно скверномъ настроеніи: чортъ знаетъ что такое — арендую такую уйму земли подъ охоту, а глухаринаго тока все еще нѣтъ какъ нѣтъ!... А весна такъ и тянетъ въ лѣсъ, подышать соснякомъ... Нѣтъ, думаю, больше ждать я не въ силахъ — поѣду хоть на тетеревей, благо пе далеко тетеревиный токъ. Нажалъ пуговку звонка и велѣлъ человѣку приготовить охотничій костюмъ и всѣ охотничіе „доспѣхи“. Вдругъ въ передней раздался звонокъ — и мнѣ подаютъ телеграмму отъ моего лѣсника: извѣщаетъ, что открылъ два глухариныхъ тока!... Настоящій охотникъ легко представитъ себѣ мою безпредѣльную радость.

Черезъ полчаса я уже былъ на поѣздѣ и мчался, считая отъ нетерпѣнія минуты, отдѣлявшія меня отъ мѣста, куда я стремился. Оказалось, что поѣздъ прошелъ въ 1 ч. 5 мин. 38 верстъ до станціи, гдѣ я сошелъ и тутъ же, у вокзала, панялъ лошадей до деревни. Оставалось ѣхать на лошадяхъ еще не больше трехъ часовъ, и я разсчитывалъ поспѣть на вечерній летъ, т. е. часамъ къ шести вечера. Около этого времени я добрался до лѣсника съ пересохшимъ горломъ и съ тѣмъ своеобразнымъ ощущеніемъ во всѣхъ членахъ, какое получается отъ тряски на скверномъ тарантасѣ. Лѣсника я, къ счастью, нашелъ дома и закидалъ его вопросами: когда онъ набрелъ на токъ?... Далеко ли?.. Много ли глухарей токуетъ?... Но Петръ, лѣсникъ, былъ человѣкъ весьма скрытный и не въ мѣру сдержанный на словахъ. И теперь онъ отвѣчалъ мнѣ крайне неопредѣленно и неохотно.

— Недалече будетъ... А сколько ихъ — сами увидите... Хоть всѣхъ перебейте...

Я даже не на шутку сталъ безпокоиться: а что, думаю, — не очень-то доволенъ лѣсникъ, что меня обрадовалъ... Должно быть дѣло дрянь: или въ ночь кто нибудь укралъ глухарей, или разгоняли... Что нибудь да обстоитъ не совсѣмъ благополучно...

Однако мое пересохшее горло напомнило о себѣ, и я попросилъ хозяйку дать мнѣ воды. Лѣсничиха, по ея добродушію, предложила мнѣ самоваръ, но Петръ отнесся къ такимъ нѣжностямъ весьма неблагосклонно:

— Есть когда чай пить!.. Надо идти на летъ—время подходитъ...

Какъ сказалъ онъ: „на летъ“, такъ я и про чай забылъ, поскорѣе только стаканъ воды выпилъ.

— Ну, что-жъ, Петръ, пойдемъ же!..

А Петръ не трогался и стоялъ въ раздумьи:

— Опаска есть, началъ было онъ.

— Какая опаска?

— Такъ... Малость не рано ли будетъ?..

Больше я отъ него ничего не добился, и мы отправились, захвативъ наши охотничьи снаряды: патронташъ, ружье и складной стулъ, который я предусмотрительно держалъ въ домикѣ лѣсника: ранней весной въ лѣсу, въ ожиданіи тока, устанешь иногда стоять, а земля сырая, да и снѣгу въ это время бываетъ не мало.

Прошагавъ версты двѣ, мы подошли къ большому сосняку около бора, на который лѣсникъ мой посмотрѣлъ какъ-то подозрительно, плюнулъ вдругъ, какъ бы съ досады, и сказалъ:

— Вотъ тутъ!..

— Что вотъ тутъ?.. полюбопытствовалъ я.

— Да такъ, ничего... Про себя это я сказалъ...

Шагали мы еще недолго, пока лѣсникъ сказалъ:

— Тутъ надо остановиться; на самомъ на летѣ будетъ.

Остановились, поставили стулъ. Я поправился, зарядилъ ружье, сѣлъ и приготовился терпѣливо ждать. Петръ ушелъ дальше, на то мѣсто, гдѣ онъ зналъ второй токъ, и я, сколько угодно, могъ ломать голову надъ разрѣшеніемъ произнесенныхъ имъ двухъ словъ: „Вотъ тутъ“... Эти слова мнѣ не давали покоя. Что они значатъ?.. А что они непремѣнно должны были имѣть значеніе, — можетъ быть, важное, — въ этомъ я былъ увѣренъ потому, что каждое слово Петра всегда имѣло значеніе. Начинаю всматриваться въ мѣстность... Оглядываюсь и припоминаю, что въ этихъ мѣстахъ разъ стоялъ я осенью, примачивая рябчиковъ на пищикъ, и имѣлъ неожиданное удовольствіе видѣть проходившаго шагахъ въ тридцати или сорока медвѣдя довольно внушительныхъ размѣровъ... И вовсе не желалъ бы я повторенія такого сюрприза. Вспомнивъ про глухарей, я весь отдался одному только слуху. Вскорѣ началъ глухарь кряхтѣть и только — пѣнья никакого!.. Налету нѣтъ. Надоѣло сидѣть; я всталъ и прислонился къ дереву. Вдругъ слышу: шлепанье по мокрой землѣ и трескъ сухихъ сучьевъ подъ чьими-то легкими и частыми шагами. Всматриваюсь: шагахъ въ двадцати мимо меня дефилируютъ трое маленькихъ медвѣжатъ. Я было вскинулъ ружье, но сообразилъ, что, можетъ быть, близко „сама“ — и мнѣ вдругъ ясны стали слова лѣсника: „Вотъ тутъ!“

Взявъ ружье на руку, я вложилъ въ стволы другіе патроны — концентракторъ дробь № 1 гильза long — и всталъ въ оборонительное положеніе. Не долго пришлось ждать, не больше пяти минутъ. Вижу: медвѣдица идетъ отъ меня въ пятнадцати шагахъ и смотритъ прямо и злобно на меня... „Учуяла проклятая!.. Зна-

чить быть бѣдѣ...“ Облавы я люблю, но вступить одинъ на одинъ съ медвѣдемъ въ бой, когда ружье заряжено не пулей, а дробью, — я никогда не мечталъ, и въ данномъ случаѣ я охотно бы ретировался, но дѣваться было некуда, это я сразу понялъ чутьемъ стараго охотника: бѣжать некуда — въ лѣсу медвѣдь догонитъ... а на сосну не влѣзешь: она гола отъ корня сажени на двѣ... Я выбралъ подъ собой потверже почву, чтобъ не скользнуть во время удара, и дерево наскоро пообчистилъ, чтобъ не задѣть, если придется защищаться; смотрю — медвѣдица ползетъ... ползетъ уже шагахъ въ десяти... Когда наши взгляды сошлись, — она встала, плюнула нѣсколько разъ въ мою сторону и... ушла.

Думаю, что же это—конецъ или еще будетъ мука?... Уже становится темно и еще больше жутко. Не успѣлъ я вздохнуть свободно, какъ медвѣдица опять передъ глазами и уже не дальше, какъ въ шести — семи шагахъ... Чувствую, что меня начинаетъ бить лихорадка, что дальше я выжидать уже не въ силахъ... Да и нечего было ждать при этой системѣ подхода звѣря. Вскинулъ ружье и выстрѣлилъ медвѣдицѣ въ глаза... дуплетомъ. Какъ вышелъ дуплетъ — и теперь не могу себѣ выяснить. Послѣ выстрѣла я скользнулъ за дерево, а медвѣдица съ ревомъ повернула обратно и быстро ушла.

Положеніе мое мнѣ крайне не нравилось: уйти нельзя—могу „нарваться“—и стоять на мѣстѣ было томительно и жутко въ наступившей темнотѣ. Приходится напрягать глаза, всматриваться... Въ эти томительныя минуты вырвался откуда-то барсукъ, я какъ-то инстинктивно приложился — и убилъ. Стало веселѣе, а тутъ, кстати, пришелъ лѣсникъ, спрашиваетъ: „Въ кого стрѣляли?...“ Разсказалъ ему все, какъ было.

— Ишь, проклятая, вчера токъ разогнала, а сегодня опять пришла!... Я пытался ее пужать, да, видно, здѣсь ея мѣсто, гдѣ ни на есть...

— Отчего же ты мнѣ не сказалъ раньше — я бы приготовился встрѣтить ее, какъ слѣдуетъ...

— Какъ слѣдуетъ!... передразнилъ меня Петръ:—а гдѣ пули?... Вѣдь нѣту пуль, а безъ пуль и на токъ не пошли бы ни по чемъ, кабы медвѣдицу встрѣтить опасались...

На такую логику лѣсника мнѣ, конечно, нечего было возразить.

Чтобъ не лишить меня удовольствія, лѣсникъ махнулъ рукой на опасность великую для меня же... И, еслибъ не счастливый выстрѣлъ, — по всей вѣроятности, это воспоминаніе не было бы написано.

Петра соблазняли ревѣвшіе маленькіе медвѣжата, и онъ бросился было за ними, но я остановилъ его. Сначала нужно было узнать, что сдѣлалось съ медвѣдицей, а потомъ уже думать какъ добраться до медвѣжатъ. Пошли мы по тому направленію, по какому бѣжала медвѣдица отъ меня. Прошли шаговъ 50—60 и увидѣли медвѣдицу, уткнувшуюся въ кусты кудряваго можжевельника. На случай, если она была жива, мы взвели курки. Подошли, видимъ: лежитъ безъ признаковъ жизни; начинаемъ осматривать. Лобъ разбитъ, переносица переломлена и оба глаза вытекли. Кажется, рана смертельная и должна бы она лечь на мѣстѣ... А прошла больше пятидесяти шаговъ!... Росту была въ 3 аршина, а вѣсу въ ней оказалось 9 пудовъ.

Осмотрѣвъ убитаго звѣря, мы пошли за медвѣжатами и забрали ихъ. Я взялъ нести двухъ, поменьше,—лѣсникъ одного побольше, который царапался и былъ строптивѣе своихъ маленькихъ братьевъ. За медвѣдемъ и барсукомъ мы послали изъ деревни мужиковъ съ лошадью, и вскорѣ мои трофеи были привезены въ деревню.

Попилъ я чаю у лѣсника, закусилъ и прилегъ на часокъ, не теряя надежды убить до зари глухаря. И такой былъ этотъ день для меня счастливый, что надежда моя оправдалась, къ моему величайшему восторгу.

Пришли мы утромъ изъ лѣсу, я напоилъ медвѣжатъ молокомъ съ пальца, помѣстилъ ихъ въ корзину, нанялъ подводу и повезъ всѣ мои трофеи домой.

Не ходите безъ пули на тока, гг. охотники!... Я—старый охотникъ и понять не могу, какъ со мной случилась такая оплошность, которой я себѣ не прощу до самой смерти. Но слава Богу... Все хорошо, что хорошо кончается.

И. Лепехинъ

Полевыя испытанія подружейныхъ собакъ въ 1896 г.

Испытанія эти устраиваетъ кіевскій отдѣлъ Императорскаго общества правильной охоты въ тридцати верстахъ отъ Кіева, на болотахъ и лугахъ Рожновской дачи, близь Десны. Понятіе о породѣ охотничьей собаки, какъ извѣстно, тѣсно связано съ понятіемъ о полевыхъ ея качествахъ. Цѣль веденія извѣстной породы состоитъ въ томъ, чтобы путемъ наслѣдственности передавать эти качества и улучшать ихъ въ потомствѣ сообразно требованіямъ охоты. Залежалость поля охотничьей собаки, въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, несомнѣнно, отражается на ея потомствѣ и въ итогѣ высокопородныя стати мало или ничего не говорятъ въ пользу ея полевыхъ достоинствъ, такъ какъ нервная система, мускулатура и костякъ не подготовлены тренировкой цѣлыхъ поколѣній для отвѣтственной трудной охотничьей работы. Для того, чтобы вѣрнѣе опредѣлить природныя полевыя качества и дрессировку собакъ, необходимо видѣть ихъ работу въ полѣ; для того же, чтобы совершенствовать это дѣло, полезно поощрять владѣльцевъ наиболѣе продуктивныхъ экземпляровъ.

Съ цѣлью усовершенствовать и опредѣлить качества подружейныхъ собакъ кіевскій отдѣлъ и устраиваетъ испытанія, которыя продолжатся съ 1-го по 15-е августа.

Полевыя испытанія эти дѣлятся на четыре класса: I классъ — собаки первопольныя; II классъ— собаки съ короткимъ или умѣреннымъ поискомъ; III классъ — собаки съ широкимъ и быстрымъ поискомъ и IV классъ — чемпіонатъ — собаки побѣдители первой и второй степени на прежнихъ фильдъ-трейяльсахъ. Въ каждомъ изъ первыхъ трехъ классовъ назначаются денежныя награды и жетоны, золотые, серебряные и бронзовые. Въ четвертомъ классѣ, чемпіоновъ, назначаются два приза: лучшей собакѣ дается званіе чемпіона, золотая медаль и 100 руб., второй по достоинству — серебряная медаль и 75 руб. За собакъ, хорошо анонсирующихъ владѣльцамъ ихъ выдаются особые дипломы. Дрессировщикамъ за отличное обученіе собакъ назначаются денежныя награды, подарки и свидѣтельства.

Заявленіе о желаніи принять участіе своими собаками въ испытаніи должно быть сдѣлано, возможно ранѣе, секретарю распорядительнаго комитета (адресъ канцеляріи кіевскаго отдѣла Императорскаго общества охоты: Кіевъ, Фундуклеевская 2), по почтѣ или лично, съ обозначеніемъ слѣдующихъ подробностей: имя, отечество, фамилія и адресъ владѣльца собаки; порода, происхожденіе, кличка, полъ, возрастъ и масть собаки; была ли она на выставкахъ и полевыхъ испытаніяхъ, хотя бы отъ имени другого владѣльца, получила ли награды и какія именно; кѣмъ натаскана и дрессирована; въ какой классъ записана. За каждую собаку, записанную до 1-го іюля, вносится по 2 руб., а по истеченіи этого срока — 5 руб. Безусловно не допускаются на испытаніе собаки больныя и пустующія; не допускаются также собаки безпородныя, но по окончаніи состязаній собакъ всѣхъ четырехъ классовъ, могутъ быть допущены для частнаго испытанія, съ разрѣшенія распорядительнаго комитета и судей,—собаки и непородистыя для соисканія награды за дрессировку и натаскиваніе. Этимъ предоставляется возможность всѣмъ дрессировщикамъ, всѣмъ охотникамъ безъ исключенія показать свое искусство и получить денежную награду или другое отличіе. Чтобы избавить лицъ, записавшихъ своихъ собакъ на полевыя испытанія, отъ хлопотъ и излишнихъ расходовъ по прінсканію себѣ помѣщенія на мѣстѣ испытаній, таковое будетъ приготовлено заблаговременно.

Достоинства собаки оцѣниваются баллами за слѣдующія качества: чутье (максимальный баллъ), быстрота и манера поиска, стойка, вѣжливость и общая дрессировка, подтяжка и подводка, происхожденіе и наружный видъ, стойка на глазъ, подача и докладъ, каждый владѣлецъ собаки или дрессировщикъ управляетъ собаками по своему усмотрѣнію, и раціональность способа такого управленія подлежитъ критикѣ судей. Собака удаляется съ испытанія: если погонитъ при взлетѣ дичи, послѣ выстрѣла или безъ него; за полнымъ отсутствіемъ аппеля, за гоньбу по зайцу.

Опредѣленія качествъ, испытуемыхъ собакъ.

Чутье. Разумное отыскиваніе дичи. Искусство пользоваться носовымъ аппаратомъ на большомъ и на маломъ разстояніяхъ. Умѣнье руководствоваться вѣтромъ. Послѣ стойки собака не теряетъ запаха убѣгающей птицы и непрерывнымъ чувствованіемъ, безъ запинки, слышитъ мѣстонахожденіе ея. Смотря по обстоятельствамъ, работаетъ то верхнимъ чутьемъ, то нижнимъ, не прибѣгая, отнюдь, къ одному припаданію.

Быстрота и манера поиска. Поискъ быстрый, широкій, поддержанный, челнокомъ. Поискъ на кругахъ или восьмеркой. Поискъ аккуратный, ничего не пропускающій. Тѣмъ не менѣе, собака постоянно во власти хозяина. Видна основательность и систематичность.

Стойка. Должна быть твердая и красивая, на достаточномъ разстояніи, если то позволяетъ мѣстность. Собака, стоя или лежа, не подвигается безъ приказанія хозяина, находится какъ бы въ каталептическомъ состояніи, наподобіе статуи, хотя въ то же время она — страсть и энергія. По бѣгущей птицѣ идетъ съ разстановками, не сгоняя ее.

Вѣжливость и общая дрессировка. Собака исполняетъ всѣ требованія хозяина отчетливо, безъ тѣни упрямства. Безусловно аппелиста. Свободно мѣняетъ направленіе по знаку. Послѣ выстрѣла сохраняетъ то положеніе, какое она имѣла до него, или же ложится, если къ тому пріучена. Безпрекословно отходитъ отъ стойки по свисту или другому сигналу. При окрикѣ „даунъ“ (down) или поднятіи руки, если она дрессирована и натаскана по англійскому способу, ложится какъ скошенная.

Потяжки и подводка (къ дичи). Не спѣшная, плавная, не бросками, а въ струнку и какъ бы крадучись.

Происхожденіе и наружный видъ (экстерьеръ). Собака точно воспроизводитъ типъ своей породы. Крѣпко и ладно сложена для работы. Красива. Въ соотвѣтственномъ рабочемъ тѣлѣ. Хорошо содержана — въ отличномъ видѣ.

Стойка на глазъ (à patron, секундированіе). При охотѣ съ двумя собаками, если одна дѣлаетъ стойку, другая должна, сзади или сбоку, осторожно подойти и сдѣлать стойку, стоя или лежа. Держать ее твердо. Не перебивать стойки товарища. Вторить по собственному побужденію, не дожидаясь приказаній хозяина. Высшее развитіе стойки на глазъ — если собаки поочередно подходятъ къ дичи.

Подача (аппортированіе). Собака подаетъ быстро и чисто. По приказанію, а не только по охоткѣ. Весело, но не балуя. Дичи не мнетъ. Нѣжно приноситъ и садится въ ожиданіи, пока возьмутъ.

Докладъ (аннонсъ, раппортъ). Эта высшая ступень способностей, разумѣнія и дрессировки признается только въ томъ случаѣ, если собака, найдя дичь не на виду у охотника, вернется къ нему по собственному побужденію и доложитъ объ отысканномъ характерными знаками, а иногда своеобразными пантомимами — приведетъ точно къ дичи. Особенно цѣнятся подводъ неторопливый, расчитанный, работа интеллигентная.

Взятки или даровыя машины

Поѣздка изъ Петербурга въ далекую симбирскую губернію лишила меня удовольствія побывать на гонкахъ Михайловскаго манежа. Судя по газетамъ и разсказамъ, гонки были достаточно интересны и опять непоколебимо установили славу нашего сѣвернаго чемпіона М. И. Дьякова. 25 верстъ въ 39 минутъ! А я въ это время ѣхалъ по московско-казанской желѣзной дорогѣ со скоростью 18 верстъ въ часъ. Положительно подаю предложеніе обязать правленіе

На стартѣ.

московско-казанской дороги въ полномъ составѣ присутствовать на всѣхъ велосипедныхъ гонкахъ. Авось устыдятся.

Скорости другихъ гоньщиковъ также не заурядны. Вообще гонки общества велосипедной ѣзды у насъ въ Россіи едва ли не наиболѣе значительныя. Но довольно, впрочемъ, о гонкахъ. Я поговорю еще о другой сторонѣ нашихъ гонокъ...

Просматривая программы минувшихъ гонокъ, я невольно обратилъ вниманіе на то, что очень мало ѣздоковъ шло на первоклассныхъ машинахъ. Большинство шло на машинахъ второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ заводовъ.

Курьезное дѣло! А ларчикъ открывается просто: за первоклассныя машины нужно платить въ большинствѣ случаевъ деньги, а второклассныя даются даромъ гг. гоньщикамъ ради рекламы. Объ этомъ обстоятельствѣ стоитъ поговорить серьезно. Я не врагъ профессіонализма въ спортѣ, но профессіонализма полнаго, а не такого, который дѣлается „между прочимъ". Человѣкъ, для котораго извѣстная отрасль спорта составляетъ его пропитаніе, его средство къ жизни, не можетъ быть сравниваемъ съ юношей, которому нужно пока заботиться объ обученьи, а не о пропитаніи. Между тѣмъ, именно у насъ, въ области спорта очень мало профессіоналистовъ и очень много, даже слишкомъ много такихъ юношей. Для послѣднихъ эти даровыя подачки разныхъ спекулянтовъ, жаждущихъ рекламы, прямо пагубны. За даровыми машинами обыкновенно идутъ подарки, потомъ деньги и, въ концѣ концовъ, все это развращающе вліяетъ на молодого человѣка въ ущербъ и его ученью, и этикѣ.

Вопросъ этотъ заслуживаетъ вниманія не только съ точки зрѣнія общественной, но даже и съ чисто спортивной.

Velo

Зимній сезонъ 1895—1896 гг.

Гонкою 13-го марта закончился зимній сезонъ велосипедныхъ гонокъ. Начался онъ въ Москвѣ въ городскомъ манежѣ. Особенно интересною кромѣ матча велосипедиста (г. Дзевочко) и коу-боя на этихъ состязаніяхъ не было. Въ I классѣ выступали П. Уточкинъ (Одесса), Бутылкинъ, Похильскій и А. Докучаевъ. Бутылкину только разъ удалось побить одессита (на чиплъ). Въ остальныхъ же гонкахъ ему приходилось пассовать передъ чампіономъ юга. Гораздо интереснѣе были гонки въ Петербургѣ, устроенныя общ. велосипедной ѣзды въ Михайловскомъ манежѣ. Почетныхъ призовъ было разыграно 3. Всѣ три приза (на сумму 1.100 рублей) взялъ чампіонъ Россіи царскоселъ М. И. Дьяковъ. Онъ побилъ на этихъ состязаніяхъ гг. Бутылкина, Похильскаго, Шварца (Чернова), Докучаева, Городынскаго и Осинскаго (оба послѣднихъ изъ Варшавы). Кромѣ того, имъ поставлены рядъ всероссійскихъ и всемірныхъ рекордовъ (безъ лидеровъ) и взято какъ и въ 1894 и 1895 гг. званіе I ѣздока сѣвера Россіи. Въ I разрядѣ

Группа членовъ царскосельскаго стрѣлковаго кружка.

ходили гг. Бутылкинъ, Докучаевъ, Шварцъ, Осинскій и австріецъ Бруно фонъ-Бюхнеръ. Изъ нихъ Бюхнеръ ниодного приза не получилъ. Во II разрядѣ больше всѣхъ призовъ взяли слѣдующія гонщики: Паринъ, взявшій чампіонитъ Петербурга, Ковмаръ, Мурманъ и Фаннинъ. Всѣ они переведены въ I классъ. На тандемахъ ходили Шварцъ и Кребсъ (Черновъ и Бѣловъ), Пуресевъ и Алексѣевъ (Зетъ) изъ Москвы и Э. Д. съ Н. I. (Де-Росси съ Голенищевымъ). Оба заѣзда на тандемахъ были выиграны гг. Шварцемъ и Кребсомъ, которыхъ можно считать лучшими тандемистами Россіи. Вотъ перечень иногороднихъ ѣздоковъ бравшихъ на этихъ состязаніяхъ призы: Бутылкинъ, Докучаевъ, Похильскій, Алексѣевы, Сафоновъ, Пуресевъ и Смоленскій (всѣ изъ Москвы), гг. Городынскій и Осинскій (изъ Варшавы) Кромѣ состязанія были поставлены на этомъ трекѣ слѣдующія рекорды:

Дист.	Имя ѣздока	Время.
7½ в.	Дьяковъ (ц. к. в. л.)	11 м. 37 с.
7½ в.	Шредеръ	11 м. 40 с.
25 в.	Дьяковъ (ц. к. в. л.)	39 м. 26¼ с.
25 в.	Пуресевъ	40 м.
37 в. 213½ с.	Дьяковъ (ц. к. в. л.)	1 часъ (всемірный безъ лидеровъ)
100 в.	Докучаевъ (м. кл. в.)	2 ч. 50 м. 13⅖ с. (во время 12 час. ѣзды)
104 в. 343 с.	Докучаевъ . .	3 час.
196 в. 125 с.	Докучаевъ . . .	6 час.
367 в. 100¾ с.	Докучаевъ . . .	12 час.

(предыдущій рекордъ его же 358 в.)

Кромѣ этихъ рекордовъ былъ поставленъ гг. Бахъ и Ольшевскимъ часовой рекордъ въ бѣгѣ. Они пробѣжали 13 верстъ 200 саженей.

Всѣ гонки общества прошли въ полномъ порядкѣ и имѣли громадный успѣхъ.

Б. С—нъ

На стартѣ.

Царскосельскій стрѣлковый кружокъ.

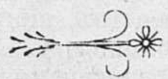
Изъ царства пернатыхъ. — Снѣжная сова, принесшая кормъ птенцамъ.

Съ натуры рисовалъ Августъ Шпехтъ.

Снѣжная сова

Снѣжная сова (Nictea nivea) — одна изъ самыхъ красивыхъ европейскихъ птицъ, а среди своихъ сородичей, совиной породы, она, несомнѣнно, занимаетъ первое мѣсто по изяществу формъ и оперенія. Это довольно крупная птица— длиною въ аршинъ, шириною съ простертыми крыльями болѣе двухъ аршинъ и вѣсомъ до шести фунтовъ. Господствующій цвѣтъ оперенія — бѣлый. Бѣлыя поперечныя полосы пестрятъ ея бѣлую одежду, особенно въ лѣтнее время; зимою она выглядитъ значительно бѣлѣе, подобно кобчику, который къ зимѣ тоже свѣтлѣетъ. У этой совы красивая, круглая голова, съ плоскимъ лицомъ, чернымъ клювомъ и яркими желтыми глазами. Птенчики, только что вылупившіеся изъ яицъ, почти совсѣмъ бѣлые, потомъ постепенно слегка темнѣютъ, а когда у нихъ начинается ростъ маховыхъ перьевъ, они становятся сизыми. Снѣжная сова очень крѣпка крыломъ и летаетъ лучше, быстрѣе, чѣмъ другія породы. Это почти полярная птица; она распространена по сѣверу Европы и Азіи, встрѣчается въ Гренландіи и Сѣверной Америкѣ. Въ Европѣ она, кажется, не спускается южнѣе 55° сѣверной широты, такъ что ее не удавалось видѣть южнѣе; восточной Пруссіи и Шотландскихъ острововъ; въ Америкѣ ее встрѣчаютъ нѣсколько южнѣе; чаще же всего она попадается въ нашей Лапландіи, гдѣ принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ птицъ. Зимою эти совы часто переселяются въ болѣе южныя мѣстности, но совсѣмъ не отъ холода, а просто на просто въ поискахъ за пищей, которая оскудѣваетъ въ зимнее время на далекомъ сѣверѣ, а въ Сѣверной Америкѣ позимамъ сова эта спускается по побережью Атлантическаго океана до Каролины и Кентукки, даже до Техаса. Въ Европѣ снѣжная сова появилась въ большомъ числѣ въ 1876 году; замѣчено было ея массовое движеніе къ югу также и въ Сѣверной Америкѣ. Въ этомъ году нерѣдко попадались стада снѣжныхъ совъ, по 15—20 штукъ; ихъ видали даже въ большихъ городахъ, причемъ птицы хватали все, что только имъ попадалось подъ клювъ; очевидно ихъ гнала голодовка съ мѣстъ постоянной осѣдлости. Зимою, вообще, немудрено встрѣтить снѣжную сову, напримѣръ, въ Моравіи и Богеміи, а въ Азіи она охотно залетаетъ даже въ Туркестанъ. Снѣжная сова вьетъ гнѣздо на землѣ, избирая по преимуществу кустарниковыя заросли посреди сѣверной тундры. Она кладетъ пятокъ яицъ, съ большими промежутками между каждымъ сносомъ, такъ, что вся кладка продолжается мѣсяцъ или полтора. Замѣчено, что птица становится плодовитой, когда обильнѣе кормъ, именно въ тѣ годы, когда сильно размножаются лемминги, которыми она кормится. Снѣжная сова—птица молчаливая; это замѣтилъ еще знаменитый Одюбонъ. Иногда она, впрочемъ, подаетъ голосъ, издавая звуки, которые Палласъ сравнивалъ съ хрюканьемъ свиньи. Эта порода совы, въ противоположность со своими сородичами, совсѣмъ не ночная птица; она охотится днемъ. Впрочемъ, оно вполнѣ и понятно. На родинѣ снѣжной совы, дальнемъ сѣверѣ, большую часть года дни такъ коротки, что все живое спѣшитъ попользоваться скоропроходящимъ солнечнымъ свѣтомъ; въ эти краткіе моменты дневного свѣта выходитъ изъ своего убѣжища и леммингъ, обычная добыча снѣжной совы, тутъ его и надо караулить. Птица вѣками приспособилась къ окружающей средѣ; у ней, надо думать, и глазъ не такъ впечатлителенъ къ дневному свѣту, какъ у другихъ совъ, и полетъ ея энергичнѣе. Снѣжная сова—птица осторожная, захватить ее врасплохъ мудрено; однако въ крайнюю минуту она не задумывается броситься на охотничью собаку. Кромѣ лемминговъ она охотится на птицъ и на рыбу; она не боится воды, даже видимо любитъ ее, ловко подкарауливаетъ рыбу и схватываетъ ее когтями. Она нерѣдко выкрадываетъ зайцевъ изъ силковъ, которые ставятъ на нихъ американскіе индѣйцы; тѣ знаютъ, кто ихъ обворовываетъ и очень не жалуютъ снѣжную сову, охотятся за нею съ озлобленіемъ; въ добавокъ ея мясо вполнѣ съѣдобно, по увѣренію Одюбена, даже очень вкусно. Самоѣды тоже кушаютъ снѣжную сову, тогда какъ калмыки воздаютъ ей чуть не божескія почести, а лопари считаютъ за выходца съ того свѣта.

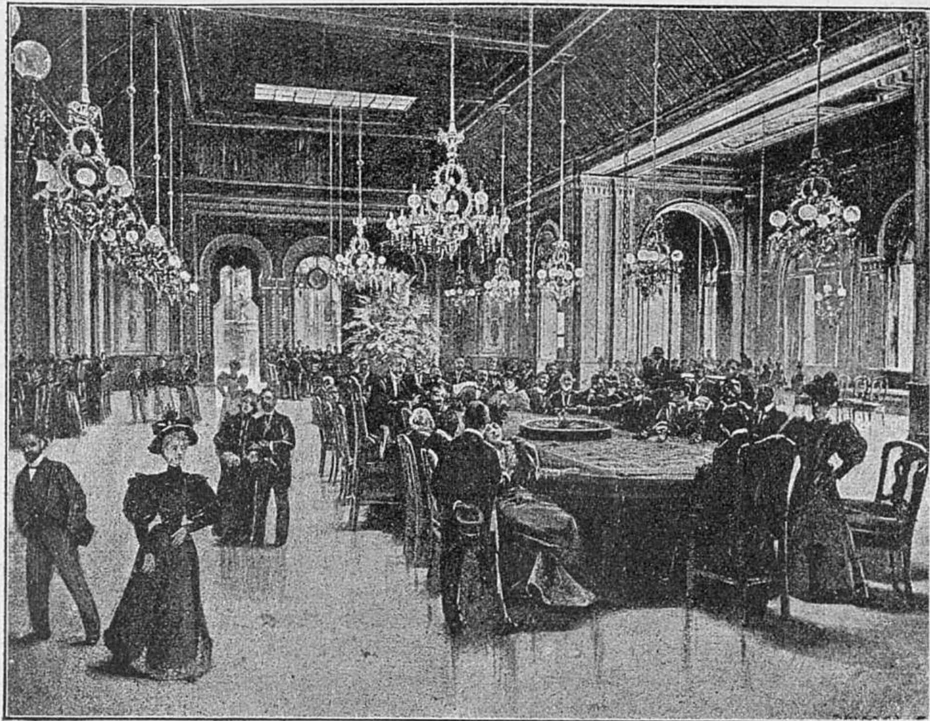

МОНТЕ-КАРЛО

Новелла ЭРНСТА ВИХЕРТА

Окончаніе

Около рулетки.

На слѣдующій годъ я въ самомъ дѣлѣ была просватана, а еще годъ спустя отпраздновали мою свадьбу, па которой вы сами пили шампанское за здоровье молодыхъ. О моемъ выигрышѣ въ рулетку не было даже и помину. Отцу, очевидно, хотѣлось, по возможности, заставить меня забыть о немъ, и это ему удалось, потому что мое молоденькое сердечко жаждало теперь совсѣмъ иныхъ жизненныхъ благъ. Только незадолго до свадьбы напомнилъ отецъ о маленькомъ капиталѣ, находившемся у него на сбереженіи, и тутъ мой женихъ узналъ о происшествіи въ Монте-Карло. Онъ весело согласился съ тѣмъ, что на деньги, доставшіяся такимъ путемъ, не слудуетъ смотрѣть серьезно, а лучше истратить ихъ на какое нибудь грандіозное удовольствіе.

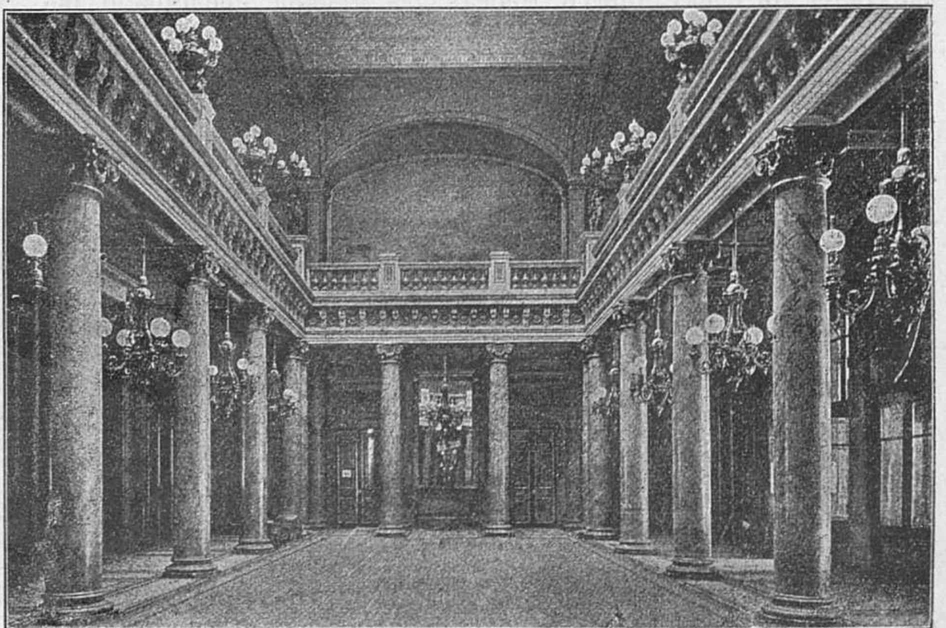
Мы провели двѣ восхитительныхъ недѣли нашего медоваго мѣсяца въ Тремеццо съ его великолѣпнымъ мѣстоположеніемъ у озера Комо, напротивъ Белладжіо; цѣлыми часами катались одни въ гондолѣ по голубымъ волнамъ и рѣшили проѣхать оттуда черезъ Генуя и Пизу прямо въ Римъ и Неаполь, а на обратномъ пути посѣтить Флоренцію и Венецію. О Ривьерѣ di Ponente не было и рѣчи. Но когда мы стояли въ Генуѣ на бастіонѣ Вилетты di Negro и смотрѣли къ западу, туда, гдѣ за величавымъ городомъ виднѣлся морской берегъ, облитый пурпурными лучами заходящаго солнца и какъ будто таявшій въ голубоватой дымкѣ на золотистожелтомъ фонѣ вечерняго неба, мною вдругъ овладѣло неодолимое, страстное желаніе увидѣть волшебные сады Санъ-Ремо и Монте-Карло. Точно обманчивая фата-моргана предсталъ передъ моими глазами игорный дворецъ съ его изящными башеньками, выступающими изъ зелени пальмъ, а по ту сторону бухты отвѣсно поднимающаяся изъ морскихъ волнъ темная скала Монако съ городомъ, замкомъ и крѣпостью на ней; все это промелькнуло передо мной, какъ туманное видѣніе. Я должна быть тамъ! воскликнула я, протягивая руку. — Гдѣ? съ удивленіемъ спросилъ мужъ. — Тамъ, за этимъ послѣднимъ голубоватымъ выступомъ, лежитъ райскій уголокъ. Ты не можешь его видѣть, но мои глаза!.. — Да вѣдь мы собирались завтра въ Римъ, сказалъ Артуръ. Я энергично тряхнула головой. — Нѣтъ, туда, туда! Такой дивной красоты не можетъ быть нигдѣ.

Онъ, конечно, уступилъ желаніямъ своей молодой жены. Здѣсь, въ Монте-Карло, мы пробыли нѣсколько дней. Мой мужъ собственно намѣревался только прокатиться въ экипажѣ изъ Ментоны въ Ниццу и обратно. Но такъ какъ мнѣ показалось, что онъ именно желаетъ миновать Монте-Карло, я настояла на томъ, чтобы заѣхать сюда на обратномъ пути и отпустить наемный экипажъ. Мы посѣтили игорный залъ. Не поставить ли мнѣ снова пять франковъ? спросила я. — Ахъ, не дѣлай этого, пожалуйста! съ необычной серьезностью отвѣчалъ Артуръ. — Почему нѣтъ? Вѣдь ты знаешь, что я всегда выигрываю. Какъ было бы мило, еслибы мы привезли домой большой мѣшокъ денегъ. Развѣ онѣ не могутъ тебѣ понадобиться? Онъ взялъ меня подъ руку и старался увести отъ рулетки. — Надѣюсь, намъ и такъ хватитъ нашихъ средствъ, былъ его отвѣтъ.— Не будь педантомъ, поддразнивала я. — Берегись! Счастье въ любви... предостерегалъ мужъ. Но принужденно-шутливый тонъ не удавался ему. — Давай, посмотримъ, предложила я, — правду ли говоритъ пословица; двадцать франковъ не будутъ для насъ чувствительной потерей, если мы вздумаемъ подтвердить ее.

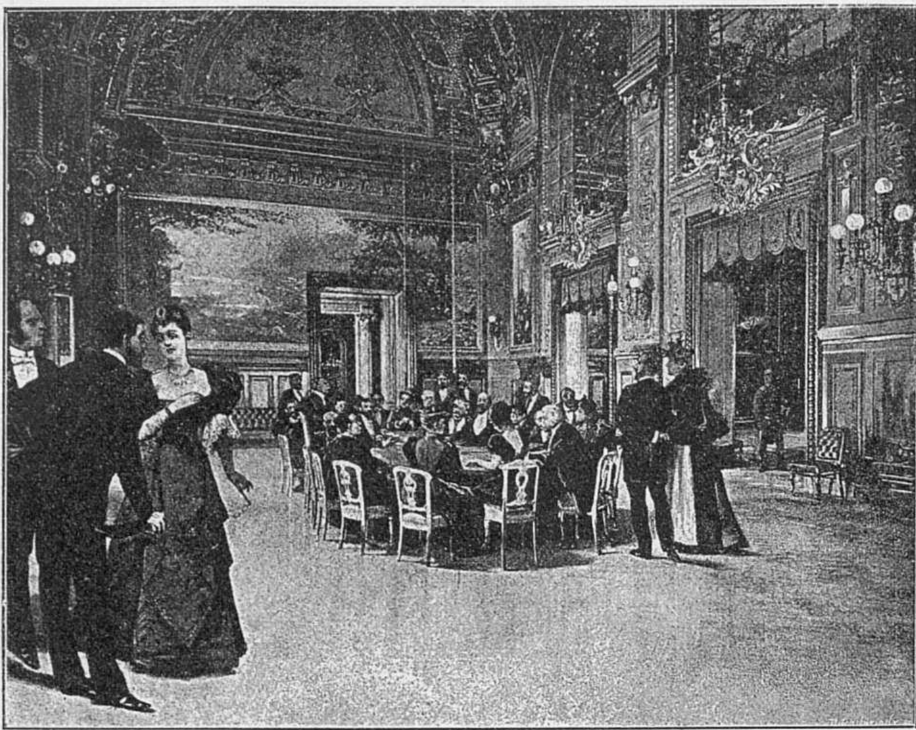
Я сѣла на то же мѣсто, которое занимала два года назадъ, начала играть, проиграла пять франковъ, десять и двадцать, и сто, и тысячу. Мною овладѣлъ сильнѣйшій азартъ. Я хотѣла насильно добиться счастья въ игрѣ и оставалась глуха ко всѣмъ увѣщаніямъ моего мужа. — Ты не любишь меня, если мѣшаешь мнѣ вернуть свой проигрышъ! воскликнула я, наконецъ, и продолжала ставить, пока не проиграла всѣхъ нашихъ денегъ, взятыхъ па дорогу. Мы должны были телеграфировать домой, чтобы насъ выручили. Теперь нечего было и думать о поѣздкѣ не только въ Сицилію, но даже въ Римъ и Неаполь. Я была жестоко пристыжена, разсержена, озлоблена противъ судьбы. Мой мужъ дѣлалъ видъ, что не принимаетъ случившагося къ сердцу. — Какъ пришло, такъ и ушло, утѣшалъ онъ меня. —Ну, что-жъ за бѣда. Вернемся двумя недѣлями раньше въ наше гнѣздышко, вотъ и все. Но его слова не могли разсѣять моего унынія. Мои мысли постоянно вертѣлись вокругъ одного вопроса; какъ бы мнѣ опять поправиться?

Въ самомъ дѣлѣ, я чувствовала себя какъ будто униженной, совершенно обезсиленной. То же самое долженъ испытывать чародѣй, когда волшебная палочка внезапно перестанетъ его слушаться. Вѣдь я всегда была счастлива въ игрѣ; какъ же это счастье вдругъ покинуло меня? Такъ не навсегда же! Не можетъ быть. Съ тѣхъ поръ я только и думала какъ бы мнѣ снова доказать, что я не перестала быть баловнемъ счастья.

То была болѣзнь, и ея пагубное дѣйствіе нисколько не укрылось отъ меня. Но какое средство могло здѣсь помочь? Какъ могла я выбросить изъ головы мысли, осаждавшія меня день и ночь? Я не заикалась о томъ никому, даже мужу. Мнѣ было искренно жаль, что я не могу принадлежать ему всѣмъ сердцемъ и даже въ его объятіяхъ не въ силахъ отдѣлаться отъ своей вѣчной думы. Я потихоньку копила деньги, урывая ихъ отъ хозяйства, отъ расходовъ на свой туалетъ, и брала билеты на всевозможныя лотереи. Сначала на это шли мелкія суммы, потомъ болѣе крупныя; сначала я пытала счастье въ отечественныхъ лотереяхъ, затѣмъ въ заграничныхъ, которыя, какъ будто, представляли лучшіе шансы. Меня собственно соблазняла цифра главнаго выигрыша: вѣдь долженъ же кому нибудь достаться счастливый нумеръ! почему же не мнѣ? Я съ возрастающимъ волненіемъ ожидала одного тиража за другимъ и, наконецъ, главнаго розыгрыша. Доставать выигрышныя таблицы, пробѣгать дрожащими пальцами длинные столбцы чиселъ—сдѣлалось для меня жгучей потребностью. Отъ времени до времени мнѣ случалось покрывать свои убытки, но этимъ я не могла удовольствоваться. Наконецъ... Протекли цѣлые годы въ этихъ безплодныхъ усиліяхъ и вдругъ все-таки обнаружилось, что я попрежнему могу назваться люби-

Залъ въ казино въ Монте-Карл.

Залъ для игры въ тридцать и сорокъ.

мицей счастья, какой меня считали. Я выиграла въ саксонской лотереѣ пятьдесятъ тысячъ марокъ.

Мы могли быть обезпечены этой суммой на всю жизнь. Нашъ бракъ до сихъ поръ оставался бездѣтнымъ, а кліентура моего мужа возрастала съ каждымъ годомъ. Онъ простилъ мнѣ мою скрытность, однако я замѣтила, какъ сильно мы отдалились другъ отъ друга. Стараясь наверстать потерянное, я страстно отдалась обязанностямъ любящей жены. Мнѣ казалось, что мужъ недостаточно тепло отнесся къ такой перемѣнѣ, и это охладило меня въ свою очередь. Меня оскорбляло, что онъ не хочетъ даже распоряжаться пріобрѣтенными мною деньгами. Какъ будто я такъ стремилась пріобрѣсти ихъ! Мужъ не могъ заполнить собою всѣхъ моихъ мыслей и чувствъ, и демонъ искуситель вкрался опять въ эту брешь.

Въ нашемъ домѣ бывалъ одинъ пріятель мужа, занимавшій должность бухгалтера въ крупной банкирской конторѣ. Такъ какъ Артуру нерѣдко приходилось садиться за работу послѣ ужина, то мы зачастую оставались съ гостемъ вдвоемъ. Надо полагать, что онъ влюбился въ меня и нисколько бы не поцеремонился обмануть своего друга, еслибъ я оказалась податливѣе. Но я не была подвержена такой слабости и думала только о томъ, какъ бы воспользоваться его услугами; мнѣ было нетрудно убѣдить своего поклонника спекулировать на биржѣ моими деньгами. Такимъ образомъ, у насъ находилась всегда неистощимая тема для разговоровъ. Я увлекалась, пробѣгая съ нимъ курсовую таблицу, давая ему порученія насчетъ продажи и покупки бумагъ, составляя смѣту дивидендовъ и высчитывая курсовую разницу. Эти волненія были пріятны моимъ нервамъ, уже давно доведеннымъ до болѣзненной раздражительности. Моимъ любимымъ занятіемъ по утрамъ, когда приносили газеты, сдѣлалось просматриваніе биржевого курса. Спустя недолгое время я пустилась въ такія рискованныя операціи, что утратила всякую осмотрительность и по неволѣ совершенно отдалась въ руки своего сообщника. Мы вели коммерческіе обороты съ русскими, румынами, греками, португальцами, брали на себя подряды, поставляли зерновый хлѣбъ, дисконтировали векселя—не знаю какое безуміе заставляло меня катиться все ниже и ниже по наклонной плоскости.

Однажды мой компаньонъ признался мнѣ, что онъ, кажется, запутался въ спекуляціяхъ. Черезъ два мѣсяца предстояло покрыть одну рискованную операцію, а нашихъ средствъ, какъ выяснилось уже теперь, далеко не хватало на это. Мнѣ надо было что нибудь предпринять. Это мучило меня день и ночь. Я не прикидывалась больною, когда сказала Артуру, что мое здоровье требуетъ леченья на водахъ. Въ то время онъ не могъ меня сопровождать, и это было мнѣ на руку. Я отправилась для укрѣпленія нервъ въ Сенъ Морисъ, но настоящей цѣлью моего путешествія было опять-таки Монте Карло. Я разсчитывала не надолго поѣхать туда и вскорѣ вернуться такъ, чтобы мужъ не замѣтилъ ничего. Только рулетка, по моимъ соображеніямъ, могла дать мнѣ шансы своевременно покрыть нашъ дефицитъ. Вѣдь была же я счастлива въ игрѣ и мнѣ могло, *должно было*, снова повести.

Я начала играть и въ самомъ дѣлѣ сначала выигрывала постоянно, а потомъ стала также постоянно проигрывать и мнѣ пришлось прекратить игру, чтобы спасти хотя часть своего выигрыша. Но суммы, привезенной мною домой, къ несчастью не хватило для покрытія нашихъ биржевыхъ спекуляцій. Пріятель струсилъ и открылся во всемъ моему мужу. Разыгралась сцена, которой я не хочу описывать. Я боялась, что Артуръ лишитъ себя жизни. Но любовь и благородство, однако, восторжествовали. Послѣ того, какъ я отдала все, что у меня было, онъ взялся уплатить остатокъ моихъ долговъ, которые были довольно чувствительны для его скромныхъ средствъ, при всей экономической разсчетливости; но съ помощью усиленной работы Артуръ могъ расквитаться съ кредиторами въ нѣсколько лѣтъ. Съ меня онъ только взялъ клятву никогда не пробовать невѣрнаго счастья, а легкомысленному пріятелю указалъ дверь.

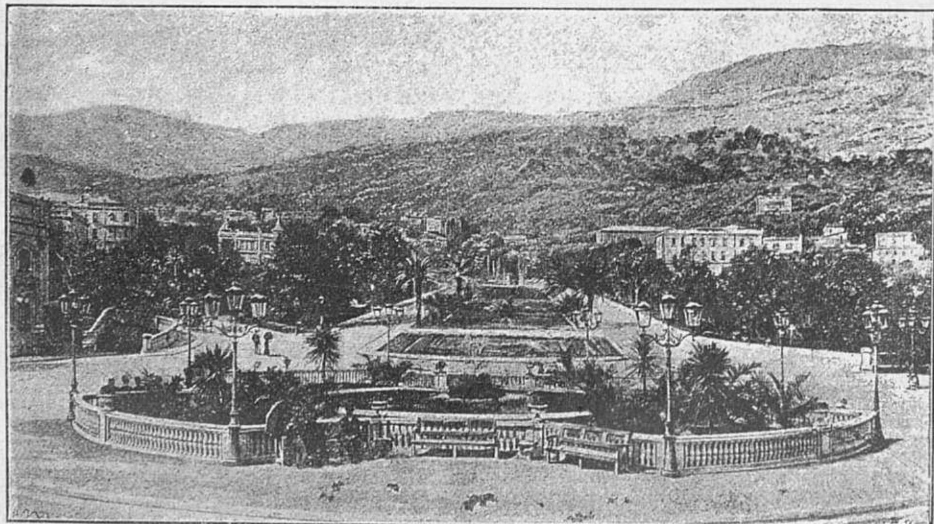
Вы видите, я ничего не прикрашиваю, я описываю вамъ свою неудачу, не отступая ни на іоту отъ правды. Я желаю только, чтобы вы мнѣ повѣрили въ томъ, что здѣсь, дѣйствительно, не было никакихъ скачковъ и одинъ шагъ неминуемо велъ къ слѣдующему шагу. Мнѣ оставалось сдѣлать еще послѣднее — вотъ теперешнее, но къ чести своей могу сказать, что я долго не рѣшалась на это. Потомъ, конечно...

Я сдержала свое обѣщаніе. Мало того: я старалась всѣми возможными средствами вознаградить Артура нѣжной заботливостью за его великую жертву. Мнѣ удалось снова пріобрѣсти его довѣріе и обратить къ себѣ его сердце. Совершенно неожиданно у насъ явилась надежда, отъ которой мы давно уже отказались.

— Это будетъ нашимъ счастьемъ, сказалъ Артуръ, не помня себя отъ радости, — и щедро вознаградитъ насъ за всѣ потери! Я подарила ему мальчика и думала сама, что загладила этимъ всѣ свои прежнія ошибки, что съ этихъ поръ я не поддамся никакому демонскому искушенію. Къ несчастью, ребенокъ явился на свѣтъ очень хилымъ; онъ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, несмотря на самый тщательный уходъ. Для меня не могло быть болѣе жестокаго удара. Мое здоровье было подорвано тяжелыми родами, и я съ отчаяніемъ смотрѣла на своего бѣднаго мужа, лишеннаго всѣхъ радостей жизни, убитаго горемъ, погруженнаго въ работу, въ которой онъ, казалось, видѣлъ теперь только средство забыться.

Ради чего трудился онъ? Чтобы заплатить трудовыми деньгами долги, которые я легкомысленно навязала ему на шею. Въ Артурѣ замѣчалась лихорадочная торопливость, какъ будто онъ не могъ развязаться съ ними достаточно скоро. Онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшаго отдыха, ни самаго дешеваго удовольствія, сталъ небреженъ въ одеждѣ, бросилъ даже курить, чтобы побольше откладывать. При этомъ онъ ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы я ни въ чемъ не отказывала себѣ. Какъ могла я послѣ того находить въ чемъ нибудь отраду?

Я такъ много времени оставалась одна и безпрерывно ломала голову, придумывая какое нибудь средство выйти изъ нашего положенія. Было бы совершенно напрасно пытаться описать вамъ мое тогдашнее состояніе духа. Я и сама теперь не могу отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, что со мной тогда происходило. Иногда намъ очень живо представляется что нибудь во снѣ и въ минуту пробужденія мы увѣрены, что все видѣнное нами имѣло между собою логическую связь. Но едва мы захотимъ припомнить свой сонъ, какъ замѣчаемъ, что онъ былъ сопоставленіемъ безсмыслицъ, и всѣ наши представленія разлетаются дымомъ. Такъ и я могу вамъ только сказать, что ходъ моихъ мыслей казался мнѣ совершенно логичнымъ, тогда какъ его обрывки, оставшіеся у меня до сихъ поръ въ памяти, не могутъ сдѣлать понятнымъ моего образа дѣйствій. Я была душевнобольной да и теперь, пожалуй, не вполнѣ здорова психически. Меня преслѣдовала одна идея съ самой упорной навязчивостью. Я была непоколебимо убѣждена, что мнѣ предстоитъ выиграть крупную сумму, еслибъ только еще разъ, единственный разъ, я имѣла возможность попытать свое врожденное счастье. Я старательно припоминала всѣ условія моей прежней игры, чтобы на основаніи опыта вывести отсюда заключеніе—въ какомъ случаѣ я дѣйствовала умно и гдѣ дѣлала ошибки. Такимъ путемъ я составила нѣчто вродѣ системы и съ тѣхъ поръ моимъ любимымъ занятіемъ стало все точнѣе и точнѣе развивать ее во всѣхъ подробностяхъ, принимая въ разсчетъ всѣ вѣроятности и стараясь исключить всѣ случайныя помѣхи. Когда кто нибудь думаетъ такимъ образомъ цѣлыми не-

Сады при казино въ Монте-Карло.

дѣлями, мѣсяцами и годами объ одномъ и томъ же предметѣ до того, что теряетъ способность обратить свои мысли на что либо другое... Не знаю—выдержитъ ли это даже здоровая голова. Впрочемъ, въ здоровой головѣ и не могутъ совершаться подобные процессы. Кромѣ того обѣщаніе, данное мужу, связывало меня, и оно стало мнѣ казаться тѣмъ безразсуднѣе, чѣмъ сильнѣе я внутренно убѣждалась въ непогрѣшимости придуманной мною системы. Съ теченіемъ времени эта мысль до того назрѣла у меня въ мозгу, что было достаточно самаго ничтожнаго толчка для того, чтобы вся эта безпорядочная масса предвзятыхъ идей и побужденій привела меня къ рѣшительному шагу и заставила дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи. Какъ будто сама судьба благопріятствовала мнѣ, когда Артуръ разсказалъ о полученныхъ имъ деньгахъ, которыя должны были храниться у него. Я подумала, что если не воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы добыть необходимыя средства для послѣдней попытки поиграть на счастье, то онъ никогда болѣе не представится, и я чувствовала, что сойду съума, если пропущу его. Едва это стало мнѣ яснымъ, какъ я направила всѣ свои помыслы на одинъ пунктъ: какимъ образомъ подобрать ключъ къ денежному шкапу и потихоньку уѣхать со своей добычей? То и другое удалось, но счастье насмѣялось надо мной. Ну вотъ — теперь вы знаете все.

Во время этого длиннаго разсказа Ангелика часто прерывала самое себя, какъ будто для того, чтобы найти его нить или удостовѣриться, что она еще не потеряла ее; потомъ молодая женщина сидѣла нѣкоторое время молча, ощупывая нервно дрожавшими пальцами лобъ подъ растрепавшимися мелкими кудрями. Теперь она закрыла обѣими руками глаза и такъ низко поникла головой, точно собиралась положить ее на колѣни; потомъ у ней изъ груди вырвался тяжелый вздохъ, она какъ будто хотѣла что то стряхнуть съ себя и вслѣдъ затѣмъ выпрямилась, чтобы посмотрѣть на насъ съ улыбкой.

— Ахъ! воскликнула Ангелика, — мнѣ теперь такъ легко послѣ того, какъ я высказала все, что было у меня на сердцѣ! И не правда ли, какое это удивительное стеченіе обстоятельствъ? Еслибы кто нибудь сказалъ мнѣ тогда, когда я была здѣсь съ моими дорогими родителями... Они не могли предвидѣть, что всего этого несчастья не случилось бы, еслибы мои пять франковъ остались у меня въ карманѣ, и я вовсе не желаю сваливать на нихъ вину; но, оглядываясь назадъ, я все-таки должна остановиться на этомъ началѣ, потому что если умолчать о немъ, то все случившееся впослѣдствіи покажется необъяснимымъ. Очень возможно, что въ насъ таится что-то, что одно даетъ надъ нами власть такимъ въ сущности невиннымъ фактамъ. Вѣдь утверждаютъ же, что заразительная болѣзнь лишь тогда переходитъ къ человѣку, когда въ самомъ организмѣ существуетъ предрасположеніе къ ней. Тѣло и душа! Думаете ли вы, что между ними есть различіе? Мы расположены къ воспринятію какого нибудь яда, случай или то, что люди подразумѣваютъ подъ этимъ словомъ, приводитъ насъ въ соприкосновеніе съ нимъ, и мы неминуемо заражаемся.

Ангелика встала и прошлась по комнатѣ, тогда какъ мы обсуждали втроемъ ея послѣднія слова. Она нѣсколько разъ глубоко перевела духъ, распрямляя плечи, какъ будто ей хотѣлось вздохнуть всею грудью. При этомъ молодая женщина машинально хваталась лѣвой рукой за то мѣсто у пояса, гдѣ у ней, вѣроятно, висѣли раньше карманные часы и, точно въ испугѣ, отдергивала руку прочь.

— Должно быть уже поздно, сказала, наконецъ, она. — Вамъ, навѣрно, хочется спать да и мнѣ тоже... Надѣюсь, я хорошо успу сегодня. Я такъ устала! Въ самомъ дѣлѣ смертельно устала!

Моя дочь зажгла для нея свѣчу. Ангелика протянула мнѣ руку.

— Ну, что-жъ, вы совсѣмъ отступаетесь отъ меня теперь?

— Еслибъ вы знали, сударыня, какъ мнѣ больно за васъ!

Она смахнула слезу.

— Но послѣ этого все пойдетъ по другому, сказала молодая женщина.—Такъ должно быть! Я рѣшила переночевать здѣсь только одну ночь. Завтра поутру я уѣзжаю съ первымъ поѣздомъ... если до тѣхъ поръ вы не передумаете и не откажете мнѣ въ обѣщанной помощи. Спокойной ночи!

Она пошла къ себѣ въ комнату и, немного спустя, затворила дверь, которую моя дочь нарочно оставила отворенной. Мы долго еще не могли успокоиться.

На другой день я самъ проводилъ Ангелику на вокзалъ, у морского берега, и купилъ ей билетъ до Вентимиліи, гдѣ она должна была просидѣть на границѣ ровно часъ, а потомъ взять билетъ для дальнѣйшаго пути. За него приходилось платить уже итальянскими деньгами, которыми я снабдилъ путешественницу въ достаточномъ количествѣ. Переѣздъ до границы продолжается всего какихъ нибудь полчаса. Ангелика казалась мнѣ совершенно спокойной, примирившейся со своимъ положеніемъ. Только когда я передавалъ ей въ пассажирской залѣ конвертъ съ итальянскими ассигнаціями, то замѣтилъ, что рука у ней дрожала. Тутъ съ грохотомъ подлетѣлъ поѣздъ изъ Ниццы; молодая женщина взошла на площадку вагона, еще разъ поблагодарила меня, раскланялась со мной и скрылась въ купэ.

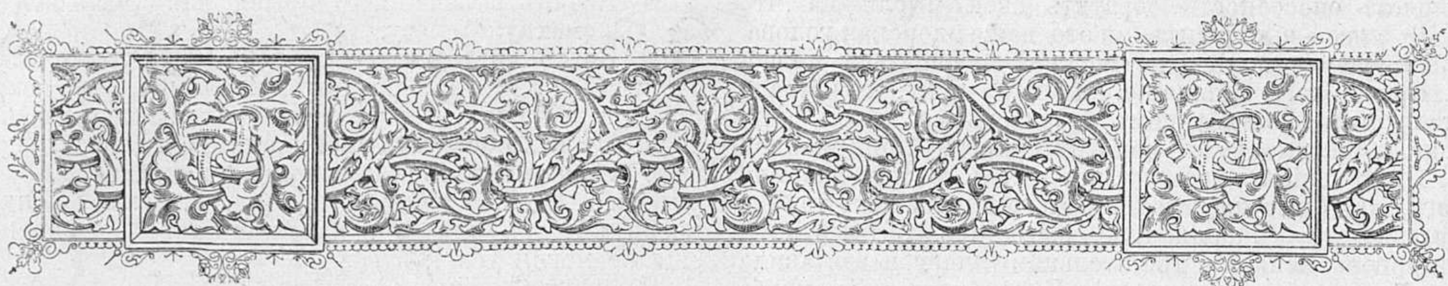
Я удалился съ платформы лишь по отходѣ поѣзда. „Слава Богу! Она уѣхала!“ было моей послѣдней мыслью.

На другое утро мнѣ подали письмо съ почтовымъ штемпелемъ. Ангелика писала: „Многоуважаемый другъ! Вы хлопотали о недостойной. Ваша жертва была напрасна. Когда я прощалась съ вами — видитъ Богъ! — у меня было честное намѣреніе вернуться къ мужу и никогда въ жизни не пробовать азартной игры. Но по дорогѣ въ Вентимилію — въ темныхъ тоннеляхъ — и потомъ во время остановки на станціи... Повѣрьте, я не могла иначе. Возлѣ меня точно сидѣлъ провожатый, который нашептывалъ мнѣ: вернись обратно, пока есть время, но это ужъ послѣдній, самый послѣдній срокъ. Если ты поѣдешь дальше, то никогда больше не видать тебѣ Монте-Карло, никогда не вернуть проигранныхъ денегъ, а дома тебя ожидаютъ позоръ и горе. Если же ты послушаешься меня — счастье снова повернется къ тебѣ съ неожиданной щедростью. Имѣй мужество нарушить данное слово, провести своего благодѣтеля, рѣшиться на послѣдній рискъ, и ты принудишь шарикъ рулетки катиться туда, куда нужно для твоего спасенія. Запомни нумера, которые я тебѣ назову — они выиграютъ! И онъ называлъ мнѣ ихъ — все одни и тѣ же числа. Однако я пока еще боролась; поспѣшила къ кассѣ—взять билетъ на обратный путь домой, но касса оказалась запертою; только черезъ полчаса ее должны были открыть. Тутъ моя судьба рѣшилась. Назадъ, въ Монте-Карло! Потомъ я проиграла всѣ деньги, полученныя на дорогу—демонъ-искуситель обманулъ меня. Но мнѣ теперь все-таки легче. Я знаю, что передо мной уже нѣтъ выбора. Мое возвращеніе къ мужу было бы преступленіемъ относительно его, еще худшимъ, чѣмъ предыдущіе; я *не смѣла* возвращаться. Когда вы прочтете мое письмо... Не разыскивайте меня: это будетъ совершенно напрасно. Но простите несчастной, если можете. Мое счастье было моимъ несчастьемъ. Прощайте! Ангелика“.

Недѣлю спустя, находясь въ Миланѣ, я прочелъ въ одной итальянской газетѣ краткую замѣтку о томъ, что послѣ сильнѣйшей бури съ юго-западнымъ вѣтромъ у мыса Мартино былъ выброшенъ моремъ женскій трупъ съ прострѣленнымъ правымъ вискомъ. „По всѣмъ вѣроятіямъ, новая жертва азартной игры“.

Бѣдная Ангелика!

ИЗГНАНІЕ БѢСОВЪ

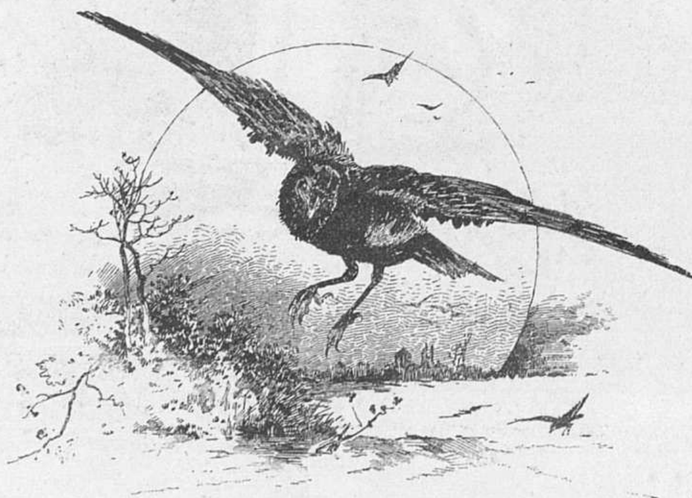
Изъ японской жизни

Будучи жителемъ Токіо, я обыкновенно ужинаю каждыя двѣ недѣли по четвергамъ у моего сосѣда инженера Сато, котораго, въ свою очередь, имѣю честь угощать у себя въ первый вторникъ каждаго мѣсяца. Такъ случилось и $^{27}/_{15}$ февраля; когда я провелъ у него вечернее время отъ 6 до 9 часовъ, причемъ любезная супруга хозяина, какъ и его оба сына частенько подливали мнѣ въ чарочку для саки горячаго, но невиннаго рисоваго вина, получаемаго моимъ пріятелемъ изъ его родного городка Нада. Я замѣтилъ, что ниша, передъ которой мнѣ обыкновенно приходится сидѣть на корточкахъ, была на этотъ разъ украшена игриво написанной висячей картиной, представлявшей исполинскаго героя Соки; онъ игралъ на флейтѣ, заставляя выдѣлывать на высокомъ шестѣ акробатическіе фокусы двоихъ чертенятъ: зеленаго и краснаго, что, судя по ихъ гримасамъ, было имъ очень не по нутру. Всякая перемѣна капитальныхъ украшеній въ парадной комнатѣ японскаго дома обязательно означаетъ что нибудь особенное. Зная это, я тотчасъ освѣдомился, не наступило ли время изгнанія бѣсовъ.

— Вы не ошиблись, отвѣчала мнѣ хозяйка, которой очень нравилось, что я больше интересуюсь подобными вещами, чѣмъ ея мужъ, радикально усвоившій себѣ европейское просвѣщеніе, благодаря своему долгому пребыванію въ Германіи. Въ нынѣшнемъ году этотъ праздникъ пришелся у насъ такъ поздно, потому что въ старинный мѣсячный календарь, по которому мы его справляемъ, включенъ високосный мѣсяцъ, и, такимъ образомъ, вмѣсто конца зимы это число пришлось въ разгарѣ цвѣтенія сливныхъ деревьевъ. Мой свекоръ занятъ теперь какъ разъ церемоніей праздника въ угловой комнатѣ на той половинѣ дома. Не хотите ли взглянуть на него?

Обрадованный такимъ предложеніемъ, я поспѣшно вскочилъ съ цыновки и отправился, какъ былъ, въ одныхъ чулкахъ, за моими хозяевами по длинному корридору къ сѣверо-восточной части ихъ жилища. Черезъ стекло раздвижной двери я увидалъ хорошо знакомаго мнѣ стараго японца въ праздничномъ одѣяніи и въ длиннѣйшихъ, волочившихся по полу шароварахъ, которые, очевидно, сильно мѣшали ему при ходьбѣ; онъ прохаживался взадъ и впередъ у стѣны, обращенной къ саду. Старикъ былъ совершенно одинъ въ комнатѣ и стоялъ къ намъ спиной. На деревянномъ подносѣ у него въ рукахъ лежали черные и коричневые бобы; торопливо отодвинувъ дверь въ садъ, онъ взялъ полную горсть бобовъ и швырнулъ ихъ туда, послѣ чего также поспѣшно задвинулъ дверь. Это повторилось три раза кряду, причемъ старикъ произносилъ громкимъ голосомъ: — „Счастье въ домъ, черти изъ дому!“ По знаку хозяина мы удалились также тихо, какъ и пришли, прежде чѣмъ его отецъ успѣлъ насъ замѣтить.

Полчаса спустя почтенный господинъ вышелъ къ намъ въ своемъ обыкновенномъ платьѣ, чтобы сѣсть за ужинъ. Вмѣстѣ съ нимъ къ нашей компаніи присоединился и младшій сынъ хозяина, любимый внучекъ старика, видимо сконфуженный. Онъ разсказалъ дѣду, что мы подсматривали за нимъ и что хозяйка дома склонила гостя къ такому преступленію. Но дѣдъ не разсердился, а принялъ это очень добродушно и съ улыбкой спросилъ свою невѣстку, которая, однако, немного смутилась и покраснѣла, не знаетъ ли она о томъ, что произошло однажды при изгнаніи бѣсовъ. Когда хозяйка дома, а за ней и всѣ мы остальные отвѣтили ему отрицательно и стали просить его разсказать намъ интересную исторію, старикъ велѣлъ принести изъ своей комнаты маленькій ларчикъ. Онъ вынулъ оттуда рѣзную табличку изъ слоновой кости, которую и подалъ сначала мнѣ, какъ гостю. На ней былъ искусно вырѣзанъ одѣтый по праздничному мужчина, разбрасывавшій вокругъ себя высоко поднятой рукой взятые съ дощечки бобы, точно такъ, какъ мы видѣли это сейчасъ, подсматривая за старымъ дѣдомъ. Спереди и сзади мужской фигуры убѣгали по всѣмъ направленіямъ чертенята, корчась отъ боли и съ гримасами потирая себѣ тѣ мѣста на тѣлѣ, куда попадали магическіе бобы. Но,—о ужасъ!—вмѣстѣ съ чертями удирала изъ дому и супруга того, кто совершалъ священный обрядъ. Она также не могла устоять противъ сверхъестественной силы заклинанія, когда въ нее попало нѣсколько бобинокъ съ наговоромъ. Супругъ съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ она обнаруживаетъ свою настоящую природу и какъ у ней показываются на лбу рожки. Одинъ изъ чертенятъ даже влѣзъ къ ней на спину, чтобъ она унесла его подальше, въ какое нибудь безопасное убѣжище. Юморъ всей этой группы такъ сильно подѣйствовалъ на меня, что я съ громкимъ хохотомъ передалъ табличку хозяйкѣ. Она также много смѣялась, а старикъ былъ доволенъ въ душѣ веселымъ результатомъ своего лукаваго мщенія. Но изгналъ ли этотъ урокъ навсегда бѣса любопытства изъ японской дщери Евы, остается подъ сомнѣніемъ.

☛ № 1418 (14) „Всемірной Иллюстраціи“ сданъ въ пятницу, 29-го марта: на городскую почту въ 2 ч. пополудни, московскимъ подписчикамъ въ 1 ч. 40 м. дня и въ субботу, 30-го марта, иногороднымъ въ 1 ч. 20 м. попол., въ чемъ и имѣются почтовыя расписки.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся: въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
ВЪ МОСКВѢ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ.
ВЪ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи „Вѣстника Винодѣлія“ В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

Дозв. цензурою. СПб. 5-го апрѣля 1896 г. За издателя — редакторъ Э. Д. ГОППЕ. Типографія Эд. Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

№ 1420. Годъ XXVIII.] 13-го апрѣля 1896 г. [Томъ LV. № 16.

При этомъ, 1420, нумерѣ »Всемірной Иллюстраціи« слѣдуетъ:

1) **Литературное приложеніе**, содержащее въ себѣ: а) »Руссо и Бланкасъ«, разсказъ Жана Рамо (съ иллюстраціями); б) »Самъ себѣ судья«, романъ Фридриха Шпильгагена (1-й листъ).

2) **Марія-Магдалина**, картина Піетро ди-Ротари.

3) Планъ всероссійской художественно-промышленной выставки 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ.

ШАХМАТЫ

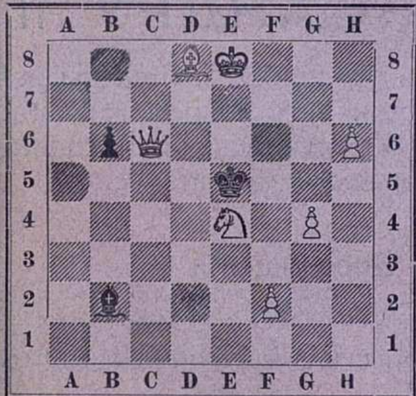
подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1868

Н. И. Максимова.

Изъ „Шахм. Журнала" № 10—12 1895 г.

Черные

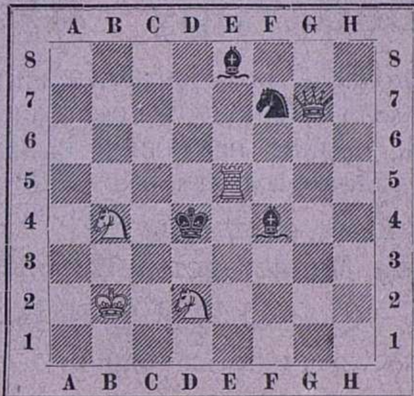

Бѣлые

Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1869

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

Матчъ Э. С. Шифферса съ В. Стейницемъ

ПАРТІЯ № 1165

Одиннадцатая и послѣдняя партія матча. Играна въ Ростовѣ-на-Дону 21-го марта 1896 г.

Испанская партія

	С. Шифферсъ. Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.						
1.	e2—e4	e7—e5	20.	a4 : b5	a6 : b5	39.	Ф a5—a7	С d7—f5
2.	К g1—f3	К b8—c6	21.	Ф b3—d1	c6—c5	40.	Ф a7—d4	Ф f6 : d4
3.	С f1—b5	С f8—c5	22.	Л a1 : a8	Л f8 : a8	41.	К f3 : d4	Л c8—a8 *k*)
4.	0—0	Ф d8—f6	23.	Л c1—a1	Л a8—b8! *e*)	42.	Кр g1—f1	С f5 : c2
5.	c2—c3	К g8—e7	24.	d4 : c5 *f*)	d6 : c5	43.	К d4 : c2	Л a8—a2
6.	d2—d4	e5 : d4	25.	К f3—e5 *g*)	С d7—e8	44.	Л e3—e2	Кр g8—g7
7.	С c1—g5	Ф f6—g6	26.	К e3—d5?	К e7 : d5	45.	g2—g3	Л a2—b2
8.	С g5 : e7	С c5 : e7	27.	e4 : d5	c5—c4	46.	К c2—a1	С d6—c5
9.	c3 : d4	0—0	28.	С d3—c2	С b6—c7	47.	f2—f4	Кр g7—f6
10.	К b1—c3	a7—a6! *a*)	29.	К e5—f3 *h*)	Л b8—d8	48.	h2—h3	h7—h6
11.	С b5—d3	d7—d6	30.	Ф d1—e2	Ф h6—d6	49.	g3—g4	С c5—d6
12.	К c3—d5	С e7—d8	31.	Ф e2—e4	g7—g6	50.	К a1—c2	Л b2 : b3
13.	Кр g1—h1 *b*)	К c6—e7	32.	Л a1—d1	Ф d6—f6!	51.	g4—g5†	h6 : g5
14.	К d5—e3 *c*)	Ф g6—h6	33.	b2—b3	c4—c3	52.	f4 : g5†	Кр f6 : g5
15.	Л a1—c1	c7—c6	34.	Кр h1—g1 *i*)	С c8—d7	53.	К c2—d4	Л b3—b2
16.	Ф d1—b3 *d*)	b7—b5	35.	Ф e4—b4	С c7—d6	54.	Кр f1—e1 *l*)	Л b2—b1
17.	a2—a4	С c8—d7	36.	Ф b4—a5	Л d8—e8	55.	Кр e1—f2	С d6—c5
18.	Л c1—a1	С d8—c7	37.	Л d1—d3	b5—b4		Бѣлые сдались *m*).	
19.	Л f1—c1	С c7—b6	38.	Л d3—e3	Л e8—c8!			

Примѣчанія В. Стейница и Э. С. Шифферса

a) Въ первой партіи матча В. Стейницъ игралъ здѣсь 10... d7—d6, на что, вмѣстно 11. К c3—d5, могло послѣдовать 11. С b5 : c6, b7 : c6; 12. Ф d1—a4 и т. д.—съ сильной партіей для бѣлыхъ.

b) Въ виду угрозы 13... С c8—g4 и 14, К c6 : d4; теперь можно будетъ послѣ С g4 : f3, брать этого слона пѣшкой.

c) 14. К f3—h4 и затѣмъ 15. К d5 : e7† и 16. К h4—f5, вѣроятно, вело къ ничьей (при разноцвѣтныхъ слонахъ).

d) Слѣдовало играть 16. b2—b4.

e) Ясно, что послѣ мѣны ладей (23.., Л a8 : a1; 24. Ф d1 : a1, затѣмъ 25. Ф a1—a3 или a6) черные должны проиграть.

f) Лучше было бы 24. К e3—c2, чтобы не давать хода пѣшкѣ d6 (?); послѣ же 24. d4—d5, бѣлые теряютъ пѣшку: 24... c5—c4; 25. С d3—c2 или e?, С b6 : e3 и т. д.

g) У бѣлыхъ оставалось только нѣсколько минутъ на 5 ходовъ; слѣдовало играть 25. b2—b3.

h) Лучше было бы 29. К e5—g4; напр.: 29... Ф h6—d6; 30. g2—g3 и затѣмъ 31. К g4—e3.

i) Здѣсь необходимо было играть 34. b3—b4.

k) Теперь бѣлымъ нѣтъ спасенья. В. Стейницъ до конца играетъ мастерски; особенно замѣчательно конечное положеніе, гдѣ имѣетъ мѣсто принужденіе ходить — „Zugzwang" (бѣлымъ почти нечѣмъ ходить).

l) Если 54. К d4—b5, то 54... c3—c2 и на 55. Л e2—e1—55... Л b2—b1.

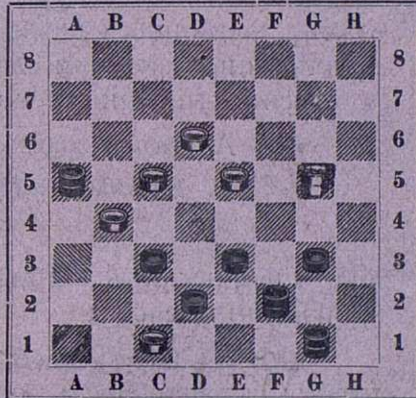
m) Если 56. Кр f2—e3, то 56... Л b1—d1 и выигрываютъ.

ШАШКИ

ЗАДАЧА № 161

Е. Ф. Андрезена (въ Спб.)

Черные

Бѣлые

Запереть простую.

ЗАДАЧА № 169

М. И. Туманова (въ Сызрани).

(Поддавки).

Черные

Бѣлые

Запереть свою простую.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ ВЪ №№ 1400 и 1402.

№ 145. *А. С. Егорова.* 1. d8—e7, b6 : d8; 2. a3—b4, f4 : c7; 3. b8 : d2, c3 : e1; 3. h2—g3, a5 : c3; 4. h8—g7, h6 : d6; 5. c1—d2, d8 : g5; 6. h4 : f2, c4—b2; 7. a1 : c3.

№ 146. *А. И. Шошина.* 1. b4—a5, d3—h2 (a); 2. f2—g1, h4—g3; 3. a5—b6, g3—f2; 4. e1 : g3, h4 : b4; 5. d4—c5, b4 : d6; 6. g1—c5, d6 : b4; 7. b2—a3, a7 : c5.

(*Вар. a*) 1... a7—b6; 2. c5 : a7, g3—h2; 3. f2—g1, h4—g3; 4. a5—b6, g3—f2; 5. e1 : g3, h2 : d6; 6. d4—c5, d6 : b4; 7. b2—c3, b4 : d2; 8. b6—c7, d2—c1 или e1; 9. g1—e3 или f2, c1 или e1 : b8.

№ 147. *А. С. Егорова.* 1. c3—b4, a5 : c3; 2. a3—c1, c7 : a5; 3. e7—b4, g5 : e7; 4. d8 : d2, c3 : e1; 5. h2—g3; h8 : f6; 6. a7—f2, a5 : c3; 7. h4—g5, f6 : h4; 8. c1—d2 и 9. a1 : c3.

№ 148. *А. И. Шошина.* 1. c1—b2, a5—b4; 2. c5 : a3, b6—a5 (a); 3. a3—b4, a7—b6; 4. b4—c5, a5—b4; 5. c5 : a7; b4—a3; 6. b2—a1, a3—b2; 7. c3—b4; b2—c1; 8. b4—c5, c1 : e3; 9. f4 : e3, h6 : f4; 10. d4—e5, f4 : b4; 11. a1—c3, b4—a3; 12. c3—a5, a3—b2; 13. a5—c7, b2—a1 или c1; 14. d2—c3 или e3, a1 или c1 : b8.

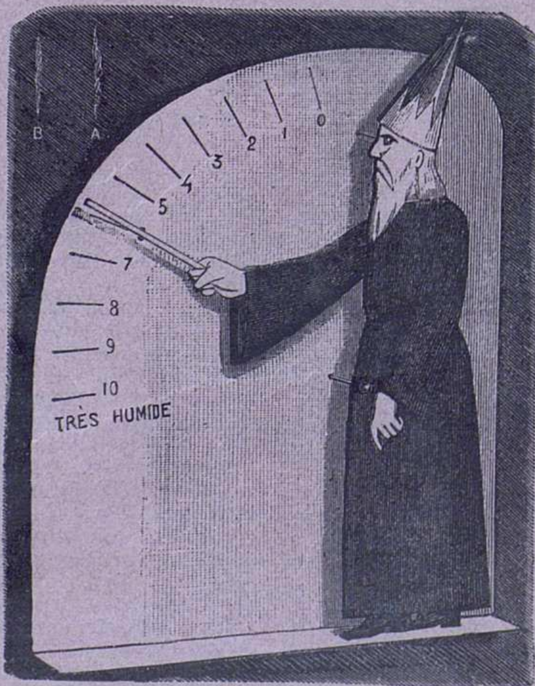
(*Вар. a*) 2... b6—c5; 3. d4 : b6, a7 : c5; 4. f4—e5, h6 : d6; 5. c3—e5, d6 : f4; 6. d2—e3, f4 : d2; 7. b2—c3, d2 : b4.

На турнирѣ по перепискѣ, о которомъ мы сообщали въ № 1411 „Всем. Илл.", записались еще слѣдующія лица: В. А. Калмыковъ, А. Г. Зинченко, Д. А. Николаевъ-Бородинъ, В. И. Тимофѣевъ, Г. А. Харченко, П. Θ. Матвѣевъ, К. И. Недригайловъ, А. Ш. Кентовъ, А. П. Сѣверовъ, И. М. Шостаковскій, М. В. Краснухинъ, В. В. Вармутъ и П. Н. Куликовъ.

Турниръ еще не начался, благодаря затрудненію, происшедшему вслѣдствіе необычайно большого наплыва участниковъ. Устроитель турнира П. Н. Бодянскій предлагаетъ въ виду этого разнаго рода измѣненія 2-го и 3-го параграфовъ условій турнира (см. № 1411 „Всем. Илл."). Такъ, напримѣръ, онъ думаетъ распредѣлить всѣхъ участниковъ на группы (приблизительно по 15-ти человѣкъ) и изъ побѣдителей въ группахъ составить новый турниръ. Всѣ эти измѣненія, конечно, имѣютъ свои выгоды, но и свои еще большіе недостатки. Намъ кажется, что надо бы измѣнить не 2-й и 3-й пар., а 4-й, по которому участіе въ турнирѣ не сопровождается никакимъ обязательнымъ взносомъ. Извѣстно, что русскій человѣкъ охотнѣе истратитъ на какое нибудь дѣло или удовольствіе 40 рублей (около этого обойдется, вѣроятно, турнирная переписка), платя по копѣйкамъ, чѣмъ согласится внести единовременно значительно меньшую сумму денегъ. Вотъ почему мы думаемъ, что, сдѣлавъ обязательнымъ для всѣхъ участниковъ турнира взносъ 5-ти рублей, можно было бы сократить число ихъ по крайней мѣрѣ вдвое.

Самодѣльный гигроскопъ

Гигроскопомъ называется приборъ для опредѣленія степени влажности воздуха, т. е. количества содержащагося въ немъ водянаго пара. Существуетъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ гигроскопическихъ, т. е. чувствительныхъ къ сырости, веществъ, которыя измѣняютъ свой объемъ съ перемѣною степени влажности. Подобно тому, какъ ртуть, измѣняющая свой объемъ отъ перемѣнъ температуры, можетъ служить для устройства термометровъ, такъ и гигроскопическія вещества могутъ служить матеріаломъ для устройства гигроскоповъ. Вотъ какимъ образомъ можно устроить такой приборъ изъ домашнихъ, подручныхъ, матеріаловъ. Вырѣжьте изъ папки кусокъ такой фигуры, какъ показано у насъ на рисункѣ. Снизу приклейте выступъ, на который можно поставить картонъ. На выступъ поставьте какую нибудь фигурку, которая просто на просто будетъ замѣнять собою указательную стрѣлку прибора. Эта фигурка прикрѣпляется къ папкѣ булавками; сама она остается неподвижною, а указателемъ служитъ ея рука, которая сочленяется съ фигуркою въ плечѣ. Это довольно хитрая операція, требующая сноровки и терпѣнія. Рука должна быть скрѣплена съ плечомъ какимъ нибудь гигроскопическимъ веществомъ, которое, измѣняя свой видъ и объемъ при разной степени сырости, заставляло бы руку подниматься и опускаться. Такимъ матеріаломъ можетъ послужить ость съ колоса какого нибудь хлѣбнаго злака—ячменя, пшеницы. Въ сухомъ воздухѣ она сжимается, скручивается, принимаетъ такой видъ, какъ показано подъ буквою *B* на рисункѣ, а во влажномъ воздухѣ она раскручивается, разрыхляется и принимаетъ видъ, показанный подъ буквою *A*. Главная трудность при устройствѣ нашего гигроскопа и состоитъ вся въ томъ, чтобы прикрѣпить ость однимъ концомъ къ рукѣ фигурки, а другимъ къ плечу капельками расплавленнаго сургуча. Когда вамъ удастся преодолѣть это затрудненіе— главная задача выполнена. Теперь помѣстите вашъ приборъ гдѣ нибудь въ очень сыромъ мѣстѣ, выдержите его, напримѣръ, надъ паромъ, подымающимся отъ горячей воды, подержите подольше. Ость развернется и оттянетъ руку фигурки книзу. Когда указатель дойдетъ до крайняго предѣла сгиба и остановится, отмѣтьте мѣсто остановки; это и будетъ у васъ максимумъ влажности воздуха („très humide", т. е. очень сыро, на нашемъ рисункѣ); поставьте здѣсь цифру 10. Потомъ помѣстите приборъ около печки или надъ плитою. Соломинка высохнетъ, рука, указующая цифры, поднимется вверхъ; обозначьте тутъ черту и отмѣтьте пунктъ нулемъ; это будетъ нашъ минимумъ влажности. Промежутокъ между 0 и 10 раздѣлите на десять равныхъ частей. Гигроскопъ готовъ и будетъ давать показанія.

Всемірная Иллюстрація

№ 1420. Годъ XXVIII. | 13-го апрѣля 1896 г. | Томъ LV. № 16.

Е. И. В. великій князь ГЕОРГІЙ МИХАИЛОВИЧЪ и Ея Высочество МАРІЯ ГЕОРГІЕВНА, королевна греческая.

Съ фотографій Э. Вестли и А. Пазетти. Гравировалъ И. И Хелмицкій.

По поводу совершившейся помолвки 23-го марта с. г.

Е. И. В. великій князь Георгій Михаиловичъ и Марія Георгіевна, королевна греческая.

Съ соизволенія Государя Императора и съ согласія короля и королевы эллиновъ и великаго князя Михаила Николаевича, 23-го марта Его Императорское Высочество великій князь Георгій Михаиловичъ помолвленъ съ королевной греческой Маріей. Августѣйшему жениху въ настоящее время идетъ тридцать третій годъ. Его Высочество—третій сынъ великаго князя Михаила Николаевича и въ Бозѣ почившей великой княгини Ольги Θеодоровны—родился въ Тифлисѣ 11-го августа 1863 года. Какъ извѣстно, съ именемъ великаго князя Георгія Михаиловича связаны важныя заслуги на поприщѣ науки, которую Его Высочество обогатилъ выдающимися трудами по нумизматикѣ. Почувствовавъ склонность къ занятіямъ этой наукой, Его Высочество изучалъ ее продолжительное время, теоритически и практически, подъ руководствомъ извѣстнаго нумизмата X. X. Гиля, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ сотрудникомъ своего августѣйшаго ученика по изданію перваго нумизматическаго труда великаго князя. Этотъ первый трудъ, носящій заглавіе „Описаніе и изображеніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ монетъ моего собранія“, вышелъ въ 1886 году. За нимъ послѣдовали: „Монеты царствованія императора Александра II“ (1888), „Монеты царствованія императора Николая I“ (1890), „Монеты царствованія императора Павла и Александра I“ (1891), „Русскія монеты 1881—1890 гг.“ (1891), „Русскія монеты, чеканенныя для Пруссіи, Грузіи, Польши и Финляндіи“ (1893), и „Монеты царствованія императрицы Екатерины II“ (1894). Помимо этихъ книгъ великій князь издалъ трудъ Домени „Сборникъ указовъ по монетному и медальному дѣлу въ Россіи“ (1887). Всѣ изданные великимъ княземъ труды по нумизматикѣ, помимо ихъ несомнѣнныхъ внутреннихъ достоинствъ, отличаются необыкновенной роскошью. Его Высочество обладаетъ богатѣйшей коллекціей россійскихъ монетъ. 13 апрѣля 1895 года послѣдовало Высочайшее назначеніе великаго князя управляющимъ „Русскимъ музеемъ Императора Александра III“. Его Высочество великій князь Георгій Михаиловичъ состоитъ флигель-адъютантомъ Его Императорскаго Величества и шефомъ 3-ей батареи лейбъ-гвардіи конно-артиллерійской бригады и 81 пѣхотнаго апшеронскаго полка.

Августѣйшей невѣстѣ великаго князя нынѣ двадцать лѣтъ и одинъ мѣсяцъ. Ея высочество королевна греческая Марія Георгіевна (Марія-Магдалина), дочь короля Георга I, роднаго брата Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, и Ея Высочества, великой княгини Ольги Константиновны, родилась въ Аθинахъ 20-го февраля 1876 года.

8-го (20-го) апрѣля 1896 г.

Рѣшеніе болгарскаго вопроса, столько лѣтъ бывшаго одною изъ „черныхъ точекъ“ на политическомъ горизонтѣ Европы, получило свою окончательную „санкцію“ въ Петербургѣ въ субботу на прошлой недѣлѣ. Въ этотъ день прибылъ въ нашу столицу многолѣтній фактическій правитель Болгаріи, признанный передъ тѣмъ султаномъ законнымъ княземъ упомянутой славянской страны и генералъ-губернаторомъ восточной Румеліи. Въ силу берлинскаго трактата инвеститура князя Фердинанда могла состояться только съ согласія всѣхъ державъ, подписавшихъ упомянутый трактатъ, и прежде всего Россіи, но до той минуты, пока признанный константинопольскимъ правительствомъ князь не вступилъ въ наши предѣлы и не былъ принятъ въ нихъ соотвѣтственно своему званію, не доставало еще фактическаго доказательства согласія Россіи на возстановленіе нормальнаго порядка вещей въ Болгаріи. Доказательствомъ этимъ явился 6-го апрѣля пріемъ, сдѣланный князю Фердинанду по прибытіи его въ Петербургъ. Встрѣченный на станціи варшавской желѣзной дороги августѣйшимъ главнокомандующимъ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа, правитель Болгаріи удостоился въ тотъ же день быть представленнымъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, а на слѣдующій день въ честь его былъ данъ большой обѣдъ въ концертной залѣ Зимняго дворца, и на этомъ обѣдѣ Государь Императоръ послѣ тоста въ честь султана пилъ здоровье князя Фердинанда и недавно присоединеннаго къ православію сына послѣдняго, княжича Бориса. Съ этихъ достопамятныхъ минутъ для Болгаріи начался новый періодъ ея политическаго существованія.

На западѣ Европы интересъ политической жизни разбрасывался на прошлой недѣлѣ между цѣлымъ рядомъ событій весьма разнообразнаго характера. Императоръ Вильгельмъ послѣ своего свиданія въ Венеціи съ королемъ Гумбертомъ побывалъ въ Вѣнѣ, въ гостяхъ у императора Франца-Іосифа, а затѣмъ вернулся въ Германію. О возможныхъ результатахъ его путешествія ходятъ самые разнорѣчивые толки, на которыхъ мы сегодня не считаемъ нужнымъ останавливаться.

Извѣстія, приходившія за послѣдніе дни изъ Англіи, заставляли невольно задумываться людей, близко знакомыхъ съ ходомъ европейской политики. Съ одной стороны въ наиболѣе авторитетныхъ органахъ правительственнаго лагеря появлялись, безъ всякаго видимаго повода, до крайности странныя выходки противъ Россіи и непрерывнаго ряда успѣховъ русской дипломатіи, а съ другой нѣкоторые изъ этихъ органовъ съ совершенно неумѣстнымъ и даже нѣсколько смѣшнымъ высокомѣріемъ ставили условія, на которыхъ Англія согласна снова сблизиться съ Германіею и съ тройственнымъ союзомъ. Условія эти были до такой степени нелѣпы и оскорбительны для національнаго самолюбія имперіи Гогенцоллерновъ, что вся германская печать встрѣтила ихъ съ глубочайшимъ негодованіемъ.

Въ то же самое время приходили свѣдѣнія, ясно показывавшія, что пресловутая экспедиція въ Донголу предпринята Англіей съ совершенно другими цѣлями, чѣмъ тѣ, на которыя первоначально указывало британское правительство. Сдѣлалось ясно, что дѣло идетъ вовсе не о помощи итальянскому гарнизону Кассалы, а о попыткѣ вторичнаго завоеванія Судана, успѣхъ которой, очевидно, далъ бы Англіи поводъ увѣковѣчить свое хозяйничанье въ Египтѣ, обязанномъ англійскому оружію возвращеніемъ обширной страны, бывшей нѣкогда египетскою провинціею. Этотъ оборотъ событій въ центральной Африкѣ естественно ставитъ на очередь вопросъ—не пришло ли время для континентальныхъ державъ Европы потребовать формальнымъ образомъ удаленія англичанъ изъ Египта, которымъ они распоряжаются столько лѣтъ безъ согласія верховнаго властителя земли фараоновъ—султана и въ серьезный ущербъ всѣмъ остальнымъ европейскимъ державамъ, заинтересованнымъ въ свободѣ плаванія ихъ военныхъ и торговыхъ судовъ по Суэзскому каналу.

Во Франціи продолжаются еще парламентскія вакаціи, необходимость которыхъ создаетъ ежегодно весенняя сессія департаментскихъ и генеральныхъ совѣтовъ, гдѣ засѣдаетъ множество депутатовъ, сенаторовъ и болѣе половины членовъ министерства. Характерною чертою этой сессіи въ нынѣшнемъ году являются многочисленные ихъ протесты противъ проекта подоходнаго налога, внесеннаго въ парламентъ правительствомъ. Большинство департаментскихъ совѣтовъ уже высказалось противъ упомянутаго проекта, и только очень немногіе отнеслись къ нему благопріятно. Хотя крайніе радикалы и соціалисты пробуютъ увѣрять, что это ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ члены департаментскихъ совѣтовъ въ большинствѣ сами капиталисты и относятся враждебно къ интересамъ рабочихъ классовъ, но министерство Буржуа уже поспѣшно приступило къ передѣлкѣ своего проекта, пробуя согласить основной его принципъ съ требованіями, высказываемыми большинствомъ націи какъ въ парламентѣ, такъ и въ департаментскихъ совѣтахъ.

Съ завтрашняго дня положеніе министерства еще болѣе усложнится. Сенатъ третьей республики возобновляетъ свои засѣданія 9 (21) апрѣля для преній о такъ называемыхъ „мадагаскарскихъ кредитахъ“, уже утвержденныхъ палатою депутатовъ. Дѣло идетъ о деньгахъ, которыя будутъ необходимы правительству съ 18 (30) апрѣля для продолженія замѣны войскъ, находящихся на Мадагаскарѣ, другими, свѣжими войсками. Сенатъ признаетъ, само собою разумѣется, что безъ такой издержки обойтись нельзя, но въ средѣ его членовъ многіе полагаютъ, что отказъ въ испрашиваемомъ правительствомъ кредитѣ вынудитъ министерство Буржуа подать въ отставку и потому возможно, что сенатскія пренія о „мадагаскарскихъ кредитахъ“ представятъ совершенно исключительный интересъ.

Послѣднія извѣстія изъ Вѣны сообщаютъ, что антисемитское большинство муниципальнаго совѣта этого города въ третій разъ выбрало первымъ бургомистромъ извѣстнаго доктора Люгера, дважды уже не утвержденнаго въ этомъ званіи императоромъ Францомъ-Іосифомъ. Повторится ли такое утвержденіе и нынѣ — пока еще трудно сказать, такъ какъ нынѣшнее австрійское министерство Бадени открыто держитъ сторону евреевъ, противъ чрезмѣрнаго преобладанія которыхъ въ городскихъ дѣлахъ такъ настойчиво протестуютъ вѣнскіе избиратели, подавая на городскихъ выборахъ свои голоса за антисемитовъ и восторженно привѣтствуя всякое новое избраніе главы этой партіи, доктора Люгера.

Свѣдѣнія изъ Рима, полученныя на прошлой недѣлѣ, значительно уменьшаютъ надежду на то, что война Италіи съ Абиссиніей кончится въ близкомъ будущемъ миромъ. Мирные переговоры генерала Балдиссеры съ негусомъ Меneликомъ, повидимому, совсѣмъ пріостановились, и главнокомандующій итальянскими войсками въ Эритреѣ готовится къ снятію блокады съ Адиграда. Въ Италіи въ послѣдніе дни уже разнеслись слухи, что цѣль эта достигнута побѣдою генерала Балдиссеры надъ войсками тигринскихъ военачальниковъ раса Алулы и раса Маконена, но изъ достовѣрныхъ источниковъ слухи эти

пока еще не подтвердились, точно также какъ и слухи объ очищеніи итальянцами Кассалы, отъ которой отошли къ сѣверу дервиши подъ командою извѣстнаго Османа-Дигмы.

МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ

Очерки и наброски

Нужно имѣть нѣкоторое мужество, чтобы по безконечнымъ лѣстницамъ нашего историческаго музея подняться на самый верхъ, въ то поднебесье, гдѣ пріютилась выставка картинъ исторической живописи. Пройдя, однако, этотъ изнурительный путь, который смѣло можете считать искупленіемъ любого изъ вашихъ прегрѣшеній, вы будете пріятно вознаграждены: тамъ, вмѣсто обычныхъ на такой высотѣ, подъ крышей, маленькихъ, низенькихъ помѣщеній, вы увидите обширныя залы, свѣтлыя и высокія. Цѣлыхъ семь такихъ залъ отведены подъ нынѣшнюю выставку.

Общество художниковъ исторической живописи совсѣмъ еще молодое у насъ. Это всего вторая его выставка. Она отличается особеннымъ обиліемъ матеріала. Собственно историческихъ картинъ, а тѣмъ болѣе очень выдающихся, на ней совсѣмъ мало, но есть другіе, крайне интересные отдѣлы. Я полагаю, что историческая картина, для того, чтобы она вполнѣ оправдывала свое названіе, должна непремѣнно изображать какой нибудь историческій „моментъ", т. е. событіе, игравшее извѣстную роль въ общемъ ходѣ исторіи. Или, если въ картинѣ и нѣтъ этого момента, нѣтъ исторической идеи, но она рисуетъ намъ общественный бытъ извѣстной эпохи, это все-таки будетъ историческая картина.

Но когда художникъ, откопавъ незначительный историческій анекдотъ, который могъ свободно случиться всюду и во всякую эпоху, дѣлаетъ его сюжетомъ картины, то, воля ваша, какъ бы хорошо она ни была выполнена, становится жаль потраченныхъ силъ и таланта, ибо это не историческая картина, это — люди въ костюмахъ и больше ничего. Вотъ это-то недоразумѣніе, это неуясненіе себѣ „духа исторіи", а потому и неудачное пользованіе для своихъ картинъ матеріаломъ, щедро предоставляемымъ исторіей и бросается прежде всего въ глаза на выставкѣ нашихъ художниковъ-историковъ. Когда смотришь на иныя изъ ихъ картинъ, невольно вспоминаются слова Гете:

> Was sie den Geist der Geschichte nennen
> Ist nur der Herren eigner Geist.

А это, мнѣ кажется, отражается невыгодно даже на выработкѣ техники, ибо незначительный анекдотъ не можетъ представить достаточно данныхъ для компановки, психологіи, экспрессіи лицъ и проч. и проч.

Изъ немногихъ выдающихся картинъ больше всего обращаетъ на себя вниманіе огромное по размѣрамъ полотно г. Свѣдомскаго „Сцена изъ временъ революціи". На переднемъ планѣ лежитъ на землѣ убитая молодая, красивая аристократка съ кроткимъ выраженіемъ покорности на лицѣ; на право валяются колеса и разбитая карета. Мимо движется черезъ обширное поле, вытянувшаяся длинной лентой, толпа народа съ импровизированными изъ тряпокъ знаменами, только что совершившая дикую расправу. Свинцовое, зловѣщее небо, озвѣрѣлыя лица толпы, какой-то особенный колоритъ всего окружающаго, производятъ мрачное, подавляющее впечатлѣніе. Вы чувствуете, что эта самая толпа совершитъ на своемъ пути еще много такихъ „подвиговъ". Картина написана съ большимъ мастерствомъ: фигуры, природа, масса движенія, все это замѣчательно. Г. Семирадскій выставилъ „Греческую семейную сцену", дающую полное и живое представленіе о древне-греческомъ бытѣ. Дарованіе и манера письма этого художника достаточно извѣстны, чтобы о нихъ распространяться. Блестящій колоритъ, смѣлость и сила письма невольно очаровываютъ и надолго приковываютъ зрителя къ картинѣ.

Двѣ картины г. Горскаго—собственность Государя Императора—изображаютъ интересный эпизодъ изъ пребыванія Петра Великаго во Франціи. На одной малолѣтній Людовикъ XV встрѣчаетъ русскаго царя во дворѣ Тюйльрійскаго дворца, на другой Петръ Великій несетъ Людовика на рукахъ по лѣстницѣ, ведущей во внутреннія комнаты. Обѣ картины написаны съ большимъ вкусомъ и чрезвычайно колоритно, въ нѣжныхъ, ласкающихъ глазъ, тонахъ. Детали отдѣланы съ поразительною тщательностью, такъ что, напримѣръ, гобелены по стѣнамъ вдоль лѣстницы кажутся настоящими. Своеобразная, необычная въ наше время манера письма, совсѣмъ гладкаго безъ намека на мазокъ, и бѣлесоватые тона красокъ приводятъ многихъ въ смущеніе: думаютъ, что это пастель, тѣмъ болѣе, что картины подъ стекломъ. Но не надо забывать, что вещи это стильныя, написанныя намѣренно въ стилѣ той эпохи. Онѣ могутъ служить прекраснымъ украшеніемъ залы, отдѣланной въ томъ же стилѣ, гдѣ собраны всѣ предметы и картины въ такомъ родѣ.

А. П. Рябушкинъ выставилъ „Типъ купеческой семьи XVII вѣка". Вотъ настоящій историческій жанръ. Вы чувствуете, что художнику удалось проникнуть вглубь вѣковъ, что изображаемое именно такъ и должно было происходить на самомъ дѣлѣ. Конечно, наша купеческая семья, да еще XVII вѣка, не греческая семья по красотѣ. Одѣта она такъ, что становится страшно; не „за человѣка страшно", какъ говоритъ Шекспиръ, а за свои собственные глаза: прямо больно смотрѣть, безъ преувеличенія (напр. красное съ зелеными полосами платье). Но это вина не художника, а самой семьи. Картина же обличаетъ крупное дарованіе и глубокое изученіе предмета. Картина г. Яковлева „Атаманъ Степанъ Разинъ и персидская царевна" написана только на половину хорошо. Лицо Разина, сидящаго на скалѣ, съ прекрасной экспрессіей; видна крѣпкая мучительная дума. Царевна — совсѣмъ плоха и окружающая природа выписана слабо, въ какихъ-то непонятныхъ тонахъ. Обращаетъ на себя большое вниманіе очень талантливая вещь г. Ціонглинскаго „Марія Потоцкая въ Бахчисараѣ". Тутъ видно яркое, смѣлое, быть можетъ, нѣсколько необузданное дарованіе. Прекрасный рисунокъ, много движенія, эффектное, очень оригинальное освѣщеніе. Вредитъ художнику только нѣкоторая склонность къ импрессіонизму.

Очень хорошо написана и „Клеопатра" г. Порфирова. Этотъ молодой художникъ, повидимому, имѣетъ будущность. Въ сладкой истомѣ, закинувъ назадъ голову, съ полуоткрытымъ ртомъ лежитъ красивая, обнаженная до пояса женщина; черные, какъ смоль, волосы разметались по сторонамъ. Тѣло — грудь въ большомъ ракурсѣ— выписано удивительно красиво; лицо—прямо очаровательно и полно экспрессіи, „въ ея щекахъ, какъ метеоръ, играетъ пламя крови южной". Но все-таки, почему на картинѣ Клеопатра, а не Отеро—этого не разрѣшитъ ни одинъ хитрый Эдипъ. Приходится вѣрить художнику на слово.

Это, кажется и все, что есть выдающагося на выставкѣ. Я не стану перечислять вещи г. Зейденберга, въ родѣ „Боярышня", „Боярыня", „Кумушки" и нѣкоторыхъ другихъ. Вотъ сюжеты, на которые слѣдовало бы установить особый налогъ. Отъ этого ихъ, разумѣется, нисколько не уменьшилось бы, но, по крайней мѣрѣ, казна сдѣлала бы недурныя дѣла... Впрочемъ, слѣдуетъ еще отмѣтить картину г. Матвѣева „Король прусскій благодаритъ Москву за спасеніе его государства". Художникъ Матвѣевъ открылъ въ мемуарахъ генерала Киселева интересный, всѣми забытый эпизодъ. Въ іюнѣ 1818 г. прибылъ въ Москву прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III. Съ нимъ были сыновья: старшій наслѣдный принцъ, ставшій потомъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, и 20-лѣтній принцъ Вильгельмъ, впослѣдствіи императоръ германскій Вильгельмъ I. Король освѣдомился, не осталось ли въ городѣ зданія, съ котораго можно было бы осмотрѣть развалины Москвы послѣ пожара 1812 г. Генералъ Киселевъ повелъ ихъ на Пашковскую вышку (бельведеръ въ домѣ теперешняго Румянцевскаго музея).

„Только что мы влѣзли туда", разсказываетъ Киселевъ „и окинули взглядомъ этотъ рядъ погорѣлыхъ домовъ и улицъ, какъ къ величайшему моему удивленію, старый король сталъ на колѣни, приказавъ и сыновьямъ сдѣлать то же. Отдавъ Москвѣ три земныхъ поклона, король, со слезами на глазахъ нѣсколько разъ проговорилъ: „вотъ наша спасительница!" Этотъ именно моментъ и изображенъ на картинѣ. Къ сожалѣнію, она вышла довольно таки блѣдной.

Талантливый А. А. Карелинъ выставилъ большую картину „Мортусы и боярскій сынъ". Боярскій сынъ Постниковъ, живя во Флоренціи и встрѣтивъ погребальную процессію съ неизбѣжными, страшными мортусами въ красныхъ саванахъ, полуиспуганно, полуиронически открещивается отъ этой комедіи. Выписаны фигуры прекрасно и компановка ихъ заслуживаетъ полной похвалы.

* * *

Теперь я попрошу васъ послѣдовать за мною въ другіе отдѣлы выставки. Двѣ залы отданы подъ посмертную выставку покойнаго Микѣшина. И чего тутъ только нѣтъ: рисунки, наброски, масляныя картины, проекты памятниковъ, даже карикатуры. Переходя отъ одной вещи къ другой, все больше и больше убѣждаешься въ разносторонности и оригинальности таланта покойнаго. Очень хороша картина „Самоубійца". Прекрасна и маленькая статуя „Іуда", сдѣланная покойнымъ для своей жены; художники здѣсь приходятъ въ восторгъ отъ нея. Прибавимъ еще къ этому проектъ грандіознаго памятника въ честь объединенія Италіи, получившій въ Римѣ первую премію, массу находящихся тутъ же другихъ историческихъ памятниковъ и т. д. и т. д.

Рядомъ находится залъ съ выставкой мозаичныхъ работъ петербургской мастерской г. Фролова. Мозаику у насъ начали дѣлать сравнительно недавно. До того выписывали ее изъ Италіи, платя огромныя деньги и получая вещь непригодную у насъ для наружныхъ украшеній, такъ какъ итальянская мозаика, приготовленная на особой мастикѣ, не выдерживаетъ нашего суроваго климата и быстро разрушается на воздухѣ. Г. Фроловъ работаетъ ее на цементѣ, отчего она пріобрѣтаетъ большую прочность. На выставкѣ фигурируетъ рядъ мозаичныхъ работъ г. Фролова, сданныхъ ему по конкурсу, для внѣшнихъ украшеній храма Воскресенія, сооружаемаго на мѣстѣ печальной памяти событія 1-го марта. По тонкости рисунка, подбору красокъ и колоритности эти работы не оставляютъ желать ничего лучшаго. Здѣсь же находится мозаика — голова Христа по оригиналу Брюллова, точное воспроизведеніе такой же мозаики, находящейся въ Исаакіевскомъ соборѣ и заказанной въ Италіи за 8,000 рубл., тогда, какъ русская, не уступая ей, стоитъ всего 1,000 рублей.

* * *

Богатъ на выставкѣ также декораціонный отдѣлъ, представляющій исторію развитія у насъ декоративнаго искусства. Тутъ развѣшены рисунки декорацій гг. Шишкова, Янова, Иванова, Бочарова и др. Масса публики толпится передъ замѣчательно художественно выполненными макетами, принадлежащими петербургскимъ Императорскимъ театрамъ. Эти макеты даютъ вполнѣ впечатлѣніе настоящей декораціи. Они впервые появляются на выставкѣ въ Россіи и были приготовлены для вѣнской театральной выставки. Публика, обыкновенно цѣликомъ воспринимающая впечатлѣніе отъ пьесъ въ театрахъ и не привыкшая анализировать его, тутъ только ясно постигаетъ—какое важное значеніе имѣетъ декоративное искусство въ этомъ впечатлѣніи, что оно несправедливо относится къ низшему роду искусства и что хорошій художникъ-декораторъ долженъ быть поставленъ наравнѣ съ выдающимися представителями живописи, скульптуры и проч. Въ концѣ концовъ, мы должны сказать большое спасибо предсѣдателю общества исторической живописи почтенному А. А. Карелину. Нужно было затратить массу труда и организаторскаго таланта, чтобы создать то, чѣмъ мы такъ любовались.

Московскій зритель

ЗА ГРАНИЦЕЙ

Американскій чудотворецъ. — Германскій скептицизмъ. — Buss - und Bettag въ Берлинѣ. — Пасхальные зайцы. — Дуэль фонъ-Котце съ фонъ-Шрадеромъ. — Безпристрастный судья.

Съ одной стороны рентгеновскіе лучи и кинематографъ, приводящій въ восхищеніе весь Парижъ — не тотъ маленькій кинематографъ, который показывался зимою въ фойе Малаго театра, а увеличивающій движущіяся и разговаривающія фигуры до натуральныхъ размѣровъ; съ другой — чертовщина, черная обѣдня, фокусы оккультизма и, наконецъ, прославившійся въ послѣднее время, таинственный Францъ Шляттеръ, всполошившій, по словамъ газетъ, Сѣверную Америку своими чудесами.

Францъ Шляттеръ родился гдѣ-то во Франціи въ бѣдной семьѣ, эмигрировалъ въ Америку, сталъ проповѣдывать любовь къ людямъ, отростилъ себѣ волосы, былъ кротокъ и незлобивъ не принималъ никакихъ подарковъ и не бралъ денегъ за свои молитвы — однимъ словомъ, сдѣлался безкорыстнымъ юродивымъ, вольнопрактикующимъ святымъ и, наконецъ, началъ творить чудеса. За нимъ шли толпы народа, благословляя его, и больные стекались къ нему со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ и у насъ гдѣ-то на сѣверѣ, чуть ли не въ олонецкой губерніи, появился какой-то молодой человѣкъ, лечившій прикосновеніемъ. Не извѣстно, что съ нимъ теперь сталось. Францъ Шляттеръ тоже прикоснется — и горбъ распрямляется, слѣпые прозрѣваютъ, хромые получаютъ возможность ходить. Самымъ простѣйшимъ

Русскіе художники. — Весенняя идиллія. Картина Генриха Семирадскаго.

Гравировалъ Р. Бонгъ въ Лейпцигѣ.

Иностранные художники. — Проклятіе Тангейзера папою. Картина Эд. Кемпффера.

способомъ, которымъ не владѣлъ еще никогда ни одинъ врачъ, Францъ Шляттеръ, однимъ возложенiемъ руки, совершалъ не только хирургическія исцѣленія,но и радикально помогалъ такимъ больнымъ, которые страдали застарѣлыми раками, чахоткою, пороками сердца. Когда же до безконечности умножилось число его пацiентовъ, онъ сталъ раздавать имъ свои перчатки. Достаточно было прикоснуться къ перчаткѣ, чтобы выздоровѣть. Францъ Шляттеръ ѣздилъ по Соединеннымъ Штатамъ изъ города въ городъ и фуроръ, который онъ производилъ, превосходитъ всякое описанiе. Почтенные люди, городскіе головы, убѣленные сѣдинами, выѣзжали къ нему на встрѣчу. Доктора сидѣли въ своихъ кабинетахъ и шипѣли отъ досады, но не смѣли громко протестовать, такъ какъ народъ могъ растерзать ихъ. Сначала новый пророкъ велъ себя очень скромно, но съ теченiемъ времени сталъ поговаривать, вперяя въ небеса вдохновенные взоры, что онъ сынъ Божій. Святому человѣку отвели хорошенькій флигелекъ для жительства въ какомъ-то городкѣ. По обыкновенію, толпа народа ждала его въ одно прекрасное утро, но онъ исчезъ. Когда-то Пиѳагоръ исчезъ такимъ же образомъ, и поклонники его долго думали, что онъ взятъ богами на небо, пока Этна не выбросила наружу его мѣдныя сандаліи. Впрочемъ, Францъ Шляттеръ не носилъ сандалій и гдѣ онъ — никто не знаетъ. Американскія газеты загадочно промолчали на этотъ счетъ, каждому предоставивъ сдѣлать выводъ изъ краснорѣчивыхъ фактовъ, какой кому заблагоразсудится.

Интересно, что такая распространенная и, повидимому, серьезная газета, какъ „Новое Время", напечатавъ портретъ Франца Шляттера и переведя статейку о немъ изъ „Revue des Revues", а также перепечатавъ въ извлеченiи корреспонденцію какого-то шляттеровскаго пацiента изъ „Московскихъ Вѣдомостей",—интересно, что „Новое Время" замѣтило по этому поводу, что оно *охотно* повѣрило бы чудесамъ Шляттера, еслибы американскія газеты не были извѣстны съ давнихъ поръ своими утками.

Въ самомъ дѣлѣ, американскія газеты, даже научныя, отличаются своимъ лганьемъ. Но въ сполохѣ, произведенномъ появленiемъ Франца Шляттера, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Такіе сполохи случаются, и мы читали у Ломброзо описаніе точь въ точь такой же исторіи, розыгравшейся въ Италіи, кажется, въ шестидесятыхъ годахъ. Пророки въ родѣ Шляттера никогда не сидятъ на мѣстѣ. Они бѣгутъ изъ одного края въ другой, рѣчь у нихъ пламенная, глаза горятъ; длинные волосы, блѣдное лицо. Пророкъ, котораго описываетъ Ломброзо (забылъ его имя), былъ истиннымъ бѣдствiемъ для народа. Ради него были брошены полевыя работы, толпа больше чѣмъ въ десять тысячъ шла за нимъ и по дорогѣ умножалась приставашими къ ней прозелитами. Такъ продолжалось, пока чудотворца не арестовали и не посадили въ сумасшедшій домъ.

Что же касается чудесъ, то это дѣло, такъ сказать, субъективное. Въ Россiи есть деревни, гдѣ сжигаютъ колдуній за то, что онѣ творятъ вредныя чудеса. Но гдѣ есть вѣра въ сверхъестественное зло, тамъ возможна вѣра и въ добро, получаемое такимъ же сверхъестественнымъ путемъ. Года еще не прошло съ того времени, какъ московскій профессоръ чудесно исцѣлился отъ неизлечимаго сикхоза и объ этомъ подробно трубили газеты, жадныя до всякихъ сенсаціонныхъ слуховъ. Увы, въ настоящее время бѣдный профессоръ удалился за черту города, изгнанный изъ столицы своей болѣзнью, которая, на самомъ дѣлѣ, не покидала его.

Гдѣ-то я прочиталъ, что ничего подобнаго не могло бы произойти въ Германiи, такъ какъ великій реформаторъ Лютеръ положилъ въ ней начало скептицизму,спасающему „честныхъ" нѣмцевъ отъ разныхъ добросовѣстныхъ и недобросовѣстныхъ шарлатановъ. Можетъ быть. Хотя, съ другой стороны, Лютеръ положилъ начало и сектантству. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время Германія погружена въ матеріализмъ, и церкви посѣщаются только изъ приличія и то далеко не всѣми. Единственный день, когда въ Берлинѣ закрываются театры и всѣ увеселительныя заведенія—страстная пятница. Это день молитвы и покаянія (Buss-und-Bettag). Всѣ магазины и лавки тоже запираются—полиція строго слѣдитъ за этимъ. Въ этотъ покаянный день нельзя достать ни за какія деньги листочка бумаги, зато—раздолье кабакамъ. Buss-und-Bettag превращается въ день самаго лихого разгула для берлинцевъ. Одинъ компетентный корреспондентъ сообщаетъ, что знаменитая загородная пивная „Бокъ" посѣщается въ этотъ день десятками тысячъ людей. Въ страстную пятницу преобладаютъ пьяные скандалы, и въ попойкахъ принимаютъ участiе женщины и дѣти. Молодая императрица очень набожна и построила въ своей столицѣ до двадцати новыхъ церквей, которыя, разумѣется, всѣ пустуютъ, а надъ усердіемъ августѣйшей строительницы посмѣиваются берлинцы.Вообще,берлинцевъ справедливо упрекаютъ въ большомъ лицемѣріи. Они строятъ храмы, закрываютъ въ великіе праздники театры, а кабаки и рестораны пользуются полной свободой. Полиція словно взяла на себя заботу загонять въ нихъ народъ подъ личиной благочестивой ненависти къ театральнымъ зрѣлищамъ. Замѣчательно, что ни одинъ депутатъ, защитникъ воскреснаго покоя для прикащиковъ магазиновъ, не рѣшился потребовать такого же праздничнаго покоя для прислуги, сбивающейся съ ногъ въ пивныхъ и кабакахъ.

Впрочемъ, въ Германiи пасха не считается въ числѣ такихъ большихъ праздниковъ, какъ Рождество. Нѣмцы обратили въ праздникъ только страстную пятницу. Пасха даетъ о себѣ знать развѣ выставками въ кондитерскихъ. Выставляютъ яйца во всевозможныхъ видахъ, сахарныхъ куръ и, вмѣсто принятаго у насъ барашка — символъ непорочнаго агнца, вездѣ выставляется заяцъ der Osterhase. Въ дѣтскихъ циркулируетъ басня, что пасхальныя яйца несутся не курами, а зайцами. Корреспонденты называютъ это явленiе зоологическимъ феноменомъ, но зоологическій феноменъ освященъ обычаемъ. „Зайцы всѣхъ величинъ—отъ микроскопическаго бриллiантоваго, въ видѣ часового брелока или булавочной головки и до гигантскаго изъ папье-маше—заполняютъ Берлинъ".

Но пасха прошла въ Берлинѣ, прошла и у насъ. Нѣтъ надобности распространяться о берлинской пасхѣ.

Изъ послѣпасхальныхъ происшествій въ Берлинѣ особенное вниманiе всѣхъ газетъ обратила на себя дуэль Котце съ Шрадеромъ.

О причинахъ, вызвавшихъ эту дуэль, имѣются самыя разнорѣчивыя мнѣнія. Одни утверждаютъ, что виноватъ Котце, другiе — что Шрадеръ его оклеветалъ.

Возникла эта исторія болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ. Въ Берлинѣ лежалъ хорошій санный путь. Берлинская аристократія, собравшаяся праздновать день рожденія молодой красавицы графини Гагенау, отправилась въ загородный ресторанъ вмѣстѣ съ дамами. Тамъ полилось шампанское рѣкой. Было весело. И затѣмъ всѣ разъѣхались по домамъ. Но на другой день какъ тѣ, кто участвовалъ въ этой пирушкѣ, такъ и близкіе къ нимъ люди получили грязныя анонимныя письма. Таинственныя посланія эти взволновали берлинское общество и породили чудовищныя сплетни, которыя постоянно поддерживались и оплодотворялись новыми анонимными письмами какого-то негодяя. Письма эти не давали покоя знатнымъ берлинцамъ въ теченiе двухъ лѣтъ. Писанiе грязныхъ писемъ — это своего рода психозъ. Грязь стала брызгать даже на членовъ императорской фамиліи и сама императрица получила анонимное письмо. Вслѣдствiе этого императоръ Вильгельмъ вмѣшался и назначилъ секретную коммиссію для дознанія, кто авторъ анонимныхъ мерзостей. Не извѣстно, на какомъ основанiи, но церемонiймейстеръ фонъ-Шрадеръ высказалъ предположенiе, что письма сочиняетъ и посылаетъ никто иной, какъ его товарищъ, тоже церемонiймейстеръ, фонъ-Котце.

Такъ какъ неслыханно-дерзкими письмами были оскорблены родственныя чувства императора, то онъ поторопился арестовать фонъ-Котце и отдать подъ судъ. Судъ былъ военный, негласный. Онъ призналъ фонъ-Котце невиннымъ. Фонъ-Котце былъ выпущенъ на свободу и тогда возникъ въ обществѣ вопросъ, почему онъ не дерется съ фонъ-Шрадеромъ. Общество раздѣлилось на партіи, одни за Котце, другіе противъ него. Клевета разливалась во всѣ стороны, а она также неотразима и ядовита въ Берлинѣ, какъ и въ Петербургѣ — по крайней мѣрѣ, по отношенію къ тѣмъ, кто обращаетъ на нее вниманiе и придаетъ ей значенiе. Братъ фонъ-Котце вызвалъ на дуэль нѣкоего Рейнаха, а затѣмъ Рейнахъ ранилъ въ ногу самого фонъ-Котце. Между тѣмъ, желая обѣлить себя предъ судомъ общественнаго мнѣнія, которое осталось въ неизвѣстности, благодаря негласности военнаго суда, кто виновенъ во всей этой исторіи, фонъ-Котце перенесъ дѣло въ гражданскій судъ, требуя, чтобы фонъ-Шрадеръ былъ признанъ клеветникомъ. А такъ какъ онъ военный и его врагъ тоже военный (въ Германiи всѣ военные), то военный судъ чести возмутился этимъ и фонъ-Котце было категорически заявлено, что онъ долженъ вызвать Шрадера на дуэль, иначе онъ будетъ заклейменъ всеобщимъ презрѣніемъ, а отъ приговора гражданскаго суда уклонится.

Говорятъ, что еслибы императоръ Вильгельмъ былъ въ Берлинѣ, онъ не допустилъ бы состояться этой дуэли. Но берлинцы воспользовались отсутствiемъ императора и натравили фонъ-Котце на фонъ-Шрадера. Желанная дуэль, наконецъ, состоялась и фонъ-Шрадеръ смертельно раненъ былъ въ животъ.

Надо замѣтить, что, благодаря милитаризму, нигдѣ не бываетъ такъ много дуэлей, какъ въ Германiи. Тамъ всѣ—запасные офицеры, хотя и носятъ статскую одежду. Понятія о чести болѣзненно извращены, а полковые суды неумолимо блюдутъ за тѣми, кто небрежно относится къ своей „чести". Въ то же время гражданскіе германскіе суды, въ общемъ, очень справедливы и нелицепріятны.

Едва ли, однако, нѣмецкіе судьи безпристрастнѣе англійскихъ. Приведемъ разсказанный недавно характерный анекдотъ о сэрѣ Томасѣ Гаукѣ, эсетенскомъ мировомъ судьѣ. Онъ былъ крайне добросовѣстный жрецъ правосудія и, нѣкоторымъ образомъ, стяжалъ себѣ безсмертіе. У него была слабость: въ часы досуга онъ любилъ проводить время въ обществѣ друзей и попивать винцо. При этомъ онъ доходилъ до того, что, забывая о своемъ достоинствѣ, велъ себя черезчуръ развязно и весело. На другое утро, являясь въ присутствiе и занявъ судейское мѣсто, онъ провозглашалъ:

— Сэръ Томасъ!

И самъ отвѣчалъ:

— Здѣсь, ваше превосходительство.

— Вы вчера неприлично вели себя, сэръ Томасъ, — опять громко провозглашалъ судья и опять самъ отвѣчалъ:

— Совѣстно сознаться, а, дѣйствительно, такъ.

— Я васъ приговариваю къ фунту стерлинговъ штрафа, сэръ Томасъ.

— Благодарю покорно, ваше превосходительство. Вотъ деньги,— отвѣчалъ самъ себѣ судья и вносилъ штрафъ.

Лиръ

Въ морозъ

(Посвящается М. Д.)

Мчатся кони, словно птицы,
Вѣтеръ свищетъ грозно...
Сосенъ бѣлыхъ вереницы
Тонутъ въ мглѣ морозной...

На твою ложатся шубку
Брызги пыли снѣжной...
Я тебя, мою голубку,
Обнимаю нѣжно...

Пусть свирѣпъ морозъ трескучій —
Намъ его-ль страшиться?!
Погляди! Быстрѣе тучи
Наша тройка мчится...

Свѣтитъ яркою звѣздою
Взоръ твой искрометный...
Не догонитъ насъ съ тобою
Вѣтеръ перелетный.

Если-жъ злиться будетъ вьюга,
Холодъ мы почуемъ, —
Обогрѣемъ мы другъ друга
Жаркимъ поцѣлуемъ!

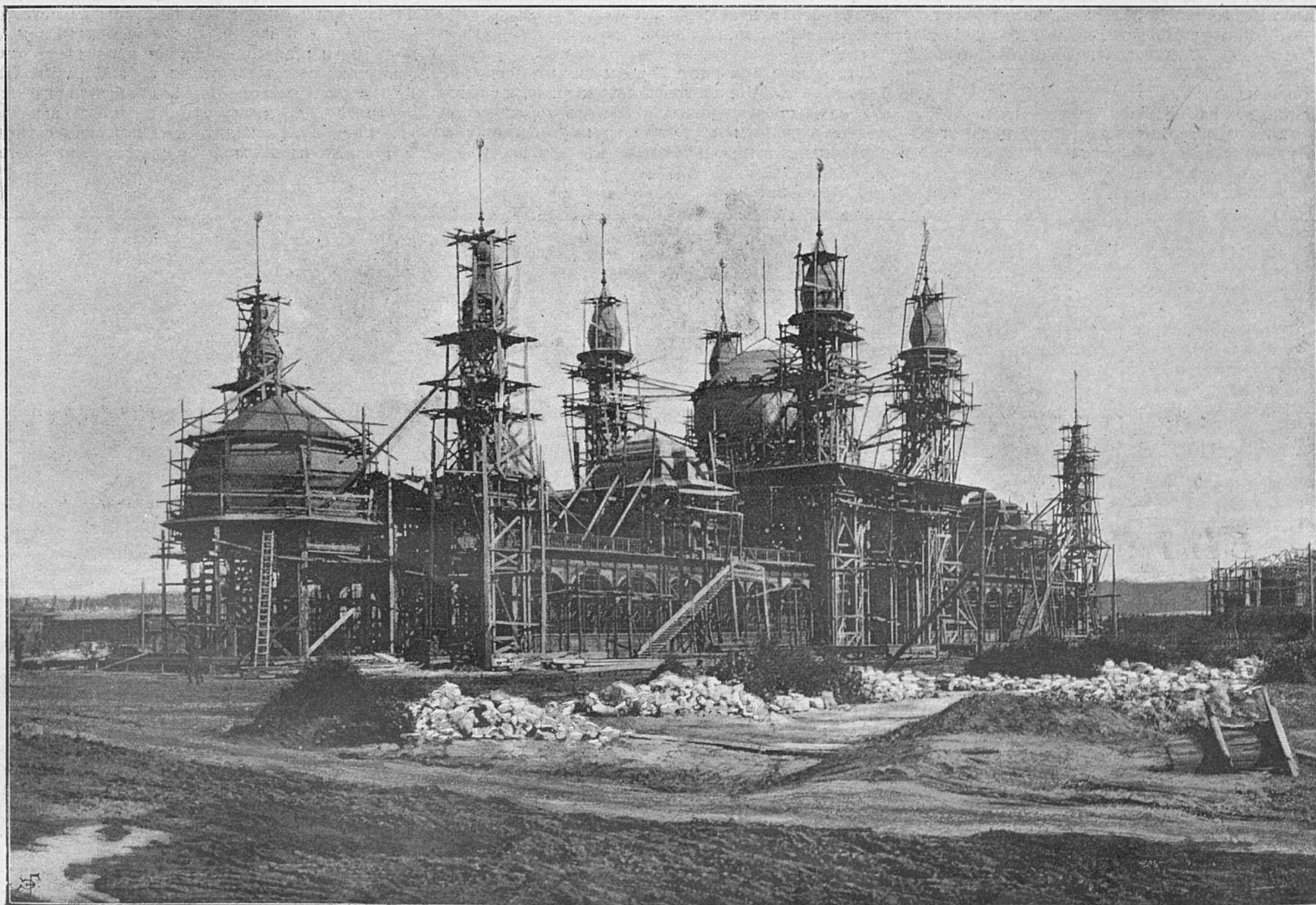
Александръ Френкель

ВСЕРОССІЙСКАЯ
художественно-промышленная выставка 1896 года
ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ

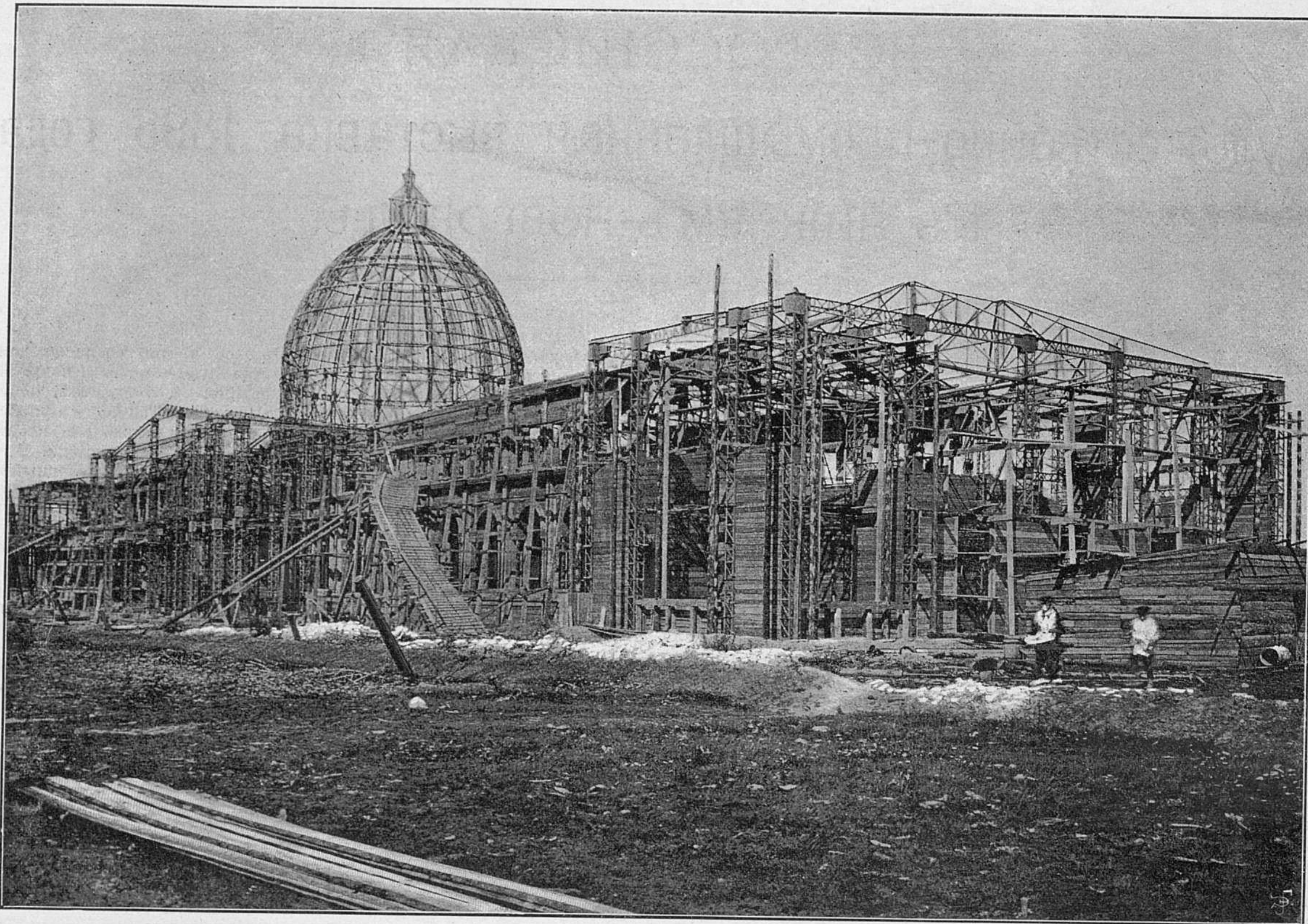
Выставки всякаго рода — гигіеническія, сельскохозяйственныя, охотничьи, фотографическія, птицеводныя, собачьи, садоводственныя, печатнаго дѣла и т. д., и т. д. открываются, то и дѣло, и всегда умѣютъ привлекать публику, которая, хотя и идетъ на выставку, въ большинствѣ, какъ на зрѣлище, но, несомнѣнно, понимаетъ и все культурное, и экономическое значеніе этихъ событій. Но частныя выставки, давно примелькавшіяся публикѣ, конечно, не могутъ и не должны быть поставлены въ уровень съ выставками всеобщими, обнимающими все духовное и промышленное творчество страны. Такія выставки, всероссійскія, по отношенію къ нашему отечеству, бываютъ рѣдко и являются зрѣлищемъ далеко не заурядным. Послѣдняя наша общая выставка была, какъ извѣстно, въ 1882 году, т. е. 14 лѣтъ тому назадъ, а ей предшествовала петербургская выставка, бывшая за 12 лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1870 году. Народъ, идущій впередъ въ своемъ культурномъ развитіи, по временамъ непремѣнно долженъ ощущать потребность въ провѣркѣ сдѣланныхъ за извѣстный промежутокъ времени успѣховъ. Прослѣдить эти успѣхи по печатнымъ источникамъ— задача, доступная весьма немногимъ. Сдѣлать общій обзоръ этихъ успѣховъ въ видѣ особаго печатнаго сборника, конечно, возможно, да и къ тому же такой сборникъ прочтутъ немногіе и въ немъ совершенно будетъ отсутствовать драгоцѣнный въ подобныхъ обзорахъ характеръ наглядности. Вотъ въ этомъ-то отношеніи и выручаютъ выставки. Тутъ, на этой сравнительно небольшой площади, въ этихъ просторныхъ постройкахъ, собираются стройныя, систематическія коллекціи живыхъ документовъ, яснѣйшимъ образомъ обозначающихъ путь, пройденный за извѣстный промежутокъ времени культурою народа. Можно почти воочію оцѣнить величину сдѣланнаго впередъ шага, почти непосредственно видѣть далеко ли подвинулось духовное и промышленное развитіе страны. И все это становится видимо, осязаемо не для двухъ—трехъ тысячъ, если не сотень, читателей скучнаго печатнаго отчета, а для сотень тысячъ, милліоновъ живыхъ людей, которые ходятъ по обширнымъ заламъ выставки, останавливаются, смотрятъ, дивятся, отнюдь не томясь, не скучая, а напротивъ, живо интересуясь дѣломъ. Всего этого мы въ правѣ ожидать и отъ всероссійской художественно-промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ, которая скоро широко откроетъ двери передъ посѣтителями; и надо думать, что это рѣдкое зрѣлище привлечетъ ихъ въ громадномъ количествѣ. Еще въ январѣ прошедшаго года мы дали планъ выставки и рисунки ея главнѣйшихъ построекъ; нынѣ представляемъ вниманію читателей эти же постройки, но уже не по планамъ архитектора, а по фотографическимъ снимкамъ съ натуры, въ ихъ законченномъ видѣ. Въ свое время, согласно данному обѣщанію, мы еще будемъ много и подробно говорить о всероссійскомъ торжествѣ, подготовляющемся въ Нижнемъ. Теперь же пока скажемъ вмѣсто вступленія нѣсколько словъ касательно общаго устройства выставки.

Весь громадный матеріалъ, доставленный экспонентами, будетъ сгруппированъ въ слѣдующіе двадцать отдѣловъ:

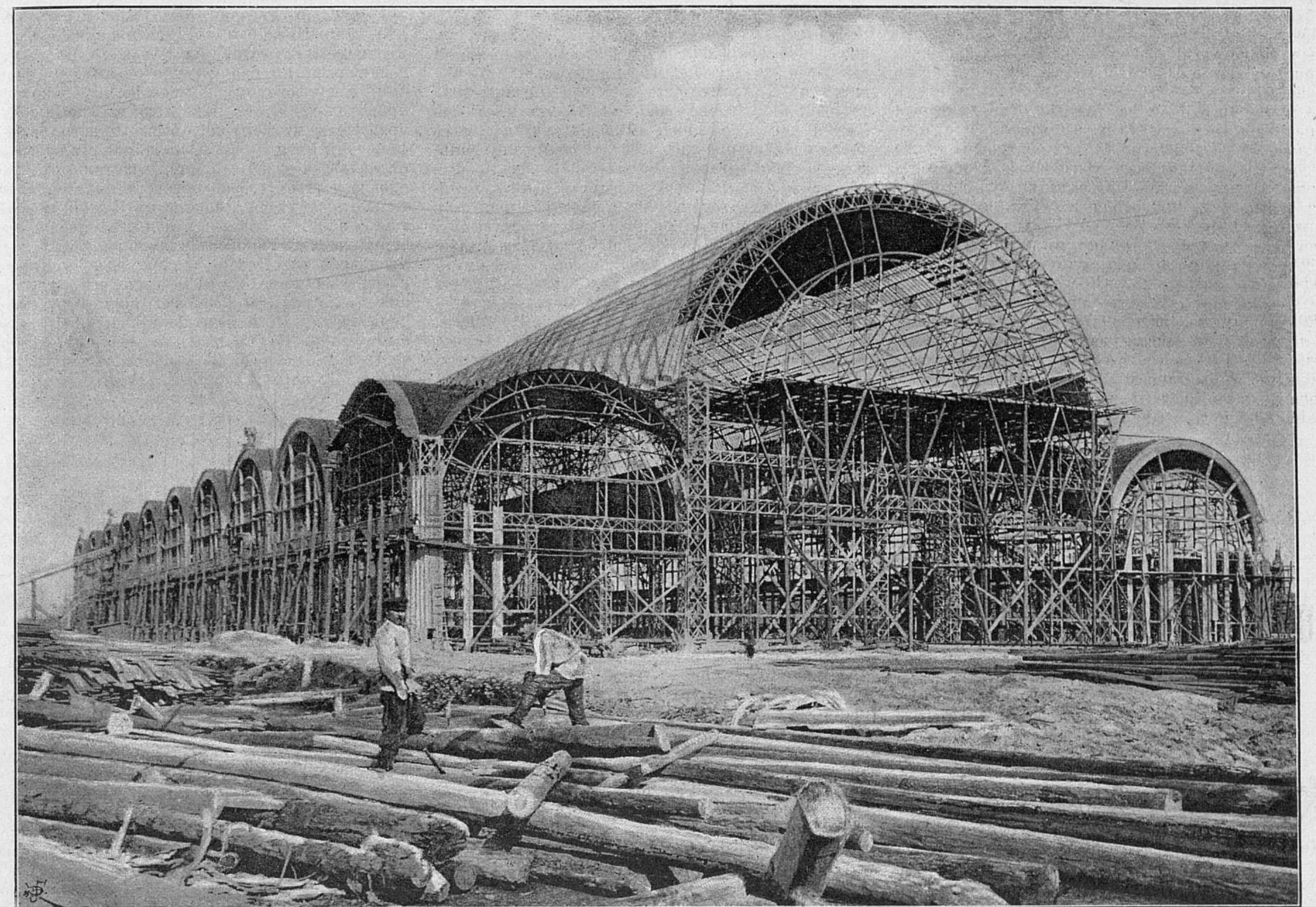
1) Сельское хозяйство въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. земледѣліе и полеводство.
2) Коневодство.
3) Другія домашнія животныя: овцы, рогатый скотъ, птица и т. д.
4) Побочные культурные отдѣлы земледѣлія: садоводство, огородничество, плодоводство.
5) Рыболовство, звѣроловство, охота, пушной промыселъ.
6) Лѣсоводство, лѣсопромышленность, деревянныя издѣлія.
7) Горное дѣло.
8) Прядильное, ткацкое дѣло, вообще издѣлія изъ волокнистыхъ веществъ.
9) Промыслы заводскіе, фабричные, ремесла.
10) Отдѣлъ художественно-промышленный (чисто художественный отдѣлъ — особо).
11) Кустарные промыслы.
12) Машины разнаго рода, въ томъ числѣ и электрическія.

Зданіе среднеазіатскаго и кавказскаго отдѣловъ.

Зданіе художественнаго отдѣла.

Машинный отдѣлъ.

13) Отдѣлъ произведеній сибирскихъ и продуктовъ торговаго обмѣна съ дальнимъ Востокомъ — Китаемъ и Японіею.

14) Такой же отдѣлъ, посвященный Средней Азіи.

15) Военное дѣло.

16) Военно-морское дѣло.

17) Архитектура, инженерное дѣло, судоходство.

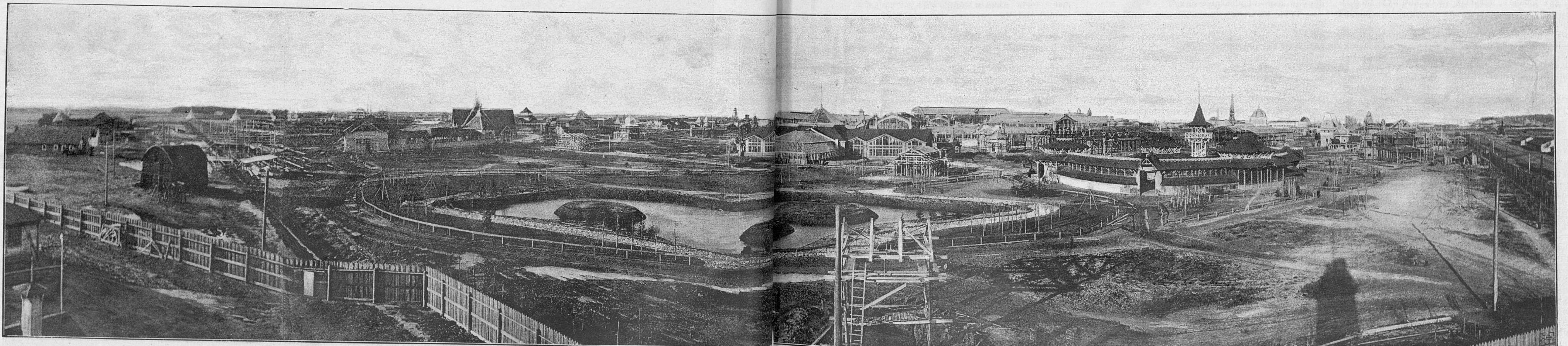
18) Художественный отдѣлъ.

19) Народное образованіе, санитарное дѣло, благотворительность.

20) Произведенія сѣвера.

Подъ выставленные предметы отведено 17 большихъ зданій, построенныхъ казною, и свыше ста мелкихъ построекъ и павильоновъ, сооруженныхъ разными общественными учрежденіями и частными лицами. Всѣхъ же построекъ на площади выставки, казенныхъ и частныхъ, можно насчитать свыше 180. Размѣры главнѣйшихъ построекъ (въ квадратныхъ саженяхъ занимаемой ими площади) означены на нашемъ планѣ выставки, помѣщенномъ въ № 1355 „Всем. Илл.“ 1895 года; общая площадь правительственныхъ построекъ, предназначенныхъ подъ выставочные предметы, доходитъ до 20 тысячъ саженъ.

Нижній — небольшой городъ. Ежегодно лѣтомъ, во время знаменитой ярмарки, ощущается сильная тѣснота; часто не хватаетъ мѣста для вновь пріѣзжихъ, и они ютятся гдѣ попало, платя иной разъ чудовищныя цѣны за пользованіе, въ сущности только за ночлегъ, такими помѣщеніями, которыя не заслуживаютъ даже названія жилыхъ. Въ виду этого, само собою разумѣется, одною изъ главныхъ заботъ выставочной администраціи была заготовка помѣщеній для ожидаемыхъ, несомнѣнно, весьма многочисленныхъ гостей Нижняго во время выставки. Правительство давало щедрыя субсидіи на устройство гостиницъ; нѣсколько весьма просторныхъ зданій этихъ гостиницъ пріютилось около самой выставки. Въ этихъ гостиницахъ такса будетъ обязательная, постоянная во все время выставки, и еслибы каждый посѣтитель могъ быть заранѣе увѣренъ, что найдетъ себѣ здѣсь мѣсто, то, конечно, уровень его ежедневныхъ расходовъ онъ могъ бы опредѣлить заранѣе. Плата за номеръ въ этихъ гостиницахъ установлена отъ 2 до 15 рублей въ сутки. Если допустить, что удача вздумаетъ улыбнуться гостю и онъ захватитъ номеръ въ два рубля, то, конечно, общій итогъ его суточныхъ расходовъ можетъ быть ограниченъ пятью рублями. Но эта цифра должна быть признана рѣшительно самою низкою нормою расходовъ во

Общій видъ выс... со стороны Оки.

Всероссійская художественно-промышленная выставка 1896 год... Нижнемъ-Новгородѣ — Работы по ея сооруженію.

Съ фотографій М. Дмитріева въ Н...-Новгородѣ. Автотипіи Эд. Гоппе.

время выставки, и заранѣе, навѣрное разсчитывать на такую удачу было бы легкомысленно. Благо тому, у кого въ Нижнемъ найдутся родные, знакомые и вообще какое нибудь надежное пристанище; за отсутствіемъ же таковаго, можно посовѣтовать запастись деньгами въ размѣрѣ не менѣе 10 рублей на каждыя сутки, которыя предположено провести на выставкѣ. Рядомъ съ большими гостиницами будутъ построены также небольшіе домики, такъ называемые датскіе павильоны, гдѣ отдѣльныя комнатки будутъ отдаваться по 2 и по 4 рубля въ сутки, а весь домикъ—по 12 рублей. Наконецъ, устраивается еще особая плавучая гостиница, въ которой будетъ 150 номеровъ и которая будетъ стоять на Окѣ. Мѣста для пріѣзжихъ, вообще, повидимому, заготовлено много, но не надо забывать, что масса народа, именно, экспоненты и ихъ служащіе должны будутъ занять квартиру на все время выставки, а вѣдь такихъ лицъ, неразрывно связанныхъ съ выставкою и принужденныхъ постоянно жить въ Нижнемъ, наберется не одна сотня. Пока, впрочемъ, бывалые люди увѣряютъ, что чувствительнаго недостатка въ помѣщеніи, кажется, не должно быть.

Что касается до путешествія на выставку, то оно елико возможно облегчено. На все время выставки по желѣзнымъ дорогамъ, примыкающимъ къ Нижнему, вводится особый льготный тарифъ; будутъ введены билеты отъ мѣста до Нижняго, въ оба конца, имѣющіе силу двадцать дней—срокъ слишкомъ достаточный для большинства посѣтителей. Составлены также особые круговые и замкнутые маршруты для путешественниковъ, которые могутъ нетолько посѣтить выставку, но еще и совершить интересную круговую поѣздку. Для петербургскихъ жителей, вмѣсто сплошнаго желѣзнодорожнаго маршрута (СПБ.—Москва—Нижній) укажемъ другой, гораздо болѣе интересный и спокойный путь,—рекомендуемъ направиться черезъ Бологое на Рыбинскъ. Поѣзда приходятъ въ Рыбинскъ утромъ. Прямо съ вокзала желѣзной дороги можно прослѣдовать на пароходныя пристани—самолетскую или Зевеке. Послѣдняя кампанія владѣетъ превосходными двухъэтажными пароходами американскаго типа, съ однимъ колесомъ. Обыкновенно эти пароходы отходятъ изъ Рыбинска въ 3 часа дня и въ Нижній приходятъ черезъ день, рано утромъ. Путешествіе на пароходѣ рѣшительно несравнимо по своимъ удобствамъ, по спокойному и комфортному помѣщенію, по прекрасному продовольствію, съ поѣздкою въ гремящемъ и дребезжащемъ желѣзнодорожномъ вагонѣ. За эти 40 часовъ пути по водѣ, по широкому волжскому раздолью чахлый столичный житель отдохнетъ душою и тѣломъ, соберется съ силами, основательно выспится и явится въ Нижній не разбитый и злой, а бодрый и подготовленный къ созерцанію выставочныхъ чудесъ искусства и промышленности. Плата за проѣздъ (въ прежніе годы; нынче она, быть можетъ, еще будетъ понижена по случаю выставки) всего 6 рублей въ первомъ классѣ, а люди не особенно взыскательные смѣло могутъ ѣхать во второмъ, который, во всякомъ случаѣ, по удобствамъ не уступитъ спальному вагону второго класса.

БАЛАГАНЪ НИЩЕТЫ

Изъ американской жизни

Съ англійскаго

Окончаніе

Холодный дождь не переставалъ идти. Онъ придавалъ всему еще болѣе мрачный характеръ и наводилъ меня на самыя грустныя мысли.

— Я былъ увѣренъ, что найду васъ здѣсь, вдругъ услышалъ я за собою и въ то же время кто-то дотронулся до моего плеча и вывелъ меня изъ моего унынія.

Это былъ Пратъ, но совсѣмъ иной противъ того, какимъ онъ былъ утромъ; у него не было болѣе его озабоченнаго вида и въ глазахъ читалось самое лучшее настроеніе духа.

— Живѣе, идемте въ отель, укладывайте чемоданъ; карета уже готова, говорилъ онъ. — Мы проведемъ съ вами нѣсколько дней на прелестной дачѣ, недалеко отсюда; насъ ожидаютъ къ обѣду. Идемте скорѣе.

Онъ увлекъ меня съ быстротой налетѣвшаго урагана. Въ какихъ нибудь полчаса мы уложили наши дорожныя вещи, распростились съ отелемъ „Янки-Дудль" и вскочили въ прекрасный экипажъ въ двѣ лошади, который, промчавъ насъ по улицамъ, вскорѣ покатилъ по аллеямъ загородной дороги.

Эта неожиданная диверсія не могла, однако, разогнать моего унылаго настроенія и я все не переставалъ думать о безполезности моего пріѣзда. Пратъ нѣсколько разъ посматривалъ на меня съ его обычнымъ, насмѣшливымъ видомъ.

— Что это, Крипль, сказалъ онъ, наконецъ, толкнувъ меня слегка въ бокъ. — у васъ за похоронный видъ?

У меня слишкомъ накипѣло на сердцѣ, чтобы я могъ молчать долѣе.

— Увы! отвѣчалъ я.—Сравнивая съ вами, богатымъ и извѣстнымъ, себя,—бѣднаго и безвѣстнаго послѣ столькихъ лѣтъ, я не могу не сознавать, какъ не удалась мнѣ моя жизнь; не могу не предвидѣть для себя и моей жены тяжелаго будущаго, когда я сдѣлаюсь старъ и не буду въ состояніи работать...

Пратъ не далъ мнѣ договорить и покатился отъ смѣха.

— Ну, ну, довольно жаловаться, пріятель. Жизнь прекрасная штука и судьба — предобрый малый; всѣ мы будемъ счастливы, всѣ, всѣ! воскликнулъ онъ въ порывѣ энтузіазма. — Во первыхъ, узнайте, что я отдаю вамъ мой знаменитый театръ; вы дѣлаетесь моимъ преемникомъ и успѣхъ вашъ обезпеченъ; нотаріусъ и адвокатъ, тѣ двое джентльменовъ, которыхъ вы видѣли, уладили все дѣло; контрактъ написанъ и вамъ остается только приложить свою подпись. Что касается до меня, то, мой милый, черезъ недѣлю я женюсь на прелестной дѣвушкѣ и притомъ со средствами, ея семья богата и даже очень. Говорю вамъ это теперь же для того, чтобы вы разстались съ вашимъ видомъ факельщика; везу я васъ къ моимъ будущимъ роднымъ, гдѣ мы и отпразднуемъ—въ ожиданіи свадьбы—обрученіе.

Я былъ совершенно ошеломленъ; счастье совсѣмъ опьянило меня и на глазахъ у меня выступили слезы.

— Извините меня за мою слабость, проговорилъ я, схвативъ Прата за обѣ руки. Я всегда зналъ васъ за великодушнѣйшаго человѣка. Это все тотъ проклятый балаганъ нищихъ такъ меня разстроилъ; я пережилъ такія душевныя муки, совсѣмъ жизнь опостыла...

— Да, да, Добсонъ, знаю, прервалъ меня Пратъ, дѣлаясь все веселѣе; я навѣрное зналъ, что вы непремѣнно пойдете туда и, готовя вамъ сюрпризъ, разсчитывалъ на контрастъ. Вы видѣли всѣ ужасы нищеты, а теперь узнали, что никогда не подвергнетесь ей. Но выходите, мы пріѣхали, прибавилъ онъ сіяя отъ удовольствія.

Экипажъ, дѣйствительно, остановился передъ кокетливымъ бѣленькимъ домикомъ, утопавшемъ въ зелени. Двѣ молодыя служанки, ожидавшія насъ, несмотря на дождь, на подъѣздѣ, помогли намъ перенести наши вещи въ просторную комнату второго этажа, гдѣ, слѣдуя примѣру Прата, я принялся приводить въ порядокъ мой туалетъ.

— Нужно намъ, однако, торопиться, проговорилъ Пратъ, чрезъ нѣсколько минутъ раздастся звонокъ къ обѣду, какъ-то дѣлается въ обществѣ, — въ настоящемъ хорошемъ обществѣ.

Отъ восторга я былъ нѣмъ. Я весь предался мысленно всякаго рода мечтамъ точно въ какомъ нибудь фантастическомъ снѣ.

— Тутъ, въ этомъ прелестномъ уголкѣ я буду жить и отдыхать на лаврахъ! продолжалъ Пратъ; да, милый другъ, въ то время, какъ вы будете возиться съ театромъ, я буду изрѣдка выступать какъ любитель, больше для забавы моей будущей семьи. Съ этой цѣлью я сохранилъ нѣкоторые изъ моихъ аппаратовъ.

Въ эту минуту, дѣйствительно, раздался призывной звонокъ, о которомъ говорилъ Пратъ.

— Идемте въ залу! воскликнулъ Пратъ.

Семья въ полномъ сборѣ уже ожидала насъ.

— Позвольте представить вамъ почтеннѣйшаго Нефтали Крипля, моего друга, преемника и моего шафера, произнесъ Пратъ. Затѣмъ онъ представилъ мнѣ своего будущаго тестя, оставившаго дѣла комерсанта, свою будущую тещу, отличавшуюся, любезно прибавилъ онъ, лишь одними положительными качествами своего амплуа; своего будущаго зятя, медицинскаго студента, прелестную будущую сестренку еще ребенка и въ заключеніе очаровательную невѣсту, показавшуюся мнѣ верхомъ изящества и благородства.

Всѣ эти лица, несмотря на ихъ высокое положеніе, оказали мнѣ самый радушный пріемъ: всѣ пожимали мнѣ руки, осыпали меня увѣреніями въ ихъ симпатіи.

— Да, вы должны любить моего Крипля, моего достойнаго друга, какъ онъ того заслуживаетъ, повторялъ Пратъ каждому. Безъ него, вамъ извѣстно это, я бы давно лежалъ въ землѣ.

— Знаю, знаю; все изъ-за прекрасныхъ глазъ этой барыни, которую вы такъ хорошо спрятали, съ ревнивой, но прелестной, минкой проговорила невѣста.

Во время всѣхъ этихъ разговоровъ, я позволилъ себѣ разглядывать болѣе внимательно моихъ новыхъ друзей и вдругъ мнѣ показалось, что эти добрые веселые лица мнѣ не совсѣмъ незнакомы. Воспоминанія мои не давали мнѣ еще ничего достовѣрнаго, когда внезапно у меня мелькнула въ головѣ мысль нелѣпая и невозможная...

— Можетъ ли быть? Робко и сильно взволнованный обратился я къ Прату.

— Ну, конечно, мой милый. Вы угадали. Вы видите предъ собою Добсоновъ, которые отнынѣ, также какъ и я, оставляютъ дѣла. Вы имѣли счастье присутствовать на ихъ послѣднемъ представленіи...

Я былъ ошеломленъ, но не могъ не повѣрить очевидности. Въ цвѣтущихъ лицахъ членовъ семьи я легко узналъ Добсоновъ, какими я видѣлъ ихъ въ лачугѣ, въ пыли и грязи загримированными и одѣтыми въ рубища. Они помогли мнѣ, ради шутки, возстановить мои впечатлѣнія; отецъ скорчился и принялъ на себя жалкій видъ, мать представилась разбѣшенной фуріей, сынъ — принялъ на минуту отталкивающее выраженіе идіота, невѣста издала нѣсколько хриповъ чахоточной, а маленькая дѣвочка остановила на мнѣ пристальный, но потухающій взглядъ.

Послѣ возврата лицамъ ихъ натуральное выраженіе и глядя на мое изумленіе Добсоны разразились веселымъ смѣхомъ.

— Въ нашемъ разговорѣ сегодня утромъ серьезно проговорилъ Пратъ, вы, милый другъ, находили меня геніальнымъ. Но я, увѣряю васъ, лишь усовершенствовалъ искусство, существующее многіе вѣка и ловко умѣлъ пользоваться изобрѣтеніями другихъ. Геній — тотъ, кто создаетъ, дѣлаетъ изъ нечего; геній — вотъ кто. Добсонъ, обанкротившійся въ первые годы своей женитьбы, вышелъ изъ своихъ затруднительныхъ обстоятельствъ способомъ до крайности оригинальнымъ. Онъ не сталъ терять времени на изученіе ремеслъ, на которыя не считалъ себя способнымъ. Нѣтъ. У него явилось высокое вдохновеніе! Онъ принялъ вызовъ судьбы и съумѣлъ обратить свою бѣдность въ источникъ богатства. „Ты сдѣлала меня бѣднякомъ, такъ знай же, воскликнулъ онъ въ отвѣтъ судьбѣ, ты же этой самой бѣдностью поможешь мнѣ добиться успѣха!" Сдѣлаться нищимъ—было для него единственнымъ исходомъ; но нищенство, такая сама по себѣ простая вещь, представилось ему какъ ремесло, какъ наука, искусство, однимъ словомъ, нѣчто новое, надъ которымъ можно было поработать. Онъ прежде всего не сталъ скрывать своего горькаго положенія, какъ то дѣлаютъ робкіе и глупые люди; онъ и не подумалъ заглушать въ четырехъ стѣнахъ свои проклятія противъ человѣчества, неба и ада. Онъ рѣшилъ устроить зрѣлище — балаганъ и показываться въ немъ со всѣми своими невзгодами, болѣзнями, нищетой зрителямъ за плату. Развозя свои отрепья по всей Америкѣ, онъ дѣлалъ зрителей свидѣтелями своего униженія; онъ позволялъ имъ слушать его проклятія, присутствовать при раздирательныхъ схваткахъ съ женою; онъ не скрылъ отъ публики даже періодовъ, предшествовавшихъ появленію на свѣтъ своихъ дѣтей; не укрылъ г-жи Добсонъ отъ посторонныхъ глазъ въ самыя ужасныя минуты, ни многаго другаго... лишь назначивъ особенную плату за входъ и представивъ его только людямъ „болѣе зрѣлаго возраста". Послѣ чего, онъ выставилъ на видъ убожество своихъ дѣтей, валявшихся голыми въ грязи и темнотѣ и на бо-

лѣзни, какъ неизбѣжное слѣдствіе безъисходной нужды. Всю эту трагедію бѣдняка онъ разыгралъ своими нервами, совершенно искренно по мѣрѣ того, какъ переживалъ ихъ; такимъ образомъ, каждая мука, каждая пролитая слеза дѣлалась источникомъ наживы, образовавшей въ настоящее время крупный капиталъ. Да, Добсону не понадобилось для достиженія славы, богатства и счастья своей семьи ничьего указанія, кромѣ своей собственной изобрѣтательности. Онъ—единственный изъ всѣхъ насъ истинный геній, и предъ нимъ однимъ мы должны преклоняться.

Я самъ былъ того же мнѣнія, моя милая, и невольно проникся глубокимъ уваженіемъ къ неподражаемому Добсону и его талантливымъ сотрудникамъ. Въ это самое время одна изъ молодыхъ служанокъ пришла доложить, что обѣдъ былъ поданъ.

Всѣ мы тотчасъ же перешли въ столовую; обѣдъ былъ превосходный и прошелъ, какъ ты можешь думать, самымъ пріятнымъ образомъ среди людей, предавшихся веселью съ покойной и чистой совѣстью. Свадьба назначена чрезъ недѣлю. Какая жалость, моя дорогая, что тебя не будетъ съ нами! Но тебѣ понадобится, конечно, не меньше мѣсяца на переѣздъ и приготовленіе къ роли жены директора театра „Крипля!"

Прости меня за скучное начало моего письма. Сердце мое готово было выпрыгнуть отъ счастья, но нужно же было разсказать все по порядку. Въ настоящій моментъ я сижу въ гостиной и торопливо доканчиваю письмо. Какую счастливую картину представляетъ собою семья Добсоновъ! Почтеннѣйшій Добсонъ и его супруга, шуточные нищіе, теперь счастливцы, предаются отдохновенію въ широкихъ креслахъ. Добсонъ-сынъ, читаетъ "Чикаго-Таймсъ"; кудрявая дѣвочка цѣлый часъ вертится около Прата и пристаетъ, чтобы онъ ей показалъ какой нибудь фокусъ. Этотъ очаровательный чертенокъ замѣчательно уменъ. „Представьте исчезновеніе дамы", шепчетъ она Прату, лукаво посматривая на сестру.

Пратъ соглашается, наконецъ, и приготавливается дать представленіе. Передъ нимъ, точно въ музеѣ, разложены разныя вещи. Вотъ онъ выдвигаетъ на средину комнаты знаменитый столъ и такъ хорошо тебѣ извѣстную громадную картонную трубу. Дѣвочка въ восторгѣ; собираются смотрѣть и остальные. Пратъ обращается съ рѣчью точно предъ настоящей публикой:

„Позвольте, милостивыя государыни и милостивы егосудари", говоритъ онъ, „обновить уже извѣстный фокусъ новымъ вариантомъ: вмѣсто того, чтобы заставить исчезнуть одну изъ присутствующихъ дамъ, что было бы весьма прискорбно, я хочу наоборотъ представить вамъ одну милую особу, въ настоящую минуту невидимку, и заставить ее очутиться на этомъ столѣ, на которомъ, также какъ и въ трубѣ—вы можете убѣдиться, нѣтъ рѣшительно ничего. Не угодно ли взглянуть!"

Почему-то мнѣ кажется, что при этомъ Пратъ какъ-то особенно посмотрѣлъ въ мою сторону; всѣ члены семьи также какъ-то странно смотрятъ на меня, особенно маленькая вострушка...

Что замышляетъ этотъ демоническій Пратъ? Кажется, немыслимо выполнить то, что онъ обѣщаетъ, но съ нимъ нѣтъ невозможнаго! Этотъ неподражаемый магъ способенъ на все. Жду окончанія фокуса, чтобы запечатать письмо; крѣпко цѣлую тебя. Пратъ влѣзъ на стулъ; онъ начинаетъ тихо приподнимать трубу. Что это? Кто бы это могъ подумать? Показался край юбки, затѣмъ — женскаго платья, обрисовывается фигура, талія, руки, плечи, голова... да что же это, наконецъ? Вѣдь это..."

PS. Почтенный м-ръ Крипль не докончилъ своего письма; послѣднія слова оказались размазанными и скрытыми подъ множествомъ чернильныхъ кляксовъ.

Изъ-подъ колокола выступила сама м-рсъ Крипль счастливая, улыбающаяся, со слезами радости на глазахъ; она стала раскланиваться со всей компаніей. Появленіе ея было сюрпризомъ, устроеннымъ Пратомъ, который нѣсколькими телеграммами вызвалъ ее ко дню своей свадьбы.

Съ англійскаго

И. Н. Березинъ †

Девятнадцатаго марта текущаго года исполнилось пятидесятилѣтіе профессорской дѣятельности заслуженнаго ординарнаго профессора петербургскаго университета по каѳедрѣ восточныхъ литературъ, тайнаго совѣтника Ильи Николаевича Березина, и спустя три дня этотъ замѣчательный русскій оріенталистъ неожиданно скончался, оставивъ послѣ себя цѣнное ученолитературное наслѣдіе. Ученыя заслуги И. Н. Березина, потрудившагося на пользу науки болѣе полувѣка и обогатившаго ее цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ многочисленныхъ изслѣдованій, прославили его имя въ ученомъ мірѣ не только въ Россіи, но и далеко за ея предѣлами, на Востокѣ и въ западной Европѣ. Нашей образованной публикѣ профессоръ Березинъ, впрочемъ, гораздо болѣе извѣстенъ какъ издатель, вышедшаго подъ его же редакціей, большого энциклопедическаго словаря, хотя она знала его ранѣе по многимъ интереснымъ статьямъ и полубеллетристическимъ очеркамъ, въ которыхъ онъ знакомилъ читателя съ разными странами Востока, съ ихъ археологіей, исторіей, географіей, этнографіей и проч.

Илья Николаевичъ Березинъ, какъ это видно изъ его автобіографическаго очерка, нами полученнаго въ 1890 году, родился 19-го іюля 1818 года въ пермской губ. на юго-камскомъ заводѣ, гдѣ его отецъ, горный чиновникъ, женатый на малороссіянкѣ изъ дворянской фамиліи Парначеевыхъ, въ то время находился на службѣ. Получивъ первоначальное воспитаніе дома, подъ руководствомъ преподавателей изъ духовнаго сословія, И. Н. Березинъ учился въ екатеринбургскомъ уѣздномъ училищѣ и затѣмъ въ пермской гимназіи на казенный счетъ; во время пребыванія въ обоихъ заведеніяхъ особенные успѣхи выказалъ онъ въ математикѣ. По окончаніи гимназическаго курса онъ, чувствуя склонность къ языкознанію, поступилъ въ 1834 году на восточный факультетъ казанскаго университета. Здѣсь съ особеннымъ усердіемъ онъ изучалъ сербско-персидскій языкъ подъ руководствомъ профессора Эрдмана и былъ выпущенъ со степенью кандидата въ 1837 г. съ оставленіемъ при университетѣ для приготовленія къ занятію каѳедры. Тогда же онъ отправился въ Астрахань, чтобы поближе познакомиться съ персіанами и татарами, съ ихъ бытомъ, нравами и обычаями. Вернувшись въ Казань, онъ впервые напечаталъ свою статью въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" („О словѣ курканъ") и по защитѣ диссертаціи на тему „Что способствуетъ развитію просвѣщенія и останавливаетъ ходъ его въ державахъ магометанскихъ" получилъ въ 1841 г. степень магистра восточной словесности. Въ слѣдующемъ году, 16-го іюня, И. Н. Березинъ отправился, на средства университета, въ ученое путешествіе по Востоку, объѣхавъ Персію, Аравію, Египетъ и Турцію и посѣтивъ на обратномъ пути Крымъ. Путешествіе это длилось три года и дало ему богатый матеріалъ для серьезныхъ изслѣдованій и популярныхъ статей. Близко познакомившись на практикѣ съ языками, словесностью и древностями Востока, И. Н. Березинъ возвратился въ августѣ 1845 г. въ Казань и послѣ представленія пробной работы въ Императорскую академію наукъ, 19-го марта 1846 г., занялъ каѳедру турецкаго языка въ казанскомъ университетѣ въ качествѣ экстраординарнаго профессора. Слѣдующіе два года онъ ѣздилъ въ Москву для занятій въ мѣстныхъ архивахъ и въ тобольскую губернію для знакомства съ тамошнимъ татарскимъ населеніемъ, а въ 1852 г. работалъ на развалинахъ древняго Болгара, изучая турецкія и армянскія надписи. Въ Казани профессоръ Березинъ пробылъ около десяти лѣтъ и за это время, помимо профессорской дѣятельности, состоялъ хранителемъ нумизматическаго кабинета, приведеннаго имъ въ образцовый порядокъ и подробно описаннаго, цензуровалъ книги, выходившія въ Казани на восточныхъ языкахъ, и съ 1852 по 1854 г. включительно редактировалъ „Казанскія губернскія Вѣдомости". Когда восточное отдѣленіе было перенесено въ 1855 г. въ с.-петербургскій университетъ, И. Н. Березинъ вмѣстѣ съ прочими профессорами этого отдѣленія, преобразованнаго въ восточный факультетъ, былъ переведенъ на каѳедру турецко-татарскаго языка въ этотъ университетъ, гдѣ и оставался до самой кончины. Въ Петербургѣ профессоръ Березинъ получилъ степень доктора, по защитѣ диссертаціи въ 1865 г. подъ заглавіемъ „Внутреннее устройство улуса Джучіева", а передъ этимъ ѣздилъ въ 1858 г. въ Парижъ для изученія восточныхъ рукописей; съ такой же цѣлью посѣтилъ онъ и Лондонъ въ 1868 году. Кромѣ того онъ завѣдывалъ кабинетомъ восточныхъ монетъ при университетѣ, былъ членомъ комитета по составленію университетскаго устава, занималъ одно время должность казначея въ обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ и проч. Изъ учено-литературныхъ сочиненій И. Н. Березина слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія: „Турецкая грамматика", Описаніе турецко-татарскихъ рукописей, хранящихся въ с.-петербургскихъ библіотекахъ", „Библіотека восточныхъ турковъ", „Ханскіе ярлыки", „Путешествіе по Дагестану и Закавказью", „Грамматика персидскаго языка", „Сборникъ лѣтописей", „Путешествіе по сѣверной Персіи" и проч. Но едва ли не самымъ цѣннымъ трудомъ его во многихъ отношеніяхъ надо признать изданіе текста, съ переводомъ и примѣчаніями, знаменитаго капитальнаго сочиненія по азіатской исторіографіи — „Исторія монголовъ", принадлежащаго перу персидскаго ученаго Рашидъ-Эддина и вышедшаго въ шести томахъ. Свои общедоступныя статьи о Востокѣ, отрывки изъ путешествій, полные интереса, живости и занимательности, этнографическіе очерки, критическія статьи и замѣтки И. Н. Березинъ помѣщалъ въ „Москвитянинѣ", „Современникѣ", „Библіотекѣ для чтенія", „Отечественныхъ Запискахъ", „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", „Московскихъ Вѣдомостяхъ", „Вѣстникѣ Европы" и друг. изд. Нѣкоторыя статьи свои онъ подписывалъ псевдонимомъ *Невзоровъ* и другими. Наконецъ, имъ изданъ большой „Русскій энциклопедическій словарь" (XVI томовъ. 1873—1882), нынѣ составляющій библіографическую рѣдкость, и начатъ „Новый энциклопедическій словарь" (общедоступный). Въ 1889 г. праздновался юбилей полувѣковой его ученой службы. Заслуги Березина далеко не такъ оцѣнены у насъ, какъ оцѣнены за границей, гдѣ онъ пользуется вполнѣ заслуженной славой блестящаго оріенталиста нашего вѣка.

П. В. Б.

А. К. Грелль †

Мѣсяца полтора тому назадъ, а именно 27-го марта, скончался въ Москвѣ преподаватель земледѣльческой школы Императорскаго общества сельскаго хозяйства, нашъ извѣстный спеціалистъ-практикъ по плодоводству, д. ст. сов. Александръ Кондратьевичъ Грелль. Окончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ 50-хъ годахъ, по медицинскому факультету, онъ еще съ молодыхъ лѣтъ пристрастился къ огородничеству и садоводству и отдалъ себя всецѣло этому дѣлу. Его излюбленною задачею была акклиматизація плодовыхъ деревьевъ въ областяхъ, гдѣ ихъ культура не ведется населеніемъ по причинѣ суроваго климата. А. К. Грелль былъ человѣкъ чисто практическаго направленія, стремился выяснить предпринятыя имъ культурныя задачи на живомъ опытѣ, на дѣлѣ. Для производства своихъ опытовъ А. К. Грелль пріобрѣлъ участокъ земли подъ Москвою и устроилъ здѣсь небольшой питомникъ. Почва была имъ избрана съ намѣреніемъ не особенно плодородная для того, чтобы его питомцы выростали въ возможно болѣе суровыхъ условіяхъ. Онъ особенно много хлопоталъ надъ акклиматизацією яблони и стремился отодвинуть ея воздѣлываніе какъ можно дальше на сѣверъ. Основною породою (подвоемъ) для сѣверныхъ яблонныхъ садовъ онъ избралъ сибирскую яблоню, растущую въ дикомъ состояніи въ самыхъ суровыхъ условіяхъ. На этотъ подвой онъ уже и прививалъ болѣе усовершенствованные и нѣжные сорта яблокъ. У этого дѣятеля была, какъ говорится, легкая рука: всѣ его опыты хорошо ему удавались. Онъ отличался и извѣстными педагогическими способностями. Въ послѣдніе годы ему часто поручалось руководство курсами садоводства и огородничества, которые устраивались многими земствами для народныхъ учителей. Благодаря этимъ курсамъ, свѣдѣнія по садоводству, прекрасно, основательно, чисто практически усвоенныя, распространялись среди нашихъ народныхъ учителей, которые, въ свою очередь, стали проводить ихъ въ окружающую народную массу. Одно уже участіе въ этомъ почтенномъ трудѣ по распространенію столь полезныхъ свѣдѣній должно оставить добрую память на имя А. К. Грелля. Онъ много писалъ по своей спеціальности, былъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ московскаго журнала „Русское садоводство". Обладая увлекающейся натурою, онъ часто вступалъ въ полемику, въ пріемахъ которой не любилъ стѣсняться. Изъ отдѣльныхъ сочиненій А. К. Грелля слѣдуетъ указать въ особенности на книгу „Доходное плодоводство", которая является лучшимъ выраженіемъ его завѣтныхъ идей и стремленій. Стремясь къ поль-

И. Н. БЕРЕЗИНЪ,
профессоръ, оріенталистъ, † 22-го марта с. г.

Съ фотографіи. Гравировалъ Ю. П. Мультановскій.

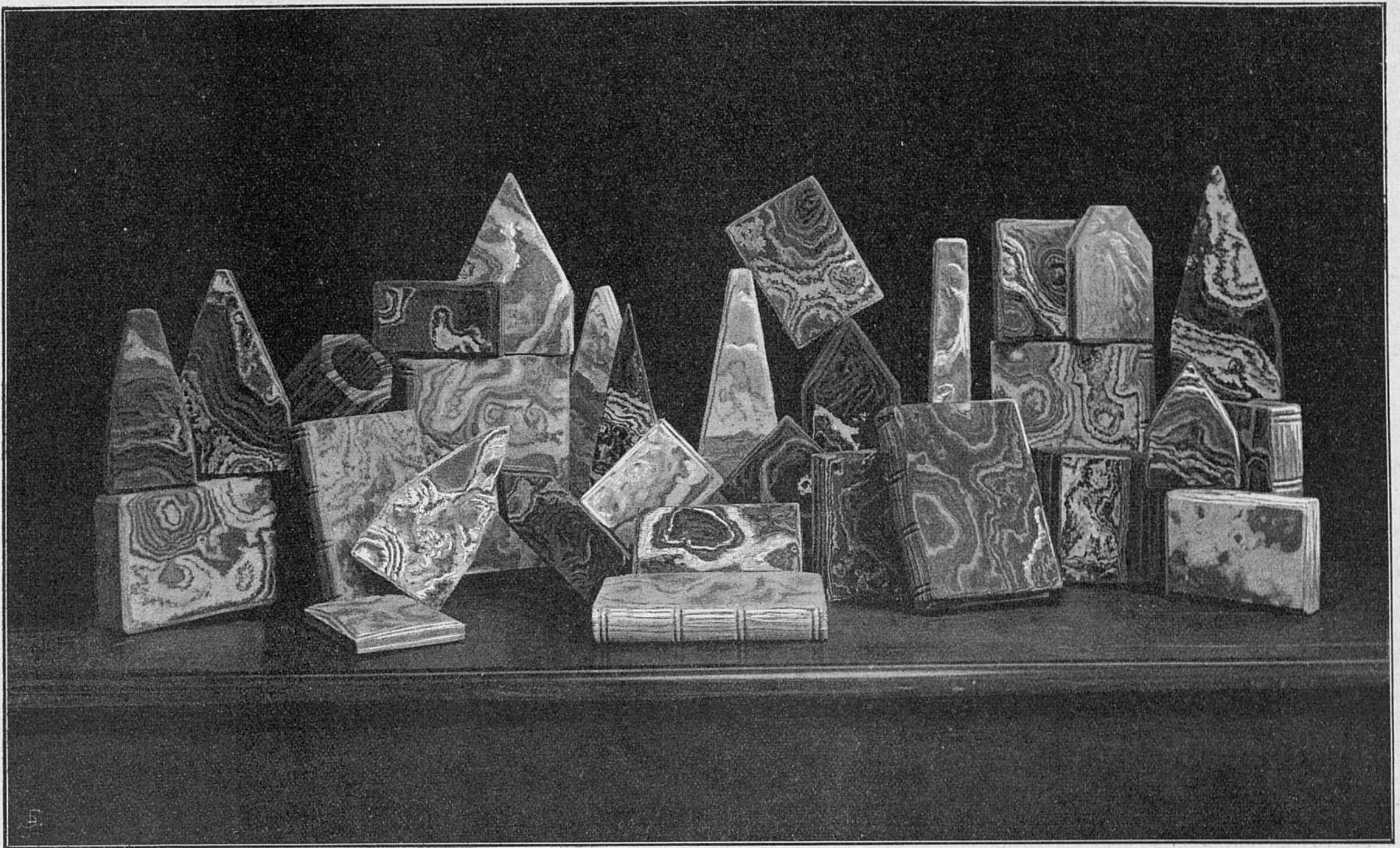
А. К. ГРЕЛЛЬ,
натуралистъ, плодоводъ, † 27-го февраля с. г.

Съ фотографіи Г. В. Трунова въ Москвѣ. Гравировалъ Б. А. Пуцъ.

Ст. штурманъ Морозовъ. Мичм. Фефеловъ 2-й. Лейт. Назимовъ. Лейт. Гавриловъ 3-й.
Лейт. Шмидтъ. Командиръ кап. 2 р. Лилье. Докторъ Еремѣевъ. Ст. механикъ Воронинъ.

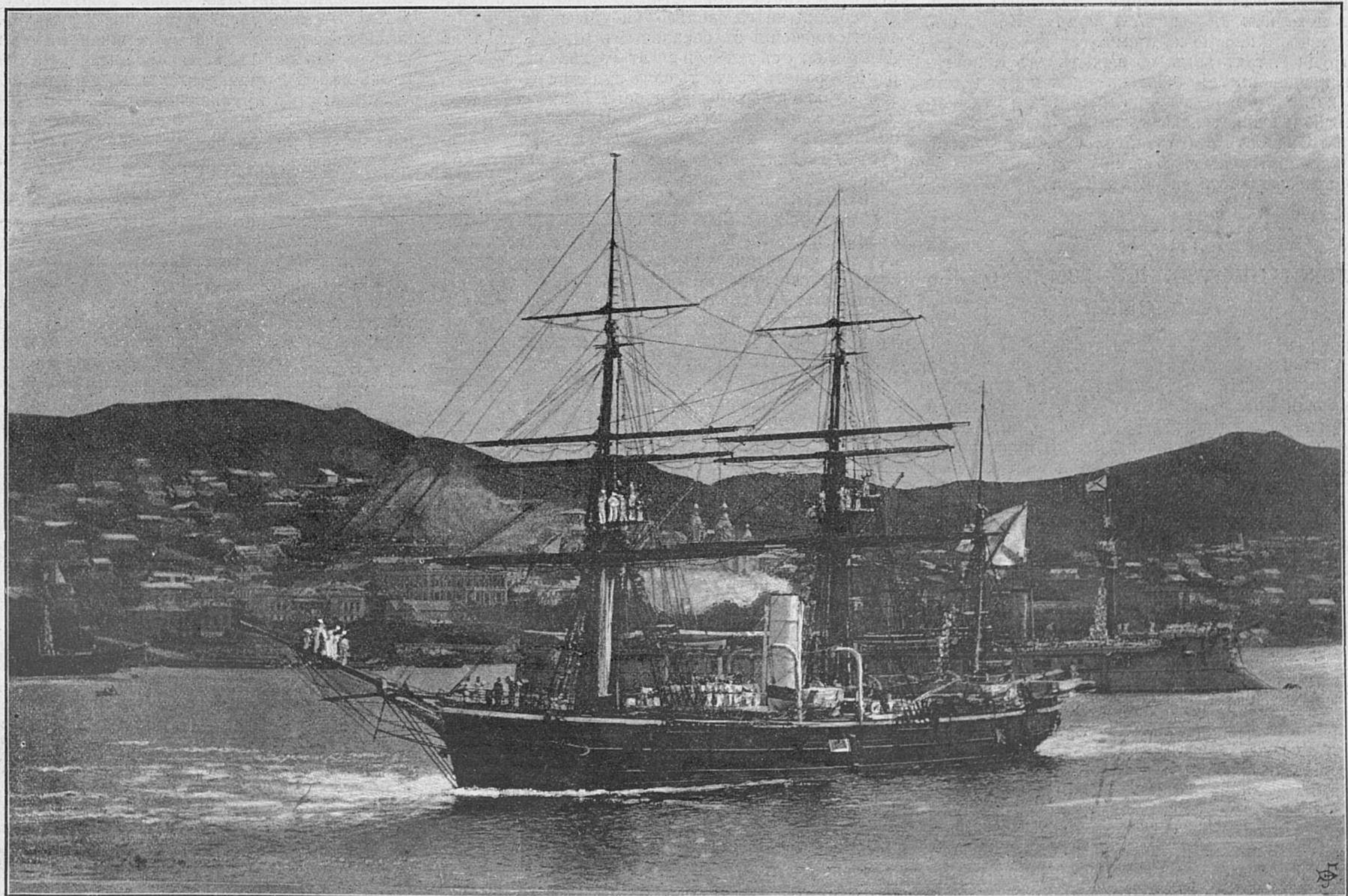
Русская морская экспедиція въ Ледовитый океанъ и Бѣлое море. — Группа офицеровъ военнаго транспорта »Самоѣдъ«.

Съ фотографіи. Автотипія Эд. Гоппе.

Коллекція, поднесенная Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу и вел. князю Георгію Александровичу въ Абастуманѣ 26-го ноября 1895 г.

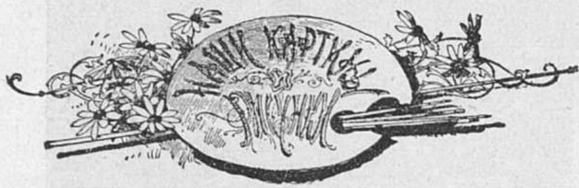
Образцы узорчатаго инфузорита, найденаго въ ахалцыхскомъ уѣздѣ, тифлисской губерніи.

Русскій флотъ. — Крейсеръ 2-го ранга »Разбойникъ«, возвращающійся изъ дальняго плаванія въ Россію.

Съ фотографіи А. И. Бутакова. Автотипія Эд. Гоппе.

зѣ, онъ не опускалъ, однако, и другихъ сторонъ и задачъ садоваго дѣла; онъ очень охотно занимался чисто декоративнымъ садоводствомъ и написалъ нѣсколько книжекъ по этой части, например, о воздѣлываніи розъ и о разведеніи фруктовыхъ деревьевъ въ комнатахъ. Вообще, любовь къ дѣлу и энергія должны быть признаны коренными свойствами характера этого весьма полезнаго и виднаго дѣятеля.

Наша морская экспедиція въ Ледовитый океанъ

Въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ на русскомъ военномъ транспортѣ „Самоѣдъ" отправилась экспедиція нашихъ моряковъ въ Ледовитый океанъ и Бѣлое море. По осмотрѣ и окраскѣ подводной части транспортъ былъ выведенъ изъ плавучаго дока и 3-го марта ушелъ, подъ командою капитана 2-го ранга Лилье, изъ Либавы въ Копенгагенъ. Отсюда, 11-го марта, „Самоѣдъ" вышелъ въ Ледовитый океанъ и направился къ Мурманскому берегу—для охраны нашихъ морскихъ промысловъ отъ норвежцевъ. Далѣе „Самоѣдъ" зайдетъ въ Архангельскъ, гдѣ на него будутъ возложены разстановка бакановъ и вѣхъ въ Бѣломъ морѣ, а также опредѣленіе промѣровъ и створныхъ знаковъ по берегамъ, съемка береговъ и, наконецъ, промѣръ неизслѣдованныхъ частей моря.

Въ августѣ транспортъ „Самоѣдъ" снова зайдетъ въ Архангельскъ и, принявъ экспедиціи отъ Императорской академіи наукъ и Императорскаго русскаго географическаго общества, отправится въ Новую Землю, гдѣ 27-го августа будетъ наблюдаться интересное солнечное затменіе. Экипажъ „Самоѣда" состоитъ изъ восьми офицеровъ и 94 нижнихъ чиновъ. На этомъ транспортѣ отправлены въ дальнее плаваніе лейтенанты Гавриловъ, Назимовъ и Шмидтъ, мичманъ Фефеловъ, штабсъ-капитанъ Морозовъ, инженеръ-механикъ Воронинъ и врачъ Еремѣевъ. Настоящее плаваніе на „Самоѣдѣ" исключительно трудное, такъ какъ по выходѣ изъ Копенгагена продовольствіе экипажа транспорта состоитъ изъ консервовъ, а первыя извѣстія отъ родныхъ получатся только въ началѣ іюня, по приходѣ транспорта въ Архангельскъ. По окончаніи плаванія, осенью нынѣшняго года, „Самоѣдъ", вѣроятно, вернется снова въ Либаву.

Залежи инфузорной земли близь Ахалцыха

Многимъ извѣстно желтоватобѣлое вещество, такъ называемый трепелъ, который въ видѣ мелкаго порошка употребляется для чистки и полировки металловъ. Этотъ трепелъ относится къ группѣ минеральныхъ веществъ, носящихъ общее названіе инфузорной земли. Откуда пошло такое странное названіе? Дѣло объясняется очень просто. При разсматриваніи въ микроскопъ эта земля оказывается сплошь состоящею изъ крошечныхъ панцырей давно вымершихъ микроскопическихъ животныхъ, инфузорій; отсюда и названіе. Въ одномъ кубическомъ дюймѣ такой земли насчитывается свыше 40 милліардовъ этихъ микроорганизмовъ, остатки которыхъ ясно можно различать подъ микроскопомъ. Существуетъ нѣсколько разновидностей этого вещества, изъ которыхъ главныя—пестрая и бѣлая. По химическому составу инфузорная земля представляетъ почти чистый кремень (кремнеземъ, кремневая кислота) съ весьма лишь незначительною примѣсью извести; этимъ и объясняется названіе „кремнеземной муки", данное минералу нѣмцами. Техническія примѣненія такого минерала, какъ и слѣдуетъ думать, очень обширны и разнообразны. Прежде всего эта кремнеземная пыль представляетъ превосходную механическую массу для всякаго рода изоляцій и для нейтральныхъ примѣсей; ею обмазываютъ паровыя трубы и котлы, изъ которыхъ она не даетъ даромъ излучаться теплу и, такимъ образомъ, сберегаетъ топливо; она идетъ въ примѣсь къ динамиту, къ ультрамарину; изъ нея выдѣлываютъ огнеупорные кирпичи для сводовъ, цилиндры для фильтровъ. Какъ чистый кремнеземъ, она употребляется на выдѣлку дорогого стекла и хрусталя и изъ нея же выдѣлываютъ, сплавляя ее съ щелочами, такъ называемое фуксово стекло, растворяющееся въ водѣ и находящее себѣ, въ свою очередь, множество техническихъ примѣненій. Эта же мелкая рыхлая кремнина представляетъ собою превосходный полировальный порошокъ. Пестрая инфузорная земля, почти одинаковая по химическому составу съ бѣлою, представляется въ видѣ сплошныхъ массъ, гораздо болѣе плотныхъ, напоминающихъ камень; жилки желѣзистыхъ примѣсей пронизываютъ эту массу по всѣмъ направленіямъ и придаютъ ея поверхности причудливый узорчатый видъ, иногда напоминающій слои древесены, въ другихъ случаяхъ—мраморъ. Этотъ камень, если его скрѣпить пропитывающимъ составомъ, далъ бы безподобный матеріалъ на выдѣлку паркетовъ, колоннъ, изразцовъ и другихъ облицовочныхъ плитъ.

Самыя значительныя залежи инфузорной земли до сихъ поръ были извѣстны въ Германіи, именно въ Ганноверѣ; какъ только были открыты эти залежи, инфузорная земля тотчасъ была изучена техниками и стала быстро входить во всеобщее употребленіе. Но въ прошедшемъ году весною удалось напасть на богатѣйшую залежь этого вещества, находящуюся у насъ на Кавказѣ, въ 15 верстахъ отъ Ахалцыха, на землѣ, принадлежащей гг. Меписову и Бетанову. Сравнивая ганноверскую инфузорную землю съ кавказскою, легко было обнаружить между ними нѣкоторую разницу, притомъ въ пользу нашей земли. Въ Ганноверѣ минералъ добывается въ видѣ рыхлой, разсыпчатой землистой массы, въ которой присутствуетъ много постороннихъ примѣсей; ее нужно предварительно промывать, очищать. Кавказская инфузорная земля найдена въ глубокихъ пластахъ, совершенно отдѣльною залежью и добывается глыбами, въ которыхъ не оказывается почти никакой посторонней примѣси. У насъ на ультрамариновые заводы до сихъ поръ выписывалось не менѣе сотни тысячъ пудовъ инфузорной земли ежегодно изъ Германіи; сверхъ того, тотъ же матеріалъ требовался для обмазки паровыхъ трубъ и котловъ. Были сдѣланы вполнѣ удачныя попытки обмазки кавказскою инфузорною землею паровиковъ на судахъ нашего черноморскаго флота. Но дальнѣйшая разработка ахалцыхскихъ залежей пока еще не могла быть предпринята. Этому препятствуетъ, прежде всего, крайне затруднительная доставка матеріала съ мѣста разработки до ближайшаго пункта, соединеннаго сколько нибудь сносными путями сообщенія съ остальнымъ міромъ, т. е. до Ахалцыха; отъ залежей до этого города нѣтъ дорогъ, а возить сотни тысячъ пудовъ груза можно только по очень хорошей дорогѣ, иначе стоимость передвиженія дойдетъ до размѣровъ, которыхъ не выдержитъ продажная цѣна добываемаго продукта. Въ виду этого владѣлецъ ахалцыхской залежи М. С. Бетановъ въ ноябрѣ минувшаго года обратился съ докладною запискою къ Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу, въ которой просилъ о примѣненіи кавказской инфузорной земли для надобности судовъ всего русскаго флота. Большой заказъ далъ бы возможность владѣльцамъ поставить разработку минерала на правильныя основы и приступить къ устройству удобной грузовой дороги отъ залежей до г. Ахалцыха.

Уходъ крейсера »Разбойникъ« въ Россію

Въ плаваніи всякаго судна военнаго флота въ дальнихъ заграничныхъ водахъ существуетъ два особенныхъ момента: это — уходъ въ плаваніе изъ Россіи и моментъ, когда наступаетъ возвращеніе на родину. Суда заграничнаго плаванія, за исключеніемъ станціонеровъ въ Галацѣ (Турціи), Константинополѣ и Греціи, всѣ высылаются изъ Кронштадта. Уходу такого судна, бывающему, въ большинствѣ случаевъ, осенью, обыкновенно предшествуетъ основательное вооруженіе и снабженіе по всѣмъ частямъ — какъ матеріальной, такъ и боевой, и продовольственной. Затѣмъ слѣдуютъ пробы и испытанія, и, наконецъ, смотры управляющаго морскимъ министерствомъ, великаго князя генералъ-адмирала и Государя Императора, рѣдко и то лишь по невозможности отпускающаго военное судно безъ своего, столь дорогого для всего уходящаго личнаго состава, милостиваго царскаго напутствія. Чуткому, любящему сердцу русскаго Монарха ясно значеніе этого напутствія, которое вмѣстѣ съ сознаніемъ долга службы передъ Царемъ и отечествомъ даетъ силы безропотно переносить всѣ тягости продолжительнаго заграничнаго плаванія и, съ надеждой получить Его же Царское спасибо, терпѣливо ожидать возвращенія назадъ, на родину. Послѣ Царскаго смотра назначается день ухода: на отходящемъ суднѣ собираются родные и друзья офицеровъ, и, послѣ напутственнаго молебствія, оно снимается съ якоря и уходитъ въ море, сопровождаемое пожеланіями счастливаго плаванія и скораго возвращенія. Это — торжественная минута въ жизни корабля, въ жизни каждаго моряка, служащаго на немъ. Надо быть морякомъ, чтобы знать, что чувствуется въ это время. Едва ли найдется кто нибудь, кто, покидая родину на нѣсколько лѣтъ на суднѣ дальняго плаванія, не оставилъ бы въ ней дорогихъ сердцу: кто—жену, дѣтей, кто—мать, братьевъ, сестеръ, кто—невѣсту или же, наконецъ, просто друзей. Что будетъ съ нами? Что будетъ съ ними, оставляемыми въ Россіи? Сколько времени пройдетъ до новаго свиданія и что застанемъ мы по возвращеніи?—вотъ вопросы, которые неотступно лѣзутъ въ голову всякому въ это время... конечно, не находятъ себѣ отвѣта. И вотъ судно въ плаваніи, синій—Андреевскій—крестъ русскаго военнаго флага послѣдовательно появляется въ различныхъ портахъ различныхъ частей свѣта; гдѣ нужно, онъ оказываетъ „давленіе", гдѣ нужно — покровительство русскимъ подданнымъ и вездѣ стоитъ на стражѣ русскихъ національныхъ интересовъ, какъ бы далеко и въ какія бы захолустья земнаго шара судьба его не занесла. Такъ проходятъ мѣсяцы, а затѣмъ и годы. Но человѣкъ—не рыба и моряку, какъ и всякому другому, нуженъ отдыхъ, нужна земля, а всего больше — родина, т. е. то, отсутствіе чего для всякаго служащаго на кораблѣ дальняго плаванія составляетъ самое первое, самое крупное лишеніе. По прошествіи нѣкотораго времени, мало по малу, притупляется интересъ къ чужимъ мѣстамъ, чужимъ народамъ, и мысли чаще и чаще обращаются къ далекой, но всегда милой родинѣ и къ обитателямъ ея, говорящимъ вашимъ языкомъ и васъ понимающимъ. Отсюда ясно, что извѣстіе о полученіи приказанія возвратиться въ Россію всегда принимается съ неописуемымъ восторгомъ. Всѣ оживаютъ и съ этого момента только и рѣчи, что о предстоящихъ радостяхъ. Опять идутъ приготовленія къ продолжительному пути, пріемки провизіи и всего необходимаго для длинныхъ переходовъ. Офицеры уходящаго въ Россію судна и другихъ, остающихся, устраиваютъ другъ другу прощальные завтраки, обѣды, даютъ порученія и т. д. Въ день ухода судно принаряжается, поднимаетъ кормовой флагъ увеличенныхъ размѣровъ и замѣняетъ обыкновенный вымпелъ на гротъ-мачтѣ длиннымъ, столь длиннымъ, что конецъ его съ привязаннымъ къ нему стекляннымъ или другимъ шарикомъ волочится по поверхности воды далеко за кормою. Таковъ обычай военныхъ моряковъ всѣхъ націй. Въ назначенный моментъ корабль снимается съ якоря и, если на томъ же рейдѣ есть другія наши военныя суда, то онъ всѣхъ ихъ старается пройти возможно ближе и привѣтствуетъ радостными криками „ура" всего экипажа. Въ свою очередь, команды этихъ судовъ посылаются тоже по вантамъ или на мостики для дружнаго привѣтствія уходящихъ на родину товарищей. Они уже далеко, но все еще слышны неумолкающіе крики „ура" людей, махающихъ въ воздухѣ фуражками. Многіе на радостяхъ даже побросали ихъ въ воду... Нашъ рисунокъ изображаетъ одинъ изъ этихъ моментовъ. Крейсеръ 2-го ранга „Разбойникъ" получилъ предписаніе идти въ Россію и 22-го іюля 1895 года покинулъ владивостокскій рейдъ. Онъ только что прошелъ флагманскій крейсеръ „Память Азова" подъ вице-адмиральскимъ флагомъ начальника соединенныхъ эскадръ въ Тихомъ океанѣ. Адмиралъ поздоровался съ командой его и пожелалъ ему счастливаго пути. Люди на марсахъ, вантахъ и мостикахъ какъ у того, такъ и у другого. Вотъ онъ прошелъ послѣднее изъ русскихъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ. Но есть еще одно—французскій крейсеръ, пришедшій погостить въ нашъ портъ. Онъ участвуетъ въ общемъ пожеланіи счастливаго пути на родину и ему-то по международному сигнальному своду отвѣчаетъ благодарностью крейсеръ „Разбойникъ" и въ то же время салютуетъ флагу начальника эскадръ и крѣпости. Крейсеръ даетъ полный ходъ и быстро удаляется; люди его мало по малу сходятъ на палубу, и только большихъ размѣровъ кормовой флагъ и безконечно длинный вымпелъ свидѣтельствуютъ о томъ, что уходящее судно тронулось въ путь, на далекую родину. А въ душѣ каждаго изъ остающихся невольно просится вопросъ: скоро ли настанетъ и нашъ чередъ?...

*Б**

Весенняя идиллія

Картина Г. И. Семирадскаго

Съ тѣхъ поръ, какъ Г. И. Семирадскій, въ 1877 году, получилъ званіе профессора за свою картину „Свѣточи христіанства", онъ считается лучшимъ и самымъ талантливымъ представителемъ античнаго жанра. Цѣлый рядъ блестящихъ произведеній, воспроизводящихъ античную жизнь, упрочилъ за нимъ всемірную извѣстность: „Трудный выборъ", „Элегія", „Пляска среди мечей", „Во времена Тиберея на Капреѣ", „Продавецъ амулетовъ", „Жрецъ Изиды", „Пѣснь невольницы", „Фрина" и другія картины этого рода извѣстны всякому образованному человѣку въ Европѣ и Америкѣ. Французское правительство наградило его орденомъ Почетнаго Легіона въ 1874 г. Флорентинская галлерея Уфицци предложила ему написать собственный портретъ для своего единственнаго историческаго собранія портретовъ знаменитыхъ мастеровъ. Туринская академія Albertina избрала Семирадскаго своимъ членомъ, а парижская академія изящныхъ искусствъ — членомъ-корреспондентомъ. Главными качествами таланта Г. И. Семирадскаго слѣдуетъ признать: колоритныя сочетанія, полныя гармоніи и вкуса, экспрессію, массу движенія. Эти качества блестящимъ образомъ обнаруживаются также и въ его „Весенней идилліи". Представьте себѣ чудеснѣйшій уголокъ среди деревьевъ на берегу моря въ счастливой Элладѣ. Вдали, среди деревьевъ, видны дачники: на первомъ планѣ большой бассейнъ воды, окруженный мраморными плитами, и изящный, въ греческомъ стилѣ, мраморный фонтанъ въ формѣ головы козла, изъ котораго льется вода. Одна изъ молодыхъ гречанокъ, въ изящномъ греческомъ костюмѣ, ждетъ, пока ея ваза наполнится водой; на другой сторонѣ фонтана, въ тѣни, расположились молодой мужчина, молодая женщина и мальчикъ; они играютъ и поютъ. По другой сторонѣ фонтана стадо козъ съ мальчиками-пастухами съ полнымъ удивленіемъ посматриваютъ на эту группу. Все это составляетъ единственное по своей гармоніи цѣлое, которое даетъ такое яркое понятіе объ античной жизни, какого не могутъ дать никакія многотомныя изслѣдованія и никакія описанія. *В. Ч.*

Марія Магдалина

Къ картинѣ П. ди-Ротари

Итальянскій живописецъ графъ Пьетро ди-Ротари, кисти котораго принадлежитъ симпатичная женская голова съ надписью „Марія Магдалина", причисляется къ венеціанской школѣ восемнадцатаго столѣтія. Хотя въ его картинахъ религіознаго содержанія сказывается вліяніе семнадцатаго вѣка и въ нихъ много тающей мягкости прежнихъ мастеровъ, тѣмъ не менѣе въ другихъ отношеніяхъ онъ является вполнѣ живописцемъ своего времени; въ его фантастическихъ сюжетахъ и экспрессивныхъ женскихъ головкахъ — по этой части онъ былъ спеціалистомъ — преобладаютъ характеристическія особенности французской школы, бывшей въ ту эпоху особенно въ модѣ.

Пьетро ди-Ротари былъ знатнаго происхожденія. Онъ родился въ Веронѣ въ 1707 г. Природныя наклонности влекли его къ изящнымъ искусствамъ, вслѣдствіе чего онъ ради развлеченія занялся живописью. Успѣхи ди-Ротари въ этой области были такъ значительны, что онъ сдѣлался профессіональнымъ живописцемъ. Молодой графъ сталъ брать уроки у знаменитаго веронскаго художника Антоніо Балестра и чрезвычайно успѣшно работалъ подъ его руководствомъ до восемнадцатилѣтняго возраста. Затѣмъ онъ отправился въ Венецію, гдѣ посвятилъ два года прилежному изученію лучшихъ мастеровъ тамошней школы великихъ колористовъ, усвоивъ такимъ образомъ многія изъ ихъ блестящихъ качествъ. Въ 1727 г. ди-Ротари поѣхалъ въ Римъ, гдѣ сталъ учиться у Франческо Тревизани и въ продолженіе четырехъ лѣтъ подробно знакомился съ безчисленными сокровищами искусства въ вѣчномъ городѣ. Въ Неаполѣ Ротари учился подъ руководствомъ Солимены, манерѣ котораго сталъ строго слѣдовать самъ. Его главными картинами изъ священной исторіи Новаго Завѣта, оставшимися въ Италіи, считаются „Благовѣщеніе" въ Гвастеллѣ и „Рождество Богородицы" въ церкви св. Іоанна въ Падуѣ. При дворахъ въ Вѣнѣ и Дрезденѣ художникъ встрѣчалъ самое лестное поощреніе, и, благодаря этому покровительству его таланта, мастерскія произведенія кисти Ротари, каковы: „Магдалина", „Отдыхъ въ Египтѣ", „Св. Іаковъ", „Св. Францискъ" и два портрета находятся въ дрезденской галлереѣ, двѣ картины фантастическаго содержанія — „Плачущая молодая дѣвушка" и „Спящая дѣвушка" — украшаютъ Старую Пинакотеку въ Мюнхенѣ, а еще два портрета — Шлессгеймскую картинную галлерею.

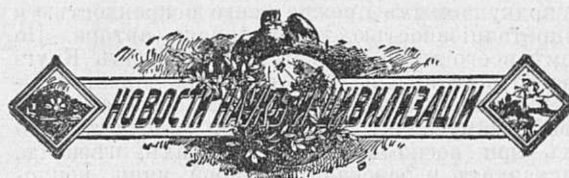
Въ 1750 г. Ротари былъ приглашенъ въ Петербургъ, гдѣ императрица Елисавета Петровна удостоила его званія главнаго придворнаго живописца. Здѣсь онъ много работалъ. Такъ, въ Петергофѣ имѣется коллекція изъ 663 женскихъ портретовъ — въ этой спеціальности талантъ итальянскаго художника выказывается во всемъ блескѣ — написанныхъ графомъ Ротари для Екатерины II во время его путешествія по русскимъ провинціямъ.

Если не ошибаемся, онъ умеръ на службѣ этой государыни, между 1760 и 1770 годами. Пьетро Ротари былъ въ то же время искуснымъ граверомъ: нѣкоторыя изъ его гравюръ представляютъ копіи съ собственныхъ картинъ, другія — съ картинъ его прежняго учителя Антоніо Балестра. Портретъ Филиппо Бальдуччи, снятый въ 1726 г., „Св. Францискъ, колѣнопреклоненный передъ Распятіемъ" и „Воспитаніе Пресвятой Дѣвы Маріи" — снимки съ его собственныхъ произведеній.

Тангейзеръ, отлученный папою

Картина Эд. Кемпффера

Кто не знаетъ легенду о Тангейзерѣ, широко популяризованную въ прелестной поэмѣ Гейне и въ знаменитой оперѣ Вагнера? Славный рыцарь попалъ къ Венерѣ и долго гостилъ у нея, упиваясь любовью, пока жгучее раскаяніе не овладѣло имъ. Онъ покинулъ роскошные чертоги очаровательницы и скромнымъ пилигримомъ пошелъ въ Римъ, чтобы вымолить у папы отпущеніе своего грѣха. Но папа сурово отринулъ грѣшника. „Какъ посохъ въ рукѣ не даетъ новыхъ листьевъ, такъ и грѣхъ твой навѣки останется неистребимымъ". Въ отчаяніи пошелъ рыцарь обратно. И вотъ, по его уходѣ, совершилось чудо: посохъ зазеленѣлъ. Папа послалъ за покаявшемся рыцаремъ, чтобы вернуть его и дать ему отпущеніе грѣха, но его уже нигдѣ не могли найти. Драматическій моментъ, когда Тангейзеръ лежитъ, поверженный въ ужасъ словами святого отца, и послужилъ сюжетомъ превосходной картины Эдуарда Кемпффера.

Пути сообщенія

— Никарагуасскій каналъ. Учрежденная президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Кливелэндомъ коммиссія для изслѣдованія хода работъ по проведенію никарагуасскаго канала пришла къ заключенію, что мѣстность, черезъ которую проводится каналъ, весьма неудобна для этой цѣли, работы же ведутся невозможнымъ образомъ, а потому необходимо начать сызнова все предпріятіе.

Географія, этнографія, путешествія

— Новый курортъ на Кавказѣ. Кавказъ въ скоромъ времени обогатится новымъ курортомъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Баку, въ селеніи Сураханы, имѣется втунѣ лежащій источникъ минеральныхъ водъ, не только извѣстный по своимъ цѣлебнымъ свойствамъ среди мѣстнаго населенія, но и по анализу водъ, произведенному солидными учеными, вродѣ профессора Менделѣева, могущій приносить серьезную пользу лицамъ, страдающимъ разными формами ревматизма и сифилиса. Однако, отчасти за отсутствіемъ предпринимателей, отчасти благодаря недостатку энергіи и желанія у мѣстныхъ капиталистовъ, никто до сихъ поръ не пробовалъ заняться благоустройствомъ этого источника съ бальнеологическою цѣлью. Но вотъ, нѣсколько времени тому назадъ, одного изъ проживающихъ въ Баку провизоровъ осѣнила счастливая мысль взять участокъ, на которомъ расположенъ упомянутый источникъ, въ арендное содержаніе для его эксплоатаціи. Предпріимчивый піонеръ этого дѣла рѣшился осуществить свою мысль и не такъ давно подписалъ контрактъ на долгосрочную аренду сказаннаго участка, на которомъ онъ предполагаетъ къ лѣту этого года устроить курортъ, обставивъ его постепенно возможнымъ комфортомъ и необходимыми приспособленіями примѣнительно къ общему пользованію минеральными водами.

Торговля, промышленность

— Тончайшая ткань въ мірѣ. По словамъ одного нѣмецкаго журнала, самая тонкая ткань въ мірѣ — вовсе неизвѣстныя кашемировыя шали, которыя можно спрятать въ скорлупу грецкаго орѣха, несмотря на то, что поверхность ихъ не менѣе четырехъ квадратныхъ метровъ, и не оренбургскіе платки, также очень тонкіе, но „Nipes de Pina" — ткань изъ волоконъ ананасовыхъ листьевъ, изготовляемая на Филиппинскихъ островахъ для богатыхъ туземцевъ. Эта ткань такъ тонка, что во время ея производства затворяютъ двери и окна, иначе сквознякъ можетъ порвать ее. Приготовленіе волоконъ изъ листьевъ ананаса, само собою, представляетъ большія трудности, такъ какъ необходимо соединять отдѣльныя тончайшія волокна въ нити и уже, заготовивъ ихъ достаточное количество, приступать къ тканью матеріи. Изъ этой роскошной ткани изготовляютъ на островахъ Луцонъ и Манилла дамскія и мужскія сорочки. Одну сорочку работаютъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, почему продажная цѣна ея, доходящая до 6,000 марокъ за штуку, не должна казаться слишкомъ высокою. Кромѣ сорочекъ, составляющихъ по причинѣ жаркаго, тропическаго килимата сущій кладъ для мѣстныхъ богачей, изъ этой ткани изготовляютъ вуали и платки съ цвѣтною каймой изъ разноцвѣтныхъ волоконъ ананасовыхъ листьевъ.

Выставки

— Швейцарская національная выставка. 1-го мая 1896 г. въ Женевѣ откроется швейцарская національная выставка и продолжится до 15-го октября того же года. Выставка занимаетъ пространство въ 350.000 квадр. метровъ, располагаясь въ самой живописной мѣстности, захватывающей берега рѣкъ Арвы и Аира, будетъ заключать въ себѣ 47 группъ и имѣетъ цѣлью представить полную картину современнаго состоянія Швейцаріи въ экономическомъ, культурномъ и научномъ отношеніяхъ. Между прочимъ тутъ найдутъ себѣ мѣсто: отдѣлъ промышленности, во всестороннемъ ея развитіи, отдѣлъ искусствъ — древняго и современнаго, со включеніемъ новѣйшей школы альпійской живописи, обширный рынокъ машинъ съ разнообразными примѣненіями электрической силы, значительному пользованію которой, а потому и немедленному приложенію ко всякимъ новѣйшимъ открытіямъ, такъ благопріятствуютъ особенности швейцарской природы. Значительное вниманіе со стороны комитета выставки прилагается къ устройству отдѣла воспитанія и образованія — источника нравственнаго и физическаго совершенствованія народнаго организма. Помимо ознакомленія съ учрежденіями образовательнаго характера вообще — отъ дѣтскихъ школъ до университета — тутъ найдутъ мѣсто школы профессіональныя: школа искусствъ, художественно-промышленная, коммерческая, земледѣльческая и друг. Швейцарское земледѣліе представитъ коллекцію своихъ продуктовъ, а также образцы породъ скота и вообще все, что можетъ составить полную наглядную картину сельскаго хозяйства. Въ отдѣлѣ наукъ и литературы будетъ имѣться павильонъ Рауля Пикте, уроженца Женевы. Этотъ ученый предприметъ рядъ конференцій и демонстрацій, касающихся послѣднихъ его открытій и особенно опытовъ надъ низкою температурой. Со стороны удобствъ и удовольствій для публики слѣдуетъ указать на устройство почты, телеграфа, телефона, спеціальной желѣзной дороги протяженіемъ въ 2½ километра, увеселительнаго парка, ресторановъ и организацію оркестровъ музыки. Кромѣ того, для нагляднаго ознакомленія съ природой, жизнью и нравами страны, устраивается въ особо отведенномъ мѣстѣ, между берегами рѣкъ Арвы и Аира, миніатюрная Швейцарія (Village Suisse). Тутъ будетъ сгруппировано все, отъ красотъ природы до мельчайшихъ подробностей житейской обстановки, отъ городскихъ жилищъ и кокетливыхъ виллъ до хижинъ пастуховъ. Уголокъ этотъ, наполненный жизнью, движеніемъ, съ обитателями въ ихъ національныхъ костюмахъ, со стадами пасущихся коровъ, представитъ собою вѣрный снимокъ съ дѣйствительности.

Вульфіусъ Павелъ Александровичъ, директоръ московской дѣтской больницы св. Владиміра, извѣстный специалистъ по дѣтскимъ болѣзнямъ, бывшій врачъ дѣтской больницы принца П. Г. Ольденбургскаго и затѣмъ главный врачъ и директоръ Николаевской дѣтской больницы въ Петербургѣ, авторъ нѣсколькихъ статей, замѣчательно гуманный и добросовѣстный врачъ, † въ Москвѣ 30-го марта, 66 лѣтъ.

Денисовъ Илья Самуиловичъ, настоятель петербургской церкви св. Екатерины Великомученицы при Императорской академіи художествъ, заслуженный протоіерей, законоучитель нѣсколькихъ учебныхъ заведеній, авторъ „Руководства къ исторіи русской церкви" и нѣсколькихъ статей духовнаго содержанія, † въ Спб. 2-го апрѣля, 78 лѣтъ.

Дуэзъ Эрнестъ-Анжъ, французскій художникъ, † 23-го марта въ Буживалѣ, близь Парижа. Онъ родился въ Парижѣ, 24 февраля 1843 года. Живописи обучался у Пильса и выступилъ съ первою своею картиною „Mater dolorosa", на выставкѣ въ Парижѣ, въ 1868 году. Лучшимъ изъ его произведеній считается парная картина „Великолѣпіе и нищета", выставленная въ 1874 году; на картинѣ представлена куртизанка въ разгарѣ своего блеска, а въ противоположность съ нею — старая тряпичница. Дуэзъ былъ награжденъ за эти картины медалью. Послѣ того обратила на себя вниманіе его картина „Св. Кутбертъ", находящаяся въ настоящее время въ Люксенбургѣ. Славятся также портреты Дуэза.

Жегина Анна Ѳеодоровна, женщина-врачъ, специалистка по нервнымъ и психическимъ болѣзнямъ, служившая въ разныхъ больницахъ въ Петербургѣ около одинадцати лѣтъ, авторъ нѣсколькихъ статей по своей специальности, † въ Спб. 3-го апрѣля.

Маттеи Чезаре графъ, прославившійся своимъ „электрогомеопатическимъ" способомъ леченія, бывшій австрійскій политическій дѣятель, † близь Болоньи, въ своемъ помѣстьѣ, въ срединѣ марта, 86 лѣтъ.

Назаревскій Сергѣй Владиміровичъ, помощникъ правителя дѣлъ главнаго управленія по дѣламъ печати, д. ст. сов., сотрудникъ „Правительственнаго Вѣстника", „Московскихъ Вѣдомостей", „Русскаго Вѣстника" и „Новаго Времени", † въ Москвѣ 3-го апрѣля, 48 лѣтъ.

Пругавинъ Викторъ Степановичъ, писатель, извѣстный своими статистическими изслѣдованіями кустарной промышленности и сельскаго хозяйства, родной братъ изслѣдователя сектантовъ, авторъ многочисленныхъ статей по экономическимъ вопросамъ народной жизни, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы", „Русской Мысли", „Юридическомъ Вѣстникѣ", „Русскихъ Вѣдомостяхъ", „Недѣлѣ" и друг. изданіяхъ; † въ Москвѣ въ концѣ марта, 38 лѣтъ.

Рождественскій Григорій Александровичъ, настоятель петербургской Благовѣщенской церкви лейбъ-гвардіи коннаго полка, протоіерей, прослужившій въ священномъ санѣ пятьдесятъ лѣтъ, авторъ нѣсколькихъ статей духовнаго содержанія, † въ Спб. 30-го марта, 70 лѣтъ.

Рюльманъ Антонъ Антоновичъ, докторъ медицины, извѣстный специалистъ по горловымъ, носовымъ и ушнымъ болѣзнямъ, пользовавшійся въ Петербургѣ большой популярностью, особенно среди музыкальныхъ и литературныхъ дѣятелей, авторъ многихъ статей, † въ Спб. 3-го апрѣля, 54 лѣтъ.

Трикуписъ Харилаосъ, одинъ изъ выдающихся государственныхъ людей Греціи, бывшій неоднократно во главѣ министерства, принесшій много пользы своей странѣ, опытный дипломатъ, † въ Аѳинахъ 30-го марта, 64 лѣтъ.

Фридовскій Христофоръ Пантелеймоновичъ, генералъ-маіоръ, совершившій кругосвѣтное плаваніе, участвовавшій въ войнѣ 1854—1855 гг. въ отрядѣ гребной флотиліи при защитѣ г. Або отъ англо-французскаго флота, позднѣе завѣдывавшій артиллерійской мастерской кронштадтскаго порта, бывшій начальникомъ чертежной артиллерійской части Николаевскаго порта и проч., † въ въ Николаевѣ 2-го апрѣля, 73 лѣтъ.

Эрнефельтъ Александръ Густавовичъ, начальникъ милиціонной экспедиціи финляндскаго сената, состоявшій по генеральному штабу генералъ-лейтенантъ, принимавшій дѣятельное участіе при финскихъ батальонахъ въ кампаніи 1877—1878 гг. противъ турокъ, специалистъ по астрономическо-геодезическимъ работамъ, † въ Гельсингфорсѣ 3-го апрѣля, 63 лѣтъ.

Новости печати

А. В. Кругловъ. Всѣ пріятели. Разсказы для дѣтей младшаго возраста, съ рисунками. Москва. Изданіе книжнаго магазина М. В. Клюкина, коммиссіон. Имп. акад. наукъ. 1896. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 коп. Простота языка, задушевность тона, содержательность сюжета, типичность большихъ и маленькихъ героевъ,—вотъ главнѣйшія отличительныя черты дѣтскихъ разсказовъ А. В. Круглова, давняго друга дѣтей-читателей, всегда подкупаемыхъ прежде всего искренностью и безпретенціозностью талантливаго автора. Но кромѣ всего этого, въ каждомъ разсказѣ Круглова есть та поэзія, безхитростная, простодушная и нѣсколько наивная поэзія, которая звучитъ нашему слуху изъ далекой дали дѣтскихъ лѣтъ при воспоминаніи о сказкахъ, пѣсняхъ, присказкахъ и разсказахъ старой няни, воплощающей въ своемъ образѣ лучшія впечатлѣнія первыхъ дней утра жизни... Одинъ изъ немногихъ любимцевъ маленькаго читателя, А. В. Кругловъ остается вѣрнымъ другомъ его въ продолженіи долгихъ лѣтъ, не переставая обогащать его библіотечку все новыми и новыми произведеніями, изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ собираемыхъ въ книжкѣ, являющимися прекрасными подарками къ праздникамъ — этому традиціонному базару дѣтской литературы... Небольшая новая книжка А. В. Круглова — „Всѣ пріятели", вышедшая въ опрятномъ изданіи М. В. Клюкина, доставитъ большое удовольствіе „дѣтямъ младшаго возраста", для которыхъ и предназначена. „Необыкновенная елка", „Трусишка" и „Казачекъ" — четыре превосходныхъ разсказа, вполнѣ достойныхъ пера ихъ почтеннаго автора. Написанные въ разные годы (отъ начала 70-хъ до конца 80-хъ) — они одинаково запечатлѣны творческой любовью симпатичнаго художника, опытной рукою обрисовавшаго въ нихъ для своихъ маленькихъ пріятелей — другихъ имъ подобныхъ... *Ап. К—скій.*

Е. Дюрингъ. Цѣнность жизни. Изслѣдованіе въ смыслѣ героическаго жизнепониманія. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія *Ю. М. Антоновскаго*, съ біографическимъ очеркомъ Деля и портретомъ Дюринга. Второе изданіе. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к. Книгу Дюринга мы особенно рекомендуемъ нашимъ читательницамъ. Хотя она и философская и написана языкомъ со „страшными" словами, вродѣ „концепція", „функція", „объектъ" и „субъектъ" и т. п., но представляетъ собою рѣдкій примѣръ философской книги, сочувственно отзывающейся о женщинѣ. Извѣстно, что философы, большей частью, презирали „прекрасный полъ". Нечего говорить уже о древнихъ и средневѣковыхъ философахъ, считавшихъ женщину за „сосудъ діавола", но даже и современный философъ, Шопенгауеръ, отнесся къ цѣлой половинѣ человѣческаго рода весьма презрительно. Напротивъ того, Дюрингъ считаетъ, что женщина должна быть также равноправна, какъ и мужчина, и высшее блаженство, достижимое въ человѣческомъ существованіи, когда человѣкъ выходитъ за предѣлы индивидуальной жизни, видитъ въ любви и семейной жизни. Дюрингъ приходитъ почти къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ пришелъ и гр. Л. Н. Толстой, съ тою только разницею, что нѣмецкій философъ находитъ выходъ изъ современнаго положенія брачнаго вопроса въ высшемъ развитіи и предоставленіи равноправности женщинѣ. Но равноправность эта понимается имъ въ самомъ широкомъ смыслѣ и, рекомендуя для женщины независимость и свободу, Дюрингъ оговаривается, что эта свобода отнюдь не должна состоять въ подражаніи дурнымъ привычкамъ мужчинъ. Переводъ книги сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно. *Пл. К.*

Гансъ Заксъ. Башмачникъ-поэтъ. 1494—1894. Харьковъ. Изданіе А. Дредера. 1895. Четырехсотлѣтіе, исполнившееся со дня рожденія самобытнаго германскаго поэта, послужило поводомъ къ изданію этой брошюры. Авторъ ея, г. Б. Краевскій—какъ значится на 26 стран. ея, даетъ читателямъ краткій, но довольно обстоятельный, очеркъ жизни и дѣятельности „поэта-башмачника", явившагося для своего народа отдаленнымъ на нѣсколько вѣковъ предтечей Гердера, Лессинга и Гёте. Народный пѣвецъ, „мейстерзингеръ" забытыхъ временъ, обаятельный обликъ котораго блеснулъ яркой звѣздою на темени эпохи упадка старой нѣмецкой литературы, наканунѣ переворотовъ и опустошительныхъ войнъ реформаціи, былъ забытъ очень скоро... И надо было пройти тремъ вѣкамъ, чтобы о немъ вспомнили на родинѣ. Гёте, открыто признававшійся въ неизгладимомъ вліяніи на его творчество поэзіи Закса,—говоря образнымъ языкомъ автора брошюры,—„возложилъ вѣнецъ" на убѣленную сѣдинами многодумную голову несправедливо забытаго поэта. Вагнеръ взялъ его героемъ своей оперы „Нюрнбергскій мейстерзингеръ". Монументъ, воздвигнутый Гансу Заксу въ его родномъ городѣ и всенародное чествованіе его памяти 10-го ноября 1894 года, дѣйствительно, служатъ лучшимъ подтвержденіемъ того, что „и скромныя истины и красоты хранятся человѣчествомъ, и что все жизненное воскресаетъ"... Къ очерку жизни и дѣятельности поэта приложено нѣсколько мелкихъ стихотвореній его („Смерть и купидонъ", „Адвокатъ обманщикъ", „Чертъ на балу", „Безпокойный монахъ съ кувшиномъ") и пьеса „Испытаніе каленымъ желѣзомъ" — въ стихотворномъ, довольно тяжеломъ переводѣ нѣкоего В. Рогачевскаго. *Ап. К—скій.*

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

РУССО и БЛАНКАСЪ

Разсказъ ЖАНА РАМО

I

Дочь, младшая, Лакумера, молоденькая Лали, не сморкалась въ рукавъ, какъ говорятъ въ Гасконьѣ. Она ходила въ ботинкахъ, носила митенки стоимостью въ цѣлый франкъ и душилась такими необычайными духами, о которыхъ остальные крестьяне никогда и не слышали.

И она хорошо дѣлала, такъ какъ отецъ ея, почтенный Гремулэ де-Лакумеръ, былъ очень и очень зажиточный крестьянинъ, имѣвшій въ полной своей собственности четырехъ коровъ, двухъ быковъ и сотню овецъ. Но дѣвушка поступала скверно въ томъ отношеніи, что она, эта жеманница Лали, позволяла себѣ вытворять разные фокусы передъ самымъ носомъ сосѣдей. Такъ, напримѣръ, подъ предлогомъ, будто сердце у нея устроено иначе, чѣмъ у остальныхъ смертныхъ, она возьметъ и поблѣднѣетъ, какъ мертвецъ, чуть только мать начнетъ на кухнѣ сворачивать шею уткѣ, и упадетъ въ обморокъ, когда отецъ рѣжетъ свинью.

Эта смѣшная чувствительность составляла большой недостатокъ Лали, что и ей самой было хорошо извѣстно,—недостатокъ, могущій сильно повредить ей, когда настанетъ пора выходить ей замужъ. Лали старалась отдѣлаться отъ своего недостатка, но это никакъ ей не удавалось.

— Постой, ужо я примусь за тебя и дамъ тебѣ хорошую взбучку за эти глупыя твои причуды принцессы! бранится, бывало, ея отецъ, какъ есть настоящій здоровенный крестьянинъ, чувствовавшій столько же жалости къ животнымъ, сколько и къ вязанкѣ хвороста.

Чтобы вылечить младшую дочь свою отъ ея смѣшной чувствительности, онъ заставлялъ ее топить молоденькихъ котятъ и бить до смерти заступомъ престарѣлыхъ дворняжекъ. Но ничего этого Лали не могла никогда продѣлывать, не проливая слезъ. „О, эти котята съ ихъ смѣшными мордочками и граціозными прыжками!.. эти красивые котята, которые, мурлыча и перебирая своими мягкими лапками, такъ мило сосали свою мать, сѣрую кошку!... И въ особенности собаки, эти бѣдныя, старыя собаки съ ихъ печальными глазами, бѣдныя собаки когда-то такъ радостно прыгавшія вокругъ нея и такъ вѣрно стерегшія своихъ хозяевъ. Какъ жестоко было пробивать имъ черепъ ударами заступа и потомъ зарывать ихъ трупы у дерева!“

Лали сильно стыдилась своего недостатка, такъ какъ вся деревня подымала ее за это на смѣхъ. Какъ бы она гордилась, еслибъ могла, подобно остальнымъ работницамъ, спокойно рѣзать птицъ и животныхъ и проливать кровь. Но надо полагать, что ее просто кто-то сглазилъ и она была испорчена. Сердце ея вмѣсто того, чтобы съ теченіемъ времени ожесточиться, становилось все мягче и мягче, и, когда никто не смотрѣлъ на молодую дѣвушку, она начинала нашептывать лошади, которую порѣшили вести продавать на ближайшую ярмарку, тысячу нѣжностей, также какъ и кролику, которому предстояло на дняхъ явиться на обѣдъ въ видѣ жаркого.

Однажды утромъ отецъ Лали сказалъ ей: „Одѣвайся живо и ступай отведи Руссо къ мяснику“.

Руссо было имя двухмѣсячнаго рыжаго теленка, мычаніе котораго напоминало плачъ ребенка и въ глазахъ котораго свѣтилась такая доброта, о, какая доброта!

Два раза въ день Лали приводила Руссо къ рыжей коровѣ, его матери; нужно было видѣть, какъ онъ сосалъ ее!... Весь дрожа отъ радости, онъ ударялъ головой въ вымя коровы, чтобы выжать больше молока. А потомъ, какіе онъ начиналъ выдѣлывать уморительные прыжки! Лали очень любила красавца Руссо и не разъ чувствовала желаніе запечатлѣть поцѣлуй на его сѣрой, свѣжей мордочкѣ.

Сильно огорчилась она, когда услышала приказаніе отца отвести теленка къ мяснику. Дѣвушка проронила едва слышнымъ голосомъ.

— Со вчерашняго дня чувствую себя что-то нехорошо; пошли лучше къ мяснику вмѣсто меня работника.

Но Гремулэ не хотѣлъ и слышать никакихъ возраженій: — Нельзя ли оставить всѣ твои гримасы и выдумки? Одѣвайся сейчасъ же, слышишь! И вотъ еще что: передъ тѣмъ, какъ отправиться въ путь, отведи теленка пососать къ матери и потомъ передъ входомъ въ пригородъ напой его у ручья, чтобы онъ вѣсилъ нѣсколькими фунтами больше.

Дѣлать было нечего. Лали напослѣдокъ хорошенько вычистила теленка скребницей и повела его сосать къ матери. О, какъ онъ на этотъ разъ упивался ея молокомъ! А корова, то и дѣло, нѣжно лизала его языкомъ. Все это глубоко растрогало Лали. Еслибы бѣдняжки знали, о, еслибы они знали, что имъ предстоитъ вѣчная разлука!

Молодая дѣвушка бѣгомъ отправилась въ домъ, къ себѣ въ комнату, и нарядилась въ праздничное платье. Потомъ, вернувшись къ теленку, накинула ему на шею веревку и принялась выводить его изъ хлѣва. Но онъ упирался, не хотѣлъ идти. Къ тому же корова звала его тихимъ мычаніемъ и смотрѣла на него своими добрыми, большими глазами. Тихимъ мычаніемъ своимъ рыжая корова точно хотѣла сказать:

„О, Руссо, куда это тебя хотятъ вести? Вернись скорѣй!.. Не правда ли, ты скоро вернешься обратно въ хлѣвъ? Во время твоего отсутствія я хорошенько примусь за сѣно и съѣмъ всю свою порцію, чтобы сегодня вечеромъ у меня для тебя было бы побольше молока“.

Лали понимала все, что хотѣла сказать корова, и сердце ея сжималось все сильнѣй и сильнѣй.

Во дворѣ дѣвушка встрѣтила отца. Онъ сказалъ ей:

— Вотъ опять у тебя глупѣйшая, похоронная физіономія! Но вѣдь теленокъ останется всегда лишь теленкомъ, и все тутъ. Этакая ты у меня дурочка, подумаешь! Утѣшься — сама будешь потомъ рада полакомиться кускомъ жаркого отъ твоего Руссо. Попроси у мясника отдѣлить намъ нѣсколько фунтовъ телятины, чтобы сварить изъ нея рагу подъ бѣлымъ соусомъ,—не такъ ли? Если мясникъ отдастъ тебѣ сейчасъ же деньги, смотри, постарайся не потерять ихъ на дорогѣ. Иди, выпьемъ со мной рюмку бѣлаго вина, это придастъ тебѣ храбрости.

Лали выпила полъ рюмки вина, но не почувствовала отъ этого никакого прилива храбрости.

Теленокъ упирался, не хотѣлъ идти за дѣвушкой, онъ дергалъ веревку, хотѣлъ вернуться въ хлѣвъ. Гремулэ долженъ былъ подталкивать его сзади. Потомъ онъ пощупалъ животное своими мозолистыми руками.

— Эге, сказалъ онъ съ довольнымъ видомъ,—теленокъ какъ разъ впору, — навѣрное въ немъ будетъ 80 килло, и это составитъ семь или восемь золотыхъ... Вотъ что, Лали, постарайся не утомлять его слишкомъ, иначе онъ потеряетъ въ вѣсѣ два или три фунта. Веди его потихоньку и подбадривай дружескими понуканіями... Ну, ступай, Руссо, ступай!

Вслѣдъ затѣмъ крестьянинъ хлопнулъ ладонью о ладонь, чтобы стряхнуть съ рукъ приставшія къ нимъ шерстинки, и отправился завтракать вмѣстѣ со своими работниками.

II

Шагая по бѣлой, пыльной дорогѣ, по длинной дорогѣ, ведущей къ бойнѣ, Лали вела за собой Руссо, подбадривая его дружескими понуканіями. Теленокъ не упирался болѣе, не дергалъ за веревку,—онъ уже не слышалъ мычанія матери и потому шелъ послушно, съ любопытствомъ всматриваясь своими изумленными глазами молодого животнаго во встрѣчавшіяся по пути строенія, откосы и канавы. Близь забора его прельстилъ пучекъ травы, и Лали поспѣшила сорвать его ему. Нѣсколько дальше стадо гусей, съ громкимъ крикомъ купавшихся въ лужѣ, привело его въ сильное смущеніе. Теленокъ вперилъ глаза въ незнакомое зрѣлище и, точно боязливый ребенокъ, поспѣшилъ спрятаться за спину своей хозяйки.

— Не пугайся, дурачекъ, — они ничего тебѣ не сдѣлаютъ. Отправляйся дальше, говорила молодая дѣвушка, ласково хлопая теленка рукой.

И успокоенный Руссо, приподнявъ хвостъ и втягивая въ себя дувшій на встрѣчу вѣтеръ, двинулся дальше по бѣлой, пыльной дорогѣ, ведущей къ бойнѣ.

По мѣрѣ приближенія ихъ къ пригороду, Лали замедляла шаги. Ей хотѣлось бы останавливаться и разговаривать со всякимъ встрѣчнымъ прохожимъ, хотѣлось бы присѣсть отдохнуть на всякую лежавшую у дороги кучу булыжника, чтобы хоть нѣсколько оттянуть время, когда ей придется отдать подъ ножъ ея бѣднаго Руссо.

Дѣвушка дошла до ручья, о которомъ говорилъ ей отецъ, и, точно исполняя его приказаніе, напоила въ немъ теленка. Вода была чиста и прозрачна, и теленокъ пилъ съ удовольствіемъ.

— Попей еще, Руссо! говорила Лали убѣждающимъ тономъ.

Но теленокъ не хотѣлъ больше пить. Онъ вернулся, подпрыгивая, на бѣлую, пыльную дорогу. А молодая дѣвушка поблѣднѣла, увидѣвъ среди зелени розовыя крыши. Это былъ пригородъ. Въ одномъ изъ первыхъ домовъ его жилъ мясникъ.

Лали печально шла по направленію къ розовымъ крышамъ. Она опустила голову и почти что закрыла глаза — ей не хотѣлось видѣть теленка, это бѣдное и невинное животное, въ горло котораго долженъ былъ вотъ — вотъ вонзиться ножъ.

— Ахъ, это будетъ вотъ здѣсь, Руссо, сказала она тронувъ ему пальцемъ шею въ самомъ нѣжномъ мѣстѣ, — здѣсь вотъ... сдѣлаютъ большую кровавую рану!.. Ты содрогнешься, чувствуя, что истекаешь кровью, и глаза твои померкнутъ, глядя на человѣка, который все это сотворитъ надъ тобою. О, Руссо, Руссо!..

Дѣвушка испугалась, боясь, что расплачется навзрыдъ, идя по улицамъ, а встрѣчные прохожіе начнутъ смѣяться надъ ней.

Поэтому, чтобы не дать себя растрогать, Лали заставила себя вспомнить, какъ нѣсколько дней тому назадъ теленокъ брыкнулся и ударилъ ее ногой. А до того онъ какъ-то разъ кинулся на нее, опустивъ голову внизъ, точно разъяренный быкъ. Да, да, еслибы у него были рога, онъ навѣрное забодалъ бы ее, непремѣнно, непремѣнно забодалъ бы! Ахъ, ты этакій скверный!

Молодая крестьянка почувствовала при этихъ мысляхъ приливъ большей рѣшимости и нашла въ себѣ силу подойти на сколько возможно ближе къ бойнѣ. Но, сдѣлавъ шаговъ двадцать, она уже говорила себѣ: „Бѣдный Руссо! — вѣдь собственно-то брыкнулся онъ, играя, въ шутку, и ноги его были мягки, какъ кошачьи лапы. Кромѣ того, еслибъ у него и оказались рога, то онъ все же ни за что не ранилъ бы меня, въ этомъ я увѣрена. Онъ хотѣлъ только попугать меня... Бѣдный Руссо!“

И она нѣжно гладила рукой его мягкую голову.

По сторонамъ длинной бѣлой дороги, ведущей къ бойнѣ, начинали уже показываться дома. Лали входила въ пригородъ.

Сколько здѣсь было народа, шума, двухколесныхъ таратаекъ и всякихъ телѣжекъ!.. Въ качествѣ деревенскаго жителя Руссо при видѣ всего этого сильно смутился; весь трепещущій сталъ онъ прижиматься къ хозяйкѣ, откинувъ назадъ уши, съ глазами, расширившимися отъ изумленія.

Младшая дочь Лакумера почти такъ же сильно дрожала, какъ и ея теленокъ. Она не могла рѣшиться войти во дворъ мясника. Въ этомъ дворѣ было сильное движеніе: нѣсколько крестьянъ привели съ собой такихъ же телятъ, какъ и Руссо, и ждали въ углу двора. Черезъ два дня долженъ былъ праздноваться деревенскій праздникъ и по этому случаю, кромѣ обычнаго запаса мяса, приходилось совершать еще дополнительное жертвоприношеніе. Лали увидѣла мясника стоящимъ среди группы крестьянъ; рукава его были засучены выше локтя и весь передникъ залитъ кровью.

— Ага, это ты! проговорилъ онъ, подходя къ молодой дѣвушкѣ. Гремулэ предупредилъ меня о твоемъ посѣщеніи. Садись, — еще одну минутку, и я отберу у тебя твоего теленка. Но сначала надо мнѣ заняться вотъ съ этимъ человѣкомъ — онъ ждетъ уже цѣлыхъ два часа.

Лали усѣлась на скамейку. Возлѣ нея стоялъ Руссо, весь содрагаясь и устремивъ глаза на другихъ животныхъ. Одинъ изъ помощниковъ мясника рѣзалъ подъ навѣсомъ скотину. Двое крестьянъ подвели къ нему увѣсистаго быка, на лбу котораго еще видны были слѣды ярма. Лали видѣла, какъ быка повели, какъ всѣ разступились, чтобы дать ему дорогу, и хозяйка Руссо притаила дыханіе...

— Ты никогда не видѣла, какъ рѣжутъ быковъ? спросилъ ее крестьянинъ. — Пойдемъ, посмотримъ — это очень забавно.

Но Лали осталась сидѣть на скамейкѣ, и лицо ея блѣднѣло все болѣе и болѣе. Вдругъ изъ-подъ навѣса до слуха ея донеслось мычаніе, продолжительное мычаніе — ужасный крикъ животнаго, почуявшаго смерть. Въ свою очередь и испуганный Руссо замычалъ и сталъ дергать за веревку. О, какъ это мычаніе его было трогательно! оно точно говорило:

„Уйдемъ, Лали, вернемся скорѣе домой, вернемся въ родной мой хлѣвъ, гдѣ мать моя ждетъ меня, пережевывая сѣно! Слышишь ли страшный крикъ бѣднаго быка подъ навѣсомъ! Что же съ нимъ такое дѣлаютъ тамъ?“

Лали не выдержала больше. Она встала со скамейки, перебѣжала черезъ весь дворъ и быстро удалилась.

— Пойдемъ, Руссо, пойдемъ скорѣй! Тебя не зарѣжутъ, нѣтъ, нѣтъ, не зарѣжутъ... Бѣги за мной, скорѣй, скорѣй!..

Торопливо зашагала она по бѣлой, пыльной дорогѣ, по длинной дорогѣ, ведущей въ Лакумеръ. И теленокъ слѣдовалъ за своей хозяйкой, поднявъ хвостъ и подпрыгивая, точно счастливый ребенокъ.

— Нѣтъ, Руссо, тебя не зарѣжутъ ни сегодня и никогда, никогда, пока я только буду жива! говорила Лали. Видишь, вотъ тутъ — славная зеленая травка, — ѣшь вволю, а тутъ вотъ — свѣжая водица, — пей вволю. И дѣвушка рвала для теленка на откосахъ пучки самой зеленой травы и подводила его къ самымъ чистымъ лужамъ, сверкавшимъ на пустоши. Какъ ей хотѣлось расцѣловать его, этого красавца Руссо, это доброе невинное животное, бывшее на волосъ отъ смерти!..

Однако чѣмъ дальше они шли, тѣмъ болѣе Лали замедляла свои шаги. Она была бы рада поговорить со всякимъ прохожимъ,

была бы рада посидѣть на всякой встрѣчавшейся кучѣ булыжника, чтобы хоть нѣсколько оттянуть свое возвращеніе домой.

— Что скажетъ отецъ? потихоньку шептала она, склоняя голову на грудь. Сердце ея все больше и больше сжималось. Какъ нельзя лучше знала она, что ея отецъ будетъ неумолимъ, что онъ заставитъ ее снова вернуться въ бойню, а въ добавокъ, что всѣ сосѣди Лакумера вдоволь посмѣются надъ этимъ подвигомъ младшей дочери Гремулэ.

Она сѣла отдохнуть у забора и принялась размышлять.

„Что, еслибъ я отпустила теленка на всѣ четыре стороны", подумала она, глядя на него... Онъ бы нашелъ здѣсь себѣ пищу: тутъ есть и трава, и вода, а время отъ времени я бы приносила ему корку хлѣба или пригоршню маиса. Можетъ быть, отецъ и не узналъ бы ничего... Прекрасно, но откуда я возьму семь или восемь червонцевъ? Гдѣ мнѣ ихъ достать?"

Вдругъ она ударила себя рукой по лбу:

— Руссо! Я придумала, придумала! радостно воскликнула она, вскакивая на ноги.

— Пойдемъ скорѣй! Я достану семь червонцевъ... А тебя не зарѣжутъ — ты будешь спасенъ!

Лали свернула съ большой пыльной дороги и пошла по проселку. Долго, долго шла она мимо камышей, мимо сосенъ и луговъ, не переставая улыбаться отъ блеснувшей ей изумительной мысли.

— Не бойся — они не сдѣлаютъ тебѣ зла, повторяла она всякій разъ, когда стадо гусей, шумно барахтаясь въ лужѣ, пугало Руссо.

И успокоенный теленокъ шелъ, поднявъ хвостъ, за своей доброй хозяйкой, втягивая въ себя дувшій имъ на встрѣчу вѣтеръ, довѣрчиво шелъ въ незнакомую ему мѣстность.

III

Часъ спустя Лали дошла, наконецъ, до бѣлаго дома, обсаженнаго платанами. Тутъ жилъ ея крестный отецъ, старикъ-земледѣлецъ Уркадъ, напоминавшій своей толщиной каноника. Онъ всю жизнь проводилъ въ томъ, что снималъ гусеницъ въ своемъ огородѣ. Уркадъ очень любилъ свою крестницу. Каждый разъ, когда онъ навѣдывался въ Лакумеръ, онъ приносилъ ей гостинцевъ, и такъ какъ онъ былъ бездѣтный, то въ деревнѣ были какъ нельзя болѣе увѣрены, что Лали Гремулэ непремѣнно наслѣдуетъ отъ него бѣлый домикъ, обсаженный платанами.

— Да благословитъ васъ Господь, крестный! сказала молодая дѣвушка, увидя Уркада среди грядъ капусты.

— Эге, да это моя крестница! воскликнулъ старикъ, вынимая изо рта черешневую трубку. — Эге, по какому случаю ты изволила ко мнѣ пожаловать?

Уркадъ подошелъ къ Лали и очень удивился при видѣ теленка.

— Ты ведешь его продавать? спросилъ онъ.

— Да, крестный, отвѣчала молодая дѣвушка, покраснѣвъ.

— А кому, если дозволяется спросить, думаешь ты продать его?

— Да вамъ же, крестный, если вы согласитесь его купить.

— Мнѣ? Ты, кажется, шутишь?

— Ничуть не шучу.

— Но я не имѣю ни малѣйшей нужды въ теленкѣ, могу тебя увѣрить.

— О, крестный, подумайте, купите, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе!

Говоря эти слова, Лали привязала Руссо къ стволу платановаго дерева. Покончивъ со своимъ дѣломъ, дѣвушка сѣла рядомъ со старикомъ на скамейку, увитую цвѣтущими штокрозами, и затѣмъ въ ласковыхъ словахъ, звучавшихъ словно ритурнель волынки, сообщила обо всемъ случившемся.

— Видите ли что, крестный, папа постоянно дразнитъ меня за то, что относительно животныхъ у меня такое слабое, чувствительное сердце. Вотъ, и сегодня утромъ папа вздумалъ огорчить меня и велѣлъ мнѣ отвести Руссо къ мяснику, въ пригородъ. Мнѣ нельзя было не покориться, понимаете, потому что съ папой шутки плохи. Выходя изъ дому, я дала себѣ слово быть мужественной и храброй, твердо, безъ слезъ, вручить Руссо мяснику и затѣмъ спокойно возвратиться домой. Сначала все шло отлично. Но къ несчастью, когда я пришла въ бойню, я услышала тамъ страшное мычаніе быка, котораго рѣзали, и это до того перевернуло мнѣ всю душу, что я не могла дольше выдержать, не имѣла силъ отдать подъ ножъ мясника моего теленка. И я убѣжала вмѣстѣ съ нимъ, обливаясь, какъ дурочка, горючими слезами. Будьте снисходительны ко мнѣ, крестный! Не моя вина, если ужъ я такъ странно создана. Бѣдный теленокъ смотрѣлъ на меня такими печальными, такими грустными глазами... Еслибъ вы только видѣли ихъ! О, бѣдный Руссо! Не правда ли, вы спасете несчастное животное, вы оставите его здѣсь, у себя, выростите его и будете посылать его на пастбище? У васъ есть вонъ тамъ ни на что не годный лугъ. Руссо будетъ кормиться на немъ... И какъ оба мы будемъ любить васъ! Неправда ли, Руссо, ты ужасно будешь любить г. Уркада и, чтобы выказать свою благодарность за его доброту къ тебѣ ты по временамъ будешь забавлять его, рѣзвясь и прыгая?

Старикъ напрасно пытался отнѣкиваться. Лали такъ усиленно просила его, такъ мило настаивала, у нея были такія нѣжныя интонаціи въ голосѣ, такіе ласковые жесты, что, наконецъ, ему пришлось уступить на всѣхъ пунктахъ.

— Хорошо, хорошо — я оставлю у себя твоего теленка, сказалъ Уркадъ, проводя рукой по шелковистымъ волосамъ своей крестницы.

— Благодарю, благодарю, крестный! А теперь давайте-ка мнѣ семь червонцевъ.

— Это еще что такое?

— А какъ бы вы думали? Неужто вы разсчитывали, что я вамъ подарю Руссо? Но вѣдь вы сами не захотѣли бы этого.

— Семь червонцевъ! — ты сказала семь червонцевъ! воскликнулъ старый крестьянинъ.

— Ну да, да, семь червонцевъ. Вамъ это кажется дорого?.. Да вѣдь это просто даромъ, крестный! Руссо стоитъ добрыхъ десять червонцевъ. Ощупайте-ка его хорошенько; посмотрите, какой онъ увѣсистый. Черезъ два года теленокъ этотъ будетъ отличнымъ быкомъ, цѣна котораго будетъ сто экю, навѣрно! О, еслибъ я вздумала продавать Руссо другимъ, всякій далъ бы мнѣ за него съ радостью хорошія деньги. Но я этого не хотѣла; я хотѣла, чтобы теленокъ мой выросъ бы здѣсь, у васъ, я хотѣла, чтобы выгоду за него получилъ бы только милый мой крестный, мой добрый, добрый крестный, котораго я такъ боготворю!..

— Ахъ, ты, плутовка этакая! ворчалъ себѣ подъ носъ крестьянинъ. — Какъ жаль, что изъ тебя не сдѣлали адвоката. Ты бы выиграла всѣ процессы въ окружномъ судѣ въ По. Ну, пойдемъ ко мнѣ.

И Уркадъ отсчиталъ въ руку дѣвушкѣ семь червонцевъ, т. е. семьдесятъ франковъ.

Лали прыгала отъ удовольствія.

— Что-жъ, будешь ты теперь, по крайней мѣрѣ, чаще приходить ко мнѣ? спросилъ старикъ.

— Непремѣнно, непремѣнно, крестный!

— И будешь приходить видѣться со мной, а не съ Руссо?

— А можетъ, приду повидаться съ обоими вами... Что-жъ худого въ этомъ? посмѣялась молодая дѣвушка. — До скораго свиданія, крестный! Прощай, Руссо!

Она поцѣловала обоихъ своихъ друзей, начавши, однако, съ Уркада, ввиду его почтеннаго возраста, и затѣмъ пустилась бѣжать во всю прыть домой, чтобы отдать семь червонцевъ отцу.

IV

Руссо щипалъ траву на лугу Уркада и росъ себѣ благополучно. По правдѣ говоря, трава на лугу не всегда приходилась ему по вкусу, такъ какъ желудокъ его переваривалъ не легко, точно у барина. Но онъ былъ вѣдь еще такъ молодъ!.. Однако крестный давалъ ему время отъ времени литръ — другой молока или же фунтъ муки, разболтанной въ водѣ, и питомецъ его находился всегда въ вожделѣнномъ здравіи.

Лали прибѣгала къ крестному нѣсколько разъ въ мѣсяцъ, взглянуть на своего теленка. Приходила она всегда съ карманами, набитыми маисомъ или рѣпой. И Руссо лакомился всѣмъ этимъ прямо изъ ея рукъ, совершая эту процедуру очень чистоплотно, точно хорошо воспитанный барчукъ.

Каждый разъ дѣвушка восхищалась тѣмъ, какъ быстро росло молодое животное.

— Какимъ онъ становится красавцемъ! не правда ли, крестный? Посмотрите, у него стали показываться рога. И уже у него такія ухватки, что онъ начинаетъ нагонять страхъ на мальчишекъ. Руссо, ты скоро будешь цѣлымъ воломъ, не такъ ли?

Но однажды Лали пришла къ крестному печальная и грустная.

— Что такое съ тобой? спросилъ Уркадъ.

— А вотъ что, отвѣтила она, поникнувъ головой. — Бѣлая корова отелилась у насъ.

— Вотъ какъ! ну, что-жъ, тѣмъ лучше... Развѣ же это несчастье? Въ теперешнее время года телята стоятъ въ высокой цѣнѣ, и Гремулэ выручитъ такимъ образомъ малую толику, которую можно будетъ спокойно снести въ сберегательную кассу.

Но Лали не слушала крестнаго: она продолжала сидѣть молчаливо и не смѣялась весело, какъ бывало въ другіе разы. Руссо тщетно рѣзвился и прыгалъ передъ ея глазами—она не обращала на него ни малѣйшаго вниманія.

Очень скоро простилась она и всю дорогу домой шла съ опущенной головой. Цѣлыхъ пять недѣль не показывалась она затѣмъ у крестнаго.

„Ужъ не заболѣла ли она“, подумалъ старикъ. Онъ послалъ узнать о ея здоровьѣ и ему передали, что младшая дочь Лакумера находится въ вожделѣнномъ здравіи.

Однажды утромъ раздались шаги близь бѣлаго домика, обсаженнаго платанами, и Уркадъ, опять занятый сниманіемъ гусеницъ у себя въ огородѣ, покуривая трубку, поднялъ голову, чтобы посмотрѣть—кто идетъ.

— Эге, да это ты, крестница; наконецъ-то! Давненько тебя не было видно.

Но вдругъ онъ съ жестомъ ужаса поднялъ вверхъ обѣ руки. Лали была не одна. Она вела за собой на веревкѣ теленка, бѣлаго робкаго теленка, который пугливо прижимался къ платью своей хозяйки.

Уркадъ поспѣшилъ вынуть трубку изо рта.

— Надѣюсь, что ты не вздумаешь опять продавать мнѣ теленка! воскликнулъ онъ.

Дѣвушка разразилась слезами.

— О, крестный, онъ такой славный!.. Знаешь, его зовутъ Бланкасъ. Папа велѣлъ мнѣ сегодня утромъ отвести его на бойню. Но у меня не хватило мужества оставить его тамъ... Бѣдный Бланкасъ, онъ такой, такой миленькій! Послушайте, крестный, возьмите его!—у васъ была бы парочка телятъ.

Но Уркадъ дѣлалъ отчаянные жесты отрицанія.

— Нѣтъ, нѣтъ, съ меня черезчуръ довольно и одного! Развѣ можно такъ глумиться надъ людьми! Ты, пожалуй, наведешь мнѣ такимъ образомъ цѣлую дюжину телятъ. Устраивай своего Бланкаса, этого второго твоего питомца, гдѣ хочешь. Я его ни за что не оставлю у себя! Видано ли когда либо что нибудь подобное?

— О, крестный!..

— Напрасно будешь трудиться просить.

— Онъ бы такъ любилъ васъ...

— Покорно благодарю.

— Увѣряю васъ, что Бланкасъ куда забавнѣе Руссо.

— Мнѣ это безразлично.

— Кромѣ того онъ лучшей породы, чѣмъ Руссо. Когда ему минетъ три года, это будетъ волъ стоимостью въ 150 экю.

— Тѣмъ лучше для него.

Но Лали все еще не унывала. Она самымъ спокойнымъ образомъ привязала Бланкаса къ стволу платана, какъ когда-то сдѣлала это съ Руссо.

Уркадъ кричалъ и бранился, точно цѣлый ураганъ.

— Я не возьму! не возьму, слышишь ли ты, не возьму его! съ пѣной у рта говорилъ старикъ. — Если ты не уведешь обратно твоего теленка, я все разскажу твоему отцу!

— О, крестный, вы не сдѣлаете этого!

— Напротивъ, непремѣнно, непремѣнно сдѣлаю!

— Вы знаете, что папа способенъ побить меня за это.

— И прекрасно сдѣлаетъ!

— Хорошо, объявила тогда Лали, поднимаясь со скамейки.— Такъ какъ я вижу, что и вы тоже хотите причинить горе бѣдной вашей крестницѣ, которая васъ боготворила,—прощайте... Я больше никогда не стану утруждать васъ...

Она энергично захватила въ руки веревку и сдѣлала видъ, что хочетъ уйти.

Но старикъ начиналъ уже чувствовать раскаяніе. На его взволнованномъ, одутловатомъ лицѣ можно было уже прочесть признаки, указывавшіе на близость капитуляціи.

— Что ты, глупая дѣвочка! сказалъ онъ, смягчая голосъ. — Когда же, наконецъ, ты образумишься, Лали? Ну, послушай, что же, по твоему, мнѣ дѣлать съ двумя твоими телятами? Все равно ихъ когда нибудь да придется продавать. Не лучше ли сейчасъ? А если ужъ ты такъ привязана къ твоему Руссо и Бланкасу, тебѣ остается одно лишь: выйти замужъ, обрабатывать землицу, взять къ себѣ своихъ телятъ, выростить себѣ изъ нихъ воловъ и потомъ — пахать на нихъ.

Лицо молодой дѣвушкѣ освѣтилось радостной улыбкой.

— Правда, правда! А мнѣ это и въ голову не пришло! воскликнула она, сложивъ руки. — О, крестный, ты далъ мнѣ чудесную мысль. Я постараюсь поскорѣе выйти замужъ, а покуда подержи у себя моихъ телятъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Скоро семнадцать.

— Ты еще молода.

— Да нѣтъ же, можно выходить замужъ и въ шестнадцать лѣтъ, это говорили мнѣ въ школѣ.

— У тебя уже есть любезный?

— Нѣтъ еще, но я найду.

— Скоро ли?

— Да черезъ недѣлю, я въ этомъ увѣрена!

— Хорошо, хорошо, въ такомъ случаѣ я беру обоихъ твоихъ телятъ. Выходи скорѣй замужъ!

— Будьте спокойны, крестный!

Послѣ этого Лали отвела Бланкаса на лугъ Уркада, гдѣ пасся Руссо.

Затѣмъ младшая дочь Лакумера пустилась въ обратный путь къ дому съ улыбающимся лицомъ, взволнованно, но зорко всматриваясь во всѣ стороны—не отыщется ли гдѣ нибудь этотъ невѣдомый еще женихъ, за котораго она собиралась выйти замужъ изъ любви къ своимъ телятамъ.

V

На другое утро Лали надѣла на руки дорогія свои митенки, вылила на себя всѣ лучшія духи свои и отправилась въ десять часовъ въ церковь къ обѣднѣ. Тутъ дѣвушка осмотрѣла всѣхъ молодыхъ парней своего прихода. Но ни одинъ изъ нихъ не понравился ей. Черезъ день она отправилась на базаръ въ сосѣднюю общину и сдѣлала обзоръ молодымъ людямъ, собравшимся кучками на площади или же передъ трактиромъ. Но и изъ нихъ никто не побѣдилъ ея сердца. Тотъ казался ей слишкомъ высокъ ростомъ, другой черезчуръ малъ. Этотъ казался ей слишкомъ худъ, тотъ слишкомъ толстъ. Какъ видите, не такъ-то легко было угодить покровительницѣ Руссо и Бланкаса; и не диво бы было, еслибы и всю недѣлю дѣвушка напрасно проискала бы себѣ ухаживателя.

Но въ ближайшее воскресенье въ сосѣднемъ городкѣ былъ храмовой праздникъ, и Лали рѣшилась отправиться туда. Тамъ соберется тысяча молодыхъ людей всѣхъ видовъ и занятій. Было бы совершенно неслыханно, еслибъ изъ числа всѣхъ ихъ ни одинъ не пришелся по вкусу младшей дочери Лакумера.

Она одѣла на себя самый богатый свой нарядъ и отправилась въ городъ.

На хлѣбномъ базарѣ были танцы. Сюда именно и пошла Лали Она протискалась черезъ толпу, подошла къ музыкантамъ и, стоя здѣсь, наблюдала за танцующими парами.

Почти тотчасъ же сердце ея было заполонено. Чудо это совершилъ блондинъ высокаго роста, блондинъ со свѣтлыми, золотистыми усами. На головѣ у него была надѣта соломенная шляпа, и онъ танцовалъ съ городской барышней. О, навѣрное онъ и самъ былъ бариномъ и, слѣдовательно, никогда не удостоитъ вниманія бѣдную Лали Лакумеръ! Грустная смотрѣла она на него, разсѣянно крутя рукой кончики своего розоваго галстуха.

Но каково было ея изумленіе и радость, когда красивый молодой человѣкъ подошелъ къ ней и попросилъ ее на кадриль!...

Покровительница Руссо и Бланкаса вспыхнула и стала вся такая-же розовая, какъ ея галстухъ. Неужто это возможно? Она стояла съ полуоткрытымъ ртомъ, не будучи въ состояніи произнести ни слова.

Но инстинктивно она поспѣшила вложить свою руку въ руку молодого человѣка, и они пошли кружиться вдвоемъ подъ звуки музыки.

Лали танцовала вся сіяющая, благоухающая, ощущая по временамъ на лбу своемъ сладостное дыханіе, дыханіе опьяняющее, исходившее изъ устъ ея кавалера, молодого человѣка съ золотистыми усами.

Робко спросила она его:—Какъ зовутъ васъ, мосье?

— Имя мое Аристидъ. А какъ зовутъ васъ, мадемуазель?

— Меня зовутъ Эвлаліей...

И оба они продолжали танцовать.

— Сколько вамъ лѣтъ, мосье?

— Двадцать три съ половиной. А вамъ сколько лѣтъ, мадемуазель?

— Мнѣ скоро исполнится семнадцать.

А кадриль продолжала уносить ихъ въ своемъ вихрѣ.

— Вы изъ города, мосье?

— Да. А вы?

— Я изъ деревни.

Кадриль кончилась, и, такъ какъ Лали было очень жарко, Аристидъ предложилъ ей стаканъ прохладительнаго питья изъ сока граната. Она убѣдилась, что это былъ настоящій баринъ!

Молодая крестьянка посмотрѣла на него съ грустью: ей хотѣлось бы предложить ему еще множество вопросовъ. Кто такіе его родители? Чѣмъ они занимаются? Располагаетъ ли онъ скоро жениться? Очень ли онъ богатъ?

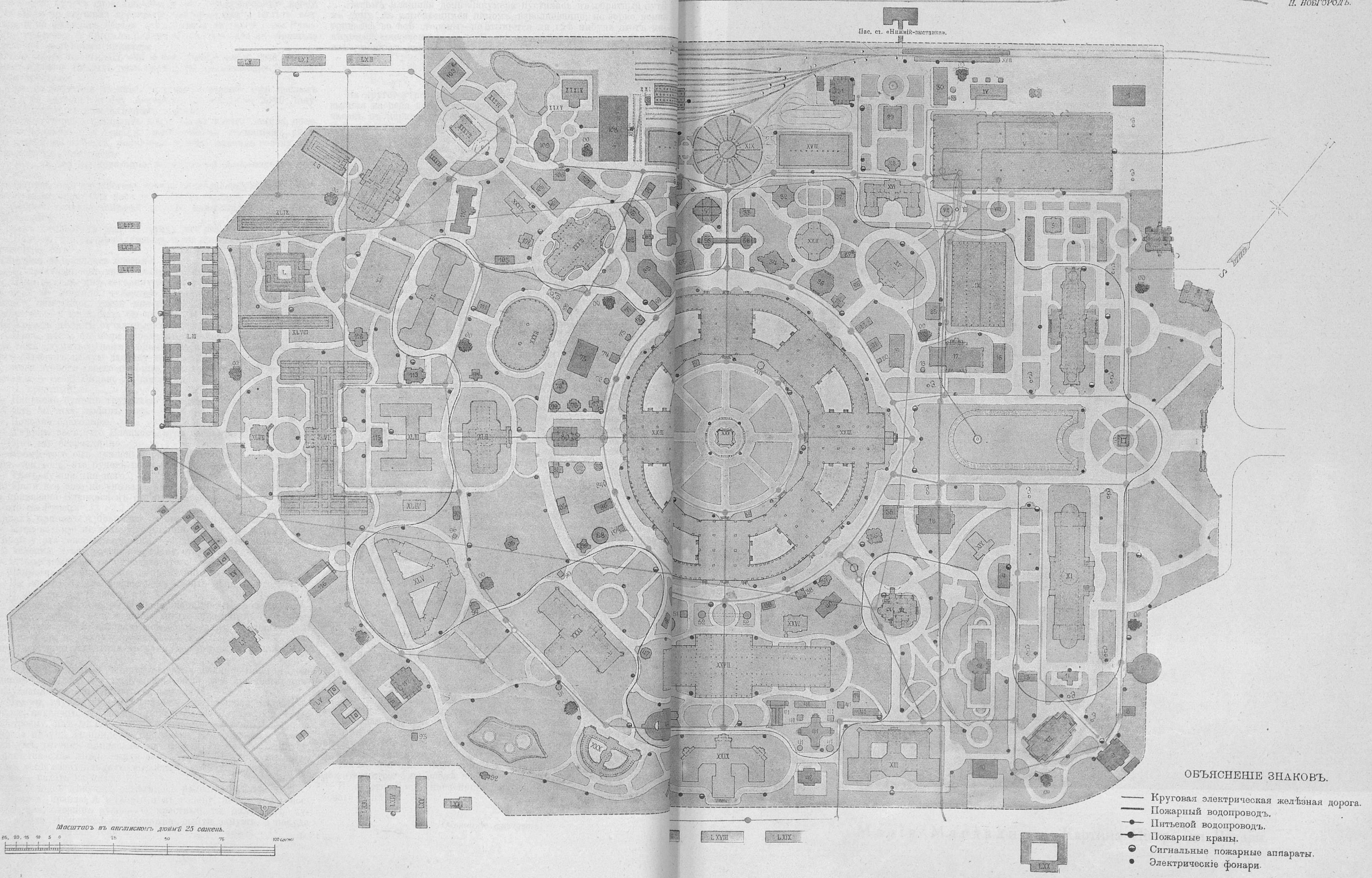
Но все это были такіе вопросы, которые неудобно было предложить тотчасъ же послѣ первой кадрили.

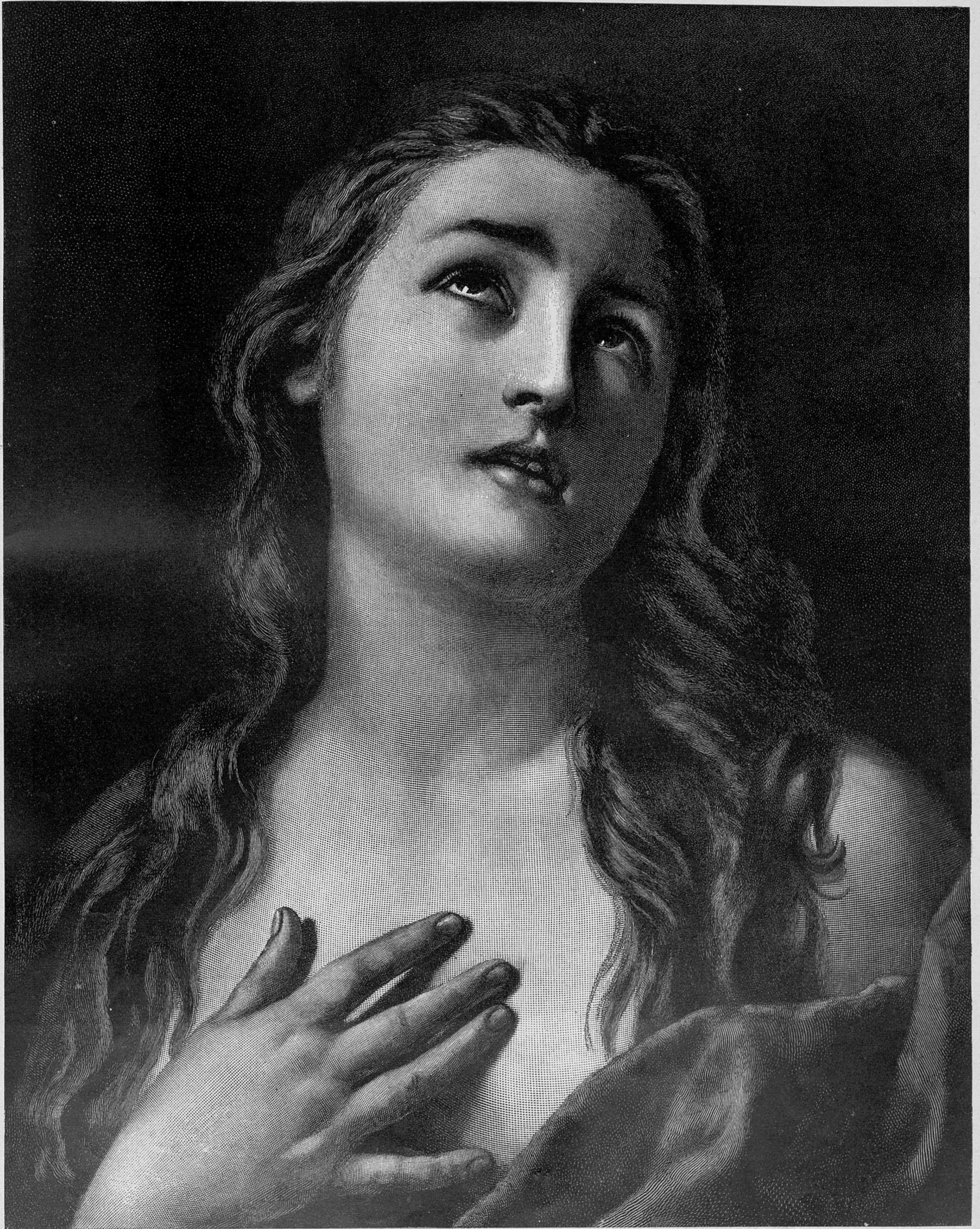
И, грустя, Лали снова принялась вертѣть кончикъ своего розоваго галстуха.

Окончаніе слѣдуетъ

Приложенiе къ № 1420 журнала »Всемiрная Иллюстрацiя« 1896 г.

Планъ всероссiйской художественно-промышленной выставки 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Марiя Магдалина. Картина Пiетро ди-Ротари.

ДЛЯ КОЖИ!

Eau de Lys de Lohse.

Примочка для кожи: бѣлая и розовая для блондинокъ, желтая для брюнетокъ; придаетъ кожѣ свѣжій видъ. Просятъ остерегаться поддѣлокъ; **неподдѣльная только отъ изобрѣтателя.**

ГУСТАВА ЛОЗЕ,

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА:
БЕРЛИНЪ, Iегерштрассе, 46.
Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ, аптекарскихъ и галантерейныхъ магазинахъ и у многихъ парикмахеровъ.

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА

ГИТАРЫ

въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 р. (отъ 7 р. и дороже съ механизмомъ для настраиванія). Самоучитель 1, 1½ и 3 руб.

МАНДОЛИНЫ

въ 10, 20, 30, 50, 75 и 100 руб. (всѣ съ механизмомъ для настраиванія). Самоучитель Келера 2 р.

ЦИТРЫ

въ 8, 12, 20, 40, 60 р. и дороже. Самоучитель Майера по 2 и 3 р.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ — безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Больш. Морская, №№ 34 и 40;
Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина.

SOURCES DE L'ÉTAT
CELESTINS
GR^DE^-GRILLE
HOPITAL
VICHY
Avoir soin de désigner la Source.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ
ЖЖЕНЫЙ КОФЕ
ТВЕРСКАЯ, противъ Савеинскаго подворья д. Гиппіусъ, въ Москвѣ.
Кофе по писменн. требован. высылает. наложен. платеж.
Прейсъ-куранты безплатно
Л. ФОРШТРЕМЪ
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ.

Германія
БЕРЛИНЪ 1896 г.
съ 3-го мая по 30-е сентября.
МЕЖДУНАРОДНАЯ
Художественная выставка
къ празднованію двухсотлѣтняго существованія королевской академіи художествъ.

---

3 р. Лампа Чудо 3 р.

при нажимѣ стержня даетъ моментально свѣтъ и огонь. Адресъ: С.-Петербургъ, **Складъ новыхъ изобрѣтеній**, Больш. Морская, 33. **Лампа высылается немедленно; можно и наложеннымъ платежомъ.**

Новый иллюстрированный каталогъ всѣхъ изобрѣтеній высылается за 14 коп. марками.

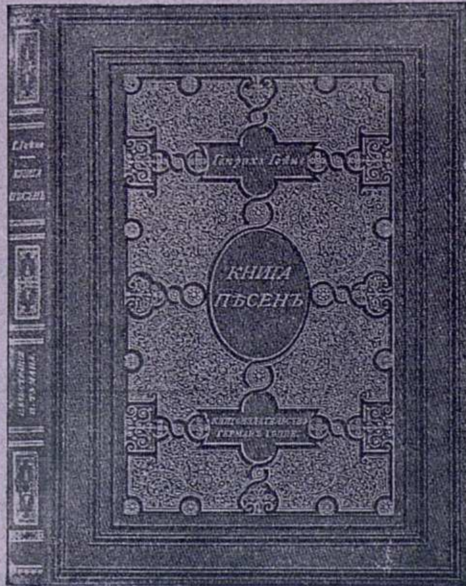
VELOUTINE CH. FAY

PARIS 9, Rue de la Paix. 9 ПАРИЖЪ
РИСОВАЯ ПУДРА СПЕЦІАЛЬНОЕ ПРИГОТВЛЕНІЕ СЪ БИСМУТОМЪ

Имѣемъ честь увѣдомить Гг. Покупателей, что коробки пудры «**VELOUTINE**» не снабженныя русской таможенной пломбой должны считаться поддѣлкой.

ПЕРВОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ РУССКОЕ ИЗДАНІЕ
ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ
КНИГА ПѢСЕНЪ
ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

подъ редакціей П. В. БЫКОВА.
ИЛЛЮСТРАЦИ
Поля Тумана,
воспроизведенныя по его оригиналамъ въ гравюрахъ на деревѣ.

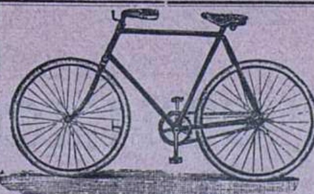
Роскошное изданіе въ большую 8-ю долю листа.

Изданіе это содержитъ полный переводъ „Книги пѣсенъ“ и **болѣе 120 рисунковъ.**

Изъ общаго числа рисунковъ 12 воспроизведены въ страничномъ форматѣ.

Цѣна: въ бумажкѣ—2 р., съ пересылк. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ— 3 р., съ пересылк. 3 р. 50 к.; въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ — 3 р. 50 к., съ пересылк. 4 р.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕРМАНЪ ГОППЕ:
С.-Петербургъ, Садовая, 22.

ИЗВѢСТНЫЕ АНГЛІЙСКІЕ
ВЕЛОСИПЕДЫ „ОЛДЕЙ“
съ послѣдними усовершенствованіями с. г.
Представитель **А. ЛАНГАУЗЪ** въ Москвѣ Мясницкая, д. Музея, рядомъ съ почтамтомъ.
Прочность, легкость хода и изящество.
Иллюстрированный каталогъ высылается безплатно.

SAVON IXORA Ed. Pinaud

BEAUTÉ DE LA MAIN — PARFUM EXQUIS
GRAND PRIX EXPOSITION DE PARIS 1889
37, Boulevard de Strasbourg, PARIS

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО для производства **стальныхъ перьевъ**
ВЪ Г. РИГѢ
изготовляетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества. **Продаются во всѣхъ городахъ имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ.**

АЛЬДЕХИДЪ ВЛАДІО

КРЕМЪ

Малый флак. 60 к.
Больш. флак. 1 р.
МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЕЗДѢ.

ВЫИГРЫШ-
ные 1, 2 и 3 займовъ продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ:
59, НЕВСКІЙ, СПБ.

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Кокандъ, Варшава, Екатеринбургъ.

БОЛЬШОЙ
Французскій Магазинъ
МУЖСКАГО ПЛАТЬЯ.
Невскій просп., №. 21,
противъ Большой Конюшенной.

Предлагаетъ вновь приготовленныя къ предстоящему весеннему и лѣтнему сезонамъ:

Элегантное весеннее пальто . . .	20 р.
Нарядный пиджачный костюмъ . .	18 „
Брюки модныя (англійск. рисунокъ)	5 „

а также полученъ громадный выборъ англійскихъ, французскихъ и лучшихъ русскихъ матеріаловъ для пріема заказовъ.

Пріемъ заказовъ на всѣ формы гражданскихъ вѣдомствъ. ВСѢ ЗАКАЗЫ исполняются изящно и акуратно.

Лозе La Violetta-Muguet

Духи. — Мыло. — Пудра. — Туалетная вода. — Сашэ.

ВЫДАЮЩАЯСЯ НОВОСТЬ! От удачнаго соединенія тончайшихъ цвѣточныхъ запаховъ — итальянской фіалки и прелестнаго ландыша — получился чудный букетъ поразительн й тонкости и полноты аромата.

45—46. Jägerst., Berlin. Корол. Придвор. Поставщикъ. — **ГУСТАВЪ ЛОЗЕ.** — Berlin, Jägerst., 45—46. Корол.-Придвор. Поставщикъ.

Продажа во всѣхъ парфюмерныхъ, аптекарскихъ магазинахъ и во всѣхъ парикмахерскихъ Россіи.

ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА САКСЛЕНЕРА

представляетъ собою продуктъ природы,
СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ КОТОРАГО ИЗВѢСТНО.
Для нормальнаго пріема достаточно половины обыкновенн. стакана.

Просимъ обратить вниманіе на нашу предохранительную марку-портретъ, которая неизмѣнно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей нашей воды.

ГУНІАДИ ЯНОСЪ

ВЛАДЕЛЕЦЪ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ ВЪ БУДАПЕШТѢ.
ПРОДАЕТСЯ У ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ И АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Продажа участковъ ЗЕМЛИ ВЪ АЛЕКСАНДРІИ

(бывшій Звѣринецъ), мѣстности, расположенной возлѣ **Вильны**, отдѣленной отъ города только рѣкой Виліей, черезъ которую перекинутъ мостъ, соединяющій Александрію съ главной улицей Вильны — Георгіевскимъ проспектомъ. Мѣстность песчаная, покрытая старымъ сосновымъ лѣсомъ; въ гигіеническо-санитарномъ отношеніи ничего лучшаго желать нельзя. Климатъ мягкій, рекомендованный Боткинымъ и др. знамен. врачами. Дачная жизнь съ марта по ноябрь. Цѣна участкамъ отъ 4 руб. за кв. сажень и дороже; продаются за наличныя и въ разсрочку на 18 лѣтъ. Такъ какъ проѣздъ теперь дешевый, то желающимъ рекомендуется пріѣхать и посмотрѣть.

Адресъ: **ВИЛЬНО.** Контора **Александріи** (бывшій Звѣринецъ).

Вышелъ въ свѣтъ, раздается и разсылается подписчикамъ
2-й выпускъ (изъ числа 12-ти)
большого иллюстрированнаго изданія **Н. П. Собко:**
„Словарь Русскихъ Художниковъ XI—XIX вв.“,
заключающій въ себѣ 425 біографій на буквы И—I, съ 45 снимками съ художественныхъ произведеній (въ общемъ 536 стран.).

Цѣна **3** руб., съ перес. **3** руб. **50** коп.; при подпискѣ на 3 выпуска заразъ—**6** р., съ перес. **7** р. **50** коп.

По выходѣ въ свѣтъ 3-го выпуска, въ началѣ 1897 г., подписка на первые 3 выпуска прекращается.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: въ С.-Петербургѣ, Бол. Морская, 38.

ТРЕБУЙТЕ

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАЗЕЛИН. КУС. 30 К.
ПУДРУ ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАЗЕЛИН. КОР. 60 К.
ГЛ. СКЛАДЪ С.ПЕТЕРБУРГЪ ДЕМИДОВЪ ПЕР. 1.
ПАРФЮМЕРН. ЛАБОРАТ. I. ГОЛЛЕНДЕРЪ.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

БРИТВЫ АРБЕНЦА.

Высшее качество гарантировано. Масса аттестатовъ отзывается съ высшей похвалой о неоспоримыхъ качествахъ этихъ бритвъ. Обращать вниманіе на фирму **A. Arbenz, Jougne (France).** Имѣются у А. Бозе, СПБ Красн. мостъ, придв. опт. Ѳ. Швабе въ Москвѣ.

ВЕЛОСИПЕДОВЪ СКЛАДЪ
Э. КИНКМАНЪ и К°.

Требуйте каталогъ!

СПБ. Гороховая, 4

EXTRA-VIOLETTE

Véritable et suave Parfum DE LA VIOLETTE

Violet Parfumeur PARIS 29, Bd des Italiens

AMBRE ROYAL

Nouveau Parfum extra-fin.
Savon, Extrait, Eau de Toilette, Poudre de Riz.

SEUL INVENTEUR DU
SAVON ROYAL de THRIDACE et du SAVON VELOUTINE

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ АГЕНТОВЪ. Обращаться письменно: банкирскій домъ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ, СПБ., 59, Невскій.

Schlesischer Obersalzbrunnen Oberbrunnen

OBER SALZBRUNN SCHUTZ-MARKE

ПЕРВОКЛАССНЫЙ АЛЬКАЛИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г.
Анализы и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ безплатно
Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННѢ.
ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЛЬ ЗАЛЬЦБРУННЪ въ СИЛЕЗІИ.
Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ИЗЯЩНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ
графа Л. Н. ТОЛСТАГО
Хозяинъ и Работникъ.

Форматъ въ большую 8-ю долю листа
СЪ 9-ю ОРИГИНАЛЬНЫМИ РИСУНКАМИ.
Цѣна 40 коп., съ пересылкою 50 коп.
Требованія адресовать: книгоиздательство ГЕРМАНЪ ГОППЕ
С.-Петербургъ, Садовая ул., 22.

МОДНЫЕ ДУХИ

PARFUMS A LA MODE
PARISIANA
MYOSOTIS des FEMMES de FRANCE
QUADRUPLE ESSENCE aux VIOLETTES de PARME
BATAILLE de FLEURS

L.T. PIVER

10, Boulevard de Strasbourg, PARIS

ЦЕРКОВНЫЯ, КОМНАТНЫЯ И ТЕАТРАЛЬНЫЯ
ДЕКОРАТИВНО-ЖИВОПИСНЫЯ РАБОТЫ,
а также ЭФФЕКТНЫЕ ТРАНСПАРАНТЫ
для предстоящихъ
коронаціонныхъ праздниковъ
изящно исполняются у
А. В. ХРИСТІАНСОНЪ,
живописца-декоратора и позолотчика.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Спасскій переулокъ, домъ № 8, кварт. № 10.
NB. Для разсмотрѣнія почтеннѣйшей публики имѣется большой выборъ набросковъ собственн. работы.

ОБРАЩАЮ ВНИМАНІЕ!

Генеральный представитель завода Перри и К° въ Бирмингамѣ.

гг. провинціальныхъ велосипедныхъ торговцевъ, заводчиковъ, мастеровъ и велосипедныхъ обществъ на большой выборъ англійскихъ и нѣмецкихъ **ВЕЛОСИПЕДОВЪ**, всевозможныхъ частей для изготовленія и починки таковыхъ, начиная отъ трубъ и сырыхъ штамповокъ и кончая полированнымъ конусомъ и никкелированною гайкою и различныхъ новѣйшихъ принадлежностей, какъ-то: сѣделъ, фонарей, звонковъ, багажниковъ, циклометровъ Ваткина и многихъ другихъ.

При болѣе значительной покупкѣ даю соотвѣтственныя скидки съ фабричныхъ цѣнъ высылаемаго мною каталога.

И. Н. ГАЛЬ,
СПБ., МАРСОВО ПОЛЕ, 7.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ будетъ въ особенномъ собственномъ павильонѣ, при входѣ на всероссійскую выставку, выставка лучшихъ велосипедовъ, частей и принадлежностей. Тамъ же буду отдавать велосипеды напрокатъ и обучать ѣздѣ на особой площади.

Представитель завода Вейдель и Науманъ.

Поступило въ продажу **ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ**
РУКОВОДСТВА
КЪ СТИХОСЛОЖЕНІЮ
СО СЛОВАРЕМЪ РИѲМЪ
для преподаванія и самообученія,
составленное **М. БРОДОВСКИМЪ**

Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для основныхъ библіотекъ среднеучебныхъ заведеній и рекомендовано какъ внѣклассное пособіе.

Цѣна **80** коп., съ перес. **1** руб.

Книгоиздательство ГЕРМАНЪ ГОППЕ: Спб., Садовая, 22

№ 1419 (15) „Всемірной Иллюстраціи“ сданъ въ субботу, 6-го апрѣля: на городскую почту въ 12 ч. 45 м. дня, московскимъ подписчикамъ въ 1 ч. 30 м. дня и въ воскресенье, 7-го апрѣля, иногороднымъ въ 11 ч. 30 м. утра, въ чемъ и имѣются почтовыя расписки.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся: въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
ВЪ МОСКВѢ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ.
ВЪ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи „Вѣстника Винодѣлія“ В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

Дозв. цензурою. СПб. 11-го апрѣля 1896 г. За издателя — редакторъ **Э. Д. ГОППЕ.** Типографія Эд. Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Приложеніе къ № 1420 журнала „Всемірная Иллюстрація“ 1896 г.

САМЪ СЕБѢ СУДЬЯ

РОМАНЪ

Фридриха Шпильгагена

Она уронила на колѣни вышиванье, которымъ прилежно занималась съ полчаса, и тяжело вздохнула, чтобы тотчасъ затѣмъ весело разсмѣяться про себя.

— Боже, какая же ты глупенькая, Кэте! произнесла она потихоньку. — Конечно, у него на Рюгенѣ много дѣла, вотъ и все; не бѣда, если мы побранились немножко вечеромъ наканунѣ его отъѣзда. Какъ будто ты можешь хоть одну минуту сомнѣваться въ томъ, что онъ...

Она не договорила и, снова сдѣлавшись серьезной, отложила рукодѣлье и принялась читать, но, убѣдившись, что ничего не понимаетъ изъ прочитаннаго, захлопнула книгу и пробормотала на этотъ разъ уже сердито:

— Нѣтъ, право, ты слишкомъ глупа!

Подперевъ подбородокъ лѣвой рукой, Кэте посидѣла еще нѣсколько минутъ въ задумчивости, взглянула на небо, гдѣ на восточной сторонѣ таяли въ лазури два алыхъ вечернихъ облачка, положила книгу въ корзинку вмѣстѣ съ вышиваньемъ, встала и вышла изъ бесѣдки въ длинную широкую аллею, которая вела къ дому черезъ весь садъ. На половинѣ дороги ей встрѣтилась Мале.

— Я шла спросить васъ, фрейленъ, когда вернется баринъ?

— Право, не знаю; онъ говорилъ, что должно быть поздно.

— Значитъ, мы будемъ его дожидаться?

— А г. Брунновъ дома?

— Онъ отправился къ лѣсничему Либбенову. А вѣдь это тоже не ближній свѣтъ.

— Тогда намъ надо подождать. Мнѣ что-то не хочется ѣсть. Возьми-ка, Мале, вотъ это и поставь ко мнѣ въ комнату! Или въ гостиную!

— А что же подать къ ужину, фрейленъ?

— Что хочешь.

Мале повернулась и пошла, думая про себя: „Ну, да, когда любовь въ головѣ, тогда человѣку все равно“.

Кэте снова углубилась въ садъ.

Она прошла его весь, какъ и продолговатый узкій питомникъ, лежавшій за нимъ и простиравшійся до самаго лѣса, отъ котораго онъ отдѣлялся высокимъ рѣшетчатымъ заборомъ и рвомъ. Молодая дѣвушка вынула изъ кармана ключъ, отперла калитку и опять заперла ее за собой, перешла черезъ мостикъ на дорогу, взглянула влѣво — чтобы только убѣдиться, что здѣсь, по обыкновенію было пустынно и безлюдно, и повернула направо.

— Тамъ лучше идти, прошептала она съ веселымъ, тихимъ смѣхомъ.

Кого хотѣла обмануть Кэте? Самое себя? Это было слишкомъ нелѣпо. Дорога здѣсь была не хуже и не лучше, чѣмъ по другую сторону. Вся разница состояла въ томъ, что здѣсь она тотчасъ поворачивала изъ лѣса къ большому дубу, откуда можно такъ отлично видѣть до Мелленгофа.

— А дальше мнѣ и не нужно! шаловливо крикнула дѣвушка громкимъ голосомъ и невольно вздрогнула, когда справа около нея, въ густой вершинѣ ели, хрустнули вѣтви и большая птица, сорвавшись съ мѣста, полетѣла дальше въ лѣсъ. Она, должно быть, была изъ очень крупныхъ, судя по шумному полету — пожалуй, филинъ, или сычъ.

„У насъ опять развелись хищныя птицы", сказалъ вчера вечеромъ отецъ Бруннову.

Мысли Кэте обратились при этомъ къ молодому кандидату въ лѣсничіе.

Первыя недѣли они такъ хорошо ладили съ нимъ, даже Гансъ сказалъ: „Дѣйствительно, это славный человѣкъ". И это была правда: Брунновъ вѣжливъ, услужливъ, каждую минуту готовъ акомпанировать ей на роялѣ или идти съ Гансомъ на охоту. Папа говоритъ: „Конечно, онъ не свѣтило". Ну, да мнѣ все равно; я и сама не много смыслю. Только вотъ его нелѣпая влюбленность! Мнѣ нельзя ему сказать самаго обыкновеннаго слова, чтобы онъ не покраснѣлъ или не поблѣднѣлъ. А этотъ отвратительный cornet à piston! Конечно, Брунновъ наигрываетъ теперь только въ лѣсу каждый вечеръ вотъ уже цѣлыхъ двѣ недѣли: „Господь храни тебя. Ахъ, это слишкомъ бы прекрасно было!" Слава Богу, что Гансъ еще не сердится; но зато дѣвушки на кухнѣ — какой ужасный народъ! Вчера вечеромъ онѣ надрывались со смѣху. И какъ это можно такъ выдавать себя? Вотъ за нами съ Гансомъ, конечно, никто не замѣчаетъ. Воображаю, до чего удивится папа! Вѣдь надо же ему когда нибудь узнать. То есть...

Кэте остановилась и задумчиво смотрѣла себѣ подъ ноги, гдѣ крупный зеленый жукъ торопливо пробирался по травѣ между листьями латука по дорожкѣ.

А, можетъ быть, онъ ужъ и замѣтилъ кое-что! Послѣднее время отецъ былъ молчаливъ и не особенно ласковъ, не особенно искрененъ съ Гансомъ. Но, пожалуй, это мнѣ только такъ кажется. Что можетъ онъ имѣть противъ Ганса?

Зеленый жукъ исчезъ. Послышалось легкое щелканье вверху слѣва; это векша, пробиравшаяся къ вершинѣ ели, повисла на стройномъ стволѣ дерева и, согнувъ на бокъ головку, посматривала на дѣвушку.

Кэте улыбнулась миловидному звѣрьку. То былъ добрый знакъ! Векши ея любимицы; Кэте защищала ихъ, и лѣсничій щадилъ этихъ маленькихъ тварей только ради своей дочери.

Великій Боже! Отецъ такъ добръ къ ней, онъ дѣлаетъ все, чего она ни захочетъ, неужели же онъ не допуститъ, чтобы она соединилась съ Гансомъ? Нѣтъ, ужъ это рѣшительно невозможно!

Взглянувъ опять кверху, Кэте замѣтила, что бѣлка убѣжала, а багровый дискъ вечерняго солнца спустился до самыхъ верхушекъ елей; на дорожкѣ подъ сводомъ вѣтвей становилось почти темно. Дѣвушкѣ собственно слѣдовало бы воротиться домой. Но выходъ изъ лѣсу былъ такъ близко, а черезъ просѣку между деревьями падалъ яркій свѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ Кэте была уже у опушки и поднялась по отлогому скату обнаженнаго холма, который заканчивался болѣе крутымъ спускомъ къ равнинѣ; на этой возвышенности одиноко стоялъ гигантскій дубъ съ круглой любимой скамейкой Кэте вокругъ его могучаго ствола.

Взглядъ молодой дѣвушки прежде всего направился къ замку — его замку, бѣлыя стѣны котораго утопали въ густой зелени парка. Кэте пришлось защитить рукою глаза отъ солнца, садившагося не много далѣе, влѣво; оно опустилось уже такъ низко, что равнина, залитая его косыми лучами, такъ и сверкала нестерпимымъ блескомъ. Но немного спустя на лугахъ, противъ холма, остался только красноватый отблескъ. За лугами ясно выступало продолговатое

поле, засѣянное овсомъ, стоящимъ еще на корню; за этимъ полемъ, до бѣлой каменной ограды парка и далеко влѣво за нею, разстилалось обширное пространство, засѣянное пшеницей; на этомъ жнитвѣ виднѣлись ряды скирдъ, а между ними телѣги для нагрузки сноповъ и сновавшіе вокругъ нихъ работники; все это Кэте могла отлично различить своими острыми глазами. Гансъ побился вчера объ закладъ съ папа, что завтрашній день еще до его возвращенія жатва будетъ убрана; а папа увѣрялъ, что это невозможно. Конечно, онъ останется правъ. Вонъ еще сколько скирдъ стоятъ нетронутыя, хотя главный управляющій Венгакъ навѣрно собралъ всѣ телѣги и всѣхъ рабочихъ въ имѣніи и самъ наблюдаетъ за ними верхомъ на лошади.

Вдругъ молодая дѣвушка выпрямилась на мѣстѣ, зорко присматриваясь къ чему-то. Она увидала, вмѣсто одного всадника, двоихъ: первый, должно быть, до сихъ поръ заслонялъ второго или тотъ былъ незамѣтенъ за высокими возами сноповъ. Сердце Кэте заколотилось въ груди. Но, право, это смѣшно! Развѣ при такой горячей работѣ въ отсутствіе хозяина оба управляющіе не могли быть верхомъ, или кто нибудь изъ сосѣдей могъ подъѣхать сюда на лошади въ качествѣ зрителя. Право это ужъ слишкомъ смѣшно такъ волноваться!

Однако она вовсе не смѣялась, а быстро поднялась съ мѣста, и сердце у нея забилось еще сильнѣе, когда дѣвушка увидала, что второй всадникъ отдѣлился отъ перваго и поскакалъ галопомъ—судя по быстротѣ движеній лошади—по сжатому полю, откуда были уже свезены всѣ скирды. Онъ направился къ проѣзжей дорогѣ, которая шла изъ Мелленгофа прямо къ лѣсу, гдѣ сидѣла Кэте. Выбравшись на шоссе, наѣздникъ продолжалъ мчаться тѣмъ же аллюромъ, поднимая за собою облако пыли.

Это могъ быть только Гансъ.

Она сбѣжала съ холма на мостикъ, который—шагахъ въ пятнадцати оттуда—былъ переброшенъ черезъ широкій пограничный ровъ и соединялъ между собою полевую дорогу съ лѣсной. Едва Кэте успѣла добѣжать до мостика черезъ канаву, какъ всадникъ былъ уже совсѣмъ близко. Лошади оставалось сдѣлать всего нѣсколько могучихъ скачковъ, послѣ чего онъ осадилъ своего вороного, спрыгнулъ съ сѣдла, перекинулъ черезъ голову животнаго трензеля, чтобы просунуть въ нихъ правую руку, и пошелъ къ дѣвушкѣ, которая бѣжала теперь, къ нему на встрѣчу.

— Кэте! Моя дорогая!

— Отчаянный Гансъ! Развѣ можно такъ скакать, сломя голову?

— Но если я увидалъ тебя тамъ, наверху!

— Ты меня узналъ?

— Я увидалъ свѣтлую точку; кто же другой могъ тутъ быть!

— Я и на самомъ дѣлѣ только точка въ сравненіи съ тобою.

Съ счастливой улыбкой подняла она глаза на его высокую фигуру. Онъ нагнулся, улыбаясь, къ ея милому лицу и былъ бы готовъ отдать, Богъ знаетъ, что, еслибъ ему позволили поцѣловать эти пунцовыя губки, но не осмѣлился однако этого сдѣлать, а только упивался блескомъ смѣющихся карихъ глазъ.

— Ты для меня весь міръ, ты для меня все!

— Какъ же это случилось, что ты сегодня опять здѣсь?

— Я ужасно стосковался по тебѣ.

— А я по тебѣ. Ахъ, Гансъ, эти дни мнѣ все приходили въ голову такія печальныя мысли! что ты меня разлюбилъ...

— Моя радость, позволь тебѣ сказать, что это чепуха.

— Конечно! Но папа! съ нѣкоторыхъ поръ мнѣ очень не нравится его мина. Я думаю—онъ догадывается или знаетъ о нашихъ отношеніяхъ.

— И я тоже думаю.

— Ты говоришь объ этомъ такъ спокойно.

— Да, милая, надо же ему когда нибудь узнать, я хочу сказать: узнать отъ насъ. И... и вотъ... я написалъ ему письмо.

— Какъ же ты сдѣлалъ?

1*

— А вотъ какъ: я написалъ ему, когда вернулся домой, и отправилъ письмо съ Павломъ.

— Папа уѣхалъ въ Грюнвальдъ.

— Тогда онъ найдетъ мое письмо по возвращеніи. Ты разсердилась, милочка?

— Нѣтъ, Гансъ. Но я думала всегда, что ты захочешь...

— Лично переговорить съ твоимъ папа. Ты совершенно права: это было бы самое лучшее и у меня было тоже на умѣ до тѣхъ поръ, пока... Ну, я буду вполнѣ откровененъ, дорогая. Ты знаешь, какъ я люблю твоего отца, какъ безгранично его уважаю. Это само собою разумѣется. Онъ всегда относился ко мнѣ, какъ къ родному сыну, былъ моимъ другомъ, совѣтникомъ, служилъ для меня образцомъ и идеаломъ. Конечно, мое исключительное уваженіе къ нему отчасти сковываетъ мнѣ языкъ, но это еще куда бы ни шло, а только, видишь ли, дитя: я столькимъ обязанъ ему, можно сказать всѣмъ. Подумай, легко ли мнѣ придти къ твоему отцу и потребовать, чтобы онъ отдалъ мнѣ свое лучшее, послѣднее, единственное сокровище, къ которому привязалось его одинокое сердце—его дорогую Кэте. Каково высказать такую просьбу, когда онъ будетъ смотрѣть на меня въ упоръ своими удивленными печальными глазами! Поэтому я предпочелъ написать и, когда завтра приду къ вамъ въ домъ, чтобъ получить согласіе твоего отца, намъ не придется много разговаривать.

Молодой человѣкъ говорилъ убѣдительно и съ юношескимъ жаромъ, а Кэте молча слушала, лишь изрѣдка поднимая на него задумчивый взглядъ. Когда онъ замолчалъ, она тяжело вздохнула и промолвила:

— Я со всѣмъ согласна, Гансъ. А теперь прощай, мнѣ давно пора домой.

— Ну, нѣтъ, я не пущу тебя одну черезъ лѣсъ.

— А что можетъ тамъ со мной случиться? Здѣсь такъ близко!

— Все равно! Я провожу тебя, по крайней мѣрѣ, до питомника. Вѣдь ты пришла оттуда?

— Разумѣется! Но куда же ты дѣнешь Плутона?

— Если позволишь, онъ пойдетъ за нами; онъ будетъ умницей. Не такъ ли, Плутонъ?

Теперь онъ продѣлъ черезъ трензеля лѣвую руку, а правую предложилъ Кэте. Дѣвушка разсмѣялась.

— Я думаю, Гансъ, въ лѣсу лучше спотыкаться въ одиночку, чѣмъ вдвоемъ.

— Ну, какъ хочешь.

Въ лѣсу было не особенно темно, потому что тѣмъ временемъ взошелъ полный мѣсяцъ; онъ, хотя и тускло, но все-таки освѣщалъ дорогу, только когда онъ прятался на рѣдкихъ поворотахъ за деревья, темнота сгущалась, и Гансъ подавалъ руку Кэте, которую та подъ конецъ не выпускала всю дорогу. Плутонъ оправдалъ ожиданія своего господина и показалъ себя умницей. Онъ охотно шелъ за молодыми людьми шагъ за шагомъ, вздрагивая и отрывисто фыркая отъ испуга, лишь когда у него подъ копытомъ хрустѣла сухая вѣтка или маленькій лѣсной звѣрекъ производилъ шуршанье во мху или густой травѣ. Кромѣ этого никакой шумъ не нарушалъ тишины лѣса, исключая тихаго шелеста въ вершинахъ деревьевъ, когда по нимъ пробѣгалъ вѣтерокъ. Влюбленные обмѣнивались шепотомъ только немногими словами. Вскорѣ они стояли уже у мостика черезъ канаву, который велъ къ калиткѣ въ досчатомъ заборѣ питомника.

Кэте успѣла убѣдиться, что Гансъ поступилъ очень благоразумно, написавъ ея отцу письмо, чѣмъ значительно облегчалось трудное дѣло сватовства. Но при всемъ томъ она находила, что жениха не мѣшаетъ наказать немного за своевольство.

— Ахъ, Боже мой, вѣдь я потеряла ключъ! воскликнула она вдругъ.

— Поищи хорошенько.

Дѣвушка прикинулась встревоженной.

— Нѣтъ, онъ рѣшительно пропалъ. Что теперь мнѣ дѣлать?

— Пойдемъ дальше, до ближайшей дороги, влѣво, затѣмъ немного полями...

— Вѣдь этакъ намъ придется сдѣлать крюкъ и потерять, по крайней мѣрѣ, полчаса, а дома теперь обо мнѣ безпокоются.

— Но намъ не остается ничего иного.

— Возьми меня къ себѣ на лошадь, тогда мы черезъ десять минутъ очутимся у нашихъ воротъ. Я буду крѣпко за тебя держаться.

— Отлично придумано; хоть я и не пробовалъ еще такъ ѣздить, но, должно быть, это выйдетъ хорошо. Дай мнѣ только покрѣпче подтянуть подпругу.

— Ахъ ты, глупый Гансъ! Ты вѣришь всему, что я скажу. Вотъ ключъ.

— Жаль. Мы славно бы прокатились!

— Ты думаешь?

— А ты нѣтъ?

— И не воображай объ этомъ.

— Значитъ ты меня одурачила tout simplement. Да знаете ли вы, сударыня, что...

— Продолжайте.

Гансъ закинулъ трензеля себѣ за плечо.

— Кэте, за эту штуку я долженъ получить отъ тебя поцѣлуй.

— Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ, какъ слѣдуетъ, женихомъ и невѣстой. Ты самъ мнѣ обѣщалъ!

— Не цѣловать тебя насильно. Но еслибъ ты добровольно...

У обоихъ сердце билось такъ страшно, что захватывало дыханіе. Молодые люди переговаривались чуть слышнымъ шепотомъ, а милыя маленькія ручки трепетали въ рукахъ Ганса. Онъ наклонился къ дѣвушкѣ такъ низко, что его дыханіе касалось ея щеки.

— Кэте!

Ихъ руки разнялись, объятія сомкнулись, губы слились въ поцѣлуѣ.

Потомъ она вырвалась отъ него, перебѣжала мостикъ; ключъ повернулся въ замкѣ, и стройная фигурка скрылась за хлопнувшей калиткой.

Онъ постоялъ еще немного, опершись рукой и головой на спину коня, поглощенный ощущеніемъ счастья, безъ всякой опредѣленной мысли въ головѣ.

Легкое фырканье у его плеча вывело Ганса изъ блаженныхъ мечтаній. Онъ ласково потрепалъ рукой стройную, нагнувшуюся къ нему, шею животнаго, вскочилъ въ сѣдло и медленно поѣхалъ при лунномъ свѣтѣ по дорогѣ, гдѣ только что шелъ съ любимой дѣвушкой.

* *
*

Кэте между тѣмъ миновала почти бѣгомъ питомникъ и направилась быстрыми шагами по длинной прямой аллеѣ, черезъ которую только тамъ и сямъ протягивались причудливыя тѣни, бросаемыя изгородью или группой растеній. Она спѣшила къ дому, гдѣ свѣтился огонь въ двухъ окнахъ кухни вровень съ землею. Если папа вернется и позже, ея долгое отсутствіе должно быть замѣчено; вѣрная Мале, конечно, уже встревожилась. И совѣсть у ней нечиста. Не изъ-за того, что съ ней встрѣтился Гансъ. Она въ томъ не виновата, развѣ это можно было предвидѣть? А если ужъ они встрѣтились, то остальное вышло само собой... до поцѣлуя включительно. О, блаженный, сладкій поцѣлуй! Она давно о немъ мечтала и удивлялась, какъ это Гансъ позволилъ взять съ него нелѣпое обѣщаніе не цѣловаться до формальной помолвки и довольствовался случайнымъ поцѣлуемъ руки, тогда какъ сама она не разъ была готова броситься ему на шею. Ахъ, еслибъ она знала раньше, какое это блаженство! Но и слава Богу, что не знала; по крайней мѣрѣ, теперь ей не въ чемъ особенно каяться передъ отцомъ сегодня вечеромъ. Конечно, еслибъ онъ спросилъ. А не спроситъ, такъ зачѣмъ же? Боже сохрани! Любопытно было бы узнать: цѣловалъ ли Гансъ другую до нея? Студентомъ? Или офицеромъ! Прости меня, милый дорогой Гансъ! Вотъ что значитъ читать глупые романы, гдѣ люди только и дѣлаютъ, что влюбляются и ведутъ себя такъ, какъ это вовсе не пристойно для порядочной молодой дѣвушки и приличнаго молодого человѣка.

Кэте прошла прямо изъ сѣней на кухню, гдѣ Мале хлопотала у жарко топившейся плиты. Услыхавъ скрипъ двери, служанка повернула въ ту сторону вполоборота свое раскраснѣвшееся лицо черезъ толстое плечо.

— Ахъ, фрейленъ Кэте, гдѣ это вы пропадали? Баринъ ужъ съ полчаса, какъ пріѣхалъ.

— Гдѣ онъ?

— У себя въ кабинетѣ.

— А г. Брунновъ?

— Пріѣхалъ вмѣстѣ съ бариномъ.

— А приходилъ сюда... еще кто нибудь?

— Ни души. Впрочемъ, что я! Приходилъ Павелъ отъ г-на барона съ письмомъ къ барину. Мина сейчасъ же отнесла его въ кабинетъ.

Мале схватила блинъ, шипѣвшій на сковородѣ, хотя онъ еще не допекся, бросила его на блюдо, гдѣ уже лежали горкой другіе блины, и оглянулась, желая посмотрѣть—какое дѣйствіе произвели на Кэте ея послѣднія слова. Но кухарка сдѣлала это недостаточно проворно—Кэте предупредила ее, незамѣтно исчезнувъ изъ кухни.

— Глядишь, мѣсяца черезъ два у насъ и свадьба, пробормотала Мале, наливая на сковороду новый блинъ.

„Что-то скажетъ папа? думала Кэте“, подымаясь по лѣстницѣ къ себѣ въ комнату, чтобы привести въ порядокъ туалетъ передъ ужиномъ. Зажигать свѣчу ей не понадобилось: мѣсяцъ свѣтилъ ослѣпительно ярко въ открытыя окна. Поэтому собственное лицо показалось дѣвушкѣ блѣднымъ, какъ привидѣніе, въ большомъ зеркалѣ, висѣвшемъ въ простѣнкѣ.

— При лунномъ свѣтѣ всегда бываетъ такъ, въ полголоса промолвила Кэте,— вообще, съ моей стороны глупо трусить до такой степени. Точно это какое нибудь преступленіе, что мы съ Гансомъ любимъ друга! Конечно, папа тотчасъ прочиталъ письмо. Вотъ онъ идетъ!

Но это былъ не отецъ, а Мина.

— Баринъ велѣлъ сказать, что ему надо еще заняться дѣлами; онъ проситъ фрейленъ Кэте и господина Бруннова садиться за ужинъ безъ него.

— Ты позвала г-на Бруннова?

— Онъ ужъ внизу.

— Я сейчасъ приду.

Служанка ушла; Кэте стояла посреди комнаты, какъ ошеломленная.

Что это значитъ? Отецъ прочелъ письмо Ганса — это несомнѣнно. И онъ не пришелъ, не позвалъ ее къ себѣ, а велѣлъ сказать, чтобъ она садилась за ужинъ съ г-номъ Брунновымъ!

Не было ли все это однимъ тяжелымъ сномъ? наказаніемъ за то, что она позволила Гансу поцѣловать себя? Впрочемъ, тутъ еще нѣтъ ничего дурного: да папа и не знаетъ о томъ. Ахъ, все это пустяки! я сама пойду къ нему.

Она спустилась съ лѣстницы и постучала въ дверь кабинета.

— Кто тамъ?

— Я хотѣла поздороваться съ тобой, папа! Можно мнѣ войти?

— Я еще занятъ. А вы садитесь ужинать!

— Но ты придешь?

— Садитесь за столъ.

Кэте не вѣрила своимъ ушамъ. Такъ вотъ оно что: отецъ не хотѣлъ ее видѣть; не хотѣлъ съ ней говорить, хотя и зналъ, что въ эту минуту она рвется къ нему. Онъ заставилъ ее стоять у своихъ дверей въ тревогѣ и волненіи! Это было очень дурно со стороны папа; никогда не ожидала она отъ него такой суровости.

— Я не могу понять, не могу понять, шептала дѣвушка, проходя черезъ сѣни въ столовую на противоположномъ концѣ дома. Тамъ она постояла съ минутку у дверей, торопливо прижимая платокъ къ глазамъ: Брунновъ не долженъ замѣтить, что она плакала. Потомъ Кэте вошла.

Молодой человѣкъ стоялъ у отвореннаго окна; заслышавъ ея шаги, онъ обернулся и раскланялся. Сама удивляясь своему хладнокровію, она сказала, что отецъ еще занятъ.

— Онъ проситъ, чтобъ мы сѣли ужинать безъ него, но я думаю, что намъ можно немного подождать.

Брунновъ поклонился еще разъ.

— Какъ вы провели вечеръ? спросила Кэте, чтобы что нибудь сказать.

— Вашъ батюшка послалъ меня съ порученіемъ къ лѣсничему и часъ тому назадъ заѣхалъ за мною.

— Не было ли у папа какой нибудь непріятности?

— Непріятности? На сколько мнѣ извѣстно—нѣтъ. Почему вы такъ думаете, фрейленъ?

— Эти дни папа какъ-то необыкновенно молчаливъ, уклончиво отвѣчала Кэте.

— Я этого не нахожу. Вашъ батюшка, вообще, не особенно разговорчивъ. Вы, конечно, не примете въ обиду этого замѣчанія. Боже сохрани! Напротивъ! „Бѣдный домъ всегда отворенъ, а богатый замкнутъ", сказано въ сагѣ о Фритіофѣ Тегнера. Это и мой девизъ.

— Поздравляю!

— Съ чѣмъ, фрейленъ?

— Съ богатымъ домомъ.

— Ахъ, сударыня, что такое я сдѣлалъ, что вы всегда такъ жестоки ко мнѣ?

Кэте была избавлена отъ необходимости отвѣчать. Мина принесла горячіе блины и поставила ихъ на столъ, говоря:

— Баринъ не придетъ ужинать и желаетъ фрейленъ Кэте и г-ну Брунnову доброй ночи.

— Мнѣ очень жаль, сказала Кэте,—но я должна также извиниться передъ вами. У меня сегодня цѣлый день жестоко болѣла голова.

— Ахъ, Боже мой, конечно! воскликнулъ Брунновъ.—Я сейчасъ замѣтилъ, что вамъ нездоровится, когда вы вошли въ комнату.

— Такъ, значитъ, вы на меня не сердитесь?

— Помилуйте!

— Въ такомъ случаѣ, спокойной ночи! А ты, Мина, угощай хорошенько г-на Бруннова.

— Желаю, чтобы ваша головная боль поскорѣе прошла, сказалъ Брунновъ, запирая за Кэте дверь.

Онъ сталъ прохаживаться по комнатѣ, поглаживая свои густые, коротко остриженные волосы.

— Не угодно ли вамъ, г-нъ кандидатъ, садиться за столъ? предложила Мина, видя, что онъ совсѣмъ забылъ объ ужинѣ; кушайте, пожалуйста, не то блины совсѣмъ простынутъ.

Брунновъ вздрогнулъ, какъ человѣкъ внезапно пробужденный отъ крѣпкаго сна.

— Что такое вы сказали? Ахъ, да! У меня тоже нѣтъ никакого аппетита, ни малѣйшаго. У меня тоже страшно болитъ голова—ужасно! Можете убирать со стола, Стина, ахъ, извините, Мина! И что я хотѣлъ сказать... мнѣ вздумалось немножно прогуляться на свѣжемъ воздухѣ... Будьте такъ добры, не запирайте задняго крыльца, если я замѣшкаюсь.

И молодой человѣкъ опрометью выбѣжалъ изъ комнаты.

— Ишь ты, точно загорѣлось, сказала про себя Мина, принимаясь убирать со стола.—Видно ему не повезло. Вѣдь нашего брата не проведешь!

Наверху, въ своей комнатѣ, Кэте лежала на диванѣ, заливаясь слезами. Теперь все ясно, какъ день: папа не согласенъ; онъ не хочетъ, чтобъ она любила Ганса, была съ нимъ счастлива, онъ хочетъ, чтобъ его Кэте, его бѣлочка, его любимица, умерла отъ слезъ! Этому трудно повѣрить, однако, это было такъ. И она плачетъ вовсе не о себѣ, а желѣетъ только своего Ганса, милаго, дорогого Ганса. Бѣдный юноша! Что будетъ, когда онъ завтра узнаетъ все? Не отъ нея, конечно; папа долженъ самъ сказать ему. Но Кэте останется вѣрна своему Гансу, вѣрна до могилы. А смерть, конечно, не заставитъ долго ждать себя. Развѣ она можетъ жить безъ Ганса? А Гансъ безъ нея? Еще вчера, сегодня поутру это, пожалуй, было возможно, но съ сегодняшняго вечера, послѣ того, какъ они поцѣловались—ни за что!

Она приподнялась съ дивана. Въ открытыя окна изъ лѣсу донеслась тихая музыка, точно мелодичные звуки эоловой арфы. Тамъ наигрывали арію: „Господь храни тебя. Ахъ, это слишкомъ бы прекрасно было!“ До сихъ поръ, когда Брунновъ задавалъ ей серенаду издали, Кэте хохотала или сердилась. Сегодня же она не могла ни хохотать, ни сердиться на сумасброднаго юношу, потому что сегодня она узнала, какъ можно страдать отъ несчастной любви. Какъ могла она прежде такъ жестоко надъ нимъ насмѣхаться! Завтра надо непремѣнно попросить у него прощенія. Завтра! Ночь была такъ прекрасна, ни облачка на темносинемъ небѣ, по которому плылъ золотистый мѣсяцъ. Завтра солнце взойдетъ во всемъ блескѣ и... Ахъ, мой бѣдный, бѣдный, дорогой Гансъ!

Кэте захлопнула дрожащей рукою оба окна и бросилась одѣтая въ постель, гдѣ зарыла голову въ подушки, чтобъ ничего больше не слышать и не видѣть.

* *
*

Когда Кэте постучалась въ комнату отца, старшій лѣсничій, шагавшій по кабинету, заложивъ руки за спину, вздрогнулъ, какъ преступникъ, застигнутый врасплохъ. Онъ совсѣмъ не подумалъ о томъ, что дочь придетъ къ нему еще до ужина, а разсчитывалъ объясниться съ Кэтэ, когда Брунновъ удалится по своему обыкновенію изъ столовой и оставитъ ихъ вдвоемъ. Тогда отецъ хотѣлъ спросить ее—хорошо ли обдумала она этотъ шагъ въ семнадцать лѣтъ; да и ему самому слѣдовало обдумать очень, очень многое прежде, чѣмъ выйти къ ужину. Но Кэте пришла, и онъ отослалъ ее прочь! Трусость, трусость и ребячество! Что значили нѣсколько минутъ отсрочки, когда у него былъ цѣлый годъ свободнаго времени, чтобы на что нибудь рѣшиться! И много лѣтъ назадъ онъ предвидѣлъ, что это должно когда нибудь случиться.

Лѣсничій взялся уже за ручку двери, какъ вдругъ замѣтилъ, что онъ еще не переодѣвался послѣ своей поѣздки: на немъ было форменное платье, сплошь покрытое дорожной пылью; второпяхъ онъ не отстегнулъ даже охотничьяго ножа, висѣвшаго у него на поясѣ, до того ему хотѣлось поскорѣе взять со стола положенное тамъ письмо.

Отецъ Кэте схватилъ лампу и пошелъ съ нею въ смежную комнату, служившую ему спальней, чтобы здѣсь привести въ порядокъ свой туалетъ. И лѣсничему было досадно, что все у него не клеится. Вдругъ онъ торопливо сѣлъ на стулъ; у него такъ неожиданно потемнѣло въ глазахъ, что этотъ здоровый мужчина чуть не упалъ. Дурнота продолжалась всего нѣсколько секундъ, потомъ онъ снова могъ встать и окончательно подкрѣпиться стаканомъ свѣжей воды, стоявшей на умывальномъ столѣ. Странно. Только разъ въ жизни случился съ нимъ такой припадокъ: въ кампанію семидесятаго года, послѣ страшно утомительнаго перехода. Сегодня это не могло произойти отъ напряженія силъ; причиной тому былъ мучительный страхъ при мысли, что въ старательно провѣренномъ вычисленіи можетъ встрѣтиться ошибка, пропущенная какъ нибудь, несмотря на величайшее вниманіе. Это было невѣроятно, почти невозможно, но не совсѣмъ. Поэтому сегодня вечеромъ не слѣдовало допускать, чтобъ у него насильно вырвали согласіе, въ которомъ онъ рисковалъ горько раскаяться завтрашній день. Его бѣдное дитя проведетъ ночь въ слезахъ, а, видитъ Богъ, какъ охотно избавилъ бы онъ отъ этого Кэте! Но то будутъ первыя и послѣднія слезы, которыми она заплатитъ за свою молодую любовь. Вычисленіе сойдется, должно сойтись. Если природа вымещаетъ на дѣтяхъ грѣхи родителей, то въ моральномъ мірѣ такого жестокаго закона не существуетъ. Здѣсь же не могло быть и рѣчи ни о какомъ грѣхѣ, ни о какомъ преступленіи; здѣсь...

Лѣсничій отворилъ дверь, чтобы кликнуть Мину, которая шла черезъ сѣни въ столовую, и сказать ей, что онъ не будетъ ужинать. Послѣ того хозяинъ заперъ эту дверь, а также и ту, которая вела изъ его кабинета въ сѣни, задернулъ занавѣски на окнахъ и снова прошелъ къ себѣ въ спальню, гдѣ въ ногахъ кровати стоялъ большой желѣзный шкапъ. Онъ отворилъ его и вынулъ изъ особаго отдѣленія съ секретнымъ замкомъ объемистую тетрадь, съ которой под-

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

№ 1421. Годъ XXVIII. | 20-го апрѣля 1896 г. | Томъ LV. № 17.

При этомъ, 1421, нумерѣ »Всемірной Иллюстраціи« слѣдуетъ **Литературное приложеніе**, содержащее въ себѣ: 1) »Руссо и Бланкасъ«, разсказъ Жана Рамо, съ иллюстраціями (окончаніе) и 2) »Декадентскіе разсказы«. Поэмы въ прозѣ, И. Ѳ. Василевскаго (Буквы).

О перемѣнѣ адреса.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ подписчиковъ „Всемірной Иллюстраціи" о количествѣ денегъ, слѣдующихъ съ нихъ за перемѣну адреса, главная контора редакціи имѣетъ честь сообщить, что **за каждую перемѣну адреса взимается:**

За перемѣну адреса иногороднаго на иногородный же — 28 коп. (можно посылать почтовыми марками).

За перемѣну адреса иногороднаго на городской, т. е. при переѣздѣ въ С.-Петербургъ изъ провинціи и при желаніи получать журналъ съ доставкою на домъ, — **до 1-го іюля 1 руб., послѣ 1-го іюля 70 к.**

За перемѣну адреса городского на иногородный, т. е. при переѣздѣ изъ С.-Петербурга въ провинцію, — **до 1-го іюля 2 р., послѣ 1-го іюля 1 р. 50 к.**

Плата за перемѣну адреса въ послѣднихъ двухъ случаяхъ взимается вслѣдствіе того, что городская и иногородная почты имѣютъ совершенно отдѣльныя управленія и разъ уплаченныя за доставку или пересылку деньги уже не возвращаются.

Городскіе подписчики, переѣхавшіе изъ С.-Петербурга въ провинцію и заплатившіе за пересылку журнала, при возвращеніи обратно въ С.-Петербургъ за доставленіе журнала на домъ **вторично не платятъ.**

При перемѣнѣ адреса гг. иногородные подписчики благоволятъ увѣдомлять о томъ контору редакціи **немедленно и сообщать непремѣнно вмѣстѣ съ новымъ и старый адресъ,** по которому получался журналъ прежде, **безъ чего перемѣна адреса сдѣлана быть не можетъ.**

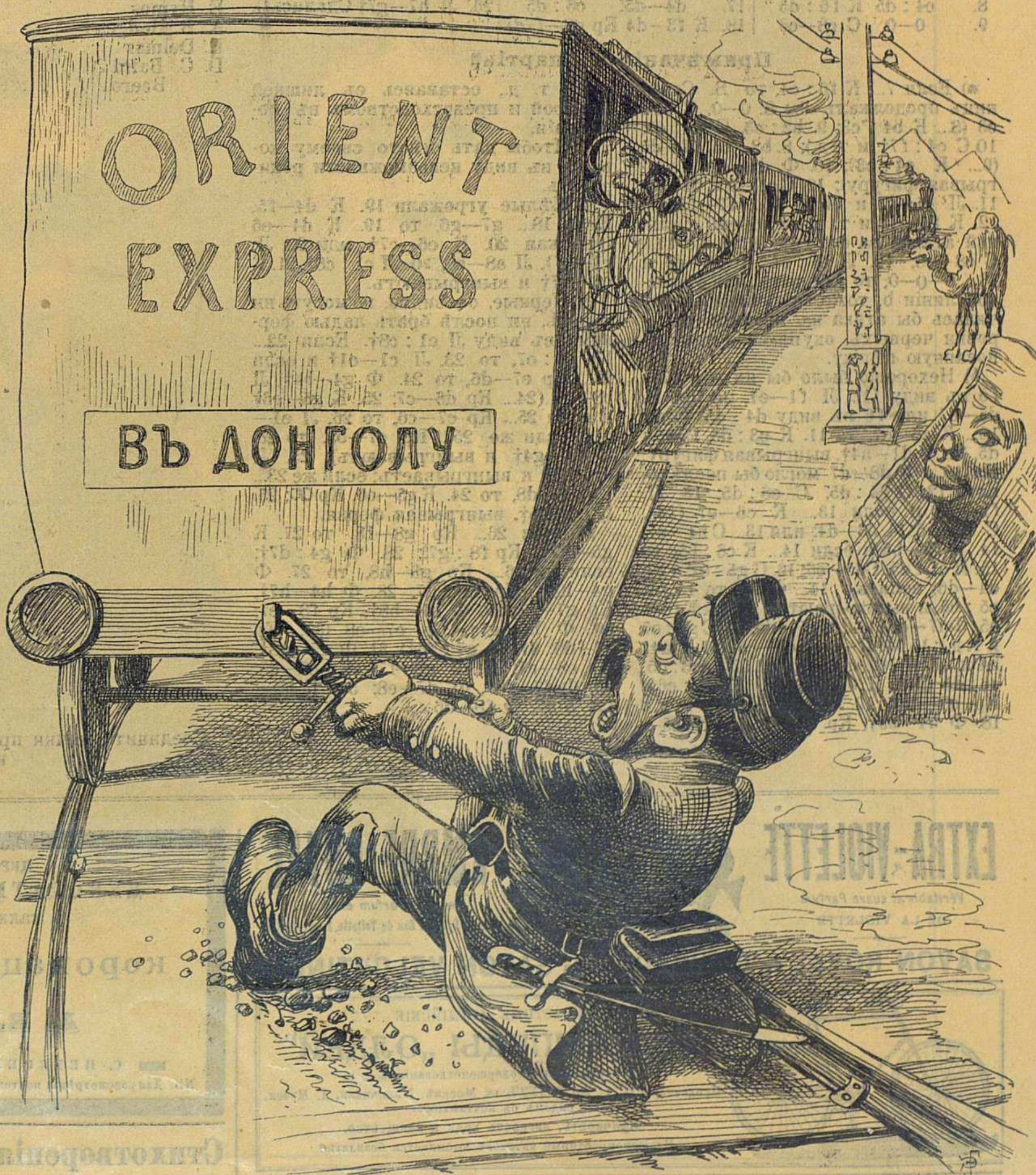
Сообщенія о перемѣнѣ адреса просимъ адресовать: въ контору журнала „Всемірная Иллюстрація": С.-Петербургъ, Садовая, 22.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

ТЕКСТЪ

РИСУНКИ

ЭКСТРЕННЫЙ ПОѢЗДЪ НА ЮГЪ.

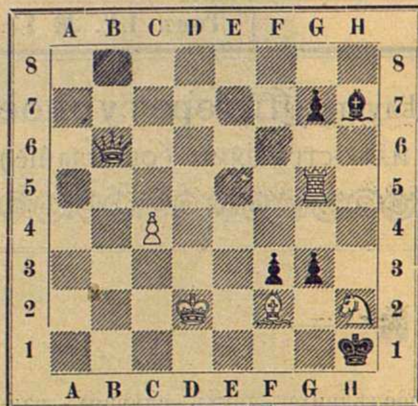
Галль. Сто чертей тебѣ и одна вѣдьма въ зубы! Неужели я не въ состояніи удержать этотъ проклятый поѣздъ?

ШАХМАТЫ

подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1870	ЗАДАЧА № 1871
V. Marin.	**Н. И. Максимова.**
Изъ „Deutsche Schachzeitung".	Изъ „Шахм. Журнала".

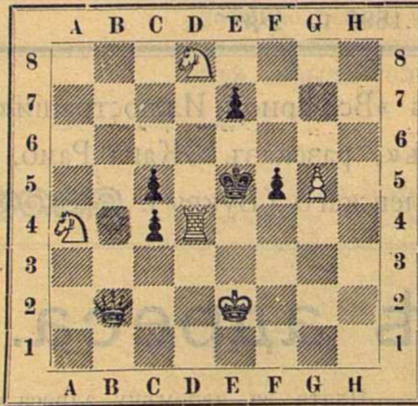
Черные

Бѣлые

Матъ въ 3 хода.

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1166

Играна на международномъ турнирѣ въ Гастингсѣ 5 (17)-го августа 1895 года. За эту партію, какъ за самую блестящую въ турнирѣ, В. Стейницъ получилъ спеціальный призъ.

Итальянская партія

	Стейницъ. Бѣлые.	Барделебенъ. Черные.
1.	e2—e4	e7—e5
2.	К g1—f3	К b8—c6
3.	С f1—c4	С f8—c5
4.	c2—c3	К g8—f6
5.	d2—d4	e5 : d4
6.	c3 : d4	С c5—b4†
7.	К b1—c3	d7—d5 *a*)
8.	e4 : d5	К f6 : d5
9.	0—0	С c8—e6
10.	С c1—g5!	С b4—e7 *b*)
11.	С c4 : d5	С e6 : d5
12.	К c3 : d5	Ф d8 : d5
13.	С g5 : e7	К c6 : e7
14.	Ф d1—e2	f7—f6 *c*)
15.	Л f1—e1	Ф d5—d7
16.	Л a1—c1	c7 - c6
17.	d4—d5!	c6 : d5
18.	К f3—d4	Кр e8—f7 *d*)
19.	К d4—e6	Л h8—c8
20.	Ф e2—g4	g7—g6
21.	К e6—g5†	Кр f7—e8
22.	Л e1 : e7†	Кр e8—f8 *e*)
23.	Л e7—f7†	Кр f8—g8
24.	Л f7—g7†	Кр g8—h8
25.	Л g7 : h7†	Кр h8—g8
26.	Л h7—g7†	Сдались *f*).

Примѣчанія къ партіи

a) Если 7... К f6 : e4, то В. Стейницъ продолжалъ бы 8. 0—0, С b4 : c3 (8... К b4 : c3; 9. b2 : c3, С b4 : c3; 10 С c4 : f7† и т. д.); 8. b2 : c3, d7—d5 (9... К e4 : c3?; 10. Ф. d1—e1†, выигрывая фигуру); 10. С c1—a3!, d5 : c4; 11. Л e1—f1 и если 11... f7—f5, то 12. К f3—d2 и т. д. съ очень сильной атакой за фигуру; если же 11... С c8—e6; 12. Л e1 : e4, Ф d8—d5 и 13... 0—0—0, то у бѣлыхъ, при открытой линіи b, тоже, вѣроятно, получилась бы атака на позицію рокировки черныхъ, окупающая пожертвованную пѣшку.

b) Нехорошо было бы ни 10... f7—f6 въ виду 11... Л f1—e1, ни 10... К. d5—e7 или f6 въ виду d4 d5. Если 10... К c6—e7, то 11. К c3 : d5, С e6 : d5, 12. Ф d1—a4†, выигрывая фигуру. На 10... Ф d8—d7 могло бы послѣдовать 12. С c4 : d5, С e6 : d5; 13. Л. f1—e1† и если 13... К c6—e7 (13... С d5—e6, 14. d3—d4; или 13... С b4—e7, 14. К f3—b5 и если 14... К c6 : b5, то 15. Л e1 : e5, Cd5—e6; 16. С g5 : e7 и 17. d4—d6; если же 14... Ф ∞, то 15. К e5 : c6 и выигрываютъ), то 14. К f3—e5, Фd7—d8 (14... Фd7—d6; 15. С g5 : e7 и т. д.); 15. Ф d1—a4†, c7—c6!; 16. Ф a4 : b4 и если 16... f7—f6, то 17 К c3 : d5, c6 : d5 (17... К e7 : d5; 18. К e5 : c6†, Кр e8—d7!; 19. Л e1—e7†! и т. д.); 18. Ф b4—b5†, Кр e8—f8; 19. К e5—d7† и т. д., оставаясь съ лишней фигурой и превосходствомъ въ положеніи.

c) Чтобы дать мѣсто своему королю въ виду невозможности рокировать.

d) Бѣлые угрожали 19. К d4—f5. Если 18... g7—g6, то 19. К d4—e6 (угрожая 20. К e6—c7† или 20. Л. c1—c7), Л a8—c8, 20. Л c1 : c8†, 21. К e6—g7† и выигрываютъ.

e) Черные, очевидно, не могутъ ни теперь, ни послѣ брать ладью ферземъ въ виду Л c1 : c8†. Если 22... Кр e8 : e7, то 23. Л c1—e1† и если 23... Кр e7—d6, то 24. Ф g4—b4†, Л c8—c5 (24... Кр d6—c7; 25. К g5—e6† и если 25... Кр c7—c6, то 26. Л e1—c1†, если же 25... Кр c7—b8, то 26. Ф b4—g4† и выигрываютъ); 25. Л e1—e6† и выигрываетъ; если же 23... Кр e7—d8, то 24. К g5—e6, Кр ∞; 25. К e6—c5†, выигрывая ферзя.

f) Если 26... Кр g8—f8, то 27. К g5—h7†, Кр f8 : g7!; 28. Ф g4 : d7†; если же 26... Кр g8—h8, то 27. Ф g4—h4†, Кр h8 : g7; 28. Ф h4—h7†, Кр g7—f8; 29. Ф h7—h8†, Кр f8—e7; 30. Ф h8—g7†, Кр e7—e8 (30... Кр e7—d6; 31. Ф g7 : f6†); 31. Ф g7—g8†, Кр e8—e7; 32. Ф g8—f7†, Кр e7—d8; 33. Ф f7—f8†, Ф d7—e8; 34. К g5—f7† и 35. Ф f8—d6×.

Недавно возвратившійся въ Петербургъ изъ Ростова-на-Дону В. Стейницъ уѣхалъ 8-го апрѣля въ Юрьевъ; оттуда онъ отправится въ Берлинъ, а затѣмъ въ Голландію, гдѣ будетъ лечиться и куда онъ получилъ приглашенія отъ мѣстныхъ шахматныхъ клубовъ. Во время проѣзда В. Стейница черезъ Москву, тамъ былъ окончательно рѣшенъ вопросъ о его матчѣ съ Е. Ласкеромъ. Матчъ будетъ играться въ Москвѣ и начнется въ концѣ сентября этого года. Побѣдитель получитъ призъ въ 2.000 рублей, а его противникъ—1.000 рубл.

Главныя условія матча сходны съ условіями матча, игранного обоими чампіонами въ Америкѣ въ 1894 году, а именно: выигравшимъ матчъ будетъ признанъ тотъ, кто первымъ выиграетъ 10 партій, причемъ ничьи не будутъ считаться; обязательно играть по 3 партіи въ недѣлю. На часъ времени полагается 15 ходовъ. На посланное отъ московскаго шахматнаго кружка В. Стейницу и Е. Ласкеру оффиціальное предложеніе играть матчъ на этихъ условіяхъ, они отвѣтили полнымъ согласіемъ. Только Э. Ласкеръ пожелалъ, чтобы оба противника внесли распорядительному комитету по 200 рублей, въ видѣ обезпеченія. Въ случаѣ нарушенія однимъ изъ противниковъ, принятыхъ имъ на себя обязательствъ, его взносъ будетъ выданъ другому.

Въ московскомъ шахматномъ кружкѣ и по отъѣздѣ В. Стейница продолжается большое шахматное оживленіе. 1-го апрѣля тамъ окончился большой турниръ-гандикапъ. Призы получили: 1-й — В. А. Боярковъ, 2-й — Э. Ф. Спрогэ и 3-й — Н. А. Извольскій. Побѣдители — игроки второй категоріи. Особенно интересуетъ въ настоящее время мѣстныхъ любителей начавшійся матчъ между двумя сильнѣйшими московскими игроками — Б. П. Григорьевымъ и редакторомъ, недавно появившагося въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", шахматнаго отдѣла — С. М. Левитскимъ.

Рижскіе любители шахматной игры поднесли недавно А. А. Ашарину художественно исполненный письменный приборъ въ признательность за плодотворную шахматную дѣятельность его въ Ригѣ въ бытность президентомъ мѣстнаго шахматнаго общества. Почетный членъ этого общества, извѣстный германскій шахматистъ — Э. Шаллопъ далъ тамъ недавно сеансъ одновременной игры. Изъ 12-ти, игранныхъ имъ партій, онъ выигралъ 10 и 2 проигралъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ состоялись два большихъ состязанія по телеграфу между членами „Manhattan Chess Club'a" въ Нью-Іоркѣ и членами „British Chess Club'a" въ Лондонѣ. Первое состязаніе продолжалось всего одинъ день и было признано окончившимся въ ничью, такъ какъ большинство партій не были доведены до конца. Второе состязаніе продолжалось всего два дня и окончилось, какъ это и видно ниже, побѣдой американцевъ, за что и получили отъ George Newnes'a призъ — серебряную вазу, стоимостью въ 70 ф. стерл.

Результатъ второго состязанія

Представители Америки:		Представители Англіи:	
H. N. Pillsbury	0	J. H. Blackburne	1
J. W. Schowalter	1	A. Burne	0
C. I. Burille	1	H. E. Bird	0
J. T. Barry	1	S. Tinsley	0
E. Hymes	1/2	C. D. Lscock	1/2
A. B. Hodges	1/2	D. J. Mills	1/2
E. Delmar	1/2	H. E. Atkins	1/2
D. C. Baird	0	E. M. Jackson	1
Всего	4 1/2	Всего	3 1/2

Задача точекъ

Соединить точки прямыми линіями такъ, чтобы получилась фамилія извѣстнаго русскаго писателя.

Всемірная Иллюстрація

№ 1421. Годъ XXVIII. 20-го апрѣля 1896 г. Томъ LV. № 17.

Наслѣдный принцъ ЭРНСТЪ ГОГЕНЛОЭ-ЛАНГЕНБУРГСКІЙ и принцесса САКСЕНЪ-КОБУРГСКАЯ.

По поводу совершившагося бракосочетанія 8 (20)-го апрѣля.

15 (27)-го апрѣля 1896 г.

Въ Петербургѣ прошлая недѣля ознаменовалась пріѣздомъ князя Фердинанда болгарскаго, которому былъ сдѣланъ самый сочувственный пріемъ при Императорскомъ дворѣ. Со второго дня прибытія за нимъ былъ признанъ нашимъ правительствомъ титулъ „королевскаго высочества“. Въ то же самое время князь Фердинандъ получилъ право носить ленту русскаго ордена Александра Невскаго, пожалованную ему еще въ 1883 г. въ Бозѣ почивающимъ императоромъ Александромъ III, и вслѣдъ затѣмъ былъ пожалованъ знаками русскаго ордена св. Владиміра 1-й степени.

Но этимъ не ограничились знаки монаршей благосклонности къ вновь признанному правителю княжества Болгарскаго. Изъ Петербурга князь Фердинандъ отправился прямо въ Парижъ, минуя Берлинъ, въ русскомъ императорскомъ поѣздѣ, предоставленномъ въ его распоряженіе, и президентъ французской республики сдѣлалъ ему изъ ряду вонъ торжественный пріемъ, лишній разъ подтверждавшій полную солидарность Россіи и Франціи въ вопросахъ международной политики. Объ этомъ много и оживленно толкуетъ вотъ уже нѣсколько дней западно-европейская печать.

Во Францію князь Фердинандъ прибылъ въ самый разгаръ министерскаго кризиса. Министерство Буржуа, которому сенатъ отказалъ въ утвержденіи принятыхъ палатою депутатовъ кредитовъ на возвращеніе на родину съ Мадагаскара войскъ, завоевавшихъ съ такими тяжелыми лишеніями этотъ островъ, и на замѣну ихъ другими, свѣжими войсками, подало въ отставку, которая на этотъ разъ была безпрекословно принята президентомъ республики. Но прежде, чѣмъ сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, глава министерства г. Леонъ Буржуа настоялъ на созваніи палаты депутатовъ ранѣе срока парламентскихъ вакацій и обратился къ ней съ заявленіемъ, представляющимъ нѣчто въ родѣ обвинительнаго акта противъ сената, упорствующаго во взглядѣ, по которому министерство не можетъ оставаться на высотѣ, если сенатъ открыто выражаетъ свое недовѣріе. Результатомъ этого могло быть то, что палата депутатовъ косвенно высказалась въ пользу неотвѣтственности правительства передъ сенатомъ, но выходу въ отставку министерства это голосованіе не помѣшало. Президентъ республики, посовѣтовавшись, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, съ президентами сената и палаты депутатовъ, началъ съ попытки образованія новаго министерства, имѣющаго шансы сгруппировать вокругъ себя парламентское большинство, состоящее изъ признающихъ небходимость нѣкоторыхъ „демократическихъ“ реформъ умѣренныхъ либераловъ (фракція эта присвоила себѣ въ настоящее время кличку „прогрессистовъ“) и изъ наиболѣе умѣренныхъ радикаловъ, не сочувствующихъ стремленіямъ соціалистовъ. Лицомъ способнымъ сформировать такое „министерство примиренія“ г. Феликсъ Форъ призналъ недавно вступившаго въ кабинетъ г. Леона Буржуа умѣреннаго радикала Сорріена, который однако же заявилъ вчера, 14 (26)-го апрѣля, президенту республики, что онъ не находитъ возможнымъ выполнить возложенное на него порученіе. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Парижа отказъ г. Сорріена не считался также еще окончательнымъ. Радикалы и соціалисты прежде всего желали бы избѣгнуть образованія министерства, состоящаго исключительно изъ умѣренныхъ республиканцевъ и склоннаго положить конецъ нынѣшней парламентской путаницѣ распущеніемъ палаты депутатовъ. Самъ г. Феликсъ Форъ желаетъ, повидимому, обойтись безъ такого распущенія, хотя соціалисты и крайніе радикалы и обвиняютъ его какъ разъ въ противномъ.

Получавшіяся на прошлой недѣлѣ изъ Лондона политическія извѣстія имѣли довольно неопредѣленный характеръ. Ни одно изъ нихъ не даетъ возможности догадываться какъ отнесется министерство Салисбюри къ возвѣщаемой газетными слухами попыткѣ поставить на очередь международнаго обсужденія египетскій вопросъ. Сентъ-джемскій кабинетъ какъ будто особенно озабоченъ событіями, происходящими въ Южной Америкѣ. Министръ колоній г. Чемберленъ произнесъ на дняхъ въ лондонскомъ конституціонномъ клубѣ рѣчь, въ которой онъ объявилъ, что Англія не позволитъ никому вмѣшиваться въ ея отношенія къ южно-африканскимъ республикамъ, про которыя ходятъ слухи, что онѣ разсчитываютъ на поддержку Германіи. Вслѣдъ затѣмъ стало извѣстно, что президентъ Трансвааля г. Крюгеръ окончательно отказался явиться въ Лондонъ для совѣщаній съ британскимъ правительствомъ.

Австро-Венгрія представляетъ въ настоящую минуту крайне оригинальное зрѣлище государства, одна половина котораго—Венгрія—готовится торжественно праздновать тысячелѣтіе своего политическаго существованія, тогда какъ въ другой всѣ умы заняты вопросомъ—утвердитъ ли императоръ Францъ-Іосифъ третье избраніе на постъ перваго бургомистра Вѣны извѣстнаго антисемита, доктора Люгера. Жители австрійской столицы сильно волнуются, предусматривая возможность новаго неутвержденія императоромъ доктора Люгера въ званіи городского головы этого города.

Изъ Италіи на прошлой недѣлѣ приходили вѣсти, не оставляющія болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что министерство Рудини прервало мирные переговоры съ негусомъ Менеликомъ и готовится къ возобновленію военныхъ дѣйствій противъ Абиссиніи. Въ Римѣ снова взяло верхъ настроеніе, которое существовало тамъ при министерствѣ Криспи. Сторонники мира съ Абиссиніею не подымаютъ болѣе своихъ голосовъ, и все заставляетъ ожидать по сосѣдству съ Эритреею возобновленія борьбы итальянцевъ съ вооруженными силами негуса Менелика.

Штрихи и контуры

Петербургскій фельетонъ

„Timeo Danaos et dona ferrentes“ — говорили въ древности, а „я боюсь весны и ея даровъ!“ въ правѣ воскликнуть каждый изъ петербуржцевъ. Дѣйствительно, что можетъ быть ужаснѣе „даровъ“ петербургской „весны“! Тифы, дифтериты, скарлатины веселой толпой идутъ на насъ, и мы только что успѣли убрать намозолившіе глаза чаны и бочки съ кипяченой водой, какъ изволь выставлять снова. А средняя статистика тутъ же преподноситъ намъ, что, дескать, въ Лондонѣ, городѣ съ 4-хмилліоннымъ населеніемъ, съ его ужасающей нищетой и развратомъ, процентъ смертности на тысячу былъ 18, а въ Петербургѣ, съ населеніемъ меньше милліона, — 36,3! Даже знаменитый Пештъ, всегда успѣшно конкурировавшій по части смертности съ нашей столицей, и тотъ на этотъ разъ спасовалъ. Петербургъ побилъ рекордъ.

Зато наши столичныя дѣти никакъ не могутъ „побить рекорда“ по части успѣшнаго прохожденія наукъ. Помнится, въ прошломъ году та же статистика показала намъ весьма неутѣшительные результаты. Плохо, очень плохо учатся наши дѣтки!

Да какъ же, впрочемъ, имъ учиться успѣшно, если все приходится или хворать, или, въ лучшемъ случаѣ, недомогать? Въ нынѣшнюю зиму, напримѣръ, всѣ дѣтскія заразныя больницы были переполнены и намъ доподлинно извѣстно, что большинство больныхъ были дѣти школьнаго возраста. Гимназисту, пролежавшему шесть недѣль въ скарлатинѣ и не оправившемуся какъ слѣдуетъ, нужно, вѣдь, „догонять“, а это при современныхъ, довольно суровыхъ, требованіяхъ, вещь не только далеко не изъ легкихъ, но для многихъ совершенно недостижимая...

Вотъ и сиди, и зубри съ больною головою, не имѣя возможности носа высунуть на улицу, не только посмотрѣть труппу лиллипутовъ.

* * *

И дѣйствительно, на первомъ представленіи прославленной американской феерiи „Гумпти-Думпти“ мы увидѣли всего трехъ—четырехъ нѣмецкихъ мальчиковъ въ возрастѣ „пансіоннаго“ образованія.

Впрочемъ, неявившіеся потеряли немного. Не все то хорошо, что носитъ ярлыкъ „американское.“ Говорятъ, американскіе велосипеды хороши. Хороши и сельско-хозяйственныя машины... Пусть такъ! Но искусственныхъ куриныхъ яицъ, приготовляемыхъ въ Америкѣ, мы, несмотря на все наше уваженіе къ этой странѣ изумительныхъ изобрѣтеній, покуда кушать не станемъ.

Труппа лиллипутовъ очень мила; нѣкоторые, какъ Адольфъ Цинкъ и Людвигъ Меркель, талантики (нельзя же, говоря о лиллипутахъ, говорить талантъ!), но пьесы, въ которыхъ подвизается труппа, наивны до... (какъ бы выразиться мягче?) простоты и могутъ имѣть какой нибудь смыслъ только... для самихъ исполнителей, разыгрывающихъ ихъ съ такой неудержимой веселостью.

Новая феерія не лучше и не хуже предшествовавшихъ: такъ же дѣтски наивны положенія и такое же отсутствіе смысла. Еслибы ее сократить на половину, ограничиться вмѣсто 15 семью (и притомъ, какъ оказалось, наилучшими) картинами,—она бы только выиграла. Да и изъ этихъ семи картинъ слѣдовало бы выкинуть двѣ: „парикмахерскую“ (?) и „конюшни“. Очень эффектенъ финалъ 3-й картины съ серпентиномъ... Но къ чему понадобилось дирекціи угощать публику лицезрѣніемъ занавѣса съ намалеваннымъ на первомъ планѣ огромнымъ башмакомъ и назвать это „Жилище великановъ“—мы отказываемся понимать. Публикѣ показали башмаки, какіе должны носить великаны, а самихъ великановъ... предоставили каждому вообразить.

Совершенно излишнимъ показался намъ также занавѣсъ съ изображеніемъ „Виллы при лунномъ освѣщеніи“. Можетъ быть этотъ занавѣсъ своею художественностью и удивляетъ американцевъ на ихъ родинѣ, но это было, надо полагать, давно, къ намъ же онъ явился такимъ подержаннымъ, съ такими предательскими просвѣтами въ самыхъ неудобныхъ для того мѣстахъ, что лучше было бы не показывать его вовсе.

Въ общемъ, мы, зрители, конечно, скучали и оживились только тогда, когда начался боксъ между двумя лиллипутами. Маленькіе человѣчки такъ вошли въ роль, что начали пресерьезнѣйшимъ образомъ угощать другъ друга тумаками. А мы съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за исходомъ поединка... Что дѣлать, господа! Всякому овощу—свое время!

* * *

Боксъ напомнилъ намъ другой спортъ—борьбу. Мы не любимъ бокса—это грубо, не эстетично. И баронесса X, которую мы въ нашемъ интимномъ кружкѣ зовемъ: mademoiselle Fidonc, совершенно съ нами согласна.

Она высказала по этому поводу категоричное мнѣніе вчера, за обѣдомъ у своего дяди, генерала Z.

— Но, мой другъ! жирной октавой прошамкалъ генералъ, роняя съ нижней губы капли супа (бѣднягу подкарауливаетъ апоплексія),—ты говоришь: боксъ! Но это существеннѣе—боксъ!

— Кан-нечно! воскликнулъ молодой адъютантъ.

— Что?

— Я говорю: кан-нечно существеннѣе, генералъ! играя глазами, подтвердилъ адъютантъ.

— Да, да! Вотъ и я... то же самое... Э-кхм! Кхм! Я видѣлъ боксъ... Экхм! настоящій! Это что-то необыкновенное... грандіозное... Физіономія вотъ! (генералъ широко развелъ руками) ни глазъ, ни ушей, ничего этого не видно! Да-съ! А онъ все лупитъ! И это, знаете ли, какъ по куску мяса: шмякъ, шмякъ! Э-кхм!

— Ахъ, оставьте, пожалуйста! протянула старая княгиня N, и ея сухія, морщинистыя вѣки подобно занавѣскамъ задернули оба безцвѣтные глаза,—c'est insuportable!

— Вотъ это я понимаю! Хе, хе, хе! Это бой! Не правда ли? И генералъ покровительственно потрепалъ адъютанта по сухому колѣну.

Но Fidonc и ея подруга Джемми возмутились.

— Гадость! Гадость! воскликнули онѣ хоромъ,—monsieur Сарматъ, поддержите насъ! Не правда ли, это гадость! Что же вы молчите? О, дипломатъ!

— Борьба ваша тоже не ахти что! Замѣтилъ генералъ.

— Борьба! взвизгнула Fidonc, всплеснувъ руками и уронивъ суповую ложку на полъ,—и вамъ не стыдно это говорить, дядя? Не стыдно сравнивать?

— Нисколько, другъ мой!

— Да послѣ этого... послѣ этого... вы никогда не видали борьбы! Вотъ что!

— Видѣлъ что-то такое несуразное... Не понравилось!

— „Несуразное!" Ахъ, дядя, дядя! Да вы сравните только фигуры: какого нибудь бульдогообразнаго, кривоногаго боксера и борца, атлета, сложеннаго какъ...

— Геркулесъ! подсказала Джемми.

— Я сказала бы: какъ Антиной! вскользь поправила ее Fidonc и кстати, ловкимъ движеніемъ руки, привела въ порядокъ слегка растрепавшуюся прическу,—напримѣръ Абстъ. Ты видѣла Абста?

— Года два тому назадъ за границей! отвѣчала Джемми.

— Или этотъ... итальянецъ! Все забываю его фамилію и смѣшиваю съ другимъ... Спонтини, кажется! У меня есть карточки! Да знаете ли, дядя, что скульпторы лѣпятъ съ нихъ статуи!

— Ахъ, да, да! подтвердила Джемми,—какже!

— Ну, и пусть себѣ лѣпятъ! Съ котовъ лѣпятъ, пусть лѣпятъ и съ борцовъ.

— Скотовъ? съ укоромъ вопросила Fidonc.

— Я сказалъ съ котовъ! съ ударенiемъ, остановившись на *съ*, повторилъ генералъ.—да знаешь ли, мой другъ, откровенно говоря, я разницы большой не вижу. Э-кхм! Напримѣръ, вашъ знаменитый Мооръ совершенно боксерская физіономія!

— Да, онъ... mal elevé! въ полголоса согласилась Джемми.

— Ахъ, милая! съ живостью обратилась къ ней Fidonc,—ему можно простить! Знаешь, эта цирковая обстановка, садовые подмостки... все дѣйствуетъ!

— Или этотъ... Кара Ахметъ, кажется? продолжалъ генералъ,—чортъ знаетъ что такое! Эѳіопъ какой-то!

— Онъ турокъ!

— Ахъ, турокъ! А я думалъ эѳіопъ! Извини, пожалуйста! Ошибся!

Наступила минута нѣкоторой натянутости. Слышенъ былъ только стукъ кофейныхъ чашечекъ.

— Мнѣ кажется, — явился на выручку адъютантъ, — мы нѣсколько отступили отъ первоначальной темы разговора. Говорили о преимуществахъ борьбы передъ боксомъ съ эстетической точки зрѣнія... Не правда ли?

— Тутъ не можетъ быть разногласія! авторитетно заявила Fidonc,—всякій, кто видѣлъ борьбу, согласится, что... Дядя просто хотѣлъ меня позлить, вотъ и все! досадливо перебила она себя.

— Э-кхм! Нисколько, мой другъ!.. Я просто не могу понять, что ты находишь эстетичнаго...

— Все! еще болѣе авторитетнымъ тономъ воскликнула Fidonc, — французская борьба — это одна пластика! Каждое положеніе—матеріалъ для фотографа, художника, скульптора!

— Но вѣдь и боксъ... заикнулся было генералъ.

— Ахъ, подите вы съ вашимъ боксомъ! Джемми, помнишь, какъ у Абста выходило красиво это положеніе...

И Fidonc вмѣстѣ съ Джемми начала сыпать такими техническими терминами, какъ: „tour de tête à genoux", „collier et bras engajé à genoux", „pont", „la ceinture de devant", что генералъ только выпучилъ глаза, и апоплексія вотъ, вотъ готова была сѣсть ему на шею.

— La ceinture de devant! бормоталъ онъ, — это что же такое? Э-кхм. Другъ мой, объясни мнѣ, пожалуйста!

— А это должно быть, генералъ, если противникъ схватитъ васъ такъ! пробовалъ объяснить адъютантъ, деликатно обнимая старика.

— Ну, да, ну и что же? Дальше-то что?

— А дальше, вмѣшалась Fidonc, — если вы не примете мѣръ къ защитѣ,—кракъ, и вы par terre!

— Ради Бога избавьте! застонала княгиня, — c'est insupportable! У меня голова болитъ отъ вашихъ „genoux" и „ceinture-овъ!

— Ну, кузина, нужно все узнать... началъ генералъ, — если въ обществѣ...

— Ну и узнавайте! Что до меня... moi je vous quitte! Я пойду провѣтриться! Хотите вмѣстѣ?

Мы стали уходить. Но и уходя мы слышали, какъ Fidonc въ чемъ-то убѣждала Джемми, какъ онѣ стали потомъ о чемъ-то сговариваться и какъ напослѣдокъ Fidonc торжественно произнесла:

- Онъ будетъ у меня завтра, около двухъ! Пріѣзжай! Непремѣнно!

Кто *онъ*? Пытлязинскій, Кара Ахметъ, Мооръ, Ибрагимъ,—трудно было угадать, но что это непремѣнно долженъ былъ быть кто нибудь изъ „знаменитыхъ" — въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

* * *

— На стрѣлку! приказала княгиня кучеру.

У княгини была старая—покойная—коляска, старый—опытный—кучеръ Матвѣй и довольно пожилыя, хотя еще не „сѣвшія на ногу", лошади. Слѣдовательно, ничто не угрожало нашему поэтическому путешествію на „point".

— Скажи, пожалуйста... (въ минуты особаго расположенія старуха всѣмъ моложе ея говорила: ты), что это у нихъ у всѣхъ?

Намекъ былъ ясенъ. Не было никакой возможности уклониться.

— Спортъ... Модное увлеченіе, княгиня! Каждой эпохѣ свойственны свои увлеченія. Увлекались же вы музыкой... павловскимъ Штраусомъ...

— Ахъ, не говори, не говори! вздохнула княгиня, — это мои лучшія, чистѣйшія воспоминанія. Вотъ еще люблю „стрѣлку", но, кажется, придется распрощаться и съ этимъ! И старуха зашевелила сухими безцвѣтными губами, мечтательно смотря въ пространство, вдоль каменноостровскаго проспекта, по которому, конкурируя съ велосипедистами, мчалась наша коляска.

А мы погрузились въ размышленія о томъ, что вотъ было время, въ которое существовали разныя традиціи, разныя „noblesse oblige", хотя бы въ родѣ того, что непремѣнно нужно было прослушать Штрауса или прокатиться на „стрѣлку" теперь же никакихъ такихъ традицій нѣтъ, все пошло въ разбродъ въ наше неопредѣленное, шатающееся время; кто возлюбилъ боксъ, кто „французскую борьбу", кто велосипедъ, и нѣтъ, кажется, такого пятилѣтняго младенца, который не мнилъ бы себя спортсменомъ. Къ добру ли сіе или къ худу—рѣшать еще рано. Поживемъ—увидимъ...

Сарматъ

Лунная ночь

Сонетъ

Когда я посмотрѣлъ на блѣдную луну,
Она шепнула мнѣ: сегодня спать не надо.
И я ушелъ вкушать ночную тишину;
Меня лелѣяла воздушная прохлада.
Деревья старыя заброшеннаго сада,
Казалось, видѣли во снѣ свою весну:
Была полна мечты ихъ смутная громада,
Застылъ недвижный дубъ, ласкающій сосну.
И точно таинство безмолвное свершалось,
Въ высотахъ облачныхъ печалилась луна,
Улыбкой грустною на что-то улыбалась.
Ивдругъ открылось мнѣ, что жизнь моя темна,
Что юность быстрая, какъ легкій сонъ, умчалась, —
И плакала со мной ночная тишина.

К. Бальмонтъ.

РОТОНДА

Очеркъ

И. А. ГРИНЕВСКОЙ

I

У Петра Ивановича Вознесенскаго была жена; у жены его была ротонда. Эти два обстоятельства еще не представляютъ собою ничего такого, что могло бы служить предметомъ описанія. Многіе мужчины женаты, и большинство дамъ владѣетъ этимъ предметомъ туалета. Все дѣло въ томъ, что молодая мадамъ Вознесенская вздумала, во что бы то ни стало, придѣлать къ своей ротондѣ пелеринку, —въ то время ни одна уважающая себя хорошенькая женщина не рѣшилась бы выйти на улицу въ ротондѣ, лишенной этого украшенія. А что она была хорошенькая — объ этомъ ей десятки разъ въ день говорили всѣ зеркала, мимо которыхъ она случайно или нарочно проходила и, по крайней мѣрѣ, три дюжины гимназистовъ, съ которыми она, еще будучи ученицею Коломенской гимназіи, танцовала на гимназическихъ вечерахъ и встрѣчалась въ городскихъ скверахъ. Особенно часто говорилъ ей объ этомъ Петръ Ивановичъ Вознесенскій, ея нынѣшній мужъ, въ то время, когда былъ ея женихомъ и горячимъ поклонникомъ, а Вознесенскій былъ человѣкъ, который обладалъ разнообразными талантами и въ кругу своихъ близкихъ товарищей даже слылъ „геніемъ". Особенно всѣхъ восхищалъ его стихотворный талантъ, но неизбѣжная проза жизни осудила поэта на плачевный удѣлъ — службу въ одномъ изъ обществъ конножелѣзныхъ дорогъ...

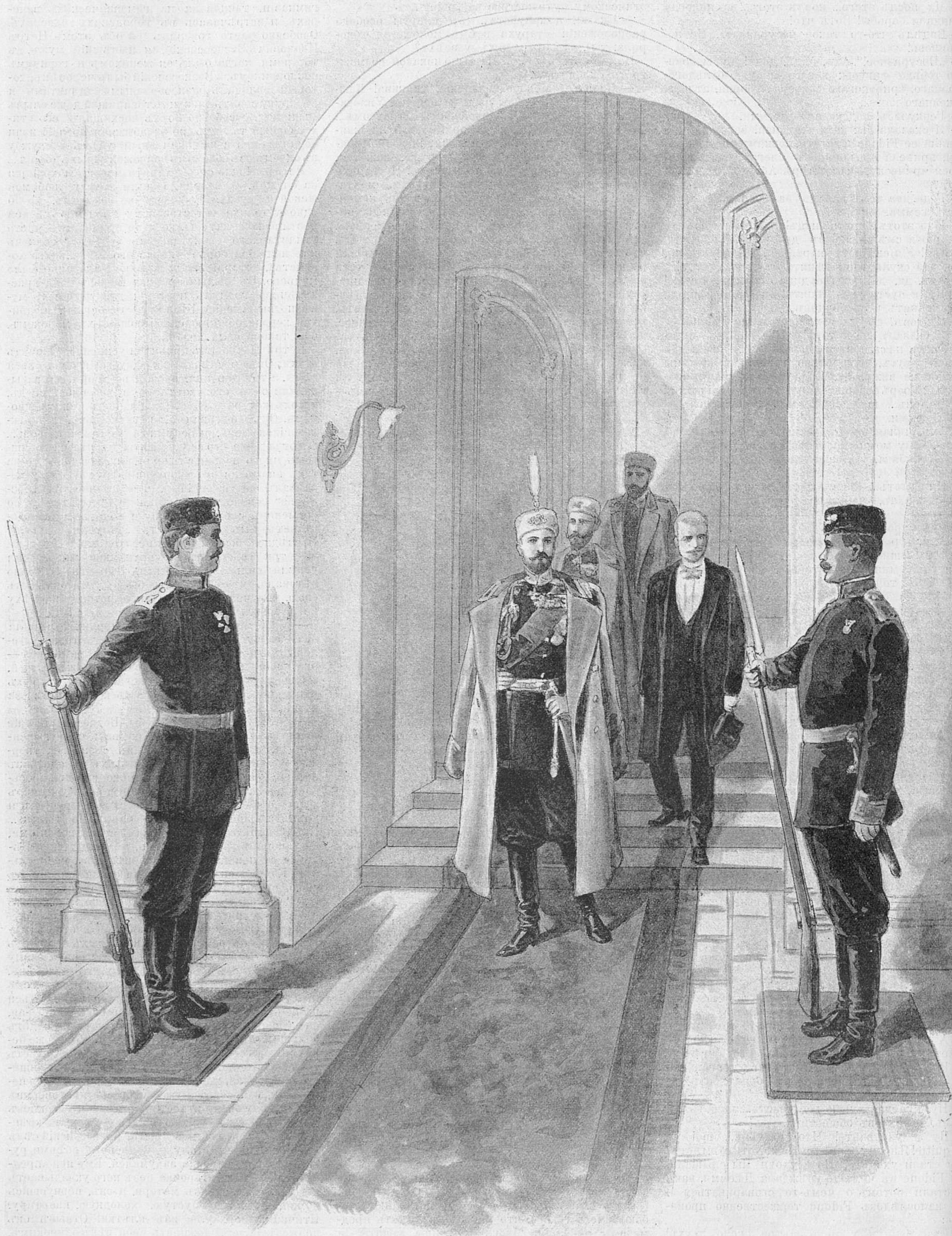
Петръ Ивановичъ до пяти часовъ находился на службѣ, а вечера дѣлилъ между любимой женой и музой. Музу онъ не покидалъ, не по одному только естественному влеченію къ ней поэтической натуры, но и по причинамъ чисто утилитарнаго свойства: онъ надѣялся извлечь изъ нея подспорье для своего маленькаго хозяйства, которое вести на одно жалованье было мудрено. Въ былыя времена Вознесенскій краснорѣчиво громилъ поэтовъ, для которыхъ муза, по выраженію Шиллера, не богиня, а дойная корова, обильно снабжающая ихъ молокомъ, но... такова сила вещей.

Петръ Ивановичъ принялся усиленно строчить стихи. Онъ воспѣвалъ и голубые глазки своей жены, и три деревца, росшія во дворѣ, куда выходили окна его квартиры, и небесный сводъ, кусокъ котораго разстилался надъ узкимъ дворомъ. Онъ воспѣвалъ и глухую ночь, и зарождающійся день, и безумныя мечты, и любовь... А когда жена его сердилась за то, что онъ слишкомъ много посвящалъ времени „бездѣлью" (она такъ называла его творческій трудъ), онъ успокаивалъ ее увѣреніями, что именно это „бездѣлье" поведетъ ихъ ко „всему" дастъ ему со временемъ средства, славу и почетъ, а пока доставитъ имъ возможность „обмундироваться". Послѣднее было крайне необходимо, такъ какъ за три года ихъ супружеской жизни они успѣли сильно обноситься. Вѣрочка особенно сѣтовала, что ей нельзя было даже освѣжить свою, полученную въ приданое, ротонду на мѣху изъ сѣрыхъ кроликовъ.

— Если придѣлать къ ней пелеринку, увѣряла она,—то шуба вышла бы очень элегантная. А теперь у нея такой видъ, что ее надѣть нельзя — она просто никуда не годится. Я похожа въ ней, жаловалась m-me Вознесенская, — на старыхъ чиновницъ, которыя ходятъ въ казначейство за пенсіономъ.

Въ отвѣтъ на эти жалобы, Вознесенскій еще прилежнѣе принимался воспѣвать всякую всячину и, аккуратно переписавъ свои стихотворные труды, тайно отправлялъ ихъ въ одну изъ петербургскихъ редакцій „съ покорнѣйшей просьбой прислать по прилагаемому адресу нумеръ журнала съ напечатаннымъ стихотвореніемъ и причитающійся за него гонораръ". Но тщетно... Ни журналъ съ напечатанными стихотвореніями, ни гонораръ не получались, а между тѣмъ Вѣрочка становилась все нетерпѣливѣе, недовольнѣе. Кончилось тѣмъ, что она стала проклинать свою судьбу и увѣрять мужа, что она скорѣе готова умереть отъ простуды, чѣмъ надѣвать шубу, которая дѣлаетъ ее похожей на чучело.

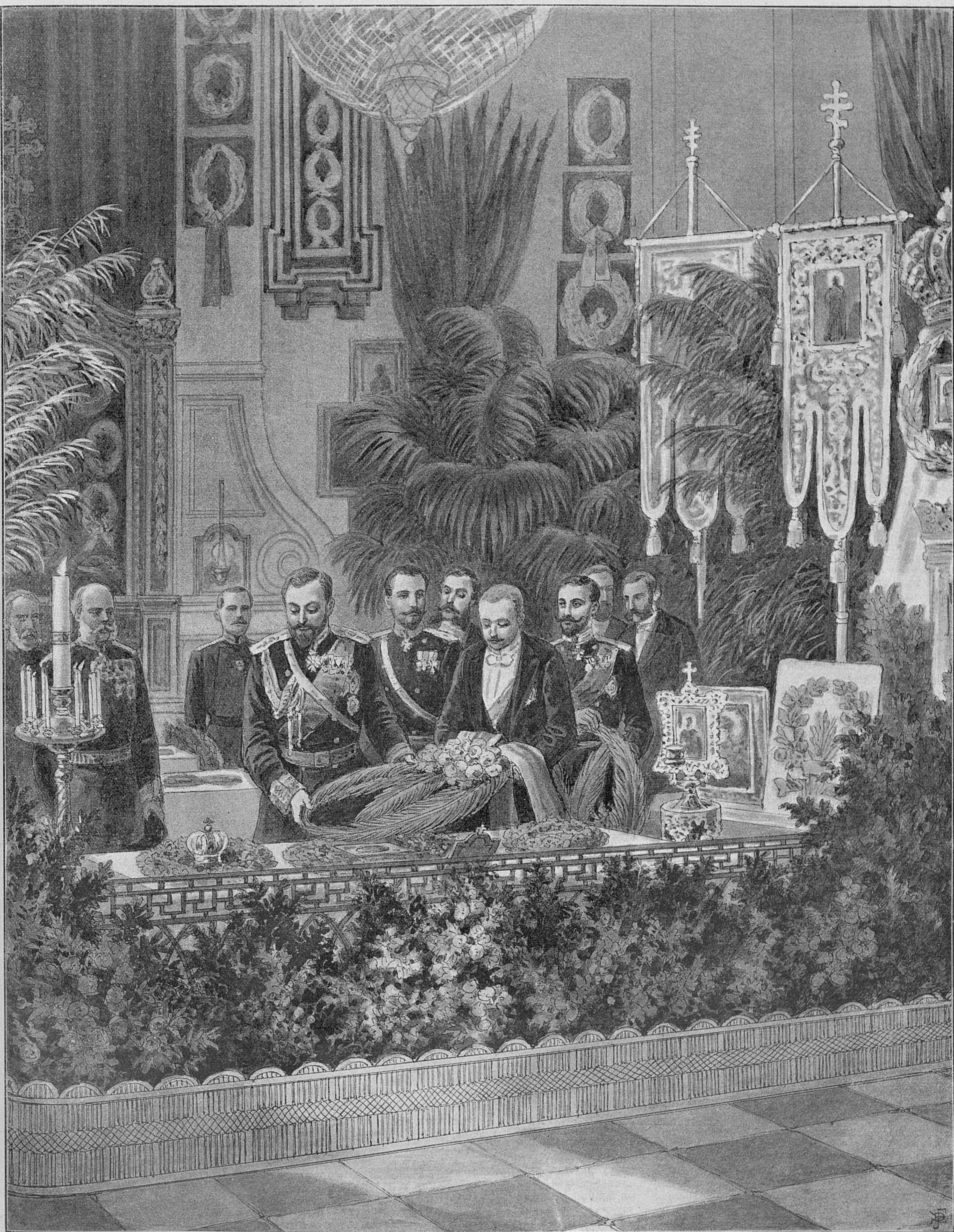
Однажды Вознесенскій рѣшился кротко замѣтить, что онъ работаетъ за четверыхъ и дѣлаетъ все, что можетъ, но Вѣрочка не вняла этому оправданію, прямо заявила мужу, что человѣкъ, который даже не въ состояніи доставить женѣ пелеринку къ ротондѣ, не имѣлъ права жениться на ней. Заливаясь слезами и громко всхлипывая, она говорила, что ни за что на свѣтѣ не будетъ больше жить съ такимъ грубіяномъ и завтра же переѣдетъ къ своей мамашѣ. Но все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ, даже истерика оскорбленной женщины; и Вѣрочка, подобно многимъ дамамъ въ ея положеніи, забросавъ мужа укорами и наговоривъ ему тысячу непріятностей, въ концѣ концовъ успокоилось, а — успокоившись — заснула крѣпкимъ и безмятежнымъ сномъ. Вознесенскій сѣлъ къ письменному столу и, подперевъ обѣими руками голову, глубоко задумался. Ему ясно представилось, какъ Вѣрочка безъ него укладываетъ вещи и уѣзжаетъ къ матери, а онъ, вернувшись домой, находитъ пустую, холодную, квартиру. Птичка выпорхнула изъ клѣтки! Отнынѣ онъ долженъ будетъ доживать свой вѣкъ одинокимъ, покинутымъ... думалось ему, и слезы градомъ полились изъ его глазъ. Но какъ жить безъ своей немного вѣтренной, немного взбалмошной, капризной, но въ сущности доброй жены, безъ этой женщины, къ которой онъ привязался всей душой, всѣмъ существомъ!... Нѣтъ, ему остается одно: пустить себѣ пулю въ лобъ — и всему ко-

Выходъ кня я Фердинанда изъ Зимняго дворца.

Съ натуры ри овалъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. О. Брожъ.

С.-Петербургъ. — Пребываніе князя Фердинанда Болгарскаго.

Возложеніе княземъ Фердинандомъ вѣнка на гробницу Императора Александра III въ Петропавловскомъ соборѣ.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« К. О. Брожъ.

С.-Петербургъ. — Пребываніе князя Фердинанда Болгарскаго.

нецъ! Да, онъ такъ и сдѣлаетъ... Вотъ тогда она пойметъ, тогда она узнаетъ, какъ онъ любилъ ее, какое она разбила великое сердце. Да, пусть узнаетъ!... Пусть всю жизнь страдаетъ и плачетъ... Всѣ обуревавшія его чувства и мысли тутъ же вылились въ длинной поэмѣ... Въ ней онъ выплакалъ всю грустную повѣсть своей жизни, причемъ яркими красками изобразилъ предполагаемый трагическій финалъ и даже описалъ похороны „поэта", погибшаго въ полномъ расцвѣтѣ силъ и лѣтъ и оцѣненнаго лишь послѣ его безвременной кончины, отчаяніе молодой жены и неутѣшную скорбь музы...

Когда дневное свѣтило послѣ долгихъ усилій пробилось сквозь густой слой тумана и освѣтило блѣднымъ лучомъ уже давно проснувшуюся столицу, „погибшій", но наконецъ „признанный поэтъ", склонивъ еще не высохшее отъ слезъ лицо на свѣже исписанные листки, тихо спалъ.

Часы, стоявшіе на комодѣ, пробили одиннадцать. Вознесенскій, какъ встрепанный, вскочилъ со своего стула. Онъ кинулся въ спальню... Вѣрочка, раскраснѣвшись, на этотъ разъ безъ папильотокъ и поэтому особенно хорошенькая, покоилась еще въ крѣпкомъ снѣ.

Она, значитъ, не ушла къ мамашѣ, и онъ можетъ спокойно существовать.

Въ ожиданіи пробужденія жены онъ принялся перечитывать исписанные листочки и самъ нашелъ—и не безъ основанія—что произведеніе его заслуживаетъ вниманія: „Жизнь поэта" описана тепло и трогательно, и весь разсказъ дышетъ искренностью и правдой. Онъ рѣшился вовсе не пойти на службу и отнести самолично поэму въ редакцію.

II

Черезъ часъ онъ вышелъ изъ дому. Онъ шелъ по улицамъ бодро. На сердцѣ у него было легко, а въ душѣ трепетали неопредѣленныя надежды; съ сладостнымъ чувствомъ человѣка, завершившаго миромъ семейную ссору, окрыленный мечтами, Петръ Ивановичъ Вознесенскій, незамѣтно для самого себя, дошелъ до подъѣзда той редакціи, которую онъ упорно удостаивалъ своими произведеніями и которая также упорно отправляла ихъ въ корзину.

На лѣстницѣ онъ на минуту остановился, перевелъ духъ, привычнымъ движеніемъ руки поправилъ воротнички рубашки, повелъ ею по густымъ русымъ волосамъ и не безъ трепета направился къ двери.

Онъ вошелъ и, робкими шагами приблизившись къ рѣшеткѣ, раздѣлявшей комнату пополамъ, спросилъ у работавшаго за конторкой господина -- нельзя ли видѣть редактора.

— А какъ ваша фамилія? спросилъ его этотъ господинъ, продолжая заносить что-то въ книгу и вскользь взглянувъ на него.

— Вознесенскій, тихо отвѣтилъ обладатель этой скромной, пока еще ничѣмъ не прославившей себя, фамиліи.

— А что вамъ будетъ угодно отъ редактора?

— Мнѣ очень нужно перегов...

— Если вамъ что нибудь угодно отъ редактора, то потрудитесь сказать мнѣ, отчеканилъ господинъ у конторки, заложивъ за ухо перо.

— Мнѣ надо... опять началъ было сконфуженный поэтъ, но, встрѣтивъ суровый, почти неумолимый, взглядъ этого человѣка, быстро прибавилъ: — Вотъ стихи... я принесъ... стихи.

— Очень хорошо-съ, сказалъ тотъ. — Я передамъ.

— Но мнѣ бы надо самого редактора, пробормоталъ Вознесенскій.

— Редактора видѣть нельзя, онъ теперь очень занятъ, а стихи, если угодно, можете оставить, не то вамъ придется зайти въ другой разъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ... хорошо. Вотъ мои стихи... Когда можно будетъ придти за отвѣтомъ?

— Такъ, черезъ недѣльку, отвѣтилъ сей господинъ у конторки, садясь на свое мѣсто, не глядя больше на Вознесенскаго, съ очевиднымъ намѣреніемъ оставить дальнѣйшіе разспросы безъ удовлетворенія. Петръ Ивановичъ, съ чуткостью поэта, понялъ намекъ и поспѣшно удалился...

Недѣля эта тянулась для Петра Ивановича невыразимо долго. Когда семидневный срокъ истекъ, онъ отпросился у начальника на полчаса со службы и, чтобы не терять ни одной лишней минуты, поѣхалъ въ редакцію на извозчикѣ, рѣшившись истратить на сей предметъ до сорока копѣекъ... Онъ рѣшился на этотъ чрезвычайный расходъ, лишь имѣя въ виду получить гонораръ за свое произведеніе, которое, по его мнѣнію, не въ примѣръ прежнимъ, должно прославить его имя не только въ самой редакціи, но далеко за предѣлами ея.

Вступивъ въ знакомую пріемную, Вознесенскій уже съ нѣкоторой увѣренностью подошелъ къ господину у конторки и довольно рѣшительно спросилъ объ участи его стихотворенія.

— А какъ ваша фамилія?

Поэтъ назвалъ себя.

— Какая ваша вещь?

— Стихотвореніе...

— Какъ называется?

—„Жизнь поэта".

— Нѣтъ, еще не было напечатано.

— Можно ли видѣть редактора?

— Редакторъ принимаетъ по четвергамъ; не угодно ли вамъ придти завтра.

— Въ которомъ часу?

— Отъ двухъ до четырехъ.

Какая досада! Какъ разъ время, когда онъ долженъ быть на службѣ.

— Въ эти часы мнѣ никакъ нельзя. Можетъ быть, онъ бываетъ въ иные часы, напримѣръ, послѣ пяти?

— Нѣтъ, онъ бѣваетъ только по четвергамъ отъ двухъ до четырехъ.

Вознесенскій уѣхалъ изъ редакціи на службу въ большомъ огорченіи. А что, если завтра его не отпустятъ? Но онъ рѣшилъ пустить въ дѣло всю энергію, сдѣлать все возможное, лишь бы пробить себѣ хоть маленькую стезю на Парнасъ. На другой день какими-то судьбами онъ урвался со службы и ровно въ два часа находился въ помѣщеніи редакціи. Комната была полна народа.

Отъ времени до времени изъ смежной комнаты появлялась личность, которая таинственно уводила туда то одного, то другого изъ этой группы. Стрѣлка, къ ужасу Вознесенскаго, показывала уже три четверти четвертаго, а онъ все ждалъ, воображая, что въ этомъ мѣстѣ строго соблюдается справедливая очередь. Но вотъ стоявшій у конторки, уже знакомый ему, господинъ заявилъ, что редакторъ сегодня не приходилъ и не придетъ. Вознесенскій, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, попробовалъ было возражать, но, видя, что это безполезно, стремительно выбѣжалъ изъ редакціи, сѣлъ на перваго попавшагося извозчика, запросившаго у него тридцать копѣекъ, и велѣлъ везти себя какъ можно скорѣе къ мѣсту своего служенія. Начальникъ встрѣтилъ его съ недовольнымъ видомъ и заявилъ ему, что „такъ служить нельзя".

Чтобы смирить гнѣвъ патрона, ему пришлось остаться лишній часъ на службѣ доканчивать свою работу, послѣ чего, во избѣжаніе неудовольствія жены за опозданіе къ обѣду, онъ покатилъ домой опять на извозчикѣ, а не по конкѣ и пѣшкомъ, какъ обыкновенно,—удовольствіе, стоившее ему еще тридцать копѣекъ.

Въ слѣдующій четвергъ Петръ Ивановичъ при содѣйствіи сослуживца-товарища устроилъ такъ, что исчезновеніе его осталось неизвѣстнымъ начальнику. Наученный горькимъ опытомъ Вознесенскій на этотъ разъ ужъ не оставался безмолвно ждать своей очереди, а прямо подошелъ къ господину у конторки, который, какъ ему казалось, долженъ былъ его уже знать. Тѣмъ не менѣе, когда онъ спросилъ этого ревностнаго охранителя редакторскаго покоя отъ натиска поэтовъ и прозаиковъ, насчетъ своего стихотворенія, тотъ снова освѣдомился объ его фамиліи, предложилъ ему подождать и только черезъ часъ пошелъ докладывать о немъ и нѣкоторыхъ другихъ посѣтителяхъ.

— Господинъ Вознесенскій, громко и отчетливо произнесъ онъ, вернувшись къ своему мѣсту,— ваше стихотвореніе на очереди для прочтенія. Можете, если пожелаете, освѣдомиться въ слѣдующій четвергъ.

Петръ Ивановичъ уныло и со страхомъ ѣхалъ изъ редакціи въ свое правленіе. Тамъ его отсутствіе, слава Богу, не было замѣчено; въ благодарность за услугу, ему пришлось повести товарища въ трактиръ и угостить его легкой закуской, и, чтобы не опоздать къ обѣду, на извозчикѣ же поѣхать домой. Вся эта исторія стоила ему ровно рубль десять копѣекъ.

Въ слѣдующій четвергъ Вознесенскій въ припадкѣ пессимизма рѣшилъ было не ѣхать въ редакцію, но какая-то неопредолимая сила влекла его туда. „Авось", думалъ онъ, „мое личное присутствіе подвинетъ дѣло, иначе будетъ тоже, что и съ прежними стихами".

Редакціонный Церберъ опять подвергъ его допросу насчетъ фамиліи и прочаго такимъ тономъ, какъ будто бы онъ увидѣлъ его въ первый разъ въ жизни. Вознесенскій давалъ отвѣты съ затаеннымъ раздраженіемъ. Обидная мысль, что въ редакціи не знаютъ даже его фамиліи, что человѣкъ этотъ, каждую черту котораго онъ зналъ наизусть, не считалъ нужнымъ запомнить даже его лицо, наполнила его сердце горечью.

За допросомъ опять послѣдовала покорная просьба подождать.

Петръ Ивановичъ, потерявъ терпѣніе, уже собирался было уходить, чтобы не возвращаться болѣе въ это ужасное мѣсто, какъ ему громко коротко и сухо было заявлено, что стихотвореніе его принято!

„Принято?" едва не вскрикнулъ счастливый авторъ, имѣвшій большое желаніе подскочить до потолка, но вмѣсто этого почему-то произнесъ:

— Значитъ, оно будетъ напечатано?

— Да, будетъ напечатано! отчетливо повторилъ невозмутимый господинъ.

— Когда же? осмѣлился обезпокоить его вопросомъ Вознесенскій.

— Когда — неизвѣстно... Потрудитесь освѣдомиться такъ... черезъ двѣ недѣли.

И этого было достаточно, чтобы Петръ Ивановичъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. На этотъ разъ онъ безъ особеннаго сокрушенія уплатилъ за провозъ извозчикамъ и за угощеніе пріятеля.

Черезъ двѣ недѣли Вознесенскій долженъ былъ исполнить ту же процедуру: назвать свою фамилію, свое стихотвореніе, число, когда оно было отдано человѣку, упорствовавшему въ нежеланіи запомнить что бы то ни было касающееся его, и ждать, пока о немъ доложатъ невидимому и неуловимому божеству—редактору.

Прождавъ битый часъ, онъ узналъ, что стихи его будутъ напечатаны черезъ двѣ недѣли.

Черезъ двѣ недѣли Вознесенскаго снова потянуло на мѣсто пытки, хотя въ душѣ его только еле-еле теплилась послѣдняя искра надежды на успѣхъ... И вотъ передъ нимъ опять „господинъ у конторки", и Петръ Ивановичъ поспѣшилъ къ нему въ полной увѣренности, что на этотъ разъ дѣло обойдется безъ обычныхъ вопросовъ и ему безъ задержки дадутъ справку. Но, увы! Невозмутимый, почти деревянный, Церберъ и на сей разъ скользнулъ по немъ взглядомъ и спросилъ:

— Какъ ваша фамилія?

Поэтъ нашъ назвалъ себя съ явнымъ неудовольствіемъ. Положительно собственная его фамилія, которая всегда звучала такъ пріятно для его уха, которую онъ съ такой гордостью однимъ вамахомъ подписывалъ подъ своими произведеніями, ему за послѣднее время опротивѣла. Никогда еще ему не приходилось называть себя при такихъ обидныхъ для самолюбія обстоятельствахъ.

— Стихотвореніе ваше — „Смерть поэта", кажется?

— „Жизнь поэта", поправилъ авторъ.

— Ну да, все равно! Оно напечатано, сказалъ господинъ у конторки такимъ тономъ, какъ будто дѣло шло о самой обыденной вещи, а не о событіи такой необычайной важности.

— Вамъ угодно получить нумеръ? тѣмъ же тономъ спросилъ этотъ господинъ оторопѣвшаго отъ радости поэта и, не дожидаясь отвѣта, взялъ съ полки нумеръ журнала и положилъ на столъ.

И. Гриневская.

Окончаніе слѣдуетъ

ВЪ МIРѢ ЗНАНIЙ

Хроника наукъ, промышленности и проч.

Происхожденіе домашнихъ животныхъ. — Къ вопросу о торцовой мостовой въ санитарномъ отношеніи.

Въ естественной исторіи, и притомъ какъ разъ именно въ самой любопытнѣйшей ея части, существуетъ очень чувствительный пробѣлъ. Этотъ пробѣлъ—отсутствіе положительныхъ свѣдѣній о происхожденіи домашнихъ животныхъ. Еще въ 1884 г. на международномъ орнитологическомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ былъ, между прочимъ, поставленъ для обсужденія вопросъ о происхожденіи домашнихъ куръ; тогда пражскій профессоръ Палацкій прямо заявилъ, что наука не располагаетъ достаточными данными для того, чтобы обсуждать такой вопросъ. Конечно, этотъ пробѣлъ въ нѣкоторыхъ частяхъ удачно заполненъ; такъ, мы знаемъ, что нашъ домашній гусь произошелъ отъ дикаго сѣраго гуся, утка — отъ дикой породы Anas boschas, знаемъ, что индюкъ вывезенъ изъ Сѣверной Америки, гдѣ до сихъ поръ проживаютъ на свободѣ его прародичи. Намъ извѣстно, что домашняя свинья произошла отъ кабана (sus serofa). Но кто были и гдѣ обитали прародители лошади, собаки, кошки, коровы, овцы, козы? Когда и гдѣ загадочные предки всѣхъ этихъ обыкновеннѣйшихъ нашихъ друзей и сотрудниковъ были приручены человѣкомъ? Объ этомъ мы не имѣемъ ни малѣйшихъ положительныхъ свѣдѣній, а пробавляемся только догадками и предположеніями. Кроликъ

содержится и разводится въ Европѣ цѣлыми стадами и сохранился, повидимому, въ всей неприкосновенности первоначальнаго типа; а между тѣмъ ученые далеко не согласны относительно его происхожденія: одни ведутъ домашнюю кроличью породу отъ дикаго кролика (lepus canicułus), другіе, основываясь на разницѣ въ анатомическомъ строеніи обоихъ типовъ, утверждаютъ, что предокъ домашняго кролика намъ въ точности не извѣстенъ, что обѣ извѣстныя породы — домашняя и дикая — происходятъ отъ какой-то третьей, повидимому, вымершей. Правда, доводы, опирающіеся на анатомическія различія, особенно же на форму черепа, вообще говоря, очень слабы. Какъ рѣзки, напр., различія въ устройствѣ черепа у нашихъ собакъ! Сравните черепъ бульдога и борзой; какое же тутъ, казалось бы, сходство? Вѣдь, судя по черепу, это два вовсе различныя животныя. А между тѣмъ и тѣни сомнѣнія быть не можетъ въ ихъ кровномъ родствѣ. А голуби? Судя по всему, наши домашнія породы, всѣ до одной, не взирая на ихъ громадное разнообразіе, произошли, однако же, отъ одного общаго прародителя, ливійскаго голубя. Или, другой примѣръ, куры. Тутъ, опять-таки, анатомическое разнообразіе идетъ до безконечности, и съ каждымъ годомъ усиливается, а происходятъ всѣ онѣ отъ одной коренной породы. Между тѣмъ анатомическія уклоненія въ строеніи черепа, быть можетъ, нигдѣ такъ рѣзко не проявляются, какъ въ куриныхъ породахъ, такъ, напримѣръ, у падуанской курицы образовалась на верхушкѣ черепа громадная костяная шишка, служащая точкою опоры для султана, которымъ украшена голова этой породы. Но какіе пути существуютъ для разрѣшенія этого любопытнѣйшаго вопроса о происхожденіи домашнихъ животныхъ? Тутъ, конечно, можетъ быть путь опыта, единственно надежный, и путь историческій, дающій только болѣе или менѣе вѣроятныя догадки. Опытный путь основывается на изученіи результата скрещиванія домашней породы съ тою дикою породою, отъ которой, по предположенію, она происходитъ. Если эти породы обѣ одного ближайшаго корня, то онѣ дадутъ потомство, способное въ свою очередь плодиться; если же породы принадлежатъ къ разнымъ зоологическимъ видамъ, то онѣ либо вовсе не дадутъ потомства при скрещиваніи, либо это потомство окажется безплоднымъ. Такіе опыты недавно были произведены, между прочимъ, надъ кроликами извѣстнымъ французскимъ натуралистомъ Ксавье Распелемъ; ему удалось доказать, что домашній кроликъ и дикій принадлежатъ, несомнѣнно, къ одной породѣ, потому что даютъ благополучно плодящееся потомство. Конечно, въ отношеніи лошади, рогатаго скота, овцы очень мудрено произвести такіе же опыты, какъ надъ кроликами; тутъ въ разрѣшеніи вопроса о происхожденіи этихъ животныхъ рѣшающее слово принадлежитъ палеонтологамъ. Они должны въ ряду вымершихъ животныхъ найти такихъ, родственная связь которыхъ съ нашими домашними была бы ясна; но такъ какъ при этомъ, волей неволей, прійдется ограничиваться лишь анатоміею, то едва ли когда нибудь удастся получить точный выводъ. Дѣло другое собака и кошка. Кажется, не особенно мудрено было бы отыскать среди дикихъ видовъ этихъ животныхъ очень близкихъ родичей нашихъ домашнихъ породъ и произвести надъ ними тѣ же опыты, какіе Распель сдѣлалъ надъ кроликами. И быть можетъ удалось бы разрѣшить вопросъ, на который стыдно не имѣть до сихъ поръ отвѣта. Мы ломаемъ голову надъ причинами образованія каналовъ на планетѣ Марсъ, а тутъ около себя не можемъ дознаться—кто были родичи нашихъ ближайшихъ четвероногихъ друзей и помощниковъ.

Въ ряду способовъ мощенія улицъ ни одинъ не поднималъ такого бурнаго обмѣна мнѣній, какъ торцовая, деревянная мостовая. Инженеры хвалили ея мягкость, заглушающую грохотъ колесъ, ея легкій ремонтъ. Гигіенисты, съ своей стороны, яростно нападали на деревянную мостовую за ея легкую проницаемость для влаги, благодаря которой она превращается въ истинный рай для безчисленныхъ колоній всякихъ микроорганизмовъ. Недавно, по поводу всѣхъ нападокъ и восхваленій торцовой мостовой, былъ сдѣланъ основательный докладъ въ обществѣ французскихъ строителей-санитаровъ. Докладчикъ, инженеръ путей сообщенія Пече, прежде всего замѣтилъ, что торцовая мостовая, несмотря ни на какія нападки, продолжаетъ быстро распространяться во всѣхъ городахъ: въ Лондонѣ торцами вымощена площадь улицъ въ 2 милліона квадратныхъ метровъ, въ Парижѣ — 1 милліонъ, въ Сиднеѣ — 20 верстъ улицъ. Ни въ одномъ изъ кварталовъ этихъ городовъ, гдѣ введена торцовая мостовая, не замѣчается ни гнилаго запаха, ни развитія какихъ либо эпидемій. Эту мостовую часто обвиняли за пыль, которая будто бы поднимается съ нея въ особенномъ изобиліи и очень зловредна по своимъ качествамъ, такъ какъ состоитъ изъ веществъ по преимуществу органическихъ. Пече замѣчаетъ на это, что торцовая мостовая изнашивается на самыхъ бойкихъ мѣстахъ не болѣе какъ на 1 сантиметръ въ годъ, причемъ большая часть продуктовъ ея разрушенія, будучи частицами очень легкими, тотчасъ же смывается водою. Булыжная мостовая снашивается вдесятеро болѣе, и продукты ея разрушенія остаются на мѣстѣ, не сполна сносятся водою, потому что обладаютъ значительною тяжестью. Проницаемость торцовой мостовой не имѣетъ возможности проявиться на дѣлѣ; если мостовая хорошо смачивается, то торцы сильно разбухаютъ и прилегаютъ одинъ къ другому съ герметическою плотностью. При поправкѣ торцовой мостовой, когда поднимаются съ мѣста старые, избитые, торцы, легко бываетъ видѣть, какъ мало около нихъ и внутрь ихъ проникло влаги. Впрочемъ, относительно проникновенія гнили и микроорганизмовъ внутрь дерева были сдѣланы прямые опыты сиднейскимъ бактеріологомъ Смитомъ. Онъ бралъ торцы, десять лѣтъ непрерывно служившіе въ мостовой, и дѣлалъ разводки микробовъ, которые въ нихъ застряли; эти разводки онъ прививалъ кроликамъ, и тѣ оставались цѣлы и невредимы, изъ чего можно было заключить, что торцовая мостовая, повидимому, не служитъ пріютомъ для колоній болѣзнетворныхъ микробовъ. Пече просилъ извѣстнаго французскаго микробиста, доктора Микеля, еще разъ передѣлать эти опыты. Микель бралъ кучки очистковъ, выскобленныхъ изъ внутренней части торцовъ, дѣлалъ изъ нихъ настойку на перегнанной водѣ и эту настойку вливалъ въ растворъ желатины. Стружки брались со свѣжихъ торцовъ и съ долго служившихъ, а также съ подстилки, лежащей подъ торцами. Опыты показали, что всего больше микроорганизмовъ находится въ пескѣ, покрывающемъ мостовую, что и понятно само собою; по мѣрѣ же углубленія въ мостовую въ ея массѣ обнаруживается все менѣе и менѣе микробовъ. Вообще, Пече приходитъ къ выводу, что деревянная мостовая столь же легко сдаетъ экзаменъ санитарной зрѣлости, какъ и минеральныя мостовыя, но имѣетъ передъ послѣдними не мало техническихъ и экономическихъ преимуществъ.

М. Орловъ

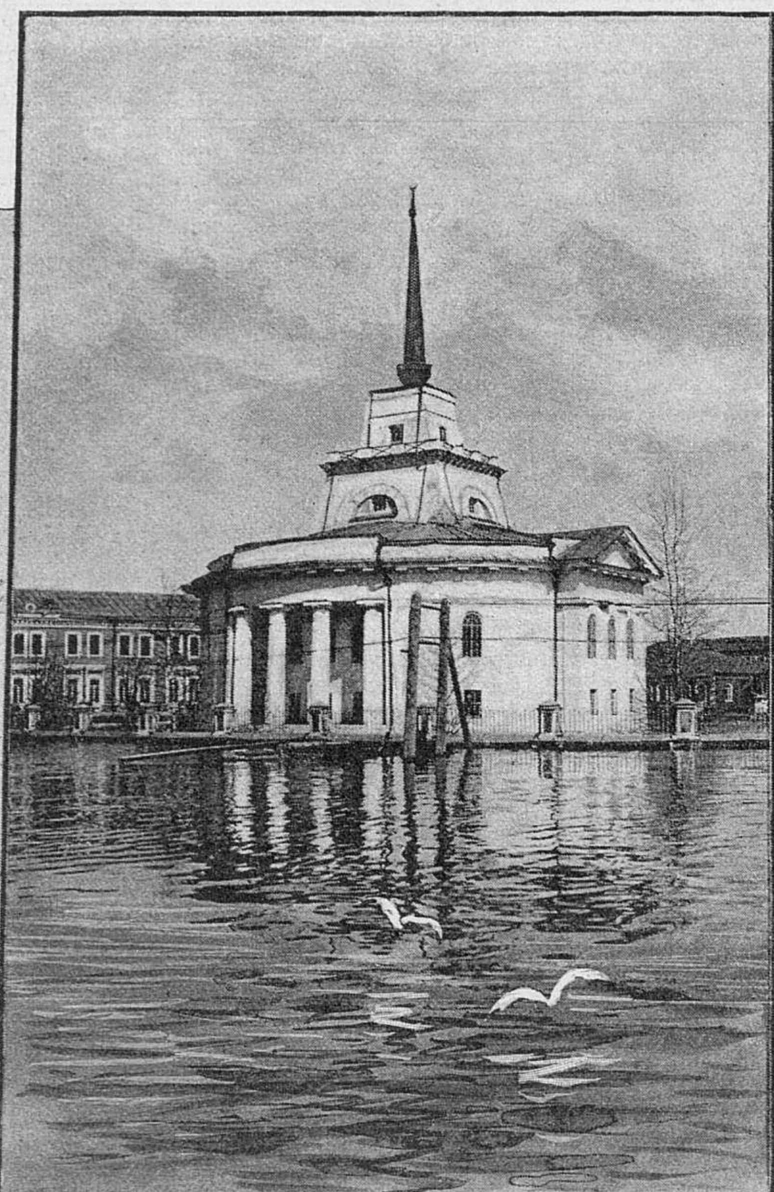
Бесѣды о музыкѣ въ Петербургѣ

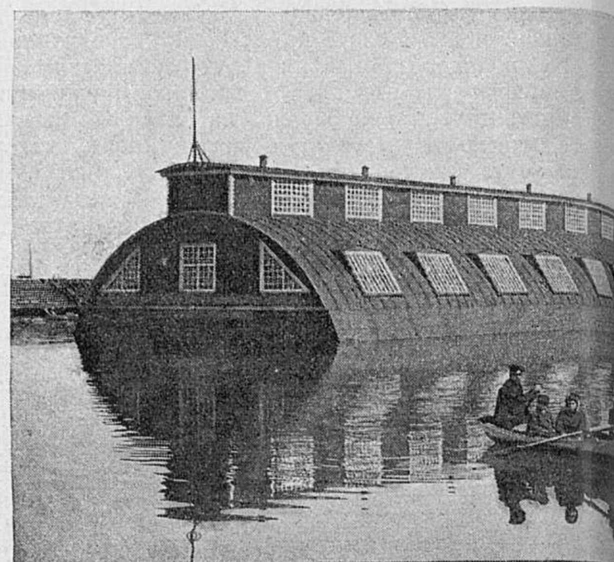
Геновефа, опера Шумана

1-го апрѣля въ Михайловскомъ театрѣ состоялось первое представленіе единственной оперы геніальнаго германскаго композитора Роберта Шумана. По иниціативѣ и средствами кружка любителей, называющагося „с.-петербургское общество музыкальныхъ собраній“ дана была „Геновефа“ (Genoveva), не извѣстная въ Россіи со времени своего появленія на свѣтъ (1848 г.) и принадлежащая къ циклу совершенно незаслуженно „забытыхъ оперъ“, постановка которыхъ на нашихъ оперныхъ сценахъ всегда была мечтою даровитѣйшаго и образованнѣйшаго музыкальнаго критика Г. А. Лароша. Имена авторовъ этихъ оперъ — Глюкъ, Моцартъ, Керубини, Веберъ, Оберъ, Галеви, Шуманъ, Берліозъ и, прибавимъ отъ себя, Вагнеръ (кромѣ „Тангейзера“ и „Лоэнгрина“), Кюи и Римскій-Корсаковъ— составили бы образцовый репертуаръ и черезъ нѣсколько лѣтъ, несомнѣнно, отучили бы нашу публику отъ „Сельской чести“, „Паяцовъ“, „Джіоконды“ и тому подобной ничтожной и недобросовѣстной стряпни. Казенная сцена не балуетъ музыкальную часть публики серьезными произведеніями и довольствуется полными сборами; поэтому всякіе шаги въ указанномъ нами направленіи, всякія попытки частныхъ музыкальныхъ кружковъ заслуживаютъ искренней благодарности и всякаго поощренія—матеріальнаго и нравственнаго; всѣ недостатки, которые всѣми замѣчались въ послѣдніе годы при исполненіи на частныхъ сценахъ „Евгенія Онѣгина“, „Кавказскаго плѣнника“, „Хованщины“, „Ферамерса“, „Короля Манфреда“, „Самсона и Далилы“, „Гензеля и Гретель“ и др. оперъ, всѣ совершенно стушевываются передъ заслугами хотя бы только по выбору этихъ произведеній. Поэтому мы заранѣе предупреждаемъ читателя, что не намѣрены входить въ оцѣнку исполнителей, которые всѣ, начиная отъ оркестра графа А. Д. Шереметева подъ управленіемъ дирижера общества г. Гольденблюма и кончая оруженосцами и слугами, заслуживаютъ только похвалы, и ограничимся характеристикой замѣчательнаго произведенія.

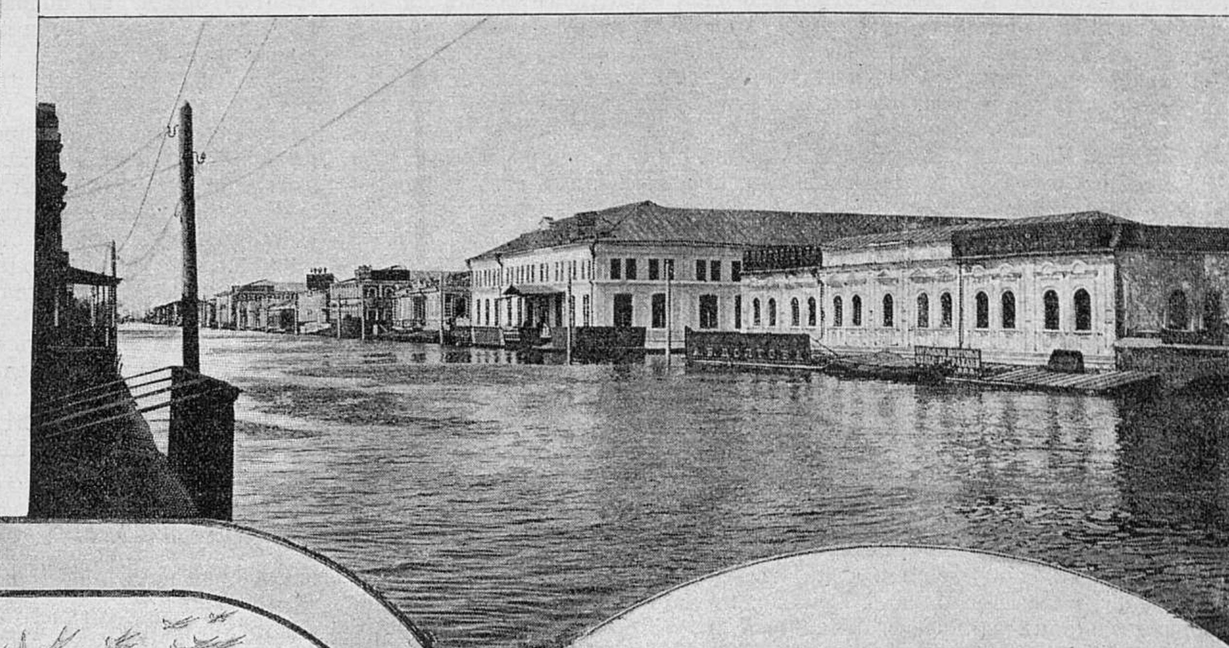
Въ журналистикѣ существуетъ, между прочимъ, особый родъ „критики“, которая о достоинствахъ сочиненій судитъ исключительно по тому, какой успѣхъ они имѣли, сколько представленій выдержали; конечно, съ этой точки зрѣнія „Геновефу“ можно безспорно называть оперой несчастной, неудачной, скучнѣйшей и т. п., такъ какъ и въ Германіи она весьма мало популярна, гдѣ Шуманъ вовсе не принадлежитъ къ числу любимцевъ нѣмецкой публики; Моцартъ, Бетховенъ, Мендельсонъ, Шубертъ, Брамсъ, Раффъ, Рейнеке и другіе ближе и понятнѣе нѣмецкой душѣ, чѣмъ аристократическая, замкнутая, разочарованная и страдающая натура музыкальнаго Байрона. Но люди, знающіе Шумана, какъ автора несравненныхъ фортепіанныхъ пьесъ, камерныхъ и оркестровыхъ сочиненій, романсовъ и ораторій, понимающіе прелесть его гармоніи, породившей почти всѣхъ слѣдовавшихъ за нимъ композиторовъ, найдутъ въ „Genoveѵ'ѣ“ много страницъ достоинства равнаго съ Fis-moll'ной сонатой, съ Es-dur-ной симфоніей, съ фортепіаннымъ квинтетомъ, съ „Frauen Liebe und leben“ и др. безчисленными его великими твореніями. Обращая вниманіе читателя на замѣчательнѣйшія страницы оперы, мы позволимъ себѣ еще разъ вспомнить Г. А. Лароша и привести нѣсколько его строкъ, которыя должны служить руководящей нитью для всякаго, мало знающаго Шумана. „Ему не было отказано въ изображеніи свѣтлыхъ сторонъ жизни, въ мягкости, нѣжности и граціи, но истиннымъ царствомъ его является *ночная* сторона явленій. Гнетущая тоска, терзаніе сомнѣній, мракъ отчаянія — вотъ сфера, въ которой вдохновеніе ему никогда не отказываетъ и въ которой оно достигаетъ наибольшей силы. Надъ лучшими его страницами разлитъ какой-то зловѣщій свѣтъ, и отрицательныя стремленія человѣческаго духа сказываются въ нихъ съ какой-то прелестью страданія, съ какой-то упоительной красотой диссонанса. Вотъ почему онъ съ такой выдержанностью общаго настроенія и съ такой роскошью деталей съумѣлъ перевести на музыкальный языкъ геніальнаго Манфреда Байрона“. „У Шумана наряду съ его настоящемъ стилемъ образовался второй, побочный. По количеству страницъ онъ даже превосходитъ настоящій; возникновеніе его объясняется тѣмъ громаднымъ вліяніемъ, которое имѣлъ на Шумана Мендельсонъ, далеко уступавшій ему въ геніальности. Этотъ на три четверти мендельсоновскій стиль яснѣе и текучѣе настоящаго шумановскаго, но поверхностнѣе и безцвѣтнѣе. Популярный характеръ этихъ благозвучныхъ страницъ, лишающій ихъ истинно шумановскаго отпечатка, публикѣ именно и нравится“. Прибавимъ сюда слова другого виднаго русскаго музыкальнаго дѣятеля, Ц. А. Кюи, мѣтко характеризующія особенности твореній Шумана. „Кто не восхищался его вдохновенными произведеніями, полными мыслей глубокихъ, сильныхъ, нѣжныхъ, веселыхъ, игривыхъ, капризныхъ, всегда выраженныхъ въ безупречныхъ формахъ, всегда индивидуальныхъ, задушевныхъ, искреннихъ?... Все рѣзкое, грубо-декоративное было противно деликатной, благородной натурѣ Шумана. У него было сильное чувство, была страсть, но онъ ихъ таилъ въ глубинѣ души и не проявлялъ внѣшне-неудержимыми порывами, которые одни только дѣйствуютъ на массы; онъ оберегалъ свой интимный міръ отъ прикосновенія съ пошлымъ и равнодушнымъ внѣшнимъ міромъ; поэтому мы всегда встрѣчаемъ у Шумана большую сдержанность въ выраженіи самыхъ сильныхъ чувствъ, которая, однако, не исключаетъ ни глубины, ни теплоты чувства“. Мы зайдемъ слишкомъ далеко, если начнемъ говорить о музыкѣ Шумана вообще, почему и обратимся къ его оперѣ.

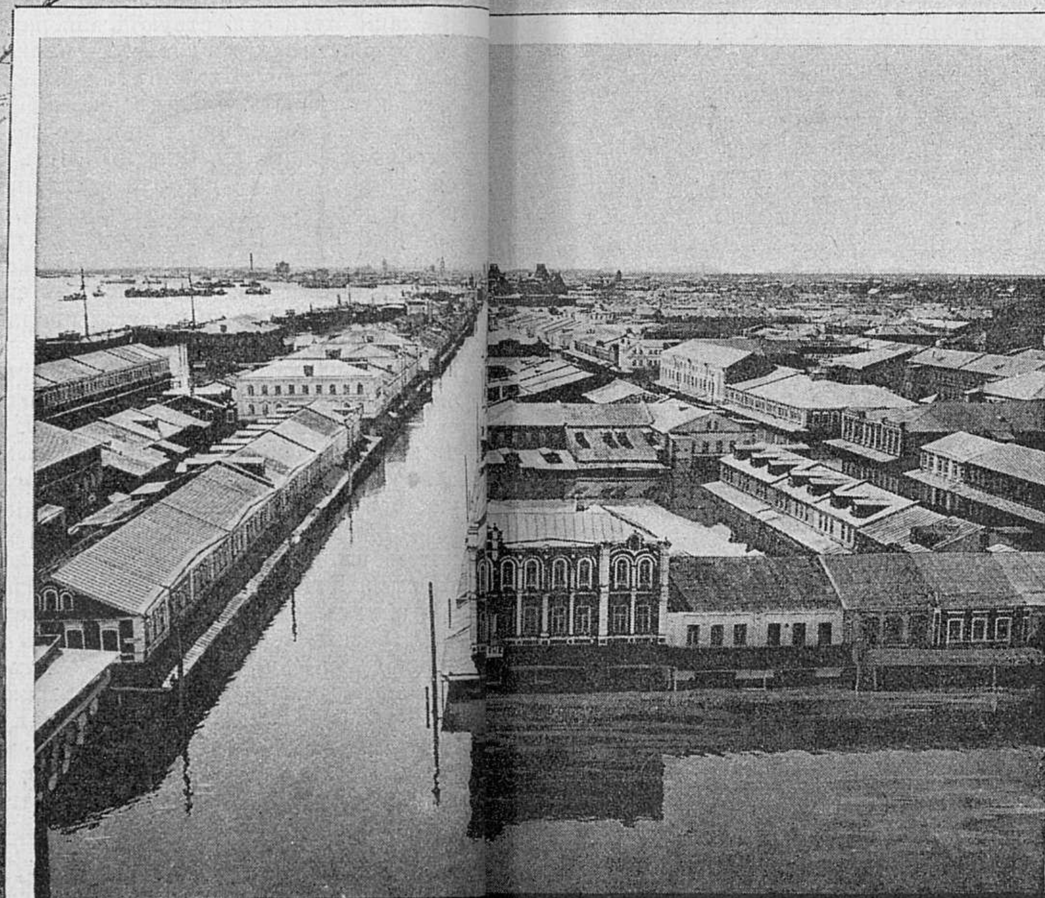
Шуманъ и Рейнеке составили либретто, съ серьезными достоинствами, по Тику и Геббелю, главные недостатки котораго составляютъ грубая сцена нахожденія слуги въ спальнѣ Геновефы и неправдоподобная развязка съ торжествомъ добродѣтели. Оперѣ предшествуетъ знаменитая увертюра—произведеніе совершенное, съ великолѣпнымъ вступленіемъ, съ красивыми первой и второй темами, съ замѣчательно энергичной, чисто шумановской, средней частью, гдѣ появляется въ первый разъ тема колдуньи Маргареты (e-a-h-c), мастерски разработанная, съ свѣтлымъ, ликующимъ заключеніемъ. Увертюра была исполнена оркестромъ графа А. Д. Шереметева такъ мило, съ такимъ увлеченіемъ и пониманіемъ, что заслужила шумное одобреніе публики, состоявшей на первомъ представленіи на половину изъ музыкантовъ. Въ первомъ дѣйствіи пфальцграфъ Зигфридъ от-

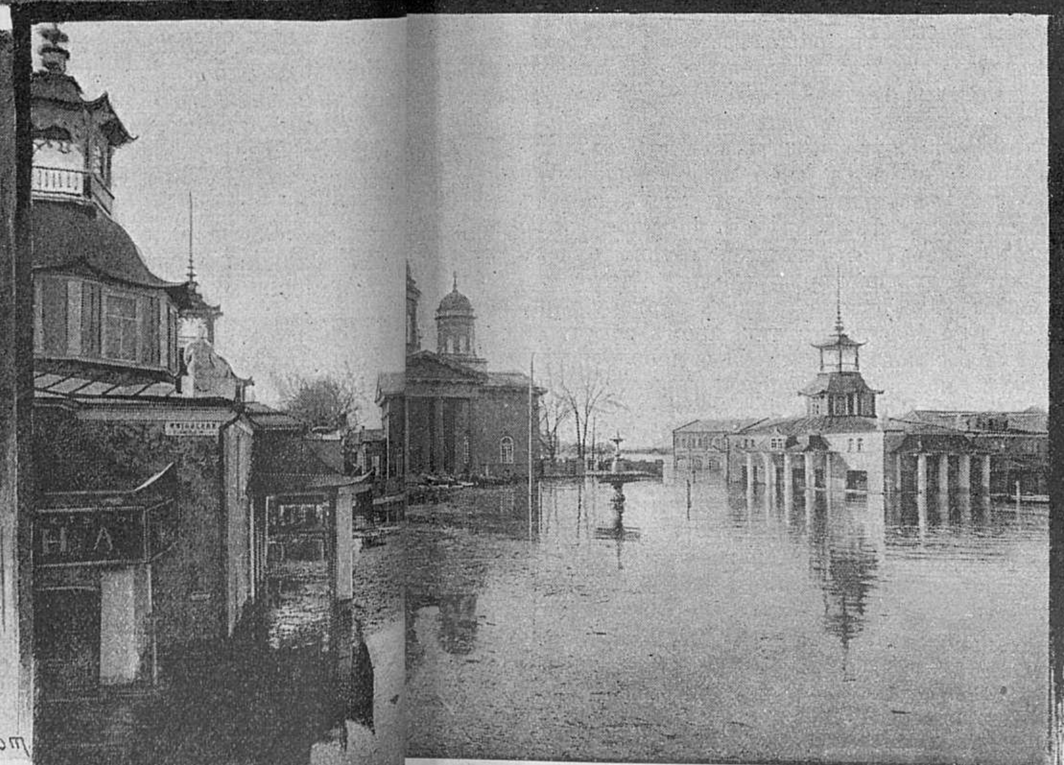

Татарская мечеть.
Главный ярмарочный домъ.

Товарные склады и ви… стараго собора.
Видъ К…го собора.

Нижегородская улица. Около Долговскихъ складовъ.
Китайскіе ряды.

Нижній-Новгородъ. — Ярмарочны…а во время разлива Волги и Оки.

Съ фотографій М. Дмитр…Новгородѣ. Автотипіи Эд. Гоппе.

правляется съ войскомъ въ походъ противъ мавровъ, оставляютъ свою жену Геновефу на попеченіе своего друга Голо; послѣдній, подобіе шекспировскаго Яго, влюбляется въ графиню и послѣ недолгой борьбы, подстрекаемый злой колдуньей Маргаретой, своей старой кормилицей, рѣшается овладѣть женой своего друга и покровителя. Музыка 1-го акта вся сплошь удачна, дѣйствіе интересно и вполнѣ сценично. № 1—красивый хоралъ „Erhebet Herz und Hände", прерываемый речитативомъ священника и возгласами хора: № 2 — поэтичная арія тенора Голо (Frieden zieh'in meine Brust) съ чисто мендельсоновской серединой; мы рекомендуемъ эту арію всѣмъ тенорамъ; она издана у Петерса для отдѣльнаго исполненія, также какъ и другія, ниже указанныя, аріи. № 3—дуэтъ Зигфрида и Геновефы (баритонъ и сопрано) блѣднѣе прочаго. № 5 — хоръ воиновъ „Auf in das Feld" — принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ страницамъ оперы. „Въ музыкѣ этого хора дѣйствительно слышится та стальная, безпощадная сила, которую Шуманъ, какъ никто, умѣлъ придавать звукамъ", говоритъ Ларошъ. Мы прибавимъ къ этому, что потрясающей красоты хоръ этотъ достигаетъ въ томъ мѣстѣ, когда, при умышленно-однообразной быстрой фигурѣ контрбасовъ, раздается широкая фраза сопранъ и альтовъ „Karl Martell, Karl Martell, tapf'rer Hammer". Хоръ кончается pianissimo, слѣдуетъ сцена Голо, который цѣлуетъ упавшую безъ чувствъ Геновефу, и № 7—большой дуэтъ Маргариты и Голо, служащій геніальнымъ финаломъ 1-го акта. Изъ этого дуэта можно выдѣлить для отдѣльнаго исполненія монологъ Маргареты „Sieh'da... welch'feiner Rittersmann!" Этотъ дуэтъ —капитальная оперная сцена, какихъ немного. Второе дѣйствіе. Геновефа одна скучаетъ —прелестная аріэтта „O weh des Scheidens, das er that!" стоитъ наряду съ лучшими романсами Шумана. Какъ рѣзкій контрастъ съ идеальной личностью героини—хоръ прислуги, циничной, подлой, нагло веселящейся, затѣмъ речитативы: графиня проситъ Голо, явившагося къ ней за приказаніями, спѣть съ нею старую пѣсенку; „wenn ich ein Vöglein wär" — раздается задумчивая пѣсня съ акомпаниментомъ, подражающимъ цитрѣ, и переходитъ въ стремительное Allegro, когда обезумѣвшій отъ страсти Голо кидается на колѣни, умоляетъ о любви, обнимаетъ свою повелительницу; она отталкиваетъ его и спасается, бросая ему оскорбленіе „Zurück, ehrloser Bastard!" Здѣсь слѣдуетъ геніальная страница, гдѣ Голо, терзаемый нераздѣленной страстью и полученной обидой, клянется отмстить Геновефѣ. Случай представляется; сейчасъ же входитъ вѣрный слуга Драго. Голо уговариваетъ его спрятаться въ спальнѣ графини, чтобы наблюдать за ея мнимой измѣной мужу. Маргарета одобряетъ этотъ гнусный планъ. Музыка этой сцены очень удачна, но въ діалогѣ Драго и Голо хотѣлось бы сдѣлать сокращеніе. Геновефа остается одна, поетъ красивую молитву, затѣмъ опять великолѣпный финалъ—челядь, наученная Голо (Knechte und Mägde) врывается къ своей госпожѣ, находитъ Драго, убиваетъ его сейчасъ же и Геновефу съ дикими криками отправляютъ въ тюрьму, какъ уличенную въ преступномъ чувствѣ къ своему слугѣ. Эту сцену Ларошъ справедливо называетъ пятномъ драмы Геббеля, который не придумалъ болѣе достойнаго и изящнаго способа завязать узелъ интриги. Музыка этой сцены течетъ быстрой волной, непринужденно, подъ конецъ стремительно—начиная со словъ „Zum Thurm mit ihr!" и представляетъ характерное шумановское Allegro.

Въ третьемъ дѣйствіи Зигфридъ, на пути домой, въ гостинницѣ въ Страсбургѣ, весело говоритъ о своемъ возвращеніи, мечтаетъ о встрѣчѣ съ дорогой женой, какъ является Голо съ извѣстіемъ о мнимой измѣнѣ Геновефы; пораженный Зигфридъ идетъ съ нимъ къ колдуньѣ Маргаретѣ, которая въ волшебномъ зеркалѣ показываетъ имъ три картины, гдѣ Драго обнимаетъ Геновефу. Зигфридъ въ бѣшенствѣ разбиваетъ зеркало и убѣгаетъ. Призракъ убитаго Драго появляется Маргаретѣ, повелѣваетъ ей догнать Зигфрида и открыть ему правду, угрожая въ случаѣ неповиновенія смертью въ огнѣ. Старуха въ ужасѣ повинуется. Размѣры нашей замѣтки не позволяютъ намъ говорить о красотахъ этого дѣйствія (двухъ картинъ); здѣсь Шуманъ паритъ на высотѣ своихъ лучшихъ твореній; особенной выразительностью и красотой отличаются пріѣздъ Голо—его приближеніе—и начало дуэта съ Зигфридомъ, монологъ колдуньи „Ich sah ein Kind im Traum" и сцена съ призракомъ. Слѣдуя нашему намѣренію давать читателю практическіе совѣты, скажемъ, кромѣ указанія на рѣдкую красоту всего дѣйствія, что можно исполнять отдѣльно дуэтъ Зигфрида и Маргареты „Nichts hält mich mehr!", что рыцарская пѣсня для баритона „Bald blick'ich dich wieder mein Heimathschloss", гдѣ фразы пѣвца—solo—чередуются съ бодрыми аккордами акомпанимента, гдѣ широкія пѣвучія фразы слѣдуютъ одна за другой—что пѣсня эта въ исполненіи хорошаго баритона производитъ рѣдкій блестящій эффектъ; вышеупомянутый монологъ колдуньи можно также исполнять отдѣльно, но лишь для истинныхъ цѣнителей этой геніальной музыки. Дуэттино сопрано и альта „Abendlüfte kühlend weh'n" принадлежитъ къ граціознѣйшимъ произведеніямъ этого рода и давно должно сдѣлаться популярнымъ не менѣе общеизвѣстныхъ дуэтовъ Мендельсона. Заключительныя страницы (3/4, sehr lebhaft) были исполнены нечисто, неритмично, съ купюрой, почему не были поняты въ Михайловскомъ театрѣ. Съ этой сценой прекращается главный интересъ оперы и наступаетъ скука—и въ музыкальномъ, и въ сценическомъ отношеніи. Геновефу уводятъ въ дикую чащу лѣса, гдѣ Голо еще разъ напрасно пытается склонить ее къ взаимности; героиня приготовляется уже къ казни, какъ вдругъ раздаются трубные звуки возвращающагося Зигфрида, и все кончается радостно по либретто — съ торжественной процессіей и даже съ танцами дѣвушекъ, что было, однако, выпущено у насъ на сценѣ. Смерть Геновефы, отчаяніе и ярость обманутаго Зигфрида и казнь слугъ и Голо удержали бы вдохновеніе Шумана на прежней высотѣ и соотвѣтствовали бы ходу драмы въ трехъ первыхъ дѣйствіяхъ. Мы должны сказать, что и въ послѣднемъ актѣ есть интересная музыка—таково начало дѣйствія, до большой аріи Геновефы „Die letzte Hoffnug schwindet", красивое дуэтино Зигфрида и Геновефы „O lass es ruh'n dein Aug'auf mir!", двойной хоръ № 20, въ которомъ повторяются фразы хорала 1-го акта, и наконецъ послѣдній хоръ „Siegfried Heil, dem tapf'ren Helden", если сдѣлать въ немъ большую купюру, дозволенную самимъ Шуманомъ. Особенно же скучны тѣ 22 страницы клавираусцуга, гдѣ Геновефа поетъ въ лѣсу одна, съ Голо и со слугами. Плачущая добродѣтель рѣдко кому удавалась, и въ этомъ отношеніи Геновефа напоминаетъ намъ св. Елисавету въ ораторіи Листа, гдѣ страданія героини часто выражены средствами довольно ординарными. Недостатки шумановской оркестровки слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ распространяться. Какое значеніе имѣетъ удачное распредѣленіе инструментовъ не только для музыкантовъ, но и для профановъ, которые безсознательно поражаются красотой звуковъ помимо цѣнности самой музыкальной мысли, понятно изъ вѣрнаго сравненія оркестровыхъ сочиненій съ произведеніями живописи, гдѣ употребленіе красокъ соотвѣтствуетъ выбору и группировкѣ инструментовъ. Поэтому переоркестровка Геновефы знатокомъ этого дѣла, конечно, въ предѣлахъ шумановскаго оркестра, была бы важнымъ шагомъ для популяризаціи геніальной оперы. Вспомнимъ, что Моцартъ переинструментовалъ, т. е. реставрировалъ, три ораторіи Генделя—Акиза и Галатею, Мессію и Праздникъ Александра—и что примѣры подобнаго рода въ исторіи музыки безчисленны. Мы вполнѣ увѣрены, что съ исправленной оркестровкой и съ обстановкой и средствами Маріинскаго театра „Геновефа" будетъ неузнаваема и займетъ въ репертуарѣ почетное и видное мѣсто, наравнѣ съ другими серьезными произведеніями, которые не сразу сдѣлались понятными и любимыми, и что „Геновефа", хотя бы по красотѣ гармоніи, имѣетъ болѣе правъ на расположеніе любителей музыки, чѣмъ также единственная опера другого нѣмецкаго геніальнаго музыканта - Бетховена.

В.

Изъ Харькова

(Корреспонденція „Всем. Иллюстраціи")

Изъ трехъ провинціальныхъ центровъ нашего юга Харьковъ при первой встрѣчѣ производитъ наиболѣе неблагопріятное впечатлѣніе. Если вы знакомитесь съ нимъ лѣтомъ, васъ поражаетъ вѣчная удушливость, столбомъ стоящая пыль, мучительная и для привычнаго обывателя; если вы знакомитесь съ Харьковомъ весной и осенью—вы поражаетесь грязью, которая, благодаря невозможной даже на главныхъ улицахъ мостовой, по долго застаивается, а во всякое время года васъ поразитъ атмосфера, сильно пропитанная запахомъ конскаго навоза. Громадный степной городъ, расположившійся на возвышенностяхъ и берегахъ трехъ жалкихъ рѣченокъ, производитъ и своими архитектурными достопримѣчательностями довольно безотрадное впечатлѣніе. Особенно древнихъ зданій вы здѣсь не найдете, городъ самъ вѣдь молодъ, все сравнительно недавнее, но неизящное и неудобное. Отдаленнымъ угломъ Москвы вѣетъ отъ этихъ зданій. Рѣчки не только не украшаютъ города, но положительно вредятъ ему, въ лѣтнее время заражая воздухъ, а весной грозя наводненіями.

Если вы ко всему этому прибавите массу неудобствъ квартиръ, плохое освѣщеніе (до послѣдняго времени) города, дороговизну жизни — вы удивитесь, если я скажу вамъ, что этотъ, столь обиженный судьбой городъ, очень дорогъ не только мѣстному старожилу, но и заѣзжему чиновнику и становится съ теченіемъ времени его второй родиной, чего нельзя сказать о временныхъ жителяхъ Кіева или Одессы.

Но, отнесясь со вниманіемъ къ харьковской общественной жизни, въ ней вы найдете объясненіе этого, на первый взглядъ страннаго, явленія. Упомянемъ, напр., что ни въ одномъ провинціальномъ городѣ нѣтъ такого стеченія учащейся молодежи, какъ въ Харьковѣ. Университетъ, технологическій институтъ, ветеринарный институтъ, нѣсколько гимназій, коммерческое училище, земледѣльческое училище, училище для слѣпыхъ и много другихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній доставляютъ городу такой большой процентъ учащейся молодежи, какого не имѣетъ ни Кіевъ, ни Одесса. А молодежь, что ни говорите, все же является самымъ свѣжимъ, самымъ неиспорченнымъ жизнью элементомъ. И эта молодежь, надо отдать ей полную справедливость, очень симпатична. Сошлюсь не на свои наблюденія, могущія показаться пристрастными, а на тѣ впечатлѣнія, которыя вынесъ изъ Харькова нашъ, недавно пріѣзжавшій сюда для чтенія публичныхъ лекцій, П. И. Вейнбергъ. Лекціи эти были прослушаны въ прошломъ и этомъ году (на пятой недѣлѣ поста) массой публики, среди которой молодежь навѣрно составляла пятую часть, тогда какъ въ Кіевѣ и Одессѣ при такомъ же стеченіи публики учащихся было, говорятъ, очень немного. Надо было видѣть энтузіазмъ, возбужденный какъ лекціей, такъ и чтеніемъ стихотвореній г. Вейнберга, чтобы оцѣнить хорошія стороны харьковской молодежи. Не трудно возбуждать въ ней „добрыя чувства" лирой и быть полезнымъ „прелестію стиховъ".

Значительная доля заслуги въ дѣлѣ воспитанія молодежи принадлежитъ тѣмъ хорошимъ традиціямъ, которыя доселѣ культивируетъ здѣшній университетъ. Созданный усиліями общества, давно ставшій популярнымъ и любимымъ, университетъ, ютящійся въ тѣсномъ, бѣдномъ и неудобномъ помѣщеніи, бодро раздѣляетъ съ обществомъ его труды въ области просвѣщенія. Если вы откроете прекрасный адресъ-календарь г. Харькова и заглянете въ рубрику просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій Харькова, то вездѣ среди самыхъ дѣятельныхъ членовъ вы найдете профессоровъ. Нѣкоторыя изъ такихъ учрежденій исключительно обязаны своимъ происхожденіемъ усиліямъ преподавателей университета и поддерживаются ихъ личнымъ трудомъ, умѣлымъ подборомъ сотрудниковъ, матеріальной поддержкой съ публичныхъ чтеній. Эта масса времени, дароваго труда, на пользу человѣчеству ничѣмъ въ сущности не вознаграждается. Петербуржецъ и москвичъ, работающіе въ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществахъ, могутъ питать (и всегда питаютъ) надежду, что имъ легко будетъ завязать знакомства, заручиться протекціей, сплавлять вмѣстѣ съ общественнымъ благомъ и свое собственное. Они сдѣлаются извѣстными, и, если ихъ накажутъ за строптивость, то найдутся покровители и покровительницы, которымъ не трудно будетъ вознаградить ихъ протори и убытки. Петербуржецъ можетъ благотворя сдѣлать карьеру, харьковецъ ничего не пріобрѣтетъ, кромѣ репутаціи безпокойнаго человѣка и мѣстной, довольно платонической по послѣдствіямъ, популярности. Тѣмъ не менѣе общества благотворительныя и просвѣтительныя развиваются и размножаются. Небольшой кружокъ интеллигенціи несетъ свой подвигъ ровно и дружно, и этимъ объясняется тайна существованія многихъ обществъ. Меценатовъ въ Харьковѣ нѣтъ; купцы далеки отъ идеаловъ московскаго торговаго сословія—всякое благотворительное предпріятіе зиждется на общественной помощи. Кряхтя, но не жалуясь, несутъ харьковцы свои тягости. Поддержка просвѣщенныхъ начальниковъ губерніи, въ особенности же нынѣшняго, гофмейстера Тобизена, способствуетъ дальнѣйшему развитію и росту учрежденій, не опирающихся на исключительную помощь отдѣльныхъ личностей.

Такой же характеръ самостоятельности имѣютъ и другія учрежденія Харькова. Обратимся къ театрамъ. И оперный, и драматическій театры не получаютъ никакой субсидіи отъ города, не

имѣютъ никакихъ льготъ, уступокъ и преимуществъ и тѣмъ не менѣе вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ опера находится подъ руководствомъ талантливаго музыканта г. Эспозито. Музыкальная сторона поставлена у него очень хорошо, и оркестръ сдѣлался въ рукахъ дирижера вполнѣ удовлетворяющимъ своему назначенію. Декоративная сторона не оставляетъ желать ничего. Слабѣе хоръ и балетъ; первый, за скудостью средствъ, долженъ довольствоваться случайными предложеніями; хористы и хористки поютъ иногда лишь за неимѣніемъ другого хлѣбнаго занятія и часто мѣняются. Балетъ требуетъ такихъ затратъ, какихъ провинція не можетъ дать. Драматическій театръ въ нынѣшнемъ году стоялъ, можно смѣло сказать, на уровнѣ высокомъ. Онъ съ боя взялъ симпатію публики, которая предпочитала оперу драмѣ, завоевалъ публику умѣлымъ выборомъ пьесъ, дружною и ровною игрою актеровъ. Среди нихъ были силы молодыя, полныя любви къ искусству, серіозно относящіяся къ своему призванію. Были, конечно, и слабыя стороны, напримѣръ, неумѣренная погоня за новинками, иногда плохими, чрезмѣрное разнообразіе репертуара, режиссерскіе недочеты, но все это искупалось искренней любовью къ дѣлу молодой труппы. Можно лишь желать, чтобы она осталась и въ слѣдующемъ году.

Поговоривъ о главнѣйшихъ явленіяхъ нашей жизни, я долженъ пополнить свои замѣчанія сообщеніемъ о періодической печати Харькова. Кромѣ нѣсколькихъ спеціальныхъ изданій, городъ съ 200.000 жителей имѣетъ всего двѣ газеты. Одна — оффиціальная — „Харьковскія Вѣдомости", вполнѣ удивлетворительно редактируемая, отзывчивая на важнѣйшія злобы дня, давно уже издаваемая въ умѣренно-либеральномъ направленіи. Другая — консервативная газета „Южный Край", со стороны репортерской хорошо обставленная, но не имѣющая ни послѣдовательности направленія, ни хотя бы условной корректности пріемовъ. Газета даетъ отъ времени до времени и иллюстраціи — портреты современныхъ дѣятелей. Въ общемъ, надо признать, судьба харьковскаго читателя (не только его, но и читателя сосѣднихъ губерній) весьма печальна: онъ долженъ выбирать между органомъ полуоффиціальнымъ и такимъ, который неспособенъ надолго закрѣпить его симпатій (вслѣдствіе оппортунистическихъ колебаній); ему приходится обращаться къ столичнымъ газетамъ, которыя все же ему далеки. Не подлежитъ сомнѣнію, что третья газета въ Харьковѣ имѣла бы большой успѣхъ, при условіи, конечно, хорошей постановки дѣла. Пусть подумаютъ объ этомъ жизнерадостные обитатели трехъ рѣкъ: Харькова, Нетечи и Лопани.

Линцей

А. Б. Фохтъ

Въ началѣ марта исполнилось двадцатипятилѣтіе ученой и служебной дѣятельности одного изъ нашихъ выдающихся медицинскихъ дѣятелей Александра Богдановича Фохта, профессора московскаго университета по каѳедрѣ общей патологіи и директора патологическаго института. Его четвертьвѣковое служеніе русской медицинской наукѣ ознаменовалось дѣятельностью довольно многосторонней, выпадающей на долю не многихъ, въ которой, главнымъ образомъ, обращаютъ на себя труды почтеннаго профессора по организаціи спеціальнаго учрежденія, посвященнаго практической разработкѣ вопросовъ общей патологіи. Неутомимой энергіей А. Б. Фохта устроенъ, отлично обставленный, институтъ общей патологіи, имѣющій всѣ необходимые аппараты и приспособленія, благодаря чему явилась полная возможность не только демонстрировать самые сложные опыты на лекціяхъ, но и производить спеціальныя научныя изслѣдованія. Институтъ этотъ существуетъ уже шесть лѣтъ и своимъ прекраснымъ состояніемъ обязанъ, конечно, своему директору. Профессору Фохту въ настоящее время около 50 лѣтъ. Онъ москвичъ родомъ и въ Москвѣ же получилъ свое образованіе: среднее—въ 1-й гимназіи и высшее на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета, курсъ котораго окончилъ съ отличіемъ въ 1870 году. Оставленный затѣмъ при университетѣ ассистентомъ профессора патологической анатоміи И. Ѳ. Клейна, А. Б. Фохтъ съ рѣдкимъ усердіемъ сталъ изучать патологію, столь его интересовавшую. Эти занятія не мѣшали ему работать одновременно и въ дѣтской больницѣ, гдѣ онъ руководилъ занятіями врачей въ лабораторіи, устроенной при ней. Въ 1873 году онъ представилъ, въ качествѣ диссертаціи, очень солидную работу свою „О перепончатой дизменнорреѣ", которую факультетъ призналъ цѣннымъ вкладомъ въ медицинскую литературу и по строгой тщательной обработкѣ, и по освѣщенію предмета изслѣдованія диссертанта. Получивъ за нее степень доктора медицины въ 1874 году, А. Б. Фохтъ былъ назначенъ доцентомъ патологической анатоміи въ своей „alma mater" и до 1880 года читалъ лекціи. Руководя занятіями врачей, молодой доцентъ уже и тогда обратилъ, впервые въ Москвѣ, вниманіе на примѣненіе къ рѣшенію патологическихъ вопросовъ опытнаго метода. Еще съ большей силой это стремленіе его проявилось въ 1880 году, когда А. Б. Фохтъ началъ чтеніе курса общей патологіи въ университетѣ, занявъ каѳедру А. И. Полунина, вышедшаго въ отставку. Преподаваніе общей патологіи профессоръ Фохтъ поставилъ на совершенно иныхъ, несравненно болѣе раціональныхъ, началахъ, чѣмъ это было до него. Еще работая за границей и усвоивъ себѣ строгіе взгляды на этотъ предметъ и методъ извѣстнаго нѣмецкаго патолога Конгейма, А. Б. Фохтъ задался цѣлью перенести и на отечественную почву, по возможности, то, что онъ встрѣтилъ за границей по своей спеціальности, и завѣтную цѣль свою преслѣдовалъ съ чисто нѣмецкой настойчивостью и терпѣніемъ, свойственными тевтонскому племени. Сперва профессоръ Фохтъ пользовался помѣщеніемъ и средствами физіологическаго института, а потомъ небольшой лабораторіей для вивисекцій, устроенной при хирургической клиникѣ. Несмотря на то, что лабораторія общей патологіи находилась въ такихъ стѣснительныхъ условіяхъ около десяти лѣтъ, несмотря на недостатокъ средствъ, дѣла шли на столько успѣшно, что въ результатѣ явилось достаточное число работъ, идея и направленіе которыхъ были живымъ и полнымъ отраженіемъ стремленій А. Б. Фохта. Наконецъ, въ 1891 году, въ новыхъ клиникахъ былъ устроенъ институтъ общей патологіи по послѣднему слову науки, и профессоръ Фохтъ, назначенный директоромъ этого института, получилъ возможность расширить гораздо значительнѣе свою дѣятельность, которая принесла прекрасные плоды уже и теперь и обѣщаетъ быть еще болѣе плодотворной въ близкомъ будущемъ.

А. Н. Труворовъ †

Въ лицѣ скончавшагося въ С.-Петербургѣ, 30-го марта, директора археологическаго института, тайнаго совѣтника Асклона Николаевича Труворова, отечественная наука понесла большую утрату; она потеряла въ немъ дѣятеля, много потрудившагося въ области археографіи и по изслѣдованію русской старины, отличавшагося замѣчательной энергіей и неутомимостью, а также и полной самостоятельностью въ оцѣнкѣ памятниковъ отечественной исторіи. При Труворовѣ археологическій институтъ обогатился многими новыми каѳедрами, число слушателей значительно увеличилось, чтеніе лекцій стало примѣняться къ практическимъ потребностямъ русской археографіи, причемъ на изученіе памятниковъ русской старины обращалось особенное вниманіе. Какъ человѣкъ, онъ отличался доброжелательствомъ и товарищескимъ отношеніемъ къ своимъ въ послѣднее время многочисленнымъ ученикамъ. Кромѣ того онъ былъ всегда интереснымъ собесѣдникомъ, располагавшимъ богатѣйшимъ запасомъ разнаго рода историческихъ фактовъ, случаевъ и приключеній и умѣвшимъ мастерски передавать ихъ. Научно-литературные труды А. Н. Труворова довольно многочисленны, и одно перечисленіе ихъ заняло бы слишкомъ много мѣста, а потому упомянемъ только нѣкоторые, наиболѣе интересные. Это — „Какъ легко ошибиться при производствѣ слѣдствія", „Былое изъ пугачевщины", „О саняхъ, употреблявшихся при погребеніи русскихъ великихъ князей, царей и царицъ", „Волхвы и ворожеи на Руси въ концѣ XVII вѣка", „О времени учрежденія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ", „Аламы" и другіе, напечатанные въ разное время въ „Историческомъ Вѣстникѣ", „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній", „Русскомъ Архивѣ", „Русской Старинѣ" и „Вѣстникѣ археологіи и исторіи". Отдѣльно изданы слѣдующіе капитальные юридическіе и археографическіе труды А. Н. Труворова: I, IV, V и VII томы „Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія", „Указатель лѣтописи по ипатьевскому списку", указатели къ первымъ десяти томамъ „Дополненій къ актамъ историческимъ", V томъ „Русской исторической библіотеки" и четыре тома „Розыскныхъ дѣлъ о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ" и мног. друг.

Асклонъ Николаевичъ Труворовъ родился въ мартѣ 1819 года въ селѣ Никольскомъ, кузнецкаго уѣзда, саратовской губерніи, и образованіемъ обязанъ исключительно самому себѣ, своей выходящей изъ ряда энергіи и смѣлой волѣ. По словамъ его автобіографической записки, помѣщенной въ альбомѣ М. И. Семевскаго, „Знакомые", онъ „не обучался ни въ одномъ учебномъ казенномъ заведеніи и ни въ одной изъ частныхъ школъ и достигъ образованія самоучкой". Уже взрослымъ человѣкомъ, проживая въ Москвѣ, онъ пристрастился къ живописи и сталъ посѣщать московскій художественный классъ — нынѣ училище живописи и ваянія. 24-го марта 1843 г. онъ былъ назначенъ въ кузнецкое уѣздное училище исправляющимъ должность учителемъ рисованія и черченія, затѣмъ въ 1847 г. выдержалъ въ казанскомъ университетѣ экзаменъ на званіе учителя русскаго языка и сталъ преподавать этотъ предметъ въ сердобскомъ уѣзномъ училищѣ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ А. Н. Труворовъ оставилъ педагогическую дѣятельность и поступилъ на службу по судебному вѣдомству. Сердобское дворянство избрало въ 1855 году покойнаго въ засѣдатели мѣстнаго уѣзднаго суда, и онъ въ теченіе трехъ лѣтъ исправлялъ должность уѣзднаго судьи. Эта служба обстоятельно познакомила Асклона Николаевича съ дореформеннымъ судопроизводствомъ и оказала ему большую услугу впослѣдствіи, при изданіи перваго уцѣлѣвшаго въ старинной письменности политическаго процесса о злоумышленіяхъ окольничьяго и начальника стрѣлецкаго приказа Ѳедора Шакловитаго съ сообщниками. Та же служба сблизила Труворова съ Н. В. Калачовымъ, который поощрялъ молодого учителя и судью къ юридическимъ и литературнымъ занятіямъ. Покойный написалъ изъ Сердобска рядъ корреспонденцій въ „Московскія Вѣдомости" и составилъ описаніе „Свадебныхъ обрядовъ крестьянъ сердобскаго уѣзда". Статья эта была напечатана въ „Архивѣ" Калачова. Такимъ образомъ, прирожденная склонность къ собиранію археологическихъ рѣдкостей сдѣлала свое дѣло и взяла свое. Отмѣченный начальствомъ, какъ любитель археологическихъ рѣдкостей, А. Н. Труворовъ въ 1858 году былъ опредѣленъ чиновникомъ археографической коммиссіи и, переѣхавъ въ Петербургъ, сдѣлался однимъ изъ ея ревностныхъ сотрудниковъ. Въ 1865 году извѣстный своей дѣятельностью по народному просвѣщенію, графъ Д. А. Толстой пригласилъ его въ члены Высочайше утвержденной коммиссіи для приведенія въ ясность и порядокъ дѣлъ синодальнаго архива. Въ 1870 году А. Н. Труворовъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ археологической коммиссіи, а археологическій институтъ избралъ его своимъ почетнымъ членомъ. Дальнѣйшая служба А. Н. Труворова проходила сначала по министерству народнаго просвѣщенія, затѣмъ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Когда, въ 1891 г., скончался директоръ археологическаго института И. Е. Андреевскій, совѣтъ института избралъ А. Н. Труворова закрытой баллотировкой на эту должность.

Да такъ вѣдь карты говорятъ!

Къ картинѣ Фр. Мартина

Кладутся карты ручкой нѣжной
И образуютъ пестрый кругъ;
За ходомъ ихъ слѣдятъ прилежно
Живые взоры трехъ подругъ.
Въ головкахъ ихъ идетъ работа:
Всѣ глазъ не сводятъ со стола.
Бубновой дамѣ — вотъ забота! —
Тоска вдругъ на сердце легла.
О, трефъ король — женихъ съ значеньемъ!
Вдовецъ онъ, знатенъ и богатъ!..
— Ну, это подъ большимъ сомнѣньемъ!
— Да такъ вѣдь карты говорятъ!
Смотрите: изъ дороги дальней
Король бубенъ — онъ холостой —
Съ какой-то думою печальной
Спѣшитъ скорѣй къ себѣ домой.
Вотъ съ дамой скорое свиданье —
Союзъ двухъ любящихъ сердецъ.
Тутъ исполненіе желанья:
Король готовитъ ей вѣнецъ.
Томился онъ, вдали тоскуя,
Но устраненъ препятствій рядъ...
— Э, полно! Слушать не хочу я!..
— Да такъ вѣдь карты говорятъ!

Александра Линдегренъ

Иностранные художники. — Объ этомъ карты говорятъ! Картина Фр. Мартина.

Гравировалъ І. Веберъ въ Лейпцигѣ.

В. Ѳ. СНЕГИРЕВЪ,
профессоръ, гинекологъ.

Съ фотографіи К. А. Фишера. Гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.

А. Б. ФОХТЪ, профессоръ,
директоръ патологическаго института въ Москвѣ.

Съ фотографіи И. Дьяговченко. Гравировалъ Б. А. Пуцъ.

По поводу двадцатипятилѣтія учено-служебной дѣятельности.

В. Ѳ. Снегиревъ

Не такъ давно въ Москвѣ съ большимъ торжествомъ происходило чествованіе нашего извѣстнаго гинеколога, профессора Владиміра Ѳедоровича Снегирева, по случаю исполнившагося въ мартѣ двадцатипятилѣтія его профессорской дѣятельности. Въ медицинскомъ мірѣ профессоръ Снегиревъ считается однимъ изъ видныхъ нашихъ спеціалистовъ въ области гинекологіи и выдающимся клиницистомъ; кромѣ того, онъ замѣчательный преподаватель. Въ нашей первопрестольной столицѣ онъ пріобрѣлъ, какъ врачъ по женскимъ болѣзнямъ, большую популярность. За четверть вѣка своей дѣятельности онъ произвелъ тысячу слишкомъ чревосѣченій, и въ Москвѣ едва ли найдется такая больница, въ которой неутомимому профессору не приходилось бы или работать или быть консультантомъ. Энергичными стараніями В. Ѳ. Снегирева въ Москвѣ созданы: оперативная комната имени Шелапутина для чревосѣченій при гинекологическомъ отдѣленіи басманной больницы, гинекологическая клиника, возникшая на средства Т. С. Морозова, и, наконецъ, открытый недавно, гинекологическій институтъ для врачей, покуда первый не только у насъ, но и въ цѣлой Европѣ, въ которомъ, равно какъ и въ морозовской клиникѣ, профессоръ Снегиревъ состоитъ директоромъ. Онъ поистинѣ неутомимъ въ своей дѣятельности. Такъ, во время лѣтнихъ вакацій почтенный профессоръ уже многіе годы трудится въ земской лечебницѣ близь города Алексина, тульской губерніи, при которой, благодаря ему же, открыты два барака—имени Шелапутина и Снегирева. Эта земская дѣятельность его развилась нынѣ на столько, что лѣтомъ въ названной мѣстности работаетъ уже не одинъ В. Ѳ. Снегиревъ, но и нѣсколько другихъ профессоровъ и студенты. Какъ человѣкъ науки, онъ обогатилъ послѣднюю солидными работами, и одна изъ его книгъ, посвященная изслѣдованію тяжелой женской болѣзни, выдержала два изданія и переведена на иностранные языки; это сочиненіе служитъ настольной книгой каждому земскому врачу. Въ женской патологіи и особенно въ хирургической гинекологіи врядъ ли есть такой вопросъ, которымъ бы не поинтересовался въ большей или меньшей степени, В. Ѳ. Снегиревъ. Нерѣдко имъ были предлагаемы вполнѣ самостоятельные своеобразные методы леченія, въ терапіи и въ хирургіи, какъ, напримѣръ, примѣненіе пара. До профессора Снегирева преподаваніе женскихъ болѣзней являлось при каѳедрѣ акушерства, какъ бы добавленіемъ къ курсу акушерства, теперь этотъ предметъ составляетъ отдѣльную, самостоятельную каѳедру—единственный примѣръ въ цѣлой Европѣ. Подобное раздѣленіе двухъ каѳедръ произошло лишь въ силу личныхъ дарованій В. Ѳ. Снегирева,—добавимъ ко всему—прекраснаго преподавателя, умѣющаго пріохотить своихъ слушателей къ труду и самостоятельной работѣ.

Происходя изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, Владиміръ Ѳедоровичъ Снегиревъ родился въ 1847 г. и, оставшись на четвертомъ году круглымъ сиротой, былъ восьми лѣтъ помѣщенъ въ малолѣтнее отдѣленіе Николаевскаго сиротскаго дома. Затѣмъ около двухъ мѣсяцевъ онъ пробылъ въ 1-й московской гимназіи и отсюда, какъ казенный воспитанникъ, былъ помѣщенъ въ крон-

А. Н. ТРУВОРОВЪ, директоръ
археологическаго института, † 30-го марта с. г.

Съ фотографіи А. Семененко. Гравировалъ Б. А. Пуцъ.

А. А. РЮЛЬМАНЪ,
петербургскій врачъ, † 3-го апрѣля с. г.

Съ фотографіи Д. С. Здобнова. Гравировалъ Ю. П. Мультановскій.

штадтское штурманское училище. Въ 1864 году, еще не окончивъ здѣсь курса, онъ выдержалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости при первой московской гимназіи и на слѣдующій годъ поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета. Окончивъ въ 1870 г. курсъ лекаремъ и съ отличіемъ, онъ выдержалъ въ слѣдующемъ году экзаменъ на степень доктора. Одновременно онъ служилъ въ чернорабочемъ отдѣленіи Старо-Екатерининской больницы помощникомъ прозектора, а потомъ былъ прозекторомъ въ Яузской больницѣ. Защитивъ въ 1873 г. диссертацію на тему о „haematocele", В. Ѳ. Снегиревъ назначенъ былъ въ слѣдующемъ году доцентомъ московскаго университета по каѳедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Спустя десять лѣтъ, онъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ, а въ нынѣшнемъ году ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ.

Разливъ Волги въ Нижнемъ

Какъ только начинаютъ весною таять снѣга и сползать безчисленными ручьями по высокимъ берегамъ Волги въ ея просторное русло, великая рѣка тотчасъ вздымается, будто испуская первый вздохъ пробужденія отъ зимней спячки. Быстро день за днемъ идетъ подъемъ уровня водъ; наконецъ оковы, сдерживавшія рѣку, ломаются, ледъ трогается. Рѣка на мгновеніе быстро понижаетъ свой уровень, но только на мгновеніе; вслѣдъ за тѣмъ начинается быстрый и крутой подъемъ, часто по 5, 6, 7 четвертей въ сутки. Вода быстро достигаетъ гребня низменнаго берега и, перейдя за него, плавно заливаетъ безконечныя равнины, стелющіяся по этому побережью. Даже въ верхнемъ теченіи, напримѣръ, подъ Рыбинскомъ, вода часто образуетъ пойму въ 10—15 верстъ ширины, а ниже, за Самарою, у Саратова, ширина разлива доходитъ до 40—50 верстъ. Верстъ на 20 повыше Царицына Волга отдѣляетъ отъ себя широкій рукавъ, Ахтубу, который затѣмъ и идетъ рядомъ съ коренною рѣкою до самаго Каспійскаго моря, держась отъ нея въ 15—60 верстахъ. Весною Ахтуба сливается съ Волгою, образуя озеро, поверхность котораго никакъ не меньше площадей Ладожскаго и Онежскаго озеръ, вмѣстѣ взятыхъ. Подъемъ вешнихъ водъ въ Волгѣ, случается, доходитъ до восьми саженъ, а 5—6 саженъ—заурядная высота разлива. Можно себѣ представить, что творится въ это время въ Нижнемъ, стоящемъ въ точкѣ сліянія двухъ громадныхъ рѣкъ Волги и Оки! Самый городъ расположенъ на горѣ въ 50 саженъ высоты, и до него, конечно, не хватитъ никакой разливъ, если онъ не приметъ размѣровъ свѣтопреставленія. Но заокская сторона, та самая, гдѣ располагается ярмарка и гдѣ теперь высятся зданія всероссійской художественно-промышленной выставки, превращается въ сплошное озеро; прозаическое торжище, Кунавино, обращается въ поэтическую Венецію. Ярмарочная сторона возвышается надъ меженнымъ уровнемъ не болѣе какъ саженъ на пять, и потому пойма здѣсь беретъ свое почти ежегодно; иногда озеро, внезапно поглощающее ярмарку, доходитъ до двухъ саженъ глубины. Ярмарочная сторона сплошь и густо застроена. Кромѣ безконечныхъ рядовъ лавокъ, образующихъ цѣлыя улицы, чрезвычайно густо населенныя, такъ какъ лавки перемежаются съ безчисленными гостинницами и номерами, на этой сторонѣ выстроены церкви, полицейскія каланчи, театры; здѣсь же находится и вокзалъ московско-нижегородской желѣзной дороги. Все это теперь, во время разлива, поднимается прямо изъ воды, окружено и опоясано ею со всѣхъ сторонъ. Стоитъ въ это время подняться на „гребешокъ", т. е. на вѣнецъ горы, на которой расположенъ городъ, оттуда открывается рѣдкостное зрѣлище. Налѣво вы увидите передъ собою затопленную ярмарку съ прекраснымъ соборомъ на переднемъ планѣ, массивный силуетъ котораго отражается въ волжской водѣ. Вокругъ собора торчатъ изъ воды корпуса, а иногда чуть не однѣ только крыши лавокъ, амбаровъ, домовъ. Взгляните прямо впередъ, за Волгу: передъ вами все то же безконечное море воды, изъ котораго поднимается бѣлый храмъ большого села, Бора, лежащаго противъ Нижняго, на томъ берегу... Дней черезъ пять — семь вода начинаетъ сбывать, наконецъ, понижается за уровезь гребня низменнаго берега, понемногу входитъ въ межень. Начинаютъ обнаруживаться злополучныя заблудившіяся баржи, расшивы, даже пароходы, слишкомъ храбро ломившіе впередъ по этому коварному раздолью водъ. Случай заносилъ ихъ на слишкомъ мелкое мѣсто, они застрявали, и, прежде чѣмъ успѣвала подоспѣть помощь, вода уже въ такой мѣрѣ сбывала, что нельзя было и подумать сняться съ мѣста. Судно плотно всасывалось въ тягучій илъ и песокъ, вода изъ-подъ него уходила, и оно позорно „обсыхало", какъ выражаются волгари.

У Кунавина есть своя легенда. Названіе этого мѣстечка произошло, говорятъ, будто бы отъ слова „куны" (куницы?)—такъ назывались деньги, которыя платили за перевозъ изъ Нижняго на ту сторону. Но гораздо любопытнѣе другая этимологія этого названія, по которому оно представляется какъ искаженіе словъ: „кума, вина". Въ старое время жила была нѣкая ласковая и обходительная баба, державшая здѣсь, у самаго перевоза, постоялый дворъ. Публика съ большою охотою посѣщала это заведеньице, а ресторанная хозяюшка такъ и слыла общею кумою. „Кума, вина!" то и дѣло раздавалось въ гостепріимныхъ горницахъ постоялаго двора; такъ, это воззваніе къ кумѣ и пошло за кличку мѣстности. Преданіе представляетъ куму не только обходительною бабою, но еще и красавицою, мало того, колдуньею. Она приманивала къ себѣ публику чарами. Случилось, что въ нее влюбился самъ нижегородскій воевода; бѣдный сановникъ началъ таять и сохнуть отъ любви на глазахъ у жены и сына. Молодой княжичъ рѣшилъ убить колдунью. Разъ темною ночью онъ захватилъ съ собою вѣрныхъ слугъ и переплылъ черезъ рѣку къ постоялому двору. Но не устоялъ бѣдный юноша передъ красою и чарами вѣщей бабы; остался онъ съ нею пировать, а слугъ отправилъ домой. Княгиня съ горестью узнала о новой жертвѣ чародѣйки. Она рѣшилась мстить сама. Одѣлась она странницею, пришла на постоялый дворъ и улучивъ минуту, всыпала яду въ питье; колдунья погибла, но, умирая, узнала, — кто ее уморилъ и предсказала, что княгиня сама не переживетъ ея. И какъ разъ въ эту минуту ворвался воевода, узналъ отъ умирающей кумы все дѣло, убилъ свою жену, убилъ прибѣжавшаго сына. Трупы были брошены въ воду и поплыли противъ теченія; надъ ними мерцали зловѣщіе огоньки, которые манили за собою воеводу-душегуба; слуги нашли его потомъ на берегу, безъ чувствъ. Началъ воевода отмаливать свой тяжкій грѣхъ, а тѣмъ временемъ вѣсть объ убійствѣ дошла до Москвы. Царь приказалъ схватить и казнить воеводу. Дѣло было зимою. Его схватили, взвалили на сани и повезли по Волгѣ. Но надъ рѣкою вдругъ вспыхнули опять зловѣщіе огоньки. Люди, везшіе князя, пришли въ смятеніе, отрубили у воеводы голову и бросили его трупъ въ воду. Но тогда надъ рѣкою вспыхнулъ новый огонь, красный, чрезвычайно яркій, освѣтившій мрачнымъ заревомъ весь городъ. Послы царя въ ужасѣ помчались обратно въ Москву, захвативъ съ собою голову воеводы, которая была, по повелѣнію царя, сожжена, и пепелъ развѣянъ по вѣтру. Вотъ на какомъ страшномъ мѣстѣ идетъ теперь изъ года въ годъ бойкое, веселое и разгульное всероссійское торжище!

М. О—въ.

А. А. Рюльманъ †

Немного найдется въ Петербургѣ такихъ человѣчныхъ и отзывчивыхъ врачей-практиковъ, какимъ былъ докторъ Рюльманъ, котораго останки съ грустью провожали въ мѣсто вѣчнаго успокоенія его родные, друзья и признательные паціенты. Пѣвцы, музыканты, артисты, литературные дѣятели знали прекрасно этого добраго простого человѣка, жаждавшаго быть полезнымъ всякому, нуждавшемуся во врачебной помощи, пользовались его совѣтами, его знаніями, и многіе изъ нихъ обязаны ему сохраненіемъ жизни и здоровьемъ своимъ. Простонародье смѣло шло къ нему массами, зная его за безсребреника, зная его искусство и вниманіе. Воспитанниковъ пріютовъ, училищъ, институтовъ и другихъ учебныхъ заведеній онъ также большей частью пользовалъ безплатно. Всѣ его любили, всѣ уважали за прекрасныя душевныя качества. Врачъ онъ былъ довольно искусный и по своей спеціальности — горловымъ, носовымъ и ушнымъ болѣзнямъ — лечилъ почти всегда удачно, такъ какъ при солидныхъ медицинскихъ познаніяхъ, большой опытности, всегда строго относился къ своимъ обязанностямъ, окружалъ паціента вниманіемъ и относился съ большой осторожностью къ чужой жизни. Въ немъ не было и тѣни того равнодушія, съ какимъ относится большинство нашихъ петербургскихъ эскулаповъ къ своимъ паціентамъ. При всемъ томъ онъ былъ прекрасный собесѣдникъ и необыкновенно правдивый, прямой человѣкъ. Антонъ Антоновичъ Рюльманъ приходился роднымъ братомъ супругѣ нашего знаменитаго поэта Полонскаго, Жозефинѣ Антоновнѣ Рюльманъ. Онъ скончался 3-го апрѣля, далеко еще не старымъ человѣкомъ, всего 54 лѣтъ. Окончивъ курсъ медико-хирургической академіи въ 1866 году, А. А. Рюльманъ началъ свою медицинскую дѣятельность въ Саратовѣ, гдѣ онъ былъ земскимъ врачемъ. Прослуживъ здѣсь около трехъ лѣтъ, онъ вернулся въ Петербургъ и съ 1869 по 1872 годъ состоялъ врачемъ при Обуховской больницѣ, работая здѣсь надъ внутренними болѣзнями. Затѣмъ онъ отправился за границу, гдѣ пробылъ два года и преимущественно въ Вѣнѣ изучалъ подъ руководствомъ Политцера, Шреттера, Брюкке и другихъ спеціалистовъ горловыя, носовыя и ушныя болѣзни. За границей онъ приготовилъ и свою отличную докторскую диссертацію на тему о функціи нѣкоторыхъ мышцъ гортани, которую съ большимъ успѣхомъ защитилъ въ 1874 году по возвращеніи въ Петербургъ. Съ этого времени и началась его дѣятельность врача-практика, столь памятная многимъ, бывшая у всѣхъ на виду и прекратившаяся лишь въ послѣднее время, когда высокогуманный врачъ самъ тяжко заболѣлъ.

Пребываніе князя Фердинанда Болгарскаго въ Петербургѣ

Въ субботу, 6-го апрѣля, прибылъ въ С.-Петербургъ его высочество князь Фердинандъ Болгарскій. Въ первомъ часу дня, на платформѣ вокзала варшавской желѣзной дороги выстроился почетный караулъ въ составѣ роты со знаменемъ и хоромъ музыки отъ кадроваго батальона лейбъ-гвардіи резервнаго пѣхотнаго полка; къ этому же времени на вокзалъ собрались: министръ путей сообщенія, командующій Императорскою главною квартирою, помощникъ министра Императорскаго Двора, командиръ гвардейскаго корпуса, с.-петербургскіе губернаторъ, комендантъ и градоначальникъ и чины турецкаго посольства. Множество публики собралось около вокзала. Къ приходу поѣзда прибылъ Его Императорское Высочество великій князь Владиміръ Александровичъ. Въ 12 час. 30 мин. подошелъ экстренный поѣздъ. Князь Болгарскій, встрѣченный августѣйшимъ главнокомандующимъ, поздоровался съ карауломъ; оркестръ музыки заигралъ болгарскій гимнъ; на вокзалѣ князя привѣтствовала депутація отъ болгаръ, проживающихъ въ С.-Петербургѣ. Его высочество отбылъ съ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ въ Зимній дворецъ, гдѣ князю Фердинанду приготовлено было помѣщеніе на второй запасной половинѣ. Князя сопровождали: первый адъютантъ Стояновъ, личный секретарь Фюртъ, министръ-президентъ Стоиловъ, военный министръ Петровъ, начальникъ конвоя Марковъ, второй адъютантъ Стояновъ, ординарецъ Барневъ, начальникъ личной канцеляріи Добровичъ, секретарь министра-президента Топчилештовъ, флигель-адъютантъ турецкаго султана, капитанъ Мехмедъ-Али-Бей, секретари: Златаровъ, Бельчевъ и Фаненстинъ и три младшихъ чиновника. Состоять при князѣ назначенъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ Рейтернъ. Въ Зимнемъ дворцѣ князь Фердинандъ Болгарскій былъ встрѣченъ министромъ Императорскаго Двора. Во дворцѣ князю представлялась депутація отъ славянскаго благотворительнаго общества и поднесла хлѣбъ-соль. Въ 4 часа дня князь Болгарскій отбылъ въ Царское Село, гдѣ въ Александровскомъ дворцѣ былъ принятъ Ихъ Императорскими Величествами Государемъ Императоромъ и Государынею Императрицею Александрою Ѳеодоровною и гдѣ пробылъ до 6 часовъ вечера. На слѣдующій день, 7-го апрѣля, въ 6 ч. вечера, въ честь князя Фердинанда состоялся въ Зимнемъ дворцѣ, въ концертномъ залѣ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ обѣдъ. Въ этотъ же день и на слѣдующіе дни князь былъ съ визитами у разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, посѣтилъ Петропавловскій соборъ, гдѣ возложилъ вѣнокъ на гробницу Императора Александра III, и другія примѣчательныя мѣста столицы. 10-го апрѣля его королевское высочество дѣлалъ прощальные визиты, въ 8-мъ часу вечера присутствовалъ у министра князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго на обѣдѣ, данномъ въ честь князя Фердинанда и въ 10½ часовъ вечера отбылъ за границу изъ С.-Петербурга.

Принцесса Александра Саксенъ-Кобургская и наслѣдный принцъ Эрнстъ Гогенлоэ-Лангенбургскій

Какъ извѣстно читателямъ изъ газетныхъ сообщеній, въ понедѣльникъ, 8 (20)-го апрѣля, состоялось бракосочетаніе принцессы Александры, третьей дочери герцога Альфреда Саксенъ-Кобургскаго, съ наслѣднымъ принцемъ Эрнстомъ Гогенлоэ-Лангенбургскимъ, сыномъ германскаго намѣстника въ Эльзасъ-Лотарингіи и супруги его Леопольдины, урожденной принцессы Баденской. Наслѣдный принцъ (полное имя его Эрнестъ-Вильгельмъ-Фридрихъ-Карлъ-Максимиліанъ) родился въ замкѣ Лангенбургѣ 13-го сентября 1863 года. Сначала онъ посѣщалъ гимназію въ Карлсруэ, затѣмъ изучалъ юриспруденцію въ университетахъ въ Боннѣ, Лейпцигѣ и Тюбингенѣ и весной 1885 г. выдержалъ экзаменъ на рефендарія. Осенью 1885 г. онъ былъ назначенъ подпоручикомъ во второй прусскій гвардейскій драгунскій полкъ, гдѣ и оставался на службѣ до конца 1889 г., а затѣмъ былъ произведенъ въ армейскіе поручики. Въ томъ же году онъ былъ прикомандированъ къ германскому посольству въ Англіи, а въ 1890 г. переведенъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ. Въ іюлѣ 1891 г. онъ блистательно выдержалъ дипломатическій экзаменъ и затѣмъ состоялъ секретаремъ при посольствѣ въ Петербургѣ и Лондонѣ. Со времени назначенія князя Германа Гогенлоэ-Лангенбургскаго намѣстникомъ Эльзасъ-Лотарингіи, наслѣдный принцъ вмѣстѣ съ отцомъ переѣхалъ въ Страсбургъ. Съ 1-го декабря 1894 г. онъ выступилъ вмѣсто своего отца въ качествѣ землевладѣльца Гогенлоэ-Лангенбурга въ первой виртембергской палатѣ. Помолвка его съ принцессой Александрой Саксенъ-Кобургской состоялась 10-го сентября 1895 г. Принцесса, полное имя которой Александра-Луиза-Ольга-Викторія, родилась 1-го сентября 1878 г. въ Кобургѣ. Отецъ ея, герцогъ Альфредъ, въ то время носилъ еще титулъ Эдинбургскаго. Мать принцессы — наша великая княгиня Марія Александровна, братъ принцессы — наслѣдный принцъ Альфредъ и младшая сестра — принцесса Беатриса еще не помолвленная, а остальныя сестры — принцесса Марія замужемъ за наслѣднымъ принцемъ румынскимъ Фердинандомъ и принцесса Викторія замужемъ за великимъ герцогомъ Гессенскимъ Эрнстомъ-Людвигомъ. Наслѣдный принцъ — родной племянникъ германской императрицы, мать которой родная сестра намѣстнику, а принцесса Александра приходится германскому императору двоюродной сестрой, такъ какъ отецъ ея — братъ вдовствующей германской императрицы. Во время брачнаго торжества маленькая тюрингенская резиденція сіяла яркимъ блескомъ.

Экспедиція въ Донголу

Рыба, которую Англія собирается уловить въ мутныхъ волнахъ Нила, до сихъ поръ остается неопредѣленною. Англійская пресса ничего положительнаго и достойнаго вѣры не заявляетъ о суданской экспедиціи; что же касается иностранной печати, напримѣръ, французской, то она прямо называетъ эту экспедицію хартумскою; въ самомъ дѣлѣ, завоеваніе Хартума—это, по крайней мѣрѣ, обозначаетъ совершенно ясную цѣль, а такія выраженія, какъ „усиленіе египетскаго престижа“ въ области Верхняго Нила, ничего кромѣ потемокъ не вносятъ въ дѣло. Самый планъ экспедиціи тоже пока еще не ясенъ. Повидимому, англичане рѣшили двинуться на Хартумъ (якобы на Донголу) тремя отрядами, изъ трехъ различныхъ пунктовъ, лежащихъ въ области Верхняго Нила—отъ Вади-Гальфа, Суакима и Кассалы. Нѣкоторыя газеты утверждаютъ, что этотъ планъ непремѣнно и будетъ приведенъ въ исполненіе осенью текущаго года и что съ этою цѣлью въ Египетъ будетъ перевезено до 10.000 англійскаго войска. Въ самомъ же Египтѣ англичане располагаютъ мѣстными войсками, уже много лѣтъ обучающимися подъ руководствомъ англійскихъ офицеровъ. Въ эти войска входятъ два различныхъ элемента: одна часть состоитъ изъ феллаховъ, народа земледѣльческаго и отнюдь не воинственнаго, хотя очень смирнаго, легко поддающагося дисциплинѣ. Другая часть набирается изъ чернокожихъ суданцевъ; ихъ воинственность не подлежитъ сомнѣнію, но зато вѣрность не всегда обезпечена. Феллахи обучены прекрасно. Все это рослый, здоровый народъ, производящій хорошее впечатлѣніе на смотрахъ и парадахъ своею бравою выправкою. Въ войнѣ съ дервишами на феллаховъ мало надежды — прибавимъ по словамъ англичанъ. Но, быть можетъ, такъ увѣряютъ они, желая лишь оправдать отправку въ Египетъ большаго отряда своихъ солдатъ? Передовые посты англичанъ на Нилѣ, Саррасъ, Семне, Вади-Атире, Амбуголъ, Танджуръ и Акашехъ спѣшно соединяются между собою желѣзною дорогою и укрѣпляются такъ, чтобы противостоять всякому неожиданному нападенію. Гарнизонъ ихъ состоитъ изъ чернокожихъ суданцевъ, египетской гвардіи и артиллеріи, вооруженной пушками Максима. Ближайшіе отряды дервишей, по полученнымъ извѣстіямъ, находятся въ Суарда, подъ предводительствомъ Гаммуда. Суарда находится въ 50—60 миляхъ отъ Акашехъ. Отрядъ дервишей, по слухамъ, незначителенъ, хотя въ точности ихъ силы не извѣстны.

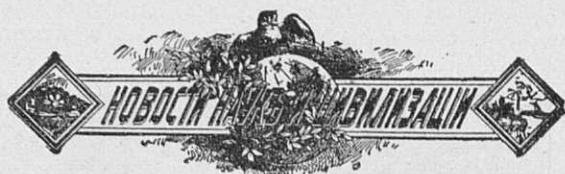

Г.-Г. КИТЧЕНЕРЪ, англійскій генералъ, команд. египетскими войсками въ Донголѣ.

Новости печати

Ек. Бекетова (Краснова). Разсказы. Посмертное изданіе. С.-Петербургъ. 1896. Цѣна 1 р. 50 к. Давая отчетъ о вышедшихъ въ прошломъ году стихотвореніяхъ Е. А. Бекетовой, „Всемірная Иллюстрація“ уже отмѣтила всѣ выдающіяся стороны этого въ высшей степени симпатичнаго дарованія. И въ прозѣ талантливой поэтессы живо чувствуется то же дарованіе, тѣ же несомнѣнныя литературныя достоинства. Такимъ образомъ, посмертное и вмѣстѣ съ тѣмъ первое изданіе сборника разсказовъ Е. А. Бекетовой-Красновой, встрѣченныхъ уже цѣлымъ рядомъ весьма сочувственныхъ отзывовъ, по справедливости заслуживаетъ полнаго вниманія читающей публики. Какъ на стихахъ, такъ и на прозѣ г-жи Бекетовой отразились ея своеобразные, облеченные въ поэтическую дымку легкой грусти, взгляды на природу, жизнь и людей. Нѣкоторые ея разсказы напоминаютъ большія стихотворенія въ прозѣ, особенно тѣ изъ нихъ, которые проникнуты фантастическимъ элементомъ: „Въ старомъ домѣ“, „Въ театрѣ“, „Сонъ наяву“. Женственно-граціозный юморъ виденъ порою въ изящныхъ картинкахъ современной жизни: „Счастливая женщина“, „Ночь наканунѣ Ивана Купала“, „Живое привидѣніе“, „Шарманщикъ“. Деревенскіе портреты—„Груша“ и „Забитая свекровь“—обнаруживаютъ въ талантливой писательницѣ большую наблюдательность и внимательное отношеніе къ незамѣтнымъ героямъ жизни. Этими портретами и разсказомъ „Люди и вещи“ заняты лучшія страницы книги. Въ послѣднемъ симпатичная поэтесса беретъ на себя трудную задачу психолога и, нужно отдать ей полную справедливость, выходитъ съ честью изъ этого положенія, не совсѣмъ обычнаго для нея. Героиня разсказа, Елена Николаевна, живой типъ современнаго свѣтскаго общества. Пробужденіе ея альтруистической натуры, подъ впечатлѣніемъ долетавшихъ изъ деревенской глуши отголосковъ голоднаго года, обрисовано прекрасно. Повѣсть „Не судьба“ — менѣе удачное произведеніе изо всѣхъ, вошедшихъ въ сборникъ. Издана книга г-жи Бекетовой очень мило.

Ап. К—скій

Морское дѣло

— Въ законахъ, опредѣляющихъ распространеніе въ воздухѣ звуковыхъ вибрацій, до сихъ поръ еще встрѣчаются рѣзкія уклоненія отъ выработанныхъ для нихъ теорій, причина которыхъ остается неизвѣстною. Звуковые сигналы, существующіе для предупрежденія несчастій въ районахъ прибрежныхъ водъ, слышны далеко въ морѣ, а между тѣмъ бываютъ случаи, когда корабли разбиваются о береговые камни и утесы или врѣзаются въ отмели вблизи ревущихъ во всю силу снарядовъ, звуки которыхъ почему-то не были имъ слышны. Въ ноябрѣ 1880 года пароходъ „Rhode Island“ ударился о береговой утесъ въ Боне-Пуантѣ, во время сильнаго тумана. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что звуковые сигналы непрерывно подавались въ этотъ день съ Беверъ-Тейль-Пуанта, отстоявшаго отъ мѣста крушенія судна всего только на двѣ морскихъ мили. Дальнѣйшее разслѣдованіе загадочной причины этого несчастья обнаружило, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, несмотря на близость паровыхъ ревуновъ или сиренъ, звуки ихъ неслышны или раздаются такъ слабо, что заглушаются плескомъ волнъ и шумомъ машины. Въ другихъ районахъ, наоборотъ, не взирая на дальность сигнальнаго снаряда, звуки его слышны явственно. На прямолинейномъ пути корабля, удалявшагося отъ сигнальной станціи, звуки сигнала попеременно то замирали на столько, что ихъ не было слышно, то снова раздавались дѣйствовалъ все время безъ малѣйшихъ перерывовъ. Дальнѣйшія наблюденія показали, что звуки сирены совершенно заглушаются на морѣ въ такомъ районѣ, центръ котораго отстоитъ на 5.000 метровъ отъ сигнальной станціи. Этотъ „нейтральный“, какъ его назвали, районъ обыкновенно простирается въ длину на 2.800 метровъ, и внѣ его сигнальные звуки слышны какъ нельзя лучше во всякую погоду. Лоцманамъ на Везерѣ и Эльбѣ давно уже извѣстно, что ракеты со шлагами, спускаемыя на берегу Гельголанда въ предостереженіе приближающимся къ острову судамъ, слышны на большихъ разстояніяхъ, но шумъ отъ взрывовъ слабѣетъ вблизи острова, а у самыхъ береговъ ракетъ совсѣмъ уже не слышно. Разстояніе нейтральныхъ зонъ отъ сигнальнаго снаряда, какъ видно, мѣняется подъ вліяніемъ большей или меньшей густоты тумана.

Гольденбергъ Михаилъ Давидовичъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей с.-петербургской биржи за послѣднія двадцать пять лѣтъ, которому обязаны своимъ теперешнимъ процвѣтаніемъ многія наши частныя учрежденія земельнаго кредита, замѣчательный дѣлецъ, ворочавшій за все время дѣятельности своей громадными капиталами, † въ Спб. 3-го апрѣля.

Гиршъ Морисъ баронъ, банкиръ, блестящій финансистъ, извѣстный филантропъ, основатель „Еврейской колонизаціонной ассоціаціи“, жертвовавшій громадныя суммы не только единовѣрцамъ — евреямъ, но всѣмъ, безъ различія вѣроисповѣданій, † близъ Коморна, въ Австріи, въ своемъ помѣстьѣ, 9 (21)-го апрѣля, 65 лѣтъ.

Нефедьевъ Николай Александровичъ, членъ казанской судебной палаты, замѣчательный общественный дѣятель, опытный юристъ, неутомимый благородный труженикъ, авторъ нѣсколькихъ статей, † въ Казани 5-го апрѣля, 57 лѣтъ.

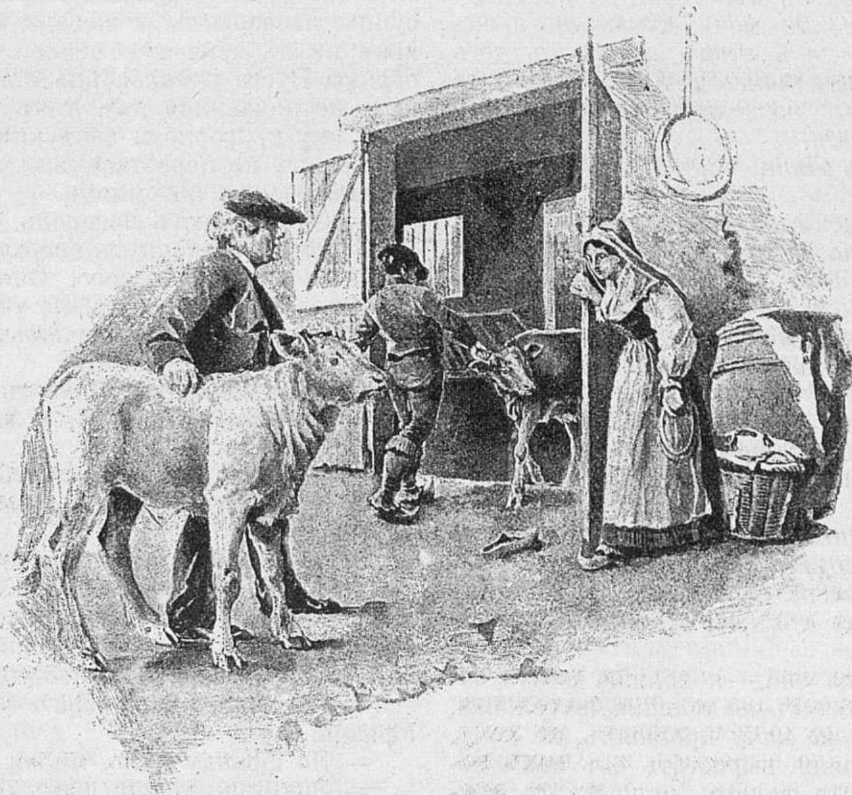
Сэ Леонъ, извѣстный французскій государственный дѣятель и финансистъ, журналистъ, бывшій министръ финансовъ въ кабинетѣ Фрейсине, горячій защитникъ, давно отвергнутаго наукой и жизнью, принципа laissez-faire, членъ французской академіи, † въ Парижѣ 9 (21)-го апрѣля, 70 лѣтъ. Между прочимъ подъ его редакціей издавались: „Dictionnaire des finances“ и „Nouveau dictionnaire d'économie politique“.

Яковлевъ Владиміръ Алексѣевичъ, экстраординарный профессоръ новороссійскаго университета по каѳедрѣ русской словесности, завѣдывавшій городской библіотекой, бывшій секретарь одесскаго общества исторіи и древностей, авторъ многихъ ученыхъ трудовъ, сотрудникъ „Голоса“, „Новаго Времени“, „Новороссійскаго Телеграфа“, „Одесскаго Вѣстника“, „Книжнаго Вѣстника“, редакціи П. А. Ефремова, одесской „Правды“, одесскаго „Юга“ и друг. изданій, † въ Одессѣ 10-го апрѣля, 56 лѣтъ.

Съ бакшишемъ! Туземцы-рабочіе, принимаемые на судно въ Эдфру. Женщина племени галечъ.
Шейкъ племени галечъ. Суданскіе солдаты, бѣгущіе къ рѣкѣ и скликающіе товарищей.

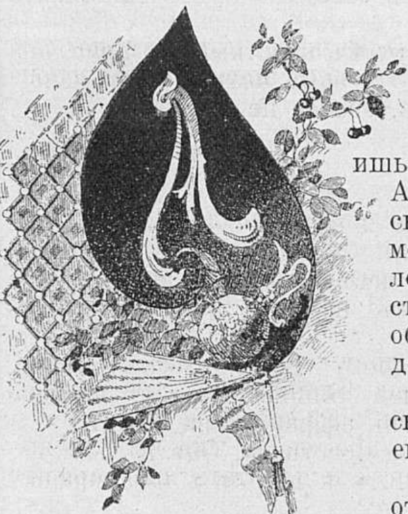
Африка. — Англійская экспедиція въ Донголу.

РУССО И БЛАНКАСЪ

Разсказъ ЖАНА РАМО

Окончанiе

ишь только музыка загремѣла снова, Аристидъ опять предложилъ руку своей дамѣ. Пара еще нѣсколько времени кружилась вмѣстѣ, потомъ молодая дѣвушка, увидя, что солнце стало сильно склоняться къ западу, объявила, что ей пора возвращаться домой.

Красавецъ Аристидъ хорошо зналъ свои обязанности и потому предложилъ ей проводить ее часть дороги.

И, идя подъ руку, они тотчасъ же отправились въ путь, близко наклоняясь одинъ къ другому. Вокругъ начинало уже смеркаться, и на дорогу падала тѣнь.

Тогда Лали рѣшилась спросить своего кавалера:

— Кто ваши родители, мосье Аристидъ? Чѣмъ они занимаются?

— Они крестьяне и пашутъ землю.

Этотъ отвѣтъ очень обрадовалъ покровительницу Руссо и Бланкаса, и съ бо́льшей смѣлостью она продолжала:

— А вы не думаете скоро жениться?

— Какъ?.. Думаю ли жениться?... Пожалуй, что да... А вы не собираетесь замужъ?

— Я тоже объ этомъ думаю вотъ уже цѣлую недѣлю... Скажите мнѣ, вы очень богаты?

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, не въ настоящее время.

— Значитъ, въ томъ же родѣ, какъ и я.

— А вы бѣдная?

— Не совсѣмъ—у моего отца есть двѣ коровы, четыре быка, сотня овецъ, и онъ частенько похаживаетъ въ сберегательную кассу. Но я-то, видите ли, только младшая дочь. Мой братъ главный наслѣдникъ: онъ получитъ почти все. Мнѣ же дадутъ въ приданое всего только 5,000 франковъ.

— Что-жъ, вы вовсе ужъ не дурная партія.

— Вы это находите?

— Конечно.

— Кромѣ того мнѣ сдѣлаютъ полное приданое—бѣлье, платья, дадутъ мебель, золотыя вещи. У меня будутъ также два теленка.

— Два теленка? Какого возраста?

— Одному въ настоящее время пять мѣсяцевъ, другому два мѣсяца и двадцать дней.

— Значитъ, это составитъ около 200 франковъ.

— Какъ вы это точно разсчитали, мосье Аристидъ!

— Еще бы, это вѣдь по моей части.

— Какъ такъ? Неужели же вы...

— Я въ ученіи у мясника, мадмуазель Эвлалія, да, у мясника... Всегда готовый служить вамъ...

Младшая дочь Лакумера едва удержалась на ногахъ. Она отступила нѣсколько шаговъ и, словно остолбенѣвъ, устремила глаза на своего спутника.

— Извините, пожалуйста, забормотала она,— извините меня... я не знала... я была такъ далека отъ мысли, что... Забудьте все, что я вамъ говорила... Прощайте, мосье!

И она хотѣла удалиться.

Но, повидимому, такъ не принято прощаться въ праздничный вечеръ, когда такъ долго танцовали вмѣстѣ, и Аристидъ согласился оставить Лали одну только послѣ того, какъ онъ крѣпко расцѣловалъ ее въ обѣ щечки.

Дѣвушка не сопротивлялась только потому, что хотѣла поскорѣе отдѣлаться отъ своего кавалера. Послѣ того она побѣжала бѣгомъ направо, къ Лакумеру, въ полголоса повторяя про себя, идя вдоль по дорогѣ, повитой спустившимся вечернимъ сумракомъ:

„Ахъ, бѣдная, бѣдная Лали! Какъ видно, у тебя не очень счастливая рука!"

VI

Покровительница Руссо и Бланкаса рѣшила отыскивать себѣ другого ухаживателя. Однако она напрасно посѣщала всевозможные танцовальные вечера: не одному изъ танцоровъ не удалось ее заставить забыть Аристида, красавца Аристида съ золотистыми усами.

Однажды она встрѣтила его на пригородной ярмаркѣ и, вся вспыхнувъ, опустила глаза.

Со своей стороны, и онъ тоже смутился, и, хотя не былъ болтуномъ, губы его такъ и дрожали, точно онъ собирался высказать многое, многое.

Но Лали сейчасъ отвернулась и ушла. Сердце ея сильно билось, въ глазахъ потемнѣло. И зачѣмъ онъ былъ мясникомъ! Ахъ, еслибъ Аристидъ былъ землепашецъ, какъ и его родители!

Впрочемъ, и онъ, повидимому, былъ огорченъ. Всюду сталъ онъ слѣдовать за молодой дѣвушкой. Ей нельзя было пойти въ городъ, чтобы не встрѣтить его по дорогѣ. На всѣхъ дорогахъ, во всѣхъ лѣсочкахъ онъ вдругъ выросталъ передъ ней какъ призракъ. При этомъ глаза его такъ и горѣли, такъ и горѣли — право, крестный Уркадъ могъ бы зажечь о нихъ свою трубку. Эти горящіе глаза приводили въ смущеніе и трепетъ младшую дочь Лакумэра и ей было очень тяжело поворачиваться къ Аристиду спиной.

Разъ вечеркомъ она увидала Аристида близъ сада въ Лакумэрѣ. Тутъ она не выдержала и подошла къ нему. Казалось, сотни нѣжныхъ рукъ, незримыхъ рукъ, такъ и толкали, такъ и толкали ее къ нему.

Аристидъ сдѣлалъ ей на встрѣчу нѣсколько шаговъ и увлекъ ее за собой въ сосновый лѣсъ.

— Мадмуазель Лали, сказалъ онъ съ нѣкоторой запинкой.— Вы въ тотъ разъ — помните — спросили меня: думаю ли я жениться... Да, да, думаю, непрестанно объ этомъ думаю съ того самаго времени, когда я васъ впервые увидѣлъ. А вы,—если это съ моей стороны не слишкомъ дерзко, -- позволите васъ спросить—все ли вы еще желаете выйти замужъ?

— Ахъ, да, Аристидъ, вздохнула Лали, вертя въ рукахъ кончикъ своего платка.

— Такъ что же, разъ мы сходимся въ самомъ главномъ пунктѣ, знаете ли, чтобы намъ слѣдовало сдѣлать, мадмуазель Лали? Вы и я поженимся—вотъ и все. У васъ 5.000 франковъ; я, положимъ, не такъ богатъ, какъ вы, но все же у меня кой-что есть, и мы могли бы открыть прекрасную мясную съ зеркальными окнами и двумя бычачьими головами изъ крашенаго дерева на вывѣскѣ.

— Мосье Аристидъ, вы мнѣ очень по вкусу, съ грустью отвѣтила молодая крестьянка,—но мнѣ нельзя выйти замужъ за мясника, мужъ мой долженъ быть землепашцемъ.

— Землепашцемъ? Почему же?

Лали отвернула голову и не рѣшилась отвѣтить.

— Но почему же? переспросилъ опять Аристидъ,—вы не хотите мнѣ сказать? У васъ есть отъ меня секреты?

Тогда Лали, почувствовавъ къ нему довѣріе, открыла ему свою тайну.

— Вотъ въ чемъ дѣло, объяснила она,—я должна выйти замужъ за землепашца, потому что у меня есть два теленка, два теленка, которыхъ я очень люблю и которыхъ не хочу продавать, не хочу, чтобы ихъ зарѣзали. Поэтому я должна вырастить изъ нихъ воловъ—вы понимаете? А чтобы держать воловъ, надо имѣть землицу. Ахъ, еслибъ у васъ была землица!

Красавецъ Аристидъ смотрѣлъ на молодую крестьянку изумленными глазами.

— Что вы такое говорите? воскликнулъ онъ.— Вы любите двухъ телятъ?

— Да, Руссо и Бланкаса.

— И не хотите ихъ продавать, чтобы ихъ не зарѣзали?

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу... Это было бы для меня слишкомъ большимъ горемъ.

— Такъ, такъ... Вотъ такъ исторія, неслыханная исторія!..

И Аристидъ продолжалъ смотрѣть на Лали изумленными глазами, такими глазами, какими смотрятъ на слабоумнаго человѣка, на странное существо, отъ котораго лучше всего держаться подальше.

Она угадала дурное впечатлѣніе, произведенное на него ея разсказомъ, и старалась какъ нибудь смягчить это впечатлѣніе. Съ этой цѣлью она принялась восхвалять миловидность Руссо и Бланкаса и поторопилась сообщить при какихъ трогательныхъ обстоятельствахъ она взяла подъ свое покровительство этихъ бѣдныхъ животныхъ. Но чѣмъ больше старалась она оправдаться, тѣмъ больше теряла она во мнѣніи красавца Аристида. Правда, глаза его продолжали еще горѣть, но мысль о женитьбѣ какъ будто сразу испарилась изъ головы. Вынувъ изъ кармана свои никкелевые часы, онъ взглянулъ на нихъ, а потомъ объявилъ, что, кажется, собирается идти дождикъ.

— До свиданія, увидимся когда нибудь на дняхъ... Передайте отъ меня всякія пожеланія вашимъ двумъ телятамъ, мадмуазель... Да, вотъ такъ исторія, подумаешь, неслыханная исторія... Если вы перемѣните свои взгляды, вы не забудете меня, неправда ли, мадмуазель Лали?

И мясникъ ушелъ, покручивая рукой свои красивые, золотистые усы.

Онъ больше не возвращался. Нигдѣ уже не встрѣчала его теперь Лали—ни въ окрестностяхъ Лакумера, ни въ лѣсахъ, ни на дорогахъ. Посѣщала она всѣ балы сосѣдней деревни и видѣла, какъ онъ танцовалъ съ другими молодыми крестьянками. Ей же онъ кланялся лишь издали, улыбаясь и слегка кивая головой, какъ особѣ, стоящей ниже его или же ничего не значущей дѣвчонкѣ. А когда онъ желалъ выказать ей любезность, онъ, бывало, спрашивалъ ее громко, въ присутствіи всѣхъ:

— А что, благополучно ли поживаютъ ваши два теленка?

Лали всю точно кипяткомъ обдавали. Она краснѣла, чувствуя, какъ она смѣшна. Кромѣ всего этого ее мучила ревность, да, ревность—и какъ еще мучила! Тѣ дѣвушки, съ которыми Аристидъ танцовалъ теперь кадриль, навѣрное, не любятъ и не воспитываютъ телятъ! Вотъ почему онъ прогуливается съ ними рука объ руку, говоритъ имъ нѣжности и провожаетъ ихъ вечеркомъ по дорогамъ, окутаннымъ тѣнистымъ сумракомъ.

Младшая дочь Лакумера слѣдила за ними издали одна одинешенька, и вздохи ея пугали кузнечиковъ, немолчно трещавшихъ подъ верескомъ.

Лали пришла провѣдать своихъ телятъ и нашла, что они очень измѣнились. Какъ они подурнѣли! Бланкасъ выглядѣлъ такимъ грязнымъ: его непремѣнно слѣдовало бы ежедневно чистить скребницей. Что же касается Руссо, то онъ имѣлъ до нельзя глупый видъ и не узнавалъ болѣе своей хозяйки. Притомъ же выроставшіе у него рога вовсе не шли къ нему. Лали показалось даже удивительнымъ, какъ это она могла любить его!

Молодая дѣвушка спрашивала у крестнаго—хорошо ли ведутъ себя ея питомцы, а Уркадъ далъ самые неблагопріятные отзывы. Одинъ изъ нихъ затопталъ весь сахарный горохъ въ огородѣ, другой сломалъ калитку, ударяясь въ нее головой. Этакіе негодные! Кромѣ того, у обоихъ были сквернѣйшіе пороки. Вообразите себѣ, они стаскивали бѣлье, которое было развѣшано для сушки на веревкѣ, и жевали носовые платки, проглатывая ихъ, какъ ни въ чемъ не бывало... Такъ, напримѣръ, на дняхъ этотъ обжора Руссо преспокойно сталъ уплетать стеганное одѣяло и чуть не подавился имъ, такъ что пришлось спасать его, совая руку ему въ горло и вытаскивая оттуда одѣяло.

Уркадъ не переставалъ отчаянно ругаться, разсказывая о подвигахъ своихъ питомцевъ.

— Они ломаютъ изгородь, портятъ откосъ, топчутъ посѣвы. Весь домъ перевернутъ вверхъ дномъ съ тѣхъ поръ, какъ эти черти пріютились у него! Они вгонятъ его въ могилу десятью годами раньше времени! По утрамъ негодяй Руссо вздумалъ еще бѣгать по дорогѣ за дѣвочками, идущими въ школу.

— Неужели, крестный?

— Какъ неужели? Да вотъ третьяго дня онъ уронилъ одну изъ дѣвочекъ въ канаву, а мнѣ пришлось идти извиняться къ ея родителямъ.

— Ахъ, ты негодный этакій! бранилась Лали, кинувъ строгій взглядъ на Руссо. И съ Бланкасомъ она обошлась не менѣе сурово.

Лали не могла простить имъ того, что они такъ сильно огорчали ея бѣднаго крестнаго. Конечно, это было отвратительно съ ихъ стороны; но еще болѣе отвратительно было то, что они, крестницу его сдѣлали смѣшной въ глазахъ Аристида. Самымъ непростительнымъ ихъ поступкомъ былъ именно этотъ.

— Въ хорошей ли цѣнѣ теперь телята?... робко спросила она Уркада.

— По франку кило, милая моя.

— Значитъ, теперь какъ разъ время продавать телятъ?

Самое что ни на есть время... Но къ чему тебѣ знать это?

Лали вспыхнула, но не рѣшилась отвѣтить.

— Милая крестница, радостно воскликнулъ старикъ.—Неужто я вѣрно догадываюсь. Ты хочешь продать своихъ телятъ? Ты, наконецъ, рѣшилась быть благоразумной?

Молодая дѣвушка, вертя въ рукахъ кончикъ своего розоваго галстуха, приступила къ признаніямъ. Да, она рѣшилась продать телятъ... Если за нихъ дадутъ франкъ за кило... то въ такомъ случаѣ отчего бы и не продать ихъ... не правда ли? И она добавила, что на слѣдующій же день отведетъ Руссо и Бланкаса въ городъ къ мяснику.

„Бѣдная Лали", подумалъ при этомъ крестный, „вѣрно она не могла найти себѣ ухаживателя... Это какъ нельзя болѣе ясно!"

Вотъ вы и ошиблись, г. Уркардъ,—вовсе не оттого...

VII

На другой день утромъ, ровно въ девять часовъ, Лали уже подходила къ обсаженному платанами бѣлому домику. Ее сопровождалъ молодой пастухъ, который несъ въ рукахъ двѣ веревки.

Восхищенный Уркадъ поспѣшилъ вручить пастуху обоихъ телятъ.

— Прошу оставить за мной голову вотъ этого теленка, объявилъ онъ дотрогиваясь до ушей Бланкаса.— Эта голова, украшенная петрушкой, будетъ очень эффектна на блюдѣ.

Лали обѣщала исполнить желаніе крестнаго. Она велѣла пастуху хорошенько вымыть обоихъ телятъ и намотать имъ веревку на шею.

— Слышишь,—не забудь ихъ напоить у ручья при входѣ въ городъ, чтобы они вѣсили нѣсколькими фунтами больше, наставлялъ ее Уркардъ.

— Будь спокоенъ, крестный,—я не забуду.

Лали и пастухъ погнали телятъ, направляясь съ ними по дорогѣ въ городъ.

Молодая дѣвушка рѣшилась продать ихъ непременно хозяину Аристида, чтобы такимъ образомъ подняться во мнѣніи молодого человѣка. Ей хотѣлось доказать бывшему своему ухаживателю, что она такая же дѣвушка, какъ всѣ остальныя, и способна не только продать на мясо своихъ телятъ, но, въ случаѣ необходимости, даже собственноручно зарѣзать ихъ.

Лали пока шла очень храбро. Телята пріостанавливались тутъ и тамъ и съ жадностью тянулись къ пучкамъ сочной травы, росшей по сторонамъ дороги. Но Лали не спѣшила рвать имъ эту траву... И она внутренно гордилась тѣмъ, что была въ силахъ оставаться такой жестокой по отношеніи къ животнымъ, которыхъ вели на смерть. Да, она вела ихъ на смерть... Аристидъ всадитъ имъ ножъ въ горло, вѣрнѣе всего вотъ сюда, въ самое нѣжное мѣсто... О, этотъ бѣдный Руссо,—можетъ быть, и онъ будетъ такъ же жалобно мычать, такъ страшно мычать, какъ тогда тотъ бѣдный быкъ, котораго рѣзали.

— Вотъ, Руссо, бери, кушай себѣ на здоровье эту травку, разъ ты заглядываешься на нее, сказала дѣвушка, срывая пригоршнями траву въ канавѣ.

И она отдѣлила немножечко и Бланкасу, чтобы онъ не завидовалъ своему товарищу.

Они подошли уже близко къ городу; стало виднѣться множество, розовыхъ крышъ, окруженныхъ деревьями. На второй улицѣ, на лѣвую руку, находилась мясная лавка хозяина Аристида.

Лали замедляла шаги. Какъ ей хотѣлось бы пуститься въ разговоры со всѣми встрѣчными прохожими, посидѣть немножко на всѣхъ кучахъ булыжника, лежавшихъ у дороги, чтобы только оттянуть время! Какъ бы то ни было, но, ахъ, какъ тяжела взятая ею на себя задача!

Лали дошла до ручейка. Пастухъ повелъ поить Руссо и Бланкаса. Лали не захотѣлось слѣдовать за нимъ. Ей было слишкомъ горько думать о томъ, что вотъ бѣдняги пьютъ уже въ послѣдній разъ.

Время отъ времени поглядывала она на телятъ и теперь находила ихъ уже куда красивѣе, чѣмъ наканунѣ... Да нѣтъ же, рога совсѣмъ не такъ дурно идутъ къ Руссо, напротивъ того. Къ тому же глаза его все еще сохранили свое прежнее добродушное, нѣжное выраженіе. А что касается Бланкаса, то этотъ—одна прелесть...

— Бѣдныя, бѣдныя животныя! повторяла въ полголоса про себя Лали.

И она подходила къ нимъ, чтобы ихъ приласкать.

По обѣимъ сторонамъ дороги уже стали виднѣться дома. Сколько тутъ народа, двухколесныхъ таратаекъ, всякихъ телѣжекъ, сколько движенія и шума!... Телята пугливо озирались на все это, а Бланкасъ, отъ ужаса при видѣ ѣдущаго мимо него велосипедиста, принялся мычать.

— Не бойся, глупый ты дурашка, двигайся дальше! говорила Лали пѣвучимъ голосомъ, какимъ обыкновенно разговариваютъ съ маленькими дѣтьми.

Она вспомнила, что въ тотъ разъ, когда она вела въ бойню Руссо, онъ такъ сильно испугался стада гусей, и отъ этого воспоминанія у нея едва не отнялись ноги.

Еще съ четверть часа разыскивала Лали мясную лавку хозяина Аристида, и, когда, наконецъ, очутилась передъ входомъ въ нее, сердце ея сильно забилось и въ горлѣ пересохло.

Тѣмъ не менѣе она вошла въ лавку. Самъ Аристидъ вышелъ къ ней на встрѣчу.

— Я пришла продать вамъ моихъ двухъ телятъ, произнесла она такъ громко и отчетливо, какъ обыкновенно объявляютъ о какомъ нибудь выдающемся подвигѣ.

И она указала на Руссо и Бланкаса.

Бывшій ухаживатель молодой дѣвушки казался удивленнымъ.

— Двухъ вашихъ телятъ! воскликнулъ онъ.—Вы пришли продать ихъ на убой?

— Да, мосье Аристидъ.

— Значитъ, вы ихъ больше не любите?

— Нѣтъ... люблю... только...

Лали не рѣшилась договорить. Но, повидимому, красивый мясникъ понялъ въ чемъ дѣло, потому что началъ самодовольно покручивать свои длинные, золотыстые усы. Онъ сказалъ:

— Я очень этому радъ, мадемуазель Лали, я очень, очень радъ, что вы стали такой благоразумной. Пройдите за мной вотъ сюда, чтобы дать хозяину моему осмотрѣть приведенныхъ вами телятъ.

Лали послѣдовала за своимъ ухаживателемъ и очутилась передъ очень тучнымъ господиномъ съ яркобагровымъ лицомъ. Этотъ человѣкъ сталъ тщательно осматривать телятъ. Руссо онъ нашелъ уже слишкомъ устарѣвшимъ и предложилъ за него совершенно ничтожную сумму. Но зато ему очень понравился Бланкасъ, и онъ выразилъ готовность дать за него высшую цѣну.

— У меня какъ разъ нѣтъ больше телятины, и мы сейчасъ же зарѣжемъ этого теленка, объявилъ онъ, проводя громадной рукой своей по ребрамъ бѣднаго животнаго.

Лали сильно поблѣднѣла. Она едва слышала, что говорилъ мясникъ. Въ ушахъ ея стоялъ сильнѣйшій звонъ, ноги подкашивались. Вдругъ она почувствовала на рукѣ своей теплое дыханіе. Это былъ Бланкасъ, бѣдный Бланкасъ, который въ испугѣ прижимался къ юбкѣ своей хозяйки. О, какъ онъ сильно дрожалъ!

Лали закрыла глаза... Нѣтъ, у нея не хватитъ силъ. Сейчасъ вотъ упадетъ она въ обморокъ, непремѣнно упадетъ... Не можетъ она дать зарѣзать двухъ своихъ телятъ, двухъ своихъ друзей!.. Холодной рукой придерживалась она за прилавокъ, а тутъ до слуха ея долетѣлъ точно стонъ какой-то грустный и нѣжный призывъ животнаго, идущаго на убой... Это былъ Бланкасъ, котораго Аристидъ велъ на встрѣчу ножу...

Лали открыла глаза... Но ей представилось, что все кругомъ нея начинаетъ вертѣться—и мебель, и стѣны, и люди, и она медленно грохнулась на полъ.

VIII

— Придите въ себя, мадмуазель Лали, придите въ себя, — я не зарѣзалъ ихъ еще и совсѣмъ не зарѣжу ихъ! говорилъ бѣлокурый Аристидъ, давая нюхать крѣпкій уксусъ молодой дѣвушкѣ.

Она услышала его слова и открыла глаза.

— Нѣтъ, я не зарѣжу ихъ, разъ это было бы для васъ столь сильнымъ огорченіемъ... И тѣмъ не менѣе мы съ вами обвѣнчаемся, продолжалъ молодой мясникъ, осыпая поцѣлуями лицо Лали.

Молодой дѣвушкѣ все это казалось сномъ.

— О, Аристидъ! вздохнула, вся преобразившись отъ радости, Лали. — Вы, навѣрное, смѣетесь надо мной... Неужели, несмотря на все, вы рѣшились бы жениться на мнѣ?

— Болѣе чѣмъ когда либо.

— А Руссо, а Бланкасъ?

— Мы выростимъ ихъ и будемъ пахать на нихъ землю.

— Но вы вѣдь мясникъ...

— Нѣтъ, я не хочу быть болѣе мясникомъ. Я буду землепашцемъ, какъ и мои родители, разъ вы этого желаете. Да и вообще имѣть мясную лавку вовсе ужъ не такое выгодное предпріятіе...

Но Аристиду пришлось замолчать, потому что Лали горячо охватила его шею руками и поцѣлуями закрывала ему ротъ, этотъ красивый ротъ съ длинными золотистыми усами.

— Ты, значитъ, очень любишь меня? спросилъ ее тихонько Аристидъ.

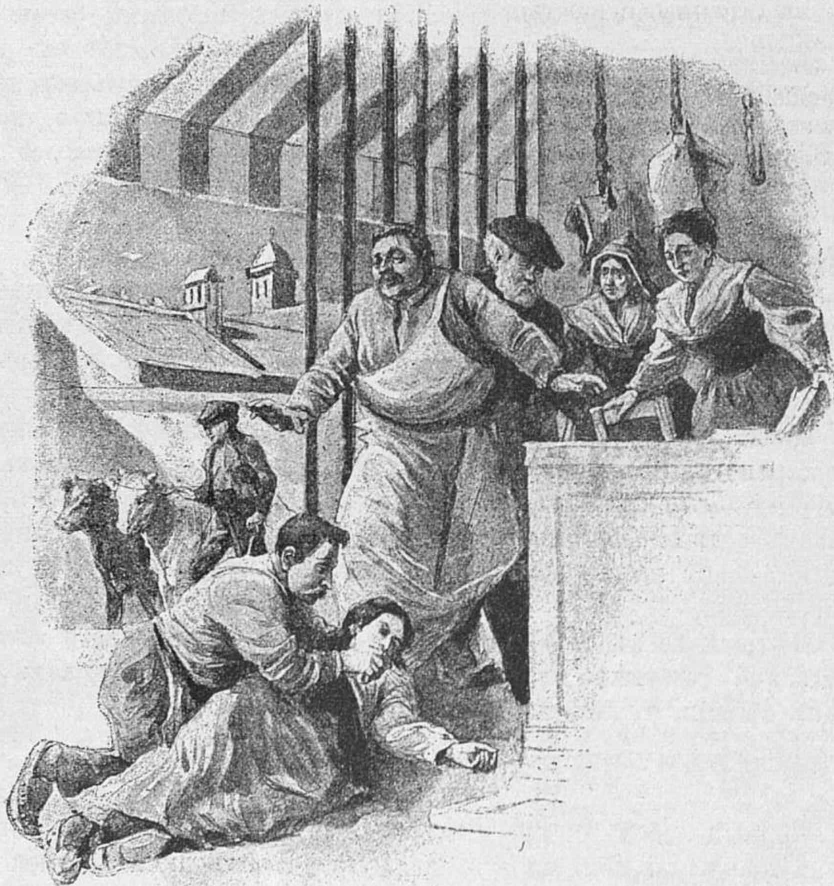
— Да, да!

— И такъ же сильно, какъ и обоихъ своихъ телятъ?

Положимъ, это было нѣсколько требовательно для одного человѣка.

Тѣмъ не менѣе покровительница Руссо и Бланкаса, не колеблясь, объявила, что мужу ея ни на что не придется жаловаться.

На основаніи этого увѣренія Аристиду и Лали предстоитъ быть скоро обвѣнчанными, какъ только родители ихъ познакомятся и сойдутся, а это не замедлитъ случиться, если только они съ полдюжины разочковъ сойдутся вмѣстѣ, сидя за стаканами добраго вина.

ДЕКАДЕНТСКІЕ РАЗСКАЗЫ

Поэмы въ прозѣ — И. Ѳ. ВАСИЛЕВСКАГО (Буквы)

I. Страшный призракъ

за-за зеркальнаго стекла магазина готовыхъ платьевъ пристально-сурово глядятъ на меня лѣтніе бѣлые пикейные панталоны—и жуткій, леденящій холодъ медленно нисходитъ вглубь души моей.

Бѣлый цвѣтъ — страшный цвѣтъ.

Цвѣтъ невѣдомыхъ, безбрежныхъ полярныхъ пространствъ, гдѣ бѣлое небо, сливаясь съ бѣлою землею, лобзаетъ ее поцѣлуемъ смерти, гдѣ бѣлая птица приходитъ въ трепетъ отъ собственнаго голоса, гдѣ милліоны вѣковъ безслѣдно потонули въ бездонной пучинѣ мертвыхъ океановъ.

Цвѣтъ замогильнаго привидѣнія, въ полночь возставшаго изъ гроба, чтобы блуждать съ нѣмымъ укоромъ по стезямъ, орошеннымъ кровью, чтобы исторгать у людей крики и стенанія ужаса и совѣсти, чтобы видѣть ночного филина, притаившагося въ дуплѣ дерева надъ головами влюбленныхъ.

Цвѣтъ покрывала, запахнувшаго зеркало, въ домѣ, гдѣ есть покойникъ.

Цвѣтъ паруса па суднѣ, потерпѣвшемъ крушеніе, отданномъ на произволъ стихіи, бросаемомъ волнами безъ цѣли и конца.

Цвѣтъ угрюмой стѣны, окружающей монастырь или тюрьму, съ гильотиною у входа.

Цвѣтъ сладкой отравы, кристаллизованной въ безвоздушномъ пространствѣ; цвѣтъ актерской пудры на раковой язвѣ; цвѣтъ съ одуряющимъ острымъ запахомъ пролитого эѳира; цвѣтъ, въ которомъ слышится громыханіе костей въ пляскѣ скелетовъ; цвѣтъ, дѣйствующій на осязаніе, какъ мраморная доска стола въ препаровочной.

Нѣтъ, я не въ силахъ выносить, изъ-за зеркальнаго стекла магазина готовыхъ платьевъ, сурово-пристальный взглядъ на меня бѣлыхъ пикейныхъ панталонъ!

II. Лебедь и лилія

Черный лебедь съ краснымъ клювомъ, съ клювомъ краснымъ, какъ кровь изъ-подъ шпаги, безшумно плылъ по уснувшей поверхности людьми забытаго пруда. Ночь опустила свой темный пологъ на землю. Звѣзды таинственно шептались. Шептались таинственно звѣзды. Черный лебедь съ краснымъ клювомъ, съ клювомъ краснымъ, какъ кровь изъ-подъ шпаги, плылъ къ бѣлой лиліи съ золотымъ сердцемъ. Бѣлая лилія росла среди зеленыхъ листьевъ, подъ свѣсившеюся вѣтвью душистаго кипариса. Изъ бѣлой ея чаши глядѣло золотое сердце и, наклоняясь, при солнцѣ, къ водѣ, она подолгу любовалась своимъ отраженіемъ. Въ сумерки теплый вѣтеръ, мягко качая, убаюкивалъ бѣлую лилію и и она видѣла въ радужныхъ снахъ чернаго лебедя съ краснымъ клювомъ, съ клювомъ краснымъ, какъ кровь изъ-подъ шпаги.

Въ черномъ лебедѣ жила душа умершаго поэта. Черный лебедь полюбилъ бѣлую лилію и птицы пѣли гимнъ небу въ день ихъ обрученія. Когда лебедь подплывалъ къ лиліи, она свѣшивалась къ его бархатной шеѣ и нашептывала ему чудныя сказки стараго лѣса.

И они были счастливы. Но ихъ счастье продолжалось недолго.

Въ сѣрый день осенней непогоды охотникъ застрѣлилъ лебедя и бурный вихрь сломалъ увядшую лилію.

И нѣтъ болѣе на забытомъ прудѣ ни бѣлой лиліи съ золотымъ сердцемъ, ни чернаго лебедя съ краснымъ клювомъ, съ клювомъ краснымъ, какъ кровь изъ-подъ шпаги.

Вотъ почему я не могу слышать запаха гуся, зажариваемаго на кухнѣ: онъ мнѣ напоминаетъ чернаго лебедя и бѣлую лилію.

III. Вечеръ

Вечеръ спускается.

Онъ неизбѣженъ, онъ крадется, какъ воръ, онъ приходитъ— и я боюсь его.

Въ человѣкѣ просыпается страхъ ребенка при наступленіи вечера. Время облекается въ трауръ. На оконныхъ стеклахъ гаснутъ цвѣтные блики послѣднихъ лучей свѣта. Вечеръ—союзникъ и предвѣстникъ смерти. Въ мрачной таинственности небытія рѣетъ черная птица и отъ взмаховъ ея крыльевъ я чувствую холодное дуновеніе на лицѣ. Эта птица—символъ женщины, слишкомъ чистой для міра, чтобы окунуться въ него.

Обычный часъ вседневной трагедіи.

Въ комнатѣ, заполненной ползучими сумерками, умираетъ День. Мое жилище—смертный альковъ потухающаго Дня. Еще однимъ Днемъ меньше. Еще одною Ночью больше. Съ каждымъ умершимъ Днемъ, Время ослабляетъ свою власть надъ Пространствомъ.

Зловѣщія тѣни какъ бы скользятъ внутрь комнатнаго зеркала. Зеркало меланхолическій стражъ предметовъ и лицъ. Каждый вечеръ приноситъ ему мучительный кризисъ. Зеркало лишается красокъ и очертаній. Оно становится пропастью.

Почти ощупью подхожу я къ зеркалу и забываюсь, погрузившись въ него. Я ищу себя—и нѣтъ больше меня. Словно изъ за тумана планетной дали, глядитъ блѣдное лицо Неизвѣстнаго, и я читаю на немъ ужасъ и смятеніе.

Холодный потъ выступаетъ на челѣ моемъ. Къ нему слабо прикасается чудная женская рука, держащая крестъ и розу. Она отталкиваетъ меня жестомъ гордыни и упрека.

Но тутъ не одна рука.

Вокругъ меня и надо мною тысячи рукъ: руки любовниковъ, ласкавшихъ бѣлокурыя головки, руки воиновъ, погибшихъ въ сраженіяхъ, руки геніевъ, скользившія по струнамъ и мраморъ ваявшія, руки Добра и Зла, руки мистическія, странныя, необыкновенныя, съ отраженіемъ луннаго свѣта и съ ослѣпительнымъ сіяніемъ солнца, руки мужчинъ, женщинъ и дѣтей, руки молодыя и старыя, крѣпкія и слабыя, прекрасныя и отвратительныя, руки лиліи и руки скелета.

Онѣ давятъ меня, онѣ цѣпляются за меня, онѣ шатаютъ мною изъ стороны въ сторону и я падаю у зеркала, въ которомъ похороненъ умершій День.

Надо мною могила вѣчности... Я задыхаюся въ ней, я умираю...

Но вотъ огонекъ,—жалкій свѣтъ лампы въ корридорѣ меблированныхъ комнатъ—и онъ спасаетъ меня.

Кто можетъ встрѣчать безъ трепета наступленіе вечера?..

Ив. Василевскій

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Кокандъ, Варшава, Екатеринбургъ.

МИНІАТЮРНЫЙ АХРОМАТИЧЕСК. БИНОКЛЬ „ЛИЛИПУТЪ“

со шнуркомъ въ замшевомъ кошелькѣ . . . 8 р. 50 к.

Пересылка за 2 фунта.

„Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ для поля, охоты, путешествія или театра большіе тяжелые бинокли.

Предостереженіе: вслѣдствіе усиленнаго спроса на наши универсальные бинокли „Аргусъ“ и „Лилипутъ“ появились дешевыя, но крайне плохія подделки, поэтому считаемъ долгомъ предупредить гг. покупателей, что настоящіе бинокли нашей фабрики продаются въ Россіи только въ нижеуказанномъ складѣ. Безъ фирмы и фабричнаго клейма — поддѣлка.

Е. КРАУСЪ и К°.

Спеціальная фабрика оптическихъ инструментовъ.

Парижъ, Rue Albouy 21 & 23.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ:

С.-Петербургъ, Мойка, № 42 (у Полицейскаго моста).

Иллюстрированный прейсъ-курантъ оптич. приборовъ и фотографическихъ объектовъ высылается БЕЗПЛАТНО.

Англійское концертино,

инструментъ очень пріятнаго тона, съ полной хроматической гаммою, на которомъ можно легко выучиться играть.

Сопрано 48-тонные въ 24, 30, 40, 50, 70, 100, 120, 140 р. и дороже.

Баритоны 48-тонные въ 80, 160 и 220 руб. Самоучитель Ротштейна 2 рубля.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Б. Морская, 34 и 40;
МОСКВА, Кузнецкій М., д. Захарьина.

ДУХИ ИЗЪ ЦАРСКИХЪ ФІАЛОКЪ

ДУХИ для платковъ. — РИСОВАЯ ПУДРА. МЫЛО.

Изобрѣтеніе ПАРФЮМЕРИ ОРИЗА. Л. ЛЕГРАНЪ, 11, площадь Маделены, Парижъ.

L. Legrand, 11, Pl. de la Madeleine, PARIS.

Лозе спеціальные духи

„MAIGLOECKCHEN“ Лозе,

„GOLDLILIE“ Лозе, „PEAU D'ESPAGNE“ Лозе,

„БѢЛЫЙ ГЕЛІОТРОПЪ“ Лозе,

„СИРИНГА“ Лозе.

НОВО!! НОВО!!

„EDELVEILCHEN“ Лозе, „MIMOSA“ Лозе.

О-ДЕ-КОЛОНЪ ЛИЛАКЪ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, ПРИДВОРНЫЙ ПАРФЮМЕРЪ; Берлинъ, 45, Іегерштрассе, 46.

Продажа въ лучшихъ парфюм., аптекарск. и галант. магазинахъ и у многихъ парикмахеровъ.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО для производства стальныхъ перьевъ ВЪ Г. РИГѢ

изготовляетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества. Продаются во всѣхъ городахъ имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ.

ПАРФЮМЕРИ AUX

VIOLETTES DE PARME

ED. PINAUD

Мыло......	AUX VIOLETTES DE PARME
Эссенція для платковъ..	AUX VIOLETTES DE PARME
Туалетная вода......	AUX VIOLETTES DE PARME
Помада.....	AUX VIOLETTES DE PARME
Масло......	AUX VIOLETTES DE PARME
Рисовая пудра	AUX VIOLETTES DE PARME
Косметикъ..	AUX VIOLETTES DE PARME

37, boulevard de Strasbourg, Paris.

GRAND PRIX — EXPOSITION-PARIS 1889

Э. КИНКМАНЪ и К°.

ВЕЛОСИПЕДОВЪ СКЛАДЪ

Требуйте каталогъ!

СПБ. Гороховая, 4.

ПРИГЛАШАЮТЪ дѣятельныхъ АГЕНТОВЪ. Обращаться письменно: банкирскій домъ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ, СПБ., 59, Невскій.

БРИТВЫ АРБЕНЦА.

Высшее качество гарантировано. Масса аттестатовъ отзывается съ высшей похвалой о неоспоримыхъ качествахъ этихъ бритвъ. Обращать вниманіе на фирму A. Arbenz, Jougne (France). Имѣются у А. Бозе, СПБ. Красн. мостъ, придв. опт. Θ. Швабе въ Москвѣ.

GARANTIE

БОЛЬШОЙ

Французскій Магазинъ

МУЖСКАГО ПЛАТЬЯ.

Невскій просп., № 21, противъ Большой Конюшенной.

Предлагаетъ вновь приготовленныя къ предстоящемувесеннемуилѣтнемусезонамъ:

Элегантное весеннее пальто . . .	20 р.
Нарядный пиджачный костюмъ . .	18 „
Брюки модныя (англійск. рисунокъ)	5 „

а также полученъ громадный выборъ англійскихъ, французскихъ и лучшихъ русскихъ матеріаловъ для пріема заказовъ. **Пріемъ заказовъ на всѣ формы гражданскихъ вѣдомствъ, ВСѢ ЗАКАЗЫ исполняются изящно и акуратно.**

ВЫИГРЫШ-ные 1, 2 и 3 займовъ продаетъ БАНКИРСКІЙ ДОМЪ **ГЕНРИХЪ БЛОККЪ:** 59, Невскій, СПБ.

Лозе Восковое Мыло

ИЗГОТОВЛЕНО ПО РЕЦЕПТУ Д-РА МЕДИЦИНЫ

К. Л. ШЛЕЙХЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.

Неподдѣльно только съ полной фирмой:

45/46 Jägerstr, Berlin. Корол. Придв. Поставщикъ. **Густавъ Лозе.** Berlin, Jägerstr, 45/46. Корол. Придв. Поставщикъ.

Продажа во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и во всѣхъ парикмахерскихъ Россіи.

№ 1420 (16) „Всемірной Иллюстраціи“ сданъ въ пятницу, 12-го апрѣля: на городскую почту въ 4 часа дня, московскимъ подписчикамъ въ 2 часа дня и въ субботу, 13-го апрѣля, иногороднымъ въ 2 часа дня, въ чемъ и имѣются почтовыя расписки.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся: въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
ВЪ МОСКВѢ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ.
ВЪ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи „Вѣстника Винодѣлія“ В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

Дозв. цензурою. СПб. 18-го апрѣля 1896 г. За издателя — редакторъ Э. Д. ГОППЕ. Типографія Эд. Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

сѣлъ къ своему письменному столу, предварительно посмотрѣвъ—въ порядкѣ ли лампа. Нѣкоторое время лѣсничій сидѣлъ молча, нагнувъ голову впередъ, сложивъ руки на тетради, точно кающійся. Это, дѣйствительно, была его исповѣдь, только съ той разницею, что не на ухо священнику шепталъ онъ свои признанія, а излагалъ ихъ самому себѣ и Господу Богу по чистой совѣсти, безъ всякаго запирательства.

Ему никогда еще не случалось прочитывать этихъ замѣтокъ, составлявшихся нѣсколько лѣтъ подрядъ, въ ихъ общей связи, чтобы судить—на сколько здѣсь одно соотвѣтствуетъ другому и соотвѣтствуетъ ли все цѣлому. Онъ хотѣлъ это сдѣлать въ настоящій рѣшительный часъ. То была провѣрка большой и запутанной задачи.

2-е апрѣля 1874 г.

Вотъ мы и пріѣхали: monsieur, madame et bébé! Мнѣ уже сообщили, что мой предшественникъ, покидая этотъ домъ, произнесъ ужасное проклятіе надъ тѣмъ, кто будетъ жить здѣсь послѣ него. Я не вѣрю въ силу проклятій, въ особенности если они, какъ было въ настоящемъ случаѣ, произносятся человѣкомъ, который былъ принужденъ очистить свое мѣсто, потому что онъ tout simplement спился съ круга и, слѣдовательно, имѣлъ причину проклинать другихъ въ виду своего полнаго моральнаго, физическаго и экономическаго крушенія. Зато насъ благословилъ добрый старикъ, начальникъ лѣсного округа, когда я являлся къ нему въ Зундинѣ, хотя и въ его благословеніи сказывалось что-то не совсѣмъ успокоительное.

— Желаю вамъ, любезный коллега, сказалъ онъ,—прожить съ помощью Божіей долгіе годы въ мирѣ, радости и спокойствіи на прекрасномъ здѣшнемъ посту, принося пользу государству.

Въ мирѣ и радости—à la bonne heure! Но „долгіе годы" и „въ спокойствіи?" Вѣдь это можно понять такъ, какъ будто переходъ отъ званія помощника къ званію старшаго лѣсничаго представляетъ для меня не только завидное повышеніе—съ чѣмъ я готовъ съ благодарностью согласиться—но и конечную цѣль моей служебной карьеры, что мнѣ не совсѣмъ-то пріятно слышать. Не ради себя! Меня нельзя упрекнуть въ нескромности—относительно своей особы nota bene! Но разъ мнѣ приходится служить государству, то почему бы и не расширить сферы своей дѣятельности вмѣсто того, чтобъ оставаться простымъ лѣсничимъ. Впрочемъ, однако, что Богъ дастъ. Я молчу ужъ потому, что мало пользы въ томъ, если станешь роптать на судьбу.

А пока мнѣ не на что жаловаться. Третьяго дня и вчера я исколесилъ по всѣмъ направленіямъ свой участокъ въ экипажѣ, верхомъ и пѣшкомъ; осмотрѣлъ тридцать тысячъ померанскихъ морговъ, включая луга, пустоши и степи, а также оба озера, большое и малое. Выговорить и написать „тридцать тысячъ морговъ" очень легко. На самомъ же дѣлѣ это чудовищное пространство, и такой участокъ обѣщаетъ мнѣ очаровательную жизнь, если вся прелесть существованія заключается въ усиленной, напряженной работѣ. Да, мой любезный предшественникъ, ваши алкоголическія наклонности не служатъ вамъ извиненіемъ въ томъ, что вы такъ страшно запустили лѣсъ, а вамъ, достойнѣйшій начальникъ, позвольте при всемъ моемъ уваженіи замѣтить, что государство выиграло бы, будь въ васъ поменьше учености и поменьше добродушнаго снисхожденія. По крайней мѣрѣ, я поклялся самому себѣ никогда не злоупотреблять вашей милой слабостью, и вы можете положиться на то, что я сдержу свое слово.

* * *

Хоть бы погода-то немножко поправилась! Конечно, она не хуже того, какъ обыкновенно бываетъ въ началѣ апрѣля: упорные холодные дожди и очень рѣдко теплое солнышко. Но когда, какъ мнѣ, приходится съ утра до вечера оставаться на открытомъ воздухѣ—это крайне неудобно, да и окружающая мѣстность также мало выигрываетъ при этомъ. Эльфридѣ, конечно, любопытно

узнать—можно ли здѣсь вообще когда нибудь любоватьсл природой. Бѣдняжка Эльфрида! Она всѣми силами старается поддержать свою обычную веселость, однако я вижу по ея лицу, что у ней часто готовы хлынуть слезы, и навѣрно моя жена плачетъ, когда меня нѣтъ дома. Она тоскуетъ по своимъ синеватымъ Тюрингенскимъ горамъ, а между тѣмъ онѣ такъ далеко, ахъ, какъ далеко! Напрасно я утѣшаю ее, увѣряя, что наше жилище получитъ совсѣмъ иной видъ, когда мы приведемъ въ порядокъ большой запущенный садъ позади дома, а при наступленіи мая все распустится и зацвѣтетъ вокругъ и когда буковый лѣсъ раскинетъ у насъ надъ головами свой шатеръ, красуясь свѣжей, нѣжно зеленой листвой. А хвойныя-то деревья, которыя занимаютъ большую часть здѣшняго округа! Вѣдь они, какъ извѣстно, ярко зеленѣютъ даже зимою на бѣломъ фонѣ пушистаго снѣга. Я до того увлекся, что началъ описывать прелести сельскаго пейзажа въ Помераніи въ разгарѣ лѣта. На необозримыхъ поляхъ волнуются отъ вѣтра созрѣвающіе хлѣба. Звонкоголосые жаворонки взлетаютъ изъ этого моря колосьевъ къ синему небу, заливаясь своими серебристыми трелями, а на сочныхъ лугахъ пасутся безчисленныя стада. Мое описаніе, говоря откровенно, было почерпнуто мною изъ одного романа, который я только что прочиталъ ad hoc. Не потому ли, слушая меня, Эльфрида недовѣрчиво покачала своей хорошенькой головкой и вымолвила съ сатирическимъ оттѣнкомъ, который такъ рѣдко проглядываетъ у ней: — Пожалуй, все это великолѣпно для безсловесной Божьей твари, но для человѣка едва ли достаточно. Впрочемъ, людей здѣсь, можетъ быть, и совсѣмъ не водится; по крайней мѣрѣ, что-то я ихъ не встрѣчаю.

Чисто женское преувеличеніе! Однако, сказать по правдѣ, до сихъ поръ мы почти никого не видѣли, кромѣ своей прислуги да моихъ лѣсниковъ. Но вѣдь все это новые, вполнѣ чуждые намъ, люди, хотя, кажется, и славный народъ сами по себѣ. А въ добавокъ ихъ нижнегерманское нарѣчіе, на которомъ они постоянно говорятъ съ нами, а между собой и подавно! Мнѣ, положимъ, оно нравится; я всѣми силами стараюсь понимать его и ужъ кое-что въ немъ маракую, начиная самъ немного объясняться по здѣшнему, но маленькая упрямая женщина находитъ эту рѣчь отвратительной и объявила, что не хочетъ и не станетъ ей учиться.

Она способна исполнить свою угрозу: иностранные языки не по ея части. Зато, держу пари, не пройдетъ и мѣсяца, какъ моя жена будетъ стоять на дружеской ногѣ со всѣмъ этимъ мелкимъ людомъ, познакомится подробно съ его радостями и печалями, и вскорѣ я услышу отъ нея: — А знаешь, Раймундъ, тебѣ непремѣнно надо выхлопотать прибавку жалованья лѣснику Амсбергу... Или: — Послушай, Раймундъ, что я хотѣла тебѣ сказать: сегодня мнѣ случилось побывать у надзирателя, который смотритъ за шоссейной дорогой; положимъ, хоть намъ и нѣтъ никакого дѣла до этихъ людей, однако...

Милая, добрая! Пускай бы всѣ питали такую ненависть къ людямъ отъ полноты любви!

* * *

А все-таки мнѣ удалось найти — и даже вблизи нашего дома — такое мѣстечко, которое должно понравиться даже Эльфридѣ.

За нашимъ продолговатымъ, узкимъ садомъ простирается большой, широкій участокъ земли, имѣющій претензію называться питомникомъ деревьевъ и другихъ растеній, хотя до сихъ поръ изъ него извлекали пользу, пожалуй, только одни полевые зайцы въ зимнее время. Питомникъ опоясываетъ заросшая тиной канава, черезъ которую переброшенъ мостикъ безъ перилъ; онъ ведетъ прямо въ лѣсъ (здѣсь исключительно хвойный) и на запущенную лѣсную дорогу; послѣдняя пересѣкаетъ боръ почти по прямой линіи съ востока на западъ. До восточнаго края лѣса довольно далеко, а до западнаго всего какихъ нибудь десять минутъ ходьбы. Выйдя къ опушкѣ, вы видите передъ собою громадную равнину. Тутъ васъ поражаетъ странная игра природы, если только это не дѣло рукъ человѣческихъ, что мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ: на самомъ

краю дороги, при выходѣ ея изъ лѣса, возвышается холмъ высотою съ порядочный домъ; онъ сильно напоминаетъ исполинскій курганъ надъ могилой великана, какіе часто встрѣчаются въ здѣшней мѣстности. Отсутствіе эрратическихъ каменныхъ глыбъ, которыми обыкновенно окружаютъ эти могилы-памятники древности, еще не опровергаетъ моего предположенія. Камни могли съ теченіемъ времени уйти въ рыхлую почву или послужить окрестнымъ жителямъ матеріаломъ для построекъ въ этой песчаной странѣ, гдѣ камень рѣдокъ, а потому цѣнится дорого. Но какимъ образомъ очутился на вершинѣ холма колоссальный дубъ — этого я до сихъ поръ не могу разгадать. Пожалуй, онъ остался отъ первобытнаго дубоваго лѣса, который нѣкогда покрывалъ эту площадь, а впослѣдствіи былъ вытѣсненъ хвойными деревьями. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ существовать тутъ съ эпохи древнихъ кургановъ, такъ какъ по моему разсчету этому дубу не болѣе пятисотъ лѣтъ.

Какъ бы то ни было, но одинокая возвышенность служитъ своего рода достопримѣчательностью среди здѣшнихъ безотрадно плоскихъ, унылыхъ равнинъ, которыя можно окинуть взглядомъ на далекое разстояніе, взобравшись на холмъ. Конечно, отсюда открывается видъ не во всѣ стороны, а только полукругомъ, потому что позади холма тянется вправо и влѣво опушка лѣса прямою, почти необозримою, линіей. Да и та картина, которую вы видите передъ собою, не отличается особой живописностью: обсаженное тополями шоссе, на краю котораго стоитъ мой домъ, ведетъ въ Зундинъ; на ружейный выстрѣлъ вправо отъ холма оно выходитъ изъ лѣсу и, описывая широкую дугу, направляется къ сѣверу. Тамъ и сямъ, точно островки, на сыромъ болотистомъ грунтѣ равнины, лишь кое-гдѣ подернутомъ зелеными полосами, выступаютъ мызы, однѣ покрупнѣе, другія помельче, числомъ не болѣе полудюжины. Единственной pièce de résistance можно назвать большой помѣщичій домъ въ видѣ замка, передній фасадъ котораго виднѣется на разстояніи около трехъ тысячъ шаговъ. Лѣтомъ онъ, вѣроятно, утопаетъ на половину въ зелени парка, обнесеннаго бѣлой оградой, украшенной на равныхъ промежуткахъ вазами и статуями на возвышенныхъ пилястрахъ. Эта стѣна отдѣляетъ величавое господское жилище отъ міра обыкновенныхъ смертныхъ. Имѣніе называется Мёлленгофъ, какъ сообщилъ мнѣ Амсбергъ, и принадлежитъ нѣкоему барону Кардовъ; кромѣ Мёлленгофа, баронъ владѣетъ еще многими помѣстьями въ здѣшнемъ округѣ и на сосѣднемъ островѣ Рюгенѣ. Можетъ быть, владѣлецъ приходится родственникомъ тому Кардову, съ которымъ мы вмѣстѣ командовали форпостомъ смѣшаннаго типа подъ Парижемъ. На сколько помнится, тотъ былъ поразительно красивый и элегантный мужчина, немного помоложе меня; мы не сошлись между собою, несмотря на близкія служебныя отношенія и общую смертельную опасность погибнуть подъ ядрами, летавшими съ Fort Valérien. Онъ бѣсилъ меня своей безумной отвагой, не согласной со служебной дисциплиной; въ ней я видѣлъ только одну заносчивость кичливаго дворянскаго сынка. Правда, разъ мнѣ показалось, что онъ ищетъ смерти, но я приписалъ это просто пресыщенію, потому что Кардовъ, несмотря на свою молодость, смахивалъ на человѣка сильно пожившаго. Послѣ того я потерялъ его изъ виду. Весьма возможно, что мнѣ удастся разузнать что нибудь о немъ, когда мы съ женой поѣдемъ въ Мелленгофъ съ визитомъ. Намъ давно пора представиться своимъ сосѣдямъ хотя бы для того, чтобы разсѣять Эльфриду, пока она не впала окончательно въ меланхолію.

* * *

Но вотъ у нея явилось разнообразіе въ жизни, какого я менѣе всего желалъ для моей бѣдной жены: нашъ маленькій Бернгардъ серьезно прихворнулъ эти дни. Настоящей опасности еще не предвидѣлось, какъ увѣрялъ меня сегодня молодой врачъ, котораго я выписалъ на удачу изъ Гримма и который внушилъ мнѣ довѣріе своей спокойной сдержанностью. Внезапная перемѣна климата, а, пожалуй, и привычнаго образа жизни не могла остаться безъ вліянія на нѣжный организмъ ребенка. Доктора, казалось, удивило раннее умствен-

2*

ное развитіе нашего четырехлѣтняго мальчика; по крайней мѣрѣ онъ старался мнѣ внушить, что не слѣдуетъ искусственно развивать его природной впечатлительности и живости. Трудно будетъ втолковать это Эльфридѣ, которая не обладаетъ особымъ педагогическимъ талантомъ и видитъ въ нашемъ, пока еще единственномъ, ребенкѣ настоящее чудо.

Точно каждое дитя само по себѣ не чудо, не небесный сосудъ, наполненный множествомъ драгоцѣнныхъ даровъ, которые составляютъ безконечное множество задатковъ будущаго! А на самомъ дѣлѣ, какъ мало осуществляется надеждъ, подаваемыхъ ребенкомъ. Природа сама заботится о томъ, чтобы деревья не доростали до неба. Пусть такъ! Но не съ насмѣшливымъ пожатіемъ плечъ, а со слезами на глазахъ слѣдовало бы говорить объ этомъ.

* * *

Наконецъ-то „чуждые пришельцы“ сдѣлали первый робкій шагъ къ сближенію съ сосѣдами. Будемъ откровенны: эта попытка не увѣнчалась блестящимъ результатомъ. Собственно я былъ къ тому готовъ и мнѣ стало досадно только за Эльфриду, когда нашъ первый выѣздъ доставилъ намъ такъ мало удовольствія. Самымъ пріятнымъ изъ всего этого было катанье въ прекрасную—теплую, тихую—погоду въ охотничьемъ фаэтонѣ, который я пріобрѣлъ вмѣстѣ съ парой лошадей отъ своего предшественника, по моему личному мнѣнію, за ничтожную цѣну, тогда какъ господинъ Шпехтъ, владѣлецъ Кацнова, клянется—будто бы я переплатилъ вдвое противъ того, что стоитъ „вся эта музыка“. По моему, говорить такъ было не совсѣмъ любезно и, какъ я полагаю, даже не очень добросовѣстно съ его стороны. По крайней мѣрѣ, пара вороныхъ, которыхъ онъ предлагалъ мнѣ на промѣнъ (съ приплатой двухъ сотъ марокъ), была, кажется, нисколько не лучше моихъ рыжихъ. Впрочемъ, господинъ Шпехтъ увѣрялъ меня за стаканомъ весьма посредственнаго краснаго вина въ своемъ неизмѣнномъ расположеніи и просилъ безъ церемоніи обращаться къ нему за всякой справкой и совѣтомъ въ случаѣ надобности. Однако я рѣшилъ не злоупотреблять его предупредительностью.

Отъ него мы поѣхали дальше по проселочной дорогѣ и пересѣкли шоссе, направляясь къ другому помѣстью, по названію Унгнеръ, которое принадлежитъ нѣкоему Лахмунду. Трудно представить себѣ кличку болѣе не по шерсти; этотъ Лахмундъ *) настоящее воплощеніе суровой молчаливости, а его долговязая, сухопарая половина, если возможно, еще превосходитъ своего мужа въ непривѣтливости. Впрочемъ, г-нъ Шпехтъ, который, говоря мимоходомъ, оказался холостякомъ, чего мы не знали раньше, приготовилъ насъ къ тому. И здѣсь нечему удивляться: у Лахмундовъ куча дѣтей, а въ имѣніи плохая земля, которая приноситъ мало доходовъ. Бѣдняжка Эльфрида! Подъ строгимъ взглядомъ озлобленной женщины она сидѣла на жесткомъ диванѣ какъ испуганная птичка, въ гнѣздо которой заглядываетъ змѣя. Я постарался, на сколько позволяли приличія, сократить нашъ визитъ, чтобъ выйти изъ этого тягостнаго положенія, и мы вздохнули свободно, когда снова усѣлись въ свой экипажъ и покатили, опять-таки по проселочной дорогѣ, въ Грибеницъ, главное имѣніе графа Грибена. Однако гнѣздо знатныхъ птицъ оказалось пустымъ: графъ былъ въ Берлинѣ на важномъ засѣданіи въ палатѣ господъ, а графиня гостила гдѣ-то у замужней дочери. Зато мы имѣли честь раскланяться съ ихъ дочерьми, двумя молодыми графинями—гордыми, стройными амазонками, которыя встрѣтились намъ на обратномъ пути черезъ паркъ въ сопровожденіи какого-то кавалера и грума.

Этимъ закончились наши похожденія по сосѣднимъ имѣніямъ, лежащимъ на восточной сторонѣ моего лѣснаго участка. Эльфрида хотѣла ѣхать домой, но времени до обѣда оставалось еще много, погода стояла прекрасная, и если до сихъ поръ счастье не улыбнулось намъ на востокѣ, то отчего было не попытать его на западѣ, разъ мы уже выбрались изъ своего жилища?

---

*) Lachmund (Лахмундъ)—въ переводѣ значитъ смѣющійся ротъ.

Изъ Грибеница мы могли слѣдовать по Грюнвальдскому шоссе до того пункта, гдѣ оно поворачиваетъ въ сторону отъ нашего, идущаго на Зундинъ, но тогда намъ пришлось бы проѣхать мимо своего собственнаго дома, а, добравшись до него, мы едва ли бы почувствовали охоту двинуться дальше. Поэтому я свернулъ въ лѣсъ по дорогѣ, пересѣкающей его почти параллельно съ шоссе. Это былъ настоящій проселокъ во вкусѣ моего предшественника, съ глубочайшими колеями и страшными выбоинами по мѣстамъ. Тѣмъ не менѣе проѣхаться здѣсь было очень пріятно. Высокія деревья стояли еще, конечно, обнаженными, но подлѣсокъ, послѣ теплаго дождя въ послѣдніе дни, уже зазеленѣлъ; овраги и прогалины успѣли одѣться густой травой, а пѣніе птицъ, гдѣ преобладалъ голосъ зяблика, сопровождало насъ всю дорогу. Эльфрида, не бывавшая тутъ ни разу, пришла въ восторженное настроеніе, въ особенности, когда мы ѣхали по сѣверному берегу озера, которое разстилалось передъ нами на всемъ своемъ протяженіи. Дѣйствительно, это была прелестная картина, сказочной красоты: неподвижная, даже при солнечномъ свѣтѣ, почти черная гладь воды, гдѣ отражались, какъ въ зеркалѣ, до малѣйшихъ подробностей прибрежный тростникъ, камышъ и осѣнявшіе озеро высокіе буки.

Когда мы выѣхали изъ лѣсу, передъ нами открылся видъ на красивую помѣщичью усадьбу въ имѣніи Брандсгагенъ. Заслышавъ стукъ нашего экипажа, хозяинъ, г-нъ Моэнъ, встрѣтилъ насъ внизу двойной лѣстницы, которая вела къ невысокому крыльцу; костюмъ почтеннаго владѣльца оставлялъ многаго желать, но его лицо смотрѣло привѣтливо, а въ неуклюжихъ манерахъ проглядывала, какъ мнѣ показалось, искренняя предупредительность. Онъ крикнулъ черезчуръ громкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ озабоченнымъ голосомъ:—Эмилія! Эмилія! И на его зовъ къ намъ вышла высокая бѣлокурая женщина лѣтъ двадцати-пяти, которую можно было назвать красивой или во всякомъ случаѣ чрезвычайно симпатичной. На ея щекахъ игралъ живой румянецъ, а большіе синіе глаза смотрѣли умно и ласково. Насъ провели въ простую, но уютную гостиную влѣво отъ прихожей, и не успѣли дамы сѣсть на диванъ, а мы, мужчины, на стулья подлѣ круглаго стола, какъ между нами очутились уже двѣ бутылки краснаго вина. Моэнъ проворно откупорилъ ихъ пробочникомъ, вытащеннымъ изъ кармана, и предложилъ намъ чокнуться за доброе знакомство. Мы вѣжливо отвѣтили ему, причемъ хозяинъ настоялъ на томъ, чтобы я осушилъ стаканъ до дна; я не могъ отказать ему, такъ какъ гостепріимный сосѣдъ первый подалъ мнѣ примѣръ. Къ сожалѣнію, дамы покинули насъ черезъ нѣсколько минутъ, потому что г-жа Моэнъ вздумала показать Эльфридѣ свое хозяйство; мы остались съ Моэномъ наединѣ, и тутъ я понялъ—почему онъ откупорилъ сразу обѣ бутылки. Хотя меня теперь уже не принуждали больше выпивать „до дна“, однако первая бутылка опустѣла въ одну минуту; вторую вскорѣ постигла та же участь, и, вѣроятно, за ней послѣдовали бы третья и четвертая—хозяинъ ужъ велѣлъ принести ихъ,—но я рѣшительно отказался составить ему компанію. Тутъ, къ счастью, вернулись и наши дамы, такъ что намъ съ Эльфридой можно было откланяться послѣ взаимныхъ увѣреній, что мы надѣемся дѣятельно поддерживать наше знакомство.

Едва нашъ экипажъ выѣхалъ со двора, какъ жена сообщила мнѣ двѣ важныхъ новости: во первыхъ, она совершенно влюбилась въ г-жу Моэнъ, а во вторыхъ, баронъ Кардовъ, владѣлецъ Мёлленгофа, оказывался дѣйствительно моимъ боевымъ товарищемъ во время военныхъ дѣйствій зимою семидесятаго года подъ Парижемъ. Баронъ самъ говорилъ о томъ г-жѣ Моэнъ, когда они встрѣтились вчера на рынкѣ въ Гриммѣ; Кардовъ и его супруга даже удивлялись—почему мы до сихъ поръ „обходимъ ихъ своимъ визитомъ“.

— Это очень мило сказано, прибавила Эльфрида,—однако я попросила бы тебя отложить наше посѣщеніе до другого раза. Я чувствую себя немного утомленной.

Тогда я приказалъ Карлу ѣхать домой.

* * *

Прошло три дня, а мы все еще не собрались въ Мёлленгофъ: Эльфрида потеряла къ тому всякую охоту, узнавъ отъ фрау Моэнъ, которая сдѣлалось теперь ея задушевной пріятельницей, что баронесса, урожденная графиня Древеницъ, съ острова Рюгена, „страшно гордится своей дворянской кровью и тщательно избѣгаетъ всякаго сближенія съ женами помѣщиковъ не знатнаго рода и арендаторовъ. Эльфрида предложила мнѣ поѣхать въ Мёлленгофъ одному, однако я отвѣчалъ ей, что послѣ того, какъ мы оставили наши карточки въ замкѣ Грибенъ, такой шагъ покажется демонстраціей, тѣмъ болѣе рѣзкой съ нашей стороны, что баронъ, хотя и не прямо, выразилъ желаніе видѣть насъ у себя. Однако до сихъ поръ мнѣ не удалось убѣдить въ необходимости этого визита мою обыкновенно уступчивую Эльфриду.

Говоря откровенно, у меня у самого нѣтъ особенной охоты возобновить знакомство съ барономъ. Чѣмъ яснѣе встаетъ въ моемъ воспоминаніи нравственный обликъ бывшаго товарища, тѣмъ сильнѣе отталкиваетъ меня мысль снова сойтись съ человѣкомъ, съ которымъ мы не могли сблизиться даже въ виду общей смертельной опасности, что, какъ извѣстно, легче всего роднитъ между собою людей.

Кромѣ этихъ причинъ есть еще нѣчто другое, чего нельзя объяснить моей понятной робостью передъ знакомствомъ съ важнымъ сосѣдомъ, это какое-то смутное предчувствіе, суевѣрный страхъ передъ невѣдомымъ бѣдствіемъ, которымъ будто бы грозитъ мнѣ нашъ визитъ въ Мёлленгофъ. Я сержусь на себя за такое малодушіе, потому что вовсе не суевѣренъ и все это кажется мнѣ совершенной нелѣпостью, хотя отъ нея нѣтъ силъ отдѣлаться. Изъ боязни поддержать упрямство Эльфриды я, конечно, не говорю ей ни слова о томъ, что происходитъ со мною. Мы непремѣнно должны поѣхать къ барону и баронессѣ Кардовъ; я, во чтобы то ни стало, настою на этомъ, потому что не терплю никакихъ ложныхъ страховъ, никакихъ призраковъ въ своей жизни.

* * *

Узелъ развязанъ—баронъ предупредилъ насъ: сегодня послѣ нашего обѣда мы увидали подъѣзжающій къ крыльцу открытый экипажъ, гдѣ сидѣлъ господинъ съ красавцемъ мальчикомъ. Я стоялъ у окна своего кабинета. Увидавъ меня, господинъ сталъ раскланиваться, подавать мнѣ знаки, выпрыгнулъ изъ фаэтона и такъ быстро прошелъ черезъ палисадникъ, что я успѣлъ встрѣтить его только у дверей.

— Вы, конечно, не узнаете меня. Я баронъ Фрицъ Кардовъ.

Это было сказано съ такой дружеской любезностью, что я былъ бы варваромъ, еслибъ не пожалъ отъ всей души протянутой мнѣ руки.

Эльфрида сидѣла въ саду; я хотѣлъ послать за ней, но баронъ не допустилъ этого, говоря, что самъ пойдетъ представиться хозяйкѣ дома, предварительно взявъ изъ экипажа своего сына, если я позволю привести къ намъ ребенка.

Онъ бросился обратно и вернулся черезъ минуту съ необыкновенно красивымъ мальчикомъ, котораго называлъ Гансомъ; послѣ чего мы всѣ трое отправились въ садъ, гдѣ не безъ труда отыскали Эльфриду; она толковала со столяромъ о постройкѣ плетеной бесѣдки въ самомъ отдаленномъ углу нашихъ владѣній. Баронъ тѣмъ временемъ вспоминалъ нашу жизнь на аванпостѣ, удивляя меня свѣжестью своей памяти, въ которой сохранились даже самыя ничтожныя подробности. При этомъ онъ сдѣлалъ странное замѣчаніе—будто бы мы не сошлись съ нимъ въ то время только изъ-за моей гордой сдержанности. По его словамъ мнѣ, какъ старшему годами и стоявшему выше по служебному рангу, слѣдовало сдѣлать первый шагъ къ сближенію, чего я дѣйствительно не сдѣлалъ и теперь былъ принужденъ сознаться въ своей оплошности.

Неужели въ отвѣтъ на ласковую обходительность барона я долженъ былъ сказать ему, что онъ мнѣ показался тогда своенравнымъ дворянчикомъ, какихъ я имѣлъ обыкновеніе избѣгать?

Впрочемъ, у него и теперь нѣтъ недостатка въ этомъ свойствѣ; но если

онъ попрежнему остался избалованнымъ аристократомъ, то, по крайней мѣрѣ, не обнаруживалъ несимпатичныхъ сторонъ своего характера; къ тому же при немъ находился сегодня адвокатъ, говорившій въ пользу барона Кардова еще краснорѣчивѣе его собственной милой привѣтливости. Видъ красивыхъ дѣтей неотразимо дѣйствуетъ на меня, я просто готовъ на нихъ молиться, а болѣе красиваго мальчика, чѣмъ его Гансъ, мнѣ едва ли приводилось видѣть, и я положительно нс встрѣчалъ ребенка милѣе этого. Большіе блестящіе свѣтлокаріе глаза, чудная улыбка на прелестномъ личикѣ, необыкновенно высокій ростъ для его шести лѣтъ и гибкая, какъ тростникъ, фигурка. Все это, въ соединеніи съ граціей быстрыхъ движеній мальчика, приводило меня въ совершенный восторгъ, и я не могъ дождаться той минуты, когда Эльфрида увидитъ „мое новое пріобрѣтеніе“, подъ которымъ я подразумѣвалъ вовсе не барона, а его сынка.

Наконецъ, мы отыскали Эльфриду; тутъ я долженъ сознаться въ одной слабости, которой положительно стыжусь. Когда мы дѣлали визиты прочимъ сосѣдямъ, я не думалъ задавать себѣ вопроса—какъ люди найдутъ мою жену; сегодня же, представляя ее элегантному кавалеру, я напряженно слѣдилъ за его миной, чтобы узнать по глазамъ Кардова—какое впечатлѣніе произвела на него Эльфрида. И я могъ остаться вполнѣ довольнымъ: баронъ казался даже немного пораженнымъ; очевидно онъ не ожидалъ ничего особеннаго отъ жены старшаго лѣсничаго. Эльфрида, какъ нарочно, была сегодня необыкновенно интересна и въ свои двадцать три года смотрѣла семнадцатилѣтней дѣвушкой. Кардовъ замѣтилъ, что онъ не повѣритъ—будто бы у насъ есть четырехлѣтній сынъ, пока не убѣдится въ томъ собственными глазами. И когда нашъ малышъ, въ существованіи котораго позволилъ себѣ усомниться любезный сосѣдъ, былъ позванъ со своей нянькой съ противоположнаго конца сада, я съ удовольствіемъ увидалъ—опять таки малодушный порывъ!—что сынъ простого лѣсничаго нисколько не проигрываетъ наряду съ красивымъ, какъ картина, маленькимъ барономъ. Начались, конечно, неизбѣжныя сравненія, была опредѣлена разница возрастовъ обоихъ мальчиковъ (два года) и былъ констатированъ тотъ фактъ, что Гансъ унаслѣдовалъ каріе глаза отъ баронессы, а Бернгардъ отъ своего папеньки.

Такъ какъ, несмотря на яркое солнечное сіяніе, въ саду, по моему мнѣнію, было нѣсколько свѣжо для дѣтей при довольно чувствительномъ восточномъ вѣтрѣ, то я посовѣтовалъ войти въ комнаты, а Эльфрида предложила гостямъ кофе или чего нибудь другаго, чтобъ освѣжиться съ дороги. Однако баронъ съ благодарностью отклонилъ всякое угощеніе и попросилъ только стаканъ воды для Ганса; онъ сказалъ, что они еще не обѣдали и ничего не ѣдятъ въ эту пору дня. Кромѣ того ему надо сейчасъ отправляться домой, если онъ не хочетъ получить выговора, а передъ отъѣздомъ онъ долженъ передать порученіе отъ своей жены, которая проситъ насъ завтра, въ пять часовъ, пожаловать къ нимъ запросто на обѣдъ, „совершенно sans gêne, совершенно en famille“. Онъ охотно пригласилъ бы и нашего маленькаго Бернгарда послѣ того, какъ имѣлъ удовольствіе съ нимъ познакомиться, но опасается возраженій со стороны его мамы, которая, пожалуй, побоится везти ребенка вечеромъ.

Всѣ подобные вопросы свѣтской вѣжливости я имѣю привычку предоставлять женщинамъ. Эльфрида такъ рѣшительно возставала противъ нашей поѣздки въ Мёлленгофъ, что я не сталъ стѣснять ее насчетъ отвѣта на это приглашеніе и не безъ злорадства услыхалъ, что она съ удовольствіемъ принимаетъ его. Въ знакъ благодарности Кардовъ поцѣловалъ ей руку, а мнѣ сказалъ, что встрѣча съ прежнимъ боевымъ товарищемъ была для него настоящимъ праздникомъ, причемъ выразилъ надежду, что наши мальчики также, въ свою очередь, сдѣлаются добрыми товарищами. Съ этими словами онъ посадилъ своего Ганса въ экипажъ, прикрылъ ему колѣни шелковымъ одѣяльцемъ, сѣлъ рядомъ съ нимъ, и они укатили.

Значитъ, это дѣло рѣшенное: завтра мы будемъ въ Мелленгофѣ. Мы съ Эльфридой оба пришли къ тому заключенію, что баронъ положительно очаровательный господинъ и что намъ не стоитъ бояться гордой своимъ знатнымъ происхожденіемъ баронессы, урожденной графини Древеницъ съ острова Рюгена.

Написавъ эти строки, я остановился посреди комнаты и торжественно прогналъ отъ себя пугающій призракъ, который всѣ эти дни увивался за мною и нашептывалъ мнѣ, что поѣздка въ замокъ грозитъ намъ страшной бѣдой. Могу удостовѣрить по чистой совѣсти, что призракъ не вернулся больше, даже при наступленіи ночи, самой благопріятной поры для привидѣній.

* * *

Я веду этотъ дневникъ со временъ студенчества, но еще до сихъ поръ записываніе различныхъ фактовъ изъ моей жизни и моихъ мыслей никогда не доставляло мнѣ такого удовольствія, какъ теперь, хотя прежде у меня подъ рукою былъ несравненно болѣе интересный матеріалъ, напримѣръ, въ эпоху кампаніи и тотчасъ послѣ нея. Надо думать, что я сталъ теперь умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ. Иногда я упрекаю себя за то, что трачу столько времени на эти замѣтки. Но дѣло въ томъ, что я унаслѣдовалъ отъ моей дорогой матери болѣзненную наклонность къ безсонницѣ, что и заставило меня прибѣгнуть къ этому средству коротать свои мучительныя ночи; теперь я сплю еще меньше и слѣдовательно не отнимаю ни у кого часовъ, посвящаемыхъ своимъ запискамъ. Признаюсь откровенно еще въ одной слабости: мнѣ очень хотѣлось когда-то сдѣлаться великимъ писателемъ. Въ отроческіе и юношескіе годы моей завѣтной мечтой было наполнить міръ своей славой. Но, къ счастью, эти честолюбивыя мечтанія своевременно разсѣялись, какъ дымъ: сначала у меня явилось смутное подозрѣніе, а потомъ и увѣренность, что я жестоко ошибся. То, что я считалъ могучимъ пламенемъ, оказалось скромнымъ огонькомъ, который былъ неспособенъ распространять вокругъ сіянье, а, самое большое, могъ освѣтить своимъ слабымъ свѣтомъ только мой внутренній міръ, чтобъ я лучше позналъ самого себя, свое сокровенное „я" — по своему крайнему разумѣнію и по чистой совѣсти.

Могу сказать не краснѣя, что я добросовѣстно старался достичь этого самопознанія, что, изъ боязни впасть въ самообольщеніе, скорѣе умолялъ свои достоинства въ собственныхъ глазахъ, чѣмъ преувеличивалъ ихъ. Конечно, то и другое одинаково опасно, а соблюсти здѣсь настоящую мѣру невообразимо трудно. Между тѣмъ гдѣ же и найти ее, какъ не въ самомъ себѣ? Вѣдь я самъ переживаю свою жизнь, а не кто нибудь другой переживаетъ ее за меня. Какъ чужой внутренній міръ недоступенъ мнѣ, такъ и мой собственный—другому. Мнѣ, пожалуй, приходится обвинять себя тамъ, гдѣ посторонній оправдаетъ меня и наоборотъ. Свѣтъ, человѣческое общество судитъ, разумѣется, по иному закону, какъ тому и слѣдуетъ быть. Оно должно одобрять то, что ему полезно, и порицать все для него вредное. Относительно частностей тутъ можно спорить, но въ общемъ необходимо соглашаться. Вѣдь сущность общественной морали непремѣнно основывается на великомъ правилѣ христіанскаго ученія: не дѣлай другому того, чего ты самъ себѣ не желаешь. Такимъ образомъ, человѣку разсудительному не трудно оставаться справедливымъ передъ глазами свѣта. Такъ сказать, огуломъ мы и слывемъ справедливыми. Но быть правыми въ собственныхъ глазахъ, передъ судомъ своей совѣсти, есть нѣчто совсѣмъ другое, и это несравненно труднѣе. Строго говоря, никто не можетъ похвастаться, что онъ справедливъ къ самому себѣ. А между тѣмъ каждый можетъ и каждый долженъ быть своимъ судьей.

Такъ или приблизительно такъ формулировалъ я вчера свой нравственный кодексъ передъ баронессой и въ такихъ выраженіяхъ защищалъ его. Сначала она рѣшительно не согласилась со мною и замѣтила...

Впрочемъ, лучше описать по порядку нашъ достопримѣчательный визитъ въ Мёлленгофъ; вѣдь онъ, безспорно, представляетъ свѣтлый обликъ въ моей жизни, вообще не особенно богатой блестящими просвѣтами.

Я настоялъ на томъ, чтобы, несмотря на приглашеніе отобѣдать запросто, en famille, мы явились туда въ полномъ парадѣ. Такая предосторожность съ моей стороны оказалась далеко не лишней и заслужила мнѣ потомъ восторженную благодарность отъ Эльфриды. Однако это неважно.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

№ 1422. Годъ XXVIII. 27-го апрѣля 1896 г. Томъ LV. № 18.

При этомъ, 1422, нумерѣ »Всемірной Иллюстраціи« слѣдуетъ **Литературное приложеніе**, содержащее въ себѣ: 1) »На вышкѣ«, разсказъ П. Д. Боборыкина (съ иллюстраціями А. И. Кандаурова) и 2) »Самъ себѣ судья«, романъ Фридриха Шпильгагена (3-й листъ).

Весна на Украйнѣ.

Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи« А. К. Дейнекс.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

ТЕКСТЪ

РИСУНКИ:

Отъ главной конторы „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ".

Главная контора журнала »Всемірная Иллюстрація« покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, получающихъ этотъ журналъ **съ разсрочкою платы**, поспѣшить уплатой **второго взноса**, срокъ котораго истекаетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала. Гг. иногородные подписчики благоволятъ вмѣстѣ съ деньгами присылать и печатный адресъ, подъ которымъ имъ высылается журналъ.

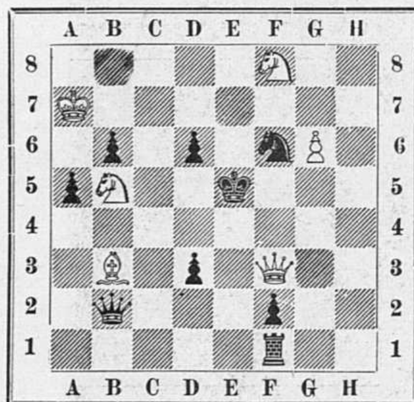
ШАХМАТЫ

подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1872

Г. З. (въ Ставрополѣ).

Черные

Бѣлые

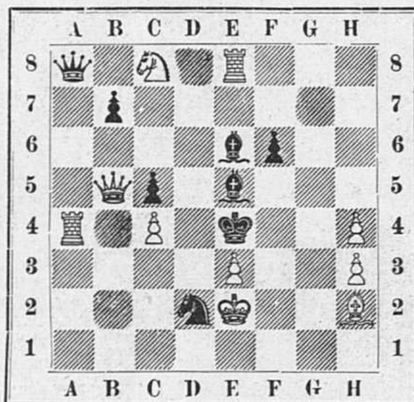
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1873

T. Thomas.

Первый призъ на конкурсѣ задачъ въ Веллингтонѣ (Н. Зеландія).

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1167

Играна въ Ростовѣ-на-Дону 22-го марта 1896 г. В. Стейницъ и Э. С. Шифферсъ играли по очереди, не совѣтуясь другъ съ другомъ.

Королевскій гамбитъ

	В. Стейницъ и Э. С. Шифферсъ. Бѣлые.	N. N. Черные.						
1.	e2—e4	e7—e5	15.	Кр g1—h1	a7—a6	29.	К e6 : f4	Л f5 : f4
2.	f2—f4	e5 : f4	16.	К b5—c3	h7—h6	30.	Л e2—d2	Л f4—e4?
3.	К g1—f3	f7—f5 *a)*	17.	Л a1—e1	Л a8—e8	31.	Кр g1—f2	Кр g8—f7
4.	e4 : f5!	d7—d5	18.	К f3—h4	К f6—g4	32.	Кр f2—f3	Л e4—e6
5.	d2—d4	С c8 : f5	19.	К c3—d5	Л e8 : e1? *c)*	33.	d4—d5	Л e6—d6
6.	С c1 : f4	К g8—f6	20.	Л f1 : e1	Ф b6—d6	34.	Кр f3—e4	Кр f7—e7
7.	С f1—d3	С f5 : d3	21.	Ф c4 : c7!	Ф d6 : d5 *d)*	35.	Кр e4—e5	Л d6—b6
8.	Ф d1 : d3	С f8—d6	22.	К h4—g6†	Кр h8—h7 *e)*	36.	Л d2—f2	Л b6—g6
9.	С f4 : d6	Ф d8 : d6	23.	Ф c7 : d7!	Л f8—f5 *f)*	37.	d5—d6†	Кр e7—e8
10.	0—0	0—0	24.	К g6—f8†	Кр h7—g8	38.	g2—g3	Л g6—g5†
11.	К b1—c3	К b8—d7 *b)*	25.	Ф d7—e6†	Ф d5 : e6	39.	Л f2 - f5	Кр e8—d7
12.	К c3—b5	Ф d6—b6	26.	К f8 : e6	К g4—f2†	40.	Л f5 : g5	h6 : g5
13.	c2—c4	d5 : c4	27.	Кр h1—g1	К f2—d3	41.	Кр e5—d5	Сдались.
14.	Ф d3 : c4†	Кр g8—h8	28.	Л e1—e2	К d3—f4			

Примѣчанія къ партіи

a) Оригинальная и рѣдко встрѣчающаяся въ практикѣ защита.

b) Повидимому нѣсколько лучше было бы... 11... c7—c6 и затѣмъ уже 12... К b8—d7.

c) Ошибка, дающая бѣлымъ возможность болѣе или менѣе блестяще выиграть пѣшку. Слѣдовало играть сразу 19... Ф b6—d6 (угрожая матомъ на h2), послѣ чего у бѣлыхъ былъ бы одинъ только ходъ 20. g2—g3. Если 20. Ф c4 : c7, то 20... Л. f8 : f1† и 21... Ф d6 : d5; если же 20. К d5—f4 (20. Л f1 : f8†, К d7 : f8; или 20. К h4—f3, Л e8 : e1 и если 21. Л f1 : e1, то 21... Л f8 : f3 и т. д.), то 20... Л e8 : e1; 21. К h4—g6†, Кр h8—h7!; 22. К g6 : f8†, К d7 : f8; 23. Л f1 : e1, Ф d6 : f4 и т. д.; оставаясь съ двумя конями противъ ладьи.

d) На 21... Ф d6 : c7 послѣдовало бы 22. К h4—g6† (но не 22. К d5 : c7, такъ какъ тогда 22... Л f8—c8; 23. К c7∞, К g4—f2† и 24... К f2—d3, отыгрывая пѣшку), Кр h8—g8; 23. К d5 : c7.

e) Очевидно нельзя 22... Кр h8—g8 въ виду 23. К g6—e7†.

f) Нѣсколько лучше было бы 23... К g4—f2†; 24. Кр h1—g1, К f2—h3 (играя на ничью) и если 25. g2 : h3, то 25... Ф d5—g5† и 26... Ф g5 : g6; если же 25. Ф d7 : h3, то 25... Ф d5—d4† и 26... Кр h7 : g6.

РѢШЕНІЯ ЭТЮДОВЪ въ № 1391.

№ 1. *K. Eerlin.* 1. c3—c4 (угрожая 2, c4—c5†, Кр b6—a6; 3. c5—c6 и т. д. — черные не могутъ задержать пѣшку). Ф a1 : d4!; 2. c4—c5†, Ф d4 : c5 (a и b): 3. С e1 : a5†, Кр b6 : a5 (если 3... Ф c5 : a5, то 4. К d6—c4†, если же 3... Кр b6—a6, то 4. b3—b4); 4. К d6—b7†. *(Вар. a)* 2... Кр b6 : c5; 3. С e1—f2 и если 3... Ф d4 : f2, то 4. К d6—e4†. *(Вар. b)* 2... Кр b6—a6; С e1—f2. Ф d4 : f2; 4. c5—c6 и т. д.

№ 2. *H. Coredes.* 1. С a5—c7, Ф e3—e1† (или: f2, : b3 или ∞; 1... Ф e3—e7: 2. g2—g3×); 2. Кр h1—h2, Ф e1 : f2; 3. С c7—d6 и бѣлые выигрываютъ, такъ какъ если 3... g4—g3, то 4. С d6—e7†, если же 3. Ф f2—f4†, то 4. g2—g3† и въ слѣдующій ходъ матъ, при всякомъ же другомъ ходѣ ферземъ послѣдуетъ или 4. С d6—g3†, или g2 g3†. *(Вар. a)* 1... g5—g4; 2. g2—g3†, Кр h4—g5 (2... Ф e3 : g3; 3. С c7—d8†); 3. С c7—f4†, Ф e3 : f4. 4. h3—h4†, Кр g5—f5; 5. g3 : f4, Кр f5 : f4; 6. К f2—d3† и т. д.

№ 3. *J. Jespersen.* 1. Ф g7—h6 (угрожая 2. К e3—c4† и 3. С e1—d2†), Л. h4 : h6; 2. К e3—c4, Ф b7—d5!; 3. С e1—d2†. Ф d5 : d2; 4. К c4 : a5, Ф d2—d3; 5. К a5—b3†, Ф d3 : b3 - патъ. *(Вар. a)* 1... Л h4—d4; 2. К e3—f5†; Л h2 : h6; 3. К. f5 : d4, a5—a4 (b4—b3 или 3... Ф b7—d5) 4. К d4—b3†, a4 : b3; 5. С e1—d2† и патъ. Если 1... Ф b7—d5; 2. К e3—c4†. Ф d5—g5, то 3. С e1—d2† и въ слѣдующій ходъ матъ.

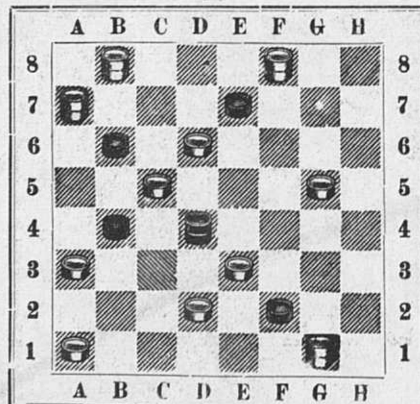
ШАШКИ

ЗАДАЧА № 163

Н. П. Смирнова (въ Москвѣ).

Изъ „Шахм. Журнала").

Черные

Бѣлые

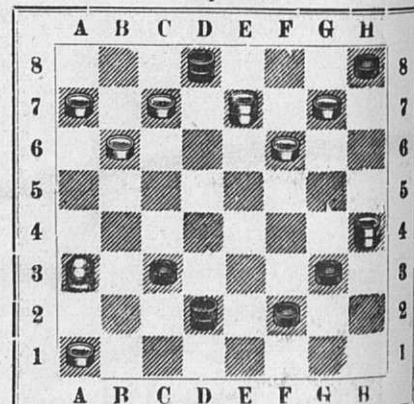
Запереть дамку.

ЗАДАЧА № 164

М. И. Туманова (въ Сызрани).

(Поддавки).

Черные

Бѣлые

Запереть свою дамку и простую.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

№ 1422. Годъ XXVIII 27-го апрѣля 1896 г. Томъ LV. № 18.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА
съ августѣйшей дочерью великой княжной ОЛЬГОЙ НИКОЛАЕВНОЙ.

Съ фотографіи А. Пазетти. Гравировалъ И. И. Хелмицкій.

22-го апрѣля (4-го мая) 1896 г.

Съ конца прошлой недѣли въ Петербургѣ находится чрезвычайное китайское посольство, глава котораго, знаменитый Ли-Хунгъ-Чангъ, имѣетъ порученіе быть представителемъ богдыхана на празднествахъ священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Фактъ, что этотъ самый выдающійся современный дѣятель Небесной имперіи явился въ Россію значительно ранѣе чрезвычайныхъ представителей другихъ первоклассныхъ державъ Востока и проведетъ въ Петербургѣ довольно значительное время передъ своимъ отъѣздомъ въ Москву, вызываетъ весьма оживленные толки западной печати. Въ немъ видятъ не только доказательства весьма понятнаго и естественнаго желанія пекинскаго двора доказать Россіи свою благодарность за ея заступничество, сохранившее Китаю Ліатонгскій полуостровъ, но еще и признакъ болѣе тѣснаго, чѣмъ прежде, сближенія двухъ великихъ сосѣднихъ между собою въ Азіи имперій. Иные идутъ еще далѣе и заводятъ рѣчь о формальномъ союзѣ между Россіею и Китаемъ, приводя даже и условія, на которыхъ будто бы состоялся или имѣлъ состояться такой союзъ.

Очень тяжелое впечатлѣніе произвело на нашу публику, полученное въ самомъ концѣ прошлой недѣли, извѣстіе о трагической кончинѣ персидскаго шаха Насръ Эддинъ-Хана, погибшаго отъ руки убійцы въ окрестностяхъ своей столицы. Покойный шахъ былъ очень дружественно расположенъ къ Россіи со времени своей первой поѣздки въ Петербургъ въ 1873 году. Въ нашихъ хорошо освѣдомленныхъ политическихъ кругахъ питаютъ надежду, что и его преемникъ, Музафферъ Эддинъ будетъ продолжать держаться той же самой политики, что и его знаменитый родитель.

Въ западной Европѣ самымъ выдающимся политическимъ событіемъ прошлой недѣли было образованіе во Франціи умѣренно-республиканскаго кабинета, положившее конецъ министерскому кризису, вызванному удаленіемъ отъ дѣлъ радикальнаго кабинета Буржуа. Президентъ республики г. Феликсъ Форъ достигъ этой благополучной и, сколько можно догадывать, желательной для него развязки, не отступивъ ни на шагъ отъ той „корректности" въ смыслѣ соблюденія конституціонныхъ обычаевъ, которая одна только и могла обезпечить ему успѣхъ достиженія намѣченной цѣли. Послѣ отставки министерства Буржуа, вызванной открытою враждебностью сената къ правительству, считавшему соціалистовъ въ числѣ своихъ политическихъ сторонниковъ, онъ сдѣлалъ прежде всего попытку образовать такъ называемое министерство республиканскаго сосредоточенія, состоящее изъ радикаловъ и умѣренныхъ республиканцевъ. Предложеніе составить такое министерство онъ сдѣлалъ только что вышедшему въ отставку министру внутреннихъ дѣлъ, умѣренному радикалу, г-ну Сорріену, который, однако же, отказался, и тогда г. Феликсъ Форъ поручилъ составленіе новаго министерства одному изъ самыхъ выдающихся дѣятелей умѣренно-республиканской партіи, г. Мелину. Онъ хорошо понялъ сразу истинный смыслъ своего выбора президентомъ республики и, удержавъ за собою скромный портфель министра земледѣлія вмѣстѣ съ высшимъ руководствомъ кабинетомъ въ качествѣ президента совѣта министровъ, предложилъ важнѣйшіе въ политическомъ отношеніи портфели умѣреннымъ республиканцамъ совершенно другого закала, чѣмъ онъ самъ. Въ министерство иностранныхъ дѣлъ еще разъ вернулся столь популярный г. Ганото, одинъ изъ самыхъ выдающихся и талантливыхъ дипломатовъ современной Европы. Постъ военнаго министра занялъ не менѣе популярный и извѣстный генералъ Билльо. Портфель морского министра снова попалъ въ руки профессіональнаго моряка, адмирала Бенара (Besnard); министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ одинъ изъ вліятельныхъ вожаковъ умѣренно-республиканской партіи, г. Барту, а портфель министра финансовъ принялъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ враждебнаго подоходному налогу большинства бюджетной коммиссіи палаты депутатовъ, г. Жоржъ Кошри.

Этотъ составъ новаго кабинета раздражалъ донельзя радикаловъ и соціалистовъ, обрушившихся съ рѣзкими упреками на президента республики. Г. Феликсъ Форъ, однако же, не смутился, и въ четвергъ на прошлой недѣлѣ г. Мелинъ выступилъ передъ палатою депутатовъ съ декларацiей, въ которой прямо признавалъ невозможность управлять страною безъ содѣйствія сената и необходимость „успокоенія" котораго, по его словамъ, горячо желаетъ нація. Выслушавъ эту программу, составленную замѣчательно искусно, палата выразила довѣріе министерству большинствомъ въ 43 голоса и вслѣдъ затѣмъ отложила свои засѣданія до 16 (28)-го мая, предоставивъ такимъ образомъ новому правительству время оглядѣться и устроиться во власти.

Въ парламентской жизни Англіи произошло на минувшей недѣлѣ нѣсколько, не лишенныхъ интереса, событій. Самымъ выдающимся слѣдуетъ признать отношеніе палаты общинъ къ приговору, состоявшемуся въ Преторіи надъ главными сообщниками Джемсона. Зная, что въ рукахъ у трансваальскаго правительства находятся документы, доказывающіе косвенное участіе британскаго правительства въ ихъ разбойничьемъ предпріятіи и что документы эти будутъ оглашены, если они не признаютъ себя виновными, всѣ эти подсудимые не стали отрицать ни заговора, въ которомъ они участвовали, ни цѣли ихъ набѣга. Суду не оставалось послѣ того ничего другаго, какъ приговорить четырехъ главарей набѣга къ смерти съ увѣренностью, впрочемъ, что президентъ Крюгеръ ихъ помилуетъ.

Когда въ палатѣ общинъ министръ колоній г. Чемберленъ объявилъ о состоявшемся въ Преторіи смертномъ приговорѣ, коммонеры встрѣтили его слова гробовымъ молчаніемъ. Изъ газетныхъ извѣстій они уже знали, какіе документы находятся въ рукахъ трансваальскаго правительства, и тонъ лондонской печати успѣлъ уже измѣниться. Она перестала защищать пресловутаго Родса и его сообщниковъ, и въ нѣкоторыхъ ея органахъ раздались даже требованія отмѣны привиллегій Charland Company, организовавшей набѣгъ Джемсона. Два дня спустя лордъ Салисбюри попробовалъ ослабить впечатлѣніе безмолвной манифестаціи палаты общинъ застольною рѣчью въ консервативной ассоціаціи Primrose's League, но это плохо ему удалось.

Въ Австріи партія нѣмецкихъ либераловъ сильно смущена развязкою исторіи третьяго избранія первымъ бургомистромъ Вѣны извѣстнаго и ненавистнаго этой партіи антисемита доктора Люгера. Нѣмецкіе либералы разсчитывали, что дѣло кончится еще разъ распущеніемъ муниципальнаго совѣта, составленнаго въ большинствѣ изъ антисемитовъ, но императоръ Францъ-Іосифъ, очевидно утомленный борьбою съ вѣнскими городскими избирателями, пригласилъ Люгера во дворецъ и выразилъ желаніе, чтобы онъ добровольно отказался отъ званія перваго бургомистра. Люгеръ немедленно исполнилъ волю государя, унося изъ дворца увѣренность, что всякій другой антисемитъ, избранный на его мѣсто, будетъ утвержденъ императоромъ безпрекословно и такимъ образомъ городское управленіе Вѣны останется въ рукахъ его партіи, отнынѣ оффиціально признанной, вступившимъ съ нею въ сдѣлку, правительствомъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ

Баккалавреатъ во Франціи. — Поэтъ-сапожникъ. — Завидные гонорары. — Наслѣдственные таланты. — Шуточные театры. — Веселый Берлинъ. — Голодающій милліонеръ. — Драма Дрейера. — Драматургъ съ милліонами франковъ и ожиданій. — „Фиктивная жена".

Въ настоящее время въ Парижѣ усиленно толкуютъ объ отмѣнѣ степени баккалавра. Врагами баккалавреата являются не только частныя лица, но и принадлежащіе къ университету. Въ чемъ же дѣло?

Недавно, по поводу печальной перспективы, ожидающей студентовъ, предназначенныхъ къ исключенію за бѣдность (за невзносъ платы за право слушанія лекцій),—было высказало въ нашей журналистикѣ много добрыхъ и горячихъ словъ; но во всѣхъ этихъ жалобахъ, какъ будто, не доставало благоразумія. Грустно, что молодые люди, стремящіеся къ постиженію высшихъ вопросовъ знанія, вдругъ изъ-за какихъ нибудь пятидесяти рублей послѣ того, какъ государство затратило на воспитаніе каждаго изъ нихъ громадныя деньги, лишаются возможности добиться плѣняющей ихъ цѣли. Такимъ молодымъ людямъ обязательно слѣдуетъ придти на помощь. Но что сказать о тѣхъ благородныхъ юношахъ, которые смотрятъ на полученіе кандидатской степени, какъ на первую ступеньку къ комфортабельной житейской карьерѣ или просто слѣпо подчиняются видамъ своихъ родителей, которымъ хочется, чтобъ дѣти ихъ рѣзко отличались отъ непривиллегированныхъ гражданъ, въ лучшемъ случаѣ проходившихъ мимо университетовъ и наблюдавшихъ ихъ величавые фронтоны? Еслибы, напримѣръ, объявить, что университетъ открываетъ свои двери всѣмъ жаждущимъ познаній, но не даетъ никакихъ правъ — много ли было бы студентовъ въ храмахъ науки?

Вопросъ этотъ откровенно поставленъ во Франціи, гдѣ всѣми чувствуется зло, проистекающее отъ такой, якобы ученой, степени, какъ баккалавръ, дающей право молодому человѣку требовать отъ государства общественной должности и раздѣляющей въ настоящее время всю страну на двѣ половины — на баккалаврскую и небаккалаврскую — до того размножились господа баккалавры. Такъ, нѣкогда, въ римской республикѣ народъ раздѣлялся на populus и plebs. Баккалавреатъ создаетъ искусственную іерархію во Франціи. Сынъ бакалейщика, получая степень баккалавра, гордо подымаетъ голову и становится высшимъ существомъ. Куда дѣвать это претенціозное, глубоко убѣжденное въ своей аристократической природѣ и требовательное, существо? Оно вышло изъ колеи, по которой совершаютъ свой путь остальные французы, и крикливо заявляетъ о своихъ притязаніяхъ, поддерживаемое установившейся традиціей и примѣрами милліоновъ другихъ мертвыхъ и живыхъ баккалавровъ. Государство поневолѣ увеличиваетъ штаты, и канцеляріи, кромѣ того, полны кандидатами на всевозможныя судебныя, административныя и педагогическія должности. Французскій публицистъ Бутми справедливо называетъ поэтому баккалавреатъ настоящею соціальною язвою. Онъ еще разсказываетъ, что въ послѣднее время погоня за степенью баккалавра была такъ велика во Франціи, что ее добивались многіе уже сорокалѣтніе господа, разбогатѣвшіе на подрядахъ, и даже лабазники съ тѣмъ, чтобы оставить своимъ дѣтямъ „моральное наслѣдство". Это доказываетъ, между прочимъ, какъ тщеславны французы.

Стоитъ, впрочемъ, сказать какому нибудь молодому человѣку, добивающемуся чиновной карьеры и напрасно ожидающему движенія воды въ безконечномъ хвостѣ претендентовъ, что лучше было бы заняться какимъ нибудь полезнымъ ремесломъ вмѣсто того, чтобы голодать и обивать пороги начальниковъ, какъ вы рискуете получить саркастическій отвѣтъ:

— Ужъ не хотите ли вы, чтобы я сдѣлался сапожникомъ?

Конечно, бываютъ исключенія и здѣсь. Недавно газеты упоминали о нѣкоемъ Жакѣ Лелорренѣ, который занялся ремесломъ сапожника. Бываютъ поэты, которые выходятъ изъ сапожниковъ и изъ портныхъ. Жакъ Лелорренъ, которому теперь тридцать восемь лѣтъ, сперва былъ поэтомъ, романистомъ и драматургомъ, а

теперь скромно зажилъ въ латинскомъ квартале, открывъ сапожную мастерскую. Онъ далеко не безталаненъ, и Сарсе одобрилъ его романъ „Наготу", Дюма покровительствовалъ ему, Ришпенъ написалъ хвалебное предисловіе къ его книгѣ стиховъ. Онъ получилъ серьезное образованіе, воспитывался въ университетѣ — въ Нанси и въ Парижѣ. А вотъ не повезло человѣку. Свое заведеніе онъ рекламировалъ стихами, и друзья его сначала приняли это за шутку. Они пришли къ нему и убѣдились, что онъ сидитъ въ лавочкѣ и занимается починкой сапогъ. Бѣдный поэтъ вдругъ прославился, но—увы!—какъ сапожникъ.

Изъ этого не слѣдуетъ (въ качествѣ фельетониста, я имѣю право дѣлать скачки отъ бѣдности къ богатству), что литературные заработки во Франціи ничтожны. Сотрудники нашихъ газетъ рѣдко зарабатываютъ больше шести тысячъ въ годъ. Въ Парижѣ газетные работники рѣдко получаютъ меньше и почти всегда больше. Ришбургъ за двадцать пять лѣтъ заработалъ перомъ полтора милліона. Монтепенъ, печатающій въ газетахъ свои уголовные романы, получаетъ по семи франковъ за строчку.

Обыкновенна цѣна, которую предлагаетъ „Petit Journal"—изданіе въ форматѣ газеты „Свѣтъ", но имѣющее въ двадцать разъ больше подписчиковъ, — онъ платитъ популярнымъ авторамъ за небольшой романъ по пятидесяти тысячъ франковъ. У насъ за уголовные романы платятъ злополучнымъ авторамъ копѣйки по двѣ за строчку, едва ли больше, предлагая имъ въ придачу славу. Альфонсъ Додэ имѣетъ въ годъ дохода сто двадцать тысячъ франковъ. А что касается Золя, то ежегодный доходъ этого романиста, навѣрное, превышаетъ двѣсти тысячъ франковъ. „Revue Encyclopédique" устанавливаетъ бюджетъ его на 1896 годъ въ слѣдующихъ цифрахъ: гонораръ за романъ „Римъ" — сто восемьдесятъ тысячъ франковъ. Продажа прежнихъ томовъ—тридцать девять тысячъ пятьсотъ. Иллюстрированныя изданія — пятнадцать тысячъ франковъ. Авторскія права за піесы — четыре тысячи франковъ. Сотрудничество въ „Figaro" — пятьдесятъ тысячъ франковъ. Общая сумма равняется двумъ стамъ восьмидесяти восьми тысячамъ франковъ.

Въ Англіи трудъ романиста оплачивается еще выше. Извѣстно, что въ свое время послѣдній романъ Джоржа Эллiота принесъ ей сто тысячъ фунтовъ, то есть милліонъ рублей. Диккенсъ жилъ широко и оставилъ послѣ себя, кромѣ недвижимаго имущества, восемьсотъ тысячъ; считайте на рубли — и то изрядная сумма. Поэтому всѣ въ Англіи были удивлены, что послѣ смерти Стивенсона найдено было въ его шкатулкѣ всего пятнадцать тысячъ фунтовъ.

Такъ какъ мы заговорили о писателяхъ, то позволимъ себѣ остановиться на рядѣ интересныхъ фактовъ, обнародованныхъ въ послѣднее время по поводу наслѣдственности таланта. Ученые думаютъ, что наслѣдственность большей частью одностороння и поэтическое дарованіе передается сыну матерью. Едва ли это вполнѣ вѣрно. Вѣрнѣе всего то и другое, т. е. духовныя богатства свои родители передаютъ дѣтямъ какъ придется. У братьевъ Шлегель отецъ былъ богословомъ и поэтомъ. Поэтъ Фридрихъ Гюнтеръ былъ отцомъ драматическаго писателя Гюнтера. Недавно умершій Александръ Дюма... Но кто не знаетъ, что онъ былъ побочнымъ сыномъ знаменитаго романиста и драматурга, носившаго то же славное имя? Готье, Ферри и Эннекенъ унаслѣдовали свои поэтическіе таланты отъ отцовъ. Точно также отцамъ обязаны своимъ поэтическимъ талантомъ Эрнестъ Легуве, лорды Бульверъ-Литтоны, оба Драйдена, Троллопы. За материнскую наслѣдственность въ поэтической области, при полной безталантности отца, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ примѣры братьевъ Додэ, братьевъ Мюссе, братьевъ Гонкуровъ, братьевъ Дельпи и друг. У Виктора Гюго тоже было два одаренныхъ брата. Впрочемъ, обыкновенно одинъ братъ въ семьѣ даровитѣе другихъ, какъ бы ни были талантливы ихъ отецъ и мать, и природа словно скупится, распредѣляя между членами одного семейства поэтическіе дары. Одному даетъ черезчуръ много, другому обыкновенно ничего не даетъ. Викторъ Гюго цѣлою пропастью отдѣляется отъ своихъ поэтовъ-братьевъ. Значительное уклоненіе представляютъ собой, однако, братья Тики и Штольберги. Передъ Бисмаркомъ совершенно стушевывается его братъ. Замѣчательно, что почти не существуетъ поэтическихъ поколѣній. Сынъ поэта еще можетъ быть поэтомъ, но внукъ никогда. Зато бываютъ цѣлыя поколѣнія художниковъ и музыкантовъ.

Но довольно о писателяхъ и ихъ потомкахъ. Поговоримъ о заграничныхъ театрахъ.

Въ Берлинѣ большую роль въ общественной жизни играютъ такъ называемые шуточные театры („Possen-Theater"). Двѣ трети Берлина исключительно посѣщаютъ ихъ. Ихъ два, и во главѣ обоихъ театровъ стоятъ прекрасные комики—Эрнстъ и Томасъ. Одна и та же піеса идетъ на этихъ театрахъ разъ по двѣсти. Піесы обстановочныя, въ родѣ тѣхъ, какія ставитъ на открытой сценѣ въ петербургскомъ зоологическомъ саду г. Ростъ. Множество красивыхъ и пестро одѣтыхъ хористокъ наполняютъ сцену, и шелкъ, и бархатъ переливаются въ волнахъ электрическаго свѣта. Кстати замѣтить, дирекція шуточныхъ театровъ сама оплачиваетъ костюмы хористокъ — не такъ какъ на другихъ берлинскихъ театрахъ (за исключеніемъ императорскаго), гдѣ актрисы поневолѣ одѣваются на счетъ своихъ покровителей. Недавно на одномъ изъ этихъ театровъ шла новая пьеса Якобсона — „Das flotte Berlin". Это въ родѣ „Петербургскаго обозрѣнія", введеннаго у насъ г. Гюнцбургомъ, и въ піесѣ нѣтъ ни начала, ни конца, но зато много суматохи. Послѣ „Веселаго Берлина" поставлена весною піеса Келлера—„Голодающій". Человѣкъ, у котораго въ карманѣ милліонная ассигнація, не можетъ ее размѣнять и рискуетъ умереть голодной смертью — вотъ содержаніе піесы. Пишутъ, что въ комедіи бездна остроумія и „Голодающій" имѣетъ громадный успѣхъ. Еще обратила на себя вниманіе драма Дрейера, отличающаяся нелѣпыми эффектами. Дрейеръ подражатель Ибсена. Въ домикъ лѣсничаго, у котораго молоденькая дочь, приносятъ человѣка, застигнутаго непогодою, ухаживаютъ за нимъ и приводятъ въ себя. Оказывается, что это нѣмецкій писатель. Онъ влюбляется въ дѣвушку и, чтобы навсегда сдѣлать ее своею, насильно лишаетъ ее чести. Въ третьемъ актѣ опозоренная особа задушаетъ себя своими косами. Сочиненіе такихъ піесъ едва ли даже соблазнило бы нашихъ смѣлыхъ драматурговъ.

Въ Парижѣ, въ театрѣ „Ренессансъ", была поставлена піеса молодого автора, Франсуа де-Кюреля. Онъ четыре года уже какъ обратилъ на себя вниманіе и считается самымъ талантливымъ представителемъ молодой французской драматургіи. Началъ онъ въ „Свободномъ театрѣ" и удостоился горячихъ похвалъ со стороны Мельхіора де-Вогюэ. Первая піеса его называлась „L'Envers d'une Sainte"—„Обратная сторона святой". Надо замѣтить, что де-Кюрель милліонеръ и въ Парижѣ у него огромныя связи. Honny soit qui mal y pense, но это много значитъ... Даже на „Свободномъ театрѣ" піеса его имѣла только почетный успѣхъ. Потомъ онъ поставилъ піесу „Ископаемыя" — „Les Fossiles"; на театрѣ „Водевиль"—комедію „L'Invité"—„Гость" и, наконецъ, „Узоры любви" — „L'Amour brode", которая, благодаря стараніямъ Мельхіора де-Вогюэ, была принята на сцену „Французскаго театра", но торжественно провалилась. Конечно, возможно, что критики, радѣющіе о славѣ Кюреля, правы и онъ на самомъ дѣлѣ необыкновенно даровитъ, а публики еще не созрѣла до пониманія его піесъ. Вѣдь и то сказать — драматическія произведенія должны быть приноровлены ко вкусамъ не избранныхъ цѣнителей, а толпы. Развитая и придирчивая парижская публика—все-таки толпа. Возможно, но таковы факты. Послѣдняя піеса не имѣющаго успѣха и единодушно прославляемаго автора называется „La Figurante"—„Фиктивная жена". Старый палеонтологъ женатъ на прелестной молодой женщинѣ Еленѣ, у которой есть любовникъ Ренваль, честолюбивый депутатъ, добивающійся министерскаго портфеля. Палеонтологъ знаетъ объ этой связи, но вѣжливо молчитъ, избѣгая скандала. Между тѣмъ Ренвалю надоѣдаетъ Елена. Онъ бы хотѣлъ, чтобъ у ней былъ салонъ и она вліяла на правительство. Ему ужъ за сорокъ лѣтъ, честолюбіе беретъ въ немъ верхъ надъ любовью. У стараго ученаго есть племянница Франсуаза, и, съ общаго согласія, Ренваль женится на ней съ тѣмъ, чтобы имѣть свою гостиную, гдѣ жена его будетъ только фигурировать—играть роль жены, а дѣйствительной женой, попрежнему, будетъ оставаться его любовница. Франсуаза, тѣмъ не менѣе, гораздо сильнѣе Елены. Она обнаруживаетъ умъ и характеръ и скоро добываетъ мужу министерскій портфель. На самомъ дѣлѣ она безнадежно любила его еще кегда была въ дѣвушкахъ. Въ концѣ концовъ, она завоевываетъ Ренваля себѣ и совершенно вытѣсняетъ Елену изъ его сердца. Напрасно Елена предлагаетъ ей раздѣлить Ренваля и сообща владѣть имъ. Франсуаза наотрѣзъ отказывается и остается побѣдительницей.

Эта піеса тоже не имѣла выдающагося успѣха. Парижу она показалась скучной, натянутой и вымученной.

Самой послѣдней новостью французской сцены должна быть названа „La Meute" — „Свора" — четырехъактная комедія Абеля Эрмана, представляющая собою драматизированную скандальную хронику Парижа. Она имѣла большой успѣхъ, благодаря поднятому ею шуму. Вся комедія представляетъ собою намеки на дѣйствительныя событія и лица. Критика брюзжитъ на автора, но отдаетъ должное его произведенію. Ему, какъ драматургу, предвѣщаютъ будущее и притомъ очень блестящее. До сихъ поръ Эрманъ писалъ только романы. Въ этой комедіи главную роль игралъ Гитри, и рецензенты очень хвалятъ его.

Лиръ

РОТОНДА

Очеркъ

И. А. ГРИНЕВСКОЙ

Окончаніе

III

Вознесенскій схватилъ журналъ, выбѣжалъ изъ редакціи и поѣхалъ на ненавистную службу. Ему казалось, что его везла не обыкновенная наша петербургская извозчичья кляча, криво запряженная и худо подкованная, а самъ Пегасъ на своихъ могучихъ крыльяхъ. Теперь-то, думалъ онъ, всѣ узнаютъ настоящую ему цѣну, жена и теща, которая до сихъ поръ его въ грошъ не ставила, просто игнорировала. Насилу высидѣвъ въ канцеляріи положенное время и на радостяхъ угостивъ товарища на двадцать копѣекъ больше, чѣмъ обыкновенно, онъ на извозчикѣ покатилъ домой.

Петръ Ивановичъ находился въ состояніи какого-то опьяненія, въ которомъ и самъ не могъ разобраться и отъ котораго очнулся только тогда, когда жена его, Вѣрочка, раздѣливъ съ нимъ великую радость и мило потрепавъ его по кудрямъ, лукаво замѣтила:—А гонораръ? Покажите-ка ваши капиталы!.. Тутъ только онъ вспомнилъ, что о гонорарѣ онъ и не спросилъ, а выбѣжалъ изъ редакціи точно мальчишка, поминутно останавливаясь на лѣстницѣ, чтобы любоваться то четко отпечатанной подписью, то заглавіемъ стихотворенія, то буквами текста, изъ котораго онъ не могъ прочесть ни одной строфы, такъ буквы прыгали у него въ глазахъ...

— За гонораромъ я пойду черезъ недѣлю. Оно и лучше, кстати увижусь съ самимъ редакторомъ и переговорю съ нимъ, отвѣтилъ онъ небрежно, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, проведя рукою по своимъ кудрямъ.

Черезъ недѣлю онъ весело вошелъ въ пріемную редакціи, гдѣ провелъ столько мучительныхъ часовъ, и, быстрыми шагами приблизившись къ господину у конторки, развязно сказалъ ему „здравствуйте", какъ хорошему знакомому.

— Здравствуйте-съ, отвѣтилъ ему тотъ невозмутимо. — Что вамъ угодно?

— Я пришелъ за гонораромъ...

— А ваша какъ фамилія?

Еслибы въ эту минуту съ высоты зимняго неба грянулъ громъ или еслибы говорившій съ нимъ человѣкъ произносилъ не обыкновенныя русскія слова, а извергалъ изъ устъ смертоносныя пули — это не такъ бы поразило его умъ и сердце, не такъ бы смутило его душу, какъ этотъ простой вопросъ...

Петръ Ивановичъ, глядя въ уголъ, назвалъ себя и какъ-то вяло далъ всѣ потребованныя отъ него показанія. Гонорара онъ, однако, не получилъ. Ему заявили, что редакція расплачивается съ сотрудниками лишь разъ въ мѣсяцъ—5-го числа, а такъ какъ его стихотвореніе было напечатано восьмого, слѣдовательно оно подлежитъ уплатѣ лишь на слѣдующій мѣсяцъ.

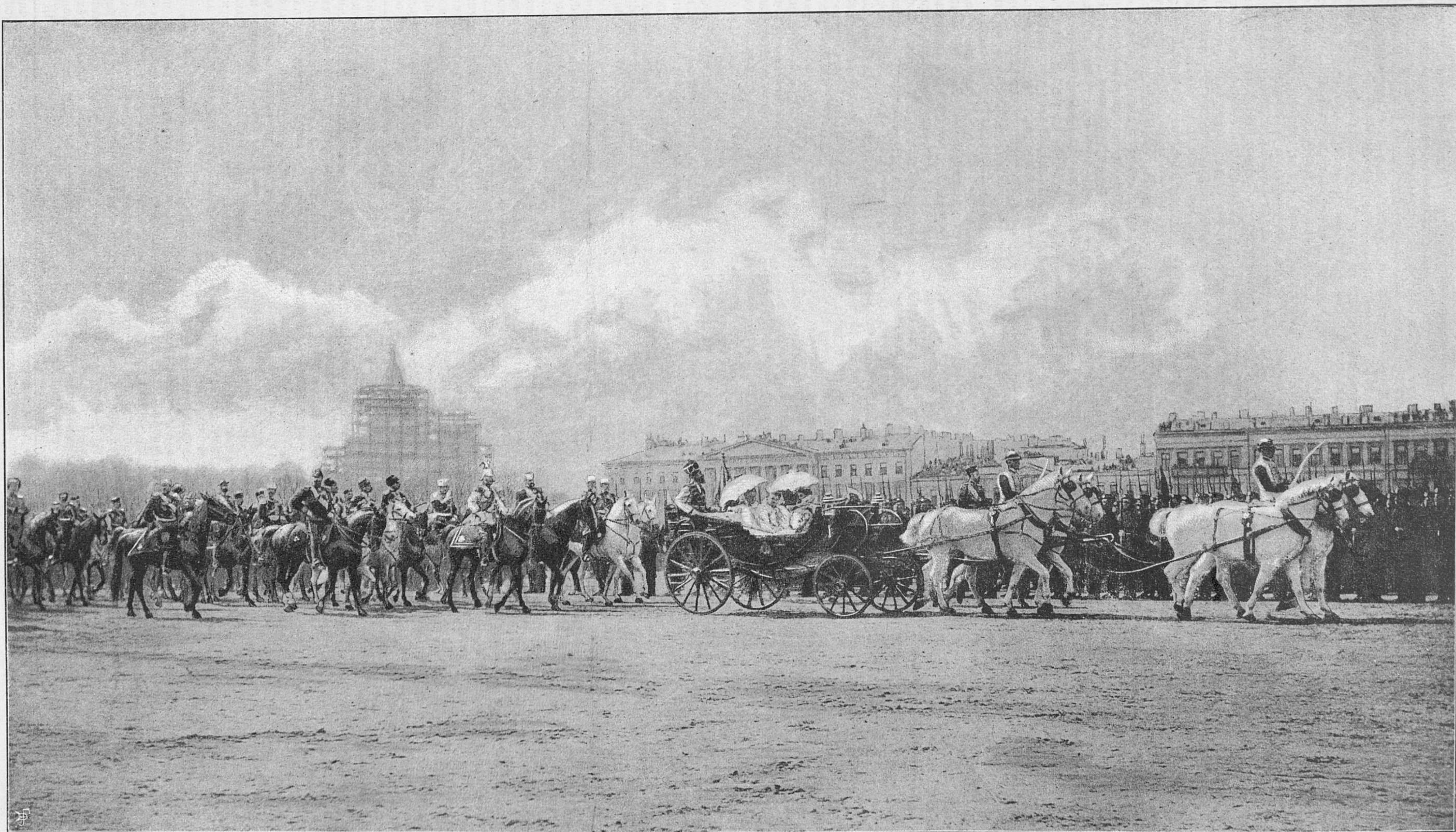
До пятаго числа осталось еще двѣ недѣли. Двѣ недѣли! Когда шубу черезъ какой нибудь мѣсяцъ можно будетъ снести въ ломбардъ на сохраненіе! Какъ передать это извѣстіе женѣ? Что скажетъ теща?

Для Петра Ивановича настали тяжелые дни. Жена была съ нимъ суха. Въ глазахъ ея выражалось горькое разочарованіе. Теща всякимъ своимъ движеніемъ какъ бы говорила: „А что! Я знала, что „великія надежды" кончатся мыльными пузырями... Лучше", доказывала она дочери, „постараться получить вечернія занятія, которыя бы оплачивались сколько нибудь, чѣмъ проводить вечера и ночи въ писаніи никому не нужныхъ и ничего не стоющихъ стиховъ.

Пятаго числа, ровно въ два часа, Вознесенскій вошелъ въ пріемную редакціи, которая снова была полна народу.

Послѣ полутора часового ожиданія онъ, наконецъ, былъ допущенъ къ редактору.

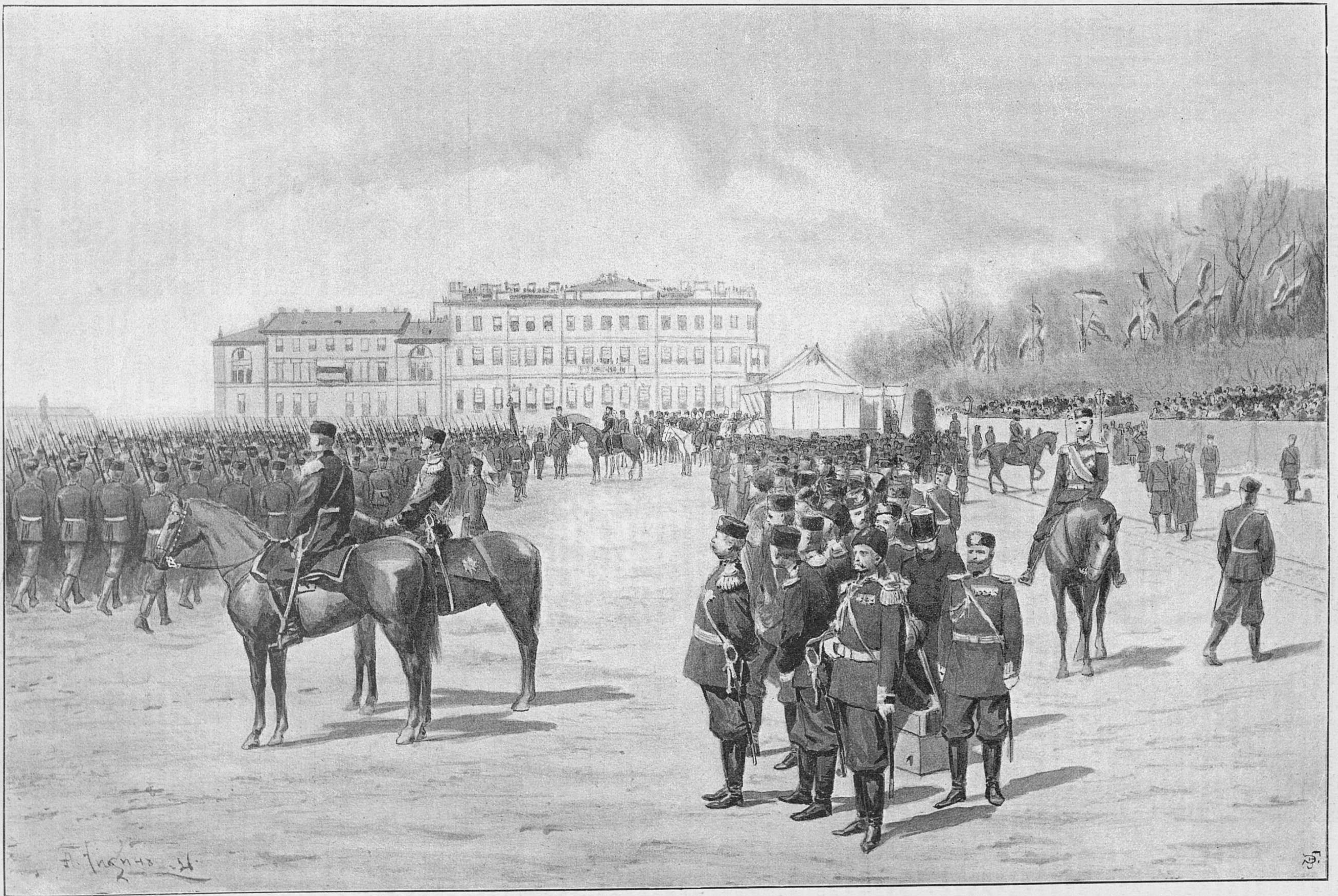
— Вамъ гонораръ за поэму „Жизнь поэта"?

Объѣздъ войскъ Ихъ Величествами.

Съ фотографіи К. К. Булла. Автотипія Эд. Гоппе.

С.-Петербургъ. — Высочайшій смотръ войскамъ на Марсовомъ полѣ 15-го апрѣля с. г.

Прохожденіе войскъ передъ Ихъ Величествами.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи« А. А. Чикинъ.

С.-Петербургъ. — Высочайшій смотръ войскамъ на Марсовомъ полѣ 15-го апрѣля с. г.

обратился къ оробѣвшему автору съ любезной улыбкой редакторъ, человѣкъ, который за небольшое вознагражденіе обязанъ былъ: читать безчисленныя рукописи, держать послѣднія корректуры, вѣдаться съ цензорами, вести переговоры съ авторами, умѣть удерживать ихъ при журналѣ, при этомъ, дѣлая строгій выборъ доставляемыхъ ими произведеній и стараясь не оскорблять щекотливыхъ писательскихъ самолюбій, назначать и раздавать гонораръ, принимать и отвергать новыхъ сотрудниковъ, удовлетворять вкусамъ подписчиковъ, издателя, его жены, родственниковъ, друзей...

— Очень, очень мило... Пожалуйста, принесите намъ въ такомъ родѣ еще что нибудь... только покороче. Это ваше первое произведеніе?

— Нѣтъ, я писалъ много...

— Печатались? Гдѣ?

— Да! т. е. нѣтъ. Я посылалъ, но...

— Вотъ тутъ, противъ этого мѣста, будьте любезны, распишитесь въ полученіи 11 р. 85 коп., положивъ передъ нимъ деньги, прервалъ его редакторъ, которому предстояло принять еще пятьнадцать человѣкъ, а онъ еще не завтракалъ. Вознесенскій расписался.

— Такъ до свиданья-съ, сказалъ ему властитель его судьбы, который представлялъ собою рѣдкое въ наше время зрѣлище человѣка, сохранившаго въ полувѣковой борьбѣ за существованіе не только свои юношескіе идеалы и мечты, но и крѣпкіе бѣлые зубы, и густые волосы. Редакторъ, при прощаніи, благодушно улыбался ему.

— Пожалуйста, не забывайте насъ, сказалъ онъ, — у васъ очень милый талантъ... очень милый...

И слова редактора, и улыбка его точно елей прошли по его изстрадавшемуся сердцу. Но одиннадцать рублей восемьдесятъ пять копѣекъ! Онъ разсчитывалъ получить по крайней мѣрѣ вдвое больше.

Со службы онъ поѣхалъ домой по конкѣ, рискуя даже опоздать къ обѣду.

Нашъ поэтъ, подобно Шиллеру, не чуждался ариѳметики, и по его примѣру, въ свободныя отъ вдохновенія минуты, аккуратно записывалъ въ свою памятную книжку цифру приходовъ и расходовъ.

Усѣвшись въ самый задній уголъ вагона, онъ вынулъ изъ бокового кармана записную книжку и карандашемъ сталъ сводить нѣкоторые итоги.

На страничкѣ прихода, на которой значилось лишь жалованье — 50 рублей, онъ вписалъ еще рубрику „Гонораръ", противъ которой внесъ: 11 руб. 85 коп.

Слѣдующая страница повергла его въ уныніе. Онъ увидѣлъ на ней цѣлый рядъ расходовъ, до сихъ поръ никогда не фигурировавшихъ въ бюджетѣ его экономическаго хозяйства. Все это были, какъ онъ ихъ обозначилъ, расходы „производства", простиравшіеся до восьми рублей на извозчики и на угощеніе товарища, на покрытіе которыхъ онъ принужденъ былъ заложить свой серебряный портсигаръ и, кромѣ того, еще призанять у сослуживца. Итакъ: за вычетомъ этихъ расходовъ, которые въ прежнія времена не превышали цифры пятидесяти копѣекъ: на чернила, перья, бумагу и почтовыя марки для отсылки стихотвореній въ редакцію, у него осталось что-то около двухъ рублей,— сумма, на какую, какъ говорится, шубы не сошьешь.

Вознесенскій вернулся домой грустный, подавленный, унылый. Онъ молча отдалъ женѣ весь гонораръ сполна, рѣшивъ уплатить товарищу долгъ понемногу и отложить выкупъ портсигара на неопредѣленное время.

Вѣрочка почему-то не пошла къ нему на встрѣчу — обстоятельство, не предвѣщавшее ему ничего пріятнаго и еще усугубившее тяжелое состояніе его души. На этотъ разъ она не дѣлала ему выговоровъ за опозданіе и осталась сидѣть въ своемъ креслѣ, не поднимая томно опущенной головки, которую она граціозно поддерживала тремя пальчиками руки, покоившейся локтемъ на столѣ. Даже верхняя короткая губка ея, обыкновенно приподнятая, теперь была крѣпко прижата. Вся фигура Вѣрочки выражала глубокую печаль. Одни лишь взбитые волосы обнаруживали еще кокетливость и игривость нрава ихъ обладательницы. Она равнодушно взглянула на деньги и также равнодушно, не говоря ни слова, спрятала ихъ въ карманъ.

Обѣдъ прошелъ скучно и безмолвно. Вознесенскій чувствовалъ, что ему угрожаетъ буря, но у него не было мужества идти ей на встрѣчу. Напротивъ, онъ трусливо старался оттянуть неминуемый моментъ ея разраженія, предпочитая оставаться въ неизвѣстности.

Послѣ обѣда Вѣрочка поднялась съ мѣста и пошла къ себѣ. Воснесенскій не послѣдовалъ за ней, а, принявъ озабоченный и дѣловой видъ, сталъ разбирать бумаги въ первой комнатѣ, служившей супругамъ и пріемной, и столовой, и кабинетомъ.

Чрезъ нѣкоторое время изъ спальни послышался сдержанный плачъ. Петръ Ивановичъ бросился туда. Вѣрочка лежала на постели и, уткнувъ голову въ подушки, неутѣшно рыдала.

— Что съ тобою, Вѣрочка, чего ты?

— Что со мною? Вы еще спрашиваете, что со мною! Вы даже не считаете нужнымъ взглянуть на меня, иначе вы бы сейчасъ замѣтили на моемъ лицѣ, что я... нездорова, что я въ отчаяніи.

— Да что такое? что?

— А то, что мнѣ теперь ужъ ничего, ничего не надо! всхлипывала Вѣрочка.

Изъ отрывочныхъ фразъ и восклицаній, прерываемыхъ рыданіями, Вознесенскому удалось разобрать, что Вѣрочкѣ теперь не до пелеринки, что ее теперь уже не стоитъ и шить въ виду наступающей весны, а въ будущемъ сезонѣ ей все равно не придется никуда показываться: у нея такой будетъ видъ, что ей стыдно будетъ знакомымъ попадаться на глаза... и притомъ... она быть можетъ просто умретъ... и ея старшая сестра тоже умерла отъ... этого... что теперь надо думать о другомъ, а не о пелеринкахъ и ротондахъ... Предстоятъ такіе расходы, такіе расходы... а онъ... вмѣсто того, чтобы стараться еще о работѣ... занимается Богъ знаетъ чѣмъ...

Изъ всей этой безсвязной рѣчи Петръ Ивановичъ понялъ только, что дѣло идетъ о будущемъ приращеніи семьи. Вѣсть эта ошеломила и его; онъ не могъ не представить себѣ всѣхъ затрудненій, связанныхъ съ этимъ новымъ обстоятельствомъ. Но это состояніе продолжалось не долго. Въ его душу проникло чувство невыразимой нѣжности и жалости къ этой бѣлокурой безпомощной женщинѣ и къ тому, еще невѣдомому, существу, котораго ожидали такъ неохотно и которому предстоитъ, быть можетъ, пройти тяжелый житейскій путь, испытать лишенія, жгучія разочарованія и горькія обиды...

И онъ почувствовалъ притокъ новыхъ силъ, чтобы работать и бороться, бороться до самозабвенія для блага тѣхъ, судьба которыхъ оказалась на его отвѣтственности.

Петръ Ивановичъ, успокоивъ жену словами, которыя подсказываются лишь истинно любящимъ, глубоко растроганнымъ, сердцемъ, мысленно рѣшилъ достойно исполнить обязанности семьянина, какихъ бы жертвъ это ему ни стоило.

Онъ сѣлъ рядомъ съ женой, обвилъ рукой ея талію и, положивъ ея голову къ себѣ на плечо, сталъ молча обдумывать свое новое положеніе. Послѣ глубокихъ размышленій, онъ пришелъ къ заключенію, что ему слѣдуетъ распроститься съ Пегасомъ навсегда, позабыть трудные пути въ редакцію, ведущіе на Парнасъ однихъ счастливцевъ. Мѣсто это при ближайшемъ знакомствѣ оказалось далеко не тѣмъ святилищемъ, которое когда-то рисовалось въ его юношескомъ воображеніи, но обыкновеннымъ торжищемъ, гдѣ „слезы" и „стоны" новичковъ-поэтовъ находятъ плохой сбытъ, гдѣ въ награду за гражданскія и иныя скорби они получаютъ лишь униженія и обиды.

Принявъ въ соображеніе эти и еще многія другія обстоятельства, Петръ Ивановичъ твердо рѣшилъ принести въ жертву на алтарь домашняго очага свою лиру, всѣ свои завѣтныя мечты и грезы... чтобы облегчить будущему гражданину земли хожденіе по этой юдоли плача — болѣе положительными средствами. Петръ Ивановичъ рѣшилъ хлопотать о вечернихъ занятіяхъ.

Несмотря на испытанія послѣдняго времени, жертва эта казалась ему великой, потому что Петръ Ивановичъ по природѣ своей больше всего былъ склоненъ къ безкорыстному, святому служенію музамъ. „Быть можетъ", думалось ему, „сынъ мой (онъ почему-то полагалъ, что у него непремѣнно будетъ сынъ), пользуясь довольствомъ, не зная—какою цѣною оно ему досталось, со временемъ, въ пылу юношескихъ увлеченій идеями, будетъ еще осуждать отца своего за отсталость, будетъ жаловаться въ интимномъ кругу товарищей, что отецъ не понимаетъ его, быть можетъ!.."

Тутъ Вознесенскій глубоко и тяжело вздохнулъ, напередъ кротко смирившись передъ этимъ судомъ и другими послѣдствіями его рѣшенія.

А Вѣрочка, для которой волновавшія Вознесенскаго думы остались тайной и у которой всѣ душевныя бури проходили такъ же скоро и безслѣдно, какъ легкая весенняя гроза, подняла голову и, заглянувъ мужу въ глаза, сказала:

— Знаешь, я все-таки сдѣлаю къ ротондѣ пелеринку... къ будущему Рождеству, прибавила она, подумавъ съ минуту...

И. Гриневская

Литературная лѣтопись

„Новое Слово", январь—мартъ

..."Былъ вѣкъ богатырей, но смѣшались шашки — и полѣзли изъ щелей мошки да букашки..." И въ россійской журналистикѣ были богатыри да всѣ они перемерли и народились взамѣнъ ихъ довольно-таки ничтожныя букашки, изъ которыхъ многія отваживаются корчить изъ себя богатырей, изображая въ лицахъ крыловскую басню „Лягушка и волъ", но которымъ до хорошихъ журналовъ стараго времени какъ до звѣзды небесной далеко. Прежде, бывало, каждая книжка журнала возбуждала глубокій интересъ, кипѣла жизнью, сверкала талантами, блестящимъ подборомъ статей, составлялась такъ, что ее можно было прочесть, не отрываясь, отъ доски до доски. А теперь, перебирая новоиспеченныя, то сырыя, то пересушенныя, литературныя коврижки, невольно хочется стать въ трагическую позу Гамлета и воскликнуть: „Ты — запустѣлый садъ, негодныхъ травъ пустое прозябанье... Боже, Боже, какъ пусто, пошло, плоско и ничтожно"... все это бумагомаранье. Теперь журнальный обозрѣватель принужденъ съ большимъ трудомъ вылавливать даже относительно интересныя вещи. Въ Парижѣ есть особыя столовыя для бѣдняковъ, гдѣ подается въ огромномъ котлѣ мутная жидкость, исправляющая должность супа; хлебай ее, сколько влѣзетъ. Но за извѣстную плату потребитель имѣетъ право одинъ только разъ стремительно погрузить въ эту жидкость вилку на длинной цѣпочкѣ, и его счастье — если онъ вытащитъ кусокъ говядины, а то больше попадаетъ на вилку тряпка, объѣдокъ овоща, обглоданный хрящъ, а, можетъ быть, и старый башмакъ. Теперешній журнальный обозрѣватель находится въ положеніи именно такого потребителя!.. Все это пришло намъ въ голову при просматриваніи послѣднихъ книжекъ многихъ журналовъ, въ родѣ „Русскаго Обозрѣнія", „Наблюдателя", „Новаго Слова" и проч. О „Русскомъ Обозрѣніи" мы уже говорили, когда совершали экскурсію въ пустопорожнюю область московской журналистики, „Наблюдателемъ" мы особенно займемся въ слѣдующій разъ, а покуда углубимся въ дебри „Новаго Слова", возникшаго на развалинахъ баталинскаго спекулятивнаго предпріятія,—зданія, воздвигнутаго на пескѣ летучемъ. „Новое Слово" подъ новой редакціей до извѣстной степени имѣетъ свою исторію, впрочемъ очень короткую. Въ „Русскомъ Богатствѣ", органѣ весьма симпатичномъ и имѣющемъ большой успѣхъ, въ прошломъ году произошелъ расколъ; часть сотрудниковъ отдѣлилась отъ журнала, нашла себѣ издательницу, и умиравшее отъ чахотки на рукахъ Баталина его чадо воскресло къ жизни новой... по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ аккуратнаго выхода книжекъ, начавъ свой новый годъ, по примѣру заграничныхъ изданій, съ осени. Послѣднее только и ново въ „Новомъ Словѣ", которое и до сихъ поръ ровно ничѣмъ не оправдало своего громкаго названія. По своему направленію, по задачамъ, по извѣстнымъ пріемамъ и по содержанію „Новое Слово" представляетъ собою просто сколокъ съ „Русскаго Богатства", только, по пословицѣ,—„тѣхъ же щей да пожиже влей"... хотя книжки перваго гораздо пухлѣе. Въ „Новомъ Словѣ" беллетристикѣ, впрочемъ, отведено гораздо больше мѣста, чѣмъ въ „Русскомъ Богатствѣ", но въ общемъ она довольно сѣренькая, и только большой романъ-хроника В. И. Немировича-Данченко „Волчья сыть", начавшійся съ 1-го нумера, т. е. съ октября прошлаго года, скрашиваетъ весь беллетристическій отдѣлъ „Новаго Слова". Мы подождемъ, однако, окончанія этого романа талантливаго писателя, равно какъ не будемъ пока давать отчета и о повѣсти г. Мамина-Сибиряка съ ботаническимъ заглавіемъ „Tussilago farfara" или, по-русски „Мать и мачиха", въ которой авторъ выводитъ женщину, вышедшую замужъ за вдовца и желавшую быть хорошей матерью для своей падчерицы, но сдѣлавшейся настоящей злой мачихой, потому что ее довели до этого. Тема очень интересная, и мы посмотримъ, чѣмъ повѣсть окончится, какіе выводы можно будетъ изъ нея сдѣлать. Мы пока пройдемъ и мимо „Филатки" нѣкоего г. Савихина, тоже бывшаго сотрудника „Русскаго Богатства". Въ январьской и февральской книжкахъ „Новаго Слова" помѣщена повѣсть Н. Р. „Обманутыя надежды". Подъ этимъ псевдонимомъ, уже не однажды разоблаченнымъ, какъ извѣстно, скрывается одна довольно серьезная и почтенная писательница, пробовавшая свои силы въ разныхъ родахъ литературы—и въ области педагогической, и въ критикѣ, и въ публицистикѣ и въ беллетристикѣ. „Обманутыя надежды", являющіяся далеко не первой попыт-

кой писательницы облекать излюбленныя ей идеи въ повѣствовательную форму, не имѣютъ ничего общаго съ художественнымъ произведеніемъ и отличаются тенденціозностью, но всетаки въ этой повѣсти есть интересъ. Жила-была на свѣтѣ Анна Петровна Каринская, вдова при живомъ мужѣ и дочь дѣятеля Тарасова, по увѣренію автора, „лучшаго человѣка въ мірѣ, учителя и вождя", который до извѣстной степени пострадалъ за правду, за то, что не жилъ такъ, какъ жили другіе, только для себя,—и умеръ, разочарованный въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ. Онъ завѣщалъ дочери жить „по тарасовски", жить для другихъ и дѣлать дѣло. Анна Петровна исполнила свято завѣтъ отца и, послѣ того, когда разочаровалась въ мужѣ, оказавшемся червоннымъ валетомъ, сбѣжавшимъ отъ судебной кары и пропавшемъ безъ вѣсти, и, по выраженію автора, „была обманута, наѣлась грязи на всю жизнь", — поселилась въ деревнѣ, стала заботиться о тѣхъ, „кто бредетъ по житейской дорогѣ въ безразсвѣтной, глубокой ночи, безъ понятья о правѣ, о Богѣ, какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи",—завела школу, лечила крестьянъ, устраивала для нихъ чтенія, воевала со становымъ и вкладывала во всѣ дѣла, которыя брала на себя, частицу своей души. Съ крестьянами Анна Петровна раздѣлалась „по божески", за что сосѣди-крѣпостники звали ее сумасшедшей и блаженной. Тѣмъ не менѣе она, при введеніи земства, была „гласнымъ" и вліятельнымъ; слово ея имѣло вѣсъ; „у нея былъ"— говоритъ авторъ — „центръ, гдѣ съѣзжалась вся уѣздная *новая Россія*, велись горячія бесѣды объ общественныхъ интересахъ, о положеніи народа, о будущемъ". У Анны Петровны, помимо этого, были двѣ заботы, въ которыя она вкладывала уже не частицу души, а всю душу: у нея была воспитанница Катя, ребенокъ-подкидышъ, и племянникъ Митя, сынъ ея умершаго родного брата; мать Мити превратилась въ кокотку, жила въ Парижѣ, сдѣлалась тамъ притчей во языцѣхъ и коверкала воспитаніе сына самымъ невозможнымъ образомъ. Анна Петровна отправилась въ Парижъ и черезъ посольство, благодаря связямъ и наполеоновской полиціи, вытребовала ребенка. Митѣ было четырнадцать лѣтъ, когда тетка отдала его въ реальную гимназію и приложила всѣ старанія, чтобы перевоспитать его. Среда взяла свое. Онъ видѣлъ какъ Анна Петровна, оставя необходимое на воспитаніе его и Кати и на свои несложныя потребности, отдавала все остальное на „тарасовское дѣло". Это будило душу ребенка, и Анна Петровна замѣчала, что ея воспитанникъ въ дѣда пошелъ. На Катѣ и Митѣ сосредоточилась вся потребность любви и крайней привязанности Анны Петровны. Она обоихъ ихъ выростила Тарасовыми. Но „иногда въ большихъ, красивыхъ и блестящихъ, карихъ глазахъ Мити ей „чудились золотистыя искорки глазъ его матери, холодно и безстыже смотрѣвшихъ на людей и міръ Божій". Митѣ надо было объяснять то, что не приходилось объяснять Катѣ, чутьемъ понимавшей, что радуетъ и печалитъ другихъ. Какъ бы то ни было, но когда „Ванька Таньку полюбилъ"... т. е. Митя и Катя влюбились другъ въ друга, Анна Петровна мечтала, „что дѣти поучатся, посмотрятъ на жизнь, узнаютъ людей, чувство созрѣетъ, создастъ прочную семью... Въ Тарасовкѣ молодая семья, родная... Тарасовка—ячейка, откуда разливается свѣтъ— маленькій... свѣтикъ, но и онъ нуженъ во мракѣ... И впереди — счастливая старость въ семьѣ дѣтей, старость дѣятельная... Ростить внуковъ по завѣту отца-учителя". Такими мечтами, по приказанію г-жи Н. Р., услаждала себя кисло-сладкая идеалистка Анна Петровна, вылѣпленная авторомъ, на подобіе пряничныхъ фигуръ, изъ либеральнаго тѣста съ перцемъ, — и была счастлива какъ институтка. „Но на счастье прочно всякъ надежду кинь" — поется въ какой-то пѣсенкѣ... Вдругъ все рухнуло. Митя вмѣсто того, чтобы по окончаніи гимназіи продолжать ученье, уѣхалъ въ Ташкентъ приказчикомъ при одномъ богатомъ купцѣ, „геніальномъ спекуляторѣ", родственникѣ товарищей Мити по гимназіи. Митя отказался отъ науки и отправился къ „буржуямъ" за деньгами. Впрочемъ, онъ рѣшилъ уѣхать всего на шесть лѣтъ, нажить тысячъ пятьдесятъ и затѣмъ вернуться въ „ячейку съ маленькимъ свѣтомъ", чтобы жить и дѣтей плодить „по тарасовски". Отступничество Мити отъ шаблонно-либеральной программы обозлило до нельзя почтенную г-жу Н. Р., и она велѣла Аннѣ Петровнѣ думать о Митѣ какъ о коварномъ измѣнщикѣ, посыпать главу пепломъ и пустить ему нѣсколько шпилекъ, когда онъ пріѣхалъ на время въ Тарасовку. Митя, очевидно, вошелъ во вкусъ по части наживы, находясь среди восточныхъ человѣковъ, и явился къ теткѣ „щеголемъ, образчикомъ богатой англоманствующей купеческой молодежи", вмѣсто того, чтобы ходить въ мѣшковатой грязной блузѣ, высокихъ сапогахъ и имѣть трауръ подъ ногтями, какъ того требуютъ архилиберальныя условія. „Все въ немъ и на немъ блестѣло!" восклицаетъ разогорченная и раздосадованная г-жа Н. Р., и, что всего ужаснѣе, у него была чечунчовая рубашка, лиловый галстухъ, перехваченный толстымъ золотымъ кольцомъ, и „ногти, вылощенные янтарнымъ порошкомъ, такъ что въ нихъ можно было смотрѣться какъ въ зеркало". Митя, Анна Петровна и Катя повели самые умные разговоры и стали спорить въ духѣ либеральныхъ пустышекъ. Затѣмъ Митя уѣхалъ въ Ташкентъ, а Катя—въ Петербургъ на курсы. Въ Петербургѣ Катя начала понимать, что жизнь сложнѣе, чѣмъ она думала, и что не въ однѣхъ земледѣльческихъ общинахъ, которыя проповѣдывалъ Митя, и не въ школахъ ея тетки все лекарство... Тѣмъ не менѣе она продолжала любить Митю; любовь выросла съ нею. Но она любила по либеральному рецепту и постоянно твердила себѣ, что „грѣхъ быть рабой личнаго чувства, создать изъ него кумиръ". И вотъ что изъ этого вышло. Рѣшившись отложить на время всѣ мучившіе ее вопросы и томившія ее колебанія, Катя пріѣхала на каникулы къ теткѣ, чтобы „купаться въ деревенской тишинѣ". Пріѣхалъ на это лѣто въ Тарасовку и Митя, въ душѣ безповоротно рѣшившій не оставаться въ деревнѣ ради толченія воды въ ступѣ. И тутъ у него съ теткой и Катей опять пошли такіе скучные разговоры и пренія, отъ которыхъ тошнитъ всякаго свѣжаго человѣка. Митя любилъ Катю болѣе здоровымъ чувствомъ, чѣмъ Катя его, любилъ со всѣмъ пыломъ души и умолялъ дѣвушку теперь же обвѣнчаться съ нимъ и раздѣлить его жизнь, не мудрствуя лукаво. Катя не захотѣла, и Митя уѣхалъ. „Теперь я не вернусь сюда! И это сдѣлала ты!" говорилъ онъ Катѣ при послѣднемъ свиданіи. Когда экипажъ, увозившій Митю, скрылся за ракитами, Анна Петровна схватилась за волосы и у нея вырвался рыдающій крикъ: „Ахъ, зачѣмъ было огородъ городить, ахъ, зачѣмъ было капусту садить!" Мы пошутили—она воскликнула: „Уѣхалъ! Не вернется!"... Но, Боже, какъ въ этой тенденціозной повѣсти все натянуто, все вымучено, лживо, какъ она „бѣдна содержаніемъ и тою внутреннею красотою, которая разносторонне слагается изъ проникновеннаго наблюденія надъ жизнью, яснаго отраженія ея въ зеркалѣ поэзіи и всеозаряющаго чувства правды, которою должно горѣть сердце писателя..." Въ повѣсти постоянно попадаются „намеки тонкіе на то, чего не вѣдаетъ никто", а неглупая мысль пропадаетъ въ лѣсу безсмыслицъ. Гораздо интереснѣе большой, скучной повѣсти г-жи Н. Р. маленькій разсказъ Олены Пчалки, малороссійской писательницы, подъ заглавіемъ „Соловьиная пѣсня", помѣщенный въ мартовской книжкѣ „Новаго Слова". Молодой юристъ разсказываетъ, какъ только что окончивъ университетъ, въ ожиданіи мѣста, онъ помогалъ слѣдователю раскрыть одно преступленіе — убійство поссесора молодымъ парнемъ, отомстившимъ ему, какъ врагу его всей семьи. Благодаря этому доморощенному Лекоку разслѣдованіе и обнаруженіе преступленія пошло какъ по ниткѣ и парень былъ засаженъ въ острогъ. Но послѣ этого молодой юристъ почувствовалъ страшныя угрызенія совѣсти. Онъ понялъ, что имъ руководила не жалость къ убитому и не принципъ высшей справедливости, а какая-то разыгравшаяся въ молодомъ юристѣ страсть къ выслѣживанію, какой-то собачій инстинктъ. Мучимый этими угрызеніями совѣсти, этой своей жестокостью сыщика, молодой человѣкъ ушелъ въ лѣсъ, гдѣ и предался грустнымъ размышленіямъ, спрашивая себя чья вина была больше—убійцы, совершившаго преступленіе отъ отчаянія, или его, стремившагося обнаружить преступника изъ тщеславныхъ побужденій. Молодому человѣку чудился плачъ матери несчастнаго преступника, предъ нимъ вставала картина послѣдняго прощанья съ семьей красавца-юноши, подкошеннаго, убитаго рукой ищейки. А вокругъ ликовала природа и надо всѣмъ царила пѣсня соловья, такая же, звучавшая свѣтлой радостью, поэзіей счастья и свободой, какъ и въ ту ночь, когда молодой человѣкъ со слѣдователемъ шли къ дому преступника дѣлать у него обыскъ. Теперь соловьиная пѣсня терзала душу юриста, и съ той поры онъ не могъ слышать ея безъ внутренняго содроганія. Разсказъ написанъ очень просто, правдиво и безъ претензій. Въ каждой книжкѣ „Новаго Слова" помѣщено по одному стихотворенію — хорошенькаго, дескать, по немножку. Но эти стихосплетенія какихъ-то гг. Ольхиныхъ, Колтоновскихъ и Медвѣдевыхъ такъ тенденціозны и вымучены, что лучше бы и совсѣмъ не помѣщать ихъ. Изъ статей въ этихъ трехъ книжкахъ довольно интересенъ очеркъ профессора Брикнера „Паденіе Бирона", написанный по совершенно новымъ даннымъ изъ разныхъ архивовъ, которому, однако, вредитъ непомѣрная сухость. Зато живо и прекрасно написана статья извѣстнаго экономиста-философа г. В. В. „Очерки современныхъ направленій. Производительные классы и интеллигенція въ Россіи". Не безъ интереса прочтутся и маленькія „Картинки парижской жизни" г-жи Прокофьевой. Слабѣе всего въ „Новомъ Словѣ" критическій отдѣлъ, въ которомъ кашляетъ по стариковски извѣстный въ своемъ родѣ непризнанный критикъ, между прочимъ, вѣнчающій лаврами такого же непризнаннаго беллетриста, что выходитъ необыкновенно комично и напоминаетъ латинское изреченіе „similis simili gaudet". Кромѣ этого старца подвизаются въ томъ же отдѣлѣ и другіе, надо думать, молодые критики, выказывая ярую нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ и ко всему, что не изъ ихъ лагеря.

Скромный библіографъ

„PANTEISMO"

(Изъ Кардуччи)

Отъ тебя все скрылъ я, солнце золотое;
И отъ васъ я, звѣзды, все ревниво скрылъ;
И любимой имя — имя мнѣ святое —
Я въ груди безмолной, словно кладъ, хранилъ.

А про эту тайну, на небѣ сверкая,
Звѣзды звѣздамъ шепчутъ въ темнотѣ ночной;
И, въ волнахъ пурпурныхъ тихо угасая,
Вторитъ солнце звѣздамъ, говоря съ луной.

На холмахъ тѣнистыхъ и въ равнинѣ дальней
Шелестятъ о томъ же всѣ кусты, цвѣты,
И щебечутъ птицы: »О, пѣвецъ печальный,
Сладкихъ чаръ отвѣдалъ, наконецъ, и ты!«

Все я скрылъ — а, слышу, имя незабвенной
Прославляетъ громко цѣлый Божій свѣтъ.
Изъ цвѣтковъ акацій голосъ мнѣ вселенной
Шепчетъ: »Да, ты любишь и любимъ, поэтъ!«

М. Ватсонъ.

Встрѣча китайскаго посольства на вокзалѣ варшавской желѣзной дороги.

Съ натуры рисовалъ для »Всемірной Иллюстраціи К. О. Брожъ.

С.-Петербургъ. — Прибытіе чрезвычайнаго китайскаго посольства 18-го апрѣля с. г.

Шахъ Насръ-Эддинъ †

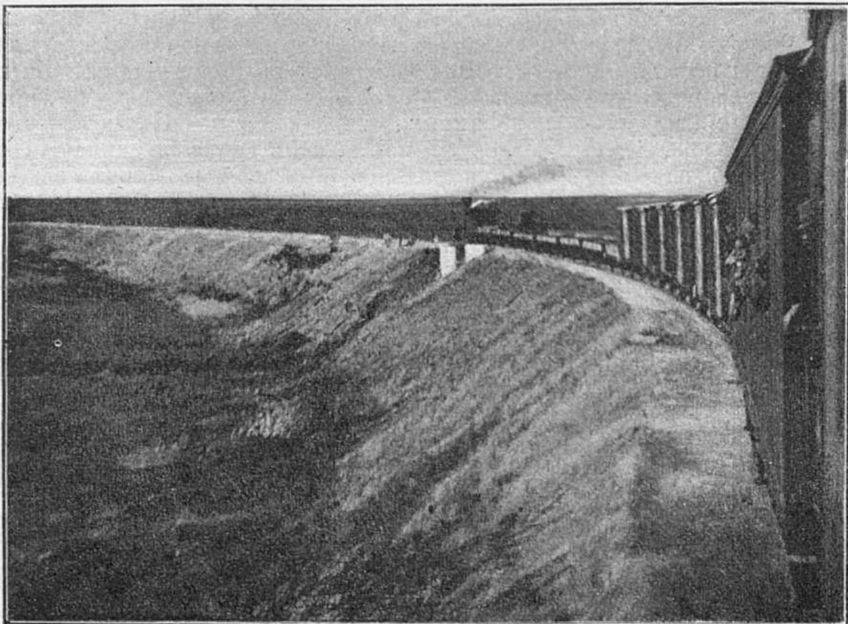
Азіатскій Востокъ утратилъ въ лицѣ, неожиданно павшаго, 19-го текущаго апрѣля отъ руки фанатика убійцы, шаха персидскаго Насръ-Эддина замѣчательнаго государя-реформатора, поставившаго цѣлью всего своего царствованія даровать своему народу блага европейской цивилизаціи и заботиться объ умственномъ и экономическомъ развитіи страны. Однако „онъ—говоритъ одинъ изъ некрологистовъ шаха—не задавался цѣлью ввести коренныя реформы; онъ считалъ, что каждый народъ долженъ жить самостоятельною жизнью и поэтому правитель страны не имѣетъ права ломать его прошлое, внѣдряя въ дѣйствительность чужіе нравы и обычаи". Насръ-Эддинъ былъ первымъ изъ персидскихъ государей, пожелавшихъ непосредственно ознакомиться съ Европою и съ ея учрежденіями и, получивъ европейское воспитаніе, всегда интересовался успѣхами европейской литературы и восточною литературою. Европейское искусство имѣло въ немъ щедраго покровителя. Въ его царствованіе были устроены въ Персіи телеграфъ, шоссейныя и желѣзныя дороги. Персія ему же обязана своею повременною печатью, для контроля которой было основано особое министерство печати. Рѣзко выдѣляясь между своими предшественниками образованностью и направленіемъ, шахъ, помимо всего, обращалъ на себя вниманіе своимъ музыкальнымъ и художественнымъ образованіемъ и, наконецъ, бойкимъ перомъ. Послѣ него остались: сборникъ его собственныхъ стихотвореній и путевыя записки, веденныя имъ во время его трехъ путешествій по Европѣ. Лица, знакомыя съ этими „Записками", находятъ, что въ нихъ шахъ Насръ-Эддинъ обнаружилъ большую наблюдательность и любовь къ наукѣ. Характеръ его былъ прямой и очень рѣшительный, благодаря чему нѣкоторые называли его жестокимъ. На самомъ дѣлѣ Насръ-Эддинъ былъ очень справедливый человѣкъ, но въ извѣстныхъ случахъ, въ исторіяхъ съ бабидами, онъ являлся неумолимымъ, что, конечно, отчасти оправдывается восточными нравами и строемъ страны. Въ виду строгихъ каръ уже 1884—1885 году ежемѣсячно изъ Индіи въ Хорассанъ провозили по 160 тысячъ рублей золота и серебра безъ внушительнаго конвоя: грабежи почти прекратились.

Его Величество, шахъ Насръ-Эддинъ или правильнѣе Насиръ-Эддинъ (означающее „защитникъ вѣры"), старшій сынъ Мохамедъ-шаха и четвертый изъ шаховъ шіитской династіи Каджаровъ, родился 18-го іюля 1831 года и всю свою юность провелъ въ Тавридѣ. Въ 1848 году 18-лѣтній шахъ Насръ-Эддинъ при содѣйствіи нашего генеральнаго консула Н. А. Аничкова, пошелъ на Тегеранъ съ наскоро сформированными полками и въ сопровожденіи русскаго чиновника Іессена, и, разбивъ на пути претендента на верховную власть, вступилъ на престолъ 18-го октября того же года. Реформы въ государственной жизни Персіи, ожидавшіяся всею Европою отъ юнаго монарха, отчасти оправдались; несмотря на крайнюю отсталость и фанатизмъ населенія, постепенно, хотя и медленно, въ Персіи вводились новые порядки на европейскій ладъ: въ 1851 году въ Тегеранѣ было основано военное училище. Шахъ Насръ-Эддинъ старался переустроить персидскую армію по европейскому образцу; но эти реформы вызвали неудоволь-

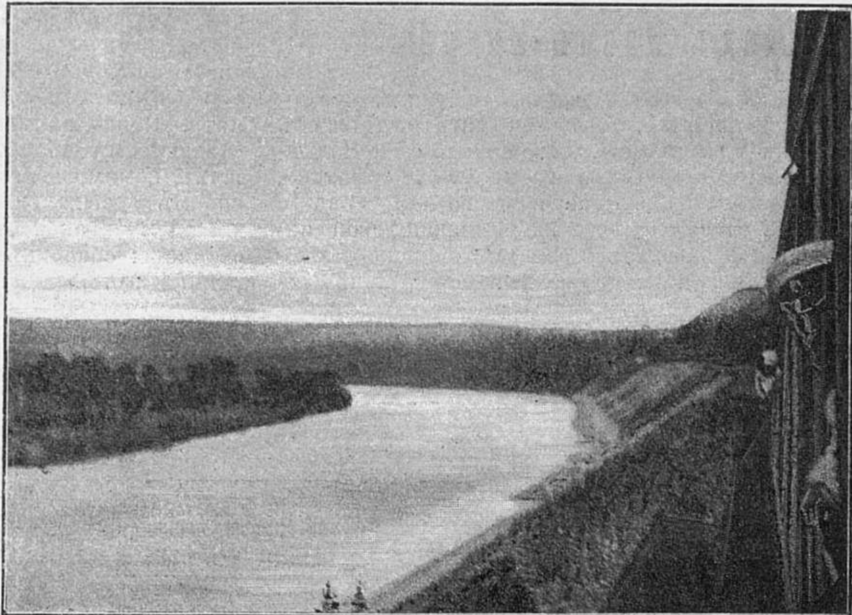

НАСРЪ-ЭДДИНЪ, шахъ персидскій, † 19-го апрѣля с. г.

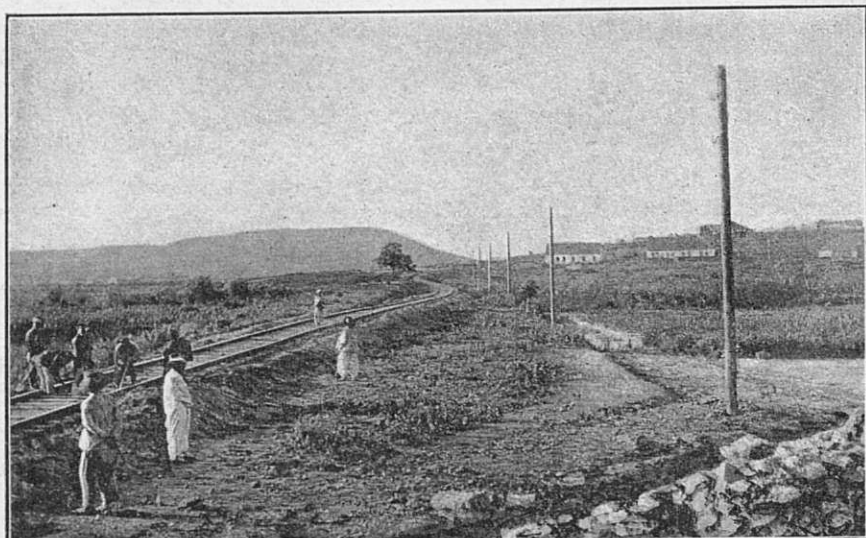
Съ фотографіи Г. В. Трунова. Гравировалъ В. В. Матэ.

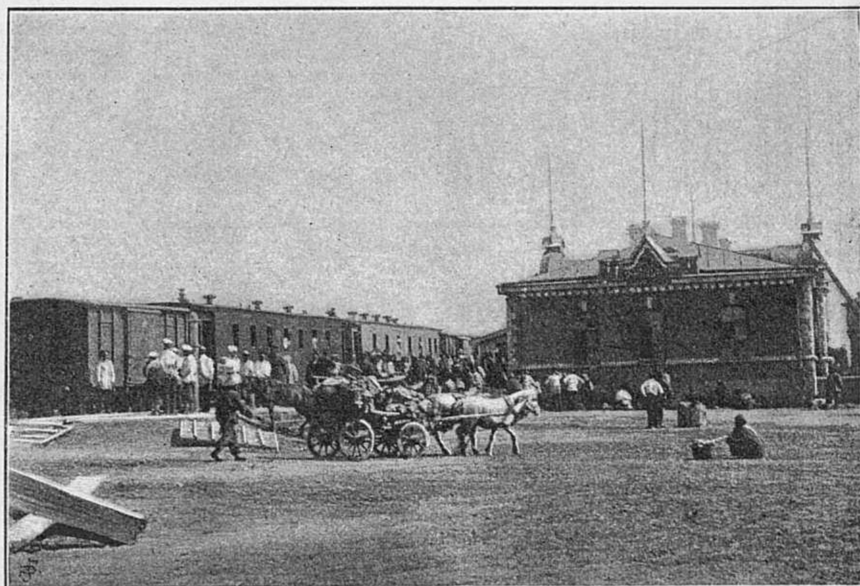
Гигантская насыпь за станціей »Никольское«.

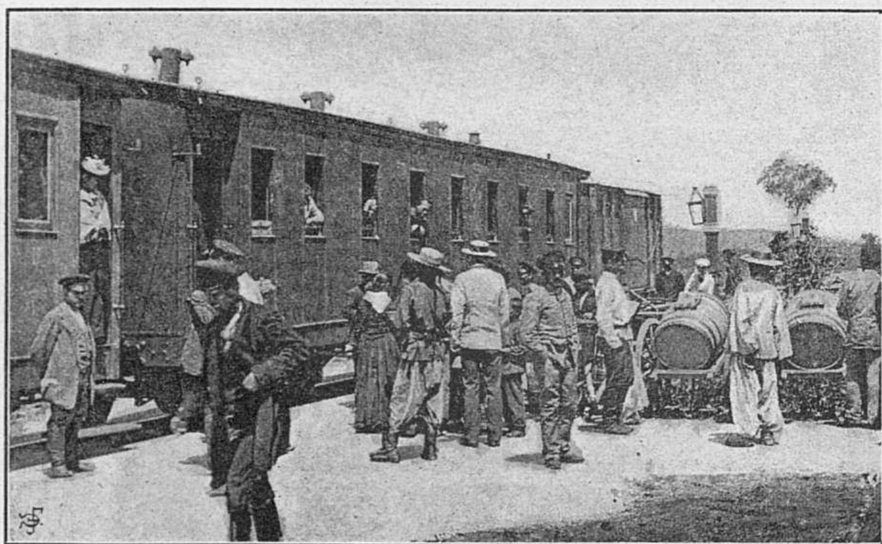
Изгибъ рѣки Суйфунъ. Видъ вверхъ по теченію.

Долина рѣки Суйфунъ, близъ с. Раздольнаго.

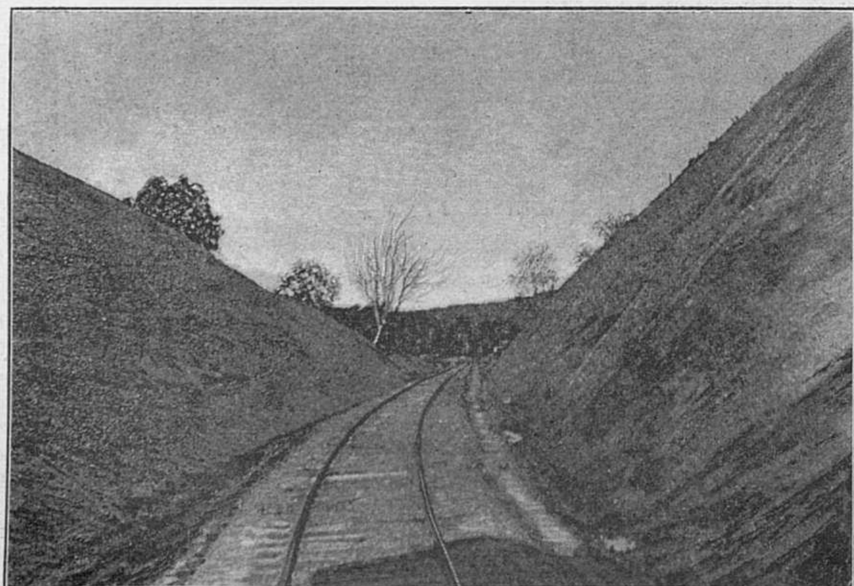
На станціи »Никольское« близь села того же имени.

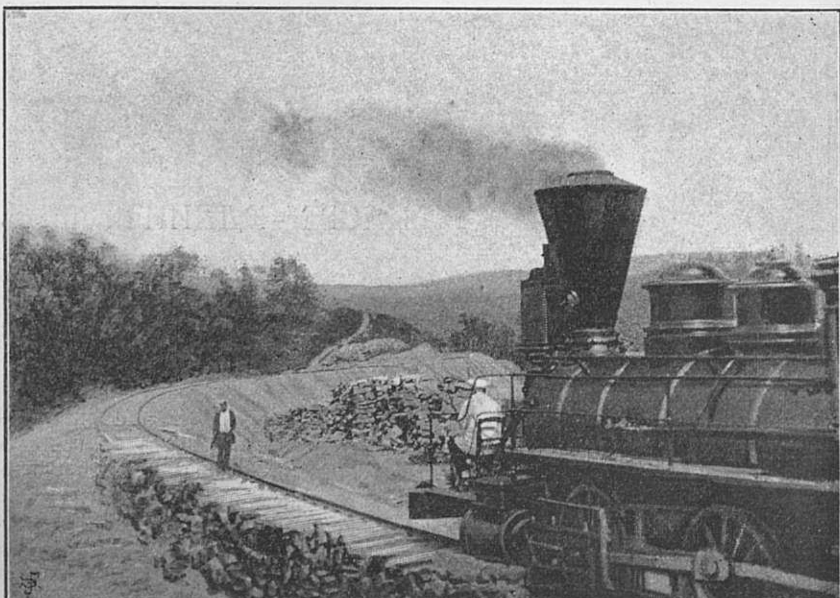
На станціи »Надеждинской«.

На желѣзнодорожной платформѣ станціи »Никольское«.

Перевалъ въ 80 сажень надъ уровнемъ моря.

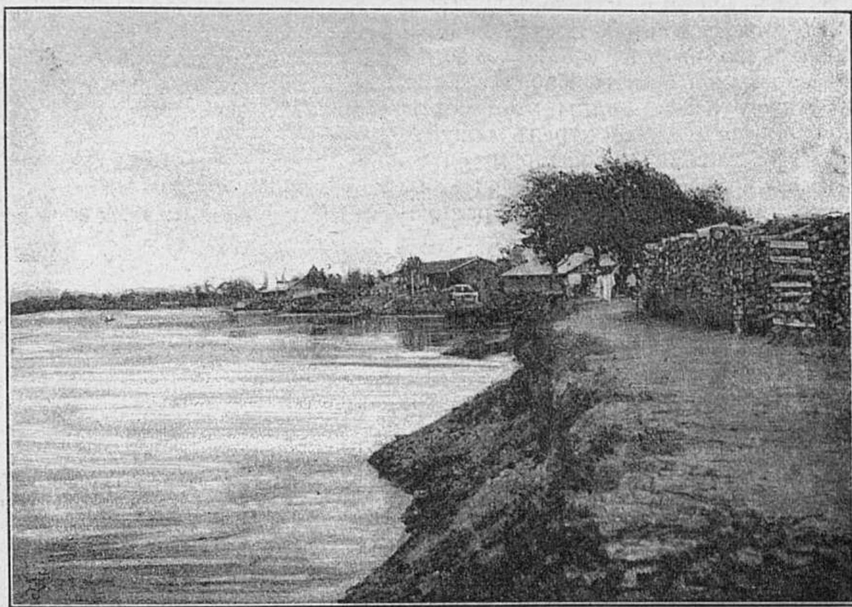
Спускъ съ перевала въ глухой тайгѣ.

Великій сибирскій путь. — Уссурійская желѣзная дорога.

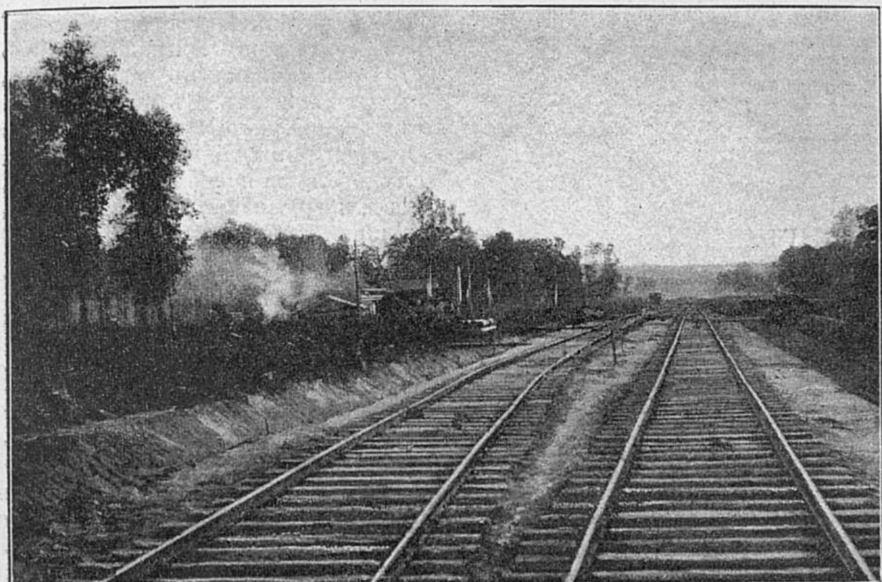
Съ фотографій корреспондента »Всемірной Иллюстраціи«. Автотипіи Эд. Гоппе.

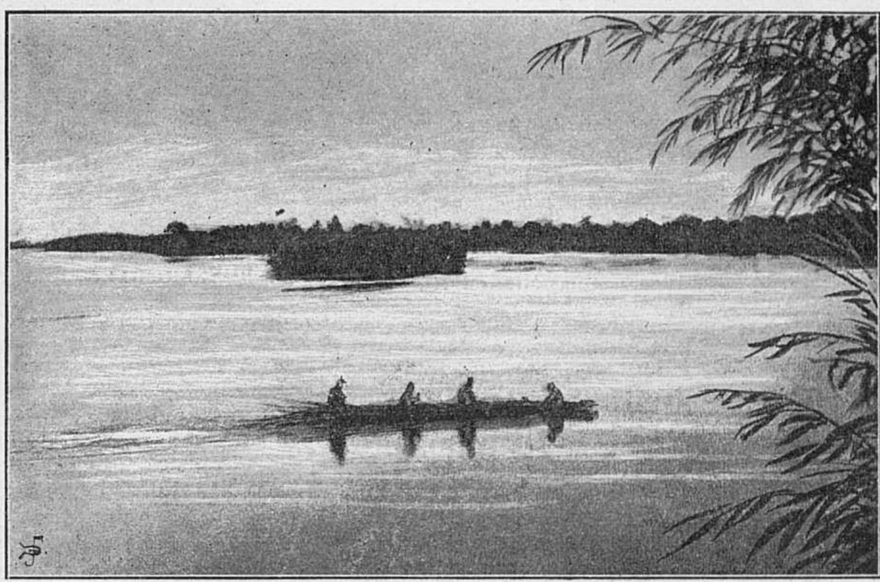
Манзовскія (китайскія) баржи на рѣкѣ Иманъ, въ ожиданіи груза.

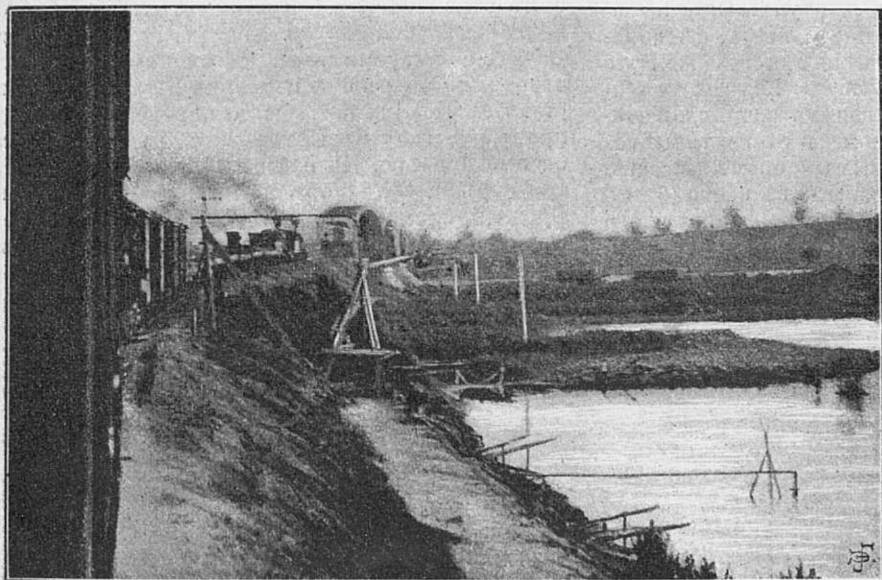
Пристань и склады дороги и новаго товарищества Амурскаго пароходства.

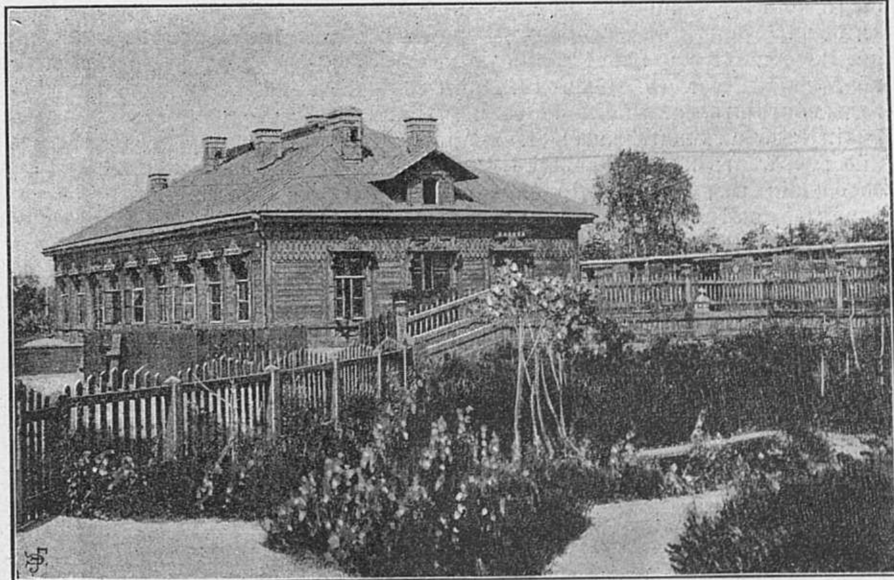
Разъѣздъ у строющейся станціи на рѣкѣ Иманъ.

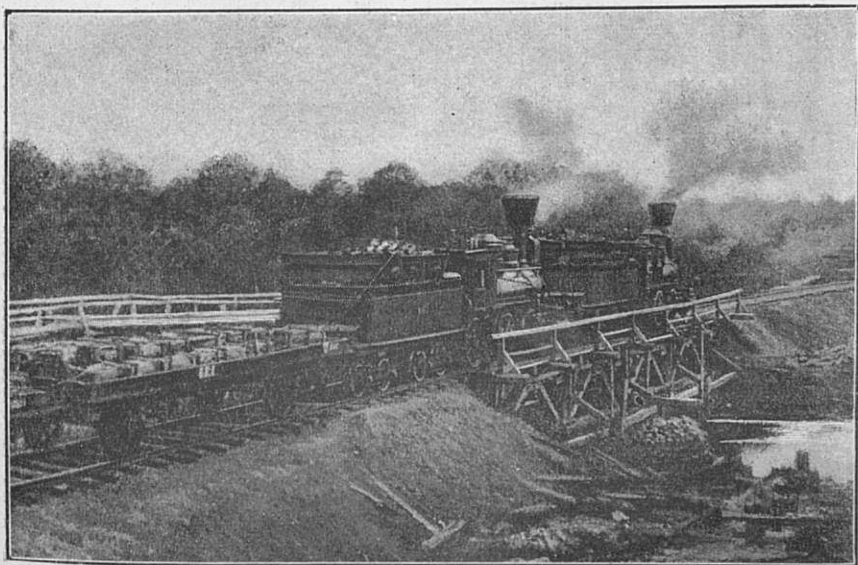
Изгибъ рѣки Иманъ близь желѣзнодорожнаго моста черезъ нее.

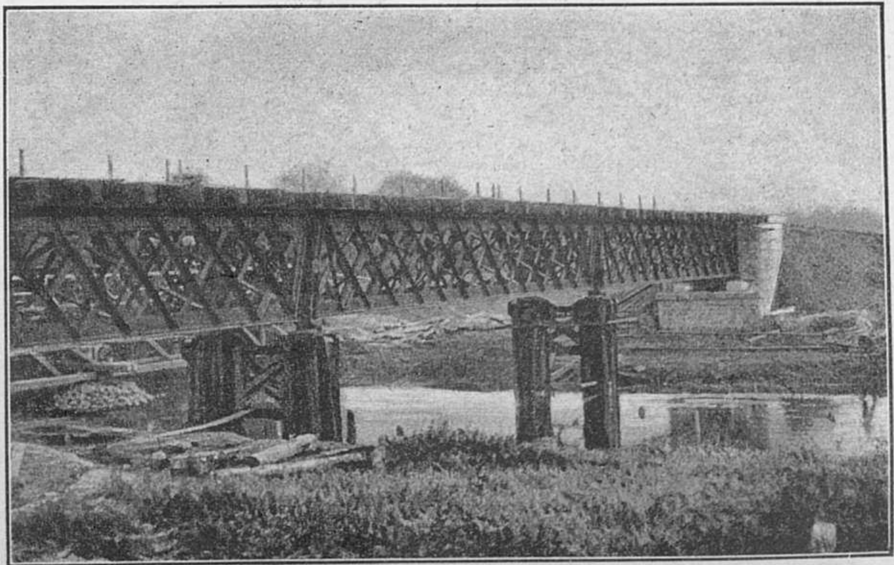
Поѣздъ на мосту черезъ рѣку Уссури.

Станція »Муравьевъ-Амурскій«.

Временный мостъ черезъ р. Танга.

Новый мостъ черезъ р. Танга.

Великій сибирскій путь. — Уссурійская желѣзная дорога.

Съ фотографій корреспондента »Всемірной Иллюстраціи«. Автотипіи Эд. Гоппе.

ствіе въ средѣ фанатиковъ-шіитовъ, такъ что ему приходилось неоднократно усмирять возстаніе наиболѣе фанатической секты бабидовъ. Въ 1852 году приверженцы этой секты не отступили даже передъ покушеніемъ на жизнь шаха, которому одинъ фанатикъ нанесъ нѣсколько ранъ; но эти раны, благодаря помощи французскаго доктора Клюке, не имѣли серьезныхъ послѣдствій. Противъ упомянутой секты были приняты энергичныя мѣры, такъ что до послѣдняго времени покушенія съ ихъ стороны болѣе не повторялись. Гератскія смуты въ 1869 году дали шаху поводъ вмѣшаться во внутреннія дѣла этой страны; остъ-индское правительство выступило тогда защитницею Герата и объявило Персіи войну, окончившуюся миромъ въ 1857 году. Но Персія вознаградила себя за неудачи, испытанныя ею въ Гератѣ, удачными походами противъ Хивы, туркменовъ, саларовъ и Имама Маскатскаго. Насръ-Эддинъ три раза путешествовалъ по Европѣ: въ 1873, 1877 и 1889 годахъ, и каждый разъ посѣщалъ Россію, къ которой всегда питалъ сочувствіе и уваженіе. Результатомъ его путешествій были всегда новыя реформы. Къ числу особенно важныхъ реформъ, сдѣланныхъ шахомъ, необходимо отнести законъ о престолонаслѣдіи, обезпечившій нынѣ спокойное восшествіе на престолъ второму сыну „царя царей“ — Музаффъ-Эддину, признанному и европейскими державами.

ЛИ-ХУНГЪ-ЧАНГЪ,
чрезвычайный китайскій посолъ при русскомъ Дворѣ.

Съ фотографіи Повъ-Ки и К° въ Шанхаѣ. Гравировалъ Б. А. Пуцъ.

Чрезвычайное китайское посольство въ Петербургѣ

Чрезвычайное китайское посольство съ Ли-Хунгъ-Чангомъ во главѣ, долженствующимъ присутствовать при торжествахъ священнаго коронованія Ихъ Величествъ, прибыло въ Петербургъ въ четвергъ, 18-го апрѣля по варшавской желѣзной дорогѣ. Весь дворъ вокзала былъ занятъ зрителями. На дебаркадерѣ выстроенъ былъ почетный караулъ отъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка со знаменемъ и хоромъ музыки. На флангѣ караула стояли командиръ полка генералъ-маіоръ Мешетичъ, командиръ бригады генералъ-маіоръ Бибиковъ, начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Любовицкій. На станцію встрѣтить посла прибыли министръ путей сообщенія, командиръ гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ Манзей, генералы Глазовъ, Виттъ, назначенные состоять при послѣ китайскаго богдыхана, отъ министерства иностранныхъ дѣлъ вице-директоръ азіатскаго департамента и переводчикъ, членъ совѣта министра финансовъ, т. с. Забугинъ, с.-петербургскіе градоначальникъ, губернаторъ и комендантъ, русскій консулъ въ Ханькоу, представитель торговли съ Китаемъ г. Хомзе, полковникъ лейбъ-гв. атаманскаго казачьяго полка Вали-Ханъ, ханъ „Гунъ“ или князь Китайской имперіи, китайскій посланникъ Шу-Кингъ-Шіенъ съ членами миссіи и другія лица, а также инженеры дороги. Когда посолъ вышелъ, генералъ-адъютантъ Манзей привѣтствовалъ его и представилъ ему почетный караулъ. Ли-Хунгъ-Чангъ прошелъ по фронту караула. Онъ высокаго роста, съ худощавымъ длиннымъ, нѣсколько добродушнымъ лицомъ, одѣтъ въ желтую кофту (императорскій цвѣтъ въ Китаѣ), темносинюю юбку, башмаки, на головѣ китайская шапочка съ краснымъ шарикомъ и отогнутымъ назадъ павлиньимъ трехглазымъ перомъ (высшее отличіе, которое въ Китаѣ имѣютъ всего 6 человѣкъ). Съ китайскимъ посломъ вышла и его огромная свита — 44 человѣка, съ перьями и безъ перьевъ, съ шариками черными, бронзовыми, хрустальными, молочными и красными (наибольшій чинъ), въ юбкахъ синихъ, голубыхъ, лиловыхъ, кофтахъ, шелковыхъ, черныхъ, синихъ, плюшевыхъ, коричневыхъ. Музыка играла китайскій гимнъ, довольно мелодичный. Въ Царскихъ комнатахъ встрѣтилъ посла командующій Императорскою главною квартирою генералъ-адъютантъ Рихтеръ. Въ залѣ стояла на желтомъ столикѣ, покрытомъ шелковой желтой скатертью и на желтомъ же коврѣ, желтая скрижаль, на которой среди изображеній драконовъ китайскими буквами въ одну линію обозначено: „10.000 разъ здравствовать императору“. На желтомъ коврѣ, передъ этою дощечкою, одинаковой по значенію съ нашимъ зерцаломъ въ присутственныхъ мѣстахъ, Ли-Хунгъ-Чангъ нѣсколько разъ склонился и затѣмъ уже принималъ привѣтствія и представленія. Съ посломъ прибыли состоящіе при немъ: контръ-адмиралъ Зеленой, поручикъ л.-гв. коннаго полка Марченко и сопровождающій посла изъ Египта камеръ-юнкеръ князь Ухтомскій. Переводчикомъ при Ли-Хунгъ-Чангѣ состоитъ его личный секретарь г. Крайеръ. Посольство отправилось въ четырехъ-мѣстныхъ экипажахъ. Въ первую коляску сѣли Ли-Хунгъ-Чангъ и адмиралъ Зеленой. Длинная вереница экипажей слѣдовала за посломъ. Семь бланкардовъ, нагруженныхъ багажемъ, отправились вслѣдъ за посольствомъ.

Н. О'Конноръ

Новый великобританскій посолъ сэръ Никслесъ О'Конноръ въ послѣднее время былъ посломъ при китайскомъ императорѣ въ Пекинѣ. О'Конноръ родился въ 1844 году и поступилъ на дипломатическую службу 22 лѣтъ. Послѣ службы въ посольствахъ Берлина, Вашингтона, Мадрида и Парижа онъ въ 1883 году былъ назначенъ секретаремъ великобританской миссіи въ Пекинѣ. Въ 1886 году онъ былъ переведенъ дипломатическимъ агентомъ въ Софію, гдѣ смѣнилъ сэра Лесселя. Спустя шесть лѣтъ онъ былъ назначенъ посломъ въ Пекинъ, гдѣ 1-го марта 1894 года заключилъ съ китайскимъ правительствомъ договоръ относительно Бирманской имперіи. Изъ Пекина онъ былъ переведенъ еще въ прошломъ году въ Петербургъ, куда и прибылъ весьма недавно. По пути въ Петербургъ изъ Китая сэръ Н. О'Конноръ заѣзжалъ въ Лондонъ. Среди дипломатовъ сэръ Н. О'Конноръ слыветъ за весьма корректнаго, хорошо освѣдомленнаго и весьма опытнаго дипломата.

Н. О'КОННОРЪ,
новый англійскій посолъ при Высочайшемъ Дворѣ.

Съ фотографіи Жерара. Гравировалъ Ю. П. Мультановскій.

ЛЕОНЪ СЭ,
французскій финансистъ, политикъ, писатель,
† 9 (21)-го апрѣля с. г.

Передача пушки съ желѣзнодорожнаго пути на переносную желѣзную дорогу. Подъемъ пушки на домкратахъ. Слѣдованіе пушки на особыхъ вагонеткахъ къ зданію военно-морского отдѣла.

Нижній-Новгородъ. — Доставка большой пушки въ военно-морской отдѣлъ выставки.

Съ фотографій М. Дмитріева въ Нижнемъ-Ногородѣ. Автотипія Эд. Гоппе.

Олимпійскія игры въ Аѳинахъ

Очеркъ

Х. ХРИСТОМАНОСА

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ надъ Греціей вѣетъ классическимъ воодушевленіемъ, которое до сокровеннѣйшихъ фибръ волнуетъ сердца и заставляетъ звучать лучшія патріотическія струны. Да, по всей странѣ проносятся возгласы тысячи человѣческихъ сердецъ, гимнъ прекраснаго, благороднаго народа своему прошлому, своей былой исчезнувшей славѣ, гимнъ, трогательный въ своемъ величіи, упоительный въ своей скорби. Эхо этой рѣдкой симфоніи отзывается тамъ и сямъ на Западѣ, доносясь туда какъ будто изъ невѣдомой страны Ѳулы, — перемѣна ролей, какую только когда либо знавала трагика міровой исторіи. Такимъ образомъ намъ приходится быть свидѣтелями настоящаго чуда: возстановленія старинныхъ олимпійскихъ игръ какъ національныхъ, періодически повторяющихся, народныхъ празднествъ. Въ первый разъ онѣ возобновились въ „увѣнчанномъ фіалками“ городѣ у подножія священнаго утеса голубоокой богини Аѳины, на громадномъ панаѳенейскомъ стадіонѣ, который отстроился вновь изъ пенталійскаго мрамора во всемъ своемъ прежнемъ великолѣпіи на средства хорега античнаго пошиба, богатаго александрійскаго грека Георгіоса Аверофа.

Золотое видѣніе возникаетъ передъ глазами греческой націи: величавые, лучезарные образы прекраснаго исчезнувшаго міра, носящіеся въ морѣ свѣтлаго блаженства. Но какъ всякій современный народъ, охваченный трепетнымъ желаніемъ забыться въ мечтахъ, упиться небывалымъ счастьемъ, жаждущій сладостнаго обмана и возможности ускользнуть отъ безотрадной дѣйствительности, такъ и нація новыхъ эллиновъ съ ребяческимъ восторгомъ отдается дивной иллюзіи, стараясь позабыть нерѣдкія униженія, горькія заботы; она смотритъ только въ лазурное небо грезъ и украшаетъ его надеждами, какъ благотворными свѣтилами.

Едва минуло двадцатилѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ великій Курцій раскрылъ могилу, таившую въ своихъ нѣдрахъ все, что было создано эллинствомъ самаго великолѣпнаго, точнѣе сказать, драгоцѣннѣйшее сокровище человѣчества, его собственную божественность — Олимпію. И вотъ священное мѣсто, священнѣе Аѳинъ и Рима, гдѣ происходило поклоненіе красотѣ, лежало вновь подъ лучами солнца Пиндара. Тотъ свѣтлый міръ божественныхъ людей и человѣчныхъ боговъ, о которыхъ цѣлыя столѣтія мечтали многія поколѣнія ученыхъ, оплакивая его какъ безвозвратно погибшій, воскресъ опять — въ видѣ груды безформенныхъ развалинъ. Вотъ что осталось отъ гордаго человѣческаго рода, достигшаго своимъ духомъ до неба. И лишь грубая, необдѣланная матерія, лишь она одна продолжала жить, стряхнувъ съ себя всякій слѣдъ человѣческаго господства, и трагически издѣвалась надъ его безсиліемъ при яркомъ солнечномъ свѣтѣ.

Но красота и идея одержали, однако, побѣду надъ судьбой и надъ отрицающей матеріей; изъ жалкаго сора человѣческаго существованія онѣ возсіяли вновь къ небесамъ — безсмертные, какъ несчастье... Гермесъ Праксителя, Никея Пеонія, боги были возвращены намъ вновь, созданные изъ немногихъ развалинъ. Всякій обломокъ колонны, осколокъ архитрава, растрескавшійся прорѣзъ между триглифами — воскрешаютъ цѣлый міръ великолѣпія и величія... Мы снова видимъ передъ собою альтисъ, освященный четырехугольникъ — блестящій городъ боговъ и героевъ въ прохладѣ шумящей рощи серебристыхъ тополей, платанъ и оливъ.

Легкій дымокъ вьется надъ неподвижными вершинами къ небу съ появленія розоперстой Эосъ до вечера, когда онъ выступаетъ въ облакахъ расплавленнаго золота на пурпурѣ заходящаго солнца. Но надъ высокимъ алтаремъ отца всѣхъ боговъ и людей безпрерывно и беззвучно кружатся стаи черныхъ птицъ, спугнутыя густыми клубами жертвеннаго дыма... Отъ времени до времени издали доносятся мѣрныя, медленныя мелодіи и замирающіе эподы, исполняемые множествомъ пѣвцовъ. Хоръ подходитъ все ближе и ближе. Фигуры въ бѣломъ одѣяніи движутся длинной вереницей, плавно и торжественно, по тѣнистымъ аллеямъ рощи, подъ священные гимны, полные старинныхъ непонятныхъ словъ, которыя памятны только богамъ изъ мрака вѣковъ. То ѳеоколы или верховные жрецы, прорицатели и спондофоры со своими подчиненными отправляются изъ своего дворца Ѳеоколеона къ отдѣльнымъ святилищамъ для принесенія ежедневныхъ или ежемѣсячныхъ жертвъ. Вечеромъ, когда сумерки окутываютъ голубоватой дымкой городъ боговъ, они возвращаются обратно и приносятъ Гестіи на ея алтарѣ въ Пританейонѣ послѣднюю жертву съ пріятными для нея жалобными пѣснями въ загадочныхъ звукахъ первыхъ людей, рожденныхъ изъ земли... Въ рощѣ и надъ дворцами боговъ воцаряется глубокая тишина, между тѣмъ какъ вѣчныя звѣзды сверкаютъ сквозь лиственный куполъ и только фонтаны и звонкіе ключи поднимаютъ тогда свой голосъ...

Каждыя пять лѣтъ, около поры лѣтняго солнечнаго поворота, въ послѣдніе пять дней передъ полнолуніемъ, картина внезапно мѣняется.

По семи священнымъ дорогамъ стремится — съ 776 года — вся Греція, даже весь греческій міръ, отъ береговъ Азіи и негостепріимнаго края скиѳовъ до Геркулесовыхъ столбовъ, въ Олимпію. На колесницахъ и верхомъ на коняхъ, на телѣжкахъ, въ великолѣпныхъ экипажахъ, запряженныхъ четверкой и шестеркой, или на смиренно шагающихъ ослахъ, а простонародье — пѣшкомъ, стекаются эти безчисленныя толпы въ священный городъ на поклоненіе божественной красотѣ. И любопытная, кишащая какъ муравейники, праздничная чернь, любуется пестрымъ зрѣлищемъ, ослѣпленная пышностью и блескомъ, которые проносятся у ней передъ глазами. Ѳеоры или оффиціальные послы въ совершенно бѣлыхъ одеждахъ съ пурпуровой каймою, съ развѣвающимися повязками на лбу, торжественно проходятъ длинными процессіями; проксены, представители городовъ, связанныхъ съ Элидой взаимнымъ гостепріимствомъ, образуютъ другія внушительныя шествія. Драгоцѣнныя приношенія изъ золота, мѣди и слоновой кости проносятъ на роскошныхъ высокихъ носилкахъ надъ головами народа; жертвенныхъ быковъ, украшенныхъ цвѣточными гирляндами, влекутъ за позолоченные рога. И между ними съ грохотомъ мелькаютъ богато убранныя колесницы съ сидѣньемъ въ видѣ трона, запряженныя покрытыми пѣной бѣлыми конями: то Алкмеониды и Кипсилиды изъ Аѳинъ и Коринѳа мчатся въ своемъ царственномъ великолѣпіи. Сиракузскіе тираны, кичась своей неслыханной роскошью, разбиваютъ пестрые шелковые шатры посреди взирающей на нихъ съ жаднымъ любопытствомъ толпы; они входятъ туда въ своихъ золототканыхъ одеждахъ и приказываютъ изящнымъ виночерпіямъ подавать себѣ сладкое фалернское вино въ золотыхъ кубкахъ. А тамъ съ пѣніемъ идутъ вереницами, увѣнчанные цвѣтами, участники состязаній, молодые, великолѣпно сложенные, богоподобные, блистающіе красотой своего гладкаго какъ мраморъ тѣла, освѣщеннаго солнцемъ; съ ними шествуютъ счастливые и гордые родители, родственники, учителя, и весь собравшійся здѣсь эллинскій міръ при видѣ ихъ разражается громкими кликами ликованія, восхищенный этой красотой, и оглушительные возгласы одобренія летятъ до самыхъ небесъ.

Потомъ вся эта масса людей разсыпается вдоль наружныхъ стѣнъ альтиса, гдѣ разставлены безчисленныя лавочки, торгующія лакомствами, новыми сандаліями, пестрыми головными повязками и пряжками изъ золотыхъ пластинокъ; всѣмъ хочется принарядиться для праздника или запастись здѣсь статуэтками олимпійскаго Зевса для набожныхъ приношеній или на память, совершенно какъ въ наши дни — въ Лурдѣ и въ маленькихъ, далеко затерявшихся, мѣстахъ богомолій въ Абруццахъ... Безпрерывно вливается весь этотъ неодолимый человѣческій потокъ черезъ большія отворенныя парадныя ворота въ альтисъ, — съ оглушительнымъ шумомъ дикаго морскаго прибоя. Съ несмолкаемымъ говоромъ поднимаются человѣческія волны по лѣстницамъ храмовъ или спускаются съ нихъ. Подобно стаямъ птицъ съ разноцвѣтнымъ опереніемъ лѣпится народъ по ступенямъ, усаживаясь здѣсь для отдыха и посматривая на проходящихъ. Люди толпятся въ галлереяхъ, издавая громкіе возгласы, чтобы вызвать много разъ повторяющееся эхо; они любуются въ экстазѣ на сокровищницы различныхъ городовъ, кидаютъ робкіе взгляды на длинный рядъ стоящихъ передъ ними залъ — бронзовыхъ статуй Зевса, воздвигнутыхъ на деньги, собранныя въ видѣ штрафа за нарушеніе олимпійскихъ законовъ; они восхищаются статуями боговъ, героевъ и побѣдителей и по долгу стоятъ съ разинутымъ ртомъ, объятые тайнымъ страхомъ, передъ колоссомъ изъ золота и слоновой кости, изображающимъ Зевса Фейдіаса, бога съ кудрями, умащенными амброзіей, грознаго до такой степени, что если одинъ изъ этихъ локоновъ пошевелится, то потрясетъ небо и весь міръ. Каждый спѣшитъ подивиться трофеямъ славы своего роднаго города, которые являются ему въ ореолѣ дивныхъ легендъ, слышанныхъ въ дѣтствѣ. Тамъ народъ тѣснится вокругъ экзегетовъ или проводниковъ, объясняющихъ значеніе лѣпныхъ группъ на фризахъ и фронтонахъ, картины и мозаики въ галлереяхъ и на полу; они показываютъ новичкамъ отдѣльные памятники и зданія, совершенно какъ наши теперешніе чичероне, и точно такъ же, какъ тѣ, гармонически сплетаютъ истину съ вымысломъ. Добродушный Павзаній, вѣроятно, былъ наведенъ этимъ путемъ на многія изъ своихъ прекрасныхъ сказокъ и безъ сомнѣнія далъ своему экзегету щедрую прибавку за удовольствіе, которое тотъ доставилъ ему, разсказавъ исторію о поющихъ рыбахъ... Далѣе на возвышенномъ цоколѣ стоитъ герольдъ, возвѣщающій громкимъ голосомъ о новомъ договорѣ между двумя городами. На различныхъ пунктахъ, въ особенности съ опистодома храма Зевса, риторы держатъ напыщенныя рѣчи, прерываемыя громогласными „ого“ и „галло“; въ притворахъ софисты щеголяютъ діалектической находчивостью въ діалогахъ съ сельскими жителями, часто подъ градомъ насмѣшливыхъ замѣчаній и подъ гомерическій хохотъ слушателей, которые забавляются не хуже, чѣмъ въ театрѣ. Но Горгіасъ и Геродотъ, конечно, также наслаждались здѣсь своими первыми тріумфами и положили начало своей славѣ передъ лицомъ собравшагося въ Олимпіи эллинскаго народа. Отъ времени до времени въ густой толпѣ пробираются элланодики (судьи при олимпійскихъ играхъ) въ своихъ широкихъ, ниспадающихъ складками, пурпурныхъ плащахъ, сопровождаемые участниками состязаній, или подходятъ священныя процессіи, чтобы совершить священнодѣйствія у какого нибудь алтаря, принести жертву Зевсу Гиппіосу, вопросить оракула о судьбѣ какого либо города или отдѣльной партіи. И народныя массы разступаются, образуя шпалеры и слушая въ нѣмомъ благоговѣніи медленные, важные гимны и дорическія хвалебныя пѣсни, полныя мистическихъ звуковъ...

Но на второй, третій и четвертый день съ самаго разсвѣта всѣ эти тысячи пришельцевъ стремятся къ стадіону и ипподрому, чтобы смотрѣть на состязанія.

Элланодики, въ своихъ пурпурныхъ таларахъ, увѣнчаемые лаврами, сидятъ на возвышенной трибунѣ, надъ которой гордо царитъ на своемъ каменномъ алтарѣ жрица Деметры Хамины — единственная замужняя женщина, допускавшаяся на олимпійскія игры; далѣе почетныя сѣдалища изъ мрамора занимаютъ жрецы, судебныя власти элійцевъ, ѳеоры, оффиціальные гости и важные чужеземцы. Раздаются звуки трубъ... И вотъ на арену появляются состязающіеся въ бѣгѣ, обнаженныя тѣла которыхъ умащены масломъ; по четверо заразъ бросаются они съ быстротою вѣтра, не оставляя слѣдовъ на пескѣ, къ поставленной имъ цѣли; сначала эти юноши дѣлаютъ одинъ кругъ по стадіону (дромосъ), потомъ два круга (діаулосъ) и наконецъ шесть круговъ (долихосъ) группами изъ прежнихъ побѣдителей. Потомъ выступаютъ борцы и кулачные бойцы, также голые, только на кулакахъ у нихъ надѣты кожанные чехлы съ металлическими пуговицами, которыми они разбиваютъ другъ другу въ кровь лицо и наносятъ раны на тѣлѣ. За ними слѣдуютъ панкратіасты, состязающіеся въ панкратіонѣ, который составляетъ комбинацію борьбы и кулачнаго боя, но безъ вооруженія кулаковъ. Затѣмъ начинается бѣгъ колесницъ, запряженныхъ парою и четверкою, бѣгъ кобылъ, муловъ и верховыхъ жеребцовъ; съ пѣною на удилахъ бросаются благородныя животныя на арену, гдѣ ихъ пугаетъ оглушительный звукъ трубъ и поставленный нарочно съ этой цѣлью тараксиппосъ — металлическая статуя взбѣсившагося коня; въ облакѣ золотистой пыли, окружающей ихъ, мелькаютъ свѣтлые великолѣпные плащи возницъ, пурпуровая и серебряная упряжь, колесницы съ золотой инкрустаціей, которыя сверкаютъ и мечутъ искры на солнцѣ... Наконецъ наступаетъ очередь пентатлона (состоящаго изъ упражненій пяти родовъ: скаканья, метанья диска и копья, дромоса, борьбы и кулачнаго боя), и все заканчивается бѣгомъ тяжело вооруженныхъ гоплитовъ — какъ онъ изображаются на античныхъ вазахъ... Безчисленное множество народа, унизавшаго ступени громаднаго каменнаго котла, съ лихорадочнымъ трепетомъ, затаивъ дыханіе, слѣдитъ за разнообразнымъ зрѣлищемъ или, точно гонимое бурей, разражается дикими криками, сопровождая ихъ безумными жестами, или, напротивъ, оглашаетъ воздухъ громкимъ ликованіемъ и бурными рукоплесканіями, которыя чередуются порою съ убійственнымъ шиканьемъ и молчаливыми слезами. Пятый и послѣдній день посвященъ чествованію олимпіониковъ: это уже не люди, а полубоги, часто даже прямо боги, которымъ посвящались алтари и приносились жертвы, какъ напримѣръ Ѳеогену ѳасосскому. Опьяненный праздничными наслажденіями, народъ кишитъ въ проходахъ храмовъ, въ алеяхъ рощи; онъ унизываетъ ступени и террассы, карабкается на цоколи и каменныя ограды, влѣзаетъ даже на крыши и шпили, чтобы полюбоваться шествіемъ побѣдателей. Вотъ они уже приближаются подъ шумное ликованіе. Трубы гремятъ. Герольды, стоя на возвышенныхъ пунктахъ, выкрикиваютъ далеко раздающимся голосомъ имена побѣдителей и прославляютъ ихъ счастливое отечество... Впереди идутъ элланодики и, сопровождаемые жрецами, сановниками, ѳеорами и знатными чужестранцами, медленно, мѣрной походкой, шествуютъ побѣдители въ свѣтлыхъ роскошныхъ одѣяніяхъ съ вѣнкомъ дикой оливы на головѣ, съ вѣтвями лавровъ и пальмъ въ рукахъ; на ихъ лицахъ счастливая улыбка; они не помнятъ себя въ блаженномъ упоеніи, послѣ котораго остается пожелать себѣ только смерти... За ними выступаютъ кони, одержавшіе побѣду, украшенные цвѣтами, гордо выгибая шею, громко ударяя копытомъ о землю... о, сколько людей завидую имъ!.. Флейтщики, пѣвцы гимновъ и плясуны съ литаврами и треугольниками сопровождаютъ шествіе съ пляской и пѣніемъ эпиникій и послѣ каждой строфы несмѣтныя массы народа, тѣснящагося въ колоннадахъ, на ступеняхъ и крышахъ, подхватываютъ съ эподомъ архилохоса:

Слава тебѣ, сіяющій побѣдитель!
Властитель Геркулесъ, слава тебѣ вмѣстѣ съ Іолаосомъ,
Слава четѣ метальщиковъ копій!
Тенелла! Тенелла!..

Или же воздухъ потрясаютъ небесные звуки

одъ Пиндара... Такимъ порядкомъ процессія приближается къ алтарю двѣнадцати боговъ, гдѣ побѣтители на олимпійскихъ играхъ приносятъ благодарственную жертву. Потомъ все шествіе отправляется въ Пританеіонъ, на праздничный пиръ, который даетъ государство элійцевъ олимпіоникамъ и гостямъ боговъ, причемъ все собравшееся множество народа толпится у воротъ, съ жадностью ловя доносящійся порою запахъ кушаній и громкое праздничное ликованіе возлежащихъ.

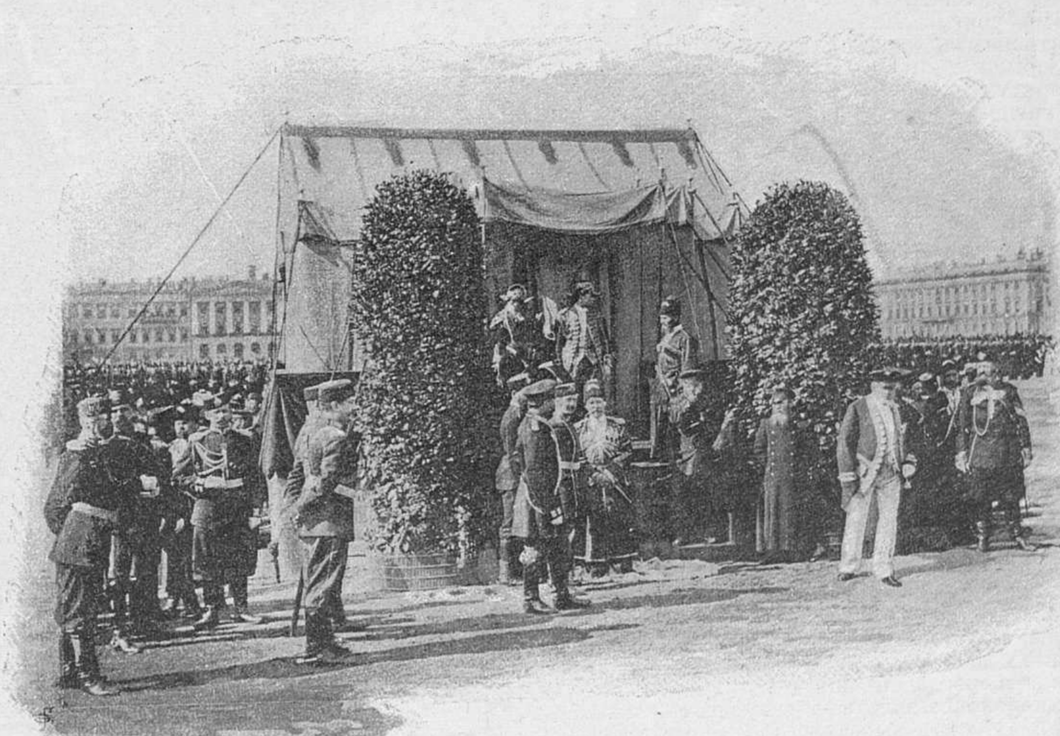
Этимъ праздничнымъ упоеніемъ и наслаждались недавно новыя Аѳины, блаженнымъ упоеніемъ возвратившейся молодости и красоты, по примѣру доктора Фауста или старцевъ въ сказкѣ, молодѣвшихъ по мановенію волшебства, но также на короткое, мимолетное время...

Первая мысль о возстановленіи періодически повторяющихся гимнастическихъ состязаній, подъ именемъ олимпійскихъ игръ, возникла на собравшемся въ прошломъ году въ Парижѣ международномъ атлетическомъ и гимнастическомъ конгрессѣ. Однако рѣшеніе устроить первое празднество этого рода именно въ Аѳинахъ состоялось, благодаря настоянію многихъ любителей эллинизма, а главное благодаря греческому ученому Викеласу, проживающему въ Парижѣ, и это служитъ какъ бы данью почтенія былой славѣ эллиновъ. Тогдашніе вершители судебъ Греціи сначала не хотѣли ничего о томъ и слышать, въ виду жалкаго состоянія финансовъ страны. Между тѣмъ народъ — обѣднѣвшая, но попрежнему идеалистическая нація — пришелъ въ неслыханный энтузіазмъ и, какъ ребенокъ, у котораго хотятъ отнять игрушку, настаивалъ на своемъ, пока ему уступили. Тогда частныя лица взялись за это предпріятіе и рѣшили отъ себя собрать нужныя средства для устройства празднества.

Леонъ Сэ †

Франція потеряла въ лицѣ Леона Сэ, скончавшагося въ Парижѣ 9 (21)-го апрѣля, одного изъ лучшихъ своихъ гражданъ. Это былъ видный дѣятель консервативно-республиканской партіи. Леонъ Сэ (Say) родился въ 1826 г. въ Парижѣ. Слѣдуя семейной традиціи, онъ еще въ молодости обратился къ изученію экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ и началъ сотрудничать въ спеціальныхъ изданіяхъ — „Annuaire d'économie politique, „Journal des Economistes", гдѣ и потомъ помѣщалось много статей его, въ извѣстномъ экономическомъ словарѣ Гильомена. Дѣловую опытность онъ пріобрѣлъ, занимая мѣсто управляющаго Сѣверной дороги, главными строителями которой были друзья его семьи — Ротшильды. Женившись на дочери Бертена, одного изъ основателей „Journal des Débats", Сэ началъ дѣятельно работать въ этой газетѣ, на которую и впослѣдствіи значительно вліялъ. При имперіи Сэ принадлежалъ къ либеральной оппозиціи и въ февралѣ 1871 г. былъ избранъ въ національное собраніе какъ представитель отъ департамента Сены. И въ Бордо, и въ Версали онъ являлся однимъ изъ главныхъ защитниковъ политики Тьера; 5-го іюня 1871 г., тотчасъ же послѣ подавленія парижской коммуны, онъ былъ назначенъ сенскимъ префектомъ. Въ исходѣ 1872 г. Тьеръ ввѣрилъ ему портфель министра финансовъ, который Сэ удерживалъ до 24-го мая 1873 г. Послѣ паденія Тьера Сэ снова занялъ свое мѣсто въ лѣвомъ центрѣ и вскорѣ былъ избранъ его президентомъ; отъ имени своей группы онъ высказался противъ попытокъ монархической реставраціи. Съ принятіемъ конституціи 25-го февраля 1875 г. Сэ вступилъ, по приглашенію Макъ-Магона, въ кабинетъ Бюффе, съ которымъ онъ, однако, плохо ладилъ. Въ январѣ 1876 года Сэ былъ избранъ сенаторомъ въ департаментѣ Сены и Уазы. Послѣ отставки Бюффе онъ продолжалъ оставаться на своемъ министерскомъ посту въ кабинетахъ Дюфоръ-Рикара и Жюль Симона, вплоть до 16-го мая 1877 года. Принимая дѣятельное участіе въ дебатахъ, Сэ возставалъ противъ предложенныхъ Гамбеттою податныхъ реформъ, признавалъ пониженіе налоговъ преждевременною мѣрою, противился предложенію о парламентской иниціативѣ въ дѣлѣ государственныхъ расходовъ и проч. Когда монархистская кампанія потерпѣла неудачу, Сэ снова сталъ, въ декабрѣ 1877 года, министромъ финансовъ, оставаясь имъ и въ первомъ кабинетѣ, составленномъ Греви. Онъ продолжалъ возставать противъ уменьшенія налоговъ и старался отдалить конверсію 5% государственнаго долга. Вмѣстѣ съ Ваддингтономъ онъ вышелъ въ отставку въ декабрѣ 1879 года, а въ слѣдующемъ году, въ качествѣ посланника, велъ съ англійскимъ правительствомъ переговоры о возобновленіи торговаго трактата. Посланникомъ онъ былъ, впрочемъ, только нѣсколько недѣль, такъ какъ уже въ маѣ 1880 г. былъ выбранъ президентомъ сената. Мѣсто это Сэ занималъ до февраля 1882 г. и былъ затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ министромъ финансовъ въ кабинетѣ Фрейсине. Свою программу онъ резюмировалъ слѣдующими словами: „ни займовъ, ни конверсіи, ни выкупа желѣзныхъ дорогъ". Въ іюлѣ 1882 г. Сэ вышелъ вмѣстѣ съ кабинетомъ въ отставку и въ ближайшіе годы стремился организовать партію для борьбы съ радикальнымъ теченіемъ идей въ странѣ. Въ 1889 году онъ дѣятельно участвовалъ въ основаніи новой политической группы „Union libérale", которая ставила себѣ задачею, исключивъ радикаловъ, объединить на почвѣ консервативной республики умѣренные элементы всѣхъ партій. Политику эту Сэ безуспѣшно пытался приложить на практикѣ еще на законодательныхъ выборахъ 1885 г. въ департаментахъ Сены и Уазы; онъ выставилъ тамъ списокъ республиканскихъ кандидатовъ, одинаково враждебныхъ радикаламъ и оппортюнистамъ, но потерпѣлъ пораженіе. Чтобы имѣть большій просторъ для своей дѣятельности, Сэ оставилъ въ 1889 году сенатъ и перешелъ въ палату какъ представитель департамента Нижнихъ Пиренеевъ. Здѣсь онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ дебатахъ по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ. До конца своихъ дней Сэ оставался горячимъ защитникомъ, давно отвергнутаго наукою и жизнью, принципа laissez-faire въ области экономическихъ отношеній. И въ своихъ многочисленныхъ писаніяхъ, и какъ практическій дѣятель онъ не переставалъ на тысячу ладовъ повторять идеи крайняго фритредерства, — идеи, полное изложеніе которыхъ можно найти въ трактатахъ его дѣда — Жана Батиста Сэ. Съ 1874 г. Леонъ Сэ состоялъ членомъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, а съ 1886 г. занялъ кресло Эдмонда Абу во французской академіи. Въ разное время онъ читалъ лекціи въ „Ecole libre des sciences politiques". Подъ его редакціей издавался „Dictionnaire des finances" и „Nouveau dictionnaire d'économie politique" (1890—1892), гдѣ нашли себѣ отраженіе всѣ отсталыя идеи ихъ редактора.

Высочайшій смотръ войскамъ на Марсовомъ полѣ

У Царской палатки.

Съ фотографіи К. К. Булла. Автотипія Эд. Гоппе.

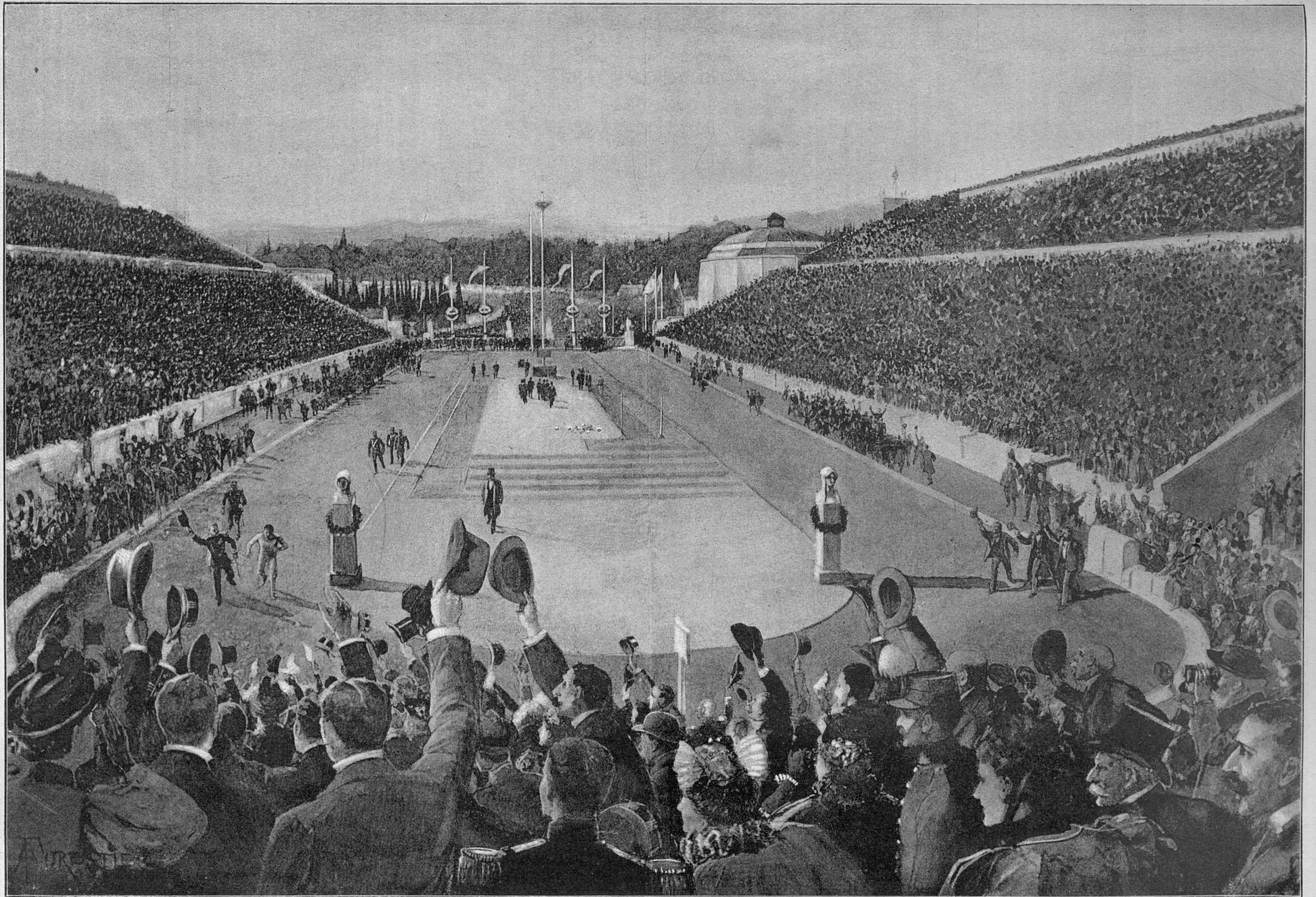
С.-Петербургъ. — Высочайшій смотръ войскамъ на Марсовомъ полѣ 15-го апрѣля с. г.

Второй въ нынѣшнемъ царствованіи Высочайшій смотръ войскамъ состоялся на Марсовомъ полѣ въ понедѣльникъ, 15-го апрѣля, въ 11 час. утра. На этомъ смотру участвовали: военно-учебныя заведенія, весь гвардейскій корпусъ, гвардейскій экипажъ, сводный баталіонъ отъ 1-го, 7-го и 13-го флотскихъ экипажей, л.-гв. саперный баталіонъ, 18-й саперный баталіонъ, с.-петербургское пѣхотное юнкерское училище, рота военно-электротехнической школы, 2 баталіона 145-го пѣхотнаго новочеркасскаго Императора Александра III полка, александро-невскій резервный баталіонъ, сводный баталіонъ офицерской стрѣлковой школы, Собственный Его Величества конвой, эскадронъ офицерской кавалерійской школы, 23-я артиллерійская бригада, 5-я гвардейская батарея 2-й резервной артиллерійской бригады и пѣшая и конная батареи офицерской артиллерійской школы, всего 50¾ баталіоновъ, 37 эскадроновъ, 13 сотенъ, 102 пѣшихъ и 38 конныхъ орудій.

На Марсовомъ полѣ пѣхота и артиллерія построились въ шесть линій, фронтомъ къ Лѣтнему саду. Въ первой линіи стали: на правомъ флангѣ Собственный Его Величества конвой въ эскадронной колоннѣ справа, гвардейскій полевой жандармскій эскадронъ въ развернутомъ строѣ, а далѣе: баталіонъ Павловскаго военнаго училища, сводный баталіонъ изъ пажескаго Его Величества корпуса и Николаевскаго инженернаго училища, морской кадетскій корпусъ и полки л.-гв. Преображенскій и Семеновскій. Полки л.-гв. измайловскій и егерскій составили вторую линію вмѣстѣ съ л.-гв. московскимъ полкомъ; въ третьей линіи стали полки л.-гв. гренадерскій, павловскій и финляндскій; четвертую линію составили баталіоны гвардейской стрѣлковой бригады, гвардейскій экипажъ, сводный баталіонъ отъ 1-го, 7-го и 13-го флотскихъ экипажей, л.-гв. саперный баталіонъ, 18-й саперный баталіонъ, с.-петербургское пѣхотное юнкерское училище, вмѣстѣ съ военно-электротехнической школой, два баталіона 145-го пѣхотнаго новочеркасскаго Императора Александра III полка и александроневскій резервный баталіонъ; наконецъ, пятую и шестую линіи образовали 23 пѣшихъ батареи, вмѣстѣ съ пѣшими артиллерійскими баталіонами.

Всѣмъ парадомъ командовалъ Его Императорское Высочество главнокомандующій войсками великій князь Владиміръ Александровичъ; въ строю находились: августѣйшій генералъ-инспекторъ кавалеріи великій князь Николай Николаевичъ, а также великіе князья Константинъ Константиновичъ, Павелъ Александровичъ, Дмитрій Константиновичъ, герцогъ Георгій Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій, Кириллъ и Борисъ Владиміровичи.

Въ 11 часовъ утра къ комендантскому подъѣзду подъѣхали въ открытой коляскѣ Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна. Государь Императоръ былъ въ формѣ л.-гв егерскаго полка и въ Андреевской лентѣ, а Государыня Императрица въ бѣломъ платьѣ. Выйдя изъ экипажа, Его Величество сѣлъ на коня и поздоровался съ великими князьями и свитою. Государыня Императрица заняла мѣсто въ открытомъ фаэтонѣ, запряженномъ четверкою бѣлыхъ лошадей цугомъ съ жокеями. Рядомъ съ Ея Величествомъ помѣстились княгиня Марія Павловна, напротивъ великая княгиня Ксенія Александровна. Принявъ рапортъ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго войсками, Государь Императоръ началъ объѣздъ съ 1-й Его Величества батареи гвардейской конно-артиллерійской бригады. Во время объѣзда экипажъ Государыни Императрицы слѣдовалъ около Его Императорскаго Величества. Государь Императоръ здоровался съ каждою частью. Государь Императоръ объѣздъ направился по набережной до Лѣтняго сада. Прослѣдовавъ черезъ Лѣтній садъ по сред-

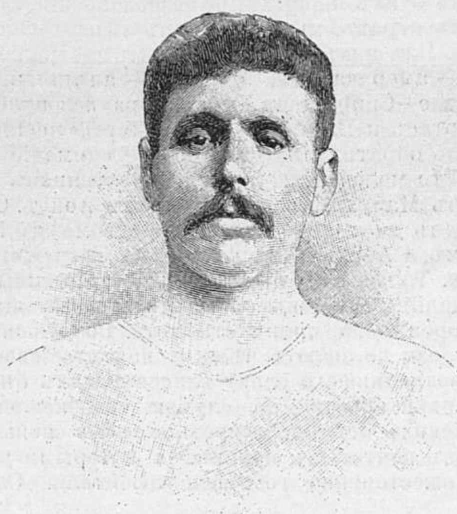

Спиридіонъ Луисъ, берущій первый призъ на мараѳонскомъ бѣгѣ.

Греція. Аѳины. — Олимпійскія игры, возобновленныя въ апрѣлѣ с. г.

ФЛАКЪ, получившій 1-й призъ за бѣга (дистанція 800 и 1,500 метровъ).

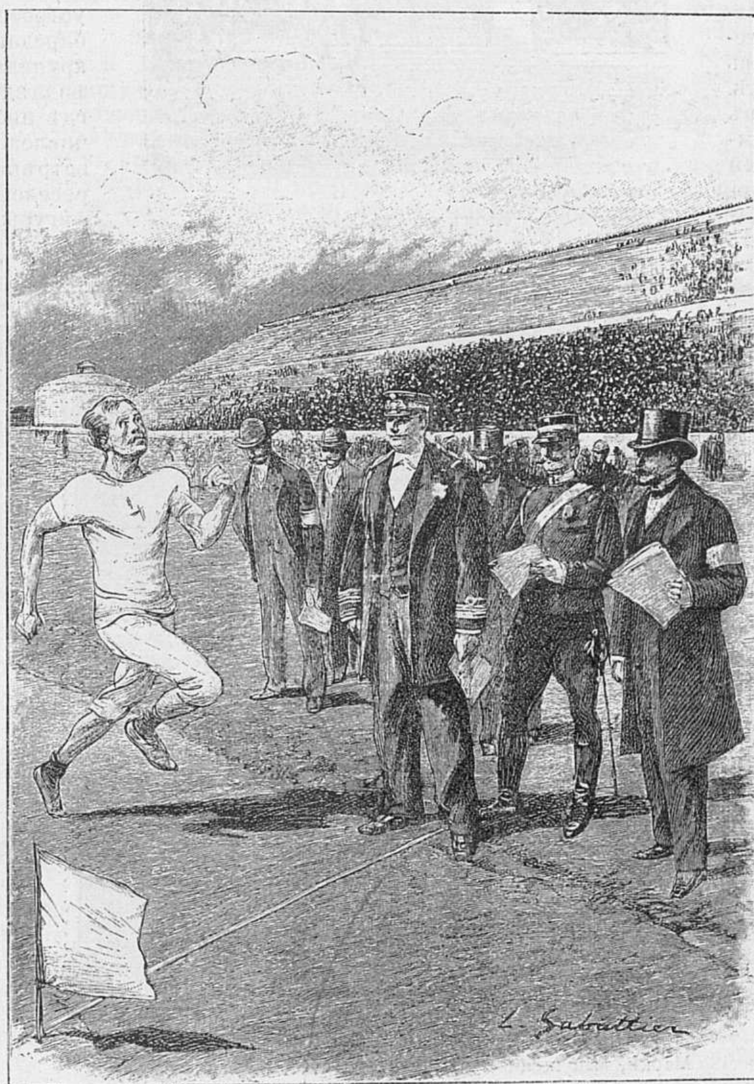
СПИРИДІОНЪ ЛУИСЪ, побѣдитель на мараѳонскомъ бѣгѣ.

БОРКЪ, получившій первый призъ за бѣгъ съ препятствіями.

ІЕЛІОТЪ, получившій 1-й призъ за подъемъ тяжестей.

Наслѣдный принцъ греческій, присутствующій въ коммиссіи судей.

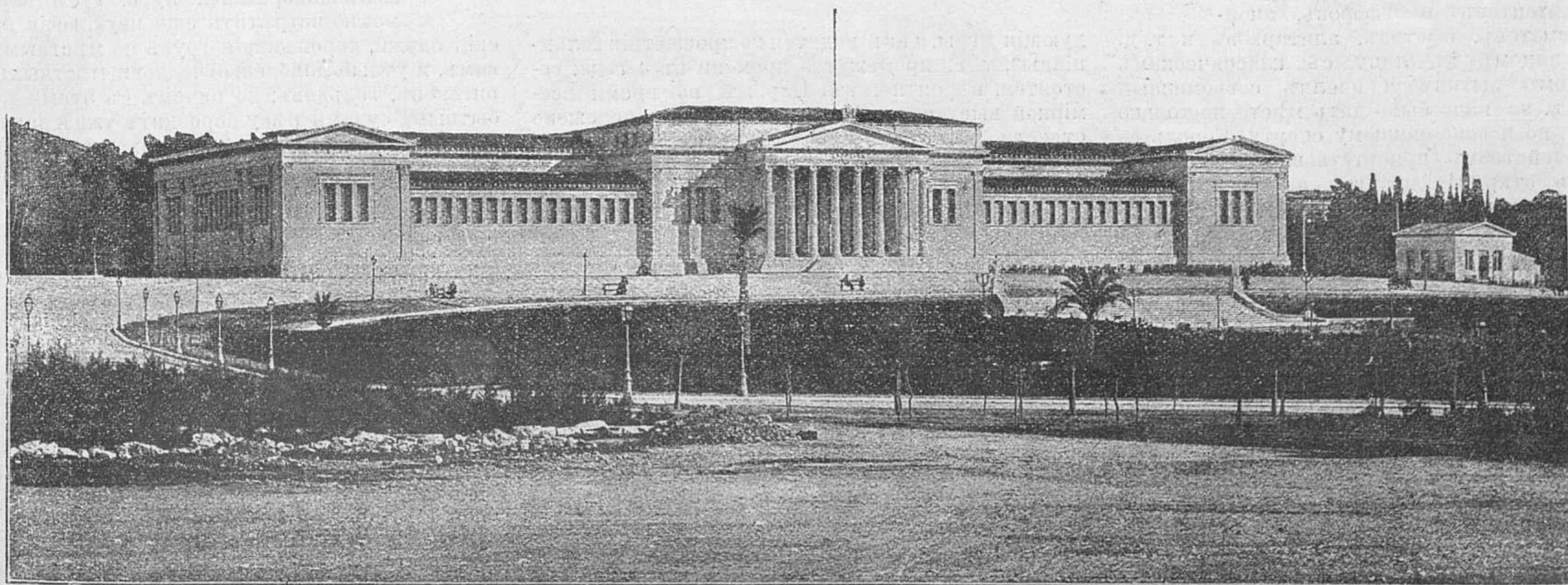
ПАРАУКЕВОПУЛОСЪ, получившій 2-й призъ за метаніе диска.

ПЕРГОСЪ, получившій призъ за фехтованіе.

КАРАСЕРТАСЪ, побѣдитель въ стрѣльбѣ.

Заппіонъ, гдѣ происходили состязанія въ борьбѣ и фехтованіи.

Греція. Аѳины. — Олимпійскія игры, возобновленныя въ апрѣлѣ с. г.

ней аллеѣ, Ихъ Величества выѣхали къ правому флангу войскъ, построенныхъ на Марсовомъ полѣ. Объѣхавъ всѣ шесть линій войскъ, Государь Императоръ остановился у Царской палатки; Ея Величество Государыня Императрица и великія княгини вошли въ палатку, гдѣ уже находилась великая княжна Елена Владиміровна и придворныя дамы.

Церемоніальнымъ маршемъ проходили одинъ разъ: пѣхота въ баталіонныхъ двухвзводныхъ колоннахъ, справа, шагомъ; кавалерія проходила по-эскадронно шагомъ и рысью, артиллерія побатарейно рысью. Во главѣ всего парада, передъ баталіономъ Павловскаго военнаго училища, проходилъ Его Императорское Высочество главнокомандующій войсками великій князь Владиміръ Александровичъ; на правыхъ флангахъ морского кадетскаго корпуса и гвардейскаго экипажа проходилъ августѣйшій генералъ-адмиралъ великій князь Алексѣй Александровичъ.

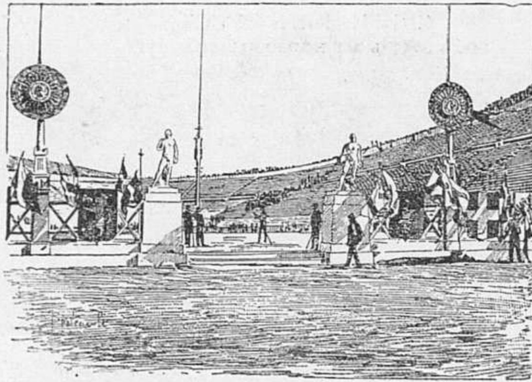
Во главѣ л.-гв. 2-й артиллерійской бригады, 2-й гвардейской конной батареи, а затѣмъ л.-гв. конно-гренадерскаго полка парадировалъ августѣйшій шефъ этихъ частей великій князь Михаилъ Николаевичъ. Наконецъ, во главѣ всей кавалеріи проходилъ Его Императорское Высочество генералъ-инспекторъ великій князь Николай Николаевичъ.

По окончаніи церемоніальнаго марша вся кавалерія построилась въ линію колоннъ у Царицынской улицы, тыломъ къ казармамъ л.-гв. Павловскаго полка и по командѣ августѣйшаго генералъ-инспектора вся масса конницы бросилась въ карьеръ по направленію къ Царской палаткѣ.

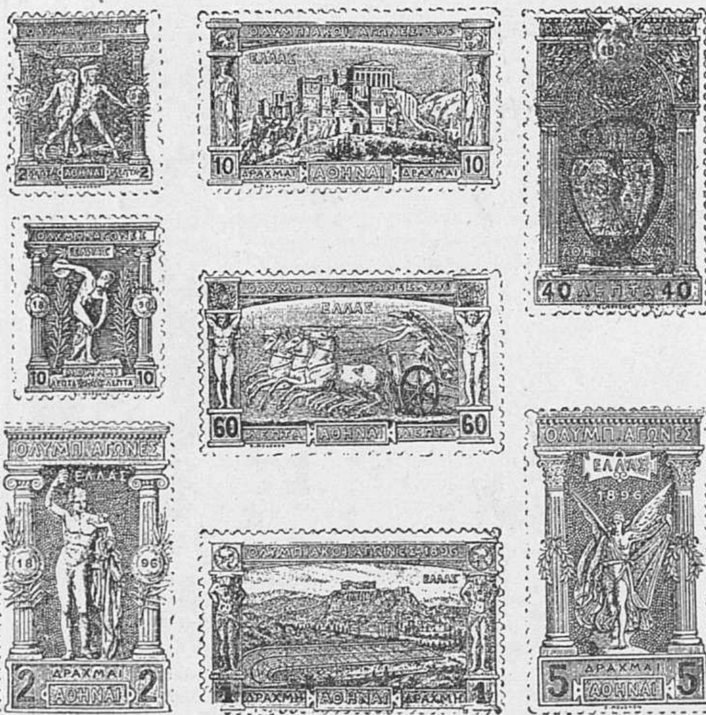
Объѣхавъ затѣмъ собравшихся начальниковъ и милостиво поблагодаривъ ихъ, Государь Императоръ принялъ адъютантовъ, фельдфебелей и вахмистровъ отъ шефскихъ частей и ординарцевъ отъ л.-гв. Преображенскаго полка. Государыня Императрица соизволила принять съ рапортомъ адъютанта, вахмистра и ординарцевъ въ конномъ строю отъ л.-гв. уланскаго Имени Своего полка. По окончаніи парада Ихъ Величества проследовали во дворецъ принца Ольденбургскаго.

Олимпійскія игры

Старый Акрополь древней греческой столицы нынѣшнею Пасхою съ удивленіемъ созерцалъ у своихъ ногъ бѣга и состязанія, которыхъ ему не доводилось видѣть двѣ тысячи лѣтъ. На берегахъ пересохшаго Илисса собрались юные атлеты изъ Франціи, Англіи, Швеціи, Америки, Германіи, Швейцаріи, для того, чтобы помѣряться искусствомъ и силою съ сынами Аттики. Игры, шедшія въ пасхальную недѣлю, можно считать вполнѣ удавшимися, и, надо говорить по всей справедливости, устроители ничего не упустили, что могло способствовать этому успѣху. Король взялъ ихъ подъ свое покровительство, а наслѣдникъ престола, герцогъ спартанскій, принялъ на себя предсѣдательство въ коммиссіи судей. Аѳиняне не пожалѣли расходовъ на радушный пріемъ гостей и на приданіе торжеству мѣстнаго оттѣнка. Эллинскій комитетъ, на сколько возможно, возстановилъ всю древнюю обстановку олимпійскихъ игръ. Судьи состязаній превратились въ классическихъ архонтовъ и эфоровъ, эпоптовъ, косметовъ, эфетовъ, алитарховъ и т. д. Правда, лицомъ къ лицу съ классическимъ парфенономъ вытянулся вполнѣ современный велодромъ, но надо было дать мѣсто не только древнему, но и современному спорту. Король со всѣмъ семействомъ присутствовалъ на торжественномъ открытіи игрищъ, а герцогъ спортанскій, окруженный коммиссіею судей, открылъ состязанія краткою рѣчью. Громадный зрительный залъ подъ открытымъ небомъ могъ свободно вмѣстить до 60 тысячъ зрителей. Этотъ залъ-амфитеатръ представлялъ точное воспроизведеніе панатенайскаго стадіона, исполненное архитекторомъ Анастасіемъ Метаксасомъ. Онъ имѣетъ форму элипса въ 130 саженъ длины и 70 саженъ ширины. Арена для состязаній оставлена въ 115 саженъ длины и 16 ширины. Скамьи аафитеатра сдѣланы пока изъ дерева, но предполагается выложить ихъ впослѣдствіи изъ пентелійскаго мрамора и пирейскаго бѣлаго камня. Состязанія въ фехтованіи и борьбѣ происходили въ ротондѣ Заппіонъ (дворцѣ промышленности), въ которой обыкновенно устраиваются выставки и которая названа такъ по имени своего основателя Заппаса. Портреты лицъ, съ тріумфомъ участвовавшихъ въ этихъ первыхъ, по возобновленіи, олимпійскихъ играхъ, мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ. Изъ нихъ Флаккъ—родомъ австраліецъ, Боркъ — американецъ, Эллiотъ — англичанинъ; остальные—Спиридіонъ Луисъ, Параукевопулосъ, Карасертасъ и Пиргосъ—греки. Марафонскій побѣдитель обратилъ на себя особое вниманіе публики. Это молодой, 22-лѣтній, крестьянинъ родомъ изъ Марухи, въ окрестностяхъ Аѳинъ. Онъ пробѣжалъ дистанцію въ 40 верстъ между Марафономъ и Аѳинами въ 2 часа, 58 минутъ и 50 секундъ. Толпа встрѣтила его восторженными восклицаніями, принцы обнимали и цѣловали, и самъ король его привѣтствовалъ. Воодушевившіеся греки не знаютъ чѣмъ и почтить своего героя, возродившаго славу классическихъ бѣгуновъ. Правительство по случаю возобновленія олимпійскихъ игрищъ выпустило семь новыхъ образцовъ почтовыхъ марокъ, за которыми уже начали ожесточенно гоняться любители. Слѣдующія игры, какъ водится по прошествіи „олимпіады“, т. е. промежутка времени въ 4 года, состоятся, вѣроятно, въ Парижѣ во время всемірной выставки. Для нихъ уже предположено отвести мѣсто по сосѣдству съ Эйфелевою башнею.

Входъ въ стадіонъ.

Марки, выпущенныя по случаю олимпійскихъ игръ.

Греція. Аѳины. — Олимпійскія игры, возобновленныя въ апрѣлѣ с. г.

Уссурійская желѣзная дорога

Великій сибирскій желѣзнодорожный путь, какъ извѣстно, сооружается одновременно съ обѣихъ своихъ конечныхъ точекъ. Со стороны Россіи путь доведенъ уже почти до р. Оби, а со стороны Тихаго океана отъ Владивостока до станціи Иманъ, находящейся въ 387 верстахъ отъ нашего тихоокеанскаго порта. Этотъ участокъ дороги, Уссурійскій, конечно, представляетъ особенно много затрудненій при постройкѣ и не потому только, что дорога идетъ здѣсь черезъ пустынный инородческій край, а главнымъ образомъ вслѣдствіе чрезвычайной отдаленности той мѣстности отъ мѣста производства главнаго матеріала для постройки—желѣза. И естественныя условія мѣстности также дали здѣсь не мало затрудненій. Такъ, пришлось на отстроенномъ уже участкѣ до Имана переваливать черезъ возвышенность, гребень которой возвышается надъ уровнемъ моря на 80 саженъ. Съ этого перевала сдѣланъ извилистый спускъ, по которому вьется полотно дороги, для котораго пришлось прочищать мѣсто въ первобытномъ лѣсу. Благодаря обилію лѣса, этотъ участокъ пока, до поры до времени, по крайней мѣрѣ вполнѣ, съ избыткомъ, обезпеченъ топливомъ. Поѣзда часто останавливаются здѣсь, у перевала, и забираютъ заготовленныя здѣсь дрова. Неподалеку отъ станціи Раздольной, названной такъ по близлежащему огромному селенію, полотно вступаетъ въ живописную долину рѣки Суйфунъ. Окрестное населеніе уже освоилось съ желѣзною дорогою и пользуется ея услугами. Вотъ, напримѣръ, на станціи Надеждинской собралась цѣлая толпа пассажировъ, въ числѣ которыхъ виднѣется множество инородческихъ фигуръ — китайцевъ или манзъ, какъ ихъ называютъ въ тѣхъ мѣстахъ, и корейцевъ; по костюму и этнографическому типу трудно отличить эти двѣ народности, но голова китайца сразу выдаетъ себя традиціонною косою, которой корейцы не носятъ. Въ этой мѣстности наши поселенцы заводили все большія села; вотъ, напримѣръ, станція Никольская, получила свое названіе отъ значительнаго села того же имени; около этой станціи устроены мастерскія уссурійскаго участка сибирскаго желѣзнодорожнаго пути. Это, вообще, крупная и очень оживленная станція. Прибытіе поѣзда здѣсь сопровождается такою же суетою, какъ гдѣ нибудь у насъ въ Россіи, на нашихъ многочисленныхъ „буфетныхъ“ станціяхъ. Тутъ часто встрѣчаются обычные типы той мѣстности—переселенцы со всей семьею и скарбомъ, важныя фигуры китайскихъ негоціантовъ. Рѣка Суйфунъ, о которой мы уже упомянули выше, задала не мало работы строителямъ. Въ одномъ мѣстѣ берега рѣки спускаются къ водѣ совсѣмъ отвѣсными обрывами; это мѣсто носитъ названіе „Суйфунскихъ Щекъ“. Здѣсь пришлось провести полотно дороги по самой „щекѣ“, что, конечно, было сопряжено съ весьма значительными техническими затрудненіями. Здѣсь, при углубленіи въ грунтъ, напали на пластъ никогда не тающаго, геологическаго льда. Другая громадная по размѣрамъ земляная работа была выполнена въ степи, за станціею Никольскою; здѣсь пришлось, для надлежащаго поднятія полотна дороги, дѣлать гигантскую насыпь. Черезъ рѣку Тангу сооруженъ временный мостъ, на которомъ поѣзда останавливаются для запасанія воды; вода берется прямо изъ рѣки посредствомъ насосовъ (пульсометровъ); пока водокачалки сооружены еще не на всѣхъ станціяхъ, и такой способъ водоснабженія широко примѣняется при движеніи, до устройства станціонныхъ резервуаровъ. Около станціи Уссури черезъ эту рѣку устроенъ трехстворчатый мостъ. Одна изъ станцій, въ концѣ открытаго для движенія участка, названа по имени знаменитаго дѣятеля той мѣстности генерала Муравьева-Амурскаго. На рѣкѣ Иманъ, до которой доходитъ этотъ участокъ, также устраивается мостъ. Здѣсь мѣста еще вполнѣ дѣвственны, едва лишь тронутыя культурою, которую вноситъ сюда строющійся желѣзнодорожный путь. Тутъ нерѣдко можно встрѣтить еще неуклюжія китайскія баржи, перевозящія грузъ по мѣстнымъ рѣкамъ, и утлые долбленые челноки мѣстныхъ абогигеновъ, гольдовъ; но рядомъ съ этими первобытными судами рѣку бороздятъ уже и пароходы товарищества амурскаго пароходства, которое устроило свои пристани на рѣкѣ Иманъ, намѣреваясь содержать на ней правильное движеніе

Доставка большой пушки на нижегородскую выставку

Въ военно-морскомъ отдѣлѣ нижегородской выставки, между прочимъ, огромная двѣнадцатидюймовая пушка, недавно доставленная къ мѣсту назначенія. Помѣщенные въ нынѣшнемъ нумерѣ рисунки, сдѣланные по фотографіямъ съ натуры, изображаютъ моменты доставки этой пушки. На одномъ рисункѣ представлена передача пушки съ желѣзнодорожнаго пути на легкую перекладную желѣзную дорогу системы генералъ-лейтенанта Тахтарева. Для этой цѣли пушку подняли на домкратахъ, а платформы,

на которыхъ ее привезли, были затѣмъ удалены. Послѣ этого на рельсы положены были шпалы переносной дороги съ узкоколейными рельсами, подведены вагонетки, на которыя и легла пушка для слѣдованія на мѣсто назначенія. Другой рисунокъ изображаетъ моментъ на пути слѣдованія пушки по территоріи выставки къ мѣсту зданія военно-морскаго отдѣла. Самая пушка 12-тидюймовая, въ 40 калибровъ длиною, представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ экспонатовъ выставки; вѣсъ пушки 2.600 пудовъ, стоимость 78.000 рублей. При зарядѣ 235 фунтовъ бездымнаго пороха, развивающемъ начальную скорость въ 2.600 футъ въ секунду, дальность полета снаряда изъ 12″ пушки доходитъ до 25 верстъ.

Х. Трикуписъ †

Греція потеряла недавно одного изъ выдающихся государственныхъ людей своихъ. 30-го марта (11-го апрѣля) скончался въ Аѳинахъ бывшій неоднократно во главѣ министерства Харилаосъ Трикуписъ 64 лѣтъ. Получивъ солидное образованіе, онъ въ 1852 г., еще юношей, выступилъ на дипломатическое поприще. Послѣ за-

ключенія въ 1865 г. съ Англіей договора объ уступкѣ Іоническихъ островоьъ, по которому англійскій лордъ-коммиссаръ передалъ власть надъ островами уполномоченному греческаго королевства, Трикуписъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Государственныя дѣла Греціи въ началѣ 70 годовъ были очень печальны. Въ концѣ 1876 года, во время сербской войны, вспыхнули волненія въ Ѳессаліи и Эпирѣ, ознаменовавшіяся варварствами и звѣрствами турокъ; въ Греціи повсюду заволновались; идея панэллинизма, на время было почти заглохшая, снова нашла себѣ сочувствіе во всѣхъ слояхъ общества и выразилась въ печати, въ разнообразныхъ митингахъ и всевозможныхъ проектахъ. По окончаніи войны, постановленіемъ берлинскаго конгресса, Греція получила часть Эпира и Ѳессаліи. Образовавшееся въ 1880 г. новое министерство Трикуписа старалось держаться миролюбивой политики, въ виду все возраставшаго ухудшенія финансовъ Греціи, являвшагося результатомъ обострившихся отношеній послѣдней съ Турціей. Поэтому главное вниманіе правительства было направлено къ улучшенію финансоваго и экономическаго положенія страны. Трикуписъ принужденъ былъ вступить въ борьбу съ противной партіей, требовавшей немедленной войны съ Турціей. Оставаясь во главѣ управленія съ 1882 по 1890 г., Трикуписъ получилъ возможность осуществить свои планы. Конвертировавъ окончательно государственные долги, сокративъ расходы и повысивъ обложеніе, Трикуписъ увеличилъ число школъ, построилъ нѣсколько новыхъ желѣзныхъ дорогъ и привелъ финансы страны въ нѣкоторый порядокъ. Въ концѣ 1889 г. на о. Кандіи вспыхнуло возстаніе, заставшее врасплохъ правительство Трикуписа, и оно, вслѣдствіе происковъ противной партіи пало. По прекращеніи возстанія Трикуписъ началъ дѣятельную агитацію въ пользу идеи федераціи балканскихъ народовъ, но идея союза между Болгаріей и Греціей встрѣтила мало сочувствія. Послѣ паденія въ февралѣ 1890 г. кабинета Деліаниса Трикупису было предложено королемъ составить новый кабинетъ. Новое министерство Трикуписа сократило военные расходы, расходы на публичныя работы, отозвало, изъ экономіи, пословъ изъ Петербурга, Берлина, Вѣны и Лондона и Парижа и повысило государственные доходы на 11 мил. Въ маѣ 1893 года Трикупису, вслѣдствіе неудачи финансовыхъ операцій, пришлось подать въ отставку. Образованное спустя нѣсколько времени вновь министерство Трикуписа, стремившееся поднять финансы страны налогами на предметы первой необходимости, просуществовало лишь до января 1895 г., когда, вслѣдствіе желанія короля, вышло въ отставку, уступивъ мѣсто кабинету Деліаниса. Осторожный, опытный дипломатъ, горячо любившій свою родину, Трикуписъ, несмотря на всѣ свои старанія, не могъ осуществить своего завѣтнаго стремленія — улучшить и упорядочить финансы Греціи, и всѣ его попытки въ этомъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ.

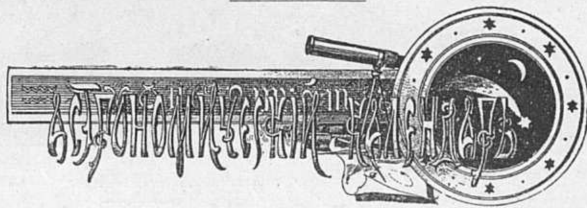

Военное и морское дѣло

— Военные велосипедисты въ Соединенныхъ Штатахъ. Новый главнокомандующій сѣверо-американской арміей, генералъ Майльсъ (Miles), настаиваетъ въ своемъ годовомъ отчетѣ на преимуществахъ велосипеда и расширенія его употребленія. „Я предлагаю", пишетъ онъ, „снабдить велосипедами и автоматически движущимися повозками (motor waggons) цѣлый полкъ изъ 12 ротъ... Въ арміи имѣется болѣе четырехъ тысячъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, умѣющихъ обращаться съ велосипедомъ, какъ съ перевозочнымъ средствомъ. Такимъ образомъ наличный составъ вышеупомянутаго полка можетъ быть выбранъ въ высшей степени тщательно. Самокатъ уже показалъ себя особенно полезнымъ при рекогносцировкахъ различныхъ мѣстныхъ районовъ, и я намѣренъ практиковать, въ довольно широкихъ рамкахъ, войска, стоящія гарнизонами въ различныхъ пунктахъ страны, въ производствѣ маршей и развѣдокъ, пользуясь велосипедомъ. Такимъ образомъ, они окажутся въ состояніи коротко ознакомиться съ тою мѣстностью, въ которой расположены, особенно съ топографическимъ ея характеромъ, съ дорогами, средствами страны и со всѣмъ важнымъ съ военной точки зрѣнія". Итакъ, если этотъ проектъ будетъ утвержденъ, то Америка первая заведетъ у себя крупную самокатную войсковую единицу.

Выставки

— Для нижегородской всероссійской выставки казанскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ готовится большихъ размѣровъ картограмма, на которой будетъ изображено: общее число жителей казанской губерніи и процентное отношеніе къ нимъ кустарныхъ промышленниковъ. Такія же свѣдѣнія будутъ показаны о каждомъ уѣздѣ, волости, селѣ и деревнѣ. Картограмма эта послужитъ нагляднымъ указателемъ всѣхъ свѣдѣній, находящихся въ матеріалахъ, изданныхъ статистическимъ бюро при казанской губернской земской управѣ, сообщеніяхъ всѣхъ уѣздныхъ земскихъ управъ и донесеніяхъ волостныхъ правленій казанскому отдѣленію Императорскаго русскаго техническаго общества.

1—15 мая 1896 г.

Май.	Средн. время въ чст. полд.	Въ С.-Петербургѣ.				Въ Москвѣ.			
		Восхожд. солнца.	Захожд. солнца.	Восхожд. луны.	Захожд. луны.	Восхожд. солнца.	Захожд. солнца.	Восхожд. луны.	Захожд. луны.
	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.
1	11 56.2	3 27	8 27	2 42у	10 30в	3 52	8 2	3 20у	9 40в
3	11 56.2	3 22	8 32	3 25	—	3 48	8 6	4 27	11 50
5	11 56.2	3 18	8 36	5 57	1 15у	3 44	8 10	6 45	0 27у
7	11 56.3	3 13	8 41	9 20	1 32	3 41	8 13	9 43	1 8
9	11 56.4	3 9	8 45	0 40в	1 35	3 38	8 17	0 45в	1 28
11	11 56.6	3 5	8 50	4 5	1 37	3 34	8 20	3 50	1 45
13	11 56.8	3 1	8 54	7 45	1 40	3 32	8 23	7 8	2 7
15	11 57.0	2 58	8 58	11 10	2 3	3 29	8 27	10 7	2 55

Солнце 8-го мая вступаетъ въ знакъ Близнецовъ.

Луна въ первой четверти 8, въ новолуніи 14 мая.

Некрологъ

Гиршъ Морицъ, баронъ, извѣстный финансовый дѣятель и филантропъ, основатель многихъ благотворительныхъ учрежденій, † близъ Коморна, въ Австріи, въ своемъ помѣстьѣ 9 (21)-го апрѣля. Онъ родился въ 1831 г. въ Мюнхенѣ, гдѣ его отецъ получилъ баронскій титулъ и, получивъ хорошее образованіе, началъ свою дѣятельность въ Брюсселѣ въ банкирскомъ домѣ Бишофсгейма, компаньономъ котораго сдѣлался послѣ женитьбы на его дочери. По смерти отца онъ весь отдался филантропіи. Въ 1890 г. имъ пожертвовано 12 милліоновъ гульденовъ для устройства среди его единоплеменниковъ—евреевъ Галиціи и Буковины земледѣльческихъ и ремесленныхъ школъ. Другимъ крупнымъ пожертвованіемъ барона Гирша былъ его сѣверо-американскій фондъ, около 12 милліоновъ франковъ, для устройства земледѣльческихъ и ремесленныхъ колоній изъ русско-еврейскихъ эмигрантовъ. Въ 1891 г. имъ основана въ Лондонѣ „Еврейская колонизаціонная ассоціація" съ капиталомъ въ 50 милліоновъ франковъ. Въ Вѣнѣ и Будапештѣ онъ основалъ комитеты съ ежемѣсячными пособіями въ 10.000 гульденовъ для помощи бѣднымъ ремесленникамъ безъ различія вѣроисповѣданія, а также выдавалъ значительныя пособія, тоже ежемѣсячно, подобнымъ же комитетамъ въ Краковѣ, Лембергѣ и въ Нью-Іоркѣ. Его благотворительность носила не случайный, а систематическій характеръ и сообразовалась съ требованіями современности.

Донатъ (Николай Ильичъ Бабинскій), бывшій архіепископъ виленскій и литовскій, а затѣмъ донской, выдающійся проповѣдникъ, авторъ нѣсколькихъ статей, † въ Николо-Угрешскомъ монастырѣ близъ Москвы 16-го апрѣля, 68 лѣтъ. Его поученія, слава и рѣчи изданы въ Гродно подъ заглавіемъ „Голосъ пастыря по поводу современныхъ событій въ отечествѣ". Архіепископъ Донатъ много поработалъ на пользу распространенія православія среди эстовъ и латышей.

Каблуковъ Петръ Николаевичъ, секретарь нашего консульства въ Ниццѣ, принесшій много пользы и сдѣлавшій не мало добра нашимъ соотечественникамъ, живущимъ на чужбинѣ, бывшій помощникъ начальника василеостровскаго патроннаго завода въ Петербургѣ, авторъ нѣсколькихъ статей и замѣтокъ, † въ Ниццѣ 12-го апрѣля, 47 лѣтъ.

Колокольцовъ Дмитрій Григорьевичъ, отставной генералъ-лейтенантъ, одинъ изъ старыхъ преображенцевъ временъ императора Николая I, принимавшій участіе въ усмиреніи польскаго мятежа 1863 г., въ хивинскомъ походѣ и затѣмъ бывшій тульскимъ губернскимъ воинскимъ начальникомъ, † въ имѣніи своемъ, городищенскаго уѣзда, пензенской губерніи въ срединѣ апрѣля, 82 лѣтъ.

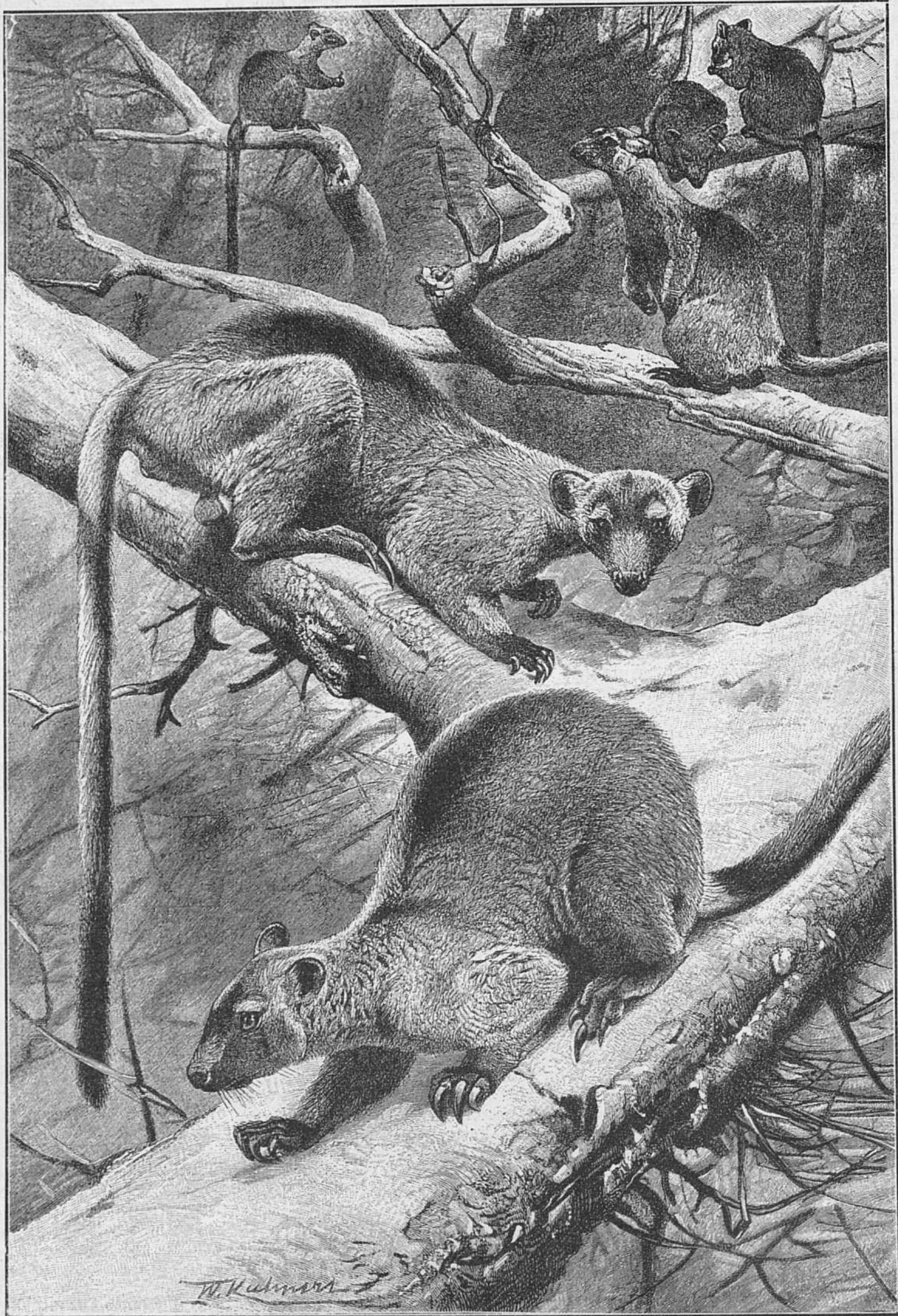
Сабуровъ Николай Николаевичъ, директоръ департамента полиціи министерства внутреннихъ дѣлъ, тайный совѣтникъ, большую часть службы своей проведшій въ министерствѣ юстиціи и принимавшій дѣятельное участіе въ разработкѣ многихъ вопросовъ — о паспортахъ, о законоположеніяхъ во вновь открываемыхъ промышленныхъ учрежденіяхъ и проч., † въ Спб. 17-го апрѣля, 51 года.

Трейчке Генрихъ-Готтгардъ, профессоръ, извѣстный нѣмецкій историкъ и публицистъ, авторъ капитальнаго труда „Deutsche Geschichte im XIX Jahr", прусскій государственный исторіографъ, ради торжества идеи націонализма ненавидѣвшій малѣйшее движеніе впередъ по пути прогресса, † 16 (28)-го апрѣля, 62 лѣтъ.

Будапештъ (Венгрія). На національной выставкѣ тысячелѣтія дирекція горькаго источника Францъ-Іосифъ устроила салонъ для чтенія и отдыха гг. посѣтителей. При салонѣ принимается и отправляется корреспонденція, а также телеграммы, получаются газеты, журналы и спеціальныя сочиненія, имѣется телефонъ и проводники для безвозмезднаго пользованія гг. посѣтителей. Друзей и доброжелателей венгерскаго источника Францъ-Іосифъ, горькая вода котораго пользуется всемірнымъ распространеніемъ, приглашаютъ посѣтить и осмотрѣть эту интересную выставку тысячелѣтія Венгріи.

Древолазовый кенгуру

Кенгуру, очень заурядное австралійское сумчатое животное, какъ извѣстно, житель широкихъ новозеландскихъ степей, который явно приспособленъ къ существованію на землѣ, на ровномъ, открытомъ мѣстѣ. Но у обыкновеннаго кенгуру есть собратъ, живущій на деревьяхъ, свободно лазящій по вѣтвямъ, какъ бѣлка или какъ обезьяна. Это животное на всѣхъ, знающихъ и видавшихъ обыкновеннаго кенгуру производитъ престранное впечатлѣніе. При первомъ же взглядѣ вы признаете въ этомъ лазящемъ звѣрѣ всю обычную фигуру кенгуру и невольно спрашиваете себя — какъ это ему вздумалось и удалось забраться на дерево. Впечатлѣніе получается такое же странное, какъ еслибъ мы увидѣли нашего зайца, легко порхающимъ среди древесныхъ вѣтвей. Древолазовая порода кенгуру имѣется въ лондонскомъ зоологическомъ саду, нѣсколько экземпляровъ удалось добыть также и въ берлинскій зоологическій садъ. Здѣсь животныхъ помѣстили въ особую клѣтку въ обезьяньемъ павильснѣ. Древолазовый кенгуру очень вялое, сонливое животное; приходится по долгу стоять передъ клѣткою, чтобы увидѣть его въ движеніи. Только къ вечеру кенгуру оживляются, начинаютъ лазить, обхватывая при этомъ стволъ, поставленнаго для нихъ въ клѣткѣ, дерева передними лапами, а когтями заднихъ цѣпляются за кору. Кормятъ ихъ овощами—брюквой, картофелемъ, а также и разнымъ зерномъ. Берлинскіе кенгуру особенно интересны въ томъ отношеніи, что принадлежатъ къ новому, недавно открытому виду, Dendrolagus Bennetianus, обитающему въ сѣверномъ Куинсландѣ. Объ образѣ жизни древолазоваго кенгуру удалось собрать лишь весьма неполныя свѣдѣнія; неизвѣстно, напримѣръ, чѣмъ онъ питается на волѣ; полагаютъ, что плодами, почками, быть можетъ, также молодыми вѣтками и листьями. Онъ предпочитаетъ извѣстныя породы деревьевъ. Днемъ онъ сидитъ неподвижно, забравшись на верхнія вѣтви, а по ночамъ охотно спускается на землю. Туземцы охотятся за нимъ ради его очень вкуснаго мяса, дрессируя для этой охоты дикую австралійскую собаку, данго. Когда собака наслѣдила звѣря и привела охотника къ дереву, то онъ можетъ разсчитывать на обильную добычу, потому что древолазовый кенгуру держится обыкновенно стадами. Охотникъ влѣзаетъ на дерево, хватаетъ звѣря за хвостъ и убиваетъ дубинкою, или сгоняетъ на землю, гдѣ его принимаютъ на зубы собаки. „Нельзя представить себѣ — говоритъ Бремъ — болѣе страннаго явленія, какъ древолазъ, весело двигающійся по вѣтвямъ и продѣлывающій почти всѣ фокусы гимнастическаго искусства, какіе продѣлываются и другими лазящими млекопитающими. Необыкновенно легко животное взбирается по стволамъ деревьевъ, съ увѣренностью бѣлки поднимаясь и опускаясь по нимъ“.

Изъ міра животныхъ. — Древолазовый кенгуру.

Съ натуры рисовалъ В. Кунертъ.

Новости печати

М. Л. Гольдштейнъ. Впечатлѣнія и замѣтки. Кіевъ. 1896 г. Цѣна 1 рубль. „Несомнѣнно, что существуетъ особая бацилла — бацилла путешествій“, — говоритъ авторъ „Впечатлѣній и замѣтокъ“. Г-нъ Гольдштейнъ — несомнѣнная жертва ея. Его книжка — вещественное доказательство этого несчастія... Заполняя собою пустопорожніе столбцы провинціальныхъ газетъ, „замѣтки“ развязнаго репортера еще могли сходить „на безрыбьи“ за что-то близкое къ литературѣ, но собранныя воедино въ довольно объемистой книжкѣ — онѣ производятъ самое жалкое впечатлѣніе. Отсутствіе фантазіи, тяжеловѣсный слогъ съ претензіями на легкость и бойкость, безсильныя потуги на остроуміе,—все это, вмѣстѣ взятое и порознь, говоритъ, конечно, далеко не въ пользу автора и свидѣтельствуетъ о полнѣйшей его нелитературности; несмотря на его „охоту смертную“ показаться литераторомъ. О чемъ, о чемъ только онъ не заводитъ рѣчи въ нихъ. „По Германіи“, „Нѣмецкій Парижъ“, „Лимонный сезонъ въ Одессѣ“, „Въ старомъ и новомъ свѣтѣ“, „Эмиль Зола въ Кіевѣ“ (мерзкій пасквиль на молодого даровитаго беллетриста, не такъ давно умершаго), „Эффекты и аффекты“, „Въ чемъ гибель Содома“ и т. д. Пестрый калейдоскопъ quasi-картинъ, quasi-характеристикъ и quasi-разсказовъ... Ну, какъ тутъ не назвать и самого г-на Гольдштейна quasi-литераторомъ! А во всемъ виновата *бацилла путешествій*, —но только не въ Германію, Италію, Швейцарію и въ какія угодно страны, — а путешествій... въ чуждую, не для всякаго „путешественника“ доступную область литературы!...

Ап. К—скій

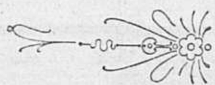
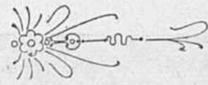
Вл. Гиляровскій. Забытая тетрадь. Стихотворенія. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Москва, 1896. Ц. 1 руб. Отзываясь о первомъ изданіи стихотвореній В. А. Гиляровскаго, мы назвали его (см. „Всем. Иллюстр.“, 1894 г.) „поэтомъ-дилетантомъ“, но въ то же самое время оговорились, что онъ, и не будучи присяжнымъ стихотворцемъ, заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ многіе изъ послѣднихъ—въ совершенствѣ постигшихъ всѣ современныя тайны версофикаторской техники. Эти слова мы готовы повторить и теперь. Въ новомъ изданіи „Забытой тетради“ симпатичный авторъ отнесся уже съ большей заботливостью и къ внѣшней сторонѣ вошедшихъ въ нее стихотвореній: не мало, рѣзавшихъ опытный глазъ, шероховатостей сглажено, нѣсколько наиболѣе неудачныхъ піесъ (хотя еще далеко не все выкинуто). Очевидно, поэтъ, и при всей случайности своихъ вдохновеній, начинаетъ неудовлетворяться ихъ случайною формой. А это уже замѣтный шагъ къ развитію дарованія. Внимательно просмотрѣвъ книгу г-на Гиляровскаго, нельзя не выдѣлить изъ составившихъ ее стихотвореній такихъ мелодичныхъ піесъ, какъ „Поручаю тебѣ, дорогая“, „Послѣ бурныхъ водопадовъ“, первая половина стих. „На степныхъ могилахъ“, „Забыты рѣчи пылкія мои“, „Шумятъ и плачутъ тростники“ и „Бываютъ случайныя встрѣчи“. Весьма и весьма недурны стихотворенія: „Владимірка — большая дорога“, „Бродяга“, „Въ океанѣ“, „Каменный городъ“, „Прометей“ и „Кузьма Орелъ“. Они въ значительной степени выдержаны, въ нихъ чувствуется нѣкоторый размахъ. Встрѣчаются красивыя строфы и въ другихъ піесахъ (напримѣръ, въ „Запорожцахъ“, „Осеннемъ вѣтрѣ“, „Агасѳерѣ“ и т. д.). Несмотря на всѣ недочеты стихотворной техники, авторъ „Забытой тетради“ заслуживаетъ полнаго вниманія.

Ап. К—скій

Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. Елка въ царствѣ звѣрей. Разсказъ *А. В. Круглова.* № 18. Москва, изданіе второе, книгопродавца М. В. Клюкина. 1896. Цѣна 5 коп. Разсказъ А. В. Круглова „Елка въ царствѣ звѣрей“, напечатанный безъ перемѣнъ съ перваго, одобреннаго ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для библіотекъ народныхъ училищъ, изданія,—прочтется съ удовольствіемъ даже и не маленькимъ, и не простецомъ-читателемъ. Написанный хорошимъ литературнымъ языкомъ, проникнутый свойственной почтенному автору задушевностью, онъ, какъ большинство другихъ его разсказовъ и очерковъ, отличается простотой и непосредственностью Живая картинка, умѣло вырванная изъ золотого дѣтства, набросана смѣлыми штрихами на нѣсколько необычайномъ фонѣ. Рождественская ночь въ лѣсу съ импровизированною елкою подъ покровомъ зимняго неба, при блескѣ костра... Мастерское описаніе всего этого заставитъ восторженно забиться сердце маленькаго читателя, у взрослаго читателя изъ народа оно вызоветъ самое добродушное настроеніе.

Ап. К—скій

 НА ВЫШКѢ

Разсказъ П. Д. БОБОРЫКИНА. — Иллюстраціи А. И. Кандаурова.

„Чуденъ познавшій, благословенъ пытающійся познать".

(*Книги Ведъ*).

I

Лѣсъ замеръ въ теплыхъ отблескахъ лѣтняго заката. Розоватые лучи, справа, проникали сквозь листву, играли на стволахъ буковыхъ деревьевъ и на изломахъ обнаженной земли вдоль крупныхъ подъемовъ горы. Птицы смолкли. Рѣдко было слышно ихъ въ этой части высокаго прибрежья рѣчки. Ихъ спугивали голоса гуляющихъ, и до обѣда, и съ четырехъ часовъ, когда всѣ двинутся на прогулку или возвращаются назадъ.

Пожилой мужчина высокаго роста, бритый, съ сѣдыми усами, шелъ медленно въ гору, подпираясь палкой изъ кизиля. Онъ на ходу немного гнулся. На лицо, утомленное и загорѣлое, ложилась тѣнь отъ соломенной шляпы. На немъ просторно сидѣлъ свѣтлый, лѣтній костюмъ изъ шелковой матеріи. И весь его обликъ, и то, какъ онъ былъ одѣтъ и какой палкой подпирался—все это выдавало въ немъ русскаго.

Поднимался онъ въ гору уже больше получаса... Попадалось ему много нѣмцевъ, мужчинъ и женщинъ, и ихъ непріятный для его слуха говоръ долго потомъ доносился до него. Всѣ они шли ему навстрѣчу. Онъ зналъ откуда и куда они идутъ. Идутъ изъ „Wirthschaft", гдѣ пили кофе и сидѣли столько, сколько имъ полагается. Какъ только пробьетъ семь часовъ, они собираются назадъ, внизъ, въ водяной городокъ ужинать, въ отеляхъ, ресторанахъ и пивныхъ.

Жизнь на водахъ идетъ у всѣхъ съ жуткимъ однообразіемъ машины: отсчитываютъ дни, точно отрываютъ листки на стѣнномъ календарѣ. Но эти нѣмцы, съѣхавшіеся лечить свои болѣзни и серьезныя, и легкія, съ видимымъ удовольствіемъ предаются обрыванью листковъ. И многіе такъ шумно веселы; щеки у нихъ красныя, высоко поднятыя плечи; иные выступаютъ грудью впередъ; въ походкѣ, въ голосѣ, въ жестахъ столько увѣренности въ себѣ и довольства.

Такъ отмѣчалъ свои впечатлѣнія русскій худой и высокій мужчина съ сѣдыми усами. Но вотъ уже болѣе десяти минутъ прошло, какъ онъ не встрѣтилъ ни одной партіи нѣмцевъ. Тишина, мягкость красокъ зеленой листвы и травъ и чуть-чуть ощутимый вѣтерокъ — ласкали его и вливали въ душу совсѣмъ новое успокоеніе.

Онъ кончалъ свой водяной курсъ. Здѣсь ему стало гораздо легче. Но онъ зналъ, что болѣзнь его застарѣлая, и никакія воды не излечатъ его вполнѣ, — зналъ и давно помирился.

Помирился и не съ однимъ этимъ. Помирился и съ подкравшейся старостью... Третьяго дня ему минуло шестьдесятъ лѣтъ.

Отошла жизнь страсти и порыва. Впереди у него не будетъ ничего мятежнаго, и ничто мучительно не манитъ больше и не грозитъ вѣчнымъ обманомъ.

И такъ ему лучше. Такому, какимъ онъ теперь сознаетъ себя, ближе и дороже вотъ вся эта природа, все, что кругомъ, и тамъ наверху въ глубинѣ небеснаго свода, откуда льется на каменистую дорогу ровный свѣтъ. И глаза его любовно вглядывались въ извилины нѣжно-голубой узкой ленты между двумя рядами высокихъ, кудрявыхъ деревьевъ.

Въ послѣднюю недѣлю, на которую пришлась его годовщина,—онъ каждый день въ долгія, одинокія прогулки переживалъ въ образахъ и сценахъ свои былыя испытанія.

Много любилъ онъ и остался съ опустошеннымъ сердцемъ...

Никого нѣтъ около него... Ни одно женское существо не прильнетъ къ нему, въ минуту злой тоски. У него нѣтъ жены, нѣтъ и старой подруги, или сестры, дочери... Да и никогда онъ не зналъ; что такое чувство къ женщинѣ, безъ трепета желаній, или безъ того, болѣе безплотнаго, влеченія къ красотѣ, къ божественной основѣ всякой жизни и всякаго счастья...

Но въ эту минуту на его находила умиленная благодарность за неизмѣнный ходъ всего сущаго.

Развѣ онъ одинъ позналъ холодъ и отраду забвенья?

И взглянувъ еще разъ вверхъ на полосу неба, розовѣющаго

отъ заката, онъ присѣлъ на скамью, въ углубленіи скалы, и негромкими звуками началъ элегію своего поэта-утѣшителя:

„Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала,
Увяла, наконецъ, и, вѣрно, надо мной
Младая тѣнь уже летала“...

Голосъ его чуть замѣтно дрогнулъ.

Да, вотъ и онъ, нашъ свѣтлорадостный эллинъ, кидавшійся въ страсть со всѣмъ безумствомъ своей полуафриканской крови—еще молодымъ кипучимъ мужчиной—уже позналъ забвеніе, и оно стало для него источникомъ дивныхъ звуковъ...

„Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой!“...

громче выговорилъ пожилой русскій и не докончилъ строфы.

Къ груди подкатило... И разомъ, какъ одинъ захватывающій образъ, встала передъ нимъ его послѣдняя и самая мучительная любовь... изъ тѣхъ дней, когда молодость ушла, и онъ, цѣпляясь за обломки крушенія, отчаянно плылъ къ тому берегу, гдѣ все еще чаялъ найти что-то неизвѣданное.

Его болѣзнь, быть можетъ, прямой итогъ этой послѣдней страсти.

Горечь смертной обиды, рыданія, вопли, бѣшеные крики, потомъ онѣмѣніе души, тягучая агонія позорнаго рабства—все это отошло и больше не вернется.

Женщинѣ — не одной — отдавалъ онъ, точно какому идолу, на протяженіи долгихъ-долгихъ лѣтъ, все благоуханіе своей души. И кумиръ этотъ онъ покачнулъ и повергъ въ гнѣвномъ порывѣ, когда запоздалая страсть отхлынула о тъ него, оставивъ его надолго почти бездыханнымъ трупомъ, и онъ началъ приходить въ себя.

Такъ прожилъ онъ еще два года. Женщина стала ему глубоко ненавистна.

Но теперь и это прошло. Нѣтъ въ немъ ни злобы, ни презрѣнія. Никто не виноватъ въ крушеніяхъ любви—вотъ что онъ позналъ... слишкомъ поздно.

Жалость замѣнила злобное чувство — такая же глубокая жалость къ женщинѣ, къ ея коренной немощи — къ той безысходной тревогѣ, которая влечетъ ее, безразлично, и къ добру, и къ злу... Что она можетъ принести собой, то и приноситъ — даритъ мгновенное блаженство... Какою цѣною — это вопросъ, недостойный того, кому предстоитъ — не нынче завтра — слиться съ безконечнымъ „все“.

И чувство этого „все“ проникало — тихое и бодрящее — въ усталую душу, жаждавшую покоя въ созерцаніи великой міровой тайны.

II

До самой вершины горы, куда поднимался вагонъ, по рельсамъ — оставалось еще минутъ десять ходьбы.

Русскій съ сѣдыми усами дошелъ до площадки, откуда открывался видъ на всю долину и городокъ, лежавшій внизу, по обоимъ берегамъ узкой рѣчки. Она серебрилась тамъ, гдѣ протекала въ зелени холмовъ, покрытыхъ виноградниками.

Надъ уютнымъ городкомъ спустилась прозрачная пелена и вся она трепетала отъ боковыхъ лучей заката... Солнце уже нырнуло за гору, противъ той вышки, гдѣ сидѣлъ онъ; но лѣвѣе—нѣжно-алый пукъ свѣта вырывался еще изъ-за отлогостей горы.

На широкой скамьѣ, безъ спинки, сидѣлъ онъ уже нѣсколько минутъ и всматривался въ то мѣсто, гдѣ, подальше зданія кургауза, зеленѣли липы и платаны продолговатой площадки съ двумя павильонами для оркестра. Черезъ полчаса заиграетъ музыка, и на площадкѣ уже чернѣли человѣческія фигуры.

Ему онѣ казались отсюда муравьями.

Вышка, гдѣ онъ сидѣлъ, была надъ городкомъ всего какихъ нибудь полтораста или двѣсти сажень вверхъ; а какъ сразу почувствовалъ онъ себя отрѣшеннымъ отъ всего, что тамъ происходило — отрѣшеннымъ не бездушно, но съ тѣмъ мужествомъ, съ какимъ онъ шелъ теперь навстрѣчу концу жизни...

Всѣ они тамъ—и нѣмцы, и русскіе, и англичане—цѣпляются за жизнь, всячески отодвигаютъ минуту большаго скачка въ вѣчность. И онъ самъ, еще такъ недавно, испытывалъ внезапный холодъ при мысли, какъ время безжалостно, въ своемъ безмолвномъ движеніи, какъ нитка все ближе и ближе къ исходу клубка.

Подкралось это настроеніе, когда ему перешло за вторую половину шестого десятка... Что бы онъ ни дѣлалъ, гдѣ бы ни былъ, дома, въ гостяхъ, въ театрѣ, на улицѣ, утромъ и вечеромъ — особенно въ безсонныя ночи — безпричинно и назойливо, сталъ являться все тотъ же окликъ, оттуда, изъ могильной ямы... И сознаніе безплодности и пустоты всего, что въ немъ самомъ и вокругъ него — дѣлалось все безпощаднѣе...

Но и это прошло — не усиліемъ воли, а отъ новаго чувства примиренія и высшей жалости ко всему живому и обреченному на тлѣнъ и забвеніе.

Сколько бы ни осталось ему жить — хотя бы одинъ мѣсяцъ или одну недѣлю — онъ проживетъ ихъ въ полномъ примиреніи съ тѣмъ, что было и что ждетъ его впереди.

И ему казалось, что онъ не обманываетъ себя. Нѣтъ! Онъ не боится конца. И не зоветъ его самъ — какъ желанное избавленіе. Жизнь, какова она есть — вотъ это небо, закатъ, горы, лѣсъ, виноградники, и люди — тамъ, въ городѣ — все это только впечатлѣніе; а за ними — великая тайна чего-то непостижимаго и необъятнаго, влекущая къ себѣ чуткую душу, безсмертную мысль человѣка...

Передъ этими образами вселенной — что такое его мятежное прошлое, горячка страсти, обманы и удары — жалкій жребій тѣхъ, кто ставитъ выше всего обладаніе женщиной?..

Онъ засмотрѣлся на закатъ и не тотчасъ замѣтилъ, что кто-то сѣлъ на дальній уголъ скамьи.

Это была дама — въ сѣромъ лѣтнемъ платьѣ и черной шляпѣ съ высокимъ бантомъ изъ лентъ. Поля шляпы кидали тѣнь на ея лицо.

Она сѣла въ полоборота, лицомъ къ дальнему краю всей картины, разстилавшейся внизу.

„Долго сидѣть не будетъ... Она сверху“ — подумалъ русскій и повернулъ голову въ ея сторону.

Ея профиль выяснился на фонѣ листвы ближнихъ кустовъ.

Его точно что ударило... Нѣсколько секундъ прошли прежде, чѣмъ онъ узналъ ее. Она постарѣла — щеки потеряли свой прежній контуръ, на нихъ слой розовой пудры, глаза чуть-чуть подрисованы... Но все тотъ же взглядъ — пристальный и властный. И все та же величавость осанки. Черные волосы не утратили еще блеска. И ротъ, съ тонкими губами — также выразителенъ.

Когда онъ узналъ ее, и ея имя явственно для его внутренняго слуха прозвучало въ головѣ, онъ полузакрылъ глаза, чувствуя, какъ имъ овладѣло, съ неудержимой быстротой, что-то гнѣвное, точно сейчасъ ему нанесли несмываемое оскорбленіе...

Все вдругъ всплыло — послѣдняя запоздалая страсть, обиды и униженія, и безумство, и сдѣлки съ совѣстью. Вотъ она — та женщина, которая заставляла его, какъ презрѣннаго раба, ползать съ веревкой на шеѣ, цѣловать ея ноги и слѣды ея ногъ, зная, что участь его рѣшена. Она довольно натѣшилась имъ, онъ, для нея, выдохся... Пора утолять на другомъ мужчинѣ свою ненасытную жажду женскаго тиранства.

Былъ такой мигъ, когда онъ хотѣлъ крикнуть ей:

— Зачѣмъ вы тутъ?.. Ступайте отъ меня прочь!

Но онъ сдержалъ себя. Боль замерла... Слегка вздрагивающей ладонью руки прошелся онъ по лицу. Это пронеслось. Ни гнѣва, ни горечи онъ уже болѣе не испытывалъ.

Онъ ждалъ — вотъ она посмотритъ въ его сторону. И она, черезъ минуту, оглянулась. Въ этомъ взглядѣ онъ сейчасъ же подмѣтилъ недовольство и тревогу. Похоже было на то, что она кого-то ждетъ, сюда, на эту вышку.

Очень возможно. До тѣхъ поръ, пока не придетъ настоящая старость — она не сдастся. И даже старухой будетъ надъ кѣмъ нибудь властвовать.

Ихъ взгляды встрѣтились. Она не сразу узнала его.

Можно было встать и уйти — пока она еще не узнаетъ; но онъ счелъ это слишкомъ малодушнымъ.

Онъ приподнялъ шляпу, и тогда его большая голова, съ сѣдѣющими короткими и густыми волосами — вся обнажилась.

— Это вы? спросила она, и брови ея сдвинулись. Въ глазахъ заигралъ недобрый огонекъ.

— Я, выговорилъ онъ тихо и кротко... Вы ждете кого нибудь?

Фраза вырвалась у него мимовольно.

— Никого я не жду, сказала она помягче. Какая встрѣча... Вы давно здѣсь?

— Гдѣ? На водахъ?

— Да.

— Я кончаю.

— А я только что пріѣхала. Здѣсь тоска.

— Вы развѣ одна?

— Какъ перстъ!

Разговоръ оборвался. Но она не хотѣла уходить. Онъ уже вполнѣ овладѣлъ собою и способенъ былъ говорить съ ней, совсѣмъ просто, не какъ съ женщиной, а какъ съ человѣкомъ.

III

— Вѣрьте мнѣ, досказалъ онъ тономъ друга, — вѣрьте мнѣ... Лучше самой предупредить этотъ ужасный моментъ...

— Для меня это было бы вродѣ самоубійства...

— Самоубійство выше позорной смерти.

— Что вы это!.. Развѣ я старуха?

Черные глаза ожгли его — совершенно такъ, какъ прежде.

И вотъ сейчасъ она способна будетъ язвить его — опять совершенно такъ, какъ и когда-то, скажетъ, что онъ самъ уже руина, что онъ гадко злится на нее за прошлое, что онъ и сейчасъ заново разозлился на нее за ея пріятельскій откровенный разговоръ.

Да, она разсказала ему про свою послѣднюю „побѣду“. Она солгала... Дѣйствительно, вотъ на этой вышкѣ они могли бы встрѣтиться съ *тѣмъ*... Онъ узналъ, что этотъ новый рабъ — не очень молодой; но моложе ея на цѣлыхъ десять лѣтъ, что они только еще „начинаютъ“, но у нихъ уже идутъ большія „схватки“.

И въ отвѣтъ на такую „милую“ откровенность старый другъ имѣлъ безтактактность начать проповѣдывать, пугать ее старостью, предлагать добровольно похоронить себя...

„Поглупѣлъ“, подумала она, и ея мина дала ему понять — какъ она оцѣнила его слова.

— Неужели, спросилъ онъ тише, — вы никогда не думаете... о томъ концѣ... о главномъ?

— О какомъ?

— О смерти, выговорилъ онъ медленно и поглядѣлъ на нее.

— Съ какой стати? Довольно и того, что я должна пить эти несносныя воды... И докторъ у меня такой глупый... что ему не скажешь — онъ только ухмыляется... Я не виновата, мой другъ, что вы сдѣлались ипохондрикомъ.

Она его не понимала.

И точно какая змѣйка обвивалась вокругъ нея, готовая ужалить его, если онъ будетъ еще досаждать ей своими вопросами.

Да и понимала ли она его когда нибудь? Даже и въ тѣ дни, когда онъ обладалъ этой женщиной... Обладалъ?.. Тѣломъ ея, но не душой.

— Послушайте, заговорилъ онъ, пододвигаясь къ ней и протянулъ руку, точно ища пожатія, — неужели и теперь вы *также* любите, какъ и пять лѣтъ тому назадъ? Или лучше — *также* допускаете себя любить?

Она поглядѣла на него вбокъ.

— Какъ это — *также*? спросила она насмѣшливо.

— Не хорошо... Не добро.

— Упреки за прошлое? Какъ это похоже на васъ!..

— Поймите же меня! почти вскрикнулъ онъ. — Не за себя упрекаю я васъ, не за все то, что я положилъ когда-то въ любовь къ вамъ. Я — старикъ. Страсть не вернется. Я серьезно боленъ. Жить мнѣ не долго осталось — и я не боюсь смерти, увѣряю васъ, произнесъ онъ съ удареніемъ. — Неужели надо неизмѣнно давать страданія тому, кто васъ полюбилъ?.. Неужели нельзя быть добрѣе? Знаете, продолжалъ онъ еще болѣе тронутымъ тономъ, — лучше обманывать, чѣмъ честно мучить людей!

Она промолчала и повернула лицо.

— Я его не знаю, продолжалъ онъ тише звукомъ, — вотъ того, кто опоздалъ сюда на свиданіе съ вами... Вы ему это поставите на видъ... Но кто бы онъ ни былъ, мнѣ его вчужѣ жаль. Вы сказали, что онъ — не молодъ... Стало, вы моложе... И вы не такая женщина, чтобы до безумія влюбиться въ мальчика и впасть въ рабство. Нѣтъ! Вамъ не предстоитъ никакихъ униженій. Вы не пойдете на нихъ по доброй волѣ.

— Что же это, вы просите меня за него? Ха, ха!..

Смѣхъ ея напомнилъ ему самыя ужасныя сцены, когда она доводила его до припадковъ.

— Не за него одного... все также тихо и искренно вымолвилъ онъ. И за васъ. Къ чему эта вѣчная вражда подъ видомъ любви?.. Что же останется у васъ въ душѣ, когда некого уже будетъ терзать и мучить?.. А эта минута настанетъ. Вы дали мнѣ много страданій; но я не считаю васъ злой по натурѣ...

— Мегерой? подсказала она.

— Вы не злы; но вы адски властны... и тщеславны. И вы сами отравляете себѣ все, что любовь приноситъ съ собою высокаго, чѣмъ она поднимаетъ насъ и уноситъ туда...

— Вы повторяетесь, мой другъ! перебила она его и нетерпѣливо потрясла ногой, обутой въ лаковый башмакъ.

— Пускай!.. Но кромѣ меня вамъ никто этого не скажетъ. Почему же не прожить тѣ года, когда вы еще будете привлекать мужчину, безъ этой игры въ мучительство? Вы не злы... вы даже не...

Слово не сразу давалось ему.

— Не стѣсняйтесь! Не развратница, хотѣли вы сказать?

— Да, вы даже не чувственны. Вы мучите мужчину не тѣмъ, что способны, походя, измѣнять ему, а тѣмъ, что вы только допускаете его до своей души, до своей личности, въ рѣдкія минуты бросаете ему подачку. И ежедневно, если не ежечасно, гоните его отъ себя, оскорбляете, грозите полнымъ разрывомъ. Неужели въ этомъ ваше счастье? Скажите да — и я замолчу.

— Въ этомъ ли, не знаю, серьезнѣе отвѣтила она и поднялась съ своего мѣста. Но въ мои года не пересоздаютъ себя, мой другъ. Никого я въ жизнь мою не затягивала и никому ничего не обѣщала. Мужчины получаютъ то, чего они стоятъ.

Она посмотрѣла въ сторону дороги и прищурилась, сдвинувъ свои густыя брови.

— Онъ опоздалъ... Или не хочетъ подходить сюда. Я не буду вамъ мѣшать.

— Сидите... Сидите!.. Я иду. Извините, что очутилась съ вами на однѣхъ водахъ... Но вы можете со мной и не кланяться.

И не подавая ему руки, съ легкимъ поклономъ, она пошла книзу.

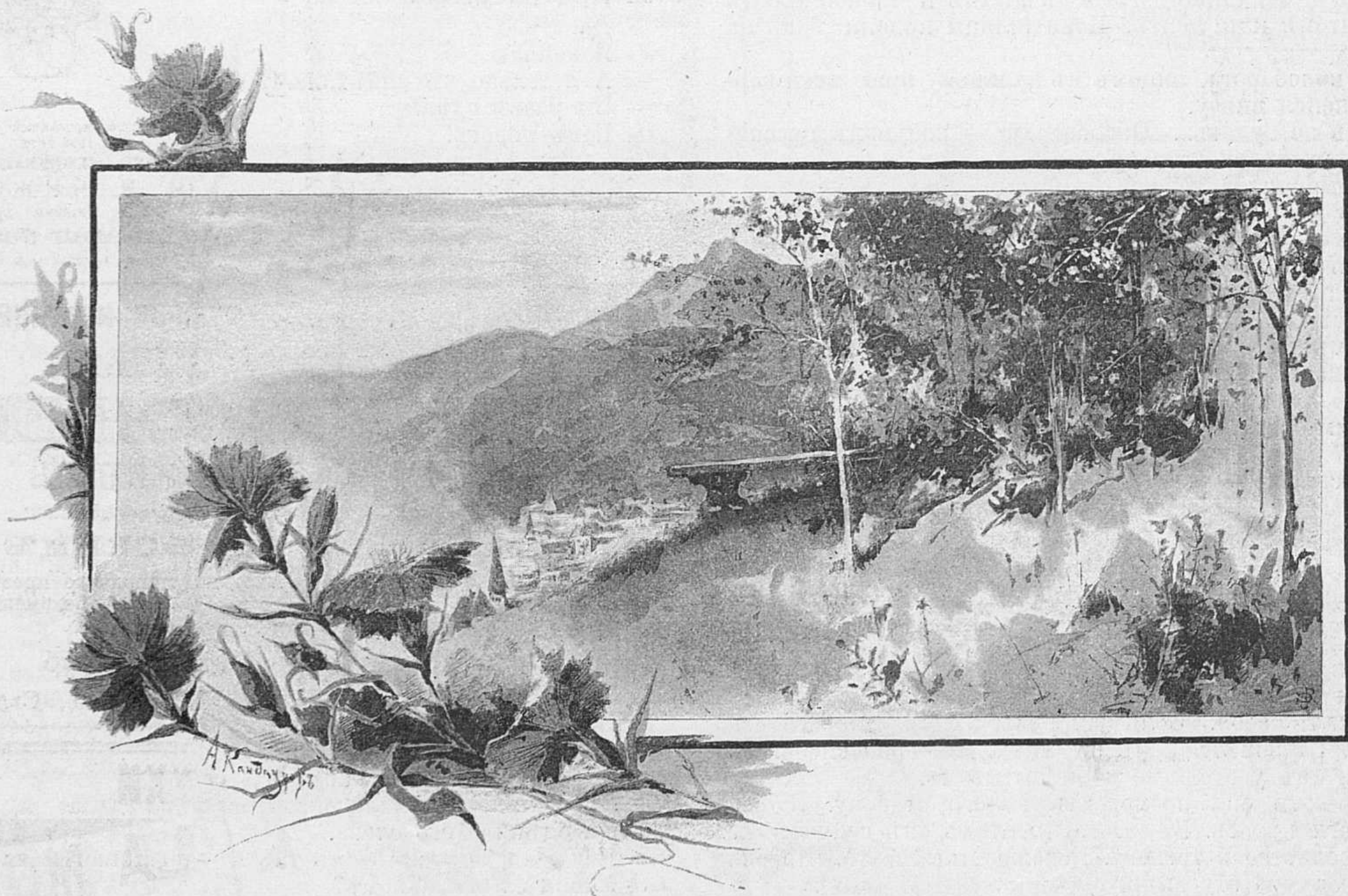
Солнце сѣло. Розоватая дымка начала густѣть надъ долиною. Сзади, изъ чащи лѣса, повѣяло прохладой.

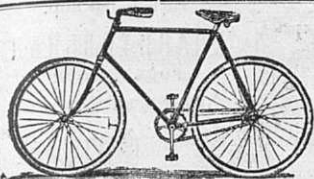
Онъ задумался, опустивъ голову въ ладони рукъ. Ея послѣднія слова еще слышались ему. Голосъ ея — рѣзковатый и звонкій—какъ бы вибрировалъ еще въ засвѣжевшемъ воздухѣ.

Ему не было ни горько, ни обидно за себя, но глубоко жаль ее. И новая тихая печаль обволакивала его душу, печаль отъ проясненнаго сознанія той пропасти, какая всегда была между нимъ и этой женщиной, даже и въ тѣ минуты, когда ему казалось, что онъ сливается съ нею въ одно существо.

„Не удѣлъ ли всякаго сближенія — мучительство, не отъ женщины, такъ отъ мужчины? И можетъ-ли страсть родить добро?“ Такъ думалъ онъ, прислушиваясь къ безмолвію лѣса; а грудь его вбирала въ себя бодрящее дуновеніе кроткаго вечера.

П. Боборыкинъ.

ИЗВѢСТНЫЕ АНГЛІЙСКІЕ

ВЕЛОСИПЕДЫ „ОЛДЕЙ“

съ послѣдними усовершенствованіями с. г.
Представитель А. ЛАНГГАУЗЪ въ Москвѣ, Мясницкая, д. Музея рядомъ съ почтамтомъ.
Прочность, легкость хода и изящество.
Иллюстрированный каталогъ высылается безплатно.

SAVON IXORA Ed. Pinaud

BEAUTÉ DE LA MAIN — PARFUM EXQUIS
GRAND PRIX EXPOSITION DE PARIS 1889
37, Boulevard de Strasbourg, PARIS

ИЗЯЩНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ
графа Л. Н. ТОЛСТАГО

Хозяинъ и Работникъ.

Форматъ въ большую 8-ю долю листа
СЪ 9-ю ОРИГИНАЛЬНЫМИ РИСУНКАМИ.
Цѣна 40 коп., съ пересылкою 50 коп.
Требованія адресовать: **книгоиздательство ГЕРМАНЪ ГОППЕ**
С.-Петербургъ, Садовая ул., 22

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФОТО-ХЕМИГРАФИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

ИЗГОТОВЛЕНІЕ
ЦИНКОГРАФИЧЕСКИХЪ КЛИШЕ
ПО ВСѢМЪ СПОСОБАМЪ
для печатанія на
ТИПОГРАФСКИХЪ МАШИНАХЪ
съ оригиналовъ, исполненныхъ на тоновой или корневой бумагѣ, карандашемъ, перомъ или тушью, съ фотографій, акварелей, масляныхъ картинъ и проч.

Альбомъ образцовъ моей мастерской можно получить въ моей конторѣ (Вознесенск. пр. 53) за 1 руб. безъ пер. и 1 р. 50 к. съ пер. При заказѣ на клише „Альбомъ“ этотъ выдается безплатно.

ЭДУАРДЪ ГОППЕ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
EDUARD HOPPE
53. Вознесенскій пр. 53.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПІАНИНО
заграничной работы, новѣйшей конструкціи.
Можно играть не только какъ на обыкновенномъ піанино, но также отлично исполнять всѣ танцы и концертныя пьесы посредствомъ верченія ручки.
Цѣна безъ нотъ 550 руб. и дороже. Ноты по 1 руб. 25 коп. за каждый метръ (= 1½ аршина).
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ,
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. №№ 34 и 40; Москва, Кузнецкій М., д. Захарьина.

ИСКУССТВО ПРИЧЕСЫВАТЬСЯ,

БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
полное руководство для самостоятельнаго изученія искусства прически.
Цѣна 75 коп., съ пересылкою 90 коп.

ЖЕНИХЪ и НЕВѢСТА. Пов. І. Ясинскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 65 к. Изданіе книгоиздательства ГЕРМАНЪ ГОППЕ.

ПЕРВОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ РУССКОЕ ИЗДАНІЕ
ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ

КНИГА ПѢСЕНЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
подъ редакціей П. В. БЫКОВА.
ИЛЛЮСТРАЦІИ
Поля Тумана,
воспроизведенныя по его оригиналамъ въ гравюрахъ на деревѣ.

Роскошное изданіе въ большую 8-ю долю листа.

Изданіе это содержитъ полный переводъ „Книги пѣсенъ“ и болѣе 120 рисунковъ.

Изъ общаго числа рисунковъ 12 воспроизведены въ страничномъ форматѣ.

Цѣна: въ бумажкѣ—2 р., съ пересылк. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ—3 р., съ пересылк. 3 р. 50 к.; въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ — 3 р. 50 к., съ пересылк. 4 р.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕРМАНЪ ГОППЕ:
С.-Петербургъ. Садовая, 22.

EXTRA-VIOLETTE — *Véritable et suave Parfum* DE LA VIOLETTE
Violet Parfumeur PARIS 29, Bd des Italiens
AMBRE ROYAL — *Nouveau Parfum extra-fin.* Savon, Extrait, Eau de Toilette, Poudre de Riz.
SEUL INVENTEUR DU
SAVON ROYAL de THRIDACE et du SAVON VELOUTINE

ТРЕБУЙТЕ
МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАЗЕЛИН. КУС. 30 к.
ПУДРУ ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАЗЕЛИН. КОР. 60 к.
Гл. Складъ С.ПЕТЕРБУРГЪ ДЕМИДОВЪ ПЕР. 1.
ПАРФЮМЕРН. ЛАБОРАТ. І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
Э. КИНКМАНЪ и К°.
СПБ. Гороховая, 4.
Требуйте каталогъ!

ИНТЕРЕСНАЯ НОВОСТЬ! ПАНТОГРАФЫ.
При посредствѣ этого новѣйшаго, очень простого аппарата, всякій, даже не умѣющій рисовать, легко можетъ увеличить или уменьшить въ любомъ размѣрѣ всякіе рисунки, чертежи, планы, картины и пр. Къ каждому аппарату прилагается подробное руководство. Цѣна 2 р., 3 р., 4 р. до 10 р., смотря по размѣрамъ отъ 5 разъ и далѣе. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній. Большая Морская, № 33. Высылаются немедленно; можно и наложеннымъ. Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 14 коп. марками.

Роскошно иллюстрированный прейсъ-курантъ на 1896 годъ
СПЕЦІАЛЬНО-ОРУЖЕЙНАГО МАГАЗИНА
И. И. ЧИЖОВА,
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, № 51,
высылается безплатно.
На пересылку прилагать на 10 к. марокъ.

Поступило въ продажу **ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ**
РУКОВОДСТВА

КЪ СТИХОСЛОЖЕНІЮ

СО СЛОВАРЕМЪ РИѲМЪ
для преподаванія и самообученія,
составленное **М. БРОДОВСКИМЪ**
Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для основныхъ библіотекъ среднеучебныхъ заведеній и рекомендовано какъ внѣклассное пособіе.
Цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб.
Книгоиздательство ГЕРМАНЪ ГОППЕ: Спб., Садовая, 22.

МОДНЫЕ ДУХИ
PARFUMS A LA MODE
GISMONDA
CORYLOPSIS DU JAPON
CHRYSANTHÈME DE TOKIO
BOUQUET FIN DE SIÈCLE

L. T. PIVER

10, Boulevard de Strasbourg, PARIS

☛ № 1421 (17) „Всемірной Иллюстраціи“ сданъ въ пятницу, 19-го апрѣля: на городскую почту въ 2 часа 15 м. дня, московскимъ подписчикамъ въ 2 часа дня и въ субботу, 20-го апрѣля, иногороднымъ въ 2 часа дня, въ чемъ и имѣются почтовыя расписки.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся: въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
ВЪ МОСКВѢ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ.
ВЪ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи „Вѣстника Виноделія“ В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

Когда часы били пять, мы какъ разъ въѣзжали во дворъ замка, гдѣ обогнули большую круглую лужайку, украшенную вазами на довольно высокихъ пилястрахъ, поднялись по отлогому подъему въ видѣ продолговатой подковы и остановились у внушительнаго крыльца. Тутъ насъ ожидало двое слугъ въ башмакахъ съ пряжками, въ бѣлыхъ чулкахъ, въ короткихъ черныхъ бархатныхъ панталонахъ до колѣнъ, въ желтовато-зеленыхъ шелковыхъ жилетахъ и красновато-коричневыхъ фракахъ. Они помогли намъ снять въ прихожей верхнее платье и провели насъ по высокимъ, устланнымъ ковровыми дорожками, сѣнямъ въ красивую свѣтлую комнату, куда къ намъ вышли на встрѣчу любезные хозяева.

Въ этотъ торжественный моментъ Эльфрида постигла—на сколько я былъ правъ въ вопросѣ о нашихъ туалетахъ, а я въ то же время постигъ кое-что другое. Прямо говоря, мнѣ сразу стало ясно, что я никогда не видалъ женщины красивѣе баронессы. Пытаться описать ея красоту было бы совершенно безполезно. Большіе, блестящіе, темные глаза миндалевидной формы изсинячерные, слегка волнистые, волосы, безукоризненно чистыя, классически прекрасныя и вмѣстѣ съ тѣмъ милыя, черты лица, благородная, стройная фигура, въ которой безусловно граціозенъ каждый жестъ — все это слова, одни слова, дѣтскій лепетъ о томъ, что недоступно языку человѣческому, что едва ли способны воспроизвести кисть художника и краски, а развѣ одна музыка, тѣмъ болѣе что и нѣсколько глухой, мягкій тонъ голоса баронессы ласкаетъ слухъ лучше всякой музыки.

Такія восторженныя похвалы могутъ показаться подозрительными, на самомъ же дѣлѣ мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя. Восхищаясь этой прекрасной женщиной, я только отдалъ ей должное, не увлекаясь до того, что граничитъ уже съ такъ называемой влюбленностью. Противъ нея я считаю себя въ достаточной степени застрахованнымъ, потому что во мнѣ живетъ глубокая, страстная потребность любви, и хотя я понимаю безкорыстное чувство, девизомъ котораго служитъ: „что тебѣ за дѣло, что я тебя люблю?“ однако такую любовь безъ надежды на взаимность я допускаю только — даже наперекоръ всѣмъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ — лишь подъ условіемъ ясно сознаваемой внутренней гармоніи и сродства душъ. Этого же между мной и баронессой никогда не можетъ быть, проживи мы цѣлую вѣчность вблизи другъ отъ друга. Еслибъ насъ и влекло что нибудь одного къ другому, то развѣ взаимное тяготѣніе противоположныхъ полюсовъ. Дѣйствительно, мы представляемъ съ нею двѣ крайнія противоположности: она — аристократка, начиная съ завитка кудрей на ея прекрасной головѣ до подошвы стройной ножки; въ самомъ императорѣ баронесса Кордовъ видитъ только совершенно равнаго себѣ; я же, хотя и воздаю кесарево кесареви, однако въ моихъ жилахъ нѣтъ ни капли не демократической крови. Мы до такой степени далеки и чужды одинъ другому, что я съ полной объективностью и хладнокровіемъ могу изучать баронессу, какъ дивное произведеніе природы, не имѣющее ко мнѣ ни малѣйшаго отношенія. А изучать ее тѣмъ легче, что молодая женщина говоритъ о себѣ съ откровенностью, которую я назвалъ бы почти дѣтскою, еслибъ она не основывалась на непоколебимомъ убѣжденіи. Баронесса именно убѣждена въ томъ, что аристократы (а къ нимъ она причисляетъ далеко не всѣхъ, имѣющихъ право прибавлять къ своей фамиліи частичку „фонъ“) составляютъ особую расу, которая такъ же рѣзко отличается отъ людей незнатныхъ, какъ вообще всякая порода отъ другой. Она не видитъ въ томъ никакой несправедливости природы или исторіи, а простое явленіе изъ области естествознанія, какъ и всякое другое. Ею было высказано не мало идей подобнаго рода, которыя я не назову прямо умными, однако онѣ указываютъ на живое, самостоятельное мышленіе.

Только въ одномъ пунктѣ я заставилъ ее согласиться съ собою да и то условно, когда я доказывалъ, что человѣкъ въ высшемъ смыслѣ долженъ признавать своимъ судьею лишь самого себя. Она допускала это, но на томъ условіи, что это ученіе должно оставаться тайнымъ, потому что его можно открыть однимъ избраннымъ.

— Вы правы, сударыня, отвѣчалъ я, — оно доступно очень немногимъ, и эти немногіе составляютъ аристократію, гораздо болѣе знатную, чѣмъ та, о которой вы сейчасъ говорили.

Возраженіе было черезчуръ смѣло, и она взглянула на меня точно королева на забывшагося вассала, но не сказала ничего.

* * *

Начальникъ нашего лѣсного округа прогостилъ у насъ въ домѣ два дня. Я нашелъ въ немъ человѣка, достойнаго величайшаго уваженія, къ чему меня, впрочемъ, заранѣе подготовила наша первая бѣглая встрѣча въ Зундинѣ. Не знаю, прилежно ли онъ посѣщаетъ церковь—и даже немного сомнѣваюсь въ этомъ, однако лучшаго христіанина во всякомъ случаѣ трудно найти. Въ шестьдесятъ лѣтъ онъ сохранилъ младенчески чистую душу, прямую, честную, добрѣйшую, и въ то же время мой начальникъ такъ ученъ, что заткнетъ за поясъ цѣлую академію. Большимъ практикомъ назвать его нельзя. На своемъ посту, да еще передъ подчиненнымъ, онъ, конечно, не сознается въ томъ открыто, но при случаѣ самымъ восхитительнымъ юморомъ даетъ понять, что знаетъ свою слабую сторону. У него есть еще и другая слабость, въ которой мой почтенный принципалъ отдаетъ себѣ не менѣе ясный отчетъ; онъ даже трогательно жалуется на себя, когда ея дурныя послѣдствія слишкомъ рѣзко выступаютъ наружу. Мы объѣзжали вмѣстѣ съ нимъ мой лѣсной участокъ, гдѣ на каждомъ шагу бросались въ глаза слѣды небрежнаго управленія моего предшественника. При видѣ ихъ славный старикъ, то и дѣло, покачивалъ сѣдѣющей головой, вздыхая и бормоча про себя:

— Да, да! Все это оттого!

Наконецъ, когда мы наткнулись на какое-то, ужъ слишкомъ вопіющее, опустошеніе, онъ не выдержалъ, обернулся ко мнѣ въ экипажѣ и произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Это просто возмутительно! Мнѣ давнымъ давно слѣдовало уволить того лѣнтяя. Этого требовала моя прямая обязанность, долгъ службы. Но, любезный Бушъ, войдите, Бога ради, въ мое положеніе! Вѣдь я зналъ, что потеря мѣста была гибелью для него съ семьей. Ему-то самому, конечно, туда и дорога. Онъ окончательно спился съ круга, а въ добавокъ былъ тѣмъ, чѣмъ не всегда бываютъ пьяницы—гадкимъ, испорченнымъ человѣкомъ—грубымъ, лукавымъ, мстительнымъ. Но виновата ли во всемъ этомъ его бѣдная, славная жена, которая совсѣмъ извелась и смотрѣла въ лицо мрачному будущему своими разучившимися плакать глазами! А бѣдныя невинныя дѣтки! Ихъ было шестеро и старшей, милой, бѣлокурой дѣвочкѣ едва минуло четырнадцать лѣтъ. Молите Бога, любезный другъ, чтобъ вамъ никогда не попасть въ такое положеніе, когда приходится приносить въ жертву долгу состраданіе къ людямъ.

Глаза добраго старика были полны слезъ. Я молча пожалъ ему руку и былъ готовъ даже поцѣловать ее.

Конечно, мнѣ нельзя было такъ поступить, но можно сдѣлать кое-что другое: понатужиться хорошенько и сдвинуть съ мѣста застрявшую тачку, чтобъ доказать этому славному человѣку, что его сердечная мягкость не причинила непоправимыхъ бѣдъ. Это я могу сдѣлать—и сдѣлаю.

* * *

Баронъ съ баронессой теперь оффиціально отдали намъ визитъ и посмотрѣли нашъ скромный домикъ, который, конечно, составляетъ поразительный контрастъ съ ихъ роскошнымъ жилищемъ. Разумѣется, намъ далеко до мраморныхъ сѣней въ Мелленгофѣ, до раззолоченныхъ комнатъ, до портретной галлереи, гдѣ по стѣнамъ можно видѣть всѣ мужскіе и дамскіе костюмы, какіе носили въ Германіи въ четырехсотлѣтній періодъ времени; у насъ нѣтъ ни бальной залы, величиною въ порядочную церковь, ни библіотеки, въ которой

могли бы работать двадцать ученыхъ, не мѣшая другъ другу; о такомъ великолѣпіи мы и не мечтаемъ, однако, благодаря щедротамъ моего милѣйшаго окружного начальника, еще до конца лѣта наша хижина сдѣлается болѣе достойной посѣщенія важныхъ гостей.

Мы ужъ успѣли побывать въ Мелленгофѣ вторично, на этотъ разъ до обѣда и съ нашимъ Бернгардомъ, который велъ себя прелестно и нисколько не проигрывалъ рядомъ съ молодымъ барономъ, а это что нибудь да значитъ. Жаль, что разница въ ихъ годахъ немножко велика; не будь этого, мальчики сдѣлались бы отличными товарищами.

Вотъ отъ ихъ папенекъ ужъ нельзя ожидать того же самаго, несмотря на неизмѣнную привѣтливость барона; онъ осыпаетъ меня такими любезностями, что мнѣ хотѣлось бы порою отъ нихъ избавиться. Я не могу притворяться и выказывать чувствъ, котерыхъ не питаю въ своемъ сердцѣ. А у меня дѣйствительно нѣтъ дружескаго расположенія къ блестящему Кардову. Что-то такое, что я стыжусь назвать инстинктомъ, но чему не подберу болѣе опредѣленнаго названія, предостерегаетъ меня противъ этого человѣка. Въ сущности баловни счастья, подобные ему, заслуживаютъ скорѣе жалости, чѣмъ осужденія. Судьба лелѣетъ ихъ съ дѣтскихъ лѣтъ, и весь міръ представляется имъ однимъ цвѣтущимъ лугомъ, по которому они могутъ беззаботно порхать, какъ мотыльки, цѣлую жизнь. Правда, мотыльки тоже должны существовать, какъ и всѣ прочія твари, только они далеко не въ такой степени безобидны, какъ можетъ казаться съ виду. Мы, лѣсничіе, знаемъ про то лучше другихъ.

Да, такъ или иначе, но я не довѣряю этой спокойной съ виду водѣ. Пускай въ ней есть мѣста, гдѣ гладкое дно видно, какъ на ладони, но кто поручится, что между ними и дальше ихъ нѣтъ глубокихъ омутовъ, куда попасть упаси, Боже!

Одно только для меня насомнѣнно: этотъ легкомысленный жуиръ (если еще не хуже того) недостоинъ такой жены и такого ребенка. Тутъ какое-то недоразумѣніе, оскорбляющее и мое нравственное чувство, и эстетическій вкусъ. Храмъ Венеры Ураніи, на стражѣ котораго стоитъ женщина!

* * *

Битый часъ спорили мы опять понапрасну съ Эльфридой насчетъ владѣльцевъ Мелленгофа. Мы никакъ не можемъ съ ней столковаться и даже какъ будто съ каждымъ днемъ все больше расходимся во взглядахъ на этихъ людей. Если моя жена находитъ баронессу Елену (какъ прекрасно идетъ къ ней это имя!) далеко не такой красивой—„ужъ во всякомъ случаѣ совсѣмъ не красавицей!"—какъ нахожу я, это еще куда ни шло: мы, мужчины, ищемъ и видимъ въ женщинахъ совсѣмъ не то, что сами онѣ видятъ одна въ другой, и vice versa; но Эльфрида считаетъ супругу Кардова сверхъ того холодной, высокомѣрной, властолюбивой, однимъ словомъ — крайне непріятной особой. Эльфрида утверждаетъ, что о болѣе короткомъ знакомствѣ между ними обѣими, какъ бы мнѣ того хотѣлось,—не можетъ быть и рѣчи. Уже одно неравенство общественнаго и матеріальнаго положенія служитъ достаточной тому причиной. Всегда щекотливо пользоваться гостепріимствомъ, на которое не въ состояніи отвѣтить самъ въ той же степени — хотя бы приблизительно. Мужчинѣ, пожалуй, это менѣе чувствительно, но женщину бросаетъ въ жаръ и въ холодъ при подобныхъ уколахъ самолюбія. Впрочемъ, баронесса, должно быть, и сама придерживается того правила, что людямъ стоитъ сходиться только съ равными. Чѣмъ же иначе объяснить, что она, по увѣренію г-жи Моэнъ, никогда не переступаетъ порога своихъ сосѣдей незнатнаго рода?

— Однако нами она не гнушается, а вѣдь, несмотря на мой высокій чинъ и Желѣзный Крестъ первой степени, je suis vilain et très vilain.

— Вотъ еще! Ты, слава Богу, изъ очень почтенной семьи!

— А ты дочь старшаго совѣтника юстиціи!

— Какъ будто это что нибудь значитъ въ глазахъ баронессы!

3*

— Но, по крайней мѣрѣ, она отзывается о тебѣ съ самой лестной стороны.

— Чтобы польстить тебѣ!

— Это на нее не похоже. Какой могъ быть у нея къ тому поводъ?

— Пожалуй, желаніе услышать, въ свою очередь, какую нибудь любезность отъ тебя.

— Ужъ не расхваливать ли мнѣ барона?

— Къ которому ты ужасно несправедливъ.

— Какъ ты къ его женѣ.

Когда добросовѣстный обмѣнъ мнѣній доходитъ до личностей, мудрая Аѳина подаетъ вамъ знакъ:—Придержи языкъ, старина! И я послушался богини, замѣтивъ только, что мнѣ самому не особенно хотѣлось возобновлять своего знакомства съ барономъ, но что я постараюсь отдать должное его хорошимъ качествамъ, которыя у него несомнѣнно есть.

* *
*

Конечно, баронъ обладаетъ извѣстными достоинствами. Нашъ бренный міръ кишитъ клоунами и калибанами, такъ что пріятно видѣть человѣка, у котораго все выходитъ такъ изящно, точно ему подыгрываетъ Аріэль.

Фрицъ Кардовъ именно такой счастливецъ. Онъ можетъ, если захочетъ, быть просто обворожительнымъ. Баронъ осыпаетъ насъ любезностями. Со мной онъ поставилъ себя на такую ногу, какъ будто мы не восемь дней, а цѣлыхъ восемь лѣтъ сражались рядомъ, спали въ одной палаткѣ, пили изъ одного стастакана. Узнавъ, что Эльфрида страшно любитъ цвѣты, онъ каждый день посылаетъ ей изъ своихъ теплицъ превосходнѣйшіе букеты. Въ понедѣльникъ сосѣдъ засталъ у насъ доктора Барта и услыхалъ отъ него, что нашего маленькаго сынка необходимо еще очень беречь, что Бернгарду нужно какъ можно больше находиться на свѣжемъ воздухѣ, но въ то же время тщательно избѣгать утомленія. И вотъ, сегодня къ нашему дому подъѣхала прелестная телѣжечка, запряженная великолѣпнымъ, совершенно ручнымъ, козломъ. У Ганса, вполнѣ здороваго мальчика, по словамъ его отца, есть коляска, въ которую запрягаютъ пони. Поэтому нашъ Бернгардъ долженъ также имѣть подходящій экипажъ, такъ какъ мальчикъ слишкомъ великъ, чтобы его носить на рукахъ, и слишкомъ слабъ, чтобы долго бѣгать.

„Кто бы могъ тутъ устоять?“ какъ поется въ „Донъ-Жуанѣ“.

Я не устоялъ. Такое деликатное вниманіе положительно обезоружило меня. Если прошлую жизнь Фрица Кардова нельзя назвать примѣрною, во всякомъ случаѣ, у него осталось доброе сердце. А за кѣмъ изъ насъ не водится грѣховъ, Богъ мой? У кого поднимется рука бросить камень въ своего ближняго! Нѣтъ, нѣтъ! Баронъ такъ дружески отнесся ко мнѣ, что и я отвѣчу ему тѣмъ же. Конечно, у меня никогда не хватитъ средствъ отплатить за его царскую щедрость. Но благородному льву случается иногда запутаться въ сѣтяхъ, отъ которыхъ его спасаетъ не другой левъ, а мизерная мышка.

Впрочемъ, я скорѣе готовъ остаться его должникомъ, чѣмъ видѣть бѣднягу Кардова въ положеніи льва, о которомъ говорится въ баснѣ.

* *
*

Теперь всѣ сосѣди отдали намъ визиты, даже графъ Грибенъ, вернувшійся изъ Берлина, и графиня, его супруга, завезли свои карточки. Конечно, наши отношенія къ этой знатной четѣ, вѣроятно, такъ и ограничатся обмѣномъ подобныхъ вѣжливостей, вѣдь мы и не разсчитывали на что либо иное съ ихъ стороны. Тѣмъ не менѣе я все-таки разочарованъ, потому что ожидалъ большаго от пчрочихъ сосѣдей, которые оказываются крайне неинтересными. Шпехтъ, владѣлецъ Каунова, со своей хитрой лисьей мордочкой и навязчивой болтливостью, ужасно мнѣ не нравится; а угрюмые супруги Лахмундъ въ Унгнерѣ также не выигрываютъ при ближайшемъ знакомствѣ. Еще одинъ или два ви-

зита, которые мы должны были сдѣлать изъ приличія по сосѣдству, между прочимъ, къ пастору Шмиту въ Фогтсгагенѣ, тоже не доставили намъ особеннаго удовольствія. Хозяинъ Брандсгагена, Моэнъ, кажется мнѣ славнымъ малымъ, но Лессингъ справедливо говоритъ: „Что толку, если нельзя сказать о человѣкѣ ничего больше этого?“ А потомъ вѣчная пѣсня: „Выпивайте до дна, г. лѣсничій!“ c'ést plus fort que moi. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ я не долженъ быть слишкомъ разборчивымъ, если не хочу испортить Эльфридѣ единственнаго удовольствія, которое она находитъ въ близкомъ знакомствѣ съ г-жею Моэнъ, особой дѣйствительно достойной во всѣхъ отношеніяхъ, къ которой я питаю величайшее уваженіе. Она въ короткое время такъ сошлась съ моей женой, что онѣ постоянно видятся другъ съ другомъ. Я очень этому радъ, потому что бѣдняжка Эльфрида рисковала совсѣмъ зачахнуть въ одиночествѣ, которое вдвое тягостнѣе для людей съ веселымъ характеромъ.

* *
*

У меня есть еще сосѣдъ, на котораго обратилъ мое вниманіе лѣсникъ Амсбергъ по не особенно утѣшительному поводу. Это нѣкто Стефанъ Рикъ, хозяинъ „Лѣсного шинка“. Послѣдній стоитъ на перекресткѣ проселочной дороги, пересѣкающей за нашимъ домомъ мой участокъ съ востока на западъ, и шоссе, идущаго на Гриммъ, которое немного дальше примыкаетъ къ большому Зундинскому тракту. Мой лѣсъ нѣкогда составлялъ часть ленныхъ владѣній графскаго рода Бранеръ, выходцевъ изъ Швеціи, но въ концѣ прошлаго столѣтія онъ, какъ выморочное имѣніе, снова отошелъ въ казну. Когда же вся провинція вошла въ составъ Пруссіи, его причислили къ вѣдомству государственныхъ имуществъ. „Лѣсной шинокъ“ переходилъ отъ отца къ сыну въ семействѣ упомянутаго Рика вмѣстѣ съ различными привиллегіями, весьма важными для владѣльца, которыя должны были прекратиться послѣ того, какъ отецъ настоящаго хозяина выигралъ процессъ съ нашимъ вѣдомствомъ, тянувшійся долгіе годы. Между прочимъ владѣлецъ шинка имѣлъ право ежегодно убивать въ нашемъ лѣсу до дюжины сернъ, и Амсбергъ увѣряетъ, что блудливая кошка, такъ щедро поживившаяся насчетъ казны, не хочетъ и теперь отказаться отъ выгодной ловли мышей, такъ что не малое количество дичи, не попавшей въ наши списки, исчезаетъ на кухнѣ деревенскаго трактира. Всѣ старанія моего усерднаго подчиненнаго поймать неисправимаго браконьера in flagranti до сихъ поръ оказывались тщетными, но слишкомъ много фактовъ говоритъ не въ его пользу.

Во первыхъ, уже самое положеніе шинка выбрано какъ будто съ предвзятой цѣлью. Домъ выходитъ своимъ переднимъ фасадомъ на шоссе, что облегчаетъ немедленный сбытъ краденаго, тогда какъ дворъ, садъ и службы далеко вдаются въ лѣсъ, представляя очень удобное сообщеніе.

О „Лѣсномъ шинкѣ“ и его хозяинѣ — опять таки по словамъ Амсберга— ходятъ очень неблагопріятные слухи. Лѣсникъ выставилъ передо мною Рика ловкимъ, продувнымъ малымъ, который умѣетъ занимать гостей своимъ веселымъ балагурствомъ. Къ нему заглядываютъ и капитальные люди въ околоткѣ: зажиточные купцы изъ сосѣднихъ городковъ, окрестные арендаторы и землевладѣльцы, любители выпить хорошаго винца и перекинуться въ картишки въ задней комнатѣ трактира, куда входъ постороннимъ строго возбраняется. Посѣтителей этого гостепріимнаго дома принимаетъ, кромѣ развеселаго хозяина, послѣ смерти его жены единственная дочь Стефана Рика, извѣстная во всемъ околоткѣ подъ именемъ рыжей Маріи и — на сколько я понялъ изъ тонкихъ намековъ Амсберга — пользующаяся не особенно завидной репутаціей.

Во всей этой исторіи меня интересуютъ, конечно, только наслѣдственныя притязанія Рика на право охоты въ моемъ лѣсу. Если онъ занимается браконьерствомъ, то вовсе не изъ нужды, какъ другой бѣднякъ, который идетъ съ ружьемъ на плечѣ на свой опасный промыселъ съ восходомъ утренней звѣзды. Тѣмъ меньше у меня основаній щадить зажиточнаго негодяя.

Во всякомъ случаѣ, не лишнее отправиться на развѣдки. Послѣзавтра, кстати, мнѣ предстоитъ удобный случай лично познакомиться съ сосѣдомъ. Рикъ имѣетъ обыкновеніе ежегодно приглашать почетныхъ лицъ въ округѣ на весеннее состязаніе въ стрѣльбѣ. Онъ оказалъ эту честь, между прочимъ, и мнѣ. Стрѣльбище — какъ говорятъ, отлично устроенное — расположено на его собственной землѣ, у лѣсной опушки, вблизи шинка. Я непремѣнно поѣду и посмотрю — не забылъ ли свое прежнее искусство.

* * *

Сегодня мы опять приглашены въ Мёлленгофъ на обѣдъ, но менѣе торжественный, чѣмъ предыдущій; меня прямо просили явиться въ сюртукѣ.

Кажется, я сдѣлалъ открытіе довольно печальнаго свойства и, если оно подтвердится, то послужитъ ключемъ ко многому, что мнѣ удалось подмѣтить раньше, напримѣръ, черту меланхоліи въ обыкновенно ясномъ, твердомъ характерѣ баронессы, непосѣдливость и неустойчивость ея мужа, которыя, составляютъ такія непріятныя свойства Франца Кардова. Эта супружеская чета не пользуется семейнымъ счастьемъ. Уже не разъ слыхалъ я отъ барона легкомысленные до цинизма отзывы о бракѣ; но мнѣ казалось, что они не имѣютъ прямого отношенія къ нему лично, и я считалъ ихъ просто шутками дурного тона, нс сгладившимися еще слѣдами безпорядочно проведенной холостой жизни. Вѣдь подобныя рѣчи онъ позволялъ себѣ и въ то время, когда мы стояли съ нимъ подъ Парижемъ.

Тѣмъ не менѣе сегодня какъ-то особенно бросалась въ глаза холодная вѣжливость въ обращеніи супруговъ, которой невозможно объяснить обыкновенной сдержанностью благовоспитанныхъ людей въ присутствіи посторонних. Нѣтъ! здѣсь проглядываетъ взаимное нерасположеніе, разладъ, враждебность, и супруги очевидно съ трудомъ скрываютъ свои чувства. Я отлично видѣлъ, какъ при одномъ замѣчаніи жены Кардовъ закипѣлъ гнѣвомъ и едва удержалъ рѣзкій отвѣтъ, готовый сорваться у него съ языка; вслѣдъ затѣмъ какое-то необдуманное слово мужа заставило презрительно улыбнуться баронессу, причемъ эта улыбка непріятно исказила ея прекрасное лицо.

Что могло привести ихъ къ взаимной непріязни? Г-жа Моэнъ говорила Эльфридѣ, что Елена Древеницъ была очень бѣдная при своемъ титулѣ графини. Но такое гордое, благородное существо, какъ она, не способно продать себя за деньги. Значитъ, графиня вышла за барона по любви, а ужъ кто, какъ не Фрицъ Кардовъ, могъ быть опасенъ для дѣвическаго сердца? Отъ этого брака родился восхитительный ребенокъ и къ тому же мальчикъ, слѣдовательно, по человѣческимъ разсчетамъ, даже владѣніе маіоратомъ было обезпечено. Что же тогда случилось? Что могло разорвать союзъ, къ которому, казалось, благоволили всѣ боги и богини? — „Несходство въ понятіяхъ и взглядахъ больше всего раздѣляетъ людей", говоритъ Ахимъ фонъ-Арнимъ. Я совершенно съ нимъ согласенъ. А что супруги Кардовъ смотрятъ на вещи далеко не одинаково — въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Даже въ своемъ чрезмѣрном поклоненіи знатности рода, какъ и въ другихъ пристрастіяхъ, не понятныхъ свободомыслящему человѣку, баронесса является идеалисткой. Она и не могла бы такъ упорно держаться своихъ слабостей, будь это иначе. Баронъ со своей стороны также гордится своимъ аристократическимъ происхожденіемъ, хотя и не всегда явно, но въ немъ это самая заурядная гордость, безъ честолюбивыхъ стремленій, безъ сознанія долга, который налагаетъ на людей высокое званіе. Елена только презрительно улыбалась бы на вопросы своихъ судій; ея мужъ также, пожалуй, не сталъ бы просить о помилованіи, но еслибъ его палачи согласились, онъ охотно сыгралъ бы съ ними партію въ пикетъ, чтобы разсѣять скуку послѣдняго часа передъ казнью.

Впрочемъ я вижу, что этимъ путемъ мнѣ не придти къ разрѣшенію загадки. Когда между супругами существуетъ такая рознь въ мысляхъ и чувствахъ, они будутъ равнодушны другъ къ другу, будутъ избѣгать одинъ дру-

гого, но ненависти, какъ въ настоящемъ случаѣ, между ними можетъ и не быть. Нѣкоторыя особенности въ характерѣ барона (о которыхъ, само собою разумѣется, сообщила по секрету г-жа Моэнъ Эльфридѣ) по моему еще не объясняютъ этого. Говорятъ, что Кардовъ, несмотря на громадное состояніе, до такой степени запутался въ долгахъ, что кредиторы положили запрещеніе на доходы съ маіората; конечно, часть долговъ сдѣлана еще его отцомъ, который также любилъ пожить слишкомъ широко, но сынъ превзошелъ отца въ расточительности, благодаря неискоренимой страсти къ игрѣ. Вообще, какъ слышно, въ округѣ много отчаянныхъ игроковъ.

Не даромъ Амсбергъ предостерегалъ меня противъ „Лѣсного шинка“ съ его тайнымъ игорнымъ притономъ. Мнѣ стало тяжело слушать Эльфриду, и я перемѣнилъ нашъ разговоръ.

Если слухи о баронѣ справедливы, то его экономическое положеніе далеко не завидно. И громадное состояніе можно разстроить мало по малу, попавъ въ когти демона игры. Но чтобы знатный аристократъ сталъ предаваться своему пороку, братаясь съ мелкими людишками въ околоткѣ, этому я никогда не повѣрю. Да и что ему за крайность поступать такимъ образомъ? До Берлина и даже до Парижа отсюда все равно, что рукой подать для человѣка со средствами, а я слышалъ, что Кардовъ каждый годъ ѣздитъ путешествовать.

Допустимъ печальную истину: онъ игрокъ и подорвалъ игрой свои денежныя дѣла.

Слѣдствіемъ этого, конечно, могъ быть семейный разладъ.

Однако такой выводъ, кажется, мнѣ не совсѣмъ вѣрнымъ, а ужъ несомнѣннымъ его окончательно нельзя назвать. Положимъ, я, можетъ быть, слишкомъ высоко ставлю баронессу, но пока мнѣ не представятъ точныхъ доказательствъ, я ни за что не повѣрю, чтобы страхъ потерять состояніе или, по крайней мѣрѣ, дойти до денежныхъ затрудненій, до необходимости сократить свои расходы, могъ повліять на чувства этой женщины. Если она охладѣла къ мужу, котораго прежде любила, этому должна быть иная, болѣе глубокая, причина. Вотъ мое твердое убѣжденіе.

А между тѣмъ какъ дорого далъ бы я за то, чтобъ мои догадки оказались ошибочными, еслибъ грозовыя тучи на супружескомъ горизонтѣ баронессы оказались простымъ облакомъ, которое послѣ жаркаго дня прольется на землю теплымъ дождемъ, чтобы на другой день на ясномъ небѣ снова засіяло яркое солнце!

* *
*

Сегодня я имѣлъ случай наблюдать довольно странныя вещи.

Замѣчу прежде всего, что мнѣ удалось упрочить за собою славу лучшаго стрѣлка въ цѣломъ округѣ.

Я такъ часто попадалъ въ центръ круга, такъ много сбилъ колецъ, что даже мой ближайшій конкурентъ, какой-то изъ здѣшнихъ землевладѣльцевъ, по фамиліи Бланкъ, до сихъ поръ считавшійся всѣми признаннымъ матадоромъ, остался далеко позади меня, не говоря уже о Diis minorum gentium.

— Скажите ради Бога, какъ вы достигли такого совершенства?

— Ахъ, господа, вѣдь мнѣ какъ пѣхотному офицеру и лѣсничему по профессіи было вдвойнѣ необходимо сдѣлаться сноснымъ стрѣлкомъ!

Не могъ же я имъ признаться изъ за чего собственно научился я стрѣлять болѣе, чѣмъ сносно.

А дѣло было такъ: когда я былъ ученикомъ лѣсничаго, то однажды подстрѣлилъ въ лѣсу звѣря, котораго нашелъ послѣ двухдневныхъ неутомимыхъ поисковъ еще живымъ. Терзаясь при видѣ страданій своей жертвы, я далъ себѣ священную клятву бросить свое ремесло, хотя бы къ ущербу всей будущей карьеры, если не съумѣю сдѣлаться отличнымъ стрѣлкомъ въ продолженіе назначеннаго себѣ, довольно краткаго, срока.

Зоркій глазъ, твердая рука и привычка съ молодыхъ лѣтъ управлять своими нервами довершили остальное.

Однако вернемся къ сегодняшнимъ приключеніямъ.

Когда я пріѣхалъ въ положенный часъ къ „Лѣсному шинку“, обширная площадка передъ нимъ была запружена экипажами всякаго разбора. Даже на самомъ шоссе они вытягивались длинной вереницей. Лишь немногія лошади нашли мѣсто въ конюшнѣ, остальное же большинство должно было удовольствоваться передвижными колодами для корма.

На состязаніе собралось не менѣе полутораста человѣкъ, преимущественно помѣщиковъ и арендаторовъ, но среди нихъ можно было встрѣтить значительный контингентъ горожанъ: купцовъ, адвокатовъ и людей всякаго званія. Въ общемъ довольно разношерстная компанія, въ которой играли не послѣднюю роль двое моихъ лѣсниковъ, явившихся по моему настоянію. Представители дворянства, находившіеся на лицо, не брали ни количествомъ, ни качествомъ. Лишь къ концу стрѣльбы явился, къ моему крайнему удивленію, баронъ—нашъ баронъ. Но объ этомъ послѣ.

Такъ такъ я, само собою разумѣется, былъ въ мундирѣ, то невольно бросался въ глаза и сначала служилъ предметомъ всеобщаго, не особенно лестнаго, вниманія. Большинство гостей смотрѣло на меня издали такимъ взглядомъ, точно я грубо оскорбилъ ихъ когда-то давно, но по какому поводу и при какихъ обстоятельствахъ—этого они не могли припомнить. Другіе какъ будто подозрѣвали, что я покушаюсь на ихъ карманы. Только очень немногіе послѣ нѣкотораго колебанія подошли ко мнѣ и, путаясь отъ смущенія, представились новому лицу. Но едва первый трудный шагъ былъ сдѣланъ, тотчасъ оказалось, что все это очень милые образованные люди, съ которыми можно вести разумную бесѣду. Потомъ, когда я такъ отличился на состязаніи, конечно, каждый захотѣлъ познакомиться со мной. Всѣ пожимали мнѣ руку, такъ что ужъ это вышло немного слишкомъ.

Я воспользовался первой удобной минутой, чтобы осмотрѣть заведеніе почтеннаго Рика. „Лѣсной шинокъ“ представляетъ собою подобіе стараго, но обширнаго и прочно выстроеннаго ящика, который простоялъ сто лѣтъ и, пожалуй, простоитъ еще столько же. Домъ расположенъ не у самаго шоссе, а нѣсколько дальше, такъ что передъ нимъ остается порядочная открытая площадка, уставленная сплошь экипажами. Задній дворъ за домомъ, куда ведутъ высокія ворота съ одной стороны зданія, представлялъ довольно оживленный и оригинальный видъ. Онъ окруженъ старыми службами и въ ту минуту подъ косыми лучами вечерняго солнца, падавшими на ветхія черепичныя кровли, напоминалъ одну изъ картинъ Теньера или другихъ старинныхъ мастеровъ фламандской школы здѣсь рядомъ съ выпряженными лошадьми: батраки угощались пивомъ, а служанки суетливо сновали по всѣмъ направленіямъ отъ крыльца главнаго зданія къ пристройкамъ и обратно. Большой садъ за этимъ домомъ хорошо воздѣланъ. Онъ обнесенъ рѣшетчатымъ заборомъ и далеко вдается въ лѣсъ. У кого есть ключъ отъ задней калитки, тотъ можетъ, незамѣченный ни кѣмъ, выйти изъ шинка и вернуться въ него, побывавъ въ лѣсу.

На обратномъ пути со своихъ развѣдокъ я нарочно прошелъ черезъ домъ; мнѣ было очень любопытно познакомиться наконецъ съ хозяиномъ. Дѣйствительно, я нашелъ его въ просторныхъ сѣняхъ, которыя были такъ же биткомъ набиты народомъ, какъ и большая комната для посѣтителей. Послѣдніе угощались за дубовыми, чисто выскобленными, столами или прохаживались между публикой съ кружкой пива въ рукѣ. Хозяинъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ, чтобы представиться. Это приземистый широкоплечій мужчина среднихъ лѣтъ съ густыми сѣдѣющими волосами и довольно пріятнымъ лицомъ, веселое выраженіе котораго слегка портитъ немного косой лѣвый глазъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти; я безошибочно рѣшилъ про себя, что это сынъ какого нибудь арендатора, а хозяинъ представилъ его мнѣ какъ какъ своего зятя in spe и назвалъ, на сколько помнится, Карломъ Дренкомъ. Этотъ дюжій парень съ грубымъ лицомъ отличается отталкивающимъ видомъ. Пока мы разговаривали, изъ распахнутыхъ настежь дверей большой комнаты поспѣшно выбѣжала съ полудюжиной кружекъ въ каждой рукѣ, молодая дѣ-

№ 1423. Годъ XXVIII. | 4-го мая 1896 г. | Томъ LV. № 19.

При этомъ, 1423, нумерѣ »Всемірной Иллюстраціи« слѣдуетъ **Литературное приложеніе**, содержащее въ себѣ: 1) »Поѣздка къ Мертвому морю«. Изъ путевыхъ очерковъ X*** (съ иллюстраціями) и 2) »Самъ себѣ судья«, романъ Фридриха Шпильгагена (4-й листъ).

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

ТЕКСТЪ

РИСУНКИ:

ШАХМАТЫ

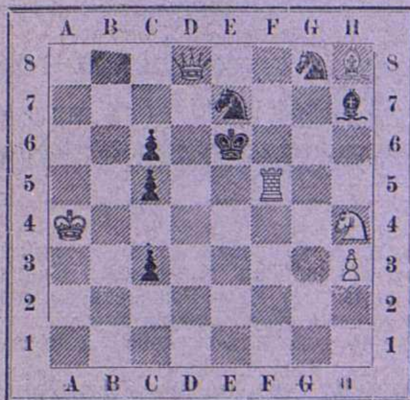
подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1874

E. Pradignad.

Первый призъ на конкурсѣ задачъ „Amsterdammer".

Черные

Бѣлые

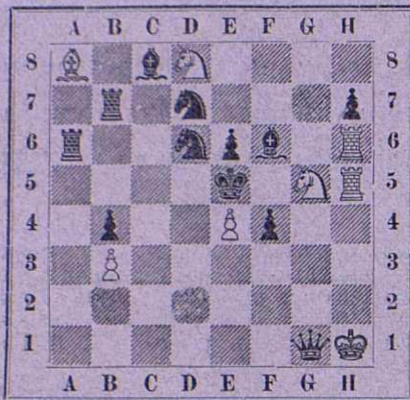
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1875

J. Patterson.

Первый призъ на конкурсѣ задачъ New-Iork Tribune.

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1168

Одна изъ партій играннаго по телеграфу въ мартѣ 1896 г. матча между членами „Manhattan Chess Club'a" въ Нью-Іоркѣ и „British Chess Club'a" въ Лондонѣ (см. № 1421 „Всем. Илл.").

Дебютъ ферзевыхъ пѣшекъ

	Пильсбери. Бѣлые.	Блекбернъ. Черные						
1.	d2—d4	d7—d5	24.	Л f7 : h7	С d7—f5	47.	Кр f1—g1	Л h2 : h5
2.	c2—c4	d5 : c4	25.	Л d3—c3†	Кр c8—b8	48.	Л d1 : d2	Л h5—g5†
3.	К g1—f3	К g8—f6	26.	Л c3—c7? *h*)	Л g6—a6!	49.	Кр g1—f2	Л g5 : g7
4.	e2—e3	e7—e6	27.	Л c7—b7†	Кр b8—a8	50.	Л d2—d6	С e6—c4
5.	К b1—c3	c7—c6	28.	Л h7 - e7 *i*)	Л a6 : a3	51.	Кр f2—e3	Кр a8 - b7
6.	С f1 : c4	К b8—d7	29.	Л b7—b2	d5—d4	52.	Кр e3—d4	С c4—b5
7.	0—0	С f8—d6 *a*)	30.	h2—h4	d4—d3	53.	f3—f4	Л g7—f7
8.	e3—e4	e6—e5 *b*)	31.	Л b2—d2	Л a3—c3	54.	Кр d4—e5	С b5—d7
9.	d4 : e5	К d7 : e5	32.	Л e7—e1	Л c3—c2	55.	Л d6—d2	a6—a5
10.	К f3 : e5	С d6 : e5	33.	Л e1—d1	Л c2 : d2	56.	Л d2 - f2	Кр b7—b6
11.	Ф d1 : d8†	Кр e8 : d8	34.	Л d1 : d2	Л d8—c8	57.	Кр e5—d4	Л f7—f5
12.	С c4 : f7	Л h8—f8	35.	f2—f3	Л c8—c2	58.	Кр d4—c4	С d7—e6†
13.	С f7—b3	С e5 : c3	36.	Л d2—d1	Л c2 : a2	59.	Кр c4—c3	Кр b6—c5
14.	Л f1—d1†	С c8—d7!	37.	h4—h5	С f5—h7	60.	Кр c3—b2	Кр c5—b4
15.	b2 : c3	К f6 : e4	38.	g2—g4	Л a2—e2	61.	Кр b2—a1	С e6—b3
16.	С e1—a3	Л f8—f6 *c*)	39.	Кр g1—f1	Л e2—h2	62.	Л f2—f3	Л f5—h5
17.	Л d1 - d4 *d*)	К e4 : c3	40.	Кр f1—g1	Л h2—e2	63.	Л f3—f1	Л h5—h2
18.	Л a1—e1	Кр d8—c7	41.	Кр g1—f1	a7—a6	64.	f4—f5	Кр b4—a3
19.	Л e1—e7 *e*)	Л a8—d8	42.	g4—g5	С h7—f5	65.	f5—f6	Л h2—a2†
20.	Л d4—d3 *f*)	К c3—d5	43.	g5—g6	С f5—h3†	66.	Кр a1—b1	С b3—c2†
21.	Л e7 : g7	Л f6—g6	44.	Кр f1—g1	d3—d2	67.	Кр b1—c1	Л a2—a1†
22.	Л g7—f7 *g*)	Кр c7—c8	45.	g6—g7	С h3—e6			
23.	С b3 : d5	c6 : d5	46.	Кр g1—f1	Л e2—h2			

Бѣлые сдались.

Примѣчанія къ партіи

a) Вѣроятно, нѣсколько лучше было бы 7... С f8—e7 въ виду хода 8. e3—e4.

b) И теперь, можетъ быть, лучше было бы отступить слономъ на e7. Если 8... С d6—c7, то 9. e4—e5, К f6—d5; 10. С c4 : d5 (или d3!) и черные вынуждены брать слона пѣшкой c, такъ какъ на 10... e6 : d5 могло бы послѣдовать 11. С c1—g5, f7—f6; 12. e5 : f6 и если 12... К d7 : f6, то 13. Л f1—e1† и т. д.

c) Если 16... Л f8 : f2?, то 17. Л d1—d4, Л f2—e2 (17... Л f2—f4; 18. Л a1—d1 и выигрываютъ); 18. С b3—e6, К e4—f6; 19. С e6 : d7 и 20. Л a1—d1, выигрывая фигуру. Ходомъ 16... Л f8 - f6 черные предупреждаютъ ходъ 17. С b3—e6. Не лучше было бы и 16... Л f8—e8 въ виду 17. С b3—f7, Л e8—e5; 18. f2—f4 и т. д.

d) Еще сильнѣе было бы, какъ указалъ М. И. Чигоринъ, 17. Л d1—e1 (очевидно, угрожая въ случаѣ отступленія конемъ выиграть качество), К e4—d6! (17... Л f6—f4?; 18. g2—g3 и т. д., выигрывая фигуру, если же 17... С d7—f5, то 18. f2—f3, К e4—d6; 19. Л a1—d1, Кр d8—d7; 20. g2—g4, С f5—g6; 21. g4—g5 - также выигрывая фигуру); 18. Л a1—d1, Кр d8—c7; 19. Л e1—e7, Л f6—g6; 20. С b3—c2, выигрывая пѣшку при очень стѣсненномъ положеніи черныхъ.

e) Недурно было бы также 19. Л d4 : d7† и 20. Л e1—e7†, выигрывая за качество двѣ пѣшки и образуя у себя очень сильныя (особенно при двухъ слонахъ, атакующихъ пункты f8 и g8) три проходныя.

f) Бѣлые, очевидно, не могутъ брать пѣшку g7 въ виду хода 20... К c3—e2†.

g) Если 22. Л g7 : h7, то 22... Л g6 : g2† и 23... К d5—f4†.

h) Слѣдовало отступить предварительно ладьей съ h7 въ виду угрозы черныхъ выиграть пѣшку: 26... Л g6 : g2†; теперь же бѣлые должны потерять качество или фигуру.

i) Бѣлые предпочитаютъ отдать фигуру, выигравъ за это еще пѣшку. Отступивъ слономъ, они кромѣ качества потеряли бы еще и пѣшку a2, послѣ чего у нихъ (при сильной проходной пѣшкѣ d у черныхъ) было бы очень мало шансовъ на ничью.

Американскіе шахматисты устраиваютъ, какъ сообщаетъ „Times Democrad", матчъ между Г. Н. Пильсбери и новымъ „чампіономъ" Соединенныхъ Штатовъ — г. Шовальтеромъ, побѣдившимъ недавно гг. Липшютца и Kemeny.

Устраиваемый обще-германскимъ шахматнымъ союзомъ турниръ состоится въ этомъ году въ гор. Нюренбергѣ. Призовъ назначено шесть въ 1.000, 750, 500, 400, 300 и 200 марокъ. Говорятъ, что мѣстный чампіонъ— д-ръ З. Таррашъ въ этомъ турнирѣ участвовать не будетъ.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ № 1392.

№ 1816. *B. Barton.* 1. К f7—h6 (угрожая 2. g6—f4† и 3. К h6—f5×), Кр d5 : e6; 2. К g6—f4 и 3. Ф c7—c3×. (*Вар. a*) 1... Кр d5—d4; 2. К h6—f5† и 3. К g6—f4×. (*Вар. b*) 1... С h8—e5; 2. Ф c7 : e5† и 3. К g6 : e7×. (*Вар. c*) 1... С b3—c4; 2. Ф c7 : c4† и 3. К h6—f7×. (*Вар. d*) 1... К g5 : e6; 2. С e2—f3† и 3. К h6—f5×. (*Вар. e*) 1... К g5—h3; 2. Ф c7—d7† и 3. С h4 : e7×.

№ 1817. *E. Saint-Maurice.* 1. Ф h4—f4 и если 1... e5 : f4 или 1... К b1 ∞, то 2. С c1 : f4 или — a3×; если 1... С e8 ∞ или 1... g6—g5, то 2 К h6—f7 или f5×; если же 1... К g8 ∞ или 2... f6—f5, то 2. Ф f4 : f6 или: e5×.

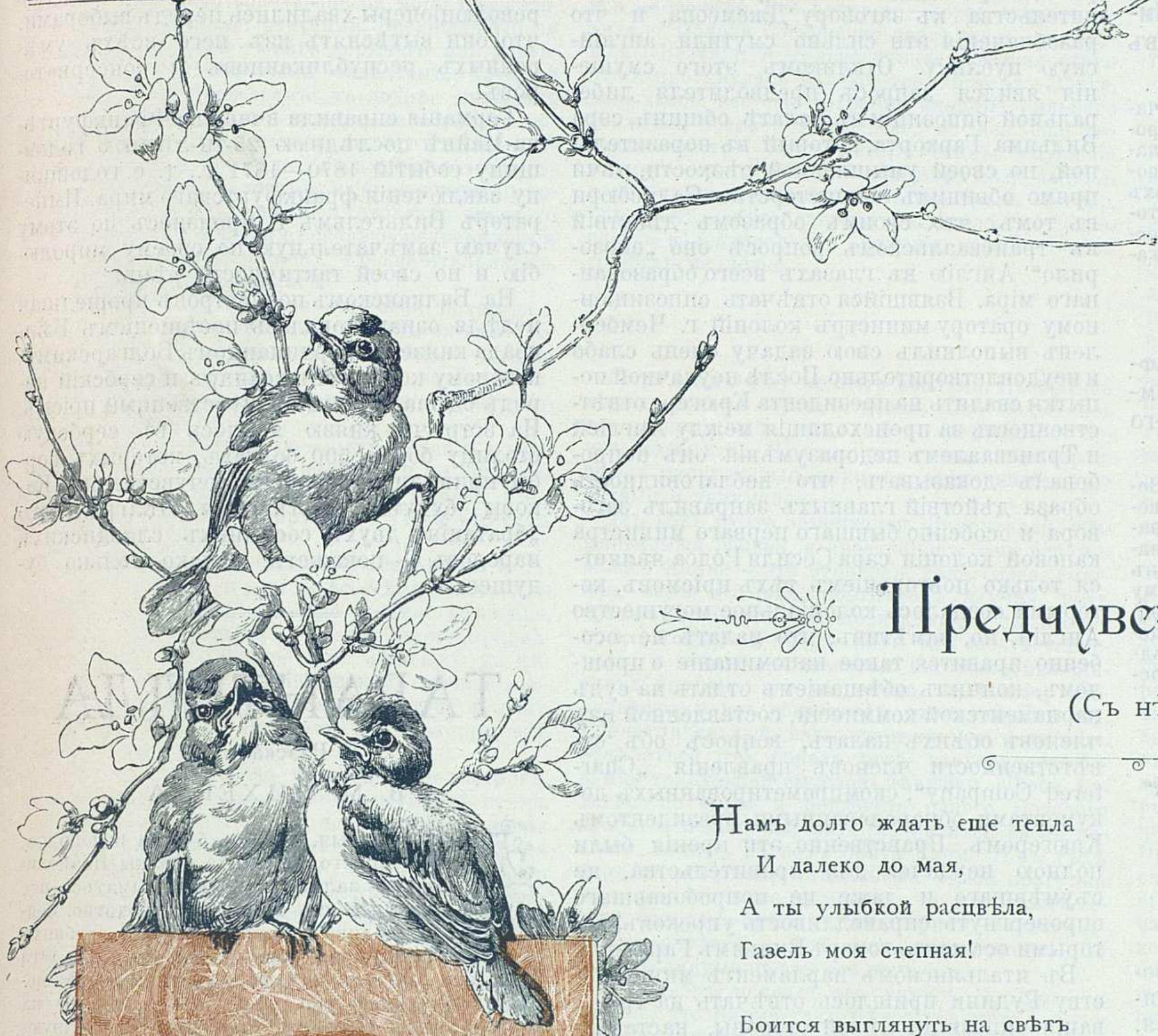
Рѣшеніе ребуса № 2

Весенній гимнъ — „Христосъ воскресъ!"
Несется съ вѣтромъ въ чистомъ полѣ,
И свѣтитъ солнышко на волѣ
Теплѣй съ безоблачныхъ небесъ...

А. Кориноскій

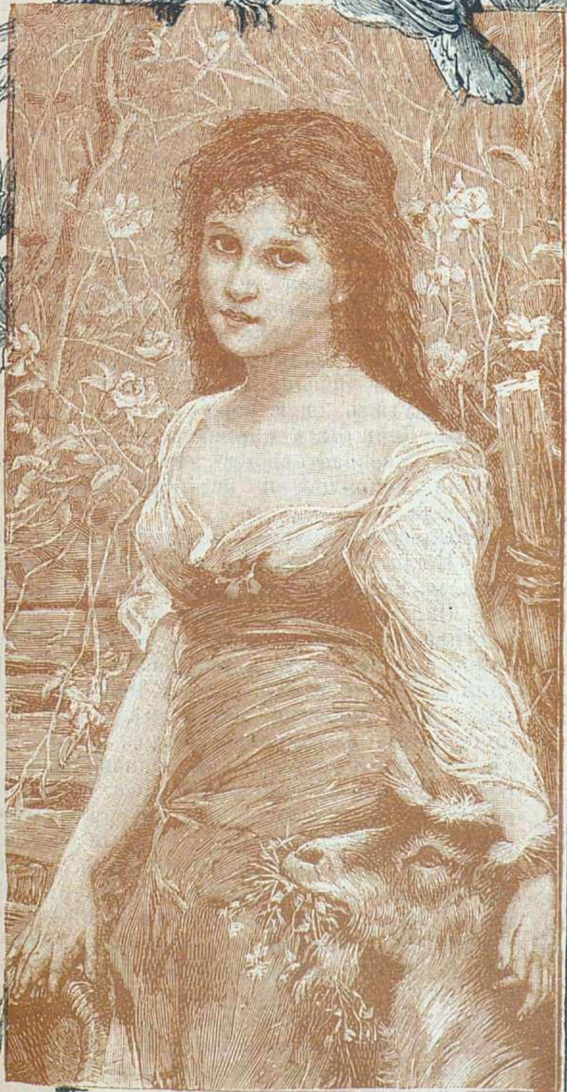
Всемірная Иллюстрація

№ 1423. Годъ XXVIII. 4-го мая 1896 г. Томъ LV. № 19.

Предчувствіе весны

(Съ нѣмецкаго)

Намъ долго ждать еще тепла
И далеко до мая,
А ты улыбкой расцвѣла,
Газель моя степная!

Боится выглянуть на свѣтъ
Трава на голыхъ кручахъ;
Не шлетъ ей солнышко привѣтъ:
Все небо въ сѣрыхъ тучахъ.

Пѣвцы пернатые молчатъ
И ихъ не слышно хора,
Печальный, сумрачный закатъ
Такъ наступаетъ скоро.

Иль запылалъ огонь въ крови
Смуглянки черноокой
И полонъ дивныхъ чаръ любви
Пріютъ твой одинокій?

Смѣясь, головкою своей
Тряхнула чаровница,
Приволья дикаго степей
Стыдливая царица.

— Ужели, молвила она,
Тебѣ не слышенъ лепетъ,
Которымъ степь кругомъ полна?
То новой жизни трепетъ!

Повѣрь, подъ шумъ весеннихъ бурь
Природа оживаетъ —
И неба ясная лазурь
Надъ нами засіяетъ.

Увидишь: скоро, свѣжъ, душистъ,
Въ травѣ мелькнетъ цвѣточекъ:
Ужъ проглянулъ зеленый листъ
Изъ побурѣвшихъ почекъ.

Земля надѣнетъ свой уборъ
На праздникъ обновленья
И огласитъ степей просторъ
Веселыхъ пташекъ пѣнье.

И свѣтъ, и радость бытія
Нахлынутъ къ намъ волною
Вотъ отчего ликую я
Съ волшебницей весною...

Александра Линдегренъ

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатаны слѣдующія телеграммы:

Телеграмма его величества шаха Музафферъ-Эддина Его Величеству Государю Императору. Тавризъ, 20-го апрѣля (2-го мая) 1896 г.

Увѣренный въ благосклонномъ сочувствіи Вашего Императорскаго Величества, сообщаю Вамъ о печальномъ событіи, которое жестокимъ ударомъ лишило меня возлюбленнаго отца и повергло народъ мой въ глубокую скорбь. Принявъ бразды правленія, поставлю себѣ первою обязанностью поддерживать и развивать тѣ дружескія отношенія, которыми покойный шахъ, мой возлюбленный родитель, былъ связанъ, Государь, съ Вашею Императорскою Семьею.

Телеграмма Его Величества Государя Императора шаху Музафферъ-Эддину, въ Тавризъ

Выражая вашему величеству живѣйшее участіе, принимаемое Мною въ вашемъ горѣ, прошу васъ вѣрить Моимъ искреннимъ пожеланіямъ счастья и славы начавшемуся царствованію вашему. Я надѣюсь на продолженіе тѣхъ отношеній дружбы и добраго сосѣдства, которыя такъ счастливо установились между Россіею и Персіею въ царствованіе искренно сожалѣемаго шаха Насръ-Эддина.

Царское Село.
20-го апрѣля 1896 г.

Телеграмма его величества шаха Музафферъ-Эддина Его Величеству Государю Императору. Тавризъ, 22-го апрѣля (4-го мая) 1896 г.

Искренно благодаря Ваше Императорское Величество за то сочувствіе и тѣ пожеланія, которыя Вамъ угодно было выразить мнѣ въ настоящую минуту тяжкаго для меня и моего народа испытанія. Пользуюсь случаемъ еще разъ засвидѣтельствовать Вашему Императорскому Величеству, что искреннее желаніе моего сердца — продолжать и развивать издавна существующія отношенія дружбы и добраго сосѣдства, такъ счастливо установившіяся между Россіею и Персіею.

29-го апрѣля (11-го мая) 1896 г.

Наканунѣ праздника священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ русская публика интересуется, конечно, исключительнымъ образомъ торжественными событіями, которыя готовятся въ Москвѣ. Все, что извѣстно до сихъ поръ о сущности этихъ событій, показываетъ, что и нынѣ подтвердится историческая преемственность преданій достославнаго прошлаго Россіи. Замѣчаются, однако, нѣкоторыя черты, находящіяся въ прямой зависимости отъ политическихъ событій, доставившихъ нашей странѣ ея нынѣшнее преобладающее положеніе въ Европѣ и во всемъ образованномъ мірѣ.

Наиболѣе важнымъ въ этомъ отношеніи мы считали присутствіе на предстоящемъ празднествѣ представителей всѣхъ восточныхъ православныхъ церквей. Впервые патріархи вселенскій, антіохійскій, іерусалимскій и александрійскій посылаютъ въ Москву своихъ чрезвычайныхъ уполномоченныхъ на праздникъ коронованія и мѵропомазанія русскаго Государя, впервые также при этихъ праздникахъ будетъ присутствовать одинъ изъ епископовъ англиканской церкви.

Не лишено также значенія, что православная Румынія будетъ имѣть на этотъ разъ своимъ представителемъ въ Москвѣ наслѣднаго принца, а не простого дипломата, какъ при прошломъ коронованіи. Число восточныхъ государствъ, посылающихъ въ нашу первопрестольную столицу своими представителями членовъ царствующихъ династій, увеличилось на два. Въ 1883 г. въ Москвѣ находился только персидскій принцъ, состоящій въ родствѣ съ покойнымъ шахомъ Насръ-Эддиномъ, на этотъ разъ кромѣ дяди нынѣшняго шаха Музафферъ-Эддина принца (принцъ Аббасъ Мирза Мюлькора) туда прибудутъ японскій императорскій принцъ Саданару Фушими и сынъ короля сіамскаго, принцъ Шира.

На западѣ Европы наиболѣе выдающимися событіями на прошлой недѣлѣ слѣдуетъ признать парламентскія пренія, происходившія в самомъ ея концѣ въ англійской палатѣ общинъ и въ итальянской палатѣ депутатовъ.

Мы говорили уже, что президентъ трансваальской республики, г. Крюгеръ, исполнивъ желаніе британскаго правительства, призналъ полезнымъ огласить документы, доказывающіе неоспоримымъ образомъ прикосновенность британскаго правительства къ заговору Джемсона, и что разоблаченія эти сильно смутили англійскую публику. Откликомъ этого смущенія явился запросъ предводителя либеральной оппозиціи въ палатѣ общинъ, сэра Вильяма Гаркорта, который въ поразительной, по своей умышленной рѣзкости, рѣчи прямо обвинилъ министерство Салисбюри въ томъ, что своимъ образомъ дѣйствій въ трансваальскомъ вопросѣ оно „опозорило“ Англію въ глазахъ всего образованнаго міра. Взявшійся отвѣчать оппозиціонному оратору министръ колоній г. Чемберленъ выполнилъ свою задачу очень слабо и неудовлетворительно. Послѣ неудачной попытки свалить на президента Крюгера отвѣтственность за происходящія между Англіей и Трансваалемъ недоразумѣнія онъ попробовалъ доказывать, что неблаговидность образа дѣйствій главныхъ заправилъ заговора и особенно бывшаго перваго министра капской колоніи сэра Сесиля Родса является только повтореніемъ тѣхъ пріемовъ, которыми создалось колоніальное могущество Англіи, но, замѣтивъ, что палатѣ не особенно нравится такое напоминаніе о прошломъ, кончилъ обѣщаніемъ отдать на судъ парламентской коммиссіи, составленной изъ членовъ обѣихъ палатъ, вопросъ объ отвѣтственности членовъ правленія „Chartered Company“, скомпрометированныхъ документами, обнародованными президентомъ Крюгеромъ. Нравственно эти пренія были полною неудачею для правительства, не съумѣвшаго и даже не попробовавшаго опровергнуть справедливость упрековъ, которыми осыпалъ его сэръ Вильямъ Гаркортъ.

Въ итальянскомъ парламентѣ министерству Рудини пришлось отвѣчать на требованія оппозиціи лѣвой стороны, настаивающей не только на мирѣ съ Абиссиніей, но еще и на отреченіи Италіи отъ Эритрейской колоніи. Очевидная чрезмѣрность такого требованія облегчила до извѣстной степени трудную задачу правительственныхъ ораторовъ. Они энергически протестовали противъ очищенія Массовы, котораго, дѣйствительно, въ Италіи желаетъ только меньшинство, находящееся подъ вліяніемъ враждебныхъ Савойской династіи и монархическому образу правленія партій. Но когда дѣло зашло о томъ—слѣдуетъ или не слѣдуетъ продолжать вооруженную борьбу съ Абиссиніей—министры иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, равно какъ и военный министръ, стали отдѣлываться общими мѣстами, ни къ чему ихъ не обязывающими и въ сущности ничего не объясняющими. Большинство палаты, видя, что ничего другого оно отъ нихъ не добьется и въ то же время вовсе не желая низвергнуть министерство Рудини, приняло ихъ снова къ свѣдѣнію.

Изъ Массовы, между тѣмъ, получаются какія-то странныя извѣстія. Разнесшійся первоначально въ Каирѣ слухъ о томъ, что генералу Балдиссера удалось проникнуть безъ боя въ Адигратъ, подтвердился, но въ формѣ, заставляющей догадываться, что тигринскія расы съ Расомъ-Мангашей во главѣ очистили дорогу итальянцамъ въ осажденный абиссинскими войсками городъ подъ условіемъ, что они явятся туда только для того, чтобы увести съ собою его итальянскій гарнизонъ и находившихся тамъ многочисленныхъ раненыхъ и больныхъ.

Во Франціи министерство Мелина все еще продолжаетъ пользоваться тою свободою дѣйствій, которую создала ему пріостановка парламентской сессіи до 16 (28)-го мая. Муниципальные выборы кончились значительнымъ успѣхомъ для умѣренно-республиканской партіи. Во многихъ провинціальныхъ городахъ прежніе муниципальные совѣты, въ которыхъ преобладали крайніе радикалы и соціалисты, замѣнены муниципальными совѣтами съ умѣренно-республиканскимъ большинствомъ. Въ Парижѣ составъ муниципальнаго совѣта остается прежній, но и это уже не лишено значенія, такъ какъ соціалисты и другіе революціонеры хвалились передъ выборами, что они вытѣснятъ изъ него всѣхъ умѣренныхъ республиканцевъ и консерваторовъ.

Германія справила вчера во Франкфуртѣ-на-Майнѣ послѣднюю 25-ти-лѣтнюю годовщину событій 1870—1871 г., т. е. годовщину заключенія франкфуртскаго мира. Императоръ Вильгельмъ II произнесъ по этому случаю замѣчательную по своему миролюбію и по своей тактичности рѣчь.

На Балканскомъ полуостровѣ прошедшая недѣля ознаменовалась посѣщеніемъ Бѣлграда княземъ Фердинандомъ Болгарскимъ, которому король Александръ и сербскій народъ сдѣлали самый сочувственный пріемъ. На встрѣчу князю явилось въ сербскую столицу болѣе 500 болгаръ, которыхъ сербы приняли тоже очень сочувственно. Каковы будутъ послѣдствія бѣлградскаго „братанія“ двухъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ — покажетъ, однако, только будущее.

ТАРАНТЕЛЛА

Разсказъ

В. М. МИХЕЕВА

Лазурноголубыя, полныя блеска и неподражаемо яркаго колорита, волны Неаполитанскаго залива начали вздыматься все выше и выше. На ихъ какъ будто неохотно, медленно, но горделиво закручивающихъ гребняхъ заиграла жемчужная разсыпающаяся пѣна. Эта пѣна, эти „зайчики“, какъ ихъ называютъ моряки, появлялись все чаще, все замѣтнѣе на необозримомъ голубомъ пространствѣ волнующагося моря, и мѣрно колеблющаяся водная пелена его начала вздыматься высокими темносиними буграми, которые медленно ползли одинъ на другой, переростали другъ друга и вдругъ, образуя между собой пропасть, низвергались въ нее, разбѣгаясь и разсыпаясь пѣной. Вѣтеръ все крѣпчалъ и крѣпчалъ, несмотря на почти безоблачное яркоголубое бархатистое небо, несмотря на жгучее, полное блеска, солнце, въ сіяніи котораго тонулъ и заливъ, и окружающія его горы. Лишь одинъ Везувій, въ отдаленіи блѣдно-лиловый, закуталъ свою вершину въ густыя бѣлыя облака. День былъ жаркій, но на морѣ, въ струяхъ все возраставшаго вѣтра чувствовалась чудная, бодрящая и все-таки полная тепла прохлада.

Небольшая парусная лодка, направлявшаяся отъ Искіи къ Сорренто, вся накренившись на бокъ, на полныхъ парусахъ мчалась все быстрѣе. Паруса надулись, напряглись, какъ распустившіяся крылья чайки, которая паритъ надъ самой поверхностью моря. Тонкія снасти трепетали и поскрипывали, и, гордо поднимая острую грудь надъ волнами, мягко врѣзываясь въ ихъ причудливо-измѣнчивые бугры, лодка летѣла къ отвѣснымъ скаламъ уже виднаго издали Сорренто. Въ ней сидѣло только двое: молодой юноша итальянецъ, лѣтъ 18, и, очевидно, иностранецъ лѣтъ подъ тридцать. Первый былъ одѣтъ въ синюю холщевую рубашку, такія же бѣлыя панталоны и грубую соломенную шляпу причудливой формы. Босой, съ обнаженными по локоть руками, съ голой грудью, видной въ разстегнутый воротъ рубашки, загорѣлый, почти бронзоваго цвѣта, стройный, гибкій и въ то же время мускулистый — истый типъ молодаго неаполитанскаго рыбака — юноша былъ замѣчательно красивъ. Недаромъ, почти не отрываясь, покоились на немъ глаза его спутника.

Дѣйствительно, темносѣрые впалые глаза иностранца, вѣроятно, туриста, все время смотрѣли на черные, какъ агатъ, блестящіе глаза юноши, на его рѣзкія, но тонко и граціозно очерченныя линіи лица. Занятый управленіемъ парусами, юноша разгорячился, глаза его съ жадностью и зоркостью птицы, сторожащей добычу, перебѣгали отъ паруса къ парусу, руки судорожно-бойко передергивали бичевку за бичевкой, чтобы подобрать или распустить, сообразно вѣтру, тотъ или другой парусъ. Видно было, что онъ, хотя уже мастеръ въ этомъ дѣлѣ, еще не обладалъ невозмутимой увѣренностью стараго моряка. Видно было, что его еще тѣшило сознаніе, что онъ ужъ такъ ловокъ и умѣлъ; видно было, что гордость наполняла его при этой мысли, и— весь напряженіе, весь возбужденіе, весь колоритъ и жизнь — онъ былъ обаятельно хорошъ на фонѣ голубого волнующагося моря подъ этими, покорными ему, парусами. Восхищенный ли созерцаніемъ своего юнаго кормчаго или упоенный тѣмъ непобѣдимымъ захватомъ, который овладѣваетъ человѣкомъ въ лодкѣ, мчащейся на полныхъ парусахъ, туристъ-иностранецъ закрылъ глаза. Его блѣдное лицо въ тѣни мягкой широкополой шляпы, обрамленное темнорусыми длинными волосами и продолговатой небольшой бородкой, казалось, отразило какую-то тайную боль. Мягкія и нѣсколько неправильныя черты слегка исказились... Юноша-итальянецъ, увидѣвъ это, обезпокоился.

— Синьоръ! Вы чувствуете себя нехорошо... Васъ закачало? заботливо спросилъ онъ на своемъ мелодическомъ языкѣ итальянца, — языкѣ, впрочемъ, испорченномъ въ его устахъ рѣзкостью и гортанной крикливостью неаполитанскаго нарѣчія.

— О, нѣтъ, Пьетро! раскрылъ глаза и встрепенулся синьоръ. — Ты знаешь, я не страдаю отъ качки... А просто слишкомъ хорошо это... вотъ такъ мчаться на парусахъ... Точно что-то къ горлу подступаетъ.

Синьоръ говорилъ также по итальянски и даже, можетъ быть, правильнѣе, чѣмъ Пьетро, но гораздо медленнѣе, гораздо менѣе увѣренно, словомъ, чувствовалось, что это не его природный языкъ... Но Пьетро уже привыкъ къ нѣсколько странному произношенію синьора иностранца. Совершенно не замѣчая теперь этого произношенія, онъ пришелъ въ восторгъ отъ того, что сказалъ ему синьоръ.

И какъ же ему было не придти въ восторгъ, ему, съ малолѣтства сроднившемуся съ этимъ чувствомъ захвата, когда лодка, подхваченная вѣтромъ, выгнувшимъ, какъ грудь лебедя, ея паруса, накренится, какъ будто приляжетъ къ волнамъ и мчится, мчится стрѣлою. — О, синьоръ! Когда хорошій вѣтеръ, это очень хорошо!.. могъ только произнести въ восхищеніи юноша и, сверкнувъ глазами, сжавъ свои тонкія губы, дрожа ноздрями орлинаго изящнаго носа, натянулъ веревку трехугольнаго паруса трепетавшаго всѣмъ своимъ холстомъ на носу лодки.

— Пьетро, скажи мнѣ, началъ медленно синьоръ, опять полузакрывая глаза. — Карме любитъ кататься на парусахъ?

Онъ кончилъ свой вопросъ со странной дрожью въ голосѣ.

— Карме!.. какъ будто даже возмутился предположенію, что она не любитъ этого катанья, Пьетро, — да она дѣлается какъ безумная въ лодкѣ, когда мчится вотъ такъ!.. Сестра больше насъ съ отцомъ любитъ море. Она сама отлично умѣетъ управлять парусомъ, только у ней, когда крѣпкій вѣтеръ, мало силы. Еслибы она была сильна, какъ мужчина, она бы, пожалуй, управляла парусами лучше, чѣмъ я!

И, точно одновременно гордясь и своей силой, и ловкостью сестры, Пьетро гордо сверкнулъ черными глазами.

— Значитъ, она все-таки одна не катается? продолжалъ спрашивать синьоръ.

— Кататься!.. вдругъ усмѣхнулся Пьетро, и какъ жемчугъ блеснули между его темноалыми губами великолѣпные бѣлые зубы. — Да кто же изъ насъ катается?.. Мы, синьоръ, слишкомъ бѣдны. Я и отецъ вѣчно заняты: то ловимъ рыбу, то чинимъ лодки, снасти, то заняты съ вами, господами форестьерами, а Карме... развѣ у нея тоже мало дѣла?.. Обшить и обмыть меня и отца... паруса шьетъ, по дому тоже... а по вечерамъ иногда тарантеллу пляшетъ, вотъ какъ вы видѣли ее...

— Но вѣдь еслибы она чаще танцовала тарантеллу... Вѣдь платятъ довольно хорошо, перебилъ синьоръ юношу-итальянца, — она бы хорошо зарабатывала...

— Чаще! опять усмѣхнулся и сверкнулъ зубами Пьетро. — Развѣ ее уговоришь... „Я, говоритъ, танцую, когда хочу. Я, говоритъ, „не могу танцовать, когда не хочу". — Еслибъ вы знали, синьоръ, какая она упрямая! закончилъ свои отзывы о сестрѣ Пьетро и, замѣтивъ, что вѣтеръ рѣзко измѣняется, весь отдался парусамъ.

И синьоръ больше его не спрашивалъ. Неподвижно сидѣлъ онъ, облокотившись на приподнятый бортъ лодки; глаза его съ юноши-итальянца перешли на горизонтъ моря.

Вѣтеръ, мѣняя направленіе, въ то же время стихалъ. Лодка шла тише, волны уже не бугрились, какъ раньше; болѣе мелкія — онѣ рябили поверхность моря, гоняясь одна за другой, и зайчики пѣны постепенно исчезали. Золотистыми блестками отражались лучи солнца въ этихъ болѣе мелкихъ волнахъ, и въ отдаленіи, казалось, море покрылось золотистой чешуей, переливавшейся то блескомъ лазури, то блескомъ золота при движеніи волнъ. Лодка двигалась все медленнѣе. Все вокругъ - горы, море — затихало. Облака постепенно разсѣялись съ вершины Везувія, и только длинная, тонкая струя дыма протянулась далеко отъ кратера. Лодка, колыхаясь, все еще сохраняя инерцію сильнаго движенія, неслась медленнѣе, но все еще довольно быстро. Едва вѣтеръ стихъ; ощущеніе жгучаго солнца заставило синьора ниже на лобъ наклобучить свою шляпу. Въ это время Пьетро, подобравъ паруса, взялся за весла, и лодка, слегка вздрагивая отъ движенія веселъ, пошла совсѣмъ медленно.

II

Подогнавъ лодку немного веслами, Пьетро положилъ ихъ на борты, и лодка, тихо колыхаясь на волнахъ, шла сама собой медленно и почти незамѣтно. Пьетро скрестилъ свои бронзовыя мускулистыя руки съ засученными рукавами и задумался.

Онъ какъ будто замечтался. Замечтался, убаюкиваемый лодкой, и иностранецъ. Ему вспоминалась Карме — эта стройная, какъ серна, смуглая, какъ цыганка, поэтически жгучая, какъ греза юга, Карме. Онъ познакомился съ нею въ отелѣ, когда, въ числѣ пяти или шести танцоровъ и танцорокъ, нанятая богатымъ австрійскимъ графомъ, она танцовала, къ общему удовольствію всѣхъ обитателей отеля, тарантеллу. Впечатлительный, какъ художникъ, онъ не могъ отдѣлаться отъ образа этой вакханически-безумно танцующей смуглой дѣвушки. Любя кататься по морю и полюбивъ одного молодого красавца-лодочника, онъ, къ великой своей радости, нашелъ въ немъ брата Карме. И съ тѣхъ поръ не могъ онъ сдѣлать ни одной прогулки по морю, чтобы не заговорить о красавицѣ-сестрѣ красавца-брата. А заговоритъ—замечтается, задумается о ней, вотъ какъ теперь. Но вдругъ задумчивость его прервалась.

— Синьоръ! назвалъ его вдругъ Пьетро: — и хорошо, что Карме такъ рѣдко танцуетъ...

И его тонко и рѣзко очерченныя брови нахмурились надъ орлинымъ носомъ.

— Отчего? удивился иностранецъ, поднявъ голову.

— Хотите, я вамъ разскажу исторію про Карме, тогда вы поймете отчего... отвѣтилъ Пьетро.

— Исторію про Карме? Разскажи, пожалуйста! встрепенулся его спутникъ.

Пьетро поудобнѣе помѣстился на своей скамьѣ, сдѣлалъ глотокъ изъ глинянаго кувшина съ прѣсной водой, стоявшаго между его босыхъ ногъ, подперъ бархатистую смуглую щеку своей совсѣмъ темной жесткой рукой и помолчалъ. Потомъ, какъ будто вдругъ рѣшившись, началъ разсказывать, полузакрывъ глаза и время отъ времени сплевывая въ воду. Иностранецъ жадно слушалъ его.

— Синьоръ, правда Карме красива, очень красива? Ей теперь 16 лѣтъ... она теперь совсѣмъ большая дѣвка... ей пора давно замужъ... А когда она была еще совсѣмъ маленькой дѣвченкой, и тогда синьоры иностранцы ею любовались. Она, бывало, цѣлые дни на берегу моря... барахтается въ водѣ въ одной рубашонкѣ, ловитъ ракушекъ. Пароходъ изъ Неаполя или съ Капри подойдетъ—сколько, бывало, синьоры иностранцы набросаютъ ей мелкихъ монетъ. Ни одинъ не пройдетъ, чтобы по головѣ не погладить. А она какъ ни въ чемъ не бывало смотритъ на нихъ своими большими глазами да и баста. Съ тѣхъ поръ ужъ она и стала такая дерзкая да упрямая... Ну, стала подростать, — расцвѣла что твоя роза... Видѣли вы ее? Развѣ есть другая такая красивая дѣвушка въ Сорренто? Да даже на Капри, въ Амальфи не найдется! съ гордостью вскинулъ на иностранца блестящіе глаза Пьетро.— Есть, пожалуй, выше, полнѣе, смазливѣе, да у кого такіе глаза, такой станъ? продолжалъ Пьетро. — Какая она гибкая, синьоръ! Она какъ лоза обвивается, когда ласкается. А какъ цѣлуетъ!.. Я ей братъ: мнѣ все равно — цѣлуетъ ли она меня или нѣтъ. Но я не ребенокъ, я понимаю, что за такіе поцѣлуи, какъ ея, половина этихъ долговязыхъ дураковъ соррентинцевъ душу дьяволу прозакладуютъ. А она иногда любитъ-таки приласкаться ко мнѣ, къ отцу... Дикарка, сердитая, рѣзкая, а иной разъ такъ прилипнетъ, что не отгонишь.

— Замужъ охота, да никто ей не приглянется! солидно рѣшилъ Пьетро, сплюнувъ самодовольно за бортъ.

— Никто? глуховатымъ голосомъ спросилъ иностранецъ.

— Никто... а только былъ одинъ случай, нахмурился Пьетро. — Съ годъ тому будетъ...

Позвали ее тогда въ эту campania, что пляшетъ тарантеллу и поетъ пѣсни для господъ иностранцевъ. Пошла — отчего не пойти... Все-таки деньги. Сшили ей роскошный корсажъ, юбку, словомъ, вырядили дѣвку. Наши парни, увидѣвъ ее разряженную, съума сошли. Ну, и иностранцы начали почаще нанимать „компанію". И еслибы Карме всегда была въ охотѣ плясать, не было бы ей отдыху и хорошія деньги зарабатывала бы. Но она лѣнивая и упрямая... Скажетъ: „не хочу", ну и ничего и не добьешься. Уйдетъ растрепанная, въ одной рубахѣ да юбкѣ, къ морю да и ловитъ съ мальчишками ракушекъ, точно маленькая дѣвченка. Отецъ, было, разъ хотѣлъ побить ее: онъ-то понимаетъ, что выгодно эту тарантеллу-то плясать... Такъ только что руку на нее занесъ, она какъ вцѣпится зубами въ его плечо... до крови прокусила. Онъ, конечно, далъ ей въ шею, но больше ужъ не трогалъ... А между тѣмъ не только наши парни, но и господа иностранцы начали за нею приволакиваться... Увидятъ въ тарантеллѣ и ходятъ по нашему переулку... А она высунется изъ окна да зубы скалитъ. Художники пробовали съ нея писать да не удавалось. Не усидитъ, соскочитъ: „скучно", говоритъ, „мнѣ сидѣть". Одинъ изъ Рима предлагалъ ей уѣхать съ нимъ, моделью сдѣлаться; большія деньги обѣщалъ. Такъ она только спросила; „а есть въ Римѣ море?" А когда онъ сказалъ, что нѣтъ, такъ она ему въ лицо расхохоталась и спину повернула... Такъ это и тянулось. Гуляла вольной птицей Карме. Только разъ пріѣхалъ иностранецъ... Остановился въ отелѣ Тромантано. Не знаю даже, кто онъ былъ— нѣмецъ или полякъ.... кажется, полякъ. Бѣлокурый, длинный, худой... Музыкантъ. Каждый вечеръ сядетъ за фортепіано, играетъ, играетъ. Превосходно игралъ. Бывало, по вечерамъ сколько народу слушать его собиралось подъ его окномъ... А онъ себѣ играетъ, играетъ, на на улицу не выглянетъ... А днемъ уходилъ въ горы одинъ одинешенекъ... Ну, вотъ и увидалъ онъ Карме въ тарантеллѣ. И онъ началъ по нашему переулку ходить... А Карме смотритъ изъ окна да зубы скалитъ. Онъ же смотритъ на нее и молчитъ. Другіе-то хоть заговаривали съ ней, а онъ все молчитъ. Только ходилъ онъ такъ, ходилъ... разъ подходитъ прямо къ окну и говоритъ Карме—дурно говорилъ по итальянски, но понять можно было: „Синьорина, я сегодня вечеромъ найму вашу компанію плясать тарантеллу; придете?" „Нѣтъ, не приду", смѣется Карме. „А я прошу. Пожалуйста, придите, потому что я сочинилъ свою тарантеллу. И самъ буду играть на фортепіано... Я хочу посмотрѣть, какъ вы будете плясать подъ мою музыку". Карме говоритъ, что ужъ больно ласково просилъ онъ да и заняло ее — подъ новую музыку плясать. Вечеромъ онъ, дѣйствительно, нанялъ кампанію плясать тарантеллу. Пришла и Карме. Вечеръ былъ, какъ теперь помню, превосходный, немножко только душный. Везувій былъ не совсѣмъ споконъ. Выдвинули на площадку фортепіано; сѣлъ за него этотъ синьоръ музыкантъ и заигралъ. Наши-то танцоры боялись, что неловко будетъ подъ его музыку плясать, непривычно... Такъ куда!.. И не замѣтили! Точно вѣкъ подъ нее плясали... — Ахъ, синьоръ, вдругъ воодушевился Пьетро, — что это была за музыка, что за тарантелла! Точно будто тотъ бѣлобрысый иностранецъ родился на нашемъ заливѣ: настоящая неаполитанская тарантелла вышла у него... А какъ онъ игралъ! Послѣ хозяинъ отеля говорилъ: „фортепіано-то совсѣмъ разбилъ". Но игралъ что твой оркестръ... Слушать народу собралось много, такъ всѣ точно обезумѣли... Я, помню, стоялъ у ограды сада, такъ у меня такъ ноги и заходили—самому плясать. А что дѣлала Карме!.. Поблѣднѣла, зубы стиснула... и то метнется какъ безумная, то начнетъ выгибаться какъ змѣя... Нѣтъ, никогда я такой пляски не видалъ! восторженно закончилъ Пьетро и, точно подавленный воспоминаніемъ, вдругъ умолкъ.

Молчалъ и иностранецъ; танцующая Карме стояла, какъ живая, въ его воображеніи.

Сокровища Императорскаго Эрмитажа. — Философъ. Картина Ф. Боля.

Гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« Дмитріевъ.

Совершеніе обряда бракосочетанія въ дворцовой церкви.

Императоръ германскій даетъ поздравительный поцѣлуй невѣстѣ.

Кобургъ. — Бракосочетаніе наслѣднаго принца Гогенлоэ-Лангенбургскаго съ принцессой Александрою Саксенъ-Кобургскою 8 (20)-го апрѣля с. г.

III

Но Пьетро нахмурился еще больше и, какъ будто рѣшившись все-таки окончить свой разсказъ, съ мрачнымъ лицомъ продолжалъ:

— Но все было хорошо, пока тарантелла продолжалась... Кончилась тарантелла — всѣ такъ и заревѣли, зарукоплескали... Музыкантъ всталъ изъ-за фортепіано, какъ теперь помню, блѣдный такой, ищетъ глазами Карме... И я ищу сестру. А она исчезла, точно провалилась. Да бѣда въ томъ, что не одна исчезла. Въ этой компаніи, что танцовала тарантеллу, былъ одинъ... шляпникъ онъ былъ по ремеслу. Шляпы дешевыя изъ соломы дѣлалъ. Вотъ такія, показалъ на свою причудливую шляпу Пьетро. — Красивый былъ малый и первый танцоръ. Только давно уже женатый. И дѣти у него были. Ну вотъ онъ и скрылся... Какъ я замѣтилъ, что сестры и его нѣтъ, меня точно что за грудь ухватило. А отецъ былъ тутъ же — на тарантелу смотрѣлъ. Я сейчасъ къ нему. „Отецъ", говорю, „Карме и Форнари скрылись". А знали мы, что Форнари давно точитъ зубы на сестру... Ужъ не первую дѣвушку онъ съ пути сбилъ въ Сорренто. Негодяй первой руки и красавецъ... Женатый! что ему? Дѣвушка погибла — а онъ только плюнетъ... Темновато было—вечеръ. А я и то замѣтилъ, какъ отецъ поблѣднѣлъ. Сейчасъ же мы, точно поняли другъ друга, искать... я въ одну сторону, онъ въ другую, по кустамъ. Куда скрыться... конечно, въ кусты: по побережью-то здѣсь все апельсинные сады. Не далеко они и спрятались-то, тутъ же около Тромонтано... Ползу я около ограды, слышу — цѣлуются; взлѣзъ на ограду, смотрю — въ сосѣднемъ садикѣ сидитъ на камнѣ подъ деревомъ Форнари-собака, а на колѣняхъ у него Карме, точно мертвая, блѣдная, не шелохнется, только во всѣ глаза смотритъ на него. А онъ обнялъ ее и цѣлуетъ въ шею, въ губы, въ грудь.

Я, какъ увидѣлъ, сейчасъ за отцомъ. Нашелъ, его близко: не успѣлъ еще отойти-то. Сейчасъ мы съ нимъ назадъ. У него былъ съ собой ножъ. Перелѣзли ограду. Вижу Форнари все цѣлуетъ, все цѣлуетъ, а Карме обняла его, точно застыла... Какъ мы прыгнемъ къ нимъ... Форнари какъ вскочитъ... Тоже ножъ выхватилъ...

Стоятъ они съ отцомъ другъ передъ другомъ съ ножами... А Карме вскочила и какъ стрѣла бѣжать... Только юбка свистнула: такъ она перемахнула ограду — низкія они у насъ.

Ну, думаю, бѣда... Рѣзня будетъ... Но, слава Богу, обошлось. „Счастье твое, Форнали, что вовремя захватилъ я васъ... Опоздай я, перерѣзалъ бы я тебѣ горло", сказалъ отецъ.

А Форнари только зубы оскалилъ, да ножъ у него въ рукахъ дрожитъ. „Не до тебя мнѣ теперь", говоритъ отецъ: „айда, Пьетро! Ищи Карме... Какъ бы худого надъ собой не сдѣлала".

Бросились мы домой. У обоихъ такъ отъ сердца и отлегло... Смотримъ: Карме дома... лежитъ на кровати и вся трясется, плачетъ... Какъ услышала, что отецъ вошелъ, вскочила, какъ безумная. Волосы растрепанные, глаза горятъ. „Отецъ", говоритъ, „бей меня, терзай меня... Околдовалъ меня синьоръ иностранецъ своей музыкой; бѣсъ въ меня вошелъ... Какъ подлая бросилась я на шею Форнари"... „Не синьоръ иностранецъ, а Форнари околдовалъ тебя, негодную!" кричитъ отецъ. „Ненавижу я Форнари!", кричитъ сестра, „а только послѣ этой тарантеллы я не могла... Позвалъ меня Форнари, обнялъ, прижалъ къ себѣ, и пошла я за нимъ, какъ овца... Бѣсъ въ меня вселился отъ музыки отъ этой... Потянуло меня цѣловаться съ Форнари, а ненавижу я его, ненавижу..." твердитъ Карме, а сама все плачетъ, сама все плачетъ. Ну, отецъ сцапалъ ее за косы, потаскалъ и отпустилъ. А она за нимъ на колѣняхъ ползаетъ, ноги его цѣлуетъ... Кое-какъ оба они успокоились. Карме всю ночь плакала, подъ утро уснула...

Спитъ она, а мы съ отцомъ видимъ раннимъ утромъ, — идетъ мимо нашего домика этотъ синьоръ иностранецъ-музыкантъ... Какъ увидалъ его отецъ, поблѣднѣлъ весь отъ злобы. Вышелъ къ нему на улицу... „Синьоръ", говоритъ, „если вы будете еще мимо моего дома ходить, я васъ убью..." А тотъ самъ такой блѣдный, точно будто тоже ночь не спалъ. „За что?" спрашиваетъ отца. „А за то, чтовы въ мою дочь вашей музыкой бѣса посадили..." „Какого бѣса?" спрашиваетъ синьоръ иностранецъ, а самъ весь дрожитъ. Отецъ вышелъ изъ себя: „А такого", кричитъ онъ, „что Карме чуть не поддалась, послѣ вашей тарантеллы, негодяю... чуть гулящей дѣвкой не сдѣлалась..." И сгоряча-то все ему разсказываетъ.

Вижу: синьоръ-иностранецъ, слушая отца, все больше дрожитъ. А потомъ какъ схватится за грудь, да бросится бѣжать отъ отца... Съ первымъ же пароходомъ въ тотъ же день изъ Сорренто уѣхалъ.

— А Форнари?.. глухо спросилъ спутникъ Пьетро.

— Онъ тоже изъ Сорренто скоро убрался. Должно быть, боялся, что отецъ или я прирѣжемъ его за сестру... Да и прирѣзали бы, попадись онъ на глаза. Да онъ, по добру, по здорову, съ семьей переселился въ Амальфи, благо тамъ женщины красивы...

И Пьетро презрительно сплюнулъ за бортъ.

— А Карме... какъ себя послѣ этого всего чувствовала? спросилъ иностранецъ.

— Долго изъ дому никуда не выходила. Похудѣла, поблѣднѣла... Работала съ утра до ночи.., Кроткая стала... О тарантеллѣ и слышать не могла. Ну, а потомъ обошлось, позабыла: стала изрѣдка танцовать... Теперь, небось, совсѣмъ забыла... Только тарантеллу все-таки рѣдко пляшетъ... Да и хорошо, что рѣдко...

— Что же ты думаешь объ этомъ случаѣ, Пьетро?

— А кто его знаетъ... Думаю, что этотъ синьоръ музыкантъ и вправду бѣса наслалъ на сестру своей музыкой въ отместку за то, что она не полюбила, сентенціонно заключилъ Пьетро.

— И, она до сихъ поръ никого не любитъ? задумчиво спросилъ иностранецъ.

— Никого, тряхнулъ головой Пьетро,—а охота ей полюбить... Такъ иногда ласкается!.. Видно, что дѣвкѣ смертельно охота полюбить...

И, сказавъ это, Пьетро снова принялся за весла. Сильными взмахами, порывисто погналъ онъ лодку къ Сорренто.

Со своими садами, виноградниками, виллами на высотѣ своего скалистаго отвѣснаго берега, все купаясь въ лучахъ солнца, оно царило надъ лазурнозеленой гладью моря, плещущейся въ его подножіе.

Иностранецъ смотрѣлъ на этотъ волшебный пріютъ загадочной, до сихъ поръ еще не любившей, но такъ легко поддававшейся бѣсу музыки красавицы Карме и думалъ: „Гдѣ-то тотъ бѣсъ, который окончательно погубитъ Карме?"

В. Михеев

МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ

Очерки и наброски

Чистое небо. Солнце цѣлые дни щедро заливаетъ своими лучами подчистившіяся улицы и бульвары, отражаясь ослѣпительнымъ блескомъ въ стеклахъ оконъ и золотыхъ куполахъ церквей. Въ тепломъ, прозрачномъ воздухѣ и длинные ряды разноцвѣтныхъ домовъ, и деревья, и люди, все смотритъ какъ-то нарячнѣе и свѣжѣе. На фонѣ голубого неба особенно величественно и отчетливо вырисовывается красавецъ-кремль съ стройными зубчатыми башнями. Всюду масса движенія, оживленныя лица толпы, шумъ, грохотъ экипажей. Вотъ вамъ теперешняя картина Москвы.

Съ высоты Воробьевыхъ горъ, въ лунную ночь, можно теперь увидѣть такую Москву, о которой мало кто имѣетъ представленіе.

Но „не обольщайтесь обаяніемъ ея волшебной красоты, мы платимъ за нее страданьемъ!"... Не вѣрьте этому предательскому солнцу. Весна съ нѣкоторыхъ поръ неразрывно связана у насъ съ инфлюэнцой. О, это ужасное итальянское словечко! Переживаемыя нами двѣ недѣли по общественному календарю смѣло могли бы быть названы недѣлями о докторахъ и аптекахъ. А только тотъ, кто знаетъ, что такое московская медицина, пойметъ весь ужасъ для москвича отъ такихъ недѣль.

Болѣть въ Москвѣ, — такую роскошь можетъ позволить себѣ только очень богатый человѣкъ. Залучить къ себѣ на домъ хорошаго врача — дѣло великой трудности. Хорошимъ врачемъ въ Москвѣ называется такой, у котораго установлена такса не менѣе 25 руб. на дому и 50 руб. за визитъ къ больному. Среднимъ называется берущій у себя 10 руб. Сквернымъ — всѣ однодвухъ, трехрублевые и т. д. Качества врачей первыхъ двухъ категорій могутъ еще быть спорными, зато ужъ послѣдніе безспорно скверны. Посудите сами: какимъ же врачемъ можетъ быть человѣкъ, который настолько простъ, что не можетъ догадаться, что стоитъ ему назначить таксу въ 25 руб., чтобы разомъ перейти въ категорію хорошихъ!

Тѣмъ не менѣе, избави насъ Боже отъ всѣхъ этихъ категорій. Есть мудрое изрѣченіе Дидро: „le meilleur médicin est celui après le quel on court et qu'on ne trouve point". Въ особенности это вѣрно при инфлюэнцѣ, о которой одна изъ нашихъ знаменитостей на вопросъ: „что же собственно называется инфлюэнца?" — отвѣтила:

— Такъ называется все то, чего мы не понимаемъ.

Но не однѣ только непріятныя явленія даритъ намъ это время года. Весна, когда всѣ дѣлаются добрѣе и искреннѣе, самое подходящее время для проповѣди о братствѣ и единеніи. Такая проповѣдь и раздавалась все это время у насъ по поводу проекта основанія въ Москвѣ литературно-артистическаго клуба.

Между тѣмъ литературный клубъ, это—давнишняя мечта нашей прессы; вѣдь люди охотнѣе всего мечтаютъ о томъ, что почти невозможно. Дѣлалось уже много попытокъ, но все безуспѣшно. Наконецъ, нынѣшнею весною дѣло разомъ приняло острый оборотъ. Составился кружокъ изъ наиболѣе горячихъ поборниковъ идеи единенія и сталъ дѣйствовать во всю. Цѣлый рядъ краснорѣчивыхъ статей, призывавшихъ литераторовъ и артистовъ къ единенію, доказывалъ какія неисчислимыя выгоды произойдутъ отсюда и приглашалъ всѣхъ сочувствующихъ новому клубу доставлять свои подписи. Москва всегда относится съ большимъ интересомъ ко всему, что касается ея литературнаго и артистическаго міра. Неудивительно, что статьи эти взволновали все общество и заставили о себѣ много говорить. Необходимыя средства были найдены; ихъ жертвовало одно очень богатое и причастное къ литературѣ лицо и, такимъ образомъ, клубъ получалъ возможность сразу стать на широкую ногу.

Закончивъ разговоры, инициаторы начали дѣйствовать. Начали они съ того, что вычеркнули изъ состава учредительскаго собранія нѣсколько человѣкъ, изъявившихъ согласіе, забаллотировали нѣкоторыхъ издателей газетъ и т. д. все въ томъ же духѣ единенія. Такая объединительная дѣятельность вызвала не мало нареканій, отказовъ участвовать въ будущемъ клубѣ и проч. Появились статьи, враждебныя идеѣ единенія, людей, только и ждавшихъ случая, чтобы прицѣпиться къ инициаторамъ—и пошла писать губернія...

Однако уставъ уже выработанъ и на дняхъ отосланъ, какъ говорятъ, на утвержденіе. Безспорно, что клубъ литераторовъ и артистовъ съ проектированной въ уставѣ своею сценой, вечерами и проч. очень желательная у насъ вещь. Вечера такого клуба, конечно, имѣютъ всѣ данныя стать самыми интересными въ Москвѣ и привлечь все наше лучшее общество, но...

Мы по зарѣ угадывать привыкли,
Что можно намъ на утро ожидать.

Заря же, къ сожалѣнію, какъ видите, такого свойства, что не обѣщаетъ хорошаго утра.

Дѣйствуетъ, очевидно, весна и на нашихъ дамъ. У нихъ есть общество и тайныя собранія по четвергамъ. „Секретнѣйшій союзъ!" У одной изъ представительницъ нашего торгово-промышленнаго міра былъ организованъ рядъ собраній для обсужденія вопроса объ основаніи... какъ бы вы думали, чего? дамскаго клуба. Если бъ въ іюлѣ пошелъ снѣгъ и замерзла Москва-рѣка, кажется, всѣ были бы менѣе удивлены, нежели этой дамской затѣѣ. Чего угодно можно было ожидать отъ нашихъ дамъ, но только не этого. Но какова выдержка: всѣ эти собранія хранились въ глубокой тайнѣ, мужья даже ничего не подозрѣвали и только, когда уже дѣло сдѣлано, объявили о немъ гласно. Говорите, послѣ этого, что женщины не умѣютъ хранить тайны!

Дамскій клубъ будетъ имѣть билліардъ, карточную игру (о которой долго спорили, но мнѣніе защитниковъ ея восторжествовало), будутъ даваться вечера, устраиваться конференціи для обсужденія различныхъ вопросовъ, лекціи и проч. Будутъ даже меблированныя комнаты для пріѣзжающихъ одинокихъ дамъ. Мужчинъ рѣшено допускать въ клубъ только разъ въ недѣлю.

Что выйдетъ изъ этой дамской затѣи—трудно сказать. Но сколько терній встрѣтитъ это дѣло на своемъ пути! Кому быть старшинами? Кому предсѣдательствовать въ собраніяхъ? Сколько уязвленныхъ мелочныхъ самолюбій, раздоровъ, пререканій! Для устраненія всего этого, говорятъ, вводится параграфъ, что предсѣдательствовать должна старѣйшая изъ находящихся въ собраніи дамъ. Вотъ лучшій способъ, чтобы ни одно изъ нихъ не состоялось. А эти конференціи для обсужденія „серьезныхъ" вопросовъ? Не рисуется ли вамъ такая картина: собраніе, на обсужденіе поставленъ головоломнѣйшій вопросъ, гремятъ витіи, все вниманіе—прелестныя слушательницы. Вдругъ входитъ дама въ невиданномъ еще нарядѣ, въ оригинальной шляпкѣ. Всѣ взоры моментально устремляются на нее и куда дѣвался „серьезный вопросъ", куда дѣвалась

логическая нить ораторовъ, все сшиблено, повержено, разбито, „погребено и не воскреснетъ вновь“...

Злоба дня теперь у насъ — постановка „Ганнеле“. Ни одна еще пьеса, кажется, не производила въ Москвѣ такого шума. Успѣхъ ея колоссальный. Тогда какъ всѣ театры, какъ всегда весною, пустуютъ, Солодовниковскій, гдѣ ежедневно даютъ „Ганнеле“, постоянно переполненъ публикой. И общество, и пресса раздѣлились на два лагеря: ганнелистовъ и антиганнелистовъ. Спорятъ до хрипоты, до слезъ, до изнеможенія. Даже въ пригласительныхъ билетахъ на свѣтскіе вечера начинаютъ дѣлать приписки: „On prie de ne pas s'entretenir de Hannele“.

Я не стану говорить о художественныхъ достоинствахъ пьесы, символическая ли она, мистическая, или реалистическая. Въ свое время въ Петербургѣ наговорились объ этомъ достаточно.

Враги „Ганнеле“ говорятъ, что это тяжелая пьеса, что она разсчитана на то, чтобы вымотать нервы у зрителя, что дѣлаются обмороки въ публикѣ. И это невѣрно. Она въ этомъ отношеніи лучше многихъ нашихъ пьесъ, дающихъ просторъ натуралистическимъ наклонностямъ артистовъ. Всѣмъ памятно, какъ въ одной изъ пьесъ несравненная г-жа Ермолова полчаса умирала на сценѣ съ самыми реальными подробностями. Вотъ что можетъ, дѣйствительно, вымотать нервы и, главное, безцѣльно, потому что какъ ни старайся, никогда не дать понятія о настоящей смерти и, по остроумному замѣчанію поэта,—

Le mal est bien divers
De mourir en effet ou de mourir en vers...

Въ „Ганнеле“ нѣтъ мѣста ничему подобному. Реальная сторона смерти здѣсь совсѣмъ скрыта отъ зрителя и все дѣло лишь въ видѣніяхъ, которыя грезятся дѣвочкѣ. А слезы, навертывающіяся при этомъ вамъ на глаза, не тѣ, отъ которыхъ падаютъ въ обморокъ. Онѣ граничатъ съ блаженствомъ, ибо вы начинаете ощущать въ себѣ Бога и душа наполняется самой чистой поэзіей.

Постановка пьесы недурная, но въ Москвѣ все должны пересолить. Ангелъ смерти, напримѣръ, не ангелъ, а черная туча изъ марли, которую заключенный внутри актеръ изо всѣхъ силъ крутитъ на манеръ вихря вокругъ ложащей дѣвочки. Вообще, много вычурности. Для чего понадобилось замѣнить петербургскій переводъ пьесы другимъ, много худшимъ, — также непонятно.

Г-жа Озерова, про которую въ Петербургѣ разсказывали чудеса, не имѣла у насъ особеннаго успѣха. Исполненіе ея оказалось здѣсь не болѣе, какъ приличнымъ.

Московскій зритель

ВЪ МІРѢ ЗНАНІЙ

Хроника наукъ, промышленности и проч.

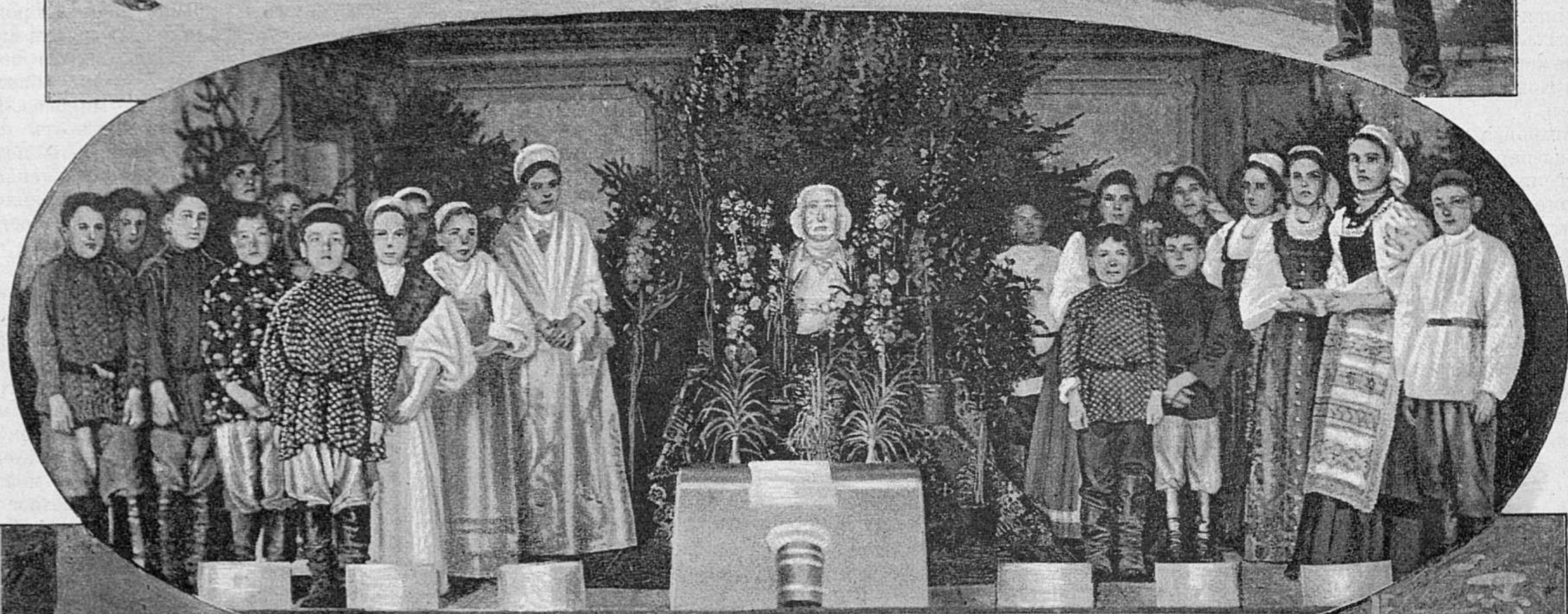
Какъ насѣкомое распознаетъ цвѣтокъ? — Соріа, изобрѣтатель спичекъ. — Вода индійскихъ рѣкъ, убивающая холерные микробы.

„Цвѣты и бабочки!“ Сколько въ этихъ словахъ поэзіи для безхозяйнаго смертнаго и сколько горя и заботы для земледѣльца! Цвѣтокъ привлекаетъ насѣкомое своимъ нектоpомъ, сахаристымъ веществомъ, которое выдѣляется у основанія тычинокъ, на днѣ цвѣтка. Посѣщеніе цвѣтка насѣкомымъ—очень важный актъ въ жизни растенія; гость снимаетъ съ одного цвѣтка цвѣточную пыльцу и переноситъ ее на другой цвѣтокъ; такимъ образомъ, происходитъ оплодотвореніе растеній, часто невозможное инымъ путемъ; не будь насѣкомыхъ—иныя растенія перестали бы плодиться и погибли. Что собственно привлекаетъ насѣкомое? Наружный ли видъ цвѣтка, т. е. его блестящіе, ярко окрашенные лепестки, или врожденный инстинктъ прямо ведетъ насѣкомое къ источнику пищи, причемъ, быть можетъ, оно руководится чѣмъ нибудь неосязаемымъ для нашихъ чувствъ, напримѣръ, ароматомъ? Покойный французскій ботаникъ Вескъ называлъ цвѣты органами рекламы, которая привлекаетъ къ растенію публику, т. е. насѣкомыхъ. Недавно бельгійскій натуралистъ Феликсъ Плато произвелъ рядъ опытовъ, съ цѣлью распознать, что именно привлекаетъ насѣкомыхъ къ цвѣтку. Онъ выбралъ нѣсколько кустовъ георгинъ, простыхъ, не махровыхъ, у которыхъ центральная часть цвѣтка желтоватаго цвѣта, наружныя части красныя или розовыя. Георгины были посажены около виноградныхъ кустовъ и ихъ цвѣты рѣзко выдѣлялись на зеленомъ фонѣ виноградной листвы. Рядомъ съ настоящими были поставлены искуственные цвѣты; эти цвѣты изготовлялись изъ бумаги яркихъ цвѣтовъ. Въ серединѣ бумажнаго кружка вырѣзали отверстіе и насаживали эту бумажку булавками на цвѣтокъ георгина, такъ чтобы изъ-за бумажки выставлялась наружу средняя часть цвѣтка, т. е. та, которая составляетъ предметъ желаній насѣкомаго. Цвѣтокъ оставался, значитъ, въ центрѣ натуральнымъ, а снаружи, вмѣсто своихъ, снабжался бумажными вѣнчиками. Послѣ того оставалось только сѣсть около георгинъ и считать, сколько, и какихъ именно, насѣкомыхъ будетъ садиться на натуральные и на маскированные цвѣты. Наблюденіе показало, что всякаго рода насѣкомыя—жуки, бабочки и др., одинаково охотно садились на бумажные и на натуральные цвѣты. Возникъ вопросъ—не привлекаетъ ли ихъ собственно центральная, желтая часть цвѣтка, которая оставалась открытою и въ маскированныхъ цвѣтахъ? Для провѣрки этого сомнѣнія центральная часть цвѣтка прикрывалась снаружи бумажкою, но такъ что къ ней оставался доступъ изъ подъ этой покрышки. Но и такая постановка опыта не дала никакихъ рѣшительныхъ результатовъ; насѣкомыя продолжали посѣщать всѣ цвѣты безъ различія. Плато всячески видоизмѣнялъ условія опыта, стараясь, елико возможно, устранить изъ глазъ насѣкомыхъ самый цвѣтокъ, т. е. его форму, окраску, и убѣдился, что насѣкомыя при посѣщеніи цвѣтка руководятся отнюдь не его наружностью, другими словами, не зрѣніемъ, а какимъ то другимъ чувствомъ или инстинктомъ. Насѣкомыя легко распознавали цвѣтокъ и добирались до него даже тогда, когда, вмѣсто цвѣтныхъ бумажекъ, цвѣтокъ прикрывался листомъ того же георгина, такъ что, казалось бы, совсѣмъ становилось невозможнымъ различить, что тутъ скрывается цвѣтокъ. Курьезно было видѣть, какъ насѣкомое ходитъ, кружится около спрятаннаго цвѣтка, какъ гончая собака по слѣду зайца, наконецъ, очевидно, распознаетъ, гдѣ скрытъ цвѣтокъ, и начинаетъ пробираться подъ скрывающій его листъ. Эти опыты и наблюденія убѣдили Плато воочію, что насѣкомыя распознаютъ цвѣтокъ никакъ не по наружному его виду, а, по всей вѣроятности, по тонкому аромату, почти недоступному для человѣческаго обонянія, который выдѣляютъ нектароносные органы. Теперь остается только провѣрить эти выводы надъ другими цвѣтами и другими насѣкомыми.

Въ послѣдніе годы поднялся интересный вопросъ о томъ, кого надо считать изобрѣтателемъ зажигательныхъ спичекъ? Чуть не у всѣхъ европейскихъ народовъ оказались свои отцы этой промышленности, такъ колоссально развившейся въ наше время. Нѣмцы приписываютъ изобрѣтеніе спичекъ вюртембергскому уроженцу Фридриху Каммереру, австрійцы выставляютъ двухъ претендентовъ на эту честь — Ремера и Прешеля; венгерцы — своихъ компатріотовъ — Иронья и Мольденгауера, англичане — Уатта и Исаака Хольдена; и у насъ въ Россіи есть свой претендентъ — Иванъ Верстаковъ, о которомъ, кстати сказать, очень желательно бы собрать свѣдѣнія. Само собою разумѣется, что и французы не отстаютъ отъ другихъ народовъ; по ихъ завѣреніямъ, нынѣшнія химическія спички были изобрѣтены Шарлемъ Соріа. Онъ родился въ Полиньи, въ 1812 году, учился медицинѣ въ Безансонѣ, и долго исправлялъ скромную должность сельскаго врача въ департаментѣ Юры. Въ 1827 г. ему случилось быть въ Ліонѣ и здѣсь онъ въ первый разъ увидалъ водородное огниво, только что передъ тѣмъ изобрѣтенное Гей-Люссакомъ. Съ тѣхъ поръ мысль объ изобрѣтеніи зажигательнаго снаряда не покидала его. Онъ старался придумать такой составъ, который бы, по желанію, легко воспламенялся. Въ 1830 г. его профессоръ химіи, Николе, дѣлалъ въ его присутствіи очень извѣстный опытъ, состоящій въ томъ, что если смѣшать растертую въ порошокъ бертолетову соль съ порошкомъ сѣры, то эта смѣсь легко взрывается при ударѣ или растираніи въ ступкѣ. Тутъ ему и пришло въ голову, что еслибы къ этой смѣси прибавить фосфору, то получилась бы самовоспламеняющаяся при треніи масса. Но онъ былъ очень стѣсненъ въ средствахъ, не на что было производить необходимые опыты. Кое-какъ ему удалось добыть немножко сѣры и бертолетовой соли, но у него не было фосфора. Въ то время онъ еще учился въ школѣ. Ему нельзя было даже выйти изъ пансіона, надо было дожидаться праздничнаго дня, чтобы отпроситься въ отпускъ. Наконецъ, ему удалось побывать у москательщика и купить немножко фосфора. Долго онъ, очень неопытный химикъ, возился съ своими снадобьями, пережегъ себѣ пальцы фосфоромъ, чуть не надѣлалъ пожара, но все же сдѣлалъ спичечное тѣсто и покрылъ ими лучинки. Къ сожалѣнію, спички его не всегда загорались при треніи, хотя иной разъ зато загорались слишкомъ ужъ бурно и жгли ему руки. И вотъ, однажды, онъ напиталъ расплавленною сѣрою концы своихъ лучинокъ, обвалялъ сѣрные концы въ мелкомъ порошкѣ бертолетовой соли и... чиркнулъ этой сѣрянкой по стѣнѣ, на которой оставались слѣды фосфора отъ его прежнихъ опытовъ. И спичка немедленно загоралась! Такимъ образомъ, секретъ современной шведской спички былъ найденъ. Въ то время еще не былъ извѣстенъ красный фосфоръ, который идетъ нынче на выдѣлку спичекъ, и юному изобрѣтателю приходилось имѣть дѣло съ обыкновеннымъ, страшно горючимъ и вообще опаснымъ фосфоромъ. Онъ дѣятельно продолжалъ свои опыты. Въ январѣ 1831 года ему удалось составить спичечное тѣсто изъ бертолетовой соли, сѣры и фосфора на растворѣ аравійской камеди. Долго эти спички служили простымъ предметомъ забавы для его товарищей, учениковъ аркской коллегіи. Соріа тщетно старался заинтересовать своимъ открытіемъ капиталистовъ, никто изъ нихъ не поддался на новую затѣю. А между тѣмъ, пока онъ бился, стараясь найти 1.500 франковъ, нужныхъ на взятіе патента, его изобрѣтеніе разошлось въ публикѣ, и начиная съ 1833 года, уже открылась заводская выдѣлка спичекъ по его рецепту въ Германіи; сюда рецептъ Соріа былъ, вѣроятно, занесенъ профессоромъ Николе, который какъ разъ въ эти годы посѣщалъ германскіе заводы. Если все это вѣрно, то надо признать, что нынѣшнія химическія зажигательныя спички изобрѣтены въ январѣ 1831 года ученикомъ аркской коллегіи Шарлемъ Соріа, уроженцемъ Полиньи, во Франціи.

Въ „Лѣтописяхъ пастеровскаго института“ не такъ давно напечатано было очень важное сообщеніе врача Хавкина, уже нѣсколько лѣтъ работающаго надъ изученіемъ холеры на мѣстѣ ея родины, въ ея колыбели, странѣ, прилегающей къ нижнему теченію Ганга. Онъ открылъ, что вода рѣкъ той мѣстности, Ганга и Джумны, обладаетъ свойствомъ убивать холернаго микроба. Такое благодѣтельное свойство зависитъ отъ присутствія въ водѣ тѣхъ рѣкъ какихъ-то летучихъ кислотныхъ веществъ. Этимъ и объясняется, почему въ Индіи холера не распространяется вдоль по теченію Ганга, а приходитъ всегда изъ ея гнѣзда, Бенгаліи, путемъ переноса заразы людьми. Трупы умершихъ отъ холеры часто прямо бросаются въ воду, и населеніе пьетъ эту воду безъ всякихъ предосторожностей и безъ всякихъ опасныхъ послѣдствій. Какъ извѣстно, индѣйскіе врачи, именно на этомъ основаніи, всегда противились теоріи распространенія холеры воднымъ путемъ. Холерный микробъ прекрасно размножается въ водѣ колодцевъ той мѣстности, но рѣки сами себя очищаютъ отъ него. Джумна протекаетъ, между прочимъ, через большой городъ Агру. Населеніе города, доходящее до 160 тысячъ человѣкъ, всѣ свои отбросы спускаетъ въ эту рѣку. Выше города въ водѣ рѣки можно насчитать отъ 700 до 750 микробовъ въ каждомъ кубическомъ сантиметрѣ; противъ города это число поднимается до 16—20 тысячъ, въ 3—4 верстахъ отъ города оно вновь падаетъ до 6—7 тысячъ, еще черезъ 2—3 версты — до 500—600, а за сто верстъ ниже города доходитъ до сравнительно ничтожныхъ цифръ — 125—130 микробовъ на кубическій сантиметръ. Хавкинъ бралъ для изслѣдованія воду выше, противъ и ниже города и она всегда оказывалась одинаково убійственною для холернаго микроба, который неизмѣнно погибалъ въ ней; такое же свойство проявляла вода рѣкъ, взятая даже непосредственно около труповъ холерныхъ, брошенныхъ въ рѣку. Замѣчательно, что та же рѣчная вода, убійственная для холернаго микроба въ сыромъ видѣ, оказывалась благопріятною для него послѣ кипяченія. При одномъ опытѣ сырая вода содержала 1.200 бактерій на 1 кубическій сантиметръ; черезъ часъ ихъ оказалось уже только 200 штукъ, а черезъ два часа — ни одной живой холерной запятой уже не было въ водѣ — всѣ погибли; тутъ же, рядомъ, бралась та же вода, но прокипяченая; первоначально въ нее впускались живыя холерныя запятыя, въ такомъ же количествѣ, т. е. около 1.200 штукъ на кубическій сантиметръ. Сначала число ихъ быстро уменьшалось и доходило черезъ 3—4 часа до 200, но потомъ быстро возрастало и черезъ 2 дня поднималось до 25 тысячъ; въ сырой же водѣ за это время не появлялось ни единой живой бактеріи. Поэтому-то г. Хавкинъ и думаетъ, что вещество, содержащееся въ водѣ индѣйскихъ рѣкъ, убивающее микробовъ холеры, должно быть летучее, ибо кипяченіе удаляетъ его изъ воды.

Фасадъ перваго народнаго театра и труппа изъ крестьянъ с. Рождествено.
Чествованіе памяти А. Н. Сѣрова въ день юбилейнаго спектакля въ с. Рождественѣ.
Крестьянская труппа въ юбилейномъ спектаклѣ. Сцена изъ »Вражьей силы«.

Село Рождествено, близь ст. Сиверской, варшавской жел. дор. — Юбилейный спектакль въ память А. Н. Сѣрова, въ народномъ театрѣ, 31-го марта с. г.

Съ фотографій Г. В. Каррика. Автотипіи Эд. Гоппе.

Д. П. Григорьевъ †

Мѣсяца два тому назадъ скончался одинъ изъ заслуженныхъ и образованнѣйшихъ военныхъ дѣятелей нашихъ, членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, числившійся по полевой пѣшей артиллеріи, генералъ-лейтенантъ Дмитрій Петровичъ Григорьевъ. Это былъ человѣкъ просвѣщенный, неподкупной честности и замѣчательной энергіи, располагавшій къ себѣ каждаго своимъ необыкновенно симпатичнымъ характеромъ, скромностью, доброжелательностью и высокой гуманностью. Это былъ воинъ, выказавшій большія знанія, храбрость и энергію и въ боевыхъ дѣлахъ, и въ мирное время, обнаружившій прекрасныя административныя способности. Любовь къ наукѣ составляла также одну изъ его привлекательныхъ чертъ. Д. П. Григорьевъ очень дѣятельно занимался астрономіей, философскими науками и богословіемъ и былъ далеко не чуждъ литературѣ, чутко отзываясь на многіе изъ современныхъ вопросовъ. Ему, между прочимъ, принадлежатъ довольно цѣнныя сочиненія: „Сущность христіанскаго ученія" (перевед. на англійскій языкъ), „Вопросы христіанской жизни" — по поводу сочиненія гр. Л. Н. Толстаго „Въ чемъ моя вѣра", „Чрезвычайныя дѣйствія св. Духа въ церкви", „Смыслъ жизни въ твореніи" и друг. Послѣ него осталась очень богатая библіотека, преимущественно богословскихъ сочиненій.

Д. П. ГРИГОРЬЕВЪ,
генералъ-лейтенантъ, писатель, † 21-го февраля с. г.

Съ фотографіи Г. Деньера. Гравировалъ Б. А. Пупъ.

Происходя изъ дворянъ смоленской губерніи, старшій сынъ Петра Александровича Григорьева, совершившаго походъ въ Парижъ послѣ войны 1812 года, Дмитрій Петровичъ Григорьевъ родился въ с. Пескахъ, смоленской губ., въ 1827 году и образованіе получилъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, откуда, по окончаніи курса, былъ произведенъ въ 1846 году въ прапорщики полевой пѣшей артиллеріи съ оставленіемъ при томъ же училищѣ для прохожденія курса высшихъ наукъ въ офицерскихъ классахъ. Произведенный въ 1848 году въ поручики, онъ былъ назначенъ на службу въ батарейную № 3-й батарею 17-й артиллерійской бригады. Въ 1853 году, въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ былъ назначенъ временнокомандующимъ легкою № 7 батареей той же бригады. Въ маѣ 1854 года эта батарея вошла въ составъ главнаго Александропольскаго отряда, предназначавшагося для вторженія въ Азіатскую Турцію. Командуя ею, Д. П. Григорьевъ принялъ участіе въ пораженіи 24-го іюля 60-титысячной турецкой арміи подъ Кюрюкъ-Дарой и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Во время этого дѣла онъ былъ раненъ въ правую руку пулею на вылетъ, причемъ, однако, остался въ строю. По возвращеніи на зимнія квартиры, онъ вернулся въ свою батарею, переименованную въ батарейную № 5, и съ ней участвовалъ, въ 1855 году, въ военныхъ дѣйствіяхъ при обложеніи и штурмѣ Карса 17-го сентября. Дальнѣйшая боевая служба и дѣятельность на Кавказѣ Д. П. Григорьева протекла на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, куда перешла его батарея. Онъ участвовалъ въ покореніи Малой Чечни осенью 1857 года и въ дѣйствіяхъ въ Черныхъ горахъ весною 1858 года, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Евдокимова. Въ 1860 году капитанъ Григорьевъ былъ назначенъ командиромъ батарейной № 2 батареи 16-й артиллерійской бригады. По расформированіи этой батареи онъ принялъ 1-ю батарейную батарею 35-й артиллерійской бригады и послѣ семилѣтняго командованія упомянутыми батареями перешелъ къ военно-административной службѣ, получивъ въ 1867 году назначеніе правителя дѣлъ управленія начальника артиллеріи московскаго военнаго округа, а въ 1871 году начальника отдѣленія главнаго артиллерійскаго управленія. Со сформированіемъ въ 1876 году дѣйствующей арміи, Д. П. Григорьевъ былъ назначенъ на должность генералъ-маіора для порученій при полевомъ артиллерійскомъ управленіи, весною же 1877 года командующимъ 12-ю артиллерійской бригадой. Вмѣстѣ съ прочими войсками 12-го армейскаго корпуса командуемая имъ бригада, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, вошла въ составъ рущукскаго отряда, находившагося подъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, въ Бозѣ почившаго Государя Императора. Подъ командой Д. П. Григорьева бригада участвовала въ дѣлахъ у д. Пиргосъ, у Іованъ-Чифтликъ и Кадыкіоя, въ сраженіяхъ у сс. Трестеникъ и Мечки и въ преслѣдованіи турецкой арміи отъ рѣки Кара-Лома къ крѣпости Шумлѣ. Въ исходѣ 1878 года генералъ Григорьевъ былъ назначенъ помощникомъ начальника артиллеріи дѣйствующей арміи, и, по расформированіи этой послѣдней — завѣдывающимъ артиллерійскимъ отдѣломъ временной коммиссіи для окончанія дѣлъ и счетовъ бывшей дѣйствующей арміи. Въ 1880 году состоялось его назначеніе на должность помощника начальника артиллеріи варшавскаго военнаго округа, съ которой онъ былъ назначенъ въ 1883 году помощникомъ начальника главнаго артиллерійскаго управленія. Произведенный за отличіе по службѣ въ 1886 году въ генералъ-лейтенанты, онъ оставался на сей послѣдней должности до 1892 года, когда состоялось назначеніе его членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ. Д. П. Григорьевъ имѣлъ много орденовъ и другихъ наградъ за свои боевыя отличія и заслуги въ мирное время. Послѣдней наградой генерала Д. П. Григорьева былъ орденъ св. Александра Невскаго, Всемилостивѣйше пожалованный въ 1894 году. 25-го ноября 1895 г. онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ конференціи Михайловской артиллерійской академіи, въ день празднованія юбилея этого заведенія. Генералъ-лейтенантъ Григорьевъ числился съ 1880 года въ спискахъ 6-й батареи 12-й артиллерійской бригады, которою командовалъ въ военное время. Въ разработкѣ вопросовъ, касавшихся организаціи и снабженія нашей артиллеріи, Д. П. Григорьевъ принималъ неоднократно самое дѣятельное участіе. Въ частной жизни генералъ Григорьевъ дѣлалъ много добрыхъ дѣлъ, помогалъ неимущимъ крестьянамъ, былъ вообще другомъ бѣдныхъ, истиннымъ радѣтелемъ просвѣщенія и вѣрнымъ сыномъ церкви Христовой, ея усерднымъ ревнителемъ.

Г. А. КОЛПАКОВСКІЙ,
генералъ-отъ-инфантеріи, членъ военнаго совѣта, † 23-го апрѣля с. г.

Съ фотографіи М. Буланже. Рисовалъ П. Ѳ. Борель.

Г. А. Колпаковскій †

Наша храбрая армія потеряла одного изъ видныхъ своихъ представителей. 23-го апрѣля скончался въ Петербургѣ генералъ-отъ-инфантеріи, членъ военнаго совѣта Герасимъ Алексѣевичъ Колпаковскій, хорошо извѣстный своими боевыми и административными заслугами. Его имя, какъ побѣдителя кокандцевъ подъ Пишпекомъ, завоевателя Кульджинскаго ханства и устроителя Заилійскаго края, займетъ почетное мѣсто въ русской исторіи. Ровно пять лѣтъ тому назадъ, въ апрѣлѣ 1891 года, этотъ храбрый воинъ и замѣчательный организаторъ праздновалъ пятидесятилѣтіе своей службы и тогда же, по этому случаю, во „Всемірной Иллюстраціи" (№ 1158, стр. 227) былъ помѣщенъ обстоятельный очеркъ дѣятельности генерала Колпаковскаго. Вотъ почему мы и ограничимся здѣсь главными біографическими данными.

Герасимъ Алексѣевичъ Колпаковскій родился 4-го марта 1819 года въ Харьковѣ, гдѣ и получилъ воспитаніе въ одномъ изъ частныхъ учебныхъ заведеній. Въ 1835 г. онъ началъ службу на Кавказѣ рядовымъ модлинскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ участвовалъ во многихъ стычкахъ съ горцами и шесть лѣтъ прослужилъ онъ въ нижнихъ чинахъ. Съ 1852 года по 1889 годъ дѣятельность его сосредоточивалась въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Въ 1858 году онъ былъ назначенъ начальникомъ Алашавскаго округа и киргизовъ Большой орды, поселился въ Вѣрномъ (Алматахъ) и съ этого времени занялся устройствомъ Заилійскаго края. Вѣрный, тогда небольшой городокъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ домовъ съ немногочисленнымъ населеніемъ, сталъ быстро заселяться и украшаться. Кокандцы, видя усиленіе русскихъ, задумали разорить Вѣрный и истребить его населеніе. Въ 1860 году, въ долинѣ, близъ урочища Узунъ-Агачъ собралось до 20 тысячъ кокандцевъ. Г. А. Колпаковскій узналъ объ ихъ коварномъ замыслѣ. Собравъ казаковъ, горожанъ, стариковъ и даже женщинъ, способныхъ владѣть оружіемъ, онъ быстро со всѣми наличными силами, двинулся къ урочищу и занялъ высоты. Пушечные выстрѣлы разсѣяли скопище кокандцевъ которое и бѣжало безъ оглядки. Это была первая наша побѣда въ Средней Азіи, и честь ея всецѣло принадлежитъ Колпаковскому. Кокандцы успокоились, но не надолго. Они почти постоянно безпокоили русскихъ частыми нападеніями. Пришлось обуздать ихъ своеволіе. Наши войска, подъ предводительствомъ Г. А. Колпаковскаго, подошли къ Пишпеку, разбили на голову кокандцевъ и овладѣли крѣпостью. Эта побѣда была въ 1862 г., за нее Г. А. Колпаковскій былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Съ 1865 по 1882 г. онъ занималъ должности сперва военнаго губернатора и командующаго войсками Семипалатинской, затѣмъ Семирѣченской области и неоднократно исполнялъ обязанности туркестанскаго генералъ-губернатора. Между прочимъ ему было поручено принять въ русское подданство населеніе Ферганской области и устроить въ ней порядокъ. Въ 1871 году русскими войсками подъ главнымъ начальствомъ генерала Колпаковскаго покорено Кульджинское ханство. За боевыя отличія въ этомъ году онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени. Живя въ Вѣрномъ, онъ особенно заботился объ украшеніи и упорядоченіи города и края. Христіанство при немъ быстро распространилось среди туземцевъ, въ городѣ были выстроены четыре храма и разведенъ прекрасный садъ. Трудно передать въ немногихъ словахъ все, что сдѣлалъ онъ для Семирѣчья. Онъ съумѣлъ заставить туземное населеніе, управляемой имъ окраины не только быть покорнымъ Россіи, но и полюбить ее. Когда генералъ Колпаковскій покидалъ свой постъ туземцы глубоко сожалѣли о своемъ начальникѣ-благодѣтелѣ. Постоянно спокойный, неподкупной честности, для всѣхъ доступный, онъ своей энергичной дѣятельностью, продолжавшейся ежедневно съ восьми часовъ утра до поздняго вечера, подавалъ примѣръ подчиненнымъ, искренно любившимъ своего строгаго, но справедливаго и добраго начальника. Въ 1882 году, когда Семирѣченская область вошла въ составъ вновь образованнаго Степного генералъ-губернаторства, Г. А. Колпаковскій былъ назначенъ степнымъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками омскаго военнаго округа. При немъ, и благодаря отчасти его заботамъ и хлопотамъ, открылся томскій университетъ. Въ 1889 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ и принималъ дѣятельное участіе въ военномъ совѣтѣ въ качествѣ члена. За свои заслуги генералъ Колпаковскій имѣлъ почти всѣ высшія награды: брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго, орденъ Бѣлаго Орла и др., а также состоялъ почетнымъ старикомъ Больше-Акмолинской станицы семирѣченскаго казачьяго войска, почетнымъ членомъ географическаго, православнаго миссіонерскаго, минералогическаго, техническаго и многихъ другихъ обществъ.

В. Ф. КОММИСАРЖЕВСКАЯ, новая драматическая артистка С.-Петербургскаго Императорскаго театра.

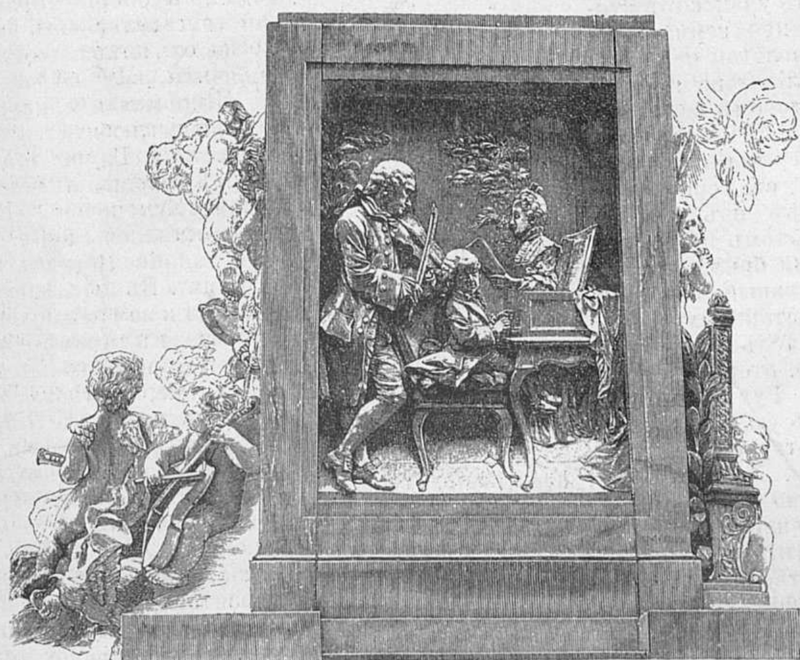
Съ фотографіи Императорскихъ театровъ. Гравировалъ Б. А. Пуцъ.

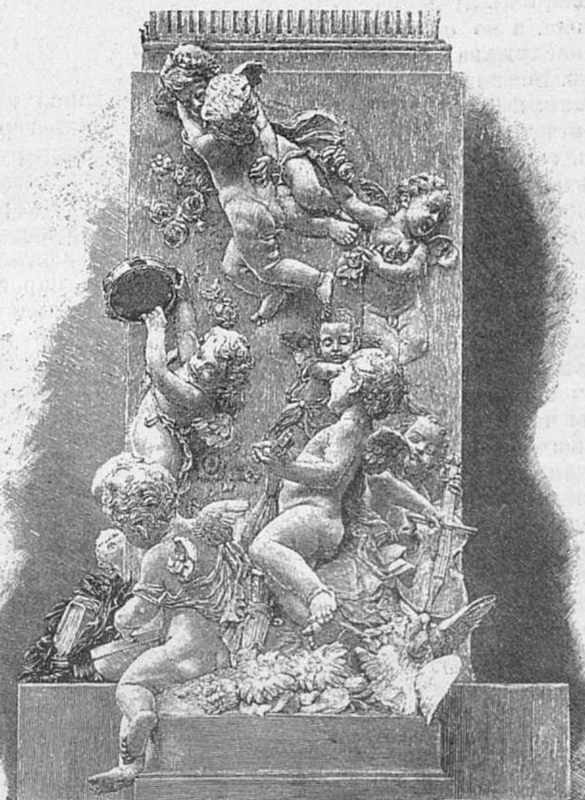
Село Рождествено, близъ станціи Сиверской, варшавской жел. дор., гдѣ находится первый крестьянскій театръ.

Съ фотографіи Г. В. Каррика. Автотипія Эд. Гоппе.

Общій видъ памятника.

Задняя сторона памятника.

Группа на цоколѣ памятника.

Австро-Венгрія. Вѣна. — Памятникъ Моцарту, открытый 9 (21)-го апрѣля с. г.

Съ фотографій Р. Лехнера въ Вѣнѣ.

В. Тильгнеръ †

9 (21)-го апрѣля въ Вѣнѣ послѣдовало открытіе памятника Моцарту, а за нѣсколько дней до того, именно 4 (16)-го апрѣля внезапно скончался извѣстный творецъ этого произведенія, скульпторъ Викторъ Тильгнеръ. Онъ былъ сынъ полковника и родился 2 (14)-го октября 1844 года въ Пресбургѣ, откуда его родители, годъ спустя, переселились на постоянное жительство въ Вѣну. Въ академіи онъ получалъ первыя награды, но не находилъ себѣ художественнаго удовлетворенія: его собственный взглядъ на искусство не соотвѣтствовалъ академическому направленію преподавателей. Окончивъ курсъ, Тильгнеръ также нескоро выдвинулся впередъ и былъ принужденъ заниматься мелкими работами ради насущнаго хлѣба. Лишь, мало по малу, сталъ онъ входить въ извѣстность своими бюстами, которые отличались жизненностью и художественнымъ вкусомъ. Тѣмъ не менѣе Тильгнеръ падалъ духомъ и уже хотѣлъ посвятить себя оружейному мастерству. Но тутъ наступилъ переворотъ въ его судьбѣ. Въ мастерской Макарта, съ которымъ онъ былъ друженъ и сходился во взглядахъ на искусство, императоръ Францъ-Іосифъ обратилъ вниманіе на работы молодого художника. Онъ сталъ получать заказы отъ двора и одинъ меценатъ, фонъ-Лейтенбергеръ, великодушно предоставилъ ему средства на поѣздку въ Италію, куда Тильгнеръ отправился въ сопровожденіи Макарта. Вѣнская всемірная выставка доставила ему за мастерской бюстъ Вольтера, кромѣ золотой медали, славу признаннаго всѣми портретиста въ пластикѣ. Однако, и это не удовлетворяло художника; онъ жаждалъ крупныхъ монументальныхъ работъ. Съ этой цѣлью онъ составлялъ грандіозные проекты, которые должны были преобразить площадь передъ ратушей и другую, противъ лѣтняго дворца князя Шварценберга, въ оранжереяхъ котораго Тильгренъ устроилъ свою мастерскую, куда къ нему пріѣзжали на сеансы первыя красавицы и наиболѣе выдающіеся изъ всевозможныхъ сферъ въ самой Вѣнѣ и въ цѣлой Австріи. Съ особенной любовью занимался онъ до послѣдняго времени лѣпными работами изъ цвѣтной глины, которыя ввелъ въ моду, и мелкимъ скульптурнымъ производствомъ изъ металловъ. Исполненіе памятника Гете въ Вѣнѣ, для котораго Тильгнеръ въ своемъ усердіи составилъ до двадцати проектовъ, не досталось ему; зато онъ поставилъ памятникъ королю оружейниковъ Верндли въ Штейрѣ. Этотъ монументъ принадлежитъ теперь къ лучшимъ украшеніямъ города, а по своимъ достоинствамъ заслуживалъ бы мѣста въ столицѣ. Болѣе скромными размѣрами отличается сдѣланный Тильгнеромъ памятникъ Листа въ Эденбургѣ и Гуммеля; послѣдній онъ принесъ въ даръ своему родному городу Пресбургу. Почти всѣ новыя монументальныя зданія въ Вѣнѣ украшены произведеніями его проворной искусной руки. Въ новомъ Бургъ-театрѣ сдѣланы имъ статуи Фальстафа, Донъ-Жуана, Федры и вѣнскаго шута. Для художественно-историческаго музея онъ изваялъ статуи Швинда, Корнеліуса, Рауха и Фюриха, какъ и множество бюстовъ художниковъ всѣхъ эпохъ и національностей. Точно также украсилъ онъ фигурами своей работы зданіе парламента. Передъ клубомъ художниковъ возвышается его статуя Рубенса. Въ поликлиникѣ имъ исполнены портреты-медальоны знаменитыхъ вѣнскихъ врачей, а въ пантеонѣ ученыхъ, въ аркадахъ университета — бюстъ дерматолога Гебры. Кромѣ того, Тильгнеромъ исполнено множество надгробныхъ памятниковъ. Но въ монументъ Моцарта художникъ вложилъ всю свою душу. Цѣлые годы прилежно трудился онъ надъ фигурой великаго музыканта, до тѣхъ поръ, пока осуществилъ въ немъ свою идею. Общія искренія сожалѣнія провожали въ безвременную могилу этого высокоталантливаго художника и благороднаго человѣка.

Свадебныя празднества въ Кобургѣ

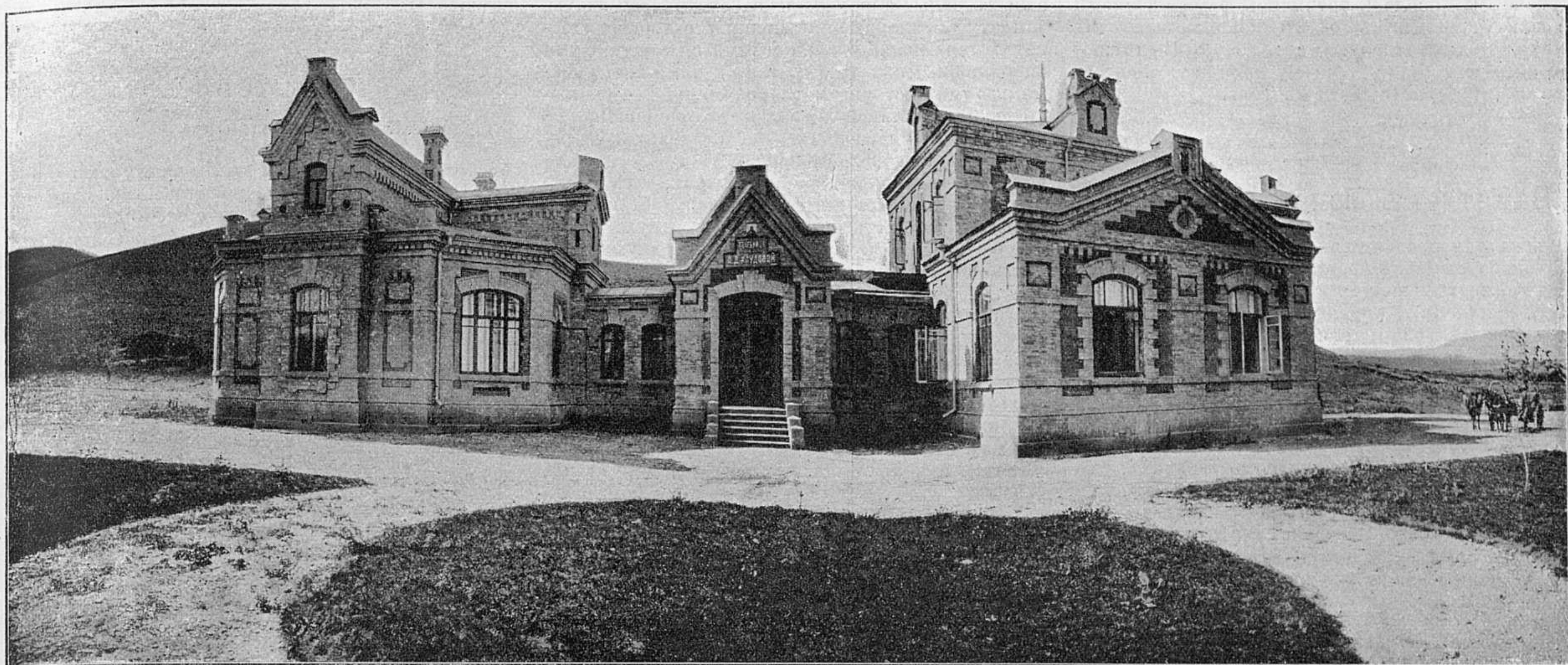
Бракосочетаніе принцессы Александры Кобургской съ наслѣднымъ принцемъ Эрнстомъ Гогенлоэ-Лангенбургскимъ, совершившееся 8 (20)-го апрѣля, было отпраздновано съ большою торжественностью въ тюрингенской столицѣ. Наканунѣ свадьбы состоялся придворный балъ. Бракосочетаніе происходило въ замкѣ Эренбургъ, красивомъ старинномъ зданіи готической архитектуры. Прежде въ немъ помѣщался монастырь, но въ 1549 г. оно было обращено во дворецъ герцогомъ Эрнстомъ I и съ тѣхъ поръ служитъ резиденціей правителей Кобурга. Собственно теперешній герцогъ Альфредъ живетъ со своимъ семействомъ въ Эдинбургскомъ замкѣ, который онъ выстроилъ самъ, будучи еще герцогомъ Эдинбургскимъ. Гражданская церемонія брака происходила въ Аудіенцъ-залѣ Эренбургскаго замка, при чемъ свидѣтелями были герцогъ Іоркскій и Е. И. В. великій князь Павелъ Александровичъ. Отсюда августѣйшіе участники брачной церемоніи двинулись въ дворцовую капеллу тремя процессіями. Во главѣ первой шелъ герцогъ Кобургскій въ уланскомъ мундирѣ подъ руку съ императрицей германской, въ роскошномъ туалетѣ изъ золотой парчи съ золотыми украшеніями, съ бриллiантовымъ аграфомъ на корсажѣ, въ бриллiантовомъ ожерельѣ и сверкающей бриллiантовой діадемѣ. За этой первой парой слѣдовалъ императоръ германскій въ драгунскомъ мундирѣ съ герцогинею Кобургской въ богатомъ платьѣ изъ свѣтло-желтаго шелка, затканномъ золотомъ и усыпанномъ драгоцѣнными фамильными бриллiантами, которыми сверкалъ и великолѣпный головной уборъ на ея пышныхъ темно-каштановыхъ волосахъ. Далѣе герцогъ Іоркскій велъ подъ руку великую герцогиню Гессенскую, вторую сестру невѣсты, а наслѣдный принцъ Румынскій, супругъ ея старшей сестры, шелъ съ герцогиней Іоркской. Жениха подвелъ къ алтарю его отецъ, намѣстникъ Эльзаса-Лотарингіи. Затѣмъ герцогъ Кобургскій вернулся обратно за своею дочерью, за которою непосредственно слѣдовала ея младшая сестра, двѣнадцатилѣтняя принцесса Беатриса. Въ качествѣ единственной дружки невѣсты она поддерживала шлейфъ ея бѣлаго муароваго платья, убраннаго живыми миртовыми гирляндами и вышитаго букетами эдельвейса, а во время брачной церемоніи держала ея букетъ. Капелла была роскошно убрана зелеными елями и гигантскими экзотическими растеніями въ цвѣту. Когда женихъ и невѣста обмѣнивались кольцами, грянулъ пушечный салютъ. По окончаніи церемоніи, августѣйшіе гости, предшествуемые новобрачной четой, въ прежнемъ порядкѣ шествія прослѣдовали въ тронную залу, гдѣ для высокихъ особъ былъ сервированъ завтракъ. Остальные приглашенные размѣстились за столами въ гигантской залѣ. Вечеромъ новобрачные отбыли въ богато убранномъ экипажѣ на станцію посреди восторженныхъ кликовъ народа. Когда они выѣзжали изъ замка, гости осыпали ихъ горстями риса. Молодая чета отправилась съ экстреннымъ поѣздомъ въ Лангенбургъ въ Вюртембергѣ, — проводить медовый мѣсяцъ въ наслѣдственномъ замкѣ. Въ числѣ многочисленныхъ свадебныхъ подарковъ новобрачная получила отъ королевы англійской громадную серебряную чашу и бриллiантовый головной уборъ въ видѣ стрѣлы отъ принца и принцессы Уэльскихъ.

В. ТИЛЬГНЕРЪ, австрійскій скульпторъ, † 4 (16)-го апрѣля с. г.

Народный театръ въ селѣ Рождественѣ

Въ десяти верстахъ отъ станціи варшавской жел. д. Сиверской, въ с. Рождественѣ, на средства И. В. Рукавишникова, владѣющаго по сосѣдству имѣніемъ, сооруженъ народный театръ. Въ немъ уже давно даются по воскресеньямъ спектакли, актерами въ которыхъ являются любители изъ крестьянъ. Ими было переиграно много пьесъ Островскаго и другихъ драматурговъ и, такимъ образомъ, мало-по-малу, создалась крестьянская труппа, уже довольно хорошо знакомая со сценой. В. С. Сѣрова, вдова нашего славнаго композитора, возымѣвъ мысль поставить что-нибудь изъ оперъ своего покойнаго мужа въ деревнѣ, рѣшила воспользоваться для этой цѣли услугами Рождественскаго народнаго театра. Занимаясь много лѣтъ съ крестьянскими дѣтьми пѣніемъ, г-жа Сѣрова выработала свой особенный методъ, съ помощью котораго ей удается съ девятаго урока заставлять пѣть по нотамъ довольно трудныя вещи, какъ, напримѣръ, балладу Чайковскаго, на слова А. Н. Плещеева „Былъ у Христа младенца садъ“. Насколько практиченъ и хорошъ такой методъ, это очень наглядно показалъ спектакль 31-го марта. Къ нему подготовлялись въ теченіе шести недѣль Великаго поста. Въ виду перваго опыта и отсутствія хорошихъ голосовъ у крестьянъ рождественской труппы пришлось отказаться отъ мысли ставить оперу цѣликомъ. В. С. Сѣрова остановилась на драмѣ Островскаго „Не такъ живи какъ хочется“ и въ подходящихъ моментахъ вставила музыкальные нумера изъ оперы „Вражья сила“. Въ первомъ дѣйствіи вставлены были только арія Даши и пѣсня охмѣлѣвшаго Васи. Второе дѣйствіе было почти все по оперѣ: „Пѣсня Спирилоновны“, „Широкая масляница“, арія Груши: „Ахъ, никто меня не любитъ“, дуэтъ Спиридоновны и Груши, пѣсенка Груши и арія Даши. Третье составляли двѣ хоровыя пѣсни дѣвушекъ и пѣсенка Еремки „Куманечекъ“. Изъ четвертаго дѣйствія оперы оставлены хоръ, гулянья, пѣсня бражниковъ и арія Петра и поставлена „широкая масляница“. Въ послѣднемъ дѣйствіи вставлена арія Даши и за сценой хоръ. Конецъ пьесы былъ видоизмѣненъ такимъ образомъ: когда Петръ брасается съ ножомъ изъ дому, то въ дверяхъ сталкивается съ отцомъ, который словами изъ оперы заставляетъ Петра каяться. Исполненіе было вполнѣ отчетливое, и если и были недочеты, то исключительно по отсутствію хорошихъ голосовъ. Спектакль 31-го марта въ с. Рождественѣ явился въ то же время чествованіемъ памяти покойнаго А. Н. Сѣрова и начался съ исполненія „Слава князю“ изъ оперы „Рогнѣда“ у бюста композитора, окруженнаго цвѣтами. Затѣмъ были прочитаны телеграммы, привѣтствовавшія настоящее чествованіе: отъ русскаго музыкальнаго общества и консерваторіи, отъ Альтани, отъ петербургской Императорской оперы и отъ композитора Блaрамберга. Декораціи сдѣлали бы честь любому театру. Режиссеромъ являлась г-жа Киселева и ея участію много обязанъ спектакль своимъ успѣхомъ. Пѣ-

Видъ зданія лечебницы.

Общій видъ лечебницы и окрестностей.

Кавказскія минеральныя воды. Кисловодскъ. — Лечебница въ память П. Д. Хлудовой.

Съ фотографій Раева въ Кисловодскѣ. Автотипіи Эд. Гоппе.

ніе не сопровождалось аккомпанементомъ; по мнѣнію г-жи Сѣровой это несущественно. Г-жи Сѣрова и Киселева появились сами въ числѣ исполнительницъ въ сценѣ масляничнаго гулянья. Публика наполнила весь театръ. Были многіе изъ Петербурга и, между прочимъ, с.-петербургскій губернаторъ графъ Толь.

Памятникъ Моцарту въ Вѣнѣ

Въ началѣ прошлаго апрѣля, а именно 9 (21)-го числа, въ Вѣнѣ происходило съ необыкновенною торжественностью, въ присутствіи Императора, принцевъ, дипломатическаго корпуса, представителей города и артистическаго міра, открытіе памятника знаменитому композитору Моцарту. Памятникъ поставленъ на мѣстѣ прежняго орнернаго театра, на Альбрехтовой площади. Средства на сооруженіе его, въ общей суммѣ до 46 тысячъ рублей (мет.) были доставлены подпискою въ Австріи и въ другихъ странахъ, гдѣ чтится память геніальнаго художника. Проектъ памятника составленъ Викторомъ Тильгнеромъ, которому не было суждено видѣть торжество открытія памятника; онъ умеръ, не дождавшись своей славы. Теперь это имя въ Вѣнѣ у каждаго на устахъ, потому что созданный покойнымъ памятникъ единодушно признается истинно художественнымъ произведеніемъ. Моцартъ представленъ на памятникѣ во весь ростъ, стоящимъ передъ пюпитромъ въ костюмѣ его времени, т. е. во фракѣ съ высокими отворотами, въ чулкахъ, въ плащѣ, накинутомъ на плечи. Лѣвою рукою онъ переворачиваетъ ноты, а правую руку, какъ бы дирижируя оркестромъ, простираетъ въ воздухѣ; поднятый взоръ артиста проникнутъ вдохновеніемъ. Черты лица нѣсколько отличаются отъ обычныхъ портретовъ Моцарта. Тильгнеръ заимствовалъ ихъ съ подлиннаго портрета, розысканнаго Тильгнеромъ, и принадлежащаго композитору Глюку. Моцартъ представленъ въ цвѣтущемъ возрастѣ, 25—30 лѣтъ. Его фигура имѣетъ въ вышину около $4^1/_2$ аршинъ и изваяна изъ массы бѣлаго мрамора, вѣсившей 1500 пудовъ. Основаніе памятника представляетъ нѣчто вродѣ громаднаго барабана; на немъ помѣщаются двѣ музыкальныя группы, состоящія изъ художественно сочетанныхъ фигуръ разныхъ инструментовъ (литавры, віолончель, органъ и пр.) и музыкантовъ. Эти группы какъ нельзя лучше, нагляднѣе выражаютъ артистическій характеръ моцартовскаго музыкальнаго генія. На цоколѣ сдѣланъ барельефъ, изображающій мальчика Моцарта, наигрывающаго предъ отцомъ и сестрою свои фантазіи; на другомъ боку цоколя, также въ видѣ барельефовъ, представлены сцены изъ „Донъ-Жуана". На доскѣ отлита надпись съ обозначеніемъ года рожденія и смерти композитора, а подъ нею металлическія изваянія, употреблявшихся въ его время оркестровыхъ музыкальныхъ инструментовъ — скрипокъ, трубъ, флейтъ и т. д.; на раскрытомъ нотномъ листѣ вычеканены тѣ такты музыки изъ „Донъ-Жуана", которые сопровождаютъ появленіе каменнаго гостя. Общій архитектурный стиль памятника безукоризненно выдержанъ въ характерѣ эпохи, современной Моцарту.

Лечебница въ память П. Д. Хлудовой въ Кисловодскѣ

Осенью 1893 года извѣстная московская благотворительница К. Г. Вострякова пожертвовала двадцать пять тысячъ рублей на постройку въ Кисловодскѣ лечебницы въ память своей покойной матери П. Д. Хлудовой. Постройка лечебницы началась въ февралѣ 1894 г., а въ іюнѣ слѣдующаго года она была совершенно готова и уже дѣйствовала въ теченіе лечебнаго сезона. Замѣтимъ, что хотя организація дѣла за несостоявшимся еще утвержденіемъ устава лечебницы и носила временный характеръ, — лечебница временно состояла въ вѣдѣніи управленія минеральныхъ водъ, — не позволявшій проявиться дѣятельности послѣдней въ полномъ объемѣ, тѣмъ не менѣе опытъ первыхъ же недѣль показалъ, какъ много пользы лечебница можетъ принести и мѣстнымъ жителямъ, и пріѣзжимъ больнымъ. Въ началѣ текущаго лѣта послѣдуетъ уже оффиціальное открытіе лечебницы, а потому будетъ весьма кстати познакомить читателей съ этимъ учрежденіемъ. Лечебница въ память Хлудовой построена на высокомъ мѣстѣ, достаточно удаленномъ отъ слободы и центра курсовой жизни. Красивое зданіе, видимое издалека при въѣздѣ въ Кисловодскъ, состоитъ изъ операціоннаго павильона и отдѣленія постоянныхъ кроватей. Первый заключаетъ въ себѣ двѣ операціонныхъ залы, перевязочную, стерилизаціонную, комнату для хлороформированія и докторскій кабинетъ; стерилизаціонная помѣщается между двумя операціонными и сообщается съ ними окошечками; всѣ три выстланы метларскими плитками и выкрашены масляной краской; въ операціонныхъ имѣются приспособленія для постояннаго орошенія, для каковой цѣли поламъ данъ небольшой уклонъ къ одному изъ угловъ, гдѣ находится сточное отверстіе. Отдѣленіе постоянныхъ кроватей состоитъ изъ 4 палатъ: двухъ большихъ — на 5—6 человѣкъ каждая—и двухъ меньшихъ—на 1—2 человѣка—для желающихъ помѣститься отдѣльно. Полы обтянуты каучуколеумомъ; печи вездѣ изразцовыя, стѣны герметическія съ постояннымъ притокомъ свѣжаго воздуха. Обращено особое вниманіе на возможность быстрой дизенфекціи помѣщеній и поддержанія чистоты, для чего всѣ углы закруглены, карнизовъ у потолковъ нѣтъ, зеркала печей имѣютъ откосы вверхъ и т. п. При лечебницѣ имѣется ванная комната съ особымъ наружнымъ ходомъ, что даетъ возможность помѣщать больныхъ въ палаты послѣ предварительнаго тщательнаго очищенія. Комнаты служебнаго персонала лечебницы и хозяйственныя помѣщенія занимаютъ верхній этажъ больничнаго отдѣленія, снабженный, конечно, совершенно особымъ ходомъ. Изъ этого краткаго описанія уже видно, что лечебница можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ современной больницѣ. И дѣйствительно, опытъ послѣдняго сезона показалъ, что самыя сложныя хирургическія операціи не только не сопровождались никакими осложненіями, но послѣоперaціонный періодъ даже значительно сокращался по сравненію съ извѣстной средней нормой, что, конечно, должно объясняться между прочимъ и достоинствами лечебницы. Такимъ образомъ, благодаря пожертвованію г-жи Востряковой, наши кавказскія минеральныя воды обогатились образцовой больницей. Но это пріобрѣтеніе получаетъ еще особую цѣну, если вспомнить, что Кавказъ крайне бѣденъ всякими лечебными заведеніями вообще, больницъ же, отвѣчающихъ нашимъ земскимъ, за отсутствіемъ въ краѣ земскихъ учрежденій совсѣмъ нѣтъ.

В. Ѳ. Коммиссаржевская

Недавно на сценѣ Александринскаго театра шла переведенная съ нѣмецкаго пьеса Зудермана „Бой бабочекъ", въ которой съ большимъ успѣхомъ дебютировала въ роли Рози, дѣвочки-подростка, г-жа Коммиссаржевская, очень понравившаяся публикѣ. Дочь извѣстнаго пѣвца-тенора, актера Императорскихъ театровъ, уже около пятнадцати лѣтъ покинувшаго сцену, Ѳ. П. Коммиссаржевскаго, Вѣра Ѳеодоровна Коммиссаржевская родилась въ Петербургѣ и здѣсь получила образованіе, окончивъ курсъ въ одной изъ женскихъ гимназій. Рано почувствовавъ влеченіе къ сценѣ, молодая дѣвушка стала изучать драматическое искусство подъ руководствомъ артиста В. Н. Давыдова, но, по семейнымъ обстоятельствамъ, принуждена была прекратить эти занятія и уѣхать въ Москву. Имѣя хорошій голосъ и учась пѣть у своего талантливаго отца, В. Ѳ. Коммиссаржевская думала готовиться здѣсь къ поступленію на оперную сцену, но доктора запретили ей пѣть, что, однако, не помѣшало ей мечтать о сценической дѣятельности. Въ 1892 г. она участвовала въ двухъ любительскихъ спектакляхъ въ Москвѣ—въ „Плодахъ просвѣщенія" (роль Бетси) и въ пьесѣ „Горящія письма". Затѣмъ артистъ И. П. Киселевскій предложилъ В. Ѳ. Коммиссаржевской сыграть на сценѣ лѣтняго театра въ подмосковной дачѣ—Кусковѣ—и, увидавъ ея игру, прямо рекомендовалъ ее антрепренеру новочеркасскаго театра, куда и самъ тогда отправлялся служить. Въ Новочеркасскѣ она, кромѣ цѣлаго ряда водевильныхъ ролей, участвовала въ пьесѣ „Сорванецъ", въ бенефисъ Киселевскаго, и въ пьесѣ „Въ осадномъ положеніи" —въ собственный бенефисъ. Послѣ Новочеркасска она играла на лѣтней сценѣ загороднаго петербургскаго театра въ Озеркахъ, имѣла большой успѣхъ и была замѣчена. Далѣе два зимнихъ сезона она играла всевозможныя роли въ Вильнѣ, участвуя въ пьесахъ: „Горе отъ ума" (роль Софьи), „Сорванецъ", „Блуждающіе огни" и друг. и пользуясь также любовью публики. Наконецъ, лѣтомъ 1895 года она съ возрастающимъ успѣхомъ играла въ Старой Руссѣ. Отъ В. Ѳ. Коммиссаржевской можно ожидать много въ будущемъ, если она не перестанетъ работать надъ собою, тѣмъ болѣе, что у нея для этого немало данныхъ: любовь къ сценѣ, простота, естественность въ игрѣ, хорошій голосъ и прекрасная внѣшность.

Философъ

Картина Фердинанда Боля

Картина эта находится въ Императорскомъ эрмитажѣ (№ 852). Изображаетъ старика съ сѣдыми волосами и бородою, который сидитъ въ задумчивости у стола, повернувшись нѣсколько влѣво. На немъ мягкая грязноватозеленая шапка съ широкимъ мѣховымъ околышемъ, желтый кафтанъ съ золотою цѣпью и медальономъ на груди и черная бархатная шуба. Облокотившись правою рукою на большую, лежащую на столѣ, книгу, онъ подпираетъ этою рукою свою голову, а лѣвую руку держитъ на ручкѣ кресла. На столѣ, кромѣ книги, видны: географическій глобусъ и еще нѣсколько книгъ. Фигура колѣнная, на коричневомъ фонѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это—портретъ съ натуры. Въ прежнія времена онъ считался портретомъ Христофора Колумба, но послѣдующія изысканія показали, что предположеніе это невѣрно. Въ настоящее время картина Фердинанда Боля извѣстна подъ названіемъ „Философа", что оправдывается вдумчивымъ лицомъ, въ которомъ много благородства и доброты. Черные глаза очень выразительны. Фердинандъ Боль—одинъ изъ лучшихъ учениковъ Рембрандта. Родина его Дордрехтъ, гдѣ онъ родился въ 1616 году; умеръ онъ въ Амстердамѣ въ 1680 году. Боль въ особенности извѣстенъ какъ портретистъ, но онъ писалъ также картины религіознаго и миѳологическаго содержанія. Такъ, въ Императорскомъ эрмитажѣ находится картина Боля „Тезей и Аріадна" съ превосходнымъ вдали морскимъ пейзажемъ; предполагаютъ, однако, что и дѣйствующія лица этой картины—не болѣе какъ портреты двухъ близкихъ между собою лицъ, всего вѣроятнѣе какого либо голландскаго адмирала и его жены. Кромѣ „Тезея и Аріадны" и „Философа" эрмитажъ обладаетъ еще девятью другими портретами, принадлежащими кисти этого замѣчательнаго голландскаго художника.

Театральное обозрѣніе

Новинки Императорской драматической сцены — Бенефисы въ театрѣ литературно-артистическаго кружка. — Гастроли г. Далматова.

Весенній театральный сезонъ, несмотря на его сравнительную продолжительность въ настоящемъ году, представляетъ мало оживленія, такъ какъ въ обѣихъ столицахъ идутъ дѣятельныя приготовленія къ предстоящей коронаціи. Усилія дирекціи Императорскихъ театровъ устремлены на устройство блестящаго балета въ Москвѣ, во время коронаціонныхъ торжествъ. Такимъ образомъ, вопросы драматическаго репертуара отходятъ на второй планъ.

Важнѣйшимъ событіемъ для Александринскаго театра является отставка г. Крылова, управлявшаго труппой, и главнаго режиссера, г. Ѳедорова, выслужившаго полную пенсію. Должность Крылова упраздняется, а на мѣсто г. Ѳедорова назначается г. Карповъ, съ значительно большими полномочіями. Евт. Павл. Карповъ — драматическій писатель и до извѣстной степени артистъ, такъ какъ много игралъ въ провинціи.

Изъ новинокъ весенняго сезона на сценѣ Императорскаго театра надо отмѣтить три интересныхъ спектакля: бенефисъ вторыхъ актеровъ труппы съ постановкой старинной комедіи „Друзья дѣтства", дебютъ провинціальной артистки г-жи Коммиссаржевской и спектакль въ память Н. А. Полевого.

Въ матеріальномъ отношеніи бенефисъ вторыхъ артистовъ далъ превосходные результаты, и публика откликнулась сочувственно на призывъ дирекціи вознаградить малозамѣтныхъ сценическихъ дѣятелей за ихъ постоянную службу, плохо оплоченную небольшимъ содержаніемъ. Комедія же „Друзья дѣтства" была разыграна плоховато и небрежно. Такія пьесы, которыя всѣмъ театраламъ давно извѣстны и шли много разъ въ отличномъ исполненіи у французовъ, должны ставиться съ особенной тщательностью, такъ какъ поневолѣ вызываютъ сравненія. Въ добавокъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, г-жа Савина не могла принять участія въ бенефисѣ, а безъ нашей примадонны и спектакль не въ спектакль.

Дебютъ г-жи Коммиссаржевской—дочери извѣстнаго нѣкогда пѣвца русской оперы — показалъ

что въ лицѣ ея театръ пріобрѣтаетъ очень полезную ingénue, не особенно молодую, но опытную и умную артистку. Всѣ разговоры и мнѣнія о томъ, что дебютантка должна замѣстить г-жу Потоцкую и г-жу Савину — являются преждевременными. Никого не замѣщая, г-жа Коммиссаржевская должна явиться самостоятельнымъ дарованіемъ; признаться сказать, она гораздо была бы нужнѣе на московскую сцену Малаго театра, чѣмъ на нашу: тамъ „молодыя силы" теперь очень неудовлетворительны и кромѣ талантливой г-жи Лешковской рѣшительно нѣтъ никого.

Спектакль въ память Полевого открылся чтеніемъ приватъ-доцента здѣшняго университета И. А. Шляпкина, гдѣ лекторъ недурно обрисовалъ дѣятельность и личность чествуемаго писателя. Затѣмъ дана была старинная мелодрама „Параша Сибирячка", исторгавшая потоки слезъ у нашихъ матерей и бабушекъ и, кажется, пришедшаяся по вкусу современной публикѣ, ищущей эмоцій въ символизмѣ и декадентизмѣ. Въ мелодрамѣ, строго говоря, нерѣдко символизмъ выступаетъ куда ярче и выпуклѣе, чѣмъ въ произведеніяхъ современныхъ символистовъ, все равно какъ у живописцевъ пре-рафаэлитовъ символизма гораздо больше, чѣмъ у нынѣшнихъ импрессіонистовъ. Отчего только дирекція не поставила „Уголино" — драму, которая до сихъ поръ собираетъ жатву въ провинціи и производитъ такое впечатлѣніе, что даже покойники въ гробахъ говорятъ спасибо, что умерли? Тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить нервную игру г-жи Потоцкой, изображавшей Парашу и плакавшей чуть ли не натуральными слезами.

Дѣятельность литературно-артистическаго кружка выразилась въ рядѣ бенефисовъ, которые начались на Пасхѣ и окончились въ концѣ апрѣля. При всей нашей симпатіи къ этому частному театру едва ли можно одобрить такую бенефисную систему, гдѣ пьесы, непрерывно появляясь одна за другой, съ недѣльнымъ промежуткомъ, показываются публикѣ спѣшно срепетованными и наскоро обставленными. Особенно рѣзко отразилась торопливость постановки на бенефисѣ г-жи Пасхаловой, поставившей мелодраму Коппе „Pour la Couronne", которая совсѣмъ заморила публику. Называется она въ русскомъ переводѣ „Изъ-за вѣнца" и представляетъ собою рядъ картинъ изъ жизни балканскихъ славянъ въ XV вѣкѣ. Единственной сильной сценой драмы можно назвать сцену отцеубійства, въ добавокъ очень недурно исполненную г-мъ Бастуновымъ. Въ общемъ исполненіе было неувѣренное и вялое.

На второй бенефисъ былъ поставленъ „Дымъ" Тургенева въ передѣлкѣ гг. Б. и К. Мы считаемъ неудачной не собственно эту передѣлку, а самую мысль передѣлать повѣсть Тургенева, гдѣ интрига играетъ совершенно второстепенную роль, а на первый планъ выступаетъ картина современныхъ нравовъ начала 60-хъ годовъ. Интрига Литвинова съ Ириной, хотя и изображена у нашего беллетриста мастерски, но насъ гораздо болѣе интересуетъ „Литвиновъ-піонеръ", какъ называетъ его Потугинъ, чѣмъ Литвиновъ-любовникъ. Въ сценической передѣлкѣ остался только Литвиновъ - любовникъ и притомъ весьма пошловатый, обманывающій хорошую дѣвушку и цѣлующійся въ проходной аллеѣ съ замужней женщиной. Въ добавокъ посредственное исполненіе главныхъ ролей бенефиціанткой г-жей Холмской и г-мъ Анчаровымъ окончательно убили всякую иллюзію тургеневскаго романа.

Г-жа Никитина въ свой бенефисъ поставила пьесу Островскаго „Не такъ живи какъ хочется", болѣе извѣстную среди публики по передѣлкѣ для опернаго либретто подъ названіемъ „Вражья сила". Пьеса Островскаго оказалась гораздо болѣе по силамъ труппы Малаго театра, чѣмъ драма Коппе, и въ общемъ прошла удовлетворительно. Бенефиціантка въ самый день бенефиса получила приглашеніе поступить безъ дебюта на Императорскую сцену, гдѣ нѣтъ исполнительницы на то характерное амплуа, которое прежде было занято г-жами Левкѣевой и Хлѣбниковой.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о гастроляхъ талантливаго артиста г. Далматова, давшаго рядъ спектаклей въ театрѣ Неметти. Императорская сцена сдѣлала крупную ошибку, не сойдясь съ этимъ артистомъ въ условіяхъ. До сихъ поръ его амплуа не замѣщено, и въ огромной александринской труппѣ чувствуется рѣзкій пробѣлъ. Изъ сыгранныхъ за двѣ недѣли г. Далматовымъ ролей слѣдуетъ отмѣтить превосходное исполненіе роли Плюшкина въ „Мертвыхъ душахъ", генерала въ „Первой мухѣ", царя Ивана въ „Смерти Іоанна Грознаго". На эти три совершенно противоположнаго свойства роли, требующія гибкой разнообразности въ талантѣ, едва ли найдется г. Далматову другой конкурентъ въ Россіи и очень жаль, что Петербургъ не можетъ удержать у себя такого артиста.

Драматургъ.

Исторія, археологія

— Важная историческая находка. Въ заграничномъ отдѣлѣ одесскаго порта, на мѣстѣ бывшаго товарнаго квартала, давно уже сооружаются новые таможенные пакгаузы, для чего бывшія здѣсь постройки пришлось разрушить. 7-го марта при раскопкѣ и выемкѣ земли на мѣстѣ бывшаго товарнаго квартала рабочими сдѣлана очень важная находка. Рабочіе нашли въ землѣ металлическую тяжелую плиту, какія обыкновенно кладутся при закладкѣ общественныхъ зданій. Плитка имѣетъ около 5 верш. длины и около 3 вершковъ ширины, довольно толстая и массивная (около 3/8 верш. толщины). Въ виду того, что плитка отъ долгаго лежанія въ землѣ потемнѣла, трудно сразу было опредѣлить—изъ какого она металла, хотя отсутствіе ржавчины и тяжесть ея указываютъ на то, что она сдѣлана изъ благороднаго металла. На одной сторонѣ плиты хорошо сохранилась надпись на русскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія: „1804 года маія 10 дня 4-го царствованія императора Александра перваго Эммануилъ Дюкъ де-Ришелье военный губернаторъ въ Одессѣ зданію сему общему благу посвященному основаніе положилъ". На оборотной сторонѣ плиты также хорошо сохранилась слѣдующая латинская надпись: „Anno Domini MDCCC IV et quarto optimi Imperatoris Alexandri Primi Emanuel Dux de Richelieu Praefectus militaris Odessae hinc aedibus saluti publicae sacratis die 10 Maji primum lapidem posuit". На томъ же мѣстѣ въ землѣ рабочіе нашли жетонъ, очевидно, золотой, хотя также потемнѣвшій, величиною въ большую шейную медаль. На одной сторонѣ жетона ясно сохранился бюстъ императора Александра I съ надписью кругомъ: „Б. М. Александръ I Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій"; на другой сторонѣ жетона изображена эмблема закона съ надписью: „Залогъ блаженства всѣхъ и каждаго" и внизу „Коронованъ въ Москвѣ сентября 15-го дня 1801 года".

Военное и морское дѣло

— Новый крейсеръ добровольнаго флота. Не такъ давно состоялся спускъ на воду построеннаго на верфи „Rand W. Howthoru" новаго крейсера добровольнаго флота „Херсонъ". Спускъ его на воду удался великолѣпно. „Херсонъ" — самое большое судно, построенное когда либо въ Нью-Кестлѣ. Длина парохода 493 фут. съ бимсомъ въ 54 ф., глубина его 37 ф. Вмѣстимость судна 6 тысячъ тоннъ, скорость—19½ узловъ въ часъ. Угольныя камеры могутъ вмѣстить 1.500 тоннъ. Весь пароходъ построенъ изъ стали. Въ трюмѣ десять непроницаемыхъ для воды перегородокъ. Пароходъ будетъ поддерживать сношенія между Одессой и Владивостокомъ, а въ случаѣ войны будетъ обращенъ въ военный крейсеръ. Чтобы обезпечить пароходу устойчивость во время бури, подводная часть его очень длинна и широка. Пароходъ трехдечный, съ длиннымъ ютомъ. Помѣщеніе для пассажировъ будетъ отдѣлано съ большою роскошью. Палубныя помѣщенія приспособлены для переѣзда 1.500 переселенцевъ или же солдатъ. Воздуха въ помѣщеніи много, а вентиляція, благодаря особымъ эксцентрическимъ приборамъ, великолѣпная. Въ случаѣ необходимости можно помѣстить здѣсь 1.600 пассажировъ. Подъ ютомъ — госпиталь. Въ случаѣ крушенія больные легко могутъ быть изолированы совершенно отъ пассажировъ и экипажа. Госпиталь дѣлится на двѣ части. Патентованные огнегасители приспособлены всюду. Въ случаѣ пожара огромная струя пара можетъ быть моментально пущена изъ машины. Пассажиры, послѣ тревожнаго сигнала, выбѣгаютъ на бакъ, двери запираются и всѣ помѣщенія наполняются паромъ, который моментально тушитъ пожаръ. Машины, при испытаніи, обнаружили 12.500 лошадиныхъ силъ. Особенное вниманіе обращено на помпы. Въ случаѣ течи онѣ могутъ въ часъ выкачать 2.000 тоннъ воды.

Сельское хозяйство

— Способъ прививки кроною, весьма практичный и въ высшей степени простой, сообщаетъ г. Ф. Ракушъ въ журналѣ „Деревня". Способъ этотъ напоминаетъ обыкновенную прививку косымъ срѣзомъ, съ той лишь разницей, что срѣзъ дѣлается болѣе длинный; кромѣ того срѣзанные подвой и крона-черенокъ разрѣзываются въ длину по косому направленію, вслѣдствіе чего у той и другой части образуются продольные клинья, которыми крона-черенокъ и насаживается плотно на подвой. Благодаря такимъ клиньямъ, увеличивается поверхность сростанія частей надвоя съ подвоемъ, а стало быть возрастаютъ и шансы успѣшнаго принятія прививки. Насаженная на подвой крона крѣпко затѣмъ обвязывается мочалой или пенькой, такъ, чтобы между оборотами не было просвѣтовъ, послѣ чего обмазывается замазкой. Побѣги кроны обрѣзываются на одну треть своей длины; что же касается длины срѣзовъ подвоя и надвоя, то надлежитъ сообразоваться съ ихъ толщиною; если, напримѣръ, толщина ихъ не болѣе вершка, то срѣзы дѣлаются длиною въ 3½—4 вершка. Лучше всего, конечно, если подвой и надвой одинаковой толщины; но надвой можетъ быть и нѣсколько тоньше подвоя (никакъ, однако, не наоборотъ) и въ такомъ случаѣ при его насадкѣ необходимо обращать вниманіе на то, чтобы съ одной какой нибудь стороны кора его совпадала съ корой подвоя. Прививку, о которой идетъ рѣчь, слѣдуетъ производить самой ранней весною, пока еще не началось движеніе соковъ. Черенками для прививки кроной могутъ служить и боковыя вѣтви, если онѣ имѣютъ развѣтвленія, годныя для образованія кроны. Число вѣтвей въ такомъ надвоѣ не должно быть болѣе 5—6. Когда молодые побѣги на привитой кронѣ достигнутъ роста въ поль три—четверти аршина и первая перевязка станетъ врѣзываться въ кору, ее необходимо снять и наложить тотчасъ же новую; при этомъ между оборотами оставляется нѣкоторый просвѣтъ для срастанія привитыхъ частей. Когда въ мѣстахъ просвѣта части замѣтно срослутся, перевязку опять обновляютъ, причемъ ее накладываютъ только на сросшіяся мѣста; тогда срастаются и отдѣльныя части. По свидѣтельству г. Ракуша, привитыя весною указаннымъ способомъ деревья къ осени становятся неузнаваемыми: мѣсто прививки совершенно сростается и становится гладкимъ, молодые побѣги кроны выростаютъ до ¾—1 аршина длины, а на старыхъ появляются плодовыя почки. Такія прививки сейчасъ же осенью могутъ идти въ продажу или на высадку въ грунтъ. Указаннымъ способомъ является возможность передѣлать всѣ здоровые штамбы плохихъ сортовъ, причемъ для прививки такихъ штамбовъ надлежитъ брать надвои съ хорошихъ сортовъ старыхъ деревьевъ, вырѣзывая черенки кроны изъ старыхъ кронъ.

Пути сообщенія

— Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ Японіи продолжается съ лихорадочною поспѣшностью. Сообщаютъ, что основной капиталъ вновь организуемаго „хокандскаго колонизаціоннаго желѣзнодорожнаго общества" равняется 30 милл. іенъ, раздѣленнымъ на 600.000 акцій, по 50 іенъ каждая. Это общество предполагаетъ постройку желѣзнодорожной сѣти общимъ протяженіемъ въ 981 милю; постройка одной мили обойдется въ 30.000 іенъ. Сооруженіе всѣхъ дорогъ предположено окончить въ 12 лѣтъ.

Некрологъ

Грабиришъ Нина Викентьевна, извѣстная севастопольская ветеранка, находившаяся, въ качествѣ сестры милосердія, во время осады Севастополя на Малаховомъ курганѣ и получившая контузію въ плечо, участвовавшая въ дѣлахъ милосердія и во времена двухъ послѣднихъ войнъ, † въ Москвѣ 21-го апрѣля, 84 лѣтъ.

Куманинъ Ѳедоръ Александровичъ, бывшій редакторъ - издатель журналовъ „Артистъ", „Театральная Библіотека", „Справочный Листокъ для сценическихъ дѣятелей", „Театралъ" и „Читатель", авторъ многихъ статей по сценическому искусству и передѣлокъ нѣсколькихъ драматическихъ произведеній съ иностранныхъ языковъ, † въ Москвѣ 24-го апрѣля, 41 года. Имъ переведена пьеска д'Анкура „Въ слѣдующій разъ", передѣлана пьеса Аронжа „Сильно дѣйствующее средство", переведено нѣсколько пьесъ Зудермана и написана въ сотрудничествѣ съ г-жей Ч— нья комедія „Жоржинька".

Колпаковскій Герасимъ Алексѣевичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, членъ военнаго совѣта, бывшій степной генералъ-губернаторъ, устроитель Заилійскаго края, почетный членъ разныхъ ученыхъ и другихъ обществъ, † въ Спб. 23-го апрѣля, 77 лѣтъ.

Попова Вѣра Евстафьевна, урожденная Богдановская, дочь извѣстнаго хирурга, женщина-химикъ, прославившаяся трудами по своей спеціальности въ Россіи и за границей, докторъ химіи женевскаго университета, бывшая преподавательница на петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ и послѣдніе два года работавшая въ лабораторіи Ижевскаго завода вятской губерніи, † тамъ же 25-го апрѣля, 29 лѣтъ.

Эссенъ Романъ Васильевичъ, ломжинскій губернаторъ, замѣчательный своей административной и общественной дѣятельностью, † въ Ломжѣ въ концѣ апрѣля, 59 лѣтъ.

Райскія птицы

Недавно музей естественной исторіи въ Парижѣ обогатилъ свои орнитологическія коллекціи пятью экземплярами новыхъ породъ парадизокъ. Пріобрѣтеніе драгоцѣнное, если принять въ разсчетъ чрезвычайную рѣдкость этихъ птицъ. Правда, надо оговориться, что это не живыя птицы, а только чучелы, такъ какъ они покинули свою родину, Океанію, въ видѣ труповъ. Райская птица! Уже одно это имя вызываетъ представленія и мысли о чемъ-то не здѣшнемъ, отдаленномъ, заоблачномъ. Въ воображеніи возстаетъ какая-то пернатая диковина, какое-то чудо легкости, граціи, красокъ, вѣчно порхающее среди таинственнаго великолѣпія Эдема, питающееся какимъ-то неосязаемымъ эѳиромъ, и спускающееся съ неба на землю, какъ посланникъ божества, какъ талисманъ, обладающій чудодѣйственными свойствами, по глубокой и искренней вѣрѣ, которую когда-то вдохнули въ арабскій народъ преемники Магомета. Грубый позитивизмъ естествознанія дунулъ на эти легенды и онѣ погасли. Райскія птицы оказались очень обыкновенными пернатыми, родственными съ нашими воробьями. Эти интересно оперенныя породы почти всѣ родомъ изъ Новой Гвинеи, гдѣ онѣ живутъ въ чащахъ густыхъ лѣсовъ. Однѣ породы предпочитаютъ вершины большихъ деревьевъ, другія ютятся по кустарникамъ; однѣ живутъ въ одиночку, другія обществами; питаются плодами, иногда насѣкомыми. Но если эти птицы и не спускаются къ намъ изъ заоблачнаго рая и даже не обитаютъ въ земномъ раѣ, то все-же онѣ представляютъ, въ своемъ родѣ, чудо природы, созданное для услажденія взоровъ. Доказательствомъ тому могутъ служить тѣ пять новыхъ породъ, которыя представлены на нашемъ рисункѣ. Тутъ поражаетъ istройность формъ, и чудное ихъ сочетаніе, и причудливые пуки перьевъ, и особые, необычайные придатки и украшенія. Но никакой карандашъ и, быть можетъ, никакая кисть не съумѣютъ дать вѣрнаго понятія о роскоши и разнообразіи окраски, цвѣтовыхъ тоновъ, переходящихъ черезъ всевозможные оттѣнки краснаго, желтаго, синяго и зеленаго цвѣтовъ. И однако-же эта необыкновенная роскошь окраски не имѣетъ въ себѣ ничего назойливаго, крикливаго, напротивъ, передъ нами самые мягкіе, ласкающіе тоны бархата, атласа, золота и драгоцѣнныхъ камней. Вотъ, напримѣръ, Lophorina minor. У ней пышная накидка темно-бархатнаго цвѣта съ коричневыми отливами, зеленая шапочка и такого-же цвѣта вѣерообразный ошейникъ. У Epimachus Meyeri сильно изогнутый клювъ, бархатный ошейникъ, широкіе наплечники, которые можно принять за крылья, и длинный хвостъ атласнаго чернаго цвѣта съ синими отливами. Astrarchia Stephanae щеголяетъ зелеными шапкою и ошейникомъ и темно-лиловыми, длинными хвостовыми перьями. Pteridophora Alberti названа въ честь принца Альберта Саксонскаго; у ней желтая грудь, черная бархатная шапка, и, въ видѣ особаго отличія, пара очень длинныхъ тонкихъ рожекъ, голубовато-бѣлаго цвѣта, образованныхъ слившимися перьями, у которыхъ едва лишь можно отличить бородки. Amblyornis inornata, птица-садовникъ, ничѣмъ особеннымъ не кидается въ глаза съ перваго взгляда. Ея внѣшность довольно скромная; она блещетъ только своимъ ярко-оранжевымъ хохолкомъ. Но у ней самые удивительные нравы. Ее было наблюдать легче, чѣмъ другія породы парадизокъ, потому что она живетъ не на вершинахъ деревьевъ, а невысоко надъ землею. Въ ней замѣчена чисто поэтическая жилка. Въ періодъ любви она украшаетъ свое гнѣздо цвѣтами, которые располагаетъ съ большимъ вкусомъ; когда цвѣты завянутъ, птица тотчасъ выкидываетъ ихъ и замѣняетъ свѣжими. Эта идиллія—единственная въ своемъ родѣ во всемъ пернатомъ царствѣ. Охота за райскими птицами по дебрямъ ново-гвинейскихъ лѣсовъ—доступна только для туземцевъ. Какъ ни грубы эти дѣти природы, все же они давно уже уразумѣли, какую выгоду могутъ извлечь, добывая этихъ птицъ и продавая ихъ малайцамъ, которые отправляютъ ихъ въ Китай, Индію и Европу. Туземцы ловятъ птицъ силками или убиваютъ стрѣлами и продаютъ цѣликомъ; первоначально они обрѣзали крылья, лапы, вынимали всю тушу и обматывали чучело вокругъ палки. Получая трупъ въ такомъ видѣ восточные народы были введены въ заблужденіе, думали, что у парадизокъ совсѣмъ не имѣется лапъ, что они не могутъ садиться на вѣтви, какъ другія птицы, и непрестанно порхаютъ или лежатъ. Впослѣдствіи папуасы научились лучше сохранять все опереніе птицы, ничего существеннаго отъ него не отбрасывая. Теперь въ музеяхъ встрѣчаются чучела многихъ породъ райскихъ птицъ; но живыя парадизки рѣдко попадали въ Европу, да и тѣ были представители самыхъ обыкновенныхъ и, сравнительно, мало интересныхъ породъ. Райская птица, доставленная на рынокъ цѣликомъ, съ полнымъ опереніемъ, представляетъ довольно цѣнный товаръ; цѣна такой тушки можетъ доходить до нѣсколькихъ сотъ рублей. О живыхъ экземплярахъ и говорить нечего; привезти въ Европу двѣ-три штуки изъ тѣхъ породъ, какія представлены на нашемъ рисункѣ, это все равно, что добыть горсть алмазовъ, гдѣ нибудь въ Бразиліи.

Эдмондъ Франкъ

Lophorina minor. Epimachus Meyeri. Astrarchia Stephanae. Amblyornis inornata. Pteridophora Alberti.

Изъ царства пернатыхъ. — Райскія птицы.

Новости печати

Гусли звончаты. Пѣсни, были и разныя стихотворенія *Н. А. Панова*. С.-Петербургъ, 1896. Цѣна 1 р. 50 коп. Въ этой объемистой книгѣ, украшенной обложкой художественной обложкой Н. Н. Каразина, есть нѣсколько недурныхъ стихотвореній, которыя гораздо замѣтнѣе выдавались-бы изъ общей массы стихотворнаго матеріала, собраннаго авторомъ, еслибы его „Гусли звончаты", вмѣсто 400 слишкомъ страницъ, звенѣли-бы передъ читателями хотя-бы на 200 или 100 страницахъ. Нечего уже и говорить о неумѣстности появленія въ сборникѣ стихотвореній г-на Панова его біографіи да еще и портрета. Самый коварный врагъ не могъ посовѣтовать бы ему того, что онъ сдѣлалъ самъ по своему желанію!.. Портятъ, и безъ того уже достаточно испорченное, впечатлѣніе, которое въ общемъ могло-бы говорить въ пользу автора, очень многіе изъ „куплетныхъ" стихотвореній, — еще болѣе портятъ всѣ юмористическія пьесы, кромѣ „Деревенскихъ святокъ" и „Барыни - сударыни". Совершенно безъ ущерба для книги можно было-бы исключить и весь послѣдній отдѣлъ, называющійся „Были", кромѣ хотя и навѣяннаго болѣе яркими художественными образцами поэзіи, но все-же заслуживающаго вниманія, стихотворенія „Стенька Разинъ". Авторъ, къ сожалѣнію поступилъ совсѣмъ наоборотъ. Онъ—не новичокъ въ литературѣ; стихи его, время отъ времени, появлялись то въ одномъ, то въ другомъ журналѣ (изъ малоизвѣстныхъ и малораспространенныхъ) на пространствѣ цѣлыхъ восемнадцати лѣтъ (1877—95). Лучшія изъ его стихотвореній не лишены—простоты, картинности и нѣкоторой доли задушевнаго лиризма, но ихъ такъ немного, что можно всѣ перечесть. Таковы, напримѣръ: „Травушка-муравушка", „Опальный бояринъ", „Вашъ меньшій братъ", „Деревенскій скрипачъ", „Привѣтъ жаворонку", „Грозно ходятъ тучи по-небу"..., „Русалки", „Переселенцы", „Въ послѣдній разъ", и нѣкоторыя изъ „Пѣсенъ любви". Издана книга прилично.

Ап. К—скій

Стихотворенія *Леонида Афанасьева*. Спб. 1896. Ц. 1 р. Стихотвореніямъ г. Афанасьева нельзя отказать въ томъ, что они довольно гладко написаны, но они блѣдны, неоригинальны, и необыкновенно скучны. Большинство изъ нихъ — описанія природы, но самъ г. Афанасьевъ не подмѣтилъ въ ней ничего новаго, чего бы не видѣли и на что бы не указывали другіе поэты. Происходитъ это, вѣроятно, оттого, что г. Афанасьевъ восхищается не живою природой,

воспроизведеніемъ ея у другихъ поэтовъ, особенно у Тютчева. Его вдохновеніе не непосредственное, а съ чужихъ словъ. Оно родится не среди природы, но въ кабинетѣ. Отсюда полное отсутствіе оригинальности,—своего, личнаго. Вмѣсто картинъ съ натуры только „копіи съ перекопій". Впрочемъ, было бы слишкомъ мягко сказать, что стихи г. Афанасьева только не оригинальны. Едва ли не справедливѣе было бы назвать ихъ широко и нерѣдко довольно откровенно позаимствованными у другихъ поэтовъ. Не только отдѣльные образы перенесены изъ произведеній нашихъ лучшихъ поэтовъ, но порой цѣлыя стихотворенія составляютъ только разжиженные пересказы стихотвореній гр. А. К. Толстаго, Фета, даже Надсона и въ особенности Тютчева. Стихотвореніе послѣдняго „Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ" эксплоатировалось г. Афанасьевымъ, по крайней мѣрѣ, три раза въ стихотвореніяхъ „Люблю осеннюю печальную пору", „Люблю задумчивыхъ весеннихъ вечеровъ" и „Осенняя туманная лазурь"—два раза для осени, а третій даже для весны, что уже свидѣтельствуетъ о полной неспособности г. Афанасьева даже понимать чужую поэзію. На каждомъ шагу у г. Афанасьева можно встрѣтить цѣлыя строки, прямо выкраденныя у разныхъ поэтовъ. Въ общемъ стихи г. Афанасьева отзываются плагіатомъ самаго безцеремоннаго свойства.

Пл. К.

Школы сценическаго искусства на Западѣ

Сценическое образованіе горячо оспаривали у насъ лѣтъ пятнадцать—двадцать назадъ, но за послѣдніе годы оно начинаетъ становиться на ряду съ другими профессіональными видами подготовки. Помимо Императорскихъ театральныхъ училищъ и консерваторій въ обѣихъ столицахъ, открываются также частные курсы и школы сценическаго искусства, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. И еслибъ пришлось „интервьюировать" молодыхъ актеровъ обѣихъ столицъ, то, по всей вѣроятности, оказалось бы, что половина изъ нихъ получила свое драматическое образованіе въ театральныхъ классахъ.

И вотъ, по поводу этого, сравнительно новаго, спеціальнаго образованія въ Россіи, не безъинтересно посмотрѣть—какъ поставлено сценическое преподаваніе на Западѣ. Когда-то это дѣло было мнѣ хорошо знакомо; а нынѣшнимъ лѣтомъ, заграницей, я снова присмотрѣлась къ нему; но чтобъ мои личныя наблюденія не вышли слишкомъ голословными, я собрала также и письменныя свѣдѣнія отъ директоровъ и преподавателей.

Во Франціи, Италіи и Саксоніи преподаваніе сценическаго искусства — и государственное, и частное. Въ Парижѣ, во Флоренціи, въ Дрезденѣ театральные курсы поддерживаются государствомъ. Въ другихъ же городахъ и странахъ они—частныя учрежденія.

Начну мой обзоръ съ Франціи, потому что до сихъ поръ Франція остается самой плодовитой страной въ смыслѣ пьесъ, театровъ и актеровъ. Сказавъ „Франція"—я ошиблась—надо сказать: „Парижъ". Только въ Парижѣ существуетъ, помимо національной консерваторіи, такое большое количество сценическихъ школъ и курсовъ, хотя во всѣхъ крупныхъ городахъ Франціи есть музыкальныя консерваторіи и съ драматическими отдѣленіями. Но нигдѣ, какъ въ Парижѣ, нельзя такъ прослѣдить всю шкалу сценическаго преподаванія. Для наглядности моего обзора, я раздѣлю парижскія театральныя школы на три типа и разскажу сначала объ урокѣ у одного изъ такихъ преподавателей, у которыхъ собственно и начинается театральная „выучка".

Г. Поль Граволле, мало извѣстный актеръ изъ Comédie Française, издалъ книжку: „Déclamation, école du mécanisme", съ предисловіемъ его товарища по театру Французской Комедіи и преподавателя въ парижской консерваторіи—Дюпонъ-Вернона. Это предисловіе такого компетентнаго лица и побудило меня идти именно къ Граволле. Въ Парижѣ нѣсколько такихъ преподавателей, что даютъ уроки и печатаютъ учебники для выработки дикціи. Прежде, лѣтъ двадцать пять назадъ, лучшимъ учебникомъ считалась книжка Morin. Узнавъ о цѣли моего посѣщенія, г. Граволле любезно разрѣшилъ мнѣ присутствовать на его урокѣ. Онъ проходитъ съ своими учениками, такъ сказать, *гаммы и экзерциціи* для выработки силы и выразительности въ голосѣ и въ жестахъ. Среди его учениковъ есть провинціальные актеры, учителя, адвокаты, духовные и даже ученики консерваторіи, у которыхъ вялое произношеніе, или какія нибудь дурныя привычки въ мимикѣ лица, въ жестахъ. По лѣтнему времени, я застала только нѣсколько человѣкъ, остальные уже разъѣхались на каникулы.

БРЕССАНЪ.

Классъ начался съ упражненій голоса и жестовъ. Ученикъ беретъ, напр., слога; *кса, ксе, кси, ксо, ксу.* Онъ то плавно растягиваетъ слога, то быстро, быстро ускоряетъ ихъ и, при этомъ, въ темпъ, продѣлываетъ всѣ жесты чувствъ:—мольбы, гнѣва, прощенія. Такія упражненія дѣлаются на разные слога, смотря по тому, какая начальная согласная болѣе всего затрудняетъ произношеніе ученика.

Потомъ, Граволле заставляетъ учениковъ смѣяться, во всѣхъ тонахъ и во всѣхъ темпахъ, начиная piano, потомъ crescendo, доходя до forte, до самаго раскатистаго смѣха; или же сразу заставляетъ ученика разражаться хохотомъ и доходить до сдавленнаго смѣха, до прысканья. То же самое продѣлывается и со слезами. Оба эти упражненія трудны до крайности. Вначалѣ ученикъ синѣетъ отъ напряженія, грудь у него вгибается; но потомъ онъ *приспособляется*, онъ начинаетъ *умѣть* смѣяться, дыханіе становится продолжительнѣе. Что такіе пріемы полезны для сцены, это несомнѣнно. Такъ рѣдко слышишь со сцены смѣхъ пріятный и рыданія не истерическія. Для выработки произношенія, для искорененія провинціализмовъ Граволле употребляетъ разныя замысловатыя упражненія, которыя и приводятся въ его книжкѣ: „Déclamation, école du mécanisme".

Тутъ я не могу не сказать, что иныя изъ насъ, русскихъ дамъ, воображаемъ, будто мы превосходно говоримъ по французски. Бывали даже такія, что совершенно серьезно занимались французской сценой, готовились къ ней; но лишь только онѣ становились на подмостки, ихъ произношеніе, рядомъ съ французами, звучало такъ, какъ бы для насъ, русскихъ, звучало съ русской сцены произношеніе остзейскихъ нѣмокъ или англичанокъ съ Васильевскаго острова. Играть на иноземной сценѣ требуетъ громаднаго и непроизводительнаго труда. Никогда иностранцу не достигнуть на сценѣ безукоризненной дикціи. Утверждаю это по долгому опыту. Модуляція голоса въ произношеніи періодовъ или одно какое нибудь удареніе на слогъ сейчасъ и выдадутъ его! Мнѣ часто на это возражали:

— А тулузцы, а перигурдинцы съ ихъ глухимъ, полуиспанскимъ произношеніемъ? А всѣ южные французы съ ихъ рѣжущимъ ухо *инь* и *ень*?!

ДЕЛОНЕ.

Да, но они все-таки французы.

Въ концѣ урока г. Граволле попросилъ меня пройти въ слѣдующую комнату. Тамъ сидѣло еще двое учениковъ. Они пришли позднѣе всѣхъ и, вѣроятно, чтобъ не развлекать своимъ входомъ общаго урока, дожидались отдѣльно.

— Сегодня поздно пришелъ, некогда, обратился г. Граволле къ мальчику лѣтъ двѣнадцати.

Тотъ быстро засунулъ книжку въ карманъ и весело кинувъ:

— Bjour msieur!—умчался, вѣроятно, въ Тюльерійскій садъ, который находится по близости.

— Начинайте, обратился г. Граволле къ другому ученику.

Этотъ, юноша лѣтъ семнадцати, видомъ и произношеніемъ польскій еврей, прямо изъ Варшавы, отъ „Желѣзной Брамы", только очень хорошо одѣтый въ европейское платье. У него не было ни единаго, чистаго, французскаго звука да еще при этомъ онъ говорилъ роль герцога изъ *Etrangère*...

Я не воздержалась и спросила его, откуда онъ родомъ?

— Д'Маршель, мадамъ, отвѣтилъ еврейчикъ безъ запинки.

Я недовѣрчиво взглянула на учителя.

— Да, онъ изъ Марселя, подтвердилъ г. Граволле. Произношеніе у него жестокое; но посмотрите, какіе онъ дѣлаетъ успѣхи въ стихахъ.

Юноша продекламировалъ монологъ изъ *Ночей* Мюссе. Правда, его жестокое произношеніе слышалось только на половину.

— И это послѣ двухмѣсячныхъ упражненій—но какихъ! похвалилъ учитель.

Мнѣ же думалось: если въ этомъ евреѣ нѣтъ задатковъ громаднаго таланта оратора или актера, то къ чему такой трудъ, такая ужасная потеря времени на чисто механическую работу, даже если онъ и дѣйствительно съ *Cannebière*ъ, а не отъ *Желѣзной Брамы*?..

Послѣ класса г. Граволле, заглянула я и въ Institut Rudy, или „Ассоціацію международныхъ профессоровъ". Тамъ преподаются 20 языковъ учителями тѣхъ національностей, языкамъ которыхъ они учатъ. Это мнѣ показалось заманчивымъ. Въ Institut Rudy есть и драматическіе классы; въ программѣ стоитъ, что преподаватели—актеръ и актриса изъ Comédie Française. Помѣщеніе большое, на дорогой улицѣ—Rue Royale, 7. Существуетъ эта „Ассоціація международныхъ профессоровъ" съ 1860 года, съ разрѣшенія правительства и въ 1878 г. на международной выставкѣ въ Парижѣ получила медаль. Но по лѣтнему ли времени, или по какимъ другимъ причинамъ — я въ классѣ учениковъ не нашла, а застала одного учителя-репетитора, который на мои вопросы: въ чемъ состоятъ его репетиціи съ учениками сценическаго отдѣленія, отвѣчалъ уклончиво; но услыхавъ, что я русская, разговорился о театрѣ вообще и сообщилъ мнѣ небезъинтересный фактъ: онъ и его жена заработали на сценѣ Михайловскаго театра въ Петербургѣ 200,000 франковъ, а привезли во Францію всего только сорокъ тысячъ франковъ. Чета скромная, привычки скромныя.

— Les toilettes devorent l'argent! воскликнулъ репетиторъ.

II

Послѣ визита въ Institut Rudy я уже прямо отправилась въ консерваторію. Тутъ, наоборотъ, я застала самую горячую пору: приготовленія къ публичному конкурсу, на которомъ распредѣляются награды. Въ это время попасть на урокъ постороннему лицу — очень трудно; но цѣль моихъ визитовъ везде открывала мнѣ двери.

Парижская консерваторія, какъ я сказала выше, учрежденіе государственное—національное, подъ вѣдомствомъ министерства народнаго просвѣщенія. Она такъ и называется: "Conservatoire National". Въ нынѣшнемъ году консерваторія отпраздновала столѣтіе своего существованія. При ней имѣется шесть классовъ сценическаго искусства. Всѣ шесть съ одинаковой программой. Всѣ преподаватели — актеры изъ Comédie Française, *исключительно.* Они на жалованьи отъ 450 руб. до 900 руб. (отъ 1,200 ф. до 2,400 ф.), смотря по заслугамъ. Жалованье, сравнительно съ ихъ окладами въ Comédie Française, конечно, ничтожное; за то ихъ служба въ консерваторіи считается очень почетной. У каждаго преподавателя по 10 учениковъ,—болѣе не допускается, но всѣ 60 учениковъ могутъ присутствовать, *какъ слушатели*, на урокѣ любаго изъ этихъ шести преподавателей.

С. А. Б—на

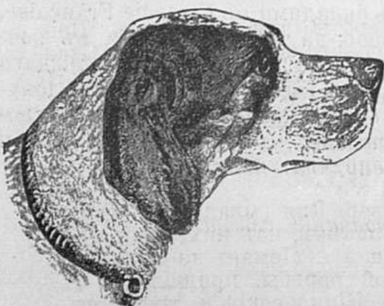
Окончаніе слѣдуетъ

Выставки общества любителей породистыхъ собакъ

Недѣли двѣ тому назадъ въ Михайловскомъ манежѣ открылась IX очередная выставка общества любителей породистыхъ собакъ. Кромѣ питомника Л. Л. Кенига, да еще нѣсколько порядочныхъ экземпляровъ, на выставкѣ рѣшительно не было ничего заслуживающаго вниманія. Я не считаю, конечно, „декорацій", т. е. собакъ, уже получившихъ цѣлый рядъ призовъ и фигурирующихъ на выставкѣ просто для того, чтобы на нихъ могли отдохнуть глаза любителя. О нихъ я скажу ниже. Псовый отдѣлъ — былъ очень не важенъ. Судя по выставленнымъ собакамъ, наша коренная русская охота ухудшается съ каждымъ годомъ. Гончихъ нѣтъ, если не считать Императорской охоты. Стая въ общемъ выглядитъ очень хорошо, а нѣкоторые отдѣльные экземпляры просто безукуризненны. Но зато на всѣхъ выставкахъ, въ отдѣлѣ гончихъ, собаки частныхъ владѣльцевъ почти отсутствуютъ. Очень хороши щенки-лайки г. Виноградскаго отъ его извѣстнаго Нордъ-Оста. Изъ сетеровъ ирландскихъ слѣдуетъ отмѣтить Ольдъ-Ника г. Витте и Кума — г. Чичагова. Изъ лягавыхъ лучшій экземпляръ — Раппо г. Остафьева. Понтеровъ много и среди нихъ первое мѣсто принадлежитъ питомнику г. Кенига. Жаль только, что собаки не совсѣмъ подготовлены къ выставкѣ, почему нѣкоторыя производятъ впечатлѣніе сыроватыхъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Сторожевыхъ и комнатныхъ собакъ на выставкѣ порядочное количество. Лошадей мало.

По обыкновенію, В. В. Леженъ экспонировалъ разныя охотничьи принадлежности и на этотъ разъ еще велосипеды. Неизбѣжный Высоцкій съ сапогами. Поповъ выставилъ прекрасно сдѣланную группу-сцену изъ медвѣжьей охоты. Тутъ же висятъ нѣсколько фотографій, изображающихъ какого-то господина въ геройскихъ позахъ среди двора надъ убитыми медвѣжатами.

При закрытіи выставки мнѣ пришлось встрѣтиться съ нѣсколькими любителями охотничьихъ собакъ, въ томъ числѣ съ экспонентами и владѣльцами питомниковъ. Всѣ они согласно удивлялись системѣ присужденія наградъ, практикуемой обществомъ. Дѣло въ томъ, что всѣ высшіе награды и призы обыкновенно, за ничтожными исключеніями, выдаются собакамъ, уже получившимъ неоднократно точно такія же или подобныя высшія награды. Напримѣръ, всѣ собаки, получившія на этой выставкѣ большія серебряныя медали и призы, получаютъ ихъ во второй и даже въ третій разъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что компетенція общества высказываетъ лишь въ подтвержденіи разъ признаннаго факта, а не въ утвержденіи новаго. Это съ одной стороны. Съ другой — дѣятельность общества вся сводится къ тому, чтобы собрать на выставку какъ можно болѣе кровныхъ собакъ безъ всякаго различія, гдѣ выведена такая собака и который разъ она появляется на выставкѣ. Врядъ ли, однако, можно согласиться съ тѣмъ, что цѣли и дѣятельность русскаго общества любителей породистыхъ собакъ должны проявляться только въ этомъ.

Не мудрено, имѣя большія деньги, купить въ Англіи хорошую собаку и выставить ее. Никакого знанія не нужно для того, чтобы присудить высшую награду подобной собакѣ въ родѣ „Девонширъ-Неро" г. Кенига, получившаго болѣе двухъ десятковъ призовъ на выставкахъ Англіи, Франціи и Бельгіи. Не стоитъ большихъ хлопотъ также, разъ получивъ высшую награду за хорошую собаку въ родѣ, напр., „Спотта"—г. Дица, регулярно выставлять на одну и ту же выставку и получать опять и опять такія же награды.

Въ данномъ случаѣ награды эти теряютъ свое значеніе поощренія, а просто являются какъ бы благодарственными подарками, лицу, согласившемуся выставить свою собаку для украшенія выставки. Награды получаетъ не собака, а ея владѣлецъ. Здравый смыслъ говоритъ, что подобныя собаки должны на выставкахъ находиться внѣ конкурса, точно также, какъ и собаки Императорской охоты. При такомъ порядкѣ явится излишекъ призовъ и высшихъ наградъ и можно будетъ поощрять ими то, что и должно быть поощряемо прежде всего — разведеніе породистыхъ собакъ у насъ, дома.

Вполнѣ естественно, если выставляемая каждый годъ собака будетъ проходить разныя степени наградъ, сегодня малую серебряную, потомъ большую и, наконецъ, высшую — золотую медаль или призъ (до 4-хъ лѣтъ собака еще формируется). Но разъ высшая награда получена, повторенія не должно быть и собака выходитъ изъ конкурса. Этимъ освобождается путь для дѣйствительной конкуренціи, которая крайне затруднительна и даже невозможна при существующемъ порядкѣ. Мнѣ кажется, что, измѣнивъ его въ вышеуказанномъ смыслѣ, общество любителей породистыхъ собакъ дѣйствительно будетъ приносить пользу разведенію чисто-породныхъ собакъ въ Россіи.

Что касается до собакъ „внѣ-конкурсныхъ", то съ цѣлью привлеченія ихъ на выставку въ качествѣ, такъ сказать, образцовъ, можно придумать какіе нибудь отдѣльные жетоны или что нибудь въ этомъ родѣ, но во всякомъ случаѣ не ставить ихъ въ конкурсъ.

А. С[illegible]

Отдѣлъ борзыхъ: большія серебряныя медали. „Поражай" и „Побей" Императорской охоты и свора ея-же: „Обрывай", „Любимъ" и „Заноза". Кромѣ того „Поражаю" присужденъ призъ. Малую серебряную медаль получила „Вѣдьма" Императорской охоты; бронзовыя мадали: „Жеманка", „Винтовка" Императорской охоты и „Морсъ" М. Н. Кунцевича. Похвальный отзывъ — Сердечный" В. Р. Дица.

Отдѣлъ хортыхъ: „Скосарка" г. Целибѣева — бронзовую медаль и „Разбой" г-жи Брейеръ — похвальный отзывъ.

Отдѣлъ гончихъ Императорской охоты: за всю стаю, со-

стоящую изъ 30 англо-русскихъ, чернопѣгихъ гончихъ присуждена золотая медаль. „Бахарь", большія серебряныя: „Залучай", „Соловка" и „Дикушка". Малыя серебряныя: „Дикарь", „Голосъ", „Фаготъ", „Забавный", „Баритонъ", „Гудокъ", „Сорока" и „Росишка". Бронзовыя медали—„Заливай", „Трещало", „Набатъ", „Бандаръ", „Крутило", „Рулнянъ", „Задоръ", „Кутило", „Докучай", „Шумило", „Журтика" „Гвоздило" и „Журило". Остальныя гончія этой стаи получили похвальные отзывы.

Отдѣлъ фоксъ-терріоровъ: большія серебряныя медали - „Дедлей-Рюлеръ" Ф. К. Баротъ, „Бэбъ" К. А. Бепо (и призъ). Малыя серебряныя—„Кинъ-Стопіанъ-Нелль" К. К. Баротъ, „Риджвутъ-Роосъ" Ф. К. Баротъ, „Лонгъ-Стиръ" В. В. Грибшъ, „Леди-Франклинъ" его-же и „Джонъ" Ф. Ф. Мальмгренъ. Бронзовыя медали—„Рипъ" К. К. Баротъ, „Бичгровъ-Лоти" К. А. Бено и „Джибъ" Н. А. Винтулова. Похвальные отзывы—„Джимъ" Б. А. Торупъ и „Дэзи" А. С. Баллисъ. Экспертомъ этого отдѣла былъ г. Саутамъ.

Отдѣлъ англійскихъ сеттеровъ: большія серебряныя медали—„Споттъ" В. А. Дица, „Томъ" его-же. Малыя серебряныя медали: „Ренджеръ" А. Н. Семенова, „Гильза" М. М. Казарина, „Фейфъ" Императорской охоты, „Бой" г. Станкевича, „Балаши-Лото изъ Кокина" Его Императорскаго Высочества великаго князя Сергія Михаиловича, „Чардашъ" Н. А. Гена и „Самъ" гр. Шереметева. Бронзовыя медали: „Бесси" г. Котишевича, „Шотъ" г. Мюзера, „Роджеръ" В. Р. Дица, „Бесси" и „Дези" Императорской охоты, „Онкисъ" г. Книгге" и „Дая изъ Кокина" кн. М. М. Кантакузина. Похвальные отзывы: „Хеди" г. Войткевича, „Стелли" его-же, „Джильда" Н. Н. Шертенской, „Роль" г-жи Золотаревой, „Фричка" Н. А. Гена, „Чинотъ" и „Кэтъ II" его-же.

Ирландскіе сеттера: большія серебряныя медали—„Пиратъ" г. Чижевскаго и „Динъ" В. А. Саутемъ. Малыя серебряныя: „Долли" А. С. Хрѣнова, „Кэтъ" его-же, „Лэди-Бель" г. Чичагова, „Али" А. Д. Всеволожскаго, „Плутонъ" гр. Стенбока, „Ольдъ-Никъ" К. Э. Виттъ. Бронзовыя медали—„Сюлливанъ" А. С. Хрѣнова, „Грумъ" его-же. „Фрина" г. Иванова, „Леди" г. Столѣтова, „Понш" В. Е. Брандтъ, „Пиръ" П. И. Филиппьева и „Брона" А. В. Баулера.

Сеттера черно-подпалые: малыя серебряныя медали—„Сбогаръ" г-жи Амигграа, „Марсъ" И. Ф. Ярославскаго, „Каро" В. В. Ходецкаго. Бронзовую медаль—„Діана" г. Константинова. Похвальный отзывъ—„Дора" г-жи Мызниковой.

Спаніэлли: большую серебряную медаль—„Рендольфъ" В. Р. Дица и „Дашъ" г. Брандта. Малыя

серебряныя медали—„Бой" С. В. Козлова, „Рэкъ" гр. П. Ф. Стенбока, „Меранда" В. Р. Дица. Бронзовую медаль—„Дэзи" г. Козлова и похвальный отзывъ—„Марго" его-же.

Отдѣлъ лягавыхъ; малыя серебряныя: „Рустемъ" Г. И. Тимченко-Рубанъ, „Дикъ" графини Ланской, „Раппо" г. Остафьева; бронзовыя медали: „Рексъ" Н. В. Козлова, „Беппо" С. В. Козлова, „Дюкъ" г. Андреева и „Ручъ" г. Германа. Похвальные отзывы: „Бекасъ" В. И. Шведова, „Бурзикъ" г. Гусева и „Ниффъ" г. Шомакера.

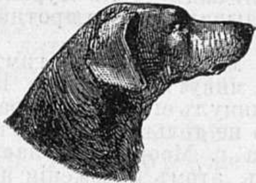
Отдѣлъ пойнтеровъ. Наибольшій успѣхъ имѣлъ питомникъ Л. Л. Кенига (извѣстнаго сахарозаводчика). Одна изъ собакъ его питомника „Девонширъ-Перо" получила высшую награду—золотую медаль. Этотъ замѣчательный пойнтеръ, вывезенный въ 1893 г. изъ Англіи, имѣетъ уже 16 первыхъ призовъ на выставкахъ Англіи, Бельгіи и Парижа, три почетныхъ кубка, 6 спеціальныхъ призовъ, два вторыхъ приза и нѣсколько призовъ за полевыя испытанія.

Въ этомъ же отдѣлѣ золотую медаль и призъ получилъ „Пиръ" А. И. Чевакинскаго. Большую серебряную медаль получила „Рексъ" Л. Л. Кенига. Малыя серебряныя медали: „Шотъ" его-же, „Спортъ" его же, „Боксъ" его-же, „Дая" его-же и „Зигра" г. Григорьева. „Бронзовыя медали: „Дина". „Фрея" и „Рея" Л. Л. Кенига, „Фиксъ" г. Золотницкаго, „Дюкъ" г. Покровскаго, „Леди" А. А. Галль. Похвальные отзывы: „Цезарь" Л. Л. Кенига, „Флукъ" г. Мельникова, „Леди" г. Соколова, „Стопъ" и „Спортъ" г. Бабина, „Стопъ" г. Бядряга и „Леди" г. Мюзера.

Кофейно-пѣгіе и другихъ окрасокъ пойнтера: Малую серебряную медаль получилъ „Рэкъ" кн. Кантакузина; бронзовыя медали: „Марсъ" г. Бедункевича, „Рэкъ" бар. Таубе, „Майтъ" г. Дельсаль и „Викъ" г-жи Штурмановой. Похвальные отзывы: „Гранитъ" І. Ф. Кшесинскаго и „Бой" г. Матвѣева.

Отдѣлъ таксъ: золотую (малую) получилъ питомникъ г-жи Б. А. Брейеръ „Нева" за коллекцію таксъ. Большія серебряныя медали: „Лукка-офъ-Мюнхенъ" герцога Н. Н. Лейхтенбергскаго, „Рейникесъ-Трикъ" г-жи Брейеръ, „Шуй" ея-же. Малыя серебряныя: „Валдай" герцога Н. Н. Лейхтенбергскаго, „Пурцель" г-жи Брейеръ, „Мордаксъ" ея-же, „Рейникесъ-Лотта" ея-же и „Шпакъ" ея-же. Бронзовыя медали: „Факгель" г. Бульфіуса, „Бьюти" А. С. Обольянинова, и похвальный отзывъ „Милька" г. Мызникова. Экспертами этого отдѣла были: гр. Стенбокъ, баронъ Корфъ и А. В. Владимірскій.

Отдѣлъ лаекъ: большую серебряную медаль получили: „Каюкъ" Его Императорскаго Высочества великаго князя Михаила Александровича (и призъ), „Ампъ" Ѳ. М. Гарничъ-Гарницкаго, „Джой" ген. Гринвальда, „Бузя" г. Балкашина. Малыя серебряныя медали: „Валетъ" В. Н. Ма-

тева, „Никъ" ген. Гринвальда. Бронзовыя медали: „Камчатка" И. А. Виноградскаго, „Чучка" его-же, „Первый" г. Данилова, „Лу" ген. Гринвальда и „Бой" его-же. Похвальные отзывы: „Бирка" А. А. Богданова и „Войтъ" ген. Гринвальда.

Отдѣлъ сторожевыхъ (овчарки). Большая серебряная медаль—„Османъ" г. Шадрина; малыя серебряныя—„Полканъ" г. Швабъ, „Кирпъ" княжны Кантакузенъ и „Шепотъ-Шаринге" Э. П. Гильтонъ. Бронзовую медаль—„Бесси" В. В. Малама.

Отдѣлъ горныхъ и сенъ-бернаровъ. Большія серебряныя медали—„Принцъ" Н. Я. Торнтонъ, „Рексъ" Г. С. Растеряева, „Рустемъ" Н. Растеряева (и призъ). Малыя серебряныя медали: „Аяксъ" г. Маршанъ. Бронзовыя медали: „Норрисъ" г-жи Рожевичъ, „Федонъ" г-жи Гноинской, „Бриль" г. Гирстона и „Цезарь" А. Ромкнова. Похвальные отзывы: „Мильтонъ" Г. Г. Шиммарева, „Марсъ" г. Тупнельманъ, „Добрыня" Г. Эггеръ, „Нептунъ" Е. Михвицъ, „Мурза" В. В. Быковъ, „Русланъ" Э. Виттинъ, „Альба" г. Вейнъ, „Вѣрный" баронессы Унгернъ-Штернбергъ, „Пипо" г. Делькроа, „Цезарь" А. А. Каспари и „Иринъ" г. Фокса. Эксперты: гг. Кушелевъ, Саутамъ и Сабатъ.

Доги: „Ирма" В. О. Павловскаго—большая серебряная медаль; бронзовыя медали „Неро" г-жи Дурдиной, „Марсъ" г. Яковлева, „Ральфъ" В. Глезмера и похвальный отзывъ „Фатьма" г. Юревича; бронзовую медаль „Димко" бар. Корфъ (далматскій догъ).

Бульдоги: „Томъ" Д. Ф. Федорова—малая серебряныя медали: „Ирси" г. Эманъ. „Каро" г. Варламова и „Дымка" С. В. Попова—бронзовую. „Томъ" г-жи Юрги-Ингельской—похвальный отзывъ.

Пудели: Большія серебряныя: „Мюзетъ" А. С. Шипова, „Стрѣлокъ" г. Стукенъ, „Жанетъ" гр. Адлерберга (и призъ); малыя серебряныя: „Блэкъ" г-жи Андреевой, „Неро" А. С. Шпильбахъ, „Каро" г. Алфераки; бронзовыя медали: „Бѣлка" г. Полѣевктова, „Чарли" В. Ольдеррога, „Діамантъ" г. Шипова, „Попто" бар. Буксгевденъ, „Каро" г-жи Андреевой, „Лео" г. Биттрихъ, „Лоцманъ" г. Макарова; остальные получили похвальные отзывы.

Шпицы: „Туту" М. О. Сотенца малая серебряная, „Лира" г. Калюшера—бронзовая медаль.

Террьеры: большая серебряная медаль „Джаки" графини Монтебелло; малыя серебряныя—„Паттъ" Я. В. Торнтона, „Берсо" г. Варотъ. „Азіято-Гре" его-же, „Пата" г. Бепети, „Джэкъ" г. Поэнтъ; бронзовыя медали: „Нелли" В. В. Мената, „Липпъ" г. Террель и „Кри-кри" В. В. Николаева.

Комнатныя собаки: малыя серебряныя медали, „Принцъ" Я. И. Бруксъ, „Бижка" г. Кузнецова: „Соттерель" кн. Кантакузинъ, „Муффи" г-жи Сабанѣевой и „Бой" кн. Львовой; бронзовыя медали „Витка" г-жи Рожкевичъ, „Маусъ" г-жи Герберъ, „Маськотта" г-жи Карауловой, „Вѣкъ" г-жи Брейеръ, „Нини" г-жи Вонлярлярской, „Кротка" г. Шуляковскаго, „Стелля" г. Левицкаго, „Дѣвочка" г-жи фонъ-Шиллингъ. „Бобо" г-жи Пи, „Молли" ея-же, „Флокъ" г-жи Шицке и „Боксъ" г-жи Донатъ; похвальные отзывы: „Нелька" г-жи Фишеръ и „Лида" г-жи Пи.

Лошади: большія серебряныя медали — „Альвіаръ" В. В. Свѣчина и „Грэтъ-Мэри" Н. А. Заботкина; малыя серебряныя: „Трильби" его-же, „Тоби" Целибѣева и „Принцесса Греза" г. Евгенова; бронзовыя медали: „Тоби" кн. Кантакузинъ, „Шиньонъ" его-же, „Аспазія" Н. П. Арапова, „Безъимянный А. А. Богданова и „Кремель" г. Вульфсона: похвальные отзывы: „Чудная" кн. Кантакузинъ, „Красавецъ" А. А. Богданова и „Бьютти" Т. А. Ростенъ.

ВЕЛОСИПЕДЪ

Отчетъ С.-Петербургскаго общества велосипедистовъ любителей (сущ. съ 1882 г.)

Недавно намъ прислали отчетъ СПБ. общества велосипедистовъ любителей. Изъ него мы увидѣли, что въ обществѣ состоятъ членами 244 лица и 6 человѣкъ постоянныхъ гостей. Нельзя сказать, чтобы цифра эта была особенно велика для столицы. Дѣла Общества совершенно благополучны. Правда, долгъ есть, но заемъ этотъ общество дѣлало безъ процентовъ среди членовъ общества и временемъ платежа особенно стѣсняться не слѣдуетъ. СПБ. общество обладаетъ лучшимъ трекомъ въ Россіи на каменноостровскомъ проспектѣ и сноснымъ зимнимъ помѣщеніемъ. На своемъ трекѣ осенью оно устраивало гонки довольно интересныя, гораздо болѣе интересныя чѣмъ тѣ, которыя оно устраивало въ предыдущіе годы.

Еще въ 1893 году, въ тотъ годъ, когда Терронъ пріѣзжалъ въ Петербургъ для своего рекорда Петербургъ—Парижъ, (рекордъ этотъ, кстати, еще до сихъ поръ не побитъ, несмотря на нѣсколько попытокъ), на Семеновскомъ плацу были устраиваемы СПБ. обществомъ гонки съ участіемъ Похильскаго, Дьякова и въ то время уже непобѣдимаго Шредера, Рѣпинскаго, Мозера, Целибѣева, Попова и другихъ знаменитостей того времени. Гонки эти описалъ старый французскій чампіонъ Дюнканъ въ своей книгѣ „En suivant Terront". Въ то время скорости, показываемыя гонщиками были не изъ важныхъ и публики не было такъ много, какъ въ нынѣшнія времена. Въ доказательство того служитъ то, что за 10 лѣтъ СПБ. общество собрало чистаго дохода только 125 рублей (12 р. 50 к. на годъ).

Въ нынѣшнее время у общества есть очень хорошіе ѣздоки: П. Шварцъ, Шредеръ и Целибѣевъ и цѣлая группа порядочныхъ гонщиковъ П. Кребсъ, Папикинъ и др. Одно время ихъ чампіонъ г. Шварцъ грозилъ даже „несравненному" Дьякову (1895 годъ), но въ этомъ году онъ точно ослабѣлъ и провалился на гонкахъ въ обществѣ велосипедной ѣзды. За СПБ. обществомъ есть нѣсколько всероссійскихъ рекордовъ на 1/4, на 1/2 мили, на версту, на милю, на 3 версты и на 4½ версты. Рекордъ на 7½ вер. отнялъ отъ Шредера (СПБ. общ. вел.-люб.) г. Дьяковъ. Въ числѣ членовъ общества также состоятъ лучшіе тендемисты и триплемисты Россіи г. Шварцъ, Кребсъ и Папикинъ. (Черновъ, Бѣловъ и Красновъ).

Можно считать, что это общество начало по настоящему жить, а не прозябать, только съ 1895 г. Мы надѣемся, что это общество скоро станетъ одним изъ первыхъ въ Россіи, также ему не мѣшало бы отнять отъ Москвы право устраивать чампіонатъ Россіи только на своемъ трекѣ, такъ какъ трекъ СПБ. общества безусловно лучше трека московскаго общества велосипедистовъ любителей. Итакъ, пожелаемъ нашему первому русскому обществу (пока что еще первому только по времени) многія лѣта.

Б. С—нъ

PS. Редакція проситъ велосипедныя общества присылать свои отчеты, которые она будетъ помѣщать съ большимъ удовольствіемъ. Адресъ: Всемірная Иллюстрація, отдѣлъ „Спортъ".

Б. С—нъ

Гонка 28-го апрѣля Спб. общества велосипедистовъ любителей

28-го апрѣля на велодромѣ спб. общества велосипедистовъ любителей открылся сезонъ велосипедныхъ гонокъ, при холодной погодѣ и при сильномъ вѣтрѣ.

Заѣздъ № 1. 1/2 мили для младшихъ гонщиковъ. I серія. Идутъ Ѳедоровъ, Г. „С." и Аверстъ. Первымъ пришелъ Г. „С.", вторымъ Ѳедоровъ. II серія. Идутъ Ковмаръ, Ольскій Якобсонъ и проходятъ въ такомъ порядкѣ. На перебѣжкѣ первымъ былъ Ковмаръ (1 м. 24 с.), вторымъ Ѳедоровъ на 1/2 колеса и третьимъ Г. „С.". Ольскій сошелъ.

Заѣздъ № 2. 1½ в. для „старшихъ". Первымъ былъ г. Бутылкинъ, вторымъ А. Ѳ. Целибѣевъ и третьимъ „Стелла" (изъ Либавы). Время перваго 2 м. 29 с.

Заѣздъ № 3. 3 версты для новичковъ. Первыми тремя были гг. Леонардо, Анатоль и Скандиковъ, но никто изъ нихъ приза не получилъ, такъ какъ не могли побить нормы (6 м. 20 с.).

Заѣздъ № 4. 1/2 мили „Старшіе". Первымъ опять былъ г. Бутылкинъ, несмотря на красивый спуртъ г. Целибѣева, бывшаго вторымъ. Время перваго 1 м. 8⅗ с.

Заѣздъ № 4. 4½ вер. Для „младшихъ" гонщиковъ. Пустили 6 человѣкъ, изъ нихъ двое—Ковмаръ и С. „Г" упали, а А. Леманъ не шелъ. Первымъ, послѣ упорной борьбы, пришелъ С. „Г", вторымъ на шину — Шидловскій и третьимъ — Ѳедоровъ. Время перваго 7 м. 55¾ с.

Заѣздъ № 5. Призъ „Открытія“. Идутъ трое: Целибѣевъ, Бутылкинъ и либавская „Стелла“, которая никакого успѣха не имѣла, не смотря на то, что псевдонимъ себѣ выбрала съ большой претензіей. Все время почти ведетъ А. Бутылкинъ, за нимъ А. Ѳ. Целибѣевъ и „Стелла“. Въ концѣ предпослѣдняго круга раздается электрическій звонокъ и Бутылкинъ, обойдя Целибѣева, шедшаго немного впереди, беретъ голову гонки. Финишъ начинаетъ первымъ онъ же, Целибѣевъ держится внѣшней стороны дорожки. При выходѣ изъ послѣдняго виража Целибѣевъ великолѣпнымъ ходомъ настигаетъ Бутылкина и они проносятся почти одновременно, Целибѣевъ на $\frac{1}{2}$ шины впереди своего соперника. Послѣдній кругъ сдѣланъ въ $30\frac{4}{5}$ сек. Вся дистанція была пройдена въ 15 м. 52 сек. На финишѣ „Стелла“ совершенно стушевался и, кажется, никто не замѣтилъ, кончилъ ли онъ дистанцію или нѣтъ.

„Утѣшительный“ взялъ „Звѣздочкинъ“, шедшій безъ соперниковъ. Г. Якобсонъ сошелъ и не могъ конкурировать съ побѣдителемъ.

Б. С—нъ.

АТЛЕТИКА

Въ настоящее время любители атлетики сильно интересуются пріѣхавшими борцами профессіоналами — турками. 10-го апрѣля въ циркѣ Чинизелли состоялась первая борьба атлета г. Моора съ турецкимъ борцомъ Ибрагимомъ Мамутъ. По условію борьба продолжалась въ теченіе 10 минутъ и кончилась въ ничью. Ибрагимъ — очень стройный и красивый борецъ, во, къ сожалѣнію, весьма легкій; во время борьбы держится очень красиво и все время безстрашно наступаетъ. Онъ средняго роста (немного выше Моора, ростъ котораго едва достигаетъ средняго. Директоръ цирка обратился съ оффиціальной просьбой къ президенту атлетическаго кружка графу Рибопьеру о томъ, чтобы трое наиболѣе компетентныхъ членовъ-любителей составили жюри на всѣ три состязанія, въ силу чего всякія сомнѣнія въ несерьезности этого конкурса устранились бы. Однако въ дальнѣйшихъ состязаніяхъ г. Моора съ турецкими борцами члены кружка отказались принимать какое-либо участіе.

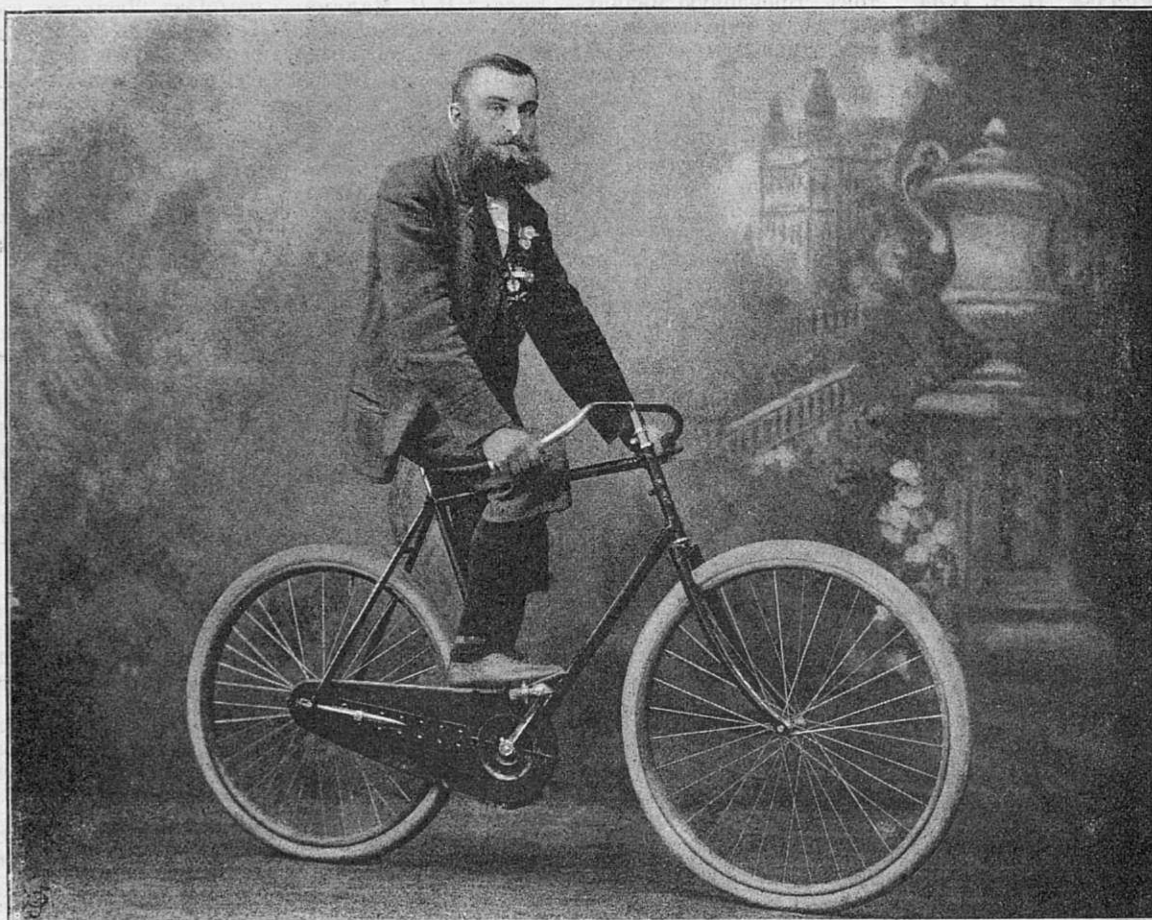
11-го апрѣля состоялась вторая (изъ трехъ) борьба Моора съ турецкимъ борцомъ Ибрагимомъ Мамутъ. Борьба длилась всего лишь 10 минутъ, какъ и раньше, но только положеніе борцовъ въ этотъ разъ было чрезвычайно интересно. Ибрагимъ Мамутъ, видно хорошо ознакомившійся со средствами своего противника, наступалъ такъ энергично и двигалъ г. Моора съ такой силой и такъ ловко, что послѣдній шатался во всѣ стороны, готовый упасть каждую минуту. Наконецъ, онъ упалъ на грудь и Ибрагимъ, вообще, видимо, не очень сильный въ партерной борьбѣ, началъ пробовать перевернуть его на спину. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ вставшій на четвереньки Мооръ ухватился обѣими руками за барьеръ. Пораженный такимъ неожиданнымъ, никогда еще въ его жизни невиданнымъ пріемомъ, турокъ остановился и не зналъ, что ему дѣлать. Наконецъ, крики публики заставили г. Моора оставить барьеръ и опуститься на арену. Турокъ оттащилъ его подальше отъ барьера и, захвативши руку Моора подъ грудью, сталъ его переворачивать. Но въ это время раздался звонокъ и борьба была прекращена. Условленныхъ 10 минутъ еще не прошло—было лишь около 9. Отъ лицъ, мало знакомыхъ съ борьбой, нельзя ожидать должной въ такихъ случаяхъ точности и должной оцѣнки каждаго неправильнаго поступка, такъ какъ имъ трудно понять всю важность въ такомъ состязаніи каждой четверти минуты и всякаго лишняго движенія, въ родѣ хватанія за барьеръ. Чѣмъ руководствовались въ данномъ случаѣ при выборѣ въ судьи лицъ далеко не компетентныхъ—мы не знаемъ.

12-го апрѣля состоялась третья борьба г. Моора съ туркомъ Ибрагимомъ Мамутъ. Послѣ нѣсколькихъ нападеній Ибрагимъ бросилъ противника на землю и сталъ искать положенія, при которомъ было бы легче перевернуть его. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ всякихъ подталкиваній и схватокъ противники приблизились къ барьеру, причемъ все время г. Мооръ лежалъ внизу, а Ибрагимъ былъ сверху.

Вѣроятно, опасеніе того, что Мооръ вторично прибѣгнетъ къ помощи барьера, какъ это онъ сдѣлалъ вчера, заставило судей, совсѣмъ не вовремя, разнять борцовъ и предложить имъ борьбу снова. Немного погодя, несмотря на то, что Моору нѣсколько разъ удавалось схватывать Ибрагима по русски подъ-мышки (le ceinture de devant), гибкій и крѣпкій какъ сталь турокъ кончалъ тѣмъ, что опрокидывалъ своего противника на землю.

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ Ибрагимъ поймалъ (на двѣнадцатой минутѣ) г. Моора la ceinture de devant и опрокинулъ его вполнѣ правильно на спину, такъ что не только обѣ лопатки, но даже и вся спина г. Моора коснулась земли, но удержать его въ этомъ положеніи не могъ. Еслибы судьи (четыре человѣка отъ г. Моора и пятый профессіональный борецъ Робине, совсѣмъ не говорящій по русски), въ компетентности которыхъ я позволилъ себѣ въ этотъ разъ усумниться, были бы получше знакомы съ борьбой и взявши на себя трудъ судить, въ то же время прочли бы хоть самое поверхностное руководство французской борьбы, они знали бы, что побѣжденнымъ считается тотъ, кто „прикоснулся“ къ землѣ одновременно обѣими лопатками“. Какъ мы слышали, на заявленіе борца Робине о томъ, что Мооръ побѣжденъ, его коллеги-судьи заявили, что въ Россіи нужно удержать упавшаго на спину противника для того, чтобы его можно было считать побѣжденнымъ. Мы въ первый разъ слышимъ о такихъ правилахъ борьбы „въ Россіи“. При существованіи такого суда, состязанія въ циркѣ похожи на все, что хотите, но только не на спортъ, не на состязаніе.

Н. К—ко.

К. А. ПЕТЕРСЪ, почетный секретарь московскаго клуба велосипедистовъ.

Съ фотографіи. Автотипія Эд. Гоппе.

Итоги зимнихъ рысистыхъ бѣговъ въ Петербургѣ

Послѣдніе три дня рысистыхъ испытаній въ Петербургѣ передъ закрытіемъ зимняго бѣгового сезона не отличались особеннымъ интересомъ. Почти всѣ разыгранные въ эти дни призы имѣли качества такъ называемыхъ „утѣшительныхъ“, ко всему этому и погода далеко не благопріятствовала испытаніямъ, дорожки отъ стоявшаго тепла были тяжелыя и съ каждымъ днемъ разбивались болѣе и болѣе; предпослѣдній день прошелъ даже подъ непрерывнымъ дождемъ. И только запись лошадей была хорошая, что и понятно, ибо всѣ призы назначались для лошадей, не выигравшихъ какъ въ своемъ такъ и въ высшихъ классахъ. Въ истекшій зимній сезонъ на проѣздку лошадей было записано: членскихъ 454, не членскихъ 51 и безплатныхъ т. е. принадлежащихъ почетнымъ членамъ 30, всего 525 лошадей. Призовъ всѣхъ было розыграно на 253.864 руб. на 46.190 руб. болѣе прошлаго года. Подводя итоги видимъ, что эта сумма по заѣздамъ распредѣлилась такъ: заводъ А. Ф. Терещенко, благодаря успѣхамъ „Полкана“, героя сезона, выигравъ 25.833 руб.; графа И. И. Воронцова-Дашкова 22.670 рубл.; А. Н. Добрыниной 22.312 рубл.; Е. И. В. великаго князя Димитрія Константиновича 20.359 рубл.; выводныя лошади,—среди коихъ главнымъ стоитъ „Флешъ“ г. Кишенскаго и князя Л. Д. Вяземскаго взяли 16.753 рубл.; лошади завода П. Г. Миндовскаго выиграли 11.730 рубл.; В. Т. Молоствова 10.781 рубл.; графа Г. И. Рибопьера 7.810 рубл.; В. И. Кубицкаго 6.862 рубл.; государственнаго Хрѣновскаго завода лошади взяли 6.732 рубл.; П. П. Мосолова 6.672 рубл.; Д. Ф. Бѣляева 5.498 рубл.; В, Н. Телѣгина 4.830 руб. и т. д. Наибольшую сумму призами взяли братья И. В. и Я. В. Кожевниковы, ихъ пять лошадей выиграли 26.650 рубл. и одинъ „Полканъ“, выигралъ 22.822 руб.— Послѣ нихъ выиграла конюшня Е. И В. великаго князя Димитрія Константиновича всего 20.359 рубл.,—изъ пяти лошадей, взялъ одинъ „Хваленый“ 18.698 рубл. Н. И. Богдановъ выигралъ 16.013 рубл. — больше другихъ взяла его кобыла „Хоба“ — 5.860 рубл. С. Н. Коншинъ взялъ призами 15.930 рубл.; больше другихъ лошадей выигралъ его „Свѣтъ“—6.398 рубл. С. Н. Кишенскій и князь Л, Д. Вяземскій—на одномъ жеребцѣ „Флешѣ“, заработали 14.134 рубл. О. П. Добрынина, выиграла 14.011 руб.; Н. М. Коноплинъ 11.730 руб.; В. Т. Молоствовъ получилъ 10.993 рубл.,—одинъ его „Чудный 2-й“ заработалъ 9.538 руб.; П. П. Мосоловъ взялъ 6.672 руб.; М. Н. Блиновъ 6.106 рубл., К. Л. Вахтеръ 6.034 рубл., Н. Ф. Аверьяновъ 5.832 рубл. Д. Ф. Бѣляевъ 5.498 рубл., графъ Г. И. Рибопьеръ 5.344 рубл., Н. Н. Каретниковъ 4.841 рубл., В. Н. Телѣгинъ 4.830 рубл., Д. С. Поляковъ 4.828 рубл. и т. д. 73 владѣльца лошадей оказались съ выигрышемъ и одиннадцать ничего не выиграли. Наилучшую рѣзвость въ этотъ сезонъ показали; трехлѣтки на полверстѣ: В. Н. Телѣгина „Арканъ“; онъ пришелъ въ $51\frac{1}{2}$ с., четырехлѣтки приходили на $1\frac{1}{2}$ версты—„Хваленый“ великаго князя Димитрія Константиновича—2 м. $28\frac{1}{2}$ с., на двухъ верстахъ онъ же былъ въ 3 м. $18\frac{1}{4}$ с., Н. Н. Богданова, кобыла „Хоба“ пришла $1\frac{1}{2}$ версты въ 2 м. $34\frac{1}{4}$ с., двѣ версты, въ 3 м. 21 с., пятилѣтки на 3 верстахъ—приходили: „Недотрогъ“ Н. Н. Коноплина, въ 4 м. $59\frac{1}{2}$ с., „Ласточка“. К. Л. Вахтера въ 5 м. $4\frac{3}{4}$ с.—весь возрастъ былъ—„Флешъ“, С. Н. Кишенскаго—на $1\frac{1}{2}$ верст. въ 2 м. $22\frac{1}{2}$ с., „Ворожей“, П. П. Мосолова въ 2 м. $25\frac{1}{2}$ с. — двѣ версты онъ же прошелъ въ 3 м. $55\frac{3}{4}$ с. — три версты съ пріема „Флешъ“ дѣлалъ въ 4 м. $53\frac{3}{4}$ с., „Полканъ“ братьевъ Кожевниковыхъ въ 4 м. 56 с.; „Нужный 2-й“, В. Т. Молоствова въ 4 $56\frac{1}{4}$ с., три версты съ хода—„Полканъ“ въ 4 м. $54\frac{1}{4}$ с. „Баядерка“ на 4-хъ верстахъ была въ 6 м. $48\frac{1}{4}$ с. „Свѣтъ“, С. Н. Коншина въ 6 м. 49 с. „Флешъ“— 6 м. 49 с.—Пять верстъ „Полканъ“ прошелъ въ 8 м. $30\frac{1}{2}$ с. и шесть верстъ онъ же былъ въ 10 м. $10\frac{3}{4}$ с. Истекшій зимній сезонъ вышелъ по рѣзвости блистательнымъ, въ немъ былъ лучшимъ, какъ мы выше уже замѣтили, рекордъ русскаго рысака и затѣмъ нѣкоторые изъ бѣжавшихъ лошадей приходили съ необыкновенною у насъ еще рѣзвостью.

ПОѢЗДКА КЪ МЕРТВОМУ МОРЮ

Изъ путевыхъ очерковъ Х***

Небо заалѣло на востокѣ, надъ вершинами страны Моавійской. Грохнула пушка съ вершины башни Давидовой, съ которой царь-пророкъ впервые узрѣлъ Вирсавію, купавшуюся въ садахъ Урія: этотъ грохотъ возвѣщаетъ мусульманскому міру, что наступила пора поста и молитвы до заката солнца. Въ свою очередь, и христіанскій Іерусалимъ тотчасъ же пробуждается; звонъ тысячи колоколовъ, латинскихъ, греческихъ, армянскихъ и коптскихъ, поднимается въ воздухѣ, какъ бы спѣша замѣнить поблѣднѣвшія звѣзды.

У нашихъ дверей раздается стукъ: это нашъ драгоманъ предупреждаетъ насъ, что уже пять часовъ. На дворѣ уже звенятъ бубенчики муловъ. Погонщики или мукры забираютъ мѣшки и корзины съ провизіей на цѣлую недѣлю. Небольшія сирійскія лошадки быстро осѣдланы, и минутъ двадцать спустя, когда караванъ нашъ выступаетъ изъ извилистыхъ улицъ Іерусалима, у воротъ Яффы, на лѣво, за древней оградой города, свѣтило дня уже является передъ нами.

Мы направляемся къ Мертвому морю и къ Іордану. Передъ

Отъѣздъ. Улица въ Іерусалимѣ.

приближеніемъ праздниковъ Св. Пасхи туристовъ не особенно много, за то тридцать тысячъ богомольцевъ нахлынули на Святую Землю. По примѣру древнихъ христіанъ, русскіе и греки совершаютъ омовеніе, желая очиститься въ цѣлебныхъ струяхъ священной рѣки.

Перейдя ворота Яффы, мы идемъ по дорогѣ къ Виѳлеему, и скоро входимъ въ долину Бенни-Хиномъ или долину Геенны, между горою Сіономъ и горой Искушенія. По склонамъ горъ гнѣздятся цѣлыя деревни прокаженныхъ! вамъ попадаются цѣлыя толпы этихъ несчастныхъ, направляющихся въ городъ нищенствовать; другіе обрабатываютъ поля, пасутъ и доятъ козъ и овецъ. Устроена лечебница, въ которую можно было бы помѣстить значительное число прокаженныхъ: она почти пуста; жизнь на свободѣ они предпочитаютъ заботливому уходу и, увы, свободно размножаются.

Трудный проходъ.

Близь садовъ Силое мы вступаемъ въ долину Кедрона; тропинка, ведущая къ долинѣ Іерихонской, прямо вьется изъ узкаго каменистаго ущелья, въ глубинѣ котораго пѣнится скромный потокъ. Въ двухъ часахъ отъ Іерусалима первая остановка въ селеніи жандармовъ.

Два турецкихъ жандарма выходятъ насъ встрѣтить, вѣроятно тѣ, которыхъ мы заранѣе просили нанять. Впрочемъ, это совершенно безразлично. По принятому обычаю, мы слѣдуемъ за ними въ ихъ хижину, гдѣ они предложатъ намъ чашку кофе. Если путешественникъ принялъ предложенную жандармомъ чашку кофе, тотъ вступаетъ въ караванъ и сопровождаетъ его во время всей поѣздки, съ платою пяти франковъ въ день.

Необходимо имѣть двухъ жандармовъ для конвоя. Въ Іерихонѣ, намъ случилось видѣть двухъ англичанъ, которые не сочли нужнымъ принять эту благоразумную предосторожность: ихъ совершенно ограбили, и багажи и платье, едва оставивъ имъ рубашки. Увидѣвъ ихъ, наши собственные телохранители обмѣнялись такимъ взглядомъ, который сразу объяснилъ намъ причину ихъ бѣдствія. Если кто вздумаетъ обойтись безъ этихъ турецкихъ воиновъ, они немедленно увѣдомляютъ своихъ пріятелей, сосѣднихъ бродягъ, и тогда... дѣлежъ пополамъ. Въ сопровожденіи жандармовъ, нечего опасаться воровъ на большихъ дорогахъ; ихъ даже никогда не встрѣчаютъ.

Наемъ жандармовъ.

И такъ, къ каравану нашему прибавилось два представителя объѣздной турецкой команды; въ фантастическомъ костюмѣ они болѣе смахивали на бандитовъ, чѣмъ на стражниковъ, верхомъ на великолѣпныхъ лошадяхъ и съ прекрасными ремингтонами. Мы идемъ вдоль Кедрона, то вправо, то влѣво, переходимъ черезъ потокъ почти не замочивъ ноги, вездѣ, гдѣ есть возможность избѣжать его безчисленныя извилины. Не будь

такихъ привычныхъ муловъ и лошадей, дорога такая, что сто разъ шею сломать можно. По одну сторону — прямая стѣна, по другую — пропасть.

Апрѣльское солнце знойно. Съ высокаго горизонта оно льетъ свои знойные лучи на обнаженныя горы, на ущелья безъ тѣни. Кое-гдѣ, между мѣловыми скалами, изрѣдка видно нѣсколько оливковыхъ деревьевъ.

Мы проходимъ мимо длинной вереницы русскихъ монаховъ въ черныхъ рясахъ, въ четыреугольныхъ шапкахъ, съ котомками за плечами; одни босые, другіе въ башмакахъ, окованныхъ желѣзомъ. Они направляются въ монастырь Маръ-Саба, куда отправляютъ ихъ въ наказаніе за проступки или ересь.

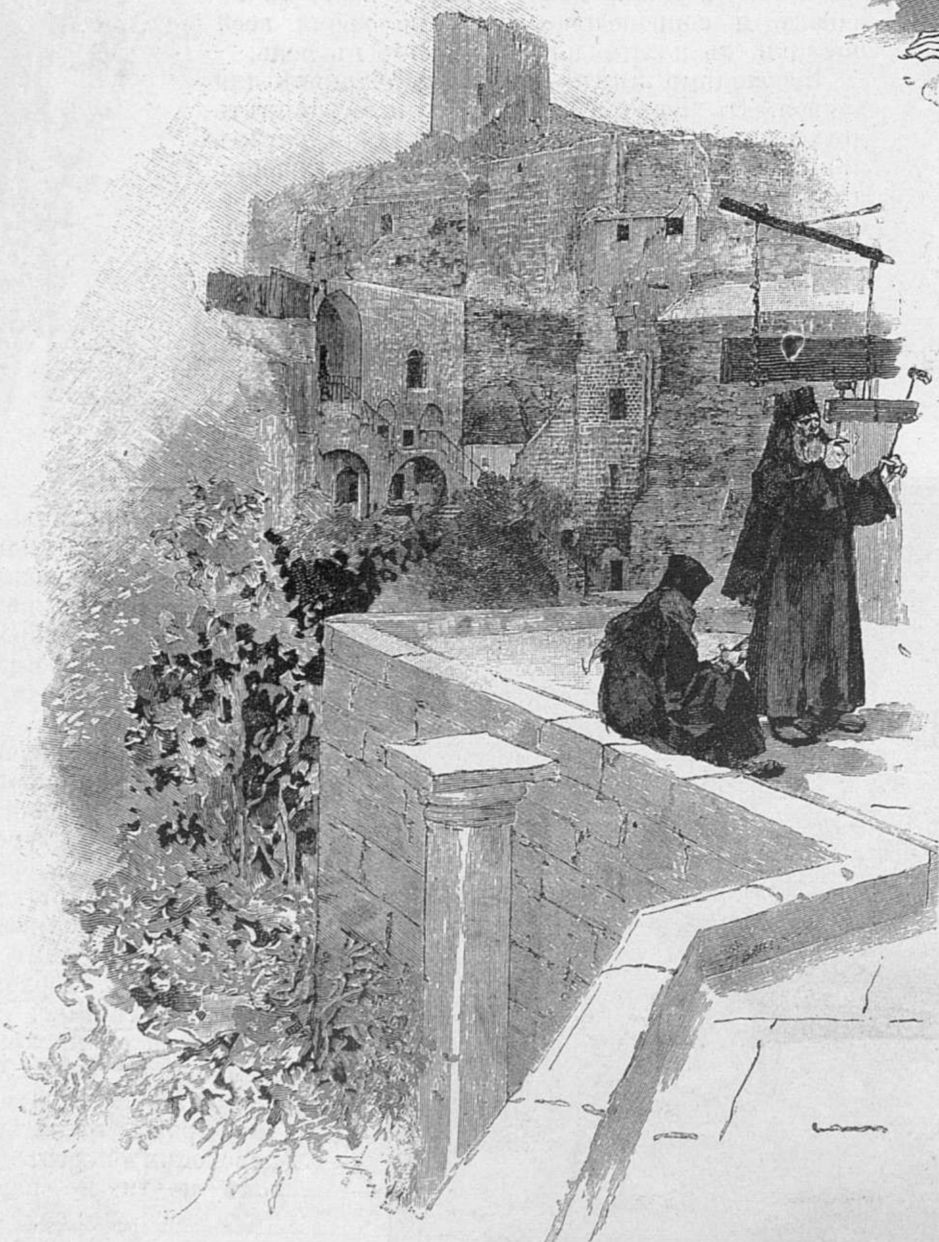
Спускъ идетъ еще быстрѣе. Дорога представляетъ родъ лѣстницы; каждая ступень — новое препятствіе для нашихъ лошадей и муловъ; ступени идутъ безъ перерыва, и самый смѣлый наѣздникъ не подумаетъ перейти ихъ безъ должной осмотрительности. Наконецъ, послѣ поворота, у самаго оврага подлѣ Кедрона, передъ нами, на скалѣ, масса разнообразныхъ построекъ: это Маръ-Саба. Въ серединѣ, на небольшомъ возвышеніи — церковь. Далѣе зданія тянутся одно за другимъ, то опускаясь, то поднимаясь, на половину вырубленныя въ скалѣ, на откосѣ горы; нѣкоторыя достигаютъ до самой вершины и заканчиваются двумя четырехъугольными башнями, соединенными высокою стѣною. Посѣтитель долженъ постучаться въ нижнюю дверь, у подножія одной изъ этихъ башень. Тогда спускается корзинка, привязанная къ веревкѣ. Въ нее слѣдуетъ опустить пропускъ отъ греческаго патріарха, который надо заранѣе выхлопотать въ Іерусалимѣ. Спустя нѣколько минутъ дверь открывается. Съ порога начинается длинная лѣстница: мы въ священной крѣпости.

Завтракъ туристовъ.
Русскіе богомольцы на молитвѣ.

Монахи, продающіе вещи изъ оливковаго дерева.
Въ монастырѣ Маръ-Саба. Трезвонъ деревянныхъ колоколовъ.

Внутреннее устройство здѣсь поражаетъ не менѣе наружнаго вида. Цѣлый лабиринтъ залъ и корридоровъ, масса лѣстницъ и террасъ. Кельи, вырытыя нѣкогда въ утесахъ отшельниками, заняты теперь священниками, живущими въ монастырѣ по дисциплинарному взысканію. Здѣсь, среди келій, показываютъ туристамъ гротъ св. Савы (или Шебы) и его льва. Легенда разсказываетъ, что инокъ засталъ однажды льва въ своей кельѣ: онъ не выгналъ его и самъ не ушелъ, но уступилъ ему часть своего жилища и долго жилъ съ этимъ страннымъ послушникомъ.

Монахи обители Маръ-Саба принимаютъ съ сердечною привѣтливостью путешественниковъ, пользующихся рекомендаціей греческаго патріарха. Было около полудня, когда мы пришли къ нимъ. Насъ тотчасъ же провели въ залу, предназначенную для посѣтителей; два инока были предоставлены въ наше распоряженіе, чтобы приготовить и подать намъ обѣдъ. Обстановка прелестная; пріятная свѣжесть въ большой комнатѣ со сводами; скамьи покрыты караминскими коврами, довольно мягкими; въ углу два стальныхъ шкапа, въ родѣ тѣхъ, которые употребляются въ Бретани, позволяли намъ разсчитывать на относительный комфортъ для ночлега. Ни одинъ монахъ не вздумалъ бесѣдовать съ нами о политикѣ, какъ случилось это съ Шатобріаномъ, и разсказывать намъ тайны русскаго Двора. Отвѣтъ нашъ былъ на готовѣ, взятый прямо изъ „Stinéraire de Paris à Jérusalem“: „Увы! отецъ мой, гдѣ станете вы искать миръ, если вы не нашли его здѣсь?“ Но монахи, служившіе намъ, пашли, казалось, успокоеніе въ монастырѣ св. Сабы и, въ часы отдыха, не смущали нашъ покой.

Монастырь Маръ-Саба.

Откровенно говоря, монахи Маръ-Сабы въ это время года болѣе заняты мыслью обирать богомольцевъ, чѣмъ подражать своимъ предшественникамъ въ подвигахъ отшельничества и духовнаго созерцанія. Между тѣмъ, какъ достаточные посѣтители пользуются вниманіемъ—понятно, за приличное вознагражденіе—простой народъ, русскіе мужики въ мѣховыхъ шапкахъ и тулупахъ, несмотря на изнурительную температуру, греки въ юбкахъ, армяне въ широкихъ шароварахъ, все это толпится во дворахъ; сами монахи выпрашиваютъ у нихъ, что возможно, захватывая значительную часть тѣхъ запасовъ, которые бѣдняки приготовили себѣ на дорогу. Во всѣхъ залахъ, проходахъ и корридорахъ они безпрестанно показываютъ имъ такіе предметы, которые могутъ особенно соблазнить людей, издалека пришедшихъ въ Святую Землю: четки, трости, различныя вещи изъ оливковаго дерева.

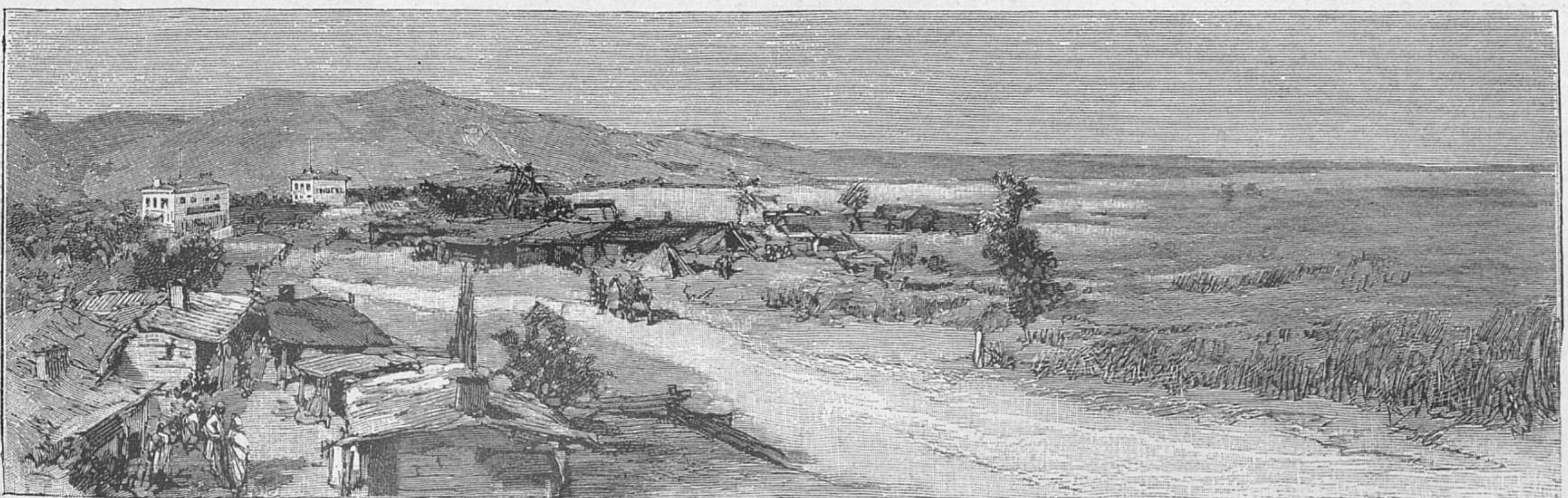
Каждый шагъ богомольцевъ въ монастырѣ оплачивается какою нибудь данью. Длинная красивая галлерея ведетъ къ продажѣ питій. Стѣны покрыты великолѣпными фресками, нижняя часть которыхъ теряется подъ густымъ слоемъ грязи. Эти картины изображаютъ святыхъ. Богомольцы, двигаясь ползкомъ на колѣняхъ, лобзаютъ вдоль всей стѣны ноги святыхъ изображеній, тѣмъ съ большимъ усердіемъ, что они за эту милость заплатили. Ноги святыхъ стираются, исчезаютъ подъ жирною, мутною массою, но монастырь обогащается.

По окончаніи свѣтлой недѣли и торжественнаго пасхальнаго богослуженія въ церкви, монастырь снова посѣщается только рѣдкими путешественниками. Опять тотъ же видъ тюрьмы и крѣпости. Синеватыя горлицы, черные дрозды, гнѣздящіеся въ разщелинахъ утесовъ, испуганные не надолго, снова возвращаются, питаясь зернами и крошками изъ рукъ иноковъ. На террасахъ слышенъ только трезвонъ деревянныхъ колоколовъ (synabres), призывающихъ братію на молитву. Деспотизмъ Сарациновъ долгое время запрещалъ звонъ колоколовъ; тогда-то и придумали синамбры: это длинный кусокъ дерева на веревкѣ; его ударяютъ молоткомъ и онъ издаетъ чрезвычайно разнообразные звуки, то протяжные, то рѣзкіе, смотря по тому, въ какое мѣсто ударяютъ; густая и въ то же время быстрая вибрація поражаетъ непривычный слухъ.

Ночь прошла довольно тревожно: насъ безпокоили

Гробница Моисея.

Долина Іерихона.

Остановка каравана на берегу Мертваго моря.

безпощадные звѣри, не столь громадные, какъ левъ св. Савы, но страшно свирѣпые; на утро мы вышли изъ монастыря. Когда мы перешли русло Кедрона, гдѣ течетъ тонкая струйка воды, намъ снова пришлось спускаться по причудливой, неровной тропинкѣ. Тутъ дорога идетъ уже гораздо ниже уровня моря. Приходится пробираться къ песчаному берегу Мертваго моря, которое на 400 метровъ ниже Средиземнаго.

Посреди обнаженной площади, на бѣлѣющемъ пригоркѣ, едва поднимаются низкіе купола Неби-Муса: это памятникъ и предполагаемая гробница Моисея—цѣль паломничества мусульманскихъ пилигримовъ; по виду она напоминаетъ печь для обжиганія извести. Магометане-завоеватели нашли въ этомъ мѣстѣ гробницу Моисея, одного изъ скромныхъ отшельниковъ, чтимыхъ восточною церковью. Несмотря на точное указаніе св. Писанія, вслѣдствіе простого совпаденія именъ, они воздвигли здѣсь мечеть въ честь великаго еврейскаго законодателя.

Здѣсь заканчиваются послѣднія горы Іудеи. На горизонтѣ, къ востоку, густая сине-фіолетовая полоса Моавійскихъ горъ, оттѣненная почти черною чертою—это и есть Мертвое море. Въ необозримой дали, по направленію къ сѣверу, зеленѣющая лента садовъ вдоль Іордана. По небу плывутъ легкія, бѣлыя, перистыя облака.

У ногъ нашихъ обширная равнина Іерихона; въ апрѣлѣ это цѣлое море зеленѣющей ржи, переливающейся глубокими и широкими волнами при сильномъ дуновеніи вѣтра. На лѣво — двѣ бѣлыя точки—Іерихонъ. Обширныя зданія новѣйшей постройки... сказать ли — гостинницы? Что касается до лачугъ турецкой деревни, скромно напоминающей нѣкогда могущественный городъ, онѣ совсѣмъ теряются въ зелени.

Мы спускаемся въ равнину, бывшую нѣкогда знаменитымъ оазисомъ. Богатство его перешло въ пословицу; сады Іерихона славились своими пальмами, сахарнымъ тростникомъ и розами. Плантаціи теперь исчезли, но почва все еще плодородна: вышина колосьевъ, тѣхъ хлѣбныхъ злаковъ, которые она производитъ, выше средняго роста человѣка.

Окончаніе слѣдуетъ

Истребленіе саранчи.

PAPIER
FAYARD ET BLAYN
½ ВѢКА УСПѢХА

Горчичная клейкая бумага Фаяръ и Блэнъ. Дозволено къ привозу медиц. совѣтомъ. Требовать подпись Фаяръ и Блэнъ на ярлычкѣ. Имѣется во всѣхъ аптекахъ.

Натур. минер.
СЛАБИТЕЛЬНАЯ
горьк. вода
источниковъ
Францъ-Іосифъ.
прод. во всѣхъ аптекахъ и аптек. магаз. Россіи.

Дирекція источниковъ горькой воды
„ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“ въ Будапештѣ.

ДЛЯ КОЖИ!
Eau de Lys de Lohse.

Примочка для кожи: бѣлая и розовая для блондинокъ, желтая для брюнетокъ; придаетъ кожѣ свѣжій видъ. Просятъ остерегаться поддѣлокъ; неподдѣльная только отъ изобрѣтателя.

ГУСТАВА ЛОЗЕ,
ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА:
БЕРЛИНЪ, Іегерштрассе, 46.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ, аптекарскихъ и галантерейныхъ магазинахъ и у многихъ парикмахеровъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
ВСЯКАГО РОДА И ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА
РЕКОМЕНД. ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, Петровка, домъ Волкова.
НИЖЕГ. ЯРМ. Главный домъ № 6.
ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ.

PARFUMERIE
BOUQUET DU SACRE
GELLÉ FRÈRES, PARIS

ЗАИКАНІЕ

лечитъ основательно въ специальн. заведеніи Карла Эрнстъ. Принимаются приходящіе и пансіонеры. Спб., Невскій пр., 100, кв. 7. Руководство къ самообученію 3 руб. Свѣдѣнія безплатно.

Парфюмерія „Сѣверная Флора“
Одеколонъ цвѣт.
Духи и мыло
„Вэра-Віолетъ“
и др. запах.
С. А. ПРОКОФЬЕВЪ и К°
ВЪ МОСКВѢ
СРЕДНІЕ РЯДЫ 25.
С.-Петербургъ. Невскій 58.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen
OBER SALZBRUNN — SCHUTZ-MARKE

ПЕРВОКЛАССНЫЙ АЛЬКАЛИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г.
Анализы и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ безплатно
Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННѢ.
ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЛЬ ЗАЛЬЦБРУННЪ въ СИЛЕЗІИ.
СКЛАДЫ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ И АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 27.

ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ.
РАЗНООБРАЗНЫЯ КОСМЕТИЧЕСКІЯ СВОЙСТВА ЭТОГО СОСТАВА СДѢЛАЛИ ЕГО ВАЖНОЮ ПОТРЕБНОСТЬЮ ДЛЯ ТУАЛЕТА.
Туалетный Уксусъ Віолетъ де Пармъ
Карболовый Туалетный Уксусъ
Туалетный Уксусъ де ла Ноблесъ.
Магазины въ С.-Петербургѣ:
Вознесенскій просп. уголъ Казанской ул. домъ № 24-52.
Невскій пр. № 32, — Невскій пр. № 56.
Магазинъ въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, домъ Тверетьякова.
УТВЕРЖДЕНО ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

Ново! Ново!
4711
БѢЛАЯ СИРЕНЬ
(LILAS BLANC)
излюбленные духи съ запахомъ сирени.

№ 4711.

Ново! Ново!
4711
ESSENZ
NONPAREIL
очень сильнаго моднаго запаха.

QUADRUPLES EXTRAITS

самые превосходные и продолжительные духи для платковъ и одежды, благодаря ихъ продолжительному запаху, пользуются всеобщимъ предпочтеніемъ.

4711 Bouquet Narcisse, эссенція высшаго достоинства весьма излюбленная.
4711 Essence Peau d'Espagne, продолжительные духи, весьма излюбленные дамами.
4711 Bouquet Violette de parme признаны какъ превосходнаго качества.
4711 Essence Erika весьма крѣпкая.

Продается во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарск. магазинахъ Россіи и за границей.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!
При покупкѣ просятъ обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку № 4711.

Средство для смягченія кожи, рукъ и лица,
ГЛИЦЕРИНОВЫЯ СЛИВКИ.
Высочайше утвержденное товарищество **БРОКАРЪ и К°**

Съ разрѣшенія с.-петербургскаго врачебнаго управленія
ПОРОШОКЪ
ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ ВОЛОСЪ
(POUDRE DEPILATOIRE)
Г. К. Брюнинга во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Это средство для вытравленія волосъ не ядовитое, совершенно безвредное. Цѣна флакону съ кистью 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.
Продажа въ Спб. у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, Гороховая ул., 33.

ЧАЙ
съ острова ЦЕЙЛОНА.
Чистый и экономическій, наилучшій чай въ мірѣ.
Остерегаться поддѣлокъ.
М. РОЖИВЮ.
Представитель товарищества цейлонскихъ плантаторовъ.
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: Москва, Маросейка, домъ Лебедевой.
ДЕПО ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ у М. Шабли, Вознесенскій просп., уголъ Большой Садовой, №№ 43—59.

РУССК. ОБЩ. Ⓟ РИГА 711 — Ⓟ — 86 РУССК. ОБЩ. Ⓟ РИГА

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО для производства **стальныхъ перьевъ**
ВЪ Г. РИГѢ

изготовляетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества. Продаются во всѣхъ городахъ имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ.

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ
IXORA
ПАРФЮМЕРИ ИКСОРА БРЕОНИ
ED. PINAUD

Мыло................	à l'IXORA
Эссенція для платковъ.	à l'IXORA
Туалетная вода.......	à l'IXORA
Помада...............	à l'IXORA
Масло................	à l'IXORA
Рисовая Пудра........	à l'IXORA
Косметикъ............	à l'IXORA

37, boulevard de Strasbourg, Paris
GRAND PRIX
EXPOSITION PARIS 1889

МИНІАТЮРНЫЙ АХРОМАТИЧЕСК. БИНОКЛЬ
„ЛИЛИПУТЪ“

со шнуркомъ въ замшевомъ кошелькѣ . . . . 8 р. 50 к.
Пересылка за 2 фунта.

„Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ для поля, охоты, путешествія или театра большіе тяжелые бинокли.

Предостереженіе: вслѣдствіе усиленнаго спроса на наши универсальные бинокли „Аргусъ“ и „Лилипутъ“ появились дешевыя, но крайне плохія поддѣлки, поэтому считаемъ долгомъ предупредить гг. покупателей, что настоящіе бинокли нашей фабрики продаются въ Россіи только въ нижеуказанномъ складѣ. Безъ фирмы и фабричнаго клейма—поддѣлка.

Е. КРАУСЪ и К°.
Спеціальная фабрика оптическихъ инструментовъ.
Парижъ, Rue Albouy 21 & 23.
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ:
С.-Петербургъ, Мойка, № 42
(у Полицейскаго моста).
Иллюстрированный прейсъ-курантъ оптич. приборовъ и фотографическихъ объектовъ высылается БЕЗПЛАТНО.

ПИШУЩІЯ МАШИНЫ
РЕМИНГТОНЪ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Т. Блокъ
МОСКВА, С.-Петербургъ,
Одесса, Коканд, Варшава,
Екатеринбургъ.

---

100 РѢДКИХЪ ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ.
Аргент., Австрал., Бразил., Болг., Костар., Куба, Экуад., Гватем., Ямайка, Ява, Ломб., Люксемб., Мексико, Монако, Наталь, Перс., Перу, Румынск., Самоа, Серб., Тун., Турц. и т. п.—разныхъ гарантир. настоящ.—только 1 руб.!
Порто особенно. Прейсъ-курантъ безплатно.
E. Hayn, Naumburg (Saale).

КРАСКА для ВОЛОСЪ
І. ГОЛЛЕНДЕРА

для окраски волосъ въ цвѣта: черный, каштановый и темнорусый. Легкій способъ и скорое окрашиваніе волосъ. Цѣна коробки 1 р. 50 к., съ пересылкою въ Европейскую Россію 2 р. 25 коп.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.
С.-Петербургъ, Демидовъ пер., № 1.

☞ № 1422 (18) „Всемірной Иллюстраціи" сданъ въ субботу, 27-го апрѣля: на городскую почту въ 6 часовъ утра, московскимъ подписчикамъ въ пятницу, 26-го апрѣля, въ 2 часа дня и иногороднымъ въ субботу, 27-го апрѣля, въ 2 часа дня, въ чемъ и имѣются почтовыя расписки.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся: въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
ВЪ МОСКВѢ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ.
ВЪ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи „Вѣстника Винодѣлія" В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

Дозв. цензурою. СПб. 1-го мая 1896 г. За издателя — редакторъ Э. Д. ГОППЕ. Типографія Эд. Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

вушка, наружность которой меня сильно поразила. Трудно встрѣтить болѣе красивую женщину ея разбора. У ней тиціановскіе темнорыжіе волосы, слишкомъ густые для того, чтобы ихъ пригладить, и потому обрамляющіе лобъ и виски природными мелкими кудерьками; дикую красоту ея лица не портятъ рѣдкія веснушки на полныхъ щекахъ и крупномъ подбородкѣ; прибавьте къ этому большіе голубые глаза, блестящіе и предательски смѣющіеся, и пышную, но стройную, высокую фигуру; однимъ словомъ, живописецъ или скульпторъ не могъ бы найти лучшей модели для вакханки или менады, какъ рыжая Марія.

Отецъ подозвалъ ее; она подошла улыбаясь, безъ малѣйшаго замѣшательства.

— Видите, г-нъ лѣсничій, я не могу подать вамъ руки!

— Зато можно сорвать поцѣлуй! воскликнулъ женихъ, — наклоняясь къ ней своимъ противнымъ лицомъ.

Дѣвушка отскочила назадъ такъ, что стеклянная посуда у ней въ рукахъ громко зазвенѣла; лицо у ней вспыхнуло, какъ зарево, глаза гнѣвно засверкали; прежде, чѣмъ исчезнуть за дверьми, она бросила жениху черезъ плечо дерзкое словечко.

Мнѣ было бы пріятно, еслибъ ему досталось еще хуже.

Вдругъ изъ толпы вышелъ Моэнъ, радуясь возможности распить съ кѣмъ нибудь бутылочку краснаго вина. Я обѣщалъ составить ему компанію послѣ, потому что хотѣлъ, чтобъ голова у меня была свѣжа. Онъ, кажется, не совсѣмъ понялъ мои резоны, однако остался при мнѣ. Я же воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы разспросить этого свѣдущаго человѣка о хозяинѣ, который мнѣ понравился, и о его хозяйствѣ, находившемся, повидимому, въ цвѣтущемъ состояніи. Неужели такой приличный по внѣшности домъ служитъ тайнымъ игорнымъ притономъ?

Къ моему крайнему изумленію, словоохотливый сосѣдъ оказался на этотъ разъ несообщительнымъ. Дѣйствительно, онъ кое-что слышалъ о томъ; кромѣ того Шпехтъ, владѣлецъ Кацнова, который частенько заглядываетъ сюда, слыветъ за отчаяннаго игрока. Но въ точности ему ничего не извѣстно.

— Отчего же тогда о „Лѣсномъ шинкѣ“ ходятъ такіе дурные слухи?

Моэнъ пожалъ круглыми плечами.

— И почему эта красивая дѣвушка, рыжая Марія, соглашается выйти замужъ за какого-то олуха?

Моэнъ принялся насвистывать неопредѣленную мелодію.

— Парень, должно быть, богатъ?

Мой собесѣдникъ отмахнулся отъ овода, кружившагося у него надъ головой.

— Какъ вамъ сказать?... Онъ единственный сынъ самаго зажиточнаго крестьянина на окраинахъ Кацнова и постоянно ссорится со старикомъ отцомъ; вообще это mauvais sujet, который навѣрно вылетитъ въ трубу, какъ трое или четверо его предшественниковъ.

— Какихъ предшественниковъ?

— Прежнихъ жениховъ рыжей Маріи.

— А они всѣ?...

— Вылетѣли въ трубу.

Интересный разговоръ прервался на этомъ мѣстѣ. Стрѣльба началась и состязаніе прошло, какъ я описывалъ раньше.

Передъ самымъ концомъ я неожиданно увидалъ въ обступившей меня толпѣ барона. Онъ былъ еще свидѣтелемъ моихъ двухъ послѣднихъ выстрѣловъ, завершившихъ побѣду.

Глаза у меня слипаются. Должно быть, это отъ шампанскаго. Конечно, три цылыхъ бутылки... а пожалуй и всѣ четыре...

При отвратительной погодѣ я провелъ тягостный день, благодаря запущенному здѣсь лѣсному хозяйству. Моего предшественника, по слухамъ, погубилъ „Лѣсной шинокъ“. Это очень возможно, но этотъ человѣкъ погибъ бы все равно такъ или иначе.

* *
*

Однако я долженъ закончить описаніе вчерашняго праздника стрѣлковъ, пока подробности не изгладились изъ моей памяти. Я ужъ и то не совсѣмъ увѣренъ—можно ли считать дѣйствительнымъ нашъ брудершафтъ съ барономъ.

Какъ же это въ самомъ дѣлѣ было? Какъ оно вышло?

Послѣ стрѣльбы онъ тотчасъ взялъ меня подъ руку, что заставило толпу моихъ поклонниковъ немного отступить. Растояніе между знатнымъ аристократомъ и vulgus profanum тотчасъ дало себя знать, хотя фонъ-Кардовъ былъ безупречно вѣжливъ и обходителенъ съ каждымъ—надо отдать ему справедливость. Тутъ мы усѣлись съ Моэномъ и нѣкоторыми другими въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ стали потягивать красное вино. Юркій Шпехтъ также было просунулъ въ дверь свою лисью мордочку, но сію же минуту ретировался, вѣроятно увидѣвъ въ компаніи меня. Сильныя антипатіи обыкновенно бываютъ взаимными. Нашъ разговоръ преимущественно вращался вокругъ событій дня. Баронъ былъ очень неразговорчивъ и, куря сигару, лишь изрѣдка прикасался губами къ стакану. Мнѣ пришло въ голову, что онъ только ради меня глотаетъ скуку въ этой душной атмосферѣ, насквозь пропитанной табачнымъ дымомъ, и я предложилъ ему выйти. Кардовъ тотчасъ всталъ. Когда мы проходили черезъ большую комнату, намъ встрѣтился хозяинъ; баронъ сказалъ ему нѣсколько словъ, кототорыхъ я не могъ разобрать за громкимъ шумомъ и говоромъ публики; въ галлереѣ сидѣла рыжая Марія на концѣ стола противъ своего кавалера. Она повернулась къ намъ спиной и не видала насъ, но ея женихъ сердито оглянулся въ нашу сторону. Точнѣе говоря, онъ бросилъ намъ одинъ изъ своихъ злобныхъ взглядовъ. Я не думаю, чтобы этотъ парень могъ иначе смотрѣть своими звѣрскими глазами.

— Какъ жаль, такое прелестное созданіе! невольно вырвалось у меня въ полголоса.

Баронъ не отвѣчалъ; онъ едва ли слышалъ мои слова, потому что казался очень озабоченнымъ.

Становилось довольно поздно; уже надвигались сумерки; надъ равниной всходилъ мѣсяцъ на ущербѣ.

Число экипажей на площадкѣ тѣмъ временемъ значительно поубавилось. Мы скоро нашли своихъ лошадей, стоявшихъ рядомъ.

— А не отослать ли вамъ домой свой фаэтонъ? спросилъ Кардовъ.—Тогда я провезу васъ черезъ лѣсъ—для меня это кратчайшій путь, —и вы можете сойти позади вашего lucus a eron lucendo, сирѣчь питомника. Дощечка черезъ ровъ, должно быть, еще уцѣлѣла, а вашъ предшественникъ, по очень понятнымъ причинамъ, находилъ излишнимъ загораживать пустырь.

Шутливая веселость, повидимому, вернулась къ барону на свѣжемъ вечернемъ воздухѣ; я охотно принялъ его приглашеніе.

Но пока мы ѣхали черезъ лѣсъ—было довольно свѣтло, потому что мѣсяцъ, сіявшій съ каждой секундой все ярче, стоялъ позади насъ, а дорога вытягивалась почти стрѣлой—моимъ спутникомъ снова овладѣла прежняя молчаливость. У меня же вертѣлись въ головѣ разныя мысли: о семейномъ раздорѣ въ замкѣ, о прекрасной женщинѣ, которая, можетъ быть, одиноко бродила теперь по роскошнымъ комнатамъ, подходя порою къ открытому роялю, чтобы сыграть нѣсколько тактовъ, вѣроятно, мелодію „Смолкли пѣсни хороводныя“, машинально исполняемую тонкими пальчиками. И мои глаза снова обращались къ барону, который сидѣлъ рядомъ со мной, молчаливый и недовольный, пожалуй, горько размышляя о разбитомъ счастьѣ въ быломъ раю и... Тутъ кучеръ остановилъ лошадей у того мѣста, гдѣ ему было приказано.

Кардовъ встрепенулся и выпрямился въ своемъ уголку.

— Хотите доставить мнѣ большое, большое удовольствіе?

— Очень охотно, если могу.

— Мнѣ ужасно хочется побыть въ пріятномъ обществѣ. Проѣдемте со мною на часокъ въ Мёлленгофъ? Я дамъ вамъ обратно своихъ лошадей, и вы, конечно, вернетесь тогда по шоссе. Ваша супруга, вѣроятно, не ожидаетъ васъ такъ рано?

— Во всякомъ случаѣ, я не обѣщалъ вернуться къ опредѣленному часу.

— А я оффиціально распрощался на цѣлый вечеръ. Значитъ, мы проведемъ время по холостому. Согласны?

— Отлично.

— Поѣзжай, Іоганнъ!

Черезъ нѣсколько минутъ мы очутились въ Мѣлленгофѣ. Большая прекрасная площадка двора была темна; ни въ одномъ изъ оконъ длиннаго фасада не свѣтилось огонька, только въ сѣняхъ брезжилъ слабый свѣтъ. Хозяина, пожалуй, не ожидали такъ рано домой. Онъ вдругъ до того разсердился на плохое освѣщеніе, что мнѣ стало смѣшно и больно видѣть, какъ онъ горячится изъ-за пустяковъ. Г-жа Моэнъ, впрочемъ, говорила о его вспыльчивости. Но видя барона всегда обходительнымъ, вѣжливымъ, любезнымъ, я не могъ этому повѣрить. Теперь же доказательство было на лицо. Къ счастью, его гнѣвъ также быстро прошелъ, какъ и внезапно вспыхнулъ. Баронъ почувствовалъ, что сдѣлалъ промахъ въ моемъ присутствіи, и старался извинить свою горячность дурнымъ расположеніемъ духа, мучившимъ его уже нѣсколько дней, хотя и безъ всякаго уважительнаго повода. Я, конечно, сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ ему на слово, но остался при своемъ мнѣніи.

Кардовъ повелъ меня на свою половину въ нижнемъ этажѣ, справа отъ сѣней, гдѣ я еще ни разу не былъ, и пока двое лакеевъ поспѣшно зажигали лампы и свѣчи, хозяинъ сталъ показывать мнѣ это помѣщеніе: оно состоитъ, помнится, изъ четырехъ комнатъ; крайняя изъ нихъ спальня, и всѣ онѣ убраны съ замѣчательнымъ вкусомъ и комфортомъ. Я похвалилъ красивую обстановку.

— Принимаю вашу похвалу, отвѣчалъ хозяинъ. — Каждая вещь въ этихъ комнатахъ, до послѣдней бездѣлушки, тщательно выбрана мною; я все устраивалъ здѣсь самъ, еще когда былъ холостъ. Но послѣ женитьбы, разумѣется, бываешь принужденъ поклоняться инымъ богамъ.

— Ну, вы не долго оставались холостякомъ, замѣтилъ я. — По моимъ соображеніямъ, вѣдь вамъ еще нѣтъ тридцати...

— Извините, тридцать одинъ!

— Лѣтъ семь вы женаты, значитъ, женились двадцати четырехъ.

— Да, но съ семнадцати лѣтъ я былъ совершенно самостоятельнымъ. А это долгій срокъ.

Я снова подумалъ про себя: съ семнадцати лѣтъ! Это объясняло многое. Въ одной изъ комнатъ, устроенной въ видѣ столовой и въ то же время курительной, съ охотничьими принадлежностями разнаго рода и нѣсколькими превосходными nature-mortes, слуги накрыли тѣмъ временемъ маленькій столъ для ужина, за который мы и сѣли.

Вы видите: только холодное блюдо—rien de plus! Надѣюсь, вы удовольствуетесь этимъ?

— Я мало ѣмъ за ужиномъ, а здѣсь всего въ такомъ изобиліи.

— Во всякомъ случаѣ, больше, чѣмъ бывало у насъ за столомъ въ полуразрушенной крестьянской хижинѣ подъ Парижемъ, когда гранаты съ Mont-Valérien свистали у насъ надъ головой. Но что бы намъ выпить? Я думаю, можно начать прямо съ шампанскаго.

Говоря такимъ образомъ, онъ принялся вертѣть бутылку въ лоханкѣ со льдомъ, стоявшей справа отъ него, и, не дождавшись моего отвѣта, наполнилъ стаканы.

— Первый тостъ за короля и стрѣлковъ! воскликнулъ баронъ, чокаясь со мной.

Я поблагодарилъ его и спросилъ—почему онъ пріѣхалъ такъ поздно, если ужъ хотѣлъ почтить своимъ присутствіемъ нашъ праздникъ.

— Ужъ, конечно, не изъ высокомѣрія, на что какъ будто намекаетъ нѣсколько ироническій тонъ вашего вопроса. Нѣтъ! говоря по правдѣ, я страстный охотникъ, но весьма посредственный стрѣлокъ. Зачѣмъ же конфузить самого себя coram publico?

Мы скоро отъужинали; лакеи унесли блюда, поставили передъ нами свѣчу и сигары, послѣ чего хозяинъ подалъ имъ знакъ уйти.

— Я люблю подражать Карлу XII въ Бендерахъ, сказалъ онъ, — гораздо

лучше обходиться безъ прислуги. Кромѣ того, дѣйствительно, нѣтъ ничего несноснѣе этихъ молодцовъ съ торжественной миной и чутками, любопытными ушами, когда хочешь поговорить по душѣ съ прiятелемъ.

До сихъ поръ мы толковали о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, которыя всякiй могъ слышать. Да и послѣ ухода лакеевъ нашъ разговоръ не принялъ болѣе интимнаго характера: воспоминанiя о походѣ, разспросы о товарищахъ, потерянныхъ изъ виду, и прочiя безобидныя темы, пока за второй бутылкой, ужъ не знаю какъ, зашла рѣчь объ азартной игрѣ и увлеченiи ею. Помня, что барона выставляли отчаяннымъ игрокомъ, я не охотно касался этого предмета, но самъ Кардовъ упорно поддерживалъ бесѣду о немъ. Наконецъ, онъ прямо спросилъ моего мнѣнiя насчетъ игры.

Я отвѣчалъ приблизительно такъ:

— Мы говоримъ, конечно, объ азартной игрѣ, потому что обыкновенныя коммерческiя игры, вродѣ бостона или виста, въ моихъ глазахъ не болѣе какъ самый пустой способъ убивать время и о нихъ не стоитъ особенно распространяться. Итакъ, будемъ толковать исключительно объ азартной игрѣ. По моему, ей можно предаваться по двумъ мотивамъ, причемъ каждый изъ нихъ имѣетъ свой достаточный вѣсъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, игроки—оговариваюсь опять, что сужу не по личному опыту—часто переходятъ на практикѣ отъ одного изъ этихъ мотивовъ къ другому. Первая цѣль игры чисто матерiальная: желанiе внезапно разбогатѣть или, по крайней мѣрѣ, безъ всякихъ особенныхъ усилiй быстро выйти изъ случайныхъ денежныхъ затрудненiй. Вторую цѣль я назвалъ бы мотивомъ патологическаго свойства: это жажда сильныхъ ощущенiй, возбуждающихъ нервы, слѣдовательно, въ послѣднемъ случаѣ игра является своего рода наркозомъ, до котораго такъ падки люди. У меня никогда не было особеннаго желанiя, по крайне мѣрѣ, страстнаго, быть или сдѣлаться богатымъ. Богатство постоянно казалось мнѣ болѣе чѣмъ проблематическимъ даромъ, который даже приблизительно не можетъ сравниться съ неизмѣримо большими и высшими благами жизни, данными намъ въ удѣлъ. Вѣдь мы можемъ обладать всѣмъ, что доступно нашимъ чувствамъ, нашему разуму и воображенiю: природа, наука, искусство открываютъ передъ нами свои неисчерпаемыя сокровища. Съ другой стороны: опьяненiе, дурманъ! Конечно, это ни больше, ни меньше какъ сладостный пиръ за золотымъ столомъ олимпiйцевъ. Тутъ, пожалуй, даже можно вообразить, что самъ принадлежишь къ ихъ числу. Но все это было бы прекрасно, еслибъ за угаромъ не наступало отвратительное похмѣлье, а вѣдь его нельзя отрицать, потому что каждый изъ насъ когда нибудь испытывалъ это удовольствiе въ томъ или другомъ отталкивающемъ видѣ. Вотъ, если вы хотѣли знать, каковъ мой взглядъ на азартную игру. Онъ крайне прозаиченъ, я согласенъ съ тѣмъ, и отзывается мѣщанствомъ. Но что вы хотите? Мой дѣдъ — далѣе этого моя генеалогiя теряется во мракѣ — былъ лѣсничимъ въ одномъ господскомъ имѣнiи, мой отецъ — тоже самое. Я достигъ почетнаго званiя королевскаго старшаго лѣсничаго, иначе говоря, добрался до яблока, которое упало также недалеко отъ своего мѣщанскаго древа.

Пока я говорилъ такимъ образомъ, баронъ всталъ и началъ прохаживаться по комнатѣ нервными шагами. Дослушавъ меня до конца, онъ рѣзко обернулся и почти крикнулъ:

— Ахъ, все это пустяки, это ничего не значитъ, ничего не доказываетъ! Развѣ только то, что вы счастливецъ и не имѣете понятiя о нравственныхъ мукахъ несчастныхъ людей.

Съ этими словами баронъ бросился въ кресло у маленькаго камина и сидѣлъ или скорѣе лежалъ въ немъ, прижавъ правую руку ко лбу и глазамъ, а лѣвой ухватившись за ручку; изъ груди у него вырывались стоны, а стройное тѣло раза два подернулось судорогами.

Этотъ взрывъ отчаянiя былъ до такой степени силенъ и неожиданъ, что я серьезно испугался. Кардовъ не привыкъ къ самообладанiю, но все-таки, надо полагать, ему было слишкомъ тяжело, если онъ не сталъ скрываться передо мной, почти чужимъ человѣкомъ.

Я подошелъ къ нему и тихонько положилъ руку на его плечо. Онъ поднялъ глаза; въ нихъ стояли слезы. Всякое другое чувство въ моей душѣ уступило состраданію.

— Простите! сказалъ я, — кажется, я нечаянно коснулся больного мѣста въ вашей душѣ. У кого изъ насъ нѣтъ какой нибудь скрытой раны! Еще разъ: извините, пожалуйста! И давайте говорить о чемъ нибудь другомъ.

Онъ снова всталъ, подошелъ къ столу, налилъ себѣ до краевъ большой бокалъ шампанскаго, осушилъ его залпомъ, протянулъ мнѣ руку и произнесъ, стараясь улыбнуться:

— Не извиняйтесь: напротивъ, я очень вамъ благодаренъ; вы дали мнѣ суровый урокъ и, пожалуй, сдѣлали очень хорошо. Если я вышелъ изъ себя, такъ это при мысли, что мнѣ ничто не поможетъ.

— Вы не должны такъ говорить, возразилъ я, — если тутъ слѣдуетъ что нибудь измѣнить и поправить...

— Что нибудь? перебилъ баронъ. — Да все, рѣшительно все!

— Тѣмъ менѣе причинъ отчаяваться. Была бы воля, а средство найдется. Я не разъ въ жизни испыталъ это на самомъ себѣ.

— А если нѣтъ воли и не можетъ быть? Если человѣка сначала связали по рукамъ и ногамъ, а потомъ все — небо и адъ — соединилось для того, чтобы потакать его необузданному своеволію—что тогда? Еслибы вы знали мою жизнь...

Мы снова сидѣли у стола другъ противъ друга. Кардовъ осушалъ стаканъ за стаканомъ. Я отнялъ у него бутылку и поставилъ ее передъ собой. То была большая смѣлость въ виду нашего недавняго знакомства. Онъ, однако, понялъ меня и замѣтилъ, улыбаясь: — Благодарю васъ.

У меня мелькнуло въ головѣ: „ты можешь сдѣлаться чѣмъ нибудь для этого человѣка, пожалуй, очень многимъ".

— Разскажите мнѣ что нибудь изъ вашей жизни, началъ я.—Вы найдете во мнѣ благодарнаго и скромнаго слушателя.

— Я не желаю ничего лучшаго, съ живостью отвѣчалъ онъ. — Здѣсь, здѣсь тутъ мой собесѣдникъ нѣсколько разъ стукнулъ кулакомъ себя въ грудь — лежитъ такое бремя...

— Оно, пожалуй, станетъ легче, если вы откровенно выскажетесь.

Онъ началъ разсказывать.

Не знаю, могу ли я все припомнить.

Правда, у Кардова странная манера говорить: его рѣчь не лишена ума и даже юмора, но идетъ скачками, запутывается въ частностяхъ, такъ что слушателю не легко слѣдить за нитью разсказа. Это свойство людей, не привыкшихъ связывать своихъ мыслей. Однако я постараюсь возстановить слышанное мною, самое главное я все-таки запомнилъ...

— Мой отецъ былъ тиранической натурой, такъ началъ баронъ, — онъ отличался страшнымъ эгоизмомъ, грубостью, жестокостью. Его бракъ съ моей матерью, урожденной баронессой Фельдернъ, былъ изъ самыхъ несчастныхъ. Имѣлъ ли отецъ основательную причину подозрѣвать ее въ невѣрности—это не подтвердилось на судѣ, когда разбирался ихъ бракоразводный процессъ; тѣмъ не менѣе они разстались. Моя мать прожила послѣ того лишь нѣсколько лѣтъ, оставаясь безвыѣздно въ Италіи. Я такъ и не видѣлъ ее больше.

Я остался при отцѣ. Онъ едва ли считалъ меня когда нибудь своимъ сыномъ, хотя гордость не позволяла ему даже намекнуть о томъ передъ свѣтомъ, не говоря уже о прямой огласкѣ. Но если я и не былъ его сыномъ, то могъ быть обязанъ своимъ появленіемъ на свѣтъ лишь одному высокопоставленному лицу, что онъ поневолѣ долженъ былъ принять въ соображеніе. Зато отецъ втайнѣ обратилъ на меня ту ненависть, которую боялся выказать открыто. Я могъ бы разсказать ужасныя, потрясающія подробности о его обращеніи со мной. Однажды только рѣшительность честнаго камердинера спасла меня отъ вѣрной смерти. Едва мнѣ вышли года, я былъ упрятанъ въ кадетскій корпусъ. Отецъ избавился отъ меня такимъ путемъ, чѣмъ сократилъ вдобавокъ расходы на мое воспитаніе — немаловажная выгода при его расточительности, потому

что, несмотря на громадные доходы съ маіората, онъ постоянно воевалъ съ своими кредиторами.

На восемнадцатомъ году я вышелъ въ офицеры и поступилъ въ гвардейскіе драгуны. Вы знаете, какъ дорого обходится содержаніе въ этомъ полку. Если меня приняли туда, то лишь разсчитывая на мое богатство; всѣ были увѣрены, что отецъ предоставитъ мнѣ средства, приличныя моему званію. Однако онъ не думалъ о томъ, а когда я надѣлалъ долговъ, не захотѣлъ поправить моихъ обстоятельствъ. Мнѣ, поневолѣ, пришлось выйти въ отставку.

Вскорѣ послѣ того отецъ скончался.

Тогда я могъ бы опять поступить на службу. Въ полку отлично знали, что я не былъ виноватъ въ случившемся. Однако съ первыхъ же мѣсяцевъ настоящей свободы, которой мнѣ безпрепятственно предоставили пользоваться опекуны, у меня совсѣмъ пропала и безъ того не особенно сильная охота къ военной службѣ. Вмѣсто того я считалъ необходимымъ поскорѣе наверстать потерянное и прежде всего вздумалъ немного посмотрѣть свѣтъ. Я побывалъ въ Парижѣ, Лондонѣ, въ Италіи и Богъ знаетъ гдѣ—предпочтительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ велась крупная игра. Давича вы очень мѣтко обрисовали мотивы, заставляющіе человѣка увлекаться ею. Мнѣ пришлось вынести черезчуръ много лишеній; теперь я хотѣлъ утопать въ наслажденіяхъ. Въ азартной игрѣ заключается сладострастіе, знакомое только однимъ игрокамъ. А потомъ — вино, женщины, игорные притоны поглощаютъ массу денегъ. А ихъ у меня не было, даже по достиженіи совершеннолѣтія, благодаря моему отцу, который заключилъ такія сдѣлки со своими кредиторами, что они могли наложить запрещеніе и на мои доходы. Это было противозаконно, однако я не хотѣлъ топтать въ грязь нашего стариннаго имени.

Потомъ я женился...

Баронъ вскочилъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, прежде чѣмъ снова сѣсть къ столу.

До этихъ поръ его разсказъ интересовалъ меня, не задѣвая, однако, за живое. Въ сущности заурядная исторія, о которой я и самъ догадывался по дошедшимъ до меня слухамъ.

Но странно! Съ той минуты, когда на сцену должна была выступить прекрасная молодая женщина, которую я видѣлъ счетомъ всего три раза, причемъ даже не бесѣдовалъ съ ней серьезно, исключая, пожалуй, одного случая,— сердце у меня усиленно забилось. Я такъ ясно видѣлъ передъ собой баронессу, точно она находилась тутъ, въ комнатѣ: видѣлъ ея прекрасную голову съ роскошными изсиня-черными волосами, изъ которыхъ она дѣлаетъ не особенно модную, но необыкновенно идущую къ ней прическу; видѣлъ чарующій, я сказалъ бы „мистическій“, взглядъ ея большихъ черныхъ глазъ, когда она вдругъ неожиданно вскинетъ ими, полную благородной граціи, немного скептическую, улыбку, иногда блуждающую по ея выразительнымъ губамъ, рѣдкіе милые жесты ея стройныхъ бѣлыхъ рукъ... Иллюзія была такъ сильна, а мое удивленіе такъ велико, что я не рѣшался взглянуть на барона изъ боязни выдать то, что происходитъ во мнѣ. Когда онъ опять заговорилъ, его первыя слова отдались у меня въ ушахъ какъ-то слабо, точно они доносились издали, да и рѣчь Кардова стала съ этого момента еще болѣе несвязной. Это уже не былъ разсказъ, а только отрывочныя, по большей части недоговоренныя, фразы — жалобы, обвиненія, самовосхваленія, самоосмѣянія — настоящая путаница.

— Не слѣдовало мнѣ жениться. Пускай бы мой маіоратъ шелъ къ чорту; все-таки лучше, чѣмъ самому отправиться туда. Не знаю—какого вы мнѣнія о бракѣ. Конечно, самаго хорошаго... и вполнѣ основательно. Исключеніе, милый другъ, исключеніе. Одинъ выигрышъ на нѣсколько тысячъ пустыхъ билетовъ, да и какъ можетъ быть иначе? Два существа различнаго пола, возраста, характера, воспитанія, различныхъ привычекъ, наклонностей... Само собою разумѣется, любовь... Ну да, она все терпитъ, всему вѣритъ, все прощаетъ... Хорошо, кабы такъ было!.. А по моему личному опыту: ничего она не терпитъ, ничего не прощаетъ, ничему не вѣритъ — самымъ священнымъ моимъ клятвамъ, увѣре-

німъ... Положимъ, я нехорошій человѣкъ... да и какъ мнѣ было сдѣлаться хорошимъ? Безъ отца, безъ матери; хуже того: при отцѣ, при матери! Не было у меня ни брата, ни сестры, ни друга! Ахъ!.. Тутъ подоспѣла война... Какъ я обрадовался ей! Германія, Франція! Я люблю Францію, французовъ и провелъ въ Парижѣ самые пріятные часы, а между тѣмъ... Ну, вы сами видѣли, что я творилъ тогда; сами сердились на меня, порицали за недостатокъ дисциплины, за мою безумную отвагу, съ которой я рисковалъ жизнью... Знаете ли, чего я добивался? Избавиться отъ нея приличнымъ образомъ; того же добивались нѣкоторые другіе, которыхъ я могъ бы назвать вамъ по именамъ, но имъ повезло больше, чѣмъ мнѣ...

Баронъ продолжалъ говорить нѣсколько времени въ томъ же духѣ. Мое желаніе узнать настоящую причину семейнаго разлада между супругами все еще не осуществлялось. Но зачѣмъ искать особой причины тамъ, гдѣ существовало такъ много пагубныхъ условій для несогласія? Можетъ быть, большая, неизмѣримо большая часть вины падала на мужа, но „внутри троянскихъ стѣнъ и внѣ“ жена не могла оставаться вполнѣ правой. Я отлично понялъ изъ его объясненій, что слово „она“, которая ничего не терпѣла, ничего не прощала, ничему не вѣрила, относилось не къ любви, а лично къ „ней“, неприступной, съ гордыми глазами и высокомѣрной улыбкой. Вѣроятно, и баронесса никогда не имѣла въ жизни безкорыстнаго друга, вѣрнаго совѣтника, какъ и самъ Кардовъ. А что, если мнѣ сдѣлаться такимъ другомъ и совѣтникомъ для обоихъ этихъ людей, которые томились голодомъ на роскошнѣйшемъ жизненномъ пиру, благодаря своему безразсудству?

Какъ я вижу теперь, при спокойномъ размышленіи, безразсудство было сильно на моей сторонѣ, но тогда я не былъ ни спокоенъ, ни хладнокровенъ, а глубоко взволнованъ жалостью. Я видѣлъ передъ собою миссію, отъ которой не могъ уклониться, если дѣйствительно хотѣлъ быть человѣкъ, которому ничто человѣческое не чуждо...

Конечно, я этого не высказалъ; но то, что было сказано мною, поразило, потрясло барона. Онъ неподвижно сидѣлъ, весь блѣдный; глаза у него горѣли, зубы подергивались.

Кардовъ подалъ мнѣ руку черезъ столъ и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Это было моей мечтой, моимъ желаніемъ, моей надеждой. Вотъ почему я такъ убѣдительно просилъ васъ заѣхать ко мнѣ. Я хотѣлъ, съ Божьей помощью, завоевать себѣ друга, брата. Согласны ли вы... согласенъ ли ты сдѣлаться имъ для меня?

— Согласенъ.

— Значитъ, съ сегодняшняго дня мы будемъ на „ты“?

— И навсегда.

Наши руки, крѣпко державшія одна другую, разжались. Союзъ былъ заключенъ. Раскаяваюсь ли я въ томъ? Не знаю.

Знаю только, что съ тѣхъ поръ, вотъ уже четыре дня, мы еще не видались. Конечно, я почти все время былъ въ лѣсу, а погода прегадкая.

Когда мы встрѣтимся слѣдующій разъ, я буду это знать.

* * *

Нѣтъ, я не раскаяваюсь и мнѣ стыдно моего малодушія.

Вернувшись сегодня въ полдень домой, я узналъ, что Кардовъ пріѣхалъ къ намъ полчаса тому назадъ и сидитъ съ Эльфридой въ саду. Мнѣ стало при этомъ какъ-то немного не по себѣ, и я дольше, чѣмъ нужно, возился, оправляя свой туалетъ послѣ жаркаго утра, проведеннаго подъ открытымъ небомъ, среди дорожной пыли. Вѣдь я не обмолвился женѣ ни единымъ словомъ насчетъ заключеннаго между нами союза дружбы. Да и какъ было заикнуться о томъ, что случилось послѣ выпивки, подъ вліяніемъ паровъ шампанскаго? Баронъ, конечно, забылъ торжественную сцену или посмѣялся надъ ней, какъ надъ

комедiей, надъ фарсомъ, которыхъ не станетъ брать въ серьезъ никакой разсудительный человѣкъ. Неужели мнѣ осрамиться передъ Эльфридой своимъ наивнымъ братскимъ „ты“?

Однако тутъ не оставалось никакого выбора. Я бросилъ послѣднiй взглядъ на недоумѣвающее лицо въ зеркалѣ и отправился въ садъ.

Баронъ съ Эльфридой прогуливались по длинной аллеѣ. Заслышавъ мои шаги, они обернулись. Кардовъ поспѣшилъ мнѣ на встрѣчу съ веселой миной и протянутой рукой.

— Наконецъ-то! Твоя жена ужъ не на шутку обезпокоилась о тебѣ.

Я прежде всего посмотрѣлъ на Эльфриду. Она опустила глаза, улыбаясь съ восхитительнымъ румянцемъ на своихъ милыхъ щечкахъ.

Тутъ все было ясно, какъ нельзя болѣе: баронъ по своей деликатности предупредилъ Эльфриду о случившемся, чтобы устранить неловкость первой встрѣчи между нами. Оставалось только разсѣять нѣкоторый туманъ насчетъ мнѣнiя Эльфриды о великомъ событiи. Я заранѣе готовился выслушать отъ нея маленькую натацiю.

Выговоръ, согласно программѣ, не заставилъ себя ждать по отъѣздѣ барона, который удалился полчаса спустя, проведя почти все время въ дурачествахъ съ Бернгардомъ.

Значитъ, я опять сдѣлалъ промахъ по своей швабской простотѣ, отъ которой мнѣ, пожалуй, не мѣшало бы отдѣлаться въ сорокъ лѣтъ. Впрочемъ, баронъ расхваливалъ меня на всѣ лады. Эльфридѣ стало даже стыдно, что она только сегодня, да и то случайно, узнала, какимъ образцомъ добродѣтелей и превосходныхъ качествъ обладаетъ она въ лицѣ своего супруга. Но водиться съ большими господами не совсѣмъ удобно. Я еще успѣю въ этомъ убѣдиться и т. д., и т. д.

При всемъ томъ я чувствовалъ, что моя добрѣйшая жена совсѣмъ не сердится, а даже немножко гордится мной. Только одно изъ ея замѣчанiй поставило меня въ тупикъ.

— А что ты думаешь, какъ отнесется къ этому дѣлу баронесса? Не смѣшно ли выйдетъ, когда вы съ барономъ будете на „ты“, станете называть другъ друга кстати и не кстати Раймундомъ и Фрицемъ, тогда какъ сама высокопоставленная хозяйка Мёлленгофа будетъ попрежнему смотрѣть на твою маленькую жену своими надменными глазами и третировать ее de haut en bas?

— Я убѣжденъ, что со временемъ и между вами установятся дружескiя отношенiя.

— Ну, въ этомъ ты ошибаешься. Пока мы только расходились съ ней все дальше и дальше. Не моя въ томъ вина. Къ любви никто не можетъ себя принудить, а какъ аукнется, такъ и откликнется.

— О, женщины, женщины! Мы, мужчины, такъ легко дружимся! Но тогда женщины торжественно подходятъ къ намъ и начинаютъ предрекать различныя бѣдствiя на манеръ Кассандры. Довѣрiя къ жизни, веселаго взгляда на будущее, вѣры въ врожденную доброту человѣческой натуры у нихъ нѣтъ ни на грошъ! Всѣ онѣ воплощенныя пессимистки.

— А важная хозяйка Мёлленгофа и подавно. Еслибы она легче смотрѣла на жизнь, была бы снисходительнѣе къ мужу... Боже мой! Конечно, у него есть слабости и большiя, я не спорю о томъ! но онъ не дурной человѣкъ. Прежде всего его можно убѣдить, направить по своему. Этимъ слѣдуетъ воспользоваться, чтобъ незамѣтно для него самого вывести барона на другую, лучшую дорогу.

— Вотъ мы и попытаемся такъ сдѣлать.

А тогда, какъ насмѣшливо не улыбайтесь вы, баронесса, если это удастся, вы первая же станете меня благодарить.

* *
*

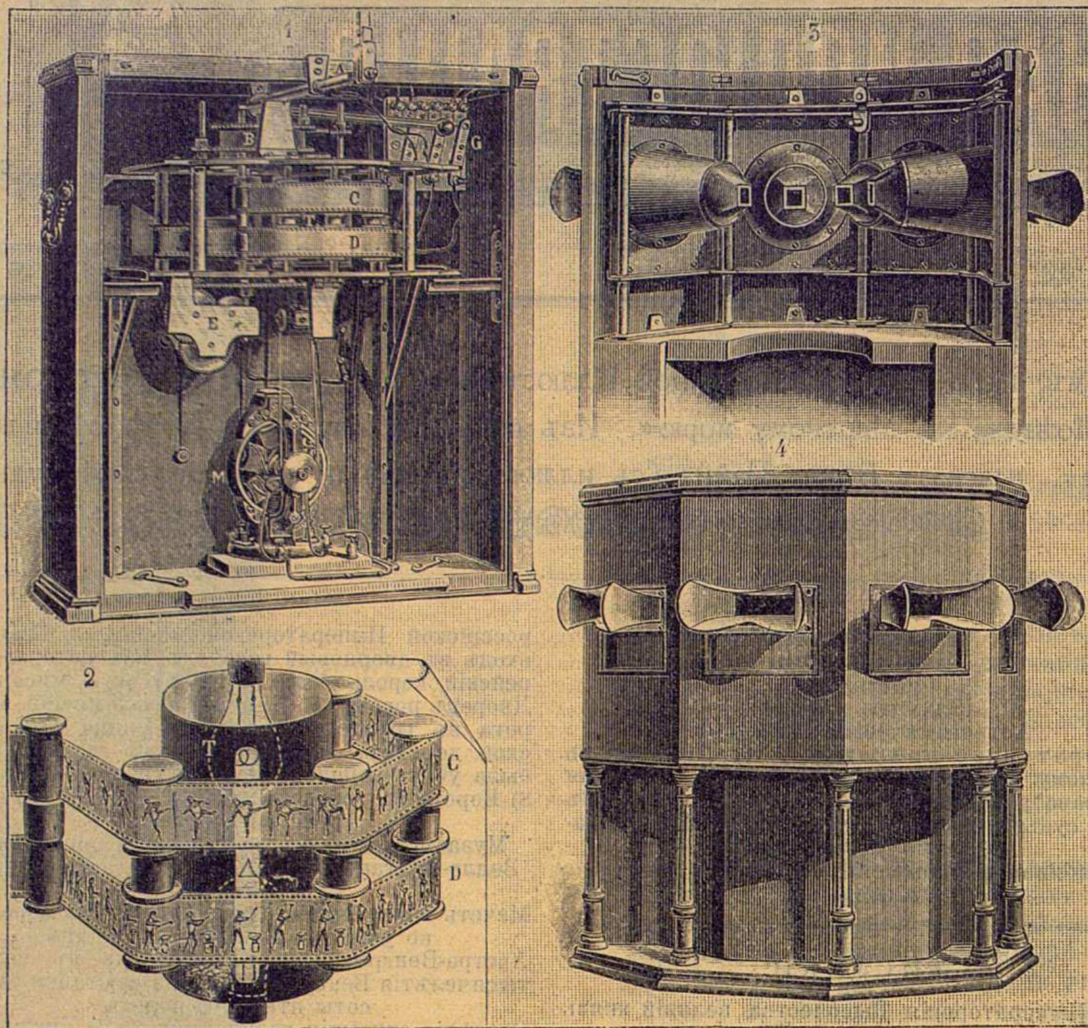
№ 1424. Годъ XXVIII. | 11-го мая 1896 г. | Томъ LV. № 20.

При этомъ, 1424, нумерѣ »Всемірной Иллюстраціи« слѣдуетъ **Литературное приложеніе**, содержащее въ себѣ: 1) »Поѣздка къ Мертвому морю«. Изъ путевыхъ очерковъ X***, съ иллюстраціями, (окончаніе). 2) »Умная расправа«, разсказъ Берри Пайна (съ иллюстраціями) и 3) »Самъ себѣ судья«, романъ Фридриха Шпильгагена (5-й листъ).

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

ТЕКСТЪ

РИСУНКИ:

Кинетоскопъ съ перемѣнными картинами

Если снять цѣлый рядъ фотографій съ движущагося предмета, дѣлая ихъ одну за другою въ возможно кратчайшіе промежутки времени, и притомъ безпрерывно одну за другою, то все движеніе будетъ, такимъ образомъ, воспроизведено во всѣхъ его послѣдовательныхъ фазисахъ. Теперь вообразите себѣ, что эта безконечная вереница изображеній, представляющихъ всѣ послѣдовательные моменты движенія проходитъ предъ вашими глазами, но притомъ такимъ образомъ, что каждое отдѣльное изображеніе остается предъ вами не болѣе какъ на $^1/_6$—$^1/_{10}$ долю секунды. Какъ извѣстно, въ такой краткій промежутокъ времени глазъ еще не успѣваетъ освободиться отъ полученнаго зрительнаго впечатлѣнія, оно еще остается, глазъ его еще видитъ, хотя самый предметъ удаленъ отъ глаза. И вотъ, въ то время, когда глазъ еще видитъ одно изображеніе, ему уже показываютъ другое изображеніе того-же предмета, но уже совершившаго нѣкоторое передвиженіе. Глазъ невольно совмѣститъ оба изображенія и запечатлѣнное на нихъ движеніе предмета какъ бы совершится предъ нимъ во-очію, въ дѣйствительности. Переходя, въ такомъ порядкѣ, отъ одной фазы движенія къ слѣдующей, глазъ будетъ совершенно обманутъ; онъ станетъ видѣть движущійся предметъ какъ бы въ натурѣ. Игрушки, основанныя на этомъ принципѣ, уже давно существовали въ продажѣ подъ названіемъ стробоскоповъ. Нѣсколько времени тому назадъ Эдисонъ усовершенствовалъ эти приборы, изготовляя для нихъ изображенія съ особенною тщательностью. Онъ построилъ особый фотографическій аппаратъ, въ которомъ въ самое короткое время получалось весьма значительное число изображеній, а благодаря этой многочисленности движеніе раздроблялось на множество мельчайшихъ фазисовъ и отъ этого чрезвычайно выигрывало общее впечатлѣніе плавности, непрерывности движенія. Приборъ Эдисона, кинетоскопъ, уже давно предъявленъ публикѣ. Недавно этотъ приборъ былъ усовершенствованъ французскимъ изобрѣтателемъ Жоли. Онъ придалъ ему такой видъ, что зрѣлище можетъ быть сразу наблюдаемо нѣсколькими лицами и притомъ внутрь прибора вставляется не одна, а нѣсколько картинъ. Устройство этого прибора легко понять по нашимъ рисункамъ. На фиг. 1 показано общее внутреннее расположеніе механизма. Небольшой электрическій двигатель *M* приводитъ весь механизмъ въ движеніе, посредствомъ системы зубчатыхъ сцѣпленій. Изображенія помѣщаются на длинныхъ лентахъ изъ гибкаго целлулоида; эти ленты перекинуты въ два ряда (*C* и *D*) на системѣ вращающихся валиковъ. Когда просмотренъ одинъ рядъ, окуляры (отверстія, куда смотрятъ зрители), простымъ поворотомъ рычага (*A*), поднимаются и ставятся противъ другого ряда. Движеніе передается по произволу тому или другому ряду, отъ системы зубчатокъ *E*, черезъ коммутаторъ *G*, который связанъ съ рычагомъ *A* такъ, что когда двигаютъ этотъ рычагъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ автоматически совершается переводъ движенія съ одного ряда изображеній, уже отсмотрѣннаго, на другой, новый, тотъ, который подставленъ зрителю поворотомъ рычага. Ленты съ изображеніями, послѣ того, какъ онѣ одѣты на кругъ валиковъ, надлежащимъ образомъ натягиваются на немъ посредствомъ пружины, заключенной въ барабанѣ *B*. На фиг. 2 показана обмотка системы валиковъ этими лентами съ изображеніями. Фигура 3 изображаетъ внутреннее расположеніе окуляровъ, а фиг. 4—наружный видъ всего прибора. Изображенія освѣщаются сзади, насквозь (лента изъ целлюлоида, на которой сдѣланы изображенія, прозрачна), посредствомъ калильной лампочки, заключенной въ цилиндрѣ (*T*) съ прорѣзомъ для пропуска полосы свѣта, достаточной для полнаго освѣщенія одного отдѣльнаго изображенія. Всѣми движеніями прибора операторъ управляетъ сзади посредствомъ нажатія на кнопки. Въ настоящее время изготовлено много кинетоскопическихъ рисунковъ, представляющихъ по преимуществу сцены движенія. Нѣтъ сомнѣнія, что, съ теченіемъ времени, предъ глазами публики въ этихъ любопытныхъ приборахъ будутъ проходить цѣлые желѣзнодорожные поѣзда, всевозможныя процессіи, бурныя засѣданія разныхъ собраній, драматическія сцены на театральныхъ подмосткахъ и т. д. Вообще, кинетоскопъ—приборъ съ широкимъ будущимъ, и навѣрное его еще ждутъ многія, значительныя усовершенствованія.

ШАХМАТЫ

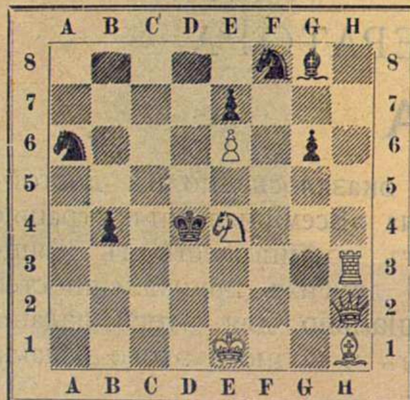
подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1876

Девизъ: **„Eastern star"**.

Первый призъ на конкурсѣ задачъ „Giornale di Sicilia".

Черные

Бѣлые

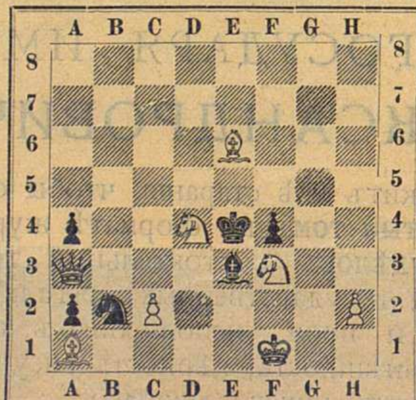
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1877

E. Pradignat.

Изъ „Deutsche Schachzeitung".

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЯ ЭТЮДОВЪ ВЪ № 1392

№ 4. *F. Amelung.* 1. d7—d8 (Ф), Ф f8 : d8 (1... f6 : g5†; 2. Л c7 : f7†, Ф f8 : f7†; 3. Ф d8—f6†; 1... К g6—e7†; 2. Ф d8 : e7!); 2 Л c7 : f7†, Кр g7 : f7 (2... Кр g7—g8; 3. Л f7—g7!); 3. Л c6 : f6*, Ф d8 : f6 (3... Кр f7—e8; 4. Л f6—e6†, К g6—e7; 5. Л e6 : e7† и 6. Л e7—f7†), 4. g5 : f6, К g6—f8; 5. К c8—d6†, Кр f7—g8; 6. С f6—d4, К f8—d7; 7. Кр f5—e6, К d7—f8; 8. Кр e6—f6, К f8 - h7†; 9 Кр f6—e7, К h7—g5; 10. С d4—e3, К g5—f3; 11. Кр e7—f6, Кр g8—h7; 12. К d6—e4, К f3—h2; (12... К f3—e1; 13. Кр f6—f7, К e1—f3; 14. К e4—f6†, Кр h7—h8; 15. К f6—g4, Кр h8—h7; 16. С e3—c1 и выигрываютъ). 13. К e4—g5†, Кр h7—g8; 14. Кр f6—f5, затѣмъ С e3—f4 и выигрываютъ.

(*Вар. a*) 1... 7. К d7—b8; 8. К d6—e4. К b8—c6; 9. С d4—c3, К c6—d8†; 10. Кр e6—e7, К d8—f7; 11. К e4—f6†. Кр g8—g7 и h8; 12. К f6—d7†, Кр g7—g8; 13. Кр e7—f6, К f7—h6; 14. Кр f6—g6, К h6—f7; 15. К d7—f6†, Кр g8—h8; 16. К f6—g4, Кр h8—g8; 17. С c3—b4, К f7—h8†; 18. Кр g6—f6. К h8—f7; 19. С b4—e7, К f7—h8; 20. К g4—e5 и т. д.

(*Вар. b*). 9... К h7—f8; 10. К d6—f5. К f8—g6†; 11. Кр e7—f6, К g6—f4; 12. С d4—e5, К f4—e2 (12... К f4—d3; 13. С e5—d6, Кр g8—h7; 14. К f5—e3, Кр h7—h6; 15. Кр f6—f5, Кр h6 - h5; 16. С d6—e7, К d3—f2; 17. К e3—d5, К f2—h3; 18. К d5—f6† и выигрываютъ); 13. С e5—d6, Кр g8—h7; 14. Кр f6—f7, К e2—c3; 15. С d6—f4, К c3—e4; К f5—e7 и т. д.

(*Вар. c*) 11... К f3—e1; 12. К d6—e4, К e1—c2 (12... К e1—d3; 13. С e3—h6, Кр g8—h7; 14. С h6—d2, Кр h7—g8; 15. Кр. f6—e6 и выигр.; или 12... Кр g8—f8; 13. С e3—d2, К e1—c2; 14. Кр f6—e5 и выигр.); 13. С e3—h6, Кр g8—h7; 14. Кр f6—g5, К c2—d4; 15. К e4—f6†, Кр h7—h8; 16. Кр g5—g6, К d4—e6 (16... К d4—f5; 17. С h6—f8, К f5—h4; 17. Кр g6—f7, К h4—f5; 19. К f6—e4, Кр h8—h7; 20. К e4—g5†, Кр h7—h8; 21. С f8—d6 и выигрываютъ); 17. К f6—d5 и выигрываютъ.

(*Вар. d*) 11... К f3—h4; 12. С e3—f2, К h4—f3; 13. К d6—e4, и выигрываютъ.

(*Вар. e*) 11... К f4—h2; 12. Кр f6—g6, К h2—g4; 13. С e3—d4, К g4—h2; 14. К d6—e4, К h2—f3; 15. С d4—c3 и т. д.

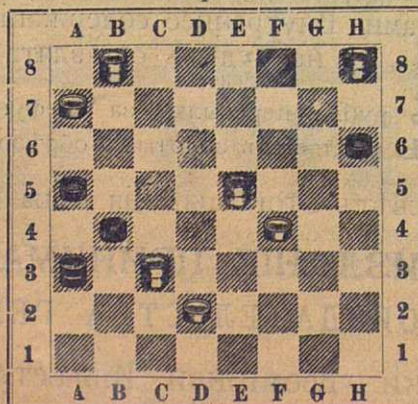
ШАШКИ

ЗАДАЧА № 165 ЗАДАЧА № 166

М. И. Туманова (въ Сызрани).

(Поддавки).

Черные

Бѣлые

Запереть свою простую.

Черные

Бѣлые

Запереть свою дамку и простую.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

№ 1424. Годъ XXVIII. 11-го мая 1896 г. Томъ LV. № 20.

Ихъ Императорскія Высочества

великій князь МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ и великая княжна ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА.

Съ фотографіи Левицкаго и сына. Гравировалъ И. И. Хелмицкій.

* * *

Ликуетъ Русская земля,
Какъ ликовала встарь:
Подъ сѣнь священную Кремля
Вступаетъ Русскій Царь.

Ему привѣтъ со всѣхъ сторонъ
Взволнованныхъ сердецъ:
Наступитъ часъ — пріемлетъ Онъ
Свой царственный вѣнецъ.

Народомъ полны храмы всѣ,
Колокола гудятъ,
И блещетъ въ праздничной красѣ
Первопрестольный градъ.

Растроганъ, умиленъ народъ
Въ душѣ своей простой —
И ликованіе пойдетъ
По всей Руси святой!

Въ »Правительственномъ Вѣстникѣ« напечатано:

Близокъ день, когда въ сердцѣ Россіи — въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, предъ лицомъ представителей церкви, палаты и воинства, далекихъ странъ трехъ частей свѣта и всѣхъ сословій русскаго народа, подъ сѣнію древнихъ кремлевскихъ святынь, совершится великое таинство мѵропомазанія и коронованія. Всѣ времена сознавали высокую важность посвященія на царство, но истинное, глубокое значеніе оно пріобрѣло только въ лонѣ православія. Вѣрные сыны своей церкви, нелицемѣрные слуги своихъ государей, русскіе люди всегда откликались всѣмъ сердцемъ на радость царскую; откликнулись они и теперь, потому что изъ дальнихъ городовъ нашихъ сообщаютъ о приготовленіяхъ къ достойному чествованію всенароднаго торжества и даже изъ небогатыхъ селеній и деревень, не всегда значащихся на картахъ необъятныхъ земель русскихъ, доносятся отрадныя вѣсти о дѣлахъ благотворенія, о сооруженіи новыхъ церквей, основаніи новыхъ школъ, больницъ и богадѣлень. Откликнется на царскую радость весь, весь русскій народъ, и въ знаменательный день наступающаго 14-мая вознесетъ онъ свои горячія молитвы Господу Богу. Величественны будутъ тѣ минуты единенія молитвеннаго съ земнымъ, когда вѣнчанные и мѵропомазанные юные Государь и Государыня наши вознесутъ свои молитвы къ Царю царствующихъ и Господу господствующихъ: »Да изліетъ на Насъ дары Духа Своего Святаго, да укрѣпитъ Онъ Державу нашу и да направитъ Онъ Насъ по стопамъ Незабвеннаго Родителя Нашего, коего жизнь и труды на пользу дорогого Отечества останутся для Насъ навсегда свѣтлымъ примѣромъ«.

7 (19)-го мая 1896 г.

Москва продолжаетъ быть средоточіемъ внутренней жизни Россіи, и на нее по прежнему устремлены взоры всего міра. Естественно, что всѣ политическія и административныя злобы дня отошли на второй планъ. Главное начальство надъ коронаціоннымъ отрядомъ, сформированнымъ по Высочайшему повелѣнію для участія въ торжествахъ Священнаго Коронованія, принято великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Въ Москву прибываютъ именитые гости, герцоги и владѣтельные князья, наслѣдные принцы, представители разныхъ государствъ, короли, прибылъ ханъ Хивинскій и почти уже съѣхались всѣ русскіе и иностранные корреспонденты.

Между тѣмъ, пребываніе въ Россіи „китайскаго Бисмарка“ г. Ли-Хунгъ-Чанга сильно мозолитъ глаза англійскимъ политикамъ, и поэтому поводу, а также по поводу отношеній Россіи къ Персіи ими измышляются разные, не заслуживающіе довѣрія слухи.

Политическое вліяніе Россіи упрочивается замѣтнымъ образомъ на крайнемъ Востокѣ. Японское правительство и значительнѣйшая часть печати выказываютъ, повидимому, искреннее стремленіе войти съ Россіею въ полюбовное соглашеніе по всѣмъ спорнымъ вопросамъ.

Какъ извѣстно, Венгрія празднуетъ свое тысячелѣтіе. Австрійскій императоръ и король Венгріи Францъ-Іосифъ получилъ со всѣхъ сторонъ поздравленія по этому поводу, не смотря на то, что другимъ его подданнымъ и преимущественно славянамъ этотъ юбилей во многихъ отношеніяхъ представляется оскорбительнымъ для ихъ національнаго достоинства. Во многихъ славянскихъ земляхъ протестовали противъ венгерскихъ „либераловъ“, стѣсняющихъ славянскія національности, которыя входятъ въ составъ короны св. Стефана.

Въ Бѣлградѣ, между прочимъ, было сожжено семинаристами „венгерское“ знамя, что повлекло за собою дипломатическіе переговоры между обѣими странами. Самъ король Венгріи поставленъ былъ въ роковую необходимость примириться съ образомъ дѣйствій венгерскихъ „либераловъ“. Зато папа Левъ XIII, привѣтствуя тысячелѣтіе королевства св. Стефана, высказалъ въ своей энцикликѣ, обращенной къ венгерскимъ епископамъ, неодобреніе порядку вещей, существующему въ Венгріи, объявивъ, что успѣшное развитіе этого государства слѣдуетъ приписать распространенію въ немъ евангельскаго ученія, а между тѣмъ повсемѣстно въ Венгріи замѣтенъ упадокъ уваженія къ католическимъ ученіямъ даже среди самихъ католиковъ.

Идея о совмѣстной борьбѣ съ замыслами Англіи, характеризуемыми такими фактами, какъ суданская экспедиція и отношенія сенъ-джемскаго правительства къ разбойничьимъ подвигамъ Сесиля Родса и Джемсона начинаетъ замѣтно созрѣвать въ Парижѣ и Берлинѣ. Послѣдствія франко-русскаго сближенія доказали берлинскому правительству, что ему удобнѣе быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ двумя, заключившими гласную дружбу, великими державами, которыя обѣ имѣютъ много поводовъ остерегаться Англіи и всегда и вездѣ противодѣйствовать ея интригамъ.

Въ Англіи есть люди, которые и сами отлично сознаютъ темныя стороны ея политики, въ особенности колоніальной. Глава либеральной оппозиціи въ палатѣ общинъ сэръ Вильямъ Гаркортъ произвелъ сильное впечатлѣніе своей послѣдней рѣчью. Онъ весьма убѣдительно доказалъ, что Родсъ и директоры Chartered Compagny — единственные защитники вооруженнаго нападенія на Трансвааль и что въ этомъ дѣлѣ ими руководилъ духъ наживы, который и вдохновлялъ весь заговоръ противъ дружественной страны съ ея богатыми мѣсторожденіями золота. Но еще болѣе опаснымъ и пагубнымъ явленіемъ въ государственной жизни Англіи Гаркортъ признаетъ паденіе нравственнаго чутья въ англійской печати, которая восхваляла дѣйствія, возмущающія всякаго порядочнаго человѣка. По словамъ сэра Гаркорта, глубокая безнравственность самаго заговора и его защитниковъ прямо отвратительна...

Въ Германіи отпразднована двадцать пятая годовщина франкфуртскаго мирнаго договора открытіемъ статуи императора Вильгельма I. Вмѣстѣ съ тѣмъ это и двадцати-пятилѣтній юбилей германской Имперіи. Юбилей этотъ совпалъ съ берлинской мануфактурной выставкой, которая по величинѣ помѣщенія, по роскоши зданій и разнообразію развлеченій смѣло можетъ поспорить даже съ любой международной.

Несмотря на обидный для французскаго національнаго чувства германскій юбилей, императоръ Вильгельмъ II, при всякомъ удобномъ случаѣ, спѣшитъ выказать свои добрыя чувства по отношенію къ Франціи. Такъ, по поводу несчастнаго случая съ воинскимъ поѣздомъ близь Аделіи въ Алжирѣ, при чемъ погибло пять офицеровъ и ранено шестьдесятъ нижнихъ чиновъ, германскій императоръ выразилъ соболѣзнованіе президенту Фору. Слухъ о томъ, что Францію можетъ и должна поддержать Германія въ ея борьбѣ съ африканскую политикою англичанъ становится все болѣе настойчивымъ, и недаромъ изъ Индіи двинуты какъ бы для обороны Суакима и его окрестностей, а на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, въ долину Нила, значительныя британскія войска.

Въ Италіи кабинетъ Рудини одержалъ парламентскую побѣду надъ кабинетомъ Криспи. Срытіе укрѣпленій Адиграта скоро будетъ окончено; въ непродолжительномъ времени начнется посадка на суда значительной части экспедиціоннаго отряда и вернется въ Италію также крейсеровавшая въ Чермномъ морѣ эскадра за исключеніемъ всего четырехъ судовъ, которыя останутся въ Массовѣ.

Въ Константинополѣ запрещено было печатать о трагической кончинѣ персидскаго шаха, которая произвела на его величество султана удручающее впечатлѣніе. Хотя въ Арменіи, тамъ и здѣсь, продолжаются еще репрессивныя мѣры, но, по требованію европейскихъ консуловъ, церкви, обращенныя въ мечети, вновь возвращаются христіанамъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, во время слѣдованія поѣзда изъ Фруара въ Паньи, на которомъ изволила отбыть изъ Вилла-Франки въ Москву Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, — президентъ Форъ лично привѣтствовалъ Ея Величество, на что Государыня изволила отвѣтить, что она глубоко тронута и представила ему Своихъ Августѣйшихъ Дѣтей и лицъ Своей свиты.

СВѢТЪ СРЕДИ РАЗВАЛИНЪ

Очеркъ

ЭЛИЗЫ ОРЖЕШКО

Зарывшись лицомъ въ шитую подушку, долго лежала она на кушеткѣ; приподнялась на секунду, чтобы вытереть заплаканные глаза, потомъ, заломивъ бѣлыя ручки, опять горько заплакала. Теперь уже слезы не лились потокомъ, какъ раньше, а медленно, тяжелыми каплями, стекали по прекрасному овалу лица, падали на лифъ, обтягивающій стройный станъ, и останавливались на кружевахъ отдѣлки, блистая свѣтомъ мелкихъ алмазовъ. Кругомъ разливался мягкій свѣтъ отъ двухъ лампъ, прикрытыхъ абажурами, освѣщая золоченыя рамы картинъ и разнообразныя формы элегантной мебели.

Альбомы въ дорогихъ переплетахъ, маіолико-

выя вазы, золотыя и серебряныя бездѣлушки украшали столы и каминъ; на окнахъ цвѣли бѣлые и красные цвѣты. За стеклами гудѣла снѣжная мятель, слышался скрипъ полозьевъ по хрустящему снѣгу, звеня пролетали сани, раздавался уличный шумъ — внутри было тепло, тихо и уединенно.

Слишкомъ тепло, тихо и уединенно. Воздухъ, наполняющій эту прекрасную комнату, имѣлъ въ себѣ что-то оранжерейное, отъ чего растенія цвѣли свободнѣе, но дышать было тяжело, тишина же и уединеніе были на столько полныя, точно далеко вокругъ не было ни одной живой души. За открытыми дверями царила темнота, не слыхать было ни малѣйшаго шелеста, ни разговоровъ, ни смѣха, ни звуковъ дѣтскаго голоса или звѣрька, или домашнихъ — слугъ съ открытымъ смѣлымъ лицомъ и свободными движеніями.

Въ каминѣ, за прозрачной желѣзной рѣшеткой, кучка аккуратно сложенныхъ полѣнцевъ, повидимому, давно лежала нетронутой.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ она, съ тѣхъ поръ какъ сперва смутно, потомъ ясно сознавъ, что несчастлива, дала себѣ слово никогда не жаловаться на судьбу ни громко, ни потихоньку, не стараться сбросить съ себя опутывающія ее узы; въ душѣ у ней неопредѣленно рисовался привлекательный идеалъ мужества, терпѣнія, гордо и молчаливо выносящаго тяготу жизни. Идеалъ этотъ она почерпнула изъ нѣсколькихъ живыхъ примѣровъ, видѣнныхъ ею въ дѣтствѣ, изъ тѣхъ книгъ, которыя давалъ ей отецъ, прежде чѣмъ смерть закрыла ему глаза; съ этимъ идеаломъ хотѣла она сообразовать свою душу и не могла. Это была бѣдная женская душа, впечатлительная и безпокойная, замкнутая въ тѣлѣ, отъ котораго бы отказался всякій стоикъ. Поэтому, несмотря на многократныя твердыя рѣшенія не причитать надъ собой, она снова плакала горькими слезами.

Она вспомнила свои прошлыя мечты и радости, исчезнувшія различнымъ образомъ. Двое малютокъ внезапно, грубою рукою унесла смерть; любовь человѣка, которому она отдала жизнь и сердце, погасла Богъ знаетъ почему, безъ ея вины, въ силу измѣнчивости людской природы, или въ силу закона, по которому двое неподходящихъ людей непремѣнно должны разойтись; удовольствіе отъ обладанія богатствомъ растаяло отъ привычки, отъ невозможности возмѣстить матеріальными благами сердечныхъ потерь: карета не отретъ вашихъ слезъ, съ маіоликовой вазой не разговоришься по душѣ, никакія сласти не отнимутъ горечи у тоски.

Очарованіе свѣта — видъ нарядныхъ, танцующихъ, болтающихъ и играющихъ людей — потеряло для нея всю прелесть, когда она убѣдилась, что наряжаться, танцовать и болтать невозможно, когда болитъ сердце. Ей не было еще тридцати лѣтъ, а жизнь уже представлялась оконченной. Она была осиротѣлой матерью, покинутой женой, свѣтской женщиной, пресыщенной свѣтомъ. Единственныя чувства, которыя возбуждалъ въ ней свѣтъ — были обида и гнѣвъ. Развѣ не свѣтъ отнялъ у ней сердце любимаго человѣка, охватилъ его своими чарами, опьянилъ, испортилъ? Развѣ не представительницей свѣта была та женщина, ради которой онъ ее покидалъ, оскорблялъ, уязвлялъ, у которой онъ находился въ настоящую минуту? При одномъ воспоминаніи объ этомъ чувства горечи и униженія переполняли ея душу.

О, эта прелесть женская, прославленная въ свѣтѣ, сколько обмана и жестокости прикрываетъ она! О! эти изящные, раздушенные будуары, гдѣ, за опущенными гардинами и драпировками у дверей и оконъ, два существа безнаказанно совершаютъ убійство надъ третьимъ лицомъ. О, эта вѣчная легкомысленная болтовня, веселыя шуточки, недосказанныя слова, грезы подъ музыку, эти измѣнчивыя моды, эта власть обычая, заставляющая людей забывать обо всемъ, что прямо не ведетъ къ наслажденію! Эти карточные столы, за которыми онъ просиживаетъ все время, когда не можетъ быть у той женщины. Какъ все это ненавистно, достойно презрѣнія. Несчастье научило ее этимъ чувствамъ — ненависти и презрѣнію, отобравъ вмѣстѣ съ тѣмъ единственно возможное утѣшеніе — желаніе наслаждаться и развлекаться. Пусть другіе пользуются утѣхами жизни, она перестала вѣрить въ доброту, искренность людей, отнявшихъ у нея сокровище, отъ котораго зависѣло ея счастье въ жизни, домашній очагъ и сердечное чувство мужа.

Съ дѣтства она слышала, что счастье женщины, ея обязанность, добродѣтель, достоинство — въ любви и материнствѣ. Воспитаніе ли въ этомъ духѣ такъ повліяло на нее, или она была природой такъ создана, но, дѣйствительно, для нея любовь и материнство были единственными источниками, изъ которыхъ она черпала счастье, добродѣтель и достоинство. Теперь эти двѣ добрыя феи ея жизни умерли, исчезли — и что же? Когда дорогія прелестныя дѣтскія головки скроются навѣки въ загробныя тѣни, когда сердце близкаго, дорогого человѣка остынетъ и оторвется отъ прежней связи ради новыхъ чувствъ и наслажденій — тогда что? Принять отъ свѣта новую любовь, какъ принимаютъ отъ портнихи новое платье... ха, ха, ха! А если та, первая, такъ крѣпко пустила корни, что вырвать ее невозможно? Или если мелкота и хрупкость первой убили въ душѣ вѣру въ величіе и постоянство любви вообще?

Она вскочила съ кушетки, сжала голову обѣими руками и раза два быстро обошла прекрасную гостиную.

Пушистый коверъ заглушалъ шумъ ея шаговъ, зато сердце билось и грудь тяжело и громко дышала.

„Что мнѣ осталось? на что мнѣ надѣяться? Что мнѣ дѣлать съ моимъ сердцемъ, съ моимъ временемъ, со всѣми этими днями, мѣсяцами, годами?“. Дни, мѣсяцы и годы представились ея воображенію въ видѣ длинной галлереи, украшенной рѣзьбой и позолотой, но такой пустой и холодной, что она даже содрогнулась...

Отнявъ руки отъ лица, она очутилась у стола, на которомъ лежала раскрытая книга, освѣщенная лампой. Она ее читала часъ тому назадъ и бросила на столъ, когда онъ вошелъ къ ней и съ несносной улыбкой человѣка, принуждающаго себя къ вѣжливости, за неимѣніемъ болѣе теплаго чувства, простился съ нею на весь вечеръ.

Случайно взоръ ея упалъ на три стиха:

Почему ты, жизнь моя,
Не дала мнѣ въ руки
Серебристаго серпа...

Она быстро повернулась и снова заходила по гостиной. Да! Какъ эти поэты умѣютъ угадывать что происходитъ въ измученныхъ сердцахъ людей. Да! Зачѣмъ она не крестьянка, которая, выпустивъ изъ рукъ „серебристый серпъ“, присаживается къ веселому, шумному очагу. Тѣло ея изнурено, но сердце спокойно. Ея же тѣло могло бы сладко отдыхать на мягкихъ кушеткахъ и креслахъ, но когда въ сердцѣ свирѣпствуетъ буря, не найти ей спокойствія нигдѣ. И она съ горечью завидовала нищимъ труженикамъ и страстно проклинала свое богатство.

Снова очутилась она нечаянно у стола и прочла:

Съ моего чела зачѣмъ
Потъ росою не струился?

Она постояла съ минуту неподвижно, устремивъ глаза вверхъ, потомъ оглянулась кругомъ. Работать! что нибудь дѣлать, трудиться до пота, до изнуренія! Работой наполнить время, усыпить память, утишить стыдъ покинутой, пренебреженной и — ахъ! — никому на всемъ земномъ шарѣ ненужной женщины.

Послѣдняя мысль подняла въ ея груди новыя рыданія... Дѣти въ могилѣ, онъ тамъ, братъ, сестры далеко и по разстоянію, и по чувствамъ... Какъ, однако, ослабляются всякія связи и въ разлукѣ, и въ неразрывномъ союзѣ.

У ней есть братъ, сестры, мужъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ нѣтъ. Всѣ на свѣтѣ порознь и каждый живетъ для себя; она не хочетъ такъ жить, однако должна, потому что никому на всемъ свѣтѣ она не нужна. Что дѣлать?

Отчаяннымъ, блуждающимъ взглядомъ окинула она гостинную. Читать? Ужъ столько она читала вчера, сегодня, всѣ эти нескончаемые безчисленные дни. И что же изъ этого чтенія? Кончать эту паутинную вышивку?... Столько ужъ она ихъ вышила! На что? Изящное піанино стоитъ у стѣны, стоитъ только зажечь свѣчи, раскрыть ноты и играть! Сколько лѣтъ, дней, часовъ играла она, прелестно играла — и что же изъ того? Всегда и вездѣ пустота. Отчаяніе перешло въ безграничную скуку, вытекающую изъ слова пустота, какъ туманъ изъ болота. Хоть бы кто нибудь пришелъ, кто нибудь хоть крошечку помилѣе и интереснѣе! Развѣ позвать кого? На ея приглашеніе не замедлило бы откликнуться множество людей: вѣдь она богата. Она разсмѣялась. Какую нибудь подругу? Она снова разсмѣялась.

Былъ, однако, одинъ человѣкъ, въ горячее и искреннее чувство котораго она вѣрила. Конечно, это было эгоистическое чувство, онъ не переставалъ ее любить, потому что она не поддавалась ему; онъ иногда заботился о ней, но прежде всего желалъ удовлетворить свою страсть, изрѣдка думалъ онъ объ ея душѣ — и о тѣлѣ ея всегда.

Въ любви, этомъ драгоцѣнномъ на видъ металлѣ, она досмотрѣла сильную примѣсь низкой руды, на днѣ хрусталя видѣла тяжелыя мутныя частицы. Но въ данную минуту безспорно человѣкъ этотъ любилъ ее. Даже призракъ идеала привлекалъ ее и очаровывалъ минутами. Не одинъ часъ, проведенный въ его обществѣ, могла она сравнить съ блескомъ солнца среди пасмурнаго дня, съ цвѣткомъ на избитой дорогѣ. Ну, что же, еслибы онъ пришелъ въ эту минуту?

Навѣрное, она была бы съ нимъ искреннѣе, привѣтливѣе и сердечнѣе. Сознаніе, что ее такъ любятъ, наполняло ее восторгомъ, хоть и не надолго. Можетъ, онъ придетъ. Вѣдь недавно, въ странную минуту отчаянія, смѣшаннаго съ надеждой, сомнѣнія съ желаніемъ вѣры, она сама сказала ему дрожащими устами — что изъ всѣхъ знакомыхъ ей людей его одного она хотѣла бы видѣть часто. Онъ, въ благодарность, низко склонился предъ нею, и, когда поднялъ голову, лицо его все сіяло невыразимымъ блаженствомъ.

Это сіяніе, впрочемъ, она видѣла когда-то и на лицѣ того, кого такъ безмѣрно, такъ нѣжно любила. Она знаетъ и то, что сіяніе это не есть исключительно отраженіе святого огня и что рано или поздно оно потухнетъ непремѣнно... однако, при видѣ его, ей казалось, одну секунду, что она еще свѣжа, довѣрчива, не знакома съ ловушками и разочарованіями.

Что же, еслибы онъ пришелъ теперь? О, пусть приходитъ! Она чувствуетъ, что опуститъ голову на его плечо и колеблясь, но съ восторгомъ шепнетъ ему: „вы другъ мой!“ Она слишкомъ хорошо знала, каковъ бываетъ конецъ подобной дружбы, ей достаточно были извѣстны отношенія людей, знала она какой опасности подвергается, ободряя его страсть своей нѣжностью. Что за важность! Развѣ она первая! Зачѣмъ ей быть исключеніемъ. Развѣ тотъ, который сидитъ теперь гдѣ-то въ будуарѣ или за карточнымъ столомъ, гдѣ ему такъ весело, развѣ онъ на дѣлѣ не разрушилъ связывающаго ихъ союза, не превратилъ въ ложь свою клятву, данную у алтаря; развѣ ихъ связь не что другое, какъ полная лжи форма? Развѣ она должна уважать пустую форму, изъ которой исчезла правда? Развѣ она не изъ такой же глины, какъ и всѣ? Развѣ она ангелъ, посланный небомъ для подвижничества на землѣ? Да, она прежде грезила объ ангельской кротости и стоической добродѣтели, но теперь она смѣется надъ своими грезами... Она страдаетъ и жаждетъ утѣшенія, какъ и всѣ. Она потеряла счастье и желаетъ возвратить хоть крупинку его, хоть призракъ.

Ну и что же? Вотъ поэтому все съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ она прихода человѣка, который ее любитъ, чье присутствіе, чувство, разговоръ доставляютъ ей пріятное волненіе; воображеніе начинаетъ болѣе пламенными красками рисовать ей часы, которые она провела бы съ нимъ, еслибы онъ пришелъ. Можетъ, придетъ? О, пусть приходитъ! И пусть будетъ, что будетъ, лишь бы чье нибудь сердце хоть на мигъ забилось сильно для нея, пусть ея собственное сердце согрѣется хотя бы слабымъ лучемъ! Пусть этотъ нескончаемо долгій вечеръ, который стоитъ передъ ней, какъ могильное видѣніе, незамѣтно и тихо пройдетъ въ короткой бесѣдѣ; а когда она проснется утромъ, на другой день, пусть на ея устахъ расцвѣтетъ хоть какая нибудь надежда!

Теперь она дрожала отъ нетерпѣнія и, стоя посреди гостиной, потихоньку нѣсколько разъ произнесла его имя: — Октавіанъ! Какъ шло это имя къ его высокой, немного экзотической, фигурѣ!..

Въ передней зазвенѣлъ звонокъ. Это онъ, конечно! Но какъ несмѣло и слабо звучитъ этотъ звонокъ, видно, что рука посѣтителя дрожала отъ волненія! О, дорогой, иди! Развѣ не знаешь ты, что я жду тебя, какъ спасенія.

Въ дверяхъ темной комнаты, между складками портьеры, появился слуга и доложилъ о гостѣ, и — ахъ! — опять ошибка и какая смѣшная!

Вмѣсто ожидаемаго, вмѣсто молодого интереснаго человѣка, заставившаго биться ея сердце, этотъ скучный старикъ!..

Глаза ея гнѣвно сверкнули, досадливо искривились уста. Она уже хотѣла бросить короткое: „не принимаю!“ но почувствовала угрызеніе совѣсти и поколебалась. Этотъ выжившій изъ ума старикъ былъ когда-то дорогимъ, любимымъ другомъ ея отца; она знала его съ дѣтства; чтобы придти къ ней, онъ прошелъ нѣсколько длинныхъ улицъ въ такой холодный, вѣтреный вечеръ... Ничего общаго у ней съ нимъ нѣтъ; ей скучно вести съ нимъ странный разговоръ; она не могла понять, зачѣмъ онъ ходилъ къ ней по временамъ, какая ему отъ этого польза или радость? и тѣмъ не менѣе невозможно отказать ему — разъ, что онъ пришелъ — въ нѣсколькихъ часахъ отдыха въ ея креслахъ; особенно сегодня немыслимо отказать ему, въ такую погоду. Она бы предпочла сидѣть одна, чѣмъ видѣть передъ собой эту печальную развалину, но изъ уваженія къ старости и ради прежнихъ его отношеній съ ея отцомъ она должна была оказывать ему хоть слабое вниманіе.

Впрочемъ, пусть! Одной каплей горечи больше или меньше въ ея чашѣ! Должна же она знать,

Древняя Русь. — Праздничный выходъ царя въ Троицынъ день.

Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи« барона М. П. Клодта.

Русскіе художники. — Въ ночь подъ Троицынъ день.

Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи« Н. И. Ткаченко.

что ей нечего надѣяться на что либо милое, радостное, а если она надѣялась, то, значитъ, она все еще очень наивна и легковѣрна. Въ наказаніе она терпѣливо перенесетъ эту новую двухчасовую скуку въ образѣ явившагося гостя.

— Просите!

Продолженіе слѣдуетъ

Юноша-пастухъ

(Изъ Гейне)

Царь здѣсь юноша-пастухъ.
Холмъ зеленый вмѣсто трона,
Солнце яркое надъ нимъ —
Вся изъ золота корона.

У монаршихъ ногъ легли
Льстиво овцы въ красныхъ бантахъ;
Гордой важности печать
На телятахъ-адъютантахъ.

Гофъ-актерами — козлы;
И коровы не безъ дѣла,
Какъ и птицы: флейты ихъ,
Позвонки ихъ — гофъ-капелла.

И такъ мило все звучитъ,
И такъ мило отвѣчаетъ
Водопадъ и темный лѣсъ —
И владыка засыпаетъ.

Въ это время край его
Псомъ-министромъ управляемъ;
Неусыпно сторожитъ
Онъ своимъ широкимъ лаемъ.

Дремля, шепчетъ юный царь:
»Ахъ, правленье — трудъ постылый,
Трудъ тяжелый! Поскорѣй
Мнѣ-бъ домой, къ царицѣ милой!

И державной головой
Тихо къ ней на грудь склониться...
Вѣдь владѣнія мои
Всѣ въ глазахъ твоихъ, царица!..«

Петръ Вейнбергъ

Штрихи и контуры

Петербургскій фельетонъ

Джемми — подвижная, бойкая дѣвушка — любитъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Стоитъ кому нибудь сказать ей: „allons voir quelque chose d'extraordinaire", и у ней уже ушки на макушкѣ, глаза сверкаютъ, грудь нервно, бурно дышитъ, она топаетъ ножкой и кричитъ:

— Когда же? Когда! Ахъ, поскорѣе!

Въ такое состояніе привелъ я ее предложеніемъ взглянуть на Петербургъ „à vol d'oiseau".

— Но сегодня, къ сожалѣнію, солнце! Мы не увидимъ многаго—очертанія предметовъ будутъ сливаться, замѣтилъ я.

— Вотъ мило! Въ дождь я ни за что не поѣду! Наконецъ, не зачѣмъ было соблазнять! Я хочу! Слышите ли вы! крикнула Джемми.

Нечего дѣлать, нужно было уступить.

Мы поѣхали, конечно, къ Исаакіевскому собору. Съ нами были двое вольноопредѣляющихся, кузены Джемми — Jean и Jack или, какъ мы ихъ называемъ вмѣстѣ, „жанжаки".

У входа собралось порядочно публики; большинство гимназисты, очевидно желавшіе свершить восхожденіе съ научной цѣлью, и военная молодежь. Съ молодежью всегда бываетъ весело. Джемми пришла въ восторгъ. Не испугали ее даже сторожа со средневѣковыми фонарями въ рукахъ. Сторожа группировали партіи по 5 человѣкъ съ платою по 20 коп., чтобы выходило на рубль. Такъ какъ насъ было четверо, то къ намъ прибавили еще одного вольноопредѣляющагося, и сторожъ повелъ насъ по темной винтообразной лѣстницѣ. Чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ уже становилась лѣстница. На площадкахъ насъ ожидали группы возвращавшихся, Джемми шла впереди, тотчасъ за сторожемъ, и при слабыхъ отблескахъ фонаря мнѣ мелькали два узкіе каблучка ея лакированныхъ ботинокъ. Потомъ и этого не стало видно. Мы перекликались во тьмѣ.

— Джемми, гдѣ вы?

— Здѣсь! А „жанжаки"?

— Мы тутъ! басомъ отвѣчалъ снизу Жанъ.

Взобрались на крышу, гдѣ находятся колѣнопреклоненные ангелы, и почти всю обошли и стали подниматься внутри купола. Солнечные лучи нагрѣли мѣдную обшивку; было тепло, какъ въ натопленной комнатѣ. Задыхающіеся, въ испаринѣ, очутились мы, наконецъ, на вышкѣ.

— Ахъ! слышу восклицаніе Джемми, — это вовсе не такъ высоко и мало интересно! Жанъ, дай твой бинокль!

Стоявшій къ намъ спиною высокій господинъ въ широкой, мягкой шляпѣ обернулся, и я узналъ въ немъ своего хорошаго знакомаго Ижесущенскаго. Раскланялись.

— Вы говорите: не высоко? съ мефистофельской улыбкой обратился онъ къ Джемми, — вы знаете сколько саженъ?

— Не знаю! отвѣчала Джемми.

— И я не знаю! И онъ не знаетъ! указалъ на меня Ижесущенскій,— и молодые люди не знаютъ. Это въ порядкѣ вещей, что мы, петербуржцы, не знаемъ высоты нашего самаго грандіознаго собора. Сторожа говорятъ 60 саженъ. Но они, можетъ быть, врутъ. А гдѣ правда?

— Ахъ, я совсѣмъ не вижу окрестностей! тономъ разочарованія перебила Джемми, — вы правы: солнце мѣшаетъ! А мнѣ бы такъ хотѣлось видѣть даль! Сторожъ, а гдѣ Кронштадтъ?

Сторожъ принялся объяснять. Ижесущенскій взялъ меня подъ руку и отвелъ.

— Барышня стремится вдаль! сказалъ онъ. — Это такъ естественно для молодежи. Насъ, людей пожилыхъ, должно интересовать то, что ближе. Отрѣшитесь на минуту отъ дѣйствительности и посмотрите на этотъ городъ, забывши, что вы тутъ родились, постоянно живете, а такъ, какъ будто вы заѣзжій гость. Когда я путешествовалъ за границей, не было города и въ немъ не было такого собора, башни, куда бы я ни взлѣзалъ! И вотъ, посмотришь съ птичьяго полета на какой нибудь Страсбургъ, Мюнхенъ, Парижъ и видишь, что это вполнѣ натуральный городъ. Много каменныхъ зданій, но есть сады, парки, большія площади, чувствуешь, что люди здѣсь работаютъ, служатъ, но что имъ есть гдѣ и отдохнуть, въ самомъ ли городѣ или за городомъ, куда такъ и расползаются разные трамваи, омнибусы, желѣзныя дороги, пароходы, лодки и проч. Теперь не угодно ли взглянуть на этотъ фруктъ! (Ижесущенскій широко повелъ рукой надъ Петербургомъ). Вы пріѣзжій и совершенно не знаете города, но вотъ вы смотрите на него съ высоты, и какое же впечатлѣніе онъ производитъ? Вамъ даже нѣтъ надобности знать, что въ этомъ городѣ всѣ Иваны Ивановичи и Петры Степановичи собираются по вечерамъ въ кучу и винтятъ, — это видно уже по страшной сплоченности домовъ, по отсутствію площадей, садовъ. Къ чему площадь и сады, по которымъ некому гулять? Теперь обратите вниманіе на рѣзкій контрастъ, который представляютъ по отношенію къ городу его пустынныя дикія окрестности. На западѣ—взморье, болото и никакихъ признаковъ жилья, на востокѣ — стальная полоса рѣки и тоже самое, на югѣ—тоже, на сѣверѣ — совсѣмъ дичь. А петербургскій обыватель, развѣ это не мертвецъ? Развѣ живой, съ настоящей, горячей кровью и здоровыми нервами, человѣкъ въ состояніи такъ жить и то продѣлывать, что продѣлываетъ петербуржецъ? Мумію изображаетъ онъ утромъ „за дѣломъ", а отъ 9 часовъ вечера до 2—3 часовъ ночи — за карточнымъ столомъ, *отдыхая* по праздникамъ у Лейнера или въ душномъ „кабинетѣ" какой нибудь „Аркадіи"?

— Господа вольноопредѣляющіе, пожалуйте внизъ! воззвалъ сторожъ.—Дама уходитъ!

— Вы—пессимистъ... вы—злой пессимистъ! сказалъ я, подавая на прощанье руку Ижесущенскому,—нѣтъ, вы — *вольноопредѣляющій!*

И поспѣшилъ за Джемми.

* * *

— Я разочаровалась въ Петербургѣ! сказала Джемми, надувъ губки, — неужели онъ такой... скучный?

— А острова? напомнилъ я.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, поѣдемте на острова! просительно взглянула она на меня,—нужно перемѣнить настроеніе, разсѣяться!

„Жанжаки" тотчасъ разыскали коляску, и мы поѣхали съ быстротою... извозчичьихъ клячъ.

Но уже на Елагиномъ мосту я подосадовалъ на себя за то, что предложилъ эту прогулку. Впечатлѣніе пустоты и мертвенности, которое явилось у насъ на куполѣ Исаакіевскаго собора, не проходило, а только усиливалось — до того тосклив былъ видъ голыхъ деревьевъ, лужаекъ безъ зелени, пустынныхъ аллей и заколоченныхъ, съ налѣпленными на окна билетиками, дачъ. Когдѣ бродили группы мужчинъ въ котелкахъ и дамъ въ мѣховыхъ ротондахъ. Это были съемщики разныхъ новодеревенскихъ и крестовскихъ палаццо. На встрѣчу имъ выходили дворники съ раздутыми отъ зимней спячки и водки физіономіями. Дворники зѣвали, сдвигали шапку то на затылокъ, то на лобъ, почесывались то въ однихъ, то въ другихъ мѣстахъ и, должно быть, съ досады за причиненное безпокойство заламывали такія цѣны, что съемщики, подобно стаду испуганныхъ овецъ, шарахались въ сторону.

Странное дѣло, подумалъ я, кажется никто въ мірѣ такъ не излюбилъ *дачнаго спорта*, какъ петербуржецъ, почти поголовно выселяющійся къ лѣту изъ города въ окрестности, а между тѣмъ дачевладѣльцы какъ бы всѣ усилія употребляютъ съ цѣлью отучить его отъ этой вредной привычки. Сообщеній или нѣтъ вовсе, или они дороги и неудобны. Администрація царскосельской дороги за неудовольствіе черепашьимъ шагомъ добраться въ грязныхъ вагонахъ 3-го класса до Царскаго Села беретъ по старому обычаю полтинникъ, т. е. $2^1/_4$ слишкомъ копѣйки съ версты. Финляндская дорога понизила тарифъ до Удѣльной, но кто же рискнетъ житѣ въ болотѣ и буквально тонуть въ грязи неосвященныхъ улицъ? Варшавская дорога совершенно недоступна по своей отдаленности отъ центра города, а до „подъѣзднаго пути", вродѣ каретокъ, мы не додумались. Потомъ эти ужасныя дачи, — все равно, стоятъ ли онѣ 300 или 30 рублей, — въ которыхъ, несмотря на кратковременность петербургскаго лѣта, нѣтъ возможности поселиться раньше конца мая или начала іюня!

Говорятъ, что вслѣдствіе поднявшихся цѣнъ на квартиры, въ нынѣшнюю зиму очень много дачниковъ осталось на своихъ лѣтнихъ резиденціяхъ. Мнѣ еще не случалось видѣть ни одного такого смѣльчака, но, еслибы я его встрѣтилъ, я смотрѣлъ бы на него, какъ на Нансена, съ невольнымъ чувствомъ почтительнаго удивленія, даже больше! Нансенъ все-таки запасся топливомъ, провіантомъ, средствами передвиженія, а представьте себѣ положеніе бѣднаго чиновника, зазимовавшаго съ семействомъ хотя бы даже въ Лѣсномъ! Холодъ, голодъ, грязь и невозможно высунуть носа изъ дому; заболѣешь, и доктора не откуда достать!

* * *

— О чемъ вы такъ глубоко задумались? перебила мои размышленія Джемми.

— Я думалъ о несовершенствѣ жизни вообще и жизни петербуржца въ особенности.

— И на всѣхъ навели тоску!

— Я? Ничуть! Наоборотъ, все окружающее навело на меня тоску. Она повсюду!

— Неправда! Въ Петербургѣ — масса развлеченій, всѣ развлекаются.

— О, ничуть! Мы думаемъ что развлекаемся, мы стараемся себя загипнотизировать, но ничего изъ этого не выходитъ. У насъ много театровъ, садовыхъ увеселительныхъ уголковъ, чуть ли не каждую недѣлю открывается какая нибудь выставка: художественная, промышленная, собачья, плодоводства, садоводства, пчеловодства, и всюду пустота. Бродятъ пять—шесть человѣкъ съ такимъ видомъ, какъ будто вотъ, вотъ соберутся повѣситься или утопиться. Въ прошлое лѣто устраивались, кстати сказать, довольно дорогія „морскія прогулки". Правда, пароходы переполнялись публикой, но эта публика скорѣе походила на скопище душъ перевозимыхъ Харономъ въ адъ, нежели на людей собравшихся повеселиться. Нѣтъ, мы, петербуржцы, слишкомъ серьезный народъ и не умѣемъ веселиться, хотя это не дѣлаетъ намъ чести.

— А знаете, гдѣ сегодня будетъ много публи-

ки? неожиданно выпалилъ молчавшій всю дорогу Жанъ.

— Знаю, знаю, мой другъ! махнулъ я рукой,— конечно, въ Павловскѣ, потому что сегодня открытіе. Вотъ еще странная черта петербуржца, которую я рѣшительно отказываюсь объяснить —страсть къ разнымъ „открытіямъ“. Сегодня въ Павловскѣ яблоку негдѣ будетъ упасть, а завтра —хоть шаромъ покати.

— А вы... поѣдете? лукаво взглянувъ изъ-подъ шляпки, спросила Джемми.

* * *

Конечно, мы поѣхали всѣ, и, конечно, въ давкѣ не видѣли и не слышали ничего. Впрочемъ, руку Галкина съ капельмейстерскимъ жезломъ видѣли, а что исполнялъ прекрасный павловскій оркестръ, заглушавшійся шумомъ движенія тысячной толпы, возгласами и звономъ посуды,— такъ мы и не узнали.

Въ одной изъ отдаленныхъ аллей парка, на скамейкѣ, я увидѣлъ старую княгиню. Позади, подобно статуѣ, стоялъ ливрейный лакей.

— Поди-ко, поди-ко сюда! поманила меня старуха,— садись! Ты былъ тамъ?

— На музыкѣ? Да!

— А меня чуть не задавили! Едва ноги убрала. И что за публика, Боже мой! Какіе-то приказчики, мелкіе чиновники, затѣмъ — никого изъ нашихъ. Нѣтъ, я, кажется, больше сюда не поѣду! Отошло мое время!

Занавѣски ея глазъ задернулись, и она горестно покачала головой.

Сарматъ

За границей

По поводу трагической кончины е. в. шаха персидскаго. — О прогрессѣ на Востокѣ. — Славянскія земли и будапештскій скандалъ. — Первое мая на западѣ. — Итальянскіе бандиты. — Si non e vero...

Наканунѣ трагической кончины его величества шаха персидскаго я случайно разговорился съ однимъ путешественникомъ, который, между прочимъ, побывалъ и въ столицѣ Персіи. Мы всѣ имѣемъ романическое представленіе о Востокѣ и объ удивительныхъ богатствахъ, которыя тамъ встрѣчаются на каждомъ шагу; но путешественникъ, описывая персидское великолѣпіе, не очень-то восторгался. Персидскіе брилліанты, персидскіе рубины, сапфиры, даже персидская бирюза и персидскіе изумруды—всего этого тамъ много и этими драгоцѣнными камнями украшаютъ даже лошадей; но это ювелирные отбросы, на которые въ Европѣ нѣтъ требованія. Слово „персидскій“ можно употреблять въ смыслѣ „дешевый“. Конечно, у шаха много сокровищъ, но, можетъ быть, именно потому ихъ и нѣтъ въ Европѣ. Сказочно-прекрасный дворецъ шаха украшенъ при входѣ мальчиками въ родѣ сань-галліевскихъ, какіе стоятъ на крыльцѣ одной петербургской парикмахерской на Невскомъ. Во дворцѣ переливается всѣми цвѣтами радуги знаменитый глобусъ, сдѣланный изъ сапфировъ, изъ брилліантовъ и изумрудовъ, а на звѣздахъ, пришпиленныхъ къ халатамъ персидскихъ министровъ, рѣдко не бываетъ стеколъ. Разумѣется, это экономно и похвально, если нельзя обойтись безъ звѣздъ даже восточнымъ человѣкамъ, но великолѣпія нѣтъ въ этомъ; есть раззореніе, но нѣтъ роскоши, доводящей умъ до восторга.

Славяне шевелятся, понемножку пробуждаются отъ своего вѣковѣчнаго сна и мечтаютъ, если ни объ одной цѣльной славянской державѣ, то, по крайней мѣрѣ, о сѣти маленькихъ и ничтожныхъ государствъ, изъ которыхъ въ каждомъ сидѣло бы по нѣмецкому принцу, имѣющему право дѣлать по торжественнымъ днямъ разводы передъ своимъ конакомъ, украшать орденами „братушекъ“, окончившихъ и не окончившихъ курса въ русскихъ семинаріяхъ, и бросать сѣмена культуры въ славянскія бразды въ качествѣ новоявленныхъ Кекропсовъ и оживителей придунайскихъ земель.

Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что въ то время, какъ мадьяры приступаютъ къ празднованію тысячелѣтія венгерскаго государства, другія національности, въ жилахъ которыхъ течетъ славянская кровь и которымъ поэтому, какъ они ни малы, кажется тѣсноватымъ помѣщеніе въ коронѣ св. Стефана, протестуютъ противъ буда-пештскихъ празднествъ. Сербы, хорваты и словаки видятъ въ этомъ празднествѣ лишь покушеніе на ихъ національную самобытность и провозглашеніе ихъ рабства. Въ этомъ смыслѣ они издали манифестъ. Это называется пештскимъ скандаломъ.

Скандаловъ не мало на горизонтѣ западной Европы, только что облекшейся въ веселые весенніе цвѣта. Было бы очень странно, например, еслибы благополучно прошло первое мая въ европейскихъ столицахъ. Скандалы обязательны на это число. Но въ то время, какъ у насъ въ Петербургѣ (блаженный городъ!) скандалы разыгрываются развѣ при открытіи увеселительныхъ садовъ и кончаются двумя—тремя жалкими мордобитіями, не имѣя подъ собой другой почвы, кромѣ обильно политой пивомъ грязи, вѣнскіе, парижскіе, брюссельскіе и антверпенскіе скандалы отличаются „серьезностью направленія“ и рѣдко не сопровождаются дѣйствительными кровопролитіями. Правда, въ этомъ году эти майскіе скандалы не вызвали со стороны мѣстныхъ властей особенныхъ опасеній, и потому мѣры кротости, принятыя полиціей по отношенію къ будущимъ скандалистамъ, были сравнительно умѣренны. Въ Вѣнѣ поводомъ къ безпорядкамъ послужилъ отказъ владѣлицы кабака „Свобода“ предоставить утромъ свое помѣщеніе въ распоряженіе соціалистовъ для устройства сходки. По почину главарей партіи началось бойкотированіе „Свободы“, а когда вмѣшалась полиція, тысячи камней полетѣли въ окна распивочнаго заведенія, изъ нѣдръ котораго въ отвѣтъ загремѣла военная музыка. Къ „Свободѣ“, гдѣ завязалась рукопашная схватка, сопровождавшаяся ревомъ толпы и плачемъ дѣтей и женщинъ, и гдѣ съ обѣихъ сторонъ было уже много раненыхъ, торопливо двинулись войска. Между тѣмъ отряды рабочихъ прибывали. Безпорядки эти навели панику на Вѣну, такъ какъ они напомнили сторожиламъ, которые не всегда безпамятны, сорокъ восьмой годъ. Рабочіе вступали въ бой съ полицейскими, но благоразумно сторонились войскъ. Пострадало много съ обѣихъ сторонъ, хотя произведено всего шестьдесятъ арестовъ. Городъ успокоился только ночью.

Въ Парижѣ первое мая вызвало сходки въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ отличился депутатъ Карно, и подъ вліяніемъ его страстныхъ рѣчей публика кричала: „долой Фора! Да здравствуетъ соціальная республика! Да здравствуетъ первое мая!“ Въ Германіи инцидентовъ не было и все ограничилось забастовкой въ Любекѣ, гдѣ шесть тысячъ человѣкъ прошли по улицамъ со знаменами и съ музыкой.

Кое-какіе безпорядки произошли еще въ Бельгіи; тамъ въ Патюражѣ во главѣ скандалистовъ очутился самъ бургомистръ. Наконецъ, въ Римѣ первое мая ознаменовалось только забастовкой рабочихъ, въ томъ числѣ и наборщиковъ.

Въ Италіи уже почти нѣтъ соціалистовъ стараго добраго времени. Какъ извѣстно, во времена безправія и преобладанія насилія надъ законностью, отъ чего въ особенности страдала эта страна, роль возстановителей попранной правды и защитниковъ угнетенныхъ брали на себя бандиты. Шиллеровскіе „Разбойники“ существовали не въ одномъ воображеніи поэта. Бандиты грабили честной народъ и отъ времени до времени занимались въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ „уравненіями“ экономическаго характера, обирая богатыхъ и надѣляя бѣдныхъ. Теперь вѣкъ раздѣленія труда. Итальянскіе разбойники существуютъ попрежнему, но уже утратили свой рыцарскій и соціалистическій джентльменскій характеръ. Отъ классическаго brigandaggio не осталось и слѣда, нѣтъ постоянныхъ разбойничьихъ шаекъ, онѣ состоятъ въ рѣдкихъ случаяхъ изъ трехъ человѣкъ и рекрутируются изъ подонковъ общества. Впрочемъ, въ Сардиніи и Сициліи еще встрѣчаются разбойники съ благородной осанкой и съ рыцарской предупредительностью. Въ Римской же провинціи, которая особенно кишитъ неблагонадежными элементами, разбойники давно ужъ выродились въ жуликовъ, вродѣ тѣхъ, какихъ описываетъ А. К. Шеллеръ въ своемъ послѣднемъ романѣ „Грѣхи отцовъ“. Въ Италіи иногда самые честные граждане, при видѣ иностранца, у котораго можно подозрѣвать присутствіе нѣсколькихъ лиръ, (бѣднягамъ не много надо), переглядываются между собой, быстро проникаются взаимнымъ пониманіемъ, подстерегаютъ злополучнаго Креза, бросаются на него изъ-за угла, какъ пауки на муху, направляютъ на него дула пистолетовъ или ружей и обираютъ его. При этомъ они для безопасности мажутъ себѣ лица сажей или покрываютъ ихъ носовыми платками, прорѣзая въ нихъ отверстія для глазъ.

Въ самомъ дѣлѣ, довольно мало джентельменскаго или рыцарскаго въ подобныхъ жалкихъ маскарадахъ. Случаи этого рода такъ часты, что римскій „Петербургскій Листокъ“ который называется „Messagero“ посвящаетъ имъ не больше двухъ строчекъ петита.

Такъ какъ Кампанья изобилуетъ дичью, которая привлекаетъ охотниковъ, то послѣдніе, отъ нечего дѣлать или мучимые итальянскимъ голодомъ, превращаются на какой нибудь часъ—на два въ Ринальдо-Ринальдини, и у самыхъ воротъ столицы два года тому назадъ, близъ памятника Метеллы, былъ ограбленъ какой-то лейпцигскій нѣмецъ съ женой. Въ Италіи никого это не удивляетъ, и, напротивъ, итальянцы видятъ прогрессъ въ томъ, что brigandaggio замѣнилось malandrinaggio, жульничествомъ. Но въ послѣднее время весь Римъ заставилъ встрепенуться случай съ герцогомъ Саксенъ-Веймарнскимъ и его другомъ, поэтомъ Фоссомъ. Герцогъ ѣхалъ съ нимъ въ коляскѣ и вдругъ увидѣлъ вымазанное сажей лицо человѣка, выбѣжавшаго изъ-за кустовъ съ ружьемъ. Страшный разбойникъ стучалъ отъ страха зубами и не то грозилъ путешественнику ружьемъ, не то жалобно просилъ его подать что нибудь на бѣдность.

Герцогъ бросилъ попрошайкѣ кошелекъ и, улыбаясь, поѣхалъ дальше. Римскій градоначальникъ принялъ, разумѣется, живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ, чего, впрочемъ, и слѣдовало отъ него ожидать. Но въ-то время, какъ онъ хлопоталъ и разсылалъ сыщиковъ въ погоню, у него изъ-подъ рукъ, изъ рабочаго его кабинета, украли его новенькій съ иголочки цилиндръ. Si non e vero e ben trovato.

Лиръ

Школы сценическаго искусства на Западѣ

Окончаніе

Ученики принимаются отъ 16 до 24-лѣтняго возраста—мужчины; женщины отъ 14 до 20 лѣтъ. На пріемномъ экзаменѣ они должны прочесть три сцены изъ комедіи и три изъ трагедіи, но изъ такихъ пьесъ, которыя бы шли въ первый разъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ десять назадъ. Принимаются ученики, не имѣющіе физическихъ недостатковъ въ произношеніи. Курсъ ученія трехгодичный. Обученіе даровое, почти исключительно практическое; оно состоитъ въ разыгрываніи отдѣльныхъ сценъ, какъ классическаго, такъ и современнаго репертуара, въ стихахъ и прозѣ. По программѣ полагается классъ исторіи драматической литературы, но въ него почти никто не ходитъ; ученики рѣдко бываютъ и въ классѣ фехтованія, хотя оба эти класса *обязательны*. Самымъ способнымъ ученикамъ выдается стипендія, въ видѣ поощренія, не сообразуясь съ ихъ матеріальными средствами, 150 фр. въ триместръ, т. е. 220 руб. въ годъ (600 ф.). Стипендій десять на шестьдесятъ учениковъ. По воинской повинности ученикамъ консерваторіи дѣлаются разныя льготы.

Съ своей стороны ученики и ученицы обязуются: въ теченіе всего ихъ пребыванія въ консерваторіи не подписывать никакихъ ангажементовъ ни съ какими театрами безъ оффиціальнаго разрѣшенія начальства консерваторіи, которое само рѣшаетъ—достаточно ли закончено сценическое образованіе ученицы или ученика, а также по окончаніи курса прослужить два года въ театрахъ, получающихъ субсидіи, если эти театры того потребуютъ, т. е. въ Comédie Française и въ Одеонѣ.

Консерваторія на публичномъ, выходномъ экзаменѣ, или конкурсѣ, выдаетъ ученикамъ и ученицамъ первую и вторую награды, первый и второй „аксесситъ“. Случалось, что жюри (коммиссія) присудитъ вторую награду; но публика находитъ приговоръ несправедливымъ и поднимаетъ такой гвалтъ, что приходится давать первую награду или дѣлить ее между двумя конкурирующими. Выпущенные съ наградой ученики обоего пола, если не ангажированы въ Comédie Française, имѣютъ право на двухлѣтній ангажементъ въ Одеонѣ. Въ консерваторію допускаются также и ученики иностранцы; они пользуются одинаковыми правами съ французами; но болѣе двухъ иностранцевъ на каждый классъ не полагается; слѣдовательно, двѣнадцать на шестьдесятъ. На практикѣ же другихъ иностранцевъ, кромѣ бельгійцевъ или иностранцевъ, родившихся во Франціи, не имѣется въ драматическомъ отдѣленіи консерваторіи, такъ какъ иноземное произношеніе является главнымъ препятствіемъ.

Преподаваніе происходитъ въ залѣ со сценой и съ ложами; *но спектаклей никогда не бываетъ*, и даже въ классѣ пьесъ цѣликомъ не разыгрываетъ, только по отдѣльнымъ сценамъ, и все вниманіе сосредоточивается на дикціи... Даже такіе преподаватели, какими были Сансонъ, создавшій Рашель, Ренье *) — учитель всѣхъ теперешнихъ сосьетеровъ Comédie Française, говорили, двадцать восемь лѣтъ назадъ, одной

*) Въ 1887 году, вскорѣ послѣ кончины Ренье, были изданы его „Souvenirs et Etudes de théâtre“, — во поминанія, которыя французская театральная критика нашла замѣчательными по достовѣрности собранныхъ данныхъ и по мѣткости сужденій. Не такъ давно вышелъ его „Tartuffe des comédiens“ — очень интересное изслѣдованіе и для актеровъ полезное во всѣхъ смыслахъ. *Прим. автора.*

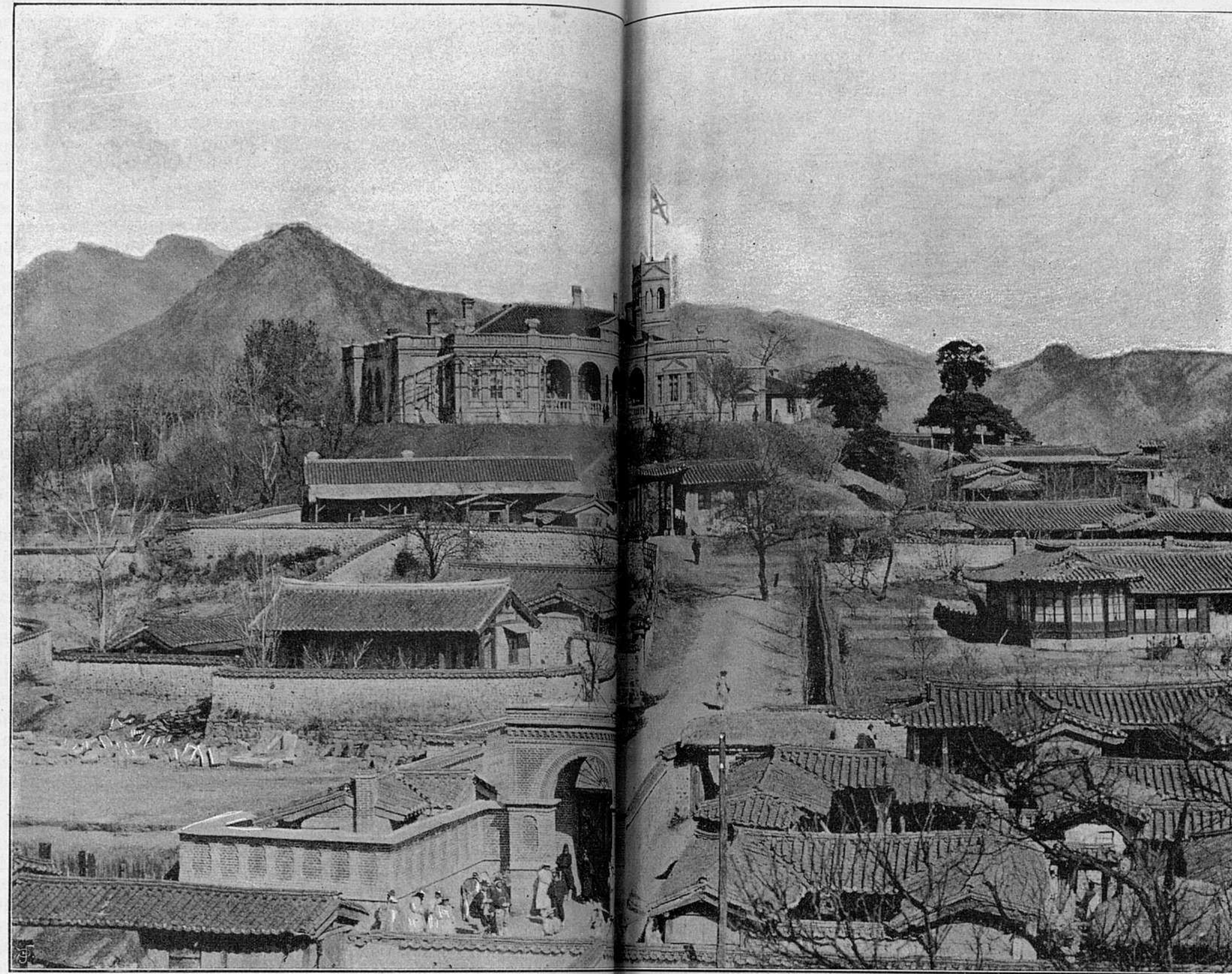
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ МИССІЯ.

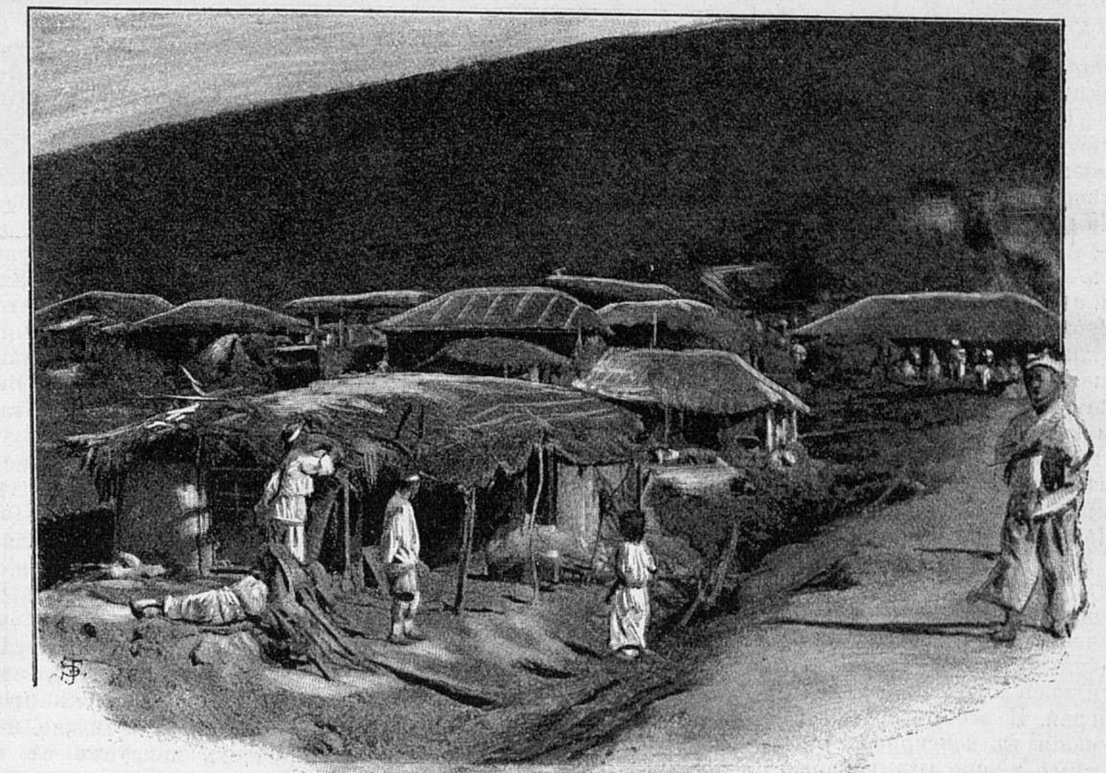
Внутренность дворцоваго городка. Зданіе троннаго зала.

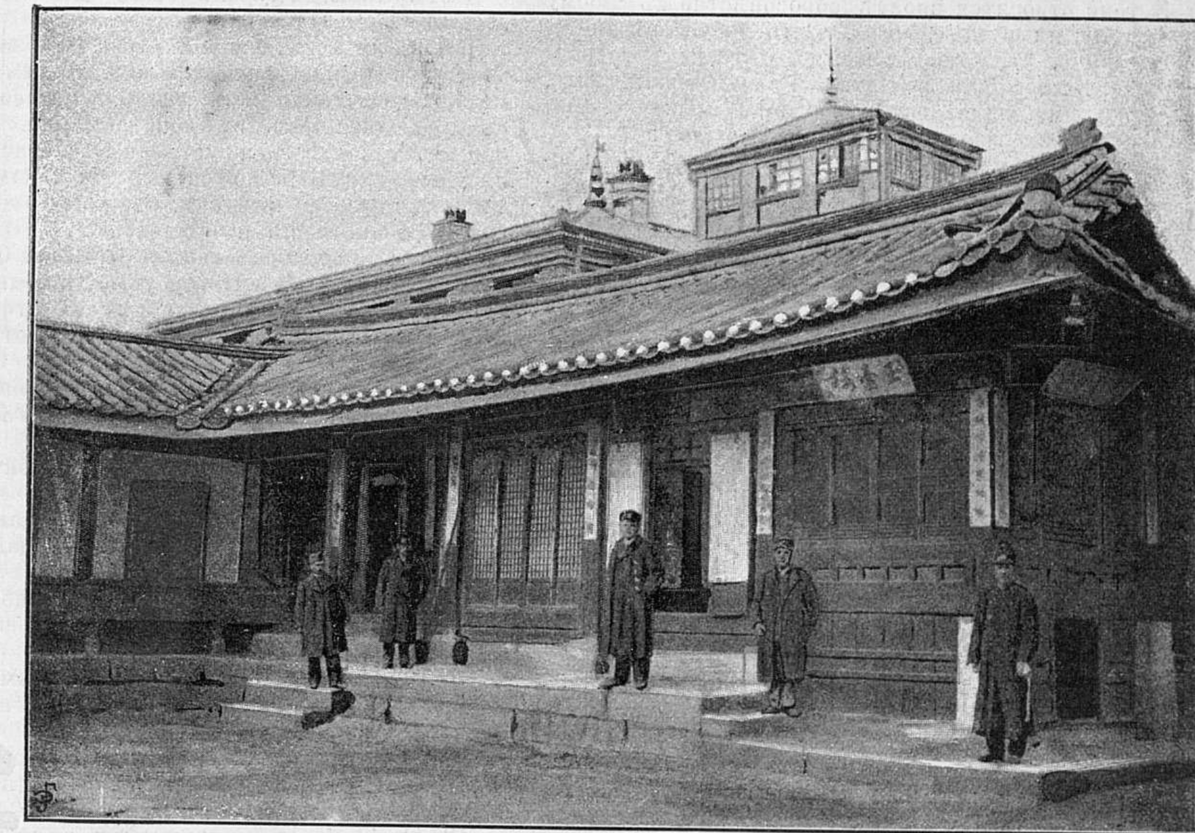
Часть фасада съ парраднымъ входомъ дворца россійской Императорской миссіи.

Дворецъ россійской Императорской миссіи въ Сеулѣ.

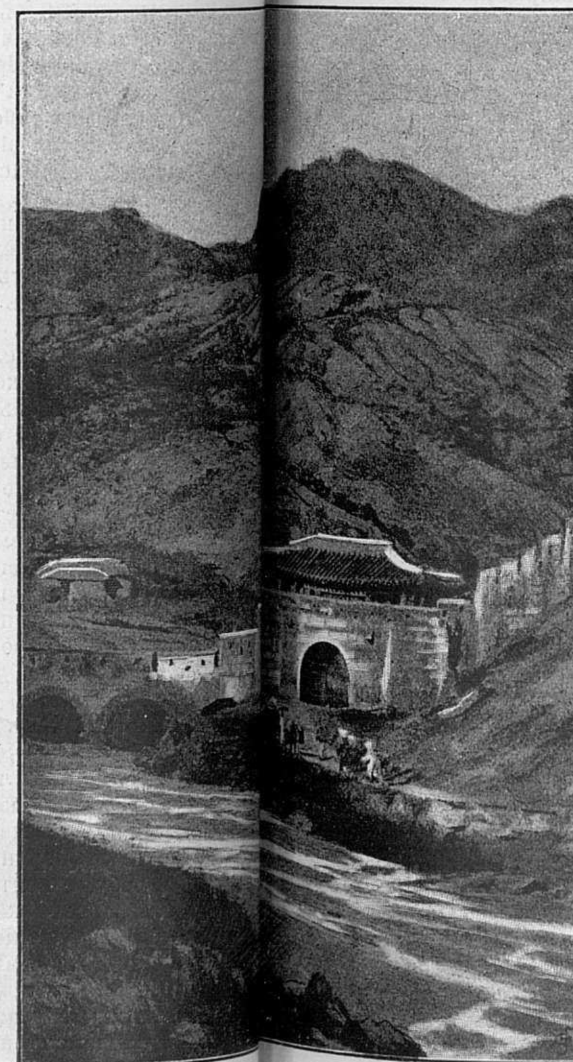
Улица въ корейской деревнѣ.

Аппартаменты, въ которыхъ была убита королева Кореи въ сентябрѣ 1895 г.

Ворота въ городской стѣнѣ.

Ворота въ городской стѣнѣ.

Главный входъ въ дворцовый городокъ, изъ котораго корейскій король бѣжалъ въ россійскую миссію.

Корея. Сеулъ. Виды и типы.

Съ фотографій корреспондента «Всемірной Иллюстраціи». Автотипіи Эл. Гоппе.

русской, собиравшейся играть на французской сценѣ:

— Достаточно ли у васъ выработано ухо? Хватитъ ли терпѣнія слѣдить и внѣ сцены за собственными интонаціями, улавливать различные оттѣнки?

Но ни одинъ изъ нихъ не сказалъ:

— А душа? Можете ли вы ее также вытравить, изображая латинянокъ, какъ вашъ славянскій акцентъ?..

Прошлой весной (1895 г.) я присутствовала въ классахъ троихъ самыхъ даровитыхъ теперешнихъ преподавателей. Двое изъ нихъ sociétaires'ы (общники) Comédie Française, т. е. занимаютъ высшее положеніе, до какого достигаетъ актеръ во Франціи. Это — гг. Вормсъ и Делоне, замѣнившій покойнаго Брессана, когда-то любимца нашей публики.

Первое впечатлѣніе — прекрасное. Вы видите на подмосткахъ не учениковъ и ученицъ неловкихъ, стѣсненныхъ, съ глухими голосами, а настоящихъ молодыхъ актеровъ и актрисъ съ звучной дикціей, умѣющихъ ходить, сидѣть, жестикулировать, вести діалогъ, молчать. Кажется, и учиться имъ больше нечего—ступай на сцену и играй. И это черезъ пять—шесть мѣсяцевъ обученія въ консерваторіи. Но прислушайтесь къ тѣмъ ученикамъ, которые на выпускѣ. Какъ все это по нотамъ! Какъ всѣ эти интонаціи, выраженія чувствъ извѣстны и переизвѣстны. Ни одной черты, ни одного возгласа, ни одного жеста новаго, индивидуальнаго! Какъ было 25 лѣтъ назадъ, такъ и теперь. А между тѣмъ преподаватели относятся вполнѣ добросовѣстно къ своему дѣлу; иные даже болѣе, чѣмъ добросовѣстно — горячо, страстно, тревожно, съ самымъ искреннимъ желаніемъ подѣлиться съ учениками тѣмъ, что имъ дали талантъ, знаніе, практика. Они постоянно твердятъ своимъ ученикамъ:

— Вы — молодежь, вы — новое поколѣніе, вносите же молодое, новое въ ваши изображенія; играйте съ вашимъ собственнымъ пониманіемъ. Не подражайте намъ; мы здѣсь затѣмъ только, чтобы руководить вами, воздерживать васъ отъ дурныхъ пріемовъ, а не лишать васъ индивидуальности.

Ученики все-таки *ждутъ* интонацій преподавателя, играютъ „съ голоса“. И при всемъ томъ они стараются, работаютъ много, безъ запинки, знаютъ не одни свои роли, малѣйшая перестановка, даже въ современной прозѣ, тотчасъ замѣчается учителемъ, — они знаютъ наизусть и роли товарищей отъ начала до конца.

За послѣднее время въ парижской печати и въ обществѣ сильнѣе раздаются протесты противъ консерваторіи, противъ узости ея программъ, противъ ея правилъ, противъ того, что профессора приглашаются только изъ Comédie Française; главное же — противъ ея ежегодныхъ конкурсовъ, потому что заучиваніе нѣсколькихъ классическихъ сценъ и двухъ—трехъ изъ современнаго репертуара, къ публичному экзамену, поглощаютъ весь учебный годъ. Понятно: отъ конкурса зависитъ и репутація преподавателя, и вся послѣдующая карьера ученика. Онъ и схватываетъ готовыя интонаціи своего учителя или интонаціи актеровъ, которыхъ онъ видитъ въ Comédie Française, куда онъ имѣетъ даровой входъ. По поводу недавней кончины директора консерваторіи Амбруаза Тома поднялся вопросъ о преобразованіяхъ въ этомъ учрежденіи, и въ газетѣ „Figaro“ были напечатаны два отвѣтныя письма отъ директора „Оперы“ и отъ директора Французской Комедіи. Привожу послѣднее, такъ какъ настоящая статья касается исключительно драматической сцены.

„Преобразованія въ консерваторіи“, пишетъ г. Кларти: „одно: сохранить то, что есть; возстановить старыя правила; но ужъ и примѣнять ихъ, дѣйствительно выполнять ихъ. По уставу число учениковъ ограничено, а на практикѣ это не такъ, и консерваторія превращается въ школу, гдѣ готовятъ къ извѣстной карьерѣ, какъ, напримѣръ, политехническая. Но какъ заблуждаются, думая, что можно *сдѣлаться* актеромъ! Актеромъ *родятся*, и бѣда въ томъ, что ученики и ученицы хотятъ непремѣнно *выучиться* быть актерами.

Въ сущности, принимаютъ слишкомъ много учениковъ. Черезчуръ многіе допускаются до конкурса и награждаются. Оттуда — переполненіе театральной карьеры. Оно вызываетъ жалобы неудачниковъ; но они сами виноваты. Государство ничего имъ не обѣщало. Имъ самимъ просто не слѣдовало бы идти по этой дорогѣ.

А посмотрите, что выходитъ съ тѣми, кто дѣйствительно одаренъ, возьмите списокъ общниковъ и пансіонеровъ (т. е. не сосьетеровъ) Французской Комедіи, также списокъ артистовъ и другихъ театровъ, — *всѣ, всѣ* они вышли изъ консерваторіи и ничто не доказываетъ больше превосходства ихъ подготовки.

Поэтому я и требую одного: вернуться къ старымъ обычаямъ и побольше заботиться о драматическихъ классахъ“.

III

Г. Дюпонъ-Вернонъ пригласилъ меня посѣтить и его курсъ на дому, послѣ того какъ я присутствовала въ его классѣ въ консерваторіи. Тутъ, наоборотъ, я увидѣла въ ученицахъ полное проявленіе индивидуальности. Я застала человѣкъ тридцать слушательницъ. Мужчины отсутствовали; не знаю: была ли это случайность, или для нихъ назначенъ другой часъ. Внѣшній видъ слушательницъ — женщины съ достаткомъ, изъ хорошаго общества.

Цѣна курса — сорокъ франковъ въ мѣсяцъ за восемь уроковъ и пять франковъ за отдѣльные уроки. Среди тѣхъ ученицъ г. Дюпона-Вернона, которыхъ мнѣ привелось слышать, были и съ физическими недостатками произношенія. Видно, что всѣ онѣ занимаются театральнымъ дѣломъ ради любознательности, а не для одной сценической карьеры. Г. Дюпонъ-Вернонъ заставляетъ ученицъ послѣ разыгрыванія сцены, заданной имъ, прочесть стихи или отрывокъ прозой по личному выбору ученицы, если можно, не извѣстные учителю, прочесть наизусть съ интонаціями. Такъ дѣлалось и при мнѣ.

Вслѣдъ за чтеніемъ разбирались учителемъ интонаціи ученицы, ихъ вѣрность, колоритность. Въ концѣ урока г. Дюпонъ-Вернонъ прочелъ самъ нѣсколько страницъ изъ „Débâcle“ (Война) Золя.

Этотъ частный урокъ былъ для меня новостью.

Послѣ курса у Дюпона-Вернона я не заходила къ другимъ частнымъ преподавателямъ. Ихъ методы достаточно извѣстны. Они тождественны съ преподаваніемъ въ консерваторіи. Только они въ теченіе года устраиваютъ настоящіе, платные спектакли со своими учениками изъ тѣхъ, которые на выпускѣ. По части гонорара за уроки они очень сговорчивы.

Г. Вормсъ, преподаватель и sociétaire Comédie Française (любимецъ Петербурга лѣтъ двадцать тому назадъ), послѣ моего посѣщенія его класса въ консерваторіи былъ такъ добръ — отвѣтилъ на мои письменные вопросы.

Вотъ нѣсколько характерныхъ отвѣтовъ:

„Преподаваніе сценическаго искусства во Франціи черезчуръ распространено“.

„Предразсудки не удерживаютъ болѣе отъ сцены“.

„Сцена во Франціи не даетъ хорошаго заработка женщинамъ или надо быть выдающимся талантомъ“.

„Изъ ста учениковъ и ученицъ только десять поступаютъ въ театръ; женщинъ больше мужчинъ. Онѣ изъ средняго класса“.

„Преобладающія способности — къ комедіи“.

„Ясно установленной программы въ преподаваніи сценическаго искусства нѣтъ“.

„У каждаго преподавателя своя программа. Она зависитъ отъ пониманія, развитія и пріемовъ преподавателя“.

„Pia desideria въ сценическомъ дѣлѣ?“ заканчиваетъ г. Вормсъ: „ихъ такъ много и сразу столько, что выполнить невозможно. Реформаторы сильны на словахъ; а утописты предаются мечтаніямъ“.

Для полноты моего обзора трехъ типовъ сценическихъ школъ въ Парижѣ (классы Граволлэ, консерваторія, курсы Дюпонъ-Вернона) я хотѣла заглянуть и въ мэріи, на лекціи выразительнаго чтенія. Идея этихъ лекцій принадлежитъ академику Эрнесту Легуве. Онъ много писалъ о выразительномъ чтеніи, и его книжки переведены и на русскій языкъ.

Классы учреждены были для учителей городскихъ школъ. Лекторы — или актеры, или извѣстные чтецы. По лица, прикосновенныя къ этому дѣлу, объяснили мнѣ, что теперь лекціи болѣе не читаются въ мэріяхъ *каждаго* городского округа. Онѣ происходятъ только въ Hôtel de Ville (въ ратушѣ) зимой и, кажется, ихъ совсѣмъ прекратятъ въ нынѣшнемъ году, потому что школьные учителя, слушатели, по недостатку ли времени или по чему другому, приходятъ на лекціи въ очень маленькомъ количествѣ, человѣкъ тридцать на весь Парижъ, и, главное, все одни и тѣ же, что вовсе не соотвѣтствуетъ первоначальной идеѣ такихъ курсовъ.

С. Б—ина

Окончаніе слѣдуетъ

МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ

Наканунѣ великихъ торжествъ

Кто уѣзжалъ изъ Москвы хотя бы на недѣлю, тотъ вернувшись, положительно не узнаетъ ея. Еще недѣлю тому назадъ Москва имѣла болѣе или менѣе свой обычный видъ. Но невозможно даже представить себѣ, до чего она измѣнилась за послѣдніе дни. Я не говорю уже о декоративныхъ украшеніяхъ, сплошь покрывающихъ всѣ главныя улицы, бульвары и обширныя площади города, — измѣнилось самое общество, измѣнилась московская толпа. Получается интереснѣйшее впечатлѣніе: передъ вами несомнѣнно тотъ же городъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не тотъ, точно кто-то подмѣнилъ все его населеніе.

Ежедневно масса поѣздовъ подвозитъ ко всѣмъ вокзаламъ тысячи человѣкъ со всѣхъ концовъ Россіи. Вотъ эти-то наши гости и измѣняютъ совершенно обычную физіономію Москвы. Конечно, подавляющее большинство между ними составляютъ фешенебельные представители самаго блестящаго Петербурга. Все, что принято называть „весь Петербургъ“, собралось теперь здѣсь. Въ ожиданіи наступающихъ событій, обреченные на невольное, временное бездѣйствіе, петербуржцы, почти не знающіе Москвы и очень интересующіеся этимъ оригинальнымъ городомъ, можно сказать, живутъ „на улицѣ“, наполняютъ собою театры, рестораны, сады, увеселительныя мѣста.

Рестораны набиты до такой степени, что въ часы обѣда и завтрака невозможно достать мѣста. Переполненные театры представляютъ необычайный видъ: оживленныя, счастливыя лица, изящные офицеры, нарядныя, красивыя дамы, море брилліантовъ, изъ которыхъ можно было бы сложить цѣлую гору, кружева, „доводящіе умъ до восторга“... Всюду вы видите горячія рукопожатія людей, случайно встрѣтившихся „на чужбинѣ“, которые зачастую всего какой-нибудь разъ встрѣчались въ Петербургѣ, а здѣсь любуются, какъ самые закадычные друзья. Характерная русская черта, — магическое дѣйствіе слова „землякъ“, особенно сказывается въ петербуржцахъ. Едва ли есть на землѣ люди, болѣе любящіе и привязанные къ своему городу, чѣмъ жители сѣверной Пальмиры.

Погода, къ сожалѣнію, все это время у насъ не гармонируетъ съ радостнымъ настроеніемъ массъ. Май смотритъ настоящимъ сентябремъ: сыро, небо сѣрое, постоянные дожди, изрѣдка смѣняющіеся нѣсколькими ясными, солнечными часами. Но какъ только хоть на полчаса выглянетъ солнце, сейчасъ же устанавливаются импровизированныя катанья въ экипажахъ вдоль бульваровъ.

Вчера днемъ на проѣздахъ обширнѣйшаго изъ нашихъ бульваровъ — Тверского нужно было ожидать цѣлые часы, чтобы перейти съ одной стороны на другую. Сотни великолѣпныхъ экипажей, каретъ, ландо и иныхъ вереницами тянулись вдоль бульваровъ. Толпы москвичей, гулявшихъ тутъ же по тротуарамъ, съ удовольствіемъ смотрѣли на это эффектное зрѣлище. Въ экипажахъ, подъ ласковыми лучами, на минутку прорвавшагося изъ-за тучъ, солнца медленно двигались блестящіе гвардейскіе офицеры въ красивыхъ мундирахъ, элегантные статскіе кавалеры и обаятельныя представительницы петербургскаго high life'а, удивляющія здѣсь всѣхъ своею красотой, граціей и изяществомъ нарядовъ.

Вечеромъ на Тверской, освѣщаемой теперь уже электричествомъ, такія катанья происходятъ ежедневно и до поздней ночи. По обѣимъ сторонамъ улицы тянется цѣпь экипажей, а по серединѣ движется толпа народа, такъ какъ переполненные тротуары не вмѣщаютъ всѣхъ. Порядокъ при этомъ образцовый: на лицахъ видно оживленіе, написана безпредѣльная радость, но въ то же время и безпредѣльное, сознательное уваженіе къ наступающимъ событіямъ, боязнь нарушить эту общую радость и гармонію слишкомъ громкимъ словомъ или неприличной выходкой.

Небывалое для глазъ москвича явленіе — съѣзжающіеся инородцы и волостные старшины. Особенное вниманіе обращаютъ на себя бухарцы, которыхъ пріѣхало очень много въ свитѣ бухарскаго эмира, и хивинцы. Въ своихъ роскошныхъ, разноцвѣтныхъ шелковыхъ халатахъ, опоясанныхъ металлическими поясами, въ бѣлыхъ чалмахъ на головахъ, мелькая то здѣсь, то тамъ и въ колясках. и пѣшкомъ, небольшими группами, они значительно способствуютъ общему живописному виду городской толпы.

Волостныхъ старшинъ, собравшихся въ огромномъ количествѣ и помѣщающихся въ нанятомъ для нихъ театрѣ Корша, то и дѣло, встрѣчаешь на улицахъ. Они съ большимъ интересомъ осма-

тривают Москву. Все это серьезныя, вдумчивыя лица, съ окладистыми бородами; масса убѣленныхъ сѣдинами старцевъ, съ увѣшанными медалями грудями, съ выраженіемъ особой радости, что Богъ сподобилъ, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни, на склонѣ ея, увидѣть великія событія. Выдаются бѣлыми черкесками, разноцвѣтными бешметами и красивыми, восточными лицами сельскіе старшины кавказскихъ губерній.

Украшенія столицы съ каждымъ днемъ принимаютъ все болѣе и болѣе законченный видъ. Работа кипитъ и еще какихъ нибудь три дня и все будетъ готово. Удивительно оригинальную, исключительную картину представляетъ теперь Тверская улица, вдоль которой отъ Петербургскаго шоссе и до Кремля растянется величественное шествіе торжественнаго царскаго кортежа. Весь этотъ путь разукрашенъ эффектными декоративными сооруженіями: мачты, арки, стяги, обелиски, колоны, павильоны и проч. Дома обиты красивыми матеріями, коврами, горностаемъ, перевиты гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ, въ которыхъ спрятаны тысячи электрическихъ лампочекъ, нерѣдко сплошной массой устилающихъ съ верху до низу огромные, пятиэтажные дома. Когда по временамъ мѣстами загораются пробныя иллюминаціи — получается волшебное, просто фантастическое, зрѣлище.

Узнавъ на дняхъ, что въ Кремлѣ будетъ производиться одна изъ такихъ репетицій иллюминаціи части кремлевскихъ зданій, я нарочно отправился въ назначенный часъ, въ компаніи нѣсколькихъ петербургскихъ и иностранныхъ журналистовъ, въ одно возвышенное мѣсто за городомъ, откуда виденъ весь Кремль, чтобы лучше насладиться эффектнымъ зрѣлищемъ.

То, что мы увидѣли, не поддается никакому описанію. На фонѣ совершенно темнаго неба, вдругъ ярко выдѣлился огненный силуэтъ колокольни Ивана Великаго съ сіяющимъ куполомъ и надъ нимъ загорѣлся, точно сіяющій самоцвѣтными огнями, высокій крестъ. Вокругъ заблестѣли ближайшія очертанія кремлевскихъ башенъ. Точно призрачный, сказочный замокъ возвышалась сіяющая часть Кремля среди погруженной въ ночную тьму Москвы. Передъ нами было зрѣлище, превосходящее все, что можетъ вообразить себѣ самая пылкая человѣческая фантазія.

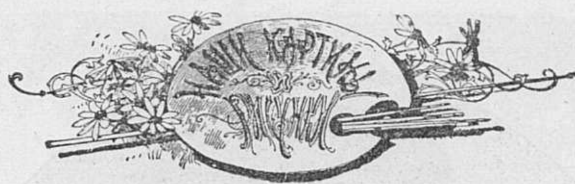
Затѣмъ постепенно огни стали меркнуть. Сначала погасло основаніе колокольни и остался точно висящій въ темномъ небѣ куполъ съ уходящимъ въ высь огненнымъ крестомъ. Словно растаялъ потомъ и куполъ и нѣкоторое время высоко на небѣ, среди окружающаго мрака, сіялъ ослѣпительно одинъ лишь крестъ.

Можете себѣ представить, что получится, когда въ торжественные дни коронованія не часть, а весь Кремль, вся Москва обратится въ море огней съ самыми эффектными, причудливыми очертаніями! Можно смѣло сказать, что міръ еще не видалъ такого зрѣлища. По крайней мѣрѣ, стоявшіе со мною иностранцы, люди видавшіе виды, точно застыли въ безмолвномъ очарованіи и признавались потомъ, что и они ничего подобнаго не видали. Да оно и не удивительно, если принять во вниманіе, что электричество, дающее возможность достигать поразительныхъ свѣтовыхъ эффектовъ, только очень недавно стало примѣняться къ иллюминаціи, а за послѣднее время не было въ Европѣ особенно торжественныхъ событій.

Интересны приготовленія къ народнымъ гуляньямъ. Работа и тутъ кипитъ и на Ходынскомъ полѣ, и въ спеціальныхъ мастерскихъ, занятыхъ изготовленіемъ костюмовъ, бутафорскихъ вещей, оружія и утвари для зрѣлищъ во время гулянья. Гулянье будетъ грандіознымъ. Территорія его необозрима: отъ мѣста бывшей выставки, вплоть до села Всесвятскаго; это мѣсто, на которомъ можетъ размѣститься и безъ толкотни разгуливать болѣе, чѣмъ полумилліонная толпа.

Самое описаніе крайне интересныхъ приготовленій къ этимъ изліяніямъ и зрѣлищамъ откладываю, за недостаткомъ мѣста, до другого раза. Одного только не могу не отмѣтить, что особенно хорошее впечатлѣніе производитъ стремленіе устроителей исключить совершенно лубокъ. Ходячее мнѣніе, что народъ цѣнитъ только лубочное, не признается очевидно организаторомъ гуляній нѣкоего Форкатти, что дѣлаетъ ему большую честь. Замѣтно усиленное стараніе въ костюмахъ, декораціяхъ и бутафорскихъ вещахъ преслѣдовать историческую вѣрность, изящный вкусъ и солидность, а участіе въ этомъ дѣлѣ такого волшебника декоративнаго искусства, какъ нашъ К. Ф. Вальцъ, достаточно говоритъ само за себя.

Московскій зритель

Національная выставка въ Венгріи

Австро-Венгерская печать полна отчетами о придворныхъ и общественныхъ торжествахъ, которыми ознаменовалось открытіе выставки въ память тысячелѣтія Венгріи въ Будапештѣ. Празднества начались наканунѣ, 19-го апрѣля (1-го мая), открытіемъ вновь сооруженнаго театра; затѣмъ послѣдовало народное представленіе оперы въ венгерскомъ національномъ театрѣ. Въ ближайшее по открытіи выставки воскресенье, послѣ торжественнаго богослуженія, императорскій кортежъ, отличавшійся небывалой роскошью, дефилировалъ по улицамъ Будапешта; дворъ, венгерская аристократія, высшее духовенство и министерскіе круги, казалось, соперничали другъ передъ другомъ роскошью костюмовъ, богатствомъ экипажей, лошадей, упряжи. Историческіе венгерскіе костюмы, мужскіе и дамскіе, первенствовали во время этого въѣзда. Вечеромъ того же дня была сожжена феерическая иллюминація, соединившая въ одно море огней городъ, его окрестности и Дунай съ находящимися на немъ судами. Слѣдующій день былъ посвященъ открытію новаго дворца—„венгерскихъ художниковъ“, огромнаго, роскошнаго зданія, занятаго выставкой живописи, скульптуры и архитектуры. Императоръ осматривалъ выставку и бесѣдовалъ съ венгерскими художниками. Первая серія торжествъ заключилась пріемомъ при дворѣ. Было разослано около 1.800 приглашеній. Въ тотъ же день въ присутствіи венгерской аристократіи, министровъ и дипломатическаго корпуса происходилъ смотръ венгерскихъ войскъ. Площадь, занимаемая выставкой, составляетъ 520.000 квадратныхъ метровъ, или около половины квадратной версты. На этомъ пространствѣ размѣщено 170 роскошныхъ зданій, представляющихъ постепенную смѣну архитектурныхъ и художественныхъ стилей въ теченіе тысячелѣтія. Выставочныя постройки обошлись въ 4½ милліона гульденовъ. Исполинскія галлереи, помѣщающіяся внутри сооруженій, посвящены фабричной промышленности страны, сельскому хозяйству, молочной и машиностроительной промышленности, школьному дѣлу, усовершенствованнымъ способамъ сообщенія и т. д. Особый, тщательно организованный и обширный, отдѣлъ представляетъ боснійско-герцеговинская выставка. Австро-венгерское правительство и на этотъ разъ не пощадило трудовъ и средствъ на рекламу своей цивилизаторской дѣятельности въ оккупируемыхъ провинціяхъ. Боснійскій отдѣлъ прежде всего представляетъ чрезвычайно живописную картину этой полувосточной, полуевропейской окраины Габсбургской монархіи: среди пестраго базара, въ палаткахъ, украшенныхъ разнообразными коврами, сидятъ продавщицы разныхъ восточныхъ товаровъ — боснійскія женщины въ національныхъ костюмахъ. Ремесленники-боснійцы съ феской на головѣ расхаживаютъ по базару съ молоткомъ и напилкомъ, изготовляя тутъ же различныя декоративныя бездѣлушки. Рядъ мѣстныхъ производствъ, уже приходившихъ въ упадокъ, снова вызванъ къ жизни и представлены на выставкѣ. Старикъ-мусульманинъ, одинъ изъ послѣднихъ мастеровъ металлической инкрустаціи, уже собиравшійся унести съ собою въ могилу свои техническіе секреты, за вознагражденіе уступилъ ихъ оккупаціонному правительству и образовалъ цѣлую школу учениковъ. Эта отрасль стала теперь виднымъ предметомъ вывоза, причемъ боснійскія инкрустаціи проникли въ Вѣну, Берлинъ, Парижъ и Лондонъ. Равнымъ образомъ удалось поддержать ковровыя работы: образцы и узоры дорогихъ старинныхъ ковровъ были собраны, и ихъ техника снова пущена въ оборотъ. То же сдѣлано для гончарнаго искусства Босніи и Герцеговины, для рѣзьбы по дереву, для филигранныхъ серебряныхъ работъ и для шелковаго производства. Научное изслѣдованіе оккупированныхъ провинцій представлено въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ объ ихъ исторіи, археологіи, объ естественныхъ богатствахъ провинцій, ихъ фаунѣ, флорѣ, лѣсоводствѣ, управленіи. Боснія и Герцеговина представлены, наконецъ, въ новыхъ прекрасныхъ картахъ, исполненныхъ лучшими спеціалистами, а также въ рисункахъ и картинахъ мѣстныхъ, вѣнскихъ, пражскихъ и берлинскихъ художниковъ. Между прочимъ на выставкѣ обращаютъ на себя вниманіе коллекціи домашней утвари и другихъ предметовъ графа Зичи, которую онъ собралъ во время своего путешествія на Кавказъ и въ среднюю Азію, предпринятое съ той цѣлью, чтобы прослѣдить историческій путь, по которому древніе мадьяры шли въ Панонію, и найти первобытную родину мадьяръ. Зичи почему-то считаетъ прародиной мадьяръ плоскогорье Памира, откуда мадьяры будто бы двигались по сѣвернымъ склонамъ Кавказа и берегамъ Чернаго моря. Зичи считаетъ черкесовъ родственнымъ мадьярамъ племенемъ. Къ сожалѣнію, для подтвержденія этого предположенія у него мало доказательствъ.

Царскій выходъ въ Троицынъ день

Къ рисунку барона М. П. Клодта

Въ день св. Троицы царскій выходъ въ древней Руси отличался такимъ же великолѣпіемъ и сопровождался съ одинаковымъ торжествомъ, какъ и въ остальные большіе праздники, т. е. на Рождество, въ Крещеніе, въ день Благовѣщенія, на Святой недѣлѣ и т. д. Государь въ своемъ царскомъ облаченіи совершалъ выходъ къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, сопровождаемый именитыми боярами и разнымъ чиновнымъ людомъ, также одѣтыми въ богатѣйшіе наряды, сверкавшіе золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Шествіе открывалъ ближній бояринъ, за которымъ ближніе стольники несли на коврѣ „вѣники“ — пукъ цвѣтовъ и „листъ“ (древесный безъ стебельковъ). Когда, по окончаніи обѣдни, начиналась троицкая вечерня, соборные ключари подносили государю подобный же „листъ“ отъ патріарха и, смѣшавъ его съ „листомъ“, принесеннымъ стольниками, и съ разными травами и цвѣтами, обильно усыпали имъ царское мѣсто, кропя все это „гуляфною водкою“ — розовою водою. „Листомъ“, предназначеннымъ для государя, устилали и патріаршее мѣсто, а равно и мѣста высшихъ духовныхъ властей, остальное же разносили по всему храму. На своемъ благовонномъ „листу“, во время церковной службы, въ подобающихъ мѣстахъ, царь совершалъ колѣнопреклоненіе. Въ тогдашнихъ запискахъ это дѣйствіе получало особое названіе—„лежать на листу“. Въ „Выходахъ царей“ (441), между прочимъ, говорится: „а послѣ обѣдни слушалъ государь Троицкія вечерни и лежалъ на листу“. Кончалась служба, и государь отправлялся изъ собора къ себѣ домой. При этомъ передъ нимъ одинъ изъ тѣхъ же ближнихъ стольниковъ несъ во дворецъ „вѣникъ“, т. е. цвѣты.

Подъ Троицынъ день

Къ рисунку Н. И. Ткаченко

...„Ой, не ходи, чоловіче, до млына: мавки цѣлисеньку ничку на ставу граютъ!“... И рѣдкій смѣльчакъ-парубокъ пойдетъ въ ночь подъ Троицынъ день на мельницу въ Малороссіи,—развѣ что хватитъ не въ мѣру горілки съ варенухой кто нибудь: тому не только не страшенъ деревенскій прудъ-„ставъ“ съ его „грающими“ русалками-мавками, а и сине-море по колѣно!.. На семикъ, въ седьмой отъ Пасхи четвергъ, справляютъ по всей деревенской Руси (а и не только здѣсь) „зеленыя святки“: красныя дѣвушки вѣнки завиваютъ, березку рядятъ, „кукушку крестятъ“, хороводы водятъ... На Троицу развиваютъ вѣнки, на воду пускаютъ, о суженомъ-ряженомъ, о судьбѣ своей гадаючи. „Троица на цвѣтахъ, Семикъ—на вѣтвяхъ“, говоритъ стародавнее присловье... Но не однѣ дівчины съ парубками да хлопцами празднуютъ зеленыя святки подъ южнымъ небомъ Малороссіи,—семицкая недѣля зовется недаромъ и „русальницей“: больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было этого народа (русалокъ-мавокъ и всякой водяной „нежити“) на Украйнѣ. Раздолье русалкамъ, больше чѣмъ когда бы то ни было, въ ночь подъ Троицу на водѣ—въ прудахъ подъ мельницами; на „вершнягахъ“ пиръ горой имъ теперь, да еще подъ Ивана Купалу (два раза въ году). Попадись-ка имъ въ ночную пору въ руки, не сдобровать: заманятъ голосами приманными, зачаруютъ чаровницы-лиходѣйки, зазовутъ къ себѣ въ омутъ, обовьютъ косами зеленорусыми, защекотятъ руками бѣлыми, зацѣлуютъ, замилуютъ на смерть неминучую... И ничѣмъ отъ ихъ ласкъ непрошенныхъ не отдѣлаешься, если встрѣтишь ихъ на водѣ въ эту ночь завѣтную... „Борони Боже“, говорятъ на Украйнѣ, на лодкѣ проѣхать въ ночь подъ Троицынъ день мимо русальяго омута. „Ой, не ходи, не ходи, чоловіче!“...

А. А. К.

Шахъ Музафферъ-Эддинъ

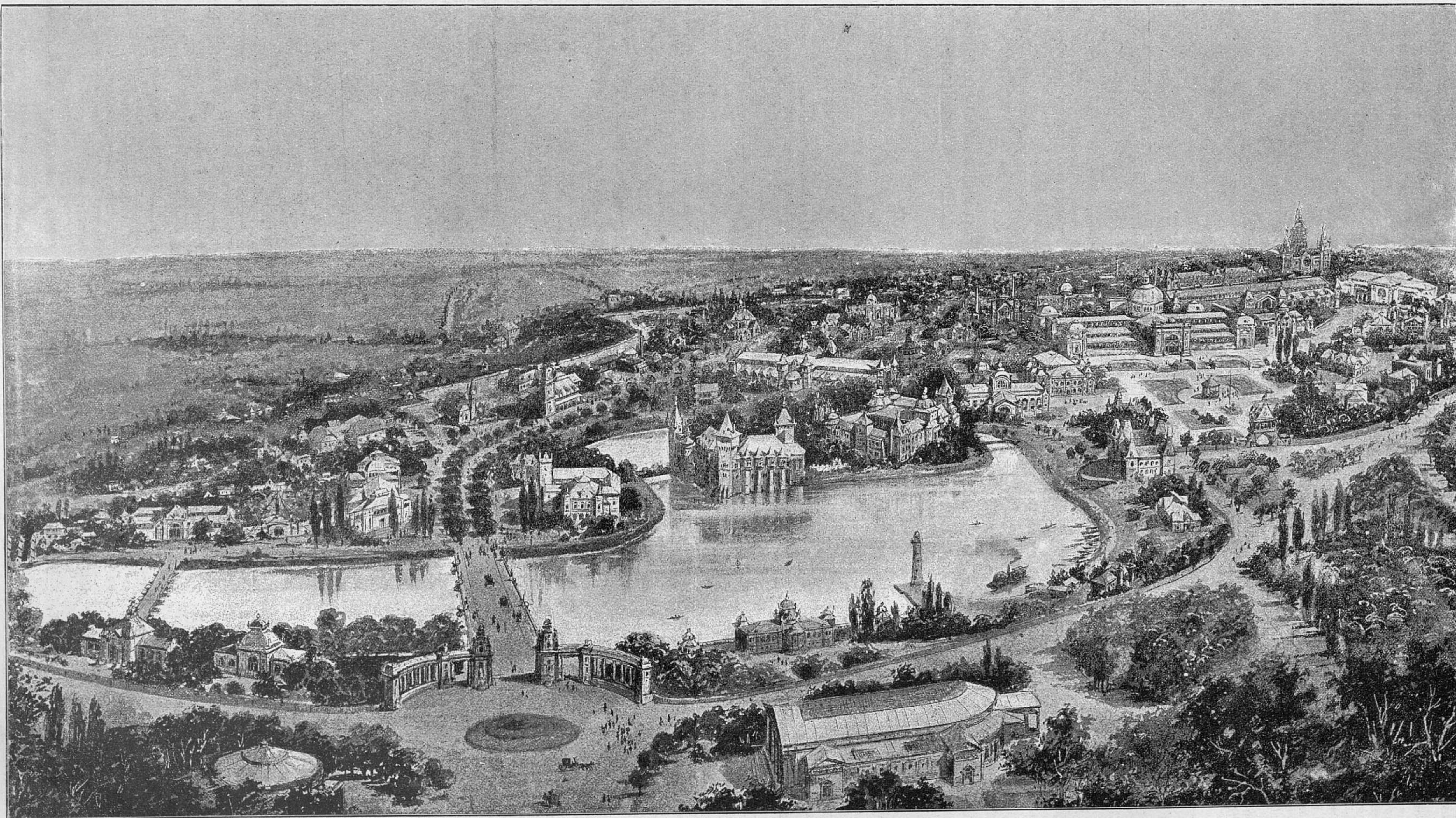
Вступившій на престолъ своего отца, второй сынъ Насръ-Эддина, бывшій до этого генералъ-губернаторомъ Тавриза, Музафферъ-Эддинъ, родился 5-го марта 1852 года и получилъ прекрасное образованіе. Онъ въ совершенствѣ владѣетъ многими европейскими языками, въ томъ числѣ и русскимъ, не говоря уже о языкахъ азіатскихъ народностей. Кромѣ того онъ изучилъ естественныя науки, медицину и въ особенности очень тщательно военное искусство, главнымъ образомъ, область артиллеріи. Его воспитателемъ въ молодости былъ Мирза-Низамъ — одинъ изъ самыхъ блестящихъ учениковъ парижской Ecole polytechnique. Наставникъ и ученикъ жили другъ съ другомъ превосходно, но духовенство, игравшее въ то время и играющее до сихъ поръ значительную роль въ Персіи, обвинило Мирзу-Низама въ цѣломъ рядѣ преступленій противъ религіи. Сдѣлано это было изъ боязни, чтобы Мирза-Низамъ не внушилъ своему царственному ученику слишкомъ либеральныхъ мыслей. Мирза-Низамъ былъ уволенъ и удаленъ. Съ той поры Музафферъ-Эддинъ научился молчать и скрывать свои симпатіи и антипатіи. По отношенію къ духовенству онъ впрочемъ постоянно проявлялъ полную покорность, велъ жизнь замкнутую, вдалекѣ отъ столицы и отъ отца. Въ качествѣ губернатора Азербайджана Музафферъ-Эддинъ пользовался любовью всего населенія. Особенно полюбилъ его простой народъ во время послѣдняго голода въ провинціи. Онъ купилъ тогда множество хлѣба въ Россіи и продавалъ его населенію по баснословно дешевой цѣнѣ. Это навѣки укрѣпило за нимъ фанатическую привязанность даже той части простонародія, которая дала наибольшее число приверженцевъ секты баби. Для войска онъ тоже сдѣлалъ не мало; между прочимъ въ Тавризѣ имъ построены огромныя казармы, величиною почти во все наше Марсово поле. Обширность познаній дала возможность шаху, еще въ бытность наслѣдникомъ, привить Персіи нѣкоторые продукты европейской цивилизаціи; между прочимъ, по его почину, стала издаваться въ Тавризѣ газета „Насри", явившаяся первымъ органомъ печати въ этомъ государствѣ, — органомъ, посвященнымъ, главнымъ образомъ, литературѣ и издающимся подъ личной цензурой шаха. По его приказанію много книгъ французскихъ, русскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ было переведено на персидскій языкъ. Одновременно съ этимъ шахъ обратилъ вниманіе на развитіе въ своемъ отечествѣ земледѣлія и путей сообщенія, и подъ его просвѣщеннымъ покровительствомъ въ Персіи установлены европейскіе почтовые порядки. Сдѣлавшись генералъ-губернаторомъ Тавриза, Музафферъ-Эддинъ приступилъ къ введенію во ввѣренной ему области цѣлаго ряда реформъ. Между прочимъ, онъ учредилъ въ Тавризѣ высшее военное училище „Музафферіе", которое должно положить начало появленію въ Персіи контингента образован-

МУЗАФФЕРЪ-ЭДДИНЪ,
новый шахъ персидскій.

Мечеть Шахъ-Заде-Абдулъ-Азима, гдѣ совершено убійство шаха Насръ-Эддина.

Съ фотографіи. Автотипія Эд. Гоппе.

Панорама выставки съ птичьяго полета.

Австро-Венгрія. Пештъ. — Выставка въ память тысячелѣтія Венгріи.

ныхъ офицеровъ, а вмѣстѣ съ этимъ и залогу будущаго военнаго могущества Персіи. Рядомъ съ этимъ онъ обратилъ особенное вниманіе на границы государства, населеніе которыхъ отличалось всегда неспокойнымъ характеромъ. На персидско-турецкой границѣ организованы имъ, между прочимъ, регулярныя войска изъ курдовъ „гамидіэ". Обстоятельство это подѣйствовало успокоительно на самое пограничное населеніе Персіи, и теперь дикія выходки курдовъ могутъ считаться дѣломъ прошлаго. Желаніе Музафферъ-Эддина двинуть впередъ образованіе въ Персіи побудило его отнестись съ особымъ сочувствіемъ къ работѣ нынѣшняго персидскаго посланника въ Петербургѣ генерала Мирза-Риза-хана, который издалъ сочиненіе о преобразованіи персидской азбуки. Въ то время Мирза-Риза-ханъ былъ

ЗЕЛЛЕ-СУЛТАНЪ, старшій братъ нынѣшняго шаха персидскаго.

секретаремъ персидскаго консульства въ Тифлисѣ. Онъ понялъ, что медленный ростъ наукъ въ Персіи обусловливается тѣмъ, что персы до сихъ поръ, подобно другимъ восточнымъ народамъ, отдѣлены отъ образованныхъ націй своей азбукой. Музафферъ-Эддинъ — превосходный наѣздникъ, отличный стрѣлокъ, страстный любитель чтенія. Что касается его характера, то шахъ малоразговорчивъ, совсѣмъ не экспансивенъ; истинный образъ мыслей его, а подавно планы и намѣренія рѣшительно никому въ точности неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе лица, жившія долго вблизи него, увѣряютъ, что онъ очень остороженъ, умѣренъ и спокоенъ. У него много наружнаго сходства съ отцомъ, но черты лица гораздо мягче, ростомъ же онъ выше Насръ-Эддина. Женился Музафферъ-Эддинъ давно на своей двоюродной сестрѣ, дочери принца Фирузъ-Мирзы, женщинѣ очень умной и имѣющей большое вліяніе на мужа. Но всѣ дѣти отъ этой жены умерли въ раннемъ возрастѣ и теперешнихъ три сына его родились отъ рабынь. Всѣ дѣти Музафферъ-Эддина воспитаны по-европейски, и даже дочери учились до 14-лѣтняго возраста у европейскихъ учителей и учительницъ.

Къ событіямъ въ Персіи

Иностранныя газеты переполнены подробностями о недавнихъ событіяхъ въ Персіи. Мѣстность Абдулъ-Азимъ, гдѣ находится мечеть, изображенная на нашемъ рисункѣ, и гдѣ шахъ сдѣлался жертвой покушенія, въ шести англійскихъ миляхъ къ югу отъ Тегерана; это мѣсто считается священнымъ, такъ какъ по преданію тамъ погребенъ одинъ изъ потомковъ пророка. Для жителей персидской столицы Абдулъ-Азимъ является любимымъ мѣстомъ для богомолья. Самъ шахъ отправился туда, готовясь къ празднованію своего пятидесятилѣтняго юбилея, срокъ котораго, по лунному лѣтосчисленію, наступалъ 6-го мая. Что касается убійцы шаха, Мухамеда-Резы, то о немъ извѣстно, что онъ принадлежитъ къ сектѣ бабидовъ и былъ высланъ изъ Персіи въ 1891 г.; затѣмъ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и два раза былъ помилованъ. Шахъ назначилъ ему даже пенсію и, всетаки, не привлекъ его на свою сторону. Убійца заявилъ, что былъ выбранъ для совершенія преступленія, и назвалъ восемь человѣкъ своихъ сообщниковъ. Онъ давно уже искалъ благопріятнаго случая для выполненія своего намѣренія, но цѣлыхъ два мѣсяца ему не удавалось приблизиться къ шаху. Наконецъ, двѣ его племянницы, находящіяся въ гаремѣ, увѣдомили его, что шахъ отправляется на богомолье, и онъ тогда же рѣшилъ, во что бы то ни стало, воспользоваться этимъ случаемъ и убить шаха. Джемаль-Эддинъ, агитаторъ, внушившій, какъ довольно основательно предполагаютъ, Мухамедъ-Резѣ покушеніе на шаха Насръ-Эддина, представляетъ любопытный типъ восточнаго авантюриста. Джемаль-Эддинъ родомъ афганецъ. Во время возстанія Араби-паши Джемаль находился въ Египтѣ. Вскорѣ послѣ того онъ переселился въ Парижъ и издавалъ тамъ газету на арабскомъ языкѣ, отличавшуюся враждебностью къ англичанамъ. Въ 1889 году, по возвращеніи шаха Насръ-Эддина изъ послѣдней поѣздки по Европѣ, Джемаль появился въ Тегеранѣ и пытался возбудить шаха къ открыто враждебной политикѣ противъ Англіи. Послѣдствіемъ этихъ происковъ и было изгнаніе Джемаля изъ Персіи. Въ началѣ девяностыхъ годовъ Джемаль побывалъ въ Англіи и поселился затѣмъ въ Константинополѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ исчезъ изъ турецкой столицы и съ тѣхъ поръ всѣ слѣды его пропали.

Послѣ Насръ-Эддина осталось огромное состояніе, оцѣниваемое примѣрно въ миллиардъ франковъ. Половина этого состоянія — въ деньгахъ, другая — въ драгоцѣнностяхъ. Въ числѣ драгоцѣнностей находится и шесть предметовъ, которыми украшаетъ себя шахъ въ день коронованія своего. Предметы эти: корона, состоящая изъ крупныхъ бриллiантовъ, изумрудовъ, сапфировъ, рубиновъ и проч. и вѣсящая около пуда; царская одежда, вся осыпанная драгоцѣнными камнями и тканая золотомъ; нарукавники, которые шахъ надѣваетъ на обѣ плечевыя части рукъ, они носятъ названіе „море ореола" и, по преданіямъ, освѣщаютъ чудными лучами темную комнату; сабля, ножны и рукоятка которой сплошные драгоцѣнные камни; цѣпь, надѣваемая на шею и состоящая изъ бриллiантовъ, среди которыхъ нѣсколько въ голубиное яйцо и, наконецъ, осыпанный драгоцѣнностями золотой тронъ.

Къ числу особенно важныхъ реформъ, сдѣланныхъ шахомъ Насръ-Эддиномъ, необходимо отнести законъ о престолонаслѣдіи, обезпечившій нынѣ спокойное восшествіе на престолъ второму сыну шаха Музафферъ-Эддину. По этому закону, изданному Насръ-Эддиномъ по иниціативѣ нѣкоторыхъ державъ, престолъ долженъ перейти къ старшему сыну, рожденному отъ матери-принцессы изъ Каджарскаго дома. Старшій сынъ шаха Зелле-султанъ не удовлетворяетъ этому условію, какъ рожденный не отъ принцессы. Поэтому наслѣдникомъ престола и признается европейскими державами Музафферъ-Эддинъ. Однако, несмотря на существующій законъ о престолонаслѣдіи, Зелле-султанъ опирается на свое старшинство годами и открыто не разъ выражалъ намѣреніе всѣми силами оспаривать у своего брата право престолонаслѣдованія. Будучи отъ природы умнымъ, энергичнымъ человѣкомъ, онъ, между тѣмъ, отличается звѣрскимъ характеромъ. Стоя во главѣ богатѣйшей исфаганской провинціи, Зелле-султанъ пріобрѣлъ колоссальное богатство, превышающее, по словамъ нѣкоторыхъ, состояніе самого шаха, окружилъ себя пышнымъ дворцомъ и роскошью, и имѣетъ въ своемъ распоряженіи многочисленную армію. Все это въ совокупности сдѣлало его очень заносчивымъ и крайне самостоятельнымъ, почти что въ ущербъ шахской власти. Въ общемъ онъ представляетъ собою яркій типъ настоящаго восточнаго властителя. Ему было восемь лѣтъ отъ роду, когда онъ узналъ о томъ, что родился братъ, который объявленъ наслѣдникомъ престола и получилъ титулъ „валіата". Говорятъ, что Зелле-султанъ отправился въ арсеналъ и приказалъ выгравировать на лезвіи своего ятагана слѣдующія слова: „этимъ орудіемъ я убью брата моего валіата". Эта черта вполнѣ его характеризуетъ. Нѣсколько лѣтъ сряду Зелле-султанъ былъ любимцемъ покойнаго шаха, но послѣднее время онъ жилъ въ полуопалѣ въ Испагани. Зелле-султанъ всегда искалъ дружбы англичанъ, и его вліяніе довольно значительно въ южной Персіи, омываемой водами Персидскаго залива и находящейся по сосѣдству съ Индіей.

Что касается второго сына, законнаго наслѣдника престола, то Камранъ-Мирза-Наибъ-Эсъ-Султане представляетъ собою полную противоположность съ Зелле-султаномъ. Не отличаясь столь большими способностями, но, будучи далеко не заурядным человѣкомъ, онъ по природѣ очень добръ, скроменъ, и весьма любимъ духовенствомъ и въ неменьшей степени народомъ. Къ этому еще остается добавить, что онъ, по слухамъ, искренно симпатизируетъ Россіи и надѣется на ея поддержку. Англіи онъ, въ сущности, не довѣряетъ по той причинѣ, что она, не стѣсняясь, выражала свое къ нему недоброжелательство. Какъ бы то ни было, но братья новаго шаха, привѣтствуя этого послѣдняго по поводу его вступленія на престолъ, предложили ему свои услуги въ качествѣ „простыхъ слугъ его величества", Такимъ образомъ, въ возможности серьезныхъ безпорядковъ въ Персіи можно усомниться. Зелле-султанъ, живущій въ Испагани, врядъ ли рѣшится на какое-либо открытое противодѣйствіе новому шаху, тѣмъ болѣе, что Музафферъ-Эддинъ признанъ Англіей, — державой, на поддержку которой Зелле-султанъ только и могъ разсчитывать. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что бывшій воспитатель Музафферъ-Эддина, Мирза-Низамъ, живетъ въ Тегеранѣ и въ послѣднее время былъ одним изъ ближайшихъ лицъ къ Насръ-Эддину. А онъ человѣкъ энергичный, умный, образованный и безконечно преданный своему бывшему ученику. Наконецъ, третій сынъ шаха, занимающій постъ военнаго министра, стоитъ всецѣло на сторонѣ Музафферъ-Эддина. А военный министръ вмѣстѣ съ тѣмъ и глава всѣхъ войскъ.

Россійская Императорская Миссія въ Кореѣ

Россія, какъ сосѣдка Кореи съ сѣвера, давно уже, — еще въ 1884 году, прислала ко двору корейскаго короля своего представителя.

Для жительства вновь назначенный генеральный консулъ и повѣренный въ дѣлахъ пріобрѣлъ у корейскаго правительства землю на вершинѣ холма близь западныхъ городскихъ воротъ и выстроилъ на немъ небольшія зданія, какія были по средствамъ немудренымъ корейскимъ архитекторамъ и до 1894 года личный составъ миссіи ютился въ этихъ плохенькихъ мазанкахъ, пока не былъ оконченъ дворецъ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ.

Подъѣзжая съ запада къ Сеулу, столицѣ Кореи, лишь только открывается зазубренная стѣна, окружающая городъ, глазъ вашъ пріятно поражаетъ видъ красиваго каменнаго, поднимающагося надъ нею зданія съ башней и флагштокомъ. На немъ развѣвается флагъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Вы продолжаете нѣсколько времени ѣхать по узкимъ улицамъ предмѣстья города и въѣзжаете въ западныя городскія ворота красивой корейской архитектуры съ каменнымъ, выложеннымъ гранитомъ низомъ и деревяннымъ верхомъ, съ крышей, крытой глиняными черепицами. Проѣхавъ ворота, вы въ чертѣ города. Но и здѣсь, какъ въ предмѣстьи, тѣ же грязныя, большею частью узкія улицы, тѣ же бѣдныя, жалкія, земляныя, крытыя соломой и камышемъ, лачуги вмѣсто столичныхъ домовъ, которыхъ ожидаетъ, впервые посѣщающій Сеулъ, туристъ. Вы круто поворачиваете направо и въѣзжаете въ кварталъ, занимаемый европейскими представителями: русскимъ, англійскимъ, французскимъ, германскимъ и сѣвероамериканскихъ соединенныхъ штатовъ. И вотъ, слѣва, на вершинѣ холма, господствующаго надъ всей окрестностью и даже городомъ, широко раскинувшимся къ востоку, такъ далеко, насколько видитъ глазъ, — вамъ открывается величественное одноэтажное каменное строеніе съ аркадой и россійскимъ государственнымъ гербомъ впереди надъ главнымъ входомъ. Справа башня, съ которой открывается рѣдкостный видъ на десятки верстъ кругомъ, на красивыя горы, окружающія городъ съ трехъ сторонъ, по склонамъ, а мѣстами и по хребту которыхъ змѣей вьется зубчатая каменная городская стѣна. Городъ у васъ какъ на ладони.

Къ сѣверо-востоку виденъ дворцовый городокъ, окруженный отдѣльной стѣной, въ которой, какъ и въ городской — красивыя полукаменныя, полудеревянныя ворота, а внутри масса довольно безпорядочно разбросанныхъ одноэтажныхъ строеній, между которыми выдѣляются лишь нѣсколько отдѣльныхъ дѣйствительно красивыхъ зданій.

Правѣе, насколько хватаетъ глазъ, крыши, крыши и крыши городскихъ домовъ, рѣдко черепичатыя, а больше соломенныя. Тамъ и сямъ разбросаны дома европейской постройки, между которыми бросается въ глаза большая строющаяся церковь американскихъ миссіонеровъ. Наша Миссія окружена каменной оградой выше человѣческаго роста. На улицу выходитъ ворота массив-

Улица въ корейской деревнѣ.

Корея. Сеулъ. — Виды и типы.

ной кирпичной кладки. Новое зданіе миссіи выстроено бывшимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, К. И. Веберомъ, и окончено въ 1894 году.

*Б**.

Новости печати

1796—1896. Памяти Дженнера. О предстоящемъ чествованіи въ Россіи 14 мая 1896 года столѣтней годовщины открытія Э. Дженнеромъ вакцинаціи (предохранительнаго прививанія коровьей оспы). *Д-ра В. О. Губерта*—Le centenaire de la découverte de la vaccination par E. Jenner, D-eur W. O. Hubert. Спб. 1896. Брошюра, выпущенная подъ такимъ заглавіемъ, представляетъ отдѣльный оттискъ доклада доктора Губерта, читаннаго въ 1-й секціи русскаго общества охраненія народнаго здравія 14-го февраля 1895 г. и напечатаннаго въ журналѣ этого же общества. Авторъ дѣлаетъ очень интересный подробный очеркъ исторіи искусственнаго оспопрививанія; онъ излагаетъ прежніе, бывшіе въ ходу до открытія Дженнера, способы прививки натуральной оспы, описываетъ его наблюденія надъ коровьею оспою, и разсказываетъ—какъ было встрѣчено это замѣчательное открытіе современниками. Въ заключеніе онъ обращается въ своемъ докладѣ къ членамъ общества охраненія народнаго здравія съ предложеніемъ принять на себя починъ устройства въ Россіи празднованія столѣтняго юбилея открытія Дженнера. Совѣтъ общества постановилъ предложить общему собранію: принять на себя починъ празднованія юбилея; составить и издать историческій обзоръ развитія и результатовъ оспопрививанія въ Россіи и устроить небольшую выставку предметовъ, относящихся къ оспопрививанію; издать переводъ на русскій языкъ подлиннаго сочиненія Дженнера съ его біографіею, портретомъ и соотвѣтствующими рисунками и назначить четыре преміи за лучшія сочиненія по оспопрививанію.

М. О—въ

Иліада *Гомера*. Переводъ *Н. М. Минскаго*. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1896. Ц. 75 к. Полный новый переводъ „Иліады“, выполненный размѣромъ подлинника изъ современныхъ русскихъ поэтовъ—во всякомъ случаѣ литературное событіе. Переводъ г. Минскаго достаточно точенъ, достаточно легко и плавно читается, въ приличной мѣрѣ передаетъ духъ подлинника и является безспорно хорошимъ вкладомъ въ нашу переводную литературу. Еслибы въ нашей литературѣ не было перевода Гнѣдича, „Иліада“ г. Минскаго получила бы самое широкое распространеніе и была бы въ своемъ родѣ также знаменита, какъ у нѣмцевъ Фоссова. Но при существованіи такого совершеннаго перевода, каковъ гнѣдичевъ, новому переводчику недостаточно перевести хорошо, а надо перевести еще лучше. Этого, однако, нельзя сказать про переводъ г. Минскаго, хотя самъ онъ почему-то считаетъ переводъ Гнѣдича устарѣлымъ и изобилующимъ недостатками. Нечего и говорить, что такое мнѣніе нельзя признать справедливымъ. Правда, у Гнѣдича есть и славянскія устарѣлыя формы, и усѣченныя окончанія, а дактили въ его гекзаметрѣ часто весьма неблагозвучно замѣнены хореями. На все это указываетъ г. Минскій въ предисловіи къ своему переводу; но всѣ эти недостатки встрѣчаются у Гнѣдича лишь какъ исключеніе, въ немногихъ стихахъ, которые, по справедливости, можно назвать неудачными. Именно этихъ недостатковъ у г. Минскаго нѣтъ; за то у него есть другіе, еще болѣе непріятные при чтеніи. Гнѣдичъ некстати замѣняетъ дактили хореями, а г. Минскій, во избѣжаніе этой необходимости, вставляетъ въ переводъ ненужныя слова, вродѣ „ужь“, „всё“, „то“, какъ то непріятно хрустящіе въ плавномъ теченіи гекзаметра. Гнѣдичъ употребляетъ неуклюжія славянскія слова, а г. Минскій часто употребляетъ неточныя или пошловатыя выраженія напримѣръ, въ знаменитой сценѣ Гектора и Андромахи—Гекторъ ее „нѣжно погладилъ рукой“, точно Андромаха собака, а не женщина. У Гнѣдича усѣченныя окончанія—у г. Минскаго неправильныя согласованія, вродѣ: „здѣсь оставаясь теперь иль дерзнувши еще разъ явиться, знай, не помогутъ тебѣ ни повозка, ни жезлъ Аполлона“ (I, 27—28). Конечно, безъ мелкихъ недостатковъ и ошибокъ немыслимо выполнить такой большой и сложный трудъ, и если мы указываемъ на нихъ въ переводѣ г. Минскаго, то только потому, что онъ коритъ ими Гнѣдича. Что же касается общаго тона „Иліады“, въ обоихъ переводахъ, то если справедливо, что онъ у Гнѣдича вышелъ нѣсколько приподнятымъ, то у г. Минскаго онъ въ значительной степени вялъ. Поэтому, не отрицая извѣстныхъ заслугъ перевода г. Минскаго, мы лично предпочитаемъ переводъ Гнѣдича: приподнятость лучше вялости. Тѣмъ не менѣе про переводъ г. Минскаго можно сказать почти то же, что онъ самъ сказалъ про переводъ Гнѣдича—то есть что „недостатки его принадлежатъ нашей (вялой) эпохѣ, а достоинства—его собственному таланту, трудолюбію и безкорыстной любви къ поэзіи“.

Пл. К.

Пути сообщенія

— Обширныя гидротехническія работы по выпрямленію береговъ Вислы, а также углубленію дна и изслѣдованію мѣстъ, гдѣ образуются ледяные заторы, причиняющіе при ледоходѣ много бѣдъ прибрежнымъ жителямъ, намѣчены въ текущемъ году. На производство этихъ работъ въ четырехъ отдѣльныхъ участкахъ ассигновано 172.000 руб. Кромѣ того, потребованъ дополнительный кредитъ, въ размѣрѣ 20.000 руб., на регуляцію 12 верстъ пространства отъ Александровскаго моста до дер. Августовки и 40.000 руб. — на окончаніе регуляціонныхъ работъ, начатыхъ во второмъ участкѣ, между дер. Камень, Кемпа-Хотецкая, Врубле и Варгоцинъ. Въ третьемъ участкѣ выпрямительныя работы будутъ производиться отъ Варшавы до Новогеоргіевска у деревень Ломянки, Яблонна, Декановъ, около Плоцка и въ Цѣхоцинской долинѣ, что должно обойтись по смѣтѣ въ 150.000 рублей.

Некрологъ

Акоренко Ананій Ивановичъ, полковникъ л.-гв. гренадерскаго полка, участникъ послѣдней русско-турецкой войны, совершившій переходъ черезъ Балканы, † въ Спб. 26-го апрѣля, 45 лѣтъ.

Губерти Николай Васильевичъ, извѣстный библіографъ и нумизматъ, владѣлецъ рѣдкой коллекціи монетъ и богатой библіотеки книжныхъ рѣдкостей, авторъ книги „Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII столѣтія, напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ“ въ Москвѣ, удостоенной Уваровской преміи, † въ Москвѣ 29-го апрѣля, 78 лѣтъ.

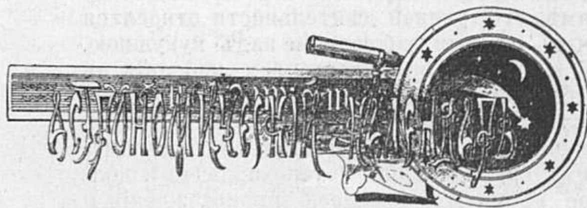
Жемчужниковъ Александръ Михайловичъ, родной братъ извѣстнаго поэта, одинъ изъ участниковъ „Досуговъ Кузьмы Пруткова“, авторъ многихъ статей, помѣщенныхъ въ „Основѣ“, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и другихъ изданіяхъ, † въ имѣніи Лабержъ, витебской губерніи, 30-го апрѣля, 70 лѣтъ.

Желиховская Вѣра Петровна, урожденная Ганъ, дочь извѣстной романистки 40-хъ годовъ Е. А. Ганъ, писавшей подъ псевдонимомъ Зинаиды Р—вой, писательница, авторъ многочисленныхъ романовъ, повѣстей, очерковъ, разныхъ статей и книгъ для дѣтскаго чтенія, сотрудница „Семьи и Школы“, „Дѣтскаго Чтенія“, „Игрушечки“, „Родника“, „Всемірной Иллюстраціи“, „Живописнаго Обозрѣнія“, „Свѣта“ Комарова, „Русскаго Обозрѣнія“, „Русскаго Вѣстника“, „Московскихъ Вѣдомостей“, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Новаго Времени“, „Новостей“ и друг. изданій, † въ Спб. 5-го мая, 61 года. Не обладая особеннымъ талантомъ, она писала очень бойко и занимательно, отличаясь большой наблюдательностью и богатымъ запасомъ матеріала, самаго разнороднаго. Наиболѣе всего удавались ей легенды и этнографическіе очерки.

Сокальскій Иванъ Петровичъ, профессоръ Императорскаго харьковскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи и статистики и бывшій редакторъ „Статистическаго Листка“, издававшагося харьковскимъ земствомъ, авторъ многихъ солидныхъ работъ по своей спеціальности и публицистическихъ статей, въ разныхъ столичныхъ и провинціальныхъ изданіяхъ, † въ Харьковѣ 1-го мая, 67 лѣтъ.

Ягубовъ Гаспаръ Сергѣевичъ, вице-директоръ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, инженеръ путей сообщенія, статскій совѣтникъ, замѣчательный дѣятель и безукоризненной честности человѣкъ, † въ Спб. 30-го апрѣля, 47 лѣтъ. Будучи армяниномъ по происхожденію, онъ написалъ нѣсколько повѣстей и публицистическихъ статей на своемъ языкѣ; кромѣ того, состоя старостой въ с.-петербургской армянской церкви, онъ принималъ живое участіе во всѣхъ общественно-приходскихъ дѣлахъ и особенно по благотворительности.

Ѳирсовъ Николай Алексѣевичъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго казанскаго университета по каѳедрѣ русской исторіи, редакторъ-издатель газеты „Камско-Волжскій Край“, почетный членъ и основатель общества археологіи, исторіи и этнографіи, авторъ цѣлаго ряда капитальныхъ трудовъ, † въ Казани, 24-го апрѣля, 65 лѣтъ. Изъ его трудовъ наиболѣе извѣстны: „Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ московскомъ государствѣ“, „Инородческое населеніе прежняго казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. и колонизація закамскихъ земель въ то время“, „Обзоръ внутренней жизни инородцевъ“, „Матеріалы для исторіи пермской гимназіи“, „Студенческія исторіи въ казанскомъ университетѣ“ и проч.

17—31 мая 1896 г.

Май.	Средн. время въ ист. полд.	Въ С.-Петербургѣ. Восхожд. солнца.	Въ С.-Петербургѣ. Захожд. солнца.	Въ С.-Петербургѣ. Восхожд. луны.	Въ С.-Петербургѣ. Захожд. луны.	Въ Москвѣ. Восхожд. солнца.	Въ Москвѣ. Захожд. солнца.	Въ Москвѣ. Восхожд. луны.	Въ Москвѣ. Захожд. луны.
	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.
17	11 57.2	2 55	9 2	0 5у	3 52у	3 26	8 29	11 45в	4 50у
19	11 57.2	2 51	9 5	0 40	7 7	3 24	8 32	0 7у	7 38
21	11 57.8	2 48	9 9	0 45	10 10	3 22	8 34	0 30	10 23
23	11 58.2	2 45	9 12	0 45	0 55в	3 20	8 37	0 50	0 52в
25	11 58.5	2 43	9 15	0 45	3 40	3 19	8 39	0 55	3 22
27	11 58.9	2 41	9 18	0 45	6 35	3 18	8 41	1 12	6 2
29	11 59.3	2 39	9 21	1 0	9 38	3 17	8 43	1 48	8 40
31	11 59.7	2 38	9 23	2 15	11 20	3 16	8 44	3 17	10 28

Солнце въ созвѣздіи Тельца.

Луна въ послѣдней четверти 22-го, въ новолуніи 30-го мая.

Планеты: Меркурій 29-го мая въ нижнемъ соединеніи съ солнцемъ. Венера видна утреннею звѣздою. Марсъ также виденъ утромъ на востокѣ. Юпитеръ виденъ до полуночи. Сатурнъ и Уранъ около полуночи находятся близь южнаго горизонта. Нептунъ 26-го мая въ соединеніи съ солнцемъ.

Памяти Дженнера

Имя англійскаго врача Эдуарда Дженнера безспорно заняло мѣсто въ ряду именъ благодѣтелей человѣчества. Для того, чтобы понять какъ громадна польза, принесенная человѣкомъ, указавшимъ способъ предохранительной прививки оспы, надо знать, что значила эта болѣзнь до примѣненія этого способа. Оспа всегда была одною изъ самыхъ частыхъ и губительныхъ эпидемій; она нанесла людямъ несравненно болѣе вреда, выхватила гораздо болѣе жертвъ, чѣмъ всѣ другія опустошительныя эпидеміи вмѣстѣ взятыя. Оспы боялись не менѣе, чѣмъ чумы и случалось, что ближайшіе родственники бросали заболѣвавшаго и разбѣгались отъ него, чтобы не заразиться самимъ. Все трепетало при одномъ словѣ оспа, да и не даромъ, потому что она истребляла не менѣе $^1/_{12}$ части всего наличнаго населенія въ Европѣ. У насъ, въ Сибири, многія племена инородцевъ вымерли прямо и исключительно отъ оспы; да и русское населеніе страшно всегда отъ нея страдало и до сихъ поръ еще не мало страдаетъ въ мѣстахъ, гдѣ оспопрививаніе еще не распространилось на все населеніе; такъ, въ вятской губерніи, не далѣе какъ въ 1876 г. умерло около 13 тысячъ человѣкъ, а въ казанской съ 1866 по 1880 г. насчитывали болѣе 60 тысячъ умершихъ отъ оспы.

Обезсмертившій свою память, изобрѣтатель нынѣшняго искусственнаго оспопрививанія, Эдуардъ Дженнеръ, родился 5-го мая 1749 года, въ графствѣ Глочестеръ, въ Берклеѣ. Его отецъ былъ богатый землевладѣлецъ и человѣкъ ученый и всѣми уважаемый. Эдуардъ рано осиротѣлъ и обязанъ своимъ воспитаніемъ старшему брату, Джону, къ которому онъ всю жизнь питалъ привязанность. Онъ учился сначала въ коллегіи, а потомъ сталъ изучать медицину подъ руководствомъ извѣстнаго въ то время хирурга Даніеля Людлоу. Въ 1770 г. онъ отправился въ Лондонъ и здѣсь съ жаромъ принялся за изученіе естественной исторіи. Въ это время какъ разъ снаряжалась знаменитая экспедиція капитана Кука, который зналъ молодого натуралиста и приглашалъ его принять участіе въ своемъ плаваніи; но Дженнеръ отказался изъ привязанности къ брату, котораго ему не хотѣлось покидать. Онъ занялъ представившееся мѣсто хирурга въ своемъ родномъ городкѣ Берклеѣ. Въ это время ему предлагали также очень выгодное мѣсто врача въ Индіи, но онъ и отъ этого предложенія отказался. Къ первымъ годамъ его ученой дѣятельности относятся очень цѣнныя наблюденія надъ кукушкою, за которыя онъ удостоился избранія въ члены лондонскаго королевскаго общества. Вслѣдъ затѣмъ онъ много работалъ надъ изученіемъ болѣзни, извѣстной подъ именемъ грудной жабы (стенокардитъ) и долгое время его мнѣніе о происхожденіи и сущности этой болѣзни было принято всѣми врачами. Послѣ того появилось еще нѣсколько работъ, частью о различныхъ лекарственныхъ веществахъ, частью о легочныхъ болѣзняхъ. Около 1775 года онъ со всѣмъ своимъ усердіемъ предался изученію оспы, которая въ то время свирѣпствовала въ Англіи. Слѣдуетъ оговориться, что искусственная прививка оспы практиковалась уже и въ то время, и, какъ кажется, была извѣстна еще съ древнѣйшихъ временъ. Но старый способъ прививки заключался просто на просто въ томъ, что паціента заражали оспеннымъ гноемъ, взятымъ отъ больного и только тщательно наблюдали за ходомъ болѣзни, стремясь ограничить ее энергію; задача состояла въ томъ, чтобы заставить человѣка перенести оспу въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, надѣясь и зная, что если оспа разъ перенесена, то опасность вторичнаго заболѣванія устраняется; и то уже считалось ухпѣхомъ. Въ Англіи этотъ первобытный способъ прививки ввела леди Монтегю, первая сдѣлавшая себѣ прививку, а за нею начали прививать оспу и другіе представители высшей аристократіи. Въ Россіи первую прививку себѣ сдѣлала также женщина—императрица Екатерина II; для этого былъ выписанъ изъ Англіи докторъ Димедаль, награжденный за удачную прививку самой императрицѣ и наслѣднику очень крупною денежною наградою и пенсіею. Дженнеръ зналъ, что такая прививка оспы охраняетъ отъ зараженія; но необходимо было, чтобы ее производила чрезвычайно опытная рука, да притомъ все-таки и въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не мало привитыхъ гибло отъ оспы или обезображивалось ею; неопытные же прививщики даже распространяли болѣзнь, а не ограничивали ее. И вотъ, около 1776 года Дженнеръ замѣтилъ, что люди, ухаживавшіе за скотомъ, напримѣръ, коровницы, и заразившіеся оспою отъ скота, не заболѣваютъ натуральною оспою, хотя бы приходили въ самое опасное соприкосновеніе съ оспенными больными. Онъ съ жаромъ принялся за розыски такихъ, зараженныхъ коровьею оспою лицъ, наблюдалъ за ними и пришелъ къ заключенію, что коровья оспа положительно охраняетъ отъ натуральной, а главное переносится несравненно легче. Наконецъ, онъ рѣшился провѣрить ихъ на опытѣ; этотъ достопамятный опытъ былъ произведенъ ровно сто лѣтъ тому назадъ, 2-го мая 1796 года. Коровья оспа была взята съ руки молодой женщины Сары Нельмсъ и привита въ плечо восьмилѣтнему мальчику Джемсу Филипсу. Болѣзнь протекла у мальчика такъ слабо, что одно время самъ Дженнеръ усомнился въ пользѣ такой прививки. Однако, когда черезъ нѣкоторое время мальчику попробовали привить натуральную оспу, то она не взялась. Этотъ первый опытъ прививки и представленъ на прекрасной, художественно исполненной группѣ Монтеверде, которая появилась на всемірной выставкѣ 1878 года въ Парижѣ. Однако, благодѣтельное изобрѣтеніе Дженнера оказалось лишь незначительною половиною его безсмертнаго дѣла: потребовались необычайный трудъ, усилія, энергія, чтобы распространить это открытіе среди людей, побороть невѣжество и злобу многочисленныхъ и серьезныхъ враговъ геніальнаго врача. Но, въ концѣ-концовъ, Дженнеръ одержалъ побѣду; изобрѣтеніе его не погибло; еще при жизни на долю его выпало великое счастье видѣть полное торжество своихъ идей. Получивъ свое первоначальное распространеніе тамъ же, на родинѣ Дженнера, оспопрививаніе новымъ способомъ, вакцинація, мало по малу завоевало права гражданства въ Европѣ, обошло весь земной шаръ. Первую свою записку объ оспопрививаніи Дженнеръ опубликовалъ въ 1798 году; она была прочитана повсюду въ Европѣ и Америкѣ. Наполеонъ сразу оцѣнилъ значеніе открытія. Въ Америкѣ оспопрививаніе широко распространилось, благодаря Джефферсону. Къ намъ, въ Россію, это изобрѣтеніе проникло въ 1801 г. Самъ императоръ Александръ I принималъ горячее участіе въ распространеніи оспопрививанія; въ томъ же году послѣдовалъ указъ объ обязательности его для питомцевъ воспитательныхъ домовъ, а съ 1805 г. оно получило уже силу общаго закона для всего нашего отечества. Въ 1801 году Дженнеръ былъ сдѣланъ главнымъ врачемъ британскаго флота; его собратья изготовили въ честь его медаль, на которой былъ изображенъ Аполлонъ, представляющій Англіи матроса съ привитою оспою. Всѣ европейскія ученыя общества поспѣшили избрать его своимъ почетнымъ членомъ; императрица Екатерина II почтила его самымъ лестнымъ собственноручнымъ письмомъ и подарила ему цѣнный бриллiантъ; англійскій парламентъ присудилъ ему награду въ 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ и выдалъ почетный дипломъ. Въ 1814 году Дженнеръ былъ представленъ императору Александру I; при свиданіи императоръ сказалъ ему: „Вы должны быть счастливы: сознаніе долга, выполненнаго вами передъ человѣчествомъ, должно быть для васъ источникомъ неисчерпаемаго наслажденія, и мнѣ пріятно слышать, что вы снискали себѣ благодарность, похвалу и воздаяніе отъ людей". Эдуардъ Дженнеръ скончался 14-го января 1823 г. Памятникъ Дженнеру поставленъ въ Кессингтонѣ, въ Англіи.

Edw. Jenner

Э. ДЖЕННЕРЪ,

докторъ, первый оспопрививатель.

Со стариннаго гравированнаго портрета.

Дженнеръ, прививающій оспу ребенку.

Скульптура Монтеверде.

По поводу столѣтія открытія вакцинаціи Э. Дженнеромъ.

ПОѢЗДКА КЪ МЕРТВОМУ МОРЮ

Изъ путевыхъ очерковъ X***

Окончаніе

Дорога изъ Іерихона въ Іерусалимъ.

Поля Іерихона — личная собственность султана; обрабатываютъ ихъ барщиной. На барщинѣ же лежитъ обязанность защищать ихъ отъ нападенія саранчи.

Прилетаютъ первые аисты, охотники до саранчи: это признакъ, что саранча уже близко. Тотчасъ же іерусалимскій губернаторъ приказываетъ оповѣстить черезъ жандармовъ и собрать въ іерихонскую долину все годное къ работѣ населеніе Виѳлеема. Дорогою каждый вооружается длиннымъ шестомъ; длинною вереницею направляются къ границамъ вспаханныхъ полей защитники султанской пшеницы, чтобы охранить ихъ отъ милліоновъ нападающихъ. Голодная, кишащая туча саранчи надвигается. Тогда каждый спѣшитъ со всей силы нанести ударъ въ кучу. Позади безчисленные аисты борятся еще цѣлесообразнѣе: съ неимовѣрною алчностью хватаютъ они насѣкомыхъ. Людямъ и птицамъ удается отогнать саранчу далеко отъ пашни съ помощью палокъ и клюва. Способъ довольно первобытный, но вѣрный и дешевый.

Вдругъ ударъ колокола. Развѣ мы не въ турецкой странѣ? Развѣ въ Іерихонѣ есть христіанская церковь? Это призывъ къ table d'hôte въ главной гостинницѣ; мы садимся за столъ, за которымъ уже много монаховъ въ разнообразныхъ рясахъ. Лаксфорели изъ притоковъ Іордана превосходны: много перепеловъ.

Послѣ обѣда кофе: это самый пріятный часъ на Востокѣ. Кофе пьютъ обыкновенно на небольшой террассѣ, откуда взоромъ окидываешь панораму горъ, пройденныхъ нами. Служитель приноситъ трубки. Сосѣди наши по table d'hôt'у, скрестивъ ноги, съ улыбкою на широкомъ бородатомъ лицѣ, медленно курятъ, бесѣдуя съ увлеченіемъ.

Мимо насъ проходятъ за водой женщины въ длинныхъ гладкихъ или вышитыхъ рубашкахъ. Онѣ кажутся какъ-то женственнѣе при дуновеніи иногда нескромнаго вѣтра; передъ глазами нашими мелькаютъ довольно правильныя очертанія подъ бѣлой или синей пеленой.

На слѣдующее утро всѣ путешественники изъ гостинницы отправляются большимъ караваномъ къ Мертвому морю. Нѣкоторые изъ свѣтскаго духовенства выбираютъ особенный способъ передвиженія—на носилкахъ; носильщиками служатъ мулы; они скорѣе несутъ, чѣмъ везутъ. Другіе монахи, какъ мы, верхомъ, не стѣсняясь, показываютъ свои бѣлые чулки и здоровые икры.

За обработанной полосой мѣстность представляетъ странный видъ. Глубокіе рвы, промытые дождями; кое-гдѣ ушелъ стволъ дерева, уцѣлѣвшій отъ напора воды, гдѣ плоскіе камни защитили почву; иногда возвышенія въ формѣ усѣченныхъ конусовъ, достигающихъ до четырехъ метровъ вышины.

Послѣ трехчасоваго пути мы на большомъ берегу со скатомъ на двѣ стороны. У ногъ нашихъ синѣйшее изъ озеръ. На противоположномъ берегу солнце ярко золотитъ трещины Аравійскихъ горъ.

Только минуту спустя, при внимательномъ взглядѣ, насъ поражаетъ безжизненность мѣстности; въ небѣ ни птички; на землѣ ни травки, ни былинки, водоросли въ пескѣ, гдѣ блестятъ соляные кристаллы. Мертвыя деревья, стволы, вѣтви какъ окаменѣлые, выброшенные моремъ,— въ какую отдаленную эпоху?—все цѣпляется одно за другое, какъ длинный рядъ бирюлекъ. Часто было говорено, что вода Асфальтоваго моря такъ тяжела, что самый сильный вѣтеръ едва можетъ приподнять ее. Однако, даже безъ особеннаго вѣтра, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега мы видимъ сильную зыбь; песчаная мель поднимается и съ трескомъ разбивается.

Караванъ нашъ останавливается на берегу Мертваго моря. Животныя отдыхаютъ. Насъ всѣхъ привлекаетъ вода озера. Она прозрачна, съ ѣдкимъ запахомъ при отливѣ. Пропитанная солями, плотная, она прекрасно выдерживаетъ самыхъ неопытныхъ пловцовъ; много случаевъ подтверждаетъ это. При выходѣ изъ нея чувствуется непріятное наружное ощущеніе; вообще, морская вода производитъ то же дѣйствіе и всегда съ удовольствіемъ встрѣчаешь ведро прѣсной воды, принесенной купальщикомъ.

Здѣсь, чтобы достать прѣсной воды, надо дойти до Іордана.

...На берегу священной рѣки мы снова встрѣчаемъ толпу русскихъ, греческихъ и армянскихъ богомольцевъ, также нѣсколько абиссинцевъ, подданныхъ негуса Менелика. Всѣ тѣ, которыхъ вѣра привлекла въ Палестину, лелѣютъ мечту погрузиться въ воды Іордана въ томъ мѣстѣ, гдѣ крестился Господь.

Предоставивъ грекамъ входить въ воду и наполнять ихъ

Остановка у источника Апостоловъ.

фляжки въ мѣстѣ, указанномъ по преданію, мы послѣдовали за нашими спутниками-монахами туда, гдѣ, нѣсколько сѣвернѣе, указываетъ это же мѣсто латинское преданіе. Іорданъ окаймленъ разнообразными деревьями: ивы, орѣшникъ, гребенщикъ. Часть русла, ближе къ берегу, поросла тростникомъ. Островки, нанесенные пескомъ и тиною, задерживаютъ илъ по теченію.

Служители сосѣдняго монастыря, гдѣ туристы обыкновенно завтракаютъ, при насъ наполняютъ бутылки іорданскою водою. Самые недовѣрчивые уносятъ съ собой это воспоминаніе своей поѣздки.

По узенькой тропинкѣ, черезъ равнину, песокъ которой скрывается подъ короткою травкой, мы снова возвращаемся въ Іерихонъ. Вспуганные перепела, дрозды и горлицы вспархиваютъ съ колючихъ кустарниковъ. Высоко, въ темносинемъ небѣ, поютъ жаворонки. Длинная тѣнь ложится за нами при солнцѣ, уже низко спустившемся на горизонтѣ.

Переночевавъ въ гостинницѣ Іерихона, мы покидаемъ долину свѣтлыхъ ручейковъ, оазисъ, полный щебетанья, и возвращаемся въ Іерусалимъ. Обратный путь совсѣмъ иной—это настоящая дорога строителей-инженеровъ, извилистая, годная для экипажей; не достаетъ только повозокъ. По обѣимъ сторонамъ—безконечная цѣпь пилигриммовъ. Одни идутъ прямо къ Іордану, другіе, какъ мы, возвращаются. Русскіе, съ большими русыми или бѣлокурыми бородами, взбираются на гору, неся на спинѣ мѣховые полушубки. Они несутъ тростникъ, нарванный на берегу рѣки, святую воду въ бутылкѣ, чтобы кропить ею своихъ дѣтей, свѣчи, завернутыя въ олово, купленныя ими въ обители Маръ-Саба; они будутъ зажигать ихъ во время грозы или высокой воды.

Дорога идетъ вдоль Сорокадневной горы, гдѣ постился Спаситель, проходитъ мимо источника Елисея, гдѣ островокъ живой растительности посреди безплодной пустыни пересѣкаетъ дикую, красивую долину, безъ всякой рѣчки, быстро поднимается то вправо, то влѣво и опять, по выраженію Пьера Лоти, спускается ниже уровня всѣхъ странъ и всѣхъ морей.

Не доходя двухъ часовъ до Іерусалима, мы останавливаемся у источника Апостоловъ, съ которымъ соединяется преданіе о добромъ самарянинѣ.

Тутъ, во время прихода русскихъ богомольцевъ, постоянно кипитъ неизбѣжный самоваръ. Вокругъ навѣса невообразимый безпорядокъ. Остановились десять каравановъ, и всѣ перемѣшались. Монахи, туристы, погонщики муловъ, бедуины, жандармы, всѣ ѣдятъ и пьютъ; каждая группа готовитъ свою провизію на свой ладъ, заранѣе заплативъ мѣстнымъ сторожамъ за право пользоваться разведеннымъ огнемъ.

Послѣдняя станція. Вскорѣ передъ нами открывается долина Іосафата, и Іерусалимъ уже виденъ. Безчисленные купола великаго города обрисовываются сѣрою чертою на пылающемъ фонѣ небесъ. Налѣво высоко выдѣляются стѣны близь Золотыхъ Воротъ. Сохранившіяся почти вполнѣ, онѣ спускаются до глубины долины къ еврейскому кладбищу.

Вотъ мѣсто поцѣлуя Іуды, далѣе садъ Геѳсиманскій, Кровавый Гротъ, гробница Пресвятой Дѣвы. При наступленіи ночи мы входимъ въ Іерусалимъ черезъ врата Св. Стефана, древнія врата Іосафата во время крестовыхъ походовъ, врата Овечьи, по разсказамъ библейскимъ.

Съ французскаго.

Берега Іордана. Мѣсто, гдѣ крестился Іисусъ Христосъ.

УМНАЯ РАСПРАВА

Разсказъ БЕРРИ ПАЙНА

Когда я проходилъ мимо дома викарія, у меня мелькнула мысль, что мѣстечко это преудобное. Я сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и вдругъ мнѣ стало жаль—зачѣмъ я не посмотрѣлъ хорошенько—дѣйствительно ли оно такое славное, какъ показалось съ виду. Тутъ я вернулся обратно и спросилъ прислугу съ кухоннаго крыльца—не найдется ли здѣсь для меня черной работы.

Служанка на кухнѣ отвѣчала, что работы у нихъ нѣтъ, и не стала распространяться со мною больше. Но она принесла мнѣ закусить хлѣба съ сыромъ, причемъ я воспользовался случаемъ, чтобы внимательно осмотрѣться кругомъ. Окно въ кухонныхъ сѣняхъ было расположено очень удобно: во первыхъ, его не было видно съ большой дороги, во вторыхъ, оно запиралось на самый обыкновенный желѣзный крючекъ, безъ всякихъ болтовъ и ставень. Чистый соблазнъ такое окошечко! Отворить его опытному человѣку, сущіе пустяки, и сегодняшняя ночь такъ же годилась для этого, какъ и всякая другая.

Стемнѣло; около половины одиннадцатаго я забрался въ кусты въ саду викарія, покуривая трубочку и наблюдая за тѣмъ, что происходитъ въ домѣ. Свѣтъ виднѣлся только въ одной комнатѣ нижняго этажа, именно въ кабинетѣ. Ровно въ одиннадцать онъ исчезъ оттуда и появился въ другомъ окнѣ, наверху. Отлично, сказалъ я самъ себѣ: викарій кончилъ писать проповѣдь и отправился на боковую. Когда весь домъ погрузился въ темноту, я разъ или два обошелъ вокругъ, желая оглядѣться хорошенько. У меня такъ и чесались руки поскорѣе приняться за дѣло; однако, до половины перваго я не рѣшался шелохнуться. Противъ всякихъ ожиданій, съ окномъ не такъ-то легко было сладить, какъ я думалъ раньше. Крючекъ закладывался плотно, у меня же не было подъ рукою другого инструмента, кромѣ карманнаго ножа, чтобы оттолкнуть его. Наконецъ, мнѣ это удалось; тогда я сталъ потихоньку отворять раму... Потомъ я влѣзъ въ окно. Не успѣли мои ноги твердо стать на полъ сѣней, какъ я полетѣлъ навзничъ отъ могучаго удара, и тутъ же мнѣ на грудь навалилась страшная тяжесть. Задыхаясь и хрипя, сталъ я просить, чтобъ меня отпустили. Въ головѣ моей было смутно, потому что я стукнулся о земь со всего маху, и все-таки у меня мелькнула мысль, что надо притвориться пьянымъ. Тѣмъ временемъ человѣкъ, сбившій меня съ ногъ, пересталъ упираться мнѣ въ грудь кулаками; онъ выпрямился, черкнулъ спичкой о каблукъ своего сапога и зажегъ свѣчу, стоявшую позади него.

... я полетѣлъ навзничъ отъ могучаго удара, и тутъ же мнѣ на грудь навалилась страшная тяжесть.

При свѣтѣ мнѣ было не трудно убѣдиться, что моимъ противникомъ оказался никто иной, какъ самъ почтеннѣйшій Уильямъ Лекъ. Чѣмъ больше я на него смотрѣлъ, тѣмъ досаднѣе мнѣ становилось, что нелегкая занесла меня сюда.

— Ахъ, вы пустоголовый, нестоющій негодяй! сказалъ онъ.— И вся-то цѣна вамъ грошъ съ половиной! Что вамъ здѣсь понадобилось?

Я громко икнулъ и отвѣчалъ: — Да вѣдь тутъ никакъ мой домъ, нумеръ двадцатый, въ деревнѣ Теришъ? Развѣ я не туда попалъ?

— Нечего дурака-то валять! воскликнулъ онъ,—я слышалъ, какъ вы шныряли вокругъ дома часъ тому назадъ; иначе я не сталъ бы подстерегать васъ въ сѣняхъ; кромѣ того люди въ пьяномъ видѣ не отворяютъ такимъ манеромъ окошекъ. Вы совсѣмъ не пьяны. Бросьте это!

Я подумалъ съ минуту и понялъ, что онъ говоритъ сущую правду, а потому пересталъ притворяться, застегнулъ опять свой воротникъ, сѣлъ и снялъ съ себя фуражку.

— Ладно, промолвилъ я,—чья же теперь возьметъ?

Викарій, кажется, замѣтилъ, что я шарю въ карманахъ, и быстро спросилъ: — При васъ есть оружіе?

— Вотъ еще выдумали! Я только...

Не успѣлъ мой языкъ проговорить этихъ словъ, какъ викарій снова опрокинулъ меня на земь. Я старался увернуться отъ него, но онъ схватилъ меня за горло и чуть не задушилъ до смерти. Всякое сопротивленіе было напрасно: викарій отличался не только высокимъ ростомъ, коренастымъ сложеніемъ и силой, но былъ при этомъ ловокъ и проворенъ. Онъ тщательно обыскалъ мое платье и отнялъ у меня ножъ, револьверъ и кастетъ. Тутъ я раскусилъ, что игра проиграна.

— Видите, какой вы глупый лгунишка, замѣтилъ онъ.

Я уже сказалъ, что понялъ свой промахъ и мнѣ нечего было ждать хорошаго. Неудача и грубое обращеніе взбѣсили меня, тѣмъ болѣе что я вообще не обладаю особенной кротостью. И я далъ волю накипѣвшей злобѣ.

— Если вы не перестанете ругаться, отвѣчалъ священникъ,— я буду принужденъ причинить вамъ довольно значительную физическую боль.

Голова у меня трещала, локоть былъ ушибленъ, а все тѣло порядкомъ помято; неудивительно, если я не могъ сладить со своей досадой. Пожалуй, это было глупо съ моей стороны, но я вообразилъ, что мой противникъ, какъ духовное лицо, не станетъ драться. Поэтому я крикнулъ, что если онъ хочетъ знать что онъ такое, то я могу это сказать....

Никогда въ жизни не получалъ я такой здоровой взбучки. Онъ такъ и молотилъ по моему лицу, по головѣ, пока я не свалился съ ногъ, обливаясь кровью, точно зарѣзанная свинья...

— Ну, молодецъ вы! сказалъ я. — Приказывайте. Я хотѣлъ только васъ испытать.

Викарій стоялъ передо мною, улыбаясь, точно это была для него одна веселая забава.

— Поднимайте-ка свои сапоги, замѣтилъ онъ,—да обуйтесь.

Пока я обувался, онъ отвернулъ свои рукава и вымылъ руки подъ краномъ, послѣ чего посовѣтовалъ мнѣ сдѣлать то же.

— Вотъ вамъ вода, сказалъ викарій,—можете привести себя въ порядокъ.

У меня текла кровь изъ носу и изъ разсѣченной губы, но отъ холодной воды это скоро прошло. Когда я кончилъ, онъ освѣдомился—все ли у меня въ исправности.

— Ничего, заживетъ! отвѣтилъ я.—Только ноги немного трясутся, вотъ и все. Вы задали мнѣ хорошую трепку.

— Берите свѣчу и ступайте въ кабинетъ, я пойду за вами. Надѣюсь, вы знаете дорогу.—Конечно, я зналъ. Покажите мнѣ любой домъ снаружи, и его внутреннее расположеніе будетъ для меня совершенно ясно.

Онъ поднялъ мой ножикъ, револьверъ и маленькій ломъ, послѣ чего послѣдовалъ за мной въ кабинетъ. Тутъ хозяинъ зажегъ лампу, отдалъ мнѣ обратно ножикъ, а револьверъ и ломъ заперъ въ ящикъ стола.

— Ну теперь, сказалъ викарій,—не желаете ли вы присѣсть? Онъ разговаривалъ со мною точно съ дамой, пришедшей къ нему въ гости.

— Право, я не могу понять одного, заговорилъ викарій,—

вы такой маленькій, плюгавый; характеръ у васъ, положимъ, скверный, но вы не изъ удалыхъ; что могло заставить васъ выбрать ремесло мошенника?

— Не знаю, отвѣчалъ я,—но мнѣ тоже хотѣлось бы спросить васъ объ одномъ, не примите только въ обиду моихъ рѣчей. Что могло заставить *васъ* сдѣлаться пасторомъ при вашемъ сложеніи, силѣ и умѣньѣ дѣйствовать кулаками?

Онъ, повидимому, нисколько не обидѣлся и сидѣлъ съ минуту молча, затягиваясь изъ своей трубочки. Наконецъ, викарій вздохнулъ и сказалъ: — Я и самъ иногда такъ думаю, но вамъ-то ужъ и подавно слѣдовало заняться другимъ ремесломъ. Какъ вы дошли до этого?

— Никто не заботился о моемъ воспитаніи, и я начитался плохихъ романовъ изъ дешевенькихъ газетъ.

Хозяинъ нетерпѣливо топнулъ ногой по ковру, говоря: — Хорошо, хорошо, разсказывайте дальше.

— Потомъ я попалъ въ дурную компанію, привыкъ пить, втянулся въ азартную игру и, не зная, что такое нѣжная материнская...

— Ахъ, Боже мой, бросьте это! перебилъ меня викарій, вскакивая съ мѣста.—Мнѣ нужны факты; разскажите исторію своей жизни. Какъ вы дошли до этого?

Частью восхищаясь этимъ человѣкомъ, частью оттого, что на меня нашелъ такой стихъ, я разсказалъ ему свою жизнь по чистой совѣсти, не прикрашивая и не скрывая ничего. Когда я кончилъ, викарій поблагодарилъ.

— Значитъ, сказалъ онъ,—родители ваши были порядочные люди, они дали вамъ хорошее воспитаніе, и вы могли сдѣлаться дѣльнымъ человѣкомъ, но тѣмъ не менѣе съ дѣтскихъ лѣтъ вы были такимъ же испорченнымъ, какъ теперь.

— Это зависитъ отъ взгляда на вещи, отвѣчалъ я и подумалъ, что теперь викарій или позоветъ полицію, или предложитъ мнѣ помолиться съ нимъ вмѣстѣ. Я ожидалъ послѣдняго. Однако, онъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго. Священникъ прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину, и бормоталъ про себя: — А я-то распинаюсь и проповѣдую, проповѣдую, проповѣдую! Вдругъ онъ снова улыбнулся своей странной улыбкой и прибавилъ: — Однако, вы долго не дали мнѣ сегодня спать, и у меня разыгрался необыкновенный аппетитъ. Устроимъ-ка себѣ ужинъ; что вы на это скажете? Давайте вмѣстѣ хозяйничать. Только не стучите! Я не хочу будить своихъ домашнихъ.

Мы отправились вдвоемъ на кухню и натащили оттуда всякой всячины въ кабинетъ. Онъ накрылъ столъ чистой бѣлой скатертью, разложилъ серебряныя вилки, вынулъ приборы. На столѣ появился пирогъ изъ дичи, спѣлая дыня и бутылка бургундскаго. Никогда въ жизни не приходилось мнѣ ужинать такимъ великолѣпнымъ манеромъ. Хозяинъ безпрестанно угощалъ меня и подливалъ вино въ мой стаканъ. Я никакъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Ну вотъ, сказалъ онъ, — что такое разсмѣшило васъ?

— Согласитесь, вѣдь это немного странно, что вы, пасторъ, угощаете такого молодца, какъ я? Я пришелъ сюда съ цѣлью ограбить васъ; вы меня вздули и ни слова о полиціи—ни единаго словечка! Сначала непрошенный гость получилъ потасовку, а потомъ его накормили ужиномъ.

— Да, но вы не можете отрицать, что вамъ было нужно именно и то, и другое. Какъ же иначе могъ поступить пасторъ?

— Говоря по совѣсти, я ожидалъ отъ васъ больше разговоровъ, именно въ пасторскомъ духѣ, вы понимаете?

— Что же вы подразумѣваете подъ этимъ?

— Ну, разумѣется, то, что постоянно слыхалъ въ дѣтствѣ: насчетъ грѣховности воровства, насчетъ раскаянія и геенны огненной.

— А вы думаете, что такія рѣчи принесли бы вамъ пользу?

— Ну, конечно, нѣтъ.

— Вотъ и я думаю тоже. Тутъ онъ перемѣнилъ разговоръ и разсказалъ мнѣ, что на мое счастье на Энтонской мельницѣ нуждаются въ рабочихъ рукахъ и что онъ можетъ дать мнѣ рекомендательное письмо къ надзирателю.

— Вы говорили давича, замѣтилъ онъ, — что интересуетесь механикой и смыслите въ ней кое-что. Это можетъ вамъ пригодиться. Если вы съумѣете исполнять какія нибудь работы по этой части, разумѣется, не какъ спеціалистъ, а такъ себѣ, напримѣръ, кое-какую неважную починку, хозяинъ будетъ очень доволенъ. Иногда испортится самая пустая бездѣлица, а изъ-за нея стоитъ работа. Энтонской мельницей управляютъ хорошіе люди, и дѣла тамъ идутъ отлично. Это уже какой-то особенный случай, что у нихъ не хватило рабочихъ рукъ—именно точно на ваше счастье.

Я, конечно, поблагодарилъ, говоря, что если викарій отпуститъ меня, то я отправлюсь въ Энтонъ. Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ мнѣ вовсе не хотѣлось поступать на эту глупую мельницу или вообще приниматься за какія нибудь постоянныя занятія. Однако, я не счелъ нужнымъ утруждать пастора разговорами насчетъ того, что предпочитаю жить на свой ладъ... Послѣ ужина онъ присѣлъ къ письменному столу и написалъ нѣсколько словъ надзирателю, котораго, повидимому, хорошо зналъ. Пока викарій былъ занятъ письмомъ, часы пробили три. — Отправляйтесь туда немедленно, сказалъ онъ,—чтобы прійти на мельницу пораньше. Конечно, вы не будете въ состояніи приняться за работу сейчасъ же, не спавши всю ночь, но можете начать на слѣдующій день. Для васъ очень важно поскорѣе занять мѣсто, пока не явился кто нибудь другой.

Я поблагодарилъ опять и попросилъ викарія указать мнѣ дорогу. Это было сказано съ цѣлью заманить его въ темноту. Онъ вышелъ со мной изъ дому, показалъ мнѣ—въ какую сторону повернуть и простился, какъ съ добрымъ знакомымъ.—Заходите ко мнѣ, пожалуйста; мы съ вами еще потолкуемъ въ болѣе удобное время. — Я поблагодарилъ, распрощался съ нимъ, въ свою очередь, и медленно поплелся по дорогѣ.

Услыхавъ, однако, стукъ запираемой двери, я пустился бѣжать со всѣхъ ногъ. Встрѣчный полицейскій хотѣлъ было задержать меня, но я увернулся отъ него и удралъ. Деревенская улица кончилась; передо мной тянулась пустынная проселочная дорога и мнѣ нечего было бояться. Надо вамъ сказать, что, барахтаясь на полу, когда пасторъ душилъ меня за горло, я замѣтилъ на немъ толстую цѣпочку отъ часовъ и послѣ того тщательно избѣгалъ смотрѣть на нее, но она не шла у меня изъ головы. Во время нашего прощанья въ потемкахъ я воспользовался удобной минутой. Теперь золотые часы викарія вмѣстѣ съ цѣпочкой лежали въ карманѣ моихъ брюкъ, а онъ и не замѣтилъ покражи.

Дорогой я посмѣивался про себя. Пасторъ назвалъ меня пустоголовымъ, нестоющимъ мошенникомъ, не далъ мнѣ ругаться, испортилъ задуманный мною планъ да еще прибавилъ къ этому здоровую потасовку. А въ концѣ-концовъ я все-таки остался въ выигрышѣ, а онъ—въ дуракахъ.

Пока я шелъ, стало понемногу свѣтать, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, на меня напала тоска. Я пересталъ ухмыляться и чѣмъ болѣе раздумывалъ о томъ — какъ ловко удалось мнѣ надуть викарія, тѣмъ больше пропадала у меня охота смѣяться надъ этимъ или надъ чѣмъ бы то ни было. Всякій пустякъ раздражалъ меня. Это было глупо, но я злился на пастора за то, что онъ стоялъ рядомъ со мною въ темнотѣ и придвинулся такъ близко, что далъ мнѣ возможность совершить кражу. Я осыпалъ его всевозможными ругательствами, какія только могъ произнести мой языкъ, и въ то же время сердился на себя неизвѣстно за что, просто здорово живешь. Потомъ на меня напалъ страхъ: то чудилось будто кто-то гонится за мною, то за каждымъ большимъ деревомъ у дороги мерещился полисменъ, готовый схватить меня. Пріятная утренняя прогулка была совсѣмъ испорчена, и я искренно сожалѣлъ теперь о томъ, что викарій не позвалъ полицію, какъ только я попался ему въ лапы.

— Ну, кому нужны его мерзкіе часишки? произнесъ я вслухъ, вынимая изъ кармана украденные часы. Да разрази меня, если я не швырну ихъ сейчасъ же черезъ изгородь, чтобъ развязаться съ ними!

Однако я не бросилъ часовъ. Я старался опомниться и сталъ разсуждать самъ съ собою: ну гдѣ это слыхано, говорилъ я, чтобы кидать добро, стоющее денегъ? Вотъ ужъ скоро и Энтонская станція. Выбрось-ка дурь изъ головы. Но легче разсуждать съ собою, чѣмъ убѣдить себя въ чемъ нибудь противъ воли. Я подвигался впередъ, а помѣшать себѣ думать не могъ. Я сожалѣлъ о томъ—зачѣмъ не получилъ обратно своего револьвера и не застрѣлилъ пастора тутъ же на мѣстѣ. Мнѣ хотѣлось бы никогда не родиться, хотѣлось бы умереть. Чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ больше падалъ духомъ.

Наконецъ, девять миль были пройдены, и я очутился на Энтонской станціи. Постоявъ здѣсь съ минуту, я вдругъ рѣшился и сказалъ: вернусь назадъ и отдамъ проклятые часы викарію.

Когда я подходилъ къ станціи, то чувствовалъ, что усталъ, какъ собака, но какъ только рѣшился, все это прошло, и я шагалъ на обратномъ пути гораздо скорѣе. Солнце сіяло, птицы пѣли; ясное утро сулило рѣдкій, превосходный денекъ. Дорогой мнѣ встрѣчался рабочій людъ, и я здоровался съ нимъ. Я ничего теперь не боялся, и подвернись мнѣ молодецъ моего разбора, я съ удовольствіемъ поколотилъ бы его.

Но едва передо мной выросъ пасторскій домъ, какъ пропалъ весь мой форсъ. Мнѣ предстояло не легкое дѣло, однако я собрался съ духомъ, чтобъ довести его до конца. Викарій позавтракалъ рано и, какъ мнѣ сказали, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, куда позвалъ и меня. Онъ поднялся съ мѣста, когда я входилъ, и стоялъ, заложивъ руки въ карманы, со своей странной улыбкой на лицѣ. Это былъ славный мужчина, хоть куда.

— Добраго утра! сказалъ онъ.—Скоро же вы пожаловали обратно.

Я положилъ часы съ цѣпочкою на столъ.

— Я... я... сдѣлалъ ужасную мерзость и стыжусь самого себя.

— А, произнесъ викарій,—это хорошо! Доброе начало.

Тутъ, какъ выразились бы нѣкоторые люди, онъ завелъ „пасторскія рѣчи“, а я почувствовалъ точно глотаю цѣликомъ крутыя яйца, пока мнѣ стало совсѣмъ не въ моготу...

Часъ спустя я шелъ на Энтонскую мельницу, и викарій со мною.

13-й тиражъ выигрышей листовъ 5% съ выигр. займа госуд. дворянскаго зем. банка 1889 г., произведенный 1-го мая 1896 г.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ листовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ листовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ листовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ листовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ листовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ листовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ листовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ листовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ листовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ листовъ.	Сумма выигрыша.
00018	50	500	01512	10	500	02768	17	500	03989	21	500	05267	35	500	07020	19	500	09218	10	500	11051	6	1000	12927	48	500	14537	30	500
00109	47	500	01513	34	500	02782	22	1000	04056	13	500	05272	11	500	07162	21	500	09258	44	500	11067	21	500	12936	3	500	14559	34	500
00213	50	500	01554	8	500	02795	25	500	04117	25	500	05275	42	500	07310	44	500	09513	36	500	11075	14	1000	12984	40	500	14562	42	500
00252	26	500	01585	6	500	02811	33	500	04162	37	500	05292	9	500	07393	7	1000	09531	37	500	11247	46	500	13107	49	500	14570	11	500
00280	17	500	01632	12	1000	02868	5	500	04267	32	500	05299	46	500	07525	8	500	09539	32	500	11282	19	500	13158	6	500	14578	37	500
00293	22	500	01686	26	500	02897	17	1000	04331	14	500	05316	19	500	07528	44	1000	09566	4	500	11459	1	500	13190	45	1000	14613	30	500
00344	28	500	01701	30	500	02922	10	500	04348	26	500	05325	39	5000	07542	40	500	09614	12	5000	11501	28	500	13227	20	500	14626	6	8000
00363	26	500	01728	2	500	02967	44	500	04371	48	500	05377	25	500	07559	43	1000	09652	46	500	11542	14	8000	13235	24	500	14687	36	500
00465	11	1000	01761	43	500	02986	27	500	04392	44	500	05410	41	500	07575	37	500	09777	17	8000	11554	45	500	13255	27	500	14699	27	500
00512	43	500	01774	2	500	03122	34	500	04418	22	500	05583	34	500	07737	44	500	09815	14	500	11571	24	500	13277	44	500	14706	44	500
00520	42	500	01793	17	500	03154	7	500	04431	12	500	05592	16	500	07739	48	500	09936	29	500	11617	25	5000	13358	19	500	14801	22	500
00527	5	1000	01822	45	500	03157	45	500	04477	43	500	05628	22	500	07740	7	500	09954	12	500	11758	19	5000	13479	20	500	14867	49	75000
00570	18	500	01873	43	500	03174	15	500	04497	4	500	05700	23	500	07788	7	500	09962	4	500	11837	17	500	13503	46	500	14874	40	500
00612	49	8000	01909	18	500	03346	17	500	04682	8	1000	05827	45	10000	07812	44	1000	10049	8	1000	11840	41	500	13579	40	500	14900	37	500
00679	29	500	01963	39	500	03347	23	500	04696	1	500	06007	7	500	07953	7	500	10083	13	500	11988	43	500	13581	36	1000	14911	27	500
00700	26	500	02014	16	500	03362	27	500	04697	1	500	06150	7	500	08077	19	500	10104	12	5000	12066	31	5000	13641	34	500	15006	32	500
00765	22	500	02039	25	500	03407	12	500	04713	3	500	06227	42	500	08090	27	500	10118	39	500	12163	7	500	13743	24	500	15042	26	500
00782	27	25000	02053	15	500	03408	21	500	04744	38	500	06238	29	500	08202	19	500	10271	16	500	12196	32	500	13900	24	500	15143	48	500
00903	46	500	02149	12	40000	03447	43	500	04769	50	1000	06262	15	500	08285	47	500	10431	15	500	12385	9	1000	13945	22	500	15227	36	500
00948	31	10000	02159	16	500	03452	25	500	04789	23	500	06303	9	500	08317	28	500	10476	40	500	12403	36	500	13979	3	500	15259	9	500
00977	11	500	02175	20	500	03534	34	500	04791	23	500	06331	10	1000	08388	42	8000	10627	35	500	12420	7	500	14061	36	500	15370	24	500
01005	12	500	02211	17	500	03601	33	500	04820	9	500	06425	26	500	08398	20	500	10641	19	500	12433	34	500	14202	45	500	15391	29	500
01269	40	500	02233	16	500	03658	48	500	04935	49	500	06498	26	500	08672	9	500	10663	24	500	12594	28	500	14209	36	500	15445	43	500
01297	38	500	02257	40	500	03696	39	500	04937	28	500	06515	33	500	08711	33	500	10707	27	500	12597	36	500	14237	25	500	15668	50	5000
01313	8	500	02388	22	500	03749	33	500	05045	22	500	06545	23	500	08795	42	500	10773	20	500	12665	46	500	14309	43	500	15732	9	500
01349	3	500	02389	43	500	03808	22	500	05178	25	500	06556	17	500	08844	35	500	10802	23	500	12716	32	500	14353	24	500	15819	7	200000
01373	18	500	02498	16	500	03810	9	500	05190	15	500	06941	15	500	08906	46	500	10887	19	500	12773	17	500	14366	25	500	15863	3	500
01392	20	500	02500	10	500	03868	4	500	05200	41	500	06947	3	1000	08953	18	500	10920	48	500	12801	46	500	14407	16	500	15864	39	500
01431	1	500	02711	15	500	03887	17	500	05211	37	500	06993	19	500	09160	24	1000	10942	21	500	12860	38	500	14477	36	10000	15885	7	500
01509	48	500	02712	33	500	03975	6	5000	05245	47	500	07008	36	500	09199	39	500	10962	8	500	12912	26	500	14486	24	500	15913	25	500

Всего 300 выигрышей на сумму 600.000 рублей. Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ конторѣ государственнаго банка, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го августа 1896 года.

Таблица серій закладныхъ съ выигрышами листовъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка 1889 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ совѣтѣ государственнаго банка 1-го мая 1896 г.

НУМЕРА СЕРІЙ:

каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 листовъ, съ № 1-го по № 50-й включительно

00029	00805	01892	03241	03683	04530	05362	05780	07071	08302	09228	10067	11153	14512	15191
00147	00848	02253	03333	03687	04731	05386	06811	07080	08541	09330	10110	12073	14570	15255
00234	01037	02754	03439	03720	04822	05397	06504	07081	09023	09338	10300	12097	14675	15527
00316	01229	02942	03479	04231	04857	05524	06523	07299	09083	09655	10316	12959	14834	15597
00742	01419	03116	03591	04323	05141	05601	06539	07562	09117	09693	10755	13163	15039	15803
00761	01891	03147	03655	04417	05842	05742	06796	07708	09187	09774	11122	14448	15153	15997

Всего 90 серій, составляющихъ 4,500 листовъ, на сумму 585,000 рублей.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 130 руб. за листъ, будетъ производиться съ 1-го августа 1896 г. въ конторахъ и отдѣленіяхъ государственнаго банка.

№ 1423 (19) „Всемірной Иллюстраціи“ сданъ въ пятницу 3-го мая: на городскую почту въ 4 часа дня, московскимъ подписчикамъ въ 2 часа дня и иногороднымъ въ воскресенье, 5-го мая въ 11 час. утра, въ чемъ и имѣются почтовыя расписки.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся: въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.

Дозв. цензурою. СПб. 10-го мая 1896 г. За издателя — редакторъ Э. Д. ГОППЕ. Типографія Эд. Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Я убѣжденъ, что отыскалъ настоящій пунктъ для первоначальной опоры рычага.

Сегодняшній намекъ барона, что его затруднительное финансовое положеніе съ первыхъ же дней набросило тяжелую тѣнь на ихъ отношенія съ женою, былъ очень ясенъ.

И это достаточно понятно.

Баронесса вышла изъ крайней бѣдной семьи: ихъ было пять сестеръ и два брата, причемъ всѣ они, вмѣстѣ съ родителями, должны были жить на доходы съ не особенно большого имѣнія въ нынѣшнее время, когда сельское хозяйство давно уже приноситъ очень мало выгодъ. Между тѣмъ помѣстья, принадлежащія Кардовамъ, составляютъ маіоратъ, такъ что, въ случаѣ смерти мужа, баронессѣ Еленѣ остается только вдовья часть, повидимому очень небольшая, и то, что мужъ успѣетъ отложить въ ея пользу при жизни. Но когда средствъ не хватаетъ на необходимое, то о сбереженіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Еслибъ баронесса и не думала о самой себѣ, то въ этихъ старинныхъ семействахъ очень сильно развито чувство солидарности. Супруга Фрица, безъ сомнѣнія, преданная дочь, добрая сестра, которая щедро помогала бы роднымъ, еслибъ... у ней было что давать. А невозможность помочь — ужасная вещь для великодушныхъ людей; это пытка, въ которой баронесса, конечно, винитъ своего мужа.

Справедливо или нѣтъ — этого я не могу еще сегодня рѣшить.

* * *

Баронъ безъ всякихъ настояній съ моей стороны съ большой откровенностью описалъ мнѣ положеніе своихъ дѣлъ.

У него было бы княжеское богатство, не будь тутъ отчаянно много самыхъ досадныхъ „но“ и „если“. Изъ громадныхъ ежегодныхъ доходовъ отъ здѣшнихъ помѣстій, отъ имѣній на Рюгенѣ, въ Силезіи и процентовъ съ различныхъ неприкосновенныхъ капиталовъ, положенныхъ основателемъ маіората, въ руки Фрица Кардова попадаетъ не больше двухъ третей. Остальное же поглощается кредиторами. Разумѣется, для нашего брата это было бы цѣлымъ состояніемъ, а имъ не хватаетъ, чтобы прожить одинъ годъ согласно своему положенію. Конечно, барскихъ затѣй у нихъ много: обставленный съ княжеской пышностью замокъ Мёлленгофъ съ многочисленнымъ штатомъ прислуги, великолѣпныя конюшни съ извѣстнымъ числомъ упряжныхъ и верховыхъ лошадей, для которыхъ необходимы кучера, жокеи и конюхи, громадный паркъ, дивныя теплицы, требующія найма старшаго садовника съ помощниками и простыми рабочими. На Рюгенѣ есть у барона охотничій замокъ, гдѣ онъ бываетъ, пожалуй, разъ въ годъ, а въ Силезіи третій замокъ, котораго Кардовъ ни разу не видалъ въ глаза. Существуетъ еще сверхъ того домъ на Вильгельмштрассе въ Берлинѣ; тамъ хозяева проводятъ лишь нѣсколько недѣль въ зимній сезонъ, когда баронъ, состоящій въ званіи королевскаго камергера, долженъ присутствовать на придворныхъ празднествахъ. Естественно, такое громадное, сложное хозяйство поглотило бы тысячи и тысячи талеровъ при самомъ образцовомъ и экономномъ управленіи; а Кардовъ говоритъ: „Я не хочу и знать, сколько воруютъ у меня изъ года въ годъ управляющіе моихъ имѣній и смотрителя замковъ“.

Но главной, все ухудшающейся, язвой являются здѣсь долги; въ добавокъ большая часть кредиторовъ барона ростовщики самаго худшаго сорта. Нужно придумать способъ избавиться отъ нихъ и какъ можно скорѣе. Я совѣтую заключить съ ними сдѣлку, на которую они пойдутъ тѣмъ охотнѣе, что не могутъ поддержать своихъ требованій передъ судомъ, не подвергаясь опасному столкновенію съ закономъ. Положимъ нельзя войти въ соглашеніе съ ними, не устроивъ предварительно довольно крупнаго займа, но теперь деньги дешевы, проценты назначаются небольшіе, а капиталъ можно выплачивать постепенно. Во всякомъ случаѣ, такимъ путемъ выяснится денежное положеніе, представляющее теперь совершенную путаницу и грозящее полнымъ разореніемъ.

Я предложилъ барону Фрицу выработать цѣлый планъ, который, для боль-

шей вѣрности, надо представить на разсмотрѣніе одному моему знакомому юристу (я имѣю ввиду Тр. въ Берлинѣ). Кардовъ ужасно благодарилъ меня и обѣщаетъ слушаться во всемъ; я же обѣщаю ему со своей стороны, что не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ его дѣла будутъ урегулированы и устроены.

Тутъ мы дошли до деликатнаго, очень деликатнаго пункта, котораго я осмѣлился коснуться только послѣ долгаго тяжелаго раздумья.

— Конечно, все придуманное нами прекрасно, но то, чего мы съ трудомъ добьемся въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и лѣтъ, можетъ разрушить одна ночь... ночь игры.

Баронъ сильно смутился.

— Я теперь почти совсѣмъ не играю, возразилъ онъ.

— Отлично, отвѣчалъ я.—Однако, много или мало, а ты все-таки играешь, въ чемъ и сознаешься самъ. Вѣдь и пустячная игра легко принимаетъ опасные размѣры. Это даже обыкновенное правило.

Боже мой, въ нашемъ-то захолустьѣ!

— Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго. По крайней мѣрѣ, мнѣ говорили, что Шпехтъ отчаянный и крайне опасный игрокъ.

Я высказалъ это безъ всякой предвзятой мысли, не думая дѣлать никакого намека. Онъ сильно поблѣднѣлъ и бросилъ на меня странный, боязливый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гнѣвный, взглядъ, но тотчасъ отвернулся. У меня тутъ же мелькнуло одно подозрѣніе. Въ Лѣсномъ шинкѣ, вѣроятно, собирались игроки со всего округа. Зачѣмъ баронъ пріѣхалъ на праздникъ стрѣлковъ, которымъ, очевидно, нисколько не интересовался, и почему явился такъ поздно? Съ какой стати Шпехтъ сунулъ свою лисью морду въ ту комнату, гдѣ мы сидѣли за виномъ, и немедленно исчезъ, какъ только увидалъ меня рядомъ съ барономъ? Что, если Фрицъ такъ крѣпко уцѣпился за меня тогда лишь съ цѣлью хоть на одинъ вечеръ ускользнуть отъ своего искусителя, а потомъ, возгордясь своимъ стоицизмомъ, сталъ превозносить азартную игру, какъ великолѣпное наркотическое средство для измученной души?

Эти мысли съ быстротой молніи промелькнули у меня въ головѣ.

Чувствуя, что подобный шагъ могъ навсегда разорвать нашу недавнюю дружбу, я тѣмъ не менѣе сказалъ:

— Фрицъ, толкуютъ, что ты недавно заѣзжалъ въ Лѣсной шинокъ для картежной игры, а Шпехтъ держалъ банкъ.

На этотъ разъ его глаза сверкнули нескрываемымъ гнѣвомъ, я ждалъ жестокой вспышки. Однако, гнѣвная молнія исчезла, и на его прекрасномъ лицѣ появилась смущенная, но ласковая улыбка.

— Будемъ кратки, сказалъ онъ.—Ты хочешь взять съ меня слово, чтобы я больше не игралъ?

— Еслибъ ты могъ его дать!

— Даю!

Онъ протянулъ мнѣ обѣ руки.

Я обнялъ его въ порывѣ радости. Онъ не дурной человѣкъ. „Воля ребенка—воля вѣтра“, говоритъ Лонгфелло. Фрицъ Кардовъ ребенокъ.

* * *

Цѣлыя недѣли не принимался я писать — notabene — свой дневникъ. Но кромѣ этого у меня было вдоволь письменной работы; теперь каждый чиновникъ волей-неволей становится писакой. Какъ я мечталъ когда-то сдѣлаться старшимъ лѣсничимъ, чтобы проводить цѣлые дни съ утра до вечера въ своемъ миломъ лѣсу! Мечталъ о хорошенькомъ домикѣ, обвитомъ снаружи плющемъ, а внутри безъ всякой ненужной роскоши, но со всевозможными пріятными удобствами. Хотѣлось мнѣ завести и небольшое сельское хозяйство, заняться садоводствомъ. На дворѣ въ красивыхъ стойлахъ у меня должны были стоять два ретивыхъ коня, нѣсколько широколобыхъ коровушекъ, домашней птицы quantum satis; само собой разумѣется, намѣревался я держать и собакъ. А въ добавокъ ко

всѣмъ этимъ прелестямъ моя ненаглядная Эльфрида превращалась въ моемъ воображеніи въ сельскую хозяйку par excellence изъ избалованной городской жительницы. Къ довершенію всего нашъ мальчикъ, рѣзвясь въ саду, въ поляхъ и въ лѣсу, долженъ былъ вырости богатыремъ, вродѣ юнаго Зигфрида.

То была мечта.

А дѣйствительность?

Сидѣнье въ комнатѣ, писанье актовъ; какая-то лачуга вмѣсто дома, которую прямо слѣдовало бы срыть, тогда какъ мое разсчетливое правительство велитъ только класть на нее заплаты и спереди и сзади, и внизу и вверху. Можно съ ума сойти отъ одного стука молотковъ и вѣчнаго приколачиванія; потомъ непріятности всякаго рода по хозяйству, которое, я боюсь, далеко не по силамъ моей маленькой женочкѣ; недоразумѣнія въ такомъ же духѣ по должности съ моими лѣсниками,—изъ нихъ одинъ только Амсбергъ дѣйствительно дѣльный человѣкъ, — а теперь дѣло дошло до стычекъ и съ милѣйшимъ старикомъ, окружнымъ лѣсничимъ, потому что онъ рѣшительно не признаетъ предложенной мною новой методы рубки лѣса.

Такъ все и идетъ, какъ черезъ пень колоду валитъ, in infinitum.

* * *

Должно быть, прошлый разъ я былъ сильно не въ духѣ.

Дѣла подвигаются ужъ совсѣмъ не такъ плохо. Особенно непріятности по службѣ я описалъ черезчуръ мрачными красками; несмотря ни на что, я очень люблю свои занятія и не промѣнялъ бы ихъ ни на какія другія, еслибъ даже и могъ. Это и не удивительно, вѣдь я, такъ сказать, чистокровный лѣсничій. Мой домишко тоже становится хоть куда. Когда всѣ починки будутъ готовы (надѣюсь еще до осени), изъ него выйдетъ, положимъ, не дворецъ, но во, всякомъ случаѣ, очень уютное жилище. Даже мой новый питомникъ, въ которомъ сначала я отчаявался, принимаетъ съ каждымъ днемъ при хорошей погодѣ все лучшій и лучшій видъ. Надѣюсь, — со временемъ онъ сдѣлаетъ мнѣ честь.

Ахъ, съ природой еще можно сладить, и она благоразумна. Но люди, люди! Какая невыносимая возня и горе мнѣ, напримѣръ, съ моимъ другомъ Фрицемъ! Составленный мною проектъ объ улучшеніи и упорядоченіи его финансовъ былъ одобренъ моимъ пріятелемъ, берлинскимъ юристомъ; самъ баронъ называетъ его прямо „геніальнымъ“, а между тѣмъ... все остается пока на бумагѣ, какъ шесть недѣль тому назадъ! Но понимаю — какимъ образомъ разсудительный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ человѣкъ, поставленный въ безвыходное положеніе, можетъ противиться спасительнымъ мѣрамъ, точно ему хотятъ причинить величайшее зло? Да, еслибы онъ противился открыто, честно! Съ этимъ еще можно было бы помириться. Но что вы сдѣлаете съ тѣмъ, кто на словахъ согласенъ на все, а на дѣлѣ идетъ вамъ наперекоръ? Уже разъ десять я былъ готовъ махнуть на все рукой и развязаться съ этой обузой. Но тогда Кардовъ опять начиналъ опутывать меня сѣтями своей чарующей любезности, и я снова запрягался въ опостылѣвшее ярмо, утѣшаясь мыслью, что Римъ выстроился не въ одинъ день, и подражая узнику на Салас-и-Гомецъ, который умолялъ о терпѣніи желѣзный сводъ надъ своей головой.

Конечно, Крысоловъ Гамельна увлекалъ за собой дѣтей только своей обоятельной ласковостью, но пожалуй ami Фрицъ перещеголялъ бы его въ этомъ искусствѣ.

Вотъ хоть бы исторія его съ дубомъ.

Вѣдомство государственныхъ имуществъ вело лѣтъ двадцать ожесточенную тяжбу съ баронами Кардовъ, владѣльцами Мелленгофа, изъ-за обладанія холмомъ съ гигантскимъ дубомъ. Каждая сторона считала этотъ клочекъ земли своей собственностью. То былъ очень сложный, спорный вопросъ. Дубъ, отстоящій теперь на сто метровъ отъ лѣса, нѣкогда составлялъ, конечно, нераздѣльную часть послѣдняго, говорила казна. Правда, отвѣчалъ противникъ, но не этого лѣса, а другого; тотъ давно уже пересталъ существовать, потому что

5*

успѣлъ тѣмъ временемъ изъ дубоваго обратиться въ хвойный. Одной изъ моихъ первыхъ работъ на новой должности была экспертиза по этому дѣлу, которое въ теченіе года перебывало, по крайней мѣрѣ, въ двѣнадцати лѣсныхъ академіяхъ. И, о чудо изъ чудесъ! этотъ отзывъ простого лѣсничаго рѣшилъ многолѣтнюю тяжбу! Недѣлю тому назадъ высшая инстанція постановила свой послѣдній приговоръ: холмъ и дубъ должны съ этихъ поръ войти въ составъ наслѣдственныхъ имѣній барона фонъ-Кардовъ. Вѣдомство государственныхъ имуществъ обязано сверхъ того уплатить судебныя издержки, которыя, какъ слышно, составляютъ цѣлое состояніе.

L'ami радуется этому пріобрѣтенію, точно къ его сорока помѣстьямъ прибавилось еще сорокъ; въ особенности же ему пріятно, что новое имущество — ужъ не знаю на какихъ основаніяхъ — не причислено къ маіорату, но предоставлено въ его полное распоряженіе. Баронъ сталъ совѣтоваться съ Эльфридой, для которой холмъ, осѣненный дубомъ, составляетъ любимое мѣсто отдохновенія, и велѣлъ провести, по ея указанію, удобныя дорожки вверхъ и внизъ, а вершину холма обставилъ красивыми скамейками.

Хорошо.

Вчера было рожденіе Эльфриды.

Въ одиннадцать часовъ пріѣзжаетъ баронъ съ Гансомъ. Самъ онъ подноситъ моей женѣ великолѣпный букетъ цвѣтовъ и передаетъ поздравленіе отъ баронесы (должно быть, выдуманное имъ самимъ, потому что онъ пробормоталъ что-то нескладное). Гансъ мило раскланивается и подаетъ „тетѣ Эльфридѣ" большой запечатанный пакетъ; въ немъ лежалъ нотаріальный актъ, въ силу котораго баронъ Фрицъ фонъ-Кардовъ уступалъ за себя и своихъ наслѣдниковъ право на владѣніе холмомъ съ дубомъ (подробно и точно описаннымъ) супругѣ лѣсничаго, Эльфридѣ Бушъ, урожденной Марбахъ, съ единственнымъ условіемъ, чтобы она милостиво разрѣшила названному барону Фрицу и его сыну Гансу, каждому въ отдѣльности, почтительно поцѣловать ея руку.

У Эльфриды достало такта безо всякаго жеманства ласково принять подарокъ, предложенный съ такой сердечностью и представлявшій, по своей стоимости, дѣйствительно, каплю въ морѣ для богатаго человѣка. Меня же онъ уговорилъ потомъ, доказывая, что безъ моего вмѣшательства холмъ съ вѣковымъ дубомъ неминуемо попалъ бы въ ненасытную пасть казны.

Вечеромъ мы сидѣли за бутылкой добраго вина на новыхъ скамейкахъ подъ „Эльфридинымъ дубомъ" и любовались закатомъ солнца, садившагося за Мѣлленгофомъ.

* * *

L'ami бываетъ у насъ теперь чуть не каждый день; засиживается иногда часами. Сначала онъ постоянно бралъ съ собою Ганса, теперь же для мальчика взятъ вмѣсто француженки-гувернантки настоящій гувернеръ, молодой кандидатъ богословія, къ которому Гансъ долженъ привыкать. Мнѣ очень скучно безъ этого славнаго ребенка. Я привязался къ нему, какъ къ родному сыну, и онъ много содѣйствовалъ тому, что между мной и его отцомъ завязалась и укрѣпилась тѣсная дружба.

Фрицъ извиняется, что надоѣдаетъ намъ своими частыми посѣщеніями, но дома онъ боится сойти съ ума. Баронъ охотно поѣхалъ бы путешествовать на долгое время и куда нибудь подальше, еслибъ обстоятельства не удерживали его. Говоря по правдѣ, я не могу понять — въ чемъ тутъ задержка. Полная довѣренность, выданная имъ на мое имя и на имя нашего знакомаго юриста, была бы гораздо полезнѣе его личнаго присутствія здѣсь, которое нерѣдко служитъ только помѣхой. Тѣмъ не менѣе у меня не хватаетъ духу высказать ему это въ глаза. Надо всѣми силами поддерживать въ каждомъ человѣкѣ сознаніе собственной отвѣтственности, которое служитъ лучшей нравственной опорой, гдѣ же его нѣтъ, необходимо стараться разбудить это чувство. Давно ли баронъ вѣчно жаловался съ неподдѣльнымъ отчаяніемъ,

что онъ ни на что не годенъ, безполезенъ и ему лучше всего пустить себѣ пулю въ лобъ.

Собственно я увѣренъ, что Фрицъ обожаетъ свою красавицу-жену, хотя старается тщательно скрыть свою любовь къ ней и втайнѣ страдаетъ отъ холодности этой неприступной женщины.

Боюсь, что она отвернулась отъ него навсегда; кромѣ того, кажется, я ошибался, предполагая раньше, что большая часть вины въ семейныхъ несогласіяхъ падаетъ здѣсь на мужа, а не на жену. Судя по всему, выходитъ наоборотъ. Баронесса не можетъ сомнѣваться въ серьезной рѣшимости Фрица стать другимъ человѣкомъ, исправиться, послѣ нашего серьезнаго разговора съ нею объ этомъ предметѣ. По порученію Кардова я подробно изложилъ ей нашъ финансовый проектъ и, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, въ теплыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ разсказалъ о завязавшейся недавно между нами дружбѣ, которая подаетъ мнѣ несомнѣнныя надежды подчинить его своему вліянію. И что же? Она выслушала меня, не прерывая и не обнаруживая никакихъ знаковъ сочувствія, если не считать иронической улыбки, мелькнувшей раза два у нея на губахъ.

Наконецъ, хотя и обезкураженный на половину, я рѣшился спросить—неужели она не раздѣляетъ моихъ надеждъ.

Отрывистое холодное „нѣтъ" было ея единственнымъ отвѣтомъ.

Аудіенція была кончена. Я поднялся съ мѣста и сказалъ, внутренно возмущенный:

— Значитъ, мнѣ еще разъ приходится убѣдиться на опытѣ, что радость о грѣшникѣ кающемся, которая бываетъ на небесахъ, рѣдко встрѣчается на землѣ даже у тѣхъ, чье серце должно бы открыться для нея.

Баронесса стояла, на половину отвернувшись отъ меня, когда я говорилъ это, и не измѣнила своего положенія, возражая мнѣ:

— Благодарю васъ за благодѣтельный урокъ. Позвольте, однако, напомнить вамъ, въ свою очередь, что смоквъ не собираютъ съ терновника.

— А я слышалъ отъ одного стариннаго друга иное изреченіе, которымъ онъ руководствовался обыкновенно въ жизни:

Твори добро
И бросай его въ море, —
Если рыба не увидитъ этого,
Увидитъ Господь.

Стихи плохи, но философская мысль въ нихъ хороша.

— Совѣтую вамъ получше проникнуться этой философіей: она вамъ понадобится.

Я молча откланялся и поплелся во свояси.

Итакъ, баронесса не хочетъ отклонить гибели отъ своего мужа. Она не соглашается быть со мной заодно, содѣйствовать мнѣ. А это, право, не мѣшало бы ужъ ради ея очаровательнаго сынка, котораго мать, видимо, любитъ ревнивой, страстной любовью.

Трудно разобраться въ подобныхъ противорѣчіяхъ.

* * *

Послѣ нашего знаменательнаго разговора жена Фрица ни разу не переступала порога нашего дома. Это можно было предвидѣть, и Эльфрида нисколько не печалится о потери новаго знакомства. У ней съ первой же встрѣчи явилась непреодолимая антипатія къ баронессѣ; она стала подозрѣвать ее въ чемъ-то и даже бояться, чтобъ я не увлекся красивой сосѣдкой. По этому очень понятно, что такой оборотъ дѣлъ втайнѣ обрадовалъ ее, хотя моя маленькая умница не подаетъ виду, что она довольна.

Но вотъ нѣчто другое менѣе для меня понятно, пожалуй, даже совсѣмъ загадочно: на сколько баронесса отталкивала Эльфриду, на столько съ перваго же раза

очаровала ее г-жа Моэнъ, дѣйствительно, во всѣхъ отношеніяхъ достойная, милая, умная женщина. Какъ часто видѣлись онѣ между собой первыя недѣли первые мѣсяцы! То г-жа Моэнъ у насъ, то Эльфрида у нея! Словомъ, идеальная дружба съ обязательными поцѣлуями при встрѣчѣ и прощаньѣ; новыя подруги сошлись между собой на „ты". Для Эльфриды баронесса была темнымъ фономъ, на которомъ тѣмъ яснѣе выступалъ ясный образъ ея возлюбленной Эмиліи. Но вотъ уже съ нѣкоторыхъ поръ я сталъ замѣчать, что эти свѣтлыя краски начинаютъ тускнѣть; сначала Эльфрида никогда не видѣла пятенъ на своемъ солнцѣ. Надо думать, что г-жа Моэнъ какъ-то вдругъ сдѣлалась капризной, заносчивой; притомъ же ея умъ вѣчно направленъ на практическіе вопросы, она только и умѣетъ толковать объ одномъ хозяйствѣ, вообще скучная и неинтересная собесѣдница.

И какой у г-жи Моэнъ злой языкъ! Она такъ дурно отзывается о своихъ сосѣдяхъ и сосѣдкахъ, а это ужъ окончательно противно Эльфридѣ.

Дамы стали видѣться рѣже, но все-таки бывали одна у другой. Наконецъ, должно быть, произошла катастрофа. Эльфрида цѣлыхъ двѣ недѣли не была въ Брандсгагенѣ, а г-жа Моэнъ не показывалась у насъ.

Моя жена только отмалчивается.

Мнѣ будетъ искренно жаль, если дѣло не ограничится недолгой, временной размолвкой. Я очень уважаю г-жу Моэнъ, и ея общество было единственнымъ подходящимъ рессурсомъ для Эльфриды, такъ какъ съ баронессой онѣ не сошлись.

Я еще надѣюсь разъяснить недоразумѣніе между пріятельницами и примирить ихъ.

Собственно я не имѣю права бранить Эльфриду за то, что она уклоняется отъ женскаго общества. Развѣ я самъ не стою особнякомъ между мужчинами? Конечно, мнѣ не съ кѣмъ было сойтись, но развѣ Эльфрида не можетъ vice versa пожаловаться на то же самое, если г-жа Моэнъ, дѣйствительно, оказалась не такой, какой обѣщала на первыхъ порахъ? Здѣшнее захолустье, право, на доброе полстолѣтіе отстало отъ остальнаго міра въ смыслѣ умственной культуры. О литературныхъ интересахъ нечего и толковать. Здѣсь не занимаются даже музыкой, которая все-таки утѣшаетъ людей за неимѣніемъ другихъ духовныхъ наслажденій. Овидій могъ бы сочинять въ нашемъ медвѣжьемъ углу свои жалобы, которыми я зачитывался на второмъ курсѣ, съ несравненно большимъ жаромъ, чѣмъ въ изгнаніи въ Томи.

Единственно о чемъ еще можно разсуждать съ людьми въ нашемъ околоткѣ — это о политикѣ; точнѣе говоря, было бы можно, еслибъ черезъ десять минутъ разговора вамъ не приходилось колебаться между печальной альтернативой прервать разсужденія или сказать дерзость. До сихъ поръ каждый нѣмецъ любитъ идти за кѣмъ нибудь вслѣдъ. Это недурно и даже имѣетъ свои хорошія стороны, когда вытекаетъ изъ честнаго убѣжденія, а не изъ инстинкта стадности, который машинально увлекаетъ людей, точно безсмысленныхъ животныхъ, заставляя ихъ пѣть съ чужого голоса и безсознательно подражать вожакамъ. О, тогда это нѣмецкое свойство солидарности становится ужаснымъ и можетъ довести до отчаянія мыслящаго человѣка, всякую личность, для которой говорить и поступать противъ совѣсти значитъ грѣшить противъ Духа Святого, которая носитъ въ себѣ правду и внутреннее сознаніе, которой пріятно соглашаться съ мнѣніемъ общества, что не мѣшаетъ ей, однако, въ сомнительномъ случаѣ прибѣгать къ закону, живущему въ ея душѣ.

* * *

Я подозрѣваю, что г-жа Моэнъ намекнула Эльфридѣ на слишкомъ частые визиты барона въ нашъ домъ и больно задѣла этимъ мою жену съ ея чуткимъ сердцемъ, чистымъ, какъ лоно водъ.

Фрицъ нравится Эльфридѣ, что совершенно ясно, какъ и то, что онъ питаетъ къ ней взаимное расположеніе. Да и какому мужчинѣ не понравится

Эльфрида! Съ ея миніатюрной фигуркой сильфиды, съ легкостью движеній, съ веселымъ смѣхомъ, невинной болтовней, забавными выходками она воплощенная прелесть и грація. А l'ami Фрицъ? Что онъ не святой, объ этомъ мы и сами знаемъ, но онъ джентльменъ, а этого качества, почтенная г-жа Моэнъ, вы, пожалуй, не съумѣли оцѣнить по достоинству. Между тѣмъ джентльменъ, видите ли, можетъ ежедневно видаться съ женой своего друга, — настоящаго друга, понимаете ли? — ходить съ ней гулять, подносить ей букеты, а при случаѣ подарить ей даже цѣлый большой дубъ, не требуя ничего взамѣнъ кромѣ ея дружбы.

Вы этому не вѣрите? Очень грустно для меня; однако ваше недовѣріе не можетъ измѣнить ни на іоту моего мнѣнія о баронѣ или моихъ отношеній къ нему. Я буду попрежнему называть его своимъ другомъ и принимать у себя въ домѣ, который, между прочимъ, сталъ преуютнымъ, въ чемъ вы могли бы убѣдиться, еслибъ удостоили посѣтить насъ опять.

* * *

Теперь я слышу и съ другихъ сторонъ — т. е. люди увѣряютъ, что слышали это отъ кого-то, а сами не говорили ничего — честное слово, нѣтъ! Итакъ, я слышу, что наша близкая дружба съ барономъ возбуждаетъ въ околоткѣ неблагопріятные толки; въ особенности не понравилось сосѣдямъ, что Фрицъ подарилъ Эльфридѣ дубъ. Это ихъ просто взорвало. Чортъ побери всѣхъ сплетниковъ и шпіоновъ! Сначала они доведутъ человѣка до одури своимъ скучнымъ обществомъ, своей тупостью, такъ что будешь готовъ хоть камень на шею да въ воду. А когда явится кто нибудь, съ кѣмъ пріятно провести время, кто прогоняетъ отъ васъ скуку убійственнаго однообразія своимъ милымъ характеромъ, тонкимъ тактомъ, разнообразными талантами, тутъ опять выходитъ нехорошо; это противорѣчитъ нравственности, приличію, можетъ повредить доброму имени! Повторяю еще разъ: чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ!

* * *

То, что я написалъ третьяго дня про убійственное однообразіе существованія, оказалось пустою фразой и даже низкой неблагодарностью, едва только я трезво взглянулъ на дѣло. Теперь, когда лѣто идетъ къ концу и мнѣ можно безпристрастно оглянуться на пережитое здѣсь въ совокупности, я долженъ сознаться, что не помню въ своей жизни періода времени, болѣе богатаго содержаніемъ, болѣе прекраснаго. Правда, я работалъ за двоихъ, но зато какъ великолѣпно спорилась у меня работа! Въ какомъ видѣ принялъ я свой участокъ! А теперь его не узнать! Старыя канавы исправлены, прорыты новыя, болотистыя мѣста осушены; буквально отвратительныя дороги стали теперь чистенькими и гладкими, въ лѣсу на каждомъ шагу виденъ порядокъ, заботливыя улучшенія; мой питомникъ сдѣлалъ бы честь академіи. Королевская дача находится въ такихъ условіяхъ, которыя удовлетворяютъ хотя умѣреннымъ требованіямъ; мои лѣсники, несмотря на мой педантизмъ въ служебныхъ дѣлахъ, сдѣлались исполнительными и услужливыми надиво, такъ что мой добрый старый начальникъ всякій разъ, пріѣзжая сюда, потираетъ отъ удовольствія свои бѣлыя пухлыя руки. Ай да лѣсничій!

Ну, а его другъ?

L'ami можетъ быть доволенъ мною. Тачка, застрявшая такъ глубоко, начинаетъ подаваться; не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ все будетъ гладко и чисто, точно мои лѣсныя дороги.

Ну а что же скажетъ pater familias?

Нашъ Бернгардтъ поправляется на удивленіе въ душистомъ воздухѣ нашего сада, въ мягкой атмосферѣ лѣса, и маленькая женщина тревожно спрашиваетъ меня теперь: не ошибается ли она на этотъ счетъ, не обманываютъ ли ее глаза?

— Нѣтъ, сударыня, клянусь честью лѣсничаго и вѣрностью, которую я обѣщалъ вамъ передъ алтаремъ, это, дѣйствительно, и несомнѣнно такъ и есть! Въ качествѣ самой стройной изъ стройныхъ вы можете еще плясать каждую ночь при лунномъ свѣтѣ съ прочими эльфами, можете даже, не краснѣя, выслушивать отъ прекраснѣйшихъ сказочныхъ принцевъ самыя пламенныя признанія въ любви.

— Ну, поди ты! Съ тобой нельзя говорить серьезно.

— Между тѣмъ я слыву черезчуръ серьезнымъ человѣкомъ. Но вѣдь вы знаете. Desipere in loco.

Это еще что такое?

— Нельзя неизмѣнно быть серьезнымъ. Понимаете ли вы это, madame?

* * *

Зачѣмъ прекрасный вчерашній вечеръ кончился такъ печально?

У насъ былъ мой начальникъ, пожелавшій лично осмотрѣть заодно со мною мѣсто предстоящей рубки лѣса, которая должна начаться въ скоромъ времени. Цѣлый день мы были на ногахъ; вернулись домой только къ тремъ часамъ; пообѣдали (обѣдъ былъ превосходный — Мале отличное пріобрѣтеніе!); послѣ стола старикъ удалился на часокъ отдохнуть; потомъ мы пили въ саду кофе, къ которому подоспѣлъ и Фрицъ. Баронъ давно знакомъ съ окружнымъ лѣсничимъ, и они очень благоволятъ другъ къ другу. Въ семь часовъ мой начальникъ хотѣлъ уѣхать, но вечеръ былъ такъ хорошъ, что мы упросили добраго старика остаться съ нами еще часокъ, чтобы провести это время въ лѣсу. Намъ было удобно проводить его довольно далеко, до самаго Лѣсного озера, котораго онъ, конечно, никогда не видалъ въ его вечерней красѣ. Почтенному гостю очевидно было пріятно въ нашемъ обществѣ, потому что онъ тотчасъ согласился. Двѣ бутылки вина и маленькая закуска были наскоро уложены въ корзину, и мы отправились ни болѣе, ни менѣе какъ въ трехъ экипажахъ. Экипажъ Фрица ѣхалъ пустымъ, такъ какъ я сѣлъ съ моимъ начальникомъ, а баронъ ѣхалъ съ Эльфридой въ моемъ фаэтонѣ. Я выбралъ южную часть озера, которая соединяется съ сѣверной широкимъ каналомъ; черезъ послѣдній переброшенъ мостъ для удобства проѣзда по шоссе. Эльфрида находитъ это мѣстечко романическимъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь, въ еловомъ лѣсу, берегъ суше, чѣмъ за озеромъ; ради безопасности мы запаслись еще двумя пледами и одѣялами. Я приказалъ остановить лошадей у моста, откуда озеро видно на на всемъ протяженіи, вправо и влѣво. Потомъ экипажи отъѣхали шаговъ на двѣсти дальше, къ домику лѣсника; тамъ они должны были дожидаться нашего возвращенія, мы же снова повернули въ лѣсъ. За нами, неся одѣяла и корзину, слѣдовали двое мальчиковъ, сыновья Амсберга, которые тотчасъ прибѣжали, завидѣвъ экипажи на мосту.

Подвигаясь по западному краю озера, мы скоро достигли мѣстечка, которое я имѣлъ въ виду, какъ необыкновенно подходящее для нашего отдыха. То была маленькая прогалина, доходившая до самаго берега, довольно возвышеннаго въ этомъ пунктѣ, и отлого поднимавшаяся къ лѣсу, осѣненная высокими вершинами нѣсколькихъ особенно красивыхъ и стройныхъ сосенъ. Пледы были совсѣмъ излишними на сухой, еще горячей отъ солнца, почвѣ, покрытой мхомъ и хвойными иглами; однако, мы все же разостлали ихъ, распаковали корзину и принялись угощаться.

Ахъ, какой это былъ дивный вечеръ! Мы сидѣли спиной къ солнцу, которое освѣщало стѣну деревьевъ по ту сторону озера, заставляя здѣсь вспыхивать яркимъ пламенемъ стволъ, тамъ выдавшуюся вѣтку, набрасывая на темную массу зелени золотистую сѣть своихъ лучей; у нашихъ ногъ разстилалось черное зеркало озера, еще усиливая мистическое очарованіе картины. Когда нашъ разговоръ умолкалъ, мы могли слышать голосъ чернаго дрозда; сидя на высокомъ сосѣднемъ деревѣ, онъ неутомимо заливался своей вечерней пѣсенкой,

— Нѣтъ, сударыня, клянусь честью лѣсничаго и вѣрностью, которую я обѣщалъ вамъ передъ алтаремъ, это, дѣйствительно, и несомнѣнно такъ и есть! Въ качествѣ самой стройной изъ стройныхъ вы можете еще плясать каждую ночь при лунномъ свѣтѣ съ прочими эльфами, можете даже, не краснѣя, выслушивать отъ прекраснѣйшихъ сказочныхъ принцевъ самыя пламенныя признанія въ любви.

— Ну, поди ты! Съ тобой нельзя говорить серьезно.

— Между тѣмъ я слыву черезчуръ серьезнымъ человѣкомъ. Но вѣдь вы знаете. Desipere in loco.

Это еще что такое?

— Нельзя неизмѣнно быть серьезнымъ. Понимаете ли вы это, madame?

* * *

Зачѣмъ прекрасный вчерашній вечеръ кончился такъ печально?

У насъ былъ мой начальникъ, пожелавшій лично осмотрѣть заодно со мною мѣсто предстоящей рубки лѣса, которая должна начаться въ скоромъ времени. Цѣлый день мы были на ногахъ; вернулись домой только къ тремъ часамъ; пообѣдали (обѣдъ былъ превосходный — Мале отличное пріобрѣтеніе!); послѣ стола старикъ удалился на часокъ отдохнуть; потомъ мы пили въ саду кофе, къ которому подоспѣлъ и Фрицъ. Баронъ давно знакомъ съ окружнымъ лѣсничимъ, и они очень благоволятъ другъ къ другу. Въ семь часовъ мой начальникъ хотѣлъ уѣхать, но вечеръ былъ такъ хорошъ, что мы упросили добраго старика остаться съ нами еще часокъ, чтобы провести это время въ лѣсу. Намъ было удобно проводить его довольно далеко, до самаго Лѣсного озера, котораго онъ, конечно, никогда не видалъ въ его вечерней красѣ. Почтенному гостю очевидно было пріятно въ нашемъ обществѣ, потому что онъ тотчасъ согласился. Двѣ бутылки вина и маленькая закуска были наскоро уложены въ корзину, и мы отправились ни болѣе, ни менѣе какъ въ трехъ экипажахъ. Экипажъ Фрица ѣхалъ пустымъ, такъ какъ я сѣлъ съ моимъ начальникомъ, а баронъ ѣхалъ съ Эльфридой въ моемъ фаэтонѣ. Я выбралъ южную часть озера, которая соединяется съ сѣверной широкимъ каналомъ; черезъ послѣдній переброшенъ мостъ для удобства проѣзда по шоссе. Эльфрида находитъ это мѣстечко романическимъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь, въ еловомъ лѣсу, берегъ суше, чѣмъ за озеромъ; ради безопасности мы запаслись еще двумя пледами и одѣялами. Я приказалъ остановить лошадей у моста, откуда озеро видно на на всемъ протяженіи, вправо и влѣво. Потомъ экипажи отъѣхали шаговъ на двѣсти дальше, къ домику лѣсника; тамъ они должны были дожидаться нашего возвращенія, мы же снова повернули въ лѣсъ. За нами, неся одѣяла и корзину, слѣдовали двое мальчиковъ, сыновья Амсберга, которые тотчасъ прибѣжали, завидѣвъ экипажи на мосту.

Подвигаясь по западному краю озера, мы скоро достигли мѣстечка, которое я имѣлъ въ виду, какъ необыкновенно подходящее для нашего отдыха. То была маленькая прогалина, доходившая до самаго берега, довольно возвышеннаго въ этомъ пунктѣ, и отлого поднимавшаяся къ лѣсу, осѣненная высокими вершинами нѣсколькихъ особенно красивыхъ и стройныхъ сосенъ. Пледы были совсѣмъ излишними на сухой, еще горячей отъ солнца, почвѣ, покрытой мхомъ и хвойными иглами; однако, мы все же разостлали ихъ, распаковали корзину и принялись угощаться.

Ахъ, какой это былъ дивный вечеръ! Мы сидѣли спиной къ солнцу, которое освѣщало стѣну деревьевъ по ту сторону озера, заставляя здѣсь вспыхивать яркимъ пламенемъ стволъ, тамъ выдавшуюся вѣтку, набрасывая на темную массу зелени золотистую сѣть своихъ лучей; у нашихъ ногъ разстилалось черное зеркало озера, еще усиливая мистическое очарованіе картины. Когда нашъ разговоръ умолкалъ, мы могли слышать голосъ чернаго дрозда; сидя на высокомъ сосѣднемъ деревѣ, онъ неутомимо заливался своей вечерней пѣсенкой,

№ 1425. Годъ XXVIII.] 18-го мая 1896 г. [**Томъ LV. № 21.**

При этомъ, 1425, нумерѣ »Всемірной Иллюстраціи« слѣдуютъ: **Литературное приложеніе**, содержащее въ себѣ: 1) »Грамматическая сказка«, очеркъ К. К. Случевскаго (съ иллюстраціями). 2) »Самъ себѣ судья«, романъ Фридриха Шпильгагена (6-й листъ). 3) »Пробужденіе Амура«, картина Л. Перро, и 4) »Въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Ч. I. Листы 1 и 2. Ч. II. Листы 1 и 2.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

ТЕКСТЪ

РИСУНКИ

ШАХМАТЫ

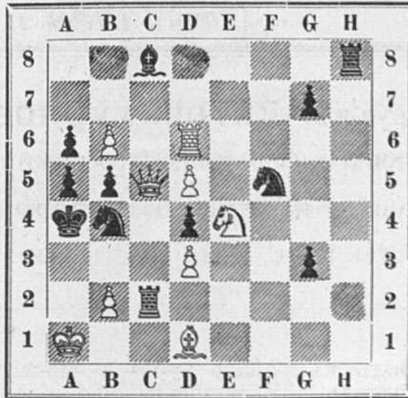
подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1878

H. v. Gottschall.

Изъ конкурсныхъ задачъ „Münchener Neuesten Nachrichten“.

Черные

Бѣлые

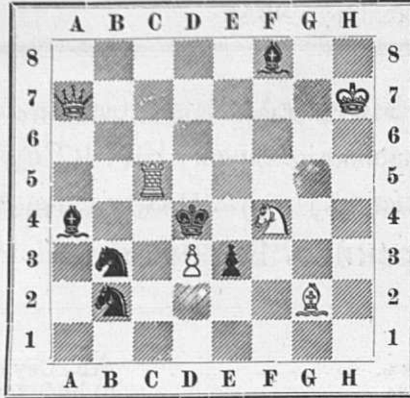
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1879

E. Hoffmann.

Изъ „Deutsche Schachzeitung“.

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 1169

Играна по консультаціи въ московскомъ шахматномъ кружкѣ въ февралѣ 1896 года.

Гамбитъ Эванса

	Гг. Ливицкій и Павловъ Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.
1.	e2—e4	e7—e5
2.	К g1—f3	К b8—c6
3.	С f1—c4	С f8—c5
4.	b2—b4	С c5 : b4
5.	c2—c3	С b4—a5
6.	0—0	d7—d6
7.	d2—d4	e5 : d4
8.	c3 : d4	К g8—f6
9.	Ф d1—a4	С c8—d7
10.	d4—d5	К c6—e5
11.	Ф a4 : a5	К e5 : c4
12.	Ф a5—b4	К c4—b6
13.	a2—a4	c7—c5 *a)*
14.	Ф b4—b3	Ф d8—c7
15.	К b1—d2 *b)*	0—0
16.	С c1—b2	К f6—h5
17.	a4—a5	К b6—c8
18.	e4—e5	b7—b5
19.	Ф b3—e3	f7—f5
20.	Л f1—c1	Ф c7—b7
21.	e5 : d6	c5—c4
22.	К d2—b3	f5—f4 *c)*
23.	Ф e3—d4 *d)*	К c8 : d6
24.	Ф d4—e5	К d6—f5
25.	К b3—c5	Ф b7—c8
26.	К c5—e6	С d7 : e6
27.	d5 : e6	Ф c8—e8
28.	Л c1—d1? *e)*	b5—b4
29.	Ф e5—d5	Л a8—c8
30.	e6—e7†? *f)*	Л f8—f7
31.	Л d1—e1	c4—c3
32.	С b2—c1	Кр g8—h8
33.	g2—g4	f4 : g3
34.	h2 : g3	Л f7 : e7
35.	С c1—g5	Ф e8—d7
36.	Ф d5—b3	Л e7 : e1†
37.	Л a1 : e1	h7—h6
38.	К f3—e5	Ф d7—b7
39.	Ф b3—e6	К f5—d4 *g)*
40.	Ф e6—g4 *h)*	h6 : g5
41.	К e5—g6†	Кр h8—g8
42.	К g6—e7†	Кр g8—f8 *i)*
43.	К e7—g6†	Кр f8—f7
44.	Л e1—e7† *k)*	Ф b7 : e7
45.	К g6 : e7	c3—c2
46.	К e7 : c8	c2—c1Ф†
47.	Кр g1—h2	Ф c1—c5
48.	Ф g4 : h5†	Кр f7—f6
49.	Ф h5—e8	К d4—e6
50.	Кр h2—g2	b4—b3
51.	К c8 : a7	Ф c5—d5†
52.	Кр g2—h2	Ф d5—f3
53.	К a7—c6	Ф f3 : f2†
54.	Кр h2—h1	Ф f2—f1†
55.	Кр h1—h2	Ф f1—e2†

Бѣлые сдались. *l)*

Примѣчаніе къ партіи.

a) Въ партіяхъ, игранныхъ противъ М. И. Чигорина, В. Стейницъ игралъ здѣсь 13... a7—a5.

b) М. И. Чигоринъ указываетъ здѣсь слѣдующее, болѣе выгодное для бѣлыхъ, продолженіе: 15. a4—a5, К b6—c8; 16. С c1—b2, К f6—h5 (16... К f6 : e4; 17. Л f1—e1; или 16... К f6—g4; 17. С b2 : g7. Не хорошо также допускать сдвоеніе пѣшекъ, оставаясь конемъ на f6); 17. К f3—d2!, послѣ чего бѣлые, угрожая 18. Ф b3—f3, пріобрѣтаютъ очень сильную аттаку.

c) На 22... c4 : b3, очевидно, послѣдовало бы 23. Л c1—c7 съ выгодой для бѣлыхъ.

d) Ходъ 23. Ф e3—e5, указанный В. Стейницемъ по окончаніи партіи, долженъ былъ по его мнѣнію привести бѣлыхъ къ выигрышу. Напримѣръ: 23... Л f8—f5, 24. К b3—c5, Л f5 : e5; 25. К c5 : b7, Л f5 : d5 (25... Л e5—e2; 26. С b2—d4, затѣмъ 27. К f3—e5 и т. д.); 26. Л c1—d1, Л d5 : d1; 27. Л a1 : d1, a7—a6; 28. К b7—c5, Л a8—a7; 29. К f3—e5, К h5—f6; 30. С b2—d4! и если 30... К c8 : d6, то 31. К c5 : d7, Л a7 : d7; 32. К e5 : d7, К f6 : d7; 33. С d4—a1 и бѣлые, выигрывая коня, остаются съ лишней ладьей. Или: 23... С d7—f5, 24. К b3—d4!, Ф b7—f7; 25. К d4—e6 и черные должны отдать качество, такъ какъ на 25... Л f8—e8? могло бы послѣдовать 26. d6—d7!, брать же коня слономъ, конечно, еще хуже.

e) Здѣсь слѣдовало играть 28. С b2—a3!, задерживая пѣшку b черныхъ, и затѣмъ 29. Л c1—e1, послѣ чего у бѣлыхъ была бы очень сильная проходная пѣшка на линіи e.

f) Повидимому, нѣсколько преждевременно; бѣлые должны проиграть пѣшку e.

g) Если 39... h6 : g5?, то 40. К e5—f7+, Кр h8—h7 (40... Кр h8—g8; 41. К f7 : g5+, Кр g8—f8; 42. К g5—h7×); 41. К f7—g5+ и т. д.—ничья.

h) На 40. Ф e6—g6, вѣроятно, послѣдовало бы 40... К d4—f3+.

i) Если 42... Кр g8—f7, то 43. Ф g4 : h5+ и ничья бѣлымъ обезпечена.

k) Если 44. Ф g4 : h5, то 44... К d4—f3+ и если 45. Ф h5 : f3, Ф b7 : f3; 46. К g6—e5+ и 47. К e5 : f3, то 47... c3—c2; 48. Л e1—c1, b4—b3 и черные должны выиграть.

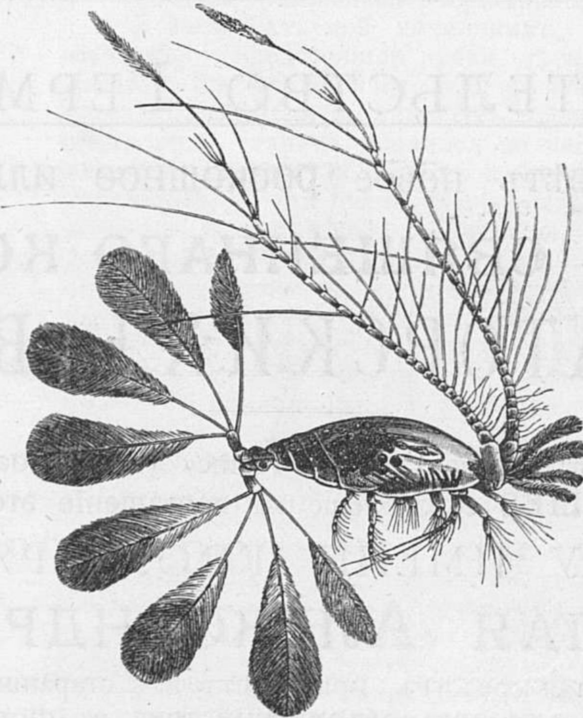
l) Если 56. Кр h2—h3, то 56... g5—g4+ (или 56... К e6—f4+, выигрывая ферзя); 57. Кр h3—h4, g7—g5+; 58. Кр h4—h5, К e6—g7+; 59. Кр h5—h6, Ф e2—h2+ и въ слѣдующій ходъ матъ; если же 56. Кр h2—g1, то 56... b3—b2 и бѣлые не могутъ задержать пѣшку.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ №№ 1393, 1394 и 1395.

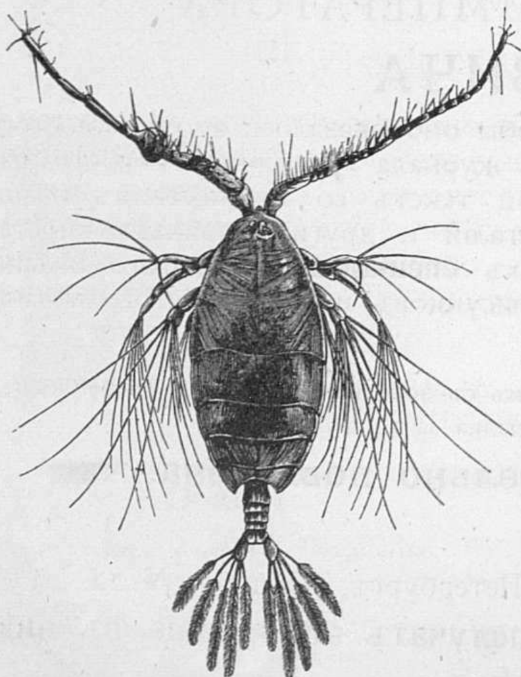
№ 1818 *S. Steiner.* 1. Ф g7—f6 (угрожая 2. Ф f6 : f5 и 3. Ф f5—e4 или d3 ×. На h8 не должно быть никакой фигуры), Л e6 : f6 (1... Л e6 : e5 или ∞; 2. Ф f6—b6× или 2. e5—e6×); 2. Кр f3—e2 и 3. К e1—f3×. *(Вар. a)* 1... К a1 ∞; 2. К e1—c2† и 3. Ф f6—f5×.

Летучіе рачки

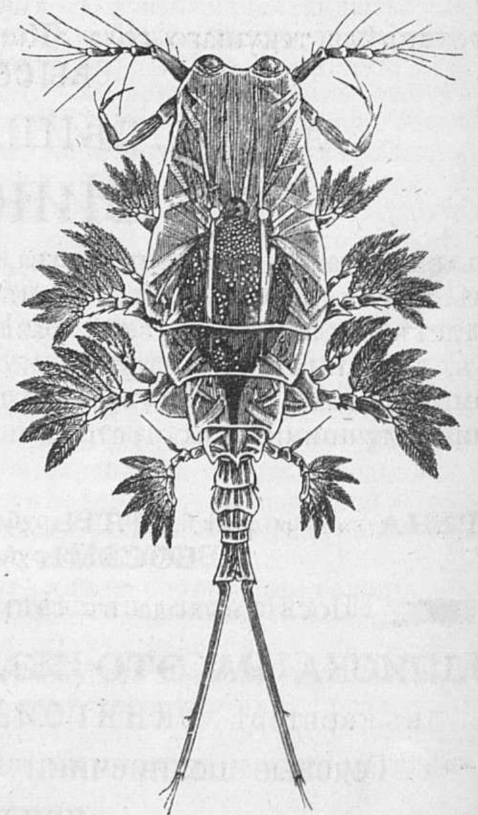
Директоръ нашей морской зоологической станціи въ Севастополѣ, докторъ Остроумовъ, лѣтомъ 1894 года, совершалъ объѣздъ въ лодкѣ, вдоль берега крымскаго полуострова. Во время этой поѣздки, однажды утромъ, при совершенно тихой и ясной погодѣ, онъ увидѣлъ надъ поверхностью воды тучи порхающихъ мелкихъ существъ, которыхъ съ перваго взгляда можно было принять за комаровъ или мошекъ. Приблизившись къ этимъ порхающимъ стайкамъ докторъ остановился и сталъ внимательно наблюдать за ними. Самъ онъ, его сынъ и служитель станціи могли слѣдить за полетомъ этихъ „мошекъ“. Каждое изъ этихъ существъ сначало останавливалось на поверхности воды, принимая какъ бы какую-то особую, благопріятную для взлета позу, какъ бы собираясь съ силами, потомъ дѣлало скачекъ, поднималось на воздухъ и, описавъ пологую дугу, снова падало и исчезало въ водѣ. Немедленно же было поймано нѣсколько штукъ этихъ воздухоплавателей и разсмотрѣно въ лупу. Къ величайшему изумленію ученаго доктора, эти „мошки“ оказались крошечными рачками, морскими животными, принадлежавшими къ классу ракообразныхъ. При большомъ увеличеніи, подъ микроскопомъ эти рачки имѣли самый причудливый видъ. Такъ у calocalanus pavo, очень обыкновеннымъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря на концѣ почти прозрачнаго брюшка оказалось восемь золотистожелтыхъ, симметрично расположенныхъ перышекъ. У другого рачка, Pontellina plumata обозначились цѣлые вѣера изъ перьевъ кирпичнокраснаго цвѣта, на концѣ заднихъ четырехъ паръ лапокъ. Лапки у Copilia vitrea имѣютъ на концахъ цѣлые снопы волосковъ, а на хвостѣ двѣ группы, каждая изъ 5 перышекъ; само животное синяго цвѣта, а перышки—оранжеваго. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти странные рачки совершаютъ свои полеты по воздуху, съ помощью этихъ перообразныхъ придатковъ. Докторъ Остроумовъ полагаетъ, что летъ рачковъ совпадаетъ со временемъ перемѣны наружныхъ покрововъ (линянія), которому подвержены эти животныя; усиленныя движенія при взлетѣ должны помогать разрыву стараго покрова и его сбрасыванію. Какими только средствами не располагаетъ природа, снабжающая всевозможныхъ живыхъ тварей этими средствами для передвиженія въ воздухѣ; быть можетъ, намъ до сихъ поръ еще извѣстны далеко не всѣ эти средства и дальнѣйшія точныя наблюденія натуралистовъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, дадутъ намъ ключъ къ разрѣшенію нашей вѣковѣчной задачи воздухоплаванія.“

Calocalanus pavo. Увеличено въ 20 разъ противъ натур. велич.

Pontellina plumata. Увеличено въ 30 разъ противъ натур. велич.

Copilia vitrea. Увеличено въ 20 разъ противъ натур. велич.

Всемірная Иллюстрація

№ 1425. Годъ XXVIII. 18-го мая 1896 г. Томъ LV. № 21.

Н. Никинъ 96.

У моря въ Генуѣ

редъ этой ширью необъятной
О, какъ душа восхищена!
Она и грусти непонятной,
И тихой радости полна.

О, слово немощное наше,
Какъ бѣдно ты!.. И тѣмъ беднѣй,
Чѣмъ Божій міръ предъ нами краше
И чѣмъ мы чувствуемъ живѣй.

Въ тоскѣ, въ томленіи безсилья
Предъ несказанной красотой
Хотѣлось бы расправить крылья
И утонуть въ лазури той.

Генуя. 30-го сентября 1895 г.

К. Р.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Съ нынѣшняго (1425-го) нумера »Всемірной Иллюстраціи« мы начинаемъ прилагать отдѣльные листы нашего роскошнаго изданія подъ заглавіемъ »Въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 1896 г.«. Получивъ Высочайшее соизволеніе на посвященіе этого изданія Августѣйшему Имени Государя Императора Николая Александровича, мы приняли всѣ мѣры, чтобы оно оказалось истинно достойнымъ высокаго Имени, его украшающаго. Еще до начала торжествъ мы отправили въ Москву цѣлый штатъ художниковъ, съ К. О. Брожемъ во главѣ, для иллюстрированія выдающихся моментовъ коронаціонныхъ торжествъ, а равно мы пригласили съ тою же цѣлью и нѣсколько лучшихъ московскихъ фотографовъ.

Богато иллюстрированное изданіе наше »Въ память Священнаго Коронованія« будетъ появляться въ приложеніи къ каждому нумеру »Всемірной Иллюстраціи« листами, по мѣрѣ накопленія матеріала. Оно раздѣлено на двѣ части. Первая будетъ заключать въ себѣ: 1) »14-го мая 1896 г.«, стихотвореніе К. К Случевскаго. 2) »Царское вѣнчаніе въ до-Петровской Руси«, очеркъ Е. Е. Голубинскаго. 3) »Коронованіе императоровъ русскихъ« (до Императора Александра III включительно), очеркъ И. Н. Божерянова. 4) »Царскія и императорскія регаліи, утвари, одежды и проч.«, очеркъ М. И. Пыляева. 5) »Мѣста коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ«, очеркъ М. Б—скаго. Вторая часть, посвященная Священному Коронованію Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, представитъ полную живую картину этого великаго событія. Ради выигрыша времени и, разумѣется, въ интересахъ подписчиковъ »Всемірной Иллюстраціи«, къ каждому нумеру журнала будутъ прилагаться одновременно листы 1-й и 2-й части.

12 (24)-го мая 1896 г.

Москва ликуетъ. По словамъ очевидцевъ, нѣтъ словъ для описанія ея великолѣпія и нельзя передать настроенія, охватившаго жителей первопрестольной столицы съ 9-го мая — съ того приснопамятнаго для Москвы дня, когда состоялся торжественный Царскій въѣздъ въ Кремль. Блистательныя картины, какъ въ панорамѣ, смѣняли одна другую въ продолженіе болѣе получаса. Подъемъ духа былъ необыкновенный. На другой день, по пріѣздѣ всѣхъ Высочайшихъ особъ и приглашенныхъ принцевъ, былъ сервированъ завтракъ на сто восемьдесятъ приборовъ въ Петровскомъ дворцѣ, а вечеромъ Ихъ Императорскія Величества и Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ и великою княжною Ольгою Александровною переѣхали въ Нескучный Александровскій дворецъ. 11-го мая Ихъ Величествамъ представлялись въ Большомъ кремлевскомъ дворцѣ чрезвычайныя посольства: французское, испанское, японское и корейское. Наконецъ, началось торжественное объявленіе герольдами дня Священнаго Коронованія.

Величію мирнаго и высокознаменительнаго событія, совершающагося нынѣ въ Москвѣ, въ этомъ средоточіи земли русской, отвѣчаетъ сравнительно мирное настроеніе европейскаго „концерта“.

Сербско-венгерское столкновеніе, которому, повидимому, суждено еще занимать собою умы Сербіи и Венгріи и которое встрѣтило весьма шумный откликъ въ засѣданіи венгерской палаты депутатовъ, съ другой стороны нашло себѣ противовѣсъ въ братаніи сербовъ съ болгарами. Болгары посѣтили Бѣлградъ, а нынѣ сербы отдаютъ визитъ въ Софіи. Избранная софійской думой коммиссія приготовила сербскимъ гостямъ торжественную встрѣчу. Манифестація имѣла, разумѣется, глубоко мирный характеръ. Началась она прибытіемъ двадцати сербскихъ журналистовъ всѣхъ партій, и ораторы, привѣтствовавшіе другъ друга на вокзалѣ, выразили радость по случаю единенія славянъ подъ могучимъ покровительствомъ Россіи.

На Критѣ, этомъ классическомъ островѣ безпорядковъ, началось волненіе изъ-за того, что было отсрочено открытіе мѣстнаго народнаго собранія. Есть, однако, предположеніе, что шайки возставшихъ критянъ снаряжены на англійскія деньги, и онѣ же, можетъ быть, послужатъ предлогомъ къ возбужденію „критскаго вопроса“, какъ только въ Лондонѣ признаютъ своевременнымъ захватить эту важную стратегическую позицію на Средиземномъ морѣ. Генералъ-губернаторъ острова, Турханъ-паша, не могъ умиротворить критянъ ни силою (они дали ему отпоръ), ни уступками (они ему не повѣрили). Султанъ потребовалъ къ себѣ греческаго патріарха, чтобы побудить его оказать успокоительное дѣйствіе на умы Крита, гдѣ, по свѣдѣніямъ изъ Константинополя, нѣсколько турецкихъ отрядовъ потерпѣло уронъ и положеніе дѣлъ становится болѣе и болѣе серьезнымъ.

Для англичанъ послѣднія извѣстія изъ Судана неутѣшительны. Оказывается, что при недавнемъ столкновеніи египетскихъ войскъ съ дервишами подъ Акашехомъ побѣда была одержана не египтянами. Полковникъ Эгертонъ съ полкомъ отплылъ уже изъ Бомбая въ Суакимъ. Остальныя силы индійскаго отряда садятся на суда.

На дальнемъ Востокѣ лордъ англійскаго адмиралтейства Спенсеръ, ознакомившись съ японскими военными судами и средствами веденія войны, на случай союза Англіи съ Японіей, пришелъ къ тому выводу, что Японія недостаточно подготовлена для борьбы съ эскадрой европейской державы.

Въ Парижѣ 5-го мая произошли довольно серьозныя манифестаціи, учиненныя преимущественно учащеюся молодежью, принадлежащею къ католической и антисемитской партіямъ, причемъ дѣло не обошлось безъ раненыхъ и многочисленныхъ арестовъ. Манифестаціи эти были направлены въ пользу установленія національнаго праздника въ честь Орлеанской Дѣвы.

Австрія понесла чувствительную утрату въ лицѣ младшаго брата императора Франца-Іосифа, эрцгерцога Карла-Людвига. Такъ какъ эрцгерцогъ былъ наслѣдникомъ австро-венгерскихъ престоловъ, то смерть эта является крупнымъ политическимъ событіемъ; она снова поставила ребромъ вопросъ о будущемъ преемникѣ императора Франца-Іосифа, тѣмъ болѣе, что молодой эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ, сынъ покойнаго, слабъ здоровьемъ и даже не могъ быть на похоронахъ своего усопшаго отца.

Для Италіи настало время взвѣсить выгоды присоединенія ея къ тройственному союзу. Ни Германія, ни Австрія не оказали Италіи помощи въ ея таможенной и экономической борьбѣ съ Францію и не поддержали ея колоніальныхъ предпріятій. Онѣ обѣщали ей въ отдаленномъ будущемъ возвращеніе Ниццы и Савойи, а равнодушно взирали на разгромъ итальянскихъ силъ абессинцами. Горькій опытъ открылъ, наконецъ, глаза итальянскимъ государственнымъ людямъ и теперь они ищутъ сближенія съ Франціею.

Въ лицѣ трехъ своихъ министровъ—военнаго, иностранныхъ дѣлъ и министра-президента Рудини — итальянское правительство заявило парламенту, что оно отказывается продолжать завоевательную политику въ Африкѣ, и палата значительнымъ большинствомъ голосовъ одобрила это рѣшеніе. Италія подчинилась условіямъ мира, предложеннымъ ей негусомъ Менеликомъ, признала границею между Эритреею и Абиссиніею рѣку Маребъ съ ея притокомъ Белезаго, очищаетъ Адиграть для абиссинцевъ, и остатки итальянскихъ войскъ, отправленныхъ въ Африку Криспи, должны будутъ на дняхъ возвратиться въ отечество. Такъ печально для Италіи окончилась эта африканская политическая трагикомедія. Число ротъ, входящихъ въ составъ батальона, въ Италіи уменьшено вслѣдствіе недостаточности военнаго бюджета.

МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ

Къ Государеву въѣзду

Великія событія переживаетъ теперь Москва. Взоры Россіи и цѣлаго міра сосредоточены на древней столицѣ. Ни на какой палитрѣ не найдется тѣхъ красокъ, ни у какого художника слова не хватитъ выраженій, достаточныхъ, для того, чтобы нарисовать вѣрную картину происходящаго теперь передъ нами.

9-е мая, какъ чудный фантастическій сонъ, останется на всю жизнь неизгладимымъ въ памяти всѣхъ бывшихъ въ этотъ день въ Москвѣ, когда русскій Царь вступилъ въ первопрестольную столицу для совершенія священнаго обряда вѣнчанія на царство.

Безъ преувеличенія можно сказать, что почти милліонная толпа растянулась по всему протяженію обширнаго пути, по которому слѣдовало торжественное шествіе блестящаго Царскаго кортежа.

Стоитъ взглянуть на это море людей, прислу-

шаться въ отдѣльныхъ мѣстахъ къ разговорамъ отдѣльныхъ лицъ, чтобы ясно понять, что всѣ эти люди воодушевлены одними желаніями, проникнуты одной общей мыслью, что сердца ихъ бьются въ унисонъ, что они глубоко чувствуютъ и сознаютъ величіе переживаемаго историческаго момента. Нѣтъ, это не толпа—это, въ полномъ смыслѣ слова, русская нація, русскій народъ, собравшійся лицезрѣть и привѣтствовать своего безконечно любимаго, безконечно чтимаго Государя, Верховнаго Носителя русской государственной власти.

И когда, по окончаніи шествія, уже въ Кремлѣ, Государь поднялся на Красное крыльцо и съ верхней площадки, при шумныхъ ликованіяхъ кругомъ, поклонился три раза народу, то невольно припоминалось сказанное покойнымъ Аксаковымъ по поводу прошлаго коронованія—что здѣсь, въ Кремлѣ, сошлись и стояли лицомъ къ лицу другъ съ другомъ двѣ великія силы: русскій Царь и безгранично вѣрный ему русскій народъ.

Здѣсь, въ этомъ самомъ Кремлѣ, гдѣ, можно сказать, дѣлалась вся русская исторія, въ виду этого Краснаго крыльца, теремовъ, соборовъ и другихъ нѣмыхъ свидѣтелей этой исторіи, только здѣсь ясно постигаешь все важное значеніе въ единеніи этихъ двухъ великихъ русскихъ силъ, которыя создали русское государство, провели его цѣлымъ и окрѣпшимъ черезъ массу историческихъ испытаній и ударовъ судьбы, погубившихъ или надломившихъ столько другихъ государственныхъ организмовъ, и довели его до того, полнаго блеска, славы и могущества, до того высокаго международнаго положенія, которое ясно знаменуется теперь столь авторитетнымъ и блестящимъ участіемъ на нашихъ торжествахъ иностранныхъ державъ и представителей всего міра.

Да, здѣсь, въ Кремлѣ, при этой необычайной обстановкѣ, при видѣ Царя и ликующаго народа, съ особенной силой запечатлѣвается въ умѣ чрезвычайно образное выраженіе поэта:

И въ испытаньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь.
Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло,
Куетъ булатъ...

Здѣсь становится понятнымъ, что, если Русь вынесла, окрѣпши, всѣ эти ужасныя кары, то только потому, что при наличности этихъ двухъ, безгранично преданныхъ другъ другу и готовыхъ одна для другой на всякія жертвы, великихъ силъ наше отечество представляетъ изъ себя такой „булатъ“, которому, при Божіей помощи, не страшны никакія превратности судьбы, никакія осложненія въ жизни.

Я не имѣю здѣсь достаточно мѣста описывать во всѣхъ подробностяхъ Высочайшій въѣздъ въ Москву. Обширные хроникерскіе отчеты объ этомъ торжественномъ событіи наполняютъ теперь всѣ изданія цѣлой Россіи. Моя же цѣль, какъ фельетониста, заключается не столько въ передачѣ внѣшнихъ подробностей событій, сколько въ томъ, чтобы изобразить общую ихъ картину, отмѣтить мысли и впечатлѣнія, возбуждаемыя ими въ свидѣтеляхъ ихъ. Поэтому постараюсь кратко описать совершившееся и главнымъ образомъ по столько, по сколько оно связано съ переживаемыми нами впечатлѣніями.

Ночь съ 8-го на 9-е мая по общему колориту, по массѣ оживленія, тревогъ и волненій напоминала собою нѣсколько ночь подъ Свѣтлое Воскресеніе. Масса людей не ложилась совсѣмъ спать въ эту ночь. Петровскій паркъ, гдѣ расположенъ Петровскій дворецъ, въ которомъ, по изстари установившемуся обычаю, Государь провелъ три дня передъ въѣздомъ въ Москву и откуда должна была тронуться торжественная процессія, имѣлъ въ эту ночь видъ бивуака или огромнаго лагеря. Подъ каждымъ деревомъ расположились на ночлегъ группы, пришедшаго съ вечера, со всѣхъ концовъ города, народа, которые среди гигантскихъ деревьевъ и на маленькихъ лужайкахъ, освѣщенныя мягкимъ луннымъ свѣтомъ, представляли живописное зрѣлище.

Кортежъ долженъ былъ слѣдовать отъ Петровскаго дворца до Кремля, мимо Тріумфальныхъ воротъ, Страстнаго монастыря и т. д., по самой центральной части Москвы, на протяженіи всей Тверской улицы. Это разстояніе въ нѣсколько верстъ. Съ 6 часовъ утра Тверская начала уже наполняться народомъ, который къ 10 часамъ занималъ уже сплошной массой всѣ тротуары. Погода, послѣ непрерывно лившихъ все время дождей, установилась въ этотъ день прелестная: голубое, безоблочное небо, мягкій и прозрачный воздухъ. Тверская въ своемъ пышномъ убранствѣ, разряженная точно невѣста къ вѣнцу, вся залитая яркими солнечными лучами, выглядѣла особенно эффектно въ эти ранніе часы. По ней и по прилегающимъ бульварамъ безпрестанно двигалась масса экипажей съ участниками шествія: генералитетомъ, иностранными принцами, чрезвычайными послами и проч., стремившимися къ Петровскому дворцу, гдѣ по церемоніалу они должны были собираться въ началѣ 11-го часа.

Блестящіе мундиры, сіяющія каски, треугольныя шляпы съ плюмажемъ, роскошные халаты представителей Азіи, все это очень эффектно выглядѣло при яркомъ освѣщеніи. Народъ съ видимымъ удовольствіемъ и съ выраженіемъ серьезнаго достоинства на лицахъ встрѣчалъ и разсматривалъ съѣхавшихся въ такомъ обиліи иностранныхъ гостей, гордясь такимъ проявленіемъ уваженія къ намъ со стороны всего свѣта. Когда проѣзжали французскіе уполномоченные, то во многихъ мѣстахъ ихъ привѣтствовали воодушевленными кликами восторга и возгласами: „vive la France!“

Къ 12 часамъ всѣ переулки, ведущіе къ Тверской, были затянуты канатами и запружены массой народа. Войска стали шпалерами по сторонамъ улицы. Къ этому времени я помѣстился на эстрадѣ противъ дома генералъ-губернатора, который былъ любезно представленъ Августѣйшимъ хозяиномъ всѣмъ неучаствовавшимъ въ процессіи представителямъ иностранныхъ державъ и другимъ почетнымъ гостямъ и представлялъ собою красивое зрѣлище: изъ каждаго окна выглядывала масса зрителей; тутъ были и блестящіе мундиры англійскихъ адмираловъ, и испанцы, и японцы, и китайцы, и красивые французскіе кавалерійскіе офицеры въ блестящихъ, золоченыхъ, на манеръ древне-греческихъ, шлемахъ съ развѣвающимися позади конскими хвостами. Весь длинный балконъ былъ занятъ множествомъ изящнѣйшихъ дамъ высшаго свѣта въ роскошныхъ бѣлыхъ туалетахъ и шляпахъ.

Два слишкомъ часа прошло въ нетерпѣливомъ ожиданіи среди удивительной тишины кругомъ. Всюду, куда только хватаетъ глазъ, точно слегка колыхающееся море головъ и сдержанные, едва слышные, разговоры въ собравшейся публикѣ, запрудившей всю площадь передъ домомъ генералъ-губернатора, къ которому то и дѣло подлетаютъ по оставленному узкому проѣзду коляски съ генералами, дамами и иностранцами въ живописныхъ костюмахъ. Порядокъ, нужно отдать справедливость усерднымъ представителямъ нашей полиціи, былъ во всемъ образцовый, что при очень узкихъ улицахъ Москвы представляется дѣломъ далеко не изъ легкихъ.

Ровно въ 2 ч. 30 м. раздались три выстрѣла изъ Петровскаго дворца, возвѣстившіе, что процессія тронулась. Нужно было видѣть въ это время окружающую толпу. Все замерло въ безмолвномъ благоговѣніи; многіе крестились. Разговоры прекратились совсѣмъ, и наступила полнѣйшая тишина. Казалось, муха пролетитъ — слышно.

Раскаты пушечныхъ выстрѣловъ слѣдуютъ уже одинъ за другимъ. Съ колокольни Ивана Великаго даютъ родостный сигналъ, что Государь уже вступилъ въ Москву. Во всѣхъ церквяхъ затрезвонили. Нетерпѣніе и волненіе народа все растетъ и растетъ. Минуты кажутся часами,

Но вотъ среди окружающей тишины начинаютъ доноситься до насъ еще далекіе, но уже чуть-чуть слышные раскаты привѣтственныхъ кликовъ народа. Государь уже на такомъ разстояніи отъ насъ, что ликованіе встрѣчающаго народа начинаетъ доноситься и къ намъ. Клики тысячныхъ массъ становятся все явственнѣе, все громче; вотъ они уже гдѣ-то близко отъ насъ, они сливаются съ пальбой и звономъ колоколовъ. Показывается сначала конвой въ разноцвѣтныхъ мундирахъ, за нимъ слѣдующіе участники процессіи, согласно церемоніалу, и, наконецъ, головы всѣхъ обнажаются и все вокругъ потрясается громовыми раскатами „ура“ многотысячнаго народа. Это показался на бѣломъ конѣ Государь.

Медленно и величественно прослѣдовалъ Онъ передъ нами, привѣтливо отвѣчая на возгласы ликующаго народа. Лицо Его при видѣ несмѣтной толпы, покрывшей всю площадь, освѣтилось ласковой улыбкой.

Затѣмъ слѣдовала золотая карета съ восемью лошадьми цугомъ; изъ оконъ ея ласково кланялась народу Императрица Марія Ѳеодоровна, а въ слѣдующей такой же каретѣ ѣхала Императрица Александра Ѳеодоровна, которая все время привѣтливо кланялась народу.

Когда Государь и золотыя кареты скрылись изъ виду, народъ сталъ быстро расходиться, крестясь и съ довольными, радостными лицами. Процессія еще не кончилась, но никто уже не интересуется остальнымъ. Всѣ пришли встрѣчать Царя съ Императрицами—и счастливые уходятъ по домамъ.

Только сравнительно небольшія группы остаются на площади насладиться видомъ нашихъ блестящихъ гвардейскихъ войскъ, дефилировавшихъ еще долго въ концѣ процессіи. Иностранные офицеры тоже выходятъ всѣ на балконъ и съ удовольствіемъ созерцаютъ нашихъ молодецкихъ кирасиръ, конногвардейцевъ, гусаръ, кавалергардовъ и уланъ, поминутно прикладывая руку къ головному убору для отданія чести знаменамъ.

Съ особеннымъ почтеніемъ и усердіемъ продѣлываютъ это стройные французскіе офицеры, на лицахъ у которыхъ написано прямо наслажденіе отъ созерцанія de notre belle armée, какъ они выражаются.

Такъ закончился этотъ знаменательный день, который составитъ моментъ въ нашей исторіи и которому суждено никогда не изгладиться изъ памяти очевидцевъ.

Вечеромъ Москва освѣтилась волшебной иллюминацей, приводившей въ восторгъ иностранцевъ, людей бывалыхъ. Ничего подобнаго они, по общимъ отзывамъ, не видѣли еще. Но освѣщенъ былъ еще только одинъ городъ, утопавшій въ цѣломъ морѣ огней. Вообразите же себѣ, что это будетъ, когда засіяетъ весь Кремль со своими причудливыми очертаніями! Это будетъ 14-го, 15-го и 16-го мая, три дня подрядъ, и, съ Божьей помощью, я надѣюсь описать это зрѣлище въ слѣдующій разъ.

Московскій зритель

* * *

Вотъ гранатъ высокій, стройный;
Къ сочнымъ ты его плодамъ
Дѣтской ручкою тянулась
И къ пурпуровымъ цвѣтамъ.

Онъ въ саду осиротѣломъ
Пышно вновь зазеленѣлъ—
Свѣтлый, теплый май роскошно
Въ цвѣтъ и листъ его одѣлъ.

Ты-жъ, измученнаго сердца
Радость вся, единый свѣтъ,
Ты, въ больной, разбитой жизни
Мой послѣдній лучшій цвѣтъ,

Ты лежишь въ землѣ холодной,
И весна тебя ужъ вновь
Не согрѣетъ, — не разбудитъ
Никогда моя любовь!

М. Ватсонъ.

СВѢТЪ СРЕДИ РАЗВАЛИНЪ

Очеркъ

ЭЛИЗЫ ОРЖЕШКО

Продолженіе

Въ смежной комнатѣ раздался шелестъ ногъ, съ трудомъ передвигавшихся по паркету, въ дверяхъ стала тяжелая, сгорбленная фигура съ руками, опирающимися на палку, съ волосами, бѣлѣющими въ тѣни, какъ молоко, или серебро, — и несмѣлый голосъ проговорилъ:

— Добрый вечеръ, Северка!

— Добрый вечеръ, дѣдушка, отвѣчала она и, не подходя къ двери, рукой пригласила гостя занять одно изъ креселъ у стола:

— Войдите, дѣдушка, и садитесь, прошу васъ! Это было вѣжливо, но холодно сказано.

Она стояла у стола выпрямившись, съ равнодушнымъ взглядомъ и слегка сжатыми губами. Руки она ему не подала: давно ужъ она не дѣлала этого, потому что его рука съ высохшей, жесткой кожей и черными ободками у конца ногтей производила въ ней непріятное ощущеніе.

Да она и не видѣла вовсе причины стѣсняться: развѣ онъ могъ чувствовать и распознавать разницу и оттѣнки въ обращеніи съ нимъ людей? Ему все равно: лишь бы придти и посидѣть

Баронъ Ѳ. А. БЮЛЕРЪ, директоръ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, † 10-го мая с. г.

Съ фотографіи М. Конарскаго въ Москвѣ. Гравировалъ И. И. Хелмицкій.

Г. ТРЕЙЧКЕ,
нѣмецкій историкъ, † 16 (28-го) апрѣля с. г.

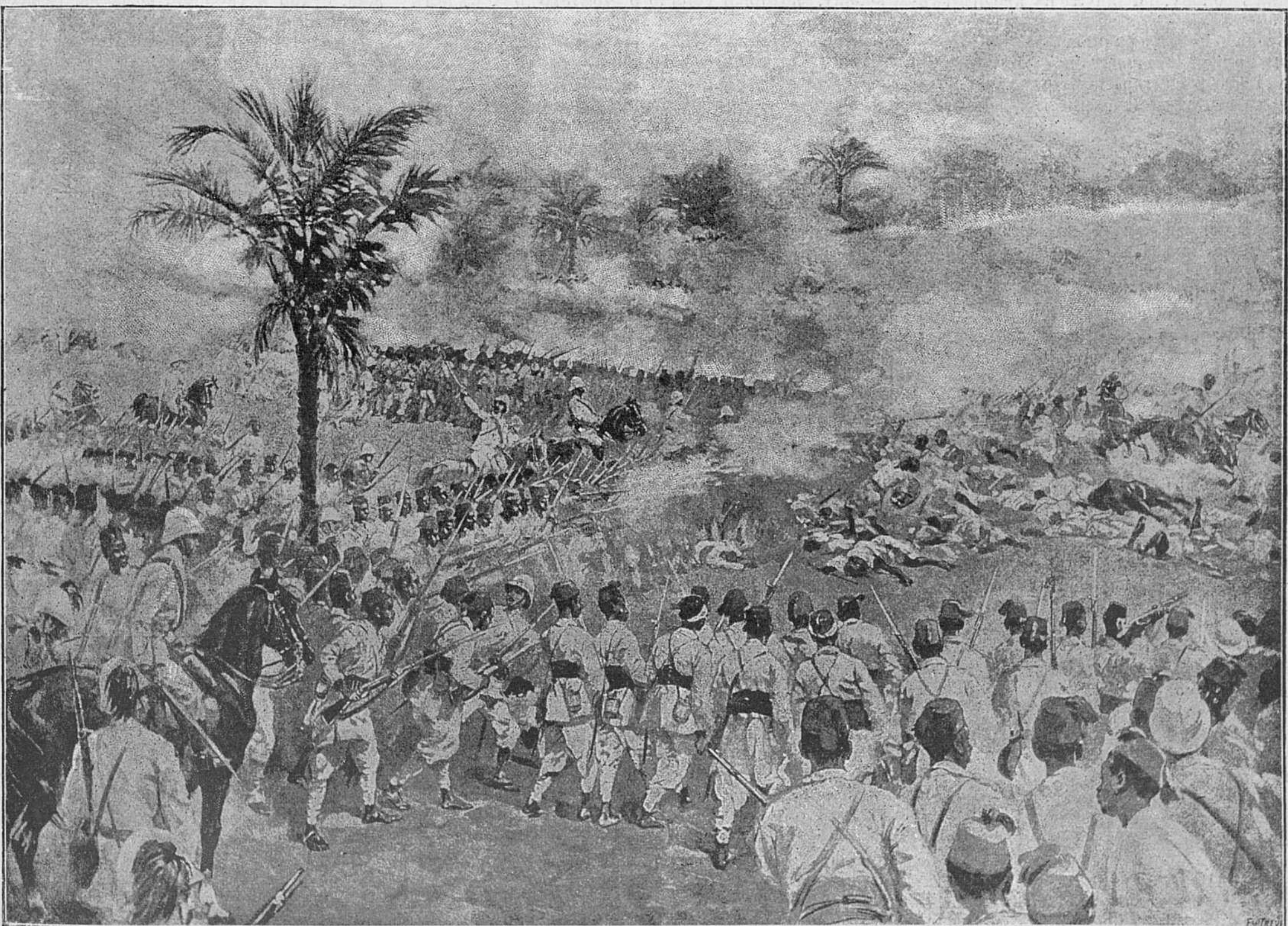
Иностранные художники. — Молодая читательница. Картина Армана Бертона.

Гравировалъ для «Всемірной Иллюстраціи» Шарль Бодъ въ Парижѣ.

Первая стычка англичанъ съ отрядомъ Османъ-Дигны.

Африка. — Англо-суданская экспедиція.

Битва при Тукруфѣ.

Африка. — Война Италіи съ дервишами.

здѣсь неизвѣстно зачѣмъ. Этого она ему не запрещала. Ей досадно было смотрѣть, какъ медленно онъ подвигался къ указанному мѣсту; но, кромѣ сжатыхъ губъ, ничто не выдавало ея досады. Скрестивъ руки на груди, она ждала и думала, думала, что отношенія людей и слова ихъ всегда только одна форма, полная лжи. Какой онъ ей дѣдъ, этотъ старикъ, и почему онъ ее называетъ уменьшительнымъ именемъ. Между ними нѣтъ кровнаго родства, а бывшее когда-то теплое чувство соединяло ихъ очень, очень давно, когда она была совсѣмъ крошкой, а онъ почти неразлучнымъ спутникомъ ея отца. Тогда она титуловала его дѣдушкой, а онъ ее Северкой, и тогда эти фамиліарныя имена годились для ихъ отношеній. Послѣ она много лѣтъ жила далеко и не видала его вовсе, а когда вернулась и они свидѣлись, онъ сталъ равнодушнымъ для всего на свѣтѣ, она тоже не чувствовала къ нему ничего; между ними остались только эти прежнія названія, не имѣющія теперь положительно смысла.

Почти не отдѣляя ногъ отъ ковра, онъ шелъ тяжело, съ трудомъ передвигая ихъ, глухо стуча палкой, на которую опирался, слегка посапывая, слегка стоная; наконецъ, онъ добрался до указаннаго мѣста и грузно опустился въ кресло. При скудномъ свѣтѣ прикрытой абажуромъ лампы, издали онъ скорѣе могъ показаться тяжелымъ чурбаномъ, одѣтымъ въ грязное платье и сверху прикрытымъ серебряными волосами, чѣмъ живымъ человѣкомъ. Сгорбленное тѣло его, огрубѣвшее и отяжелѣвшее, было лишено гибкости не вслѣдствіе полноты, а по причинѣ давленія книзу обезформившейся массы на всѣ части, составляющія это тѣло. Передъ запачканнаго сюртука былъ покрытъ желтоватой пылью—отъ табака, вѣроятно; шею окружалъ воротничекъ, бывшій бѣлымъ нѣсколько дней тому назадъ; кожа рукъ, опирающихся на палку, свѣтилась, точно покрытая лакомъ, а на концахъ пальцевъ рѣзко выступали черные ободки. Опустивъ голову и устремивъ глаза на столъ, онъ молчалъ. Она тоже молчала и думала, что онъ, по крайней мѣрѣ, могъ бы старательнѣе умываться и носить болѣе опрятное платье. Вѣдь у него были средства, хоть и небольшія, зачѣмъ казаться такимъ нищимъ. Навѣрное скупость, эта частая спутница старости, причиной этого; да еще потеря всякаго эстетическаго чувства, вообще отупѣніе.

— Отвратительная сегодня погода! проговорила она равнодушно, безучастно, сухимъ тономъ.

Онъ поднялъ голову, взглянулъ на нее и отвѣтилъ:

— Да, погода бываетъ разная.

И сдѣлалъ рукой жестъ, точно хотѣлъ сказать, что ему это рѣшительно все равно.

— Какъ это вы, дѣдушка, въ такую мятель выходите изъ дома!

— Изъ какого тамъ дома!

И снова жестомъ руки показалъ полнѣйшее равнодушіе касательно дома.

— А какъ ваше здоровье? спросила она еще.

И опять съ тѣмъ же пренебрежительнымъ жестомъ онъ отвѣчалъ:

— А что здоровье!

Она подумала, что это рѣшительно идіотъ, и ей стало невообразимо скучно. Что она будетъ дѣлать съ этимъ столбомъ цѣлыхъ два часа.

Хоть бы скорѣе чай подавали, что ли. Обыкновенно онъ уходилъ послѣ чая, хотя являлся не ради него; она знала, что онъ могъ имѣть его и дома. Но его не привлекала сюда вѣдь и пріятная бесѣда. Ихъ разговоры всегда были вродѣ описаннаго.

Но привычка къ вѣжливости, тотъ фактъ, что онъ былъ ея гостемъ, милымъ или немилымъ — все равно, принуждали ее поддерживать какой нибудь разговоръ.

Помолчавъ немного, она сказала ему, что слышала отъ кого-то — будто онъ хворалъ недавно.

— Глупости! отвѣчалъ онъ. — Ревматизмъ въ ногахъ давалъ себя знать посильнѣе да еще разстройство желудка — вѣрно отъ того несвѣжаго мяса... Теперь уже прошло.

Неодолимое отвращеніе явно выразилось на ея лицѣ. Ея изящная природа, эстетическія привычки возмутились противъ разсказа о подобныхъ вещахъ. Она замолчала, сидя съ опущенными глазами, но, услыхавъ глухой стукъ упавшаго на коверъ предмета, подняла глаза и увидала зрѣлище, показавшееся ей и смѣшнымъ, и отталкивающимъ. У ногъ гостя лежала палка, которую онъ только что уронилъ и тщетно старался поднять. На половину перегнувшись, онъ силился достать рукой до пола, но его одеревенѣлые члены не слушались, да и ручка кресла мѣшала ему; его бѣлые волосы и пятна на спинѣ освѣщались свѣтомъ лампы, падавшимъ вплотную на нихъ; онъ ерзалъ, сопѣлъ, стоналъ и никакъ не могъ достать рукой свою палку. Это было живое воплощеніе смѣшной неловкости и ребяческой упрямой настойчивости. Она смотрѣла на него съ улыбкой, въ которой было больше досады и презрѣнія, чѣмъ веселости.

Вдругъ, неизвѣстно какъ и почему, она ощутила что-то далеко не похожее на досаду и презрѣніе—точно внезапный уколъ въ сердце, разбудившій въ ней какой-то мягкій голосъ. Не отдавая себѣ отчета въ своемъ чувствѣ, она быстро встала, сдѣлала нѣсколько шаговъ и, поднявъ палку, подала ее гостю. Никогда еще она не видала такого изумленія, которое отразилось въ его глазахъ. Маленькая услуга, оказанная ею, такъ поразила его, что онъ минуту глядѣлъ на нее, едва касаясь пальцами протянутой палки, продолжая нагибаться, и силился что-то сказать, но не могъ. Но глаза его, съ голубыми зрачками на пожелтѣвшихъ бѣлкахъ, и все лицо съ высокимъ благородно очерченнымъ лбомъ, съ обвислыми щеками и небритой короткой бородой казалось говорили съ робкимъ, безграничнымъ удивленіемъ:

„Какъ это? Что это? Неужели это мнѣ подняли съ пола эту вещь? Неужели это могло со мной случиться?“ Она возвращалась на свое мѣсто, когда услыхала за собой несмѣлый, хриплый голосъ: „благодарю, благодарю!“ и немного погодя палка глухо стукнула по ковру, раздался короткій, сдержанный смѣхъ и слова: „это мой сынъ“. Она поняла, что онъ этимъ именемъ называлъ свой костыль. Невольно пронеслось у ней въ умѣ: „бѣдняга! Какъ онъ долженъ быть бѣденъ и одинокъ, если могъ такъ удивиться по поводу незначительной услуги, если могъ называть сыномъ этотъ кусокъ дерева“. Кажется ей или она когда-то въ самомъ дѣлѣ слышала что-то объ его сынѣ? Да, да, у него былъ сынъ... Изъ мглы далекаго прошлаго встаетъ передъ нею стройная фигура, видѣнная ею въ дѣтствѣ. Она припоминаетъ обширный, богатый кабинетъ отца; она, балованная дѣвочка, влетаетъ туда безпрепятственно и останавливается, смущенная неожиданнымъ присутствіемъ незнакомаго молодаго человѣка въ комнатѣ, гдѣ привыкла видѣть только отца и его неразлучнаго друга, котораго она зоветъ дѣдушкой. У отца на глазахъ слезы; она ясно видитъ ихъ, а у дѣдушки лицо такое странное, что она едва узнаетъ его. Точно онъ сейчасъ только плакалъ: глаза красные, но выраженіе какое-то лучезарное и гордое. Увидавъ ее, онъ поманилъ ее къ себѣ привычнымъ ласковымъ жестомъ и, указывая на юношу, который горячо о чемъ-то разсуждалъ съ ея отцомъ, сказалъ: „это мой сынъ!“

Теперь эту грубую, узловатую палку онъ называетъ сыномъ. Страшная замѣна! Но что же сталось съ тѣмъ? Она хотѣла сдѣлать этотъ вопросъ, но вдругъ вспомнила смутно когда-то слышанную трагическую исторію... Давно это было, въ дѣтствѣ, вскорѣ послѣ того, какъ она видѣла юношу. Потомъ умеръ ея отецъ, она уѣхала далеко, подробностей никогда такъ и не слыхала; спрашивать теперь ей показалось неловкимъ.

Въ ней все росло то мягкое чувство, зародившееся при видѣ тщетныхъ усилій безпомощнаго старика поднять свою палку. Взглянувъ на гостя, она удивилась, встрѣтивъ его пристально устремленный на нее взоръ. Онъ весь подался впередъ, чтобы свѣтъ лампы не мѣшалъ ему видѣть ея лицо, и смотрѣлъ на нее съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ. Эти потухшіе, окруженные сѣтью морщинъ, глаза могли еще выражать что нибудь! Въ нихъ ясно читалось теперь состраданіе. Онъ, онъ могъ сожалѣть о комъ нибудь, о ней особенно! Однако она сама сейчасъ испытала то же самое по отношенію къ нему!

Когда ихъ глаза встрѣтились, онъ потрясъ головой, а губы его, блѣдныя, окруженныя короткими сѣдыми волосами, нѣсколько разъ открылись и снова закрылись, точно онъ хотѣлъ что-то сказать и не смѣлъ; вообще робость была главной чертой всей его фигуры. Наконецъ, потихоньку, точно боясь своей смѣлости, онъ произнесъ:

— Всегда одна! всегда одна!

Она не вѣрила своимъ ушамъ. Значитъ онъ могъ еще кое-что замѣчать и помнить. Но онъ дотронулся до глубокой тайной раны, которую она скрывала ото всѣхъ, поэтому она сдержанно и съ неудовольствіемъ отвѣтила:

— Откуда же вы, дѣдушка, можете знать, что я всегда одна?

Онъ испугался, что раздосадовалъ ее. И еще тише и робче онъ произнесъ:

— Прошу прощенія, прошу прощенія!

И снова замолчалъ и застылъ, неподвижно устремивъ глаза передъ собой, точно отяжелѣлъ еще болѣе послѣ своей безуспѣшной попытки.

Разумѣется, онъ могъ знать о томъ, что она всегда была одна, потому что и въ прошлую зиму, и теперь каждый разъ онъ заставалъ ее одну. Но ее удивляло то, что онъ замѣтилъ это обстоятельство и не забылъ его, и какъ будто сожалѣлъ о ней. Она никому не жаловалась, но вѣдь никто и не интересовался знать—хорошо ли ей живется. Онъ первый, этотъ выжившій изъ ума старикъ, эта развалина, подумалъ о ней! Ея досада—зачѣмъ онъ дотронулся до ея ранъ—исчезла. Она почувствовала что-то въ родѣ признательности и сомнѣнія. Кто знаетъ, можетъ быть въ этой развалинѣ хоть изрѣдка, хоть издалека брезжится свѣтъ. Когда-то это было прекрасное, яркое пламя, помнится.

Она стала припоминать какимъ видѣла его раньше, что слышала въ дѣтствѣ о немъ. Онъ былъ высокъ и силенъ — она угадывала его по быстрой и ровной походкѣ. Она вспомнила, какъ онъ, бывало, вмѣстѣ съ ея отцомъ входилъ въ комнату, доканчивая начатый разговоръ — о вещахъ, которыхъ она не понимала, но знала, что это было что-то важное и ученое. Тогда у него былъ громкій, звучный голосъ, говорилъ онъ плавно и пространно; его называли человѣкомъ ученымъ и веселымъ—такъ, какъ отца ея — богатымъ и скромнымъ, считая эти соединенныя качества рѣдкимъ явленіемъ.

Когда же это было?... Сколько лѣтъ назадъ?... Двадцать, не болѣе того. Немножко подвинулась впередъ стрѣлка на часахъ человѣчества; ударъ обухомъ — и кончено.

Отецъ ея — горсть пепла, а этотъ — безформенная масса. Ей стало невыразимо грустно, не за себя — она даже на минуту забыла совсѣмъ о собственныхъ горестяхъ.

Какъ быстро гаснутъ люди. Быстро, иногда преждевременно. Тотъ умеръ преждевременно, этому не слѣдовало бы еще такъ одряхлѣть. Она могла почти съ точностью опредѣлить его возрастъ, но никогда до сихъ поръ мысль объ этомъ не приходила ей въ голову.

Теперь она думала, что какъ бы онъ ни былъ старъ, она знала людей гораздо старше, бодро и весело пользующихся жизнью. Почему онъ не могъ дотянуть до своего предѣла? Какой это обухъ пришибъ его, не добивъ до конца и превративъ человѣка въ неуклюжую, одеревенѣлую массу.

И въ первый разъ, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, она съ интересомъ взглянула на него, и видъ его опущенной головы съ сѣдыми бровями поверхъ пожелтѣвшихъ вѣкъ, видъ этой блестящей, сухой и твердой, кожи на рукахъ усилилъ то мягкое чувство, которое недавно зародилось въ ней. Подъ вліяніемъ этого чувства голосъ ея звучалъ ласково, когда она спросила:

— Помните вы моего отца, дѣдушка?

Онъ какъ будто проснулся отъ этого вопроса и отвѣчалъ, быстро поднявъ голову:

— Что? что такое? И когда она повторила свои слова, онъ усмѣхнулся такъ странно, что если бы она не была убѣждена, что передъ нею сидитъ безсмысленное существо, она приняла бы эту усмѣшку за кроткую и печальную иронію.

— Помню ли я? Почему же мнѣ не помнить? Ты очень похожа на него; у тебя его лобъ, глаза, нѣкоторыя движенія даже. Ты носишь его имя.

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ они снова свидѣлись, произнесъ онъ такую длинную фразу. Ей пришло на умъ — не это ли сходство ея съ отцомъ причиной его посѣщеній? Онъ былъ задушевнымъ другомъ ея отца: „неужели то, что называется сердцемъ, пережило въ немъ все прочее?“ Этотъ проблескъ свѣта въ развалинахъ начиналъ ее занимать. Она собиралась что-то сказать, но онъ предупредилъ ее:

— Мнѣ бы очень хотѣлось взглянуть на портретъ твоего отца. Вѣрно у тебя ихъ нѣсколько. Я бы могъ тоже имѣть его, но думалъ всегда: послѣ, послѣ, будетъ время. А время и онъ ушли...

Она встала, быстро сняла со стѣны миніатюрный портретъ въ золоченой рамкѣ и, положивъ его на столъ передъ гостемъ, вернулась на мѣсто.

— Этотъ портретъ, хотя маленькій, самый лучшій изъ всѣхъ, какіе я имѣю, сказала она и замолкла.

Онъ тоже молчалъ; палку прислонилъ къ колѣнямъ и, взявъ портретъ въ обѣ руки, низко нагнулся надъ нимъ.

Послѣ долгой разлуки двое друзей смотрѣли одинъ на другого: одинъ—мертвымъ, нарисованнымъ, другой — сморщеннымъ, увядшимъ лицомъ.

Продолженіе слѣдуетъ

ВЪ МІРѢ ЗНАНІЙ

Хроника наукъ, промышленности и проч.

„Нагана", болѣзнь отъ укушенія мухи цеце.— Сильное распространеніе опіума.— Птицы, дѣлающія земляныя насыпи.

Въ южной Африкѣ, особенно въ области таможней степной полосы, есть мѣста, гдѣ не только съ трудомъ прививается скотоводство, но даже и путешественники двигаются со страхомъ и трепетомъ, ежеминутно опасаясь за жизнь своихъ упряжныхъ животныхъ. Ихъ приводитъ въ этотъ трепетъ совершенно ничтожное на видъ существо, небольшая муха, называемая зоологами glossina morsitans, а туземцами *цеце*. Отъ укушенія этой зловредной твари животныя, по общему убѣжденію туземцевъ и европейскихъ колонистовъ, неизбѣжно гибнутъ, мрутъ какъ отъ чумы или сибирской язвы. Самая болѣзнь, причиняемая укушеніемъ цеце называется туземцами *нагана*. Англійскій врачъ Давидъ Брюсъ рѣшилъ провѣрить на мѣстѣ всѣ эти страшныя сказанія о мухѣ цеце, и съ этою цѣлью провелъ нѣкоторое время въ странѣ Зулу, гдѣ эта муха свирѣпствуетъ. Его точныя, добросовѣстныя наблюденія далеко не подтвердили легенды во всей ея драматичности. Правда, животныя укушенныя мухою цеце, нерѣдко тяжко заболѣваютъ и мрутъ, но рядомъ съ этими печальными случаями Брюсу случалось очень часто видѣть, что животныя переносятъ укусы цеце безо всякихъ послѣдствій. Эта неодинаковость послѣдствій одной и той же причины очень заинтересовала Брюса. Отчего она зависитъ? Отъ того ли, что не всѣ животныя одинаково восприимчивы къ яду цеце, или отъ того, что, быть, можетъ, цеце и вовсе не обладаетъ никакимъ ядомъ, по крайней мѣрѣ смертоноснымъ, а только переноситъ какую нибудь заразу на своемъ жалѣ, и прививаетъ ее укушенному ею животному. Болѣзнь нагана, сопровождающая укушеніе мухи цеце, существуетъ, однако же, несомнѣнно; она поражаетъ рогатый скотъ, лошадей, собакъ, свиней; свиньи и коровы иногда выздоравливаютъ, но лошади почти всегда гибнутъ. Болѣзнь характеризуется лихорадкою, пропитываніемъ кожи особенно свертывающеюся лимфою, быстрымъ истощеніемъ, разрушеніемъ красныхъ кровяныхъ шариковъ, и, наконецъ, постояннымъ присутствіемъ въ крови заболѣвшихъ животныхъ особаго микроскопическаго паразита, очень похожаго на другого подобнаго же паразита, всегда находимаго въ крови скота, заболѣвающаго болѣзнью, очень схожею съ наганою, и свирѣпствующею въ Индіи; этотъ микропаразитъ называется trypanosoma Evansi. Связь между появленіемъ этого паразита въ крови и болѣзнью не подлежитъ сомнѣнію; какъ только обнаружились первые явные признаки наганы, такъ тотчасъ же появляется въ крови этотъ паразитъ. Ослабѣваетъ болѣзнь — исчезаетъ и паразитъ изъ крови; если же животное гибнетъ отъ наганы, то въ его крови, по увѣренію Брюса, легко обнаружить безчисленное множество паразитовъ, до 73 тысячъ на кубическій сантиметръ. Брюсъ разсмотрѣлъ и изучилъ этого паразита. Онъ имѣетъ удлиненное прозрачное тѣло, очень подвиженъ, ползаетъ межъ кровяныхъ шариковъ, какъ змѣйка и, очевидно, питается ихъ веществомъ; по длинѣ онъ раза въ 2—3 превышаетъ діаметръ кровянаго шарика, а въ толщину будетъ небольше четверти этого діаметра. Значитъ, этотъ паразитъ не походитъ на микроба болотной лихорадки, которую нагана напоминаетъ по своему теченію; думали даже совсѣмъ сблизить эти двѣ болѣзни, тѣмъ болѣе, что нагана свирѣпствуетъ въ мѣстностяхъ жаркихъ и съ сырымъ климатомъ. Но Брюсъ вынесъ убѣжденіе, что нагана не мѣстная болотная зараза, а нѣчто другое, и что муха цеце, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ совершенно опредѣленную роль въ ея распространеніи. Брюсу много разъ случалось наблюдать, что укусъ мухи самъ по себѣ безвреденъ; но если передъ тѣмъ муха укусила животное, уже заболѣвшее наганою, или посѣтившее трупъ животнаго, павшаго отъ нея, то, конечно, на своемъ жалѣ она переноситъ зараженную кровь на здоровое животное, и прививаетъ ему заразу. Брюсъ подтвердилъ это опытами на собакахъ, очень чувствительныхъ къ заразѣ. Онъ садилъ нѣсколько мухъ цеце въ мѣшокъ изъ газовой матеріи и садилъ ихъ въ этомъ мѣшкѣ на больное животное, а потомъ переносилъ на здоровое, и это послѣднее непремѣнно заболѣвало наганою; тутъ происходило то же самое, что и при простой, непосредственной прививкѣ крови отъ больного животнаго здоровому. Эти наблюденія еще разъ подтверждаютъ всю зловѣщую роль мухъ въ переносѣ заразныхъ болѣзней.

Опіумъ и его продукты, къ ужасу санитаровъ и моралистовъ, все болѣе и болѣе распространяются; эти одуряющіе продукты очень успѣшно конкурируютъ со спиртомъ, и, видимо, не хотятъ отъ него отстать. Потребители этихъ ядовъ пользуются ими въ разной формѣ: цивилизованныя страны ввели у себя морфій, восточныя страны, сопредѣльныя съ Европою принимаютъ опіумъ внутрь, а дальній востокъ — усвоилъ куреніе опія. Нѣсколько времени тому назадъ какіе-то англійскіе филантропы сдѣлали попытку придти на помощь тѣмъ курильщикамъ, которые желали бы отстать отъ своей пагубы, но не могутъ сдѣлать этого сразу. Для такихъ колеблющихся грѣшниковъ придумали особыя пилюльки, содержащія морфій; принятыя внутрь эти пилюльки, по своему дѣйствію, замѣняютъ курительный опіумъ, и если ихъ постепенно, день за днемъ, принимать все въ убывающемъ количествѣ, то можно, будто бы отстать отъ дурной привычки постепенно, безъ ломки. Но, какъ и слѣдовало ожидать, эти пилюльки только прибавили новое средство, къ числу запойныхъ снадобій; нашлись любители, которые очень быстро къ нимъ пристрастились, такъ что бросили даже и куренье, а стали упиваться этими пилюльками, очень хорошенькими на видъ и сладкими; ввозъ этихъ пилюлекъ въ Китай страшно возростаетъ изъ года въ годъ; выдумка оказалась весьма остроумною, и приноситъ отличный доходъ. Не даромъ докторъ Хипслей называетъ англійскихъ коммерсантовъ, ввозящихъ въ Китай эти филантропическія пилюльки „мамками, сосущими потъ китайца и верблюдами, мирно пожирающими свою добычу". Китайцу-курильщику прямая выгода пріобрѣтать эти пилюльки; въ нихъ та же доза яда ему обходится вдесятеро дешевле, а эффектъ достигается тотъ же. Курильный опіумъ обложенъ громадною ввозною пошлиною, а пилюльки несутъ пошлину сравнительно ничтожную. Главное, никакъ не удается убѣдить китайское правительство въ томъ, что эти пилюли не лекарство, якобы предназначенное для борьбы съ опіумомъ, а простая замѣна того же опія, гораздо болѣе еще приносящая вреда, потому что она доступнѣе по цѣнѣ и можетъ шире распространиться. Сверхъ того, крошечная пилюлька несравненно удобнѣе въ обращеніи, чѣмъ трубка для опіума; пилюли можно принимать, соблюдая полный секретъ, всегда и всюду, куреніе же требуетъ уединенія и вообще не такъ легко поддается тайнѣ. Правда, очень втянувшіеся курильщики, сравнивъ трубку съ пилюлями отдаютъ явное предпочтеніе куренью; но во многихъ случаяхъ и они соблазняются дешевизною и переходятъ, по крайней мѣрѣ отчасти, на пилюли; пилюли принимаются какъ обиходное средство, а трубочка — изрѣдка, въ видѣ десерта. Итакъ, просвѣщенные мореплаватели могутъ себя поздравить съ новымъ завоеваніемъ на рынкѣ отдаленнаго Востока. Къ опіуму, который обогатилъ Индію, прибавился морфій, выдѣлываемый въ Лондонѣ и быстро заполоняющій все болѣе и болѣе расширяющійся кругъ потребителей.

Птица, снесши яйца, обыкновенно, не мудрствуя лукаво, сама на нихъ садится, грѣетъ ихъ теплотою собственнаго тѣла, просиживаетъ иногда себѣ животъ до вылѣзанія пера, худѣетъ, тощаетъ, вообще несетъ въ высшей степени утомительный и тяжкій трудъ. Чаще всего яйца высиживаетъ самка, но иногда насиживаніе ведется поочередно обоими родителями, которые потомъ столь же дружно дѣлятъ между собою всѣ заботы по уходу и кормленію птенцовъ. Но природа не оставила этого общаго правила безъ рѣзкихъ и оригинальныхъ исключеній. Такъ, въ Австраліи встрѣчается птица Megapodius tumulus, которая совсѣмъ не сидитъ на яйцахъ, а искусственно запариваетъ ихъ, употребляя для этого такой пріемъ, который можетъ поставить наблюдателя въ тупикъ надъ удивленнымъ вопросомъ — кто могъ научить это безсмысленное твореніе такой хитрой выдумкѣ? Въ равнинахъ Австраліи иногда встрѣчаются какія-то кучки, которыя первыми изслѣдователями страны были приняты за могильники туземнаго населенія. Скоро однако узнали, что эти насыпи дѣлаетъ птица Megapodius; эти насыпи — ея гнѣзда. Птица дѣлаетъ ихъ изъ тѣхъ же матеріаловъ и съ соблюденіемъ тѣхъ же пріемовъ, какіе садовники употребляютъ при устройствѣ парниковыхъ грядъ. Хитроумное пернатое собираетъ палый листъ, разныя разлагающіяся органическія вещества, перемѣшиваетъ все это съ землею и складываетъ весь матеріалъ въ рыхлыя кучи. Органическія вещества, конечно, начинаютъ прѣть, согрѣваться. Садовникъ пользуется этою выдѣляющеюся изъ прѣлины теплотою для выгонки ранней рассады, а птица примѣняетъ эту теплоту для выпариванія своихъ яицъ. Мать, устроивъ гнѣздо и положивъ въ него яйца, можетъ отправляться, куда ей угодно, и дѣлать, что заблагоразсудится, ни мало не безпокоясь объ участи своего потомства. Согрѣтыя яйца отлично и вполнѣ благополучно насиживаются, и въ свое время изъ нихъ выходятъ птенцы. Утомительный трудъ насиживанія совсѣмъ устраняется и остается только уже сравнительно легкій уходъ за новорожденными и ихъ вскармливаніе. Не менѣе, если не болѣе остроумный пріемъ искусственнаго насиживанія примѣняетъ къ своимъ яйцамъ другая птица, водящаяся на одномъ изъ островковъ Тихаго Океана; она просто на просто зарываетъ свои яйца въ горячій песокъ. Австралійскій фазанъ тоже дѣлаетъ парниковыя кучи, какъ и Megapodius, но проявляетъ о нихъ еще больше заботливости, именно, тщательно слѣдитъ за температурой этихъ кучъ, которыя, смотря по обстоятельствамъ, могутъ либо вовсе остынуть, либо разогрѣться до такой степени, что яйца испекутся; съ цѣлью уравнять теплоту кучи, птица, иногда по нѣсколько разъ въ день перекладываетъ яйца для того, чтобы, смотря по надобности, подогрѣть или поостудить ихъ. Вылупившіеся птенчики цѣлый день остаются въ кучѣ — согрѣваются, и потомъ еще нѣсколько дней подъ рядъ продолжаютъ ночевать въ этой кучѣ.

Новое французское министерство

Большинство, вотировавшее за новое французское министерство, т. е. за кабинетъ Мелина составилось изъ 168 республиканцевъ, 24 „присоединившихся" и 38 монархистовъ, поэтому радикальныя газеты и заявляли, что новое правительство побѣдило съ помощью монархистовъ и кабинетъ Мелина долженъ быть названъ „монархистскимъ". На самомъ дѣлѣ онъ является умѣренно-республиканскимъ. Какъ бы то ни было, но палата выразила довѣріе новому министерству, которое и вступило въ свои права. Глава новаго кабинета депутатъ Жюль Мелинъ родился въ 1838 году. Онъ изучалъ правовѣдѣніе въ Парижѣ и во времена имперіи занимался адвокатурой и сотрудничествомъ въ оппозиціонной прессѣ. Въ 1870 году онъ былъ назначенъ помощникомъ мера 1-го парижскаго участка. Въ 1872 г. Мелинъ былъ избранъ отъ своего родного департамента Вогезовъ депутатомъ въ національное собраніе и примкнулъ здѣсь къ республиканской лѣвой. Снова избранный въ 1876 г., онъ остался въ той же партіи въ новой палатѣ, но однако высказался противъ предложенія объ амнистіи. Вскорѣ онъ былъ назначенъ младшимъ государственнымъ секретаремъ въ министерствѣ юстиціи. Выйдя въ отставку въ 1877 г., Мелинъ былъ въ числѣ 363 депутатовъ, отказавшихся вотировать довѣріе кабинету Брольи. Послѣ этого Мелинъ недолгое время былъ младшимъ государственнымъ секретаремъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (въ кабинетѣ Греви), но его главное вниманіе было посвящено уже въ это время сельскохозяйственнымъ и таможеннымъ вопросамъ. Въ 1879 году онъ былъ выбранъ членомъ и докладчикомъ тарифной коммиссіи и заявилъ себя горячимъ протекціонистомъ, выступивъ въ 1880 г. противъ министерства, защищавшаго противоположные принципы. Въ 1883 г. нынѣшній премьеръ принялъ постъ министра земледѣлія въ кабинетѣ Жюля Ферри, судьбу котораго онъ раздѣлилъ въ 1885 г. Спустя три года Мелинъ былъ выставленъ оппортюнистами, въ качествѣ кандидата, на постъ президента палаты: голоса раздѣлились поровну между нимъ и Клемансо, и избраннымъ былъ объявленъ Мелинъ, какъ старшій. Этотъ постъ онъ занималъ до новыхъ выборовъ 1889 года. Съ этого времени онъ игралъ большую роль въ палатѣ, какъ главный докладчикъ тарифной коммиссіи, и создалъ себѣ извѣстность въ качествѣ главнаго виновника новаго таможеннаго законодательства 1892 г., носящаго крайне протекціонистскій характеръ; онъ защищалъ его съ трибуны противъ многочисленныхъ нападокъ, возникшихъ тотчасъ послѣ примѣненія новаго тарифа. Снова избранный депутатомъ въ 1893 г., Мелинъ въ своемъ избирательномъ циркулярѣ намѣтилъ нѣкоторые изъ пунктовъ, которые фигурируютъ теперь въ деклараціи новаго министерства. Что касается другихъ членовъ этого кабинета, то изъ нихъ наиболѣе извѣстенъ министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото, такъ какъ онъ былъ еще недавно въ той же должности въ министерствахъ Дюпюи и Рибо. При немъ былъ

Танцовщицы.

Ворота, ведущія къ гробницамъ корейскаго королевскаго дома.

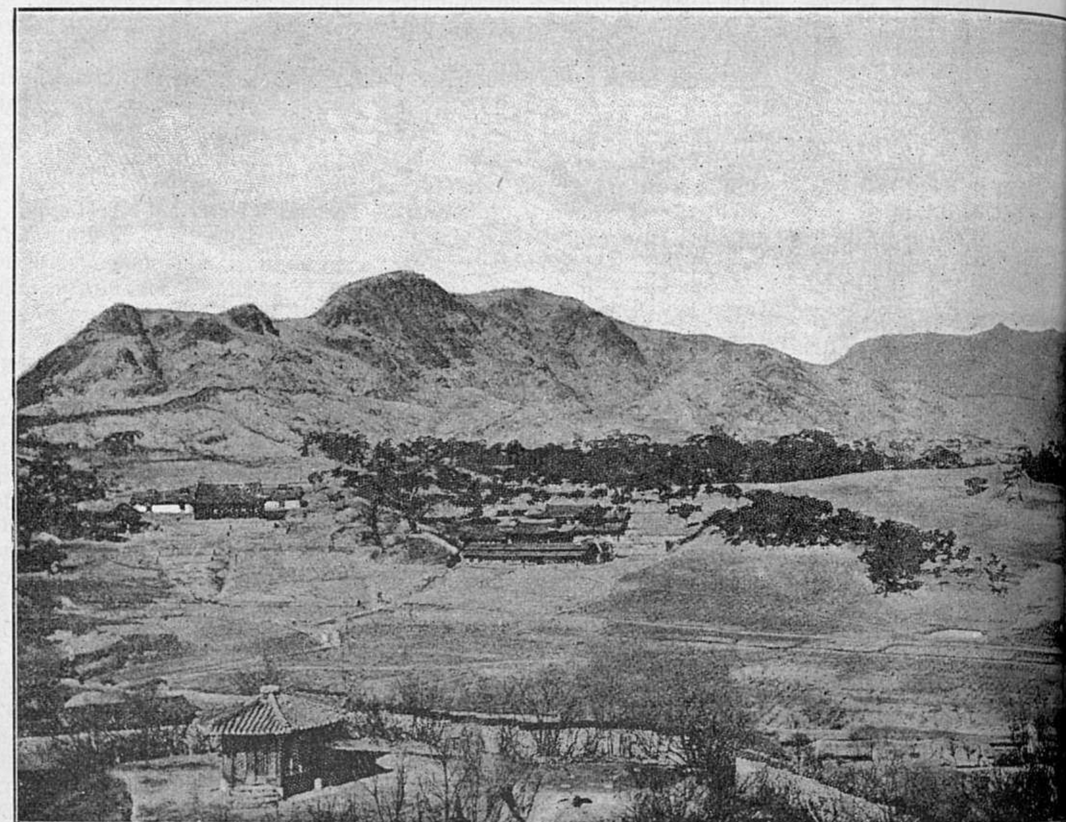
Корейскій король.

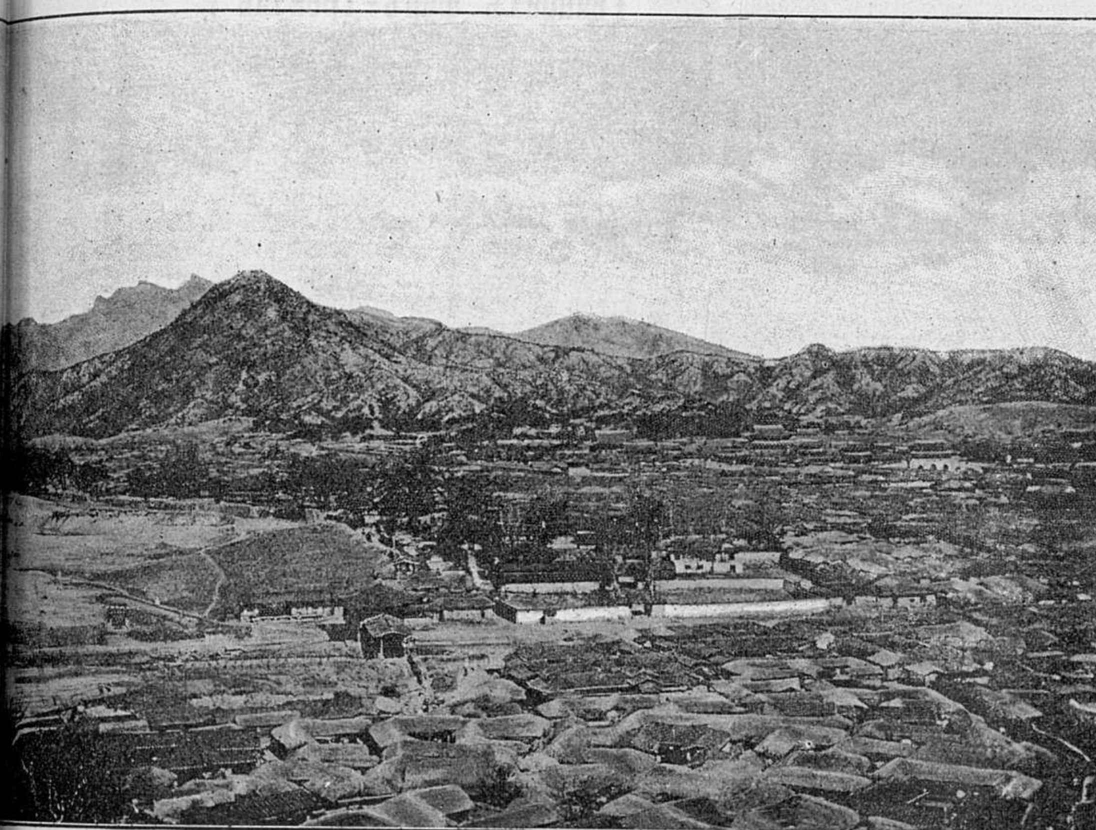

Корейскій учитель.

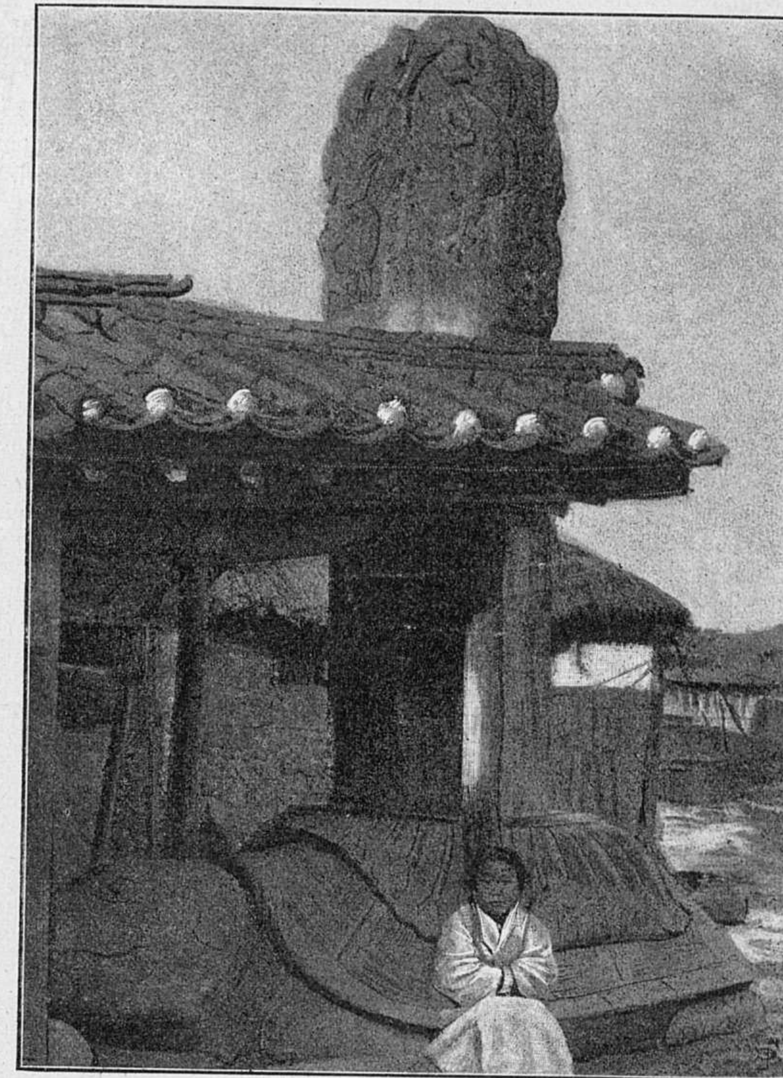

Прудъ съ бельведеромъ близъ аппартаментовъ убитой корейской королевы.

Панорама западной части С... Видъ съ башни русской миссіи.

Часть корейскаго зданія. Образчикъ мѣстной архитектуры.

Нынѣшніе корейскіе солдаты.

Корейскій чиновникъ въ парадной одеждѣ.

Корея. Сеулъ. Виды и типы.

Съ фотографій корреспондента »...ой Иллюстраціи«. Автотипіи Эд. Гоппе.

выясненъ франко-русскій союзъ и первый договоръ съ Мадагаскаромъ. Ганото еще сравнительно молодъ: ему всего 42 года. Онъ пользуется большой популярностью въ дипломатическомъ мірѣ. Его парламентская дѣятельность началась въ 1886 году.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Барту еще моложе Ганото — ему только 34 года, но онъ уже былъ министромъ публичныхъ работъ въ кабинетѣ Дюпюи. Избранный въ палату въ 1889 году, онъ быстро выдвинулся, какъ ораторъ и непримиримый противникъ радикаловъ

Министръ финансовъ Кошри, сынъ перваго министра почтъ и телеграфовъ Кошри. Онъ началъ свою карьеру въ министерствѣ своего отца, а въ 1885 г. выступилъ на парламентское поприще въ качествѣ депутата отъ округа Луаре. Въ палатѣ онъ былъ неоднократно назначаемъ членомъ и докладчикомъ различныхъ коммиссій и въ послѣднее время состоялъ президентомъ бюджетной коммиссіи.

Министръ колоній Андре Лебонъ родился въ 1859 г. Съ 1882 г. онъ состоялъ начальникомъ канцеляріи президента сената и преподавателемъ въ „Ecole des sciences politiques". Ему принадлежитъ нѣсколько сочиненій по политическимъ вопросамъ, и кромѣ того онъ ежегодно издаетъ обзоры политической жизни подъ заглавіемъ: „L'Année politique". Парламентская карьера Лебона началась въ 1893 г., когда онъ былъ избранъ депутатомъ въ округѣ Партене, а въ 1895 г. ему уже былъ порученъ портфель министра торговли въ кабинетѣ Рибо.

Министръ юстиціи Дарланъ родился въ 1848 году. Адвокатъ по профессіи, онъ былъ послѣдовательно меромъ въ г. Неракѣ, генеральнымъ совѣтникомъ, а въ 1890 г. былъ избранъ депутатомъ отъ роднаго округа Неракъ. Въ палатѣ онъ принадлежалъ къ группѣ республиканцевъ-прогрессистовъ.

Военный министръ, генералъ Бильо, сенаторъ, занималъ этотъ портфель въ кабинетахъ Фрейсине и Дюклерка (въ 1882 г.). Онъ родился въ 1828 г. и по окончаніи сенъ-сирской школы сдѣлалъ блестящую военную карьеру въ Алжирѣ, въ Мексикѣ, и во время войны 1870 г. былъ уже въ чинѣ бригаднаго генерала. Въ послѣднее время Бильо состоялъ членомъ высшаго военнаго совѣта.

Морской министръ, вице-адмиралъ Бенаръ (Besnard), занималъ тотъ же постъ въ кабинетѣ Рибо и слѣдовательно былъ предшественникомъ Локруа, котораго онъ теперь смѣняетъ.

Министръ народнаго просвѣщенія Рамбо — извѣстный историкъ и профессоръ въ Нанси и Сорбоннѣ — родился въ 1842 году. Его перу принадлежатъ много научныхъ историческихъ трудовъ, между прочимъ по исторіи Россіи. На парламентское поприще онъ вступилъ лишь нѣсколько недѣль тому назадъ, будучи избранъ сенаторомъ. Его назначеніе министромъ возбуждаетъ недоумѣніе, такъ какъ Рамбо вотировалъ за радикальное министерство.

Министръ торговли Буше родился въ 1847 году. Владѣлецъ нѣсколькихъ фабрикъ, онъ былъ послѣдовательно членомъ генеральнаго совѣта, муниципальнымъ совѣтникомъ, а въ 1889 г. былъ избранъ депутатомъ отъ Эпиналя (Вогезы). Въ палатѣ онъ не игралъ крупной роли.

Министръ публичныхъ работъ Тюррель родился въ 1856 г. Въ палатѣ онъ впервые появился въ 1885 году, избранный въ качествѣ оппортюнистскаго кандидата отъ округа Нарбонны. Здѣсь онъ примкнулъ къ умѣреннымъ радикаламъ и заявилъ себя сторонникомъ пересмотра конституціи и демократическихъ реформъ. Тюррель былъ неоднократно назначаемъ членомъ и докладчикомъ различныхъ коммиссій.

Ѳ. А. Бюлеръ †

Около трехъ лѣтъ тому назадъ былъ отпразднованъ съ Высочайшаго разрѣшенія очень торжественно полувѣковой юбилей государственной службы одного изъ нашихъ почтенныхъ и заслуженныхъ сановниковъ, директора московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, почетнаго опекуна, историка и археолога, дѣйствительнаго тайнаго советника барона Ѳеодора Андреевича Бюлера. Этотъ маститый дѣятель, свидѣтель царствованія трехъ императоровъ — Николая I, Александра II и Александра III — не дожилъ всего четырехъ дней до священнаго коронованія нынѣ благополучно царствующаго Государя; онъ скончался въ Москвѣ 10-го мая. Дѣятельность барона Бюлера была довольно разнообразна. Служилъ онъ по дипломатической части—секретаремъ генеральнаго консульства въ Бухарестѣ и потомъ начальникомъ канцеляріи временнаго предсѣдателя молдавскаго дивана; барону пришлось редактировать подъ руководствомъ Н. К. Гирса бюджетъ княжества Молдавскаго. Далѣе баронъ Бюлеръ ежедневно въ теченіе семнадцати лѣтъ сряду занимался составленіемъ политическихъ обозрѣній для императора Александра Николаевича, былъ членомъ главнаго управленія цензуры и наблюдалъ за политическими обозрѣніями въ толстыхъ журналахъ; въ этой должности ему пришлось отстаивать славянофильскую газету „Парусъ" и нерѣдко просить кн. А. М. Горчакова объ отмѣнѣ этой цензуры съ тѣмъ, чтобы дать возможность русскимъ газетамъ отпарировать нападки австрійскихъ и другихъ иностранныхъ газетъ на Россію. Затѣмъ онъ двадцать два года съ лишнимъ завѣдывалъ московскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и за этотъ періодъ поработалъ немало и въ отношеніи внутренняго устройства этой богатѣйшей археологической сокровищницы, и относительно расширенія помѣщенія архива. Пламенный археологъ, преданный наукѣ и старинѣ, баронъ Бюлеръ привелъ въ образцовый порядокъ рукописи архива, умножилъ его библиотеку и сдѣлалъ это столь важное учрежденіе для людей науки несравненно болѣе доступнымъ. Около восемнадцати лѣтъ баронъ Бюлеръ состоялъ почетнымъ опекуномъ и сдѣлалъ очень много для ввѣренныхъ ему сиротъ. Въ придворной службѣ баронъ Бюлеръ провелъ сорокъ пять лѣтъ, причемъ въ званіи гофмейстера Двора Его Императорскаго Величества состоялъ шестнадцать лѣтъ. Такова дѣятельность маститаго нашего археолога и благотворителя, дѣятеля истинно просвѣщеннаго, гуманнаго, человѣка самыхъ строгихъ правилъ, отзывчиваго, благороднаго, внушавшаго къ себѣ и уваженіе, и большія симпатіи. Баронъ Бюлеръ былъ далеко не чуждъ литературѣ и восемнадцатилѣтнимъ юношей помѣстилъ въ „Сынѣ Отечества", редакціи Н. А. Полеваго, свое первое литературное произведеніе подъ заглавіемъ „Воспоминаніе о Лондонѣ". Въ „Отечественныхъ Запискахъ" А. А. Краевскаго напечатаны его великосвѣтская повѣсть „Ничего" и статьи „Кочующіе и осѣдло живущіе въ астраханской губерніи инородцы", „Ламаизмъ и шаманство". Было его нѣсколько статей политическаго характера въ газетѣ „Le Nord", помѣщенныхъ безъ подписи его имени, въ „Сѣверной Почтѣ", „Русскомъ Инвалидѣ", „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и проч. Но имя себѣ баронъ Бюлеръ пріобрѣлъ историческими и археологическими трудами, которыми началъ заниматься, служа еще управляющимъ газетной экспедиціей министерства иностранныхъ дѣлъ, и которые печаталъ отдѣльно и въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: „Русскомъ Вѣстникѣ", „Русскомъ Архивѣ", „Русской Старинѣ", „Древней и новой Россіи", „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества" и проч. Кромѣ того баронъ Бюлеръ сообщилъ много матеріаловъ для исторіи русской литературы, писемъ и неизданныхъ произведеній Гоголя, Пушкина, Полевого, Греча, Ив. С. Аксакова и проч. Наконецъ, онъ достаточно потрудился надъ изданіемъ различныхъ матеріаловъ въ качествѣ директора коммиссіи печатанія граматъ и договоровъ, состоящей при московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Баронъ Ѳеодоръ Андреевичъ Бюлеръ происходитъ отъ старой фамиліи, вышедшей изъ Швабіи; его отецъ, баронъ Андрей Яковлевичъ Бюлеръ, служилъ сенаторомъ; это былъ весьма образованный человѣкъ, отличный латинистъ и однокашникъ Шиллера, Кювье, Паррота-отца, братьевъ Полторацкихъ и Талызиныхъ въ одномъ изъ лучшихъ германскихъ разсадниковъ науки. Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ родился на мызѣ Мануилово, ямбургскаго уѣзда, с. петербургской губерніи, 3-го апрѣля 1821 года. Первоначальнымъ воспитаніемъ онъ обязанъ своей матери, женщинѣ умной и талантливой, мастерски владѣвшей кистью. Она сама преподавала сыну катехизисъ, исторію, географію, ариѳметику, три иностранные языка и развивала его наслѣдственную наклонность къ рисованію, а для сформированія въ сынѣ художественнаго вкуса водила его въ эрмитажъ. Въ апрѣля 1832 года молодой баронъ былъ помѣщенъ пансіонеромъ въ бывшее высшее училище, не задолго передъ тѣмъ преобразованное во 2-ю гимназію, гдѣ у него стала развиваться страсть къ русской литературѣ. Въ это время въ домѣ дяди своего, сенатора П. Л. Батюшкова, онъ встрѣчалъ разныхъ литераторовъ въ томъ числѣ П. А. Катенина и В. А. Жуковскаго. Изъ гимназіи въ числѣ лучшихъ пяти воспитанниковъ баронъ поступилъ на счетъ императора въ царскосельскій лицей, а отсюда перевелся въ училище правовѣдѣнія, гдѣ окончилъ курсъ въ іюнѣ 1841 г. Службу баронъ началъ въ сенатѣ, повытчикомъ, затѣмъ былъ прикомандированъ къ ревизіи князя П. П. Гагарина въ Астрахани, а по возвращеніи сдѣланъ секретаремъ въ сенатѣ. Прослуживъ здѣсь шесть лѣтъ, баронъ вышелъ въ отставку и 1847—1850 гг. провелъ лечась за границей, побывавъ въ Германіи, Италіи, Франціи. На возвратномъ пути въ Россію баронъ получилъ мѣсто секретаря генеральнаго консульства въ Молдавіи и Валахіи, а въ 1853 г. назначенъ былъ въ Яссы начальникомъ канцеляріи временнаго предсѣдателя молдавскаго дивана. гр. К. И. Остенъ-Сакена. Вернувшись въ Россію, баронъ Бюлеръ занялъ мѣсто управляющаго газетною экспедиціей министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ 1873 г. скончался директоръ московскаго главнаго архива, князь М. А. Оболенскій, и барону предложено было занять его мѣсто. Въ 1879 г. онъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ. Въ званіи камеръ юнкера онъ пробылъ съ 1844 г. — пятнадцать лѣтъ, въ камергеры произведенъ въ 1860 г. и въ гофмейстеры въ 1866 г. Баронъ Бюлеръ имѣетъ много орденовъ русскихъ и иностранныхъ. „Я всегда" — говоритъ баронъ въ своей автобіографіи — „презиралъ аффектацію, ненавидѣлъ все напускное и благоговѣлъ лишь передъ правдой, понятіе о которой всегда приравнивалъ къ понятію о святости присяги и о всемогуществѣ Божіемъ..." Къ этимъ прекраснымъ словамъ прибавлять нечего.

Гейнрихъ фонъ-Трейчке †

Скончавшійся 16 (28) апрѣля знаменитый нѣмецкій историкъ Гейнрихъ-Готгардъ-Трейчке былъ родомъ саксонецъ. Онъ родился въ Дрезденѣ 3-го сентября 1834 г. и былъ сынъ извѣстнаго генералъ-лейтенанта Трейчке, скончавшагося въ 1867 году. Онъ изучалъ исторію и государственное право въ университетахъ въ Боннѣ, Лейпцигѣ, Тюбингенѣ и Гейдельбергѣ. По полученіи ученой степени онъ проживалъ въ Геттингенѣ; здѣсь въ 1856 и 1857 гг. имъ были изданы сборники стихотвореній („Vaterlandische Gedichte" и „Studien"). Въ 1857 г. онъ переѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ въ 1859 г. издалъ книгу объ обществовѣдѣніи („Die Gesellschaftswissenschaft") и опредѣлился доцентомъ въ мѣстный университетъ. Съ этого времени имъ былъ написанъ рядъ интересныхъ историческихъ этюдовъ; такъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ сдѣлалъ любопытное сопоставленіе историческаго развитія государственнаго строя во Франціи и Англіи. Мало по малу онъ обратился къ отечественной исторіи и почти исключительно ея разработкѣ посвятилъ всѣ свои позднѣйшіе труды. Въ 1863 г. ему была предложена профессорская каѳедра въ Фрейбургѣ, на которой онъ пробылъ до 1866 г., оставивъ ее по причинамъ политическаго свойства, и переселился въ Берлинъ. Здѣсь онъ началъ издавать извѣстнѣйшій журналъ „Preussische Jahrbücher", который и велъ 23 года подъ рядъ; сотрудничество его въ этомъ журналѣ началось еще ранѣе, съ 1858 года. Въ томъ же 1866 г. ему была предложена профессорская каѳедра въ Килѣ, затѣмъ, въ 1867 г., въ Гейдельбергѣ, и, наконецъ, въ 1874 г., въ Берлинѣ. Въ 1886 г., послѣ смерти государственнаго исторіографа Ранке, онъ занялъ его мѣсто. Въ 1879 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ самаго крупнаго изъ произведеній Трейчке—„Нѣмецкой исторіи XIX столѣтія". Это капитальное сочиненіе обнимаетъ исторію Германіи со временъ вѣнскаго конгресса. Трейчке умеръ, заключивъ этотъ свой излюбленный трудъ пятымъ томомъ, въ которомъ изложеніе доведено до событій 1848 года. Кромѣ упомянутаго, ему принадлежатъ еще слѣдующіе труды: „Historische und politische Aufsätze". „Zehn Jahre deutsher Kämpfe 1865—1874", „Zwei Kaiser". Въ своихъ трудахъ Трейчке нерѣдко являлся тенденціознымъ публицистомъ и врагомъ либеральныхъ идей. Еще болѣе ярко выступали всѣ эти тенденціи въ его парламентскихъ рѣчахъ и въ многочисленныхъ публицистическихъ сочиненіяхъ. Внѣ Германіи прусскій исторіографъ имѣлъ мало почитателей, да и среди своихъ соотечественниковъ онъ многихъ оттолкнулъ отъ себя неумѣреннымъ шовинизмомъ. Справедливость требуетъ, однако, признать, что въ его шовинизмѣ и въ особенности въ поклоненіи руководительству Гогенцоллерновъ не было сервилизма. Какъ ни антипатичны намъ трескучіе гимны великому германскому фатерланду въ лекціяхъ и сочиненіяхъ Трейчке, но мы въ нихъ видимъ глубокое убѣжденіе. Въ 1866 году, когда Саксонія стала на сторону Австріи противъ Пруссіи, саксонцу Трейчке нужно было мужество, чтобы стать на сторону Пруссіи и какъ стать? Трейчке тогда открыто требовалъ низверженія саксонскаго короля. Можетъ быть, скажутъ, что это мужество заслуживало бы болѣе достойнаго

дѣла, но это, во всякомъ случаѣ, доказываетъ, что покойный исторіографъ не былъ изъ тѣхъ патріотовъ, которые плывутъ по теченію и поклоняются всѣмъ предержащимъ властямъ. Стоило только посмотрѣть на него на каѳедрѣ, чтобы получить впечатлѣніе, что это была дѣйствительно искренняя, страстная натура. Глухой, заика, онъ производилъ тѣмъ не менѣе огромное впечатлѣніе на молодежь; черезъ нѣсколько минутъ слушатель забывалъ недостатки рѣчи и любовался картинами, которыя лекторъ развивалъ изъ прошлаго и настоящаго Германіи. Сужденія профессора всегда были пристрастны, на каждомъ словѣ являлось желаніе противорѣчить, иностранца онъ прямо раздражалъ, но ни на одну минуту интересъ къ его лекціямъ не ослабѣвалъ. И такое же впечатлѣніе производитъ его „Deutsche Geschichte im 19 Jahrhundert", которая теперь осталась неоконченной. Несмотря на свое сильное пруссофильство, Трейчке въ послѣднемъ (5-мъ) томѣ далъ такую безпощадную характеристику Фридриха-Вильгельма IV, что заслужилъ крайнюю немилость нынѣшняго императора.

Новыя суда нашего флота

Нашъ славный военный флотъ увеличился недавно двумя судами. 30-го апрѣля, въ Высочайшемъ присутствіи происходили: въ Новомъ адмиралтействѣ закладка мореходной канонерской лодки „Гилякъ" и спускъ съ верфи его броненосца береговой обороны „Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ", а на Балтійскомъ заводѣ спускъ на воду крейсера 1-го ранга „Россія". Для церемоніала этихъ морскихъ торжествъ были поставлены, по диспозиціи, яхты и пароходы, которыя и заняли свои мѣста съ вечера 29-го числа. Императорская яхта „Александрія" стояла первой отъ Балтійскаго завода, затѣмъ вверхъ по теченію были расположены яхты и пароходы въ слѣдующемъ порядкѣ: „Нева", „Стрѣла", „Онега" и „Петербургъ". Въ день торжествъ съ самаго утра Балтійскій заводъ, Галерный островъ и Новое адмиралтейство расцвѣтились флагами и повсюду было замѣтно оживленіе. Въ 11 часовъ въ Новое адмиралтейство прибыли Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна. Его Величество поздоровался съ почетнымъ карауломъ, а затѣмъ прошелъ въ первый эллингъ, гдѣ состоялась закладка канонерской лодки „Гилякъ". Изъ перваго эллинга Ихъ Величества и Ихъ Императорскія Высочества прошли въ третій эллингъ. Здѣсь тотчасъ было приказано приступить къ спуску броненосца „Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ". Въ 11 ч. 15 м. показалась изъ верфи корма броненосца и затѣмъ замѣчательно быстро и торжественно онъ сошелъ на воду при восторженныхъ крикахъ „ура". Какъ только взвился на среднемъ флагштокѣ спускаемаго броненосца Императорскій штандартъ, всѣ суда, стоявшія по диспозиціи, расцвѣтились флагами и произвели установленный салютъ — по тридцать одному выстрѣлу. Вслѣдъ за тѣмъ Ихъ Императорскія Величества, Ихъ Императорскія Высочества, лица свиты и прочія высокопоставленныя особы и почетные гости прослѣдовали на паровыхъ катерахъ къ верфи Балтійскаго завода. Гордо и плавно сошелъ здѣсь на воду крейсеръ 1-го ранга „Россія" — новая гордость русскаго флота. Снова раздался салютъ и радостные возгласы. Къ сожалѣнію, холодная, ненастная и дождливая погода значительно умаляла величественную картину морскаго торжества.

Съ Балтійскаго завода Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества, на катерахъ, прослѣдовали къ пристани дворца великаго князя генералъ-адмирала Алексѣя Александровича.

Броненосецъ береговой обороны „Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ" — одного типа съ броненосцами „Адмиралъ Ушаковъ" и „Адмиралъ Сенявинъ", спущенными уже на воду: первый въ 1893 и второй въ 1894 г. Главныя размѣренія броненосца слѣдующія: водоизмѣщеніе — 4,126 тоннъ, длина по грузовой ватерлиніи — 278 фут., наибольшая ширина — 52 фута, углубленіе кормой — 17 футовъ; двѣ машины тройного расширенія, проектированныя на 5,000 индикаторныхъ силъ, должны развить 17 узловъ хода. Броневая защита состоитъ изъ бортовой брони, идущей на протяженіи 177 футовъ; ея толщина по срединѣ 10 дюймовъ; къ оконечностямъ судна броня становится тоньше и доходитъ въ передней части судна до 8,8 д. и въ кормовой до 7,8 д. Носовой и кормовой срѣзы брони соединены между собою броневыми переборками толщиною 7,8 д. въ носовой части и 5,9 д. въ кормовой части судна. Артиллерійское вооруженіе будетъ состоять изъ четырехъ 9-дюймовыхъ орудій, расположенныхъ по два во вращающихся башняхъ, четырехъ орудій калибра 5,9 д., системы Кане, шести — калибра 1,85 д., восьми — калибромъ 1,45 д. и четырехъ орудій меньшихъ калибровъ на боевыхъ марсахъ. Вся артиллерія, за исключеніемъ 9-дюймовыхъ орудій — скорострѣльная. На броненосцѣ имѣется четыре минныхъ аппарата, изъ которыхъ носовой для стрѣльбы прямо впередъ, кормовой прямо назадъ и два бортовыхъ аппарата для выбрасыванія минъ подъ угломъ къ курсу корабля. Названіе „Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ" дается судну впервые въ память сподвижника Петра Великаго, славнаго адмирала Ѳеодора Матвѣевича Апраксина (1671—1728), отличавшагося во многихъ дѣлахъ противъ непріятеля и въ особенности при взятіи Выборга и въ сраженіи при Гангутѣ.

Крейсеръ 1-го ранга „Россія", спущенный на Балтійскомъ заводѣ, по своимъ размѣрамъ и водоизмѣщенію будетъ превосходить всѣ до сихъ поръ плавающіе русскіе крейсера. Водоизмѣщеніе его исчислено въ 12.200 тоннъ, и слѣдовательно онъ будетъ по величинѣ третьимъ крейсеромъ въ мірѣ, уступая только двумъ англійскимъ крейсерамъ „Powerful" и „Terrible", обладающихъ огромнымъ водоизмѣщеніемъ въ 14.200 тоннъ. Крейсеръ заложенъ въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны 20-го мая 1895 г. Длина его между перпендикулярами 464 ф., наибольшая ширина съ обшивкою 68 ф., индикаторная сила машинъ 17.000 ф., скорость хода 19 узловъ, районъ плаванія 12.500 морскихъ миль. Механизмъ крейсера тройного расширенія состоитъ изъ 3-хъ отдѣльныхъ машинъ. Корпусъ судна защищенъ снаружи броневымъ поясомъ, а внутри броневою палубою и броневыми траверзами. Броневыя плиты обработаны по способу Гарвея. Крейсеръ имѣетъ двойное дно, раздѣленное на водонепроницаемыя отдѣленія. Имя „Россія" встрѣчалось неоднократно въ спискахъ русскаго флота. Первымъ судномъ, получившимъ такое имя, былъ 32-хъ-пушечный фрегатъ, построенный въ С.-Петербургѣ въ 1728 году и участвовавшій въ перестрѣлкѣ съ шведскимъ флотомъ близъ Гангута. Въ 1754 году построенъ въ Архангельскѣ новый фрегатъ „Россія", а старый былъ тогда сломанъ. Этотъ фрегатъ также имѣлъ 32 пушки и былъ одного типа съ прежнимъ. Въ 1761 году онъ находился въ составѣ отряда русскихъ и шведскихъ судовъ подъ командою вице-адмирала Полянскаго и принималъ участіе въ бомбардированіи крѣпости Кольбергъ. Въ 1814 году спущенъ на воду въ С.-Петербургѣ 24-хъ пушечный фрегатъ „Россія", который, впрочемъ, весьма недолго принадлежалъ къ числу линейныхъ судовъ флота. Самое большое судно, носившее имя „Россія", былъ 120-типушечный корабль, построенный въ Петербургѣ, въ Новомъ Адмиралтействѣ, въ 1839 году; онъ имѣлъ въ длину 208 фут. и въ ширину 55½. Корабль „Россія" принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ при защитѣ Свеаборга во время бомбардированія города и его укрѣпленій англофранцузскимъ флотомъ въ 1855 году.

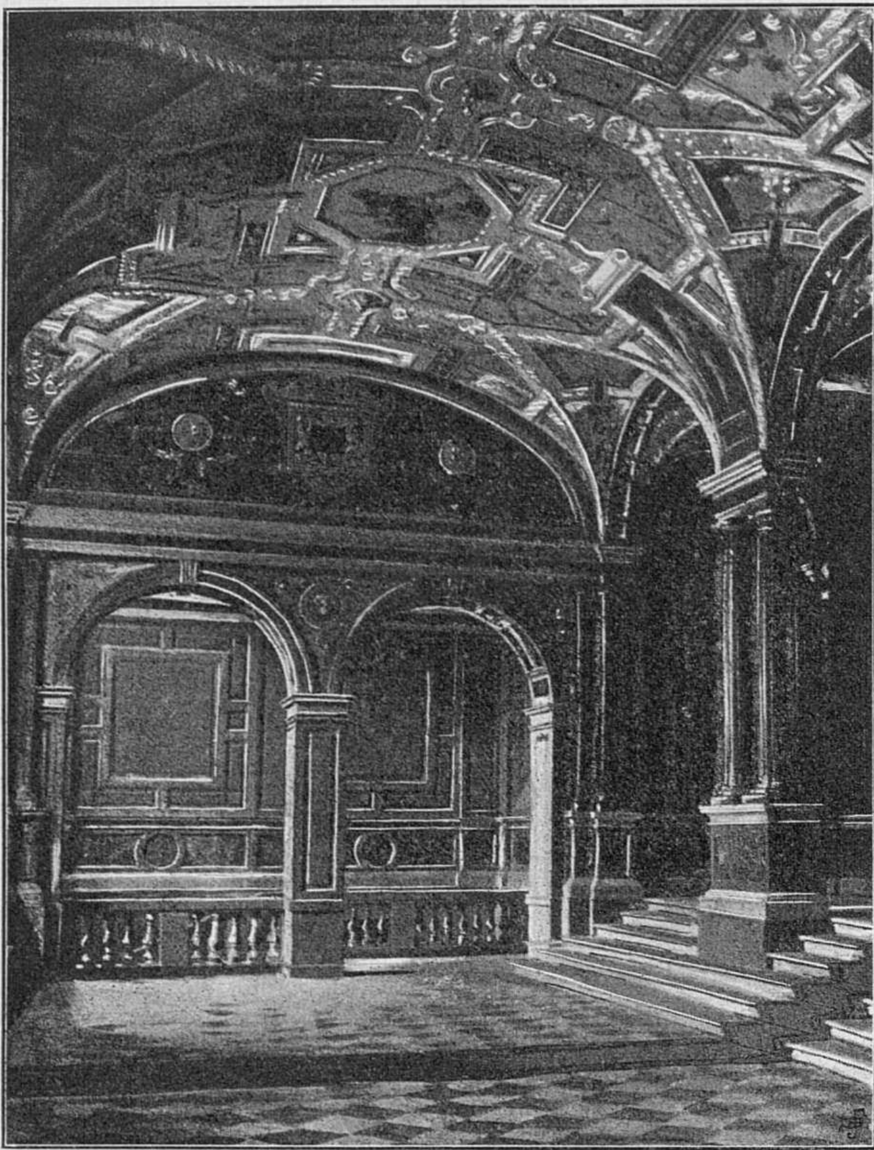

С.-Петербургъ. — Памятникъ на могилѣ историка Н. Г. Устрялова на Смоленскомъ кладбищѣ, открытый 4-го мая с. г.

Съ фотографіи. Автотипія Эд. Гоппе.

Памятникъ на могилѣ Н. Г. Устрялова

Въ іюнѣ прошлаго года минуло четверть вѣка со дня кончины одного изъ видныхъ нашихъ историковъ Николая Герасимовича Устрялова и тогда же во „Всемірной Иллюстраціи" были помѣщены его портретъ и біографическій очеркъ. 4-го мая нынѣшняго года, въ день девяносто первой годовщины его рожденія, состоялось освященіе и открытіе памятника нашему историку на его могилѣ на Смоленскомъ кладбищѣ. Памятникъ этотъ очень незатѣйливъ. На мраморномъ, средней вышины, пьедесталѣ укрѣпленъ довольно высоко, тоже изъ бѣлаго мрамора, крестъ, на которомъ значится: „Академикъ Николай Герасимовичъ Устряловъ, историкъ. Родился 4-го мая 1805 года. Скончался 8-го іюня 1870 года. За свою дѣятельность, за долгое служеніе наукѣ, Н. Г. Устряловъ заслуживалъ бы и не такого слишкомъ скромнаго памятника. Впрочемъ, давно извѣстно, что мы не умѣемъ цѣнить нашихъ дѣятелей.

Вестибюль.

Школы сценическаго искусства на Западѣ

Окончаніе

IV

Перехожу къ Германіи. Если во Франціи преподаваніе сценическаго искусства въ высшемъ театральномъ учрежденіи какъ бы застыло, вылившись въ извѣстныя формы, то въ Германіи, напротивъ, преподаваніе это сдѣлало большіе успѣхи. И репертуаръ, и игра актеровъ значительно измѣнились къ лучшему противъ того, что было лѣтъ шестнадцать назадъ.

Въ Германіи сценическое преподаваніе очень развито. Въ каждомъ крупномъ городѣ есть театральныя школы: въ Лейпцигѣ, Бреславлѣ, Гамбургѣ, Вюрцбургѣ и т. д., и только въ одномъ Дрезденѣ — королевская консерваторія. Повсюду же это преподаваніе частное. Въ Берлинѣ 12 частныхъ драматическихъ школъ. Даже въ какомъ-то Штейнмаркѣ есть театральная школа! И всѣ онѣ съ обширной технической программой, куда входитъ неизмѣнно выработка произношенія и голоса, пластика; потомъ гриммировка, фехтованіе, декламація, въ тѣсномъ смыслѣ, изученіе ролей, исполненіе цѣлыхъ пьесъ въ залахъ съ 1.500 и 1.700 человѣкъ зрителей „и все изъ любителей искусства", какъ сказано въ отчетахъ. Преподаватели — актеры и режиссеры съ окладами отъ трехсотъ рублей до тысячи пятисотъ рублей (отъ 600 марокъ до 3.000 марокъ). Средняя цѣна за ученіе 150 руб. въ годъ, а гдѣ и 175 руб. (отъ 300 марокъ до 350).

Въ Вѣнѣ, гдѣ такъ процвѣтаетъ театральное искусство, преподаваніе, кромѣ частныхъ учителей, происходитъ въ драматическихъ классахъ музыкальной консерваторіи. Оно состоитъ изъ уроковъ декламаціи и ученическихъ спектаклей. Прежде во главѣ этого преподаванія стоялъ, извѣстный и Петербургу чтецъ, г. Стракошъ. Теперь имъ занимаются два второстепенныхъ актера вѣнскаго императорскаго Бургъ-театра.

Приведу письменные отвѣты директора одного изъ частныхъ нѣмецкихъ театровъ; онъ находитъ слѣдующее:

Театральныхъ школъ слишкомъ много. Слишкомъ много учатся сценѣ, не имѣя къ ней дарованія, и, разумѣется, среди молодежи, изучающей театръ, гораздо больше званыхъ, чѣмъ избранныхъ. Предразсудки слабѣютъ. Современные оклады вполнѣ могутъ питать и актера, и актрису. Minimum пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, maximum тысячу рублей (даже въ экономной Германіи!). Зачастую, однако, въ началѣ карьеры молодые актеры служатъ даромъ. Преобладающія способности среди нѣмецкихъ учениковъ — къ драмѣ, а не къ комедіи (наоборотъ у французовъ).

Желательное улучшеніе въ театральномъ дѣлѣ одно: чтобъ и школы

Художественный музей барона Штиглица въ Петербургѣ

Наша Сѣверная Пальмира обогатилась весьма крупнымъ художественнымъ учрежденіемъ, равнаго которому, если не считать Императорскаго Эрмитажа, у насъ не имѣется. Это — новый музей при центральномъ училищѣ техническаго рисованія барона Штиглица, помѣщающійся въ специально выстроенномъ для него зданіи, въ Соляномъ переулкѣ, по проекту директора училища М. Е. Месмахера, на средства, завѣщанныя барономъ Штиглицемъ. Зданіе музея, поражающее уже своимъ внѣшнимъ видомъ, приводитъ въ восторгъ внутреннею отдѣлкою: огромный, оригинальный центральный Рафаэлевскій залъ, особенность котораго составляютъ: отсутствіе оконъ (залъ освѣщается громаднымъ куполомъ съ разноцвѣтными стеклами, во вкусѣ итальянскаго ренессанса) и чудная лѣстница съ галлереею и колоннами, богатая отдѣлка, представляющая какъ бы соединеніе разныхъ эпохъ, рядъ большихъ и малыхъ боковыхъ залъ, въ которыхъ собраны многочисленныя коллекціи разныхъ художественныхъ стеклянныхъ произведеній, фрески и т. п., роскошный вестибюль музея — весь мраморный — все это невольно поражаетъ зрителя.

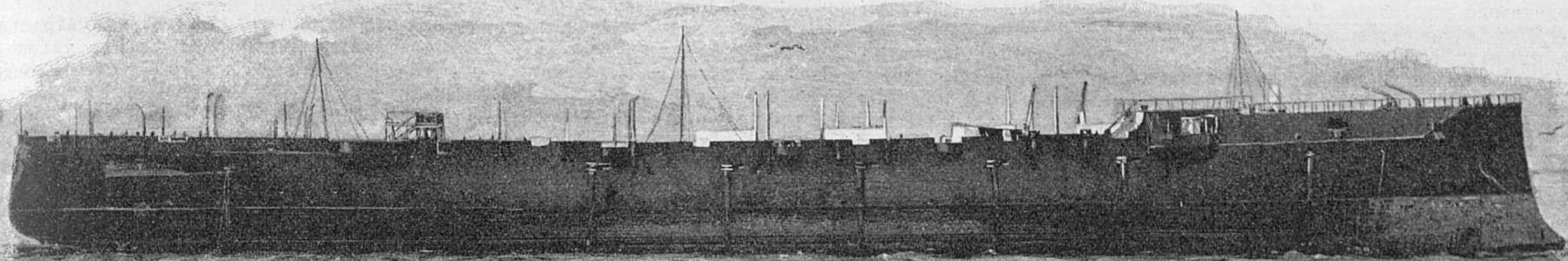
Освященіе и открытіе новаго музея происходило въ Высочайшемъ присутствіи, 30-го минувшаго апрѣля. Въ одной изъ залъ музея во второмъ этажѣ было отслужено молебствіе и всѣ залы окроплены святою водою. Какъ только процессія спустилась въ нижній залъ, раздались звуки народнаго гимна и восторженное „ура" учениковъ и ученицъ, въ массѣ ожидавшихъ Ихъ Императорскихъ Величествъ внизу. Послѣ освященія зданія, Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества, при несмолкавшемъ „ура", обошли нѣсколько разъ всѣ залы музея, на половину уже заставленныя экспозитами изъ прежняго музея, и затѣмъ отбыли въ Царское Село.

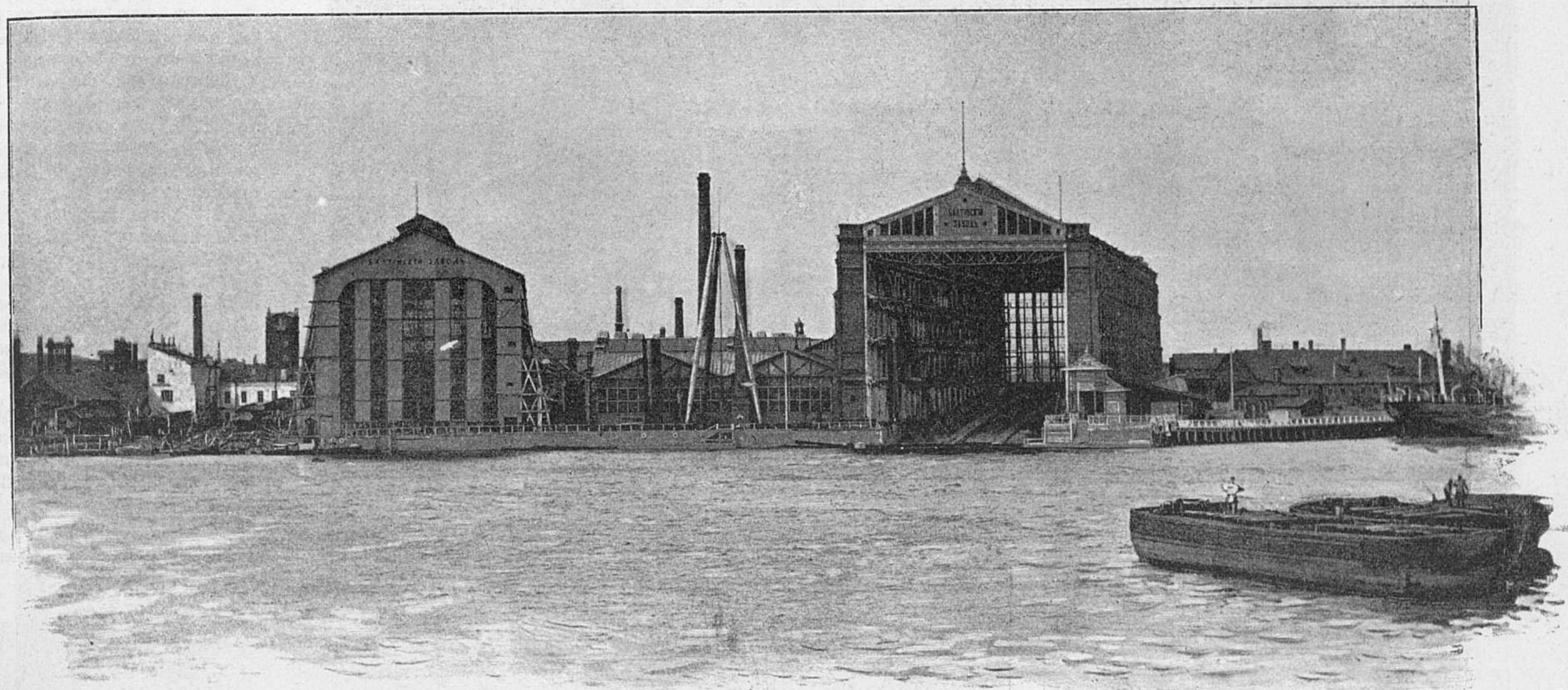
Часть большой залы.

С.-Петербургъ. — Музей при центральномъ училищѣ техническаго рисованія бар. Штиглица, открытый 30 апрѣля с. г.

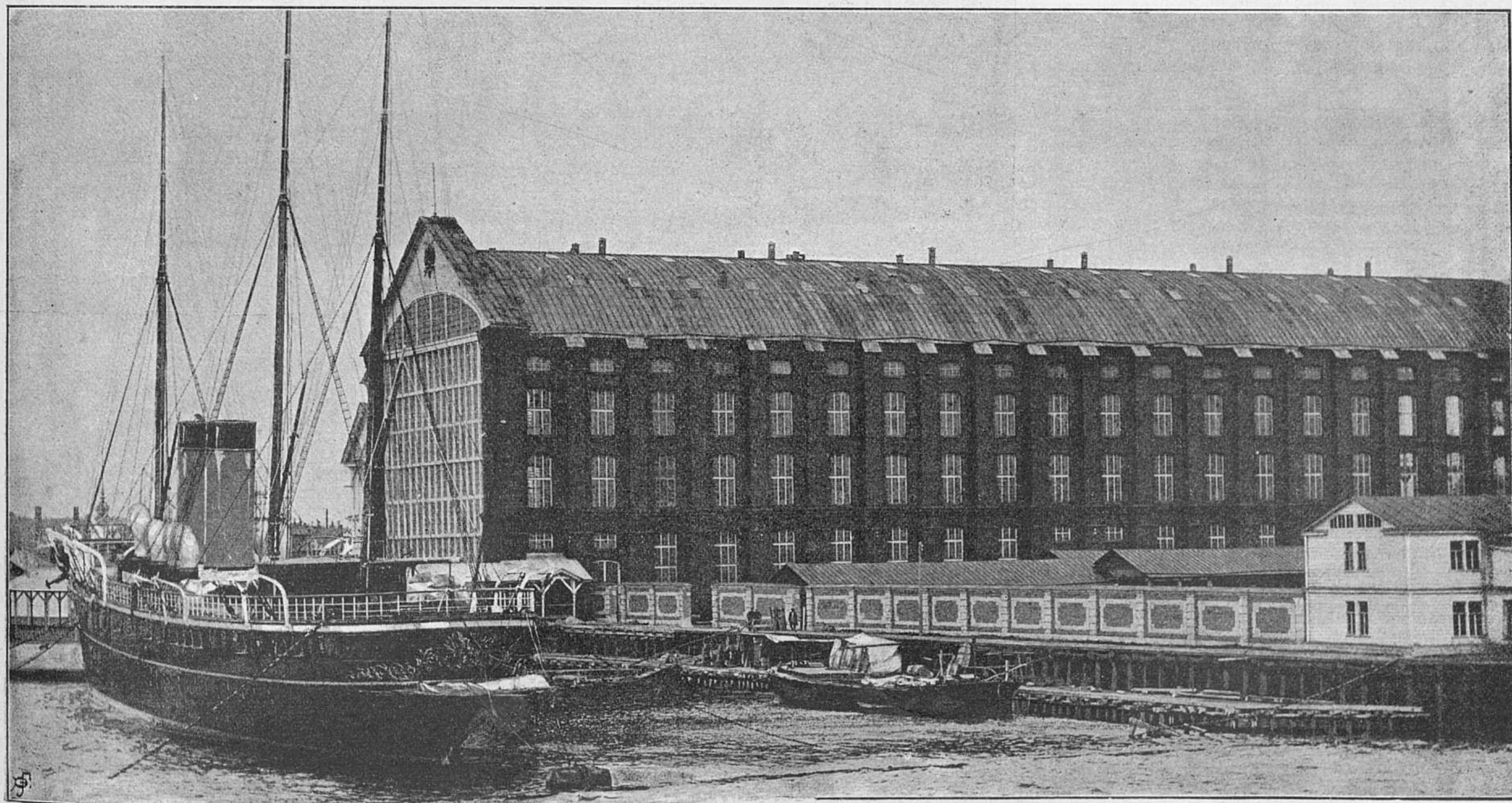
Съ фотографій. Автотипіи Эд. Гоппе.

Крейсеръ I ранга »Россія«.

Балтійскій судостроительный заводъ.

Каменный эллингъ Новаго адмиралтейства.

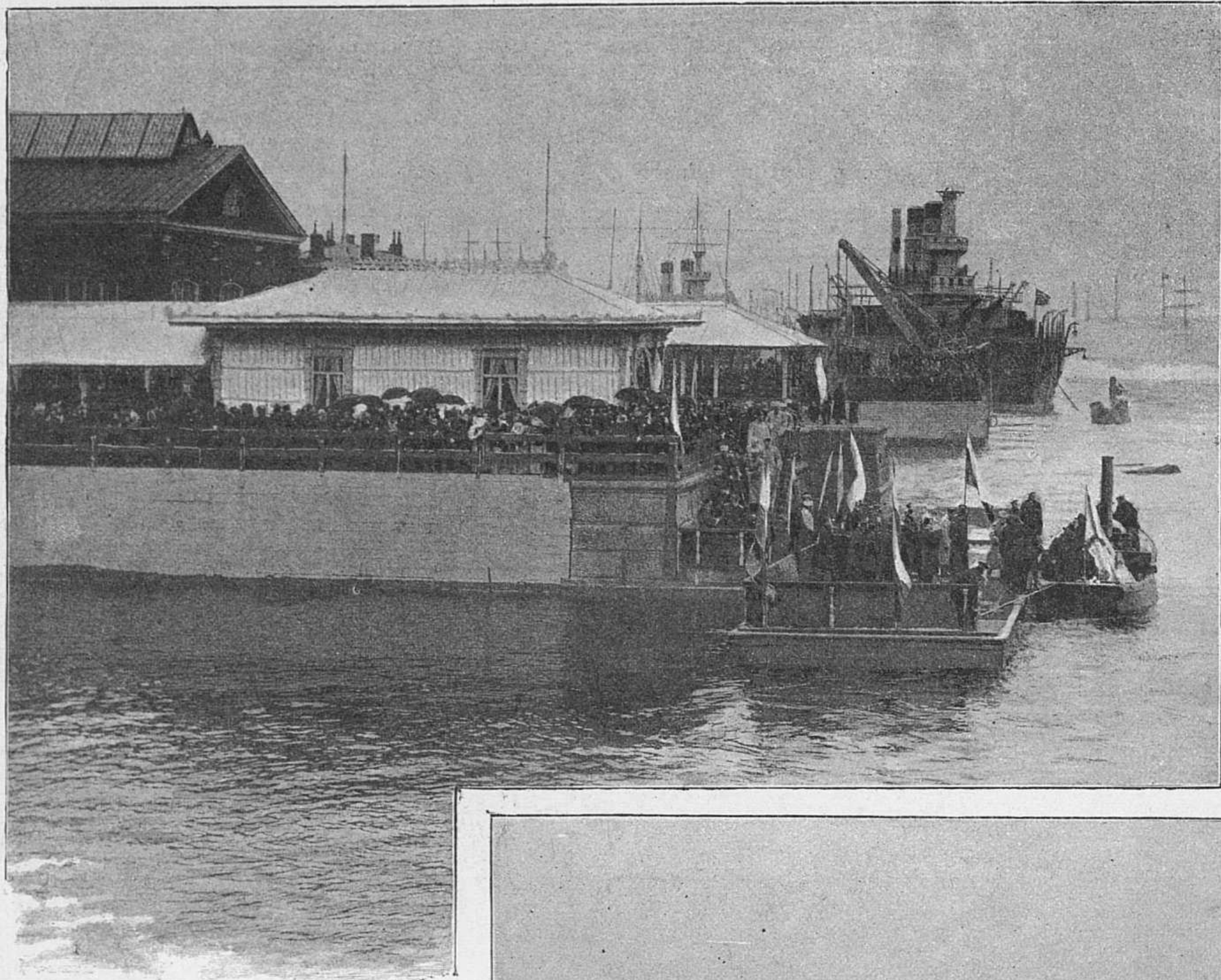
Съ фотографій К. Булла. Автотипіи Эд. Гоппе.

С.-Петербургъ. — Спускъ броненосца »Генералъ-адмиралъ Апраксинъ« и крейсера I-го ранга »Россія« 30-го апрѣля с. г.

и сцены дѣлались правительственными или городскими.

V

Скажу нѣсколько словъ о театральныхъ школахъ въ Италіи, странѣ выдѣляющейся такими драматическими талантами, какъ Ристори, Сальвини, Росси, Дузе и, вовсе еще не знакомый въ Россіи, замѣчательный комикъ Лейгебъ (Leigheb). Въ Италіи существуетъ настоящая правительственная школа сценическаго искусства, во Флоренціи: *scuola di recitazione*. Въ нее принимаютъ

Отбытіе Государя Императора на Балтійскій судостроительный заводъ.

учениковъ по конкурсу и даютъ имъ довольно полную практическую выучку, состоящую изъ выработки дикціи, игры на сценѣ въ отдѣльныхъ актахъ и цѣлыхъ пьесахъ. Эти пробные спектакли происходятъ довольно часто и сопровождаются замѣчаніями профессора. Директоръ школы въ то же время и главный преподаватель. Это мѣсто занимаетъ г. Рази, когда-то актеръ и теперь еще довольно извѣстный критикъ. Заведеніе это помѣщается въ казенномъ зданіи — упраздненномъ монастырѣ, и зала со сценой передѣлана изъ монастырскихъ кладовыхъ.

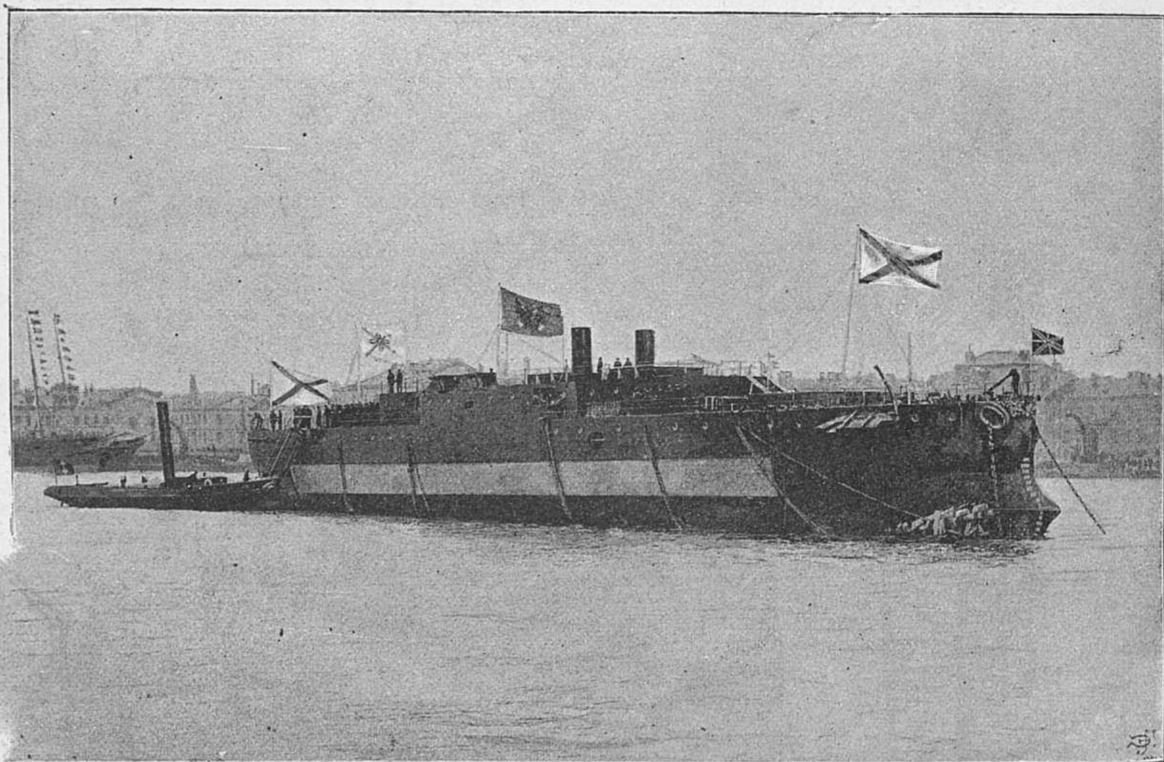
Одно лицо, вполнѣ авторитетное въ дѣлѣ преподаванія, сообщаетъ мнѣ еще нѣкоторыя свѣдѣнія.

„У насъ, въ Италіи", пишетъ оно, „думаютъ, что сценическому артисту нѣтъ надобности быть образованнымъ. Такое мнѣніе сложилось потому, что большинство нашихъ знаменитостей еле грамотны (за искренность моего корреспондентаитальянца я отвѣчаю, но за его безпристрастіе нѣтъ). Актеру или актрисѣ можно жить на свой заработокъ. Расходу въ день 10—15 франковъ (мой корреспондентъ считаетъ *поденно*, какъ истое дитя Неаполя), а заработокъ въ 20—30 франковъ. даже 40 франковъ; но, правда, такой громадный гонораръ получаетъ только Лейгэбъ, онъ. единственный!

Большинство учениковъ — изъ народа или мелкой буржуазіи; очень рѣдко изъ актерской среды и еще рѣже изъ аристократіи, хотя теперь предразсудки по части сценической карьеры не идутъ въ соображеніе. Всѣ ученики мнятъ въ себѣ *драматическія* способности изъ тщеславія—драма благороднѣе комедіи.

Собственно театральная школа въ Италіи одна — во Флоренціи; но есть нѣсколько любительскихъ труппъ; ихъ репертуаръ: послѣднія новинки, съ которыми онѣ и разъѣзжаютъ изъ города въ городъ. Въ такихъ труппахъ и вырабатываются актеры.

Во флорентинской школѣ, какъ и въ парижской консерваторіи, въ классахъ упражняются

Броненосецъ береговой обороны »Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ«.

Съ фотографіи К. К. Булла. Автотипіи Эд. Гоппе.

С.-Петербургъ. — Спускъ броненосца »Генералъ-адмиралъ Апраксинъ« и крейсера 1-го ранга »Россія« 30-го апрѣля с. г.

безъ костюмовъ; а извѣстно, что шляпа и шпага играютъ важную роль въ костюмныхъ пьесахъ. Это громадный пробѣлъ въ практическомъ преподаваніи. Желательныя улучшенія — Богъ мой! да у насъ въ Италіи даже коммиссія существуетъ для выработки этихъ улучшеній; но она только во все вмѣшивается, во все суется. На мой взглядъ для сценической школы достаточно одного преподавателя — хорошаго актера, онъ же долженъ знать хорошо и литературу, потомъ дѣльнаго учителя исторіи, учителя танцевъ и фехтованія. Вотъ и довольно, но чтобъ всѣ эти классы *безпрекословно* посѣщались учениками, а чтобъ они и директора побольше слушались!"

VI

Самой оригинальной страной по театральному дѣлу является Англія. Нигдѣ нѣтъ такой изумительной обстановки пьесъ и шекспировскихъ, и современныхъ, какъ въ Лондонѣ, и такой правдивой игры, какъ игра англійскихъ актеровъ.

Приведу слова русскаго писателя, считающагося знатокомъ сценическаго дѣла, о театральномъ исполненіи въ Англіи. Этотъ писатель *) давно знакомъ съ европейскимъ сценическимъ преподаваніемъ и всегда горячо стоялъ за необходимость общаго образованія для актера и за техническую подготовку. Онъ читалъ даровыя лекціи въ Москвѣ и Петербургѣ, открывалъ безплатные курсы у себя на дому, учреждалъ драматическія школы совмѣстно съ серьезными любителями театра. И вотъ что онъ мнѣ говорилъ послѣ своего пребыванія въ этомъ году въ Лондонѣ, гдѣ былъ въ особенности пораженъ обстановочной стороной пьесъ:

„Директоръ одного изъ хорошихъ лондонскихъ театровъ, г. Виндемъ, побывавшій и въ Россіи какъ актеръ, на мои вопросы о лондонскихъ курсахъ и профессорахъ сценическаго искусства, отвѣтилъ мнѣ категорически, что въ Лондонѣ *нѣтъ* никакихъ, сколько нибудь авторитетныхъ, профессоровъ. Актеры и актрисы или самоучки, или выученики режиссеровъ и директоровъ. Если это такъ, то получается результатъ, способный привести въ смущеніе всякаго сторонника школъ и съ обще-литературной, и со спеціальной программой. Въ Англіи нѣтъ или почти нѣтъ такихъ школъ, а между тѣмъ уровень лучшихъ драматическихъ сценъ въ Лондонѣ никакъ не ниже соотвѣтственнаго уровня въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Москвѣ, Петербургѣ; не говоря уже о томъ, что вся художественная сторона постановки достигаетъ высокаго совершенства, почти не извѣстнаго на континентѣ Европы".

VII

Какой же сдѣлать выводъ изъ этого обзора сценическаго преподаванія на Западѣ?

Вмѣсто отвѣта приведу мнѣніе одной изъ пер-

*) П. Д. Боборыкинъ. *Пр. авт.*

воклассныхъ русскихъ актрисъ. Она блестяще прошла и проходитъ еще свою артистическую карьеру.

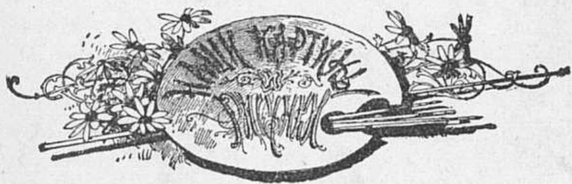
Вотъ что она мнѣ сказала, когда я пріѣхала побесѣдовать съ нею для настоящей статьи:

„Пусть у насъ открываютъ школы театральнаго искусства, пусть преподаютъ техническое знаніе сцены, учатъ пріемамъ смѣха, слезъ, паданью въ обморокъ... Я сама только недавно научилась умѣть хохотать, а я двадцать лѣтъ на сценѣ. Правда, я хотя до сихъ поръ и не умѣю держать карандаша въ рукѣ, но гримируюсь, кажется, достаточно художественно. Зачѣмъ терять массу времени на то, что можно самому скоро усвоить? Открывайте школы, но, Бога ради, не загромождайте программъ!"

Я же прибавлю отъ себя: хорошая русская игра была, есть и остается идеальной сценической игрой. Говорю такъ не изъ квасного патріотизма, а по многолѣтнимъ наблюденіямъ. Я видала пьесы Мольера и въ Москвѣ, въ исполненіи Шумскаго, и въ Парижѣ, въ исполненіи Ренье. Игра Шумскаго выходила ярче и глубже, чѣмъ у Ренье.

Бывали у насъ самородки, бывали у насъ и великія дарованія, которыя *учились*. Щепкинъ, какъ извѣстно, требовалъ прежде всего работы, ученья. И наши обѣ старѣйшія актрисы—Н. М. Медвѣдева—въ Москвѣ—и Е. Н. Жулева—въ Петербургѣ—прошли черезъ театральную выучку.

С. А. Б—на

Виды и типы Кореи

Въ прошломъ нумерѣ „Всемірной Иллюстраціи" помѣщена серія рисунковъ, относящихся къ замѣткѣ объ Императорской русской миссіи въ Кореѣ. Въ дополненіе къ нимъ мы даемъ

Корейскій солдатъ до войны.

теперь еще нѣсколько рисунковъ, изображающихъ виды и типы Кореи. Объ этой странѣ внимательный читатель „Всем. Иллюстр." не разъ встрѣчалъ на ея страницахъ немало свѣдѣній и не далѣе какъ въ прошломъ году (см. т. LIII. №№ 1374 и 1375) у насъ былъ напечатанъ довольно обстоятельный очеркъ о Кореѣ д-ра Зандера, сопровождавшаго великаго князя Александра Михаиловича въ путешествіи. На нашихъ рисункахъ изображены мѣстности, бывшія свидѣтельницами печальныхъ событій въ этой странѣ, вродѣ, напримѣръ, пруда съ бельведеромъ вычурной корейской архитектуры на маленькомъ островкѣ, находящагося вблизи аппартаментовъ убитой королевы. Большой рисунокъ представляетъ панораму западной части Сеула, открывающуюся съ башни зданія нашей миссіи. Въ правомъ, дальнемъ, углу видны главныя ворота дворцоваго городка, тронное зданіе и прочія дворцовыя строенія. О характерныхъ типахъ мирнаго учителя и представителей корейской военщины мы не будемъ говорить; эти типы не нуждаются въ поясненіяхъ.

Итальянцы въ Африкѣ

Извѣстія, нынѣ приходящія изъ Эритреи и Абиссиніи, по большей части отличаются какою то неопредѣленностью; очень нерѣдко случается, что какая нибудь телеграмма о новой итальянской побѣдѣ облетаетъ весь міръ, но на другой же день получается новая, въ которой извѣстіе не то что опровергается, а какъ-то затушевывается, утрачиваетъ часть своей достовѣрности. Видно, что нѣчто произошло, но что именно—никакъ нельзя вникнуть. Была, напримѣръ, не такъ давно схватка, но не съ абиссинцами, а съ дервишами, близь мѣстечка Тукруфъ. Итальянцы, подъ командою полковника Стевани, одержали побѣду надъ дервишами. На нашемъ рисункѣ воспроизведенъ тотъ моментъ боя, когда итальянскій отрядъ, въ боевомъ порядкѣ, двинулся на непріятельскія траншеи, а въ то же время итальянская горная артиллерійская батарея вынуждаетъ дервишей покинуть свои позиціи. Итальянцы ужасно радуются освобожденію Адиграта. „Adigrat è libera!" — Адигратъ свободенъ, - этотъ кличъ раздается теперь во всѣхъ итальянскихъ журналахъ.

Къ суданской экспедиціи

Англичане долго ни разу не встрѣчались съ дервишами, хотя давно уже проникли въ ту область, гдѣ такая встрѣча грозила на каждомъ шагу. Первая стычка произошла лишь недавно. Англичанамъ стало извѣстно, что знаменитый предводитель дервишей, Османъ-Дигна, бродитъ съ большимъ отрядомъ гдѣ-то неподалеку отъ Суакима. Дѣлались постоянныя рекогносцировки съ цѣлью вызнать мѣстопребываніе дервишскаго отряда и ознакомленія съ его силами. Между Суакимомъ и Токаромъ рекогносцировку производилъ капитанъ Фенуикъ, имѣвшій подъ командою восьмой кавалерійскій эскадронъ. Изъ этихъ двухъ пунктовъ, т. е. Суакима и Токара, должны были двинуться отряды, которые предназначались для дѣйствій противъ скопищъ Османа-Дигны, который, какъ было наконецъ дознано, расположился неподалеку отъ Хоръ-Уинтри; въ этомъ пунктѣ оба отряда и должны были соединиться, прежде чѣмъ напасть на Османа-Дигну. Капитанъ Фенуикъ во время своей рекогносцировки совершенно неожиданно наткнулся на значительный отрядъ дервишей. Избѣжать столкновенія было невозможно. Капитанъ сдѣлалъ было попытку отступленія, думая добраться до отряда полковника Ллойда, но кавалерія дервишей быстро обошла его и напала на него съ тыла. Эскадрону Фенуика удалось занять довольно сильную позицію на холмѣ. Здѣсь его осадили 200 человѣкъ всадниковъ Османа-Дигны и до 1.000 человѣкъ пѣшихъ. Эскадронъ всю ночь сдерживалъ натискъ. Утромъ дервиши отступили съ довольно значительнымъ урономъ.

Молодая читательница

Къ картинѣ Армана Бертона

Взгляните на это молодое, прекрасное лицо! Какъ оживилось оно, какая улыбка блуждаетъ на немъ подъ вліяніемъ того, что начертано на страницахъ большой книги, лежащей передъ читательницей, очевидно, очень интересной книги, отъ которой дѣвушка не можетъ оторваться!.. Что это за книга? Священная ли старинная книга, мудрое содержаніе которой заставляетъ невольно трепетать умиленное, воспріимчивое молодое сердце, та ли самая, про которую поэтъ сказалъ —

„Съ желтыхъ страницъ твоихъ ветхихъ, разорванныхъ
Что же мнѣ вѣетъ опять?
Запахъ цвѣтовъ ли безъ времени сорванныхъ,
Звуки ли струнъ въ изступленіи порванныхъ,
Святой ли любви благодать?"

Или это книга вѣщаго поэта, отъ благоухающихъ страницъ которой сладко бьется дѣвичье сердце? Не даромъ на лицѣ дѣвушки расцвѣла такая нѣжная, милая улыбка. Молодая читательница поняла тайный смыслъ написаннаго —

Она постигла, пламенѣя,
Что жизнь зоветъ ее на пиръ...
Какъ эта книга, передъ нею
Раскрытъ прекрасный Божій міръ.
Онъ ей сулитъ очарованье,
Блаженство, длинный рядъ утѣхъ...

Во всякомъ случаѣ это книга интересная, если не вообще, то для той молодой особы, которая, очевидно, нашла въ ней отголосокъ своихъ чувствъ, своихъ завѣтныхъ думъ...

Некрологъ

Алабинъ Петръ Владиміровичъ, д. ст. сов., бывшій самарскій городской голова, предсѣдатель губернской управы, ветеранъ венгерской и крымской кампаній, для описанія которыхъ сдѣлалъ очень много; писатель, публицистъ, сотрудникъ „Сѣверной Пчелы", „Русскаго Инвалида", „Голоса", „Русскаго Архива", „Русской Старины", „Литературной газеты", „Иллюстраціи" Кукольника, „Военнаго Сборника" и друг. изданій, † въ Самарѣ 10-го мая, 72 лѣтъ. Имъ изданы отдѣльно: „Походныя записки въ войну 1853—1856 гг.", „Словарь растеній", „Хрестоматія для чтенія простолюдиновъ", „Двадцатипятилѣтіе города Самары" и проч. Въ декабрѣ 1877 г. онъ былъ назначенъ губернаторомъ г. Софіи, гдѣ, а равно и въ прочихъ городахъ софійскаго округа, ввелъ гражданское управленіе.

Бюлеръ Өедоръ Андреевичъ, баронъ, директоръ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, тайный совѣтникъ, авторъ многихъ цѣнныхъ научныхъ работъ, полезный общественный дѣятель, † въ Москвѣ 10-го мая, 76 лѣтъ.

Граббе Николай Павловичъ, графъ, генералъ-лейтенантъ, одинъ изъ доблестныхъ воиновъ, кавказскій герой, участвовавшій въ плѣненіи Шамиля, и проч., † въ Спб. 8-го мая, 62 лѣтъ.

Замысловскій Егоръ Егоровичъ, бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ русской исторіи, замѣчательный изслѣдователь древне-русской географіи и картографіи, авторъ многихъ цѣнныхъ ученыхъ трудовъ, † въ Спб. 9-го мая, 55 лѣтъ.

Крупскій Кириллъ Кирилловичъ, протоіерей, прослужившій около пятидесяти лѣтъ священникомъ церкви св. Духа при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, бывшій въ послѣднее время наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ петербургскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, авторъ нѣсколькихъ статей духовнаго и педагогическаго содержанія, † въ Спб. въ началѣ мая, 80 лѣтъ.

Ливенцовъ Михаилъ Алексѣевичъ, генералъ-лейтенантъ, участвовавшій во многихъ дѣлахъ противъ горцевъ, писатель, беллетристъ, сотрудникъ „Библіотеки для чтенія" 50-хъ годовъ, „Вѣка", „Русской Старины", „Отечественныхъ Записокъ", редакціи Краевскаго, и другихъ изданій, † въ Спб. 12-го мая, 60 лѣтъ. Его перу принадлежатъ: „Михако и Нина, грузинская идиллія", „Михаилъ", повѣсть, „Записки дамы, бывшей въ плѣну у горцевъ", „Очерки кавказской жизни" и проч.

Модзалевскій Левъ Николаевичъ, одинъ изъ талантливыхъ нашихъ педагоговъ, директоръ училища глухонѣмыхъ, организаторъ нѣсколькихъ учрежденій съ цѣлью проведенія въ жизнь идей правильнаго воспитанія, бывшій инспекторъ Маріинскаго института въ Петербургѣ, авторъ многихъ солидныхъ трудовъ, бывшій издатель журнала „Семья и Школа", † въ Спб. 12-го мая, 59 лѣтъ.

Новости печати

Грезы и пѣсни. Стихотворенія *И. Н. Захарьина (Якунина)*. Изданіе четвертое. Ц. 50 к. Спб. 1896. „Грезы и пѣсни" г. Захарьина писались въ томъ періодѣ русской литературы, когда мощный геній Некрасова тяготѣлъ надъ русской поэзіей и каждый поэтъ обязательно былъ вмѣстѣ и гражданиномъ и пѣлъ о страданіяхъ меньшихъ братій. Почти всѣ пѣсни г. Захарьина проникнуты тенденціей, и даже описанія природы являются не болѣе какъ аллегоріями (напримѣръ въ стихотвореніи „Лѣсъ"). Но такъ какъ тенденція г. Захарьина вполнѣ искренняя и стихотворенія не лишены неподдѣльнаго чувства, то они производятъ гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ гимны современныхъ поэтовъ, воспѣвающихъ природу безъ тенденціи, но зато и безъ чувства и искренности. Лучшими пьесами въ небольшомъ сборникѣ г. Захарьина намъ кажутся: „Лѣсъ", „Проклятіе Гомера", „Отчего крестьяне пьютъ" и „Четыре ангела". *Пл. К.*

Русская женщина XVIII столѣтія. Историческіе этюды *Вл. Михневича*: Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1896. Ц. 1 р. 25 к. Въ своихъ историческихъ этюдахъ В. О. Михневичъ задался цѣлью прослѣдить на основаніи свидѣтельствъ историковъ и произведеній современной литературы жизнь русской женщины прошлаго вѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ, начиная съ ранняго дѣтства и годовъ воспитанія до замужества и дѣятельности замужней женщины на всѣхъ доступныхъ тогда для нея поприщахъ: жены и матери, хозяйки, писательницы, артистки, благотворительницы и наконецъ отшельницы и субретки. Книга разсчитана на широкій кругъ образованныхъ читателей и написана чрезвычайно живо и популярно, со свойственнымъ почтенному и заслуженному писателю умѣньемъ и знаніемъ дѣла. *Пл. К.*

— Папа Левъ XIII участвуетъ въ изданіи новаго журнала „Revue d'Orient Chretien", первый нумеръ котораго былъ присланъ въ академію надписей. Цѣль этого журнала — изслѣдованіе вопросовъ, раздѣляющихъ восточную и западную церкви, въ надеждѣ уменьшить это раздѣленіе и даже со временемъ совершенно уничтожить его, предоставивъ каждой церкви полную свободу въ дѣлѣ ея внутренняго устройства, обрядовъ и языка ея богослуженія. Кардиналъ Ланжелле внесъ довольно большую сумму, чтобы поддержать этимъ новый журналъ.

— Переписка И. С. Тургенева. Редакція новаго международнаго журнала „Cosmopolis" пріобрѣла для напечатанія переписку И. С. Тургенева со многими иностранными знаменитостями. Въ составѣ ея имѣются письма Тургенева къ г-жѣ Віардо, Флоберу, Дюма-сыну, Мопассану и Э. Зола. Переписка эта будетъ печататься въ названномъ журналѣ двумя серіями: первая — въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ нынѣшняго года, вторая — въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1897 года.

Генералъ БИЛЬО, военный министръ.

МЕЛИНЪ, глава кабинета и министръ земледѣлія.

РАМБО, мин. народнаго просвѣщенія.

Ж. КОШРИ, министръ финансовъ.

Генералъ БУШЕ, министръ торговли.

ДАРЛАНЪ, министръ юстиціи.

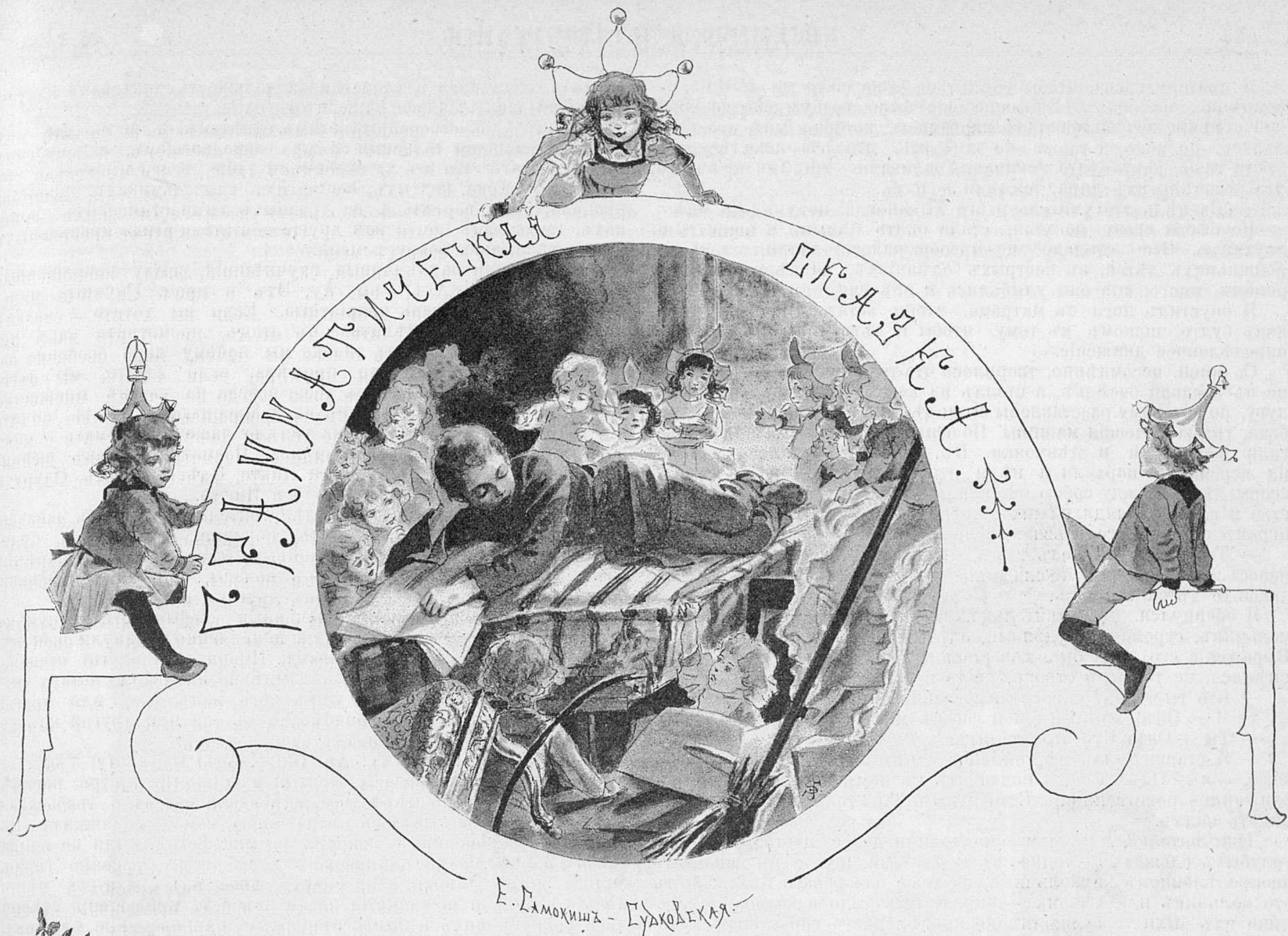

БАРТУ, министръ внутреннихъ дѣлъ.

ТЮРРЕЛЬ, министръ публичныхъ работъ.

Новые французскіе министры кабинета Мелина.

Очеркъ К. К. СЛУЧЕВСКАГО. Иллюстраціи Е. П. Самокишъ-Судковской.

Сѣренькій, теплый майскій день освѣщалъ землю. День былъ воскресный. Садъ нашей гимназіи только что одѣлся зеленью.

Я помню очень хорошо тотъ годъ. Мнѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ, а человѣчество считало тогда 1840 годъ отъ Рождества Христова. Я былъ гимназистомъ и большимъ словесникомъ; мои сочиненія считались безспорно лучшими, а грамматическія свѣдѣнія безупречными.

Удивительное подходило тогда время преобразованія нашихъ грамматикъ, къ выгодѣ или невыгодѣ учившихся — не знаю. Вѣрно только то, что прежде, когда учились по краткой грамматикѣ Греча, писали гораздо правильнѣе, чѣмъ стали писать позже, когда краткими грамматиками, а имъ нѣтъ числа, стали называть книжки весьма почтеннаго объема.

Въ тѣ дни существовали для насъ, какъ и теперь, предлоги, союзы, нарѣчія, мѣстоименія и проч., но не было и въ поминѣ подраздѣленій ихъ на: обстоятельствъ, подлинности, мѣры, относительныя, опредѣлительныя, указательныя и какъ ихъ тамъ всѣхъ называютъ. Уже тогда, впрочемъ, у Востокова явились мелкія систематизаціи.

Однихъ союзовъ у него не перечесть! Раздѣлительные, вопросительные, изъяснительные, сравнительные, условные, предположительные, уступительные, противительные, винословные, заключительные, повторительные, двойные, одинокіе, — вѣдь тутъ за деревьями лѣсу не видно и изучающій долженъ былъ сердиться и бранить свой родной, столь могущественный, языкъ. Мы стали писать гораздо хуже нашихъ предшественниковъ, мы перестали любить занятіе роднымъ языкомъ и, наконецъ, незамѣтно утрачивали музыку, душу языка, изъ-за цѣлаго ряда холодныхъ формъ и ихъ измѣненій.

Ясно, ясно помню я это время. Къ намъ назначенъ былъ тогда новый учитель, не очень старый; физіономія его была совсѣмъ педагогическая, по тому времени: бороды, усовъ, бакъ — не полагалось, волоса на вискахъ зачесывались впередъ, черный галстукъ, шириною вершка два слишкомъ, подпиралъ подбородокъ.

Учитель былъ женатъ, но бездѣтенъ; жена, которую мы прозвали Ульяновной, была, прежде всего превосходной кухаркой, о чемъ имѣли мы подробныя свѣдѣнія отъ двухъ товарищей, жившихъ у нихъ на квартирѣ.

Учитель былъ сухимъ педантомъ. Онъ, думая отличиться передъ другими учителями, не ограничивался Гречемъ, а началъ задавать намъ, вполнѣ противъ программы, работы по Востокову и вотъ, что случилось вслѣдствіе этого со мною.

На одномъ изъ самыхъ первыхъ уроковъ, заданныхъ намъ по Востокову, я провалился; это произвело во всемъ классѣ впечатлѣніе, такъ какъ, разсуждали товарищи, если провалился онъ, т. е. я, самый что ни на есть, Ломоносовъ, то что же ожидаетъ ихъ, остальныхъ?

Время, какъ сказано, подходило къ лѣту. Оставленный безъ отпуска, я рѣшительно не зналъ, что мнѣ дѣлать. Валандался я цѣлый день изъ угла въ уголъ, игралъ въ чирки, въ пузырникъ, но скука одолѣвала непомѣрная. Другіе оставались безъ отпуска довольно часто, имъ было это въ привычку, но я, я — это совсѣмъ другое дѣло. И изъ-за чего? Изъ-за грамматики Востокова, по русскому языку? Я, я — Ломоносовъ!..

Стояла у насъ въ обширномъ гимназическомъ саду старая бесѣдка. Она была двухъярусная. Верхъ, на колонкахъ, подъ крышею, былъ открытый, съ кругозоромъ по саду; отсюда, обыкновенно, наблюдали за нашимъ братомъ-мальчишками, какъ съ вышки, воспитатели. Въ нижнемъ ярусѣ имѣлось нѣчто вродѣ склада: тутъ валялись сломанныя скамейки, поломанныя, кончившія свое существованіе, кегли, лопаты, метлы и между этимъ хламомъ, сохранившіеся, вѣроятно, отъ очень древнихъ дней и неизвѣстнаго происхожденія два гипсовыхъ, больше, чѣмъ въ натуру, грудныхъ бюста — мужской и женскій, отчасти тоже поломанные; одинъ изображалъ лицо чиновное, въ мундирѣ, съ крестомъ на шеѣ, другой — особу женскаго пола, вѣроятно, супругу перваго.

Бѣлые, когда-то, теперь — испачканные, покрытые паутиною, оба гипсовые лика глядѣли отъ стѣны на лежавшую передъ ними рухлядь; на одной изъ скамеекъ валялся выкинутый за ненадобностью, набитый травою, матрацъ.

— Не соснуть ли? думалось мнѣ, когда я вошелъ въ эту рухлядню...

Недолго думая, улегся я на матрацъ и, прежде чѣмъ заснуть, сталъ проглядывать грамматику Востокова, именно на тѣхъ страницахъ, за которыя остался безъ отпуска. Мнѣ приходилось зубрить предлоги: движительные, установительные, мѣстительные, совокупительные, творительный безъ предлога, творительный предмета дѣйствующаго, творительный орудія и проч.

Но, представьте себѣ мое изумленіе, когда разлегшись на матрацъ, хорошо всѣмъ намъ знакомый, и начавъ зубрить, я увидѣлъ, что я не одинъ въ бесѣдкѣ. Полосатое, розовое съ голубымъ, рубище матраца шевелилось и изъ-подъ краевъ его поглядывали на меня многочисленныя дѣтскія головки; виднѣлись, кое-гдѣ, ручки, плечики. Что онѣ всѣ смотрѣли на меня,—въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что и другія дѣтскія головки, виднѣвшіяся въ бесѣдкѣ, повсюду за скамьями, въ метлахъ, даже на обоихъ бюстахъ, тоже смотрѣли на меня и улыбались.

Я протеръ глаза, чтобы убѣдиться — не сплю ли я? Но я, несомнѣнно, не спалъ. Вниманіе мое было возбуждено до крайней степени тою миловидною картинкою, которая мнѣ представлялась; не могъ я также не замѣтить, что оба искалѣченные бюста тоже, какъ будто, оживали, наливались живыми красками, что розовѣли ихъ лица, темнѣли волоса...

— Да вѣдь это учитель и его Ульяновна! подумалось мнѣ.

Но бюсты сразу погасли, стали опять бѣлыми и покрытыми паутиною. Все остальное не преображалось; дѣтей, очень хорошенькихъ дѣтей, въ пестрыхъ одѣяніяхъ, виднѣлось, по сторонамъ, много; всѣ они улыбались и всѣ глядѣли на меня.

Я спустилъ ноги съ матраца, чтобы встать. Это послужило, какъ будто, знакомъ къ тому, чтобы и дѣти пришли въ болѣе опредѣленное движеніе.

Со мной, несомнѣнно, творилось что-то чудесное. Я былъ уже не въ грязной бесѣдкѣ, а стоялъ на какомъ-то очень красивомъ лугу, по которому разставлены были дѣтскія игры: карусели, бильбокэ, гимнастическія машины. По этимъ машинамъ лазали и прыгали ребятишки и дѣвчонки. Въ небесахъ свѣтилось солнце, на деревьяхъ порхали и пѣли птицы. Шумъ, говоръ, смѣхъ, ссоры дѣтей между собою оживляли все видимое мною пространство и самъ я, глядя на нихъ, хотѣлъ бы присоединиться къ ихъ играмъ и тоже веселиться и, если надо, ссориться.

— Ты очень удивленъ тѣмъ, что видишь предъ собою? произнесъ, совершенно неожиданно для меня, за моей спиною, какой-то дѣтскій голосъ.

Я обернулся. Дѣйствительно, предо мною стоялъ какой-то мальчикъ, стройный, кудрявый, одѣтый въ лазоревую курточку. Выраженіе его лица было совершенно неопредѣленное; не то онъ смѣялся, не то былъ строгъ, не то печаленъ.

— Кто ты такой? спросилъ я весьма быстро и громко.

— Я — Онъ! отвѣтилъ мой собесѣдникъ очень быстро.

— Ты — Онъ? Что это значитъ?

— Я старшее изъ мѣстоименій, отвѣтилъ мнѣ голубой камзолъ, — я — Онъ. А вотъ подходятъ къ намъ и Она и Оно, мои ближайшіе родственники. Есть у насъ Ты, только его что-то не видать подлѣ.

Дѣйствительно, къ намъ подходили два существа, тоже въ голубыхъ одеждахъ — одно въ юбочкѣ, а другое въ какомъ-то неопредѣленномъ камзольчикѣ, но тоже лазореваго цвѣта; былъ это мальчикъ или дѣвочка — опредѣлить было невозможно. Личики ихъ были тоже вполнѣ неопредѣленнаго характера.

Я протянулъ имъ руку — и мы поздоровались.

— А ты кто такой? спросилъ меня Онъ.

— Да, да, кто ты? подтвердили Оно и Она.

— Я — гимназистъ, быстро отвѣтилъ я.

— Развѣ это еще новая часть рѣчи? вкрадчиво и не громко спросилъ Онъ.

— Гимназистъ — часть рѣчи? воскликнулъ я и невольно расхохотался.

Хохотъ этотъ услыхали игравшіе по близости дѣти. Прежде всего подбѣжали къ намъ тѣ, на которыхъ были лазоревыя одѣянія.

— Новый! новый! слышалось по сторонамъ. — Какое у него несуразное грязное платье!

— Позвольте, однако, васъ познакомить, заговорилъ Онъ. — Вотъ наши милые товарищи: вотъ Нѣкто, вотъ Никто, Кто-либо, Весь, Кто, Что, Сколько...

Голубые камзольчики быстро тѣснились ко мнѣ одинъ за другимъ и искренно пожимали мнѣ руку. Не обошлось безъ дракъ: подлѣ меня столкнулись одновременно Кто и Никто и тутъ же заушили одинъ другого препорядочно.

— Такъ это все мѣстоименія? спросилъ я моего перваго знакомца.

— Да, да, мы всѣ мѣстоименія, мы — голубые; а вотъ нарѣчія, такъ тѣ всѣ красныя, и курточки и юбочки ихъ совсѣмъ другого, чѣмъ у насъ, покроя. Это нужно, говорятъ, для порядка, добавилъ мой хорошенькій собесѣдникъ, — чтобы мы не сбились въ общую кучку, чтобъ мы разнились одни отъ другихъ.

Къ этому времени, заинтересовавшіеся мною ребятишки побросавъ свои игры, отовсюду сбѣгались ко мнѣ. Прежде всего обступили меня красненькіе, то есть, нарѣчія. Эти разнились другъ отъ друга мелкими наружными отличіями.

Послѣдовало, точно въ какомъ нибудь свѣтскомъ салонѣ, взаимное представленіе. Въ подходившихъ ко мнѣ и пожимавшихъ мою руку дѣтяхъ мнѣ назвали многихъ:

— Вотъ это господа Прежде и Послѣ, вотъ Давно и Недавно, Гдѣ-то и Нигдѣ, Тутъ и Тамъ... вотъ господа: Развѣ, Неужели, Не и Ни... вотъ Почти и Отчасти, вотъ Очень и Едва.

Красненькіе, хорошенькіе ребятишки были очень любезны со мною и на разспросы о томъ: почему у однихъ изъ нихъ бѣлые воротнички, у другихъ черные, а у третьихъ зеленые, мнѣ отвѣтили, что въ этомъ отличія нарѣчій: обстоятельствъ, подлинности и мѣры,

— Понимаю, — отвѣтилъ я, — но почему же между вами, господа, вижу я также очень странныя двухцвѣтныя одѣянія?

Сказавъ это, я указалъ на мальчика, стоявшаго поодаль, видимо, немного дичившагося всѣхъ остальныхъ и отличавшагося тѣмъ, что на немъ, какъ на клоунѣ въ циркѣ, одна половина костюма была красная, а другая — голубая.

— А, это нашъ милый Все, отвѣтили мнѣ нѣсколько голосовъ; — онъ одновременно и мѣстоименіе и нарѣчіе; довольно трудная, сбивчивая и хлопотливая должность, такъ какъ его требуютъ на занятія вдвое чаще, чѣмъ насъ.

Вполнѣ удовлетворенный этимъ отвѣтомъ и видя, что мнѣ даютъ объясненія толковыя и съ удовольствіемъ, я попросилъ также сказать: что это за особнички такіе, всего нѣсколько человѣкъ, въ ярко желтыхъ, bouton d'or, камзольчикахъ, неистово продолжавшіе вертѣться на разныхъ гимнастическихъ машинахъ, тогда какъ почти всѣ другіе обитатели этихъ прекрасныхъ мѣстъ тѣснились вокругъ меня.

— Это наши надоѣдливыя, скучнѣйшія, всюду непрошенныя междометія: Охъ, Ахъ, Увы, Ау, Эхъ и проч. Скучные мальчишки, дерзкіе, очень непріятные. Если вы хотите — сказалъ мой собесѣдникъ — убѣдиться въ этомъ, посмотрите какъ ринутся всѣ они сюда, чуть только мы почему либо особенно зашумимъ, заспоримъ. Для примѣра, если хотите, мы затѣемъ ссоры; для этого у насъ тоже всегда на готовѣ множество причинъ; междоусобія у насъ не прекращаются... Вотъ, видите ли, на сколько я правъ! Мы не успѣли даже и подумать о междоусобіяхъ, а они уже разразились. Посмотрите, какъ вцѣпились одни въ другихъ Кто-то и Никто, Здѣсь и Тамъ, Сдуру и Спроста, Давно и Недавно, Всюду и Нигдѣ...

Я посмотрѣлъ всторону и, дѣйствительно, увидѣлъ завязавшіяся драки. На зеленой муравѣ, попарно, столкнулись, будто заклятые враги, всѣ противорѣчивыя мѣстоименія и нарѣчія; онѣ вцѣпились другъ дружкѣ въ волосы, подставляли ножки, боксировали, опрокидывали одинъ другого, царапались.

Желтыя междометія, привлеченныя необычайнымъ шумомъ борьбы, какъ меня предупредили, немедленно покинули свои мѣста и бросились къ поединщикамъ. Имена междометій становились мнѣ извѣстными скоро; ихъ мнѣ не называли, потому что онѣ сами себя называли по мѣрѣ того, какъ тотъ или другой изъ желтыхъ кавалеровъ подбѣгалъ къ той или другой изъ боровшихся паръ и выкрикивалъ свой лозунгъ:

— Эхъ! Охъ! Ахъ! Ухъ! Ай! Ой! Хлопъ! Бацъ! Ну! Увы!..

Произнося эти возгласы, желтыя междометія быстро перемѣняли свои мѣста по мѣрѣ того, гдѣ какой возгласъ требовался.

Картина развертывалась предо мною самая подвижная. Поединки, совершавшіеся вокругъ во множествѣ, были не одинаковой нервности, не одинаковаго озлобленія. Особенно горячо бились, не на животъ, а на смерть, двое изъ красныхъ мѣстоименій. Желтыя междометія почти всѣ безъ исключенія стѣснились вокругъ нихъ цѣлымъ вѣнцомъ и одновременно оглашали воздухъ своими возгласами: Ухъ! Ахъ! Бацъ! Хлопъ! Ай! Ой! и т. д.

— Кто это такъ ужасно бьется другъ съ дружкой? не обращаясь ни къ кому въ отдѣльности, спросилъ я.

— Это самые отъявленные враги у насъ, это Все и Ничто, никогда и нигдѣ не скрывающіе своей ужасной вражды и не выносящіе другъ друга.

— Но вѣдь онѣ кончатъ когда нибудь убійствомъ? спросилъ я.

— Это невозможно, такъ какъ мы безсмертны, отвѣтили мнѣ изъ толпы.

— Но когда же эта свирѣпая драка кончится? спросилъ я.

— Когда нашъ учитель услышитъ.

— Да скоро ли онъ услышитъ, наконецъ! почти вскрикнулъ я, негодуя на то, что совершалось предо мною.

Сраженіе двухъ прирожденныхъ враговъ дошло до предѣловъ крайняго напряженія; далеко кругомъ была помята трава, но противники не унимались; одолѣвалъ то одинъ, то другой, видимо равносильные, одинаково ловкіе, одинаково смѣлые. Вторя имъ, отдѣльные поединки нарѣчій и мѣстоименій тоже усиливались, становились кровопролитнѣе, такъ, — сказалъ бы я, — еслибы видѣлъ пролитіе крови, но крови не было у этихъ безсмертныхъ и дракамъ ихъ не предвидѣлось конца...

По правдѣ сказать, я начиналъ терять терпѣніе; у меня какъ будто мутилось въ глазахъ. Все и Ничто продолжали неистовствовать и, странное дѣло: когда одолѣвало Все, оно становилось такимъ большимъ, огромнымъ, всезанимающимъ, что очертаніе его являлось для простого глаза неуловимымъ и оно, поэтому, какъ бы обращалось въ Ничто. Когда брало верхъ Ничто оно, вполнѣ торжествуя, то есть, становясь вполнѣ ничѣмъ, тоже скрывалось изъ глазъ, дѣлалось по незначительности невидимымъ.

— Вотъ я васъ! раздалось вдругъ гдѣ-то со стороны, — ахъ вы негодные!..

Какъ ни въ чемъ не бывало, но очень быстро разбѣжались по своимъ прежнимъ мѣстамъ всѣ голубые и красные ребятишки, а желтыя междометія взгромоздились на самые верхи гимнастическихъ машинъ и стали лазать и кувыркаться.

— Учитель! учитель! раздавалось по сторонамъ.

Я думалъ, что увижу учителя, пришедшаго прекратить драки, но вышло наоборотъ: я очутился безмолвнымъ зрителемъ того, что дѣлалъ учитель, но не на лугу, а дома, у себя. Учитель оказался у насъ общій со всѣми голубыми, красными и желтыми ребятишками. Это былъ мой учитель.

Онъ былъ занятъ изысканіемъ или сочиненіемъ новой частицы рѣчи.

Физіономія его, къ великому моему изумленію, была вовсе не та, къ лицезрѣнію которой я такъ привыкъ въ классахъ. На немъ былъ не обычный, со свѣтлыми пуговицами, сюртукъ, не висился подъ подбородкомъ его галстукъ, а длинное одѣяніе, вродѣ такихъ, какія рисуютъ на волшебникахъ, съ черными драконами и змѣями на яркомъ фонѣ, только вмѣсто драконовъ и змѣй виднѣлись разныя частицы рѣчи. На головѣ торчала остроконеч-

ная, какъ сахарная голова, шапка. Въ рукѣ держалъ онъ какую-то стклянку съ жидкостью и переворачивалъ ее, глядя на свѣтъ огромнаго огня, разведеннаго въ печи.

Супруга его, Ульяновна, была тутъ же и занималась приготовленіемъ пеленокъ. Мнѣ вспомнилось при этомъ, что моя мамаша иногда тоже приготовляла пеленки; это случалось всегда, я не знаю почему, именно передъ тѣмъ, что у меня являлись новые братецъ или сестрица.

— Ну что же, жена, проговорилъ учитель, — скоро у тебя все готово будетъ?

— Вотъ ужо кончу.

Всю эту сцену видѣлъ я, и весь разговоръ слышалъ, робко прижавшись къ темной стѣнкѣ, къ которой совершенно случайно и неожиданнымъ образомъ попалъ.

„Ну, что — думалось мнѣ, — если они вдругъ увидятъ меня? Что если я попаду въ стклянку въ качествѣ какого нибудь опыта, что если меня начнутъ жарить, рѣзать, гнуть, мять, мучить всѣми способами, на честь и славу грамматикѣ и для знаменитости учителя?"

Холодный потъ проступилъ на лбу моемъ — и я не смѣлъ шевельнуться.

— А какъ ты думаешь, Ульяновна, не испытать ли намъ чего

— Торопись, торопись: пожалуй, скоро понадобятся. Удивительный это будетъ у меня субъектъ, совсѣмъ небывалый. Приготовь желтое платье, — появится новое междометіе — Брррь! его имя; какъ тебѣ нравится это имя?

— Я предпочла бы: Брысь! это красивѣе.

Учитель, незадолго передъ тѣмъ отставившій стклянку и закурившій трубочку, сіялъ счастьемъ. Брррь! не значилось еще ни въ одной грамматикѣ, да и Брысь! случайное оброненное милою женою, тоже требуетъ узаконенія. „Быть первымъ въ ряду грамматиковъ—это заслуга важная, стоящая всякихъ отличій. И что это за нескончаемое богатство нашъ русскій языкъ и что за счастье быть однимъ изъ жрецовъ его!" думалъ учитель.

либо на томъ гимназистѣ, который только что взбудоражилъ у меня всѣ мои нарѣчія, междометія и мѣстоименія?

Я не зналъ, что учитель называлъ свою жену Ульяновной; такъ называли ее мы, а на самомъ дѣлѣ у нея было другое имя; Ульяновна немедленно отвѣтила:

— Развѣ испытать тебѣ что-либо съ приставками? Помнишь— ты начиналъ какъ-то?

— Т. е. со всякими На, У, По, При и друг. Мнѣ, дѣйствительно, не разъ приходило въ голову, что эти приставки подлежатъ развитію и классификаціи. Онѣ, собственно говоря, самая безпардонная команда въ русскомъ языкѣ, хуже всякихъ неправильныхъ склоненій и спряженій; ихъ, дѣйствительно, надо бы

привести въ нѣкоторый порядокъ. Пойдемъ-ка, посмотримъ на нихъ, гдѣ онѣ у насъ эти приставки обитаютъ.

Учитель и учительница неожиданно поднялись со своихъ мѣстъ и ушли.

„Господи!—думалось мнѣ,—неужели и всякая приставка тоже живое существо, какъ нарѣчія и мѣстоименія? Неужели и у нихъ есть свое одѣяніе, свое мѣстожительство?"

Я готовился улизнуть изъ того помѣщенія, въ которомъ находился противъ воли, какъ вдругъ неожиданный шумъ поразилъ меня. По мѣрѣ быстраго приближенія этого необъяснимаго, но очень, очень хорошаго, звучнаго, полнаго музыки шума, вся обстановка помѣщенія, въ которомъ я находился, начинала какъ-то свѣтлѣть, становилась прозрачною. Въ таинственномъ полусвѣтѣ тихонько засквозили стѣны и потолокъ, исчезали отдѣльные предметы, — и я увидѣлъ себя гдѣ-то среди луговъ, полей, лѣсовъ, ручьевъ, съ далекими видами на деревни, на церкви ихъ, на стада, на безконечную даль голубого небосклона. Я слышалъ вокругъ себя пѣніе птицъ, лепетъ ручьевъ, колокольный звонъ, слышалъ, и не въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, пѣсни, слышалъ шорохъ лѣсной, говоръ людской, и все это вмѣстѣ взятое сливалось въ одинъ какой-то могучій, музыкальный строй, надвигавшійся въ торжественной гармоніи все ближе и ближе...

— Это живая русская рѣчь близится и слышна тебѣ! Это она грядетъ! прощебетала, проносясь надо мною, какая-то любезная птичка.

— Видишь ли ты эти валуны, разсѣянные по полямъ? Это грамматическія правила и ихъ сочинители, объяснила мнѣ струйка быстро пронесшагося вѣтра.

— А вонъ и твой учитель съ Ульяновной!

— Они тоже камнями стали, лежащими въ руслѣ неудержимаго стремленія живого русскаго языка! объяснила мнѣ попрыгунья стрекоза, которая, къ слову сказать, нигдѣ никогда не прыгаетъ, и которую почему-то смѣшиваютъ съ кузнечикомъ.

Бѣдная Ульяновна, бѣдный учитель! Обращенные во мшистые, сѣрые камни, они хотя и сохранили человѣческій образъ, но лики ихъ были такіе печальные, некрасивые.

Почувствовавъ въ себѣ, благодаря прибытію русской рѣчи, какую-то небывалую увѣренность, близкую къ дерзости, я громко заговорилъ, обращаясь къ камнямъ:

— И это вы-то думали уловить русскую живую рѣчь, сказалъ я,—вдавить ее въ формы, опредѣлить ея неопредѣленныя тонкости, ея поразительно звучныя вольности, безконечность ея развитія и замкнуть все это въ тиски грамматики?

— Да вѣдь нельзя же вовсе безъ грамматики, жалобно простонали въ унисонъ учитель съ Ульяновною, какъ бы оправдываясь передо мною.

— Нельзя, конечно, нельзя! отвѣтили хоромъ вдругъ откуда-то появившіяся уже знакомыя мнѣ голубыя, красныя и желтыя частицы рѣчи. Всѣ онѣ защищали свою самостоятельность. Ихъ было гораздо больше, чѣмъ значится въ грамматикахъ. Въ живописномъ безпорядкѣ опустились онѣ на каменные облики учителя, Ульяновны и другихъ грамматиковъ, разсѣянныхъ по полю валунами. Чрезвычайно красиво было видѣть, какъ эти хорошенькія, молодыя граціозныя созданьица возсѣдали на неподвижныхъ мшистыхъ, страждущихъ обликахъ своихъ безмолвныхъ создателей и формовщиковъ. Бунтливые крики ихъ становились все рѣзче и сильнѣе.

— На этихъ каменныхъ устояхъ нашихъ — вопіяли они — выдержимъ мы всякую осаду, всякое нападеніе! Насъ не мало для отпора! Мы, вотъ, то и то сдѣлаемъ, то и то преобразуемъ, сокрушимъ, передѣлаемъ по своему!

Казалось, что бунтъ ребятишекъ и дѣвчонокъ достигалъ размѣровъ невозможныхъ, близкихъ къ кровопролитію. Но тутъ произошла, опять-таки, совершенная неожиданность.

— Вотъ я васъ! заговорила вдругъ гдѣ-то въ пространствѣ, заговорила полною грудью, во всей музыкальности своего могущества и красоты, невидимая, неуловимая,—сама безсмертная русская рѣчь. Откуда шли ея слова, гдѣ находилась она сама — я не знаю и, по правдѣ сказать, значительной части того, что она сказала, я не понималъ, но то, что она говорила — помню очень ясно и хорошо.

— Вотъ я васъ! повторила русская рѣчь. — У васъ тутъ, я вижу, возмущеніе идетъ, вы властей не признаете... Ну, такъ и быть, потѣшайтесь, потѣшайтесь... Ни сами вы, дѣтки мои, частицы рѣчи, ни мудрые грамматики, васъ такъ бережно подбирающіе, сортирующіе, согласующіе и прихорашивающіе, мнѣ не страшны... Не въ грамматикѣ дѣло; не подъ-стать, не по-плечу, не въ-пору мнѣ всѣ ваши разношерстыя одѣянія. Сложилась я — лѣтописная рѣчь, сложилась я — былинное слово, сложилась я — пѣсня народная сама собою задолго до грамматикъ и не нуждаюсь я въ нихъ, и жила, и взростала. Не въ грамматикѣ позналь меня нашъ величайшій художникъ слова! Съ колыбельной пѣсенкой внѣдрялась я въ нарождавшуюся душу; не въ грамматикѣ почерпаю и не по грамматикѣ произношу я первое слово молодой любви; не по грамматикѣ, наконецъ, въ снѣжную мятель безпросвѣтной ночи, въ минуту вскипѣвшей на душѣ отваги, въ тяжелый часъ упорнаго, непосильнаго труда, столь привычнаго моему народу, труда, создаю я свое крѣпкое слово!.. И не угнаться вамъ, господа грамматики, съ вашими веригами за мною, за воздушною, безплотною, безсмертною живою рѣчью, полною зеленаго шума, малиновыхъ звуковъ и обнимающею полземли!

Какъ сказано, я не видѣлъ, кто и гдѣ говоритъ, не все понималъ, но сладко было мнѣ слушать этотъ задушевный голосъ, западали мнѣ въ сердце эти пѣвучія слова. Повидимому, онѣ оказывали свое вліяніе и не на одного меня: тѣ камни, въ которые обратились учитель и Ульяновна и другіе грамматики, начинали какъ-будто пошевеливать своими каменными чертами лицъ и плакали...

На утро слѣдовавшаго за всѣмъ разсказаннымъ дня, очутился я въ карцерѣ, потому что произвелъ значительную тревогу во всей гимназіи: уже въ десятомъ часу вечера, послѣ долгихъ розысковъ нашли меня спавшимъ въ бесѣдкѣ, на полугниломъ матрацѣ и съ вывалившеюся изъ рукъ книжкою толстой грамматики Востокова, лажавшею подлѣ меня на землѣ.

К. Случевскій.

Его Императорское Величество

НИКОЛАЙ II,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.

Съ фотографіи Левицкаго и сына. Гравировалъ Б. А. Пуцъ.

Главная безплатная премія журнала „Всемірная Иллюстрація“ 1896 г.

Въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ

Книгоиздательство
Германъ Гоппе
въ С. Петербургѣ.

Въ память

Священнаго Коронованія

ихъ императорскихъ величествъ

Николая Александровича

и

Александры Ѳеодоровны

14 мая 1896 года

Со множествомъ иллюстрацій лучшихъ художниковъ.

С.-Петербургъ

Книгоиздательство Германъ Гоппе

1896

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 декабря 1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 Типографія Эдуарда Гоппе.
Вознесенскій просп. 53.

ВЪ ПАМЯТЬ

СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ

Предисловіе

Великія историческія событія, по устнымъ разсказамъ современниковъ-очевидцевъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, остаются жить въ памяти народной. Но мелькаютъ годы — и свѣжія впечатлѣнія, интересныя подробности, замѣчательныя черты этихъ событій, мало по малу, тускнѣютъ, теряются въ туманной дали временъ... Есть, однако, средство, чтобы все это уцѣлѣло, сохранилось въ полной неприкосновенности. Средство это — книга, гдѣ послѣдовательный, живой разсказъ дополняется цѣлой вереницей, сдѣланныхъ съ натуры изображеній.

Мы воспользовались этимъ могущественнымъ орудіемъ, чтобы навсегда и возможно сильнѣе запечатлѣть въ сердцахъ всѣхъ людей русскихъ одинъ изъ знаменательнѣйшихъ историческихъ моментовъ въ жизни нашей родины — »свѣтлые майскіе дни« 1896 года въ Москвѣ, дни Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, сопровождавшіеся торжествами съ пышностію и великолѣпіемъ, доселѣ невиданными, которыя приводили въ умиленіе родную страну и слухи о которыхъ, о громадномъ подъемѣ духа народнаго, разнеслись далёко-далёко, по всѣмъ краямъ чужеземнымъ.

Увѣковѣчить великое событіе выпускомъ въ свѣтъ предлагаемой книги, долженствующей явиться его памятникомъ — считали мы желаннымъ, благимъ, святымъ дѣломъ. Мы приступали къ нему съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія. Насколько успѣли мы, въ этой книгѣ, осуществить наши завѣтныя желанія, въ какой мѣрѣ достигли твердо намѣченной цѣли — судить не намъ... Мы можемъ сказать одно, что дѣлали свое дѣло съ безконечной любовью, что посвятили ему много времени и положили на него массу непрерывнаго труда, усердія и стараній. Мы будемъ очень счастливы, если наша книга, найдя широкое распространеніе среди просвѣщеннаго общества, окажется вполнѣ достойной дорогого всѣмъ намъ Имени, Которымъ она украшена.

Издатель.

Его Императорскому Величеству

Всепресвѣтлѣйшему

и

Самодержавнѣйшему

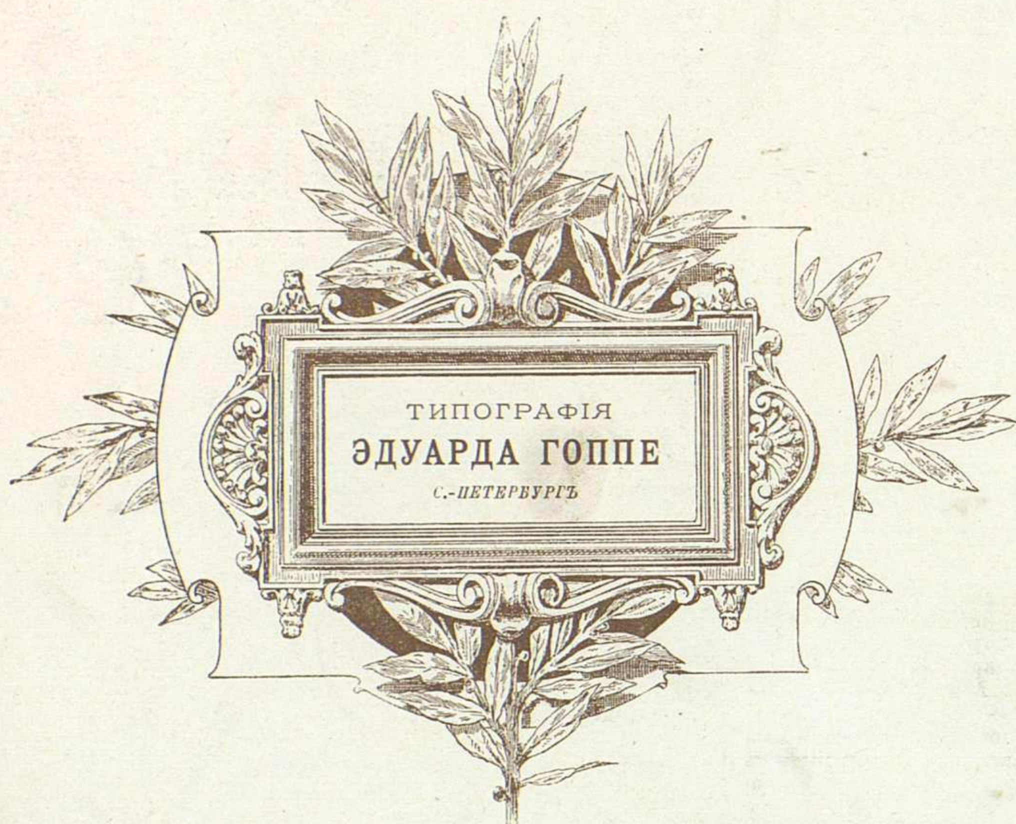
ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

Николаю Александровичу

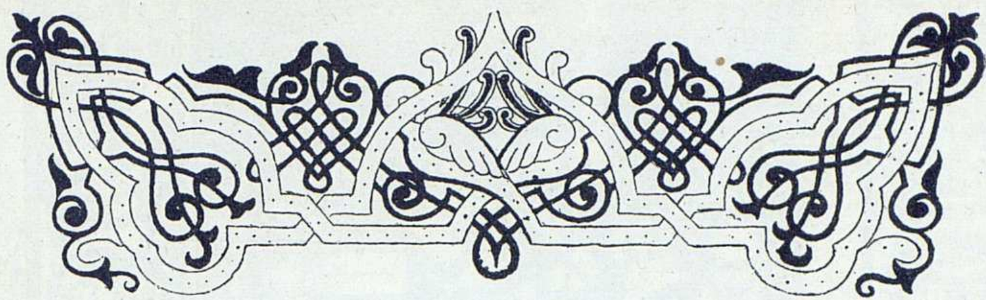
Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія

всепреданнѣйше посвящаетъ

Эдуардъ Гоппе

Цѣна: въ обложкѣ 8 рублей, пересылка за 8 фунтовъ;
въ изящномъ каленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 11 рублей;
въ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ и золотымъ обрѣзомъ 12 рублей,
пересылка двухъ послѣднихъ за 14 фунтовъ.

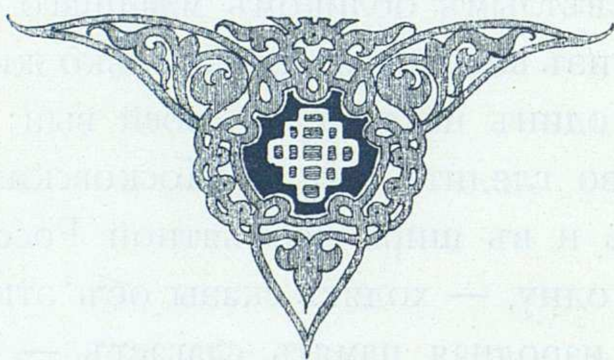
Видѣніе Кремлей

14 мая 1896 года. Москва

Въ старину на Руси было много Кремлей!
Всѣ сводили кровавые счеты!
Всѣ заснули они... съ потускнѣвшихъ очей
Не согнать богатырской дремоты.
Спятъ на кручахъ Днѣпра, спятъ на Упѣ-рѣкѣ,
Во Владимірѣ спятъ, и въ Ростовѣ,
Спятъ на Волгѣ, при устьѣ, и ближе къ Окѣ,
Въ Новѣгородѣ, Суздалѣ, Псковѣ.
И бываетъ порой, въ свѣтѣ майскихъ ночей,
Въ несмеркающихъ краскахъ заката,
Нарушается мракъ ихъ померкшихъ очей
Свѣтлымъ обликомъ младшаго брата.
Онъ изъ всѣхъ ихъ одинъ только живъ и здоровъ,
Онъ одинъ не согнулъ своей выи:
Горделиво глядитъ онъ съ Московскихъ холмовъ
Вдаль и въ ширь необъятной Россіи.
Въ ночь одну, — ходятъ сказы объ этихъ ночахъ,
Ихъ народная память слагаетъ, —
Вдругъ заблещетъ онъ весь въ огневыхъ поясахъ
И въ подвижныхъ лучахъ засверкаетъ!
Полнымъ-полонъ тогда онъ несчетныхъ гостей:
Къ коренному рабочему люду
Много важныхъ бояръ, и купцовъ, и Князей
Поспѣшаетъ тогда отовсюду!

Днемъ — пальба и трезвонъ сорока сороковъ
Златоглавыхъ церквей и соборовъ!
А подъ вечеръ, взамѣнъ мѣдяныхъ языковъ,
Звуки музыки, пѣніе хоровъ.
Оттого грохотъ пушекъ, церковный трезвонъ,
Оттого ликованья и клики,
Что, по древнимъ завѣтамъ, опять освященъ
Юный ликъ Государя-Владыки!
Оттого этотъ гулъ, этотъ блескъ огневой,
Что не можетъ быть въ людяхъ сомнѣній:
Передъ царственной мыслью Короны живой
Преклонились толпы привидѣній!

К. Случевскій

Царское вѣнчаніе въ до-Петровской Руси

Очеркъ Е. Е. ГОЛУБИНСКАГО

Въ древней Руси не существовало акта вѣнчанія великихъ князей на княженіе и точно также не совершалось мyропомазанія. Первые наши князья Рюрикъ, Олегъ, Игорь и Святославъ были чужды христіанства и византійскихъ царскихъ обычаевъ, сопряженныхъ съ нимъ. Ни княгиня Ольга, ни Владиміръ Равноапостольный, однако, несмотря на воспринятый ими свѣтъ евангельскаго ученія, не были вѣнчаны на княженіе, а попытки послѣдующихъ князей встрѣчали противодѣйствія со стороны византійскихъ императоровъ.

Торжественный обрядъ коронованія былъ принадлежностью вступленія на престолъ византійскихъ императоровъ, а самое происхожденіе его теряется въ глубокой древности. Римляне считали бога Януса изобрѣтателемъ коронъ и вѣнковъ. Корона Юпитера, бога-боговъ, состояла изъ всевозможнаго рода цвѣтовъ, а подчиненные ему божества носили головныя украшенія, соотвѣтствующія ихъ дѣятельностямъ. Такъ Церера носила вѣнокъ изъ колосьевъ, Вакхъ изъ папоротниковъ и винограда, Аполлонъ изъ лавровъ, Морфей изъ маковъ, Юнона изъ виноградныхъ листьевъ, Сатурнъ изъ свѣжихъ фигъ.

Желая почтить какого нибудь бога, государи и полководцы древняго міра жертвовали въ его храмъ корону, сдѣланную изъ драгоцѣнныхъ металловъ и камней. Подражая богамъ, короны стали носить жрецы, а наконецъ и всѣ. Въ Римѣ не совершалось самаго маленькаго семейнаго праздника, не говоря уже объ общественныхъ торжествахъ, чтобы всѣ пирующіе не были увѣнчаны. Искусство дѣлать вѣнцы изъ свѣжихъ цвѣтовъ чрезвычайно процвѣтало въ древности и тогдашніе ученые, какъ, напримѣръ, Тифонъ и Аристонъ Перипатетикъ, придавали имъ мистическое и благодатное значеніе, потому что они способствовали торжественному настроенію.

У израильтянъ вѣнки изъ цвѣтовъ и листьевъ считались выраженіемъ радости. Изъ книги »Юдиѳь« мы видимъ, что вступленіе въ какой нибудь городъ побѣдоноснаго вождя или царя, сопровождалось бросаніемъ къ его ногамъ вѣнковъ; изъ книги »Маккавеевъ« — что во время пировъ на гостей возлагались вѣнки, какъ у грековъ и римлянъ. Въ дни большихъ праздниковъ вѣнками украшались частныя и общественныя зданія.

Нужно ли напоминать, что побѣдители на Олимпійскихъ играхъ украшались вѣнками. Позаимствовавъ отъ грековъ это почетное значеніе вѣнковъ, римляне ввели ихъ у себя, какъ знаки отличія за гражданскіе и военные подвиги. Консулъ римскій Клавдій Пульхеръ первый приказалъ золотить вѣнки и украшать ихъ лентами, и тогда же стали вѣнчать супруговъ, употребляя вѣнцы, сдѣланные изъ золота и драгоцѣнныхъ камней.

Вообще, у римлянъ и у грековъ, во времена ихъ политической жизни, вѣнки и вѣнцы, превратившіеся въ короны — въ видѣ зубчатыхъ стѣнъ, палисадниковъ, корабельныхъ кормъ и носовъ и т. д. — играли большую роль. Они придавали имъ чрезвычайное значеніе. Были короны, которыхъ удостоились получить, въ теченіе всей римской исторіи, только восемь человѣкъ.

Несмотря на то́, что Христосъ былъ увѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ и что вѣнецъ этотъ, подобно кресту, могъ сдѣлаться символомъ христіанства, христіане первыхъ вѣковъ смотрѣли на вѣнки и короны, какъ на знаки гордости и тиранніи. Св. Тертуліанъ въ особенности возставалъ противъ этихъ украшеній.

Тѣмъ не менѣе съ принятіемъ христіанства западными и восточными императорами, корона стала предметомъ особеннаго благоговѣнія и была усвоена ими, какъ символъ власти, исходящей отъ Бога, и къ обряду вѣнчанія въ X столѣтіи присоединилось, наконецъ, мνропомазаніе греческихъ царей при патріархѣ Поліевктѣ, по образу помазанія на царство древнихъ израильскихъ царей Саула, Давида и Соломона.

Помазаніе іудейскихъ царей предшествовало вѣнчанію. То и другое совершалось торжественно, на мѣстахъ ознаменованныхъ, по преданію, особеннымъ присутствіемъ Божіимъ. Обрядъ помазанія совершали сначала пророки, а потомъ первосвященники, и при этомъ торжествѣ присутствовали члены царскаго семейства, тѣлохранители, вельможи, представители колѣнъ, судьи, военачальники и множество народа. На царя возлагали сначала вѣнецъ или діадиму, порфиру изъ виссона и такой же эфодъ, а затѣмъ нарамники, которые были первообразомъ св. бармъ. Затѣмъ царю вручали скипетръ или жезлъ. Помазаніе главы царя производилось елеемъ, хранившимся при Скиніи, послѣ чего играли трубы, гусли, органы, кимвалы и тимпаны, раздавались голоса пѣвцовъ, гремѣли рукоплесканія и народъ восклицалъ, падая на колѣни: »Да живетъ царь!« Свитокъ закона вручался царю и подданные присягали, что будутъ чтить Бога, законъ и власть, а торжество заключалось прохожденіемъ царя между разсѣченными животными и пиромъ.

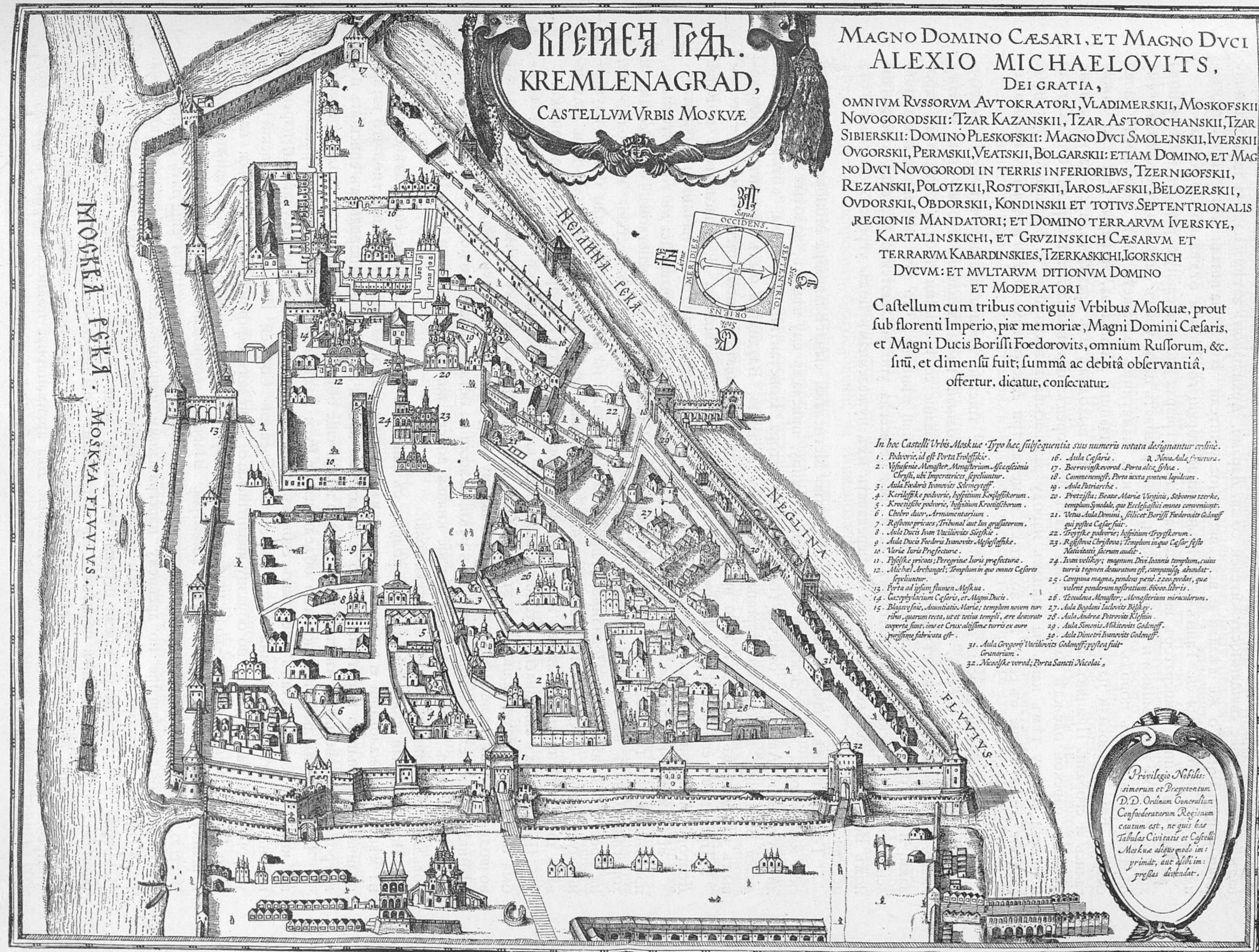
Вѣнчаніе на царство и мνропомазаніе византійскихъ царей сложилось, съ одной стороны, подъ вліяніемъ царственныхъ обычаевъ греческихъ и римскихъ императоровъ, правившихъ судьбами міра въ первые четыре вѣка по Р. Х., съ другой — въ непосредственной зависимости отъ руководительныхъ указаній, заключающихся въ Священномъ Писаніи.

Такъ-какъ отъ Византіи многое было унаслѣдовано русскими самодержцами, то слѣдуетъ остановиться на томъ, какъ совершался обрядъ вѣнчанія и мνропомазанія въ Константинополѣ.

»Съ разсвѣтомъ дня, назначеннаго для коронованія – пишетъ по этому поводу г. Георгіевскій — во дворецъ собирались придворные, вельможи и выборные отъ всѣхъ сословій, и будущій императоръ, окруженный двѣнадцатью оруженосцами и множествомъ вельможъ въ великолѣпныхъ одеждахъ, шествовалъ во храмъ передними дверьми, называвшимися царскими. Пѣвчіе въ это время возглашали чудную пѣснь (какую — неизвѣстно). По входѣ въ храмъ, императоръ обыкновенно подавалъ патріарху подписанное собственной рукою исповѣданіе вѣры (Никео-Константинопольскій сνмволъ) съ присоединенными къ нему клятвенными обѣщаніями быть вѣрнымъ сыномъ и покровителемъ св. церкви, заботиться о благѣ врученныхъ ему Богомъ подданныхъ и поступать всегда по правдѣ и истинѣ. Затѣмъ императоръ входилъ въ особый притворъ храма Софіи и здѣсь сажали его на щитъ и поднимали на показъ народу. Когда щитъ опускался, приближенные принимали императора подъ руки и вели его во внутренность храма.

Войдя во храмъ императоръ вступалъ въ небольшой чертогъ, заранѣе устроенный въ правомъ углу, гдѣ и облекался въ императорскую багряницу или порфиру и діадиму и возлагалъ на главу свою вѣнецъ со столбчиками. Изъ чертога императоръ въ порфирѣ, діадимѣ и вѣнцѣ, въ сопровожденіи свиты, шествовалъ на амвонъ и садился на золотомъ престолѣ. Когда короновалась вмѣстѣ съ императоромъ императрица, она также всходила на амвонъ и садилась на другомъ, приготовленномъ для нея, золотомъ престолѣ«.

Священное дѣйствіе помазанія и вѣнчанія заключалось въ томъ, что патріархъ крестообразно помазывалъ главу императора св. мνромъ и возглашалъ: »святъ«. Священнослужители троекратно повторяли тотъ-же возгласъ, а за ними весь народъ. Послѣ этого выносили изъ алтаря вѣнецъ подъ покровомъ на блюдѣ. Патріархъ благословлялъ царя сначала рукой, потомъ вѣнцомъ и вновь возглашалъ: »святъ«. По прочтеніи надъ нимъ молитвъ, онъ давалъ ему въ одну руку крестъ, въ

Планъ стараго Кремля.

Факсимиле плана, приложеннаго къ книгѣ „Geographia Blaviana". Амстердамъ. 1662 г.

другую скипетръ. Во время пѣнія херувимской пѣсни, императоръ шелъ въ алтарь, надѣвалъ на себя священный фелонецъ—златошвейную одежду, и, держа въ рукахъ зажженную свѣчу, открывалъ собою шествіе священнослужителей со св. Дарами. Архидіаконъ затѣмъ кадилъ царю съ низкими поклонами. То же дѣлали и всѣ священнослужители. Когда начинали пѣть »причастенъ«, императоръ пріобщался св. Таинъ — отдѣльно животворящаго Тѣла и отдѣльно св. Крови.

Причастившись, императоръ выслушивалъ отъ патріарха наставительную рѣчь, а затѣмъ подходили къ нему каменьщики и гробовщики и, дабы преподать царю урокъ смиренія, представляли ему образцы мраморныхъ породъ и спрашивали, какой памятникъ закажетъ онъ себѣ послѣ своей смерти. Еще подносили царю сосудъ съ пылью и тончайшія нити льна, которыя тутъ же зажигались и сгорали. Принявъ поздравленія, императоръ выходилъ изъ храма, садился на коня и въ вѣнцѣ и царской одеждѣ торжественно ѣхалъ во дворецъ. При выходѣ изъ церкви, его осыпали монетами, между тѣмъ какъ на улицахъ народу разбрасывали эпикомбіи, т. е. маленькіе суконные свертки, заключавшіе въ себѣ три золотыхъ монеты, три серебряныхъ и три жетона съ изображеніемъ императора.

Зная византійскіе царскіе обычаи, князья русскіе тщетно добивались получить отъ Восточной имперіи царскія регаліи. Константинъ Багрянородный въ наставленіи своему сыну Роману, »какъ царствовать«, совѣтуетъ ему отвѣчать на требованіе себѣ какими нибудь сѣверными народами, и въ томъ числѣ русскими, царскихъ одеждъ или вѣнцовъ, что эти украшенія предоставлены только греческимъ императорамъ, да и ими не всегда употребляются и что еще Константиномъ Великимъ положено заклятіе не передавать ихъ чужеземцамъ подъ угрозою отлученія отъ церкви.

Только послѣ удачнаго похода на Византію Мстислава, сына Владиміра Мономаха, византійскій императоръ, желая склонить Владиміра къ миру, прислалъ ему вѣнецъ, золотыя цѣпи, сердоликовую чашу Августа и оплечье (бармы) императора Константина Мономаха, который приходился Владиміру дѣдомъ со стороны матери. По преданію, Владиміръ былъ вѣнчанъ Мономаховымъ вѣнцемъ въ Кіевѣ. Съ того времени его и стали называть Мономахомъ.

Преемники его Мстиславъ I, Ярополкъ Владиміровичъ, Всеволодъ II, Изяславъ II и Юрій Долгорукій принимали регаліи Мономаха, когда »садились на столъ«, т. е. начинали княжить.

»Посаженіе на столъ« представляло собою древній обрядъ, заключавшійся въ томъ, что князь, призванный въ городъ, былъ встрѣчаемъ мѣстными жителями и духовенствомъ съ крестами и хоругвями, шелъ въ главную соборную церковь и его тамъ сажали »съ честью« на столѣ, т. е. на престолѣ княжескомъ. Повидимому, при этомъ надѣвали на него клобукъ или богато изукрашенную шапку. Посидѣвъ на престолѣ, князь возвращался изъ церкви и въ тотъ же день устраивалъ пиръ для знатныхъ людей и духовенства, угощалъ народъ и одаривалъ приближенныхъ.

При татарахъ поставленіе русскихъ князей на княжество совершалось въ самой ордѣ. Особыя церемоніи употреблялись при этомъ. Ханъ вручалъ поставляемому мечъ и такимъ образомъ возводилъ его въ великіе князья по феодальному чину, котораго придерживались татары. Знатнѣйшіе ханскіе вельможи брали его подъ руки, сажали на богато убраннаго коня, котораго должны были вести подъ устцы удѣльные русскіе князья до его жилища, а впереди шли бирючи или герольды и возглашали народу ханскую волю.

Поставленный князь уѣзжалъ на родину съ ханскими послами, которые еще разъ объявляли на мѣстѣ о пожалованіи его великимъ княземъ и читали ханскую грамоту. Извѣстно, что татары отличались большою вѣротерпимостью и, вѣроятно, кромѣ этого своимъ порядкомъ епископъ или митрополитъ совершалъ въ столицѣ великаго князя еще обрядъ посаженія его на столѣ предковъ.

Татарское владычество помогло объединиться Руси подъ властью одного самодержца. Великій князь московскій сталъ именовать себя, въ сношеніяхъ съ иноземными государями, царемъ и, наконецъ, послѣ брака Іоанна III съ греческой царевной Софьей Палеологъ, московскій дворъ, устроившійся, мало по малу, по образцу византійскаго, пожелалъ оффиціально сдѣлаться царскимъ. Самъ Іоаннъ, однако, почему-то не принялъ титула царя. При жизни своей онъ возложилъ св. бармы и шапку Мономаха на своего внука, Димитрія. Вѣнчаніе сопровождалось большой торжественностью. Іоаннъ пригласилъ кромѣ митрополита, архіепископа ростовскаго и еще пять епископовъ. Совершено было вѣнчаніе по древнему цареградскому чиноположенію, но безъ мvропомазанія. Въ Успенскомъ соборѣ на возвышеніи было поставлено три стола: великому князю, внуку его Димитрію и митрополиту. Среди церкви, на аналоѣ лежала шапка Мономаха и бармы. Передъ окончаніемъ молебна Іоаннъ обратился къ митрополиту съ просьбой благословить внука на великое княженіе. Митрополитъ благословилъ Димитрія крестомъ и прочелъ молитву, которая искони употребляется при поставленіи князей и царей. Два архимандрита поднесли бармы и шапку Мономаховы, митрополитъ передалъ ихъ великому князю, а тотъ вѣнчалъ ими внука. Затѣмъ слѣ-

довали ектинія и многолѣтіе. Въ заключеніе митрополитъ сказалъ краткое поученіе Димитрію. Послѣ литургіи великіе князья вышли изъ церкви и Димитрія, который былъ въ шапкѣ и въ бармахъ, нѣсколько разъ осыпали золотыми и серебряными деньгами, а Іоаннъ подарилъ ему крестъ съ золотой цѣпью, драгоцѣнный поясъ и сердоликовую чашу цезаря Августа.

Какъ извѣстно, этотъ первый русскій царь, не пользовавшійся, впрочемъ, ни одного дня царской властью, навлекъ на себя гнѣвъ Іоанна, который заключилъ его въ оковы и объявилъ наслѣдникомъ сына своего Василія. Василій Іоанновичъ пользовался почти неограниченной властью, но формально не принялъ титула царскаго и не короновался. Сына своего, малолѣтняго Іоанна, онъ поручилъ митрополиту Даніилу и боярамъ и тѣ поставили его на княженіе по старымъ обычаямъ въ соборной Успенской церкви. Въ присутствіи духовенства, князей, бояръ и народа митрополитъ осѣнилъ маленькаго князя крестомъ и сказалъ: »Добръ, здоровъ буди на великомъ княженіи на столѣ отца своего!« и затѣмъ начали ему пѣть многолѣтіе.

По достиженіи семнадцатилѣтняго возраста, Іоаннъ пожелалъ торжественно вѣнчаться на царство. Митрополитъ Макарій исполнилъ желаніе молодого государя. 16-го января 1547 года онъ возложилъ на Іоанна знаки царскаго достоинства: сначала крестъ отъ животворящаго древа, потомъ бармы и шапку Мономаха. Онъ произнесъ царю длинное поученіе, а во время литургіи возложилъ на него золотую цѣпь еще одно изъ наслѣдій Мономаховыхъ. Наконецъ, пріобщивъ его Святыхъ Таинъ, онъ совершилъ надъ нимъ мѵропомазаніе. Только съ этого времени русскіе государи стали именоваться царями. Однако же, какъ бы сомнѣваясь еще въ дѣйствительной силѣ высокаго обряда, совершеннаго надъ нимъ русскимъ духовенствомъ, Іоаннъ черезъ десять лѣтъ пожелалъ испросить благословеніе, на наименованіе его царемъ, отъ восточной церкви. Въ 1561 году была получена соборная грамота, подписанная тридцатью шестью греческими епископами и митрополитами. Въ ней патріархъ Іоасафъ увѣдомляетъ, что, увѣрившись подробно въ происхожденіи московскаго царя отъ греческой царевны Анны, которая была сестрой Василія Багрянороднаго, а также узнавъ о вѣнчаніи великаго князя Владиміра Мономаха діадимой и иными знаками и одеждами царскаго достоинства, посланными греческимъ царемъ Константиномъ Мономахомъ, онъ вмѣстѣ съ соборомъ, благодатію Святаго Духа, предоставлялъ Іоанну быть и именоваться законно вѣнчаннымъ царемъ.

Іоаннъ высоко чтилъ свой санъ и производилъ себя отъ Августа. Въ припадкѣ презрѣнія къ своимъ подданнымъ онъ посадилъ на московскій престолъ, вмѣсто себя, царемъ крещенаго татарина, касимовскаго хана Симеона Бекбулатовича и вѣнчалъ его царскимъ вѣнцомъ. Симеонъ царствовалъ два года; въ теченіе этого времени Іоаннъ жилъ подъ Москвой, въ Петровѣ, ѣздилъ просто, какъ бояринъ, и, пріѣзжая къ царю Симеону, садился отъ царева мѣста подальше вмѣстѣ съ боярами. Сохранилось нѣсколько грамотъ отъ имени »великаго князя Симеона всея Руси«, Потомъ онъ былъ высланъ Іоанномъ изъ Москвы, и ему даны въ удѣлъ Торжокъ и Тверь. Тридцать лѣтъ спустя онъ былъ постриженъ въ монахи по указу Лжедимитрія I, а Василій Шуйскій перевелъ его, во инокахъ Стефана, въ Соловецкій монастырь.

Іоаннъ Грозный въ теченіе своего тридцатисемилѣтняго царствованія укрѣпилъ въ умахъ подданныхъ вѣру въ величіе и священность своей власти и поэтому, когда онъ скончался, со всѣхъ сторонъ царевичу Ѳеодору Іоанновичу были принесены слезныя челобитныя—какъ можно скорѣе вѣнчаться на царство (»не мѣшкавъ«). Но совершеніе обряда было отложено до 31-го мая когда истекалъ срокъ шестинедѣльнаго траура.

»Въ день, назначенный для вѣнчанія, на разсвѣтѣ поднялась сильная буря съ грозой—повѣтствуетъ историкъ—и проливной дождь затопилъ многія улицы въ Москвѣ, что было принято суевѣрными людьми за предзнаменованіе грядущихъ бѣдствій; но суевѣры успокоились, когда разсѣялись тучи и весеннее солнце освѣтило золотыя макушки московскихъ церквей. Собралось безчисленное множество народа на Кремлевской площади, такъ что съ трудомъ очистили путь для духовника государя, который, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, выносилъ изъ царскихъ палатъ въ храмъ Успенія наслѣдіе Мономаха: животворящій крестъ, вѣнецъ и бармы. Борисъ Годуновъ въ богатой одеждѣ, покрытой крупнымъ жемчугомъ и обсаженной каменьями, несъ скипетръ. Несмотря на тѣсноту, водворилось гробовое молчаніе, когда толпа увидѣла медленно подвигавшееся шествіе. Ѳеодоръ въ свѣтлоголубой одеждѣ вышелъ изъ дворца съ боярами, князьями и воеводами въ золотыхъ одеждахъ; за ними шли съ пѣніемъ главнѣйшія лица изъ монашества и духовенства въ богатомъ церковномъ облаченіи; они несли образъ Божіей Матери и другіе образа, хоругви и кадильницы. Та же тишина была и въ соборѣ, наполненномъ всякаго званія людьми. На Ѳеодора Іоанновича надѣли верхнее платье, украшенное драгоцѣнными каменьями и множествомъ жемчуга; когда онъ, по древнему обычаю, сѣлъ на престолъ, то бояре стали вокругъ него по разрядамъ. »Священнодѣйствіе царскаго вѣнчанія было во всемъ согласно« съ чиномъ вѣнчанія Іоанна Гроз-

наго, съ тою лишь разницею, что митрополитъ (Діонисій) подалъ въ руки новаго царя скипетръ. По окончаніи обряда, Ѳеодоръ Іоанновичъ въ полномъ царскомъ одѣяніи, въ вѣнцѣ и бармахъ Мономаха, со скипетромъ въ рукѣ, вышелъ изъ южныхъ дверей храма, гдѣ его по обычаю осыпали деньгами, и отправился на поклоненіе въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы. Паперти церковныя были покрыты краснымъ бархатомъ, а для перехода изъ одной церкви въ другую, во избѣжаніе тѣсноты, были устроены на три стороны высокіе мостки, крытые сукномъ. Наконецъ, царю подвели богато убранную лошадь подъ покрываломъ, вышитымъ жемчугомъ и каменьями, съ богатымъ сѣдломъ и всѣмъ приборомъ, и онъ вернулся въ свои царскія палаты въ сопровожденіи князей и бояръ. Здѣсь онъ сѣлъ на приготовленное для него мѣсто и сказалъ краткую рѣчь, послѣ чего каждому дозволено было подойти къ его рукѣ. Тутъ же объявлены были разныя милости: выпущены изъ тюремъ многіе знатные люди, заключенные въ прошлое царствованіе, и освобождены военноплѣнные.

Въ этотъ же день была устроена царская трапеза, при которой присутствовалъ митрополитъ съ высшимъ духовенствомъ, бояре и иностранные послы. За столомъ царю прислуживали бояре. Трое широкихъ и большихъ сѣней были заняты кругомъ золотой и серебряной посудой, одна надъ другой, отъ полу до самыхъ сводовъ; тутъ же стояли серебряные и золотые боченки. Празднества по случаю царскаго вѣнчанія длились цѣлую недѣлю, въ продолженіе которой было много разныхъ увеселеній и зрѣлищъ. Въ заключеніе, по словамъ очевидца Горсея, была сооружена пирамида изъ пушекъ, названная »царской пирамидой«, въ недалекомъ разстояніи отъ города; она состояла изъ 170 орудій разнаго колибра. Изъ всѣхъ этихъ орудій выстрѣлили дважды въ валы, нарочно насыпанные для этой цѣли, 20,000 пищальниковъ, разставленныхъ въ 8 рядовъ и одѣтыхъ въ бархатныя, разноцвѣтныя, шелковыя и стаметныя одежды. Послѣ этого царь отправился черезъ городъ обратно въ свои царскія палаты, въ сопровожденіи всѣхъ князей, бояръ и придворныхъ, число которыхъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ«.

Избранный на царство земскихъ соборомъ 1598 года, Борисъ Годуновъ медлилъ принять царскій вѣнецъ и вѣнчался только 1-го сентября 1598 года. Вѣнчаніе было совершено патріархомъ, который, кромѣ обычныхъ регалій, подалъ царю державу.

Что касается сына его Ѳеодора Борисовича, то онъ погибъ послѣ двухъ мѣсячнаго царствованія, и вѣнчанія не дождался. Въ это время къ Москвѣ уже приближался побѣдоносный самозванецъ — Лжедимитрій.

Въ день вступленія его въ Москву, московскіе бояре, поднося ему подарки, убѣждали его принять безъ отлагательства прародительскій вѣнецъ, милосердіемъ Творца ему возвращенный, и тѣмъ обезпечить себя отъ разныхъ случайностей, такъ какъ многіе были убѣждены, что — поспѣши юный Годуновъ вѣнчаться на царство — и онъ, освятивъ себя въ глазахъ народа церковнымъ благословеніемъ на царство, продолжалъ бы, можетъ быть, здравствовать. Признанный инокинею Марѳою сыномъ, Лжедимитрій вѣнчался на царство 30-го іюля 1605 года по обычному чину, а затѣмъ 8-го мая 1606 года Марина Мнишекъ, одѣтая въ русское бархатное платье и въ сапогахъ съ высокими каблуками, сіяя золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями и въ головномъ уборѣ, тоже состоявшемъ изъ золота, жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ, была отведена въ Успенскій соборъ, гдѣ все уже было готово для царскаго ея вѣнчанія. Стѣны были обиты красными тканями и украшены золотой бахромой; подъ ногами отъ дворца до собора были разостланы бархатъ и сукно. Впереди шли стольники, стряпчіе, знатные поляки, послы и свадебные чины. Василій Голицынъ несъ скипетръ, Басмановъ державу, сзади слѣдовали бояре, дьяки и народъ. По обѣимъ сторонамъ царскаго пути разставлены были стрѣльцы и драбанты. На возвышеніи сѣли женихъ, невѣста и патріархъ. Самозванецъ занялъ золотой тронъ, украшенный драгоцѣнными камнями и подаренный персидскимъ шахомъ Іоанну Грозному. У Марины былъ тоже богатый тронъ. Патріархъ возложилъ на Марину животворящій крестъ, бармы и вѣнецъ, украсилъ ее цѣпью Мономаховой, помазалъ и причастилъ, но не подалъ ей державы и скипетра. Вслѣдъ затѣмъ уже было совершено таинство бракосочетанія Марины съ Самозванцемъ.

На слѣдующій день у самозванца былъ пиръ, который поразилъ иностранныхъ гостей золотой и серебряной посудой, безконечной смѣной яствъ и закусокъ. Марина и супругъ ея были въ польскихъ платьяхъ и съ коронами на головахъ.

Можетъ быть, вѣнчаніе Марины послужило поводомъ къ возстанію, во главѣ котораго очутился Василій Шуйскій, уже однажды помилованный Лжедимитріемъ. Переворотъ совершился въ ночь съ 16-го на 17-е мая. 19-го мая Василій Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ и вѣнчался 1-го іюня 1606 года во всемъ согласно чину вѣнчанія предшествовавшихъ царей, но пышности при этомъ не было, такъ какъ новый царь отличался бережливостью. Народъ не любилъ Василія Шуй-

Внутренній видъ стараго Кремля.

Факсимиле рисунка изъ сочиненія: »Книга объ избраніи на царство Михаила Өеодоровича Романова 1672 г.«. Находится въ московской Оружейной палатѣ.

Гравировалъ Б. А. Пуцъ.

скаго, и 17-го іюля 1610 года бояре и всякіе люди приговорили—бить челомъ царю Василію Ивановичу, чтобы онъ, государь, царство оставилъ для того, что »кровь многая льется«.

Два года Россія была безъ царя, господствовала смута, враги иноземные и внутренніе терзали государство. Когда безначальная Русь кое-какъ справилась съ поляками, у которыхъ у самихъ внутреннія дѣла были, можетъ быть, еще гораздо хуже нашихъ, въ Москвѣ съѣхался земскій соборъ и на одномъ засѣданіи какой-то дворянинъ изъ города Галича подалъ письменное заявленіе, что бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ ближе всѣхъ приходится родственникомъ прежнимъ царямъ и что его слѣдуетъ выбрать. 21-го февраля 1613 года Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ выбранъ единогласно, посредствомъ письменной подачи голосовъ. Народъ, собравшійся на Красной площади, закричалъ, что онъ также желаетъ избранія Михаила Ѳеодоровича Романова. Снаряжено было посольство въ Кострому, гдѣ тогда находился вновь избранный царь вмѣстѣ со своей матерью Мареой Ивановной. Мароа Ивановна и Михаилъ Ѳеодоровичъ отвѣтили сначала рѣзкимъ отказомъ. При этомъ мать царя упрекала посланцевъ въ убійствѣ Ѳеодора Годунова, Димитрія (Самозванца) и сведеніи съ престола Шуйскаго. Послы долго упрашивали — отъ третьяго и до девятаго часа. Наконецъ, Михаилъ, »принявъ прошеніе земли, велѣлъ посламъ быть у своей царской руки и сказалъ, что походъ его, государевъ, будетъ къ Москвѣ вскорѣ«.

На сколько разорена была въ это время Москва, видно изъ писемъ боярскихъ къ Михаилу; они извѣщали его, что »денегъ нѣтъ въ государевой казнѣ и плотниковъ мало, а палаты и хоромы всѣ безъ кровель и въ нихъ нѣтъ ни половъ, ни лавокъ, ни дверей и окончинъ, что приходится дѣлать все заново и лѣса такого, что нуженъ, вскорѣ не добыть«. Казаки разбойничали.

При такихъ обстоятельствахъ нельзя было спѣшить съ вѣнчаніемъ. Его пришлось отложить до 11-го іюля. Казна государева продолжала пустовать и понадобилось сдѣлать заемъ у Строгановыхъ, а также у города Углича деньгами и разными припасами.

Отецъ царя Михаила — Филаретъ не пріѣхалъ къ вѣнчанію. Оно было совершено казанскимъ митрополитомъ Ефремомъ.

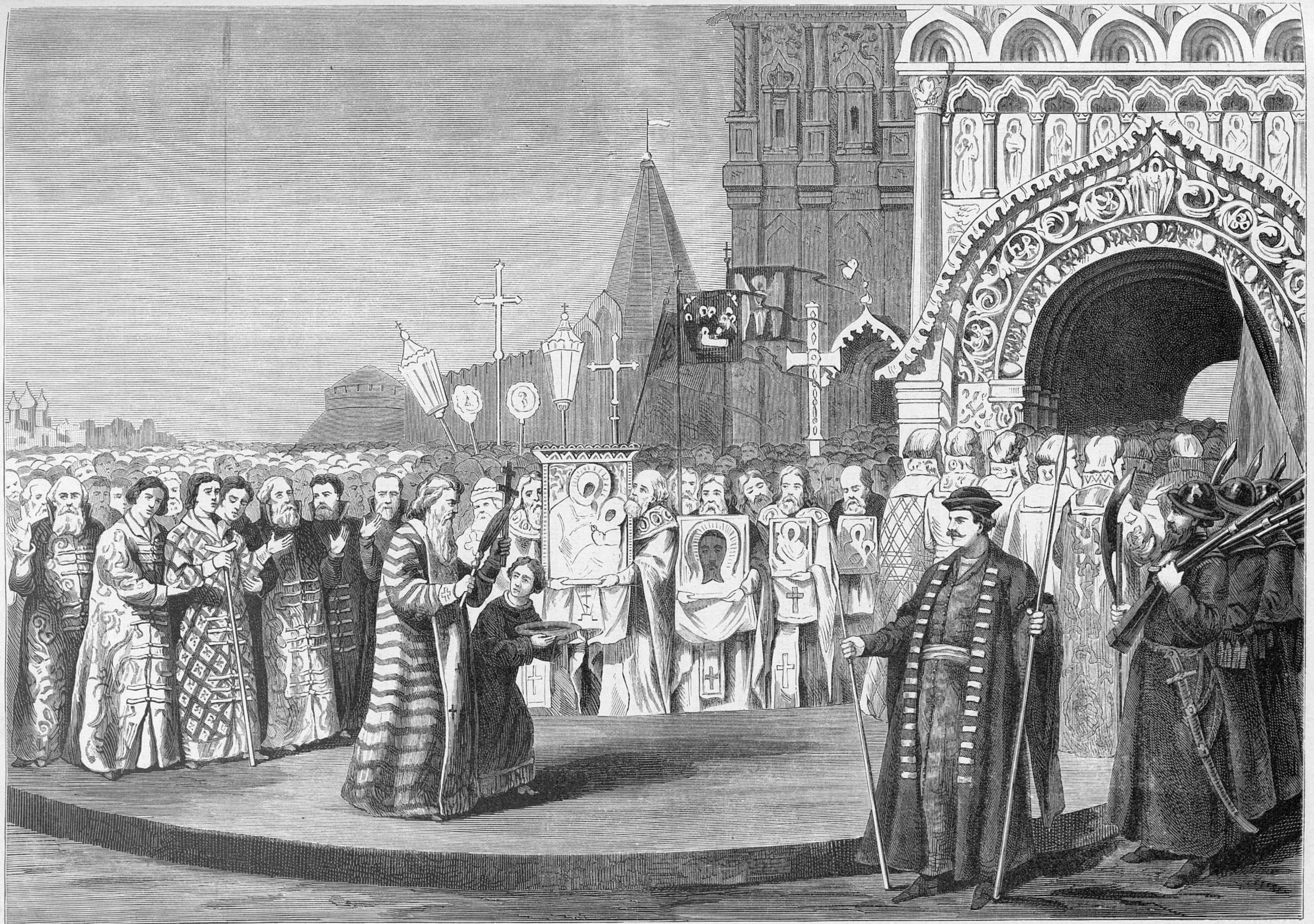
Царь собралъ въ Золотую палату бояръ и, собираясь въ Успенскій соборъ, приказалъ быть »безъ мѣстъ«. Этотъ приказъ пришлось повторить ему дважды. Затѣмъ вѣнчальное шествіе направилось въ соборную церковь и царь возсѣлъ на золотомъ, персидскомъ, престолѣ. По окончаніи священнодѣйствія и обѣдни, Михаилъ Ѳеодоровичъ выступилъ въ вѣнцѣ и царскихъ регаліяхъ изъ храма и при этомъ бояринъ Мстиславскій осыпалъ его золочеными деньгами. По красному сукну прошелъ онъ въ Архангельскій соборъ. Тутъ опять Мстиславскій осыпалъ его деньгами.

Милостей особыхъ никому оказано не было и не дано никакихъ льготъ народу, потому что казна была пуста и самъ Михаилъ Ѳеодоровичъ во многомъ нуждался.

Тридцать два года царствовалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, а по кончинѣ его земскимъ соборомъ былъ избранъ на царство Алексѣй Михаиловичъ, или, какъ говоритъ лѣтописецъ: »единодушнымъ соглашеніемъ всѣхъ бояръ, знатныхъ господъ и всего народа«.

Вѣнчаніе его было отложено на нѣкоторое время за смертью царицы — матери Евдокіи Лукьяновны и совершилось лишь въ воскресенье 28-го сентября 1645 года. Какъ только наступило утро, стали благовѣстить на Иванѣ Великомъ, въ большой колоколъ, въ Реутъ, въ новый Воскресенскій и во весь воловой благовѣстъ нижняго большого пояса. Когда все было готово и регаліи перенесены въ соборъ, царь Алексѣй Михаиловичъ, извѣщенный объ этомъ патріархомъ, вышелъ изъ своихъ покоевъ и направился въ Успенскій соборъ. Впереди шли бояре, окольничьи, столвашки и протопопъ святой водою кропилъ царскій путь. Очевидецъ говоритъ: »Бысть же тогда и всенародное многое множество православныхъ христіанъ и иноземцевъ, которые ему, великому государю, служатъ въ холопствѣ и окрестныхъ великихъ государствъ всякіе люди, ихъ же не бѣ числа, а вси предстояли со страхомъ и трепетомъ, каждо въ своемъ мѣстѣ, славяще Бога о такомъ превеликомъ дѣлѣ, видяще такое царское чудное происхожденіе«.

По обѣимъ сторонамъ царскаго пути, какъ всегда водилось, стояли стрѣльцы и берегли его, чтобы кто нибудь, Боже сохрани, не перешелъ его. Началось молебствіе, по окончаніи котораго архимандриты и игумены передали на золотомъ блюдѣ царскій вѣнецъ или шапку Мономахову двумъ архіепископамъ и одному епископу, а отъ послѣднихъ приняли и поднесли патріарху царскій вѣнецъ всѣ митрополиты, архіепископы и епископы. Патріархъ перекрестилъ вѣнецъ рукою, царя благословилъ крестомъ и возложилъ вѣнецъ на него со словами: »Во имя Отца и Сына и Святаго Духа«. Затѣмъ онъ взялъ царя за правую руку, поставилъ на царскомъ мѣстѣ, благословилъ и поклонился ему. Вслѣдъ затѣмъ все тѣ же высшіе священнослужители поднесли патріарху скипетръ и державу или »яблоко владомое«. Патріархъ далъ скипетръ царю въ правую руку, а яблоко въ лѣвую и при этомъ сказалъ рѣчь.

Вѣнчаніе на царство царя Михаила Θеодоровича Романова. — Шествіе царя въ соборъ 11-го іюля 1613 года.

По старинному рисунку гравировалъ Э. Беренсъ.

На литургіи, во время причастнаго стиха, патріархъ послалъ протодіакона пригласить царя къ мvропомазанію и Св. Причастію. Путь царя былъ устланъ драгоцѣнными матеріями и коврами. Царь остановился у царскихъ дверей, патріархъ вышелъ изъ алтаря и перекрестилъ мvро, поднесенное ему духовными іерархами. Приложившись къ мѣстнымъ иконамъ, царь снова подошелъ къ царскимъ дверямъ и тутъ патріархъ помазалъ его св. мvромъ на челѣ, ушахъ, на брадѣ, подъ брадой, на шеѣ, персяхъ и плечахъ, произнося: »Печать и даръ св. Духа. Аминь«. Помазанныя мѣста патріархъ вытиралъ губкою, которую потомъ сжегъ на алтарѣ, а царь восемь дней послѣ того не умывалъ помазанныхъ мѣстъ. По совершеніи мvропомазанія, царь отступилъ и на чистый коверъ, на которомъ онъ стоялъ, былъ постланъ второй золотой коверъ и тутъ патріархъ причастилъ царя, не вводя въ алтарь, вмѣстѣ и Тѣла и Крови Христовой изъ потира, поднесеннаго митрополитомъ новгородскимъ.

Послѣ церемоніи, Алексѣй Михаиловичъ вернулся въ царскія палаты и тамъ начался пиръ. Это царское вѣнчаніе особенно пришлось по душѣ русскимъ людямъ, потому, что все было совершено »тихо, съ благочиніемъ и со многимъ благочестіемъ«.

Алексѣй Михаиловичъ при жизни своей »объявилъ« своимъ наслѣдникомъ старшаго сына Алексѣя, а когда тотъ умеръ, немедленно назначилъ наслѣдникомъ другого сына своего — Ѳеодора.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ вѣнчался на царство 18-го іюля 1676 года. Вѣнчальная церемонія и на этотъ разъ происходила обычнымъ порядкомъ, съ тою только разницею, что царь передъ отправленіемъ въ Успенскій соборъ, сидѣлъ не въ Золотой, а въ Грановитой палатѣ. Но въ самомъ священномъ дѣйствіи вѣнчанія произошла важная перемѣна, такъ какъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ вѣнчался по новѣйшему, болѣе сложному чиноположенію, какое было въ употребленіи при послѣднихъ греческихъ императорахъ. Это важно въ томъ отношеніи, что таковая церемонія, съ незначительными измѣненіями, удержалась и до нашего времени. По изъявленіи государемъ желанія вѣнчаться по обычаю предковъ, патріархъ предложилъ ему вопросъ: »како вѣруеши и исповѣдуеши Отца и Сына и Св. Духа?« По исповѣданіи вѣры царемъ, патріархъ произнесъ: »Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ тобою!« Затѣмъ на царя были возложены мантія или порфира, крестъ, св. бармы и вѣнецъ. Священное мvропомазаніе началось по пріобщеніи высшаго духовенства, но до пріобщенія діаконовъ. Знаменательно было то, что царь причащенъ былъ въ алтарѣ, близь св. престола и при затворенныхъ царскихъ вратахъ.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ процарствовалъ шесть лѣтъ, умеръ бездѣтнымъ и сначала на престолъ былъ возведенъ младшій изъ его братьевъ — Петръ, но черезъ мѣсяцъ по требованію стрѣльцовъ, былъ объявленъ царемъ и другой царевичъ—Іоаннъ. 25-го мая 1682 года было назначено совмѣстное вѣнчаніе двухъ царей. Царскія регаліи имѣлись только въ одномъ экземплярѣ, почему и были заказаны точно такія же регаліи для царя Петра, при чемъ древнее отъ новаго едва можно было различить. Сдѣланъ былъ также широкій двойной тронъ — кресла, разгороженныя на два сидѣнія по древнему обычаю.

Вѣнчаніе обоихъ царей—Іоанна и Петра было точнымъ повтореніемъ вѣнчальнаго обряда, который былъ совершенъ надъ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. На царственныхъ братьяхъ въ этотъ день былъ одинаковый нарядъ: золотые кафтаны съ кружевами и шапки съ богатыми запонами. На патріархѣ былъ греческій саккосъ, весь расшитый жемчугами. При церемоніи присутствовало восемь митрополитовъ, а по выходѣ царей изъ собора ихъ осыпали золотыми и золочеными деньгами сибирскіе царевичи; мисы съ деньгами держали два стольника. Возвратившись въ свои хоромы, цари пожаловали приближенныхъ »водками и ренскимъ«; но стола въ этотъ торжественный день не было.

Таково было послѣднее царское вѣнчаніе въ Москвѣ. Какъ видно изъ настоящаго очерка, оно постепенно приближалось, на протяженіи значительнаго историческаго періода, къ великолѣпному вѣнчанію, которое совершалось надъ византійскими царями и, наконецъ, съ Петра Великаго, впервые короновавшаго супругу свою Екатерину Алексѣевну императорскимъ вѣнцомъ, должно было уступить мѣсто тѣмъ пышнымъ и торжественнымъ коранаціямъ, которыя, при послѣдующихъ государяхъ нашихъ сдѣлались не только императорскими, но и всенародными празднествами и необычайнымъ блескомъ своимъ совершенно затмили древнее великолѣпіе.

Ея Императорское Величество

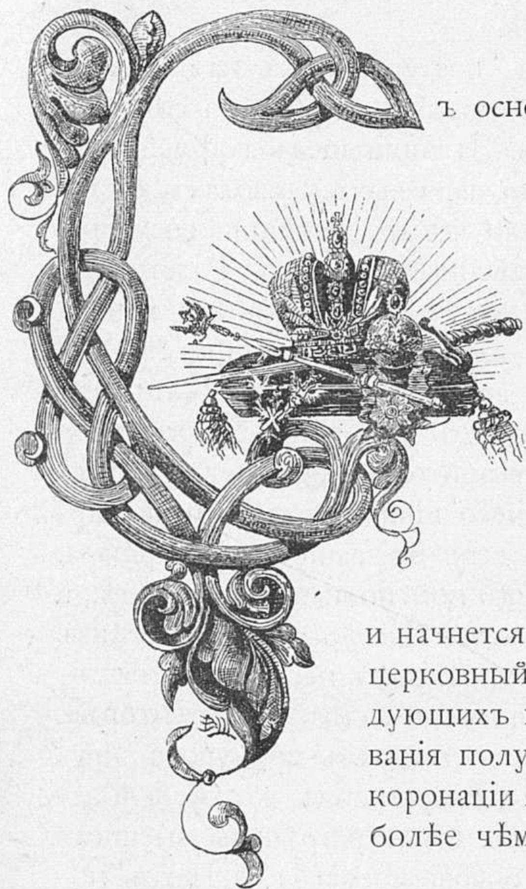
Государыня Императрица

АЛЕКСАНДРА ӨЕОДОРОВНА.

Съ фотографіи Левицкаго и сына. Гравировалъ Б. А. Пуцъ.

Коронованіе русскихъ императоровъ

Очеркъ И. Н. Божерянова

Съ основаніемъ Петербурга и принятіемъ императорскаго титула Петромъ Великимъ не измѣнился особенно чинъ церковнаго царскаго вѣнчанія, кромѣ умилительной и нѣкоторыхъ другихъ молитвъ, да новаго молебственнаго пѣнія и т. п. Правда, исчезла прежняя полуазіатская роскошь; тяжелыя золотыя одежды, унизанныя жемчугомъ и самоцвѣтными каменьями; пропали стрѣльцы и всякіе чины, шедшіе »для береженія« царя; исчезъ обрядъ посыпанія золотыми монетами нововѣнчаннаго государя, но за то прекратилось и безцеремонное наводненіе Кремля и Успенскаго собора людьми всякаго званія, по праву: »кто первый всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ«. Первая императорская коронація въ Россіи происходила въ 1724 году и совершалась надъ супругою царя Петра — Екатериною I, съ описанія которой поэтому и начнется предлагаемый очеркъ. Для этой коронаціи составленъ былъ особый церковный чинъ, который и послужилъ образцомъ для чиновъ всѣхъ послѣдующихъ коронацій. Совершенно законченный и стройный видъ чинъ коронованія получилъ только въ 1856 году, т. е. сорокъ лѣтъ тому назадъ, при коронаціи Александра II. Рядомъ съ этими измѣненіями императорское вѣнчаніе болѣе чѣмъ когда нибудь получило и значеніе »всенароднаго« торжества.

Коронованіе императрицы Екатерины I

Петръ I въ манифестѣ своемъ, отъ 15-го ноября 1723 г., о коронаціи Екатерины I, не объяснялъ цѣли такого обряда, а указывалъ лишь, что онъ нисколько не нарушаетъ обычая православной восточной церкви и въ доказательство приводилъ имена тѣхъ »благовѣрныхъ греческихъ царей«, которые короновали своихъ супругъ. Кромѣ того онъ заявлялъ о подвигахъ и самоотверженіи Екатерины впродолженіи двадцатилѣтней войны со Швеціею и спасеніи ею русскаго войска на берегахъ Прута. »Того ради — писалъ Петръ въ манифестѣ — данною намъ отъ Бога самовластіею за такіе супруги нашея труды рѣшились мы короновать ее императорскимъ вѣнцомъ«.

Самый церемоніалъ коронаціи, сохранившійся въ главныхъ чертахъ до настоящаго времени былъ написанъ Петромъ I на олонецкихъ минеральныхъ водахъ, съ которыхъ онъ, вмѣстѣ съ своею »Катенькою«, прямо проѣхалъ въ Москву для ея коронованія. Прибывъ въ Москву, государь, по обыкновенію, остановился въ своемъ Преображенскомъ дворцѣ. Торжественный же въѣздъ въ Кремлевскій дворецъ состоялся наканунѣ коронаціи. Къ этому въѣзду Петръ I сформировалъ конную роту кавалергардовъ изъ оберъ-офицеровъ армейскихъ полковъ и самъ принялъ названіе капитана ея, а капитанъ-лейтенантомъ ранѣе былъ назначенъ генералъ-прокуроръ Павелъ Ягужинскій.

Этотъ новый конный отрядъ открывалъ и замыкалъ шествіе. Императрица ѣхала въ золотой каретѣ, съ двумя молодыми принцессами. Московскія улицы были убраны елками и соснами, а дома украшены коврами и матеріями.

За нѣсколько дней до коронаціи, изъ Петербурга, подъ конвоемъ 12-ти гренадеръ, была привезена новая императорская корона, осыпанная 2,564 драгоцѣнными камнями. Дуга, раздѣлявшая ее на двѣ половины, (имѣвшія первоначально значеніе символа Восточной и Западной Римской имперіи, откуда, вообще, и заимствована форма коронъ), украшалась большимъ рубиномъ, купленнымъ по приказу царя Алексѣя Михаиловича въ Пекинѣ у китайскаго богдыхана. Готовя уборъ для Екатерины, именно аграфъ для мантіи, Петръ I отдалъ ювелиру Рокентину для обдѣлки на

100,000 бриллiантовъ. Января 16-го ювелиръ донесъ, что брилліанты у него отняли неизвѣстные люди, которые, потребовавъ его съ камнями къ князю Меншикову, завели въ лѣсъ, гдѣ угрозами и побоями заставили отдать царскія драгоцѣнности. Назначено было слѣдствіе по этому заявленію, но, въ концѣ концовъ, ювелиръ Рокентинъ сознался, что утаилъ бриллiанты, за что и осужденъ былъ и сосланъ въ Сибирь.

Въ день коронаціи, 7-го мая 1724 года, съ утра пришли въ Кремль полки. Въ восемь часовъ благовѣстъ колокола Успенскаго собора возвѣстилъ о началѣ молебствія, по окончаніи котораго все духовенство вышло навстрѣчу ихъ императорскимъ величествамъ.

Въ 10 часовъ, при звонѣ колоколовъ и музыкѣ всѣхъ полковъ, поставленныхъ на площади, царь Петръ съ Екатериною вышли изъ дворца. Шествіе открывалось половиной недавно сформированнаго отряда, въ сапогахъ со шпорами и карабинами въ рукахъ. За ними шелъ гофмейстеръ и двѣнадцать пажей императрицы въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ, парчевыхъ камзолахъ, бѣлокурыхъ парикахъ и съ бѣлыми перьями на шляпахъ. За ними слѣдовали четыре деньщика государя, разнаго рода депутаціи, генералитетъ, должностныя лица и государственный маршалъ Толстой съ большимъ серебрянымъ жезломъ. За нимъ сановники несли на подушкѣ коронаціонную мантію императрицы, вѣсившую 150 фунтовъ, которую дѣлали во Франціи изъ золотого штофа съ »высокимъ швомъ« шитыхъ орловъ. Подбита она была горностаемъ, аграфы же у ней были изъ крупныхъ бриллiантовъ. Затѣмъ несли на подушкахъ державу, скипетръ и корону. За регаліями шелъ Петръ I въ лѣтнемъ кафтанѣ небесно-голубого цвѣта, богато вышитомъ серебромъ, въ красныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ шляпѣ съ бѣлымъ перомъ. Подлѣ него шли генералъ-фельдмаршалъ князь Меншиковъ и князь Репнинъ, пожалованный въ этотъ день въ званіе фельдмаршала. За государемъ шествовала императрица въ богатѣйшей »робѣ«, сдѣланной по испанской модѣ, и въ головномъ уборѣ, осыпанномъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Платье на ней было изъ пурпуровой штофной матеріи съ великолѣпнымъ золотымъ шитьемъ; шлейфъ несли пять статсъ-дамъ. Герцогъ голштинскій велъ ея величество за руку. Возлѣ нихъ, въ качествѣ »ассистентовъ«, шли адмиралъ Апраксинъ и великій канцлеръ Головкинъ, а позади — генералъ-прокуроръ Ягужинскій и Мамоновъ, поручикъ лейбъ-гвардіи ея величества, т. е. кавалергардовъ, которые и замыкали процессію. Передъ входомъ въ храмъ государь и государыня были встрѣчены высшимъ духовенствомъ. Герцогъ голштинскій довелъ императрицу до самаго возвышенія, гдѣ Петръ подалъ ей руку и повелъ по ступенямъ къ приготовленнымъ для нихъ престоламъ.

Священнодѣйствіе вѣнчанія, при упраздненіи патріаршаго сана, совершено было первенствующимъ, новгородскимъ архіепископомъ Ѳеодосіемъ и псковскимъ Ѳеофаномъ — по тому же самому чиноположенію, какъ было введено при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Вся разница заключалась въ томъ, что самъ императоръ возложилъ на государыню мантію и корону и вручилъ ей скипетръ: кромѣ того она причащалась не въ алтарѣ (какъ царствующія особы), а передъ царскими дверьми, гдѣ совершено было и мvропомазаніе — на челѣ, груди и рукахъ. Во время литургіи императрица Екатерина I »отъ тяжести царскихъ уборовъ« сидѣла и »временемъ« вставала, т. е. въ тѣ моменты, когда государи обыкновенно снимали корону: во время чтенія Евангелія, во время большого выхода, при словахъ: »пріимите, ядите« — до окончанія пѣнія »достойно есть«, при пѣніи »Отче нашъ« и при возглашеніи словъ »Святая святыхъ«.

По окончаніи церемоніи и обычныхъ поздравленій, императоръ, сославшись на усталость, удалился во дворецъ, а государыня съ короной на головѣ и въ мантіи отправилась въ Архангельскій соборъ подъ высокимъ балдахиномъ о шести древкахъ, который несли шесть генералъмаіоровъ и придерживали съ боковъ четыре морскихъ офицера. Свиту ея величества составляли: герцогъ голштинскій, двое ассистентовъ, пять статсъ-дамъ, которыя несли шлейфъ, и двѣнадцать пажей. Въ это время князь Меншиковъ бросалъ въ народъ мелкія золотыя и серебряныя монеты изъ большихъ бархатныхъ мѣшковъ, украшенныхъ орлами, несомыхъ за нимъ двумя статсъ-комисарами. Отслушавъ молебенъ въ соборѣ, Екатерина сѣла въ огромную парадную карету, украшенную сверху вызолоченной короной, запряженную восемью лошадьми, и отправилась въ Воскресенскій монастырь. Вслѣдъ за императрицей, въ каретѣ, запряженной шестью лошадьми, ѣхали ассистенты. Генералъ-лейтенантъ Ласси, ѣхавшій верхомъ рядомъ съ каретой государыни, бросалъ въ народъ и войско золотые и серебряные жетоны. Поклонившись праху почивающихъ въ монастырѣ русскихъ царицъ, Екатерина возвратилась во дворецъ, гдѣ герцогъ голштинскій высадилъ ее изъ экипажа у Краснаго крыльца. Отсюда императрица подъ балдахиномъ и въ сопровожденіи дамъ, несшихъ шлейфъ, пошла вверхъ, по широкому крыльцу; но отъ тяжести одѣянія принуждена была нѣсколько разъ останавливаться и отдыхать. Въ назначенный часъ церемоніймейстеръ пригласилъ всѣхъ къ столу, накрытому, по старинному обычаю, въ Грановитой палатѣ. Недалеко отъ царскаго стола былъ помѣщенъ небольшой столъ для герцога голштинскаго, а четыре дру-

Каменный мостъ на Москвѣ-рѣкѣ въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ картины, писанной Ѳ. Я. Алексѣевымъ и находящейся въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Гравировалъ В. К. Зейпель.

гихъ стола были накрыты для духовенства и прочихъ участниковъ коронаціи. Посуда и весь приборъ за столомъ ихъ величествъ были изъ чистаго золота старинной работы. Во время обѣда игралъ оркестръ подъ управленіемъ голштинца Гюбнера, а князь Меншиковъ раздавалъ присутствующимъ большія золотыя медали, на лицевой сторонѣ которыхъ были изображены портреты Петра и Екатерины, а на оборотной — государь, возлагающій корону на императрицу, съ надписью: »коронованіе въ Москвѣ въ маѣ 1724 г.«. Въ это же время былъ отданъ народу жареный быкъ, стоявшій передъ дворцомъ. Солдаты и народъ шумно выражали свое удовольствіе, и Петръ, по свидѣтельству очевидца Бергольца, нѣсколько разъ смотрѣлъ на нихъ изъ оконъ, пользуясь случаемъ, чтобы встать на нѣсколько минутъ и освободиться отъ долгаго сидѣнья. Въ заключеніе обѣда, пили здоровье ихъ величествъ. Коронаціонныя празднества, продолжавшіяся до 16-го мая, заключились фейерверкомъ, сожженнымъ среди ночи, а 25-го іюня ихъ величества возвратились въ свой любимый Петербургъ.

Коронованіе императора Петра II

Спустя три года, послѣ своей коронаціи, скончалась императрица Екатерина I, и на престолъ вступилъ юный, 11-ти лѣтній императоръ Петръ II, который, по словамъ Манштейна, хотѣлъ немедленно ѣхать въ Москву для коронованія, но этому помѣшалъ князь Меншиковъ; справедливость этого свидѣтельства подтверждается тѣмъ, что, дѣйствительно, отъѣздъ государя въ Москву для коронаціи состоялся только послѣ паденія Меншикова.

Изъ Петербурга Петръ II выѣхалъ 9-го января 1728 года при троекратномъ залпѣ пушекъ и сѣверная столица уже болѣе не видѣла его.

На пути своемъ къ Москвѣ юный Петръ II былъ блестяще встрѣченъ знаменитымъ архіепископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ Новгородѣ, гдѣ государю былъ приготовленъ трогательный пріемъ. За версту до города Петра II встрѣтили 400 мальчиковъ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ красными, нашивными на груди, перевязями, и привѣтствовали его на русскомъ и латинскомъ языкахъ. За ними слѣдовалъ почетный строй дворянъ, смѣшанный съ цеховыми ремесленниками, тянувшійся по обѣимъ сторонамъ дороги до самаго города. При въѣздѣ въ городъ возвышались тріумфальныя ворота, »инвенціею его преосвященства преславно« построенныя, на которыхъ красовались аллегорическія картины, эмблемы и символическія изреченія. Императору архіепископъ далъ обѣдъ, послѣ котораго былъ сожженъ блестящій фейерверкъ изъ 150 пирамидъ. Въ бытность свою въ Новгородѣ Петръ II осмотрѣлъ достопримѣчательности древняго города, принялъ стихи, поднесенные государю его преосвященствомъ и »показалъ высокую неизреченную милость убогимъ и обидѣннымъ«; затѣмъ 17-го января его величество прибылъ въ вотчину князя Ивана Ромодановскаго, стоявшую въ 40 верстахъ отъ Москвы, гдѣ болѣзнь задержала его около двухъ недѣль; послѣ этого Государь отправился въ село Всесвятское, гдѣ остановился у старой имеретинской царицы. Отсюда совершилось 4-го февраля его шествіе въ Москву, въ четыре часа по полудни, въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди ѣхала рота гренадеръ, верхами, въ богатыхъ мундирахъ; затѣмъ слѣдовали: 35 каретъ знатныхъ особъ и при нихъ слуги въ богатыхъ ливреяхъ, пажи верхами и за ними лакеи пѣшкомъ; императорскія кареты и при нихъ конюхи; шталмейстеръ съ лошадьми его величества въ турецкихъ и другихъ богатыхъ приборахъ, а за нимъ — генералъ-майоры, бригадиры и знатнѣйшіе дворяне; трубачи и литавры; отрядъ кавалергардіи; камеръ-фурьеры; лакеи, арабы, скороходы; камеръ-пажи и камеръ-юнкеры верхами, камергеры въ каретахъ, оберъ-шталмейстеръ; затѣмъ слѣдовала карета его величества, запряженная восемью лошадьми и окруженная пѣшими гайдуками. Съ государемъ сидѣлъ его воспитатель баронъ Андрей Остерманъ; по сторонамъ ѣхали верхами Ягужинскій и Салтыковъ. За императорской каретой слѣдовали въ экипажахъ четырнадцать знатнѣйшихъ сановниковъ. Конная гренадерская рота замыкала шествіе.

Къ въѣзду Петра II въ Москвѣ было устроено трое тріумфальныхъ воротъ. У первыхъ, сооруженныхъ при въѣздѣ въ Земляной городъ, государя привѣтствовалъ генералъ-губернаторъ князь И. Ѳ. Ромодановскій съ офицерами своей команды и знатнѣйшими горожанами, и тутъ раздался трезвонъ всѣхъ московскихъ церквей, неумолкавшій до окончанія въѣзда. У вторыхъ воротъ — передъ Бѣлымъ городомъ была встрѣча царю отъ магистрата и купечества. Всякій разъ при проѣздѣ государемъ воротъ, раздавался залпъ изъ пушекъ, сопровождаемый батальнымъ огнемъ полковъ, стоявшихъ шпалерами на пути слѣдованія его величества, что было повторено и при въѣздѣ государя въ Кремль черезъ третьи ворота — въ Китаѣ-городѣ, отъ сvнода построенныя и убранныя картинами и коврами. Возлѣ Успенскаго собора государя встрѣтило духовенство; затѣмъ Петръ II, отслушавъ молебенъ, отправился въ приготовленные для него покои въ Кремлевскомъ дворцѣ,

Дни Священнаго Коронованія

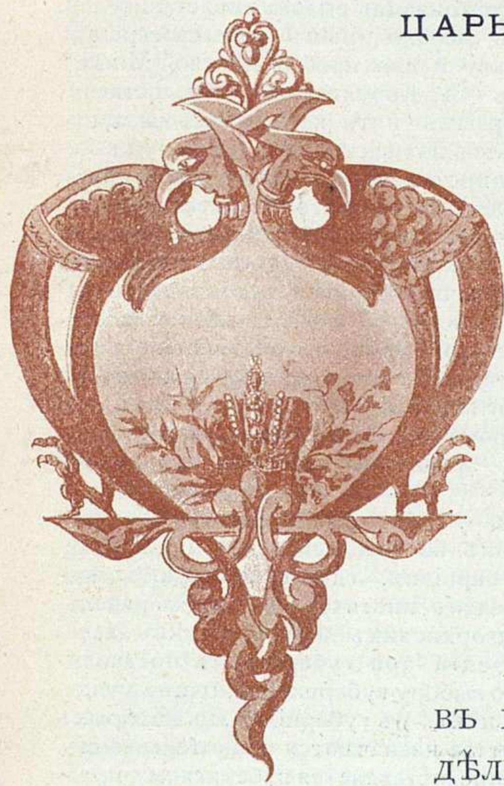
БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

бъявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ:

При помощи Божіей, вознамѣрились МЫ, въ маѣ мѣсяцѣ сего года, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, по примѣру Благочестивыхъ Государей, Предковъ НАШИХЪ, возложить на СЕБЯ Корону и воспріять, по установленному чину, Святое Мѵропомазаніе, пріобщивъ къ сему и Любезнѣйшую Супругу НАШУ, ГОСУДАРЫНЮ ИМПЕРАТРИЦУ АЛЕКСАНДРУ ѲЕОДОРОВНУ.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ НАШИХЪ подданныхъ, въ предстоящій торжественный день Коронованія, раздѣлить радость НАШУ и вмѣстѣ съ НАМИ вознести горячую молитву Подателю всѣхъ благъ, да изліетъ на НАСЪ Дары Духа Своего Святаго, да укрѣпитъ Онъ Державу НАШУ и да направитъ Онъ НАСЪ по стопамъ Незабвеннаго Родителя НАШЕГО, Коего жизнь и труды на пользу дорогого Отечества останутся для НАСЪ навсегда свѣтлымъ примѣромъ.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 1-й день января, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто шестое, Царствованія же НАШЕГО во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ:

Указъ правительствующему сенату.

Манифестомъ, въ сей день даннымъ, возвѣстивъ объ имѣющемъ совершиться въ маѣ мѣсяцѣ 1896 года Короновании Нашемъ, признали Мы за благо призвать къ сему времени въ первопрестольный градъ Нашъ Москву, по примѣру Коронованія въ Бозѣ почившаго Родителя Нашего, сословныхъ и другихъ представителей Россійской Имперіи, на точномъ основании утвержденнаго Нами особаго положенія.

Правительствующій сенатъ не оставитъ благовременно учинить по сему надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

С.-Петербургъ.
1-го января 1895 года.

Указъ правительствующему сенату.

Всѣ распоряженія по приготовленію къ предстоящему Священному Коронованію Нашему и Любезнѣйшей Супруги нашей Государыни Императрицы Александры Θеодоровны признали Мы за благо возложить на министра Императорскаго Двора, исполнительную же дѣятельность по приготовленіямъ и устройству торжествъ Священнаго Коронованія – поручить подлежащимъ установленіямъ министерства Императорскаго Двора, съ учрежденіемъ при министрѣ Императорскаго Двора: 1) для обсужденія общихъ коронаціонныхъ вопросовъ—особаго, подъ наименованіемъ Коронаціонной Коммиссіи, совѣщанія, собираемаго министромъ по мѣрѣ надобности, и 2) для дѣлопроизводства по всѣмъ коронаціоннымъ вопросамъ и для отчетности по коронаціоннымъ расходамъ — коронаціонной канцеляріи, изъ чиновъ министерства Императорскаго Двора.

Правительствующій сенатъ не оставитъ благовременно учинить по сему надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

С.-Петербургъ.
1-го января 1896 года.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

правительствующему сенату.

Признавъ за благо на время Коронованія Нашего призвать правительствующій сенатъ къ присутствованію въ первопрестольномъ градѣ Нашемъ въ Москвѣ,— повелѣваемъ:

I. Образовать временно въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ присутствія перваго департамента правительствующаго сената, а также общаго собранія изъ первоприсутствующихъ въ департаментахъ и учрежденныхъ въ составѣ сената особыхъ присутствіяхъ, съ присоединеніемъ къ нимъ сенатора, управляющаго межевою частью на правахъ товарища министра юстиціи, и сенаторовъ перваго департамента сената.

II. Упомянутымъ присутствіямъ предоставить отправленіе, согласно учрежденію правительствующаго сената, обязанностей по обнародованію манифестовъ, указовъ и повелѣній Нашихъ, а равно производство текущихъ дѣлъ.

III. Исполненіе обязанностей оберъ прокурора и канцеляріи означенныхъ присутствій возложить на оберъ-прокурора перваго департамента правительствующаго сената и чиновъ канцелярій сената, имѣющихъ быть командированными въ Москву по распоряженію министра юстиціи.

Правительствующій сенатъ не оставитъ благовременно учинить по сему надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ С.-Петербургѣ.
28-го февраля 1896 года.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

Объ утвержденіи положенія о порядкѣ вызова и о составѣ сословныхъ и другихъ представителей при предстоящемъ торжествѣ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Министръ Императорскаго Двора всеподданнѣйше представлялъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе „Положеніе о порядкѣ вызова и о составѣ сословныхъ и другихъ представителей при предстоящемъ торжествѣ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ“.

Государь Императоръ, 11-го января 1896 г., положеніе это Высочайше утвердить соизволилъ.

ПОЛОЖЕНІЕ

о порядкѣ вызова и о составѣ сословныхъ и другихъ представителей при предстоящемъ торжествѣ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

I. Къ торжествамъ Священнаго Коронованія въ Москву вызываются представители:

1) отъ дворянства, 2) отъ земства, 3) отъ городскаго населенія, 4) отъ сельскаго населенія, 5) отъ духовенства иновѣрныхъ исповѣданій, 6) отъ казачьихъ войскъ, 7) отъ областей, находящихся въ управленіи военнаго вѣдомства, и 8) отъ великаго княжества Финляндскаго. Представители приглашаются къ участію въ церемоніяхъ — торжественнаго въѣзда въ Москву и торжества Св. Коронованія—и допускаются для принесенія поздравленій Ихъ Императорскимъ Величествамъ въ Москвѣ, во время торжествъ Св. Коронованія.

II. Подробности организаціи вызова представителей, снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ для своевременнаго пріѣзда въ Москву и для пребыванія въ Москвѣ во время празднествъ Св. Коронованія — предоставляются вѣдѣнію: по первымъ пяти категоріямъ — министра внутреннихъ дѣлъ, по шестой и по седьмой категоріямъ—военнаго министра и по восьмой категоріи— министра статсъ-секретаря великаго княжества Финляндскаго. Въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и военномъ и въ статсъ-секретаріатѣ великаго княжества Финляндскаго сосредоточивается вся переписка по вызову подлежащихъ сословныхъ и мѣстныхъ представителей; возникающіе при этомъ, въ разъясненіе установленныхъ нормъ, частные вопросы разрѣшаются по предварительному соглашенію соотвѣтствующихъ министровъ съ министромъ императорскаго двора.

III. Въ качествѣ представителей отъ *дворянства* участвуютъ:

а) Въ церемоніяхъ — губернскіе предводители дворянства и при каждомъ по два ассистента, по выбору дворянъ. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существуютъ дворянскіе выборы и введенъ институтъ земскихъ начальниковъ, въ составъ дворянскихъ депутатовъ, въ качествѣ третьяго ассистента при губернскомъ предводителѣ, назначается, по выбору губернатора, одинъ участковый земскій начальникъ. Въ губерніяхъ, въ которыхъ предводители дворянства назначаются правительствомъ, выборъ ассистентовъ предоставляется губернскому предводителю дворянства по соглашенію съ мѣстнымъ губернаторомъ. Предводитель дворянства острова Эзеля приравнивается къ губернскимъ предводителямъ, и представители эзельскаго дворянства занимаютъ по церемоніалу мѣсто, соотвѣтствующее губернскому дворянству.

б) Въ принесеніи поздравленій Ихъ Императорскимъ Величествамъ: 1) тѣ же лица, что и въ п. а, включая и ассистентовъ; 2) уѣздные предводители дворянства московской губерніи съ двумя ассистентами при каждомъ, по выбору дворянъ.

в) Кромѣ того, приглашаются къ участію въ церемоніи торжественнаго въѣзда (верхомъ на собственныхъ лошадяхъ) и въ церемоніалѣ шествія при Св. Коронованіи представители знатнаго россійскаго дворянства, въ числѣ 250 человѣкъ.

IV. Въ качествѣ представителей отъ *земства* участвуютъ:

а) Въ церемоніяхъ—предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ.

б) Въ принесеніи поздравленій Ихъ Императорскимъ Величествамъ: 1) предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ и при каждомъ, въ качествѣ ассистентовъ, по два представителя отъ земства, по избранію губернскихъ земскихъ собраній, а въ губерніяхъ: вятской, олонецкой и пермской, кромѣ того, въ качествѣ третьяго ассистента при предсѣдателяхъ губернскихъ земскихъ управъ, назначается, по выбору губернатора, одинъ участковый земскій начальникъ. 2) Предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ московской губерніи съ двумя ассистентами при каждомъ, по избранію земскихъ собраній.

V. Въ качествѣ представителей отъ *городского населенія* участвуютъ:

а) Въ церемоніяхъ: 1) городскіе головы губернскихъ городовъ Европейской Россіи, 2) равнозначащія имъ лица отъ губернскихъ городовъ привислинскихъ губерній и президентъ города Варшавы, 3) городскіе головы губернскихъ городовъ, губерній и областей Сибири, какъ лежащихъ на пути слѣдованія въ 1891 г. Государя Наслѣдника Цесаревича изъ Владивостока, такъ и находящихся на линіи желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ Сибирь съ Европейскою Россіею, 4) почетнѣйшіе изъ городскихъ обывателей губернскихъ и областныхъ городовъ, въ которыхъ не учреждены должности городскихъ головъ.

Къ городскимъ головамъ губернскихъ городовъ приравниваются городскіе головы градоначальствъ: Одессы, Севастополя и Керчь-Еникале и военныхъ губернаторствъ: Кронштадта и Николаева.

Городскимъ же головамъ прочихъ губернскихъ и областныхъ городовъ Сибири и Азіятской Россіи, въ виду отдаленности ихъ, предоставляется прибыть въ Москву къ торжеству Св. Коронованія—по желанію.

б) Въ принесеніи поздравленій Ихъ Императорскимъ Величествамъ: 1) лица, поименованныя въ предыдущемъ пунктѣ (а), и по два ассистента къ каждому представителю, избираемые городскими обществами изъ среды городского сословія соотвѣтствующихъ губернскихъ и областныхъ городовъ. 2) Городскіе головы и городскіе старосты уѣздныхъ городовъ московской губерніи, съ двумя ассистентами при каждомъ—по избранію городскихъ обществъ. 3) Три представителя дворцовыхъ городовъ, по назначенію министра императорскаго двора. 4) Представители биржевыхъ комитетовъ: астраханскаго, бакинскаго, варшавскаго, елецкаго, казанскаго, кіевскаго, либавскаго, московскаго, нижегородскаго, николаевскаго, одесскаго, орловскаго, пермскаго, с.-петербургскаго, ревельскаго, рижскаго, ростовскаго-на-Дону, рыбинскаго, самарскаго, саратовскаго и харьковскаго, по назначенію министра финансовъ, не болѣе трехъ представителей отъ каждаго комитета. 5) Представители комитетовъ торговли и мануфактуръ: архангельскаго, бѣлостокскаго, иваново-вознесенскаго, кіевскаго, одесскаго, ростовскаго-на-Дону, таганрогскаго и тифлисскаго,—по назначенію министра финансовъ, не болѣе трехъ представителей отъ каждаго комитета.

VI. Въ качествѣ представителей отъ *сельскаго населенія* участвуютъ:

а) Въ церемоніяхъ: 1) волостные старшины, а также гминные войты и сельскіе старшины, гдѣ таковые, взамѣнъ волостныхъ старшинъ, учреждены, по одному отъ каждаго уѣзда или округа, въ губерніяхъ и областяхъ Европейской и Азіятской (кромѣ Сибири) Россіи и Кавказа; 2) староста коробовскихъ бѣлопашцевъ костромской губерніи; 3) волостные старшины (головы и управители), по одному, отъ тѣхъ уѣздовъ или округовъ Сибири, которые лежатъ на пути слѣдованія въ 1891 году изъ Владивостока Государя Наслѣдника Цесаревича, или на линіи желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ Сибирь съ Европейскою Россіею; 4) почетнѣйшіе изъ сельскихъ обывателей, по выбору мѣстнаго губернскаго начальства, по одному отъ уѣзда или округа изъ тѣхъ губерній или областей, гдѣ нѣтъ волостныхъ старшинъ, или соотвѣтствующихъ имъ должностей.

Кромѣ того, предоставляется прибыть въ Москву, къ торжествамъ Св. Коронованія, почетнѣйшимъ лицамъ сельскаго населенія (не исключая и казачьяго), по избранію губернскаго начальства, отъ тѣхъ уѣздовъ и округовъ Сибири, которые не относятся къ ст. 3 настоящаго пункта, но не болѣе одного на уѣздъ или округъ.

Въ тѣхъ губерніяхъ и областяхъ Россійской Имперіи, въ которыхъ составъ сельскаго населенія въ племенномъ отношеніи не однообразенъ, въ составъ представителей къ торжествамъ Св. Коронованія должны быть назначаемы мѣстнымъ губернскимъ или областнымъ начальствомъ, по возможности, представители различныхъ народностей и племенъ.

б) Въ принесеніи поздравленій Ихъ Императорскимъ Величествамъ—лица поименованныя въ предыдущемъ пунктѣ (а), безъ допуска ассистентовъ.

VII. Въ качествѣ представителей отъ *духовенства иновѣрныхъ исповѣданій* приглашаются:

а) Къ присутствованію въ Успенскомъ соборѣ при торжествѣ Св. Коронованія и къ принесенію поздравленій Ихъ Императорскимъ Величествамъ: 1) отъ римско-католическаго исповѣданія—архіепископъ, митрополитъ могилевскій и архіепископъ варшавскій; 2) отъ армяно-грегоріанскаго исповѣданія—патріархъ-католикосъ всѣхъ армянъ лично, или черезъ представителя, и начальникъ астраханской епархіи, и 3) отъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія—вице-президентъ евангелическо-лютеранской генеральной консисторіи и вице-президентъ московской евангелическо-лютеранской консисторіи, генералъ-суперъ-интендентъ ея округа.

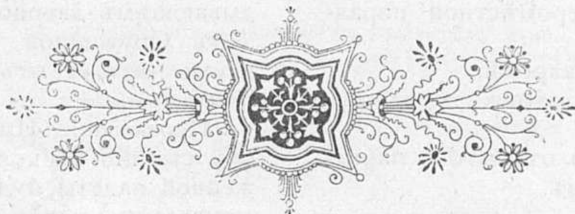
б) Къ принесенію поздравленій Ихъ Императорскимъ Величествамъ: 1) отъ магометанскаго вѣроисповѣданія—муфтіи: оренбургскій, таврическій и закавказскій и закавказскій же шейхъ-ульисламъ; 2) отъ караимскаго вѣроисповѣданія—евпаторійскій гахамъ, съ двумя ассистентами, и 3) отъ ламайскаго вѣроисповѣданія—бандидо-хамба ламайскаго духовенства въ Восточной Сибири и лама калмыцкаго народа.

VIII. Число и составъ представителей отъ казачьихъ войскъ и отъ областей, находящихся въ управленіи военнаго вѣдомства, опредѣляются, примѣнительно къ вышеизложеннымъ нормамъ, по всеподданнѣйшему докладу военнаго министра.

IX. Число и составъ представителей отъ великаго княжества Финляндскаго опредѣляются по всеподданнѣйшему докладу министра статсъ-секретаря великаго княжества Финляндскаго.

X. Къ принесенію поздравленій Ихъ Императорскимъ Величествамъ въ Москвѣ, послѣ Св. Коронованія, допускаются исключительно представители, перечисленные въ предыдущихъ пунктахъ, причемъ, въ соблюденіе древняго обычая, дозволяется поднесеніе Ихъ Величествамъ хлѣба-соли, а также иконъ, но ни въ какомъ случаѣ не адресовъ.

XI. За изданіемъ Высочайшаго указа о созывѣ представителей, никакіе иные представители отъ городовъ, сословій, обществъ или учрежденій, кромѣ поименованныхъ въ настоящемъ положеніи, а также въ Высочайше утвержденныхъ церемоніалахъ, не будутъ допущены къ торжествамъ Св. Коронованія въ Москвѣ.

Высочайше утвержденный

ЦЕРЕМОНІАЛЪ

ПЕРЕВЕЗЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКИХЪ РЕГАЛІЙ

изъ Императорскаго Зимняго Дворца въ Москву, въ Оружейную палату, передъ Св. Коронованіемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича, Самодержца Всероссійскаго, и Государыни Императрицы Александры Θеодоровны

Въ назначенный день и часъ, по особымъ повѣсткамъ, соберутся въ Императорскомъ Зимнемъ Дворцѣ: верховный церемоніймейстеръ, два церемоніймейстера Высочайшаго Двора, сановники, съ ихъ ассистентами, назначенные для принятія и перевезенія Императорскихъ Регалій на станцію Николаевской желѣзной дороги, четыре камергера и четыре камеръ-юнкера.

Для конвоированія Императорскихъ регалій на станцію Николаевской желѣзной дороги будетъ назначенъ, по распоряженію военнаго начальства, эскадронъ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны полка, который выстроится у посольскаго подъѣзда Зимняго дворца; а у подъѣзда станціи Николаевской желѣзной дороги будетъ выставленъ офицерскій караулъ. У посольскаго же подъѣзда выстроятся четвероместныя, запряженныя цугомъ, придворныя парадныя кареты, въ которыхъ Императорскія регаліи отвезены будутъ на станцію желѣзной дороги.

Сановники, назначенные для несенія Императорскихъ регалій, съ ихъ ассистентами, принявъ оныя въ Бриллiантовой комнатѣ изъ рукъ министра Императорскаго двора, выносятъ ихъ на подушкахъ къ каретамъ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Два скорохода.

Два гофъ-фурьера.

Камеръ-фурьеръ.

Четыре камеръ-юнкера, по два въ рядъ.

Два церемоніймейстера, въ рядъ.

Верховный церемоніймейстеръ.

Цѣпь ордена святого апостола Андрея Первозваннаго, малая, Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

Цѣпь ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго, большая, Государя Императора.

Держава.

Скипетръ.

Корона, малая, Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

Корона, большая, Государя Императора.

Офицеръ и за нимъ 2 унтеръ-офицера роты дворцовыхъ гренадеръ.

По обѣимъ сторонамъ каждой Императорской регаліи идетъ одинъ гренадеръ сей роты.

На посольскомъ подъѣздѣ Императорскія регаліи, съ сановниками, ихъ несущими и ассистентами, помѣстятся въ парадныхъ каретахъ, которыя направятся на станцію Николаевской желѣзной дороги, чрезъ главныя ворота Зимняго дворца, Дворцовую площадь, Большую Морскую и Невскій проспектъ слѣдующимъ порядкомъ:

Трубачи эскадрона кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны полка.

Два взвода кавалергардовъ.

Конюшенный офицеръ, верхомъ; за нимъ три придворныхъ конюха, верхомъ.

Четыре камеръ-юнкера, въ четвероместной парадной каретѣ, запряженной цугомъ.

Четыре камергера, въ такой же каретѣ.

Два церемоніймейстера, въ открытомъ парадномъ фаэтонѣ, запряженномъ цугомъ.

Верховный церемоніймейстеръ, въ открытомъ парадномъ фаэтонѣ, запряженномъ цугомъ.

Конюшенный офицеръ, верхомъ.

Два младшихъ берейтора, за ними три придворныхъ конюха, верхомъ.

Цѣпь ордена святого апостола Андрея Первозваннаго Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, въ четвероместной парадной каретѣ, запряженной цугомъ.

Цѣпь ордена святого апостола Андрея Первозваннаго, большая, Государя Императора, въ такой же каретѣ.

Держава, въ такой же каретѣ.

Скипетръ, въ такой же каретѣ.

Корона, малая, Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, въ такой же каретѣ.

Корона, большая, Государя Императора, въ такой же каретѣ.

Впереди каждой изъ каретъ, вмѣщающихъ Императорскія регаліи, два вершника, а по сторонамъ по два кавалергарда.

Въ заключеніе два взвода кавалергардовъ.

При выходѣ Императорскихъ регалій на посольскій подъѣздъ, караулъ главной гауптвахты становится подъ ружье и отдаетъ честь и, во все время слѣдованія ихъ до выѣзда изъ главныхъ воротъ дворца, держитъ на-караулъ.

По прибытіи Императорскихъ регалій къ станціи Николаевской желѣзной дороги, поставленный у подъѣзда станціи караулъ также становится подъ ружье, отдаетъ честь и держитъ на-караулъ до внесенія Императорскихъ регалій въ Императорскіе покои.

У подъѣзда станціи находиться будутъ:

Камеръ-фурьеръ, два гофъ-фурьера, два скорохода, 22 гренадера, 2 унтеръ-офицера и одинъ оберъ-офицеръ роты дворцовыхъ гренадеръ.

Отъ подъѣзда станціи Императорскія регаліи внесены будутъ въ Императорскіе покои тѣмъ же порядкомъ, въ которомъ были несены изъ Бриллiантовой комнаты въ парадныя кареты. Въ этихъ покояхъ Императорскія регаліи будутъ встрѣчены и возложены на приуготовленный для нихъ столъ назначеннымъ для отвоза ихъ въ Москву генералъ-адъютантомъ, въ присутствіи котораго Императорскія регаліи имѣютъ быть уложены въ особые ящики командированными отъ кабинета Его Императорскаго Величества чинами. Означенные чины и десять дворцовыхъ гренадеръ, подъ командою генералъ-адъютанта, сопровождаютъ Императорскія регаліи до Москвы въ особомъ экстренномъ поѣздѣ.

Въ Москвѣ, на станціи Николаевской желѣзной дороги, Императорскія регаліи встрѣчены будутъ Его Императорскимъ Высочествомъ Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ, особами и придворными чинами, назначенными для несенія и сопровожденія Императорскихъ регалій со станціи Николаевской желѣзной дороги въ Оружейную палату, и московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а въ Оружейной палатѣ — завѣдывающимъ дворцовою частью въ Москвѣ и хранителемъ Оружейной палаты, для принятія Императорскихъ регалій отъ генералъ-адъютанта, сопровождавшаго ихъ.

Перевезеніе Императорскихъ регалій въ Москвѣ, отъ станціи Николаевской желѣзной дороги до Оружейной палаты, имѣетъ быть исполнено сообразно выше приведенному порядку.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ РОСПИСАНІЕ
ДНЕЙ ТОРЖЕСТВЪ И ПРАЗДНЕСТВЪ ПРЕДСТОЯЩАГО СВ. КОРОНОВАНІЯ
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ

6-го мая, понедѣльникъ. День Рожденія Государя Императора. Пріѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Петровскій Дворецъ.

7-го мая, вторникъ. Высочайшій объѣздъ Ходынскаго лагеря и заря съ церемоніей.

8-го мая, среда. Серенада у Петровскаго дворца.

9-го мая, четвергъ. Торжественный въѣздъ. Переѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Александрійскій дворецъ.

10-го мая, пятница. Пріемъ чрезвычайныхъ пословъ и посланниковъ.

11-го мая, суббота. Родительская суббота. Говѣніе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Пріемъ чрезвычайныхъ пословъ и посланниковъ. Объявленіе о Св. Короновaніи.

12-го мая, воскресенье. День Св. Троицы. Говѣніе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Церковный парадъ *). Объявленіе о Св. Коронованіи. Освященіе Государственнаго знамени.

13-го мая, понедѣльникъ. День Св. Духа. Говѣніе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Объявленіе о Св. Коронованіи. Перенесеніе Императорскихъ регалій. Переѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Кремль.

14-го мая, вторникъ. СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНІЕ. Трапеза Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Грановитой палатѣ. Иллюминація.

15-го мая, среда. День памяти Св. Коронованія Императора Александра III. Принесеніе поздравленій. Обѣдъ духовенству и особамъ первыхъ 2-хъ классовъ въ Грановитой палатѣ. Иллюминація.

16-го мая, четвергъ. Принесеніе поздравленій. Вечерній выходъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Грановитую палату. Иллюминація.

17-го мая, пятница. Принесеніе поздравленій. Перенесеніе Императорскихъ регалій. Торжественное представленіе въ Большомъ театрѣ. Ночлегъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Петровскомъ дворцѣ.

18-го мая, суббота. Народный праздникъ. Обѣдъ волостнымъ старшинамъ въ Петровскомъ дворцѣ. Балъ у французскаго посла.

19-го мая, воскресенье. Обѣдъ для сословныхъ представителей въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца. Балъ у австрійскаго посла.

20-го мая, понедѣльникъ. День памяти св. Алексія митрополита. Начало Петрова поста. Литургія въ Чудовомъ монастырѣ. Балъ у Его Императорскаго Высочества Московскаго Генералъ-Губернатора.

21-го мая, вторникъ. Церковный парадъ *). Балъ московскаго дворянства.

22-го мая, среда. День кончины Государыни Императрицы Маріи Александровны. Поѣздка Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Сергіеву лавру.

23-го мая, четвергъ. Большой балъ въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца.

24-го мая, пятница. Музыкальное собраніе у германскаго посла.

25-го мая, суббота. День Рожденія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Обѣдъ для пословъ и посланниковъ въ Георгіевскомъ залѣ Кремлевскаго дворца. Ночлегъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Петровскомъ дворцѣ.

26-го мая, воскресенье. Парадъ войскамъ. Обѣдъ представителямъ московскихъ правительственныхъ и сословныхъ учрежденій въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца. Отъѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ Москвы.

*) Церковный парадъ: лейбъ-гвардіи измайловскому полку, лейбъ-гвардіи саперному батальону, лейбъ-гвардіи уланскому Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полку, лейбъ-гвардіи кирасирскому Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полку, 2-му гренадерскому ростовскому, 6-му гренадерскому таврическому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полкамъ, 1-й и 2-й батареямъ 2-й гренадерской артиллерійской бригады и 4-й и 5-й батареямъ 3-й гренадерской артиллерійской бригады и 4-й и 5-й батареямъ 3-й гренадерской артиллерійской бригады.

ОТЪ ВЕРХОВНАГО ЦЕРЕМОНІЙМЕЙСТЕРА
ПРИ СВ. КОРОНОВАНІИ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ
ОБЪЯВЛЯЕТСЯ:
порядокъ ношенія формы чинами гражданскаго вѣдомства
на торжествахъ и празднествахъ, имѣющихъ быть въ Москвѣ, по случаю Священнаго Коронованія

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Нумера.	Наименованіе торжествъ и празднествъ.	Въ какой формѣ быть присутствующимъ.			
		I. Членамъ Государственнаго совѣта, сенаторамъ, статсъ-секретарямъ, почетнымъ опекунамъ, прочимъ чинамъ гражданскаго вѣдомства.	II. Придворнымъ чинамъ и кавалерамъ.	III. Сословнымъ представителямъ, имѣющимъ придворное званіе.	IV *). Сословнымъ представителямъ не имѣющимъ придворнаго званія
1	Встрѣча Ихъ Императорскихъ Величествъ въ день пріѣзда въ Петровскій дворецъ.	Въ парадной.	Въ парадной.	Въ сословныхъ мундирахъ (парадн. форма).	Въ сословныхъ мундирахъ (парадная форма).
2	Торжественный въѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москву.	Въ парадной.	Въ парадной.	Въ сословныхъ мундирахъ (парадн. форма).	Въ сословныхъ мундирахъ (парадная форма).
3	Торжественные пріемы пословъ.	Въ парадной.	Въ парадной.	—	—
4	Объявленіе о Св. Коронованіи.	—	Въ парадной.	—	—
5	Освященіе Государственнаго знамени.	Участвующимъ въ церемоніи слѣдуетъ быть въ парадной формѣ.		—	—
6	Перенесеніе Императорскихъ регалій изъ Оружейной палаты въ Тронный залъ.	Участвующимъ въ церемоніи слѣдуетъ быть въ парадной формѣ.		—	—

Порядокъ ношенія формы.

Нумера.	Наименованіе торжествъ и празднествъ.	Въ какой формѣ быть присутствующимъ. I. Членамъ Государственнаго совѣта сенаторамъ, статсъ-секретарямъ, почетнымъ опекунамъ, прочимъ чинамъ гражданскаго вѣдомства.	II. Придворнымъ чинамъ и кавалерамъ.	III. Сословнымъ представителямъ, имѣющимъ придворное званіе.	IV *). Сословнымъ представителямъ не имѣющимъ придворнаго званія.
7	Св. Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.	Въ парадной.	Въ парадной.	Въ сословныхъ мундирахъ (парадн. форма).	Въ сословныхъ мундирахъ (парадная форма).
8	Трапеза Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Грановитой палатѣ.	Въ парадной.	Въ парадной.	Въ сословныхъ мундирахъ (парадн. форма).	Въ сословныхъ мундирахъ (парадная форма).
9	Принесеніе Ихъ Императорскимъ Величествамъ поздравленій.	Въ парадной.	Въ парадной.	Въ сословныхъ мундирахъ (парадн. форма).	Въ сословныхъ мундирахъ (парадная форма).
10	Обѣдъ духовенству и высшимъ сановникамъ въ Грановитой палатѣ.	Въ парадной.	Въ парадной.	—	—
11	Вечерній выходъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Грановитую палату.	Въ парадной.	Въ парадной формѣ и, кому надлежитъ, въ чулкахъ и башмакахъ.	Въ придворной парадной формѣ и, кому надлежитъ, въ чулкахъ и башмакахъ.	Въ сословныхъ мундирахъ и длинныхъ бѣлыхъ брюкахъ (съ галуномъ, если таковой присвоенъ мундиру, и безъ галуна, если таковой мундиру не присвоенъ).
12	Перенесеніе Императорскихъ регалій изъ Троннаго зала въ Оружейную палату.	Участвующимъ въ церемоніи слѣдуетъ быть въ парадной формѣ.		—	—
13	Торжественное представленіе въ Большомъ театрѣ.	Въ парадной.	Въ парадной.	Въ придворной парадной.	Въ сословныхъ мундирахъ (парадная форма).
14	Народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ.	Въ праздничной.	Въ праздничной.	Въ придворной праздничной.	Въ сословныхъ мундирахъ (праздничная форма, т.-е. всѣмъ въ черныхъ брюкахъ съ галуномъ, если таковой присвоенъ мундиру, и безъ галуна, если таковой мундиру не присвоенъ).
15	Балы у пословъ и музыкальное собраніе у германскаго посла.	Въ праздничной.	Въ праздничной.	Въ придворной праздничной.	Въ сословныхъ мундирахъ и въ длинныхъ бѣлыхъ брюкахъ (съ галуномъ, если таковой присвоенъ мундиру, и безъ галуна, если таковой мундиру не присвоенъ).
16	Обѣдъ для сословныхъ представителей въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца.	Въ парадной.	Въ парадной.	Въ сословныхъ мундирахъ (парадн. форма).	Въ сословныхъ мундирахъ (парадная форма).
17	Балъ у Его Императорскаго Высочества Московскаго Генералъ-Губернатора.	Въ праздничной.	Въ праздничной.	Въ придворной праздничной.	Въ сословныхъ мундирахъ и въ длинныхъ бѣлыхъ брюкахъ (съ галуномъ, если таковой присвоенъ мундиру, и безъ галуна, если таковой мундиру не присвоенъ).
18	Балъ московскаго дворянства, удостоиваемый Высочайшаго присутствія.	Въ праздничной.	Въ праздничной.	Дворяне московской губерніи въ дворянскихъ мундирахъ и длинныхъ бѣлыхъ брюкахъ; прочіе сословные представители — въ придворной праздничной формѣ.	Въ сословныхъ мундирахъ и въ длинныхъ бѣлыхъ брюкахъ (съ галуномъ, если таковой присвоенъ мундиру, и безъ галуна, если таковой мундиру не присвоенъ).
19	Большой балъ въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца.	Въ парадной.	Въ парадной формѣ и, кому надлежитъ, въ чулкахъ и башмакахъ.	Въ придворной парадной формѣ и, кому надлежитъ, въ чулкахъ и башмакахъ.	Въ сословныхъ мундирахъ и въ длинныхъ бѣлыхъ брюкахъ (съ галуномъ, если таковой присвоенъ мундиру, и безъ галуна, если таковой мундиру не присвоенъ).
20	Обѣдъ для пословъ и посланниковъ въ Георгіевскомъ залѣ Кремлевскаго дворца.	Въ парадной.	Въ парадной.	Въ придворной парадной.	—
21	Высочайшій смотръ войскамъ на Ходынскомъ полѣ и церковные парады.	Въ праздничной.	Въ праздничной.	Въ придворной праздничной.	Въ сословныхъ мундирахъ (праздничная форма, т.-е. всѣмъ въ черныхъ брюкахъ съ галуномъ, если таковой присвоенъ мундиру, и безъ галуна, если таковой мундиру не присвоенъ).
22	Обѣдъ представителямъ московскихъ правительственныхъ и сословныхъ учрежденій въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца.	Въ парадной.	Въ парадной **)	Въ сословныхъ мундирахъ (парадн. форма).	Въ сословныхъ мундирахъ (парадная форма).

При парадной и праздничной формѣ надѣваются ленты, ордена и знаки отличія.

*) Указанное въ отдѣлѣ IV-мъ касается лишь тѣхъ изъ сословныхъ представителей, коимъ вообще присвоена форменная одежда. Для сословныхъ представителей изъ отставныхъ военныхъ предпочтителенъ сословный мундиръ. Послѣдній во всѣхъ случаяхъ замѣняетъ военную форму за исключеніемъ лишь трапезы Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Грановитой палатѣ, во время которой дворяне московской губерніи, изъ отставныхъ военныхъ, назначенные для внесенія кушаній и имѣющіе военный мундиръ, должны быть въ ономъ. Сословные представители, не имѣющіе мундировъ, и крестьяне должны быть въ приличной обычной одеждѣ, а имѣющіе право ношенія почетныхъ кафтановъ, — въ таковыхъ кафтанахъ; инородческіе же депутаты въ одеждѣ, ихъ племени присвоенной, съ должностными знаками и знаками отличія.

**) На обѣдѣ представителямъ московскихъ правительственныхъ и сословныхъ учрежденій — въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца — приглашенные, имѣющіе придворный чинъ или званіе, должны быть не въ придворныхъ мундирахъ, а въ мундирахъ должности и сословію ихъ присвоенныхъ.

ОТЪ ВЕРХОВНАГО ЦЕРЕМОНІЙМЕЙСТЕРА

ПРИ СВ. КОРОНОВАНІИ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ:

Росписаніе дамскихъ нарядовъ на торжествахъ и празднествахъ, имѣющихъ быть въ Москвѣ по случаю Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Наименованіе торжествъ и празднествъ.	Придворныя дамы.	Городскія дамы.	Дамы дипломатическаго корпуса и иностранныя придворныя дамы.
Торжественный въѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москву.	Въ русскихъ платьяхъ.	**Въ Успенскомъ соборѣ.** Въ русскихъ платьяхъ.	Принимающіе участіе въ торжественномъ въѣздѣ въ придворныхъ вырѣзныхъ платьяхъ со шлейфомъ. Приглашенныя въ домъ Его Императорскаго Высочества московскаго генералъ-губернатора — въ длинныхъ высокихъ платьяхъ и шляпахъ.
Торжественные пріемы пословъ.	Въ длинныхъ высокихъ платьяхъ.	—	—
Освященіе Государственнаго знамени.	Въ длинныхъ высокихъ платьяхъ и шляпахъ.	—	Въ длинныхъ высокихъ платьяхъ и шляпахъ.
Св. Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.	Въ русскихъ платьяхъ.	**Въ соборѣ и залахъ дворца.** Въ русскихъ платьяхъ **На трибунахъ.** Въ высокихъ платьяхъ и шляпахъ.	Въ придворныхъ вырѣзныхъ платьяхъ со шлейфомъ.
Трапеза Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Грановитой палатѣ.	Въ русскихъ платьяхъ.	Въ русскихъ платьяхъ.	Въ придворныхъ вырѣзныхъ платьяхъ со шлейфомъ.
Принесеніе Ихъ Императорскимъ Величествамъ поздравленій.	Въ русскихъ платьяхъ.	Въ русскихъ платьяхъ.	Въ придворныхъ вырѣзныхъ платьяхъ со шлейфомъ.
Обѣдъ духовенству и высшимъ сановникамъ въ Грановитой палатѣ.	Въ русскихъ платьяхъ.	Въ русскихъ платьяхъ.	Въ придворныхъ вырѣзныхъ платьяхъ со шлейфомъ.
Вечерній выходъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Грановитую палату.	Въ русскихъ платьяхъ.	Въ русскихъ платьяхъ.	Въ придворныхъ вырѣзныхъ платьяхъ со шлейфомъ.
Торжественное представленіе въ Большомъ театрѣ.	Въ длинныхъ вырѣзныхъ платьяхъ.		
Народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ.	Въ высокихъ платьяхъ и шляпахъ.		
Балы у пословъ и музыкальное собраніе у германскаго посла.	Въ длинныхъ вырѣзныхъ платьяхъ.		
Обѣдъ для сословныхъ представителей въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца.	Въ длинныхъ вырѣзныхъ платьяхъ.		
Балъ у Его Императорскаго Высочества московскаго генералъ-губернатора.	Въ длинныхъ вырѣзныхъ платьяхъ.		
Балъ московскаго дворянства, удостоиваемый Высочайшаго присутствія.	Въ длинныхъ вырѣзныхъ платьяхъ.		
Большой балъ въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца.	Въ длинныхъ вырѣзныхъ платьяхъ.		
Обѣдъ для пословъ и посланниковъ въ Георгіевскомъ залѣ Кремлевскаго дворца.	Въ длинныхъ вырѣзныхъ платьяхъ.		
Высочайшій смотръ войскамъ на Ходынскомъ полѣ и церковные парады.	Въ высокихъ платьяхъ и шляпахъ.		
Обѣдъ представителямъ московскихъ правительственныхъ и сословныхъ учрежденій въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца.	Въ длинныхъ вырѣзныхъ платьяхъ.		

ОТЪ ВЕРХОВНАГО ЦЕРЕМОНІЙМЕЙСТЕРА

ПРИ СВ. КОРОНОВАНІИ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ:

Всѣ особы и лица, а также сословные и другіе представители, участвующіе въ церемоніи торжественнаго въѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москву, на основаніи Высочайше утвержденнаго церемоніала въѣзда, приглашаются прибыть въ Москву не позднѣе 5-го мая; всѣ же остальные: особы, лица и сословные и другіе преставители, въ церемоніи торжественнаго въѣзда не участвующіе, но имѣющіе прибыть въ Москву по случаю Св. Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ — не позднѣе 8-го мая.

Перевезенíе Императорскихъ регалiй изъ С.-Петербурга въ Москву.

Лозе Восковое Мыло

ИЗГОТОВЛЕНО ПО РЕЦЕПТУ Д-РА МЕДИЦИНЫ

К. Л. ШЛЕЙХЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.

Неподдѣльно только съ полной фирмой:

45/46 Jägerstr, Berlin. **Густавъ Лозе.** Berlin, Jägerstr, 45/46.

Корол. Придв. Поставщикъ. Корол. Придв. Поставщикъ.

Продажа во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и во всѣхъ парикмахерскихъ Россіи.

Натур. минер. СЛАБИТЕЛЬНАЯ горьк. вода источника **Францъ-Іосифъ.** прод. во всѣхъ аптекахъ и аптек. магаз. Россіи.

Дирекція источника горькой воды „ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“ въ Будапештѣ.

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Коканд, Варшава, Екатеринбургъ.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО для производства **стальныхъ перьевъ**

ВЪ Г. РИГѢ

изготовляетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества. Продаются во всѣхъ городахъ имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ.

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА

ГИТАРЫ

въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25 30, 40, 50, 75, 100 р. (отъ 7 р. и дороже съ механизмомъ для настраиванія). Самоучитель 1, 1½ и 3 руб.

МАНДОЛИНЫ

въ 10, 20, 30, 50, 75 и 100 руб. (всѣ съ механизмомъ для настраиванія). Самоучитель Келера 2 р.

ЦИТРЫ

въ 8, 12, 20, 40, 60 р. и дороже. Самоучитель Майера по 2 и 3 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ — безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:

С.-Петербургъ, Больш. Морская, №№ 34 и 40;
Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина.

БОЛЬШОЙ

Французскій Магазинъ

МУЖСКАГО ПЛАТЬЯ.

Невскій просп., № 21,

противъ Большой Конюшенной.

Предлагаетъ вновь приготовленныя къ предстоящему весеннему и лѣтнему сезонамъ:

Элегантное весеннее пальто . . . 20 р
Нарядный пиджачный костюмъ . . 18 „
Брюки модныя (англійск. рисунокъ) 5 „

а также полученъ громадный выборъ англійскихъ, французскихъ и лучшихъ русскихъ матеріаловъ для пріема заказовъ.

Пріемъ заказовъ на всѣ формы гражданскихъ вѣдомствъ. ВСѢ ЗАКАЗЫ исполняются изящно и акуратно.

Для пульверизаціи въ комнатахъ

ИНДІЙСКАЯ ВОДА

(parfum des Indes)

составлена изъ индійскихъ ароматическихъ травъ.

ИЗОБРѢТЕНІЕ

Высочайше утвержденнаго Товарищества

Брокаръ и Ко.

50% ЭКОНОМІИ 50%

Горная ярь мѣдянка самород. зелено-изумруд. цвѣта голов. 12 р. пуд., готовая съ бѣлилами и олифою 9 р. Гарантія на 8 лѣтъ. Имѣется вездѣ во всѣхъ москател. и красил. лавкахъ по фабрич. цѣнѣ. Образцы безплатно **Г. Ѳ. ГОРДѢЕВЪ** въ Алатырѣ.

Главный складъ для всей Россіи у **Г. Ф. ЮРГЕНСЪ**, въ Москвѣ.

КРАСКА для ВОЛОСЪ

І. ГОЛЛЕНДЕРА

для окраски волосъ въ цвѣта: черный, каштановый и темнорусый. Легкій способъ и скорое окрашиваніе волосъ. Цѣна коробки 1 р. 50 к., съ пересылкою въ Европейскую Россію 2 р. 25 коп.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.
С.-Петербургъ, Демидовъ пер., № 1.

„ИНТЕРЕСНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ“.

Эта книга составлена съ цѣлью указать непривыкшимъ къ обращенію въ обществѣ путь, слѣдуя которому они могутъ сдѣлаться душою общества, внося въ него веселость и оживленіе.

Цѣна въ бумажкѣ 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.; въ роскошномъ переплетѣ 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

Книгоиздательство Германъ Гоппе: С.-Петербургъ, Садовая., 22.

ЭЛЕОПАТЪ пр. КИНУНЕНА для волосъ.

„ЭЛЕОПАТЪ“ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. аптек. и косм магазин. Цѣна флак. 1 р. 50 к. безъ перес.

Пр. КИНУНЕНЪ

Просятъ обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона—

пр. КИНУНЕНЪ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
С. Петербургъ Демидовъ пер., № 1.

1100

Искусныхъ рисунковъ для выпиливанія, рѣзьбы, плоской рѣзьбы и зарубки на деревѣ, выжиганія и живописи по дереву, на металлѣ и проч.

Рисунки для слесарей и столяровъ.

Всѣ руководства, матеріалы и инструменты.

Журналъ „Диллетантъ“.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается за 15 коп. почтов. марками.

Мей и Видмайеръ въ Мюнхенѣ (Германія). Mey & Widmayer in München (Deutschland).

ИСКУССТВО ПРИЧЕСЫВАТЬСЯ,

БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ

полное руководство для самостоятельнаго изученія искусства прически.

Цѣна 75 коп., съ пересылкою 90 коп.

Книгоиздательство Германъ Гоппе: Спб., Садовая, 22.

ИСКУССТВО СТИРКИ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ РУКОВОДСТВО

къ раціональному обращенію со всѣми подлежащими стиркѣ и чисткѣ предметами изъ полотна, бумажной ткани, шерсти и шелка. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 90 коп.

Книгоиздательство ГЕРМАНЪ ГОППЕ: Спб., Садовая, 22.

№ 1424 (20) „Всемірной Иллюстраціи“ сданъ въ субботу, 11-го мая: на городскую почту въ 10 час. 20 мин. утра, московскимъ подписчикамъ въ пятницу 10-го мая въ 2 часа дня и иногороднымъ въ воскресенье, 12-го мая, въ 12 час. дня, въ чемъ и имѣются почтовыя расписки.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся: въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
ВЪ МОСКВѢ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ.
ВЪ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи „Вѣстника Винодѣлія“ В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

Дозв. цензурою. Спб. 17-го мая 1896 г. За издателя — редакторъ Э. Д. ГОППЕ. Типографія Эд. Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

отдававшейся въ темнѣющемъ лѣсу и уносившейся къ небу, густую лазурь котораго не омрачало ни малѣйшее облачко.

Однако, такія паузы наступали рѣдко. У насъ и безъ вина развязался языкъ; наши сердца были полны „лѣсною тишью, красотой и грезъ волшебныхъ пестротой“. Зная наизусть это прекрасное стихотвореніе Фрейлиграта, я продекламировалъ его. Каждаго изъ насъ сладко убаюкивали поэтическія воспоминанія всякаго рода. Мнѣ кажется, что еслибъ изъ тихихъ темныхъ водъ вынырнуло бѣлое тѣло русалки или изъ темной чащи елей показался мистическій единорогъ, никто изъ нашей компаніи не удивился бы этому. Эльфрида съ Фрицемъ спѣли нѣсколько мендельсоновскихъ дуэтовъ; баритонъ Фрица собственно нѣсколько жестковатъ, но сегодня онъ звучалъ замѣчательно мягко, и сто разъ слышанныя пѣсни какъ будто впервые расправили свои милыя крылышки. Мой почтенный начальникъ былъ необыкновенно веселъ и любезенъ. Среди насъ, людей гораздо моложе его, онъ какъ будто самъ помолодѣлъ; воспоминанія унесли его къ далекому прошлому; мнѣ представлялось чѣмъ то невѣроятнымъ, что эти голубые глаза, такъ ярко блестѣвшіе въ пылу разсказа, видѣли въ живыхъ Іорка и Штейна, и Арндта.

Наконецъ, только самыя высокія вершины напротивъ насъ рдѣли еще въ потухающемъ свѣтѣ вечерней зари, а на поверхности озера уже давно погасли пурпуровые и зеленоватые огни. Ради добрѣйшаго старика я долженъ былъ напомнить объ отъѣздѣ.

Но онъ не былъ бы добросовѣстнымъ прусскимъ чиновникомъ, еслибъ въ ту минуту ему не пришло въ голову, что онъ еще не осмотрѣлъ маленькаго шлюза, который я приказалъ устроить для правильнаго стока воды дальше къ сѣверу. Какъ далеко до того мѣста? Я по своей глупой честности не скрылъ, что это недалеко; тутъ ужъ ревностнаго служаку ничѣмъ нельзя было остановить; мы непремѣнно должны были отправиться туда, къ немалой потѣхѣ Эльфриды и Фрица, которые, конечно, замѣтили, какъ это было мнѣ не по нутру, и, должно быть, едва удерживались отъ громкаго хохота при видѣ моей вытянутой физіономіи.

Какъ я и предвидѣлъ, наша экскурсія затянулась очень долго не потому, чтобы я обманулся разстояніемъ, нѣтъ, но маленькое сооруженіе до того заинтересовало моего начальника, что онъ, увлекшись, прочелъ мнѣ цѣлую лекцію объ орошеніи и осушкѣ лѣса, хотя я зналъ все это наизусть изъ его книги съ тѣмъ же заглавіемъ. Тягостныя минуты для подчиненнаго, въ особенности, когда онъ чувствуетъ, какъ изъ лѣсу все больше и больше начинаетъ тянуть холодкомъ и съ тревогой думаетъ, что его женушкѣ давно уже пора отправляться домой.

Тутъ, какъ на грѣхъ, принесло еще Амсберга, который наткнулся на насъ, возвращаясь съ обхода; мой начальникъ разговорился и съ нимъ. Наконецъ, мы пустились назадъ. Старикъ, разумѣется, заторопился. Пропустивъ его впередъ, Амсбергъ удержалъ меня и шепнулъ потихоньку, что на краю участка подъ литерою С онъ снова нашелъ внутренности убитаго козла, застрѣленнаго не дальше, какъ сегодня ночью или рано поутру. Я подалъ ему знакъ не говорить при начальствѣ объ этомъ непріятномъ происшествіи.

На полдорогѣ намъ встрѣтился Фрицъ и сообщилъ, что Эльфрида чувствуетъ себя нехорошо; хотя это, повидимому, пустой припадокъ дурноты, однако, онъ счелъ нужнымъ предупредить меня.

Я бросился впередъ; Эльфрида сидѣла на прежнемъ мѣстѣ, но прислонившись спиной къ стволу сосны, очень блѣдная и, повидимому, боролась съ обморокомъ.

Я влилъ ей въ ротъ немного вина, растеръ ея маленькія холодныя ручки; она сдѣлала попытку улыбнуться и шепнула мнѣ чуть слышно, что это ничего—минутная слабость, а потомъ попросила меня помочь ей подняться и посадить ее въ экипажъ.

Дѣйствительно, когда подошли другіе, она уже стояла на ногахъ. Амсбергъ сбѣгалъ за моимъ фаэтономъ, который ожидалъ насъ на шоссе, когда мы вышли изъ лѣсу.

Я не могъ думать ни о чемъ другомъ, такъ какъ Эльфрида почти рѣзко отказывалась отъ всякой посторонней помощи, кромѣ моей. Амсбергу пришлось позаботиться объ остальномъ, т. е. усадить начальника въ экипажъ и отправить ко мнѣ на домъ вещи, оставшіяся на мѣстѣ нашего отдохновенія, кромѣ двухъ одѣялъ, взятыхъ для Эльфриды.

Сегодня поутру я послалъ въ Гриммъ за докторомъ. Онъ совершенно успокоилъ меня. Эльфрида просто почувствовала нервную слабость, которой часто подвергаются молодыя женщины въ первомъ періодѣ беременности. Само собой разумѣется, ей нуженъ безусловный покой, лучше всего въ постели.

Согласно своему обѣщанію, я написалъ о томъ моему начальнику.

Сегодня утромъ получилъ записку отъ Фрица. Какое-то важное дѣло, о которомъ онъ подробно извѣстить меня послѣ, заставляетъ его скакать, сломя голову, въ Берлинъ, гдѣ онъ пробудетъ недѣлю или около того. Должно быть, баронъ очень торопился, потому что не успѣлъ даже освѣдомиться о здоровьи Эльфриды.

Я ломаю себѣ голову надъ вопросомъ—какое это безотлагательное дѣло. Но какъ бы то ни было, когда l'ami берется за что нибудь, изъ этого выходитъ очень мало проку.

* *
*

Скверная, очень скверная штука! Первый случай такого рода въ моей практикѣ. Но вѣдь надо же ему было когда нибудь произойти! До тѣхъ поръ, пока существуютъ лѣса, не переведется племя порубщиковъ и браконьеровъ, а пока существуетъ казенная собственность, надо ее охранять; тѣмъ не менѣе...

Я просилъ Амсберга молчать до времени о случившемся; это нарушеніе служебнаго долга, конечно! Но видѣть горькія слезы почтеннаго старика... негодяя сына, разумѣется, не стоило бы щадить.

Амсбергъ уже давно имѣлъ на него подозрѣніе; я помню, онъ еще съ самаго начала утверждалъ, что хозяинъ Лѣсного шинка, пожалуй, укрываетъ браконьеровъ, но самъ не занимается этимъ промысломъ. Прежде всего Рикъ плохой стрѣлокъ, а жертвы браконьера всегда убиты наповалъ. По крайней мѣрѣ, всякій разъ, когда пропадала крупная дичь, лѣсникъ никогда не находилъ ея остатковъ по кровавому слѣду и не встрѣчалъ подстрѣленныхъ. Честный Амсбергъ не хотѣлъ назвать имени подозрѣваемаго имъ человѣка, говоря, что можетъ ошибиться и хочетъ прежде собрать улики.

Славный малый! Я увѣренъ, что онъ двѣ ночи къ ряду не ложился въ постель. Сегодня утромъ, около трехъ часовъ, когда лѣсникъ опять караулилъ, неожиданно грянулъ выстрѣлъ такъ близко возлѣ него, что онъ подумалъ—не по немъ ли это стрѣляли. Амсбергъ бросился въ чащу мелкой поросли, добѣжалъ до площадки и видитъ, что не болѣе какъ въ ста шагахъ отъ того мѣста, гдѣ онъ нашелъ третьяго дня остатки убитой дичи, стоитъ на колѣняхъ надъ застрѣленнымъ козломъ какой-то человѣкъ съ ножемъ въ зубахъ, готовясь потрошить животное. Увидѣвъ сторожа, браконьеръ вскочилъ; но Амсбергъ успѣлъ схватить двухствольное ружье негодяя, приставленное къ дереву, швырнулъ его назадъ и прицѣлился въ браконьера, требуя, чтобы тотъ бросилъ ножъ и сдался.

Малый послушался, но сталъ просить и молить о пощадѣ. Неужели Амсбергъ не сжалится надъ нимъ и погубить его въ ту минуту, когда онъ собрался уѣхать въ Америку? У него ужъ и паспортъ на дорогу въ карманѣ.

— А я слышалъ, какъ люди толковали объ его отъѣздѣ, объяснилъ мнѣ лѣсникъ,—и радовался, что тогда мы избавимся отъ этого проходимца. Потому я конфисковалъ только его ружье, а парня отпустилъ на всѣ четыре стороны.

Доброму малому, очевидно, какъ и мнѣ самому, было непріятно упрятать человѣка въ рабочій домъ, хотя бы даже и такого mauvais sujet, какимъ былъ Карлъ Дрекъ.

— А не прикажете ли, г. лѣсничій, позвать къ вамъ старика? спросилъ Амсбергъ.

То была отличная мысль. По крайней мѣрѣ, мы могли навѣрное узнать — точно ли его сынъ собирается эмигрировать.

— Кажется, Амсбергъ, вы говорили, что отецъ Карла почтенный, честный старикъ?

— Точно такъ, г. лѣсничій. Мы ужъ двадцать лѣтъ знакомы.

— Тогда приведите его ко мнѣ.

Два часа спустя онъ пришелъ со старикомъ. Я попросилъ Амсберга оставить насъ наединѣ.

Пришедшій произвелъ на меня самое выгодное впечатлѣніе; нельзя сказать, чтобы особенно умное, но честное лицо, совершенная противоположность грубой, кровожадной физіономіи сына.

Никакой попытки оправдать виновнаго. По словамъ старика, онъ уже давно боялся, что его сынъ кончитъ плохо. Въ школѣ онъ былъ непростительно лѣнивъ и шелъ всегда послѣднимъ, несмотря на хорошія способности. Къ чему, дескать, учиться при богатомъ отцѣ? Боже ты мой милостивый, конечно, онъ не нуждается, и обѣ его дочери выданы за хорошихъ мужей. Но единственный сынъ стоилъ ему ужасныхъ денегъ, когда отбывалъ три года воинскую повинность, а потомъ учился въ земледѣльческой академіи, откуда былъ выгнанъ съ позоромъ. Пристроить его въ управляющіе имѣніемъ оказалось невозможнымъ. Во первыхъ, онъ ничему не научился, а, во вторыхъ, прослылъ бездѣльникомъ въ цѣломъ околоткѣ. Кто бы согласился взять къ себѣ такого? Въ концѣ концовъ отцу оставалось только держать парня у себя дома, гдѣ онъ просто лѣнился и билъ баклуши.

Длинная, печальная исторія, которую старикъ разсказывалъ со слезами на глазахъ. Съ каждымъ годомъ дѣло шло все хуже и хуже; но Карлъ окончательно сбился съ толку, связавшись съ Лѣснымъ шинкомъ. Тамъ онъ просиживалъ по полдня, а не то съ утра и до вечера, пилъ, ухаживалъ за рыжей Маріей или игралъ съ ея отцомъ безконечныя партіи въ „Шестьдесятъ шесть". Тутъ же онъ удобно могъ предаваться своей страсти къ охотѣ, и Рикъ потворствовалъ ему, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ его продѣлокъ.

Впрочемъ, все это одни предположенія старика отца; онъ уже нѣсколько лѣтъ подозрѣвалъ, что сынъ его занимается браконьерствомъ, но убѣдился въ его порокѣ только вчера. Также и отношеній между Карломъ и Маріей онъ не могъ хорошенько понять. Иногда дѣвушка называла его своимъ женихомъ, когда же люди сами заговаривали о томъ и приставали къ ней съ разспросами—скоро ли свадьба, она со смѣхомъ возражала, что ее, кажется, считаютъ сумасшедшей. Неужели она пойдетъ за человѣка, который проживаетъ изъ милости у ея отца, потому что родной отецъ выгналъ его изъ дому? Ни одна душа не вѣдаетъ, что такое у нихъ съ Маріей. Хорошей дѣвушкой ее ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать; по слухамъ, она даже совсѣмъ испорченная: было у ней и прежде нѣсколько жениховъ, но она только отводила глаза добрымъ людямъ, будто не на шутку собираясь за мужъ. На самомъ же дѣлѣ Марія хороводится съ однимъ знатнымъ господиномъ, который отъ времени до времени беретъ ее съ собой путешествовать, тогда какъ сама она увѣряетъ, будто ѣздитъ къ теткѣ въ Берлинъ.

— Карлъ всегда побаивался, продолжалъ старикъ, — что дѣвушка только водитъ его за носъ; изъ-за этого у нихъ бывали ужасныя ссоры. Наконецъ, въ тотъ вечеръ, когда былъ праздникъ стрѣлковъ, они окончательно повздорили, и Марія запретила парню бывать у нихъ въ домѣ. Послѣ того малый точно рехнулся и вдругъ объявилъ, что хочетъ ѣхать въ Америку. Конечно, это было бы самое лучшее для него: какъ знать, пожалуй, на чужой сторонѣ онъ сдѣлается еще порядочнымъ человѣкомъ. Поэтому отецъ далъ свое согласіе и позаботился обо всемъ: снабдилъ сына платьемъ, бѣльемъ, деньгами, выхлопоталъ ему даже паспортъ. Въ субботу судно, на которомъ онъ долженъ ѣхать, отплываетъ изъ Бремена; билетъ на проѣздъ уже взятъ и вдругъ надо было случиться такой ужасной бѣдѣ!

Тутъ старикъ горько заплакалъ, и я былъ принужденъ отвернуться, чтобы

6*

скрыть собственное волненіе. „Грѣхи родителей не должны взыскиваться съ дѣтей“, говоритъ намъ гуманность, но какъ часто грѣхи дѣтей взыскиваются съ родителей! Въ настоящемъ случаѣ былъ бы наказанъ не сынъ, давно притупившій въ себѣ всякое благородное чувство своей распутной жизнью, но почтенный старикъ, не виноватый ни въ чемъ, кромѣ, пожалуй, излишняго снисхожденія къ испорченному юношѣ.

Итакъ, мы съ Амсбергомъ рѣшили молчать; за убитаго козла заплачу я самъ, а конфискованная двухстволка будетъ возвращена отцу Карла, какъ только негодный малый уѣдетъ отсюда. Онъ долженъ уѣхать послѣзавтра, а до тѣхъ поръ я велѣлъ ему сидѣть дома и ни кому не показываться на глаза.

Несчастный старикъ не зналъ, какъ меня благодарить, но я поспѣшилъ прервать изліяніе его благодарности и ласково выпроводилъ его изъ комнаты.

При этомъ я забылъ спросить — знаютъ ли или догадываются ли о томъ, кто такой знатный любовникъ рыжей Маріи. Но, пожалуй, мой вопросъ былъ бы напрасенъ; эта соблазнительница, по моему, принадлежитъ къ той категоріи женщинъ, которыя занимаются своимъ ремесломъ въ непроницаемой тайнѣ.

* * *

Карлъ уѣхалъ еще сегодня — днемъ раньше, чѣмъ предполагалось. Онъ самъ настоялъ на своемъ немедленномъ отъѣздѣ. Могу себѣ представить, что ему не сидѣлось въ нашихъ краяхъ, но не изъ страха наказанія, котораго онъ долженъ былъ избѣжать: негодяю было просто тяжело оставаться вблизи своей невѣрной возлюбленной. Это было, по крайней мѣрѣ, человѣчнымъ побужденіемъ, достойнымъ сочувствія, пожалуй, первымъ проблескомъ восходящаго дня, который засіяетъ тамъ, вдали, болѣе отраднымъ свѣтомъ въ его душѣ.

У меня съ его отъѣздомъ точно гора свалилась съ плечъ.

Обсуждая свой поступокъ относительно Карла, я нахожу, что этимъ я избавилъ почтеннаго старика отъ незаслуженнаго позора, а государство отъ расхода на содержаніе лишняго арестанта въ рабочемъ домѣ и, можетъ быть, спасъ человѣка, который бы окончательно погибъ, попавъ въ общество преступниковъ. Но, съ другой стороны, я нарушилъ служебный долгъ...

Впрочемъ, я полагаю, что изъ-за этого мнѣ можно спать спокойно.

Сегодня былъ дурной день, а за нимъ послѣдуютъ еще худшіе! Я долженъ хорошенько выяснить себѣ всѣ подробности, чтобы онъ не смѣлъ сказать мнѣ: „ты выступаешь противъ меня, какъ обвинительная власть, которая обсуждаетъ только преступленіе, не приводя смягчающихъ обстоятельствъ“.

Странно! ужасно странно!

Иначе не можетъ быть: спящій умъ въ состояніи прозрѣвать вещи, дѣлать сопоставленія, ускользающія отъ него во время бодрствованія.

Я совсѣмъ не думалъ о томъ, пока не спалъ, и начни увѣрять меня кто нибудь другой въ подобной вещи, я принялъ бы его за помѣшаннаго.

Прошлую ночь я внезапно просыпаюсь отъ крѣпкаго сна, и вдругъ передо мной встаетъ увѣренность, точно окончательный выводъ изъ цѣлаго ряда неопровержимыхъ фактовъ: Фрицъ любовникъ рыжей Маріи!

Когда же я хочу сопоставить эти факты, то не нахожу ни одного, исключая дикаго взгляда, который бросилъ намъ Карлъ Дрекъ, когда мы съ Фрицемъ проходили черезъ комнату для гостей, мимо дочери трактирщика, сидѣвшей со своимъ женихомъ.

Тогда я подумалъ про себя: онъ не можетъ иначе смотрѣть; теперь же мнѣ стало ясно, что такъ смотритъ на счастливаго соперника тотъ, кто намѣревается убить его. И въ самомъ дѣлѣ въ этотъ вечеръ между Карломъ и Маріей послѣдовалъ окончательный разрывъ. Можетъ быть, какъ разъ въ данный моментъ она произнесла рѣшительное слово.

Однако обвинять друга, основываясь на одномъ подозрѣніи, легкомъ какъ дуновеніе вѣтра, на такихъ ничтожныхъ пустякахъ! Это было бы смѣшно и постыдно!

Но въ моей душѣ засѣло точно выжженное тамъ огненными буквами: Фрицъ любовникъ рыжей Маріи.

Мнѣ не сидѣлось дома. Эльфрида уже третій день лежитъ въ постели. Она сама не хочетъ вставать, и докторъ доволенъ этимъ. Пульсъ у ней все еще не совсѣмъ нормаленъ. Врачъ успокаиваетъ меня, но и самъ не можетъ вполнѣ опредѣлить ея состояніе, которое не измѣнилось даже до сегодняшняго вечера. Только бы тутъ не крылось ничего серьезнаго!

Или въ концѣ концовъ нездоровье жены произошло вовсе не отъ физической причины? Женщины такъ проницательны; ужъ не сдѣлала ли она тѣхъ же самыхъ печальныхъ открытій, какъ и я сегодня? Впрочемъ, это невозможно... совершенно невозможно...

Такъ какъ же это вышло?

Мы съ Амсбергомъ осматривали участокъ, гдѣ послѣзавтра начнется рубка; онъ лежитъ между нашимъ озеромъ и лѣсной дорогой, простираясь почти до самаго Лѣсного шинка. Поляна, гдѣ Амсбергъ накрылъ третьяго дня Карла Дрека, идетъ отъ шинка къ дорогѣ, пересѣкая этотъ участокъ. Для браконьера, имѣвшаго пристанище въ Лѣсномъ шинкѣ, дѣйствительно трудно найти болѣе удобное мѣсто. Во мнѣ снова проснулось прежнее подозрѣніе, что Рикъ зналъ о продѣлкахъ Дрека. Амсбергъ также допускаетъ эту возможность. Конечно, трактирщикъ только потворствовалъ негодяю, потому что считалъ его своимъ будущимъ зятемъ, несмотря ни на что. Выраженіе „несмотря ни на что" въ устахъ простого человѣка поразило меня вдвойнѣ. Я спросилъ его, какъ будто безъ всякой цѣли, что онъ хочетъ этимъ сказать. Сперва онъ уклонялся отъ прямаго отвѣта, но потомъ замѣтилъ: — люди толкуютъ разное, — въ домѣ трактирщика бываетъ такъ много народа, — что Марія могла имѣть и другихъ любовниковъ, какъ прежде, такъ и теперь.

— И что же, называютъ кого нибудь прямо?

— Называть-то называютъ, да вѣдь никому не охота попасть въ бѣду изъ-за своего языка.

Я не сталъ приставать къ нему изъ боязни, что онъ тотчасъ брякнетъ: „баронъ Кардовъ".

Мы отмѣтили еще нѣсколько особенно густыхъ сосенъ и пихтъ, которыхъ не слѣдовало рубить, но я былъ разсѣянъ и сказалъ, что мнѣ плохо спалось сегодняшнюю ночь. Я чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ, а потому зайду подкрѣпиться въ Лѣсной шинокъ, прежде чѣмъ продолжать осмотръ участка. Амсбергъ по моей просьбѣ послѣдовалъ за мною; дорогою я внушилъ ему, чтобы онъ былъ очень остороженъ въ своихъ рѣчахъ, но хорошенько прислушивался бы къ тому, что станутъ говорить въ шинкѣ насчетъ внезапнаго отъѣзда Карла. Разумѣется, намъ нечего скрывать, что мы знаемъ о его переселеніи въ Америку.

Стоялъ прекрасный день, какіе нерѣдко выдаются ранней осенью, и Лѣсной шинокъ представлялъ мирную, пріятную картину подъ лучами утренняго солнца. На площадкѣ передъ домомъ стояли двѣ—три крестьянскихъ телѣги; хозяева ихъ пили въ большой комнатѣ для гостей, гдѣ всѣ окна были отворены настежь. Трактирщикъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ и захотѣлъ угостить въ комнатѣ для почетныхъ посѣтителей, влѣво отъ сѣней. Однако я отклонилъ эту любезность подъ тѣмъ предлогомъ, что воздухъ въ большой залѣ свѣжѣе. На самомъ же дѣлѣ мнѣ хотѣлось отдѣлаться отъ общества Рика и осуществить задуманный планъ—потолковать, если удастся, наединѣ съ рыжей Маріей.

Въ ожиданіи этого я могъ убѣдиться къ своему удовольствію, что люди, сидѣвшіе у столиковъ, крестьяне и мелкіе землевладѣльцы, жившіе по сосѣдству, говорили безъ всякаго стѣсненія объ эмигрантѣ, который былъ отлично знакомъ каждому изъ нихъ. Разумѣется, онъ не могъ придумать ничего лучшаго; жаль только, что ему раньше не пришла въ голову такая здравая, благоразумная мысль; хотя, конечно, онъ пропадетъ и тамъ, но вѣдь и здѣсь ему предстояло то же самое. Нечего было ожидать отъ него чего хорошаго послѣ всѣхъ его безобразій.

Очевидно сосѣдямъ было уже извѣстно, что между семействомъ Рика и Карломъ произошелъ полный разрывъ. Въ противномъ случаѣ они не стали бы такъ свободно высказывать своего мнѣнія въ присутствіи трактирщика. Дѣйствительно, тотъ ходилъ взадъ и впередъ, выслушивая все говорившееся съ самымъ спокойнымъ видомъ, а иногда и поддакивалъ, вставляя свое словцо въ разговоръ.

Рыжая Марія не показывалась; однако, я слышалъ, какъ отецъ отдалъ ей какое-то приказаніе въ отворенную дверь кухни. Значитъ, она не уѣзжала изъ дома.

Нѣсколько времени спустя я всталъ, посмотрѣлъ старыя гравюры на мѣди, развѣшенныя по стѣнамъ, вышелъ въ сѣни и прошелся мимо кухни. Какъ разъ въ эту минуту оттуда поспѣшно выбѣжала та, которую я искалъ, съ корзинкой на рукѣ, чтобы нарѣзать къ обѣду бобовъ. Болѣе благопріятнаго случая трудно было подыскать. Я вдругъ необыкновенно заинтересовался культурой бобовъ, которые у меня отчего-то плохо росли. Не позволитъ ли фрейленъ Марія посмотрѣть ея огородъ?

— Милости просимъ, г. лѣсничій.

Мы проходили черезъ дворъ, который снова представлялъ живописную картину во вкусѣ фламандскихъ мастеровъ. Я указалъ на ея красоту молодой дѣвушкѣ, собственно съ цѣлью сказать что нибудь. Къ моему не малому удивленію, она, очевидно, не только понимала прекрасное, но сдѣлала даже нѣсколько замѣчаній, обличавшихъ въ ней и природное художественное чутье, и развитой вкусъ знатока.

Я высказалъ ей это въ вѣжливой формѣ. Марія небрежно отвѣчала, что хотя она и родилась въ деревнѣ, но это не мѣшаетъ ей знать толкъ въ нѣкоторыхъ вещахъ. Кромѣ того, въ Берлинѣ, гдѣ ей случается бывать, музеи полны такихъ сокровищъ, что просто глаза разбѣгаются.

Она говорила самымъ естественнымъ тономъ. При яркомъ утреннемъ освѣщеніи дѣвушка была, если возможно, еще красивѣе, чѣмъ тогда вечеромъ на праздникѣ стрѣлковъ, хотя я разсмотрѣлъ теперь, что ей, должно быть, ужъ лѣтъ подъ тридцать, а мелкія веснушки рѣзче выступили за лѣто на ея румяныхъ щекахъ и бѣломъ лбу, обрамленномъ темнорыжими волосами. Тѣмъ не менѣе она цвѣла пышной красотой, особенно соблазнительной и, пожалуй, неотразимой для чувственныхъ мужчинъ.

Странная догадка, явившаяся у меня сегодня ночью, насчетъ ея связи съ барономъ перестала мнѣ казаться сумасбродствомъ при всей своей видимой нелѣпости.

Но какимъ образомъ коснуться щекотливаго вопроса, не выдавъ себя? Я ломалъ надъ этимъ голову, пока мы бродили между высокими тычинами, раздвигая ползучіе стебли бобовъ. Марія проворно срѣзывала ихъ ножемъ, а я отъ времени до времени срывалъ рукою особенно крупный стручекъ и бросалъ ей въ корзину.

Вдругъ молодая дѣвушка заговорила сама о занимавшемъ меня предметѣ. Постараюсь возстановить нашъ разговоръ цѣликомъ.

— Г. баронъ, кажется, часто бываетъ у васъ теперь?

— Очень часто.

— Чуть не каждый день?

— Почти такъ.

— Вы съ нимъ боевые товарищи?

— Какже!

— И, значитъ, вы его хорошо знаете?

— На сколько всѣ люди знаютъ другъ друга.

— Конечно. Но это еще немного.

— Къ сожалѣнію, такъ.

— Почему „къ сожалѣнію“? Узнавая людей ближе, мало отъ этого выигрываешь. А ужъ хорошаго отъ близкаго знакомства и не жди.

— Слушая васъ, можно подумать, что вы, несмотря на свои молодые годы, не мало испытали въ жизни.

— Во первыхъ, я не на столько молода, а въ добавокъ дочь трактирщика! Къ ней всякій считаетъ себя въ правѣ лѣзть съ любезностями. Вспомните Карла Дрека. Вѣдь я чуть не провалилась отъ стыда, когда онъ вздумалъ поцѣловать меня при васъ. Противный человѣкъ! Въ тотъ же вечеръ я дала ему отставку.

— И, конечно, не раскаялись потомъ.

— Нисколько. Увѣряю васъ — ни капли!

— Такая красивая дѣвушка...

— Ну, и вы туда же!

— Такая умница...

— Ахъ, полноте, пожалуйста!

— Я хотѣлъ только сказать, что при вашихъ достоинствахъ этотъ олухъ совсѣмъ вамъ не пара, и вы имѣете право мѣтить выше, гораздо выше.

Наступила маленькая пауза. Мои послѣднія слова, повидимому, заставили Марію сильно задуматься, но въ то же время польстили ей. Во взглядѣ, который она раза два украдкой бросила на меня, я поймалъ ласковое, точнѣе — нѣжное выраженіе, какую-то нѣжную озабоченность, которой я не могъ себѣ объяснить. Наконецъ, отвернувшись въ сторону, дѣвушка сказала страннымъ, глухимъ голосомъ:

— Вы добрый господинъ. Васъ всѣ ужасно хвалятъ. Да это видно и такъ... безъ чужихъ рѣчей. И вотъ я... мнѣ...

— Что такое, милое дитя?

— Мнѣ хотѣлось бы предостеречь васъ: баронъ опасный человѣкъ.

У меня екнуло сердце. Итакъ, мы подошли къ желанному пункту. Я хотѣлъ было сказать: слѣдовательно, вы хорошо его знаете, но опомнился, понимая, что тогда отъ Маріи не добьешься больше ни слова. Поэтому я замѣтилъ самымъ равнодушнымъ тономъ:

— У него, конечно, свои недостатки, какъ и у всякаго изъ насъ.

— Это бы еще куда ни шло!

Она снова повернулась ко мнѣ лицомъ. Оно было залито яркимъ румянцемъ, а бѣлые зубы дѣвушки нервно впились въ пухлую нижнюю губу.

— Теперь вамъ слѣдовало бы объясниться точнѣе, фрейленъ Марія.

Густая краска у ней на лицѣ смѣнилась блѣдностью, обличавшей сильное душевное волненіе. Глаза Маріи сверкали дикимъ огнемъ, но въ то же время въ нихъ проглядывало смущеніе.

— Я ничего не знаю... и повторяю только то, что всѣ говорятъ.

— А напримѣръ?

— Да вотъ баронъ Кардовъ до того ухаживалъ за младшей графиней Грибеницъ, что молодой графъ выгналъ его изъ ихъ дома. Между обоими господами даже вышла изъ-за этого дуэль.

— Я не слыхалъ ничего подобнаго.

— Очень возможно. Кто же станетъ объ этомъ разсказывать. Ужъ, конечно, не самъ баронъ. Все дѣло держали въ большомъ секретѣ.

— Однако, дошло же оно до васъ, а вѣдь вы не принадлежите къ ихъ кругу. Кто же могъ сообщить вамъ о подобномъ скандалѣ?

— Не спрашивайте!

Моя догадка подтверждалась: только отъ Фрица могла слышать Марія объ этомъ происшествіи. Замѣшательство, отразившееся при моемъ неожиданномъ вопросѣ въ ея подвижныхъ чертахъ, служило здѣсь явной уликой.

Тѣмъ не менѣе я спокойно продолжалъ:

— Къ сожалѣнію, такія вещи зачастую случаются въ аристократическомъ обществѣ, не пятная чести виновнаго. Впрочемъ, считаю долгомъ оговориться, что съ тѣхъ поръ, какъ я веду знакомство съ барономъ, — а этому почти ужъ полгода,—онъ не обнаруживалъ слабости къ женскому полу и наклонности волочиться.

— Ну, конечно! Съ тѣхъ поръ, какъ вы съ нимъ познакомились! Онъ сильно перемѣнился съ того времени.

— Если къ лучшему, то можно только этому порадоваться.

— Г-нъ лѣсничій...

— Что, фрейленъ Марія?

— Я сказала, что хочу предостеречь васъ противъ барона Кардова. Не моя вина, если вы меня не поняли.

Мы вышли изъ грядъ съ бобами и шли по садовой дорожкѣ, приближаясь къ выходу. Я хотѣлъ удержать молодую дѣвушку, услыхавъ ея послѣднія слова, которыя были зловѣщей вспышкой молніи для моей души. Однако Марія вырвалась, перебѣжала дворъ и скрылась въ домѣ.

Я медленно шелъ за нею, отбиваясь отъ осаждавшихъ меня гадкихъ мыслей, какъ отъ назойливыхъ мухъ. Предостереженіе Маріи могло имѣть только одинъ смыслъ! Но вѣдь оно было подсказано ей ревностью! Иное было немыслимо, немыслимо!

Какъ будто то, что мы такъ называемъ, не дѣлается иногда черезъ какой нибудь часъ вполнѣ мыслимымъ и не становится для насъ даже неопровержимымъ фактомъ, котораго не могутъ поколебать никакія сомнѣнія.

Немыслимо, чтобы баронъ Фрицъ фонъ-Кардовъ, владѣлецъ мёлленгофскаго маіората, мужъ женщины, достойной царскаго трона, отецъ чуднаго ребенка, обворожительнаго и милаго, какъ сказочный принцъ, былъ любовникомъ рыжей Маріи изъ Лѣснаго шинка, да еще въ добавокъ не первымъ и, конечно, не послѣднимъ!

А между тѣмъ въ настоящую минуту эта мысль была уже не порожденіемъ ночного мрака, мучительнаго кошмара; теперь она обратилась въ такую же осязаемую дѣйствительность, какою было и это роскошное, стройное тѣло продажной деревенской красавицы, убѣжавшей отъ меня сію минуту!

Немыслимо, чтобы человѣкъ, превратившійся изъ несимпатичнаго мнѣ боевого товарища въ закадычнаго пріятеля, которому были открыты и мой домъ, и мое сердце, старался проникнуть тайкомъ въ мое святилище, чтобы похитить моего кумира, самое дорогое, что у меня есть на землѣ, еслибъ эта гнусная попытка могла ему удаться!

Теперь...

Нѣтъ, нѣтъ! Этому никогда не бывать. Но если онъ таковъ, что отъ него можно ожидать подобной низости...

Рыжая Марія! Безчестная дѣвушка! Его любовница! Стоитъ ли вѣрить ея словамъ?

Вотъ г-жа Моэнъ, та вполнѣ порядочная женщина! А вѣдь она также предостерегала Эльфриду противъ барона, какъ и дочь трактирщика — меня. Эльфрида поссорилась съ ней изъ-за этого, я же пропустилъ ея предостереженіе мимо ушей и отвѣтилъ на него только насмѣшливой улыбкой.

Отпустивъ Амсберга, я проѣхалъ по шоссе мимо своего дома въ Брандсгагенъ.

Моэнъ былъ въ полѣ. Я пожелалъ видѣть хозяйку. Она гуляла въ саду. Я отыскалъ ее на круглой лужайкѣ за домомъ подъ развѣсистыми деревьями. Молодая женщина занималась рукодѣльемъ. Возлѣ нея сидѣли двѣ старшихъ дѣвочки со своей гувернанткой. Она тотчасъ отослала дѣтей прочь.

— Я вижу по вашему лицу, сказала г-жа Моэнъ, садясь на прежнее мѣсто и предлагая мнѣ стулъ,—что васъ привело къ намъ какое-то важное дѣло.

— Я пріѣхалъ сюда прямо изъ Лѣсного шинка...

— А!

— Тамъ я узналъ одну вещь; она объясняетъ мнѣ причину охлажденія между вами и моей женой, о чемъ я искренно сожалѣю.

Красивая хозяйка Брандсгагена покраснѣла при этихъ словахъ до корня своихъ роскошныхъ бѣлокурыхъ волосъ и бросила на меня умоляющій взглядъ, точно прося, чтобъ я замолчалъ.

— Вамъ незачѣмъ напоминать мнѣ, продолжалъ я,—на сколько для васъ непріятенъ этотъ предметъ разговора. Но мое собственное положеніе ужасно. Я долженъ на что нибудь рѣшиться, прежде чѣмъ онъ — вы понимаете о комъ я говорю — успѣетъ вернуться изъ Берлина или откуда бы то ни было.

№ 1426. Годъ XXVIII. 25-го мая 1896 г. Томъ LV. № 22.

При этомъ, 1426, нумерѣ »Всемірной Иллюстраціи« слѣдуютъ: **Литературное приложеніе**, содержащее въ себѣ: 1) »Самъ себѣ судья«, романъ Фридриха Шпильгагена (7-й листъ). 2) »Въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Ч. I. Листъ 3. Ч. II. Листъ 3.

О перемѣнѣ адреса.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ подписчиковъ „Всемірной Иллюстраціи" о количествѣ денегъ, слѣдующихъ съ нихъ за перемѣну адреса, главная контора редакціи имѣетъ честь сообщить, что **за каждую перемѣну адреса взимается:**

За перемѣну адреса иногороднаго на иногородный же — 28 коп. (можно посылать почтовыми марками).

За перемѣну адреса иногороднаго на городской, т. е. при переѣздѣ въ С.-Петербургъ изъ провинціи и при желаніи получать журналъ съ доставкою на домъ, — **до 1-го іюля 1 руб., послѣ 1-го іюля 70 к.**

За перемѣну адреса городского на иногородный, т. е. при переѣздѣ изъ С.-Петербурга въ провинцію, — **до 1-го іюля 2 р., послѣ 1-го іюля 1 р. 50 к.**

Плата за перемѣну адреса въ послѣднихъ двухъ случаяхъ взимается вслѣдствіе того, что городская и иногородная почты имѣютъ совершенно отдѣльныя управленія и разъ уплаченныя за доставку или пересылку деньги уже не возвращаются.

Городскіе подписчики, переѣхавшіе изъ С.-Петербурга въ провинцію и заплатившіе за пересылку журнала, при возвращеніи обратно въ С.-Петербургъ за доставленіе журнала на домъ **вторично не платятъ.**

При перемѣнѣ адреса гг. иногородные подписчики благоволятъ увѣдомлять о томъ контору редакціи **немедленно и сообщать непремѣнно вмѣстѣ съ новымъ и старый адресъ,** по которому получался журналъ прежде, **безъ чего перемѣна адреса сдѣлана быть не можетъ.**

Сообщенія о перемѣнѣ адреса просимъ адресовать: въ контору журнала „Всемірная Иллюстрація": С.-Петербургъ, Садовая, 22.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Съ прошлаго (1425-го) нумера »Всемірной Иллюстраціи« мы начали прилагать отдѣльные листы нашего роскошнаго изданія подъ заглавіемъ »Въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. 1896 г.«. Получивъ Высочайшее соизволеніе на посвященіе этого изданія Августѣйшему Имени Государя Императора Николая Александровича, мы приняли всѣ мѣры, чтобы оно оказалось истинно достойнымъ высокаго Имени, его украшающаго. Еще до начала торжествъ мы отправили въ Москву цѣлый штатъ художниковъ, съ К. О. Брожемъ во главѣ, для иллюстрированія выдающихся моментовъ коронаціонныхъ торжествъ, а равно мы пригласили съ тою же цѣлью и нѣсколько лучшихъ московскихъ фотографовъ.

Богато иллюстрированное изданіе наше »Въ память Священнаго Коронованія« будетъ появляться въ приложеніи къ каждому нумеру »Всемірной Иллюстраціи« листами, по мѣрѣ накопленія матеріала. Оно раздѣлено на двѣ части. Первая будетъ заключать въ себѣ: 1) »Видѣніе Кремлей. 14-го мая 1896 г.«, стихотвореніе К. К. Случевскаго. 2) »Царское вѣнчаніе въ до-Петровской Руси«, очеркъ Е. Е. Голубинскаго. 3) »Коронованіе императоровъ русскихъ« (до Императора Александра III включительно), очеркъ И. Н. Божерянова. 4) »Царскія и императорскія регаліи, утвари, одежды и проч.«, очеркъ М. И. Пыляева. 5) »Мѣста коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ«, очеркъ М. Б—скаго. Вторая часть, посвященная Священному Коронованію Ихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, представитъ полную живую картину этого великаго событія. Ради выигрыша времени и, разумѣется, въ интересахъ подписчиковъ »Всемірной Иллюстраціи« къ каждому нумеру журнала будутъ прилагаться одновременно листы 1-й и 2-й части.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

ТЕКСТЪ

РИСУНКИ

ШАХМАТЫ

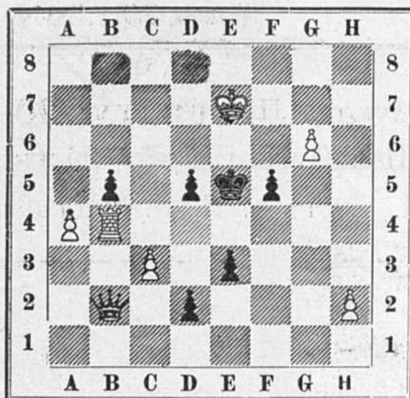
подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1880

A. Corrias.

Первый призъ на конкурсъ задачъ „Piccolo Scacchista“.

Черные

Бѣлые

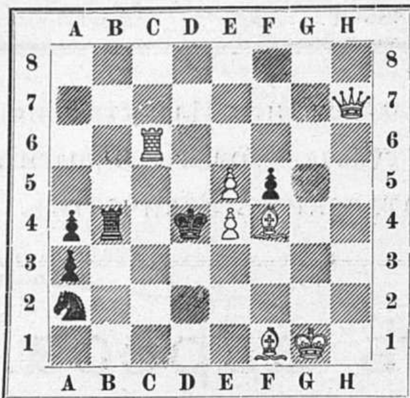
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1881

S. Gold.

Изъ „La Stratégie“.

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЯ ЭТЮДОВЪ въ № 1392.

№ 5. *О. Нето.* 1. Ф d5—e4 (угрожая 2. С c4—b3† и 3. С b3 : c2 ×), d4—d3; 2. С c4—b3†, К e1—c2 3. Ф e4 : b4, Ф h2—g1 (при всякомъ другомъ ходѣ 4. Ф b4 : d2† и патъ); 4. Ф b4 : g4†, Кр d1—e1; 5. Ф g4 : g1†, Кр e1—e2; 6. Ф g1—e3†, Кр e2—f1; 7. Ф e3—f2† и патъ.

(*Вар. a*) 1... f7—f5; 2. С c4—e2†, Ф h2 : e2; 3. Ф e4—c2†.

(*Вар. b*) 1... b4—b3 или 1... С h6—e3; 2. Ф e4 : g4†, К e1—f3; 3 Ф g4 : f3† и 4. Ф f3—f1 или : e2×.

№ 6. *Его же.* (Бѣлый король на d5 и черный на h5) 1. К d7—e5, Ф g8—h7; 2. К e5—g6 (угрожая 3. К g6—f4×) и если 2... Кр h5 или Ф h7 : g6, то 3. К e6—f8 или f4†, выигрывая ферзя. Если 1... Ф g8—h8 или g1, то 2. К e6—f4†, Кр h5—g5; 3. К e5 f7† или 3. К f4 : h3†; если же 1... Ф g8 ♂, то 2. К e6—g7†, Кр h5—g5; 3. f3—f4†, Кр g5—f6; 4. К g7—h5† и 5. e3—e4×.

Вѣрныя рѣшенія послѣднихъ двухъ задачъ прислалъ Н. Л. (Бѣла).

Въ Берлинѣ недавно окончился небольшой матчъ-турниръ, къ которомъ участвовали только трое: гг. Барделебенъ, Вальбродтъ и Мизесъ. Каждый съ каждымъ сыгралъ по три партіи. Призы получили: первый—г. Барделебенъ, выигравшій четыре партіи и второй — г. Вальбродтъ, выигравшій три партіи.

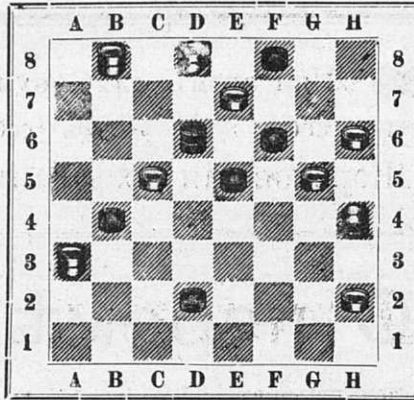
Въ петербургскомъ шахматномъ обществѣ окончился годовой турниръ-гандикапъ. Призы получили: первый — М. И. Чигоринъ, второй — г. Велиховъ (5-й категоріи), третій—г. Зыбинъ (2-й категоріи), четвертый—г. Захарьинъ (4-й категоріи), пятый — г. Омелянскій (3-й категоріи), шестой—г. Поршневъ (3-й категоріи), седьмой и восьмой призы раздѣлили между собой гг. Зигфридъ и Шабскій (оба 3-й категоріи).

ШАШКИ

ЗАДАЧА № 167

В. В. Лаптева (въ Кинешмѣ).

Черные

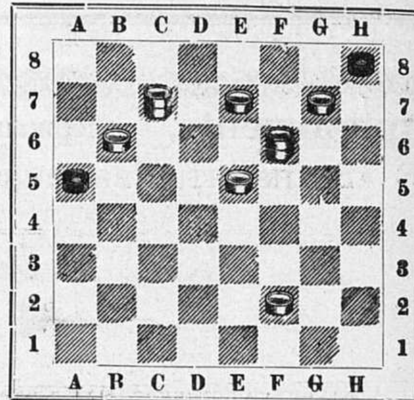
Бѣлые

Запереть дамку и простую.

ЗАДАЧА № 168

М. И. Туманова (въ Сызрани).

Черные

Бѣлые

Запереть свою простую.

ПАРТІЯ № 14

Играна въ Москвѣ 12-го іюля 1895 г.

	Д. О Фишбинъ. Бѣлые.	А. А. Оводовъ. Черные.						
1.	c3—b4	f6—e5	7.	e1—d2[1])	b6—c5	13.	b2—c3	c5—e3
2.	e3—f4	e7—f6	8.	c3—b4[2])	c7—b6	14.	h2—g3	a7—b6
3.	b4—a5	f6—g5	9.	a5 : c7	d8 : b6	15.	g1—h2	b6—a5
4.	b2—c3	g5 : e3	10.	f2—e3[3])	c5—d4!	16.	g3—h4	h6—g5
5.	d2 : f4	g7—f6	11.	e3 : g5	b6—a5		Бѣлые сдались.	
6.	a1—b2	f8—g7	12.	f4 : d6	a5 : c5			

Примѣчанія къ партіи.

[1]) Этотъ ходъ повелъ къ проигрышу партіи. Слѣдовало играть 7. c3—b4 и если 7... b6—c5, то 8. b2—c3 съ хорошимъ положеніемъ.

[2]) Если 8. d2—e3, то 8... c7—b6; 9. a5 : c7, d8 : b6; 10. c3—b4, b6—a5; 11. b2—c3, e5—d4; 12. c3 : c7, b8 : d6 и выигрываютъ.

[3]) Если 10. b4—a5, то 10... c5—d4; 11. a5 : c7, d4—e3; 12. f2 : d4, e5 : h4; 13. c7 : e5, f6 : d4 и выигрываютъ; если же 10. b2—c3 или 10. d2—c3, то 10... b6—a5 (ошибочно было бы 10... c5—d4; тогда 11. g3—h4! и если 11... d4 : b2; то 12. f4—g5, h6 : f4; 13. d2—c3, b2 : d4; 14. b4—c5, d6 : b4; 15. a3 : e7 и выигрываютъ; если же 11... e5 : e1, то 12. c3 : a5, e1 : c3; 13. b4 : d2); 11. d2—e3, e5—d4 и т. д.

УДОВОЛЬСТВІЕ И ПОЛЬЗА.

(Самоновѣйшее хозяйственное примѣненіе велосипеда на дачѣ).

Всемірная Иллюстрація

№ 1426. Годъ XXVIII. 25-го мая 1896 г. Томъ LV. № 22.

Иностранные художники. — Цвѣточница. Картина Э. Эйсманъ-Семеновскаго.

Гравировалъ для »Всемірной Иллюстраціи« І. Веберъ въ Лейпцигѣ.

19 (31)-го мая 1896 г.

Столь нетерпѣливо жданное — свершилось, наконецъ, знаменательное событіе. 14-го мая, съ 7 часовъ утра, стали съѣзжаться въ Кремлевскій дворецъ особы и лица, которыя должны были участвовать въ шествіи въ Успенскій соборъ. Къ 9-ти часамъ утра прибыла Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, вслѣдъ за Нею прибыли въ соборъ Ихъ Императорскія Величества. Торжество совершилось въ 10½ часовъ утра. Служилъ митрополитъ петербургскій въ сослуженіи кіевскаго и московскаго митрополитовъ, прибывшаго высшаго греческаго духовенства и множества архіереевъ. Государь прочелъ громко и ясно символъ вѣры, затѣмъ черезъ полчаса возложилъ на себя корону и три минуты спустя возложилъ малую корону на главу Императрицы Александры Ѳеодоровны, послѣ чего былъ прочитанъ полный Императорскій титулъ, начался салютъ и были принесены Ихъ Величествамъ поздравленія отъ Особъ Императорской Фамиліи и отъ иностранныхъ принцевъ и принцессъ. Государь сталъ на колѣни и произнесъ установленную молитву. Послѣ мѵропомазанія и причащенія, Ихъ Величества прошли въ Кремлевскій дворецъ во всѣхъ знакахъ царскаго достоинства и съ Краснаго крыльца поклонились народу. Восторженные крики „ура“ были отвѣтомъ на поклонъ Монарха. По свидѣтельству очевидцевъ, зрѣлище было величественное, высокоторжественное.

Въ Москвѣ начались нескончаемыя празднества, чему въ значительной мѣрѣ способствовала превосходная погода. Какъ церемонія св. Коронованія, такъ и эти празднества, къ которымъ московскій народъ относился съ рѣдкимъ увлеченіемъ, необыкновенно поразили иностранныхъ гостей, не только европейскихъ, но и азіатскихъ. На Россіи долго еще будетъ сіять отблескъ кремлевскихъ торжествъ, отражаясь на всей ея внутренней жизни, какъ событіе, потребовавшее исключительнаго напряженія народнаго энтузіазма.

Но не только наша внутренняя жизнь, уже чреватая новымъ событіемъ — открытіемъ нижегородской выставки, долженствующей также изумить собою нашихъ западно-европейскихъ сосѣдей—но и внѣшнія политическія событія всѣ пока озарены электрическимъ сіяніемъ, которымъ горѣли нѣсколько дней подрядъ кремлевскіе верхи. Въ этомъ смыслѣ высказался, между прочимъ, и корреспондентъ „Neue Freie Presse“, который нашелъ, что Москва, посвященная коронаціоннымъ торжествамъ, производитъ впечатлѣніе могущественно развивающагося города, простирающаго свое вліяніе и значеніе на отдаленнѣйшіе пункты двухъ міровъ и сосредоточивающаго въ себѣ общую струю духовной и матеріальной жизни различныхъ народовъ Европы и Азіи.

По древнему обычаю русскихъ царей и императоровъ, коронаціонное торжество было ознаменовано длиннымъ рядомъ милостей, излитыхъ какъ на приближенныхъ царскихъ, такъ и на самыхъ послѣднихъ подданныхъ Императорскаго престола. Общая сумма милостей, переведенная на деньги, превзошла собою сумму въ сто десять милліоновъ рублей.

Въ Берлинѣ, по случаю Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ присутствіи императора Вильгельма былъ совершенъ военный парадъ. Императоръ объѣхалъ фронтъ войскъ, причемъ музыка играла встрѣчу, и провозгласилъ громкое „ура“ въ честь Императора и Императрицы Всероссійскихъ, которое, будучи дружно подхвачено полками, участвовавшими въ парадѣ, слилось съ звуками русскаго народнаго гимна. За завтракомъ императоръ Вильгельмъ, отличающійся большимъ ораторскимъ дарованіемъ, произнесъ по этому поводу прочувствованную рѣчь.

Во Франціи повсемѣстно блестящимъ образомъ былъ отпразднованъ день 14-го мая. Даже въ отдаленныхъ концахъ міра, гдѣ только живутъ французы, вѣсть о коронаціи встрѣчалась самымъ восторженнымъ образомъ. Въ Священномъ Коронованіи французы видятъ тройной символъ: силы, согласія и мира.

Подъ русскимъ вліяніемъ въ Кореѣ водворилось полное спокойствіе и безопасность, король сложилъ съ народа всѣ недоимки и рѣшилъ преобразовать управленіе въ странѣ на началахъ гуманности и справедливости.

Въ Софіи праздникъ братанія болгаръ съ сербами былъ торжественно заключенъ банкетомъ, на которомъ были провозглашены здравицы за Императора Всероссійскаго, за короля сербскаго, князя болгарскаго и князя черногорскаго.

Положеніе вещей на о. Критѣ не особенно измѣнилось, хотя по послѣднимъ извѣстіямъ можно думать, что оно нѣсколько преувеличено англійскими источниками.

На Кубѣ братоубійственная война не прекратилась съ замѣною маршала Кампоса генераломъ Вейлеромъ. Страсти тамъ еще болѣе разгорѣлись и нынѣшняя война должна такъ или иначе рѣшить вопросъ о томъ, кому будетъ принадлежать островъ — Испаніи или инсургентамъ. Испанцы находятся, строго говоря, въ оборонительномъ положеніи. Испанская армія ждетъ доставки боевыхъ припасовъ. Часть инсургентовъ разсѣяна по острову и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы безъ особаго разрѣшенія населеніе не занималось производствомъ сахара и т. п. продуктовъ. Гдѣ приказаніе нарушается, тамъ уничтожаются плантаціи и машины огнемъ и динамитомъ. Война пока оказалась чрезвычайно гибельною для экономической жизни острова.

Въ Римѣ, на одномъ изъ послѣднихъ парламентскихъ засѣданій, рѣчь министра президента Рудини, въ которой онъ, защищая тройственный союзъ, въ то же время высказалъ желаніе поддержать особенно дружескія связи съ Франціей и Россіей, была встрѣчена продолжительными громкими аплодисментами.

Штрихи и контуры

Петербургскій фельетонъ

Ахъ, весна, весна! Не знаю, что сталось со мною, откуда это пришло, — но однажды, утромъ, за чаемъ, я услышалъ черезъ растворенное окно городской квартиры веселое, нѣжное чириканье стрижей, и мое каменное сердце петербуржца вдругъ размякло и умилилось.

Мнѣ вспомнилось такое же чириканье, слышанное мною много лѣтъ тому назадъ, вспомнилось что-то неизъяснимо хорошее, неуловимо нѣжное, пустынная площадь собора, его молчаливыя сѣрыя колонны и голубое небо, и золотой крестъ, ярко горѣвшій на немъ, вспомнился я самъ, маленькій, маленькій мальчикъ, такъ наивно довѣрчиво смотрѣвшій на Божій міръ, такъ весело, съ такою беззаботной энергіей пившій изъ широкой чаши бытія. Кто мнѣ разскажетъ, кто объяснитъ мнѣ, что было со мною въ это утро? Вспыхнувшая ли на минуту искра радости бытія или смутный проблескъ воспоминанія о чемъ-то такомъ хорошемъ, что произошло много, много лѣтъ тому назадъ и забылось, а остался отъ него одинъ только слѣдъ?

* * *

— Милая Джемми, сказалъ я, входя въ гостиную, гдѣ моя эксцентричная спутница сидѣла и читала желтенькій томикъ вновь вышедшаго французскаго романа, — я не могу больше... Я уѣзжаю!

— Куда? За границу?

— О, нѣтъ! Меня не тянетъ! Вѣдь и тамъ, въ сущности, то же, что и здѣсь.

— Въ деревню?

— Нѣтъ! Не такъ далеко! Просто на дачу, въ окрестности Петербурга. У Джемми сдѣлалось разочарованное лицо.

— Только то! протянула она, — стоило объявлять объ этомъ съ такою торжественностью! Я сама на дняхъ уѣзжаю въ Павловскъ.

— Въ Павловскъ? Въ пыль, сплетни и пересуды подъ музыку? Бѣдная Джемми, мнѣ жаль васъ. Цѣлое лѣто быть затянутой, гантированной, быть à quatre épingle! Это ужасно!

— Ну, а вы, милостивый государь! воскликнула Джемми, — вы никакъ готовы забыть ваши обязанности фельетониста, забраться въ какую нибудь чухонскую трясину и вести войну съ комарами? А что скажетъ вашъ почтенный редакторъ?

— О, не пугайте меня тѣнью отца Гамлета! Я все предусмотрѣлъ и половину того, что требуется отъ меня, уже исполнилъ. Хотите выслушать мой отчетъ? Я былъ на открытіи цѣлаго десятка увеселительныхъ заведеній, сперва чуть не схватилъ воспаленія легкихъ, а затѣмъ едва не изнемогъ отъ жары. Я слышалъ Арманд'Ари, любовался искусствомъ дирижированья капельмейстера крестьянскаго оркестра Немысловскаго, смотрѣлъ танецъ серпентинъ la belle Marguerite, глазѣлъ на костюмы румынскаго дамскаго оркестра и даже, вмѣстѣ съ другими, немного испугался такъ называемой „оживленной“ фотографіи-кинематографа Люміера. А сколько иллюминацій и фейерверковъ видѣлъ я — такъ и не перечесть! Но, Боже мой, какъ все это однообразно и скучно!..

— Ну, да, перебила Джемми, — я ожидала этого слова!

— Что же дѣлать, если оно является заключительнымъ словомъ всѣхъ нашихъ „увеселеній“! Даже несгораемые и летающіе люди не спасаютъ отъ нея, а ужъ что можетъ быть пикантнѣе видѣть человѣка, безстрашно входящаго въ цѣлое море огня!

— Итакъ, вы будете жить на дачѣ?

— Да, я буду жить на дачѣ и буду каждый день въ городѣ.

— Это ужасно!

— Я немногимъ доволенъ! Для меня достаточно выйти утромъ въ садъ, пить чай на открытомъ воздухѣ и слушать какъ поютъ наши скромныя сѣверныя пичужки. Вѣдь ничего подобнаго нельзя себѣ представить на нашихъ Фурштадтскихъ и Николаевскихъ.

— А ваши вечера?

— Мои вечера будутъ отданы служенію общественнымъ вопросамъ. Извѣстно, что лѣтомъ всѣ общественные вопросы рѣшаются по разнымъ Аркадіямъ и Акваріумамъ, въ антрактахъ оперетки или за бутылкой вина. Ахъ, сколько вопросовъ было рѣшено такимъ способомъ!

— Вы находите это удобнымъ?

— Отчего же нѣтъ! За стаканомъ вина человѣкъ дѣлается мягче и уступчивѣе. Я бы рекомендовалъ нашимъ думскимъ дѣятелямъ, столь непримѣримо настроеннымъ другъ противъ друга, смягчать свои рѣчи стаканомъ добраго вина. Какъ знать, можетъ быть, тогда и вопросъ о постройкѣ Троицкаго моста былъ бы рѣшенъ скорѣе, да и заемъ въ 15 милліоновъ не оставался бы въ области фантастическихъ измышленій.

* * *

Но покуда не говорятъ даже и объ этомъ: общественная жизнь сильнымъ пульсомъ бьетъ въ Москвѣ, а здѣсь, у насъ замерла. Петербуржцы стали разъѣзжать по дачамъ, взамѣнъ ихъ изъ деревень все болѣе и болѣе прибываетъ рабочаго народа, и черезъ недѣлю, много двѣ, наша сѣверная Пальмира превратится въ оригинальный городъ каменьщиковъ, штукатуровъ и маляровъ. Исконный обитатель столицы, какой нибудь губернскій секретарь Иванъ Ивановичъ Ивановъ, утромъ, съ портфелемъ подъ мышкой, осторожно прошмыгнетъ подъ воротами дома, гдѣ живетъ, опасаясь быть обрызганнымъ известью и облитымъ краской, которую въ изобиліи льетъ примостившійся въ „люлькѣ“ и орудующій огромною кистью маляръ.

Бѣдный Иванъ Ивановичъ! Вотъ онъ только что избѣжалъ опасности быть выкрашеннымъ съ ногъ до головы въ канареечный цвѣтъ и попалъ въ кучи песку и щебня у вновь строющагося дома. Едва Иванъ Ивановичъ успѣлъ выбраться на гладкое мѣсто, какъ ему захватило дыханіе зловоніемъ кипящаго въ огромныхъ котлахъ асфальта. Измученный, съ головною болью приходитъ онъ на службу, а сторожъ Михаилъ съ хитроумной улыбочкой объявляетъ ему, что сегодня всему отдѣленію придется перебраться въ другую часть зданія, такъ какъ будетъ ремонтъ.

Право, при одной мысли о томъ, что придется рыться въ ворохахъ старыхъ, годами запыленныхъ, бумагъ, можетъ сдѣлаться родимчикъ.

Иванъ Ивановичъ, однако, какъ никакъ, тер-

питъ и крѣпится, въ сильнѣйшей степени уповая на воскресенье. А въ воскресенье, напившись наскоро чаю, онъ надѣнетъ новую лѣтнюю пару, очень недорогую, цѣною этакъ рублей въ 25, но очень, покуда, щеголеватую, цилиндръ, возьметъ въ руки тросточку и по конкѣ устремится въ Лѣсной или Коломяги. Тамъ живетъ на дачѣ помощникъ столоначальника, Петръ Петровичъ Петровъ. У него двое сыновей гимназисты и дочь, Екатерина Петровна—прелестная дѣвушка. Иванъ Ивановичъ находитъ, что она мила, такъ мила, что еслибы Петръ Петровичъ далъ свое согласіе, то онъ, Иванъ Ивановичъ, куда ни шло, пожалуй, разстался бы со свободою холостого человѣка. Но Петръ Петровичъ, на всякіе такіе экивоки хранитъ упорное молчаніе. Этакой этотъ Петръ Петровичъ, точно слѣпой! Словно не видитъ, что молодые люди ужасно интересуются другъ другомъ, да что интересуются, — это было еще въ прошломъ году въ тѣхъ же Коломягахъ, — а теперь просто-таки влюблены. Нужно только видѣть какъ внезапно вспыхнутъ щечки Екатерины Петровны, когда на коломяжской платформѣ приморской дороги покажется фигура Ивана Ивановича. Екатерина Петровна, конечно, только вышла пройтись, но она очень рада, что такъ ужъ случилось, что она встрѣтила Ивана Ивановича. По крайней мѣрѣ, ему не придется блуждать по деревнѣ, отыскивая ихъ новую дачу. Вотъ она, по этой улицѣ, третья отъ угла. Папаша пошелъ въ лѣсъ съ Петей и Васей, а мамаша будетъ очень рада. Вчера папа привезъ крокетъ, — не желаете ли, Иванъ Иванычъ, сыграть партію? Иванъ Ивановичъ, конечно, желаетъ и даже съ удовольствіемъ.

И молодые люди катятъ деревянные шарики въ воротца, о чемъ-то быстро и односложно говорятъ, чему-то улыбаются, и, глядя на эту незатѣйливо счастливую парочку, улыбается горячее майское солнце, улыбается молодая листва деревъ и меланхолически блѣдный серпъ чуть замѣтной луны, словомъ, вся, вся природа, не исключая даже того воровато-проворнаго паучка, который на тонкой, золотистой паутинкѣ озабоченно спускается съ вѣтки дерева прямо на блестящій до боли въ глазахъ цилиндръ Ивана Ивановича.

А вечеромъ, когда багровый отблескъ заката окраситъ румянцемъ не однѣ убогія хижины Коломягъ, но и лица туземныхъ крестьянъ и безъ того достаточно красныхъ отъ частыхъ прикладываній къ рюмочкѣ, когда съ полей поднимутся и встанутъ прохладныя испаренія петербургскихъ болотъ, Иванъ Ивановичъ въ хвостѣ провожающей его семьи Петрова, но какъ-то непремѣнно рядомъ съ Екатериной Петровной, шествуетъ обратно на станцію.

Рукопожатія... свистокъ... поѣздъ опереточной желѣзной дороги тронулся. Иванъ Ивановичъ сидитъ у окна, стиснутый съ одной стороны какою-то толстою, пышащею жарою, дамой, съ другой—какимъ-то нѣмцемъ съ сигарой, съ третьей корзиной, съ четвертой лѣзущимъ подъ самый подбородокъ огромнымъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ, который держитъ какая-то пахнущая цикоріемъ старушка, сидитъ, смотритъ на окрестныя болота, и грустныя мысли тѣснятся въ его головѣ.

Но вотъ улыбка промелькнула на лицѣ Ивана Ивановича. У него явился проектъ, осуществленіе котораго вызоветъ со стороны родителей Екатерины Петровны протестъ, даже цѣлую бурю протестовъ, но необходимо настоять, тѣмъ болѣе, что это будетъ стоить не дорого. Прогулка верхомъ обойдется по рублю съ лошади въ часъ, но зато сколько можетъ доставить удовольствія! Екатерина Петровна несомнѣнно будетъ трусить, и хотя Иванъ Ивановичъ въ глубинѣ души тоже будетъ немножко трусить, но это нисколько не помѣшаетъ ему показать себя необыкновенно смѣлымъ наѣздникомъ. И, наконецъ, они будутъ наединѣ. А это самое главное! Гдѣ нибудь въ лѣску можно привязать лошадей, сѣсть на траву и поговорить обо всемъ, обо всемъ, что давно накипѣло въ душѣ и что необходимо, наконецъ, высказать...

* * *

Вы смѣетесь, читатель? И я тоже. Мы, старые, испытанные въ бояхъ жизни, скептики отлично знаемъ—чѣмъ кончаются такія идилліи, во что, черезъ нѣсколько лѣтъ супружеской жизни превращаются миловидныя Екатерины Петровны и жизнерадостные Иваны Ивановичи! Такъ что же съ того! Весна человѣческой жизни была и будетъ одна и та же для всѣхъ. Пусть бранятъ петербургскій климатъ, но и здѣсь бываетъ лѣто, и въ немъ пять—шесть чудныхъ солнечныхъ дней, и здѣсь расцвѣтаетъ сирень и даже поютъ соловьи. Пусть говорятъ о петербуржцѣ, холодномъ и сдержанномъ на видъ, что у него разсудокъ преобладаетъ надъ сердцемъ, но и онъ иногда умѣетъ любить да еще какъ горячо и страстно! Когда нибудь я вамъ сообщу выдержки изъ дневника одной барышни, и вы сами убѣдитесь—съ какою бозавѣтностью, съ какимъ самоотверженіемъ любила эта дѣвушка и некрасиваго, и по всѣмъ даннымъ совершенно ничтожнаго, дряннаго человѣка!

* * *

А покуда скажу одно: Петербургъ переживаетъ чудное время въ смыслѣ погоды. Это даже не весна, а лѣто да такое, какое на рѣдкость и на югѣ. И, мнѣ кажется, нѣтъ ни одного петербуржца, который бы не отложилъ на время всякіе злободневные вопросы и не предался бы возможному въ его положеніи отдыху. Не знаютъ его только учителя и учительницы городскихъ начальныхъ училищъ, принужденные до 29-го мая за то же вознагражденіе совершать съ дѣтьми такъ называемыя „ученическія прогулки". Никто не станетъ оспаривать пользу и даже необходимость такихъ прогулокъ для дѣтей, желательно даже, чтобы онѣ продолжались все каникулярное время, но пусть руководятъ ими не люди, уставшіе достаточно въ теченіе зимняго учебнаго семестра, а кто нибудь другой. Найти охочихъ и въ педагогическомъ отношеніи надежныхъ людей всегда можно—стоитъ только думѣ не пожалѣть средствъ.

Сарматъ

МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ

Дни великихъ торжествъ

Я не запомню давно такихъ удивительныхъ дней и ночей въ маѣ. Природа, хмурившаяся все время до 9-го числа, даритъ намъ зато теперь такой роскошный пиръ весны, какой рѣдко приходится переживать на сѣверѣ въ это время. Какіе великолѣпные, лучезарные дни! Что за чудныя, лунныя ночи! Къ событіямъ необычайнаго блеска и величія, происходящимъ теперь у насъ, они составляютъ такой изящный, такой полный чарующей поэзіи фонъ, что получается грандіозная, исключительная по своей прелести, картина.

Въ день Священнаго Коронованія уже съ самаго ранняго утра всѣ улицы, ведущія къ Кремлю, были набиты движущимся народомъ. Какъ по артеріямъ кровь приливаетъ къ сердцу, такъ и по этимъ улицамъ приливали все новыя и новыя волны русскаго народа къ Кремлю, этому сердцу русской жизни. Тутъ были далеко не одни москвичи. Цѣлыя толпы явились и изъ окрестныхъ и изъ самыхъ отдаленныхъ деревень московской губерніи, и даже, какъ это ясно было видно по мѣстнымъ костюмамъ, пришли массы народа и изъ другихъ губерній. Шли и въ одиночку, и семьями, и компаніями, и цѣлыми артелями. Тутъ были мужчины, женщины, дѣти, старики, попадались даже калѣки на костыляхъ.

Въ девятомъ часу утра у Кремля вся площадь между Александровскимъ скверомъ и Историческимъ музеемъ представляла изъ себя — безъ преувеличенія — сплошное море головъ, и только небольшое пространство у самаго Историческаго музея, противъ ведущихъ въ Кремль воротъ, было оставлено для проѣзда. Здѣсь было относительно свободно, и когда я, пробившись сквозь сплоченную массу народа и спѣша въ Кремль, проходилъ по этому мѣсту, то—грѣшнымъ дѣломъ—я не могъ оторваться отъ представившагося здѣсь живописнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательнаго зрѣлища и, позабывъ объ обязанностяхъ журналиста, я, къ удивленію пропускавшихъ въ Кремль городовыхъ, быстро повернулъ налѣво и, ставши на тротуаръ противъ кремлевской стѣны, весь отдался поэзіи созерцанія.

Кремлевская стѣна расположена здѣсь высоко на холмѣ; отъ нея внизъ идетъ обширный спускъ, весь покрытый яркозеленой травой. По всему этому спуску красивыми группами расположился, очевидно пробравшійся сюда еще съ ночи, деревенскій людъ въ оригинальныхъ праздничныхъ мѣстныхъ костюмахъ. Одни тутъ растянулись и спали въ травѣ, утомленные, быть можетъ, долгой ходьбой въ продолженіе ночи, другіе сидѣли семейными кружками и закусывали захваченной съ собою провизіей. А вотъ длинной вереницей вытянулись по склону холма и стоятъ точно вкопанные, опершись на длинные посохи, съ котомками за спинами, въ бѣлыхъ суконныхъ одеждахъ и въ лаптяхъ, повидимому, только что пришедшіе изъ очень далекихъ мѣстъ путешественники—рослыя молодыя женщины, старухи, мужчины и даже дѣти. Они такъ красивы въ этой застывшей позѣ, съ благоговѣйными лицами, среди этихъ группъ людей и свѣжей, майской зелени, что глазамъ не хочется оторваться отъ нихъ и весь холмъ кажется эффектной театральной декораціей талантливаго декоратора. Точно искусная рука художника-режиссера размѣстила и придала надлежащія позы и этимъ группамъ, и этимъ странникамъ, оперщимся на длинныя палки.

Наконецъ, я вошелъ въ Кремль и тутъ глазамъ моимъ представилась ослѣпительная по блеску и пышности картина, превосходившая даже то, что я видѣлъ 9-го мая. Я попалъ какъ разъ къ выходу Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Съ Краснаго крыльца спускались два церемоніймейстера съ жезлами, а за ними, казалось, полился на площадь цѣлый золотой потокъ придворныхъ русскихъ и иностранныхъ въ ярко сіявшихъ на солнцѣ мундирахъ. На ступенькахъ Краснаго крыльца при звукахъ народнаго гимна и крикахъ „ура" показалась Государыня въ порфирѣ съ большимъ орломъ на спинѣ и въ ослѣпительно блестѣвшей на солнцѣ брилліантовой коронѣ. Подъ золотымъ балдахиномъ Ея Величество прослѣдовала въ Успенскій соборъ.

Приблизительно черезъ полчаса наступилъ торжественный моментъ Высочайшаго шествія. Съ крыльца спустился взводъ молодцоватыхъ кавалергардовъ, зазвучали трубы и литавры, на террассахъ дворца; опять блестящая масса придворныхъ, представители волостей, городовъ, земствъ, дворянство, купечество, профессора московскаго университета, за ними оберъ-прокуроры сената, сенаторы, статсъ-секретари, министры и члены государственнаго совѣта. Наконецъ, при оглушительныхъ, восторженныхъ крикахъ „ура" стотысячныхъ массъ и звукахъ „Боже, царя храни" исполняемаго придворнымъ оркестромъ, на Красномъ крыльцѣ показывается Государь Императоръ и Государыня Императрица. Они также слѣдуютъ въ соборъ подъ золотымъ балдахиномъ — Государь впереди, Государыня позади.

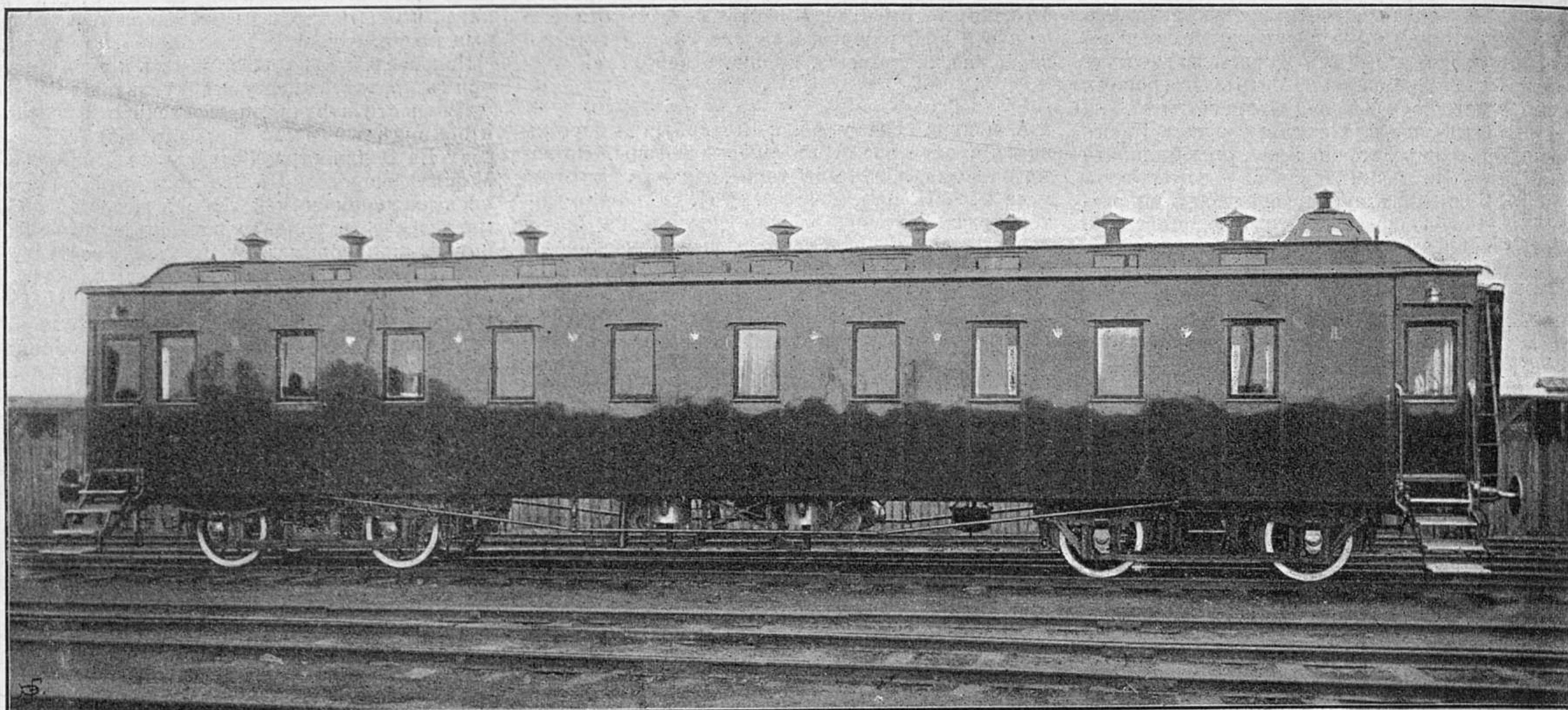
Вдругъ въ одно мгновеніе все стихаетъ—и музыка, и колокола, и клики народа—и среди благоговѣйной тишины у южныхъ дверей собора митрополитъ московскій Сергій привѣтствуетъ Ихъ Величествъ рѣчью. Предшествуемые тремя митрополитами, архіереями и духовенствомъ, при пѣніи величественнаго псалма входятъ Ихъ Величества въ соборъ, гдѣ около 10 часовъ начинается тотъ торжественный чинъ вѣнчанія и помазанія на царство, въ который православная церковь влагаетъ столько глубокаго смысла, исполненный такого важнаго значенія для каждаго русскаго, понимающаго свою исторію.

Я не былъ въ Успенскомъ соборѣ, но мнѣ, какъ и всякому, заранѣе знакомому съ чиномъ коронованія, было крайне интересно наблюдать здѣсь собравшійся на этихъ историческихъ мѣстахъ народъ и его настроеніе. Нужно было видѣть этихъ людей! Все, что происходило въ Успенскомъ соборѣ, точно толчки сердца, разносилось мгновенно по всей этой необозримой толпѣ и, какъ бьющійся пульсъ отражалось въ самыхъ отдаленныхъ ея рядахъ. Вотъ Государь колѣнопреклоненный молится, произнося святыя, великія, исполненныя столь глубокаго значенія, слова установленной молитвы. Все въ соборѣ стоитъ, одинъ Государь на колѣняхъ. Стоитъ и толпа на площадяхъ, но какъ все разомъ притихли, какая благоговѣйная тишина кругомъ, какое молитвенное выраженіе лицъ! Но вотъ Государь всталъ. На колѣни опускается митрополитъ, за нимъ все духовенство, вся церковь, а за церковью и весь народъ, покрывающій кремлевскія площади и даже стоящій за Кремлемъ. Теперь и тѣ странники съ котомками опустились, и всѣ на колѣняхъ. Только одинъ Царь стоитъ передъ своимъ трономъ, во всемъ величіи своего сана, среди горячо молящагося за Него народа.

Да, этотъ знаменательный день могъ сказать уму и сердцу многое; тутъ легко было разомъ постигнуть то, что не всегда постигнешь долгимъ изученіемъ. Передъ нами была открытая книга съ ясно начертаннымъ въ ней внутреннимъ смысломъ русской жизни и ея исторіи. Нужно было только умѣть читать эту книгу. Иностранцы мало подготовлены къ восприятію этихъ впечатлѣній, почему многое отъ нихъ ускользаетъ. Но нѣкоторые изъ нихъ, обладающіе умомъ болѣе философскаго склада и проницательнымъ, выносятъ изъ нашихъ торжествъ весьма поучительныя впечатлѣнія. Одинъ американскій журналистъ, напримѣръ, говорилъ мнѣ:

— Только теперь я понялъ правильно весь смыслъ вашей государственной жизни и постигъ философію вашей исторіи. Я понялъ ту великую нравственную силу, какая получается отъ этого единенія политической и религіозной вѣры, составляющаго особенность вашей страны.

Когда кончилась служба въ соборѣ и Государь съ Государыней въ порфирахъ и коронахъ, при колокольномъ звонѣ и выстрѣлахъ салюта, про-

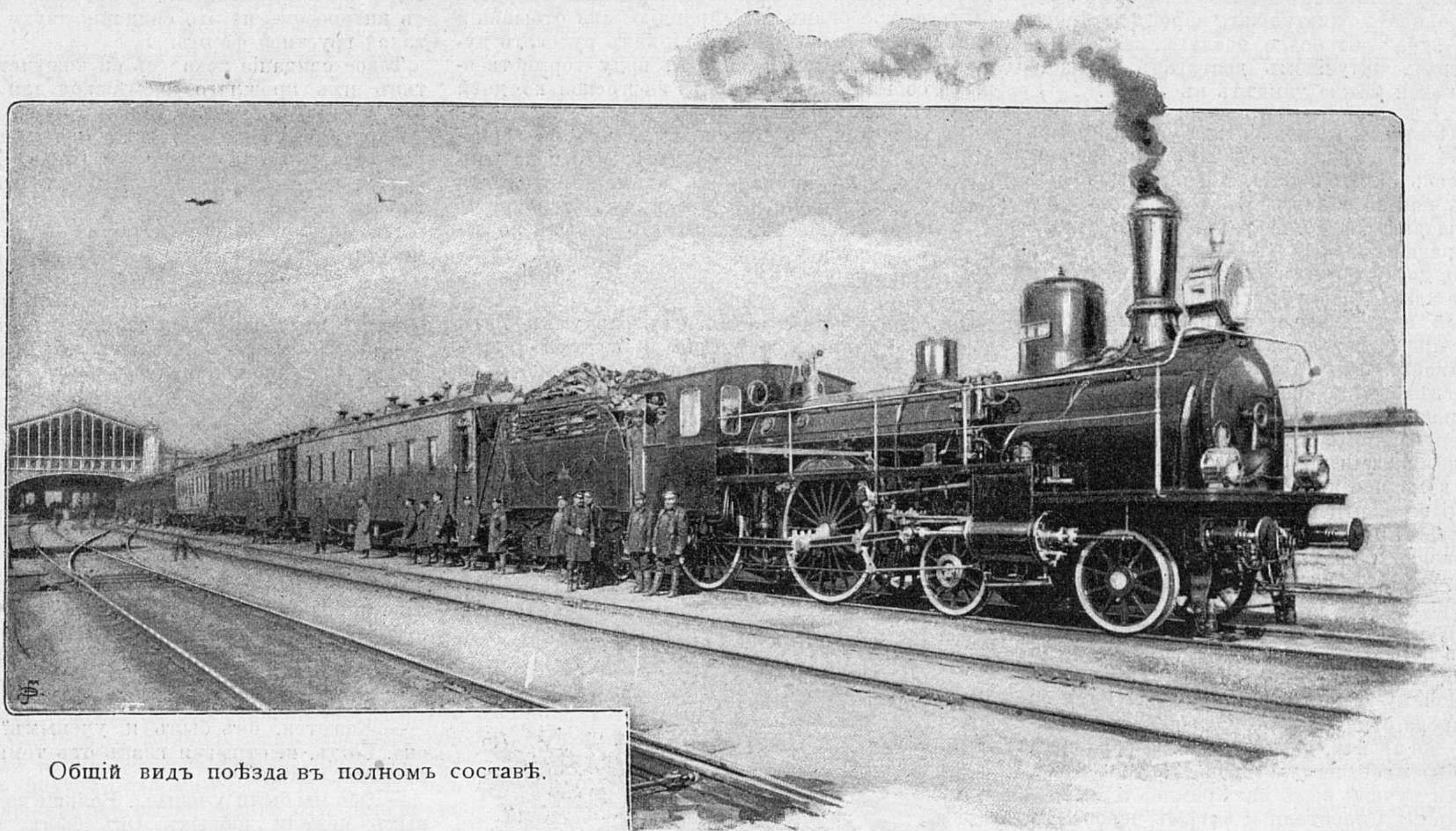

Вагонъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Общій видъ.

Вагонъ - столовая.

Новый Императорскій поѣздъ, сооруженный въ мастерскихъ Александровскаго завода.

Съ фотографій А. П. Монюшко. Автотипіи Эд. Гоппе.

Общій видъ поѣзда въ полномъ составѣ.

Вагонъ-салонъ Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Новый Императорскій поѣздъ, сооруженный въ мастерскихъ Александровскаго завода.

Съ фотографій А. П. Монюшко. Автотипіи Эд. Гоппе.

слѣдовали въ торжественномъ шествіи къ Архангельскому и Благовѣщенскому соборамъ, невозможно описать охватившаго народъ восторга. Громовое „ура" потрясало воздухъ, шапки летѣли вверхъ, энтузіазмъ достигалъ высшаго предѣла, какой можно увидѣть въ жизни.

Вечеромъ въ этотъ день Москва и весь Кремль утопали въ морѣ огней, и цѣлыхъ три вечера продолжалась иллюминація, какой, можно сказать, міръ еще не видалъ. Въ городѣ, на улицахъ, площадяхъ и бульварахъ, самыя удивительныя разнообразныя комбинаціи свѣтовыхъ эффектовъ, достигаемыхъ электричествомъ. То вы видите зданіе, обвитое гирляндами зелени, освѣщенной спрятанными въ ней лампочками въ самые причудливые цвѣта. То весь домъ покрытъ разноцвѣтными лампочками, а наверху—огромная свѣтовая корона съ сіяющимъ изъ нея ослѣпительно электрическимъ солнцемъ. То, наконецъ, вертящіяся изъ разноцвѣтныхъ лампочекъ башни, дающія при своемъ вращеніи очень красивыя комбинаціи. На многихъ домахъ большіе курящіеся жертвенники, изъ которыхъ выходятъ клубы пара, освѣщаемые электрическимъ свѣтомъ разныхъ цвѣтовъ. Въ другихъ жертвенникахъ безостановочно жгутъ бенгальскіе огни. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены блуждающіе огни, которые то вспыхиваютъ, то гаснутъ и точно ползутъ по фасаду зданія снизу вверхъ.

Но взоры всѣхъ, конечно, привлекалъ къ себѣ Кремль. Почему-то всѣ стремились къ нему со стороны города, отчего здѣсь образовалась страшная давка—ни пройти, ни проѣхать. Сообразивъ, что съ набережной, по ту сторона Москвы рѣки, открывается лучшій видъ на Кремль, я отправился къ храму Спасителя и затѣмъ черезъ Каменный мостъ на набережную. Тутъ толпа была совсѣмъ другая, толпа нарядная, дисциплинированная, учтивая. Люди двигались медленно вдоль рѣки, задніе не напирали на переднихъ, а при малѣйшемъ столпленіи останавливались и ждали, пока расчистится дальше путь. Здѣсь было удобнѣе всего предаться созерцанію этой поистинѣ грандіозной картины.

Эффектнѣе всего, конечно, вырисовывалась, какъ призрачный замокъ на нѣжномъ полутемномъ фонѣ весенняго неба, колокольня Ивана Великаго, вся сверху до низу залитая, вмѣстѣ съ прилегающею къ ней церковью, бѣлыми электрическими огнями. Окружающія ее башни освѣщались разноцвѣтными лампочками, причемъ цвѣта были подобраны съ такимъ вкусомъ, что получались удивительно художественныя комбинаціи. Тайницкая башня постоянно мѣняла цвѣта, являясь то красной, то зеленой, то голубой. По вершинамъ остальныхъ башенъ горѣли электрическія солнца и, направляя свои лучи въ разныя стороны, освѣщали необозримыя пространства. Внизу серебристой лентой вилась рѣка, отражая въ своихъ водахъ милліоны электрическихъ огней. А сверху, надъ всей этой картиной, по широкимъ уступамъ, спускающимся до самой рѣки, билъ каскадъ пѣнящейся воды, освѣщенный яркимъ электрическимъ свѣтомъ. Зрѣлище было по истинѣ волшебное.

По набережной двигались экипажи, мелькали золоченыя каски прусскихъ офицеровъ, красивые голубые мундиры французскихъ гусаръ, залитыя золотомъ груди одежды японцевъ... Тутъ можно было видѣть представителей всѣхъ странъ и народовъ Европы и Азіи.

Мимо меня проходила группа людей, оживленно о чемъ-то бесѣдовавшихъ и размахивавшихъ руками. Я подошелъ и увидѣлъ настоящаго маленькаго французскаго солдатика, въ полной формѣ французскаго пѣхотинца—красныхъ брюкахъ и жирныхъ красныхъ эполетахъ. Онъ важно двигался, придерживая рукою саблю, а по сторонамъ вели его подъ руки два русскихъ парня съ веселыми лицами. Меня удивило—какъ они могутъ такъ оживленно разговаривать, на какомъ языкѣ? Каково же было мое изумленіе, когда солдатикъ, отдѣлившись отъ товарищей, вынулъ папироску, подошелъ ко мнѣ и, вѣжливо приложивъ руку къ кепи, произнесъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ:

— Виноватъ! Будьте любезны дать мнѣ закурить.

— Хорошо, я вамъ дамъ закурить, но съ условіемъ: скажите ради Бога, какимъ образомъ вы, французскій солдатъ, говорите такъ хорошо по русски?

— Очень просто, продолжалъ онъ къ еще большему моему удивленію, — я, можно сказать, такой же французъ, какъ и вы.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій оказалось, что онъ коренной москвичъ, родился въ Москвѣ, отецъ его былъ французъ, женатый на русской; онъ воспитывался въ русскомъ училищѣ, совсѣмъ уже обрусѣлъ и говоритъ по русски гораздо лучше, чѣмъ по французски. Но, какъ французскій гражданинъ по отцу, не перемѣнившій подданства, онъ по достиженіи извѣстнаго возраста былъ вытребованъ во Францію для отбыванія воинской повинности, а теперь, какъ русскаго душой, его тянуло въ Москву въ виду торжественныхъ событій, и, получивъ на нѣсколько дней отпускъ, онъ пріѣхалъ сюда.

Оказывается, по его словамъ, что во Франціи есть много такихъ солдатъ, что и не удивительно, если принять во вниманіе огромныя французскія колоніи въ Москвѣ и Петербургѣ.

— Очень многіе изъ моихъ товарищей по казармамъ учатся у меня русскому языку. Нѣкоторые порядочно уже понимаютъ, заключилъ солдатикъ.

Онъ отошелъ, а я остался въ раздумьѣ. Вотъ до чего, думалось мнѣ, дошло братство народовъ: подъ разными мундирами одни и тѣ же люди. Этакъ, пожалуй, наступитъ время, когда русскій языкъ получитъ во Франціи такое же распространеніе, какъ французскій у насъ, и французскіе Скалозубы, какъ въ „Горѣ отъ ума", будутъ съ гордостью похваляться: „И офицеровъ вамъ начтемъ, что даже говорятъ иные и по русски..."

Московскій зритель

Предъ разсвѣтомъ

Ароматной прохладой весны
Потянуло въ окно отпертое;
Все прозрачнѣй становятся сны, —
Скоро солнце взойдетъ золотое.

Ночь еще и темна, и тиха,
Но — мгновенье — и утро проснется,
И призывный рожокъ пастуха
По росистымъ лугамъ пронесется.

Слышенъ взмахъ осторожный крыла,
Отъ дремоты очнувшейся птицы...
О, какъ жизнь хороша и свѣтла
И отрадно сіянье денницы!

И природы мнѣ чудится зовъ —
Поскорѣе бы въ рощу и въ поле,
Надышаться дыханьемъ цвѣтовъ,
Побродить и помыслить на волѣ.

Дрожь листвы возвѣщаетъ разсвѣтъ,
Но роятся и медлятъ видѣнья,
И не знаю я — сплю я иль нѣтъ —
И томительно жду пробужденья.

Сонъ мой полонъ весеннихъ затѣй
И весеннею нѣгой волнуемъ...
О, мой другъ, эти грезы разсѣй,
Разбуди же меня поцѣлуемъ!

М. Лохвицкая

СВѢТЪ СРЕДИ РАЗВАЛИНЪ

Очеркъ

ЭЛИЗЫ ОРЖЕШКО

Окончаніе

Въ глубокой тишинѣ гостиной раздавалось монотонное тиканье часовъ. Минуты проходили; они все продолжали смотрѣть другъ на друга, только сѣдая тяжелая голова живого человѣка все ниже опускалась надъ портретомъ. Взгляда его невозможно было поймать, потому что вѣки все больше и больше смыкались. Серебряные волосы и золоченая рамка поблескивали, отражая свѣтъ; часы тикали, минуты проходили, а они все смотрѣли другъ на друга.

Смотрѣли ли? Этотъ призракъ человѣка не спитъ ли надъ портретомъ? Да, навѣрное спитъ. Глаза почти совсѣмъ закрыты, дыханіе глубокое, медленное, на безкровныхъ губахъ выраженіе сладкаго забытья. Да, задремалъ и—заснулъ.

Проблескъ свѣта въ развалинахъ исчезъ! Досада и гнѣвъ овладѣли женщиной, смотрѣвшей съ интересомъ на это свиданіе двухъ друзей въ такой грустной формѣ.

Такое свиданіе показалось ей кощунствомъ противъ ихъ прошлаго, насмѣшкой для того лица, отъ котораго осталась только горсть пепла.

Вдругъ она быстро нагнулась впередъ и широко открыла недоумѣвающіе глаза. Показалось ей или изъ-подъ этихъ сомкнутыхъ вѣкъ выкатилась крупная слеза и упала на портретъ? Нѣтъ, не показалось — вотъ ея слѣдъ въ видѣ мокраго пятнышка на портретѣ покойнаго.

Сѣдая голова затряслась надъ головой нарисованной, а къ тиканью часовъ въ молчаливой комнатѣ присоединился шепотъ тихихъ словъ:

— Какъ быстро исчезаютъ въ пространствѣ люди, а со временемъ и самое воспоминаніе о нихъ!

Теперь она встала, обошла кругомъ стола и сѣла рядомъ съ нимъ; опершись лицомъ на ладонь руки и нагнувъ къ нему голову, она спросила:

— Долго вы знали другъ друга?

Онъ положилъ портретъ на столъ, оперся обѣими руками на палку и, глядя куда-то въ пространство, отвѣтилъ:

— Всю жизнь! Всю жизнь... Вмѣстѣ въ школѣ... одинаковыя правила и цѣли... Онъ былъ добръ. Родился богатымъ, могъ сдѣлаться злымъ, но онъ былъ добръ. Я не видѣлъ его памятника... Написали ли на памятникѣ, что онъ былъ добръ? больше всего...

— Кажется, онъ былъ и ученымъ? вставила она. Гость, не отрывая глазъ отъ темнаго пространства, отвѣчалъ:

— Оба мы были ученые... Больше на свѣтѣ ученыхъ, нежели добрыхъ. Онъ былъ добръ. Это важнѣе всего...

— Что же это за доброта, которую надо цѣнить больше всего на свѣтѣ?...

Отвѣтъ послѣдовалъ не вдругъ. Медленно перенесъ онъ свой взглядъ на нее, потрясъ головой и спросилъ:

— Не знаешь?...

Она встрѣтилась съ нимъ глазами и въ глубинѣ ихъ увидала далекій, тихій свѣтъ. Онъ еще разъ потрясъ головой и тише, робко началъ:

— Я знаю... и еслибы... еслибы ты хотѣла... э, да что тамъ! Прошу прощенія! прошу прощенія!

Онъ сдѣлалъ свой обычный жестъ рукой, опустилъ голову и вперилъ глаза въ землю. Она придвинула свое кресло ближе къ нему.

— Отчего вы, дѣдушка, всегда такъ не смѣло говорите? Начинаете говорить и обрываете... даже входите и смотрите, какъ будто чего-то боитесь... Развѣ это хорошо всегда чего-то бояться?.. И чего же бояться Северки, такой давнишней вашей знакомой?...

Она говорила шутливо-ласково, точно съ ребенкомъ и какъ на ребенка смотрѣла на него съ кроткой, шутливой улыбкой. Онъ, не глядя не нее вовсе, отвѣтилъ:

— А правда, ты не ошибаешься, я давно ужъ такой робкій. Боюсь навязываться, надоѣдать, наскучить людямъ... потому что всѣ чужіе, далекіе... Нѣтъ у меня близкихъ. Однихъ я пережилъ, другіе далеко, а чужимъ людямъ старый грибъ... старый грибъ не милъ...

Онъ попробовалъ было засмѣяться, но не удалось, и онъ только смущенно покряхтѣлъ и потрясъ головой.

Она близко нагнулась къ нему, лицомъ почти касаясь его плеча.

— Но вѣдь та Северка, которую вы съ дѣтства знаете, не чужая для васъ...

Его сѣдыя, гладкія брови сдвинулись немного, придавая лицу выраженіе суровости. Суровымъ же, хотя и робкимъ, голосомъ онъ проговорилъ:

— Напротивъ, она тоже чужая, далекая. Прихожу къ ней, потому что, потому... впрочемъ, не стоитъ говорить... Но когда я прихожу, я вижу и слышу, что она думаетъ: „чего ему отъ меня нужно, этому скучному старику?..."

Горячій румянецъ залилъ ея щеки. Ладонью руки она покрыла одну изъ его рукъ, опирающихся на палку. Рука его была холодна.

— Вамъ холодно, дѣдушка?...

Сорвавшись съ мѣста, она быстро бросилась къ звонку.

— Чаю! приказала она явившемуся на зовъ лакею, но не успѣлъ тотъ уйти, какъ она сдѣлала ему знакъ рукою подождать и опять нагнулась къ гостю.

— Вина, можетъ быть?

Онъ сильно удивился, полуоткрылъ ротъ и выпучилъ глаза, и только черезъ минуту отвѣтилъ:

— Отчего же, отчего же. Вино хорошо дѣйствуетъ на желудокъ, а онъ у меня еще немножко побаливаетъ, побаливаетъ...

Онъ сконфузился, почти встревожился.

— Только, можетъ быть, хлопоты... прошу прощенія, прошу прощенія...

Но она не слыхала послѣднихъ словъ, занятая отдачей приказаній лакею. Упоминаніе о желудкѣ на этотъ разъ не причинило ей досады. Напротивъ, возвращаясь отъ дверей, она подумала: „разумѣется, для его здоровья было бы очень полезно, еслибы онъ пилъ вино!“

Мимоходомъ она взглянула на каминъ.

— Знаете ли что, дѣдушка?... Затопимъ-ка мы каминъ. Намъ будетъ теплѣе и веселѣе!

Она хотѣла позвонить, но раздумала: „никого намъ не надо. Чужія уши мѣшаютъ разговору. Я сама затоплю!“

И, сѣвъ на корточки передъ желѣзной рѣшеткой, она стала разжигать кучку дровецъ въ каминѣ. Дѣло не ладилось: она зажигала спичку, прикладывала ее къ дровамъ, но огонь все тухъ, какъ ни старалась она его раздуть. Она опустила руки и оглянулась на гостя, который, повернувшись лицомъ къ камину, съ большимъ интересомъ слѣдилъ за ея усиліями. На его блѣдныхъ губахъ играла шутливая улыбка.

Она засмѣялась.

— Это правда. Первый разъ въ жизни попробовала и...

— Я помогу тебѣ.

Онъ крѣпко оперся на палку, чтобы встать, но теперь шаги его были бодрѣе и живѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Видишь, говорилъ онъ, — какъ же можно такъ разжигать? Это совсѣмъ иначе дѣлается. Вотъ такъ... Я часто топлю самъ свою печку, когда моя хозяйка занята стиркой или возится съ ребятишками... Видишь, какъ это дѣлается. Вотъ уже одинъ язычекъ лижетъ дрова; мы ему сейчасъ другой подложимъ... Э, вотъ ужъ онъ куда поползъ, все выше, скорѣе. Ну, теперь не тронь дрова, а то потушишь. Вотъ тебѣ и огонь!

Пламя вспыхнуло, охватило всю кучку и поднялось высоко.

Она сидѣла на полу, слушала его немножко ворчливую рѣчь, смотрѣла на его неловкія, но довольно бодрыя движенія, когда онъ растапливалъ каминъ, и, наконецъ, разсмѣялась отъ души. Онъ нагнулся и подложилъ еще кусокъ зажженной коры подъ кучку дровъ.

— Смѣешься? Смѣйся надъ старикомъ: онъ неловкій, такой, сякой! а все же развелъ огонь... а ты, ловкая, не сумѣла.

И старикъ съ торжествомъ выпрямился: все его широкое лицо было оживлено веселымъ, добродушнымъ смѣхомъ.

Она вскочила съ пола и моментально придвинула къ камину покойное кресло. — Садитесь, дѣдушка!

И, поддерживая его подъ руку, усадила его въ кресло.

Въ эту минуту лакей вносилъ чайный приборъ.

— Подождите! Она придвинула маленькій столикъ къ огню.—Мы здѣсь будемъ пить чай.

Румяная отъ непривычныхъ хлопотъ, она стала заваривать чай, а онъ, подавшись немного впередъ, грѣлъ у огня озябшія руки.

— Хорошо... тепло... Великое это дѣло тепло! Хорошее и въ природѣ, и въ жизни человѣка. Пища бываетъ вкусная, цвѣтъ красивый, запахъ пріятный, но тепло выше, всего, всего!

Опустивъ руки съ фарфоровымъ чайникомъ, она долго смотрѣла на него и потомъ подтвердила отъ глубины сердца:

— Это правда!

Онъ тряхнулъ головой.

— Натурально правда. Лучше всего знаетъ тотъ, кому холодно... И онъ задумался.

— Дѣдушка, вы озябли, идя ко мнѣ?

Онъ поднялъ голову.

— Э, нѣтъ... когда идешь, движешься, это согрѣваетъ.

— Самый скверный холодъ дома и въ жизни.

Ахъ, какъ хорошо она знала это! Теперь ей захотѣлось вникнуть и въ его домъ; и въ его жизнь.

— У васъ холодная квартира, дѣдушка?

Принимая чашку изъ ея рукъ, онъ отвѣтилъ:

— Да, холодная. Печь испорчена. Постоянно прошу хозяйку, чтобъ велѣла починить, сколько разъ на это денегъ давалъ... и все ничего! Отчего? Бѣдна, трудится. Заняться времени нѣтъ, деньги всегда какъ-то разойдутся... Вдова она, пятеро дѣтей... всего и есть, что эта избушка, стиркой, бѣдная, зарабатываетъ себѣ хлѣбъ... гдѣ ужъ ей заботиться о томъ—меранетъ или нѣтъ старый грибъ.

Она налила ему вина въ чай и замѣтила:

— Нечестная какая-то женщина!

Онъ быстро поднялъ голову.

— Ну, ужъ и нечестная! Какъ это легко сказать! Попробуй-ка, постой надъ корытомъ съ утра до вечера, одѣнь и накорми пятеро дѣтей и посмотримъ какая будетъ твоя честность... да!

Можетъ быть, вино и тепло отъ камина, вѣроятнѣе же всего, ласковое обращеніе хозяйки, согрѣли гостя и разсѣяли его робость. Она попробовала—сладокъ ли его чай—и прибавила сахару; изъ корзинки выбрала самое вкусное и мягкое печенье и положила передъ нимъ, а сама, покусывая сухарикъ, смотрѣла на него участливо и съ такимъ выраженіемъ, точно читала занимательную книгу. Ей захотѣлось, чтобы ему было весело и хорошо; глаза ея блестѣли и губы улыбались, видя, что ея желаніе исполняется. Онъ согрѣлся и разговорился.

— Вотъ тоже и съ кушаньемъ. То хорошо приготовить, а то хоть собакамъ выливай. Пусть бы только не вкусно; но бѣда та, что вредно: желудокъ портится, аппетитъ пропадаетъ, теряю силы...

— Но вѣдь это ужасно! воскликнула она.

Онъ усмѣхнулся.

— Ну, ну, ужасно! сейчасъ у тебя и ужасно! А знаешь, что сказалъ Маркъ Аврелій? Среди безконечности пространства и времени человѣкъ не болѣе какъ крошечная точка. Наслажденія его — это бѣгучая вода; страданія — сны. Снится и пройдетъ. Иное дѣло человѣчество, народъ... они велики. Наука велика, искусство велико... идея... идея вѣчна, а человѣкъ, маленькій человѣкъ... вотъ!

Онъ махнулъ рукой и замолкъ.

Сидя на низкомъ табуретѣ, опустивъ на колѣни руки, она слушала его немного прерывистую рѣчь и не сводила глазъ съ его указательнаго пальца, который онъ поднялъ кверху и потрясалъ имъ, повторяя слова Марка Аврелія.

Понемножку прихлебывая чай съ виномъ, который видимо доставлялъ ему большее удовольствіе, онъ сталъ снова повѣрять ей мелочи своей обыденной жизни.

— Вотъ и съ платьемъ то же. Прошу, чтобы починили, почистили, вымыли, плачу за это... одинъ разъ сдѣлаютъ, десять разъ не сдѣлаютъ, такъ что, наконецъ, и привыкнешь и не замѣтишь—какъ сдѣлаешься неряхой, не отъ безпорядочности или лѣни и не отъ нищеты, а такъ, отъ заброшенности.

Онъ отодвинулъ пустую чашку и, явно разсердившись на самого себя, махнулъ рукой.

— Вотъ и расхныкался передъ тобой! А вѣдь никогда этого не дѣлаю, потому что—кому это интересно? Видно, ужъ я ребенкомъ становлюсь, совсѣмъ ребенкомъ.

Какое-то воспоминаніе мелькнуло у него въ головѣ: онъ поднялъ глаза и съ улыбкой началъ снова:

- Твой отецъ, Северка, еще въ молодости, бывало, смѣялся надо мной. „Ты“, говоритъ, „Юліанъ (вѣрно ты не знаешь, что меня звали Юліаномъ? звали, потому что теперь уже никто меня такъ не называетъ), ты, Юліанъ, когда задумаешься о своихъ индійцахъ, римлянахъ и грекахъ, не слышишь и не видишь ничего. Хоть котлеты жарь у тебя на головѣ — не замѣтишь! И правда было что-то въ родѣ этого. Когда я садился читать или писать, иногда я ставилъ на столъ будильникъ, чтобы напомнить себѣ, когда пора обѣдать или спать, или идти куда нибудь. И, бывало, я сижу, сижу и перестану работать только, когда уже темнѣть станетъ или лампа моя потухнетъ. Посмотришь на часы, а будильникъ ужъ давнымъ давно пробарабанилъ у меня надъ ухомъ, а я ничего не слыхалъ. За мной надо было ходить какъ за ребенкомъ, напоминать, подсовывать. Такъ и было. Сперва мать, потомъ жена, послѣ ея смерти сестра еще — пока всѣ перемерли, а я сталъ вдвойнѣ ребенкомъ... Врожденный характеръ и старость... Я, какъ ребенокъ, за которымъ некому ходить, часто сижу голодный, холодный и неумытый. Однако, что тамъ! Среди безконечности пространства и времени человѣкъ не болѣе какъ крошечная точка...

Остальную часть своего излюбленнаго изреченія онъ договорилъ шепотомъ, опершись подбородкомъ на сложенныя на палкѣ руки и устремивъ глаза въ огонь камина.

Она вглядывалась въ его жизнь, точно въ пропасть...

Всѣ перемерли!

Всѣ любимыя и любящія существа исчезли навѣки; осталась прачка съ пятью дѣтьми, вѣчно согнутая надъ корытомъ, остались четыре стѣны и испорченная печь.

Она оглянулась на свою богатую гостиную, и опять у ней на щекахъ загорѣлся румянецъ.

— Дѣдушка! вскричала она,—пускай тамъ себѣ Маркъ Аврелій говоритъ что хочетъ, но все это ужасно грустно. Вамъ непремѣнно надо переѣхать.

Онъ удивился.

— Что такое? Какъ переѣхать? А что-жъ тогда будетъ съ моими сорванцами?

Она прыснула со смѣха.

— Какими сорванцами?

Онъ засмѣялся тоже.

— Да, правда, вѣдь ты не знаешь. Ну, есть тамъ два мальчугана, я ихъ знаю чуть ли не съ колыбели. Я ихъ зову сорванцами, потому что они шалунишки, но милые и способные. Одинъ прекрасно учится, другой не такой способный, зато мастеръ на ручныя работы... Они вертѣлись подлѣ меня съ дѣтства, я привыкъ, привязался къ нимъ. Какъ подросли, началъ учить, три часа въ день, аккуратно по три часа въ день мучу ихъ уроками... хотятъ ли, нѣтъ ли, должны! Читать, писать, ариѳметикѣ, исторіи, географіи... Надо бы ихъ въ школу, да я не могу, нечѣмъ платить, у матери и того менѣе, такъ ужъ я самъ пойду съ ними дальше... У меня ужъ и планъ воспитанія выработанъ; если хватитъ времени, разовью имъ головы, разбужу совѣсть, прежде всего—совѣсть... потомъ ужъ пускай сами. Эхъ, это мое счастье—эти сорванцы, мое спасеніе, безъ нихъ...

Онъ махнулъ рукой. Она, казалось, не вѣрила ушамъ.

— Какъ это! вы, дѣдушка, были извѣстнымъ ученымъ и теперь, въ этомъ возрастѣ, съ двумя мальчуганами изъ простонародья...

— Ну, а что? Что тутъ удивительнаго? засмѣялся онъ.—Былъ прежде учителемъ и теперь учитель. Только прежде ученики были взрослые, усатые, а теперь двое мальчишекъ... дѣлаю, что можно! что можно! И то счастье. И за это приходится благодарить судьбу. Какъ же мнѣ переѣзжать? Не могу. Сорванцы не станутъ ходить ко мнѣ на другую квартиру.

Онъ кончилъ пить чай, поэтому она отодвинула столикъ съ чайнымъ приборомъ подальше, а сама придвинулась къ его колѣнямъ и, заглядывая ему въ глаза, тихонько спросила:

— А что же вы, дѣдушка, дѣлаете послѣ уроковъ, когда сорванцы убѣгутъ шалить?

Она никакъ не предполагала, чтобы вопросъ ея, могъ такъ сильно взволновать его. Гладкія блестящія брови его сдвинулись и насупились, лицо приняло угрюмое выраженіе.

— Ничего! отвѣчалъ онъ.

Какое море горечи въ одномъ этомъ словѣ! Какъ она хорошо поняла это! Поэтому еще тише спросила:

— Можетъ быть, читаете?

Угрюмое лицо задрожало, сухія руки медленно, медленно поднялись и дотронулись до глазъ.

— Нѣтъ ихъ! тяжело прошепталъ онъ.— Нѣтъ этихъ дорогихъ друзей. Исчезли!.. Ужъ лѣтъ десять я не читаю ничего... Не знаю, что дѣлается на свѣтѣ, въ наукѣ... Есть у меня старыя книги, я могъ бы купить и изъ новыхъ кое-что, но придиться смотрѣть на нихъ, какъ... какъ умирающій отъ жажды смотритъ на воду — и не могу...

Хозяйка дома, опершись обѣими руками объ его колѣни, смотрѣла прямо въ его печальное лицо.

— Этому можно помочь: я буду приходить каждый день и хоть по два часа читать вамъ вслухъ.

Онъ слушалъ ее съ такимъ напряженіемъ, точно въ ея словахъ заключалась невообразимо трудная загадка.

— Что такое? ты мнѣ... читать вслухъ?..

Онъ махнулъ рукой

— Потѣха.

Она придвинулась еще ближе и положила обѣ руки къ нему на грудь.

— Дѣдушка, завтра, по дорогѣ къ вамъ, я зайду въ библіотеку и принесу каталоги.

— Каталоги? На что каталоги?

— Вы сами выберете, что захотите о своихъ индусахъ, римлянахъ и грекахъ...

Печальное лицо его освѣтилось проблескомъ такой радости, что ея сердце наполнилось блаженствомъ.

— Не можетъ быть! шепталъ онъ.—Не можетъ быть!...

— И каждый день аккуратно два часа у меня здѣсь или у васъ тамъ...

Тутъ раздался въ передней звонокъ, а затѣмъ лакей доложилъ:

— Господинъ Октавіанъ Дажицъ!

Она слегка повернула голову и съ нетерпѣніемъ произнесла:—Не принимаю!

Потомъ, все не отнимая рукъ отъ его груди, докончила:—буду читать вамъ вслухъ, дѣдушка.

Минута недовѣрчиваго молчанія съ его стороны, затѣмъ, взявъ въ свои сухія, черствыя ладони ея мягкія ручки, онъ выговорилъ:

— Если ты сдѣлаешь это, то накормишь голоднаго!

Голосъ его дрожалъ отъ захватывающихъ горло слезъ.

Она соскользнула на колѣни и, обнявъ его обѣими руками, шепнула:

— Дѣдушка, скажите мнѣ, что сталось съ вашимъ сыномъ?

Въ глубокой тишинѣ гостиной однообразно тикали часы, въ свѣтѣ лампы поблескивала зо-

Торжественный въѣздъ Ихъ Величествъ въ Москву 6-го мая с. г. Проѣздъ по Красной площади.

По наброску съ натуры Ф. де-Гаанена.

Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.

лоченая рамка портрета, огонь въ каминѣ замѣнился краснымъ жаромъ углей, старческій, тихій голосъ шепталъ давно, давно всѣми забытую исторію.

Лицо ея горѣло яркимъ румянцемъ. Столько дней, мѣсяцевъ она, зная, ничего не знала и знать не хотѣла.

Обѣ его руки она держала въ своихъ, цѣловала эти старческія руки и не замѣчала, что своимъ бѣлымъ лбомъ стираетъ желтую табачную пыль съ запачканнаго сюртука.

Еще часъ прошелъ, прежде чѣмъ она осталась одна.

Когда раздался на улицѣ стукъ экипажа, увозившаго ея гостя, она стояла въ раздумьи посреди гостиной.

Только что пробила полночь — пролетѣлъ этотъ безконечно долгій зимній вечеръ... Куда же дѣвался этотъ страхъ скуки и печали, который она ощутила при входѣ гостя?

Она не можетъ дождаться завтрашняго дня. Скорѣе бы наступило утро—у ней столько дѣла. Прежде всего надо идти въ библіотеку, потомъ къ нему. Она возьметъ съ собою горничную и вмѣстѣ съ нею осмотритъ его гардеробъ. Надо починить, подновить, сдѣлать все, чего не хватаетъ. Надо посмотрѣть—удобная ли у него мебель, не взять ли лучше тотчасъ же съ собою это прекрасное кресло и этотъ теплый коврикъ подъ ноги. Не дурно было бы поискать для него и устроить тепленькую, хорошенькую квартирку, да — вотъ бѣда — сорванцы мѣшаютъ!

Воспоминаніе это разсмѣшило ее. Нельзя ли ихъ въ школу отдать, а при немъ помѣстить эту бѣдную, пожилую женщину, которая когда-то учила ее, а теперь въ такой нуждѣ. Она бы присматривала за нимъ, читала ему вслухъ, сколько бы ему пожелалось, и отлично было бы имъ вмѣстѣ. Сорванцы навѣщали бы его въ своихъ мундирчикахъ...

Завтра ей надо подумать о четверыхъ — значитъ надо выспаться поскорѣе и пораньше встать.

Она взяла свѣчу, чтобы идти въ спальню, и по дорогѣ весело въ полголоса запѣла. Она даже остановилась отъ удивленія. Она ли это? Ей такъ легко, свободно поется и думается съ надеждой о завтрашнемъ днѣ. Вѣдь она несчастна. Это правда, но она забыла и не вспомнила объ этомъ во весь вечеръ. И теперь ей нисколько не хочется углубляться въ мысли о собственномъ несчастьѣ. Со свѣчей въ рукахъ она стоитъ и смотритъ задумчиво куда-то вдаль. Въ развалинахъ счастья ей мелькнулъ теплый, чистый свѣтъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ

Женскій вопросъ у насъ и на Западѣ. — Англійская эмансипированная дѣвушка. — Третій полъ и первые женскіе монастыри и клубы. — Гостинница для новобрачныхъ.

Вопросъ не рѣшенъ, гдѣ женская эмансипація получила свое начало—у насъ или за границей. Такъ какъ культура Запада гораздо старѣе, то слѣдовало бы думать, что прекрасная половина рода человѣческаго стала задумываться надъ равноправностью раньше тамъ, чѣмъ здѣсь. Во всякомъ случаѣ, отдѣльныя личности, выдававшіяся изъ ряда вонъ, завоевывали себѣ равноправность послѣ нѣкоторой борьбы, а иногда и совсѣмъ безъ борьбы, вездѣ. Въ исторіи Византіи сплошь и рядомъ встрѣчаются женскія имена, на которыхъ можно остановиться съ удивленіемъ. Западно-европейская исторія точно также изобилуетъ славными женскими біографіями. Россія, даже древнѣйшихъ временъ, тоже можетъ похвастаться кое-какими женщинами и достаточно упомянуть о Марѳѣ посадницѣ. Восемнадцатый вѣкъ, благодаря тому, что на престолѣ русскомъ возсѣдали государыни, могъ особенно благопріятствовать дѣлу женской эмансипаціи въ нашемъ отечествѣ, но два—три имени—и обчелся. Дѣвица-кавалеристъ, госпожа Дурова, надѣвшая панталоны гораздо раньше Жоржъ-Зандъ, опять-таки исключительная личность. Впрочемъ, такъ уже устроено, что общему движенію всегда предшествуютъ отдѣльныя вспышки. Тургеневъ описывалъ въ своихъ раннихъ повѣстяхъ жоржъ-зандовскихъ героинь у насъ на Руси еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Еще наши эмансипированныя барыньки владѣли крѣпостными душами, а ужъ носили волосы по мужски, курили трубку и старались ни въ чемъ не отставать отъ мужчинъ. Самымъ благопріятнымъ временемъ для женской эмансипаціи, принявшей свѣтлое и симпатичное направленіе, были шестидесятые годы. Правда, въ семьѣ было не безъ урода и, можетъ быть, уродовъ было больше, чѣмъ хотѣлось бы историку того времени, но не все же Кукшины попадались въ рядахъ женской эмансипаціи шестидесятыхъ годовъ, были Наташи и Лизы, и Вѣры Павловны, и Марьяны. Въ то время на Западѣ поборниками женской свободы было только нѣсколько лицъ, въ числѣ которыхъ гремѣлъ спокойно разсудительный голосъ Джона Стюарта-Милля. Однимъ словомъ, мы опередили Европу въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ по части женской равноправности, по крайней мѣрѣ, по части неудержимаго влеченія къ ней въ лучшей части нашего общества. Какъ и всегда бываетъ, къ сожалѣнію, за днями увлеченій и яркихъ упованій наступаютъ мрачные дни разочарованій, паралича воли и другія явленія, берущія начало въ реакціонныхъ элементахъ, которые скрываетъ въ себѣ самое либеральное общество, какъ самая прекрасная плодородная земля, порождающая пшеницу, таитъ въ себѣ сѣмена плевелъ и въ извѣстныхъ случаяхъ позволяетъ имъ разрастаться и глушить доброе сѣмя. Русская женщина добилась одно время даже существованія спеціальнаго женскаго университета, каковымъ въ сущности были женскіе медицинскіе курсы и какимъ остаются бестужевскіе курсы до сихъ поръ, несмотря на разныя ограниченія.

Благодаря ли опыту прошлыхъ двухъ десятилѣтій или нѣкоторой равнодѣйствующей, возникшей изъ сочетанія двухъ болѣе или менѣе противоположныхъ направленій, старавшихся прійти къ какому нибудь соглашенію, русская женская эмансипація вступила въ крайне спокойный фазисъ мирныхъ надеждъ, и былыя эксцентричности эмансипированныхъ дамъ давнымъ давно отошли въ область преданія. Единственнымъ явленіемъ, знаменующимъ собою потребность женщинъ „высоко держать знамя женской свободы“, было учрежденіе въ прошлую зиму въ Петербургѣ дамскаго клуба (безъ участія мужчинъ).

Пока наша женщина такимъ образомъ то побѣждала, то была побѣждаема, отстаивая свою независимость и равноправіе и, несмотря на неподготовленность, стараясь во все сунуть свой носъ (съ позволенія сказать), и, наконецъ, привела женскій вопросъ къ тому безразличному состоянію, въ какомъ онъ находится нынѣ, на западѣ, повидимому, сначала равнодушная къ женскому вопросу женщина пришла къ болѣе вѣскимъ результатамъ. Строго говоря, на Западѣ творится теперь то же самое, только въ еще болѣе рѣзкихъ формахъ, чѣмъ было у насъ въ шестидесятыхъ годахъ. Русская женщина словно устала отъ своей борьбы съ разными, неблагопріятствующими ей, обстоятельствами, а западно-европейская только теперь развернула крылья.

Такъ какъ бракъ для женщины имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ для мужчины, въ силу того общественнаго строя, который сложился вѣками и даже тысячелѣтіями, то женскій вопросъ, предпалагаютъ на Западѣ, долженъ разрѣшиться именно въ этомъ пунктѣ, это его ахиллесова пята и это же его жизненный пульсъ. Современный бракъ отвергается поэтому на Западѣ передовыми людьми какъ церковная формула подчиненія и повиновенія жены мужу, потому что устанавливаетъ неравенство между двумя человѣческими существами, одинаково одаренными умомъ и сердцемъ. Точно также устраняется вмѣшательство государства и церкви въ отношенія, касающіяся однѣхъ личностей.

Въ Англіи, гдѣ не ограничиваются одними теоретическими разсужденіями, но и стараются приложить теоретическіе взгляды на практикѣ, было нѣсколько характерныхъ случаевъ. Всѣ они сводятся къ одному типу. Молодая дѣвушка объявляетъ просящему ея руки человѣку, но объявляетъ ему, что любитъ его и что согласна съ нимъ жить, если только онъ не будетъ настаивать на узаконеніи и освященіи ихъ союза и соединится съ нею, какъ свободный со свободною и равный съ равною. Разумѣется, такое поведеніе молодой дѣвушки кажется, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, чрезвычайно страннымъ и влюбленному жениху, и въ особенности ея родителямъ. Братья вмѣстѣ съ папашей и мамашей въ одномъ случаѣ объявили такую дѣвушку сумасшедшей, насильно посадили въ карету и отвезли въ частный домъ умалишенныхъ, гдѣ и содержали вмѣстѣ съ бѣшеными. Это произошло съ миссъ Ланчестеръ. Соціалъ-демократы и почитатели миссъ Ланчестеръ подняли страшный шумъ въ прессѣ и на митингахъ. Доктора переосвидѣтельствовали молодую дѣвушку, и она была освобождена. Съ тѣхъ поръ не обходится безъ манифестацій, какъ только она появляется гдѣ нибудь въ публичномъ мѣстѣ. Всѣ ей сочувствуютъ, хотя не всѣ дѣвушки отваживаются ей подражать. Интересно, что докторъ, принявшій миссъ Ланчестеръ въ домъ умалишенныхъ, объяснилъ, что онъ сдѣлалъ это, чтобы спасти ее отъ „соціальнаго самоубійства“. На одномъ изъ митинговъ выступила другая дѣвушка и объявила, что ее тоже чуть не упрятали въ сумасшедшій домъ за то же преступленіе. Надо замѣтить, что это обыкновенный пріемъ въ Англіи — сажать дѣвушекъ въ дома умалишенныхъ „ради спасенія чести семьи“.

Но стремленіе къ равноправности съ мужчиной не останавливается на томъ, что дѣвушки отказываются идти подъ вѣнецъ съ любимымъ человѣкомъ, а предлагаютъ ему только, такъ сказать, одно сердце — безъ руки. Англичанки вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ заняты созданіемъ особаго третьяго пола. Этотъ третій полъ собирается въ ассоціаціи, и онѣ придаютъ Англіи особый отпечатокъ, до того ихъ много въ настоящее время. Вдовы, дѣвушки и одинокія дамы соединяются вмѣстѣ и создаютъ себѣ нѣчто въ родѣ свѣтскихъ монастырей, откуда онѣ съ презрѣніемъ смотрятъ на брачный институтъ и находятъ удовольствіе и счастье въ своемъ одиночествѣ. Вообще, Англія — страна клубовъ. Какой нибудь бѣдный чиновникъ, который, живя въ меблированной комнатѣ, постоянно нуждался бы во всемъ, группируясь съ другими такими же чиновниками, даетъ начало клубу и находитъ тамъ такую роскошь, о которой не смѣлъ и мечтать. Женщины послѣдовали по этому пути и теперь англичанкамъ не въ чемъ завидовать англичанамъ. Первое начало женскому клубу было, однако, положено мужчиной, американцемъ сэромъ Кертсомъ Лампсономъ, онъ находится въ Чильсѣ и называется Окли-Фляцъ. Другое общежитіе находится на Чини-стритъ. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія, и тогда общество женскихъ меблированныхъ комнатъ пріобрѣло кусокъ земли въ Іоркъ-стритѣ и возвело тамъ домъ, а другое общество построило великолѣпный дворецъ въ Слонъ-гарденсѣ. Въ Окли-Фляцѣ, гдѣ цѣны дешевле, жилицы должны сидѣть у себя въ комнатахъ, за неимѣніемъ общей пріемной залы, тогда какъ въ іоркъ-стритскомъ и чинистритскомъ общежитіи есть общія столовыя. Дамы встрѣчаются тамъ и заводятъ иногда самыя дружескія связи.

Слонъ-гарденсъ устроенъ по новѣйшему плану: много гостиныхъ и притомъ очень роскошно отдѣланныхъ. Цѣна комнатъ колеблется отъ пяти шиллинговъ въ недѣлю за двѣ комнаты до пяти фунтовъ въ мѣсяцъ за три, смотря по тому въ какомъ этажѣ и въ какомъ размѣрѣ. Въ общихъ интересахъ были установлены чрезвычайно точныя правила поведенія. Такимъ образомъ, ни одна жилица не можетъ, напримѣръ, играть на фортепіано болѣе трехъ часовъ въ сутки, стряпать такое блюдо, которое бы распространяло запахъ, и даже не можетъ чистить себѣ ботинокъ въ передней. Равнымъ образомъ, она должна чистить трубы разъ въ годъ и держать свой матрацъ въ состояніи совершеннѣйшей чистоты. Разъ въ мѣсяцъ она должна на свой счетъ мыть окна. Каждое помѣщеніе обновляется заново съ поселеніемъ новой жилицы. Не допускаются ни собаки, ни птицы. Исключеніе сдѣлано только въ этомъ отношеніи для одной старой дамы, которая глуха и не можетъ слышать звонка; ей оставлена собачонка, которая лаетъ, когда кто нибудь приходитъ къ ней.

Разъ соблюдены эти условія, жилица пользуется полнѣйшей свободой. Но тутъ выступаетъ на сцену вопросъ о времени, когда она можетъ входить и выходить изъ дома. Этотъ пунктъ съ самаго начала возбуждалъ безчисленныя несогласія. Предполагалось сначала, что свободный выходъ и входъ долженъ быть только до десяти часовъ вечера. Одна молодая дѣвушка, семейство которой жило въ деревнѣ, попросила позволенія отъ времени до времени бывать въ театрѣ со своими подругами, но ей объявили, что домъ запирается въ десять часовъ. Но тогда мнѣ слѣдовало бы дать ключъ. — Ключъ? съ удивленіемъ отвѣчали ей. — Знайте, барышня, что это порядочный домъ.

Строго говоря, это было въ своемъ родѣ рабство. Женщины поняли, что слѣдуетъ быть немножко умереннѣе, и, такимъ образомъ, драконовское правило было отмѣнено и было поручено швейцару слѣдить за входящими и выходящими. Онъ сталъ исправлять роль евнуха въ сералѣ, который не имѣетъ господина, но въ которомъ требуется строжайшая нравственность. Мало по малу, онъ сталъ чрезвычайно придирчивъ, и жизнь въ домѣ была необыкновенно стѣснена. При этомъ онъ обнаруживалъ большое достоинство: нельзя было ему поручить принести пива, но онъ благоволилъ ходить за каретой, и поэтому ужъ никто не имѣлъ права пользоваться этой привиллегіей. Такимъ образомъ, случилось, что онъ не впустилъ однажды саму директрису. Въ концѣ концовъ, каждая изъ жилицъ получила ключъ съ полной свободой уходить и возвращаться, когда ей вздумается. Ни разу нравственность не пострадала отъ этого нововведенія, по

крайней мѣрѣ, такъ утверждаютъ, и нѣтъ серьезныхъ основаній въ этомъ сомнѣваться.

Женскія общежитія повлекли за собою, какъ необходимое дополненіе ихъ, учрежденіе женскихъ клубовъ. Первый былъ основанъ въ Вестъ-Эндѣ и назначенъ для рабочихъ женщинъ. Главная цѣль его была — разъяснить женщинамъ благодѣянія, какія доставляетъ ассоціація въ борьбѣ за матеріальные и другіе интересы. Теперь есть около двадцати клубовъ, которые устроены по тому же плану, и всѣ они пошли въ ходъ.

Самый счастливый изъ этихъ клубовъ „Урайтерсъ", гдѣ президентомъ состоитъ принцесса Христіана, а директрисой леди Дженнеръ. Онъ въ самомъ сердцѣ Странда, по сосѣдству съ редакціями, съ книжными магазинами и съ главными издательскими фирмами. Какъ и подобаетъ клубу женщинъ-писательницъ, онъ довольно скроменъ. Благодаря клубу, англійскія писательницы избавлены отъ необходимости дожидаться по цѣлымъ часамъ въ передних редакторовъ и издателей вмѣстѣ съ редакціонными писцами и посыльными. Одна изъ членокъ этого клуба сдѣлала слѣдующее признаніе: „Мы освободились отъ древняго рабства. Изъ моихъ подругъ дѣтства рабынями въ настоящее время я могу назвать только одну, которая служитъ гувернанткой въ Германіи, и другую, которая „говоритъ по англійски" и должна переносить капризы мадамъ (тутъ поставлено было имя извѣстной пѣвицы); эта воображаетъ, что она художница, потому что братъ ея былъ артистомъ. Но я веду отдѣлъ домашней экономіи въ одномъ журналѣ и совершенно счастлива. Нанимаю я три комнаты въ женскомъ общежитіи. Та изъ моихъ подругъ, которая занимается живописью, чрезвычайно кичится своей мастерской. Мой кабинетъ невеликъ, но онъ выходитъ на дворъ, на которомъ растутъ акаціи. Мы не очень богаты, но мы интересны, а это главное. Такимъ образомъ, у насъ есть великолѣпнѣйшія ложки, купленныя за два шиллинга шесть пенсовъ въ Оксфордъ-стритѣ, а я подаю всегда моимъ гостямъ для размѣшиванія чая или малайскій диркъ, или итальянскій стилетъ. Они находятъ это безконечно занимательнѣе. Кухни у насъ нѣтъ, это была бы безполезная роскошь. Наша хозяйка каждый день жаритъ жаркое и за шесть пенсовъ посылаетъ намъ ломоть мяса, а за пенни — тарелку овощей. Что касается дессерта, то мы покупаемъ его сами, смотря по состоянію нашихъ финансовъ. Иногда, въ дни благополучія, мы отправляемся обѣдать въ ресторанъ и платимъ по три шиллинга съ персоны.

Театръ очень увлекателенъ, но это слишкомъ дорогое удовольствіе. Мы ходимъ въ театръ только тогда, когда у насъ есть билеты, подносимые намъ великодушными антрепренерами. А, впрочемъ, нужно сдѣлать вечерній туалетъ, купить пару перчатокъ, взять кэбъ туда и назадъ, а это ужъ значительныя издержки. Еслибы этого не было, я предпочитала бы театръ всему".

Слѣдуетъ упомянуть также еще о женскомъ „клубѣ піонерокъ", который необыкновенно роскошенъ. По вторникамъ, а иногда и по четвергамъ тамъ бываетъ чай, на который приглашаютъ мужчинъ. Дамы этимъ стараются доказать, что онѣ не боятся мужчинъ. Самымъ замкнутымъ и самымъ консервативнымъ изъ женскихъ клубовъ слѣдуетъ назвать клубъ „Александру", роскошный отель котораго расположенъ въ Гросвеноръ-стритѣ. Еще никогда ни одинъ мужчина не переступалъ его порога. Называютъ еще „Викторіанскій клубъ", „Соммервиль" и „Университэ" въ Медокъ-стритѣ, исключительно назначенный для женщинъ свободныхъ профессій. Чтобы быть допущенной въ этотъ клубъ, надо быть бакалавреаткой словесности. Онъ пополняется ученицами изъ Ньюгэма и Джертона. Немного есть замужнихъ, но студентка всегда остается студенткой, и съ необыкновенной радостью встрѣчаются здѣсь подруги юности, которыя ужъ давно не видѣлись и, можетъ быть, никогда не увидѣлись бы, еслибы не было этого благодѣтельнаго учрежденія.

Вообще, за границей, а въ Англіи въ особенности, клубная жизнь развита до крайности. Есть даже гостинницы, которыя могутъ посѣщать только дамы, есть пансіоны, которые спеціально назначены для медоваго мѣсяца. Недалеко отъ Лондона находится такой очаровательный пансіонъ. Молодожены проводятъ нѣкоторое время въ самомъ строгомъ уединеніи и пользуются разными мирными удовольствіями: катаньемъ на лодкѣ, уженьемъ рыбы и чтеніемъ альбома. Въ этомъ альбомѣ расписываются всѣ молодожены съ самаго основанія пансіона. Между прочимъ, интересна запись двухъ молодоженовъ, изъ которыхъ одному было семьдесятъ лѣтъ, а другой шестьдесятъ съ чѣмъ-то. Они отмѣтили, что провели въ пансіонѣ самый счастливый мѣсяцъ, который они будутъ помнить всю жизнь.

Лиръ

С. В. Пахманъ

Кому изъ нашихъ юристовъ не извѣстно имя Семена Викентьевича Пахмана, профессора гражданскаго права, нынѣ сенатора, такъ много потрудившагося на пользу науки и создавшаго цѣлую школу въ области своей спеціальности? 28-го мая исполняется пятидесятилѣтіе педагогической дѣятельности этого замѣчательнаго ученаго юриста нашего, многочисленные ученики котораго разсѣяны по всей Россіи и который, по справедливости, признанъ нынѣ первымъ русскимъ цивилистомъ. „Ясный, строго-логическій умъ, — говоритъ профессоръ Гольмстенъ — изъ ряда выходящая способность къ тонкому юридическому анализу, чуткое отношеніе къ явленіямъ дѣйствительности, ясное и стройное изложеніе своихъ мыслей — вотъ характерныя черты дарованія С. В. Пахмана, дарованія, сохранившагося во всемъ своемъ блескѣ". С. В. Пахманъ помимо своей научной и педагогической дѣятельности, всегда энергично заботился о распространеніи въ нашемъ обществѣ юридическихъ знаній, онъ читалъ публичныя лекціи, произносилъ рѣчи на торжественныхъ актахъ всѣхъ тѣхъ университетовъ, въ которыхъ служилъ, и не разъ выступалъ съ рефератами въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ, однимъ изъ учредителей котораго онъ считается, причемъ онъ впервые явился защитникомъ юридической науки противъ мнѣній, отрицающихъ самостоятельное ея значеніе. Многія его работы удостоены почетныхъ отзывовъ и премій, а его замѣчательный курсъ гражданскаго права, существующій въ видѣ литографированныхъ записокъ, составляетъ необходимую принадлежность библіотеки каждаго юриста, одну изъ самыхъ цѣнныхъ книгъ ея. Сынъ профессора римскаго права въ бывшемъ Ришельевскомъ лицеѣ, Семенъ Викентьевичъ Пахманъ родился 27-го апрѣля 1825 года въ Одессѣ, гдѣ и получилъ среднее образованіе въ мѣстной гимназіи при лицеѣ, отличаясь замѣчательнымъ трудолюбіемъ и выказавъ особенные успѣхи въ греческомъ языкѣ. Окончивъ въ ней курсъ пятнадцатилѣтнимъ юношей, онъ въ 1840 году поступилъ въ лицей по юридическому отдѣленію, и спустя три года, по окончаніи здѣсь курса, переѣхалъ въ Москву, гдѣ поступилъ въ университетъ, на юридическій факультетъ. По окончаніи здѣсь курса въ 1845 году со степенью кандидата правъ, онъ 28-го мая 1846 года назначенъ былъ старшимъ учителемъ тульской гимназіи для преподаванія правовѣдѣнія и практическаго судопроизводства, и, вмѣстѣ съ тѣмъ для чтенія публичныхъ лекцій правовѣдѣнія чиновникамъ и канцелярскимъ служителямъ города. Съ этого времени и началась его плодотворная педагогическая дѣятельность. Сверхъ названныхъ предметовъ, С. В. Пахманъ преподавалъ въ гимназіи, въ теченіе 1847—1848 гг. и латинскій языкъ. Лѣтомъ 1848 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Ришельевскій лицей, исправляющимъ должность адъюнкта, на каѳедру энциклопедіи и исторіи правовѣдѣнія, гдѣ читалъ также, собственно для камералистовъ, обозрѣніе русскихъ законовъ. Выдержавъ въ 1851 г. въ московскомъ университетѣ экзаменъ на степень магистра гражданскаго права и блестяще защитивъ диссертацію „О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи", С. В. Пахманъ весною 1852 года перешелъ изъ лицея въ казанскій университетъ, въ качествѣ адъюнкта по каѳедрѣ законовъ государственнаго благоустройства и благочинія. Въ этомъ университетѣ онъ получилъ и степень доктора правъ за сочиненіе „De domino privato nec non publico apud Romanos historica commentatio", оставшееся въ рукописи и понынѣ и въ 1854 году перемѣщенъ былъ на каѳедру энциклопедіи законовѣдѣнія и россійскихъ государственныхъ законовъ, а въ 1856 г. занялъ каѳедру гражданскаго права. Кромѣ того въ этотъ періодъ времени, т. е. съ 1852 по 1856 годъ онъ временно читалъ: исторію русскаго права, международное право и государственные законы студентамъ медицинскаго факультета. Въ 1858 г. профессоръ Пахманъ былъ причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, а въ декабрѣ того же года переведенъ въ харьковскій университетъ на каѳедру законовъ благочинія и благоустройства; въ августѣ 1862 г. онъ занялъ каѳедру гражданскаго права, которое преподавалъ четыре года, читая кромѣ того и прежній предметъ. Въ харьковскомъ университетѣ онъ пробылъ до 1866 г. Труды и репутація профессора Пахмана какъ превосходнаго цивилиста, при близкомъ знакомствѣ его почти со всѣми другими областями права, и отличномъ классическомъ образованіи, возбудили въ юридическомъ факультетѣ с.-петербургскаго университета желаніе видѣть его на каѳедрѣ профессора А. И. Вицына, тогда покинувшаго университетъ. С. В. Пахманъ принялъ предложеніе университета и былъ переведенъ въ Петербургъ въ августѣ 1866 г., занявъ каѳедру русскаго гражданскаго права и судопроизводства. Свой предметъ онъ сталъ читать догматически со историческими поясненіями, въ изложеніи общей его теоріи держась преимущественно Савиньи и Пухты. Въ 1871 г. онъ былъ избранъ исправляющимъ должность ректора университета, а спустя два года факультетъ избралъ его и своимъ деканомъ. Прослуживъ по министерству народнаго просвѣщенія тридцать лѣтъ, онъ былъ уволенъ отъ университетской службы въ 1876 г. и получилъ званіе заслуженнаго профессора, будучи избранъ почетнымъ членомъ того же университета въ 1881 г. Кромѣ того въ Петербургѣ онъ читалъ лекціи въ Александровскомъ лицеѣ, училищѣ правовѣдѣнія и на высшихъ женскихъ курсахъ. Въ настоящее время онъ продолжаетъ преподаваніе гражданскаго права въ училищѣ правовѣдѣнія. С. В. Пахманъ неоднократно принималъ дѣятельное участіе въ законодательныхъ работахъ, со времени переѣзда въ Петербургъ почти непрерывно, участвуя во всевозможныхъ коммиссіяхъ. Въ 1873 г. онъ опредѣлился на службу въ II отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, гдѣ также принималъ участіе въ трудахъ разныхъ коммиссій и гдѣ прослужилъ до 1882 года, когда былъ возведенъ въ званіе сенатора. Съ 1884 г. онъ присутствуетъ въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ сената. Ученая дѣятельность нашего талантливаго цивилиста выразилась въ цѣломъ рядѣ его замѣчательныхъ работъ, изслѣдованій, статей и рефератовъ, изъ которыхъ наиболѣе выдаются слѣдующія: „Исторія кодификаціи гражданскаго права", „Обычное право въ Россіи", „О значеніи личности въ гражданскомъ правѣ", „О значеніи и постепенномъ развитіи сельскохозяйственныхъ обществъ въ Россіи", „Къ вопросу о примѣненіи давности къ церковнымъ землямъ", „О русскомъ конкурсномъ процессѣ сравнительно съ германскимъ уставомъ", „О заслугахъ графа Сперанскаго въ области законодательства", „О современномъ движеніи въ наукѣ права", „О юридическомъ бытѣ инородцевъ казанской губерніи", „О предметѣ и системѣ гражданскаго уложенія" и проч. Изъ этихъ трудовъ его диссертація „О судебныхъ доказательствахъ" удостоена въ 1852 г. почетнаго отзыва нашей академіи наукъ, а за сочиненіе „Обычное гражданское право въ Россіи" ему присуждена въ 1879 г. премія графа Сперанскаго. Нѣкоторыя сочиненія его переведены на иностранные языки. Университеты казанскій, харьковскій, с.-петербургскій и кіевскій избрали его своимъ почетнымъ членомъ. С. В. Пахманъ со времени учрежденія петербургскаго юридическаго общества до 1893 г. состоялъ въ немъ товарищемъ предсѣдателя. Въ 1867 г. онъ былъ избранъ членомъ Императорскаго географическаго общества, а въ 1886 г. — предсѣдателемъ, состоящей при отдѣленіи этнографіи этого общества, коммиссіи для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, и при его близкомъ участіи составлена и издана въ 1889 г. особая программа для собиранія юридическихъ обычаевъ. С. В. Пахманъ пользуется огромными симпатіями и глубокимъ уваженіемъ своихъ товарищей и учениковъ, нагляднымъ доказательствомъ чего служили теплыя привѣтствія ихъ во время празднованія сороколѣтія его учебной дѣятельности и двадцатипятилѣтія преподавательской дѣятельности въ училищѣ правовѣдѣнія.

П. Б.

Къ коронаціоннымъ торжествамъ

Во второй части нашего иллюстрированнаго изданія „Въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ", листы котораго прилагаются къ „Всемірной Иллюстраціи", рисунки, — съ соотвѣтствующимъ текстомъ — посвященные коронаціоннымъ торжествамъ располагаются въ *послѣдовательномъ порядкѣ*, а потому, конечно, читатели не могутъ ожидать появленія въ этомъ изданіи изображеній тѣхъ моментовъ коронаціи, которые только что совершились или совершатся. А между тѣмъ читатели испытываютъ нѣкоторое нетерпѣніе, желая видѣть поскорѣе именно то, что произошло недавно. Въ виду этого мы намѣрены, помимо приложенія, помѣщать отъ времени до времени и въ самомъ журналѣ наиболѣе интересные рисунки, относящіеся къ великому событію. Такимъ образомъ, читатели „Всемірной Иллюстраціи" будутъ вдвойнѣ удовлетворены въ отношеніи того, чѣмъ они такъ заинтересованы въ данномъ случаѣ. Въ нынѣшнемъ нумерѣ мы помѣщаемъ рисунки торжественнаго въѣзда Ихъ Величествъ въ Москву, встрѣчу чрезвычайнаго французскаго посольства, прибывшаго на коронацію и группу этого посольства.

Эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ †

Австрійскій императорскій домъ и австро-венгерская монархія понесли чувствительную утрату. 7 (19)-го мая, послѣ тяжкой болѣзни, скончался въ Вѣнѣ эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ, младшій братъ императора Франца-Іосифа. Сынъ эрцгерцога Франца-Карла, родившагося въ 1802 г. и умершаго въ 1878 г. и эрцгерцогини Софіи, принцессы Баварской, эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ родился въ Шёнбрунѣ 18 (30)-го іюля 1833 года и былъ, такимъ образомъ, на три года моложе императора, послѣ котораго онъ считался самымъ выдающимся и самымъ популярнымъ представителемъ Габсбургскаго императорскаго и королевскаго дома. Онъ былъ въ одинаковой степени одаренъ государственными способностями и неутомимой энергіей. Ему постоянно приходилось замѣнять своего августѣйшаго брата на всевозможныхъ оффиціальныхъ торжествахъ и празднествахъ, которыми столь изобилуетъ Австро-Венгрія. Эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ считался сторонникомъ федерализма и искреннимъ другомъ славянъ. Оффиціально онъ состоялъ протекторомъ польской академіи наукъ въ Краковѣ. Къ Россіи, которую эрцгерцогъ посѣтилъ нѣсколько разъ, онъ относился съ большею симпатіей и состоялъ шефомъ 24-го русскаго драгунскаго полка. Послѣ эрцгерцога Карла-Людвига осталось трое сыновей, а именно: эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ, предполагаемый наслѣдникъ австро-венгерскаго престола, родившійся въ 1863 году, Оттонъ-Францъ — родившійся въ 1865 г. и Фердинандъ Карлъ-Людвигъ, родившійся въ 1868 г., а также три дочери: эрцгерцогиня Маргарита-Софія, герцогиня виртембергская, эрцгерцогиня Марія-Аннунціата, настоятельница дворянскаго женскаго монастыря на Градчинѣ, въ Прагѣ, и эрцгерцогиня Елисавета, самая младшая изъ дѣтей, родившаяся въ 1878 году. Послѣ кончины эрцгерцога Карла-Людвига у императора Франца-Іосифа остается въ живыхъ одинъ только братъ родной — эрцгерцогъ Людвигъ-Викторъ, который долженъ былъ отправиться на торжество св. коронованія въ Москву. Императоръ Францъ-Іосифъ глубоко потрясенъ потерей горячо любимаго имъ брата.

Эрцгерцогъ КАРЛЪ-ЛЮДВИГЪ АВСТРІЙСКІЙ, † 7 (19)-го мая.

Представители Франціи на московскихъ торжествахъ

Въ составъ французской чрезвычайной миссіи, отправленной въ Москву для присутствованія на коронаціонныхъ торжествахъ, вошли слѣдующія лица: генералъ Буадеффръ, бригадный генералъ Турнье, контръ-адмиралъ Салляндрузъ де-Ламорне, капитанъ Сади-Карно, капитанъ де-Фабри, полковникъ Менетрецъ и друг. Начальникъ главнаго штаба французской арміи генералъ Буадеффръ родился въ Алансонѣ въ 1839 году въ старинной семьѣ. Въ 1870 г. капитанъ Буадеффръ одержалъ рядъ успѣховъ во время осады Парижа и 22-го декабря 1870 г. совершилъ изъ Парижа путешествіе на воздушномъ шарѣ „Lavoisier" въ

Капитанъ де-Фабри. Адмиралъ Салландрузъ де-Ламорне. Капитанъ Сади-Карно. Генералъ Буадеффръ. Маіоръ Пуффенъ де-Сенъ-Морель. Генералъ Турнье. М. Молларъ. Капитанъ Гели Д'Уассель.

Группа чрезвычайнаго французскаго посольства, прибывшаго на коронаціонныя торжества въ Москвѣ.

Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Съ фотографіи Э. Пиру въ Парижѣ. Автотипія Эд. Гоппе.

С. Пахманъ, сенаторъ, цивилистъ.

Съ фотографіи А. Пазетти. Гравировалъ Б. А. Пуцъ.

По поводу пятидесятилѣтія учебной дѣятельности.

Л. Н. МОДЗАЛЕВСКІЙ, директоръ училища глухонѣмыхъ, педагогъ, писатель, † 12-го мая с. г.

Съ фотографіи Вестли и сына. Гравировалъ И. И. Хелмицкій.

Встрѣча чрезвычайнаго французскаго посольства на смоленскомъ вокзалѣ въ Москвѣ 8 (20)-го мая с. г.

По наброску съ натуры Ф. де-Гаанена.

Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.

лагерь генерала Шанзи. До конца войны онъ остался адъютантомъ генерала Шанзи. По окончаніи войны, онъ уѣхалъ съ генераломъ Шанзи сначала въ Алжиръ, потомъ въ Петербургъ. Въ Россіи онъ былъ военнымъ агентомъ, затѣмъ исполнялъ разныя порученія въ 1890 и 1892 г. и былъ во главѣ депутаціи, присланной на погребеніе Императора Александра III. Бригадный генералъ Турнье, начальникъ военнаго кабинета президента республики, родился въ 1841 г., участвовалъ въ войнѣ 1870 г. и въ тунисской экспедиціи. Контръ-адмиралъ Салландрузъ де-Ламорне, 56 лѣтъ, имѣетъ за собою блестящую военную карьеру. Въ 1894 г. онъ участвовалъ въ депутаціи, посланной въ Петербургъ. Кромѣ этихъ главныхъ членовъ миссіи, въ составъ ея вошли еще нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ капитанъ Сади-Карно. Депутацію сопровождалъ до Москвы князь Орловъ, поручикъ кавалергардскаго полка, сынъ бывшаго русскаго посла въ Парижѣ.

Торжественная встрѣча французскому чрезвычайному посольству была устроена 8-го мая. На Царскомъ дебаркадерѣ смоленскаго вокзала былъ выставленъ почетный караулъ отъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка со знаменемъ и хоромъ музыки. Главу посольства встрѣтилъ Е. И. В. великій князь Владиміръ Александровичъ. При выходѣ изъ вагона посольства, музыка играла „Марсельезу". Генералъ Буадеффръ съ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ обходили почетный караулъ. Генералъ Буадеффръ съ нимъ здоровался, послѣ чего великій князь Владиміръ Александровичъ представилъ генералу Буадеффру всѣхъ лицъ, встрѣтившихъ посольство среди которыхъ были: начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Обручевъ, командующіе войсками: генералъ-адъютантъ Костанда и генералъ-адъютантъ Драгомировъ, генералъ-адъютантъ Манзей и другіе.

Клара Шуманъ

Было время (въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ), когда имя піанистки Клары Шуманъ, урожденной Викъ, всюду гремѣло, а имя композитора Роберта Шумана было мало кому извѣстно, когда про него говорили „мужъ Клары Шуманъ". Затѣмъ, лѣтъ двадцать спустя, уже послѣ смерти Роберта Шумана, роли перемѣнились: онъ былъ повсемѣстно признанъ геніальнымъ композиторомъ, а Клара Шуманъ превратилась въ „жену Роберта Шумана". Такое отношеніе, при которомъ, по очереди, одна личность заслоняла и держала въ тѣни другую, было совершенно несправедливо. Оба они, и Робертъ Шуманъ и Клара Шуманъ, занимаютъ въ музыкальномъ мірѣ высокое, почетное и самостоятельное мѣсто, а еще вѣрнѣе — оба они соединяются воедино и образуютъ одно неразрывное цѣлое. Шуманъ творилъ, а жена его вдохновляла, поддерживала въ трудныя минуты и проводила въ жизнь его произведенія. Это двѣ личности въ высшей степени симпатичныя, два художника, всю свою жизнь преслѣдовавшіе лишь высшія, благороднѣйшія цѣли искусства. Робертъ Шуманъ скончался въ 1856 г., а сорокъ лѣтъ спустя, 8-го мая 1896 г. скончалась и его жена.

Клара Шуманъ родилась 1 (13)-го сентября 1816 г. въ Лейпцигѣ. Отецъ ея Фридрихъ Викъ, учитель фортепіанной игры, пользовался репутаціей выдающагося педагога. Онъ и началъ заниматься со своею дочерью съ ея самыхъ раннихъ лѣтъ. Ея успѣхи были такъ значительны, что съ десятилѣтняго возраста она уже начала выступать публично. А разъ начало было сдѣлано, настала обычная жизнь виртуозовъ — концертныя путешествія. Клара Викъ, впослѣдствіи Клара Шуманъ, перебывала во всей Германіи, была два раза въ Парижѣ, два раза въ Россіи, и всюду ее сопровождалъ успѣхъ, если не особенно трескучій, то прочный, почетный, неизмѣнный. Такъ какъ она обнаруживала и композиторское дарованіе, то она занималась и теоріей, у Генриха Дорна, что не мало содѣйствовало раннему развитію ея глубокаго музыкальнаго пониманія.

Въ тридцатыхъ годахъ Робертъ Шуманъ находился въ числѣ учениковъ Фридриха Вика. Молодые люди искренно полюбили другъ друга, но старый Викъ не давалъ согласія на бракъ, такъ какъ положеніе Шумана было не обезпечено, и къ тому же, Викъ мало вѣрилъ въ его композиторскія силы. Пришлось вѣнчаться безъ его согласія, по достиженіи Кларой совершеннолѣтія (впрочемъ, впослѣдствіи, старикъ примирился со своими дѣтьми). Съ тѣхъ поръ Клара Шуманъ представляетъ удивительный образецъ превосходной жены, матери и чуткаго художника, понявшаго геній своего мужа и поддерживавшаго его всею силой своей симпатіи и своего исполнительскаго таланта, доставлявшаго къ тому же и матеріальныя средства существованія. Романтически началась ихъ совмѣстная трудовая жизнь, а кончилась она трагически. Какъ извѣстно, съ раннихъ лѣтъ Шуманъ страдала нервнымъ разстройствомъ; съ 1854 г. у него начались припадки умопомѣшательства; однажды онъ вышелъ изъ дому полуодѣтый и бросился въ Рейнъ. Его спасли, но пришлось его помѣстить въ лечебницу для умалишенныхъ гдѣ онъ и умеръ. Легко себѣ представить, сколько нравственныхъ страданій за это время вынесла его жена.

Послѣ смерти мужа, Клара Шуманъ продолжала свою концертную дѣятельность, но присоединила къ ней и педагогическую. Она жила послѣдовательно въ Дюссельдорфѣ, Баденъ-Баденѣ, Берлинѣ; въ 1879 г. была приглашена въ консерваторію во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ и скончалась.

Клара Шуманъ пользовалась большимъ почетомъ въ музыкальномъ мірѣ; знаменитѣйшіе фортепіанные композиторы наперерывъ посвящали ей свои произведенія. Шуманъ посвятилъ ей между прочимъ сонату ор. 11, „Myrthen" ор. 25, фортепіанный квартетъ ор. 44. Нѣкоторыя изъ этихъ посвященій отличаются нѣжностью („Seiner geliebten Braut"). Какъ было сказано, Клара Шуманъ такъ же и сочиняла. Ея сочиненія не лишены серьезныхъ достоинствъ. У нее есть фортепіанный концертъ, тріо, прелюдіи, романсы и т. п. Робертъ Шуманъ пользовался иногда въ своихъ сочиненіяхъ ея темами. Среди 12 романсовъ Шумана ор. 37, три принадлежатъ Кларѣ Шуманъ.

Клара Шуманъ была въ Петербургѣ два раза, — въ 1844 г. вмѣстѣ съ мужемъ и въ 1864 г. послѣ смерти мужа. Въ 1864 г. я ее слышалъ неоднократно: она принимала участіе въ одномъ изъ симфоническихъ собраній русскаго музыкальнаго общества, въ трехъ квартетныхъ утрахъ и дала свой собственный концертъ въ бывшемъ Большемъ театрѣ. У нея была прекрасная техника, съ тонкой отдѣлкой деталей, безупречной чистотой игры, не лишенной блеска и силы. Что же касается духа исполненія, то ея игра отличалась раньше всего и болѣе всего, вѣрной передачей и глубокимъ пониманіемъ исполняемаго, музыкальностью, чувствомъ мѣры. Въ ея исполненіи можно было не опасаться, что мысль автора будетъ искажена, извращена ради эффекта или личнаго успѣха. Она прекрасно передавала произведенія Бетховена, Мендельсона, Вебера, но особенно художественно она исполняла сочиненія своего мужа: видно было, что она съ ними сжилась, сроднилась, что она ихъ обожаетъ всею душой. Въ ея исполненіи А-мольный концертъ, фортепіанные—квартетъ и квинтетъ, симфоническіе этюды, Карнавалъ, были для насъ истиннымъ откровеніемъ. Особенную же талантливость она проявляла въ мелкихъ вещахъ ея мужа: здѣсь творчество исполненія было не слабѣе творчества самаго произведенія. Она положила основаніе той популярности Шумана, которая, съ тѣхъ поръ у насъ не переставала расти. Къ сказанному нужно еще добавить то, что чѣмъ болѣе мы ее слушали, тѣмъ болѣе она очаровывала своей дивной фразировкой, отсутствіемъ афектаціи, вкусомъ и несравненной музыкальностью исполненія.

Во время своего продолжительнаго, тяжелаго сорокалѣтняго вдовства, когда годы брали свое, силы слабѣли, трудъ становился утомительнымъ, Клара Шуманъ имѣла великое утѣшеніе въ томъ, что цѣль ея жизни была достигнута: всѣ оцѣнили по достоинству ея мужа и преклонились передъ его геніальными произведеніями. Здѣсь должно замѣтить, что она не только ихъ пропагандировала, такъ талантливая исполнительница, но что она приложила также много заботъ къ возможно правильному и тщательному ихъ изданію.

За нѣсколько недѣль до своей смерти она испытала еще одну радость: петербургское общество музыкальныхъ собраній поставило „Геновеву". Радость эту она выразила въ телеграммѣ на имя предсѣдателя этого общества. Такъ что, на самомъ склонѣ трудовой и въ значительной степени страдальческой ея жизни, послѣдній свѣтлый лучъ мелькнулъ изъ Россіи и освѣтилъ послѣдніе дни этой удивительной женщины, этой великой артистки.

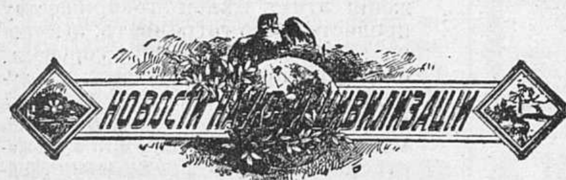
Ц. Кюи

Л. Н. Модзалевскій †

Еще одинъ изъ видныхъ педагоговъ сошелъ съ жизненной сцены. Въ ночь на 12-е мая скончался въ Петербургѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Левъ Николаевичъ Модзалевскій, директоръ училища глухонѣмыхъ, извѣстный писатель, одно время издававшій, основанный Ю. И. Симашко, педагогическій журналъ „Семью и Школу". Въ лицѣ его педагогическій міръ понесъ большую утрату. Л. Н. Модзалевскій былъ организаторомъ нѣсколькихъ учрежденій, имѣвшихъ цѣлью распространеніе идей правильнаго воспитанія. По его иниціативѣ возникъ, между прочимъ, отдѣлъ Коменскаго при педагогическомъ музеѣ и было предпринято изданіе сочиненій этого великаго славянскаго педагога. Его книга „Очерки исторіи воспитанія и обученія съ древнихъ до настоящихъ временъ", выдержавшая съ 1866 г. три изданія, послужила для многихъ учителей и учительницъ существеннымъ подспорьемъ для выработки правильныхъ пріемовъ преподаванія. Его умѣлому руководительству, когда онъ былъ инспекторомъ педагогическихъ курсовъ при второй военной гимназіи (при Г. Г. Даниловичѣ), обязаны многіе своимъ педагогическимъ образованіемъ. Въ послѣднее время Л. Н. Модзалевскій вооружился противъ переполненія русской рѣчи излишними иностранными словами. Онъ съ цѣлью исправленія русской рѣчи прочелъ докладъ въ петербургскомъ педагогическомъ обществѣ и вызвалъ сочувствіе. Недавно образовался „Союзъ ревнителей русскаго слова", душей котораго былъ Л. Н. Модзалевскій. Особеннаго вниманія заслуживаетъ также любовь его къ молодежи. Онъ умѣлъ понимать молодыхъ людей и привлекать ихъ къ труду, направленному къ общественной пользѣ. Состоя преподавателемъ многихъ учебныхъ заведеній, Л. Н. Модзалевскій пользовался общимъ уваженіемъ и симпатіями своихъ многочисленныхъ ученицъ и учениковъ. Всегда общительный, доброжелательный, внимательный и снисходительный, онъ не имѣлъ враговъ. Левъ Николаевичъ Модзалевскій родился 14-го февраля 1837 года въ селѣ Гари, гдовскаго уѣзда, с.-петербургской губерніи. По окончаніи курса въ третьей гимназіи, онъ поступилъ въ с.-петербургскій университетъ, изъ котораго былъ выпущенъ съ дипломомъ кандидата историко-филологическихъ наукъ. Затѣмъ онъ пополнилъ свое образованіе за границей, въ гейдельбергскомъ и іенскомъ университетахъ, гдѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ слушалъ лекціи, и, возвратившись изъ-за границы, посвятилъ свои силы и способности всецѣло педагогическому дѣлу. Въ это время онъ составилъ и издалъ интересную брошюру „Бытъ студентовъ за границей". Педагогическая дѣятельность Л. Н. Модзалевскаго началась въ третьей классической гимназіи. Затѣмъ онъ былъ приглашенъ покойнымъ К. Д. Ушинскимъ преподавать русскій языкъ въ Смольномъ институтѣ. Когда К. Д. Ушинскій редактировалъ „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія", Л. Н. Модзалевскій явился однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ этого журнала, въ которомъ, между прочимъ, помѣщены его статьи: „Съѣздъ швейцарскихъ учителей въ Бернѣ", „Студенческія корпораціи въ Германіи", „Баденскія школы" и другія. Онъ участвовалъ также въ „Семьѣ и Школѣ", „Народной Школѣ", „Русскомъ Инвалидѣ" 60-хъ годовъ, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", редакціи Корша, „Голосъ", „Кавказѣ", „Учителѣ", „Русской Школѣ", „Русскомъ Начальномъ Учителѣ", „Образованіи", Сиповскаго, „Недѣлѣ", и много друг. Нѣкоторыя статьи свои онъ подписывалъ псевдонимомъ *Гарскій*. Идеи Ушинскаго нашли въ Л. Н. Модзалевскомъ одного изъ горячихъ поборниковъ. Кромѣ того Л. Н. Модзалевскій во времена Ушинскаго преподавалъ исторію въ училищѣ правовѣдѣнія и былъ инспекторомъ пріюта принца П. Г. Ольденбургскаго. Приглашенный въ качествѣ преподавателя русскаго языка къ августѣйшимъ дѣтямъ великаго князя Михаила Николаевича—къ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Михаилу Михайловичу, Анастасіи Михайловнѣ (нынѣ великая герцогиня Мекленбургъ-Шверинская) и Георгію Михайловичу, Л. Н. Модзалевскій поселился на Кавказѣ, гдѣ въ продолженіе 70-хъ годовъ, до 1883 года, занималъ должности инспектора и директора женской гимназіи въ Тифлисѣ, окружного инспектора кавказскаго учебнаго округа и предсѣдателя кавказскаго цензурнаго комитета. Возвратившись въ Петербургъ, онъ служилъ инспекторомъ Маріинскаго института, а лѣтомъ прошлаго года занялъ должность директора училища глухонѣмыхъ.

Къ суданской экспедиціи

Какъ уже извѣстно, 19-го апрѣля (1-го мая) произошла первая стычка экспедиціоннаго донгольскаго корпуса съ дервишами, близъ мѣстечка Акашеха. Съ военной точки зрѣнія стычка признается блестящимъ дѣломъ, очень хорошо аттестующимъ египетскія войска, особенно кавалерію. Дервиши начали сосредоточиваться въ окрестностяхъ Акашеха вскорѣ послѣ прибытія сюда главнокомандующаго египетскими войсками; отряды, высланные на развѣдки, замѣтили ихъ въ четырехъ миляхъ отъ мѣстечка. Генералъ Китченеръ командировалъ маіора Борнъ-Мёрдока съ отрядомъ, состоявшимъ изъ эскадрона кавалеріи, произвести болѣе точную развѣдку; въ подкрѣпленіе кавалеріи былъ еще высланъ отрядъ суданской пѣхоты. Отрядъ напалъ на скопище непріятельскихъ всадниковъ; за которыми стояло прикрытіе въ нѣсколько сотъ пѣшихъ дервишей, вооруженныхъ копьями и ружьями. Маіоръ Борнъ-Мёрдока, поддерживаемый капитанами Бродвудомъ и Мебонъ ринулся въ стремительную аттаку и быстро смялъ дервишей, обративъ ихъ въ бѣгство и причинивъ имъ значительный уронъ. Англичанъ, если вѣрить англійскимъ газетамъ, оказалось всего двое убитыхъ и десять раненыхъ.

Церковь

— Первый женскій монастырь въ Финляндіи. По инициативѣ высокопреосвященнаго Антонія, учреждается первый въ Финляндіи женскій монастырь.

Географія, этнографія, путешествія

— Геологическія экспедиціи. Императорское минералогическое общество ассигнуетъ на снаряженіе геологическихъ экспедицій въ наступающее лѣто 1.400 р. Въ подольскую губернію командируется профессоръ университета св. Владиміра П. Н. Венюковъ. Для изслѣдованій послѣтретичныхъ осадковъ на пространствѣ отъ долины рѣки Невы до Ладоги и Онеги командируется докторъ цюрихскаго университета Л. Н. Звѣринцевъ. На Н. О. Криштафовича возлагается продолженіе изслѣдованій въ радомской и люблинской губерніяхъ. Магистру А. Н. Карножицкому поручается продолженіе изслѣдованій минеральныхъ копей въ среднемъ Уралѣ. Наконецъ, Е. О. Романовскій отправляется на свои средства для изслѣдованій минераловъ въ кошинъевскомъ округѣ на Уралѣ.

— Бельгійская экспедиція къ южному полюсу присоединится въ нынѣшнемъ году къ нѣсколькимъ другимъ экспедиціямъ, отправляющимся въ приполяные широты южнаго полушарія. Населеніе Бельгіи отнеслось съ живѣйшимъ участіемъ къ этому проекту. Очень многіе бельгійскіе негоціанты, ведущіе крупную торговлю, изъявили готовность пожертвовать на экспедицію 20% со своей прибыли за три дня. Въ настоящее время какъ въ ученныхъ, такъ и промышленныхъ кружкахъ Бельгіи возбужденъ вопросъ о привлеченіи бельгійскаго правительства къ участію въ экспедиціи, представляющей, по общему мнѣнію, не только научный, но и промышленный интересъ, въ виду могущихъ развиться тамъ морскихъ промысловъ.

Пути сообщенія

— Самый скорый поѣздъ желѣзной дороги во всемъ мірѣ. Американскія газеты удостовѣряютъ, что наиболѣе скорый поѣздъ ходитъ изъ Нью-Іорка къ берегу Гудзоновой рѣки. Этотъ поѣздъ вотъ уже 4 года пробѣгаетъ ежедневно разстояніе въ 708 километровъ (изъ Нью-Іорка въ Буффало) въ теченіе восьми часовъ сорока минутъ, считая въ томъ числѣ четыре остановки и двадцать восемь замедленій хода. Начиная съ 4-го декабря 1895 года, скорость даннаго поѣзда дошла до 8 часовъ и 15 минутъ, т. е. 495 минутъ. Надѣются еще болѣе сократить время, необходимое для пробѣга этого разстоянія. Слѣдуетъ замѣтить, что эта скорость постоянная и ежедневная, а вовсе не исключительная и пробная.

Выставки

— Выставка предметовъ русской старины изъ коллекцій Н. Л. Шабельской открылась 23-го минувшаго апрѣля въ Императорскомъ историческомъ музеѣ въ Москвѣ. 26-го числа выставку посѣтили Ихъ Императорскія Высочества великій князь Сергій Александровичъ и великая княгиня Елисавета Өеодоровна. Принятая подъ августѣйшее покровительство великой княгини Елисаветы Өеодоровны, эта выставка представляетъ особенный и исключительный интересъ, такъ какъ собраніе историческихъ предметовъ по своей полнотѣ, разнообразію и строго-художественному подбору, не имѣетъ себѣ равнаго. На выставкѣ имѣется особый отдѣлъ современныхъ работъ, исполненныхъ по древнимъ образцамъ. Въ этомъ отдѣлѣ можно видѣть точное воспроизведеніе старинным швомъ изображеній русскихъ историческихъ одеждъ съ X до XVII вѣка, а также современныхъ народныхъ одеждъ русскаго и инородческаго населенія. Хороши также копіи съ памятниковъ старины; иконы, сцены русскаго быта, одежды, орнаменты, и проч. Чрезвычайно красивы огромные стѣнные ковры, въ узоры которыхъ входятъ заставки рукописей, скульптуры древнихъ храмовъ, составляя въ цѣломъ красивое своеобразное убранство. Представляютъ большой интересъ два рѣдкіе альбома, изъ которыхъ одинъ заключаетъ вышивки съ рисунковъ изъ книги Бытія (рукопись XVII вѣка, изданіе В. А. Прохорова), а другой содержитъ собраніе шитыхъ изображеній сказочныхъ райскихъ птицъ. Для вышивокъ взяты рисунки со старинныхъ рукописей, изразцовъ, прилѣпъ, столѣшниковъ, женскихъ головныхъ уборовъ, утвари, ширинокъ, пряничныхъ досокъ, и проч. Всего на выставкѣ собрано до 4.000 нумеровъ разныхъ предметовъ. Выставка продолжится до окончанія коронаціонныхъ праздествъ. Сборъ предназначается въ пользу склада кустарныхъ издѣлій, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ великой княгини Елисаветы Өеодоровны.

Смѣсь

— Изъ анекдотовъ о шахѣ Насръ-Эддинѣ. Въ первый свой пріѣздъ въ Парижъ, во время президентства маршала Макъ-Магона, Насръ-Эддинъ заявилъ сопровождавшему его французскому посланнику при его особѣ г. Буре, что онъ желалъ бы посѣтить бывшаго президента Тьера, о мудрости котораго очень много слышалъ. Посланникъ, находившій, что этотъ визитъ неумѣстенъ, вслѣдствіе натянутости отношеній между Тьеромъ и Макъ-Магономъ, употребилъ слѣдующую хитрость, чтобы отговорить шаха отъ визита. „Ваше величество“, сказалъ онъ, „вамъ невозможно удостоить г. Тьера вашимъ посѣщеніемъ, такъ какъ Тьеръ — глава французскихъ бабидовъ“. „О, въ такомъ случаѣ, конечно, я и видѣть его не хочу. Но почему же онъ не былъ распятъ?“ Шахъ припомнилъ ту расправу, которую онъ самъ произвелъ во время оно съ основателемъ секты бабидовъ и со многими послѣдователями этого ученія.

— Съ какою наблюдательностью присматривался покойный персидскій шахъ Насръ-Эддинъ ко всему, встрѣчавшемуся на пути во время поѣздокъ его по Европѣ, видно изъ его дневника. Приводимъ изъ него нѣкоторыя выдержки относящіяся къ пребыванію шаха въ Берлинѣ. Стѣны домовъ берлинскихъ, пишетъ онъ, — выкрашены въ пепельную краску, которая придаетъ городу совершенно другой видъ, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ стѣны выкрашены въ разноцвѣтную краску. Рѣка, на которой стоитъ Берлинъ, называется Шпрее. Одинъ рукавъ ея протекаетъ по срединѣ города, но онъ очень узокъ и вода его плохая. А вотъ какъ описывается правителемъ Персіи впервые увидѣнный имъ карусель. Какіе-то люди, говоритъ онъ, давали удивительное представленіе. Устроивши совершенно дервишскую палатку, они вокругъ палатки придѣлали экипажи и деревянныхъ лошадей. Дѣти садились верхомъ на лошадей, и все—палатка, экипажи и люди безпрерывно кружились. Театральныя представленія, какъ извѣстно, очень нравились шаху. Послѣ обѣда, говоритъ онъ, мы поѣхали въ театръ. Театръ въ пять ярусовъ, очень хорошъ и почти такой же, какъ Михайловскій въ Петербургѣ. Народу было очень много. Представляли балетъ. Танцовали очень хорошо и танцовщицы были роскошно одѣты. Мы съ императоромъ, пойдя на сцену, немного тамъ походили; затѣмъ пришли въ ложу и представленіе снова началось. Декораціи были очень красивы.

— Кабалистика „Фигаро“. Появленіе всякаго новаго министерства вызываетъ въ „Фигаро“ особаго рода предсказанія, основанныя на кабалистической комбинаціи именъ новыхъ министровъ. Министерство Мелина, если вѣрить кабалистикѣ „Фигаро“, создастъ необходимость распущенія палаты (dissolution), и это доказывается слѣдующею группировкой именъ новыхъ министровъ.

D arlan
Mél I ne
Be S nard
George S Cochery
Barth O u
L ebon
Ramba U d
T urrel
B I llot
B O ucher
Ha N otaux

Некрологъ

Лихтенштадтъ Іосифъ Моисеевичъ, членъ новгородскаго окружнаго суда, большой знатокъ гражданскаго и уголовнаго права, сотрудникъ спеціальныхъ юридическихъ изданій, а также „Сѣвернаго Вѣстника“, „Русскаго Богатства“, „Вѣстника Иностранной Литературы“, „Новостей“ и нѣкоторыхъ еврейскихъ органовъ, † въ Спб. 19-го мая, 49 лѣтъ.

Меркель Адольфъ, извѣстный германскій криминалистъ, составитель „Юридической Энциклопедіи“, пользующійся большой популярностью въ юридическомъ мірѣ, † въ Страсбургѣ 18 (30)-го марта, 60 лѣтъ. Имъ, между прочимъ, написаны: „Lehrbuch des deutschen Strafrechts“, „Vergeltungsidee und Zweckgedanke im Strafrecht“, „Zur Reform der Strafgesetze“, „Criminalistische Abhandlungen“ и проч.

Морозовъ Давидъ Ивановичъ, мануфактуръ-совѣтникъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей торговаго міра, директоръ товарищества богородско-глуховской мануфактуры, улучшившій бытъ рабочихъ, трудившійся въ разныхъ петербургскихъ коммисіяхъ по разработкѣ вопросовъ торговли и промышленности, строитель грандіознаго фабричнаго храма, † въ Кіевѣ 15-го мая, 48 лѣтъ.

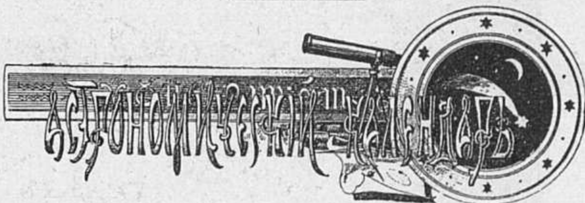
Павловъ Алексѣй Ивановичъ, членъ петергофской уѣздной земской управы, бывшій судебный приставъ въ г. Кронштадтѣ, издатель иллюстрированнаго журнала „Звѣзда“, † въ Кронштадтѣ 3-го мая.

Савиновъ Александръ Николаевичъ, бывшій оберъ-контролеръ временной контрольной экспедиціи при государственномъ контролѣ, тайн. сов., бывшій педагогъ, затѣмъ служившій въ главномъ интендантскомъ управленіи, авторъ нѣсколькихъ статей, † въ Спб. въ началѣ мая.

Столѣтовъ Александръ Григорьевичъ, заслуженный ординарный профессоръ московскаго университета, президентъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, извѣстный математикъ, физикъ, авторъ многихъ ученыхъ трудовъ, † въ Москвѣ 18-го мая, 36 лѣтъ.

Шене Эмилій Богдановичъ, профессоръ московскаго сельско-хозяйственнаго института по каѳедрѣ химіи, авторъ цѣлаго ряда цѣнныхъ изслѣдованій и изобрѣтеній, въ родѣ прибора для механическаго анализа почвы и друг., † въ Москвѣ 6-го мая, 58 лѣтъ.

Шуманъ Клара, извѣстная піанистка, жена знаменитаго композитора Роберта Шумана, урожденная Викъ, † во Франкфуртѣ-на-Майнѣ 8 (20)-го мая, 77 лѣтъ.

1—15 іюня 1896 г.

Іюнь.	Средн. время въ ист. полд.	Въ С.-Петербургѣ. Восхожд. солнца.	Заходж. солнца.	Восхожд. луны.	Заходж. луны.	Въ Москвѣ. Восхожд. солнца.	Заходж. солнца.	Восхожд. луны.	Заходж. луны.
	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.
1	11 59.9	2 37	9 23	3 40у	11 35в	3 15	8 45	4 30у	10 55в
3	12 0.3	2 36	9 24	7 5	11 45	3 15	8 46	7 30	11 27
5	12 0.8	2 36	9 26	10 25	11 47	3 14	8 47	10 32	11 45
7	12 1.2	2 36	9 26	1 42	11 48	3 14	8 48	1 30в	—
9	12 1.6	2 36	9 27	5 12	11 55	3 14	8 49	4 40	0 13у
11	12 2.1	2 37	9 27	8 45	0 5у	3 15	8 49	7 45	0 50
13	12 2.5	2 37	9 27	10 30	1 25	3 16	8 49	9 40	2 28
15	12 2.9	2 38	9 27	10 52	4 35	3 17	8 48	10 25	5 12

Солнце 9-го іюня вступаетъ въ знакъ Рака—начало лѣта.

Луна въ первой четверти 6-го, въ полнолуніи 13-го іюня.

Парижскій курьеръ

Новости печати

Высочайше учрежденная коммиссія по устройству выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. Всероссійская выставка 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Путеводитель. Городъ.—Ярмарка. — Выставка. Спб. 1896. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ А. С. Суворина. Ц. 60 к. Къ открытію всероссійской нижегородской выставки Высочайше учрежденная коммиссія по устройству ея выпустила, одновременно на языкахъ русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, на каждомъ отдѣльно, прекрасный путеводитель по Нижнему-Новгороду. Большая часть свѣдѣній, находящихся въ этомъ путеводителѣ, была спеціально собрана для него и потому книга вполнѣ отвѣчаетъ своей благой цѣли — служить пособіемъ для посѣтителей Нижняго-Новгорода, желающихъ осмотрѣть какъ самую выставку, такъ и всѣ достопримѣчательности этого города. Книжка, при компактномъ изданіи которой удалось, однако, помѣстить массу матеріала, раздѣлена на четыре отдѣла: Нижній-Новгородъ, нижегородская ярмарка, всероссійская выставка и справочный отдѣлъ. Въ видѣ вступленія къ путеводителю помѣщенъ обстоятельно составленный „Историческій очеркъ Поволжья". Затѣмъ первые два отдѣла также начинаются историческимъ очеркомъ, а третій даетъ полное понятіе объ устройствѣ выставки и объ ея содержимомъ. Въ справочномъ отдѣлѣ сгруппированы всѣ крайне необходимыя для каждаго посѣтителя Нижняго-Новгорода свѣдѣнія: объ администраціи выставки, относительно правилъ и обязательныхъ постановленій, о желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, о гостинницахъ, ресторанахъ, городскихъ путяхъ сообщенія, о почтѣ, телеграфѣ, транспортныхъ конторахъ, театрѣ, музыкѣ, развлеченіяхъ и проч. Въ путеводителѣ множество объяснительныхъ рисунковъ, исполненныхъ Н. С. Самокишемъ, Н. И. Кравченко и Э. К. Соколовскимъ и кромѣ того приложены отдѣльно карта Россіи и три раскрашенные плана. Путеводитель изданъ подъ редакціей В. И. Ковалевскаго, директора департамента торговли и мануфактуръ при ближайшемъ участіи чиновника особыхъ порученій министерства финансовъ, П. И. Миллера. Редакція для историческаго отдѣла пользовалась изслѣдованіями мѣстныхъ дѣятелей А. С. Гациcкаго, архимандрита Аркадія, священника М. В. Добровольскаго, Д. Лаврова, Л. В. Даля, А. Мельникова и друг. Нельзя не поблагодарить коммиссію за изданіе этого въ высшей степени добросовѣстно составленнаго путеводителя, очень изящнаго и по внѣшности.

П. З—нъ

КЛАРА ШУМАНЪ,
піанистка, † 8 (20)-го мая с. г.

Съ фотографіи Артура Маркса во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Искусства

— Художникъ К. А. Коровинъ, писавшій въ одной изъ залъ московскаго историческаго музея пано для сѣвернаго отдѣла всероссійской нижегородской выставки, закончилъ не такъ давно свои работы и на-дняхъ онѣ отправлены въ Нижній-Новгородъ. Сюжетами для пано художникомъ взяты природа и мѣстности архангельской губерніи, Новой Земли и Поморскаго края. Всѣхъ пано будетъ 14, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ очень большихъ размѣровъ.

— Въ Москвѣ открылось новое товарищество художниковъ. Товарищество насчитываетъ до 30 учредителей. Оно ставитъ своей задачей способствовать успѣху и развитію искусствъ въ Россіи, а также заботиться объ интересахъ своихъ членовъ. Для достиженія этихъ цѣлей товариществу предоставлено устраивать: выставки въ Москвѣ и другихъ городахъ, бюро для пріема заказовъ на художественныя работы, аукціоны художественныхъ произведеній, мастерскія для исполненія художественныхъ работъ, художественные классы и вечера, а также библіотеку для своихъ членовъ. Вступительный взносъ для членовъ назначенъ въ 10 руб.; членами могутъ быть только лица, занимающіяся искусствами.

— Открытіе памятника императору Николаю I въ Кіевѣ и освященіе кіевскаго Князь-Владимірскаго соборнаго храма состоятся во второй половинѣ августа. Внутренняя отдѣлка храма совершенно закончена. Проф. А. В. Праховъ изготовляетъ художественный альбомъ видовъ собора вмѣстѣ съ отчетомъ о производствѣ всѣхъ работъ, подъ его руководствомъ произведенныхъ.

Наступленіе на Донголу. Аттака дервишей англичанами близь Акашеха, 19-го апрѣля (1-го мая) с. г.

Африка. — Англо-суданская экспедиція.

ДЛЯ КОЖИ!

Eau de Lys de Lohse.

Примочка для кожи: бѣлая и розовая для блондинокъ, желтая для брюнетокъ; придаетъ кожѣ свѣжій видъ. Просятъ остерегаться поддѣлокъ; неподдѣльная только отъ изобрѣтателя.

ГУСТАВА ЛОЗЕ,

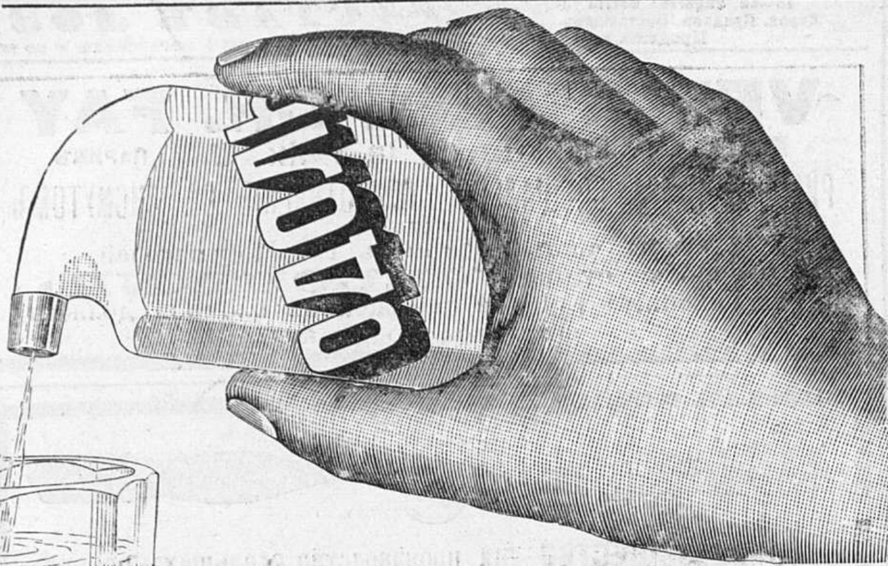
ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА:
БЕРЛИНЪ, Іегерштрассе, 46.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ, аптекарскихъ и галантерейныхъ магазинахъ и у многихъ парикмахеровъ.

ЛОЗЕ. КОРОНАЦІОННЫЕ ДУХИ.

Продаются во всѣхъ галант., парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ и во всѣхъ парикмахерскихъ Россіи.

45—46. Jägerstrasse, Berlin. КОРОЛЕВ. ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ. **ГУСТАВЪ ЛОЗЕ.** Berlin, Jägerstrasse. 45—46. КОРОЛЕВ. ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ.

лучшее для зубовъ.

Одоль сохраняетъ зубы.
Одоль уничтожаетъ дурной запахъ изо рта.
Одоль предохраняетъ зубы отъ порчи.
Одоль уничтожаетъ дурной вкусъ во рту.
Одоль очищаетъ полости рта отъ слизы.

Одоль за границею распространенъ въ **МИЛЛІОНАХЪ ФЛАКОНОВЪ.**

Цѣна $^1/_1$ флакона (оригинальный флаконъ-капельница), хватающаго при нормальномъ употребленіи на нѣсколько мѣсяцевъ, **1 Р. 50 К.** Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ.

Натур. минер. **СЛАБИТЕЛЬНАЯ** горьк. вода источника **Францъ-Іосифъ** прод. во всѣхъ аптекахъ и аптек. магаз. Россіи.

Дирекція источника горькой воды „ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“ въ Будапештѣ.

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Кокандъ, Варшава, Екатеринбургъ.

D.O.M ✝ D.O.M
BÉNÉDICTINE
MONACHORUM
de l'Abbaye de Fécamp
La Meilleure des Liqueurs
Se défier des contrefaçons.
Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville
D.O.M ✝ D.O.M

Всесвѣтный бродяга.

Повѣсть Вас. Немировича-Данченко съ 23-мя рисунками Н. Г. Богданова. Въ 8 д. л. 7 печатныхъ листовъ. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 руб.

Книгоизд. Германъ Гоппе: Спб., Садовая, 22.

ПАРФЮМЕРІЯ Сѣверная Флора
Одеколонъ цвѣт. Духи и мыло „Вера-Віолетъ“ и др. запах.
С. А. ПРОКОФЬЕВЪ и К°
ВЪ МОСКВѢ СРЕДНІЕ РЯДЫ 25.
С.-Петербургъ, Невскій 58.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Mme ЗИНА,
Спб., Мойка, у Синяго моста.

Единственный богатый выборъ готовыхъ дѣтскихъ пальто и платьевъ для дѣвочекъ и мальчиковъ всѣхъ возрастовъ.
Шляпы и лѣтніе костюмы.
Пересылка наложеннымъ платежомъ.
Новыя на 1896 г.
„ДѢТСКІЯ МОДЫ“
и прейсъ-куранты высылаются безплатно.

SAVON IXORA Ed. Pinaud
BEAUTÉ DE LA MAIN — PARFUM EXQUIS
GRAND PRIX EXPOSITION DE PARIS 1889
37, Boulevard de Strasbourg, PARIS

ГУСТАВЪ ШТЫРМЕРЪ
20 коп. ОДИНЪ КУСОКЪ. П—А—Л—Ь—М—И—Р—А ТРИ КУСКА 50 коп.
ВАРШАВА

Чистая любовь. Романъ Виктора Бибикова. Изящное изданіе въ 8 долю листа, напечатанное двумя красками. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к. Изданіе книгоизд. Герм. Гоппе: СПб., Садовая, 22.

ИСКУССТВО СТИРКИ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ РУКОВОДСТВО

къ раціональному обращенію со всѣми подлежащими стиркѣ и чисткѣ предметами изъ полотна, бумажной ткани, шерсти и шелка. Цѣна **75** коп., съ пересылкою **90** коп.

Книгоиздательство ГЕРМАНЪ ГОППЕ: Спб., Садовая, 22.

☞ № 1425 (21) „Всемірной Иллюстраціи“ сданъ во вторникъ, 21-го мая: на городскую почту въ 7 час. 20 мин. утра, московскимъ подписчикамъ въ 7 час. утра и иногороднымъ въ среду и четвергъ, 22-го и 23-го мая, въ 7 час. утра и въ 1 ч. 40 м. дня, въ чемъ и имѣются почтовыя росписки.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся: въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
ВЪ МОСКВѢ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ.
ВЪ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи „Вѣстника Винодѣлія“ В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

Дозв. цензурою. СПб. 24-го мая 1896 г. За издателя — редакторъ Э. Д. ГОППЕ. Типографія Эд. Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

— Я полагаю: послѣ того, что вы узнали, вамъ нечего колебаться.

— Вы правы: человѣкъ, имѣющiй такую возлюбленную, не можетъ быть принятъ въ моемъ домѣ. Въ извиненiе Эльфриды я, разумѣется, долженъ предположить, что вы только издали намекнули ей о тѣхъ скандалезныхъ отношенiяхъ.

— А то какже иначе?

— Я хочу сказать, не приводя доказательствъ?

— Я вижу, вы все еще колеблетесь, сомнѣваетесь. Такъ слушайте же: прошлой зимой я ѣхала гостить къ своей матери въ Берлинъ и видѣла своими глазами, какъ онъ усаживалъ какую-то даму подъ густымъ вуалемъ въ купе перваго класса, которое, какъ мнѣ сказали потомъ, было заказано имъ зарапѣе. На одной изъ промежуточныхъ станцiй, когда мнѣ случилось проходить мимо окна этого купэ, я опять замѣтила ее. Она по неосторожности слишкомъ высоко приподняла вуаль, и я узнала въ ней ту, которую ожидала увидѣть.

— Отчего же такъ: ожидали?

— Боже мой, да вѣдь вы совсѣмъ еще новое лицо въ нашемъ околоткѣ, совсѣмъ чужое. Съ вами естественно остерегаются говорить безъ утайки—во избѣжанiе непрiятностей. И люди правы со своей точки зрѣнiя. Но не стѣсняйся они съ вами, вы давно бы узнали о томъ, что извѣстно чуть не всему свѣту. Вѣдь эта связь продолжается—легко сказать—цѣлые годы, а Лѣсной шинокъ заложенъ и перезаложенъ. Его давно бы продали съ молотка, еслибы онъ не поддерживалъ Рика своими деньгами. Та особа между прочимъ прiобрѣла себѣ, благодаря его щедрости, прекрасное имѣнiе въ южной Померанiи и записала на свое имя. Вѣроятно, она давно бы переселилась туда на житье, еслибъ онъ согласился отпустить ее отъ себя.

Я сидѣлъ, какъ ошеломленный.

— Вы все еще сомнѣваетесь?

— Да развѣ это возможно?

— Конечно, нельзя. Не трудно было бы еще пополнить перечень сдѣланныхъ имъ гадостей.

— Исторiя въ Грибеницѣ, не правда ли?

— Дѣйствительно, это былъ особенно отвратительный поступокъ. Графиня Маргарита, шестнадцатилѣтняя дѣвочка, почти еще ребенокъ; какъ могла она устоять противъ искусства такого опытнаго соблазнителя, какъ баронъ Кардовъ? И потомъ надо принять во вниманiе высокое общественное положенiе обоихъ! Но распросите въ домахъ нашихъ землевладѣльцевъ простого сословiя и арендаторовъ... просто гадко говорить о подобныхъ вещахъ.

Г-жа Моэнъ быстро встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ, но тотчасъ опять вернулась туда, гдѣ я сидѣлъ, опершись головою на руки.

— Теперь вы понимаете, что я не могла молчать передъ вашей женой?

— Хорошо было бы, еслибъ вы сказали ей больше, сказали бы все!

— Я такъ и хотѣла, но ваша супруга съ такимъ неудовольствiемъ приняла мои первые намеки, до того непрiятно была поражена, даже обидѣлась, что я предпочла замолчать.

— Во всякомъ случаѣ, вы оказали величайшую услугу мнѣ и моей женѣ вашей сегодняшней откровенностью, которая была для васъ теперь нелегка. Мы премного обязаны вамъ.

— Я всегда находила, что въ подобныхъ случаяхъ съ мужчиной легче столковаться. Съ женщинами это выходитъ не такъ просто.

— Когда Эльфрида узнаетъ черезъ меня обо всемъ, она должна питать къ вамъ только одну благодарность!

— Будемъ надѣяться на это!

Мы подошли къ дому. То было ея послѣднее слово. Оно незамѣтно юркнуло за мной въ экипажъ, не давало мнѣ покою весь остальной день и въ настоящее время коварно вьется вокругъ меня въ ночной темнотѣ, точно убiйца, готовый поразить васъ кинжаломъ.

Конечно, онъ нравится Эльфридѣ. Да почему бы и нѣтъ? Въ немъ столько

въ открытомъ фаэтонѣ, запряженномъ цугомъ, въ шесть лошадей.

21.

Эскадронъ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны полка.

22.

Эскадронъ лейбъ-гвардіи коннаго полка.

23.

Его Императорское Величество, верхомъ, имѣя за собою министра Императорскаго Двора, военнаго министра, командующаго Императорскою главною квартирой и дежурныхъ: генералъ-адъютанта, свиты Его Величества генералъ-маіора и флигель-адъютанта.

24.

Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья: Михаилъ Александровичъ, Кириллъ Владиміровичъ, Борисъ Владиміровичъ, Андрей Владиміровичъ, Алексій Александровичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Петръ Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ, Николай Михаиловичъ, Александръ Михаиловичъ, Сергій Михаиловичъ, князья Евгеній Максиміліановичъ и Георгій Максиміліановичъ Романовскіе, герцоги Лейхтенбергскіе, и ихъ великогерцогскія высочества: принцы Александръ Петровичъ, Петръ Александровичъ и Константинъ Петровичъ Ольденбургскіе и герцогъ Георгій Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій, и прибывшіе въ Москву на торжество Св. Коронованія иностранные принцы — верхомъ.

Примѣчаніе. Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья: Павелъ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ, Георгій Михаиловичъ и его велико-герцогское высочество герцогъ Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій — изволятъ находиться въ строю.

25.

Его Императорскаго Величества генералъ-адъютанты, свиты Его Величества генералъ-маіоры, флигель-адъютанты и состоящіе при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ Великихъ Князьяхъ генералы и адъютанты и военная свита иностранныхъ принцевъ, верхомъ.

26.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Θеодоровна съ Ея Императорскимъ Высочествомъ великою княжною Ольгою Александровною въ парадной золоченой каретѣ подъ короной. Карета запряжена восемью лошадьми; у каждой лошади по конюшенному служителю; подлѣ кареты, съ правой стороны, оберъ-шталмейстеръ, съ лѣвой—шталмейстеръ, верхомъ, а передъ каретою конюшенный офицеръ, также верхомъ: на ремняхъ два пажа; по сторонамъ кареты идутъ четыре камеръ-казака, въ парадной одеждѣ, по два съ каждой стороны; позади кареты шесть камеръ-пажей, верхомъ, а за ними два конюха верхомъ же.

27.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Θеодоровна въ парадной золоченой каретѣ. Карета запряжена восемью лошадьми; у каждой лошади по конюшенному служителю; подлѣ кареты съ правой стороны шталмейстеръ, управляющій придворною конюшенною частью. съ лѣвой — шталмейстеръ, верхомъ, а передъ каретою конюшенный офицеръ, также верхомъ; на ремняхъ два пажа; по сторонамъ кареты идутъ четыре камеръ-казака, въ парадной одеждѣ, по два съ каждой стороны; позади кареты шесть камеръ-пажей, верхомъ, а за ними два конюха, верхомъ же.

28.

Ея Величество королева эллиновъ; Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Анастасія Михаиловна, великая герцогиня Мекленбургъ-Шверинская; Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Александровна, герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готская, и Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна — въ парадной золоченой каретѣ, запряженной цугомъ, въ шесть лошадей; у каждой лошади по конюшенному служителю; съ каждой стороны кареты идутъ четыре придворныхъ лакея, по два съ каждой стороны; за каретою два камеръ-пажа, а за ними два конюха верхомъ же.

29.

Ихъ Императорскія Высочества: Великая Княгиня Елисавета Θеодоровна, Великая Княгиня Александра Іосифовна, Великая Княгиня Елисавета Маврикіевна и Великая Княгиня Милица Николаевна — въ парадной золоченой каретѣ, запряженной цугомъ, въ шесть лошадей; у каждой лошади по конюшенному служителю; съ каждой стороны кареты шталмейстеръ, верхомъ; на ремняхъ два пажа; по сторонамъ кареты идутъ четыре придворныхъ лакея, по два съ каждой стороны; за каретою два камеръ-пажа, верхомъ, а за ними два конюха верхомъ же.

30.

Ихъ Императорскія Высочества: Великая Княгиня Ксенія Александровна, Великая Княжна Елена Владиміровна и Великая Княгиня Вѣра Константиновна, герцогиня Виртембергская — въ парадной золоченой каретѣ, запряженной цугомъ, въ шесть лошадей; у каждой лошади по конюшенному служителю; съ каждой стороны кареты шталмейстеръ, верхомъ; на ремняхъ два пажа; по сторонамъ кареты идутъ четыре придворныхъ лакея, по два съ каждой стороны; за каретою два камеръ-пажа, верхомъ, а за ними два конюха верхомъ же.

31.

Ихъ Императорскія Высочества: княгиня Анастасія Николаевна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская, и принцесса Евгенія Максиміліановна Ольденбургская — въ парадной золоченой каретѣ, запряженной цугомъ, въ шесть лошадей; у каждой лошади по конюшенному служителю, съ каждой стороны кареты шталмейстеръ, верхомъ; на ремняхъ два пажа; по сторонамъ кареты идутъ четыре придворныхъ лакея, по два съ каждой стороны; за каретою два камеръ-пажа, верхомъ, а за ними два конюха верхомъ же.

32.

Эскадронъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго Его Величества полка.

33.

Эскадронъ лейбъ-гвардіи уланскаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны полка.

34.

Ихъ Императорскихъ Величествъ Государынь Императрицъ гофмейстерины, статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и свитныя и дежурныя фрейлины, гофмейстерины Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княгинь и участвующія въ торжественномъ въѣздѣ иностранныя придворныя дамы, въ четвероместныхъ парадныхъ золоченыхъ каретахъ, запряженныхъ цугомъ, въ шесть лошадей; по сторонамъ каждой кареты идутъ придворные лакеи, по одному съ каждой стороны.

35.

Эскадронъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка.

36.

Эскадронъ лейбъ-гвардіи уланскаго Его Величества полка.

Всѣ распоряженія, касающіяся правильности движенія торжественнаго въѣзда, возлагаются на особо для сего назначенныхъ церемоніймейстеровъ, которые ѣдутъ по сторонамъ шествія верхомъ.

По всему пути торжественнаго въѣзда, отъ Петровскаго дворца до Кремля, будутъ выстроены войска, по распоряженію военнаго начальства.

У праваго фланга общаго построенія войскъ Его Величество Государя Императора встрѣчаетъ Его Императорское Высочество главный начальникъ надъ всѣми войсками, собранными въ Москвѣ и окрестностяхъ, имѣя при себѣ чиновъ своего штаба, верхомъ, съ которыми присоединится къ свитѣ Его Величества.

При вступленіи главы шествія въ столицу, произведенъ будетъ по сигналу, данному по распоряженію московскаго коменданта съ Тріумфальныхъ воротъ и повторенному съ Тверской каланчи и съ колокольни Ивана Великаго, 71 салютаціонный выстрѣлъ.

У въѣзда въ столицу Его Величество Государя Императора встрѣчаетъ Его Императорское Высочество московскій генералъ-губернаторъ, имѣя при себѣ офицеровъ особыхъ порученій и адъютантовъ, верхомъ, съ которыми присоединится къ свитѣ Его Величества.

У старыхъ Тріумфальныхъ воротъ, при въѣздѣ въ Земляной Городъ, встрѣчаетъ московскій городской голова съ гласными думы и членами московской городской управы, московскія: купеческая, мѣщанская и ремесленная—управы и цехи съ ихъ значками. Тамъ же будутъ находиться и представители московскаго биржеваго комитета.

У Страстнаго монастыря, при въѣздѣ въ Бѣлый Городъ, Его Величество встрѣчаютъ предсѣдатель и члены московской губернской земской управы.

На Тверской площади, противъ дома генералъ-губернатора, -- дворянство московской губерніи съ уѣздными предводителями, за исключеніемъ предводителя дворянства московскаго уѣзда, имѣя во главѣ московскаго губернскаго предводителя дворянства.

При Воскресенскихъ воротахъ — московскій губернаторъ съ губернскими, административными и судебными учрежденіями.

У сихъ воротъ Его Величество Государь Императоръ изволитъ сойти съ коня, а Государыни Императрицы изволятъ выйти изъ каретъ, которыя остановятся у входа въ Иверскую часовню.

На паперти часовни встрѣчаетъ Ихъ Величества преосвященный викарій московскій, епископъ можайскій, со крестомъ и святою водой.

Ихъ Величества изволятъ войти въ часовню — для поклоненія иконѣ Иверской Божіей Матери.

Все шествіе останавливается, пока Его Величество не изволитъ вновь сѣсть на коня и выѣхать въ лѣвыя ворота на Красную площадь, а Ихъ Величества Государыни Императрицы не изволятъ сѣсть въ свои кареты, которыя выѣдутъ на ту же площадь.

У Спасскихъ воротъ Его Величество встрѣчаетъ московскій комендантъ съ состоящими подъ его начальствомъ штабъ- и оберъ-офицерами, верхомъ, съ которыми присоединяется къ свитѣ Его Величества.

По пути торжественнаго въѣзда, духовенство выходитъ изъ церквей со святыми иконами и крестами; дома же, по усердію жителей, будутъ убраны различными украшеніями.

По вступленіи въ Кремль, шествіе направляется мимо Малаго Николаевскаго дворца. Лица, поименованныя въ §§ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 13 и 14, проѣзжаютъ черезъ Дворцовую площадь, мимо Большого Кремлевскаго дворца, и, не останавливаясь, выѣзжаютъ изъ Кремля черезъ Боровицкія ворота.

Войска, въ торжественномъ шествіи участвующія, по мѣрѣ вступленія на площадь Большого дворца, выстраиваются противъ дворцоваго подъѣзда, фронтомъ ко дворцу.

Коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры, верховный церемоніймейстеръ, вторые чины Высочайшаго Двора, иностранные придворные кавалеры, гофмаршалъ, первые чины Высочайшаго Двора, члены государственнаго совѣта и оберъ-гофмаршалъ, проѣхавъ мимо Малаго Николаевскаго дворца, поворачиваютъ направо и выходятъ изъ экипажей у воротъ между церковью Ивана Великаго и храмомъ Двѣнадцати Апостоловъ; изъ нихъ члены Государственнаго Совѣта проходятъ по помосту и входятъ въ Успенскій соборъ черезъ Сѣверныя двери. Первые и вторые чины Высочайшаго Двора и иностранные придворные кавалеры, обходя соборъ съ западной стороны, выстраиваются у Южныхъ дверей собора, на помостѣ, по направленію къ воротамъ между колокольней Ивана Великаго и Архангельскимъ соборомъ. Вдоль сего же помоста заблаговременно будутъ выстроены шпалерами, неучаствовавшіе въ торжественномъ въѣздѣ, придворные чины и кавалеры, старшіе—ближе къ Успенскому собору.

Коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры, верховный церемоніймейстеръ, гофмаршалъ и оберъ-гофмаршалъ, выйдя изъ экипажей, направляются налѣво, по помосту, къ воротамъ между колокольней Ивана Великаго и Архангельскимъ соборомъ, у которыхъ ожидаютъ прибытія Ихъ Величествъ.

У сихъ воротъ Ихъ Императорскія Величества, Ихъ Императорскія Высочества и иностранныя августѣйшія особы останавливаются, сходятъ съ лошадей и выходятъ изъ каретъ и слѣдуютъ, въ предшествіи коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстеровъ, верховнаго церемоніймейстера, гофмаршала и оберъ-гофмаршала, въ Успенскій соборъ черезъ Южныя двери.

За Его Величествомъ слѣдуютъ: министръ Императорскаго Двора, военный министръ, командующій Императорскою главною квартирою и дежурные — генералъ-адъютантъ, свиты Его Величества генералъ-маіоръ и флигель-адъютантъ. Всѣ прочія особы, слѣдовавшія при въѣздѣ за Ихъ Величествами и Ихъ Высочествами, останавливаются у тѣхъ же воротъ и направляются въ Успенскій соборъ, позади августѣйшихъ особъ.

Въ Успенскомъ соборѣ предварительно совершено будетъ благодарственное молебствіе о благополучномъ прибытіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, съ провозглашеніемъ многолѣтія, и соберутся заблаговременно неучаствовавшіе въ торжественномъ въѣздѣ: придворныя дамы, члены государственнаго совѣта, министры, главноуправляющіе, сенаторы, статсъ-секретари, почетные опекуны и прочія особы первыхъ трехъ классовъ обоего пола, губернскіе предводители дворянства, областной предводитель дворянства Войска Донского, старшіе представители дворянъ губерній, гдѣ не имѣются предводители дворянства, предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, городскіе головы и равнозначащія имъ лица губернскихъ городовъ, градоначальствъ и главныхъ городовъ военныхъ губернаторствъ и областей и депутаты великаго княжества Финляндскаго.

На паперти собора Ихъ Императорскія Величества будутъ встрѣчены святѣйшимъ синодомъ и высшимъ духовенствомъ со крестомъ и святою водою.

Ихъ Величества и августѣйшія особы входятъ въ соборъ, предшествуемыя св. синодомъ и высшимъ духовенствомъ, при пѣніи пѣвчими 2-го тропаря изъ канона недѣли Вай.

По вступленіи Ихъ Величествъ въ храмъ, по сигналу, данному московскимъ комендантомъ, произведено будетъ 85 салютаціонныхъ выстрѣловъ.

Ихъ Императорскія Величества изволятъ прикладываться ко святымъ иконамъ и святымъ мощамъ.

Въ сіе время, стоявшіе шпалерами вдоль пути шествія Ихъ Величествъ въ соборъ, придворные чины и кавалеры переходятъ къ дверямъ Благовѣщенскаго собора и выстраиваются по-парно, начиная отъ дверей собора, по помосту, ведущему на Красное крыльцо, младшіе впереди, для предшествованія Ихъ Величествамъ изъ Благовѣщенскаго собора въ Кремлевскій дворецъ.

Изъ Успенскаго собора Ихъ Императорскія Величества изволятъ шествовать съ августѣйшими особами, имѣя позади Себя: министра Императорскаго Двора, военнаго министра, командующаго Императорскою главною квартирой и дежурныхъ — генералъ-адъютанта свиты Его Величества генералъ-маіора и флигель-адъютанта въ предшествіи коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстеровъ и верховнаго церемоніймейстера, гофмаршала, оберъ-гофмаршала и высокопреосвященнаго митрополита московскаго и въ сопровожденіи придворныхъ дамъ и всѣхъ знатныхъ обоего пола особъ, находившихся въ Успенскомъ соборѣ, въ Архангельскій соборъ, въ которомъ, до Высочайшаго прибытія, будетъ совершено благодарственное молебствіе, и гдѣ встрѣтитъ Ихъ Величества высокопреосвященный архіепископъ новгородскій.

Въ Архангельскомъ соборѣ Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества приложатся ко святымъ иконамъ и мощамъ и поклонятся гробницамъ Своихъ предковъ, а затѣмъ изволятъ слѣдовать въ Благовѣщенскій соборъ въ предшествіи тѣхъ же придворныхъ чиновъ и высокопреосвященнаго митрополита московскаго. Сопровождавшія Ихъ Величества и Ихъ Высочества изъ Успенскаго собора придворныя дамы и знатныя обоего пола особы

не входятъ въ Архангельскій соборъ, а, пройдя къ западнымъ дверямъ онаго, ожидаютъ выхода Ихъ Величествъ и сопровождаютъ Ихъ Величества до дверей Благовѣщенскаго собора, въ который также не входятъ, а затѣмъ слѣдуютъ за Высочайшими особами въ Кремлевскій дворецъ. У дверей Благовѣщенскаго собора Ихъ Величества и Ихъ Высочества будутъ встрѣчены протопресвитеромъ сего собора.

Коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры и верховный церемоніймейстеръ, гофмаршалъ и оберъ-гофмаршалъ въ Благовѣщенскій соборъ не входятъ, а становятся: первые три — впереди придворныхъ кавалеровъ, гофмаршалъ—между вторыми и первыми чинами Двора, а оберъ-гофмаршалъ—во главѣ первыхъ чиновъ Двора.

До прибытія Ихъ Величествъ въ Благовѣщенскій соборъ совершено будетъ благодарственное молебствіе.

Ихъ Величества, войдя въ Благовѣщенскій соборъ, приложатся ко святымъ иконамъ и затѣмъ, въ предшествіи хора придворныхъ пѣвчихъ и протопресвитера собора, изволятъ шествовать по помосту къ Красному крыльцу, на нижней площадкѣ коего будетъ находиться придворное духовенство со крестомъ и святой водой.

Высокопреосвященный митрополитъ московскій останавливается въ Благовѣщенскомъ соборѣ.

Отъ дверей Благовѣщенскаго собора, впереди пѣвчихъ и духовенства, идетъ Дворъ. Все шествіе слѣдуетъ по Красному крыльцу въ Кремлевскій дворецъ. На нижней же площадкѣ Краснаго крыльца встрѣтятъ Ихъ Императорскія Величества верховный маршалъ и завѣдующій дворцовою частью въ Москвѣ, причемъ верховный маршалъ поднесетъ Его Величеству хлѣбъ-соль и слѣдуетъ за Ихъ Величествами, позади министра Императорскаго Двора, до Владимірскаго зала.

Ихъ Величества изволятъ шествовать во внутренніе покои Кремлевскаго дворца черезъ святыя сѣни и Владимірскій залъ, въ которомъ протопресвитеръ Благовѣщенскаго собора, осѣнивъ Ихъ Величества крестнымъ знаменіемъ, отбываетъ, вмѣстѣ съ придворнымъ духовенствомъ и пѣвчими, въ церковь Спаса за золотою рѣшеткой.

Изъ Владимірскаго зала Высочайшее шествіе въ прежнемъ порядкѣ слѣдуетъ черезъ Георгіевскій, Александровскій, Тронный и Екатерининскій залы, причемъ верховный маршалъ непосредственно предшествуетъ Его Величеству.

Въ Екатерининскій залъ входятъ, по порядку шествія: коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры, верховный церемоніймейстеръ, гофмаршалъ, первые чины Высочайшаго Двора, оберъ-гофмаршалъ, верховный маршалъ, министръ Императорскаго Двора, командующій Императорскою главною квартирой, дежурные—генералъ-адъютантъ, свиты Его Величества генералъ-маіоръ и флигель-адъютантъ и придворныя дамы. Всѣ остальныя особы, предшествовавшія и сопровождавшія Ихъ Величества и августѣйшихъ Особъ, останавливаются въ Тронномъ залѣ, въ которомъ придворные чины и кавалеры становятся по правую отъ трона сторону, спиной къ окнамъ.

При входѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Кремлевскій дворецъ, по сигналу, данному комендантомъ, будетъ произведенъ 101 выстрѣлъ и во всѣхъ церквяхъ начнется колокольный звонъ, продолжающійся во весь день, а ввечеру городъ, кромѣ Кремля, будетъ иллюминованъ.

Подписалъ: министръ Императорскаго Двора

Графъ Воронцовъ-Дашковъ.

Укрѣпленіе электрическихъ лампочекъ на орлѣ Спасской башни для иллюминаціи Кремля.

По рисунку Ф. де-Гаанена съ натуры.

Работы внутри Успенскаго собора въ Москвѣ по приготовленію его къ Священному Коронованію.

По рисунку съ натуры Ф. де-Гаанена.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

ЦЕРЕМОНІАЛЪ

ТОРЖЕСТВЕННАГО ОБЪЯВЛЕНІЯ

О ДНѢ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

И

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

Въ теченіе трехъ послѣднихъ дней, предъ совершеніемъ обряда Священнаго Коронованія, учинено будетъ всенародное торжественное о томъ объявленіе.

Для сего назначается, подъ командою одного генералъ-адъютанта, въ чинѣ полнаго генерала, особый отрядъ, въ составѣ: двухъ генералъ-адъютантовъ, генералъ-лейтенантскаго чина, двухъ коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстеровъ, двухъ герольдовъ, четырехъ церемоніймейстеровъ, двухъ сенатскихъ секретарей, всѣ верхомъ, и двухъ въ конномъ строю дивизіоновъ — одного отъ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка, съ литаврщиками и полными хорами трубачей; изъ сихъ послѣднихъ — при каждомъ дивизіонѣ по два трубача (отдѣльно отъ хоровъ), съ трубами, украшенными золотою парчею, съ изображеніемъ Государственнаго герба. Всѣ означенныя лица, за исключеніемъ герольдовъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ дивизіоновъ имѣютъ по мундиру, чрезъ правое плечо шелковые шарфы трехъ цвѣтовъ Имперіи, обшитые по концамъ золотою бахромою. Герольды, коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры и церемоніймейстеры, съ жезлами. Герольды въ особой, званію сему, для торжествъ присвоенной одеждѣ.

При нихъ 12 заводныхъ верховыхъ лошадей, въ богатыхъ попонахъ

Въ первый день, въ 9 часовъ утра, особы и войска, составляющія вышеупомянутый отрядъ, собираются въ Кремлѣ, на площади между арсеналомъ и казармой, откуда перейдутъ на Сенатскую площадь и тамъ строятся слѣдующимъ порядкомъ:

Оба дивизіона развернутымъ фронтомъ, имѣя хоры трубачей и литаврщиковъ, кавалергардскій — на правомъ, конногвардейскій — на лѣвомъ флангѣ.

Заводныя лошади, по обѣимъ сторонамъ: шесть — на правомъ флангѣ трубачей кавалергардскихъ, шесть — на лѣвомъ флангѣ трубачей конногвардейскихъ.

Начальствующій генералъ предъ серединою фронта, имѣя: предъ собою двухъ сенатскихъ секретарей, по обѣимъ сторонамъ, по одному генералъ-адъютанту, по одному коронаціонному оберъ-церемоніймейстеру, по одному герольду и по два церемоніймейстера, а за собою четырехъ трубачей, съ гербовыми трубами.

По приказанію, данному начальствующимъ генераломъ, герольды поднимаютъ жезлы, и, по сему сигналу, присутствующіе обнажаютъ головы, трубачи трубятъ сборъ, по окончаніи коего, одинъ изъ секретарей, не сходя съ лошади, читаетъ объявленіе слѣдующаго содержанія:

»Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій Государь Императоръ Николай Александровичъ, восшедъ на прародительскій наслѣдственный престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго, по образу благочестивыхъ государей, предковъ Своихъ, указать соизволилъ: Священнѣйшему Коронованію Его Императорскаго Величества и отъ святого мура помазанію быть, при помощи Всевышняго, сего мая въ 14-й день. Къ священному сему дѣйствію Его Императорское Величество указалъ пріобщить и супругу Свою Великую Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну. О семъ торжествѣ всѣмъ вѣрноподданнымъ чрезъ сіе возвѣщается, дабы въ вожделѣнный оный день усугубили мольбы свои къ Царю царствующихъ, да всемощною Своею благодатію пріосѣнитъ царство Его Величества и да утвердитъ въ немъ миръ и тишину, во славу Свою святую, и къ непоколебимому благоденствію государства«.

По прочтеніи сего объявленія, герольды раздаютъ народу печатные экземпляры онаго, а хоры трубачей играютъ народный гимнъ: »Боже, царя храни«.

Засимъ весь отрядъ направляется, чрезъ Спасскія ворота, на Красную площадь, къ памятнику князя Пожарскаго и Минина, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Четыре заводныя верховыя лошади — для церемоніймейстеровъ.
2) Двѣ — для герольдовъ.
3) Четыре — для коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстеровъ (для каждаго по двѣ).
4) Двѣ — для начальствующаго генерала.
5) Дивизіонъ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка, по взводно, имѣя впереди оба хора трубачей и обоихъ литаврщиковъ.
6) Два герольда, которымъ предшествуютъ четыре трубача, съ гербовыми трубами.
7) Четыре церемоніймейстера, по два въ рядъ.
8) Два коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстера.
9) Начальствующій генералъ.
10) Два генералъ адъютанта.
11) Два сенатскихъ секретаря.
12) Дивизіонъ лейбъ - гвардіи коннаго полка по взводно же.

На сей площади весь отрядъ строится прежнимъ порядкомъ, и объявленіе вновь прочитывается и раздается народу вышесказаннымъ порядкомъ. Затѣмъ начальствующій генералъ раздѣляетъ отрядъ на двѣ равныя части, составляя: первую изъ старшихъ — одного генералъ-адъютанта, одного коронаціоннаго оберъ-церемоніймейстера, двухъ церемонійместеровъ, одного сенатскаго секретаря и двухъ эскадроновъ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка, со своимъ хоромъ трубачей и литаврщикомъ, и при шести заводныхъ лошадяхъ; вторую — изъ тѣхъ же лицъ, но младшихъ чиновъ и двухъ эскадроновъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, также со своимъ хоромъ трубачей и литаврщикомъ, при шести же заводныхъ лошадяхъ. По исполненіи сего, начальствующій генералъ направляетъ оба отряда, подъ командою двухъ генералъ-адъютантовъ, генералъ-лейтенантскаго чина, на назначенныя для объявленія мѣста.

Каждый отрядъ шествуетъ по назначенію въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Шесть заводныхъ лошадей.
2) Первый эскадронъ, по взводно, имѣя впереди хоръ трубачей и литаврщика своего полка.
3) Герольдъ, которому предшествуютъ два трубача съ гербовыми трубами.
4) Два церемоніймейстера.
5) Коронаціонный оберъ-церемоніймейстеръ.
6) Командующій генералъ-адъютантъ.
7) Секретарь сената.
8) Второй эскадронъ по взводно же.

По прибытіи отряда къ мѣсту назначенному для объявленія, оба эскадрона строятся во фронтъ, трубачи и литаврщикъ, — на правомъ флангѣ, три заводныя лошади — вправо отъ трубачей, три — влѣво отъ эскадроновъ; командующій генералъ-адъютантъ — впереди середины фронта, имѣя: предъ собою сенатскаго секретаря и герольда, по сторонамъ: по правую — коронаціоннаго оберъ-церемоніймейстера, и по лѣвую — двухъ церемоніймейстеровъ, а позади себя двухъ трубачей, съ гербовыми трубами.

По приказанію командующаго генералъ-адъютанта, объявленіе тѣмъ же порядкомъ прочитывается и раздается:

ПЕРВОЮ ЧАСТЬЮ ОТРЯДА:

У воротъ: Варваринскихъ,
Ильинскихъ и
Владимірскихъ.
На площади Большого театра.
У воротъ: Воскресенскихъ,
Троицкихъ и
Боровицкихъ.

ВТОРОЮ ЧАСТЬЮ ОТРЯДА:

У Рыбнаго рынка.
На Болотной площади.
У Калужскихъ воротъ.
У Серпуховскихъ воротъ.
У Краснохолмскаго моста.

На другой день, по утру, въ 9 же часовъ, весь отрядъ снова собирается въ Кремлѣ, на площади между арсеналомъ и казармой и направляется, какъ и въ первый день, на Красную площадь, гдѣ, не останавливаясь, по командѣ главнаго начальника, раздѣляется на тѣ же двѣ части. Объявленіе и раздача совершаются въ порядкѣ, соблюденномъ въ первый день:

ПЕРВОЮ ЧАСТЬЮ ОТРЯДА:

У Таганскаго рынка.
У воротъ: Яузскихъ,
Покровскихъ,
Мясницкихъ и
Красныхъ.
На площади Іоанна Предтечи.
На Воронцовомъ полѣ, у церкви Пророка Иліи.

ВТОРОЮ ЧАСТЬЮ ОТРЯДА:

У Каменнаго моста.
У воротъ: Арбатскихъ,
Никитскихъ,
Тверскихъ и
Петровскихъ.
У Рождественскаго монастыря.

Въ третій день, въ томъ же порядкѣ, повторяется чтеніе и раздача объявленія:

ПЕРВОЮ ЧАСТЬЮ ОТРЯДА:

У Тріумфальныхъ воротъ.
У Каретнаго ряда.
На Самотекѣ.
У Сухаревой башни.
На Разгуляѣ, у церкви Богоявленія.
На Нѣмецкомъ рынкѣ.

ВТОРОЮ ЧАСТЬЮ ОТРЯДА:

Въ Зубовѣ.
На Смоленскомъ рынкѣ.
На Кудринской площади.

Во время шествія отрядовъ, отъ одного мѣста объявленія до другого, хоры трубачей играютъ марши.

Для указанія пути, впереди каждаго отряда, слѣдуютъ: одинъ оберъ-офицеръ и двое рядовыхъ московскаго жандармскаго дивизіона.

Иностранные послы и посланники извѣщаются о днѣ Священнаго Коронованія церемоніймейстерами, которые будутъ посланы къ нимъ въ парадныхъ золоченыхъ каретахъ, а повѣренные въ дѣлахъ — правителемъ дѣлъ экспедиціи церемоніальныхъ дѣлъ.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

ЦЕРЕМОНІАЛЪ

перенесенія въ Москвѣ Императорскихъ регалій изъ Оружейной палаты въ Тронный залъ Большого Кремлевскаго дворца.

Императорскія регаліи будутъ перенесены изъ Оружейной палаты въ Большой Кремлевскій дворецъ наканунѣ дня, назначеннаго для торжества Св. Коронованія.

Въ Оружейной палатѣ верховный маршалъ вручитъ Императорскія регаліи, въ надлежащей послѣдовательности, ассистентамъ тѣхъ сановниковъ, кои въ день Св. Коронованія, при шествіи Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Успенскій соборъ, нести ихъ долженствуютъ.

По принятіи ассистентами регалій, шествіе направится въ Тронный залъ Большого Кремлевскаго дворца, чрезъ крыльцо, ведущее на Боярскую площадку, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Взводъ дворцовыхъ гренадеръ.

Два церемоніймейстера, съ жезлами.

Два коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстера, съ жезлами.

Сановники, къ несенію регалій назначенные, по два въ рядъ.

Верховный церемоніймейстеръ, съ жезломъ.

Верховный маршалъ, съ жезломъ.

Два герольда, въ ихъ уборѣ.

Императорскія регаліи, несомыя на подушкахъ изъ золотой парчи, окаймленныхъ разноцвѣтными, по цвѣтамъ Имперіи, тесьмою и кистями:

Цѣпь ордена св. Апостола Андрея Первозваннаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

Государственный мечъ.

Государственное знамя.

Государственная печать.

Порфира Ея Императорскаго Величества.

Порфира Его Императорскаго Величества.

Держава.

Скипетръ.

Корона Императорская малая.

Корона Императорская большая.

Съ каждой стороны Императорской регаліи, идетъ дворцовый гренадеръ.

Шествіе заключается взводомъ роты дворцовыхъ гренадеръ.

По прибытіи ко дворцу, Императорскія регаліи встрѣчены будутъ:

У нижней ступени крыльца на Боярскую площадку — камеръ-фурьеромъ и двумя гофъ-фурьерами.

На верхней площадкѣ сего крыльца — двумя церемоніймейстерами съ жезлами, двумя камергерами и двумя камеръ-юнкерами.

Во Владимірскомъ залѣ — гофмаршаломъ съ жезломъ, а въ Тронномъ залѣ — оберъ-гофмаршаломъ съ жезломъ.

Оба взвода роты дворцовыхъ гренадеръ останавливаются внизу у крыльца, ведущаго на Боярскую площадку.

Шествіе направится по заламъ Кремлевскаго дворца въ Тронный залъ, въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

Два гофъ-фурьера и камеръ-фурьеръ.

Четыре церемоніймейстера.

Два коранаціонные оберъ-церемоніймейстера.

Сановники, къ несенію Регалій назначенные, по два въ рядъ,

Верховный церемоніймейстеръ.

Два герольда.

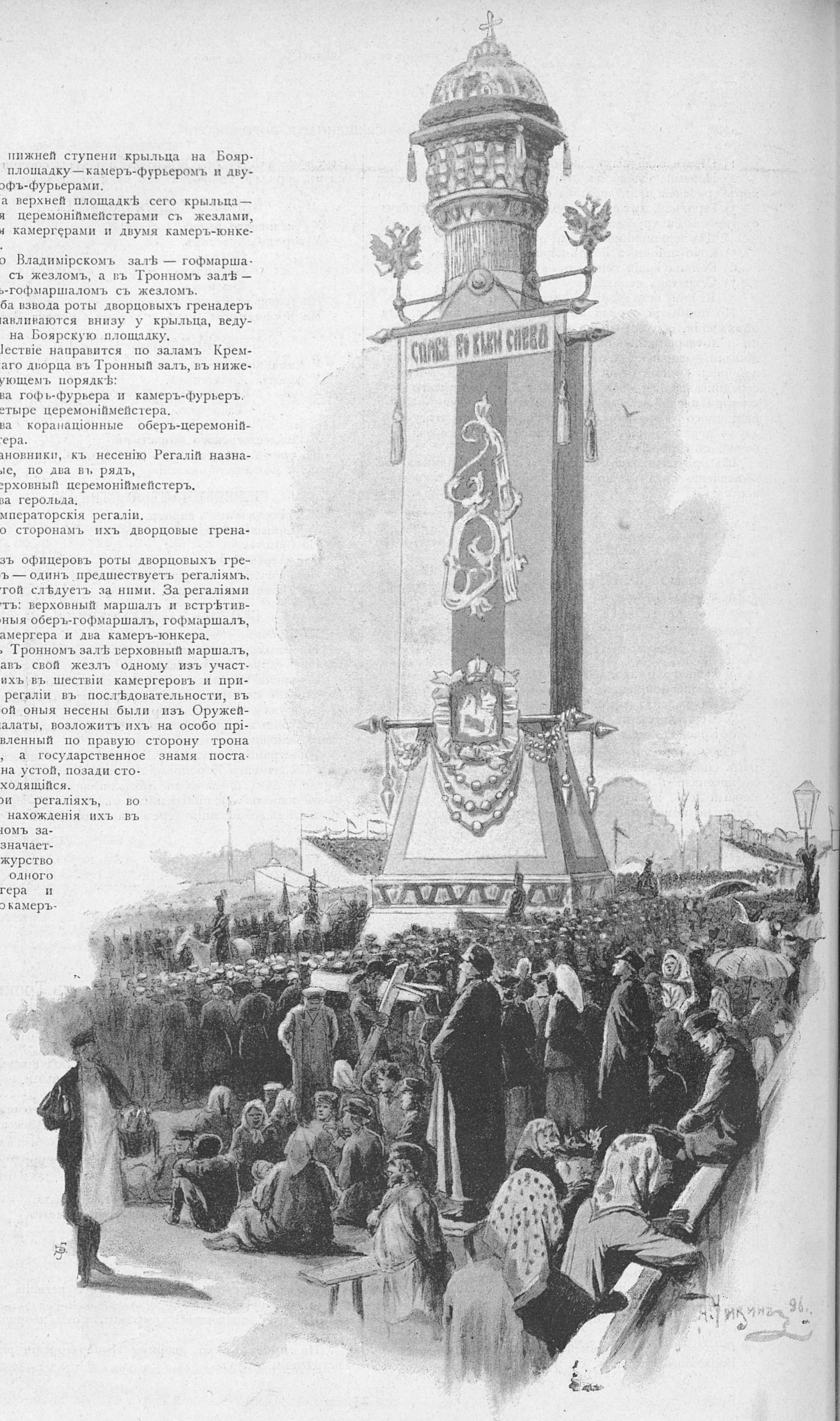
Императорскія регаліи.

По сторонамъ ихъ дворцовые гренадеры.

Изъ офицеровъ роты дворцовыхъ гренадеръ — одинъ предшествуетъ регаліямъ, а другой слѣдуетъ за ними. За регаліями пойдутъ: верховный маршалъ и встрѣтившіе оныя оберъ-гофмаршалъ, гофмаршалъ, два камергера и два камеръ-юнкера.

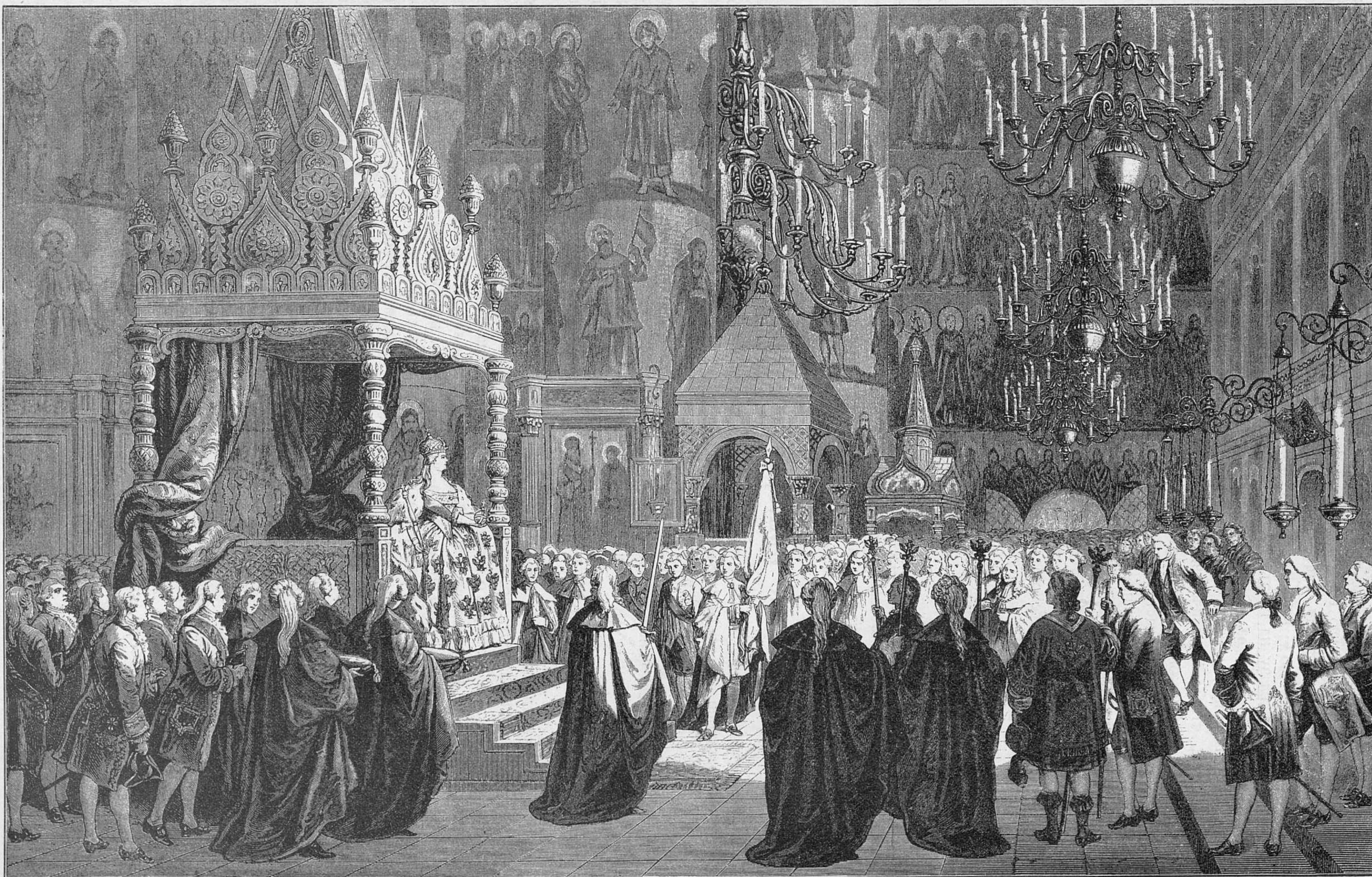
Въ Тронномъ залѣ верховный маршалъ, передавъ свой жезлъ одному изъ участвующихъ въ шествіи камергеровъ и принявъ регаліи въ послѣдовательности, въ которой оныя несены были изъ Оружейной палаты, возложитъ ихъ на особо приготовленный по правую сторону трона столъ, а государственное знамя поставитъ на устой, позади стола находящійся.

При регаліяхъ, во время нахожденія ихъ въ Тронномъ залѣ, назначается дежурство изъ одного камергера и одного камеръ-

У Тверской заставы. Въ ожиданіи торжественнаго въѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москву.

Съ натуры рисовалъ А. А. Чикинъ.

Коронованіе императрицы Екатерины II 22-го сентября 1762 года.

Со старинной гравюры рисовалъ К. О. Брожъ.

гдѣ его ожидали часомъ ранѣе пріѣхавшія царевны Наталія Алексѣевна и Елисавета Петровна; послѣдняя была любимицею Петра II, который въ день ея имянинъ въ 1872 году подарилъ ей всѣ имѣнія, принадлежавшія Екатеринѣ I, а воспитатель государя, Остерманъ, писалъ Меншикову, что онъ не знаетъ какъ ему быть, чтобы своего воспитанника съ Елисаветою Петровною не оставлять »съ глазу на глазъ«.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, именно 9-го февраля, Петръ II явился въ засѣданіе верховнаго тайнаго совѣта, но »на мѣсто свое садиться не изволилъ, а изволилъ стоять и объявилъ, что желаетъ, чтобы ея величество, бабка его, по своему высокому достоинству во всякомъ удовольствіи содержана была«. Любопытно также, что верховный совѣтъ не разрѣшилъ при короновании Петра II сказать наставительную рѣчь, въ которой вѣнчанному императору давалось наставленіе быть послушнымъ сыномъ православной церкви, почитать ея пастырей и проч. Резолюція совѣта была — »чтобы предикѣ не быть« (см. Барсовъ: »Чинъ вѣнчанія царей«).

24-го февраля совершено было коронованіе Петра II, причемъ первенство было предоставлено новгородскому архіепископу Ѳеофану. По своему характеру эта коронація представляла почти точное повтореніе церемоніала 1724 года и, по словамъ московскаго корреспондента »Петербургскихъ Вѣдомостей«, была отправлена »съ превеликою манифестаціею въ такомъ преизряднoмъ порядкѣ, какъ оное въ одномъ мѣстѣ въ свѣтѣ учинено быть можетъ«.

По случаю коронаціи князья Вас. Вл. Долгорукій и Иванъ Трубецкой произведены въ фельдмаршалы, а Минихъ получилъ графскій титулъ; кромѣ того повышены въ чинахъ еще 37 человѣкъ.

Въ Петербургѣ день 24-го февраля былъ отпразднованъ торжественно, а наканунѣ въ академіи наукъ было парадное засѣданіе, въ заключеніе котораго Байеръ (изобрѣтатель славянъ — варяговъ — отъ шведовъ) прочелъ панегирики» въ латинскихъ виршахъ, ради коронованія«.

Коронованіе императрицы Анны Іоанновны

Императрица Анна Іоанновна пріѣхала изъ Курляндіи 10-го февраля 1730 года и, по примѣру Петра II, остановилась въ селѣ Всесвятскомъ, у царевны имеретинской, дочери грузинскаго царя Арчила, гдѣ прожила пять дней, ожидая похоронъ Петра II. О прибытіи Анны Іоанновны въ с. Всесвятское было заявлено въ »С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ« лишь 16-го февраля 1730 года.

14-го числа верховный тайный совѣтъ, сенатъ и генералитетъ отправились благодарить государыню за дарованную народу милость. При этомъ графъ Головкинъ, какъ старшій кавалеръ, поднесъ ей орденъ св. Андрея, что не особенно понравилось Аннѣ; такъ какъ она считала этотъ орденъ принадлежавшимъ ей по праву, то, принимая его, она сказала: »Да, правда, я и позабыла его одѣть!..«

На слѣдующій день состоялся торжественный въѣздъ ея величества въ Москву. Впереди кортежа верхами ѣхала рота преображенцевъ, за которой слѣдовали, запряженныя цугомъ, пустыя кареты генералитета и знатнаго дворянства — счетомъ двадцать одна — со служителями въ парадныхъ ливреяхъ. За ними ѣхало восемь каретъ, каждая въ шесть лошадей цугомъ, и въ нихъ помѣщались члены верховнаго тайнаго совѣта и прочія знатныя особы, въ богатомъ цвѣтномъ платьѣ. Далѣе шли четыре камеръ-лакея государыни, а за ними семь парадныхъ каретъ цугами, съ лошадьми въ вызолоченныхъ шорахъ; кучера и форейтеры въ парадныхъ ливреяхъ съ золотыми позументами; четыре изъ этихъ каретъ ѣхали пустыми, въ остальныхъ помѣщались придворныя дамы. Затѣмъ ѣхали двадцать одинъ человѣкъ знатныхъ особъ, а во главѣ ихъ генералъ-маіоръ кн. А. И. Шаховской. Далѣе шелъ отрядъ кавалергардовъ подъ командою И. И. Дмитріева-Мамонова, предшествуемый трубачами и литаврщиками. Сама императрица ѣхала въ золотой каретѣ, запряженной девятью богато убранными лошадьми; кучеръ и форейтеры были одѣты въ бархатные, обшитые золотыми позументами, кафтаны; возлѣ каждой лошади шелъ придворный конюхъ. Передъ каретой императрицы ѣхали два камеръ-фурьера, шли двѣнадцать придворныхъ лакеевъ, четыре араба и скорохода, подлѣ самой кареты шесть гайдуковъ, а сзади ѣхали верхами караульные кавалергарды подъ командою кн Н. Ю. Трубецкаго. По обѣимъ сторонамъ кареты гарцовали три депутата, возившіе »кондиціи« въ Митаву. Шествіе замыкалось гренадерской ротой л.-гв. Семеновскаго полка.

Въ Успенскомъ соборѣ, который былъ обставленъ войскомъ, прочли новую форму присяги, отличіе которой отъ всѣхъ прежнихъ состояло въ томъ, что присягали »государынѣ и отечеству«. Двѣ недѣли спустя, 1-го марта, въ 8 часовъ утра, во всѣхъ соборахъ и церквяхъ московскихъ учинена была вторичная присяга, но на этотъ разъ одной императрицѣ Аннѣ, такъ какъ 25-го февраля, по челобитной дворянъ, подписанной 150-ю лицами, государыня разорвала

прежде подписанные ею пункты и приняла »самодержавство таково, каково имѣли ея славные и достохвальные предки«.

Послѣ этого начались приготовленія къ коронаціи, которая состоялась 28-го апрѣля. Священнодѣйствіе совершалъ новгородскій архіепископъ Ѳеофанъ, несмотря на то, что враги его просили Анну Іоанновну »не допускать еретическія руки его до мvропомазанія«, ссылаясь на то, что »онъ былъ допущенъ до коронаціи Екатерины I и Петра II — царство ихъ было кратковременно, Петра II обручалъ съ двумя невѣстами, а свадьбы не было, вѣнчалъ цесаревну Анну с герцогомъ Голштинскимъ — и цесаревна скоро скончалась...«

По возложеніи мантіи и короны архіепископъ вручилъ ея величеству скипетръ въ правую руку и державу въ лѣвую. Затѣмъ, послѣ пѣнія многолѣтія, Анна, во всемъ царскомъ облаченіи, преклонила колѣни, и ею впервые прочтена была умилительная молитва, составляющая одно изъ самыхъ существенныхъ отличій императорскаго вѣнчанія: »Господи Боже отцовъ и Царю царствующихъ, сотворивый вся словомъ Твоимъ« и проч. Мvропомазаніе Анны, какъ царствующей особы, было совершено не только на челѣ, груди и рукахъ, какъ Екатерины I, но на одномъ плечѣ, на очахъ, ноздряхъ, устахъ и ушахъ. Послѣ того ея величество была введена чрезъ царскія врата внутрь алтаря и пріобщилась Св. Таинъ. По поводу такого причащенія по чину священнослужителей въ описаніи ея коронованія, въ оправданія такого причащенія, прибавлено: »какъ прежде сего всѣ міряне причащалися«.

Изъ Успенскаго собора императрица въ мантіи, коронѣ и регаліяхъ шествовала подъ балдахиномъ въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, а отсюда ко дворцу и вышла подъ балдахиномъ на Красное крыльцо; во время этого шествія въ народъ бросали золотые и серебряные жетоны. Пока шли приготовленія къ столу, государыня оставалась въ Мастерской палатѣ; и здѣсь были объявлены повышенія въ чинахъ 36 человѣкъ и въ первый разъ по случаю коронаціи даны были населенныя имѣнія: фельдмаршалу князю Голицыну и графу Андрею Остерману.

Столъ былъ въ Грановитой палатѣ, гдѣ ожидавшія императрицу свѣтскія и духовныя особы стояли въ двѣ линіи по разрядамъ. Когда ея величество взошла на возвышеніе, первый архіерей благословилъ трапезу, послѣ чего государыня сѣла къ столу, стоявшему подъ балдахиномъ; затѣмъ были розданы золотыя и серебряныя медали съ изображеніемъ и надписями, объясняющими событія, которыми сопровождалось вступленіе на царство. Верховный совѣтъ, предлагая престолъ Аннѣ Іоанновнѣ, имѣвшей менѣе правъ, чѣмъ дочь Петра I Елисавета, взялъ съ нея ограничительную грамату, которую, какъ мы уже выше сказали, она по просьбѣ 150 дворянъ и духовенства уничтожила; поэтому на одной сторонѣ медали гласила надпись: »Божіею милостію Анна, императрица и самодержица Всероссійская«, а на другой ея портретъ и стоящія подлѣ: Вѣра, Надежда и Любовь, подающія императрицѣ корону, скипетръ и державу, съ надписью: »Богомъ, родомъ и сими изъявляя, яко ни отъ кого, токмо отъ Бога« и проч. Послѣ обѣда Анна Іоанновна вернулась во внутренніе покои, гдѣ курляндецъ Биронъ былъ пожалованъ въ оберъ-камергеры. 2-го мая императрица ѣздила въ Головинскій дворецъ, гдѣ въ саду были устроены шатры со столиками, нагруженными конфектами, винами и прохладительными напитками. Послѣ заката солнца дворъ наслаждался созерцаніемъ иллюминаціи въ 20.000 лампъ, причемъ начался во дворцѣ балъ. Изъ Головинскаго дворца императрица уѣхала въ полночь и вернулась въ Москву, чрезъ Нѣмецкую слободу, гдѣ дома иностранныхъ пословъ были иллюминованы, а передъ домомъ цесарскаго посла были даже построены тріумфальныя ворота.

3-го мая былъ балъ въ Грановитой палатѣ, который начался въ 5-мъ часу пополудни; для увеселенія гостей персіянинъ ходилъ по канату, протянутому отъ Краснаго крыльца къ колокольнѣ Ивана Великаго. Этотъ же персіянинъ вторично ходилъ и танцовалъ на канатѣ 10-го мая, когда для народа, послѣ коронаціи, вторично было устроено угощеніе. Въ заключеніе былъ сожженъ блистательный фейерверкъ.

Въ Петербургѣ Минихъ въ день коронаціи въ своемъ домѣ (стоявшемъ на берегу Невы, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится зданіе сената), угощалъ именитыхъ обывателей обѣдомъ, а вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ, устроенный полковникомъ Шпаррейтеромъ (начальникомъ петербургскаго пороховаго завода и перваго преподавателя теоріи баллистики въ Россіи), главнымъ украшеніемъ котораго были три щита; на среднемъ находилась цѣлая картина, изображавшая императрицу Анну Іоанновну въ полномъ коронаціонномъ уборѣ со скипетромъ и державою въ рукахъ.

Академія же наукъ сочинила и поднесла, какъ сказано на экземплярѣ, in folio, хранящемся въ Публичной библіотекѣ, изъ собранія Петра Фролова, »поздравительную оду«, которою »съ всеподданнѣйшею покорностью« прославляла императрицу.

Коронованіе императрицы Елисаветы Петровны

Императрица Елисавета Петровна отправилась на коронацію изъ Петербурга 23-го февраля 1742 года, а 26-го числа, въ 5-мъ часу пополудни, прибыла уже въ село Всесвятское, гдѣ отдыхала 27-е число и на слѣдующій день торжественно въѣзжала въ столицу прародителей. Она пріѣхала изъ с. Всесвятскаго въ Тверскую слободу, гдѣ пересѣла въ парадную карету, и затѣмъ началась церемонія въѣзда ея по порядку, который съ малыми измѣненіями сохранился до нашихъ дней.

Въ самой Москвѣ было устроено пять тріумфальныхъ воротъ: у Земляного города, на Тверской, на Мясницкой, въ Китаѣ-городѣ и на Яузѣ, у дворца императрицы. Планы нѣкоторыхъ изъ воротъ, говорятъ, были составлены знаменитымъ архитекторомъ того времени княземъ Ухтомскимъ, украшенія аллегорическія на нихъ и самыя надписи приписываютъ Амвросію, архіепископу новгородскому и академику Якову Штелину.

По обѣимъ сторонамъ улицъ стояли елки въ видѣ »зеленой аллеи«, а всѣ дома были убраны сукномъ, коврами и »прочими преизрядными шелковыми и шерстяными матеріями«.

Елисавета Петровна ѣхала въ каретѣ, запряженной восемью породистыми лошадьми; по сторонамъ дверецъ кареты ѣхали верхами кн. Куракинъ и Воронцовъ.

За государыней слѣдовалъ въ золотой каретѣ юный герцогъ голштинскій Петръ Ѳеодоровичъ, племянникъ императрицы, и много придворныхъ особъ. До Кремля шествіе двигалось среди еще свѣжихъ слѣдовъ пожара, нанесшаго Москвѣ страшное опустошеніе въ 1737 г.; многіе дома и церкви стояли безъ крышъ.

У Красныхъ воротъ императрицу встрѣтило первостатейное купечество съ поздравленіемъ и поднесло ей и герцогу Петру богатые подарки, въ числѣ которыхъ на блюдѣ находился драгоцѣнный »діамантъ«. У кремлевской рѣшетки встрѣтилъ Елисавету Петровну преосвященный архіепископъ Амвросій съ духовенствомъ; въ привѣтственной рѣчи своей онъ восхвалялъ императрицу, какъ возстановительницу попраннаго православнаго благочестія и напомнилъ, что до ея вступленія на престолъ »не токмо учителей, но и ученіе и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли и уже къ тому приходило, что о вѣрѣ своей и отворить уста было опасно«.

Послѣ хожденія монархини по церквамъ и поклоненія кремлевской святынѣ государыня уѣхала въ свой яузскій дворецъ, гдѣ давались балы, куртаги, маскарады, а по вечерамъ сжигались »потѣшные огни«.

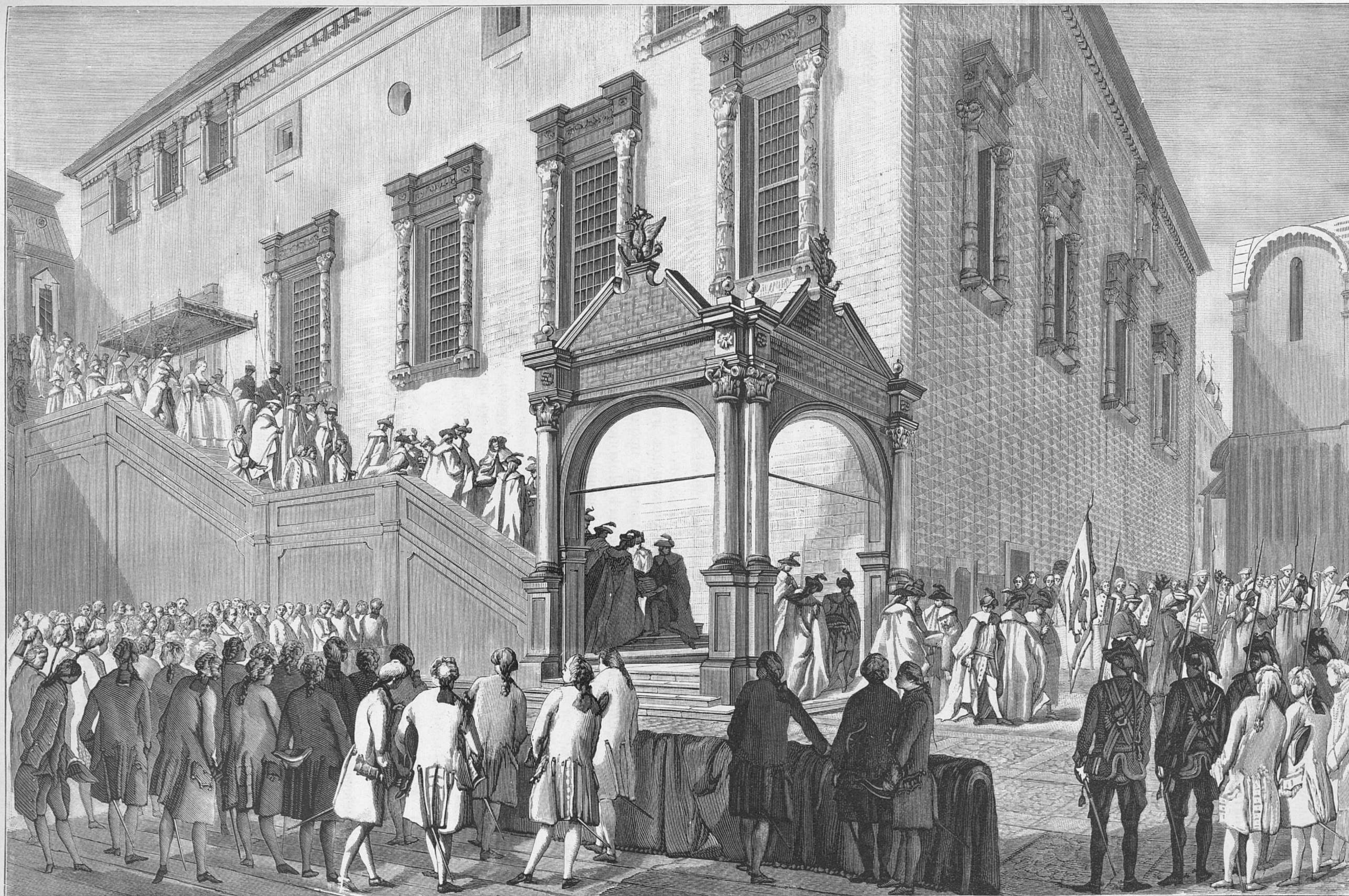
Скоро затѣмъ наступилъ великій постъ, и веселье прекратилось, но за это время шли приготовленія къ коронаціи. Многое велѣно было сдѣлать заново, какъ, напр., возвышенія въ Успенскомъ соборѣ и Грановитой палатѣ и т. п. Парчи, бархаты, позументы и бахрому приказано было покупать на русскихъ фабрикахъ въ Москвѣ и изъ рядовъ; если же чего готоваго не сыщется, то о томъ писать въ сенатъ. На издержки по приготовленіямъ было отпущено сперва 30.000 руб., да потомъ еще добавлено 39.000 руб., изъ которыхъ 19.000 руб. назначены были на фейерверкъ.

Тріумфальныя ворота приказано было строить на Земляномъ городѣ, на Тверской изъ доходовъ губерніи; въ Китаѣ-городѣ, у церкви Казанской Богородицы, изъ доходовъ коллегіи экономіи, а на Мясницкой — купечеству на свое иждивеніе.

Праздникъ Пасхи Елисавета Петровна встрѣтила въ любимомъ ею своемъ Покровскомъ селѣ, гдѣ прошла ея молодость, въ новой церкви, только что оконченной постройкой. За три дня до коронаціи была обычная публикація на Ивановской площади, а въ слободы были отправлены два сенатскихъ секретаря, которые, помимо чтенія, впервые бросали въ народъ печатные экземпляры объявленія о коронаціи.

Священнодѣйствіе вѣнчанія было совершено въ томъ же порядкѣ, какъ при императрицѣ Аннѣ, первенствующимъ архіепископомъ Амвросіемъ, но съ добавленіемъ лишь нѣсколькихъ молитвъ. Увеличено было также число регалій тремя новыми. Именно при шествіи въ Успенскій соборъ въ эту коронацію, прежде мантіи, державы, скипетра и короны, несли знамя (или паниръ), печать и мечъ остріемъ вверхъ.

По окончаніи коронаціонной церемоніи Елисавета Петровна, посѣтивъ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, вернулась во дворецъ, гдѣ былъ объявленъ милостивый манифестъ, и потомъ такого рода манифесты издавались при каждой изъ послѣдующихъ коронацій. Кромѣ того многія лица были произведены въ чины и пожалованы орденами, а родственники императрицы со сто-

Коронованіе императрицы Екатерины II. — Шествіе съ Краснаго крыльца въ Архангельскій соборъ.

Факсимиле одной изъ гравюръ, изданныхъ въ 1762 г. по случаю коронованія Екатерины II.

Гравировалъ И. И. Хелмицкій.

роны матери ея, Гендриковы и Ефимовскіе,—которымъ по свидѣтельству Костомарова при Аннѣ Іоанновнѣ запрещалось даже владѣть имѣніями, — а также Чернышевъ и Петръ Бестужевъ были возведены въ графское достоинство. Фельдмаршалъ же Ласси, генералъ Кейтъ и эстляндскій губернаторъ баронъ фонъ-Левендаль пожалованы были имѣніями.

Обѣдъ происходилъ по обычаю въ Грановитой палатѣ. Во время стола пѣлъ итальянскій хоръ подъ аккомпаниментъ музыки, стоявшей въ углахъ палаты, а присутствующимъ роздали золотыя медали, выбитыя въ память коронаціи, съ надписями и изображеніями, обусловленными обстоятельствами вступленія на престолъ. Лицевая сторона изображала императрицу, а кругомъ надпись »Божіею милостію Елисавета, императрица и самодержица Всероссійская«, а на оборотной — промыслъ Божій, изображенный въ легкомъ облакѣ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ щитъ Божьяго защищенія, а въ правой—корону, возлагаемую на главу ея величества.

Въ этотъ же вечеръ и въ продолженіе слѣдующихъ шести дней былъ звонъ колоколовъ по всей Москвѣ, а къ вечеру зажигалась иллюминація въ Кремлѣ и по всему городу.

28-го апрѣля для народа тоже было приготовлено обычное угощеніе: множество бѣлыхъ хлѣбовъ и четыре жареныхъ быка, начиненныхъ птицами, были поставлены на площади, передъ окнами Грановитой палаты. По бокамъ били фонтаны бѣлымъ и краснымъ виномъ. Императрица собственноручно бросала изъ окна въ народъ золотые и серебряные жетоны. И подъ шумный говоръ и радостные клики народной массы начался балъ, послѣ котораго былъ великолѣпный ужинъ.

Придворныя празднества, балы, обѣды, ужины, восьмидневный маскарадъ и другія увеселенія продолжались, съ небольшими перерывами, болѣе мѣсяца, и въ заключеніе сожженъ былъ большой фейерверкъ.

Петербургъ праздновалъ день коронованія Елисаветы Петровны также съ большимъ парадомъ. Съ семи часовъ утра передъ Зимнимъ дворцомъ выстроено было 10.000 человѣкъ солдатъ, а остальныя войска, по случаю сильнаго ледохода, поставлены были на берегу Васильевскаго Острова. Во всѣхъ церквяхъ столицы совершено было торжественное богослуженіе съ молебствіемъ. Въ Зимнемъ дворцѣ, въ церкви, служилъ преосвященный вологодскій архіерей Пименъ (Савеловъ, внукъ предпослѣдняго патріарха Іоакима), а слово говорилъ священникъ Петропавловскаго собора Петръ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ и для народа били фонтаны краснаго и бѣлаго вина.

Императрица Елизавета Петровна возвратилась въ Петербургъ къ самымъ праздникамъ Рождества Христова. Академія наукъ, по примѣру прошлой коронаціи, поднесла ей оду Готлиба-Фридриха-Вильгельма-Юнкера, въ переводѣ Ломоносова, который »Прибытіе императрицы Елисаветы Петровны въ Петербургъ послѣ коронаціи« привѣтствовалъ собственною одою, говоря въ ней:

„Цѣлуй Петрополь ту десницу,
Которой долго ты желалъ:
Ты паки зришь Императрицу,
Что въ сердцѣ завсегда держалъ.
Не такъ поля росы желаютъ,
И въ зной цвѣты отъ жажды таютъ;
Не такъ способныхъ вѣтровъ ждетъ
Корабль, что въ тихій портъ плыветъ:
Какъ сердце наше къ Ней пылало,
Чтобъ къ намъ лицо Ея сіяло“ и т. д.

Коронованіе императрицы Екатерины II

Императрица Екатерина II, вступившая на престолъ 28-го іюня 1762 года, короновалась въ сентябрѣ того же года. Устройство коронаціонныхъ торжествъ было поручено князю Никитѣ Трубецкому, которому приказано было выдать »изъ соляныхъ въ Москвѣ денегъ« 50.000 рублей, кромѣ 20.000 рублей, отпущенныхъ гардеробмейстеру Шкурину, бывшему камеръ-лакею Екатерины. Ив. Ив. Бецкій наблюдалъ за изготовленіемъ новой короны.

Прежде всѣхъ отправился въ Москву сенатъ, въ числѣ 20-ти сенаторовъ; пять остались для дѣлъ въ Петербургѣ; затѣмъ переѣхалъ въ первопрестольную генералитетъ и Дворъ. Именно 27-го августа выѣхалъ Панинъ съ наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ, а 3-го сентября, въ сопровожденіи немногихъ придворныхъ, отправилась и императрица изъ Царскаго Села, куда пріѣхала изъ Петербурга 1-го сентября и 30-го августа ходила пѣшкомъ въ крестномъ ходѣ отъ Казанскаго собора въ Александро-Невскую лавру, гдѣ и оставалась при богослуженіи со всѣмъ своимъ Дворомъ.

9-го сентября Екатерина II прибыла въ Петровское, подмосковское село гетмана Разумовскаго, и остановилась тутъ для отдыха. Черезъ день въ Петровскомъ собрались члены синода и

высшее духовенство, придворныя дамы, кавалеры и другія знатныя особы для принесенія поздравленій. Первымъ сказалъ рѣчь новгородскій архіерей Димитрій, какъ старшій членъ синода; потомъ подошелъ запорожскій атаманъ со старшиной, и писарь войсковой говорилъ привѣтствіе государынѣ.

13-го сентября совершился торжественный въѣздъ ея величества въ Москву. Для въѣзда императрицы было устроено четверо тріумфальныхъ воротъ: въ Земляномъ городѣ, на Тверской улицѣ, въ Бѣломъ городѣ и въ Китаѣ городѣ. Улицы были убраны ельникомъ, а деревья подрѣзаны разными фигурками, во вкусѣ французскихъ садовъ; дома и балконы украшены коврами и матеріями. На всемъ протяженіи въѣзда разставлены были войска шпалерами.

Государыня ѣхала въ каретѣ, предшествуемая взводомъ кавалергардовъ, которые, по словамъ П. С. Колотова (см. его соч. »Дѣянія имп. Екатерины II«. Спб. 1811. 6 частей), ко времени коронаціи Екатерины были возстановлены, (такъ какъ учрежденныя Петромъ при Аннѣ Іоанновнѣ вошли въ состав. л.-гв. коннаго полка) въ числѣ 60 человѣкъ секундъ-маіорскаго, капитанскаго и поручичьяго чина. Шефомъ вновь сформированныхъ кавалергардовъ былъ назначенъ генералъ-аншефъ, дѣйствительный камергеръ графъ Иванъ Симоновъ Гендриковъ. Костюмъ кавалергардовъ того времени состоялъ изъ римскаго шлема съ перьями, серебряныхъ латъ и сюпервестовъ, съ нашитыми крестами сзади и спереди изъ бѣлаго бархата, окаймленныхъ серебрянымъ позументомъ и съ соединительными линіями по угламъ креста.

Золотая карета императрицы была запряжена 8-ю крупными, неаполитанскими лошадьми съ кокардами на головахъ. Съ государыней ѣхалъ и наслѣдникъ-цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Подъѣхавъ къ Кремлю, Екатерина II вошла въ Успенскій соборъ, приложилась къ иконамъ и мощамъ, стала на свое мѣсто, а наслѣдникъ на мѣсто царицъ. Въ это время вышеупомянутый архіерей Димитрій началъ рѣчь словами: »Красуйся царствующій градъ и удивляйся, глаголя: откуда мнѣ сіе, яко пріиде мати отечества ко мнѣ? Виждь храмъ сей аки въ сердце всего россійскаго царства благочестно входящую« и т. д.

Императрица Екатерина II остановилась въ Головинскомъ дворцѣ на Язѣ и лишь наканунѣ коронаціи переѣхала въ Кремль.

Торжество коронованія происходило 22-го сентября. Въ 10-мъ часу утра императрица изъ своихъ внутреннихъ покоевъ вышла въ большую аудіенцъ-камеру, куда уже заранѣе были принесены регаліи и положены на приготовленныхъ столахъ, а по окропленіи царскаго пути святою водой шествіе направилось съ Краснаго крыльца къ Успенскому собору. Екатерина шла подъ балдахиномъ въ орденѣ св. Андрея Первозваннаго, въ серебряномъ парчевомъ платьѣ, украшенномъ вышитыми двуглавыми орлами и обложенномъ по юбкѣ и шлейфу золотымъ позументомъ, а на рукавахъ брабантскимъ кружевомъ въ пять рядовъ, и въ серебряныхъ парчевыхъ же башмакахъ съ высокими каблуками. Шлейфъ несли восемь камергеровъ, а конецъ его поддерживалъ оберъ-камергеръ.

Вѣнчаніе совершалъ первенствующій архіепископъ Димитрій. При возложеніи регалій Екатерина II, первая изъ царствующихъ особъ, сама надѣла на себя вѣнецъ, а послѣ мѵропомазанія, »вошедъ своею только особою въ царскія врата и приступя къ престолу, изъ потира изволила пріобщиться Св. Таинъ по царскому обыкновенію«. Во время литургіи императрица стояла на всегдашнемъ царскомъ мѣстѣ въ мантіи, съ короной на головѣ, скипетромъ и державою въ рукахъ и въ томъ же полномъ царскомъ облаченіи, выйдя изъ церкви, посѣтила соборы и по Красному крыльцу вернулась во дворецъ. При этомъ на пути своемъ императрица, отъ тяжести царственнаго наряда, временами, подобно Екатеринѣ I, зачастую останавливалась.

Въ аудіенцъ-камерѣ объявлены были разныя милости и главнымъ образомъ тѣмъ лицамъ, которыя выказали особое усердіе при восшествіи царицы на престолъ; такъ, пять братьевъ Орловыхъ возведены были въ графское достоинство, а княгиня Ек. Ром. Дашкова пожалована въ статсъ-дамы. Обѣденный столъ былъ въ Грановитой палатѣ; розданы были присутствующимъ медали и во время обѣда непрерывно играла музыка и пѣли хоры.

Большое вниманіе обратила императрица и на народныя удовольствія. Солдатамъ, бывшимъ въ строю при коронаціи, велѣно было выдать на каждую роту по три ведра вина, бочку пива, быка, десять барановъ и восемьдесятъ хлѣбовъ.

На экипажахъ, украшенныхъ рѣзьбой и позолотой, были поставлены жареные быки съ живностью и хлѣбами. Эти экипажи въ день народнаго праздника разъѣзжали по улицамъ города и служили для угощенія народа. За такими повозками тянулись роспуски, уставленные бочками пива и меда. На многихъ площадяхъ были разставлены столы для нищихъ. Сама государыня, въ сопровожденіи пышной свиты, разъѣзжала по Москвѣ и любовалась картинами народнаго веселья, а окружавшіе ее герольды бросали въ народъ жетоны. По словамъ тогдашняго корреспон-

дента »С.-Петербургскихъ Вѣдомостей«, императрица Екатерина II вечеромъ въ день коронаціи вышла инкогнито на Красное крыльцо, чтобы взглянуть на иллюминацію; но ее народъ тотчасъ узналъ, и начались неудержимые, восторженные клики, продолжавшіеся до тѣхъ поръ, пока императрица не ушла съ крыльца.

Въ самый день коронаціи были изданы два милостивыхъ манифеста, прощавшіе вины впадшимъ въ преступленія и слагавшіе начеты и казенныя взысканія въ очень широкихъ размѣрахъ.

Піиты того времени Иванъ Поповъ и Александръ Петровичъ Сумароковъ написали оды на коронацію Екатерины II; послѣдній, между прочимъ, писалъ:

„Екатерина васъ прославитъ,
И въ равенствѣ вашъ вѣкъ поставитъ
Со вѣкомъ Августовыхъ дней.
Внимая дѣйства ваши громки,
Вамъ станутъ подражать потомки,
Какъ Россіе Монархи Ей“.

Герольдъ ордена св. Андрея Первозваннаго временъ императора Павла I.

На шестой мѣсяцъ послѣ коронаціи въ Москвѣ былъ устроенъ маскарадъ, стоившій большихъ хлопотъ. Программу его, по приказу Екатерины, составлялъ первый русскій актеръ Ѳ. Г. Волковъ, который простудился на этомъ маскарадѣ и умеръ; объяснительные стихи къ программѣ писалъ М. М. Херасковъ, а хоры А. П. Сумароковъ. Всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ маскарадѣ было болѣе 4.000 человѣкъ.

Послѣ коронаціи, Екатерина изъ Москвы возвратилась въ Царское Село 14-го іюня 1763 г., а 28-го числа послѣдовалъ торжественный въѣздъ императрицы въ С.-Петербургъ, по улицамъ котораго были разставлены войска въ числѣ 11.427 человѣкъ. Пріѣхавшая государыня отправилась прямо въ Казанскій соборъ, гдѣ ее встрѣтили семинаристы въ бѣлыхъ стихаряхъ и запѣли похвальную пѣснь монархинѣ.

Коронованіе императора Павла I

Манифестъ о назначеніи коронаціи императора Павла Петровича въ апрѣлѣ 1797 г. былъ изданъ въ самый день похоронъ императрицы Екатерины II, происходившихъ 18-го декабря 1796 года. Приготовленія къ коронаціи дѣлались экономно, такъ какъ государь, »будучи врагомъ роскоши и ненужныхъ расходовъ«, приказалъ даже церемоніальныхъ дѣлъ конторѣ высочайше объявить: »чтобы всѣ придворныя и другія, ко двору пріѣздъ имѣющія, дамы являлись въ торжественные по случаю коронаціи праздники въ робахъ изъ чернаго бархата, т. е. робный корсетъ и шлейфъ бархатные; юбка можетъ быть изъ богатой или шитой матеріи. А дамы, опасающіяся таковой издержки, властны дѣлать оную даже изъ простой матеріи«. Черный цвѣтъ платьевъ даже для празднествъ коронаціи былъ избранъ строго послѣдовательнымъ государемъ, потому что еще не кончился трауръ по его родительницѣ.

Для помѣщенія ихъ величествъ въ Москвѣ во время коронаціи былъ избранъ домъ князя Безбородко, противъ Головинскаго сада. Къ нему пристроили двѣ большихъ деревянныхъ залы и церковь св. Михаила. Надъ постройкой—говоритъ А. Т. Болотовъ—трудились 16.000 рабочихъ не только днемъ, но и ночью, при свѣчахъ (точно такимъ же образомъ сооружался потомъ дворецъ Павла Петровича въ С.-Петербургѣ), и на это было ассигновано 15.000 руб. изъ почтовыхъ денегъ.

Въ Петровскій дворецъ ихъ величества прибыли 15-го марта, гдѣ и были встрѣчены дамами и кавалерами первыхъ классовъ, причемъ московскій митрополитъ Платонъ, бывшій законоучитель императора Павла Петровича, произнесъ краткую рѣчь, которая отличалась сердечностью и чувствомъ. Государь такъ былъ тронутъ этою рѣчью, что заплакалъ; его примѣру послѣдовала императрица, да и изъ всѣхъ присутствовавшихъ лицъ немногія могли удержаться отъ слезъ. Черезъ пять дней послѣ этого Павелъ I возложилъ на митрополита Андреевскій орденъ.

№ 1427. Годъ XXVIII.] 1-го іюня 1896 г. [**Томъ LV. № 23.**

При этомъ, 1427, нумерѣ »Всемірной Иллюстраціи« слѣдуютъ: **Литературное приложеніе**, содержащее въ себѣ: 1) »Самъ себѣ судья«, романъ Фридриха Шпильгагена (8-й листъ). 2) »Въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Ч. I. Листъ 4. Ч. II. Листъ 4.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

ТЕКСТЪ

РИСУНКИ

ШАХМАТЫ

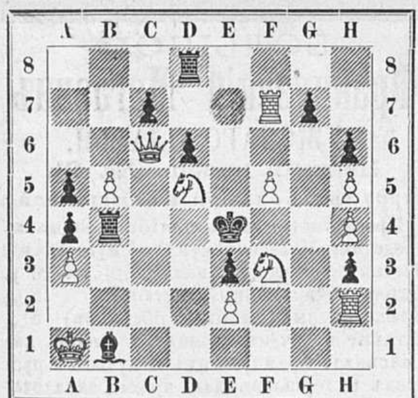
под редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1882

I. Iespersen.

Второй призъ на конкурсѣ задачъ „Piccolo Scacchista".

Черные

Бѣлые

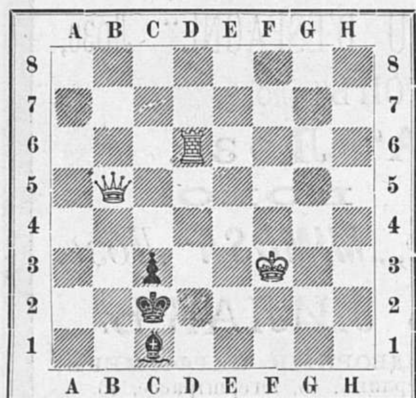
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1883

W. A. Shinkman.

Изъ „La Stratégie".

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

Въ іюлѣ текущаго года въ г. Нюренбергѣ долженъ былъ состояться 10-й конгрессъ обще-германскаго шахматнаго союза. Избранный для организаціи четырехъ обычныхъ турнировъ и конкурсовъ на составленіе и рѣшенія задачъ комитетъ сдѣлалъ уже всѣ необходимыя для созыва конгресса приготовленія. Но, во время переговоровъ съ управленіемъ союза, между комитетомъ и управленіемъ произошли настолько большія несогласія, что комитетъ вынужденъ былъ отказаться отъ содѣйствія союза и объявить конгрессъ въ Нюренбергѣ не состоявшимся. Конечно, нельзя не посочувствовать германскимъ любителямъ, особенно второстепенной силы, которые, благодаря этому прискорбному факту, лишились возможности поиграть на одномъ изъ турнировъ шахматнаго союза, — но, по русской пословицѣ — „нѣтъ худа безъ добра": нюренбергскій шахматный клубъ объявилъ большой международный турниръ, который, конечно, будетъ имѣть гораздо большій интересъ, чѣмъ всѣ четыре турнира, не состоявшагося конгресса.

Турниръ начнется 8-го (20-го) іюля. Каждый съ каждымъ будетъ играть по одной партіи. На обдумываніе ходовъ положено: два часа на первые 30 ходовъ и по одному часу на каждые слѣдующіе 15 ходовъ.

Первый призъ — 3000 марокъ и великолѣпный цѣнный бокалъ съ тарелкой—пожертвованъ принцемъ-регентомъ Баварскимъ. Остальные 6 призовъ — въ 2000, 1500, 1000, 600, 300 и 200 марокъ. Кромѣ того, баронъ А. Ротшильдъ (почетный президентъ вѣнскаго шахматнаго клуба), пожертвовалъ 300 марокъ для спеціальнаго приза за красивѣйшую партію турнира, а Гейдебрандтъ фонъ-Деръ Лаза — 100 марокъ для приза за наилучшій результатъ въ игрѣ съ призерами.

М. И. Чигоринъ сообщаетъ, что онъ получилъ отъ д-ра З. Тарраша письмо съ приглашеніемъ посѣтить нюренбергскій шахматный клубъ для состязанія въ турнирѣ. Изъ этого же письма видно, что д-ръ Таррашъ также приметъ участіе въ турнирѣ.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ №№ 1393, 1394, 1395, 1396, 1397, 1398 и 1399.

№ 1819 *V. Marin.* 1. Л c5—c6! и если 1... Кр d4 : e5 или 1... С c4 ∝, то 2. С b4 : c3×; если 1... d7 : c6 или 1... К g5 ∞, то 2. К e5 : c6 или f3×; если же 1... С e3 ∝, то 2. С. b4—c5×.

№ 1820. *К. Трākслера.* 1. С c8—a6 (угрожая 2. К f7 : d6† и 3. С a6—d3×), Кр e4—f5; 2. Ф a1—d4 и 3. Ф d4—d5 или d3× или 3. С a6—d3. *(Вар. a)* 1... Ф a5 : a6; 2. Ф a1—e1† и 3. Ф e1—e6 или: b4×. *(Вар. b)* 1... К b5—c3; 2. Ф a1—h1† и 3. К f4—e6× или 3. С a6—c8×. *(Вар. c)* 1... c2—c1 (К); 2. С a6 : b5 и 3. К f7 : d6× или 3. С b5 : d3×. Остальные варіанты понятны.

№ 1821. *В. Туцара.* 1. Ф f7—f8 (угрожая 2. К f6 : d7†, Кр e5—d5; 3. Ф f8—d6† и 4. К f5—e7×), Кр e5 : f5; 2. Ф f8—h6 (угрожая матомъ на f4 и на g5), e6—e5; 3. К f6—d5 и 4. Ф h6—f6 или g6×, или 4. Л g4—g5×. *(Вар. a)* 1... С a6—b5; 2. Ф f8—g7 (угрожая 3. К f6—e8† и 4. К f5—e7×), Л c5—c4 (при всякомъ другомъ ходѣ ладьей 3. К f5—e7 и 4. К f6—e4 или e8×); 3. К f6—e4† и 4. К f5—e7×. *(Вар. b)* 1... Л c5—d5; 2. К f5—e3, ∝; 3. К f6 : d7× и 4. Ф f8—f4×.

№ 1822. *N. Sardotsch.* 1. К b6—d5, Кр e4 : d5; 2. c2—c4† и 3. Ф b8—b5,—b1 или c8×. *(Вар. a)* 1... Кр e4—f5; 2. Ф b8—c8† и 3. К d5—c3 или: f4×. *(Вар. b)* 1... К h8—g6; 2. К d5—c3† и 3. Ф b8—c8×.

№ 1823 *G. A. Barth.* 1. Ф h8—d8 и если 1... Кр e5—d4, то 2. К a7—c6×; если же 1... Кр e5—f4 или 1... С d7 ∞, то 2. d2—d4×.

№ 1824. *Я. Пильначека.* 1. Ф f3—a3, Л h5—g5; 2. Ф a3—c5† и 3. Ф c5—e7× или 3. e4—e5×. *(Вар. a)* 1... Л h5—f5; 2. К h4—f3† и 3. Ф c5—e7× или 3. e4—e5×. *(Вар. b)* 1... С c8—e6; 2. Ф a3—c3† и 3. Ф c3—g3×. Въ остальныхъ случаяхъ 2. Л a4—d4 и 3. Ф a3—d6, c3, g3 или e7×.

№ 1825. *V. Marin.* 1. Ф f2—b6 и если 1... Кр e5 : f4 или—d6 или 1... К e2 ∝, то 2. Ф b6—e3 или d4×; если 1... С c6 ∝ или 1... С b8 : a7, то 2. Ф b6—f6 или: c7×; если же 1... c7 : b6, то 2. С a7 : b8×.

№ 1826. *В. Кошека и Л. Ветешника.* 1. Л b3—c3, Кр e4 : d5; 2. С c5—e3 и 3. Ф e8—c6 или e6×. *(Вар. a)* 1... Кр e4—f4; 2. Ф e8—g6 и 3. Ф g6—f5×. *(Вар. b)* 1... a5—a4; 2. Ф e8 : a4† и 3. Ф a4—a8×. *(Вар. c)* 1... g3—g2; 2. Ф e8—g6† и 3. Ф g6—f5 или: g2×.

№ 1827. *E. Saint-Maurice.* 1. Л f2—f3 и если 1... g4 : f3, то 2. К h2 : f3. Въ другихъ случаяхъ 2. С h6—g7×.

№ 1828. *M. Feigl.* 1. Ф f5—f7 (угрожая 2. Ф f7—d5† и 3. Ф d5—c4× или 2. Л c3—c4† и 3. Ф f7 : c4×), Кр d4—e4; 2. Л g3 : g4† и 3. Ф f7 f2 или d5×. *(Вар. a)* 1... К d2—f3; 2. Ф f7—d5† и 3. Ф d5—c4 или: e5×. *(Вар. b)* 1... К d3—b4 или f4; 2. К e3—f5 или c2† и 3. Л g3—e3× *(Вар. c)* 1... d7—d5; 2. К e3—c2† и 3. Ф f7 : c7× или 3. Л g3—e3×.

№ 1829. *Th. Breede.* 1. Л h6—h5 и если 1... Кр g4 : h5, то 2. g3—g4×; если 1... Кр g4 : f5 или 1... К g5 ∝, то 2. Ф g2—e4 или h3×; если 1... g6 : h5, то 2. К f5—h6×; если же 1... e6 или g6 : f5, то 2. Л h5—h4×.

№ 1830. *A. Roegner.* 1. Кр d2—d1, Кр f4 : e5; 2. Ф b4—d6† и 3. К g3—e4×. *(Вар. a)* 1... Кр f4 : g5; 2. Ф b4—d2† и 3. Ф d2 : h6× или 3. К g3—e4×. *(Вар. b)* 1... b5 : c4 или 1... d4—d3; 2. Ф b4—e1 и 3. К g3—e4×. Въ остальныхъ случаяхъ 2. К g3—e4† и 3. Ф b4—e1×.

№ 1831. *W. Baird.* 1. Л c1—d1 и если 1... Кр e5 ∞ или 1... К ∝, то 2. К d4—c6 или f3×; если 1... С b8—d6 или 1... f5—f4, то 2. К b2—d3 или c4×; если же 1... С b8—c7, то 2. С b6 : c7×.

Вѣрныя рѣшенія задачъ №№ 1830 и 1831 прислалъ Н. Л. (Бѣла).

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Кокандъ, Варшава, Екатеринбургъ.

PASTILLES VICHY-ETAT
aux Sels Naturels extraits des Eaux
Vendues en boîtes métalliques scellées.

COMPRIMÉS de VICHY
aux Sels Naturels extraits des Eaux
pour fabriquer l'Eau minérale artificielle de Vichy gazeuse.

1100

Искусныхъ рисунковъ для выпиливанія, рѣзьбы, плоской рѣзьбы и зарубки на деревѣ, выжиганія и живописи по дереву, на металлѣ и проч.
Рисунки для слесарей и столяровъ.
Всѣ руководства, матеріалы и инструменты.
Журналъ „Диллетантъ“.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается за 15 коп. почтов. марками.
Мей и Видмайеръ въ Мюнхенѣ (Германія). Mey & Widmayer in München (Deutschland).

КРАСКА для ВОЛОСЪ
I. ГОЛЛЕНДЕРА
для окраски волосъ въ цвѣта: черный, каштановый и темнорусый. Легкій способъ и скорое окрашиваніе волосъ. Цѣна коробки 1 р. 50 к., съ пересылкою въ Европейскую Россію 2 р. 25 коп.
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
I. ГОЛЛЕНДЕРЪ.
С.-Петербургъ, Демидовъ пер., № 1.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО для производства **стальныхъ перьевъ**
ВЪ Г. РИГѢ
изготовляетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества. Продаются во всѣхъ городахъ имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ.

Лозе специальные духи
„MAIGLOECKCHEN“ Лозе,
„GOLDLILIE“ Лозе, „PEAU D'ESPAGNE“ Лозе,
„БѢЛЫЙ ГЕЛІОТРОПЪ“ Лозе,
„СИРИНГА“ Лозе.
НОВО!! **НОВО!!**
„EDELVEILCHEN“ Лозе, „MIMOSA“ Лозе.
О-ДЕ-КОЛОНЪ ЛИЛАКЪ.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, ПРИДВОРНЫЙ ПАРФЮМЕРЪ; Берлинъ, 45, Іегерштрассе, 46.
Продажа въ лучшихъ парфюм., аптекарск. и галант. магазинахъ и у многихъ парикмахеровъ.

Дирекція источника горькой воды
„ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“ въ Будапештѣ.

ОБШИРНѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ
СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
До 100 шт. въ наличности.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
И. Блокъ
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ н/Д.
КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
ВСЯКАГО РОДА И ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА РЕКОМЕНД. ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ
I. Ф. МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, Петровка, домъ Волкова.
НИЖЕГ. ЯРМ. Главный домъ № 6.
ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ.

Новость: ГИГІЕНИЧЕСКІЙ КОРСЕТЪ
„REFORME“
прив. БРОКГАУЗЕНА.
Эластичность, удобство, прочность и красивая фигура, по $4\frac{1}{2}$ и $5\frac{1}{2}$ руб., а также всѣ другіе сорта Брокгаузена отъ 1 р. 60 к. до 20 р.
М-МЕ ЗИНА, С.-П.-Б. Мойка, 64.
Пересылка наложенн. платежомъ.

БОЛЬШОЙ
Французскій Магазинъ
МУЖСКАГО ПЛАТЬЯ.
Невскій просп., № 21,
противъ Большой Конюшенной.
Предлагаетъ вновь приготовленныя къ предстоящему весеннему и лѣтнему сезонамъ:
Элегантное весеннее пальто . . . 20 р.
Нарядный пиджачный костюмъ . . 18 „
Брюки модныя (англійск. рисунокъ) 5 „
а также полученъ громадный выборъ англійскихъ, французскихъ и лучшихъ русскихъ матеріаловъ для пріема заказовъ.
Пріемъ заказовъ на всѣ формы гражданскихъ вѣдомствъ. ВСѢ ЗАКАЗЫ исполняются изящно и акуратно.

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen
SCHUTZ-MARKE SCHUTZ-MARKE
ПЕРВОКЛАССНЫЙ АЛЬКАЛИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г.
Анализы и подро ности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ безплатно
Контора отправ и княжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННѢ.
ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЛЬ ЗАЛЬЦБРУННЪ въ СИЛЕЗІИ.
СКЛАДЫ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ И АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.

ДУХИ **„ЦАРСКІЙ ВІОЛЕТЪ“**
нѣжный и продолжительный запахъ.
ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное
ТОВАРИЩЕСТВО **БРОКАРЪ и К°.**

ВСЕМIРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦIЯ

№ 1427. Годъ XXVIII. 1-го iюня 1896 г. Томъ LV. № 23.

Раздача герольдами объявленiй о днѣ Священнаго Коронованiя.

Москва. — Священное Коронованiе Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Высочайшій манифестъ

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Во дни торжественнаго вѣнчанія Нашего на Царство населеніе Первопрестольной столицы, слившись воедино съ представителями всей земли Русской, явило отрадныя сердцу Нашему свидѣтельства одушевленной любви и беззавѣтной преданности народа своему Государю. Эти народныя чувства, издревле укрѣплявшія духъ Державныхъ Предковъ Нашихъ и въ годину радости, и въ годину печали, съ особенною силой выразились въ день народнаго праздника, послужили Намъ трогательнымъ утѣшеніемъ въ опечалившемъ Насъ, посреди свѣтлыхъ дней, несчастіи, постигшемъ многихъ изъ участниковъ празднества, а передъ лицомъ всей Россіи засвидѣтельствовали несокрушимость узъ, связующихъ Насъ съ любезнымъ и вѣрнымъ народомъ Нашимъ.

Всевышняя благодать, святымъ помазаніемъ запечатлѣвшая призваніе Наше, да подастъ Намъ, молитвами всѣхъ вѣрныхъ и благочестивыхъ сыновъ Россіи, силу и мудрость къ совершенію служенія Нашего благу возлюбленнаго Отечества.

Данъ въ Первопрестольномъ градѣ Москвѣ въ 26-й день мая, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто шестое, Царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

26-го мая (7-го іюня) 1896 г.

Въ предыдущемъ обозрѣніи нашемъ не было упомянуто о катастрофѣ на Ходынскомъ полѣ, омрачившей, 18-го мая, свѣтлые дни коронаціонныхъ торжествъ. По сообщенію „Прав. Вѣстн.“, въ этой катастрофѣ, вызванной неудержимо-стихійнымъ стремленіемъ простого народа получить коронаціонный подарокъ, погибло значительно болѣе тысячи человѣкъ. Прискорбное событіе это произвело тяжелое впечатлѣніе на Ихъ Величества, поспѣшившихъ облегчить положеніе пострадавшихъ и осиротѣвшихъ не только крупнымъ денежнымъ вспомоществованіемъ, но и личнымъ участіемъ, такъ какъ Ихъ Величества изволили присутствовать на панихидѣ по погибшимъ и посѣтили раненыхъ въ лазаретахъ.

Всѣ парижскія, лондонскія, вѣнскія и берлинскія газеты полны выраженій соболѣзнованія по поводу постигшаго Россію горя и восхваляютъ великодушную заботливость Государя Императора о семействахъ жертвъ этого случая. Въ Англіи посмотрѣли на катастрофу, какъ на доказательство могущества русскаго Царя — могущества, основаннаго на безграничной любви къ Нему и преданности русскаго народа. Точно также иностранныя газеты убѣждены, что въ Европѣ не найдется никого, кто не принялъ бы искренняго участія въ печали русскаго народа и въ особенности въ печали глубоко потрясенной этимъ бѣдственнымъ событіемъ молодой русской Императорской Четы.

Гулянье на Ходынскомъ полѣ все-таки состоялось, и въ исходѣ второго часа Царская Семья, иностранные принцы, дипломатическій корпусъ, придворныя и высшія государственныя лица наполнили Царскій павильонъ, гдѣ въ особенныхъ буфетахъ предлагались чай, кофе, дессертъ и фрукты, а въ 2 часа открылись театры и циркъ. Какъ только Ихъ Величества вступили на крыльцо Царскаго павильона, на крышѣ его взвился Императорскій штандартъ, грянулъ выстрѣлъ салюта, въ мигъ вся полумилліонная масса народа обнажила головы, и громовое „ура“ вылетѣло изъ сотни тысячъ устъ. Государь и Государыня съ гулянья направились въ Петровскій дворецъ, гдѣ у дворца приняли депутаціи отъ крестьянъ, отъ варшавскихъ дворянъ и во дворцѣ—отъ московскаго дворянства.

Парадный спектакль 18-го мая въ Большомъ театрѣ былъ верхомъ блеска и великолѣпія. Непрерывно продолжающіяся празднества въ Москвѣ должны были закончиться только 26-го числа. Передъ мѣстами празднествъ, удостаиваемыхъ Высочайшаго присутствія, толпился народъ. Въ особенности обратилъ на себя вниманіе балъ, данный московскимъ генералъ-губернаторомъ Его Высочествомъ великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ 20-го мая. Балъ этотъ произвелъ на всѣхъ глубокое и отрадное впечатлѣніе, и корреспонденты съ умиленіемъ описываютъ его въ своихъ телеграммахъ и подробныхъ отчетахъ — его роскошь, блескъ, изящество, которое выразилось также въ художественно исполненномъ меню: „а и было пированіе — почетный пиръ, а и было столованіе — почетный столъ“.

Спокойствіе на Критѣ, о которомъ извѣщаютъ телеграммы, довольно подозрительно. Абдуллахъ-паша обратился къ иностраннымъ консуламъ въ Канеѣ съ просьбою взять на себя роль посредниковъ въ переговорахъ съ вамосскими инсургентами. Но, когда консулы сообщили ему предъявленныя инсургентами условія, онъ двинулъ 3.000 человѣкъ, выбилъ инсургентовъ послѣ упорнаго боя изъ Зиворы и освободилъ Вамоссъ. Турки, повидимому, намѣрены подавить возстаніе силою, а критяне готовятся къ дружному и отчаянному сопротивленію. Телеграмма изъ Аѳинъ сообщаетъ затѣмъ, что команда турецкихъ войскъ, вернувшаяся въ Вамоссъ, чтобы вывести оставленный тамъ военный матеріалъ, перебита инсургентами.

Переговоры итальянскаго правительства съ абиссинскимъ негусомъ о предварительныхъ условіяхъ мира продолжаются, и есть надежда, что итальянскіе военноплѣнные будутъ освобождены, такъ какъ Италія принимаетъ на себя обязательство пополнить расходы абиссинцевъ на содержаніе плѣнныхъ итальянцевъ и на доставку ихъ въ Эритрею. Судебное разбирательство по дѣлу Баратіери началось—палата утвердила преданіе его суду за неудачное сраженіе съ абиссинцами 1-го марта.

Съ береговъ Нигера телеграфъ принесъ печальное извѣстіе о судьбѣ французскаго отряда подъ начальствомъ поручика Сальга. Отрядъ разбитъ на голову туземцами, которые были вооружены отравленными стрѣлами. Въ помощь французамъ англійская нигерская компанія, соперничающая съ третьею республикою по части вліянія въ бассейнѣ этой рѣки и—возможно также—тайно вооружавшая противъ французскаго отряда руку туземцевъ, выслала команду. Это событіе можетъ произвести сильное впечатлѣніе на экспансивныхъ французовъ и не надо забывать, что при такихъ же точно условіяхъ началась тонкинская экспедиція, а первые выстрѣлы на Мадагаскарѣ раздались послѣ несчастія, постигшаго героическій французскій отрядъ.

Въ Австро-Венгріи на засѣданіяхъ делегацій въ вѣнскомъ рейхсратѣ произвела сильное впечатлѣніе тронная рѣчь императора Франца-Іосифа. Въ ней затронуты важные политическіе интересы, и это понятно, если принять въ соображеніе, что на Балканскомъ полуостровѣ картина перемѣнилась и притомъ въ пользу Россіи и во вредъ Австріи. Въ политическихъ кружкахъ сейчасъ же замѣтили, что два года тому назадъ о тройственномъ союзѣ не было упомянуто ни слова. Въ прошломъ году на него былъ сдѣланъ только намекъ, а теперь императоръ Францъ-Іосифъ, распространившись на эту тему, очевидно желалъ этимъ путемъ опровергнуть державшійся въ послѣднее время слухъ о несолидности тройственнаго союза.

Изъ Англіи имѣются свѣдѣнія, что въ состоявшемся въ Лидсѣ собраніи, созванномъ съ цѣлью протестовать противъ завоеванія Судана вновь, Морлей заявилъ, что проектируемая экспедиція будетъ имѣть для репутаціи Англіи такія же бѣдственныя послѣдствія, какъ подобный же походъ, предпринятый лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Никогда еще парламента не оставляли въ такомъ невѣдѣніи, никогда еще не приходилось имѣть дѣла съ такою нелѣпостью, какъ приводимые въ пользу затѣваемой экспедиціи аргументы. Единственнымъ оправданіемъ оккупаціи Египта англичанами служитъ то, что Англія творитъ тамъ гуманное дѣло, а между тѣмъ правительство собирается израсходовать именно тѣ суммы, которыя, не будь этой экспедиціи, были бы навѣрно употреблены на улучшеніе быта феллаховъ.

Разбрызганнымъ жемчугомъ падаютъ
Мои золотыя мечты,
Но, падая, сердце не радуютъ,
Какъ осени скорбной листы.

И нѣтъ ни одной упоительной,
Чтобъ утро напомнила мнѣ —
Цвѣла бы, какъ ландышъ плѣнительный,
Шептала бы мнѣ о веснѣ.

К. Бальмонтъ.

ДВА МІРОВОЗЗРѢНІЯ

Очеркъ

МАКСА НОРДАУ

Сиди Ибрагимъ (полное его имя и титулъ Эль-хаджи-эль-Сайидъ-Ибрагимъ-ибнъ-Аали-эль-Саграуи)—послѣдователь пророка и знаменитый мударрисъ (профессоръ) въ ацгари-медрессѣ, или въ высшемъ мусульманскомъ учебномъ заведеніи въ Каирѣ.

Правовѣрный магометанинъ, ходившій на поклоненіе въ Мекку, свѣтило арабскаго богословія, права и грамматики, онъ въ то же время, однако, не чуждается и науки Запада и притомъ, владѣя совершенно свободно французскимъ и итальянскимъ языками, имѣетъ возможность знакомиться съ нею непосредственно изъ первыхъ рукъ. Нѣсколько времени назадъ египетскіе врачи послали его лечиться отъ болѣзни печени въ Виши. Изъ этого курорта онъ проѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и провелъ нѣсколько дней въ качествѣ почетнаго гостя въ домѣ одного выдающагося ученаго арабиста. Здѣсь я имѣлъ случай и удовольствіе познакомиться съ Сиди. Это красивый, средняго роста, нѣсколько худощавый, человѣкъ съ задумчивыми, темными

миндалевидными глазами, съ улыбкой, открывающей рядъ бѣлыхъ зубовъ, и длинной бородой съ просѣдью. Когда онъ слушаетъ, то наклоняется впередъ, выражая всей своей позой почтительное вниманіе; когда отвѣчаетъ, то откидывается немного назадъ, полузакрывъ глаза, какъ бы желая обдумать и сосредоточиться. Онъ говоритъ медленно, осмотрительно, спокойнымъ голосомъ, въ ровныхъ звукахъ котораго никогда не выражается ни нетерпѣнія, ни волненія.

Сиди Ибрагимъ былъ теперь въ первый разъ въ Европѣ и воспользовался случаемъ, чтобы осмотрѣть Марсель, Ліонъ и Сентъ-Этіеннъ прежде, чѣмъ пріѣхать въ Парижъ. Парижъ онъ осматривалъ внимательно, но не утомляясь. Чудеса западной культуры, казалось, оставляли его равнодушнымъ, хотя на вопросы о томъ—какія онъ вынесъ впечатлѣнія—онъ и отвѣчалъ съ присущей восточнымъ народамъ вѣжливостью. Но замѣчанія его были очень общи и скорѣе уклончивы. Они звучали неубѣжденно и неубѣдительно. „Аллахъ великъ", „Трудъ европейцевъ благословенъ", „Много прекрасныхъ вещей порадовали мои глаза". Ничего не выражающія, простыя фразы, какъ будто цѣликомъ взятыя изъ наивныхъ, избѣгающихъ всякой тѣни неудовольствія, упражненій какого нибудь руководства для изученія языка. Я попросилъ его не скрывать отъ меня своего настоящаго мнѣнія. Благодаря умному хозяину дома, искусно направлявшему разговоръ, восточный гость понемногу вышелъ изъ своей ученой сдержанности и, наконецъ, высказался совершенно непринужденно.

— Чѣмъ долѣе наблюдаю я васъ, народовъ Запада, сказалъ онъ,— тѣмъ менѣе я въ состояніи васъ понять. Слова ваши разумны, мысли ваши ясны, но дѣла ваши совершенно противоположны тому, что вы думаете и говорите.

— Въ чемъ же вы видите эту противоположность? спросилъ я Сиди.

— Я вижу ее всюду, куда ни взгляну! Вы запрещаете выливать нечистую воду въ ваши рѣки, ваша полиція заглядываетъ въ корзины бѣдныхъ рыночныхъ торговокъ, чтобы онѣ не могли держать испорченной рыбы, которую покупщикъ и безъ того узналъ бы по запаху. Вы слѣдите за чистотой въ жилищахъ бѣдняковъ—для чего все это? Конечно, для того, чтобы оградить себя отъ болѣзни? Вы не хотите, чтобы люди преждевременно умирали отъ хилости. Это очень похвально. Но куда дѣвается это хваленое уваженіе къ человѣческой жизни, когда вы ведете войны, истребляющія въ одинъ день больше людей, чѣмъ испорченная рыба и нечистая вода могли бы истребить въ цѣлую человѣческую жизнь?

— Востоку тоже знакома война, возразилъ я.

— Конечно, но только для защиты религіи, которая дороже жизни. Ни по какимъ другимъ причинамъ мы не ведемъ войнъ. И у насъ война не составляетъ единственной цѣли дѣятельности нашихъ правительствъ, тогда какъ у васъ, западныхъ народовъ, государство ни что иное, какъ учрежденіе для образованія и прокормленія войскъ.

Такъ какъ у меня не было въ виду убѣждать или поучать Сиди, а, напротивъ, мнѣ хотѣлось слышать его мнѣнія, то я отказался отъ блестящаго діалектическаго поединка и выразилъ свое возраженіе только въ видѣ афоризма.

— Въ своихъ школахъ, продолжалъ онъ, — вы систематически разрушаете уваженіе ко всему, что имѣетъ видъ преданія, а когда воспитанное такимъ образомъ поколѣніе поступаетъ сообразно вашему ученію, то вы тащите его въ судъ и запираете въ тюрьму. Вы дѣлаете открытія, которыя должны облегчить людямъ жизнь, а я нашелъ, что жизнь рабочихъ на вашихъ фабрикахъ гораздо тяжелѣе, чѣмъ жизнь нашихъ рабочихъ, которые ничего не знаютъ о вашихъ изобрѣтеніяхъ.

— Это правда; пока еще человѣкъ является у насъ слугой машины, но мы работаемъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать машину слугой человѣка.

— Я не вижу, какимъ образомъ вы надъ этимъ работаете, но разъ вы такъ говорите, то должно быть это правда. Между тѣмъ я вижу, что у насъ ткачи ковровъ и кузнецы, приготовляющіе клинки шпагъ, работаютъ у себя, въ своемъ домикѣ, что они поютъ во время работы, что жена и дѣти играютъ возлѣ нихъ и что работа ихъ доставляетъ имъ удовольствіе, тогда какъ на фабрикахъ въ Ліонѣ и Сентъ-Этіеннѣ я никогда не слышалъ, чтобы рабочіе пѣли, никогда не видѣлъ ребенка, играющаго на глазахъ отца, и никогда не замѣчалъ, чтобы рабочіе относились съ любовью къ тому, что они производили. У насъ покупатель ждетъ, чтобы вещь вышла изъ рукъ работника. Я зналъ въ нашихъ странахъ людей, которые терпѣли нужду, потому что были лѣнивы. Но я никогда не видалъ, чтобы ремесленникъ изготовлялъ ткань или кожу и не зналъ кому ихъ продать. А у васъ, напротивъ, всѣ заботы фабриканта направлены только на то, чтобы сбыть свой товаръ. Вы не дожидаетесь, чтобы народилась потребность, которую надо было бы удовлетворить. Ваши усилія направлены на то, чтобы искусственно создавать потребности и затѣмъ принуждать людей цѣною тяжелаго труда удовлетворять имъ. Но при этомъ потребности вы возбуждаете во всѣхъ, а удовлетвореніе ихъ доступно только немногимъ. Вы строите желѣзныя дороги не потому, чтобы людямъ было нужно путешествовать, а для того, чтобы они совершали ненужныя путешествія, благо ужъ все равно существуютъ желѣзныя дороги. И зачѣмъ все это? Въ концѣ концовъ, все это неизмѣнно приводитъ къ тому, что жизнь ваша становится еще тяжелѣе.

— Это темныя стороны прогресса, но онъ имѣетъ и свѣтлыя.

— Да благословитъ Предвѣчный вашъ языкъ! Прогрессъ—вотъ то слово, которое у васъ, европейцевъ, постоянно на языкѣ. Но я никогда не могъ понять—что вы подъ нимъ разумѣете. Когда я слышу это слово, то вижу мысленно картину вашихъ бульваровъ. Тамъ люди носятся какъ сумасшедшіе, задыхаются, потъ струится у нихъ со лба, въ горлѣ пересыхаетъ. Кажется, будто злой духъ невидимо гонится за ними и подстегиваетъ ихъ. Куда они бѣгутъ? къ чему стремятся? Этого никто не знаетъ. Такимъ же представляется мнѣ и вашъ прогрессъ. Дѣйствительно, я вижу движеніе, но не вижу ни цѣли его, ни смысла. Васъ мучитъ безпокойство. У васъ лихорадка — да отвратитъ Господь всякое зло отъ васъ и отъ насъ! Вы хотите, чтобы вокругъ васъ постоянно все волновалось, вы жаждете постоянныхъ перемѣнъ. Вы не можете оставлять вещи такими, какими онѣ есть. Такимъ образомъ вы разрушаете лучшее, что дано человѣку на землѣ, а именно радость находить всѣ дорогіе сердцу предметы такими, какими онъ ихъ зналъ, какими они ихъ любитъ, къ какимъ привыкъ. Я родился въ Дшарабубѣ. Когда я посѣщаю свой родной городъ, то нахожу все на старомъ мѣстѣ: домъ, въ которомъ я жилъ ребенкомъ, улицу, на которой я игралъ, ручей, въ которомъ я сорокъ лѣтъ назадъ плескался. Земля сохранила отпечатокъ ногъ моего покойнаго отца, а на старой оградѣ фруктоваго сада виденъ еще тотъ знакъ, который я нацарапалъ на ней, будучи мечтательнымъ мальчикомъ. Но стоитъ мнѣ теперь вернуться въ Каиръ, гдѣ вы являетесь господами, и я, по всѣмъ вѣроятіямъ, найду неизвѣстную мнѣ улицу тамъ, гдѣ прежде стоялъ знакомый домъ, и новый домъ на томъ мѣстѣ, гдѣ я привыкъ находить пріютъ подъ тѣнью дерева. Мы можемъ въ глубокой старости переживать еще разъ наше дѣтство. Вы же обращаетесь съ прошлымъ, какъ съ трупомъ великаго грѣшника. Вы его сжигаете и развѣваете пепелъ его по вѣтру.

— Между европейцами, сказалъ я, — тоже достаточно такихъ, которые желаютъ неподвижности. Мы называемъ ихъ мизонеистами, противниками новизны.

— Этого именно мы не заслуживаемъ, возразилъ шерифъ;—мы обращаемся къ новому, когда старое становится намъ въ тягость. Но до тѣхъ поръ, пока мы чувствуемъ себя хорошо при старомъ, оно не надоѣдаетъ намъ. Я не понимаю—какую цѣну можетъ имѣть для васъ жизнь послѣ того, какъ вы вычеркнули изъ нея всѣ воспоминанія.

— Европеецъ больше живетъ въ будущемъ, чѣмъ въ прошедшемъ, болѣе надеждами, чѣмъ воспоминаніями.

— Прошедшее мы знаемъ, это наше достояніе; будущее же въ рукахъ Божіихъ. Вы отрекаетесь отъ вѣрнаго ради совершенно неизвѣстнаго.

— Короче сказать, превосходство Востока надъ Западомъ кажется вамъ несомнѣннымъ?

— Мнѣ кажется, Востокъ поступилъ бы нехорошо, еслибы пошелъ по пути Запада.

— Но, можетъ быть, вы все-таки согласитесь, что наша наука, наши открытія и изобрѣтенія, наше искусство заслуживаютъ нѣкотораго уваженія?

— Всякая работа человѣка заслуживаетъ уваженія, если она совершается во славу Господа. Но все это такъ несовершенно. Вы усматриваете въ крови маленькихъ животныхъ, которыя дѣлаютъ человѣка больнымъ, но вы не вылечиваете больного человѣка.

— Иногда и вылечиваемъ и будемъ впредь все вѣрнѣе и вѣрнѣе лечить его.

— Какъ будетъ угодно Аллаху! Вы выкопали старыя кости животныхъ и великановъ. Вы умѣете составлять новые сорта пороха. Вы знаете—что представляютъ собою звѣзды и изъ какихъ веществъ составлены различныя вещи. Все это полезно знать. Но гораздо болѣе, чѣмъ то, съ какой скоростью летитъ солнечный лучъ, желалъ бы я знать, какъ явился міръ, что съ нимъ будетъ, какимъ образомъ я чувствую, почему думаю.

— На это наша наука, дѣйствительно, не даетъ еще отвѣта.

— Въ такомъ случаѣ она не много значитъ, ибо все прочее не представляетъ большого интереса. Впрочемъ, я не хочу обезцѣнивать ни вашей учености, ни вашихъ изобрѣтеній. Я хотѣлъ бы только знать: сдѣлали ли они европейца счастливѣе?

— Они расширили его познанія.

— А въ чемъ заключается цѣль познанія?

— Отчасти оно само въ себѣ заключаетъ свою цѣль, отчасти же должно, разумѣется, облегчать и обогащать существованіе человѣка.

— Отлично. Но для того, чтобы заключать въ самомъ себѣ свою цѣль, познаніе должно быть убѣждено въ себѣ, а вѣдь безусловной увѣренностью ваша наука обладаетъ только въ немногихъ своихъ отросляхъ. А чтобы ваши познанія облегчали ваше существованіе — этого я вовсе не вижу. Можетъ быть, я заблуждаюсь, но мнѣ кажется, что у насъ люди радуются тому, что живутъ, а у васъ нѣтъ. Европейцы пьютъ, чтобы потерять сознаніе, мы, уроженцы востока, не стремимся вонъ изъ дѣйствительной жизни, но довольствуемся голубымъ небомъ, сладкимъ финикомъ и густымъ козьимъ молокомъ.

— У насъ въ Европѣ тоже есть знаменитый человѣкъ, который проповѣдуетъ ваше ученіе, а именно графъ Толстой.

— Толстой — конечно. Я его знаю. Это тотъ набожный русскій, который ненавидитъ женщинъ и служитъ Господу тѣмъ, что шьетъ башмаки. Онъ, однако, не совсѣмъ сходится съ нашими взглядами. Онъ прославляетъ невѣжество. Мы не придерживаемся этого мнѣнія. Человѣкъ долженъ учиться. Онъ долженъ образовывать себя. Невѣжда подобенъ звѣрю въ пустынѣ. Знаніе приближаетъ его къ безсмертнымъ ангеламъ Божіимъ. Но, не знаю отчего, знаніе западныхъ народовъ дѣйствуетъ иначе, чѣмъ, наше. Европейскіе ученые—за всѣми подобающими исключеніями — гонятся за видимостью. Они цѣнятъ ничтожныя наружныя особенности. Они добиваются почестей и богатствъ земныхъ, благосклонности великихъ міра сего, даже безсмысленныхъ восхваленій улицы. Для нашихъ ученыхъ все это не имѣетъ никакого значенія. Европейца знаніе дѣлаетъ высокомѣрнымъ, а восточника—скромнымъ. Европеецъ не дѣлается, благодаря своей учености, ни лучше, ни справедливѣе, даже не всегда умнѣе. У насъ же вовсе не цѣнится такое знаніе, которое не дѣлаетъ человѣка нравственнѣе и мудрѣе. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что наша наука является голосомъ отцовъ, а ваша занимается животными, мертвыми тѣлами и камнями. Мы внимаемъ голосу великихъ покойниковъ, просвѣтившихся, тѣхъ, кому мы обязаны всѣмъ прекраснымъ и самой жизнью. Откуда вы берете свое знаніе?

— Изъ самой вѣчной природы.

— Природѣ нѣтъ до насъ никакого дѣла. То, чему она насъ учитъ, рѣдко бываетъ утѣшительно и не всегда назидательно. Но то, что перешло къ намъ отъ предковъ, безусловно полезно, потому что расцвѣло въ сердцахъ любящихъ людей.

— Прекрасно. Но почему же государства Востока пришли въ упадокъ, почему разрушаются ваши города, почему ваши страны приходятъ въ запустѣніе, тогда какъ у насъ все это какъ разъ наоборотъ?

Сиди помолчалъ нѣкоторое время, поглаживая свою бороду. Затѣмъ онъ заговорилъ въ своемъ спокойномъ тонѣ:

— Царства появляются и проходятъ по волѣ Господа. Человѣческій умъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, тутъ не при чемъ. Римъ былъ великъ. Онъ царствовалъ надъ всѣмъ міромъ, потомъ погрузился во мракъ. И что въ томъ, что государство цвѣтетъ или падаетъ? Судьба каждаго отдѣльнаго мусульманина отъ этого мало измѣняется. Онъ обрабатываетъ свое поле, откармливаетъ своего теленка, женитъ своихъ дѣтей, а государственныя дѣла лежатъ на сильныхъ міра, и ему о нихъ нечего заботиться. Путь исторіи подобенъ пути небесныхъ свѣтилъ: онъ проходитъ высоко надъ головами людей. Наши города разрушаются только тогда, когда нѣтъ причины ихъ поддерживать. У насъ города существуютъ ради людей, а не люди ради городовъ. Никто не допуститъ, чтобы его собственный домъ развалился. А если въ домѣ никто не живетъ, то зачѣмъ же продолжать его отъ разрушенія?

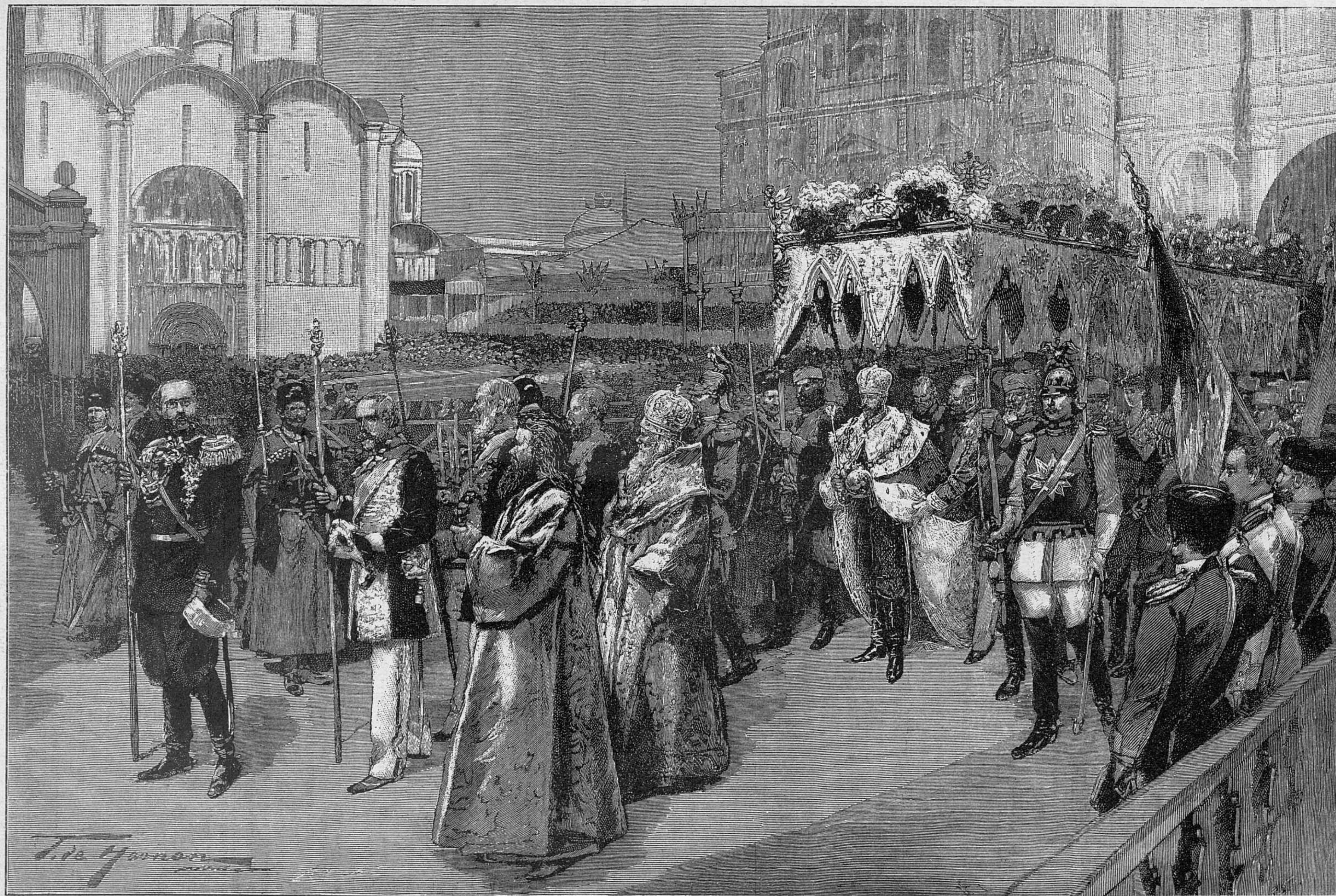
— Существуетъ еще одно мѣрило превосходства той или другой культуры. Европеецъ подчинилъ себѣ весь земной шаръ. При всякомъ столкновеніи съ народомъ другой расы онъ всегда оставался побѣдителемъ.

Св. мvропомазанiе Ихъ Императорскихъ Величествъ 14-го мая с. г.

По рисунку съ натуры Дженнаро Амато.

Москва. — Священное Коронованiе Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Шествіе Ихъ Императорскихъ Величествъ послѣ Коронованія изъ Успенскаго собора въ Архангельскій соборъ 14-го мая с. г.

По рисунку съ натуры Фр. де-Гаанена.

Москва. — Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.

— Это доказываетъ только, что онъ всегда готовъ въ безполезныхъ приключеніяхъ рисковать жизнью—и ничего болѣе. Когда азіатскіе народы предпочитали воевать и умирать въ битвахъ спокойному сидѣнью дома, они опустошили Европу и подчинили своей власти народы Запада. Зачѣмъ вы отправляетесь въ чужія части свѣта? Какая вамъ отъ того выгода? По большей части вы становитесь тамъ хворыми и слабыми и плодъ чрева вашего гибнетъ. Я тщетно спрашиваю—что заставляетъ васъ вторгаться къ народамъ Азіи и Африки и навязывать имъ свое господство?

— Мы приносимъ имъ высшую культуру.

— Я готовъ вамъ вѣрить. Но зачѣмъ же насильно навязывать вашу высшую культуру народамъ, которые довольны своей собственной и не хотятъ вашей? Вы требуете, чтобы рыбы вили гнѣзда въ пальмовыхъ вѣтвяхъ и чтобы коровы паслись на травѣ морского дна! Но коровамъ и рыбамъ гораздо лучше въ присущей имъ средѣ. Вы сильнѣе насъ, съ этимъ я не спорю, но отнюдь не справедливѣе. А между тѣмъ, что такое сила безъ справедливости? Мечъ въ рукѣ злого.

— Вы, стало быть, не видите ничего хорошаго, ничего достойнаго похвалы на нашемъ Западѣ?

Обычнымъ движеніемъ восточныхъ людей шерифъ слегка откинулъ голову и сказалъ:—Аллахъ всемогущъ!

Я сталъ настаивать на болѣе опредѣленномъ отвѣтѣ, и послѣ нѣкотораго колебанія Сиди Ибрагимъ рѣшился высказаться откровеннѣе:

— Я не замѣтилъ, чтобы Западъ былъ очень доволенъ самимъ собой. Ваши народы ропщутъ, наши же — только тогда, когда находятся подъ властью европейцевъ. Вы каждую минуту производите перевороты; намъ и слово это, и самый фактъ незнакомы. У васъ есть соціализмъ, мы даже не знаемъ, что это такое. Вы охотно противопоставляете свое знаніе нашей вѣрѣ. Между тѣмъ вы тоже вѣруете, только въ нѣчто иное, чѣмъ мы. Даже самые великіе ученые ваши ничто иное, какъ вѣрующіе во всѣ тѣ науки, которыя они не сами изслѣдовали. Ваши филологи вѣрятъ вашимъ врачамъ, астрономы вѣрятъ историкамъ. Кто самъ несвѣдущъ въ животныхъ и растеніяхъ, тотъ вѣритъ Дарвину. Мы предпочитаемъ просто вѣрить въ Коранъ. Вы знаете то, что не имѣетъ прямого отношенія къ существеннымъ вопросамъ жизни, а что касается основныхъ истинъ, то относительно ихъ вы также мало знаете, какъ и мы. Ваши изобрѣтенія интересны и даже очень удивительны; они дѣлаютъ честь вашему уму и свидѣтельствуютъ о величіи Господа. Но они отнимаютъ у васъ свободу. Вы превратили себя въ маленькія колесики большой машины и самостоятельно ничего уже не въ состояніи совершить. Ваши желѣзныя дороги, вашъ электрическій свѣтъ, вашъ телефонъ—все это прекрасно и очень удобно до тѣхъ поръ, пока они въ порядкѣ. Но нарушите правильное дѣйствіе вашихъ желѣзныхъ дорогъ, электрическихъ станцій, и вы окажетесь въ худшемъ положеніи, чѣмъ наши погонщики верблюдовъ, которые не зависятъ ни отъ какой машины.

— Однимъ словомъ...

— Однимъ словомъ, европейцы могутъ сдѣлать много, но это имъ не въ прокъ. Вы стремитесь къ познанію, мы же—къ справедливости и мудрости. Вы развиваете въ своихъ дѣтяхъ способности, мы — доброту. Мы чтимъ преданіе, вы же смѣетесь надъ нимъ и не довѣряете ему. Вы постоянно толкуете о свободѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ связаны по рукамъ и ногамъ; мы всѣ слуги Господа, но всякій можетъ дѣлать, что хочетъ. Счастье человѣка зависитъ отъ его нравственности, а не отъ знаній.

— Хорошіе европейцы тоже желаютъ достигнуть мудрости и доброты посредствомъ знанія и свободы—посредствомъ справедливости.

— Пошли вамъ Аллахъ долгую жизнь, чтобы вы узрѣли это превращеніе! сказалъ съ улыбкой шерифъ и сталъ перебирать свои янтарныя четки.

ВЪ МІРѢ ЗНАНІЙ

Хроника наукъ, промышленности и пр.

Преступный типъ и сомнительность его признаковъ.—Странный случай передачи бѣшенства по наслѣдству.—Соленый дождь.—Микробы парижскаго воздуха.—Очистка воды желѣзомъ.—Къ нравамъ кукушки.

Школа криминалистовъ, возникшая лѣтъ 15—20 назадъ въ Италіи подъ вліяніемъ Ломброзо, направила свои усилія на опредѣленіе типа преступника. Наблюдая, изучая, даже просто на просто измѣряя преступника, его тѣло, фигуру, думали установить совокупность извѣстныхъ, совершенно опредѣленныхъ, признаковъ, по которымъ не только можно сразу отличить субъекта, наклоннаго къ преступленію, отъ человѣка здраваго и нормальнаго, но даже отличать другъ отъ друга самихъ преступниковъ, по роду ихъ преступленій; такимъ образомъ, хотѣли подобрать и сочетать въ особые типы признаки, характеризующіе воровъ, убійцъ, поджигателей, бродягъ, религіозныхъ фанатиковъ и т. д. Само собою разумѣется, что рьяные послѣдователи ученія нисколько не задумались довести эту классификацію преступниковъ, основанную почти на однихъ анатомическихъ признакахъ, до крайнихъ предѣловъ и, такимъ образомъ, съ отвагою сдѣлали тотъ роковой шагъ, который отдѣляетъ великое отъ смѣшного. Въ возраженіяхъ противъ такихъ опредѣленій никогда не было недостатка. Но на дняхъ вышла очень серьезная и хорошо составленная книжка профессора судебной медицины въ Брюсселѣ Даллеманя, въ которой поставленъ ребромъ самый вопросъ о внѣшнихъ признакахъ преступности. Могутъ ли, въ самомъ дѣлѣ, анатомическіе признаки обусловить преступный типъ? Что такое слѣдуетъ подразумѣвать подъ словомъ преступный типъ, какое его значеніе? Даллемань самымъ рѣшительнымъ образомъ объявляетъ себя противникомъ этого ученія, онъ отрицаетъ начисто преступный типъ. Ни вѣсъ мозга, ни объемъ черепа, никакія уклоненія въ ихъ строеніи, ни фигура и размѣры частей головы, лица, органовъ чувствъ, конечностей не даютъ совпадающей совокупности примѣтъ, по которой бы можно было создать преступный типъ. Если же завести рѣчь только о среднихъ данныхъ, о приблизительныхъ выводахъ, то, само собою разумѣется, всякое заключеніе о типѣ, какъ о чемъ-то опредѣленномъ, тотчасъ падаетъ. Если же трудно создать общій преступный типъ, то, конечно, еще гораздо труднѣе установить частные типы, по отдѣльнымъ родамъ преступности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Даллемань не думаетъ отрицать вообще значенія антропометрическихъ изслѣдованій надъ преступниками; онъ, напротивъ, желаетъ, чтобы этихъ наблюденій накоплялось какъ можно больше, и тогда сводъ этихъ данныхъ, надлежащимъ образомъ обработанный, хотя, вѣроятно, и не дастъ никакого строгаго научно-обоснованнаго преступнаго типа, но дастъ какіе нибудь другіе, не менѣе цѣнные, выводы. Во всякомъ случаѣ, и теперь уже на основаніи громаднаго числа антропометрическихъ данныхъ получалась возможность сдѣлать заключеніе о томъ, что среди преступниковъ признаки вырожденія выступаютъ гораздо чаще и рѣзче, чѣмъ среди нормальныхъ смертныхъ. Въ сущности и вся теорія преступнаго типа сводится къ тому, что совокупность признаковъ, названная преступнымъ типомъ, не что иное какъ сочетаніе признаковъ вырожденія. Выродокъ, по своимъ анатомическимъ признакамъ, сходится съ преступникомъ. Однако отсюда слѣдуетъ пока только одинъ ближайшій выводъ — что наибольшее число преступниковъ вербуется среди выродившихся. Но тутъ гораздо болѣе цѣнное значеніе имѣютъ признаки біологическіе и соціологическіе, нежели анатомическіе, т. е. въ опредѣленіи типа выродка на первый планъ выступаютъ нарушенія нормальныхъ отправленій нервной системы, измѣненія въ сферѣ чувствительности и всѣ тѣ вообще клейма, которыя кладетъ на личность житейская среда. Такимъ образомъ, весь вопросъ оборачивается на старый путь, ибо и по прежнимъ воззрѣніямъ преступность приводилась въ связь, главнымъ образомъ, съ физіологическими особенностями личности и съ общественными условіями.

Въ одномъ англійскомъ ветеринарномъ журналѣ приводится очень любопытный случай бѣшенства. Исторія вышла довольно сложная и прослѣдить ее всю цѣликомъ удалось лишь съ нѣкоторымъ трудомъ. Началось съ того, что въ одной мѣстности была обнаружена бѣшеная собака; ее пристрѣлили, потомъ обслѣдовали; желудокъ животнаго оказался наполненъ соломою, щепками, камешками, клочками шерсти; глотка и дыхательное горло съ рѣзкимъ приливомъ крови. Мозгъ, къ сожалѣнію, было трудно изслѣдовать, потому что животное было убито выстрѣломъ въ голову, размозжившимъ черепъ. Но и по обнаруженнымъ признакамъ возможно было заключить о бѣшенствѣ почти навѣрное. Когда же покончили съ этимъ псомъ, центръ тяжести этой исторіи внезапно перемѣстился на восьмерку коровъ, которыя подверглись нападенію этой собаки. Осмотрѣли коровъ и у пяти изъ нихъ замѣтили слѣды какъ бы укусовъ. Были онѣ въ самомъ дѣлѣ укушены тою самою собакою или нѣтъ? Вопросъ многозначительный, но, къ сожалѣнію, оставшійся невыясненнымъ. Такъ или иначе, коровы казались въ добромъ здоровьи и за ними только учредили надзоръ, на всякій случай, нѣкоторое время. А въ это время произошло новое перемѣщеніе центра интереса исторіи. Спустя двa—три мѣсяца послѣ смерти подозрительной собаки, коровы, подвергшіяся ея нападенію, произвели на свѣтъ телятъ. Изъ этихъ телятъ двое пали; сдѣлали ихъ вскрытіе, потому что смерть наступила быстро, почти внезапно, и ей предшествовали какія-то подозрительныя судороги, а передъ тѣмъ телята обѣщали превосходное здоровье и ростъ. Вскрытіе показало довольно явную картину смерти отъ бѣшенства. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ произошло странное и рѣдкое явленіе. Коровы были укушены бѣшеною собакою и сами заразились бѣшенствомъ, но болѣзнь у нихъ осталась въ совершенно скрытомъ состояніи, ровно ничѣмъ не обнаружилась, а между тѣмъ, какъ оказывается, была передана ими по наслѣдству своимъ ближайшимъ потомкамъ. Исторія въ такомъ видѣ представляется мало вѣроятною; въ ней что-то какъ будто пропущено, утеряно какое-то звено. Едва ли найдется такой ученый, который бы принялъ все это происшествіе за несомнѣнный фактъ. Такіе казусы, если они вообще возможны, могли бы быть доказаны только путемъ тщательно поставленнаго опыта. Слишкомъ ужъ много сомнительныхъ вопросовъ сошлось въ этомъ случаѣ; тутъ и вопросъ о невоспріимчивости и вопросъ о наслѣдственности. Какимъ образомъ у невоспріимчивыхъ коровъ оказались воспріимчивые телята? Возможно ли это? На вѣру этого принимать не приходится, хотя и отрицать вполнѣ и совершенно нельзя.

Недавно въ Соединенныхъ Штатахъ наблюдали очень странный дождь — соленый. Послѣ кровавыхъ дождей, которые повергали въ такой судорожный трепетъ средневѣковую публику, соленый дождь — сущіе пустяки; но явленіе все же крайне любопытно, по своей исключительности. Дѣло происходило въ штатѣ Утахъ, въ той области, гдѣ поселились мормоны. Дождь прошелъ полосою въ полтораста верстъ. Лица, попавшія подъ этотъ дождь, были крайне изумлены, замѣтивъ, что на ихъ одеждѣ, послѣ того, какъ она обсохла, появились какія-то пятна, какъ будто отъ извести. Мѣстами, въ городахъ, окна покрылись такимъ густымъ слоемъ этого известковаго налета, что стали мутны и черезъ нихъ не видно было внутренности жилищъ и магазиновъ. Въ одномъ мѣстѣ собрали этотъ осадокъ съ почвы и высчитали, что его пало съ дождемъ не менѣе 150 пудовъ на квадратную версту. Дождь продолжался два часа, а затѣмъ вышло солнышко, быстро обсушило землю, и тогда-то повсюду обнаружился этотъ бѣловатый налетъ, который пришлось смывать съ одежды, крышъ, оконъ, стѣнъ. О происхожденіи этого страннаго дождя было высказано много догадокъ. Всего вѣроятнѣе, что воздухъ передъ тѣмъ былъ насыщенъ массою известковой пыли, поднятой передъ тѣмъ сильными вѣтрами; атмосферный осадокъ, внезапно обрушившійся на землю, захватилъ эту пыль въ воздухъ, увлекъ ее съ собою и прибилъ къ землѣ. Въ той мѣстности, какъ извѣстно, находятся громадныя соленыя озера; думали было объяснить этотъ дождь испареніями изъ озера; но это видимая несообразность, ибо очень хорошо извѣстно, что при испареніи соляныхъ растворовъ, какой угодно густоты, отдѣляется химически чистая вода, безъ малѣйшей примѣси соли. Соль могла быть въ осадкѣ отъ дождя, будучи растаскана отъ береговъ озера, гдѣ она осаждается, и въ такомъ случаѣ ея появленіе въ воздухѣ, а затѣмъ и въ дождѣ не представляетъ ничего загадочнаго. Къ крайнему сожалѣнію, никто почему-то не догадался собрать часть осадка, хотя бы со стеколъ домовъ, и подвергнуть его анализу; химическій составъ налета далъ бы гораздо болѣе надежную точку опоры для сужденія о природѣ и происхожденіи этого соленаго дождя, чѣмъ неопредѣленныя показанія о солоноватомъ вкусѣ осадка, данныя лицами, которыя полюбопытствовали попробовать его на вкусъ.

По поводу пыли въ воздухѣ, которая, видимо, играла главную роль въ только что описанномъ случаѣ, мы, кстати, можемъ сообщить результаты изслѣдованія надъ составомъ парижской уличной пыли, произведеннаго извѣстнымъ бактеріологомъ Микелемъ, только что опубликованные въ „Annales de Micrographie“. При просматриваніи этой замѣтки, жутко становится отъ мысли—до какой степени можетъ доходить нечистота воздуха въ крупныхъ населенныхъ пунктахъ. Для сравненія опредѣлялось содержаніе зародышей микроорганизмовъ въ одномъ кубическомъ метрѣ воздуха въ паркѣ Монсури и въ центрѣ Парижа; разница оказалась потрясающая. Въ паркѣ

эта роковая цифра колебалась въ предѣлахъ отъ 275 до 480, а въ центрѣ города отъ 3500 до 6000. Въ паркѣ воздухъ годъ отъ года становится чище, по мѣрѣ того какъ изъ его окрестностей удаляются разные заводы и склады, которые тамъ раньше существовали; въ центрѣ же города, наоборотъ, воздухъ съ каждымъ годомъ становится богаче вредными примѣсями, растущими рядомъ съ ростомъ населенія. Эти непріятные выводы внушаютъ безпокойную мысль, что всѣ принимаемыя городскимъ правленіемъ общественно-санитарныя мѣропріятія не ведутъ къ цѣли, остаются напрасными затратами общественнаго капитала. Микель даже рискуетъ высказать мысль, что увеличивающееся загрязненіе воздуха является какъ бы естественнымъ слѣдствіемъ возрастающей опрятности населенія; жители, проникнувшись сознаніемъ необходимости освобождать свои жилища отъ всяческой нечисти, выпускаютъ всю эту нечисть наружу, прямо въ воздухъ города, главнымъ образомъ, въ формѣ усердно выколачиваемой пыли. Вообще же говоря, бактеріологическій анализъ воздуха представляется превосходнымъ средствомъ, своего рода градусникомъ, для опредѣленія гигіеническаго состоянія населеннаго мѣста.

Воздухъ и вода — двѣ главныя заботы современнаго гигіениста. Можно считать почти доказаннымъ, что распространеніе нѣкоторыхъ эпедемій, напримѣръ, тифа, холеры, находится въ тѣснѣйшей связи съ чистотою питьевой воды. Понятны поэтому тѣ усилія, которыя направлены къ отысканію подручныхъ и дешевыхъ способовъ очищенія воды. Недавно англійскій ученый Андерсонъ дѣлалъ докладъ въ одномъ лондонскомъ обществѣ о способѣ очистки воды посредствомъ желѣза; способъ этотъ, кажется, заслуживалъ бы испытанія именно по легкости его примѣненія и дешевизнѣ. Весь способъ сводится, въ сущности, къ тому, что вода, налитая въ бассейнъ, нѣкоторое время энергически размѣшивается чистою, свободною отъ ржавчины, желѣзною мѣшалкою. Андерсонъ описываетъ аппаратъ, устроенный съ этою цѣлью; это — большой сосудъ, въ которомъ быстро вращается нѣчто вродѣ винта изъ чистаго металлическаго желѣза; вода же пропускается черезъ сосудъ непрерывною струею; входитъ она въ сосудъ въ своемъ натуральномъ видѣ, а выходитъ изъ него — чистая, пригодная для домашнихъ надобностей, т. е. для питья и изготовленія пищи. Простое соприкосновеніе воды съ желѣзомъ уже очищаетъ ее. Очистка основана на томъ, что вода растворяетъ нѣкоторое количество желѣза, именно около 1—2 милиграммовъ на метръ воды, т. е., по вѣсу, всего лишь около 1—2 милліонныхъ долей. Но этого ничтожнаго количества достаточно для освобожденія воды отъ ея вредныхъ примѣсей. Желѣзо въ водѣ окисляется и, если дать ей постоять, то оно осядетъ на дно посуды и увлечетъ за собою вредныя примѣси. Способъ провѣренъ, и хорошіе его результаты не подлежатъ сомнѣнію. Примѣнимость его въ домашнемъ быту — также очевидна. Сообщеніе достойно принятія къ свѣдѣнію и руководству.

Странные нравы кукушки, особенно же ея обычай класть яйца въ чужія гнѣзда, часто возбуждаетъ любознательность натуралистовъ, все еще спорящихъ между собою о причинахъ этого явленія. Недавно англійскій натуралистъ Бидуеллъ представилъ британскому орнитологическому клубу громадную коллекцію яицъ кукушки — 919 штукъ, собранныхъ съ гнѣздъ всевозможныхъ породъ птицъ, которымъ кукушка подсовываетъ свое потомство. Вмѣстѣ съ кукушкиными имъ были собраны, въ качествѣ документальныхъ свидѣтельствъ, и яйца птицъ, въ гнѣздахъ которыхъ было найдено кукушкино племя. По этой коллекціи можно было насчитать 76 породъ разныхъ, преимущественно мелкихъ, пташекъ, которымъ въ гнѣзда кукушка подкладываетъ свои яйца. Яйца кукушки замѣчательно измѣнчивы по величинѣ и окраскѣ, особенно въ окраскѣ, и притомъ всегда болѣе или менѣе приспособляются по цвѣту къ яйцамъ птицы-усыновительницы. Какимъ образомъ это такъ выходитъ, т. е. чѣмъ кукушка тутъ руководится, почему она знаетъ, что откладываемое ею яйцо подойдетъ подъ цвѣтъ хозяйскихъ яицъ — это совершенно непостижимо. Быть можетъ, уже снесши яйцо, кукушка осматриваетъ его и, если найдетъ схожимъ, то оставляетъ въ гнѣздѣ, а въ противномъ случаѣ выкидываетъ. Но это предположеніе, по многимъ причинамъ, рисковано. Удалось подмѣтить, что одна и та же птица всегда производитъ кладку въ одной и той же мѣстности и что общее число яицъ кукушки (въ годъ) не превышаетъ 20 штукъ. Она кладетъ въ чужое гнѣздо не болѣе одного своего яйца и при этомъ непремѣнно выбрасываетъ одно или два хозяйскихъ яйца. Удивительно, что секретъ этой, самой обыкновенной, птицы, находящейся въ сферѣ наблюденія десятковъ тысячъ европейскихъ натуралистовъ, до сихъ поръ не можетъ быть вызнанъ во всей полнотѣ.

М. Орловъ

Нижегородская ярмарка

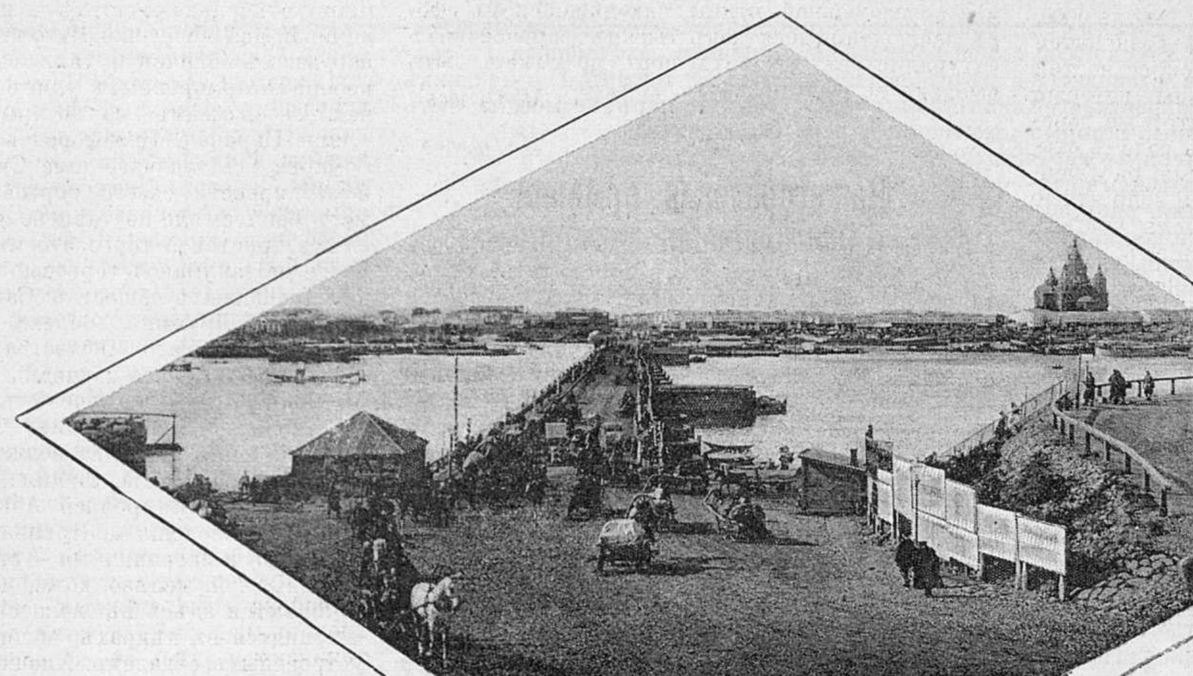
Открытіе выставки въ Нижнемъ совершилось 28-го мая. Прежде, чѣмъ приступить къ детальному обзору этого грандіознаго торжества русской промышленности, будетъ не лишнимъ бросить взглядъ на городъ, на долю котораго выпала честь — оказать гостепріимство нынѣшней всероссійской выставкѣ. Каждому русскому извѣстно, что такое Нижній, какую роль игралъ онъ въ историческихъ судьбахъ русской земли, и какое громадное значеніе имѣетъ онъ еще и понынѣ своею ярмаркою. Эта послѣдняя выступаетъ въ настоящее время на первый планъ, когда рѣчь заходитъ о Нижнемъ. Ей и мы посвящаемъ наши первые обзоры великаго волжскаго города, къ которому теперь тяготѣетъ вся Россія.

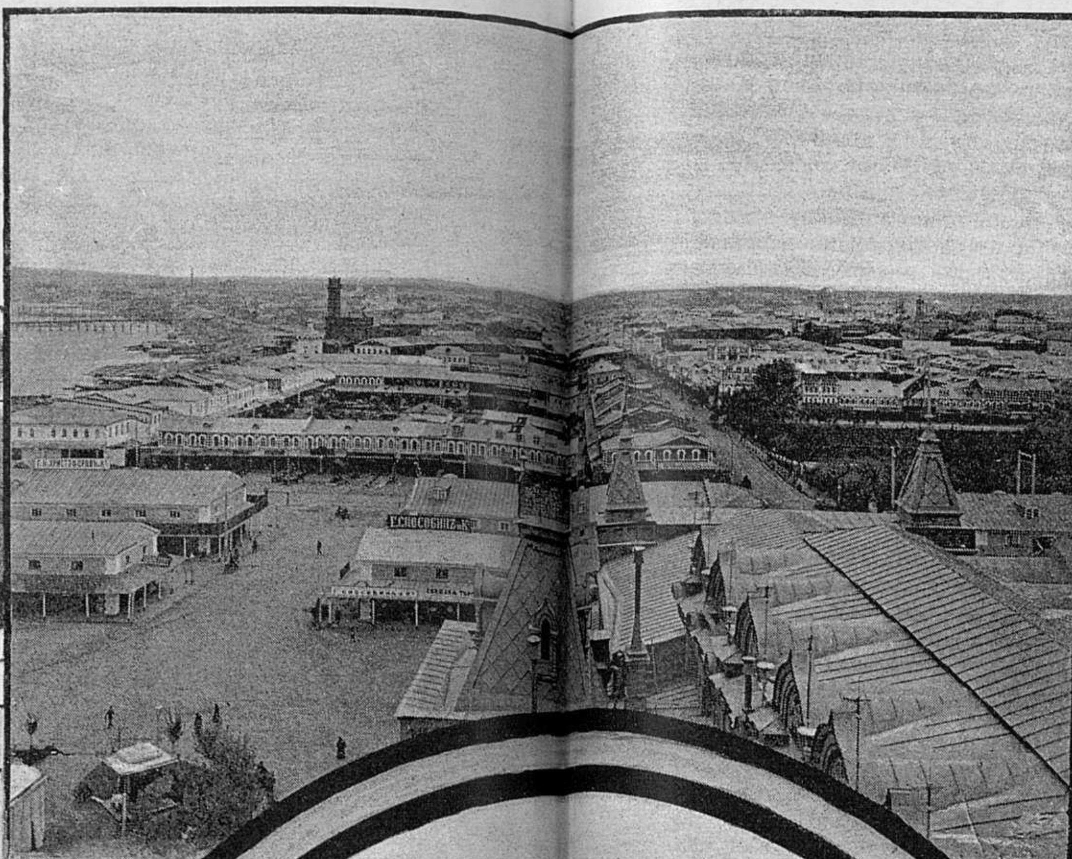
Ока, впадая подъ Нижнимъ въ Волгу, дѣлаетъ пологую дугу, огибающую набережный кряжъ Дятловыхъ горъ, по которому раскинулся городъ. Низменный противоположный берегъ круто, почти подъ прямымъ угломъ, изламывается у самаго устья Оки, поворачивая на сѣверо-западъ, въ направленіи теченія Волги. Весь этотъ уголъ волжско-окскаго берега и занятъ площадью нижегородской ярмарки. Саженяхъ въ 400 отъ этого угла („Стрѣлки") въ низкій берегъ ярмарочной стороны упирается плашкоутный мостъ, соединяющій ярмарку съ городомъ. Теперь, чтобы оріентироваться нѣсколько на мѣстности, представимъ себѣ, что мы находимся на вершинѣ нагорнаго берега, какъ разъ надъ этимъ мостомъ. Влѣво, по серединѣ Оки, мы видимъ длинный песчаный островъ, въ мелководьѣ часто сливающійся съ лѣвымъ берегомъ. Это — Пески, часть ярмарочной площади, вмѣщающая въ себѣ громадные склады уральскаго желѣза; дальняя часть Песковъ, влѣво отъ моста, представляетъ оживленный рыбный рынокъ; здѣсь издавна основалась особая пристань, называемая Гребновскою. Вообще, линіи пристаней въ Нижнемъ имѣютъ свои особыя названія, такъ, весь участокъ окской набережной отъ моста до Стрѣлки извѣстенъ подъ именемъ Петербургской пристани, а участокъ за Стрѣлкою, т. е. волжская набережная ярмарочной стороны, называется Сибирскою пристанью. Пароходныя конторки подъ городомъ, на Волгѣ, занимаютъ линію набережной, называемую Георгіевскою пристанью. Тотчасъ за мостомъ мы вступаемъ въ безконечныя линіи лавокъ ярмарки, „ряды" съ товарами. Эти ряды образуютъ настоящій городокъ со множествомъ улицъ и переулковъ. Правая большая улица, тянущаяся параллельно окскому берегу — это Александро-Невская, выходящая однимъ концомъ къ великолѣпному ярмарочному собору, а другимъ сливающаяся съ Московскою улицею, ведущею къ Нижегородскому вокзалу желѣзной дороги. Еще дальше, параллельно Александро-Невской, тянутся улицы Макарьевская и Царская. Макарьевская впадаетъ въ площадь, на которой теперь выстроенъ главный ярмарочный домъ, выходящій противоположнымъ фасадомъ на Царскую улицу. Еще далѣе, все параллельно набережной Оки и, слѣдовательно, перпендикулярно набережной Волги, тянутся улицы Мининская, Сибирская, Пожарская, Китайская, Оренбургская. Громадный подковообразный бассейнъ, такъ называемый Бетанкуровскій каналъ, огибаетъ всю центральную часть ярмарки, опираясь своимъ лѣвымъ (смотря отъ города) концомъ въ Царскую улицу, а правымъ въ Сибирскую. Въ средней части вершиннаго свода этой подковы лежитъ обширная Спасская площадь, на которой выстроенъ старый соборъ. Вся ярмарочная площадь вытянулась по направленію отъ московско-нижегородскаго вокзала до Сибирской пристани, почти на двѣ версты, а по направленію отъ плашкоутнаго моста, вдоль по широкой Нижегородской улицѣ, болѣе чѣмъ на версту. Эта широчайшая на ярмаркѣ улица тянется вплоть до протока, соединяющаго Бетанкуровскій каналъ съ обширнымъ Мещерскимъ озеромъ. За протокомъ лежитъ Самокатская площадь съ ея увеселительными притонами, а влѣво отъ нея, за новымъ протокомъ — бани. Такова общая распланировка ярмарки.

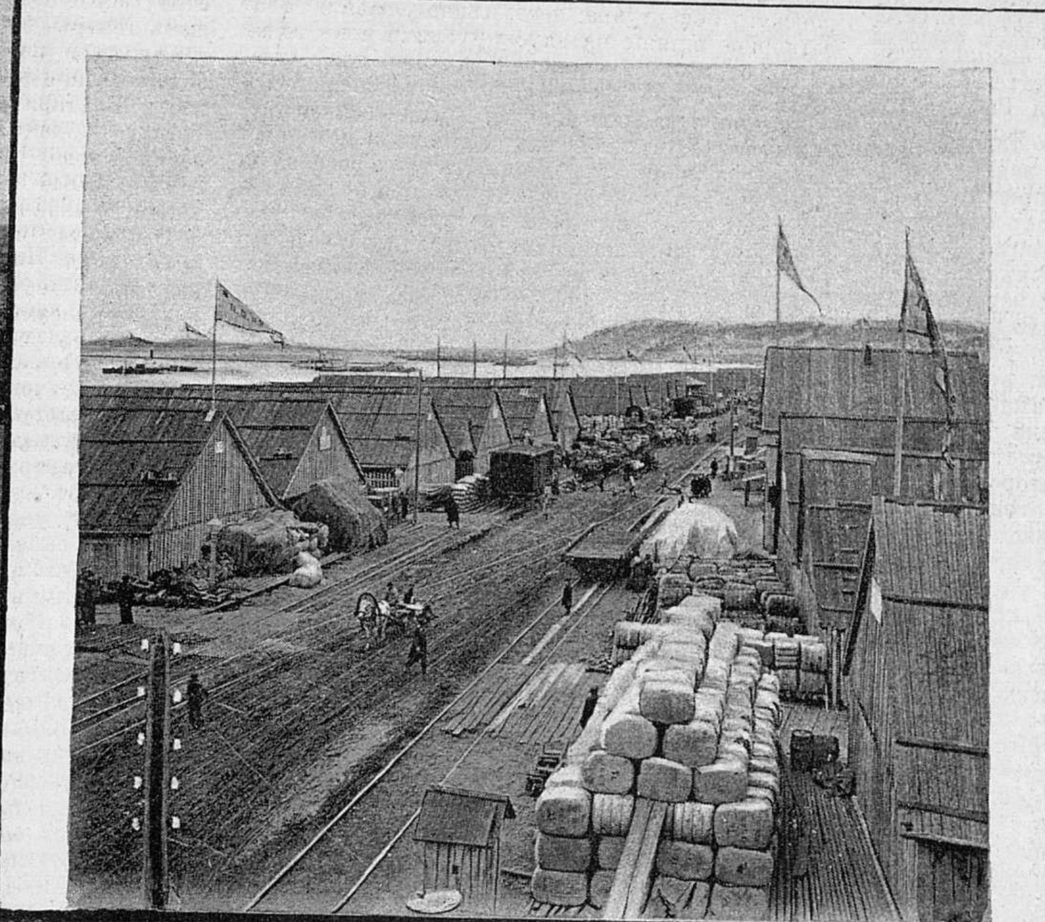
Улицы ярмарки по большей части являются просто на просто рядами лавокъ, но иногда одни лишь нижніе этажи заняты торговыми помѣщеніями, а верхи — многочисленными гостиницами, трактирами и номерами, въ которыхъ находитъ себѣ пріютъ публика, съѣхавшаяся на ярмарку буквально со всѣхъ концовъ Россіи и увеличивающая населеніе Нижняго часто вдвое. О наружномъ обличьи и, такъ сказать, мѣстномъ колоритѣ ярморочныхъ улицъ можно судить по нашимъ снимкамъ, на которыхъ представлены улицы Царская, Нижегородская и общій видъ ярмарки отъ главнаго дома. Сибирская пристань по обширности своего торговаго движенія можетъ быть смѣло поставлено въ ряду первоклассныхъ пристаней торговаго міра. Всю среднюю часть ея занимаютъ торговыя конторы и пристани пароходныхъ обществъ: Самолетъ, Кавказъ и Меркурій, Дружина, Зевеке, братьевъ Каменскихъ, Волжскаго Общества, Лебедя, Якимовыхъ и т. д. Цѣлые караваны судовъ во все время навигаціи, т. е. въ теченіе почти полугода, свозятъ сюда по Волгѣ, Камѣ, Окѣ, Шекснѣ, вообще, со всего бассейна великой рѣки произведенія сѣвера, Урала, Сибири, Каспійскаго моря, Кавказа, Персіи, средней Азіи, съ одной стороны, и произведенія центральнаго промышленнаго района и заграничныя — съ другой. Шерсть, хлопокъ, чай, желѣзо, кожи, мѣха, сало сосредоточиваются здѣсь въ колоссальныхъ партіяхъ и хранятся въ нѣдрахъ обширныхъ, спеціально устроенныхъ, складахъ. Хлопка на ярмаркѣ собирается на 4 милліона рублей и на такую же сумму шерсти; и происхожденіе обоихъ этихъ товаровъ — одинаковое: хлопокъ идетъ изъ Персіи и средней Азіи, а шерсть оттуда же, а частью съ Кавказа и степныхъ губерній Волжскаго и Уральскаго бассейновъ. Одна изъ интереснѣйшихъ статей нижегородской торговли — это чай. Громаднѣйшіе цибики складываются въ кучи и укрываются брезентами. Склады чая находятся на самомъ дальнемъ концѣ Сибирской пристани. Около цибиковъ, въ рогожной кибиткѣ, располагаются на временное жительство и приказчики. Этого благодатнаго продукта проходитъ черезъ Нижній ежегодно партія, оцѣниваемая, въ среднемъ, въ 20 милліоновъ рублей. Китайскіе чаи до сихъ поръ еще сосредоточиваются у насъ главнымъ образомъ въ Кяхтѣ, отсюда движутся сначала въ иркутскую таможню, а затѣмъ уже направляются въ склады города Томска. Изъ Томска движеніе чая на Москву начинается съ марта, но до 2/3 всего количества, вывозимаго черезъ нашу сухопутную границу съ Китаемъ, сосредоточивается на Нижегородской ярмаркѣ. Теперь на рынкѣ борются между собою чаи сухопутной доставки съ морскими, вывозимыми изъ Ханькоу пароходами нашего добровольнаго флота. Знатоки быстро освоились съ особенностями того и другого продукта; сухопутный чай оказался мягче на вкусъ, прочнѣе по букету; морской чай хотя часто гораздо ароматичнѣе сухопутнаго, но зато плохо держитъ ароматъ, легко выдыхается. Все это, конечно, много вліяетъ на ходкость товара.

Проходя по безконечнымъ рядамъ ярмарки, можно видѣть склады рѣшительно всѣхъ произведеній, какія только человѣчество выпускаетъ въ настоящее время на всемірный рынокъ. Нѣкоторые склады невольно привлекаютъ взглядъ обозрѣвателя; такъ, на набережной Оки можно видѣть цѣлые ряды мельничныхъ жерноворъ, на рыбной пристани — цѣлыя горы сушеной рыбы. Одна изъ оригинальнѣйшихъ товарныхъ коллекцій ярмарки — это масса колоколовъ всевозможныхъ размѣровъ, образующая особый колокольный рядъ, находящійся позади новаго собора, близь пароходныхъ пристаней Григорьева и Дружины. Часто покупатели начинаютъ пробовать этотъ громогласный товаръ, и тогда гулъ идетъ по всей ярмаркѣ. Колоколовъ привозятъ ежегодно на 150 тысячъ.

Ярмарка, какъ извѣстно, основалась въ уѣздномъ городкѣ Макаровѣ еще въ XV столѣтіи. Но городокъ и монастырь, около котораго она первоначально ютилась, были разрушены татарами и возобновлены лишь въ XVII вѣкѣ. Къ концу этого столѣтія привозъ товаровъ на ярмарку оцѣнивался въ 80 тысячъ рублей, въ половинѣ XVIII вѣка онъ достигалъ уже до полумилліона, а въ концѣ прошлаго вѣка обороты ярмарки доходили до 30 милліоновъ; въ настоящее время общій итогъ ярмарочныхъ оборотовъ опредѣляется въ 500 милліоновъ рублей. Въ Нижній ярмарка переведена въ 1817 году. Въ 1822 году были построены каменные корпуса, тѣ самые, которые теперь находятся въ центрѣ ярмарки и окружены широкимъ каналомъ, названнымъ по имени строителя этихъ корпусовъ Бетанкура; 60 бетанкуровскихъ корпусовъ вмѣщаютъ свыше 2½ тысячъ отдѣльныхъ торговыхъ помѣщеній, да почти столько же лавокъ и складовъ насчитывается въ выстроенныхъ въ позднѣйшее время новыхъ корпусахъ. Вся эта громада лавокъ, биткомъ набитыхъ товаромъ, въ высшей степени живая, снующая и мелькающая толпа, типичныя фигуры восточныхъ инородцевъ,

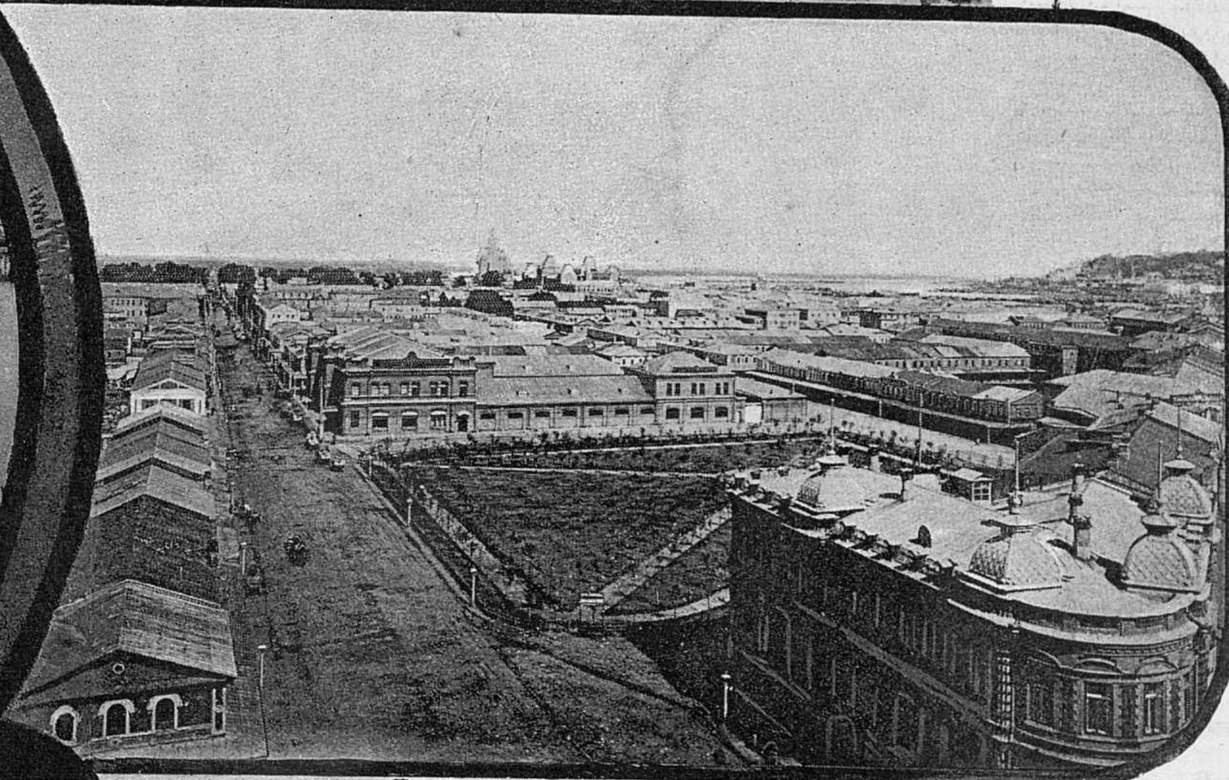

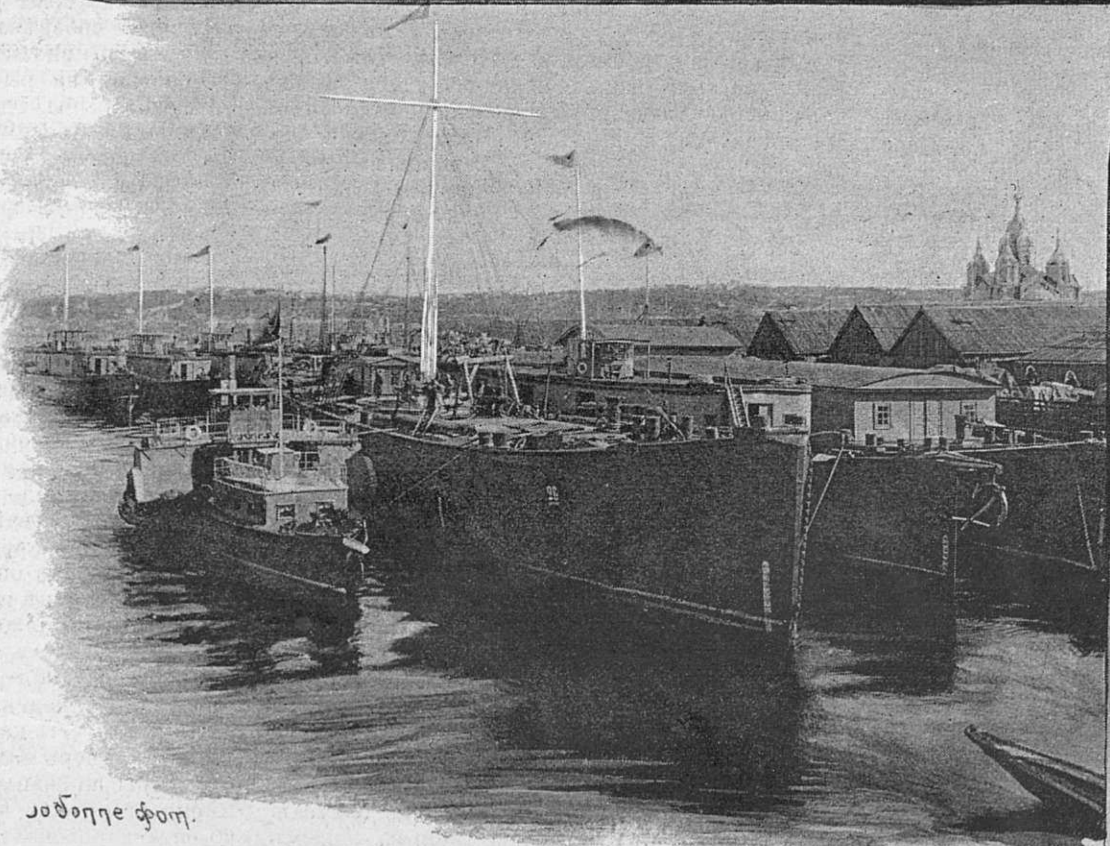

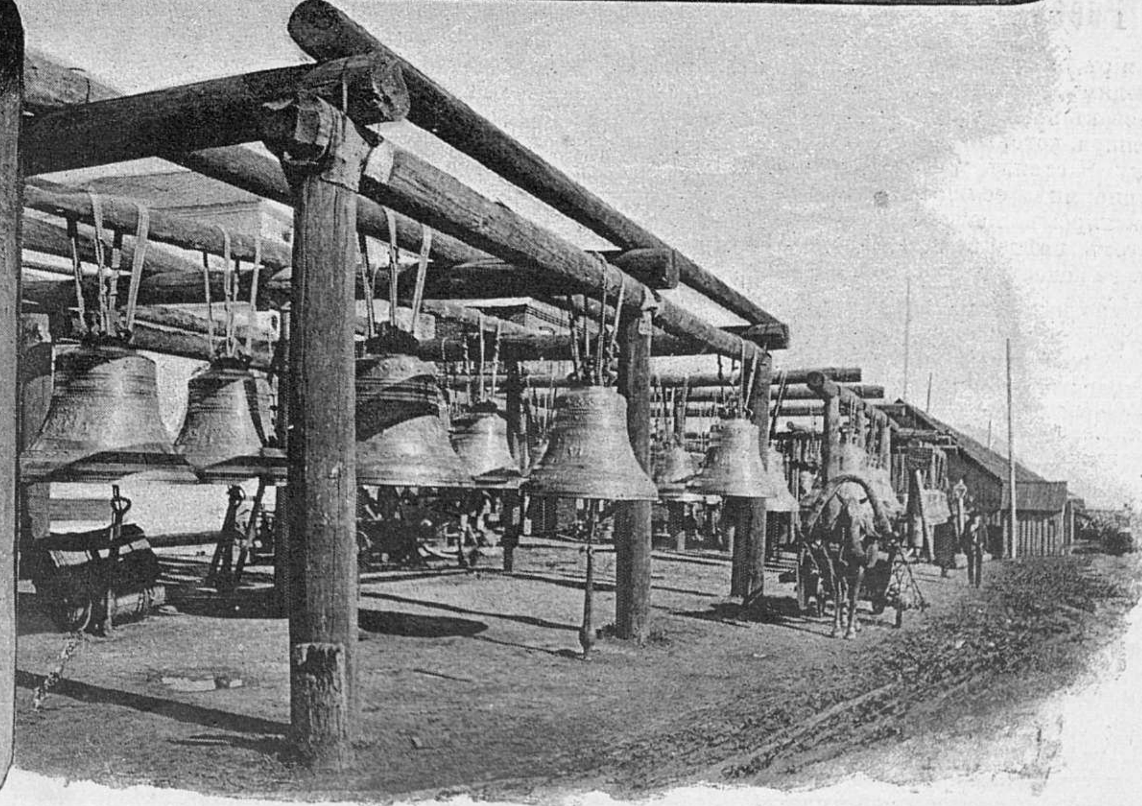

Понтонный мостъ къ ярмаркѣ.
Ярмарка (Нижегородская ул.).
Сибирская пристань. Видъ съ Волги.

Видъ съ главнаго дома на ярмарку.
Главная улица на ярмаркѣ.
Ярмарочный театръ.

Сибирская пристань со стороны ярмарки (свади).
Ярмарка (Царская улица).
Колокольный рядъ.

Нижній-Новгородъ.—Ярмарочныя мѣста.

Съ фотографій фототипія Эд. Гоппе.

попадающійся на каждомъ шагу, шумъ, говоръ, гомонъ, движеніе—все это производитъ совсѣмъ особое, оригинальное впечатлѣніе, надолго остающееся въ памяти, особенно у обитателя какого нибудь тихаго уголка внутренней Россіи, случайно попавшаго въ эту торговую толчею. Вся эта, весь день занятая, толпа къ вечеру угомоняется и предъявляетъ самый широкій спросъ на развлеченія. Отвѣтомъ на этотъ спросъ являются сотни пріютовъ для пріятнаго времяпрепровожденія. Большинство крупныхъ гостиницъ держитъ цѣлыя труппы пѣвцовъ, музыкантовъ, хоровъ. Ярмарочная публика охотно наполняетъ просторныя залы этихъ храмовъ гастрономіи, выпивки и свободнаго художества, ѣстъ, пьетъ, предъявляетъ „ндравъ", вознаграждаетъ артистовъ щедрыми приношеніями „на ноты". Дѣятельность мѣстныхъ жрецовъ искусства и въ особенности жрицъ, далеко не односторонне артистическая, напротивъ, въ высшей степени разнообразная, растяжимая и преотмѣнно приспособляющаяся къ прихотливому спросу публики; тутъ области музъ и Киприды претерпѣваютъ столь тѣсное и гармоническое сліяніе, что самый опытный знатокъ мѣстныхъ нравовъ не съумѣлъ бы провести между ними границу. Самымъ крупнымъ капищемъ искусства является ярмарочный театръ, обширное зданіе котораго высится на Театральной площади, прилегающей къ Сибирской и Нижегородской улицамъ. Громадныя афиши театра покрываютъ стѣны домовъ, образуютъ особыя вывѣски, столбы съ которыми преслѣдуютъ публику повсюду—на пристаняхъ, на вокзалѣ, на улицахъ и площадяхъ. Эти афиши въ своемъ родѣ замѣчательные произведенія рекламы XIX вѣка. Онѣ не просто возвѣщаютъ о театрѣ и о пьесѣ, а, такъ сказать, кричатъ о ней во всё горло. Каждый актъ пьесы непремѣнно снабженъ особеннымъ, въ высшей степени заманчивымъ и даже загадочнымъ, заголовкомъ; перечислены не только всѣ исполнители—актеры, но даже приведены имена режиссеровъ, кассировъ, контролеровъ, суфлера, буфетчиковъ и чуть ли даже не капельдинеровъ. Должно полагать, что самое чтеніе афиши дѣйствуетъ на публику вродѣ какой-то пряности и возбуждаетъ аппетитъ къ зрѣлищу; антрепренеры, несомнѣнно, отлично знакомы со вкусами своей публики и понимаютъ—какъ надо составлять для нея афишу.

М. А. О.

Эрнесто Росси †

»Я рвался въ міръ, къ людямъ, ко всѣмъ людямъ, но съ чѣмъ бы могъ я явиться къ нимъ, еслибы не геній Шекспира, который открылъ мнѣ дорогу. Я стоялъ у ограды, которая была бы недоступна мнѣ, еслибы не цвѣтокъ, называемый Шекспиромъ, пышный цвѣтокъ генія; я сорвалъ этотъ цвѣтокъ и только тогда могъ проникнуть за недоступную ограду..." Такъ говорилъ еще недавно на одномъ обѣдѣ въ Москвѣ артистъ Росси. И вотъ его уже не стало... Онъ тамъ, гдѣ и его геніальный учитель—Шекспиръ.. Великій трагикъ скончался 23-го мая (4-го іюня) въ Пескоро, станціи адріатической желѣзной дороги, между Бриндизи и Флоренціей. Въ лицѣ Росси искусство потеряло артиста-художника, мыслящаго и глубоко, беззавѣтно любившаго свою профессію, геніальнаго выразителя шекспировскихъ типовъ и характеровъ, маститаго, блестящаго представителя итальянской драматической сцены. Росси принадлежалъ къ числу тѣхъ артистовъ, имя которыхъ извѣстно не одной его родной странѣ, а всему образованному міру. Его многочисленныя артистическія поѣздки по Европѣ, которыя, почти безъ перерыва, продолжались сорокъ лѣтъ, дали возможность публикѣ всѣхъ странъ неоднократно насладиться его высокохудожественною игрой. Передъ этой гигантской и разнородной аудиторіей незабвенный артистъ постоянно являлся вдумчивымъ и блестящимъ исполнителемъ и истолкователемъ знаменитѣйшихъ произведеній различныхъ націй, и съ этой стороны заслуги покойнаго весьма велики. Его замѣчательная, по своей художественной простотѣ и захватывающему реализму, игра, особенно въ роляхъ шекспировскаго репертуара, несомнѣнно оказала благотворное вліяніе на вкусы публики и въ то же время служила прекрасной школой для молодыхъ артистовъ. Въ Россіи Эрнесто Росси былъ извѣстенъ едва ли не больше, чѣмъ во всякой другой странѣ. Онъ много разъ былъ въ нашемъ отечествѣ, неоднократно выражалъ свою особенную симпатію къ русской публикѣ, которая, по его мнѣнію, необыкновенно горячо относится къ искусству, и въ виду этого пожелалъ отпраздновать полувѣковой юбилей своей сценической дѣятельности именно въ Россіи. Многимъ изъ москвичей, безъ сомнѣнія, памятно это торжество, происходившее 26-го января въ театрѣ „Новый Эрмитажъ" и вызвавшее цѣлый рядъ сочувственныхъ манифестацій по адресу великаго трагика. Въ этотъ день, помимо цѣлаго ряда адресовъ и поднесеній, артисту былъ врученъ дипломъ на званіе почетнаго члена московскаго общества любителей россійской словесности. Такъ же горячо былъ отпразднованъ юбилей Росси и въ Петербургѣ. Россію онъ изъѣздилъ изъ конца въ конецъ и первый изъ пріѣзжихъ трагиковъ, интересуясь Россіей и всѣмъ русскимъ, пожелалъ познакомиться съ нашей драматической литературой и въ роляхъ Іоанна Грознаго и скупого рыцаря показалъ свой талантъ, хотя, конечно, не въ той силѣ, какъ въ роляхъ шекспировскаго репертуара, къ тому же нужно быть русскимъ, чтобы со сцены передать вполнѣ такую крупную личность, какъ нашъ Іоаннъ Грозный.

итальянскій трагикъ, † 23-го мая (4-го іюня) с. г.

Съ фотографіи. Автотипія Эд. Гоппе.

Въ воспоминаніяхъ Росси, переведенныхъ и на русскій языкъ, мы находимъ доказательство, что Э. Росси питалъ ко всему русскому искреннее и нѣжное чувство — онъ вспоминаетъ о тѣхъ выраженіяхъ благосклонности, которыми осыпали его всѣ представители русской печати, свѣтила драматическаго искусства, товарищи-артисты, кончая просто великодушными, благородными и вѣрными друзьями. Этими словами покойный сказалъ все — здѣсь высказался весь добрый, хорошій во всѣхъ отношеніяхъ, общественный дѣятель, какъ человѣкъ и какъ великій артистъ. Эрнесто-Фортунато-Джіовани-Марія Росси, какъ значится въ его автобіографическихъ запискахъ, родился, „въ сорочкѣ", въ городѣ Ливорно 27-го апрѣля 1830 года въ купеческомъ семействѣ и выказалъ съ 15-тилѣтняго возраста непреобоуимую страсть къ театру. Много борьбы пришлось выдержать молодому Эрнесто съ его отцомъ, желавшимъ сдѣлать изъ него ученаго юриста. Только благодаря любящей матери и ея отцу, юный Росси могъ тайно отъ отца посѣщать театры, полюбить сценическое искусство и рѣшиться, во чтобы то ни стало, сдѣлаться актеромъ при своей далеко не сценической внѣшности. Поставивъ своимъ жизненнымъ девизомъ „хотѣть — значитъ мочь" (volere è potere), Росси добился того, что сперва фигурировалъ статистомъ (съ 1846 года) чуть ли не въ балаганахъ, затѣмъ выходнымъ актеромъ въ театрахъ городовъ Генуи, Пизы, Флоренціи. Такъ постепенно росъ талантъ артиста. Впослѣдствіи, подъ руководствомъ знаменитаго Монтеня, Росси изучалъ роли въ пьесахъ Гольдони, Гюго, Корнеля и другихъ писателей. Въ 1852 г. Росси женился и приступилъ къ изученію англійскаго языка. Въ 1856 г. артистъ выступилъ впервые въ переведенномъ имъ на итальянскій языкъ шекспировскомъ „Отелло", затѣмъ въ „Гамлетѣ", „Макбетѣ", „Королѣ Лирѣ", „Юліи Цезарѣ", „Коріоланѣ" и „Шейлокѣ", участвовалъ въ спектакляхъ вмѣстѣ съ знаменитой Ристори, Рашелью, игралъ съ Сальвини и часто навѣщалъ для бесѣдъ о театрѣ извѣстнаго Фредерика Леметра. Въ 1866 г. онъ выступилъ вторично въ Парижѣ, на сценѣ Comédie Française и игралъ на итальянскомъ языкѣ роль Сида въ день празднованія юбилея Корнеля. Почитатели Росси справедливо называли его тогда французскимъ Тальмой. Побывавъ разновременно во всѣхъ наиболѣе многолюдныхъ городахъ Италіи, Испаніи, Португаліи, Турціи, Бельгіи, Франціи, Голландіи, Англіи, Даніи, Австріи и Германіи Швеціи и Норвегіи, въ нѣкоторыхъ славянскихъ городахъ и городахъ Сѣверной и Южной Америки, въ Египтѣ, Персіи и съ 1877 г. въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ Россіи,— великій трагикъ былъ увѣнчанъ лаврами, удостоенъ аудіенцій почти всѣхъ коронованныхъ монарховъ, правителей странъ, президентовъ и награжденъ орденами и подарками, хранящимися во Флоренціи, на виллѣ-музеѣ имени Росси. Знаменитый трагикъ также много писалъ для театра. Извѣстна его драма „Адель", написанная для г-жи Ристори, комедія „Молитва Солдата", „Consorzio Parentale"; затѣмъ извѣстны его „Studii drammatici" (1882 г.), въ которыхъ разсѣяно много блестящихъ мыслей объ истолкованіи шекспировскихъ типовъ, и его воспоминанія, появившіяся подъ заглавіемъ „Quarant-anni di vita artistica" (1888 г.), переведенныя на русскій языкъ. Росси умеръ, но слава о немъ будетъ вѣчна; его имя не умретъ и будетъ занесено въ исторію театра. Росси умеръ, но олицетворенные имъ образы, герои, созданные его геніемъ, безсмертны. Росси умеръ, но уроки, данные имъ на сценахъ русскихъ театровъ, не прошли безслѣдно; его игра нашла подражателей и послѣдователей, его любовь къ искусству и добросовѣстное отношеніе къ своему дѣлу нашли своихъ цѣнителей и учениковъ.

Э. Б. Шене †

Скончавшійся 6-го мая въ Москвѣ, профессоръ московскаго сельскохозяйственнаго института по каѳедрѣ химіи, д. ст. сов. Эмилій Богдановичъ Шене много потрудился въ области сельскохозяйственной химіи, и его имя вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсно связано съ исторіей нашего сельскохозяйственнаго образованія. Онъ усовершенствовалъ способъ механическаго анализа почвы, и приборъ, имъ изобрѣтенный, такъ и называется приборомъ Шене. Работы его, отличающіяся, по отзывамъ спеціалистовъ, большою точностью и интересомъ и разнообразіемъ темъ, посвящены вопросу о перекиси водорода, изслѣдованіямъ почвъ, удобреній, растеній, а также многому тому, что имѣетъ непосредственную связь съ сельскимъ хозяйствомъ. Особенно популярнымъ имя профессора Шене сдѣлало изобрѣтенный имъ „пьезометръ", остроумный приборъ для отмучиванія почвъ, который въ усовершенствованномъ видѣ можно встрѣтить едва ли не во всѣхъ агрономическихъ лабораторіяхъ запад-

ной Европы. Педагогическая дѣятельность Э. Б. Шене также весьма почтенна. „Сдѣлавшись профессоромъ — говоритъ г. Миклашевскій — онъ, можно сказать, совершенно отдалъ себя служенію академіи и ея студентамъ. Онъ былъ членомъ всевозможныхъ коммиссій, столь часто составлявшихся въ академіи въ виду постоянныхъ преобразованій, въ ней происходившихъ, придумывалъ правила организаціи ея богатой библіотеки и очень долго былъ предсѣдателемъ общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ академіи, и его энергической дѣятельности многіе студенты академіи были обязаны матеріальной поддержкой. Свободное учрежденіе, какимъ была Петровская академія по уставу 1865 года, просуществовало только до 1869 г. Вслѣдъ затѣмъ начались, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, преобразованія академіи и, благодаря цѣлому ряду неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ руководящихъ слояхъ общества стала складываться легенда о томъ, что питомцы академіи оказываются совершенно непригодными къ практической дѣятельности. Э. Б. Шене блистательно опровергъ это мнѣніе, напечатавъ въ „Сборникѣ свѣдѣній о Петровской академіи“, изданномъ въ 1887 г. по поводу харьковской всероссійской сельскохозяйственной выставки, „Матеріалы для исторіи Петровской академіи“. Цифрами и фактами, кропотливо собранными относительно большей части питомцевъ Петровской академіи, Э. Б. Шене доказалъ, что около 80°/o лицъ, учившихся въ ней, сдѣлались или практическими хозяевами, или управляющими, или избрали себѣ родъ дѣятельности, близко соприкасающійся съ сельскимъ хозяйствомъ и его управленіемъ“. Эмилій Богдановичъ Шене — уроженецъ города Гальберштадта, въ прусской Саксоніи, и воспитанникъ гальскаго, а затѣмъ берлинскаго университетовъ. Съ 1860 по 1863 г. онъ состоялъ старшимъ ассистентомъ въ химической лабораторіи берлинскаго технологическаго института и въ 1863 г. переселился въ Россію, приглашенный, въ качествѣ химика, одной крупной торговой фирмой въ Москвѣ. Здѣсь онъ познакомился съ профессоромъ П. А. Ильенковымъ, который и пригласилъ молодого доктора философіи геттингенскаго университета устраивать, въ качествѣ ассистента его, химическую лабораторію въ возникавшей въ то время Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи. „Лабораторія академіи — говоритъ тотъ же біографъ Э. Б. Шене — была устроена при дѣятельномъ содѣйствіи Э. Б. образцово и съ честью пережила всѣ преобразованія и уставы, столь часто мѣнявшіеся въ академіи. Нужно замѣтить, что Петровская академія по первому своему уставу 1865 года была учрежденіемъ совсѣмъ особаго рода. Главною ея задачей было — распространеніе, возможно широкое, сельскохозяйственныхъ знаній, въ виду чего въ слушатели ея принимался всякій, желающій слушать лекціи и заниматься практически въ ея лабораторіяхъ. Число желающихъ поступить въ слушатели академіи въ первый годъ ея открытія достигло 680, и уже по этой цифрѣ можно судить — какъ трудна и отвѣтственна была обязанность ассистента по каѳедрѣ одного изъ важнѣйшихъ предметовъ преподаванія — химіи“. Въ 1869 году Э. Б. Шене получилъ мѣсто преподавателя неорганической и аналитической химіи въ Петровской академіи и, по защитѣ магистерской диссертаціи, озаглавленной „Опытныя изслѣдованія надъ перекисью водорода“, былъ удостоенъ въ 1875 году званія экстраординарнаго, а въ 1876 году—ординарнаго профессора. Спустя пять лѣтъ Э. Б. Шене блестяще защитилъ въ юрьевскомъ (тогда дерптскомъ) университетѣ диссертацію подъ заглавіемъ „Объ отношеніи перекиси водорода къ соединеніямъ калія“ и получилъ степень доктора химіи. „Въ 1888 г., по словамъ г. Миклашевскаго, Петровская академія была преобразована еще разъ и названа „сельскохозяйственной“ вмѣсто „земледѣльческой и лѣсной“, ибо лѣсной отдѣлъ ея былъ закрытъ, а осенью 1890 г. пріемъ студентовъ въ академію былъ прекращенъ въ виду предстоявшаго закрытія ея. Э. Б. стоялъ въ первой очереди профессоровъ, выпускаемыхъ за штатъ, и надо было видѣть горе, въ какое онъ впалъ передъ необходимостью оставить учрежденіе, которому онъ посвятилъ свои лучшія силы. Выходъ за штатъ Э. Б. былъ однако совершенно неожиданно отсроченъ, благодаря выходу въ отставку Г. Г. Густавсона, сотрудника Э. Б. по каѳедрѣ химіи“. Въ 1895 г. на мѣстѣ Петровской академіи возникъ московскій сельскохозяйственный институтъ, и Шене былъ приглашенъ въ качествѣ профессора химіи въ это новое учрежденіе, въ которомъ и работалъ почти до послѣднихъ дней. Кромѣ упомянутыхъ трудовъ, Э. Б. Шене обрабатывалъ, совмѣстно съ В. Т. Собичевскимъ, „Матеріалы для исторіи Петровской академіи“, помѣщавшіеся въ „Извѣстіяхъ“ академіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Многіе ученики его состоятъ въ настоящее время профессорами московскаго сельскохозяйственнаго института и института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

Объявленіе герольдовъ о днѣ Св. Коронованія

Согласно церемоніалу, 11-е мая было первымъ днемъ объявленія герольдами о днѣ Священнаго Коронованія. Первое объявленіе происходило въ Кремлѣ, на Сенатской площади, куда уже къ восьми часамъ стали собираться нѣкоторые иностранные гости изъ посольствъ со свитами и члены посольствъ. Герольды подняли кверху свои жезлы, и вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, обнажила головы, причемъ многіе стали осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. По такому же поднятію руки начальника отряда, затрубили трубачи сборъ, и по окончаніи его одинъ изъ секретарей, не сходя съ лошади, громко, отчетливо и внятно сталъ читать объявленіе. По прочтеніи объявленія, выслушаннаго народомъ съ чрезвычайнымъ благоговѣніемъ, и при глубокой тишинѣ раздались звуки народнаго гимна, который играли трубачи обоихъ эскадроновъ. Громовое „ура“ народа заглушило на время звуки гимна, и народъ стремительно бросился къ герольдамъ, раздававшимъ печатныя объявленія. Помимо герольдовъ, объявленія раздавались еще изъ двухъ придворныхъ каретъ, въ которыхъ они были привезены.

Новый Императорскій поѣздъ

Освященный въ мартѣ текущаго года новый Императорскій семивагонный ширококолейный поѣздъ, рисунки котораго помѣщены въ прошломъ, 1426, нумерѣ „Всемірной Иллюстраціи“ построенъ для царскихъ переѣздовъ по Россіи въ мастерскихъ Александровскаго механическаго завода. Снаружи всѣ семь вагоновъ покрыты свѣтлосинимъ лакомъ, собственно царскіе украшены маленькими рельефными золотыми орлами, ручки у дверецъ и нѣкоторыя наружныя закрѣпленія — бронзовыя, золоченыя; вагоны соединяются такъ называемою гармоникой; у входныхъ дверецъ — наружныя электрическія лампочки. Входныя дверцы имѣютъ лѣсенки, которыя такъ устроены, что принаравливаются какъ къ самой низкой, такъ и къ самой высокой платформамъ станцій. Весь поѣздъ освѣщается электричествомъ. Поѣздъ составляютъ семь вагоновъ: 1) салонъ-вагонъ (гостиная и столовая), 2) помѣщеніе Ихъ Величествъ и Августѣйшихъ дѣтей, 3) кухня, 4) багажный вагонъ, 5) свитскій, 6) административный и для прислуги, 7) электрическая поѣздная станція. Поѣздъ снабженъ автоматическими тормазами двухъ системъ—Вестингауза (сжатымъ воздухомъ) и Гарди (разряженымъ воздухомъ). Салонный вагонъ состоитъ изъ двухъ помѣщеній: гостиная обита шелковой, оливковаго цвѣта, матеріею съ такой же мебелью, зеркаломъ и тремя деревянными столиками карельской березы и прекрасно исполненной на верхней доскѣ мозаикой изъ разнаго дерева — цвѣты. Дверь изъ гостиной въ столовую также украшена деревянной мозаикой. Въ столовой тоже зеркало, и тамъ, и здѣсь красивыя электрическія люстры. Изъ столовой дверь ведетъ въ буфетное отдѣленіе, затѣмъ черезъ проходъ, закрытый гармоникой, можно пройти въ кухню; рядомъ со столовой — кухня, помѣстительная, съ настоящей плитой, имѣетъ нѣсколько отдѣленій, и, между прочимъ, для баковъ со льдомъ. Багажный вагонъ заключаетъ нѣсколько служебныхъ отдѣленій и простое помѣщеніе, въ родѣ залы, для багажа. Тутъ же помѣщены аппараты: Графтія, записывающій скорость хода поѣзда, и телефонный. Въ концѣ вагона — отдѣленія для прислуги. Собственно царскій вагонъ вмѣщаетъ два кабинета и одновременно опочивальни, и между ними — дѣтская комната, которая можетъ быть перегорожена на двѣ. Съ одного конца до другого идетъ коридоръ, обитый шелковыми обоями сѣраго цвѣта, gris de perle. Крайнія комнаты въ вагонахъ — одна для камеръ-фрау, другая для камердинера; за первою комнатою — комната Императрицы, въ которой мебель и стѣны шелковыя, песочнаго цвѣта, съ мелкими букетами цвѣтовъ; у оконъ фіолетовыя бархатныя драпировки и такой же столикъ; дѣтская комната отдѣлана красноватыми шелковыми обоями. Комната Государя, съ обивкой изъ американскаго орѣха, убрана темнозеленой мебелью шагреневой кожи. На письменномъ столѣ красивый золоченый приборъ стиля ренессансъ. Свитскій вагонъ, также съ коридоромъ и съ шелковой обшивкой, имѣетъ двѣ дамскихъ каюты и три мужскихъ съ удобными диванами (не считая каютъ для прислуги). Служебный и административный вагонъ вмѣщаетъ нѣсколько отдѣленій съ диванами, письменными столами и шкапиками для бумагъ. Весь поѣздъ строился на Александровскомъ заводѣ и его рабочими силами, только матеріалъ для обивки доставленъ со стороны. Новый Императорскій поѣздъ построенъ подъ наблюденіемъ особой коммиссіи для постройки Императорскихъ поѣздовъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго инженера Сумарокова. Въ составъ коммиссіи вошли инженеры: вице-предсѣдатель — Шестаковъ, члены: Антошинъ, Гофманъ (начальникъ мастерской на Николаевской дорогѣ), Гебауеръ (тоже на варшавской), Клеммъ (тоже на балтійской), Копыткинъ, Щукинъ (профессоръ), Яловецкій и Сущинскій (дѣлопроизводитель коммиссіи). Поѣздъ выдержалъ всѣ испытанія, для чего и ходилъ до Тулы, и по освященіи сданъ въ вѣдѣніе варшавской желѣзной дороги.

Между небомъ и землей

Къ рисунку А. Б. Скиргелло

Только вешнее солнышко обогрѣетъ землю, какъ рѣзвая крестьянская дѣтвора съ великой радостью переселяется изъ своего зимняго заточенія по душнымъ избамъ на вольный воздухъ, на просторъ деревенской улицы, выгона или площади, для шумныхъ игръ. Дѣти собираются цѣлыми ватагами, не боясь ни холода, ни зноя; вотъ развѣ только гроза или ливень ненадолго загонятъ ихъ обратно подъ крышу. Изо всего они умѣютъ устроить себѣ забаву. Заборъ вокругъ двора служитъ имъ для лазанья. Канавка попадется — надо черезъ нее перепрыгнуть. Копна сѣна — какъ чудесно съ нея кувыркаться! А вотъ сложены бревна для постройки: такія чудесныя да толстыя! И дѣтворѣ они служатъ импровизированными качелями; дѣти притащутъ гибкую доску, вынутую изъ забора, положатъ ее поперекъ на колоду и готова „скакалка“. Двое ребятишекъ становятся на концы и поочередно прыгаютъ, лихо „поддавая“ тому, кто стоитъ напротивъ, такъ что тотъ отскакиваетъ высоко кверху отъ доски. Вотъ двое мальчишекъ уговариваютъ дѣвчонку: „Сядь на доску, мы те покачаемъ!“ Трусливая дѣвочка немножко помнется, не рѣшаясь послѣдовать ихъ приглашенію, но, наконецъ, искушеніе беретъ верхъ надъ страхомъ. Она усаживается на конецъ доски. Сначала все идетъ прекрасно; ее бережно качаютъ. Она улыбается, она радостно смѣется, то взлетая на воздухъ, то стремительно опускаясь. Но вотъ проказники „навалились“ на доску, а бѣдная обманутая жертва ихъ коварства оказалась въ очень неудобной позѣ „между небомъ и землей“. Спрыгнуть страшно, а сидѣть — того и гляди — полетишь внизъ головой, „убьешься“. Вопитъ она „благимъ матомъ“, а лютые безобразники хохочутъ во все горло...

Процессія махмаль въ Каирѣ

Отправленіе каравана богомольцевъ въ Мекку изъ Каира сопровождается особою церемоніею, которая носитъ названіе махмаль. Этимъ названіемъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, обозначается особый деревянный ларецъ съ пирамидальною крышкой, обтянутой красною матеріею и богато изукрашенной золотомъ. Такая скрыня представляетъ собою носилки знаменитой Фатьмы-Шегеретъ-Этъ-Доръ, вдовы калифа изъ дома Айюбова, Эль-Мелекъ-эсъ-Салеха, которая въ 1250 году провозгласила себя властительницею Египта и совершила путешествіе въ Мекку. Махмаль ежегодно сопровождаетъ богомольцевъ и пользуется почтеніемъ, какъ одна изъ величайшихъ мусульманскихъ святынь. Процессія съ махмалемъ проходитъ по всѣмъ улицамъ Каира, отъ площади около цитадели до воротъ Бабъ-эль-Насръ. Во главѣ процессіи движется отрядъ войска—пѣхоты и кавалеріи; въ ней участвуетъ толпа дервишей, несущихъ разноцвѣтныя знамена, бьющихъ въ литавры и барабаны, кадящихъ благовоніями. Какъ извѣстно, ежегодно отъ султана въ Мекку посылается новый покровъ на Каабу — главную меккскую святыню. Этотъ покровъ — кисвехъ — слѣдуетъ изъ Каира въ Мекку съ особенною торжественностью, и въ процессіи, сопровождающей эту посылку, махмаль всегда занимаетъ видное мѣсто. Возвращеніе богомольцевъ изъ Мекки въ Каиръ съ махмалемъ также сопровождается торжествами. Старый покровъ съ Каабы обыкновенно разрѣзается на куски, которые и раздаются по всѣмъ мечетямъ.

Изъ лѣтняго альбома художника. — Между небомъ и землей.

Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи« А. Б. Скиргелло.

Архіепископъ Донатъ †

Въ 18 верстахъ отъ Москвы лежитъ Николо-Угрѣшскій монастырь. Въ этой обители 16-го апрѣля текущаго года мирно отошелъ въ вѣчную жизнь, пребывавшій здѣсь на покоѣ, одинъ изъ почтенныхъ нашихъ іерарховъ, много потрудившійся на пользу православной церкви, высокопреосвященный Донатъ. Помимо духовно-административной дѣятельности своей, этотъ уважаемый архипастырь пріобрѣлъ еще извѣстность и какъ усердный и весьма краснорѣчивый проповѣдникъ. Его знаменитая рѣчь, сказанная 2-го марта 1881 г. въ гродненскомъ соборѣ передъ панихидой по государѣ императорѣ Александрѣ II, начинающаяся словами: „Люди мои! Народъ мой! Какое зло я сдѣлалъ вамъ? Чѣмъ обидѣлъ васъ?“ — была напечатана во всѣхъ русскихъ газетахъ и многихъ журналахъ; она выдержала множество изданій въ отдѣльныхъ листкахъ, была переведена на иностранные языки и повсюду, куда ни проникала, вызывала скорбь, исторгала слезы. Еще у всѣхъ на памяти въ высшей степени трудная, но благотворная, блестящая по послѣдствіямъ, дѣятельность высокопреосвященнаго Доната на одной изъ нашихъ окраинъ, на рижской каѳедрѣ. Онъ ясно видѣлъ, что путь къ тѣсному слiянію туземцевъ съ русскимъ государствомъ лежитъ черезъ православную церковь и школу. Въ этомъ направленіи онъ и дѣйствовалъ весьма энергично для намѣченныхъ имъ цѣлей. Достаточно упомянуть, что, благодаря его уму и такту, въ немногіе годы управленія его рижской епархіей, присоединено къ православію слишкомъ 15,600 эстовъ и латышей; имъ было открыто около двадцати новыхъ приходовъ и очень много школъ; по его же ходатайству Высочайше утверждено, 10-го февраля 1886 года, положеніе о порядкѣ отчужденія земли и помѣщеній для православныхъ причтовъ въ случаѣ несогласія помѣщиковъ-иновѣрцевъ и проч. Въ подольской епархіи дѣятельность архіепископа Доната была на столько полезна, что онъ, признанный большимъ знатокомъ русскихъ окраинъ, былъ назначенъ управлять литовской епархіей, дѣла кототорой были ему прекрасно извѣстны. Къ сожалѣнію, здѣсь дѣятельность его продолжалась недолго, вслѣдствіе злого недуга, быстро подтачившаго здоровье архипастыря. Своей выдающейся добротой высокопряосвященный Донатъ всюду возбуждалъ къ себѣ горячую любовь и большія симпатіи среди пасомыхъ имъ — и людей образованныхъ классовъ, и простонародья.

ДОНАТЪ,
б. архіепископъ донской, † 16-го апрѣля с. г.
Съ фотографіи Д. С. Здобнова. Гравировалъ И. И. Хелмицкій.

Уроженецъ села Слободки, юхновскаго уѣзда, смоленской губерніи, въ мірѣ Николай Ильичъ Бабинскій, родной братъ извѣстнаго протоіерея М. И. Соколова, архіепископъ Донатъ родился въ 1828 году и воспитывался въ мѣстной духовной семинаріи. По окончаніи курса студентомъ, онъ 14-го декабря 1852 года былъ рукоположенъ во священники къ вяземскому Аркадіевскому женскому монастырю, но въ слѣдующемъ году, потерявъ жену, для довершенія образованія поступилъ въ с.-петербургскую духовную академію, гдѣ съ 1855 года принялъ монашество. Выпущенный изъ академіи въ 1857 году кандидатомъ богословія и съ правомъ полученія степени магистра, полученной имъ въ 1860 г., отецъ Донатъ былъ опредѣленъ въ архангельскую духовную семинарію преподавателемъ греческаго языка и физики, а съ 1864 года, по возведеніи въ санъ архимандрита, назначенъ ректоромъ той же семинаріи и настоятелемъ Михаило-Архангельскаго монастыря. Уже во время ректорства онъ выказалъ большую опытность и энергію: благодаря его стараніямъ, архангельская семинарія была перестроена и возобновлена; имъ же въ 1873 году была пожертвована крупная сумма на голодающихъ самарской губерніи, за что архимандритъ Донатъ получилъ благословеніе св. синода. Затѣмъ, съ 1879 года, открылась дѣятельность его на болѣе высшей чредѣ служенія православной церкви. Хиротонисанный въ архіерейскій санъ 27-го мая 1879 года, онъ состоялъ епископомъ брестскимъ и ковенскимъ, въ званіи викарія литовской епархіи (1879—1882 гг.). На этомъ мѣстѣ служенія имъ выражена особенная забота о духовно-нравственномъ просвѣщеніи сѣверо-западнаго края: имъ было учреждено „Православное братство въ Гроднѣ“ и заведены по церквямъ религіозныя собесѣдованія, въ которыхъ самъ архипастырь принималъ живое участіе. Памятникомъ этой дѣятельности остались его слова, поученія и рѣчи, напечатанныя подъ заглавіемъ: „Голосъ пастыря по поводу современныхъ событій въ отечествѣ“ (Гродна 1882 г., три выпуска). Съ 6-го марта 1882 года, въ теченіе пяти лѣтъ, епископъ Донатъ занималъ самостоятельную архіерейскую каѳедру въ Ригѣ. Отсюда епископъ Донатъ былъ перемѣщенъ въ Каменецъ-Подольскъ и въ 1890 году, декабря 13-го, назначенъ архіепископомъ литовскимъ, а черезъ четыре года—донскимъ. Послѣдніе полтора года, вслѣдствіе тяжкой болѣзни, преосвященный Донатъ проживалъ въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ, въ которомъ нашелъ себѣ и вѣчное упокоеніе.

А. Г. Столѣтовъ †

Новую крупную потерю понесла русская наука. 15-го мая скончался въ Москвѣ заслуженный ординарный профессоръ московскаго университета по каѳедрѣ физики, д. ст. сов. Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ. Его ученая и профессорская дѣятельность сдѣлала его имя извѣстнымъ не только въ Россіи, но и за границей, а ученики его занимаютъ теперь каѳедры во многихъ русскихъ университетахъ. Кромѣ многихъ спеціальныхъ работъ (особенно по актиноэлектрическимъ изслѣдованіямъ, критическому состоянію тѣлъ и др.) и многолѣтней плодотворной

А. Г. СТОЛѢТОВЪ,
профессоръ, физикъ, † 15-го мая с. г.
Съ фотографіи Фр. Опитца въ Москвѣ. Грав. И. И. Хелмицкій.

Э. Б. ШЕНЕ, профессоръ московскаго сельско-хозяйственнаго института, † 6-го мая с. г.
Съ фотографіи Фр. Опитца въ Москвѣ. Гравировалъ Б. А. Пуцъ.

профессорской дѣятельности, покойный заявилъ себя, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, энергичнымъ руководительствомъ, состоявшаго подъ его предсѣдательствомъ, отдѣленія физическихъ наукъ Императорскаго общества любителей естествознанія, которое въ 1886 г. избрало его въ свои почетные члены. Кромѣ того покойный оставилъ по себѣ извѣстность и какъ талантливый популяризаторъ; его рѣчи, сообщенія, публичныя лекціи, большею частью прекрасно обставленныя въ экспериментальномъ отношеніи, всегда привлекали массы слушателей. Въ своихъ научныхъ занятіяхъ А. Г. Столѣтовъ, не смотря на свои далеко не молодые годы, былъ неутомимъ и продолжалъ работать усердно до самаго послѣдняго времени, и не далѣе какъ въ прошломъ году вышла его обширная книга „Введеніе въ акустику и оптику".

Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ происходилъ изъ купечества владимірской губерніи и родился 29-го іюля 1839 года во Владимірѣ. По окончаніи курса въ мѣстной гимназіи съ золотой медалью онъ поступилъ на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета московскаго университета и окончилъ въ немъ курсъ со степенью кандидата въ 1860 г. Оставленный при университетѣ для приготовленія къ занятію каѳедры, онъ въ 1862 г. былъ командированъ на два года, для ученыхъ занятій по физикѣ, за границу, съ содержаніемъ по 1,000 р. въ годъ, изъ суммы, пожертвованной университету профессорами Рачинскими. Заграничная командировка его была продолжена еще на полгода, а затѣмъ еще на годъ. Въ 1866 г., по возвращеніи въ Москву, А. Г. Столѣтовъ былъ назначенъ стороннимъ преподавателемъ по предмету математической физики и физической географіи. Въ 1869 г., по выдержаніи испытанія и защитѣ диссертаціи: „Общая задача электростатики и ея приведеніе къ простѣйшему случаю", онъ былъ утвержденъ въ званіи магистра физики и назначенъ доцентомъ по этой каѳедрѣ. Спустя три года имъ была представлена и защищена диссертація и на степень доктора физики, подъ заглавіемъ: „Изслѣдованіе о функціи намагниченія мягкаго желѣза". Вскорѣ послѣ того, въ томъ же 1872 г., онъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ, а въ 1873 г. и ординарнымъ профессоромъ. Съ тѣхъ поръ онъ продолжалъ читать лекціи и руководить занятіями по физикѣ до самой своей кончины. Въ 1888 г., по выслугѣ 25 лѣтъ, онъ былъ оставленъ на службѣ еще на пять лѣтъ, въ 1891 г. утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора, а въ 1893 г. оставленъ еще на пять лѣтъ при университетѣ. Въ 1884 г. университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ избралъ профессора Столѣтова въ свои почетные члены.

Научная дѣятельность А. Г. Столѣтова, кромѣ двухъ названныхъ диссертацій, выразилась во многихъ трудахъ, помѣщенныхъ имъ въ „Математическомъ Сборникѣ", „Журналѣ Физико-Химическаго Общества", сборникѣ „Природа", „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", „Вѣстникѣ Европы", „Русской мысли" и друг., въ „Bulletin de la Société Imperiale des Naturalistes de Moscou", „Philosophical Magazine", „Journal de Physique", „Comptes Rendus" парижской академіи наукъ и проч. Изъ статей его наиболѣе извѣстны: „Обратный выводъ основного электро-динамическаго закона", „Конгрессъ электриковъ въ Парижѣ", „Энергія солнца", „Жизнь и личность Ньютона", „Германъ фонъ-Гельмгольцъ", „Гельмгольцъ и современная физика", „Эѳиръ и электричество", публичная лекція о фонографѣ Эдиссона, „Леонардо да-Винчи, какъ естествоиспытатель", біографія С. В. Ковалевской и друг. Всѣ статьи А. Г. Столѣтова, напечатанныя въ разныхъ журналахъ, написаны очень общедоступно, прекраснымъ языкомъ и обличаютъ въ немъ отличнаго стилиста. Такова, напримѣръ, одна изъ его послѣднихъ статей, очеркъ, подъ заглавіемъ „Леонардо да-Винчи, какъ естествоиспытатель", помѣщенный въ „Русской Мысли", въ которомъ чрезвычайно талантливо очерчена личность знаменитаго творца „Тайной вечери" со стороны его стремленія къ наукѣ. Вообще профессоръ Столѣтовъ не былъ кабинетнымъ ученымъ, а живымъ человѣкомъ, не только преданнымъ горячо своему дѣлу, но и зорко слѣдившимъ за современностью. Отдѣльно имъ изданы: „Очеркъ развитія нашихъ свѣдѣній о газахъ", актовая рѣчь (М. 1879), „О происхожденіи химическихъ элементовъ", переводъ съ англійскаго рѣчи Крукса (М. 1886), „Основы ученія объ электричествѣ", переводъ книги Жубера, два изданія (М. 1889 и 1892), „Германъ фонъ-Гельмгольцъ", публичныя лекціи профессоровъ московскаго университета (М. 1892) и особенно важный трудъ: „Введеніе въ акустику и оптику" (М. 1895). Сверхъ того А. Г. Столѣтовъ редактировалъ физико-математическій отдѣлъ „Ученыхъ Записокъ московскаго Университета" и „Трудовъ отдѣленія физическихъ наукъ Императорскаго Московскаго Общества Любителей Естествознанія".

Царекосельскія скачки

Въ воскресенье, 26-го мая, въ Царскомъ Селѣ, при обычной праздничной обстановкѣ, состоялось открытіе сезона скачекъ. Первый день отличался большимъ оживленіемъ и привлекъ многочисленную публику, не смотря на сильную жару. Программа скачекъ для открытія не отличалась выдающимися призами, ихъ разыграно было всего семь, изъ которыхъ первые четыре приза, и одинъ второй выиграла одна конюшня С. Л. Новосича. Всѣхъ лошадей въ первый день скакало двадцать восемь. Состязанія начались съ барьерной скачки на версты 100 саж. Призъ царскосельской желѣзной дороги въ 500 рубл. оспаривала всего одна лошадь „Гунерстонъ" С. Л. Новосича и взяла призъ безъ соперниковъ въ 2 м. 55 сек. съ очень недурною рѣзвостью. Вторымъ разыгрывался Стиплъ-чезъ, на дистанцію около двухъ верстъ. На состязаніе это явилось пять лошадей, изъ которыхъ первымъ пришелъ „Капитанъ-Кукъ" В. Н. Ростовцева въ 2 м. 27 с. и взялъ деньгами 390 руб. ѣздокъ его получилъ серебряную вещь. Второй призъ 100 руб. достался „Копѣйкѣ" Д. Ф. Лукашевича (ѣздокъ А. В. Козловъ), которая была въ двухъ корпусахъ отъ первой лошади. Третій призъ получилъ „Лестокъ" К. К. Мамонтова. Третьимъ нумеромъ шла гладкая скачка, на 2 версты, 1-й призъ 410 руб. 2-й—105 руб. 3-й—10 руб. Изъ пяти лошадей, скакавшихъ лучше другихъ былъ „Форашъ" С. Л. Носовича, окончившій скачку въ 2 м. 39 с., отъ него на три корпуса былъ „Гедиминъ" В. В. Дерожинскаго и третьей „Реклама" А. Н. Петриченко. Четвертымъ нумеромъ шла „Барьерная скачка" на 2 версты, 1-й лошади 402 руб., 2-й—103 руб., 3-й—10 руб. Скакали три лошади и лучше другихъ оказалась „Паника" С. Л. Носовича, пришедшая въ 2 м. 42 с.; на два корпуса отъ нея былъ „Вводный Листъ" Д. Ф. Лукашевича и С. А. Задонской (ѣздокъ А. В. Козловъ); третьимъ пришелъ С. В. Шишкинъ на „Призракѣ". Затѣмъ слѣдовалъ и большой Стиплъ-чезъ на дист. около 3-хъ верстъ: Призъ съ подписными 1090 рубл. Изъ скакавшихъ шести лошадей, лучше другихъ оказался „Вераксъ" барона В. Н. Ренне, пришедшій въ 4 м. 17 с.; вторымъ на полкорпуса былъ „Роландъ" А. Н. Петриченко и третьимъ „Рикошетъ" Д. Ф. Лукашевича и С. А. Задонской (ѣздокъ А. В. Козловъ). Предпослѣдней была гладкая скачка на 2 версты 100 саж. — изъ записанныхъ бывшихъ лошадей, одна „Гавасъ" А. Н. Петриченко, была снята. Первый призъ выиграла „Миньона" Н. А. Лисаневича, пришедшая въ 2 м 59 с. и получившая 342 рубля; вторымъ на одинъ корпусъ былъ „Эхо" барона Н. О. Ребиндера и третьей „Жемчужина" А. Н. Петриченко. Для послѣдней была назначена добавочная гладкая скачка на 2 версты. Призъ 1-й лошади 334 руб., второй—86 руб., 3-й—10 руб. Скакало пять лошадей. Записанная шестой, „Броселіандъ", Н. К. Агаѳонова, была снята. Первый призъ получилъ „Лео" С. Л. Носовича (ѣздокъ баронъ В. Н. Рене) окончилъ въ 2 м. 40 с. — вторымъ отъ него на шею былъ „Гуннерсмаръ" того же владѣльца, который самъ ѣхалъ на ней. Третьей оказалась „Крелотъ" М. П. Маркозова (ѣздокъ самъ владѣлецъ). Скаковой кругъ въ день открытія былъ очень тяжелъ отъ сухости грунта и потому рѣзвости большой лошадьми не было выказано.

М. И. П.

Новости печати

В. П. Быстренинъ. Вѣрное средство. Разсказъ. Москва, 1896; изданіе И. Г. Совѣтова. Цѣна 5 коп. Авторъ этого небольшого разсказа среди нашихъ молодыхъ беллетристовъ занимаетъ скромное, но приличное мѣсто. Разсказы и очерки его сначала появлявшіеся въ цѣломъ рядѣ журналовъ, а затѣмъ собранные въ двухъ объемистыхъ книгахъ, обратили на себя вниманіе критики и читателей своей безъискуственностью, отсутствіемъ претенціозности и достаточнымъ знакомствомъ автора съ современнымъ бытомъ деревни. Жизнь захолустнаго купечества и мѣщанъ — „тысячниковъ" такъ же довольно близко знакома г. Быстренину. „Вѣрное средство" — живая картинка, на сѣренькомъ фонѣ „дорожныхъ разговоровъ". Недурна фигура благодушествующаго за чайкомъ на станціи купца, откровенно разсказывающаго малознакомому человѣку о своихъ семейныхъ тайнахъ. Оживаетъ въ его разсказѣ, вырвавшаяся изъ-подъ гнета темнаго царства, безвременно умершая сестра самодовольнаго разсказчика. Производитъ впечатлѣніе и сынъ ея — излѣчиваемый отъ „странностей" своего непокладистаго характера *вѣрнымъ средствомъ* мѣстнаго изобрѣтенія. Средство это — „коньячокъ", благодаря которому юноша и „входитъ во вкусъ настоящей жизни". Все это разсказано немногословно, просто и объективно.

Ап. К—скій.

Исторія 13-го лейбъ-гренадерскаго эриванскаго Его Величества полка за 250 лѣтъ. 1642—1892. Составилъ по архивнымъ документамъ и другимъ первоисточникамъ генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ *П. О. Бобровскій.* Часть четвертая. Карабинерный полкъ. Спб. 1895. Исторія лейбъ-гренадерскаго эриванскаго полка, составленная генералъ-лейтенантомъ П. О. Бобровскимъ, несомнѣнно займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду монографій этого рода, которыми обладаетъ наша литература по военной исторіи. О всемъ объемѣ этого почтеннаго труда можно судить по нынѣ вышедшей четвертой его части; это громадныхъ размѣровъ томъ въ большую 4-ю долю, заключающій 66 печатныхъ листовъ; сверхъ того, къ нему относится почти такой же размѣра томъ „Приложеній", представляющій сводъ подлинныхъ документовъ, относящихся до исторіи полка. Недавно вышедшая 4-я часть обнимаетъ исторію эриванскаго полка за время съ 1816 по 1856 годъ; полкъ носилъ, за это время, наименованіе сначала карабинернаго 7-го, потомъ эриванскаго, потомъ эриванскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и, наконецъ, лейбъ-карабинернаго эриванскаго Его Величества. За указанный выше промежутокъ времени эриванскій полкъ принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ на Кавказѣ. Авторъ дѣлаетъ общую характеристику этой эпохи кавказской войны, описываетъ условія быта полка при управленіи Кавказомъ А. П. Ермолова, затѣмъ прослѣживаетъ участіе полка въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Имеретіи и Кабардѣ (въ 1820 и 1822 гг.), а затѣмъ въ персидской войнѣ 1826—28 гг., въ турецкой, съ 1822 по 1829 гг., борьбу со скопищами Кази-Муллы, дѣйствія полка на Черномъ морѣ и въ Дагестанѣ, усмиреніе возстанія Шамиля и, наконецъ, участіе въ восточной войнѣ 1853 — 1856 гг. Въ книгѣ описано до 50 сраженій, съ приложеніемъ плановъ и картъ, перечислены Высочайшія награды, пожалованныя полку, приведены біографіи всѣхъ командировъ полка, сопровождаемыя прекрасно исполненными литографированными портретами, описаны всѣ перемѣны въ обмундированіи и вооруженіи, причемъ образцы этихъ обмундированій представлены въ прекрасныхъ хромолитографіяхъ. Послѣднюю, 5-ю, часть монографіи, обнимающую періодъ времени съ 1856 по 1892 г., авторъ обѣщаетъ выпустить въ свѣтъ въ теченіе нынѣшняго года. Такимъ образомъ, въ законченномъ видѣ эта громадная монографія составитъ крупнѣйшій вкладъ въ нашу военно-историческую литературу, вполнѣ соотвѣтствующій славному боевому прошлому эриванскаго полка.

М. О—въ.

Павелъ Бронскій. Повѣсти и разсказы. Спб. 1896. Ц. 1 р. Двѣнадцать коротенькихъ разсказовъ г. Бронскаго посвящены преимущественно изображенію жизни разныхъ неудачниковъ: неудавшійся трагическій актеръ („Актеръ"), неудавшійся художникъ („Художникъ Одинцовъ"), неудавшійся женихъ („Въ имѣніи"), неудавшійся чиновникъ („Не судьба")... Изложеніе сѣрое, тусклое, какъ жизнь этихъ самыхъ неудавшихся героевъ. Изрѣдка г. Бронскій берется за драматическіе сюжеты: покушеніе на убійство выздоравливающаго его сосѣдомъ по больницѣ неизлечимо больнымъ изъ зависти, что послѣдній выздоровѣетъ раньше („Въ больницѣ"); убійство желѣзнодорожнымъ сторожемъ придавленнаго поѣздомъ самоубійцы изъ состраданія и желанія ускорить смерть („Преступникъ") и т. п. Въ обработкѣ этихъ драматическихъ сюжетовъ столько вымученнаго, неестественнаго, что они оставляютъ такое же тяжелое, сѣрое впечатлѣніе и не свидѣтельствуютъ о художественномъ талантѣ автора.

Пл. К.

— Анекдотъ изъ жизни шаха. Англійскія газеты разсказываютъ слѣдующій анекдотъ про покойнаго шаха. Во время послѣдняго его визита въ Англію лордъ Салисбери пригласилъ его на пикникъ. Шахъ былъ, видимо, доволенъ времяпрепровожденіемъ. Между прочимъ, чтобы позабавить шаха, лордъ Салисбери пригласилъ фокусника. Шахъ очень внимательно смотрѣлъ на фокусы, но ему особенно понравился тотъ нумеръ, гдѣ фокусникъ стрѣляетъ въ корки, лежащія на головѣ его помощницы. Шаху показалось это очень легко, и онъ непремѣнно захотѣлъ самъ попробовать сдѣлать это, но дама не согласилась подвергнуться такому опыту, и тогда шахъ приказалъ своему первому министру стать на ея мѣсто. Положеніе бѣдняги было не завидное, но лордъ Салисбери вступился за него и уговорилъ шаха отказаться отъ этой пробы.

Естествовѣдѣніе

— Выносливость желудка страуса, жадно проглатывающаго все, что ни попало, давно уже извѣстна. Желудокъ у страуса, какъ у акулы, принимаетъ все на свѣтѣ, и присутствіе въ немъ камней, песку и разныхъ другихъ предметовъ, безусловно не перевариваемыхъ, не причиняетъ этой птицѣ ни малѣйшихъ внутреннихъ разстройствъ. До сихъ поръ не было еще примѣра, чтобы въ европейскихъ зоологическихъ садахъ или звѣринцахъ умиралъ какой нибудь страусъ или казуаръ и не явились бы тотчасъ же желающіе вскрыть ихъ желудокъ, чтобы узнать, что въ немъ находилось при жизни животнаго. То же самое продѣлывается и въ Америкѣ. Одинъ американскій зоологъ, вскрывшій недавно желудокъ погибшаго отъ бугорчатки страуса одного изъ передвижныхъ звѣринцевъ, нашелъ въ немъ, въ массѣ капустныхъ листовъ, разныхъ травъ и овощей, слѣдующіе предметы: роговую рукоятку зонтика, два ключа, женскій гребень, кусокъ каменнаго угля, носовой платокъ, три камня, днище отъ пивной бутылки и дѣтскую гармонику.

Минералогія

— Минералъ жадеитъ представляетъ большой научный интересъ не только для минералога, но также для этнографовъ и антропологовъ. Съ чисто минералогической точки зрѣнія опредѣленіе природы этого минерала удалось только лѣтъ десять тому назадъ, когда методы химическаго изслѣдованія значительно усовершенствовались и за дѣло взялся такой опытный изслѣдователь, какъ покойный фрейбургскій минералогъ Фишеръ. Ему впервые удалось отдѣлить жадеитъ или, какъ его называютъ на Востокѣ, „жадъ" отъ нефрита, на который онъ по наружному виду до того похожъ, что эти два минерала считали за одинъ. За жадеитомъ до сихъ поръ осталось названіе „топорный камень", которое онъ ошибочно унаслѣдовалъ отъ нефрита. Послѣдній, дѣйствительно, примѣнялся первобытнымъ человѣкомъ для выдѣлки каменныхъ орудій. На Востокѣ съ подобною цѣлью, т. е. для изготовленія разныхъ предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ быту и для украшеній, пользуются жадеитомъ; въ особенности добываніемъ и использованіемъ этого минерала занимаются монголы и китайцы. Лучшимъ сортомъ признается тотъ, который добывается въ Верхней Бирманіи. Мѣстный жадеитъ обладаетъ слабымъ стеклянымъ блескомъ и имѣетъ окраску изъ разныхъ цвѣтовъ—отъ яблочно до изумрудно-зеленаго; изрѣдка попадается голубовато-зеленый и зеленовато-бѣлый. Недавно открыто впервые на восточной окраинѣ Памира коренное мѣсторожденіе совершенно бѣлаго жадеита. Мѣсторожденіе жадеита въ Бирманіи окружено песчаниками, змѣевикомъ и многими другими породами, сопутствіе которыхъ является нѣсколько загадочнымъ и привело многочисленныхъ изслѣдователей бирманскихъ мѣсторожденій къ выводу, что вся совокупность перечисленныхъ каменныхъ породъ указываетъ на связь жадеита съ системою кристаллическихъ сланцевъ. Въ общемъ съ чисто минералогической точки зрѣнія природа этого минерала до сихъ поръ не можетъ быть признана окончательно изученною.

Медицина и гигіена

— Гимнастика глазныхъ мускуловъ. У дѣтей иногда наблюдается склонность къ косоглазію, выражающаяся въ болѣе или менѣе неправильной установкѣ осей зрѣнія. Явленіе это зависитъ отъ неправильнаго соотношенія въ силѣ мускуловъ, управляющихъ движеніями глаза. Окулистъ д-ръ Perlia издалъ стереоскопическія таблицы (Kroll's Stereoskopische Bilder. 26 farbige Tafel, dritte verbesserte Auflage. Verlag Leopold Voss. Preis 3 Mark). Ребенку, страдающему косоглазіемъ, устанавливаютъ въ стереоскопѣ два стереоскопическихъ рисунка такъ, чтобы они для него слились въ одинъ; если ребенокъ страдаетъ внутреннимъ косоглазіемъ, то рисунки сдвигаютъ, если наружнымъ, то ихъ раздвигаютъ. Потребность видѣть только одинъ рисунокъ заставляетъ ребенка употреблять усилія и такимъ образомъ упражняетъ слабыя глазныя мышцы. Важно только перемѣщеніе стереоскопическихъ картинъ производить весьма медленно и упражненія дѣлать не долго; въ противномъ случаѣ, какъ и при всякой гимнастикѣ, неумѣренно дѣлаемой, могутъ получиться результаты какъ разъ обратные тѣмъ, какіе ожидались.

Военное и морское дѣло

— Египетская армія. Войска, находящіяся нынѣ въ Египтѣ, дѣлятся на 2 части: 1) Египетская армія, которая преимущественно должна участвовать въ начавшейся суданской экспедиціи, состоитъ приблизительно изъ 13.000 чел., т. е. изъ 13 батальоновъ пѣхоты (изъ нихъ 4 батальона уроженцевъ Судана), 10 эскадроновъ кавалеріи, 5 батарей артиллеріи и различныхъ командъ вспомогательнаго назначенія. Арміею командуетъ на правахъ главнокомандующаго дивизіонный генералъ англійской службы сэръ Горацій Китченеръ. Помощникомъ его состоитъ бригадный генералъ и генералъ-адъютантъ хедива Рендль-паша. 2) Англійская оккупаціонная армія подъ командою генералъ-маіора С. П. Кнаульса, которому подвѣдомственны: въ Александріи — генералъ-маіоръ Гендерсонъ, въ Суакимѣ — бригадный генералъ Ллойдъ-паша и въ Вадигальфѣ — генералъ-маіоръ Гентеръ, послѣдній въ качествѣ командира расположенныхъ на границѣ Судана частей. Численность оккупаціонной арміи, занимающей гарнизоны во всѣхъ пунктахъ, представляющихъ стратегическое значеніе, опредѣляется въ 3.000 чел. пѣхоты, 500 чел. кавалеріи, 300 артиллеристовъ, 100 инженерныхъ войскъ и столько же офицеровъ, всего приблизительно въ 4.200 чел.

Сельское хозяйство

— Крапиву, какъ превосходный кормъ для домашняго скота, особенно рекомендуетъ одно французское сельско-хозяйственное изданіе, совѣтующее не только срѣзать для корма крапиву, обильно растущую вдоль канавъ и овраговъ, но и отводить для ея произрастанія свободные участки земли. Скошенная въ началѣ весны, крапива доставляетъ скоту освѣжающій и здоровый кормъ, благодаря возбуждающимъ свойствамъ ея сока, повышающаго дѣятельность органовъ пищеваренія. Необходимо срѣзать крапиву, пока она молода, давать ей отлежаться и завянуть и въ такомъ видѣ примѣшивать къ соломѣ или сѣну. Завявшая крапива не на столько обжигаетъ рты животнымъ, какъ свѣже скошенная, и обладаетъ свойствомъ увеличивать и въ то же время повышать достоинство молока, особенно коровьяго, которому, какъ опытъ показалъ, придаетъ пріятный сладковатый вкусъ.

Выставки

— Торжественное открытіе швейцарской національной выставки состоялось въ концѣ апрѣля. Наиболѣе любопытною частью ея является швейцарская деревня, состоящая изъ тщательно скопированныхъ деревенскихъ построекъ въ различныхъ кантонахъ. Въ научномъ отношеніи интересенъ павильонъ, гдѣ собраны многочисленные приборы, построенные женевскимъ физикомъ Раулемъ Пикте. Выставка продолжится до 15-го октября; въ теченіе ея предполагается устроить въ Женевѣ рядъ международныхъ конгрессовъ.

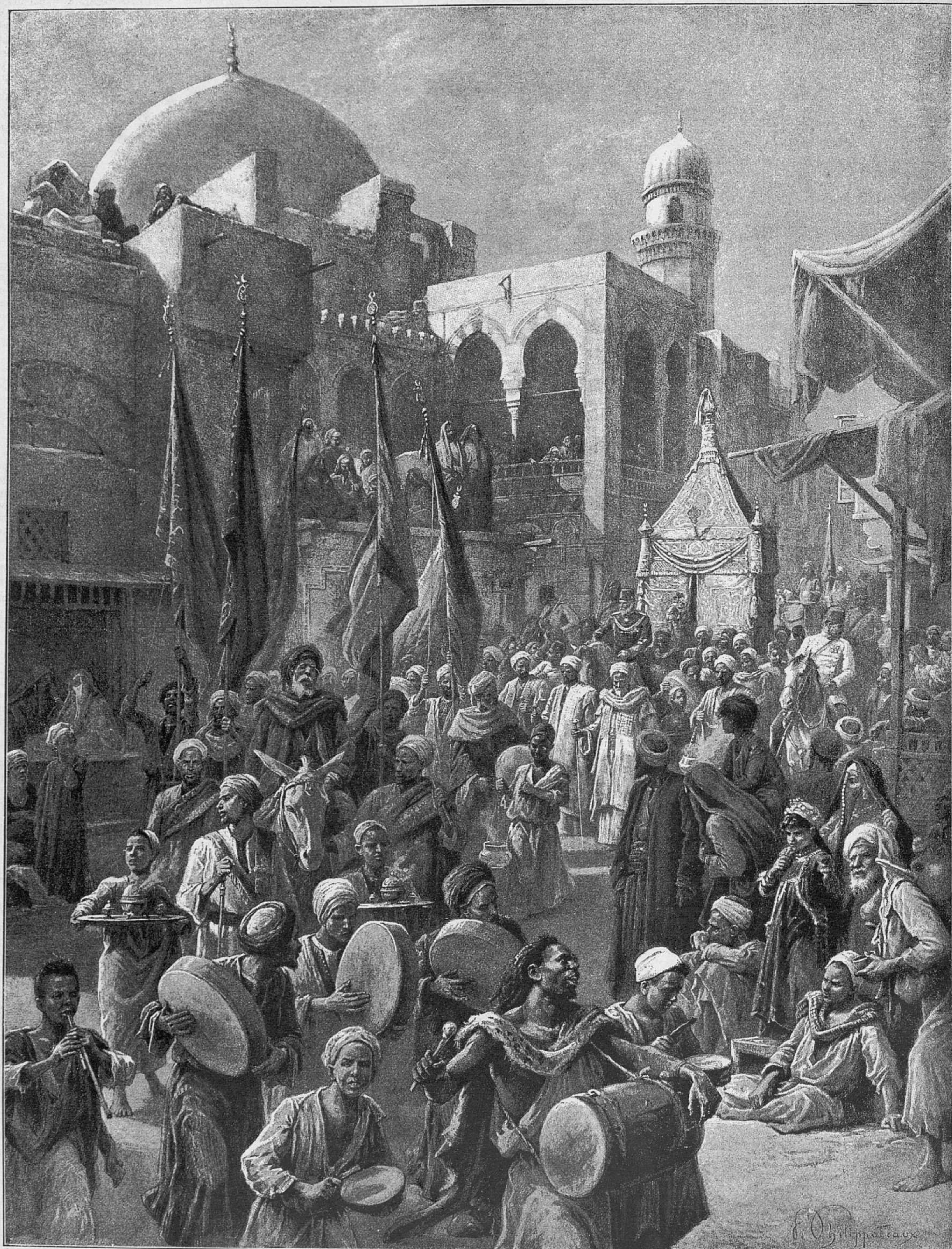
Некрологъ

Имшенецкій Александръ Іосифовичъ, генералъ-лейтенантъ, начавшій службу еще при вступленіи на престолъ императора Александра I, бывшій старшій адъютантъ графа Аракчеева, въ царствованіе императора Николая I принимавшій дѣятельное участіе въ первой турецкой войнѣ, въ 70-хъ годахъ служившій въ государственномъ коннозаводствѣ, авторъ любопытныхъ воспоминаній, частью напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ", † въ Спб. 22-го мая, 109 лѣтъ.

Росси Эрнесто, знаменитый итальянскій трагикъ, толкователь шекспировскихъ характеровъ, † въ Пескаро, близь Неаполя, 23-го апрѣля (4-го іюня), 66 лѣтъ.

Симонъ Жюль-Франсуа-Сюисъ, извѣстный французскій писатель, философъ, политическій дѣятель, публицистъ, † въ Парижѣ 27-го мая (8-го іюня), 82 лѣтъ. Изъ сочиненій его замѣчательны: „Etude sur la théodicée de Platon et d'Aristote", „Histoire de l'école d'Alexandrie", „Le devoir", „La réligion naturelle", „La liberté de la conscience", „La liberté", „L'Ouvrière".

Шульцъ (фонъ-)Карлъ Эдуардовичъ, генералъ-маіоръ генеральнаго штаба, состоявшій при военномъ министерствѣ для докладовъ по дѣламъ финскихъ войскъ, бывшій начальникъ штаба 10-й кавалерійской дивизіи во время послѣдней русско-турецкой войны, † въ Спб. 24-го мая, 60 лѣтъ.

Страны и народы. Египетъ. — Процессія махмаль въ Каирѣ.

Съ натуры рисовалъ М. Филиппото.

☞ № 1426 (22) „Всемірной Иллюстраціи“ сданъ въ понедѣльникъ, 27-го мая: на городскую почту въ 11 час. 50 мин. утра, московскимъ подписчикамъ въ 12 час. дня и иногороднымъ во вторникъ и среду, 28-го и 29-го мая, въ 2 час. дня, въ чемъ и имѣются почтовыя росписки.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся: въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
ВЪ МОСКВѢ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ.
ВЪ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи „Вѣстника Винодѣлія“ В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

роила воля Провидѣнія. Теперь же я вижу въ этомъ только въ высшей степени удивительную комбинацію случайностей, создавшихъ въ результатѣ положеніе, съ которымъ я поневолѣ долженъ мириться.

У меня не было и помышленія о томъ, чтобы какъ нибудь замять, прикрыть случившееся или даже отречься отъ него, когда я, убѣдившись въ смерти противника, направился съ мѣста катастрофы прямиками черезъ лѣсъ къ дому лѣсника, отстоявшему минутъ на пятнадцать ходьбы оттуда. Я хотѣлъ только взять Амсберга первымъ свидѣтелемъ и очень хорошо помню, что сожалѣлъ, зачѣмъ тронулъ мертваго, потому что мнѣ слѣдовало оставить его въ томъ видѣ, какъ онъ упалъ. Вѣдь не прикоснулся же я къ ружью, которое онъ бросилъ отъ себя въ моментъ предсмертнаго прыжка. Я даже раздумывалъ тогда, что часъ спустя мнѣ надо отправиться въ Зундинъ, донести о происшедшемъ своему начальнику, а тамъ дать показаніе судебнымъ властямъ.

Не доходя пятидесяти шаговъ до дома лѣсника, мнѣ слѣдовало выйти изъ лѣсу на шоссе. Не успѣлъ я сдѣлать къ нему и десяти шаговъ, какъ жена Амсберга, выйдя на крылечко, увидала меня.

— Доброе утро, г-нъ лѣсничій! Такъ поздно. Пожалуй сегодня ужъ вы опоздали. Мой мужъ говорилъ, что вамъ слѣдуетъ быть на мѣстѣ въ половинѣ четвертаго, а еще лучше въ три. А теперь ужъ дѣлать нечего, придется отложить до другого раза.

Женщина очевидно вообразила, что я пришелъ сюда прямо изъ своего дома по шоссе. Я не захотѣлъ пугать ее безъ надобности ужаснымъ разсказомъ, такъ какъ она не поправилась еще послѣ родовъ, а потому ограничился вопросомъ, гдѣ ея мужъ.

— Онъ пошелъ въ три часа въ Кацновъ. Вы сказали, что рабочихъ пожалуй будетъ слишкомъ мало, и Амсбергъ надѣялся прихватить тамъ человѣка четыре или пять. Я думаю, онъ уже вернулся и ждетъ васъ на мѣстѣ.

— Тогда и я пойду къ нему.

— Такъ пожалуйте черезъ нашъ домъ, эдакъ будетъ удобнѣе. Со двора вы возьмете влѣво на прямую тропинку, а тамъ... впрочемъ, вы сами знаете, г-нъ лѣсничій.

Жена сторожа провела меня черезъ домъ и черезъ дворъ, откуда пропустила черезъ заднюю калитку.

— Прощайте, г-нъ лѣсничій.

— Очень вамъ благодаренъ, г-жа Амсбергъ.

— Не стоитъ благодарности, сударь.

По мнѣнію этой женщины, рука, которую она только что такъ крѣпко пожала, не была запятнана даже случайно пролитою человѣческой кровью. Эта мысль вызвала во мнѣ странное, отрадное и вмѣстѣ съ тѣмъ грустное чувство. Съ этого дня каждый, кому я подамъ руку, будетъ вспоминать о томъ, что сейчасъ случилось тамъ въ лѣсу.

Когда, быстро подвигаясь по узкой тропинкѣ, я приближался къ роковому мѣсту, до меня донесся глухой гулъ многихъ голосовъ. Я не подумалъ, что Амсбергъ, возвращаясь изъ Кацнова, выберетъ поляну, какъ кратчайшій путь, а потому сейчасъ же наткнется на трупъ. У меня было на умѣ пойти за нимъ, ему я открылъ бы все безъ утайки. Но разсказывать объ ужасномъ несчастьѣ при цѣлой толпѣ народа, къ этому я не былъ подготовленъ. Да и что могъ я сказать? Чѣмъ объяснить бѣшенство этого человѣка? Вѣдь еще раньше я рѣшилъ про себя: имя моей жены не должно быть упомянуто въ этомъ дѣлѣ. Теперь же этого никакъ нельзя было избѣжать. Со мной-то, положимъ, будь что будетъ, но моя невинная жена... Холодный потъ выступалъ у меня на лбу, тѣмъ не менѣе, надо было признаться. И такъ, впередъ!

Туманъ, тянувшійся сначала довольно высоко надъ землею, теперь окончательно осѣлъ. Вступивъ на поляну, я увидалъ людей — человѣкъ тридцать, какъ мнѣ показалось, на самомъ же дѣлѣ ихъ было не болѣе двадцати — сбившихся въ темную кучу; они столпились около мертваго тѣла. Въ эту минуту — я только что вышелъ изъ лѣса — мнѣ повстрѣчался Амсбергъ. Онъ бѣжалъ къ

себѣ въ домъ за телѣжкой и не хотѣлъ послать вмѣсто себя никого другого, чтобы, по возможности, осторожно сообщить страшную вѣсть своей женѣ; онъ даже хотѣлъ сказать ей сначала, что баронъ только ушибся, сломалъ себѣ ногу или что нибудь въ этомъ родѣ.

Такъ говорилъ мнѣ потомъ этотъ добрый человѣкъ.

Теперь же, видя, что я иду къ нему, онъ протянулъ обѣ руки, точно удерживая меня: — Ради Бога, г-нъ лѣсничій, только не пугайтесь! Это г-нъ баронъ! Застрѣленъ! Должно быть такъ три четверти часа тому назадъ. Мы услыхали выстрѣлъ, подумали на васъ; я и говорю Класу Венгаку: „Ну, должно быть уложилъ онъ его!“ — то есть козла-то. — Тутъ мы и не стали торопиться. А вотъ грѣхъ-то какой вышелъ! Еслибъ только можно было предвидѣть. Но все таки мы не поспѣли бы во время. Только часовъ и ружья не удалось захватить убійцѣ.

Онъ говорилъ безсвязно, впопыхахъ, вѣроятно, желая удержать меня, подготовить — добрый малый!

Тутъ я былъ замѣченъ и другими; тѣ сказали остальнымъ: вотъ г-нъ лѣсничій.

Тѣсный кружокъ разступился. Я увидалъ трупъ, но съ перваго же взгляда убѣдился, что застегнутая раньше наглухо охотничья куртка распахнута на груди убитаго. Класъ Венгакъ, старый, хорошо извѣстный мнѣ работникъ, держалъ въ рукахъ коричневый бумажникъ съ тисненой золотомъ монограммой, который я отлично зналъ.

— Я нашелъ его, г. лѣсничій, вонъ тамъ, гдѣ стоитъ теперь Іохенъ Брюммеръ. Онъ попался мнѣ подъ ногу, тогда я его поднялъ, какъ онъ есть и тотчасъ передалъ Амсбергу. Это можетъ засвидѣтельствовать вамъ Іохенъ Брюммеръ, а также Іохенъ Шнутъ.

— Да, да, подтвердили оба названные рабочіе. Это мы можемъ засвидѣтельствовать, г. лѣсничій.

— Вѣрно, подтвердилъ Амсбергъ, — такъ оно и было. Я подумалъ, что мнѣ слѣдуетъ посмотрѣть, что тамъ есть. Но тамъ ничего не было, только два какіе то билетика.

— Раньше тамъ было больше, произнесъ чей-то голосъ.

Тутъ всѣ заговорили разомъ; каждому казалось, что именно онъ замѣтилъ что нибудь особенное. Между тѣмъ всѣ въ одинъ голосъ утверждали, что слышали только одинъ выстрѣлъ. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что изъ ружья, которое было тотчасъ осмотрѣно Амсбергомъ, также сейчасъ стрѣляли. Какимъ же образомъ могло такъ выйти?

— А если убійца вырвалъ у него ружье и застрѣлилъ барона изъ него?

— Или онъ самъ убилъ себя?

— Тогда онъ не лежалъ бы на спинѣ.

— А ружье не валялось бы въ шести шагахъ оттуда.

— А бумажникъ еще дальше.

Въ эту минуту парень лѣтъ восемнадцати или девятнадцати буквально выскочилъ изъ толпы. Онъ, должно быть, зналъ больше другихъ.

Вчера вечеромъ этотъ малый былъ въ Лѣсномъ шинкѣ, сначала на стрѣльбищѣ, а потомъ и въ самомъ домѣ. Какъ тамъ, такъ и тутъ онъ прислуживалъ гостямъ. Г. баронъ пріѣхалъ, когда стрѣльба кончилась. — Зачѣмъ же онъ бралъ тогда съ собой ружье? спросилъ одинъ изъ посѣтителей. А г. баронъ отвѣчалъ: „чтобы, по крайней мѣрѣ, видѣли мою готовность участвовать въ празднествѣ“. Потомъ онъ еще прибавилъ: „Кромѣ того, мой путь лежитъ туда и обратно черезъ лѣсъ. Не мѣшаетъ, на всякій случай, имѣть при себѣ угощеніе; человѣкъ вѣдь не знаетъ, на что можетъ наткнуться дорогой“.

„Потомъ они вошли въ домъ, а г. баронъ съ г-номъ Шпехтомъ и еще человѣка два господъ отправились въ заднюю комнату, которая всегда запирается, когда тамъ идетъ игра. Бутылки съ виномъ намъ позволяютъ подавать только въ дверь; одинъ изъ играющихъ приметъ ихъ отъ насъ и опять затворитъ ее. Въ одиннадцать часовъ г. баронъ вышелъ въ корридоръ, остановился у дверей

и велѣлъ мнѣ сказать кучеру и егерю, чтобы тѣ ѣхали домой; самъ онъ хотѣлъ вернуться пѣшкомъ, а егерю приказалъ оставить ружье тутъ, отдавши его на храненіе хозяину Рику. Въ эту минуту какъ разъ идетъ по корридору фрейленъ Марія. Она, должно быть, слышала, что говорилъ мнѣ г. баронъ, потому что замѣтила ему: „Это не годится". Тутъ они стали перешептываться между собой, а г. баронъ, сказалъ мнѣ: „Погоди немножко". И наконецъ, опять: „Дѣлай, какъ тебѣ приказано". Послѣ того я прошелъ черезъ дворъ въ кучерскую и передалъ его приказаніе. Болѣе мнѣ ничего неизвѣстно; г. Рикъ далъ мнѣ условленную плату и сказалъ, что я могу идти домой. Я такъ и сдѣлалъ".

Остальные присутствующіе, къ которымъ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ, жадно слушали этотъ разсказъ. Люди были сильно взволнованы. Я замѣтилъ, что никому изъ нихъ не показалось страннымъ мое молчаніе; между тѣмъ я не прерывалъ ихъ ни единымъ словомъ.

Оживленные переговоры продолжались и были въ самомъ разгарѣ, когда Амсбергъ спросилъ: — Однако, что жь намъ теперь дѣлать, г. лѣсничій?

Голоса внезапно смолкли и всѣ глаза съ любопытствомъ устремились ко мнѣ.

Тѣмъ временемъ я успѣлъ обдумать свое положеніе; пока мнѣ было ясно только одно: въ данную минуту и на этомъ мѣстѣ я не стану объяснять, какъ все произошло, а что скажу и сдѣлаю потомъ, это укажутъ мнѣ обстоятельства.

Самое неотложное было вскорѣ улажено и сдѣлано. Топоровъ и рабочихъ рукъ у насъ оказалось вволю. Тотчасъ смастерили носилки, положили на нихъ убитаго и тщательно прикрыли его сосновыми вѣтками. Подъ предводительствомъ Амсберга шествіе двинулось къ его дому, какъ къ ближайшему жилищу. Дорога туда вела черезъ густой лѣсъ, но съ другой стороны сторожка стояла на шоссе, что облегчало доставку трупа въ замокъ.

Тутъ къ намъ подоспѣлъ и второй лѣсникъ, Либеновъ, которому было также приказано явиться. Онъ долженъ былъ вести остатокъ людей на работу. Я хотѣлъ немедленно отправиться въ замокъ. Отъ кого же лучше узнать баронессѣ о происшедшемъ, какъ не отъ меня?

Но не предупредить ли сначала Эльфриду? Я раздумывалъ о томъ, пока торопливо шелъ, скорѣе бѣжалъ, по лѣсной дорогѣ. Но былъ въ нерѣшительности, даже дойдя до калитки питомника. Вѣдь Эльфриду было опасно подвергать волненію послѣ недавней болѣзни, а она, конечно, придетъ въ ужасъ узнавъ, что судьба избрала меня орудіемъ наказанія виновнаго. Что же касается баронессы, то она не изъ чувствительныхъ. Какъ-то отзовется на ней это извѣстіе? И какими словами слѣдуетъ мнѣ его передать?

Конечно, надо открыть всю правду, какъ же иначе? Но тогда она сейчасъ же захочетъ узнать, что могло возстановить такимъ образомъ ея мужа противъ меня, его закадычнаго пріятеля. Впрочемъ, баронесса, безъ сомнѣнія, знавшая о его связи съ рыжей Маріей и о многомъ другомъ, о чемъ говорили мнѣ супруги Моэнъ, разумѣется, пойметъ все съ перваго намека.

Однако, что обязывало меня дѣлать ей этотъ намекъ, который былъ уже оскорбленіемъ для Эльфриды? Съ какой стати я долженъ былъ знать, за что бѣсился на меня баронъ? Вѣдь онъ могъ прямо спятить съ ума.

Сообразивъ все это, я побѣжалъ дальше черезъ поля, откуда было рукой подать до замка.

Но всѣ мои мученія были напрасны. У подъѣзда меня встрѣтилъ лакей съ извѣстіемъ, что баронесса отправилась въ полдень съ молодымъ господиномъ, домашнимъ учителемъ и англійской гувернанткой на островъ Рюгенъ, гдѣ пробудетъ цѣлую недѣлю у своихъ родителей графовъ Древеницъ.

Я приказалъ позвать ко себѣ управляющаго, дворецкаго и сказалъ имъ:

— Баронъ найденъ моими людьми въ лѣсу убитымъ и, повидимому, ограбленнымъ. Конечно, это поразило служащихъ, но не такъ сильно, какъ я ожидалъ. Дворецкій сообщилъ, что баронъ отправился вчера вечеромъ въ Лѣсной шинокъ играть въ карты и, конечно, имѣлъ при себѣ крупную сумму денегъ. Управляющій, пожилой, разсудительный мужчина, пошелъ проводить меня до воротъ, послѣ того, какъ мы переговорили о доставкѣ тѣла изъ лѣсной сто-

рожки въ Мёлленгофъ и о другихъ нужныхъ вещахъ. Прощаясь со мной, онъ сказалъ:

— У меня давно было предчувствіе, что г. баронъ кончитъ плохо. Вѣдь онъ пускался во всѣ тяжкія. Правда, со времени вашего переѣзда сюда, г. лѣсничій, у насъ шло немножко тише, а все-таки онъ не унимался. Баронъ безобразничалъ, только не такъ открыто. Навѣрно, его убилъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ онъ прежде жестоко оскорблялъ. А такихъ было не мало. Я былъ готовъ подумать на Карла Дрека изъ-за его любви къ рыжей Маріи въ Лѣсномъ шинкѣ. Но вѣдь Дрекъ уже нѣсколько дней, какъ отплылъ въ Америку. Не принимайте случившагося такъ близко къ сердцу, г. лѣсничій. Повторю еще разъ: я это предвидѣлъ и не примите моихъ словъ въ дурную сторону: право, для самой баронессы и для молодого господина, а также для многихъ другихъ это истинное счастье, что онъ погибъ теперь, если ужъ ему было суждено погибнуть.

Я пошелъ обратно по той же дорогѣ черезъ поля, но съ того момента память уже начинаетъ измѣнять мнѣ. Прошлую ночь я ни на минуту не сомкнулъ глазъ, а ужасныя событія поутру въ конецъ истощили мои силы. Я спотыкался отъ изнеможенія и не могъ остановиться ни на одной изъ тѣхъ мыслей, которыя вихремъ кружились у меня въ головѣ, хотя я все время убѣждалъ себя, что надо же, наконецъ, выяснить, какъ мнѣ слѣдуетъ поступить.

Такъ я пришелъ домой. Было уже половина десятаго. Эльфрида еще спала. Я не велѣлъ ее безпокоить и сказалъ, что самъ долженъ уснуть и меня не слѣдуетъ будить, еслибы я даже проспалъ до полудня.

„И хотя бы это длилось цѣлую вѣчность“, пробормоталъ я, когда, опустивъ шторы на окнахъ, бросился въ постель, не раздѣваясь.

Крѣпкій сонъ тотчасъ сковалъ мои члены.

Проснувшись какой нибудь часъ спустя, не могъ сразу сообразить: гдѣ я и даже кто я такой.

И вдругъ, точно молнія, которая, освѣтивъ ночью окрестность, позволяетъ видѣть каждый предметъ, какъ при дневномъ свѣтѣ, у меня мелькнуло въ головѣ сознаніе случившагося. Я разомъ увидалъ событія сегодняшняго утра въ ихъ сокровеннѣйшей связи и понялъ, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать, съ такой точностью, какъ будто это исходило не отъ меня, проистекало не изъ моего разума, а было почерпнуто изъ источника, слишкомъ глубокаго для того, чтобы мое пониманіе и мой разумъ могли достать до его дна.

Я былъ невиновенъ въ смерти барона фонъ-Кардова, но не могъ доказать свой невинности, не внушивъ подозрѣнія скептическому свѣту, что всѣ мои показанія чисто голословны. Кромѣ того, взваливая вину на человѣка и безъ того виноватаго въ ужасныхъ вещахъ, я невольно подвергалъ злословію свою жену, а женѣ убитаго и его сыну долженъ былъ причинить новое горе. Узнавъ истину, они оба должны влачить всю жизнь ужасное сознаніе, что мужъ одной и отецъ другого погибъ, покушаясь на жизнь человѣка, не сдѣлавшаго ему ничего, кромѣ добра.

Пускай же свѣтъ и правосудіе вѣдаются, какъ знаютъ, съ этимъ дѣломъ; пусть они рѣшатъ его по усмотрѣнію. Меня же оно теперь вовсе не касается.

Восемь недѣль времени для провѣрки задачи! Не слишкомъ много, если принять во вниманіе ея громадную сложность. Но вычисленіе было правильно; итоги сошлись.

Правда, сюда вкрались двѣ маленькихъ ошибки, но, къ счастью, онѣ были скоро исправлены. Тотъ управляющій, съ которымъ баронъ обошелся непозволительнымъ образомъ, былъ привлеченъ къ суду, но послѣ короткаго допроса тотчасъ отпущенъ, такъ какъ онъ, несомнѣнно, доказалъ свое alibi. Одному бѣдному бродягѣ, который мѣсяца три слонялся по окрестностямъ, приставая къ добрымъ людямъ, пришлось немного похуже: онъ просидѣлъ двѣ недѣли въ тюрьмѣ. Но когда была доказана его невинность, ему зачли эти двѣ недѣли, такъ какъ несчастный малый все равно былъ приговоренъ къ шестинедѣльному заключенію за другую вину. Кромѣ нихъ, изъ за меня никто не пострадалъ безвинно.

Прокуроръ и полицiя сбились съ ногъ, стараясь выяснить загадочное преступленiе. Но я одинъ держалъ нить этой загадки. Ключъ отъ нея вотъ тутъ, въ моей груди, и онъ будетъ погребенъ въ ней, какъ въ могилѣ.

По крайней мѣрѣ, до моей смерти.

Потомъ, по человѣческому разумѣнiю, этому дѣлу минуетъ законная давность и никто не пострадаетъ вслѣдствiе открытiя истины. Тогда пускай эти листки свидѣтельствуютъ о ней.

Это удивительно, почти невѣроятно, а между тѣмъ оно вышло такъ: никому не пришелъ въ голову вопросъ, самый естественный и даже неизбѣжный: почему я не распорядился немедленно обыскать лѣсъ, что сдѣлалъ бы, прежде всего, каждый разсудительный человѣкъ, въ особенности имѣя въ своемъ распоряженiи тутъ же подъ рукою цѣлую толпу народа. Вѣдь предполагаемый убiйца и грабитель не могъ уйти далеко, потому что преступленiе было совершено полчаса тому назадъ, самое большое сорокъ минутъ. Грабитель здѣсь, дѣйствительно, не вымышленное существо. По словамъ лицъ, игравшихъ съ барономъ, который держалъ банкъ, онъ удалился около двухъ часовъ съ весьма порядочнымъ выигрышемъ. Одни говорятъ, что онъ имѣлъ при себѣ пять, другiе — шесть тысячъ марокъ, которыя, такимъ образомъ, и сдѣлались добычею вора. Почтеннымъ игрокамъ было сдѣлано оффицiальное внушенiе, а съ трактирщикомъ Рикомъ поступили еще суровѣе: за то, что онъ допускалъ азартную игру въ своемъ домѣ, его приговорили къ восьминедѣльному тюремному заключенiю. Рыжая Марiя должна была сознаться слѣдователю, что баронъ провелъ время съ двухъ до трехъ часовъ ночи съ нею вмѣстѣ въ ея комнатѣ. Послѣ этого дѣвушкѣ неловко было оставаться въ нашемъ околоткѣ и она удалилась въ свое имѣнiе въ Померанiи, но едва ли съ тѣмъ, чтобы раскаяваться въ грѣхахъ своей веселой юности. Мнѣ ее жаль! Золотое зерно пшеницы, упавшее въ тернiе.

* * *

Изморозь! Ноябрьскiй снѣгъ! Дороги въ лѣсу становятся мѣстами непроходимы, несмотря на то, что я такъ старательно занимался ихъ починкой. Дичь забирается поглубже въ лѣсную чащу; вороны съ карканьемъ рѣютъ въ туманной атмосферѣ; большинство изъ нихъ убралось уже въ города. Мои дровосѣки стали пасмурны и молчаливы; даже Амсбергъ ходитъ насупившись и, не говоря ни слова, покуриваетъ свою нескончаемую коротенькую трубочку.

Мнѣ эта погода по сердцу, она подходитъ къ моему настроенiю. Конечно, я никогда въ жизни не былъ „веселымъ малымъ", теперь же мнѣ кажется порою, что я совсѣмъ разучился смѣяться.

„Вы вводите насъ въ жизнь свою".

Однако, это вовсе не такъ. Сколько я ни раздумываю, съ какой стороны ни смотрю на вопросъ — я не чувствую себя виновнымъ.

Но отчего же тогда на меня часто нападаетъ смертельная тоска?

Пожалуй, мнѣ становится грустно при мысли, невольно приходящей на умъ, что жизнь сама по себѣ и есть тотъ гадкiй сосѣдъ, который не хочетъ оставить въ покоѣ даже самыхъ лучшихъ людей.

* * *

Вчера Амсбергъ принесъ мнѣ носовой платокъ, найденный однимъ изъ рабочихъ подъ мхомъ, обыкновенный бѣлый платокъ безъ мѣтки, на мои глаза совершенно новый. Онъ пролежалъ все это время въ довольно сухомъ мѣстѣ; слѣды крови сохранились на немъ достаточно ясно. Амсбергъ полагаетъ, что убiйца сунулъ его туда во время бѣгства черезъ ельникъ. Я сказалъ, что это очень можетъ быть и что, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ отослать свою находку въ Зундинъ, объяснивъ—гдѣ, когда и кто ее нашелъ. Съ этой цѣлью я далъ ему адресъ судебнаго слѣдователя.

Платокъ, безъ сомнѣнiя, принадлежитъ тому, кто наткнулся на убитаго и

укралъ его деньги, пока я ходилъ въ хижину лѣсного сторожа. Кто же это могъ быть? Батракъ, поденщикъ, вообще человѣкъ низкаго званія — ни въ какомъ случаѣ. У нихъ не бываетъ никакихъ платковъ. Но кто бы онъ ни былъ, онъ дѣйствовалъ осмотрительно, хотя у него было немного времени на размышленіе. Въ противномъ случаѣ грабитель не оставилъ бы дорогихъ часовъ съ массивной золотой цѣпочкой въ жилетномъ карманѣ убитаго и не бросилъ бы сафьяннаго бумажника, вынувъ изъ него деньги.

Тутъ мнѣ пришла на умъ маленькая записная книжка, куда я имѣлъ привычку заносить наканунѣ вечеромъ по порядку всѣ предстоящія мнѣ на слѣдующій день дѣла. Эта книжечка сопровождала меня еще въ походѣ, хотя потомъ я нѣсколько разъ мѣнялъ въ ней листы. У меня отлично осталось въ памяти, что въ то утро я засунулъ ее въ карманъ. Въ слѣдующіе же дни она не попадалась мнѣ подъ руку и затѣмъ исчезла. Напрасно розыскивалъ я ее съ величайшимъ стараніемъ. Мнѣ вообще непріятно терять какую-нибудь вещь, а съ этой книжечкой мы такъ сдружились въ продолженіи многихъ лѣтъ.

* *
*

Нельзя не удивляться странному чувству, которое овладѣло мною третьяго дня при видѣ платка; по крайней мѣрѣ я вздохнулъ съ глубокимъ облегченіемъ, когда его унесли прочь съ моихъ глазъ. А между тѣмъ, я присутствовалъ при осмотрѣ трупа, не моргнувъ глазомъ, и давалъ показанія, какъ экспертъ, совершенно твердымъ голосомъ. Изъ того обстоятельства, что баронъ былъ застрѣленъ крупной дробью, судебная власть вывела заключеніе, что убійца былъ браконьеръ. Я согласился съ этимъ, но прибавилъ, что, судя по мѣткости выстрѣла,— если допустить что онъ не былъ случайнымъ,— стрѣлокъ долженъ быть мастеръ своего дѣла, съ вѣрнымъ глазомъ и твердой рукой. Потомъ я еще сказалъ, что хотя свидѣтели упрямо утверждаютъ, будто они слышали только одинъ выстрѣлъ, ихъ, безъ сомнѣнія, было два, но они оба грянули залпомъ.

Вѣдь я, такъ сказать, самъ напрашивался на раскрытіе истины! Тѣмъ не менѣе, къ непонятнымъ сторонамъ этого слѣдствія можно отнести и то обстоятельство, что судья не спросилъ меня вслѣдъ затѣмъ: — А скажите-ка мнѣ, г. лѣсничій, ужъ не сами ли вы произвели второй выстрѣлъ? Однако ожидаемаго вопроса не послѣдовало и мнѣ не пришлось отвѣчать на него.

Тогдашнее хладнокровіе и нервное волненіе овладѣвшее мною третьяго дня! Но тогда я стоялъ лицомъ къ лицу съ дѣломъ рукъ своихъ и былъ долженъ и обязанъ спокойно смотрѣть въ его блѣдное мертвенное лицо, тогда какъ третьяго дня... Ахъ! тогда я видѣлъ ясно слѣды грязныхъ пальцевъ заурядчнаго вора, который жадно схватился за сдѣланное мною и опошлилъ его. Точно также поступили бы и судьи, они опошлили бы мое дѣяніе недовѣрчивымъ покачиваніемъ головы, пожатіемъ плечъ; они въ удивленіи уставились бы на меня глазами, еслибъ я сознался въ своей винѣ.

Но я былъ вправѣ молчать и теперь вправѣ держаться того же образа дѣйствій, по крайней мѣрѣ, по собственному разумѣнію. Самый худшій грѣхъ есть противорѣчіе. Я не стану противорѣчить себѣ.

* *
*

Любопытно было бы узнать, что вышло бы изъ моихъ отношеній къ баронессѣ, еслибы я, какъ безразсудный мальчишка или трепещущій передъ начальствомъ филистеръ, трусливо и глупо воздалъ бы, такъ называемую, честь истинѣ. Разумѣется, изъ этого не вышло бы ничего хорошаго, тогда какъ теперь между нами возникло нѣчто вродѣ дружбы.

Въ продолженіе восьми недѣль, которыя она проводитъ у родителей на островѣ Рюгенѣ, мы обмѣнялись такимъ же числомъ писемъ, послѣдними двумя даже на одной недѣлѣ.

Какъ могъ я такъ ошибаться въ этой женщинѣ! Изъ всѣхъ недостатковъ, которые я ей ошибочно приписывалъ, остается одна только гордость, но и та украшаетъ ее, какъ царская діадема! Ни за что не хотѣлъ бы я, чтобы она сложила ее съ себя! И что сталось бы съ нею безъ этого талисмана въ ужасномъ супружествѣ, которое было тѣмъ ужаснѣе, что она любила мужа со всей глубиной страсти своихъ восемнадцати лѣтъ, отъ полноты своего богатаго сердца! Любила съ тѣмъ, чтобы скоро, слишкомъ скоро убѣдиться, что она отдала свою молодость и невинность человѣку, испорченному до мозга костей, бросила свое молодое сердечко въ гнилое болото! Послѣ того она молча переносила свою горькую долю ради сына, чтобы онъ какъ можно дольше не зналъ, какою жалкою ничтожностью былъ его отецъ. Она стремилась сначала какъ можно тверже запечатлѣть въ его душѣ образъ честной матери, разсчитывая, что тогда мальчикъ не рискуетъ увлечься дурнымъ примѣромъ безчестнаго отца.

Но баронесса слишкомъ понадѣялась на свои силы. Отвращеніе, чувство гадливости, унизительная роль, на которую она себя обрекла: казаться въ глазахъ слѣпой, глухой и ограниченной — все это съ годами слишкомъ увеличило тяжелое бремя на ея плечахъ, оно стало ей не подъ силу и она рѣшилась на окончательный разрывъ. Но прежде всего надо было помѣстить сына въ какое нибудь надежное убѣжище. Она знала, что баронъ не отступится добровольно отъ ребенка ужъ ради того, чтобъ не выпустить изъ рукъ тѣхъ крупныхъ суммъ, которыя предназначались на воспитаніе богатаго наслѣдника и находились до сихъ поръ въ распоряженіи отца. Поэтому, молодая женщина воспользовалась послѣдней отлучкой мужа; поѣздка на Рюгенъ была собственно бѣгствомъ; баронесса не хотѣла больше переступать порога мёлленгофскаго замка, намѣреваясь начать борьбу съ барономъ изъ Баркова, имѣнія своихъ родителей. Однако тутъ подоспѣла смерть и лишила публику удовольствія потѣшиться новымъ громкимъ скандаломъ въ высшей аристократической сферѣ.

А это было самое ужасное для благородной женщины. Она знала, какую грязь придется поднять въ настоящемъ дѣлѣ, если она хочетъ выиграть процессъ, знала, что въ интересахъ сына ей нельзя щадить отца. Именно эта печальная необходимость удерживала до сихъ поръ энергичную женщину отъ рѣшительнаго шага.

Она знала про мужа все или почти все. Объ этомъ ужъ позаботились лукавые языки, которымъ доставляетъ наслажденіе причинять горе другимъ. Кромѣ того всегда найдутся безкорыстные доброжелатели, которые за свой собственный страхъ и рискъ считаютъ обязанностью слѣдить за тайными похожденіями порочнаго человѣка; да не было недостатка и въ истинно порядочныхъ личностяхъ, какъ г-жа Моэнъ, желавшихъ съ доброй цѣлью предупредить обманутую жену, хотя та, повидимому, платила за ихъ услуги черствой неблагодарностью. Вѣдь прежде, чѣмъ рѣшиться выступить открыто противъ мужа, гордая баронесса пробовала разыграть изъ себя неприступную, надменную, холодную. Въ противномъ случаѣ ей пришлось бы платить довѣріемъ за довѣріе и на разсказы о томъ, что рыжая Марія любовница ея мужа, что баронъ имѣлъ унизительное столкновеніе съ управляющимъ, невѣсту котораго онъ соблазнилъ, ей оставалось только разсказать, что онъ не уважаетъ даже собственнаго дома. Не даромъ она отослала въ Зундинъ къ родителямъ свою хорошенькую горничную Юлію, которая, упавъ ей въ ноги, съ горькими слезами призналась въ своемъ несчастьи. Все это я понялъ изъ скромныхъ намековъ и какъ бы нечаянныхъ обмолвокъ въ ея письмахъ. Дѣйствительно, тамъ многое можно прочесть между строкъ, и я полагаю, что совершенно вѣрно понялъ настоящій смыслъ того, чего она не рѣшалась прямо высказать.

* * *

Мой милый начальникъ боленъ. У него пошли по всему тѣлу крупные карбункулы, которые угрожаютъ истощить и безъ того небольшія силы старика. Если онъ умретъ, это будетъ тяжелой потерей для меня.

Состояніе Эльфриды также причиняетъ мнѣ жестокое безпокойство. Я тѣмъ болѣе опечаленъ этимъ, что ея первая беременность прошла вполнѣ благополучно. Теперь же она лежитъ въ постели вотъ уже шесть недѣль и докторъ Бартъ не знаетъ, когда ей можно будетъ встать. Въ настоящее время онъ соглашается со мною въ томъ, что оспаривалъ раньше, а именно, что обморокъ моей жены тогда у Лѣсного озера, былъ вызванъ болѣе важными причинами, чѣмъ простой упадокъ жизненной энергіи; то былъ первый симптомъ разстройства нервной системы, который очень трудно прослѣдить, какъ и всѣ подобныя явленія.

Конечно, я не могу подсказать доктору настоящей причины.

Да еслибы я даже хотѣлъ и могъ это сдѣлать, то вредъ все равно уже нанесенъ. Открывъ психическую подкладку случившагося, нельзя устранить физическихъ послѣдствій происшедшей бѣды.

Я всячески уговариваю Эльфриду, не принимать этого дѣла трагичнѣе, чѣмъ оно того заслуживаетъ. Она обѣщаетъ мнѣ успокоиться, но внезапная метаморфоза добраго человѣка и нашего общаго друга въ дерзкаго, безсовѣстнаго Донъ-Жуана, который не дѣлаетъ различія между порядочной женщиной и погибшимъ созданіемъ — вѣроятно, была слишкомъ ужасна для моей жены, если она до сихъ поръ не можетъ опомниться.

А потомъ внезапная насильственная смерть виновнаго, постигшая его точно Божья кара!

Эльфрида вздумала упрекать себя, что это она навлекла на барона жестокое наказаніе, потому что не молилась со всѣмъ усердіемъ за своего обидчика, какъ это слѣдуетъ хорошей христіанкѣ.

Прежде моя жена не отличалась особой набожностью. И вотъ, когда я слышу отъ нея подобныя рѣчи, то невольно хватаюсь за голову и спрашиваю себя, что это значитъ? Обусловливается ли такая странность ея положеніемъ, понизившимъ уровень ея духовныхъ силъ? Или это первые страшные симптомы продолжительнаго душевнаго разстройства?

Или... нѣтъ, нѣтъ! Не надо дальнѣйшихъ предположеній, хотя всякій разъ, когда я слышалъ знаменитую арію донны Анны, исполняемую хорошей пѣвицей, которая поетъ не по однимъ нотамъ, мнѣ казалось, что вотъ, вотъ, эти порывистые звуки перейдутъ въ рыданіе, не имѣвшее ничего общаго съ жаждой мести.

Если несчастный нанесъ мнѣ и этотъ ударъ, если онъ отнялъ у меня сердце моей жены...

Тише, любезный, тише! Благодари Бога, что ты защищалъ только свою жизнь, а не честь, когда спустилъ курокъ ружья...

* * *

Изъ Зундина пришли благопріятныя извѣстія о моемъ старомъ другѣ. Сохрани его Господь еще на долгіе годы! Конечно, средняя продолжительность человѣческой жизни доходитъ до семидесяти лѣтъ, а онъ родился въ первый годъ настоящаго столѣтія.

Зато здѣсь проносится ангелъ-истребитель дифтеритъ по усадьбамъ и деревнямъ, то и дѣло вырывая жертвы, какъ изъ благородныхъ семействъ, такъ и изъ жилищъ простолюдиновъ.

Стоитъ ужасная декабрьская погода съ жестокими снѣжными вьюгами и непроглядными ночами. Да и днемъ теперь бываетъ немногимъ свѣтлѣе.

Я настоятельно отговаривалъ баронессу возвращаться сюда въ настоящее время. Хотя, можетъ быть, въ графскомъ домѣ и тѣсновато (я опасаюсь даже, что тамъ разсчитываютъ за столомъ каждый кусокъ) — но она и мой дорогой Гансъ въ большей безопасности на Рюгенѣ, чѣмъ здѣсь.

* * *

№ 1428. Годъ XXVIII. 8-го іюня 1896 г. Томъ LV. № 24.

Отъ Государственнаго Банка.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Продолженіе добровольнаго обмѣна на государственную 4% ренту

облигацій 4% внутреннихъ займовъ 1-го (1887 г.), 2-го, 3-го и 4-го (1891 г.),

а равно добровольный обмѣнъ на ту же ренту выпущенныхъ въ кредитной валютѣ 4% облигацій казенныхъ желѣзныхъ дорогъ:

а) подлежащихъ 5% налогу:

Главнаго Общества Россійскихъ жел. дор. (Николаевской 1893 г.)

Либаво-Роменской,

Оренбургской,

Ряжско-Моршанской,

Тамбово-Козловской,

Юго-Западныхъ,

б) не подлежащихъ 5% налогу:

Курско-Харьково-Азовской серія В и Орловско-Грязской серія В.

На основаніи распоряженія Г. Министра Финансовъ, послѣдовавшаго во исполненіе Именныхъ Высочайшихъ указовъ 24-го марта 1895 г. и 3-го мая с. г., Государственный Банкъ доводитъ до общаго свѣдѣнія, что вышеозначенный **добровольный обмѣнъ** будетъ производиться на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1. Заявленія принимаются **съ 1-го іюня по 1-е сентября с. г.** во всѣхъ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, а равно въ Сберегательныхъ Кассахъ при Казначействахъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ учрежденій Государственнаго Банка.

2. Предѣльной суммы для сего обмѣна не назначается, и **всѣ заявленія объ обмѣнѣ, сдѣланныя въ теченіе указаннаго выше трехмѣсячнаго срока, будутъ удовлетворены сполна.**

3. Къ обмѣну принимаются только 4% облигаціи, не вышедшія до 1-го іюня с. г. въ тиражъ погашенія.

4. Рента выдается **рубль за рубль нарицательнаго капитала** обмѣниваемыхъ облигацій съ разсчетомъ процентовъ по купонамъ отъ сихъ облигацій; причемъ съ владѣльцевъ облигацій желѣзныхъ дорогъ: Николаевской, Либаво-Роменской, Оренбургской, Ряжско-Моршанской, Тамбово-Козловской и Юго-Западныхъ **будетъ удерживаемо при обмѣнѣ по 50 коп.** за каждые 100 руб. нарицательнаго капитала обмѣниваемыхъ бумагъ, владѣльцамъ же облигацій желѣзныхъ дорогъ: Курско-Харьково-Азовской и Орловско-Грязской **будетъ доплачиваемо по 3 р. 20 к.** за каждые 100 р. нарицательнаго капитала сихъ бумагъ.

5. Теченіе дохода въ предназначенной для выдачи по обмѣну государственной 4% рентѣ начинается съ **1-го іюня сего 1896 г.**, такъ что первый купонъ при сей рентѣ будетъ **на срокъ 1-го сентября 1896 г.**

6. Заявляемыя къ обмѣну на 4% ренту указанныя выше 4% облигаціи должны имѣть всѣ купоны, срокъ коимъ наступаетъ послѣ 1-го іюня 1896 г. Проценты, наросшіе по симъ

купонамъ до 1-го іюня 1896 года, уплачиваются при обмѣнѣ. Стоимость недостающихъ купоновъ при обмѣниваемыхъ 4% облигаціяхъ должна быть вносима владѣльцами облигацій наличными деньгами за вычетомъ 5% налога по тѣмъ облигаціямъ, кои подлежатъ сему налогу.

7. Заявленія объ отмѣнѣ должны быть подаваемы на бланкахъ, установленной формы, которые можно получать безвозмездно въ кассахъ обмѣна.

8. Заявленія объ обмѣнѣ могутъ быть подаваемы какъ съ представленіемъ предназначенныхъ къ обмѣну облигаціи, такъ равно и безъ представленія таковыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ долженъ быть представленъ залогъ въ размѣрѣ 2 рублей на каждые 100 рублей нарицательнаго капитала, съ обязательствомъ представить облигаціи не позже 16-го сентября 1896 г., подъ опасеніемъ утраты залога.

9. Заявленія объ обмѣнѣ указанныхъ выше 4% облигацій, находящихся во вкладахъ на храненіе въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, могутъ быть сопровождаемы вкладными росписками сихъ учрежденій, и во всякомъ случаѣ должны заключать точное указаніе нумеровъ таковыхъ росписокъ. Замѣна сихъ росписокъ новыми на выдаваемую 4% ренту производится **безплатно** распоряженіемъ Банка, причемъ нѣсколько росписокъ могутъ быть соединены въ одну общую.

10. Заявленія объ отмѣнѣ **именныхъ** облигацій 4% внутреннихъ займовъ, а равно облигацій, заключающихся въ выданныхъ Государственною Коммиссіею Погашенія Долговъ **удостовѣреніяхъ именной записи,** должны быть подаваемы отдѣльно отъ заявленій объ обмѣнѣ предъявительскихъ облигацій. Въ заявленіяхъ сихъ должно быть указываемо, на чье имя обмѣниваемыя облигаціи и записи выданы, а равно какія 4% ренты требуются по обмѣну: предъявительскія или именныя, и въ семъ случаѣ—на чье имя ренты должны быть написаны.

11. Обмѣнъ облигацій 4% займовъ производится **непосредственно на подлинную ренту**, безъ выдачи временныхъ свидѣтельствъ. Разсчетъ по заявленіямъ, поданнымъ съ представленіемъ облигацій, выданныхъ на предъявителя, для обмѣна на предъявительскія же ренты, производится въ С.-Петербургской Конторѣ Банка, по возможности, **въ тотъ же день**, въ порядкѣ поступленія сихъ заявленій. При невозможности же произвести выдачу ренты и доплаты въ тотъ же день, вслѣдствіе значительности представленной при одномъ заявленіи партіи или неимѣнія свидѣтельствъ ренты требуемыхъ достоинствъ, будутъ выдаваемы въ кассѣ обмѣна особыя именныя квитанціи, безъ права передачи, съ обозначеніемъ въ оныхъ принятыхъ облигацій, росписокъ или залога, а также причитающихся къ выдачѣ 4% рентъ, по достоинствамъ, и времени, когда таковыя ренты могутъ быть выданы. Такія же квитанціи будутъ выдаваемы по заявленіямъ: а) объ обмѣнѣ облигацій именныхъ, или при требованіи по обмѣну выдачи именныхъ 4% рентъ, б) объ обмѣнѣ облигацій, находящихся во вкладахъ на храненіе, и в) по заявленіямъ, съ представленіемъ залога.

Въ прочихъ Конторахъ и Отдѣленіяхъ и Сберегательныхъ Кассахъ выдача ренты будетъ производиться по соображеніямъ съ имѣющимся запасомъ ея въ данномъ учрежденіи; причемъ при пріемѣ заявленій объ обмѣнѣ владѣльцамъ обмѣниваемыхъ облигацій будутъ выдаваемы именныя квитанціи, на вышеуказанныхъ для С.-Петербургской Конторы основаніяхъ.

Подробности разсчета по обмѣну 100 р. нарицательнаго капитала для каждаго рода 4% облигацій помѣщены въ приведенной ниже сего таблицѣ.

Названіе займовъ.	Срокъ купоновъ, кои должны быть при облигаціяхъ.	Время, за которое выплачиваются проценты.	Сумма выплачиваемыхъ %-въ.	Доплата по условіямъ обмѣна.	Удерж. по услов. обмѣна.	Подлежитъ выдачѣ.
а) Подлежащіе 5% налогу:						
4% вн. з. 1 вып. 1887 г.	1 октября 96 г.	Съ 1 апрѣля по 1 іюня 96 г.	— р. 63 1/3 к.	—	—	— р. 63 1/3 к.
„ „ 2 „ 1891 „	1 декабря „	срокъ купона при 4% обл. совпадаетъ съ началомъ теченія % по 4% рентѣ.	—	—	—	—
„ „ 3 „ „ „	15 іюня „	Съ 15 дек. 95 г. по 1 іюня 96 г.	1 „ 74 1/6 „	—	—	1 „ 74 1/6 „
„ „ 4 „ „ „	15 іюля „	Съ 15 января „ „ „	1 „ 42 1/2 „	—	—	1 „ 42 1/2 „
4% обл. Николаевск. ж. д.	1 іюля „	Съ 1 января „ „ „	1 „ 58 1/3 „	—	50 к.	1 „ 08 1/3 „
„ „ Либ.-Ром. „ „	1 іюля „	Съ 1 января „ „ „	1 „ 58 1/3 „	—	50 „	1 „ 08 1/3 „
„ „ Оренбургск. „ „	15 сентября „	Съ 15 марта „ „ „	— „ 79 1/6 „	—	50 „	— „ 29 1/6 „
„ „ Ряж.-Морш. „ „	5 октября „	Съ 5 апрѣля „ „ „	— „ 58 1/20 „	—	50 „	— „ 8 1/20 „
„ „ Тамб.-Козл. „ „	1 іюля „	Съ 1 января „ „ „	1 „ 58 1/3 „	—	50 „	1 „ 08 1/3 „
„ „ Юго-Западн. „ „	1 октября „	Съ 1 апрѣля „ „ „	— „ 63 1/3 „	—	50 „	— „ 13 1/3 „
б) Не подлежащіе 5% налогу:						
„ „ К.-Х.-Азов. „ „	1 октября „	Съ 1 апрѣля „ „ „	— „ 66 2/3 „	3 р. 20 к.	—	3 „ 86 2/3 „
„ „ Орл.-Грязск. „ „	1 октября „	Съ 1 апрѣля „ „ „	— „ 66 2/3 „	3 „ 20 „	—	3 „ 86 2/3 „

Управляющій Государственнымъ Банкомъ **Э. ПЛЕСКЕ.**

ШАХМАТЫ

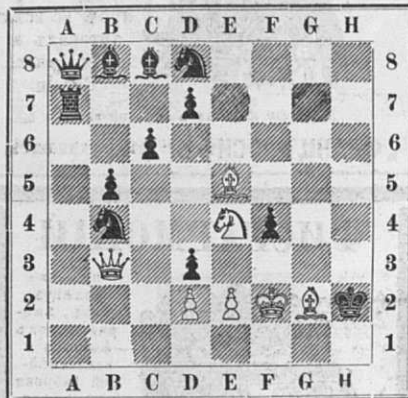
подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1884

I. Iespersen.

Третій призъ на конкурсѣ задачъ „Piccolo Scacchista".

Черные

Бѣлые

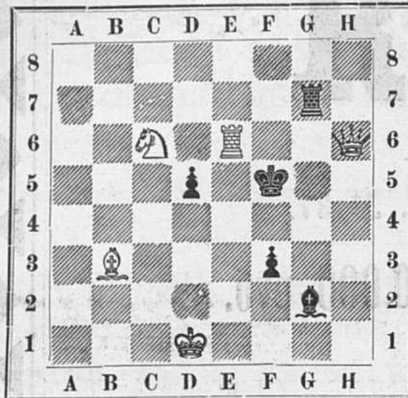
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1885

S. Gold.

Изъ „La Stratégie".

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

На происходившемъ въ этомъ году въ вѣнскомъ шахматномъ клубѣ турнирѣ игроковъ первой силы участвовало 12 лицъ. Каждый съ каждымъ игралъ по двѣ партіи; ничьи считались за $1/2$ партію.

РЕЗУЛЬТАТЪ ТУРНИРА:

М. Вейсъ	выигралъ	$15^1/2$	партій	— 1-й призъ въ	400 флор.
К. Шлехтеръ	„ „	$15^1/2$	„	— 2-й „ „	250 „
Б. Энглишъ	„ „	15	„	— 3-й „ „	200 „
Г. Марко	„ „	14	„	— 4-й „ „	150 „
Ж. Шварцъ	„ „	13	„	— 5-й „ „	100 „

Затѣмъ слѣдуютъ: г. Гальпринъ ($+11^1/2$), Максъ Джёдъ ($+9^1/2$), А. Цинкль ($+9^1/2$), г. Альбинъ (+9); гг. Горвицъ и Мандельбаумъ (по $7^1/2$) и Фенцль (+3).

Хотя первые двое призеровъ окончили турниръ съ одинаковымъ результатомъ по числу очковъ, но первый призъ получилъ Максъ Вейсъ, выигравшій 12 партій при 3-хъ проигранныхъ и 7-ми ничьихъ, потому что по условіямъ турнира при равенствѣ очковъ преимуществомъ относительно перваго приза пользовался тотъ, кто выигралъ больше партій независимо отъ ничьихъ. К. Шлехтеръ выигралъ только 10 партій при 1-й проигранной и 11-ти ничьихъ.

Въ Парижѣ, въ „Café de la Regence", недавно окончился турниръ, въ которомъ участвовало также 12 лицъ. Призы получили: первый—г. Яновскій, второй—А. Гетцъ, третій—Арну де-Ривьеръ и четвертый—г. Розенъ.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ №№ 1400, 1401, 1402, 1403 и 1405.

№ 1832. *I. Slater*. 1. Л h3—g3 (угрожая 2. К g5—f7† и 3. Л g3—g6 ×), Кр d6—e5; 2. Л c7—e7† и 3. Л e7—e6 × или 3. С b8—a7× (*Вар. a*). 1... С b5—c6 (или d7); 2. Л c7—b7 (или c8)† и 3. К g5—e6 (или 3. К e3—d5)× (*Вар. b*). 1... С b5—e8 или c4; 2. К e3—c4† и 3. Л g3 : d3×.

№ 1833. *I. M. Ioseph*. 1. С c3—a1 и если 1... Л a4 : a1, 1... С f8—e7 или 1... Ф d3 : b1, то 2. Ф b7—b4, : e7 или : b1×; если 1... Л h3—f3 или 1... К g2∞, то 2. Л f5—e5 или f4×; если 1... Л h3∞ или 1... Л a4—d4, то 2. К e2—g3 или c3×; если же 1... Ф d3—c2, то 2. С b1 : c2×. Въ остальныхъ случаяхъ бѣлые даютъ матъ, открывая ферзя королемъ.

№ 1834. *Н. А. Извольскаго*. 1. К b8—c6, Кр d5—e4 (1... Кр d5 : c6; 2. Ф a6—a8×); 2. Ф a6—e2† и 3. Ф e2—g4× или 3. К c6—e7× (*Вар. a*). 1... К h8—f7; 2. С h3—g2† и 3. Ф a6—c8× (*Вар. b*). 1... d4—d3; 2. Ф a6—c4† и 3. С h3—e6× (*Вар. c*). 1... g6—g5; 2. С h3—f5 и 3. Ф a6—b5, или a8×. Въ остальныхъ случаяхъ 2. d2—d3 и 3. Ф a6—b5, c4 или a8×.

№ 1835. *V. Marin*. На h3 — бѣлый слонъ. 1. К e6—f4 и если 1... Кр e5 : f4 или —d6, то 2. К f6—g4 или d7 ×; если 1... Л h4 : f4, 1... e7 : f6 или 1... c7—c5, то 2. Ф f8 : e7, : f6 или : b8×; если 1... Л h4∞ или 1... К b8∞, то 2. К f6—d7×; если же 1... e7—e6, то 2. К f4—d3×.

№ 1836. *I. A. Ros*. 1. Ф c7—f7, С a2 : c4 или Л e5—e6; 2. Ф f7—f3 и 3. Ф f3—c3, d3 или : e4× (*Вар. a*). 1... Л e5 : e4; 2. Ф f7—f5 и 3. Ф f5 : e4 или —d3×. Въ остальныхъ случаяхъ 2. Ф f7—d5† и 3. e4—e5×.

№ 1837. *I. Meyer*. 1. К f5—d4 и если 1... К h5—f4 или 1... d7—d6, то 2. К d4—f3 или c6×; если 1... К c2∞, 1... К h5∞ или 1... Л b4 : d4, то 2. Ф f2—e3, f6 или f5×; если 1... d7—d5, то 2. Л b6—e6; если же 1... Л b4∞, то 2. С a3—d6×.

№ 1838. *A. Lecomte*. На g5 — бѣлый ферзь. 1. К d2—f3 (угрожая 2. К e4—c3× и 3. Ф g5 : e3 ×), Кр d5 : e4; 2. Ф g5 : f4† и 3. Л h6—h4× или 3. Ф f4—d4×. (*Вар. a*) 1.. К g3 : e4; 2. Ф g5 : f5† и 3. Ф f5 : e5×. *Вар. b*) 1... К f7 : g5 или : h6); 2. Л. h6—d6† (или 2. Ф g5—d8†) и 3. Л d6—d4×.

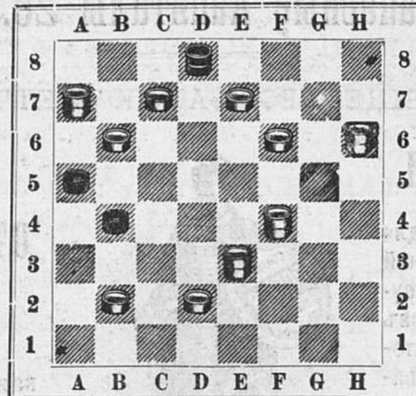
ШАШКИ

ЗАДАЧА № 169

А. П. Шошина (въ СПБ.).

Поддавки.

Черные

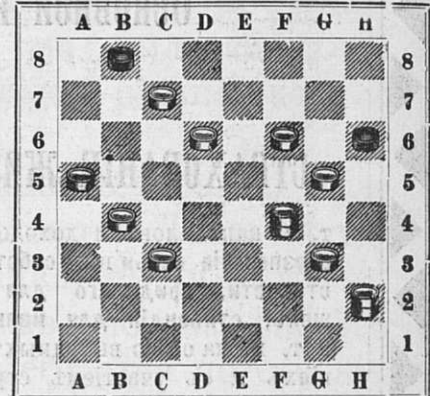
Бѣлые

Запереть свою дамку и простую.

ЗАДАЧА № 170

П. М. Нѣмцова (въ Москвѣ).

Черные

Бѣлые

Запереть свою простую.

ПАРТІЯ № 15

Играна на второмъ всероссійскомъ турнирѣ въ Москвѣ въ 1895 г.

	С. В. Васильевъ. Бѣлые.	А. А. Оводовъ. Черные.						
1.	c3—b4	b6—c5	12.	c3—d4⁴)	h4 : f2	23.	c1—d2	g5 : e7
2.	b2—c3	f6—g5	13.	g1 : e3	e7—f6	24.	d2—e3	d8—c7
3.	g3—f4	g7—f6	14.	d4—c5	d6 : b4	25.	e3—f4	h8—g7
4.	b4—a5	g5—h4	15.	a5 : c3	f6—e5	26.	b2—a3	g7—h6
5.	c3—d4	f6—g5	16.	f4 : d6	c7 : e5	27.	f2—e3	e7—f6
6.	d4 : b6	a7 : c5	17.	a3—b4	h6—g5	28.	c3 - d4	c7—b6
7.	a1—b2	e7—f6	18.	b4—a5	g5—h4	29.	f4—e5	h4—g3
8.	d2—c3¹)	f8—g7	19.	a5—b6	g7—h6	30.	e5 : g7	h6 : f8
9.	h2—g3²)	f6—e5	20.	e3—d4⁵)	b8—a7	31.	d4—e5	g3—h2
10.	e3—d4³)	c5 : e3	21.	d4 : f6	a7 : c5	32.	e3—f4	h2—g1
11.	f2 : f6	g5 : e7	22.	e1—f2	h6—g5		Бѣлые сдались.	

Примѣчанія къ партіи В. И. Шошина.

¹) Лучше было бы 8. b2—c3 и если 8 ... f6—e5, то 9. c3—b4, e5 : g3; 10. h2 : f4, получая хорошее положеніе.

²) Слабый ходъ, затруднившій бѣлымъ игру.

Слѣдовало играть 9. c3—d4 и если 9 ... b8—a7; 10. d4 : b6, a7 : c5, то 11. h2—g3 — съ равною партіей. Ошибочно было бы также 9. c3—b4; тогда послѣдовало бы 9 ... c7—b6!; 10. a5 : e5, f6 : d4; 11. b4 : d6, d8—c7; 12. e3 : c5, g5 : e3; 13. f2 : d4, c7 : a1 и выигрываютъ.

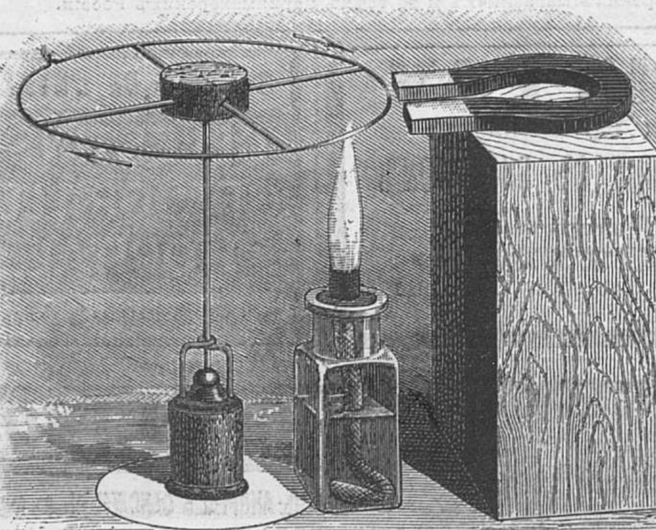
³) Лучшее, что могутъ предпринять бѣлые.

⁴) Сыгравъ 12. c1—d2, h4 : f2; 13. e1 : g3, бѣлые, можетъ быть, могли бы достигнуть ничьей. Послѣ же хода, сдѣланнаго въ партіи, они должны проиграть.

⁵) Очевидно, что всѣ другіе ходы также не спасали партіи бѣлыхъ.

Магнитная мельница

По рисунку ясно видно, какимъ снаряженіемъ надо обзавестись для исполненія описываемаго здѣсь интереснаго опыта. Надо прежде всего заготовить магнитъ, небольшой, подковообразный; такіе продаются повсюду за 20—50 копѣекъ, смотря по величинѣ. Затѣмъ надо заготовить колеско, свободно вращающееся на вертикальномъ шпилѣ. Ободъ колеска сгибается изъ куска проволоки, вершковъ 5—8 длиною; концы проволоки закручиваются вмѣстѣ. Ступицею служитъ пробочка, въ которую вставляются четыре спицы колеса, которыя должны опираться концами въ ободъ здѣсь ихъ можно закрѣпить обмоткою изъ тонкой проволоки или просто пригнать длину спицъ съ такою точностью, чтобы онѣ плотно уперлись въ ободъ, и держались упоромъ; можно расплющить ихъ концы молоткомъ и пропилить въ нихъ напилкомъ гнѣзда, въ которыя можетъ войти ободъ колеса. Подставка состоитъ изъ картоннаго кружка, на который насажена, клеемъ или сургучемъ, пробка. На вершинѣ пробки можно укрѣпить, напримѣръ, дробинку или свинцовую пломбу, или, наконецъ, просто деревяшечку съ лункою на вершинѣ; въ эту лунку упрется нижній конецъ шпиля, на который насаживается колеско. А для того, чтобы шпиль держался прямо, его пропускаютъ черезъ круглую петлю проволочной скобочки, концы которой запускаются въ ту же пробку. Верхній конецъ шпиля свободно входитъ въ пробочную втулку колеска, которое должно совершенно безпрепятственно и легко вращаться на своей оси. Теперь помѣстите, на какой нибудь подставкѣ, магнитъ около самаго колеска, на одну линію отъ него; затѣмъ начните нагрѣвать свѣчкою или спиртовою лампою сосѣднюю съ магнитомъ часть обода колеска. Когда проволока нагрѣется докрасна, колеско начнетъ понемногу двигаться, причемъ накаленная часть станетъ отходить отъ магнита. Этотъ маленькій фокусъ основанъ на давно извѣстномъ свойствѣ желѣза; при накаливаніи оно утрачиваетъ способность притягиваться магнитомъ; итакъ, накаленный участокъ обода станетъ нечувствительнымъ къ магнитной силѣ, а сосѣднія, еще сравнительно холодныя части будутъ сохранять свою магнитность, и, само собою разумѣется, магнитъ будетъ ихъ тянуть къ себѣ и заставитъ колеско вращаться.

Всемірная Иллюстрація

№ 1428. Годъ XXVIII. 8-го іюня 1896 г. Томъ LV. № 24.

Убранство главнаго фасада зданія технологическаго института на Загородномъ проспектѣ.

Съ фотографіи К. К. Булла. Автотипія Эд. Гоппе.

С.-Петербургъ. — Празднованіе дня Священнаго Коронованія.

При этомъ, 1428, нумерѣ »Всемірной Иллюстраціи« слѣдуютъ: **Литературное приложеніе**, содержащее въ себѣ: 1) »Самъ себѣ судья«, романъ Фридриха Шпильгагена (9-й листъ). 2) »**Въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ**. Ч. II. Листъ 5.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

ТЕКСТЪ

РИСУНКИ

26-го мая (7-го іюня) 1896 г.

Истекшая недѣля не представляла большого интереса въ политическомъ отношеніи. Можно сказать, что на политическомъ горизонтѣ нѣтъ ни одной темной точки, за исключеніемъ двухъ, трехъ облачковъ; но когда же политическій горизонтъ бываетъ совершенно ясенъ? Взоры Европы, да не одной Европы, а всего міра обращены съ тревогой на яркое сѣверное сіяніе, разливающееся на томъ мѣстѣ, гдѣ находится наша первопрестольная столица. Если закончились коронаціонныя торжества, то, разумѣется, этимъ далеко не исчерпалось вниманіе иностранцевъ къ нашей политикѣ, продолжающей неуклонно держаться миролюбиваго камертона.

Въ газетахъ была напечатана рѣчь австрійскаго министра графа Голуховскаго, изложившаго въ бюджетной коммиссіи австрійской делегаціи въ Буда-Пештѣ программу внѣшней политики вѣнскаго кабинета. Замѣчательно въ этой рѣчи то, что графъ Голуховскій заявилъ о своемъ полнѣйшемъ сочувствіи, и, слѣдовательно, о сочувствіи самой Австріи той политикѣ, которой слѣдуетъ Россія на Балканскомъ полуостровѣ и вообще на всемъ христіанскомъ Востокѣ. Онъ также заявилъ, что Австрія вынуждена была соединиться съ русскими и французскими дипломатами по вопросу объ оказаніи противодѣйствія Англіи, вмѣшивавшейся въ турецкія дѣла подъ предлогомъ помощи угнетеннымъ армянамъ, которыхъ она всячески подстрекала къ возстаніямъ и къ безпорядкамъ на почвѣ національнаго и религіознаго человѣконенавистничества. Нельзя не видѣть въ этомъ оффиціальнаго признанія австрійскимъ государственнымъ мужемъ дипломатической побѣды за Россіей, которая, начиная съ кронштадтскихъ торжествъ, вообще, заняла первенствующее международное положеніе и за это время успѣла одержать цѣлый рядъ столь же знаменательныхъ безкровныхъ побѣдъ.

Великій канцлеръ Китая Ли-Хунгъ-Чангъ, воздавъ Россіи должную дань благодарности за избавленіе его отечества отъ наступательныхъ притязаній Японіи, отправился съ тою же миссіею въ Берлинъ. Но въ Берлинѣ онъ проронилъ неловкую фразу, дающую возможность думать, что онъ считаетъ на будущее время достаточною для Китая одинокую поддержку могущественной Германіи.

Въ Италіи общественное вниманіе было занято дѣломъ генерала Баратіери, котораго судъ, однако, оправдалъ за пораженіе 1-го марта и онъ выпущенъ уже на свободу.

Вѣроятно, тѣмъ же кончится и преданіе суду присяжныхъ Джемсона и его единомышленниковъ, которые уже, кстати, и освобождены отъ заключенія послѣ внесенія ими денежнаго залога.

Лондонскіе политическіе кружки, какъ извѣщалъ телеграфъ, поражены тѣмъ, что правительство отказывается огласить депеши, относительно состоявшагося якобы англо-итальянскаго соглашенія, по которому Великобританіи будетъ уступленъ Сомалійскій берегъ, а Германіи — Эритрея.

Въ южно-африканской области Матабеле происходятъ звѣрскія казни негровъ — ихъ вѣшаютъ и разстрѣливаютъ за то, что они исконные владѣльцы участковъ земли, которою насильственно завладѣли англичане.

Въ Африкѣ, вообще, неспокойно: материкъ этотъ представляетъ лакомый кусокъ для европейскихъ народовъ и тамъ постоянно происходятъ стычки и кровавые конфликты.

Изъ Каира извѣщаютъ, что подъ Фиркстомъ разбиты на голову дервиши, и въ руки англичанъ достался весь ихъ лагерь, причемъ съ англійской стороны не было ранено ни единаго солдата. Но тѣмъ не менѣе Кассала, по повелѣнію калифа, вновь осаждена дервишами.

Одновременно съ этимъ дѣломъ, британскій отрядъ, располагавшій усовершенствованнымъ оружіемъ, атаковалъ матабелей подъ Импи и разбилъ непріятеля на голову.

Во Франціи, въ колоніальной политикѣ ея, совершилась та перемѣна, что Мадагаскаръ объявленъ, наконецъ, колоніей. Что же касается внутренней жизни Франціи, то въ настоящее время въ республикѣ идетъ довольно обостренная борьба между правительствомъ и клерикалами, подъ вліяніемъ которыхъ бонапартисты и орлеанисты слились въ одну партію, какъ есть основаніе предполагать. Клерикальный духъ, охватывающій Францію, особенно ярко выразился въ процессіяхъ Тѣла Господня, устроенныхъ въ различныхъ частяхъ Франціи, несмотря на запрещенія мэровъ.

Что касается дѣлъ на далекой Кубѣ, то на островъ высадились двѣ группы добровольцевъ, образовавшіяся въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ полномъ комплектѣ. Въ испанскихъ войскахъ свирѣпствуетъ желтая лихорадка.

О прочихъ политическихъ событіяхъ и явленіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе этого времени, будетъ упомянуто въ слѣдующей нашей хроникѣ въ связи съ дальнѣйшими политическими фактами, что придастъ имъ связность въ особенности, когда выяснится достовѣрность тѣхъ или другихъ газетныхъ сообщеній.

Штрихи и контуры

Петербургскій фельетонъ

...Интимный обѣдъ у генерала Петра Меѳодьевича. Его превосходительство только что вернулся изъ Москвы и, съ цѣлью повидать „всѣхъ нашихъ“, устроилъ обѣдъ. Княгиня только скорбно покачиваетъ головою и все чаще и чаще задергиваетъ занавѣски своихъ безцвѣтныхъ глазъ. Адъютантъ молчаливъ и сосредоточенъ, такъ и кажется, что вотъ, вотъ откроетъ Америку. Fidonc безразлична; вообще, она ко всему относится безразлично кромѣ атлетовъ и своихъ стиховъ. Но атлеты всѣ уѣхали на гастроли, вѣрнѣе на заработки, а стихи при такой африканской жарѣ не пишутся.

Джемми является въ очень скромномъ, темномъ платьѣ съ изящнымъ, бархатнымъ мѣшечкомъ у пояса, на подобіе тѣхъ, какіе дамы носили въ средніе вѣка.

— Tien, c'est drole! замѣчаетъ княгиня, сверкнувъ на Джемми лорнетомъ, — qu'avez voux ma petite?

— Ничего особеннаго! весело отвѣчаетъ Джемми, — я сборщица пожертвованій!

— Въ чью пользу?

— Угадайте!

Княгиня терпѣть не можетъ никакихъ загадокъ, ничего таинственнаго. Книга жизни должна быть разогнута пополамъ, иначе она и читать ее не станетъ, тѣмъ болѣе, что, дочитавъ книгу собственной жизни почти до послѣдней страницы, она мало интересуется чужими.

— Петръ Меѳодьевичъ, угадайте! восклицаетъ Джемми.

— Экхм!.. Гм! Мнѣ кажется, что... что... это сборъ въ пользу семействъ „ходынцевъ“, нерѣшительно мямлитъ генералъ.

— Браво! Вы угадали! вскрикиваетъ Джемми и хлопаетъ маленькими ладонями, — браво, браво! За это вы пользуетесь правомъ внести наименьшую сумму — полуимперіалъ.

— Позволите внести два! любезно освѣдомляется генералъ.

— Причемъ второй за меня, если ужъ вамъ такъ необходимо Джемми, — въ принципѣ я рѣшила никогда, никому ничего не жертвовать.

— Очень опредѣленно, но принципъ довольно странный! замѣчаетъ адъютантъ.

— Даже очень странный! поправляетъ княгиня, — впрочемъ, нынѣшніе люди всѣ со странностями. Напримѣръ: Джемми! Зачѣмъ вы надѣли этотъ сакъ? Правда, онъ изященъ и... даже идетъ къ вамъ, но...

— Вотъ видите! восклицаетъ Джемми, — значитъ, во первыхъ, изъ кокетства, оно уже присуще всѣмъ намъ, во вторыхъ, я предпочитаю бумажкамъ — золото, въ третьихъ, появляясь съ этимъ мѣшечкомъ, я сразу афиширую себя. Никто не можетъ уклониться!

— Совершенно вѣрно! подтверждаетъ генералъ, подавая два золотыхъ. И мы всѣ, кромѣ Fidonc, внесли свою лепту.

* * *

Къ концу обѣда понемногу начала выясняться причина недовольства Петра Меѳодьевича. Генералъ былъ недоволенъ Москвой.

— Была и осталась большою деревней! ворчалъ онъ.—нисколько не прогрессируетъ въ смыслѣ культуры, а если... экхм... и прогрессируетъ, то какъ-то странно, на свой, московскій ладъ. Городъ, можетъ быть, и интересный по самобытности, но намъ, петербуржцамъ, такая самобытность, не по нутру. Какъ ни какъ, а мы живемъ согласно законамъ... экхм... Законамъ общежитія, приличія, законамъ прогресса и культуры, хотя бы пересаженнымъ къ намъ съ запада, у нихъ же — всякъ молодецъ на свой образецъ и „нраву моему не препятствуй!“ А главное, что въ Петербургѣ я знаю, чего я могу ожидать тамъ-то и тамъ-то. Тутъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ случайностей! Утромъ, въ опредѣленный часъ, швейцаръ подаетъ въ мою квартиру газеты. Это удобно. А мой московскій швейцаръ, экхм... вмѣсто исполненія своей обязанности, побѣжалъ смотрѣть на приготовленія къ иллюминаціи! Это утромъ-то!

— А вотъ у насъ проектируется клубъ швейцаровъ! мягко замѣтилъ адъютантъ.

— Вздоръ! Утопія! оборвалъ Петръ Меѳодьевичъ, — никогда такого клуба не будетъ! Наши швейцары — народъ дисциплинированный! Ну, хорошо — и, это швейцаръ! А вотъ вамъ московскіе извозчики, почти поголовно рязанцы, — народъ грубый, ограниченный. Петербургскій извозчикъ знаетъ, куда васъ везетъ, знаетъ, какой стороны держаться, — этотъ же знаетъ только махать кнутомъ, задѣвалъ сѣдока по лицу, и вы же должны указывать ему, куда ѣхать. И потомъ это страшное обиліе на улицахъ мужичья, которое претъ на проломъ, не взирая ни на что, не давая себѣ труда посторониться. Вотъ вамъ и ваши „ходынцы!“ язвительно обратился генералъ къ Джемми. Относительно благоустройства города я ужъ не говорю: тучи пыли до поливки и море грязи послѣ; а вонь, — passer mois le mot, — постоянная! Я самъ... да, впрочемъ...

Генералъ оглянулся, и, увидя наглухо закрытые занавѣски глазъ у княгини, замолкъ.

— А я люблю Москву! воскликнула Джемми,— не знаю за что, но люблю!

— Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ! ввернулъ адъютантъ.

Дипломатъ тонко, чисто дипломатически улыбнулся.

— Да! продолжалъ Петръ Меѳодьевичъ, а поживете годъ въ Москвѣ и вамъ придется ѣхать въ Висбаденъ лечить вашу печень! Нѣтъ, нѣтъ, не говорите мнѣ о Москвѣ! Родился въ Петербургѣ, шестой десятокъ живу въ немъ, и молюсь Господу тутъ же умереть! Въ Москвѣ я совсѣмъ расхворался! Богъ съ ней! Вина порядочнаго нигдѣ не могъ найти, — все фальсификація. Петръ Меѳодьевичъ налилъ себѣ вина, любовно посмотрѣлъ на стаканъ и съ какимъ-то особеннымъ жестомъ уваженія поднесъ его къ губамъ...

* * *

Я слушалъ брюзжанье генерала, мимоходомъ прислушивался къ causerie Fidonc съ Джемми, смотрѣлъ на адъютанта и дипломата, всегда сдержаннаго, утонченно корректнаго, на прислуживавшаго намъ стараго Якова, видимо очень обрадованнаго возвращеніемъ своего барина и что-то пріятное, спокойное, *семейное* овладѣвало мною.

По правдѣ сказать, не видя почти три недѣли своего общества, я соскучился по немъ, соскучился даже по княгинѣ, хотя, нечего грѣха таить, скучная старуха частенько наводила на меня грусть.

Ахъ, читатель, и въ грусти можно обрѣсть наслажденіе. Вѣдь находилъ же Достоевскій наслажденіе въ зубной боли, а грусть... да это такое, подчасъ, бываетъ сладкое чувство. Осень... Роща, гдѣ весною пѣли цѣлые хоры птицъ, замолкла и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ свой уборъ. По холодному, безотрадному небу мчатся сѣрыя, огромныя тучи; проглянетъ, на минуту, солнышко и грустно улыбнется какъ тяжко больной. А вѣтеръ шумитъ, и мечетъ, и злится, и, кажется, конца не будетъ его тоскливому завыванью въ печной трубѣ. Сидишь и слушаешь, какъ завываетъ вѣтеръ, смотришь какъ кружатся въ воздухѣ оборванные листья, какъ на побурѣвшемъ, взмокшемъ отъ дождей, полѣ стелятся быстро бѣгущія тѣни облаковъ и сладко-тоскливое чувство закрадывается въ душу. Это чувство *конца*, полнаго, абсолютнаго покоя, когда все уже испытано и пережито, главное все молодое и хорошее, отъ всего остались обрывки воспоминаній, которыми только и полна усталая душа, а впереди... смерть. Тяжело умирать, — хорошо умереть! И я люблю смотрѣть на старыхъ людей, которые возбуждаютъ во мнѣ такую грусть. Конечно, не всѣ старые люди таковы. Иной красится, затягивается въ корсетъ и всѣми силами старается обмануть природу. Такіе люди производятъ впечатлѣніе гальванизированныхъ труповъ; они страшны и противны.

Но когда я вижу княгиню, эту нѣкогда блестящую, свѣтскую красавицу, потомъ почтенную мать семейства, а нынѣ одинокую, всѣми оставленную старуху, когда я вижу эту сѣдую старуху, замолкнувшую, гордо замкнувшуюся въ самое себя и спокойно, безъ суетливой трусости, безъ ропота на судьбу ожидающую смерти, на душѣ моей становится какъ-то тепло. „Такъ умираютъ старые олени“! думается мнѣ, „они уходятъ въ чащу лѣса, далеко, далеко отъ своихъ, и стоятъ, пока не подогнутся колѣни. Благородство крови сказывается и въ животныхъ!

* * *

Мы съ княгиней опять поѣхали на „стрѣлку“, представляющую, въ настоящее время, подобіе Булонскаго лѣса. Длинной вереницей тянулись всевозможные экипажи, конечно, самой послѣдней, самой модной конструкціи. Ярко блестѣла при солнцѣ ихъ лакировка. Въ глубокой тишинѣ, сопровождавшей блестящій кортежъ экипажей мелодично звучали стальные, обрызганные пѣной, удила лошадей, и шелестили по песку резиновыя шины колесъ.

Полнѣйшее сліяніе „свѣта“ съ „полусвѣтомъ“ и отчаянное соревнованіе въ костюмахъ. Изъ тѣхъ, кто дефилируетъ передо мною въ своихъ экипажахъ, я знаю многихъ, что любятъ показать себя на прогулкѣ и не любятъ, если хоть нечаянно заглянуть въ ихъ дѣла. Вотъ „американецъ“, прозванный такъ за свою американскую бородку, биржевой игрокъ и темный дѣлецъ, вотъ другой, длинный и сухой какъ высосанная спаржа, извѣстный газетный шантажистъ, вотъ и еще... но довольно!..

Въ то время какъ всѣ съ наилюбезнѣйшими улыбками раскланиваются другъ съ другомъ, мужчины приподнимая блестящіе цилиндры, дамы кивая, монструозными шляпками — княгиня сидитъ неподвижно, какъ восковая фигура и едва удостаиваетъ кивкомъ двумъ почтеннымъ матронамъ и гвардейскому офицеру, свѣжему и жизнерадостному какъ майское утро.

— Троюродный племянникъ! поясняетъ мнѣ старуха, — бываетъ же такое родство! Милый мальчикъ, но легкомысленъ, безпутенъ, горячая голова. Несчастіе родителей! Шоль какъ будто его имѣлъ въ виду, сказавши свою басню. Кстати онъ и женится собирается.

— Какой Шоль? Aurelien Scholl?

— Ну, да! Слышалъ, поди, про него?

— Какъ же! Извѣстный острякъ, писатель экспромптовъ, persona grata при Наполеонѣ III.

— Вотъ, вотъ! А басню его знаешь?

— Какую? У него ихъ много.

— Да вотъ, про такихъ вотъ безумныхъ, какъ племянничекъ? Не знаешь, ну слушай:

Un jeune homme de moeurs solage,
Le lendemain de son mariage
Tua sa femme à son reveil.
Morale:
La nuit porte conseil!

— По моему, княгиня, эта басня относится скорѣе къ женщинамъ и указываетъ на то, съ какою предусмотрительностью нужно выбирать себѣ подругу жизни.

— Ну, да, у васъ, мужчинъ, все такъ! Все жена виновата! Вамъ ни почемъ ее и зарѣзать. Почитай-ка въ газетахъ: все убійство, да убійство мужемъ жены...

— Что дѣлать, княгиня. „Жестокіе нравы въ нашемъ городѣ“.

— Охъ, голубчикъ, не въ одномъ нашемъ! покачала головою старуха, — повсемѣстно въ Россіи! Нѣтъ, испортился, избаловался народъ! Я давно это говорю! Только меня не слушаютъ! Думаютъ: „брюзжитъ старуха!“ Стой, Матвѣй! Здѣсь мы выйдемъ!

* * *

Комическая оперетка въ камерѣ мирового судьи 13 участка. Дѣйствующія лица: арабы,— не вымазанные голландской сажей охотники до чужой собственности,—а настоящіе, правовѣрные арабы Хаджи Гассанъ и Шерифъ Хаджи; затѣмъ арабы свидѣтели, переводчикъ, мальчикъ и секретарь турецкаго посольства и переводчики — караимы съ табачныхъ фабрикъ.

Оба араба обвиняются въ похищеніи, при покупкѣ чая, изъ кассы магазина Мартынова сто рублевой бумажки. Пришли, заглядѣли по своему, потребовали чаю и ушли, а послѣ ихъ ухода обнаружилась пропажа ста рублей. Всѣ приказчики магазина на судѣ показываютъ разно: никто не можетъ опредѣлить время поступленія въ кассу бумажки, никто факта кражи не видѣлъ, кромѣ одного, который показываетъ, что видѣлъ, какъ одинъ арабъ засунулъ руку въ ящикъ кассы и, вѣроятно, (?) взялъ. Довольно странный, чисто арабскій способъ покупки чая! Однако, на судѣ понемногу выясняется, что появленіе столь небывалыхъ покупателей въ ихъ національныхъ костюмахъ, заставило и приказчиковъ и хозяина раскрыть ротъ отъ изумленія. Извѣстно, что ратозѣйство наша—исконная черта.

Приказчики до такой степени были поражены появленіемъ чудныхъ покупателей, что всѣ трое выдали въ кассу ордера на одну и ту же покупку, а самъ хозяинъ, чтобы вдосталь налюбоваться арабами вышелъ изъ кассы и не задвинулъ ящика. Недоставало фанфаръ и пѣнія хоромъ. Затѣмъ арабы ушли и присоединились на улицѣ къ толпѣ изъ 40 человѣкъ своихъ соотечественниковъ. Минутъ черезъ 15 хозяинъ магазина обнаружилъ пропажу и пустилъ своихъ молодцовъ въ погоню за арабами. Путешественники были отправлены въ участокъ, тамъ ихъ обыскали, нашли болѣе 800 рублей золотомъ и ни одной сторублевой бумажки.

У восточныхъ путешественниковъ оказался старшина, который, для вящаго убѣжденія судьи въ невиновности соотчичей и въ томъ, что у нихъ, какъ у людей съ деньгами, не могло быть никакого побужденія къ кражѣ, высыпалъ на судейскій столъ кучу золотыхъ и заявилъ, что у нихъ этого золота болѣе, чѣмъ на двѣ тысячи рублей. Это, должно быть, тоже чисто арабскій способъ доказательства невиновности.

Видимо неудовлетворенные объясненіями своихъ переводчиковъ на судѣ, обвиняемые волновались, возражали, перебивали другъ друга и вошли въ такой экстазъ, что тутъ же, въ камерѣ подрались. Гассанъ хватилъ Шерифа кулакомъ по головѣ. Получивъ столь энергичное внушеніе, Шерифъ, по обычаю родины, сѣлъ на полъ, подогнувъ подъ себя ноги. Тоже самое сдѣлалъ и ударившій его.

Эта живая картина явилась столь неожиданной и эффектной, въ такомъ примиряющемъ духѣ подѣйствовала на судью, что тотъ за отсутствіемъ уликъ обоихъ обвиняемыхъ призналъ невиновными.

Въ заключеніе, обнаружилось, что купленнаго арабами чая у нихъ, при обыскѣ, не оказалось. Куда же дѣвался чай? Хорошенькая тема для загадочной картинки!..

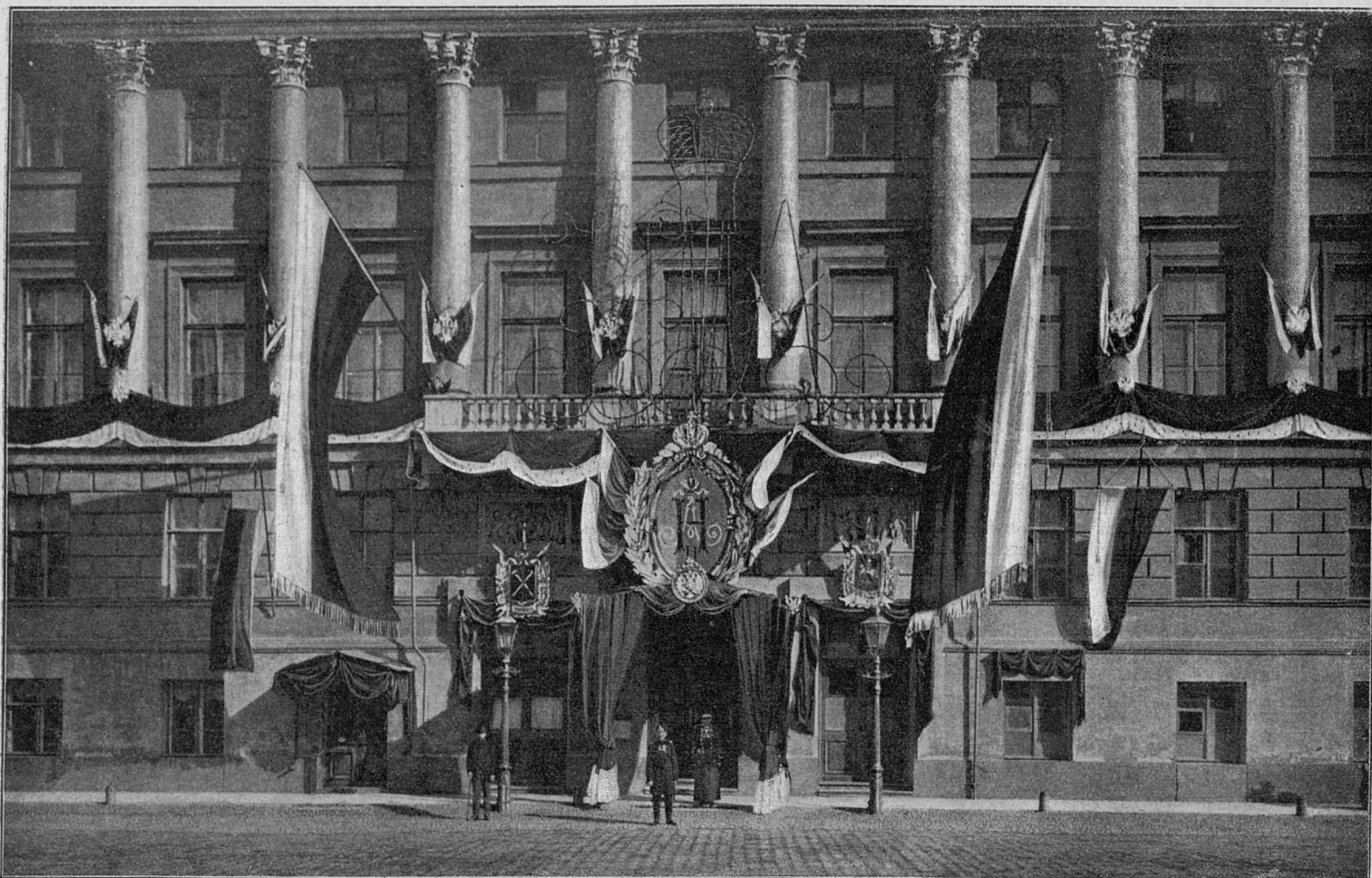
Сарматъ

МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ

Очерки и наброски

Москва пустѣетъ. И это тѣмъ замѣтнѣе, что послѣ дня Священнаго Коронованія жизнь долго еще била могучимъ, шумнымъ ключемъ. Прошелъ день великаго торжества, погасли озарявшія городъ волшебныя иллюминаціи, но ярче всѣхъ огней и электрическихъ солнцъ горѣла никогда не угасающая любовь народа къ Царю. На улицахъ была все та же нарядная, чистенькая толпа, все тѣ же, сіяющія, довольныя лица. Люди это время почти жили на улицѣ, такъ какъ теперь уже постоянно, безъ всякой торжественной обстановки, представлялись очень удобные случаи безъ толкотни и на близкомъ разстояніи увидѣть Государя и обѣихъ Государынь.

А толпа, дѣйствительно, все это время у насъ какая-то „новенькая“. Въ каретахъ, бывало, мчатся боярыни и боярышни въ парчевыхъ сарафанахъ, шелковыхъ фатахъ и въ бриллiантахъ, а тутъ же на панеляхъ пестрѣютъ яркіе ситцы и

Убранство зданія с.-петербургскаго градоначальства и столичной полиціи на Гороховой улицѣ.

Убранство дома с.-петербургскаго купеческаго общества на Невскомъ проспектѣ.

Съ фотографій К. К. Булла. Автотипіи Эд. Гоппе.

С.-Петербургъ. — Празднованіе дня Священнаго Коронованія.

Декорація зданія городской думы на Невскомъ проспектѣ.

Съ фотографіи К. К. Булла. Автотипія Эд. Гоппе.

С.-Петербургъ. — Празднованіе дня Священнаго Коронованія.

Татарское молебствіе на Юнусовской площади.

Съ фотографіи любителя И. И. Айтуганова. Автотипія Эд. Гоппе.

Казань. — Празднованіе дня Священнаго Коронованія 15-го мая с. г.

кумачъ съ самыми причудливыми разводами, самыхъ праздничныхъ узоровъ, на головахъ новенькіе шелковые платочки. Можно съ увѣренностью сказать, что каждая баба сшила себѣ къ коронаціи, какъ къ празднику, новое платье.

Иностранные художники, привыкшіе для своихъ иллюстрированныхъ изданій рисовать русскихъ мужиковъ не иначе, какъ въ видѣ какихъ-то гориллъ или косматыхъ каннибаловъ съ острововъ Фиджи, на каждомъ шагу поражаются теперь при видѣ этой опрятной толпы, разряженной въ красный, зеленый, голубой цвѣта, и то и дѣло восклицаютъ:

— Tiens! mais c'est pittoresque, ça!...

— То-то! Питтарескъ!.. воскликнулъ какъ-то подвернувшійся при этомъ толстый московскій купецъ угрюмаго вида, изъ породы мизантроповъ,—а вы, черти, думали, что мы и въ правду такія обезьяны, какими вы насъ малюете. Мы вамъ еще и не такого „питтареску" можемъ показать. Пожалуй, и дома у себя того не увидите.

Нельзя сказать, чтобы купецъ былъ неправъ. Въ западной Европѣ, дѣйствительно, живописная, красивая толпа добраго стараго времени отошла въ область преданій. Нѣчто напоминающее ее можно встрѣтить развѣ только въ самыхъ отдаленныхъ отъ центровъ, забытыхъ уголкахъ, гдѣ нибудь въ горахъ Испаніи, въ Валлисѣ и т. п. Обычное же деревенское населеніе совершенно уже обуржуазилось и представляетъ изъ себя повсюду такую же сѣренькую, однообразную массу, какъ и все нынѣшнее человѣчество, выряженное современною цивилизаціей въ монотонные и совершенно одинаковые сюртуки, пиджаки, котелки и проч., отъ вида которыхъ древній грекъ или средневѣковый рыцарь, пожалуй, попадали бы въ обморокъ. Во всякомъ случаѣ, въ большихъ европейскихъ городахъ не увидишь такой толпы, какъ у насъ, потому что тамъ ни одинъ пейзанъ не рискнетъ показаться въ городъ, не принявъ предварительно вида буржуа.

Но вернемся къ прежнему. Послѣдніе дни московскихъ празднествъ проходили, какъ извѣстно, въ оффиціальныхъ балахъ и пріемахъ. Нечего и говорить, что всѣ эти балы поражали сказочною роскошью и ослѣпительнымъ блескомъ. Это были калейдоскопы молодости, красоты и родовитости. Сливки не только русской, но, можно сказать, самой родовитой аристократіи всего міра собрались на нихъ.

Очень интереснымъ вышелъ вечеръ въ присутствіи Ихъ Величествъ въ германскомъ посольствѣ. Это былъ не обыкновенный балъ съ танцами, а театрально-музыкальный вечеръ и видно было по всему, что идея его исходила отъ германскаго императора лично. Концертъ былъ очень обширенъ, заключалъ въ себѣ 10 вокально-инструментальныхъ нумеровъ и начался игрою знаменитаго берлинскаго филармоническаго оркестра, который въ полномъ составѣ со своимъ извѣстнымъ дирижеромъ г. Мукъ пріѣзжалъ для этого всего на одинъ день въ Москву. Въ вечерѣ участвовалъ знаменитый артистъ Барнай, для котораго были поставлены 2 дѣйствія изъ драмы Шиллера „Валленштейнъ". Антуражъ г. Барная представлялъ также много интереса,—это были лучшія силы всѣхъ придворныхъ, германскихъ театровъ (Берлина, Веймара, Висбадена, Дармштадта).

Но самымъ интереснымъ было участіе въ вечерѣ талантливаго, главнаго режиссера берлинскаго театра г. Макса Грубе. Грубе родился у насъ въ Россіи, въ Юрьевѣ. Его отецъ былъ профессоромъ зоологіи дерптскаго университета. Онъ игралъ въ извѣстной, надѣлавшей у насъ такого шума, труппѣ мейнингенцевъ, а съ 1889 года состоитъ въ настоящей должности и успѣлъ уже поставить берлинскую Schauspielhaus на значительную высоту. Грубе очень извѣстенъ за границей, какъ рьяный пропагандистъ русскаго искусства, поставившій въ прошломъ году съ огромнымъ успѣхомъ нашего „Ревизора" на берлинской придворной сценѣ, а также „Мѣсяцъ въ деревнѣ" Тургенева подъ названіемъ „Natalie".

Узнавши, что Барнай въ Москвѣ, наши расторопные антрепренеры, конечно, стали осаждать его самыми заманчивыми предложеніями. Но Барнай, какъ истый нѣмецъ, остался вѣренъ себѣ: разъ отказавшись отъ сцены съ тѣмъ, чтобы никогда больше не выступать, онъ не поддался искушенію и отклонилъ всѣ эти предложенія.

* * *

Какъ извѣстно, блестящее во всѣхъ отношеніяхъ теченіе нынѣшнихъ коронаціонныхъ торжествъ омрачилось у насъ, къ сожалѣнію, прискорбнымъ событіемъ. Я говорю о происшествіи въ день народнаго гулянья, 18-го мая, на Ходынскомъ полѣ, гдѣ стремительный, внезапный натискъ болѣе чѣмъ полумилліонной толпы вызвалъ катастрофу, стоившую столькихъ жертвъ. Число погибшихъ, по точнымъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, слишкомъ 1.300 человѣкъ, общее же число убитыхъ и раненыхъ до 2.000 человѣкъ.

Производящееся строгое слѣдствіе по этому дѣлу раскроетъ, разумѣется, истинныя причины катастрофы. Конечно, жертвъ не вернуть. Но теплое участіе къ пострадавшимъ и щедрая, истинно царская, помощь, оказанная Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей осиротѣлымъ семьямъ и дѣтямъ погибшихъ, явились огромнымъ утѣшеніемъ въ горѣ и сильно смягчили послѣдствія рокового несчастья.

Московскій зритель

ВЕЧЕРЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ

Еще на небѣ ночь огней не зажигаетъ,
А гомонъ стадъ умолкъ... Прощальнымъ вздохомъ дня
Вечерняя заря туманится и таетъ...

И долго въ тишинѣ, отчетливо звеня,
Дрожитъ и носится протяжный окликъ женскій,
Оборванная пѣснь и ржаніе коня,
Собачій лай и скрипъ калитки деревенской.

Но съ первою звѣздой за звукомъ гаснетъ звукъ
И съ тьмою тишина плыветъ, чаруя землю...
Невѣдомой тоской душа полна... И вдругъ
Я замеръ, затаилъ дыханіе и внемлю:

Въ вечернемъ воздухѣ, дрожащемъ какъ струна,
Волнуя, радуя и что-то обѣщая,
Бубенчикъ прозвенѣлъ... Всплеснулась тишина,
Клубится пыль вдали, и тройка удалая,
Гляди, какъ барельефъ чугунный, въ полутьмѣ
На фонѣ золотомъ застыла на холмѣ.

Сюда! Сюда!?.. Увы, промчались кони мимо
И только стукъ копытъ, валдайской мѣди звонъ
Да сердца быстрый стукъ твердятъ неумолимо,
Что то былъ не миражъ, не грезы и не сонъ...

А. Федоровъ

НЕПОПРАВИМОЕ

Разсказъ

Н. Н. ЮРЬИНА

Всю дорогу отъ дома до Смоленскаго кладбища Равинскій напрасно старался найти то настроеніе, которое, какъ ему казалось, само должно было бы придти къ нему, еслибы онъ былъ человѣкъ „какъ всѣ". Развѣ не странно было, въ самомъ дѣлѣ, провожая къ мѣсту вѣчнаго успокоенія единственнаго близкаго человѣка, который у него еще оставался — сестру,— думать въ то же время о разныхъ постороннихъ вещахъ, развлекаться разными „мелочами", какъ онъ упрекалъ себя мысленно. Правда, что съ сестрою онъ послѣднія пять или шесть лѣтъ мало видѣлся и лишь изрѣдка переписывался. Она вышла замужъ, уѣхала съ мужемъ куда-то въ глушь, страдала отъ семейныхъ неурядицъ, которыя тщательно скрывала отъ постороннихъ глазъ. Послѣ смерти мужа, всего лишь мѣсяца три назадъ, она пріѣхала къ брату, и онъ сталъ горячо уговаривать ее навсегда остаться у него на правахъ хозяйки. Отъ этого она и сама, повидимому, была не прочь, и они уже строили разные планы, касавшіеся ихъ совмѣстной жизни. И вотъ легкая простуда, которой вначалѣ никто не придавалъ большаго значенія, пока больная не слегла,—пролежала она всего нѣсколько дней — и затѣмъ конецъ, всему конецъ.

Планамъ не суждено никогда осуществиться, и онъ снова остается тѣмъ же бобылемъ, до котораго никому нѣтъ дѣла, какимъ былъ и до сихъ поръ.

Но, какъ будто на зло этимъ печальнымъ мыслямъ, струйка бодраго и жизнерадостнаго настроенія врывалась въ его душу. Утро было весеннее, сверкавшее ослѣпительнымъ блескомъ, и въ этомъ блескѣ даже похоронное шествіе утрачивало свою мрачность и невольно вниманіе останавливалось прежде всего на томъ, что въ немъ было живописнаго. На кладбищѣ кресты и памятники, въ цвѣтахъ и вѣнкахъ, казались такими нарядными, что при видѣ ихъ не являлось мысли о смерти и тлѣніи. Даже почернѣвшія отъ времени печальныя мраморныя дѣвы, опиравшіяся на урны, казалось, глядѣли не такъ меланхолично, какъ всегда.

Проходя по дорожкѣ отъ кладбищенской церкви къ могилѣ, Равинскій успѣвалъ, по издавна усвоенной привычкѣ, прочитывать надписи на монументахъ и дѣлать про себя критическія замѣчанія. „Вдовѣ генералъ-лейтенанта Образцовой" — гласила надпись на громадной гранитной колоннѣ. „Господи, какой обелискъ!" подумалъ онъ, „не хуже, чѣмъ „Румянцева побѣдамъ"... За какія это побѣды у домашняго очага воздвигнуто такое надгробіе супругѣ браваго генерала?"

„И все это не то!" съ досадой прервалъ онъ самъ себя. „Совсѣмъ мнѣ это не интересно. А вотъ, что хотѣлось бы мнѣ узнать — кто *она?*"

Она — это была молодая женщина, одѣтая вся въ черномъ, которую онъ замѣтилъ еще у подъѣзда дома, когда выносили гробъ, и которая до самаго кладбища провожала покойницу. Лицо ея казалось Равинскому страшно знакомымъ, — даже какъ будто что-то родное было въ немъ, — и все-таки онъ не могъ вспомнить, гдѣ и когда онъ ее видѣлъ. И еслибы онъ захотѣлъ поглубже заглянуть въ свою душу, то долженъ бы былъ сознаться, что его бодрое жизнерадостное настроеніе происходило не только отъ весенняго воздуха и весенняго солнца, но и оттого еще, что тутъ рядомъ шла *она*, которую онъ хотѣлъ и не могъ узнать.

Когда могильщики торопливо и грубо стали забрасывать, только что опущенный въ яму, гробъ землею,—Равинскій вдругъ почувствовалъ угрызенія совѣсти, что онъ такъ мало въ сущности тронутъ, прощаясь навѣки съ сестрой. Онъ рѣшилъ хоть на нѣсколько минутъ остаться одному около могилы, когда всѣ разойдутся. Въ это

время *она* подошла къ нему и, застѣнчиво улыбаясь и какъ бы избѣгая встрѣтиться съ нимъ взглядомъ, спросила.

— Вы меня не узнаете?

Но онъ уже узналъ. Какже, онъ ее очень хорошо помнитъ. Клавдинька, какъ ее всѣ называли, — полное ея имя было Клавдія Васильевна Колчина, — теперь онъ даже удивился, какъ это онъ не призналъ ее сразу. И сдѣланное имъ открытіе, что его незнакомка никто иная, какъ Клавдинька, нѣсколько разочаровало его. Онъ ожидалъ какого-то другого рѣшенія занимавшей его загадки.

— Вы не зайдете ко мнѣ? неувѣреннымъ голосомъ спросила она и сейчасъ же поторопилась сообщить свой адресъ.

Онъ отвѣтилъ, что „постарается". Это значило, что онъ уже заранѣе рѣшилъ, что не пойдетъ. Къ чему?

Однако, пока онъ ѣхалъ домой, мысль его все время возвращалась къ ней. Такъ это Клавдинька... Сколько лѣтъ онъ ея не видѣлъ? Кажется, восемь. Да, восемь — Равинскій тотчасъ же разсчиталъ это.

Тогда такія женщины ему совсѣмъ не нравились. Она была изъ „простенькихъ". Онъ считалъ ее незначительной и неглубокой и мало удѣлялъ ей вниманія, хотя видѣлся съ нею чуть не каждый день. Клавдинька была самая близкая подруга его сестры Сони, и обѣ онѣ другъ безъ друга жить не могли.

А ея „исторія?". Равинскій вспомнилъ и исторію, всю до мелочей. Припомнилось ему, какъ Соня часто разсказывала ему, смѣясь, про ухаживанья за Клавдинькою старика Мытищева. Клавдинька жила у матери, которая держала дочь въ строгости и не позволяла ей „баловаться". Мытищевъ приходился имъ какимъ-то дальнимъ родственникомъ и, кромѣ того, какъ человѣкъ уже не молодой, у котораго къ тому же были взрослыя дочери, возрастомъ чуть ли не старше Клавдиньки, внушалъ матери молодой дѣвушки полное довѣріе. Зато онъ и пользовался этимъ. Потихоньку отъ старухи онъ носилъ Клавдинькѣ конфекты и цвѣты, давалъ ей читать книжки сомнительнаго содержанія; оставаясь наединѣ, нѣжно пожималъ ей ручки и даже возилъ раза два или три на тройкѣ въ какое-то загородное увеселительное заведеніе, гдѣ они сначала слушали пѣніе цыганокъ, а потомъ пили шампанское. Клавдинька со смѣхомъ разсказывала обо всемъ Сонѣ, а та со смѣхомъ же передавала это брату. Такой веселый старикъ и такъ у него все это смѣшно выходитъ!.. А что мать обманываютъ, такъ ей такъ и надо — зачѣмъ она не даетъ Клавдинькѣ шагу ступить свободно. И Соня удивлялась—отчего Ваня ея не смѣется, когда она ему разсказываетъ такія вещи. Но Ваня не былъ такъ наивенъ, какъ двѣ только что начинавшія знакомиться съ жизнью дѣвочки, и очень хорошо понималъ, чего добивается Мытищевъ. Къ тому же ему случайно привелось узнать кое-что изъ прошлаго старика: грязныя исторіи, и всѣ онѣ кончались одинаково. У Мытищева были уже свои, выработанные опытомъ и „испытанные", пріемы, которые онъ пускалъ въ ходъ для соблазна молоденькихъ швеекъ, горничныхъ и боннъ. До сихъ поръ все сходило ему съ рукъ благополучно, и хотя бывали иногда „послѣдствія" у соблазненныхъ имъ дѣвушекъ, но онъ находилъ что это въ порядкѣ вещей и потому, мало печалясь о дальнѣйшей участи этихъ „послѣдствій", предоставлялъ ихъ собственной судьбѣ.

Сначала Равинскій возмутился, когда узналъ, что Мытищевъ старается завлечь въ свои сѣти и Клавдиньку. Хотя онъ былъ къ ней совсѣмъ равнодушенъ, но даже такъ просто, „по человѣчеству", жалость его охватывала, когда онъ представлялъ себѣ картину паденія молодой, неиспорченной еще, дѣвушки — и изъ-за чего же? Чтобы доставить развращенному старику нѣсколько пріятныхъ часовъ и затѣмъ быть покинутой имъ. Нѣтъ это надо предупредить, во что бы то ни стало. Но какъ это сдѣлать? Переговорить объ этомъ съ сестрой. Но какъ объяснить ей вещи, о которыхъ она еще и понятія не имѣетъ? Лучше обратиться прямо къ Мытищеву и дать ему почувствовать, что его карты раскрыты и что ему ничего не остается болѣе, какъ отказаться отъ выполненія своего плана. А дальше?...

Равинскій сейчасъ же представилъ себѣ, какъ Мытищевъ, со своею отвратительною циническою усмѣшкою, будетъ слушать его, какъ сначала будетъ притворяться, что не понимаетъ, чего онъ отъ него хочетъ, какъ, наконецъ, скажетъ съ ироническими подчеркиваніями въ голосѣ: „Представьте себѣ, я и не подозрѣвалъ, что вы находитесь въ такихъ отношеніяхъ къ молодой особѣ, которыя даютъ вамъ право такъ нѣжно заботиться объ охранѣ ея невинности... Поздравляю... поздравляю..."

Ну, да это все, положимъ, пустяки, на это не стоитъ обращать вниманія. Но Мытищевъ, конечно, не утерпитъ, чтобы не поддразнить Клавдиньку насчетъ того, что у нея явился новый „защитникъ и покровитель". Что подумаетъ обо всемъ этомъ она? Сейчасъ же вообразитъ себѣ, что онъ втихомолку влюбленъ въ нее, и будетъ ожидать отъ него рѣшительнаго объясненія. Навѣрное будетъ стараться ободрить его, чтобы онъ смѣлѣе приступилъ къ дѣлу. Какъ все это глупо!.. И какъ досадно, что все это такъ запутывается и самой простой вещи нельзя сдѣлать безъ того, чтобы это не повлекло за собою тысячи непріятныхъ послѣдствій. Во всякомъ случаѣ, прежде, чѣмъ на что нибудь рѣшиться, надо хорошенько все обдумать.

Обдумывалъ онъ довольно долго и рѣшилъ, наконецъ, махнуть на все это рукой. Зачѣмъ ему вмѣшиваться, что ему за дѣло до всей этой исторіи? Можетъ быть, Клавдинька, и безъ того отлично понимаетъ, куда идетъ и сама только и ждетъ, чтобы кто нибудь ей „помогъ упасть". „Какого дурака я тогда разыграю", думалъ онъ, „Господи, какого дурака!.."

На этомъ онъ успокоился, тѣмъ болѣе, что Клавдинька стала бывать у нихъ рѣже, чѣмъ прежде, и разсказы сестры объ ухаживаньяхъ Мытищева прекратились. И вдругъ разразился скандалъ. Клавдинька сбѣжала изъ дому матери. Она поселилась въ квартирѣ, которую нанялъ для нея Мютищевъ, и открыто заняла положеніе его „второй жены". Спустя нѣсколько времени пошли слухи: у Клавдиньки родился ребенокъ. Вскорѣ послѣ этого ея старуха мать умерла, она не могла перенести позора, свалившагося на ея голову. Мытищевъ недолго оставался вѣренъ Клавдинькѣ: подвернулось какое-то новое увлеченіе, и онъ бросилъ молодую дѣвушку. Сначала онъ выдавалъ ей какіе-то гроши „на ребенка", но и эта помощь скоро прекратилась. Клавдинька страшно бѣдствовала, однако же ребенка оставила при себѣ и ни за что не хотѣла съ нимъ разстаться. Впрочемъ, онъ и года не выжилъ, такой онъ былъ слабенькій и тщедушный. Клавдинька осталась въ полномъ смыслѣ слова одна, такъ какъ, конечно, родные знать ея не хотѣли послѣ „исторіи". О ней еще поговорили нѣкоторое время да и забыли, какъ будто ея никогда и на свѣтѣ не бывало. Равинскій понятія не имѣлъ, гдѣ она, да и мало интересовался этимъ. Вся ея исторія съ Мытищевымъ возбуждала въ немъ брезгливое чувство, и онъ находилъ, что Клавдинька не заслуживаетъ того, чтобы удѣлять ей вниманія.

Итакъ, она опять появилась на горизонтѣ. Равинскій долженъ былъ сознаться, что она очень измѣнилась къ лучшему. Той „незначительности", благодаря которой онъ прежде равнодушно проходилъ мимо нея, не осталось и слѣда.

Онъ нашелъ, что теперь въ Клавдинькѣ было и что-то удивительно женственное, и въ то же время чувствовалась въ ней какая-то испорченность... То есть не то чтобы испорченность, но что-то странное и необычное есть въ ея лицѣ, „какъ будто ей знакомы тайны жизни, о которыхъ не всѣ имѣютъ понятіе", рѣшилъ онъ въ умѣ.

Однако что же это? О чемъ ни начнетъ онъ думать, кончается тѣмъ, что мысль его возвращается къ ней. Дома онъ взялся за книгу и хотѣлъ заставить себя думать о томъ, что читаетъ, но не могъ. „Что же она такое?" задавалъ онъ себѣ вопросы. „Загадка? Сфинксъ? Какимъ образомъ въ ней не было раньше *ничего*, а теперь явилось *что-то*? Значитъ, были же у нея для этого какіе нибудь задатки и раньше, только онъ не замѣчалъ ихъ въ то время. Глупъ еще былъ, понималъ только рѣзкое, подчеркнутое, преувеличенное... Но какъ бы узнать, какою она была тогда?"

Мысль пришла, наконецъ; какъ это раньше она не явилась ему? Сестра его аккуратно хранила всѣ письма, которыя получала. Еще недавно они вспоминали вмѣстѣ прошлыя времена. Соня при немъ достала свой „архивъ", цѣлый деревянный сундучекъ, биткомъ набитый бумагами, и разыскала тамъ письма, которыя онъ ей писалъ, когда студентомъ уѣзжалъ лѣтомъ въ деревню „на кондиціи". Не можетъ быть, чтобы тамъ не осталось писемъ Клавдиньки. Онѣ такъ усердно переписывались другъ съ другомъ, хотя жили въ одномъ городѣ и видѣлись очень часто. Имъ казалось, что на письмѣ обмѣнъ мыслей и впечатлѣній пріобрѣтаетъ особое значеніе, котораго не имѣетъ устная рѣчь. Равинскій вспомнилъ, что ему самому не разъ приходилось принимать на себя обязанность почтальона и заносить по дорогѣ записочки „безцѣнной Клавдинькѣ" отъ „милой Сонечки". Онъ рѣшилъ порыться въ „архивѣ".

Вотъ они, сложенные въ пачки и перевязанные веревочками, ниточками, ленточками и тесемочками, отголоски прошлаго. Сколько тутъ искреннихъ и ложныхъ увѣреній, признаній, клятвъ, обѣщаній, довѣренныхъ чужой скромности тайнъ... Вотъ его письма къ сестрѣ... Еще связка его писемъ и еще... Господи, какъ онъ много писалъ, онъ и самъ удивился, такъ какъ ему всегда казалось, что онъ лѣнивъ на письма. А вотъ письма покойнаго мужа Сони, когда онъ былъ еще женихомъ... Ну, Богъ съ ними... А это что за связка, пожелтѣвшая, немного запылившаяся? Сердце его дрогнуло, это ея письма, навѣрное ея.

Равинскій принялся за чтеніе этихъ писемъ съ тревожнымъ чувствомъ, какъ будто отъ того, что содержалось въ нихъ, зависѣла его участь. Съ первыхъ же строкъ Клавдинька, какою она была въ то время, къ которому относились ея письма, встала передъ нимъ какъ живая.

Н. Юрьинъ

Продолженіе слѣдуетъ

ДОБРОЕ ДѢЛО

(Изъ современной петербургской жизни)

За Невской заставой, тамъ, гдѣ на берегу Невы высятся громадныя зданія фабрикъ и заводовъ, на улицахъ въ обыкновенный день тихо, покойно. Вся жизнь сосредоточена и заперта в этихъ мрачныхъ стѣнахъ. Зато, когда наступаетъ праздникъ, жизнь этого фабричнаго городка выносится на улицы. Картина сразу мѣняется. Виднѣются пестрые праздничные наряды, слышатся пѣніе, говоръ, гармоника. Двери кабаковъ шире распахиваются и, словно любезный хозяинъ, приглашаютъ гостей. Рекламъ кабатчикамъ не надо—товаръ у нихъ всегда „въ модѣ" и на ихъ радушный пріемъ валомъ валитъ въ кабаки толпа, унося оттуда на улицы храбрость, трели, удаль и высокіе голоса.

Улица шумитъ, гудитъ, веселится...

А на утро опять работа въ четырехъ стѣнахъ подъ стукъ, трескотню, свистъ... и въ головѣ, и на фабрикѣ.

„О-пох-мѣ-лчсь, о-пох-мѣ-лись..." монотонно и назойливо стучитъ машина.

Среди этихъ колоссовъ-фабрикъ и заводовъ стоитъ небольшое зданіе, на калиткѣ котораго красуется скромная вывѣска: „Невское общество устройства народныхъ развлеченій". Это народный театръ.

Само общество существуетъ сравнительно недавно. Лѣтъ 11 тому назадъ небольшой кружокъ фабрикантовъ и мѣстныхъ обывателей устроилъ народныя гулянья. Опытъ далъ блестящіе результаты, Впослѣдствіи изъ этого кружка образовалось Невское общество. Частныя пожертвованія и доходы помогли ему разрастись. Успѣхъ предпріятія показалъ, что народъ, дѣйствительно, нуждается въ разумныхъ развлеченіяхъ, которыя, отучаютъ его отъ кабака. Общество сформировало хоръ изъ мѣстныхъ рабочихъ, стало устраивать концерты, вечера, спектакли въ зимнемъ театрѣ, народныя гулянья въ паркѣ, образовало читальню, открыло дѣтскій отдѣлъ. Въ настоящее время предположено устроить гимнастическій залъ, дѣтскую сцену, построить на землѣ общества зданія образцовыхъ квартиръ для рабочихъ. Залъ театра вмѣщаетъ въ себѣ менѣе 300 человѣкъ. При нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ обитателей этого мѣстечка такая цифра капля въ морѣ.

Успѣхъ спектаклей и концертовъ превзошелъ всякія ожиданія, и общество постановило строить съ будущей осени большой каменный театръ на тысячу человѣкъ. На это предпріятіе нужны большія деньги, и навѣрно щедрые благотворители помогутъ осуществленію столь полезной и симпатичной цѣли.

Кабатчики сперва усмѣхались надъ предпріятіями общества, затѣмъ стали безпокоиться и теперь сильно жалуются, что товаръ ихъ идетъ куда тише. Желающіе ознакомиться съ дѣятельностью этого общества могутъ найти подробныя свѣдѣнія въ печатныхъ отчетахъ комитета Невскаго общества.

Въ зимнемъ театрѣ общества постоянно играютъ два драматическихъ кружка при распорядителяхъ: 1) В. М. Сидорова и 2) З. А. Никитиной и А. В. Красиковой. Режиссеромъ перваго кружка состоитъ М. Г. Шевченко, второго С. М. Сосновскій, замѣститель Е. П. Карпова, нынѣ режиссера Императорской драматической труппы, не мало способствовавшаго успѣхамъ спектаклей и народныхъ гуляній.

Этотъ сезонъ мнѣ пришлось близко ознакомиться со вторымъ кружкомъ.

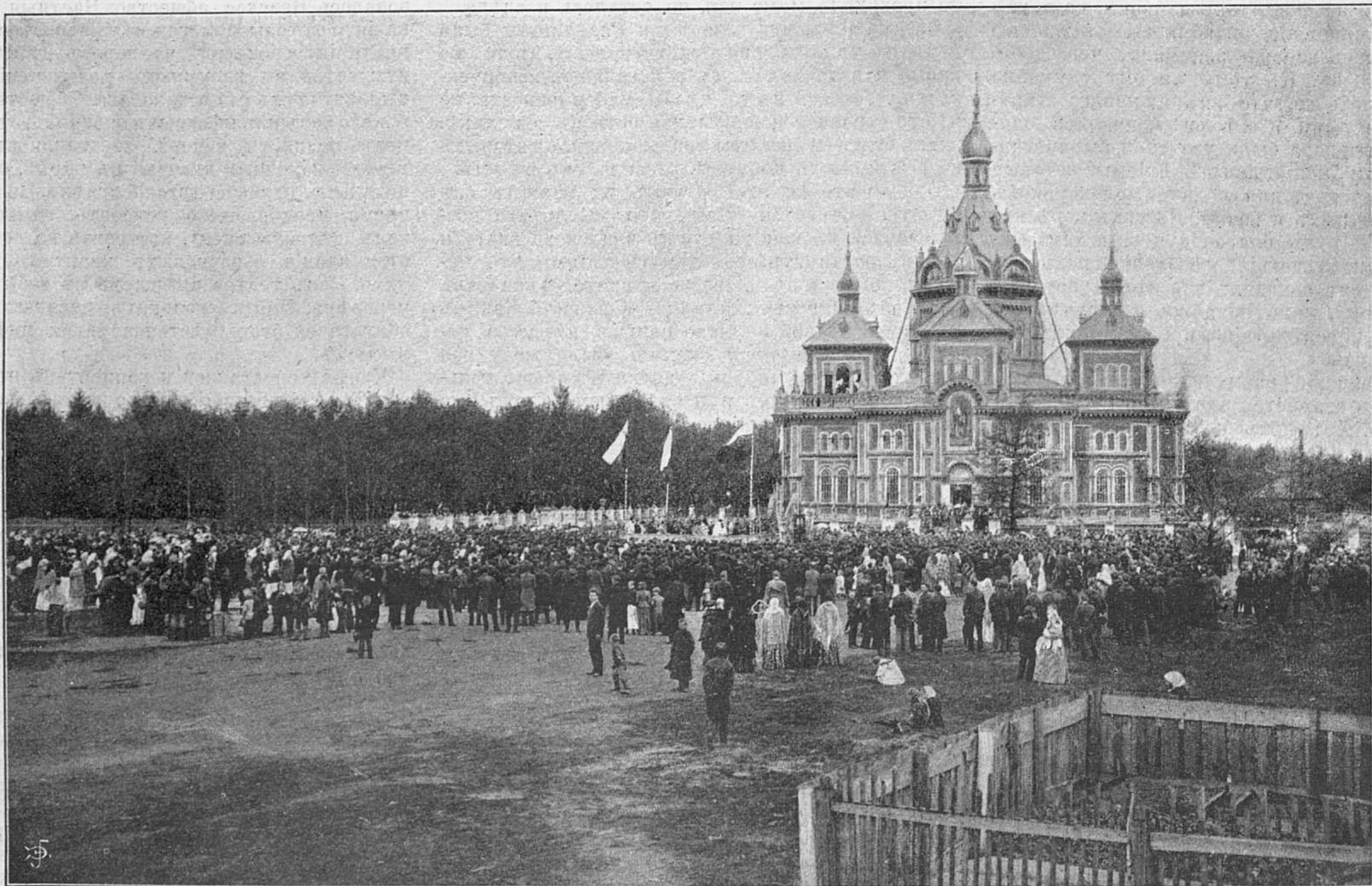
Какъ участники спектаклей, такъ и публика производятъ самое милое впечатлѣніе. Среди

ЖЮЛЬ СИМОНЪ,

французскій писатель, публицистъ, политикъ, † 27-го мая (8-го іюня) с. г.

Съ фотографіи Рейтлингера.

Брянскъ.—Празднованіе дня Священнаго Коронованія на заводахъ 15-го мая с. г.

Съ фотографіи М. Когана. Автотипія Эд. Гоппе.

Изъ альбома художника. — Хозяйка на птичьемъ дворѣ.

Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи« Н. И. Ткаченко.

общей неприглядной картины нашей жизни здѣсь вѣетъ чѣмъ-то молодымъ, свѣжимъ, хорошимъ. Кружокъ глубоко преданъ своему дѣлу, и общая цѣль связываетъ членовъ этого кружка въ дружную семью.

Въ спектакляхъ участвуютъ, конечно, безплатно, профессіональные актеры, учительницы, учащаяся молодежь, чиновники и даже фабричные. Эти спектакли оживляютъ ихъ, скрашивая однообразную жизнь, и доставляютъ громадное удовольствіе какъ самимъ участвующимъ, такъ и публикѣ. Подъ опытной рукой Е. П. Карпова и затѣмъ С. М. Сосновскаго любители хорошо сыгрались, привыкли къ сценѣ, къ ея условіямъ, выработался прекрасный ансамбль, и вы не чувствуете „любительской игры". Репертуаръ составляется по большей части изъ пьесъ Островскаго. Въ этотъ сезонъ были даны: „Доходное мѣсто", „Поздняя любовь", „Бѣдность не порокъ", „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ" и „Послѣдняя жертва". Большимъ успѣхомъ пользовалась „Вторая молодость" Невѣжина и драмы Потѣхина.

Я нѣсколько разъ во время спектаклей садился въ послѣдніе ряды, чтобы наблюдать за публикой, и долженъ сознаться, что рѣдко кто изъ публики ведетъ себя такъ прилично, какъ здѣсь. Ни громкихъ замѣчаній, ни разговора, ни криковъ, ни смѣха въ трагическихъ мѣстахъ пьесъ. Лица фабричныхъ сосредоточены, и на нихъ отражается весь ходъ пьесы. Фабричные понимаютъ юморъ и переживаютъ драматическія положенія героевъ. Прошлаго года, напримѣръ, былъ такой случай: давали „Безъ вины виноватыхъ"; пьеса шла съ рѣдкимъ успѣхомъ, но въ послѣднемъ дѣйствіи, въ самомъ разгарѣ драмы, когда мать узнаетъ своего сына, съ крикомъ ея „сынъ мой!" вдругъ... подламывается подъ ней скамеечка и она падаетъ назадъ... Къ счастью ее успѣли поддержать и, хотя съ трудомъ, помогли ей встать. Пьеса была близка къ полному провалу, но выручила актеровъ сама публика. Положимъ кое-кто хихикнулъ, но тотчасъ же всѣ затихли, и пьеса окончилась при громкихъ аплодисментахъ.

Публика, какъ извѣстно, безжалостна къ артистамъ, а въ особенности къ любителямъ, она не проститъ имъ малѣйшей ошибки, но здѣсь всѣ были такъ сильно заинтересованы драмой, что почти не замѣтили этого инцидента и чутко отнеслись къ актерамъ.

Каждому, я думаю, приходилось наблюдать даже въ большихъ театрахъ, что публика смѣется въ самыхъ раздирающихъ моментахъ драмы. Я помню нѣсколько лѣтъ тому назадъ шла въ театрѣ Неметти пьеса Нума Руместанъ. Около меня сидѣлъ купецъ и все смѣялся. Въ сценѣ, когда Нума хочетъ бить свою жену и та ему объявляетъ о своей „болѣзни", сценѣ потрясающей и хорошо проведенной г. Петипа, купецъ залился раскатистымъ смѣхомъ.

Я не выдержалъ.

— Простите меня, обратился я къ купцу,—но почему вы смѣетесь? развѣ вы не понимаете...

— Эхъ, господинъ, добродушно прервалъ меня купецъ,—вѣдь это они представляютъ. Ежели бы при мнѣ случись, что мужъ будетъ „всамдѣлѣ" бить жену да въ такомъ положеніи-съ, я бы ему ой-ой зубы бы начистилъ.

И купецъ показалъ мнѣ, дѣйствительно, внушительный кулакъ.

Что на это отвѣтишь?

Меня именно и поражаетъ въ публикѣ Невскаго театра, что она понимаетъ автора лучше тѣхъ людей, которые навѣрно имѣли больше данныхъ для своего развитія.

Публика въ Невскій театръ собирается рано. Передъ открытіемъ занавѣса она чинно ходитъ по заламъ театра, разговариваетъ и радуется, если кто изъ любимцевъ ея участвуетъ въ спектаклѣ. При третьемъ звонкѣ она покойно разсаживается по своимъ мѣстамъ и слушаетъ музыку. Въ антрактахъ обыкновенно играютъ на роялѣ въ 4 руки. Передъ открытіемъ занавѣса замѣчается нетерпѣніе... Въ ложахъ и первыхъ рядахъ вы видите патронесъ и патроновъ общества, затѣмъ видите праздничные наряды мѣстной аристократіи. Въ театрѣ много барышенъ. Красныя, синія, желтыя кофточки — словно цвѣточки въ полѣ. Въ послѣднихъ рядахъ сидятъ фабричные. Они въ новыхъ пиджакахъ, съ серебряными цѣпочками на жилетахъ, въ цвѣтныхъ косовороткахъ, волосы у нихъ густо напомажены, расчесаны. Вся фигура носитъ отпечатокъ какой-то торжественности. Въ антрактахъ публика шумно дѣлится впечатлѣніями. Кавалеры угощаютъ дамъ и дѣвицъ фруктами и сластями, болѣе пожилые пьютъ чай въ буфетѣ. Ни пива, ни крѣпкихъ напитковъ въ буфетѣ нѣтъ. Водевили публика смотритъ съ большимъ оживленіемъ и смѣется отъ души. Ни въ театрѣ, ни на народныхъ гуляньяхъ, куда стекается до тысячи народа, ни разу не было скандаловъ, шума... Послѣ спектакля выносишь чувство полнаго удовлетворенія. И публика, и актеры, уходя, дѣлятся своими впечатлѣніями... Всѣ довольны.

Но вотъ публика разошлась, театръ опустѣлъ, только актеры разгримировываются, переодѣваются, смѣются и торопятся.

Наконецъ, всѣ готовы. Они съ узлами стоятъ около театра и поджидаютъ „своей" конки.

Улица уже успокоилась, смолкла... развѣ только одинокій голосъ выкидываетъ колѣнце, но и онъ скоро затихаетъ... Нева спитъ мертвымъ сномъ подъ своимъ ледянымъ покровомъ. Холодно. Сквозь пелену тумана высовываются на другомъ берегу Невы темные силуеты фабрикъ, слегка окрашенные желтыми лучами луны; яркіе огоньки и густой, бѣлый паръ оживляютъ картину.

— Какъ чудно здѣсь!

Одинъ изъ любителей декламируетъ дамамъ стихотвореніе своего собственнаго сочиненія.

— Ну что, Сергѣй Михайловичъ... какъ я сегодня? нерѣшительно спрашиваетъ новичекъ-любитель.

— Прекрасно, прекрасно! пріятнымъ баскомъ отвѣчаетъ режиссеръ.

— Господа! кричитъ кто-то,— а какъ отличился сегодня Дергачевъ, онъ Нину Ивановну на сценѣ Ниной Ивановной звалъ вмѣсто Юліи Павловны.

Всѣ смѣются.

— Простите, Нина Ивановна, подбѣгаетъ къ артисткѣ Дергачевъ,—совсѣмъ я перепутался!

— Конка! кричатъ всѣ въ одинъ голосъ, замѣтивъ фонари паровика. Съ хохотомъ, криками, остротами актеры влѣзаютъ въ вагонъ и разсаживаются по мѣстамъ.

Любитель все еще что-то декламируетъ.

— А не спѣть ли намъ что нибудь?

Студентъ распѣваетъ волжскую пѣсенку; всѣ подхватываютъ. А вагонъ несется на всѣхъ парахъ, и безмолвныя, спящія улицы оглашаются веселой пѣсней:

Полно, братъ, молодецъ!
Ты вѣдь не дѣвица —
Пей: тоска пройдетъ...

Левъ Урванцовъ

Жюль Симонъ †

Дружественная намъ французская нація понесла большую потерю. 27-го мая (8-го іюня) скончался въ Парижѣ знаменитый писатель и видный политическій и общественный дѣятель Жюль Симонъ. Это былъ человѣкъ очень крупнаго значенія, личность въ высшей степени обаятельная, оказывавшая широкое и благодѣтельное вліяніе не только въ своей странѣ, но и далеко за ея предѣлами. И немудрено, такъ какъ идеи и стремленія этого виднаго государственнаго дѣятеля и мыслителя были необыкновенно привлекательны. „Значеніе Жюля Симона, — говоритъ профессоръ Модестовъ—обаяніе его личности, было по преимуществу нравственное, — вліяніе и обаяніе человѣка возвышенныхъ идей, гуманныхъ чувствъ, глубокаго образованія. Ни Франція, ни остальное человѣчество никогла не забудутъ тѣхъ золотыхъ словъ, которыми Жюль Симонъ началъ свою, произведшую глубокое впечатлѣніе во всемъ образованномъ мірѣ, книгу о школѣ („l'Ecole"): „Народъ, у котораго лучшія школы, первый народъ въ мірѣ; если онъ не первый сегодня, то будетъ таковымъ завтра". Если Жюлю Симону такъ близко лежало къ сердцу народное образованіе, если онъ своими книгами, своею дѣятельностью въ качествѣ образцоваго министра народнаго просвѣщенія оставилъ такой глубокій слѣдъ въ исторіи школьнаго образованія своей страны, то этимъ значеніе его далеко не исчерпывается, и то несомнѣнное обаяніе, которымъ окружена его личность, этимъ еще не объясняется. Преданный всей душой идеѣ умственнаго просвѣтленія человѣка, Жюль Симонъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ страстный борецъ за нравственныя начала въ жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества. Внѣ уваженія къ этимъ нравственнымъ началамъ онъ не видѣлъ спасенія. Онъ не понималъ, что могутъ образоваться великіе граждане и великіе народы „безъ сильныхъ вѣрованій и безъ полнаго владѣнія самимъ собою", и потому смѣло ставилъ своимъ соотечественникамъ, какъ неуклонное требованіе: уважать религію, отечество, свободу, „Dieu, patrie, liberté" (Paris, 1883) — такова, кромѣ нѣсколькихъ другихъ, книга, которую онъ посвятилъ разъясненію принциповъ, связанныхъ съ надеждою на процвѣтаніе Франціи. По своимъ политическимъ и общественнымъ взглядамъ, Жюль Симонъ не былъ ни радикаломъ, ни соціалистомъ. Но онъ понималъ опасности, соединенныя съ несовершенствомъ соціальнаго устройства, и, на сколько могъ, своими сочиненіями (таковы книги: „Le travail", 1866, „L'ouvrier de huit ans", 1867, „L'ouvriere", 1883) и своими публичными лекціями старался содѣйствовать и улучшенію быта рабочихъ классовъ вообще, и улучшенію положенія рабочихъ женщинъ и дѣтей въ особенности". Можно сказать, что вопросъ о работѣ женщинъ и дѣтей на фабрикахъ и заводахъ, который въ наше время получилъ въ нѣкоторыхъ государствахъ довольно удовлетворительное разрѣшеніе, былъ въ значительной степени возбужденъ Жюлемъ Симономъ. Онъ разъѣзжалъ по французскимъ городамъ, читая conférences по рабочему вопросу и успѣшно пропагандируя свои идеи. Такъ какъ онъ воздерживался при этомъ отъ всякой критики существовавшаго тогда во Франціи государственнаго строя, то власти ему вовсе не мѣшали, тѣмъ болѣе, что и самъ Наполеонъ III раздѣлялъ во многихъ отношеніяхъ идеи Симона и искренно стремился къ улучшенію быта рабочаго класса.

Какъ политическій дѣятель, Жюль Симонъ неизмѣнно выступалъ въ защиту либеральныхъ идей, требовалъ большей свободы для печати, настаивалъ на необходимости улучшить жалкую судьбу школьныхъ учителей, извѣстную ему по личному горькому опыту, и т. д. Въ вопросы иностранной политики онъ рѣдко вмѣшивался, но, начиная съ 1866 г., когда впервые раздался нелѣпый крикъ „Реваншъ за Садову", онъ всячески старался противодѣйствовать шовинистскому теченію и предостерегалъ противъ войны съ Германіей. Жюль Симонъ въ сенатѣ и въ печати продолжалъ защищать свою любимую идею, что Франція, страна консервативная по преимуществу, столько же не желаетъ торжества коммуны, сколько и монархической реставраціи, что только при республиканской формѣ правленія она будетъ процвѣтать внутри и не подвергаться опасностямъ извнѣ. Вся его дѣятельность была направлена къ внутреннимъ реформамъ и къ миролюбивой политикѣ. Онъ принялъ приглашеніе императора Вильгельма участвовать въ созванномъ императоромъ въ Берлинѣ конгрессѣ для улучшенія быта рабочихъ и, имѣя случай неоднократно бесѣдовать съ молодымъ германскимъ государемъ, проникся къ нему чувствомъ уваженія и симпатіи. Этихъ своихъ чувствъ онъ вовсе не скрывалъ, онъ высказывалъ ихъ открыто, но это нисколько не помѣшало ему привѣтствовать франко-русское соглашеніе, какъ новый залогъ общаго мира и спокойствія.

Жюль Симонъ, или по настоящему Жюль-Франсуа-Сюиссъ, (Симономъ онъ сталъ называться, по совѣту Виктора Кузена, впослѣдствіи) родился въ декабрѣ 1814 года въ приморскомъ городѣ Лоріанѣ, въ Бретани. Родители его были люди бѣдные и имъ было не легко дать мальчику хорошее образованіе. Чувствуя съ раннихъ лѣтъ склонность къ преподаванію, Жюль Сюиссъ началъ свою карьеру школьнымъ учителемъ въ родномъ городѣ, потомъ поступилъ въ Ecole Normale, гдѣ его большія способности скоро обратили на него вниманіе. Получивъ по окончаніи курса каѳедру преподавателя исторіи философіи при томъ же высшемъ учебномъ заведеніи, Жюль Симонъ сблизился съ Викторомъ Кузеномъ, по совѣту котораго написалъ для полученія докторскаго диплома диссертацію „Комментаріи Прокла къ „Тимею" Платона". Въ 1839 г. Ж. Симонъ перебрался въ Сорбонну, занялъ здѣсь каѳедру исторіи философіи, на которой раньше блисталъ его учитель Викторъ Кузенъ, и оставался здѣсь въ теченіе 12 лѣтъ. Въ 1848 г. онъ былъ избранъ депутатомъ въ національное собраніе отъ Котъ-дю-Норъ и примкнулъ къ умѣренно-республиканской группѣ. Въ слѣдующемъ году Ж. Симонъ былъ назначенъ членомъ реорганизованнаго государственнаго совѣта, но вскорѣ вышелъ изъ его состава и выставилъ снова свою кандидатуру въ палату, но не былъ избранъ. Это послужило поводомъ къ перерыву его политической дѣятельности. Въ 1851 году Ж. Симонъ былъ смѣщенъ со своей каѳедры Наполеономъ III, которому отказался присягнуть. Проживъ нѣкоторое время какъ частное лицо, углубившись въ свои книги, Ж. Симонъ затѣмъ предпринялъ во Франціи и Бельгіи рядъ публичныхъ лекцій по философіи, имѣвшихъ большой успѣхъ. Вернувшись въ палату въ 1863 г., Жюль Симонъ занялъ видное мѣсто въ качествѣ члена либеральной оппозиціи и блестящаго оратора. Извѣстность Жюля Симона быстро росла, и на общихъ выборахъ 1869 г. онъ былъ выставленъ кандидатомъ во многихъ департаментахъ. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ избирательной борьбѣ, произнесъ множество рѣчей, имѣвшихъ шумный

успѣхъ, написалъ множество писемъ, вызывавшихъ оживленные комментаріи и полемику въ печати, и въ этотъ періодъ его имя было однимъ изъ самыхъ популярныхъ во Франціи. Онъ былъ избранъ въ нѣсколькихъ департаментахъ, собравши вокругъ себя болѣе 100,000 голосовъ. Вступивши въ палату въ качествѣ депутата отъ Жиронды, Ж. Симонъ имѣлъ здѣсь огромный успѣхъ. Особеннаго шума надѣлали его рѣчи въ защиту свободы торговли и въ пользу отмѣны смертной казни (1870 г.), его протестъ противъ административнаго давленія во время плебисцита 8-го мая 1870 года и противъ объявленія войны Пруссіи. Во время революціи 4-го сентября Ж. Симонъ былъ избранъ членомъ правительства національной обороны, а затѣмъ министромъ народнаго просвѣщенія, исповѣданій и изящныхъ искусствъ. Состоя въ этой должности, онъ провелъ нѣсколько реформъ въ дѣлѣ народнаго образованія, основалъ много школъ, открылъ новый факультетъ въ Бордо и пр. Въ 1871 г. Ж. Симонъ былъ избранъ членомъ національнаго собранія, гдѣ примкнулъ къ умѣренной лѣвой. Въ это время онъ посвятилъ свои силы борьбѣ съ агитаціей въ пользу возстановленія монархіи и возбудилъ къ себѣ большую ненависть со стороны монархистовъ. 11-го декабря 1875 г. Ж. Симонъ былъ избранъ членомъ французской академіи и пожизненнымъ сенаторомъ, сдѣлавшись одновременно „inamovible et immortel, несмѣняемымъ и безсмертнымъ“. Въ слѣдующемъ году ему поручили сформированіе министерства, въ которомъ онъ взялъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ; но его кабинетъ просуществовалъ менѣе года. Послѣ этого Ж. Симонъ нѣкоторое время оставался въ тѣни и сталъ играть политическую роль лишь послѣ выхода въ отставку Макъ-Магона. Онъ выступилъ противникомъ кабинета Жюля Ферри и защитникомъ участія религіозныхъ конгрегацій въ дѣлѣ народнаго образованія. Это обстоятельство вызвало большія нападки на него со стороны республиканцевъ и сблизило его съ консерваторами. Его популярность въ странѣ стала значительно падать, и въ послѣднее время онъ не игралъ крупной роли. Изъ его многочисленныхъ ученыхъ и литературныхъ произведеній, изъ которыхъ нѣкоторыя были переводены и на русскій языкъ, можно отмѣтить: „Etudes sur la théodicée de Platon et d'Aristote“ (1840), „Histoire de l'école de l'Alexandrie“ (1844—1845), его философскую трилогію: „Le devoir“, „La religion naturelle“, „La liberté de conscience“, „La liberté“ (1859), „L'ouvrière“ (1863), „L'école“ (1864), „Le Travail“ (1866), „Le libre échange“ (1870), его историческіе труды о паденіи второй имперіи и первыхъ годахъ республики.

Ю. Н. Линская †

Ю. Н. ЛИНСКАЯ, драматическая артистка.

Съ фотографіи Вишнякова. Рисовалъ П. Ѳ. Борель.

По поводу семьдесятъпятой годовщины рожденія.

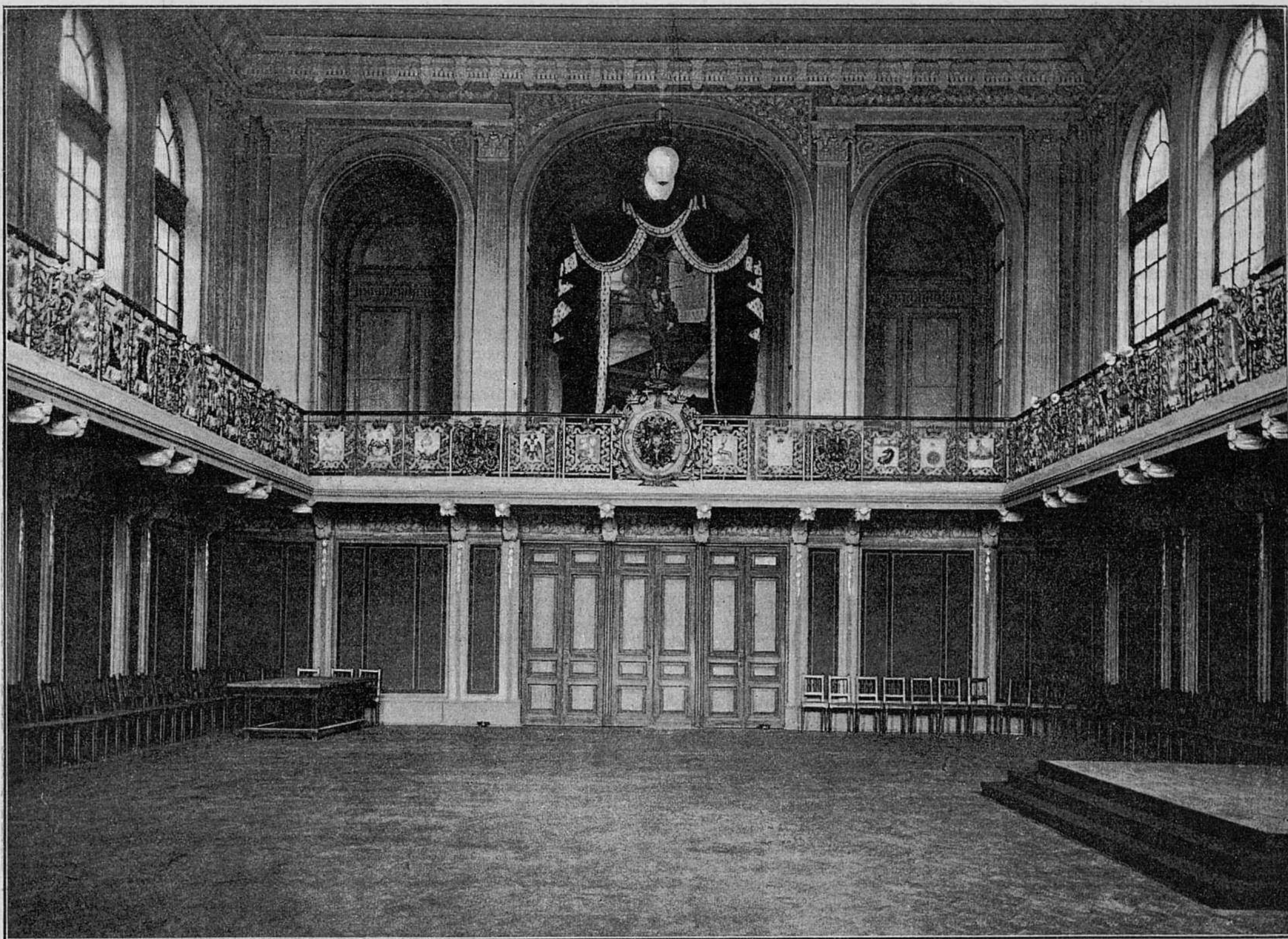
Четверть вѣка тому назадъ скончалась одна изъ блестящихъ артистокъ русской драматической сцены, геніальная исполнительница многихъ ролей, особенно въ пьесахъ Островскаго, прекрасная, добрая и отзывчивая женщина — Юлія Николаевна Линская, имя которой въ исторіи русскаго театра всегда будетъ горѣть яркою звѣздой, наравнѣ съ именами Щепкина, Мартынова, Сергѣя Васильева и друг. При жизни эта замѣчательная и, скажемъ прямо, незамѣнимая и до сихъ поръ артистка не пользовалась тѣмъ вниманіемъ публики, тою славою, которыхъ она вполнѣ заслуживала и лишь послѣ кончины ее оцѣнили и поняли настоящимъ образомъ. Надо знать, впрочемъ, почему это такъ было. Въ то время царствовалъ канканъ, даже на Императорской сценѣ процвѣтала оперетка. Массовая публика захлебывалась отъ восторга при видѣ полуобнаженныхъ актрисъ, вадергивавшихъ плечами, дрыгавшихъ ногами, и съ двусмысленными мимическами жестами исполнявшихъ какой нибудь невыразимо глупый и пошлый куплетъ. Въ эту печальную пору анархіи въ области искусства заурядный зритель отвыкалъ отъ оцѣнки сценическаго таланта, и потому даже такой необыкновенно своеобразный громадный талантъ, выросшій на почвѣ самобытной литературы, какимъ обладала Линская, долженъ былъ отодвинуться на второй планъ. Линская умерла въ полномъ разцвѣтѣ своего яркаго дарованія и была несравненна въ роляхъ купчихъ-самодурокъ и вообще въ воспроизведеніи бытовыхъ характеровъ старухъ, приживалокъ, матушекъ, свахъ, старыхъ дѣвъ и т. п. „Всѣ оттѣнки дарованія Линской — говоритъ П. Д. Боборыкинъ — нашли себѣ пищу и примѣненіе въ пьесахъ Островскаго и другихъ новыхъ драматурговъ. И въ свахѣ, и въ приживалкѣ, и въ барынѣ, и въ чиновницѣ, и въ цѣломъ рядѣ кумушекъ и маменекъ показала намъ Линская свой творческій талантъ, болѣе разнообразный, чѣмъ всѣ тѣ женскія дарованія, какія дѣйствовали до того на русской сценѣ. Не одной живостью, веселостью и своеобразнымъ юморомъ брала Линская. Она доказала созданіемъ нѣсколькихъ типовъ, и въ особенности Кабанихи — блистательную способность творить совершенно объективно. Точно также и въ типѣ приживалки въ „Воспитанницѣ“ Островскаго. Можно ли было представить себѣ что либо болѣе отличное отъ натуры самой Линской? При созданіи этого исчадія барско-холопскаго міра, актриса должна была радикально пересоздать себя. А какъ ей удался этотъ типъ! Вы его никогда не забудете. Точно живая стоитъ въ вашей памяти уксусная дѣва въ желтой шали, съ огромнымъ гребнемъ въ жидкой косѣ, съ ехидно-слащавой мимикой, съ кошачьими движеніями, съ глухими, но язвительными интонаціями голоса. Подобныя сценическія созданія останутся лучшими вкладами въ наше театральное искусство, живыми доказательствами того, что русская сцена можетъ давать плодотворные результаты и соперничать съ западнымъ исполненіемъ въ лицѣ такихъ личностей, какъ Линская... Дѣятельность Линской потому была такъ богата оригинальнымъ творчествомъ, что ее подготовили два главнѣйшихъ рычага художественнаго развитія. Во первыхъ — сильно прочувствованное призваніе... Въ ней съ юныхъ лѣтъ была страсть къ подмосткамъ. Она покидала ихъ и опять къ нимъ возвращалась... Не желаніе плѣнять и рисоваться влекло ее къ театру и удерживало на немъ. Она дѣйствовала въ области комизма, гдѣ надо брать талантомъ, а не красивой внѣшностью... Она принадлежала къ сценическимъ натурамъ по преимуществу... Въ ней чувствовалось постоянное присутствіе того, что называется „комической жилкой“, т. е. веселости, юмора, игриваго темперамента, неизсякаемой жизненности всѣхъ душевныхъ проявленій, входящихъ въ область исполненія, пріуроченнаго ея натурѣ, и Линская, почти съ первыхъ шаговъ на сценѣ, начала проявлять свой талантъ въ характерныхъ роляхъ... Кромѣ физическихъ особенностей, въ ея сценической натурѣ лежало главное побужденіе къ настоящему творчеству, которое немыслимо тогда, когда мы, прежде всего, заботимся о наружности и живописныхъ эффектахъ. Юлія Николаевна Линская родилась въ семьѣ подполковника Коробьина, въ Петербургѣ, 16-го мая 1820 года. Родители, вслѣдствіе ея сильнаго влеченія къ сценѣ, отдали дѣвочку, когда ей исполнилось десять лѣтъ, въ петербургское театральное училище. Но здѣсь она пробыла съ полгода и, какъ это нерѣдко случалось съ настоящими талантами, была исключена за неспособностью. Дѣвушку это не опечалило, она, страстно любя театръ, продолжала заниматься сценическимъ искусствомъ и, наконецъ, добилась дебюта на Императорской сценѣ, куда, однако, была принята сперва безъ жалованья. Бывшая ученица князя Шаховского, она дебютировала 19-го августа 1841 г. въ „Парашѣ Сибирячкѣ“ Н. А. Полевого. Вотъ какой аттестатъ выданъ былъ молодой Линской театральнымъ хроникеромъ „Сѣверной Пчелы“ Л. Л., т. е. Л. В. Брантомъ. „Дебютантка — писалъ рецензентъ—исполнила роль удовлетворительно, но не имѣетъ развязности въ игрѣ и часто не находится въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужна нѣмая игра; но, вообще, наружность ея выгодна для сцены, манеры благородныя, голосъ звученъ и пріятенъ; въ сильныхъ сценахъ въ ней видны чувство и душа“. Года черезъ два Линская почувствовала своимъ артистическимъ чутьемъ, что драма не ея призваніе и стала пробовать свои силы въ роляхъ комическихъ старухъ и интригантокъ. „Чуть ли не первымъ ея опытомъ въ этомъ новомъ родѣ — говоритъ старый театралъ А. И. Вольфъ, въ своей „Хроникѣ с.-петербургскихъ театровъ“ — была роль старой дѣвы Небосклоновой въ пьесѣ „Въ людяхъ ангелъ не жена“, а потомъ она сыграла весьма удачно Фрозину въ „Скупомъ“, г-жу Журдень въ комедіи „Мѣщанинъ во дворянствѣ“, Зербинету въ „Скапиновыхъ плутняхъ“, княгиню Тугоуховскую въ „Горѣ отъ ума“ и Арину Пантелеевну въ „Женитьбѣ“. Въ 1850 году Ю. Н. Линская вышла замужъ за богатаго коммерсанта И. С. Громова и на время покинула сцену, уже успѣвъ привлечь полныя симпатіи всѣхъ истинныхъ знатоковъ сценическаго искусства. Въ сезонъ 1853 — 1854 гг. она снова вернулась на дорогіе ей подмостки, главнымъ образомъ, по любви къ сценѣ, а отчасти вслѣдствіе скуки, одолѣвшей ее въ ветхозавѣтной средѣ старообрядческаго купеческаго дома. По свидѣтельству того же г. Вольфа, она, со свойственной ей ловкостью и умомъ, отлично играла свою роль въ домашнемъ быту и съумѣла обворожить всю родню мужа и даже старую тещу, заклятую староверку, съ негодованіемъ взиравшую сначала на бракъ своего сына съ артисткою. Очарованіе,

Общій видъ зданія.

Съ фотографіи М. П. Дмитріева. Гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.

Нижній-Новгородъ. Ярмарка. — Главный ярмарочный домъ.

Гербовый залъ въ главномъ домѣ.

Внутренняя галлерея (Пассажъ) въ главномъ домѣ.

Нижній-Новгородъ. Ярмарка. — Главный ярмарочный домъ.

Съ фотографій М. П. Дмитріева въ Нижнемъ-Новгородѣ. Автотипіи Эд. Гоппе.

произведенное ловкою невѣсткою, было такъ сильно, что старушка разрѣшила ей опять идти на театръ. Пребываніе въ купеческой семьѣ послужило въ пользу Линской, давъ ей много матеріала для созданія самыхъ оригинальныхъ и разнообразныхъ типовъ изъ „темнаго царства" въ комедіяхъ Островскаго. Для перваго выхода она исполнила роль Хорьковой въ „Бѣдной невѣстѣ", потомъ сыграла Арину Ѳедоровну въ комедіи „Не въ свои сани не садись", Ѳедосьи въ комедіи Красовскаго „Женихъ изъ ножевой линіи" и тутъ же выказала глубокое изученіе купеческихъ нравовъ. Мало по малу къ ней перешелъ весь прежній репертуаръ ея. „Свои люди сочтемся" (Наумовна), „Воспитанница" (Перегринова), „Праздничный сонъ до обѣда" (Сваха), „Испорченная жизнь" (Капустина), „Гувернеръ" (Хворостина), „Ревизоръ", (Пошлепкина), „Завтракъ у предводителя" (Каурова), „Въ мутной водѣ" (Марѳа Петровна), „Доходное мѣсто" (Кукушкина), „На всякаго мудреца довольно простоты" (Глумова) — вотъ пьесы въ которыхъ Линская была безподобна. Но необыкновенно сильно, глубоко съ оттѣнкомъ мрачнаго колорита исполняла она Кабаниху въ „Грозѣ" — ея „коронную" роль. Въ 1854 г. Ю. Н. Линская овдовѣла и черезъ шесть лѣтъ вступила во второй бракъ съ отставнымъ поручикомъ Абрамовымъ, игравшимъ подъ фамиліей Аграмова. Послѣдніе годы ея жизни — были цѣлымъ рядомъ мученій, вызванныхъ семейными непріятностями и безвыходнымъ положеніемъ въ матеріальномъ отношеніи. Она была необыкновенно добра, дѣлилась съ нуждавшимися послѣднимъ, и безсовѣстные люди обобрали ее, что называется, до нитки. Потерявъ все свое состояніе, завѣщанное ей первымъ мужемъ, она подъ конецъ жила однимъ казеннымъ жалованьемъ, изъ котораго еще платила долги своего молодого мужа. Иногда ей нечего было ѣсть, что видно изъ ея дневника, и приходилось перехватывать рубли на лекарство. Умерла Ю. Н. Линская почти въ нищетѣ изъ за любви, изъ за привязанности къ людямъ, совершенно не стоившимъ ея. „Она всегда жила чувствомъ, сердцемъ, никогда — головою, разсчетомъ и въ житейскихъ дѣлахъ оставалась до конца жизни ребенкомъ, хотя умерла пятидесяти лѣтъ". Она скончалась 25-го апрѣля 1871 года и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Пишущій эти строки живо помнитъ высокохудожественную игру Юліи Николаевны Линской, помнитъ—какое глубокое эстетическое наслажденіе доставляла всякому истинному любителю искусства эта незабвенная артистка, до которой нынѣшнимъ даже первымъ исполнителямъ нашей убогой драматической сцены какъ до звѣзды небесной далеко...

П. Б.

Празднованіе дня Священнаго Коронованія въ Петербургѣ

Наша невская столица начала готовиться къ празднованію Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ по крайней мѣрѣ за недѣлю до торжественнаго дня. Городская дума ассигновала на это празднованіе 50.000 руб. и городская управа широко воспользовалась такою ассигновкой для украшенія города. Петербургъ былъ поистинѣ великолѣпенъ во дни этихъ празднествъ. Онъ весь разцвѣтился флагами, матеріями, коврами. Не находилось дома отъ глухихъ окраинъ и до центральныхъ частей столицы, гдѣ не развѣвался бы флагъ или не было бы сдѣлано какое нибудь другое украшеніе. Невскій проспектъ, на всемъ протяженіи отъ Николаевскаго вокзала до адмиралтейства, представлялъ сплошную разноцвѣтную гирлянду флаговъ. Всѣ дома были декорированы, подъѣзды и балконы убраны цвѣтными матеріями или коврами; на большей части балконовъ стояли въ зелени бюсты Ихъ Императорскихъ Величествъ, на стѣнахъ красовались щиты съ инициалами Царственной Четы, государственные гербы и т. д. Особенною красотою убранства отличались зданія думы, Гостинаго Двора, дома купеческаго общества, волжско-камскаго, учетно-ссуднаго и тульскаго банковъ, банкирской конторы Юнкера, общества сельскихъ хозяевъ, коммерческаго собранія и нѣкоторые другіе. На углахъ улицъ, впадающихъ въ Невскій проспектъ, и у мостовъ поставлены были мачты съ хоругвями, гербами, щитами, вѣнками и флагами. Всѣ столбы для электрическихъ фонарей были обвиты изящно переплетенными флагами и являлись какъ бы особыми украшеніями.

Большая Морская улица, казалось, перещеголяла въ роскоши убранства и Невскій проспектъ. Это объясняется обиліемъ на ней богатыхъ магазиновъ и эффектныхъ зданій. Тутъ выдавались, по роскоши и оригинальности убранства, дома германскаго посольства, Императорскаго яхтъ-клуба и многіе другіе. Арка главнаго штаба была украшена красною съ золотою бахромою матеріей, а на переднемъ ея фасадѣ, выходящемъ на Дворцовую площадь, красовался громадныхъ размѣровъ щитъ съ царскими инициалами и надписью: „Боже, Царя храни".

На набережной Невы изящно декорированы были зданія французскаго и англійскаго посольствъ и многія аристократическіе дома. На Литейномъ проспектѣ недурно убраны были зданія арсенала, окружнаго суда и еще нѣкоторые.

Толпы народа не сходили съ улицъ, стремясь преимущественно къ мѣстамъ, гдѣ были устроены гулянья. Казалось, всѣ обитатели Петербурга высыпали изъ своихъ квартиръ. Магазины, торговыя заведенія и лавки были закрыты цѣлый день. Народныя гулянья происходили на Марсовомъ полѣ, въ Александровскомъ, Петровскомъ и Екатерингофскомъ паркахъ, въ садахъ при Василеостровскомъ, Выборгскомъ и Невскомъ театрахъ, въ Шлиссельбургскомъ участкѣ, въ Морскомъ манежѣ, по Петергофскому шоссе и по Большому Сампсоніевскому проспекту.

Иллюминація, продолжавшаяся всѣ три дня 14-го, 15-го и 16-го мая, началась въ половинѣ десятаго часа вечера. Петербургъ опоясался разноцвѣтною лентою огней. На гуляньяхъ взвились ракеты и засверкали фейерверки. Толпы народа запрудили Невскій проспектъ.

Особенно эффектно иллюминованныхъ зданій не было на Невскомъ проспектѣ. Дума ограничилась инициалами Ихъ Величествъ подъ Императорскими коронами, сверкавшими электричествомъ. Въ центрѣ Гостинаго Двора также сверкали на щитѣ Царскіе инициалы, и по рѣшеткѣ второго этажа тянулась линія разноцвѣтныхъ лампіоновъ. Домъ купеческой управы былъ украшенъ государственнымъ гербомъ изъ электрическихъ лампъ, по обѣимъ сторонамъ герба горѣли инициалы Ихъ Величествъ, вверху — Императорская корона, а внизу сіяло зеленымъ цвѣтомъ: „Боже, Царя храни!" Красиво иллюминовано было помѣщеніе для машинъ электрическаго общества на Фонтанкѣ. Большая Морская вся сверкала электричествомъ и газомъ. На аркѣ Главнаго штаба горѣла дуга изъ электричества. Гвардейскій штабъ былъ украшенъ электрическою монограммою Ихъ Величествъ, желтаго и бѣлаго цвѣтовъ. Средній фасадъ главнаго адмиралтейства былъ опоясанъ четырьмя ярусами электрическихъ лентъ, надъ всѣми воротами сіяли государственные гербы. Чрезвычайно эффектно украшено было зданіе канцеляріи военнаго министерства. Весь балконъ, выходящій на площадь, занятъ былъ вензелемъ Н. М. А., а по обѣимъ сторонамъ его сіяли электрическія звѣзды. Между львами была устроена эстрада изъ красной матеріи, и на ней, въ массѣ тропической зелени, помѣщались бюсты Ихъ Величествъ, освѣщаемые электричествомъ.

Всѣ театры выдавались роскошью иллюминаціи. Михайловскій сіялъ инициалами Государя и Государыни, между которыми помѣщался громадный государственный гербъ. На Александринскомъ театрѣ сіяло лучами электричество изъ за коней Аполлона. На переднемъ фасадѣ находились Царскіе инициалы подъ Императорскою короною, а по бокамъ—электрическія звѣзды. Иллюминація Маріинскаго театра приближалась по своему характеру къ иллюминаціи Михайловскаго. Особенно эффектно былъ иллюминованъ главный фасадъ технологическаго института. Надъ подъѣздомъ въ нишѣ изъ національныхъ флаговъ, среди зелени, красовались бюсты Ихъ Императорскихъ Величествъ. Сзади бюстовъ на лазуревомъ фонѣ выдѣлялся ярко освѣщенный государственный гербъ. Вверху свѣтились бѣлыми огнями инициалы Царя и Царицы. Передъ подъѣздомъ билъ фонтанъ, красиво освѣщаемый огнями. Главный фасадъ зданія ремесленнаго училища былъ роскошно освѣщенъ. Надъ подъѣздомъ — большой транспарантъ съ инициалами Ихъ Величествъ; по бокамъ въ окнахъ устроены были двѣ ниши. Въ одной изъ нихъ былъ бюстъ Царя, въ другой—Царицы. На плацу передъ пріютомъ принца П. Г. Ольденбургскаго организовалось гулянье. Игралъ оркестръ воспитанниковъ пріюта.

Очень эффектно иллюминованы были лампочками накаливанія и вензелями на Выборгской сторонѣ: пиротехническая школа, клиническій военный госпиталь и Михайловская артиллерійская академія. Очень грандіозенъ и красивъ былъ вензель-ниша съ бюстами Ихъ Величествъ на фасадѣ главнаго артиллерійскаго управленія на Литейной. Онъ освѣщался сотнями электрическихъ лампочекъ. Вершина центральной водопроводной башни также освѣщалась нѣсколькими электрическими солнцами. Вся набережная Невы была запружена собственными экипажами. Тутъ любовались иллюминаціей академіи художествъ и университета, изумительно красиво выдѣлявшимися на темной линіи Васильевскаго острова. На Николаевскомъ мосту высилась огненная арка тамъ, гдѣ стоитъ часовня Николая Чудотворца. Наконецъ, нельзя не упомянуть объ электрическомъ солнцѣ, горѣвшемъ на зданіи арсенала, въ концѣ Литейнаго проспекта, и залитомъ электричествомъ зданіи экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Молебствіе по случаю Священнаго Коронованія на брянскихъ заводахъ

Noblesse oblige. Правленіе такого огромнаго промышленнаго предпріятія, какъ общество брянскихъ заводовъ, сочло съ своей стороны нравственной обязанностью откликнуться вполнѣ достойнымъ образомъ на дорогіе для каждаго истинно русскаго человѣка дни Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Правленіе отпустило девять тысячъ рублей на устройство праздника для рабочихъ, который и состоялся 18-го мая; начавшись, конечно, съ молебствія. Праздникъ прошелъ чрезвычайно оживленно. Мы помѣщаемъ въ этомъ нумерѣ, воспроизведенный по фотографіи, рисунокъ, изображающій одинъ изъ моментовъ этого праздника, помимо его важнаго значенія вообще, но еще и потому, что въ промышленной жизни Россіи брянскіе заводы играютъ очень видную и почтенную роль. Брянскіе заводы находятся въ 12-ти верстахъ отъ города Брянска, орловской губерніи, у станціи Бѣжецкой по орловско-витебской желѣзной дорогѣ. Въ настоящее время это уже цѣлый человѣческій муравейникъ, такъ какъ здѣсь постоянно работаетъ болѣе 8.000 человѣкъ, для которыхъ выстроено 600 домиковъ, церковь, школа, больница, лавки, склады и пр. По количеству переработанныхъ сырыхъ матеріаловъ, по денежнымъ оборотамъ брянскіе заводы вмѣстѣ съ ихъ филіальными отдѣленіями занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди нашихъ промышленныхъ учрежденій.

Главный домъ на нижегородской ярмаркѣ

Знаменитый строитель ярмарочныхъ рядовъ въ въ Нижнемъ, Бетанкуръ, по имени котораго названы всѣ центральныя постройки торжища и окружающій ихъ широкій каналъ, выстроилъ, между прочимъ, и главный ярмарочный домъ, въ которомъ помѣщались всѣ отдѣлы ярмарочнаго правленія. Но съ теченіемъ времени эта постройка обветшала, и наконецъ, по своему виду и размѣрамъ перестала соотвѣтствовать грандіозному торжищу. Тогда возникла мысль о постройкѣ новаго центра ярмарки, новаго главнаго дома, который и былъ оконченъ въ 1890 году. Интересна судьба архитектурныхъ проектовъ этого зданія. Изъ шести плановъ, представленныхъ шестью архитекторами, ни одинъ не могъ быть одобренъ въ цѣломъ составѣ. Проекты Треймана, фонъ-Гогена и Тромбицкаго, каждый въ отдѣльности, удовлетворяли со стороны фасада, но не удовлетворяли по распланировкѣ; наоборотъ, проекты Виноградова, Яковлева и Соловьева признаны были удачными по планировкѣ этажей. Изъ всѣхъ этихъ шести плановъ былъ составленъ одинъ, сборный, по которому домъ и былъ выстроенъ архитекторомъ Ивановымъ. Работы велись съ чрезвычайною быстротою; вся постройка была закончена въ 270 дней. Закладка была совершена въ іюнѣ 1889 года и къ зимѣ стѣны уже были готовы. Всю эту зиму зданіе отоплялось желѣзными печами, такъ что стѣны успѣли совсѣмъ просохнуть къ веснѣ 1890 года; тогда же было приступлено къ ихъ штукатуркѣ и внутренней отдѣлкѣ зданія, надъ которою работало до 1000 человѣкъ рабочихъ; къ открытію ярмарки домъ былъ готовъ. Главный домъ занимаетъ мѣсто въ самомъ центрѣ ярмарочной площади, каковымъ надо считать старые Бетанкуровскіе ряды; онъ расположенъ между восточною гранью этихъ рядовъ и набережною Оки; однимъ фасадомъ онъ выходитъ на Царскую

улицу, а другимъ на скверъ, разбитый на главной площади, замыкаемой книжными, инструментальными и чайными рядами. Фасадъ, выходящій на Царскую улицу, имѣетъ три этажа, съ четвертымъ этажемъ на выступающихъ частяхъ, а со стороны сквера — два этажа. Вся средина зданія занята огромнымъ пассажемъ, въ которомъ отдается въ наемъ 75 постоянныхъ большихъ магазиновъ и до полусотни временныхъ лавокъ-кіосковъ. Длина всей постройки около 80 сажень, ширина отъ 20 до 24 сажень, а вышина отъ 6 до 15 сажень. Всѣ эти блестящіе ряды магазиновъ ярко освѣщаются по вечерамъ электрическимъ свѣтомъ. Кромѣ торговыхъ помѣщеній, главный домъ служитъ средоточіемъ всей ярмарочной администраціи; здѣсь — помѣщеніе губернатора и его канцеляріи, ярмарочная контора и комитетъ, отдѣленія государственнаго банка и казенной палаты, почта, телеграфъ, полицейское управленіе, и пр. Въ торговыхъ помѣщеніяхъ пассажа можно полюбоваться и, пожалуй, пріобрѣсти, не дешево, однако, всевозможныя издѣлія изъ уральскихъ драгоцѣнныхъ камней, а также восточныя ткани.

Татарское молебствіе въ Казани по случаю коронаціи

Великое событіе, совершившееся въ стѣнахъ Кремля 14-го мая, нашло себѣ отголосокъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества. Всюду происходили торжества, всюду было ликованье. Даже среди иновѣрцевъ этотъ знаменательный день былъ почтенъ чѣмъ либо. Такъ, напримѣръ, въ Казани совершено было мѣстными мусульманами молебствіе. Оно происходило 14-го мая въ Плетеняхъ на площади за Юнусовской мечетью. Здѣсь, за особой загородкой, была приготовлена трибуна, покрытая узорчатымъ ковромъ и украшенная двумя флагами. Въ первомъ часу дня къ мѣсту молебствія стало сходиться магометанское духовенство и прихожане всѣхъ городскихъ мечетей. Въ два часа дня пріѣхалъ изъ думы мѣстный ахунъ, Юсупъ Сагитовъ, взошелъ на трибуну и сталъ читать молитву, по окончаніи которой собравшіеся мусульмане прокричали троекратно „ура!“ и постепенно разошлись. Женщины-татарки наблюдали молебствіе издали. Церемонія эта была снята двумя любителями-фотографами изъ мусульманъ. Нашъ рисунокъ сдѣланъ по фотографіи, снятой и любезно намъ доставленной Измаиломъ Искаковичемъ Айтугановымъ.

На птичьемъ дворѣ

Къ рисунку Н. И. Ткаченко

Бѣжать отъ городской пыли и духоты, а главное, бѣжать отъ себя самой, отъ чувствъ уже износившихся, но не покидающихъ сердца, не дающихъ ему обновиться и воскреснуть... Вотъ желаніе данной минуты у многихъ и многихъ нашихъ читательницъ. И какой идиллической представляется въ такія минуты простая сельская жизнь деревенскихъ обитателей!.. Утро. Выходишь изъ залитой солнцемъ, осѣненной раскидистыми деревьями усадьбы, на птичій дворъ. Все здѣсь мило, дорого — свое. Каждый пѣтухъ, каждая курочка носитъ свое имя и сбѣгаются на зовъ хозяйки клевать зерна. Даже грозный, угрюмый боровъ, вѣчно роющійся мордой въ грязныхъ отбросахъ, при такомъ ослѣпительномъ свѣтѣ кажется милой сердцу свинкой... А вотъ подошли и журавли — эта „возрожденья вѣсть живая“, какъ ихъ называетъ поэтъ. Они тоже старые знакомые — бѣгутъ прямо на человѣка и, пожалуй, чего добраго, клюнутъ своими добродушными длинными носами въ полный локоть, просвѣчивающій сквозь бѣлую пышную рубашку... И радостно видѣть этихъ журавлей: имъ оставишь свое наболѣвшее горе, тоску, и они унесутъ его на своихъ крыльяхъ за тридевять земель, оставивъ взамѣнъ всего благословеніе южной весны, воскресающей къ жизни новой...

Искусства

— Обществу художниковъ исторической живописи поручено устройство, въ реставрированной башнѣ нижегородскаго кремля, художественной выставки на время всероссійской выставки. Сюда войдутъ коллекціи нижегородскаго музея, пожертвованныя вещи, частныя коллекціи и двѣ послѣднія выставки исторической живописи, бывшія въ Москвѣ, пополненныя новыми произведеніями. Для устройства этой выставки все правленіе Общества исторической живописи, съ А. А. Карелинымъ во главѣ, переселяется въ Нижній.

— Олимпійскія марки. Греческое правительство заказало въ Парижѣ особыя почтовыя марки спеціально въ память олимпійскихъ игръ. Эти марки такъ и называются „марками олимпійскихъ игръ“. Срокъ обращенія — 1-е октября этого года. Судя по тому, какъ раскупаются эти марки любителями, запасъ ихъ скоро придетъ къ концу и правительству придется прибѣгнуть къ новому выпуску.

— Картины Рембрандта. Д-ръ Боде, директоръ берлинскаго художественнаго музея, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занятъ подготовленіемъ обширнаго изданія, посвященнаго Рембрандту. Изданіе это, имѣющее появиться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, будетъ заключать въ себѣ фотогравюры со всѣхъ картинъ Рембрандта.

Медицина и гигіена

— Къ вопросу о дифтеритѣ. Въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій с.-петербургскаго медицинскаго общества въ помѣщеніи „Краснаго Креста“ предметомъ обсужденія служило леченіе одного изъ самыхъ губительныхъ бичей современнаго человѣчества — дифтерита. Приватъ-доцентъ Герценштейнъ сообщилъ о результатахъ примѣненія антидифтеритной сыворотки въ сельской врачебной практикѣ въ саратовской и самарской губерніяхъ. Докладчикъ предпослалъ своему сообщенію краткую исторію дифтерита. Эта губительная болѣзнь извѣстна была уже во времена Гиппократа, но стала особенно свирѣпствовать въ Европѣ со второй половины текущаго столѣтія. Въ Россію она занесена изъ Румыніи и Бессарабіи въ 60—70-хъ годахъ. Въ настоящее время только сѣверъ России пощаженъ отъ дифтеритныхъ эпидемій. О ростѣ эпидемій дифтерита даютъ понятіе слѣдующія зловѣщія цифры: въ 1876 г. лѣчилось больныхъ 25.786, изъ нихъ умерло 18.563; въ 1881 г. лѣчилось 125.197, умерло — 44.428; въ 1891 г. лѣчилось 118.221, умерло — 38.779. Антидифтеритная сыворотка сразу сократила смертность на много процентовъ и успѣла пріобрѣсти среди населенія рѣдкое довѣріе. При обсужденіи доклада членами медицинскаго общества было разсказано много интереснаго изъ ихъ врачебной практики; въ борьбѣ съ дифтеритомъ давали неожиданно самые благопріятные результаты керосинъ и іодъ, употребленные для смазыванія зѣва.

Выставки

— Факиръ въ стеклянномъ гробѣ. Какъ извѣстно, одною изъ „great attraction“ пештской выставки является мнимоумершій факиръ въ стеклянномъ гробѣ. Объ этомъ факирѣ разсказываютъ слѣдующее: представители вѣнской печати были приглашены устроителями выставки для осмотра „Офена во время турецкаго владычества“. Въ Пресбургѣ для журналистовъ былъ устроенъ завтракъ, послѣ котораго они присутствовали при усыпленіи 23-лѣтняго факира Бимъ-Женъ-Пратли изъ Багора и заключеніи его въ стеклянный гробъ. Профессоръ Франеръ изъ Лондона загипнотизировалъ его и сказалъ ему слово, которое онъ долженъ произнести при своемъ пробужденіи. Факиръ проспитъ восемь дней и затѣмъ его разбудятъ. За этотъ опытъ факиръ получаетъ по триста гульденовъ ежедневно и ангажированъ на четыре недѣли. Каждую недѣлю факиръ будетъ пробуждаться и затѣмъ его снова будутъ усыплять. Другой факиръ, 26-лѣтній Поваль Кришма, предлагаетъ закопать его въ землю на семь метровъ глубины, но врядъ ли власти согласятся на этотъ опытъ. Въ Пресбургѣ появленіе факира въ стеклянномъ гробѣ произвело огромную сенсацію. Гробъ сначала выставленъ былъ во дворѣ отеля и съ него была снята фотографія, затѣмъ его повезли въ санитарномъ фургонѣ на желѣзнодорожный вокзалъ, гдѣ у платформы его ожидалъ отдѣльный поѣздъ. Гробъ былъ поставленъ въ кондукторскій вагонъ и при немъ находятся врачи для наблюденія. Факиръ все время лежитъ неподвижно какъ трупъ. По прибытіи въ Будапештъ гробъ, при огромномъ стеченіи народа, былъ отвезенъ къ мѣсту выставки. Оба факира, и тотъ, который лежитъ въ стеклянномъ гробу, другой, родомъ изъ Лагора, продѣлывали уже свои опыты въ Лондонѣ. Младшій факиръ былъ усыпленъ въ лондонскомъ королевскомъ акваріумѣ въ присутствіи 14.000 зрителей и проспалъ 30 дней. При его пробужденіи присутствовало до 22 тысячъ народа. Оба индуса объясняютъ свою изумительную способность необыкновенно развитою силою воли и способностью къ самовнушенію. Въ случаѣ, еслибы наблюдающій врачъ замѣтилъ какія нибудь угрожающіе симптомы, паденіе жизненной силы и т. п., то спящему факиру будетъ насильственно открытъ ротъ и влито молоко посредствомъ стеклянной трубки. Спящій факиръ возбуждаетъ огромный интересъ, такъ что у входа въ зданіе, гдѣ находится гробъ, постоянно толпятся посѣтители.

Картографія

— Двѣ новыя карты. Кондукторами главнаго инженернаго управленія, И. Большаковымъ и А. Петровымъ, исполнены двѣ рельефныя карты по заказу кабинета Его Величества. Одна изъ картъ представляетъ наглядный рельефъ Нерчинскаго, другая — Алтайскаго горныхъ округовъ. Масштабъ для горизонтальныхъ разстояній принятъ: 10 верстъ въ 1 англ. дюймѣ, а для вертикальныхъ — 1.000 ф. въ дюймѣ. На рельефахъ нанесены рѣки, озера, лѣса, дороги, города, выдающіеся пункты, желѣзнодорожный сибирскій путь и пр.; рудники же, заводы, добычи какъ кабинета Его Величества, такъ и частныхъ предпринимателей, отмѣчены головками булавокъ изъ соотвѣтствующаго добычѣ металла. Лѣпка рельефовъ произведена изъ особо приготовляемой массы папье-маше, окрашенной соотвѣтствующаго цвѣта масляными красками. Модели округовъ недавно отправлены на Нижегородскую выставку, гдѣ будутъ экспонироваться на ряду съ коллекціями рудъ этихъ округовъ, самородковъ и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ исполнители выслали туда же и образецъ рельефа съ показаніемъ постепеннаго хода капитальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ кропотливаго труда.

Некрологъ

Алексѣевъ Александръ Петровичъ генералъ-маіоръ, состоявшій въ распоряженіи командующаго войсками варшавскаго военнаго округа, числившійся по гвардейской кавалеріи, ранѣе участвовавшій въ усмиреніи польскаго мятежа 1863 г. и въ войнѣ 1877—1878 гг., а также дѣятельно работавшій въ разныхъ коммиссіяхъ по разработкѣ кавалерійскихъ вопросовъ, † въ Варшавѣ 5-го мая, 55 лѣтъ.

Водовозовъ Николай Васильевичъ, писатель, экономистъ, публицистъ, сынъ извѣстнаго литератора, педагога и переводчика В. И. Водовозова, сотрудникъ „Русской Мысли“, „Недѣли“, „Сборника Правовѣдѣнія“, „Русскихъ Вѣдомостей“, „Журнала с.-петербургскаго юридическаго общества“, „Энциклопедическаго словаря“ Брокгауза и Ефрона и другихъ изданій, † въ Вѣнѣ 25-го мая, 25 лѣтъ. Его работы касались, главнымъ образомъ, теоріи и исторіи соціализма, исторіи и современнаго рабочаго сословія. При участіи Н. В. Водовозова издавался рядъ переводовъ изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, работы Гиббинса, Гурвича и др.; ему самому принадлежитъ переводъ книги Магайма о рабочихъ синдикатахъ.

Кремеръ Максимиліанъ, нѣмецкій юмористъ, редакторъ извѣстнаго нѣмецкаго сатирическаго листка „Lustigen Blätter“, † въ Берлинѣ въ концѣ мая.

Лола Ольга Дмитріевна, урожденная Гвоздикова, талантливая драматическая актриса съ прекраснымъ голосомъ, сопрано, отлично исполнявшая роли комическаго репертуара и особенно роли съ пѣніемъ, бывшая артистка Императорскихъ театровъ, Александринской сцены, игравшая затѣмъ во всѣхъ главныхъ городахъ Россіи съ огромнымъ успѣхомъ, † въ Ромнахъ, полтавской губерніи, 15-го мая, 36 лѣтъ.

Астрономическій календарь

16—30 іюня 1896 г.

Іюнь.	Средн. время въ ист. полд.	Въ С. Петербургѣ: Восхожд. солнца.	Заходж. солнца.	Восхожд. луны.	Захожд. луны.	Въ Москвѣ: Восхожд. солнца.	Захожд. солнца.	Восхожд. луны.	Захожд. луны.
	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м
16	12 3.1	2 39	9 27	10 55в	6 15у	3 17	8 48	10 37в	6 40у
18	12 3.5	2 41	9 25	10 55	9 12	3 18	8 47	10 50	9 20
20	12 3.9	2 44	9 24	10 55	11 55	3 20	8 46	11 5	11 50
22	12 4.2	2 46	9 22	10 55	2 43в	3 22	8 45	11 18	2 22в
24	12 4.6	2 49	9 20	11 5	5 45	3 24	8 44	11 50	5 3
26	12 4.9	2 52	9 17	—	8 35	3 26	8 42	0 18у	7 30
28	12 5.2	2 55	9 14	1 15у	9 42	3 29	8 39	2 10	8 58
30	12 5.4	2 58	9 11	4 40	9 55	3 31	8 36	5 9	9 35

Солнце въ созвѣздіи Близнецовъ. 21-го іюня оно достигаетъ наибольшаго въ году разстоянія своего отъ земли.

Луна въ послѣдней четверти 21-го, въ новолуніи 28-го іюня.

Планеты: Меркурій 22-го іюня въ наибольшемъ западномъ удаленіи отъ солнца. Венера 27-го іюня въ верхнемъ соединеніи съ солнцемъ. Марсъ виденъ во вторую половину ночи, Юпитеръ — вечеромъ на западѣ. Сатурнъ и Уранъ видны до полуночи близь южнаго горизонта. Нептунъ виденъ подъ утро на востокѣ.

С.-Петербургъ. — Театръ Невскаго общества народныхъ развлеченій за Невской заставой.

Съ фотографіи. Автотипія Эд. Гоппе.

Новости печати

Полезная библіотека. Камиллъ Фламмаріонъ. Міры дѣйствительные и воображаемые. Переводъ *Ив. Святскаго*. Изданіе *П. П. Сойкина*. Спб. 1896. Фламмаріонъ — старый знакомый всей, интересующейся естествознаніемъ, публики образованнаго міра; въ Россіи у него не меньше друзей, чѣмъ повсюду. Тѣ, кто читалъ, давно уже переведенную книгу того же автора „Многочисленность обитаемыхъ міровъ", встрѣтятъ въ нынѣ изданной г. Сойкинымъ книжкѣ, много знакомаго; оба сочиненія трактуютъ, въ сущности, объ одномъ и томъ же предметѣ, именно, излагаютъ, на основаніи данныхъ современной науки, условія жизни на различныхъ небесныхъ тѣлахъ, разбросанныхъ въ видѣ безчисленныхъ свѣтящихся точекъ надъ нашими головами по всему пространству вселенной. Книжка отличается всѣми обычными достоинствами пера этого талантливаго ученаго популяризатора—легкостью и увлекательностью изложенія, и солиднымъ знаніемъ предмета. Но рядомъ съ этими достоинствами выступаетъ и коренной его недостатокъ; это — какая-то неуловимая струя легкомыслія, которая захватываетъ читателя, вздуваетъ его воображеніе, разнуздываетъ его фантазію до такой степени, что ему самому хочется летѣть куда нибудь на Марсъ и позавтракать въ тамошнемъ ресторанѣ. Трудно было бы прямо указать на эту удивительную черту твореній знаменитаго французскаго астронома, т. е. привести хоть одно мѣсто, которое бы можно было прямо истолковать, какъ подстрекательство къ необузданному фантазированію. А между тѣмъ стоитъ заговорить Фламмаріону о большомъ телескопѣ, какъ уже, смотришь, и пошли разговоры о какой-то трубѣ, которая будетъ „скоро готова", и въ которую можно видѣть букашекъ на лунѣ. Потомъ самому же Фламмаріону приходится очень убѣдительно опровергать эти шатанія мысли разлакомившагося любительства. Вѣдь не было же этихъ смѣшныхъ фантазій у читателей геніальнаго Араго, котораго извѣстная „Популярная Астрономія" читалась съ истиннымъ увлеченіемъ десятками поколѣній! Въ чемъ тутъ разница? Читатель сталъ иной, или самъ популяризаторъ одаренъ совсѣмъ другимъ родомъ таланта? Не беремся рѣшать этого вопроса.

М. О—въ

И. И. Пантюховъ. О пещерныхъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ. Тифлисъ. 1896. Г. Пантюховъ — одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ нашихъ врачей-писателей; списокъ его статей и брошюръ заключаетъ не менѣе сотни отдѣльныхъ заглавій. По своему образованію, по научной и литературной подготовкѣ, каждый врачъ является чрезвычайно желательнымъ вкладчикомъ въ литературную сокровищницу; можно насчитать десятки предметовъ, спеціальностей, общественныхъ и научныхъ вопросовъ, въ которыхъ врачъ можетъ выступить какъ вполнѣ компетентный изслѣдователь, и сюда, между прочимъ, относятся области антропологіи и этнографіи, которымъ г. Пантюховъ и посвящаетъ охотно свои труды. Передъ нами недавно вышедшая интересная книжка его о жилищахъ кавказскаго населенія. Авторъ предпосылаетъ своимъ изслѣдованіямъ, очень обстоятельно составленный, обзоръ литературы, относящійся до кавказскихъ жилищъ, приводитъ всѣ относящіеся къ этому предмету отрывки и мѣста изъ классическихъ и позднѣйшихъ писателей. Затѣмъ онъ послѣдовательно описываетъ пещерныя жилища—естественныя и искусственныя, ихъ зависимость отъ топографіи и культуры, передаетъ касающіяся ихъ преданія, излагаетъ результаты работъ прежнихъ изслѣдователей, подробно разсказываетъ объ осмотрѣнныхъ имъ самимъ пещерныхъ жилищахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа. Далѣе онъ разсматриваетъ современныя жилища кавказскихъ инородцевъ — подземныхъ, полуподземныхъ, деревянныхъ, глиняныхъ, каменныхъ и проч. и приводитъ свои соображенія о вліяніи жилищъ на сохраненіе этнографическаго типа и здоровья обывателей. Въ концѣ книги приложено 16 литографированныхъ таблицъ, на которыхъ представлены входы въ пещеры, ихъ внутренній видъ, рисунки наружнаго вида и внутренняго устройство современныхъ кавказскихъ инородческихъ жилищъ, домашнія орудія, добытыя въ пещерахъ, украшенія и т. п. Въ общемъ, вышла интересная книжка, которую внимательно просмотритъ, и этнографъ, и антропологъ, и врачъ, и простой читатель. *М. О—въ*

С. Васюковъ. Цѣлебный край. Кавказскія минеральныя воды. Москва. 1895. Книжка г. Васюкова можетъ отвѣчать двоякому спросу, это и путеводитель и простой пересказъ туриста о личныхъ впечатлѣніяхъ, оставленныхъ въ немъ его странствіями. Страждущій, имѣющій намѣреніе отправиться къ знаменитымъ кавказскимъ минеральнымъ источникамъ, раскрывъ эту книжку, какъ бы самъ сѣлъ уже въ вагонъ и мчится на Кавказъ; онъ, вмѣстѣ съ авторомъ переживаетъ впечатлѣнія поѣздки, вагонную духоту безконечные разговоры о желѣзнодорожныхъ безпорядкахъ, о водахъ, о докторахъ, о томъ, кому куда направиться, и т. д. Затѣмъ читатель переносится послѣдовательно во всѣ лечебныя мѣста кавказской минераловодской группы — Пятигорскъ, Ессентуки, Желѣзноводскъ, Кисловодскъ. Въ интересномъ и живомъ разсказѣ автора читатель понемногу и какъ бы мимоходомъ знакомится съ мѣстностью, нравами, обычаями, пріобрѣтаетъ всѣ полезныя для него свѣдѣнія относительно житейской обстановки на водахъ, мѣстныхъ порядковъ и цѣнъ. Для того, чтобы облегчить справки, авторъ посвящаетъ особую главу правиламъ леченія на кавказскихъ минеральныхъ водахъ; это, просто на просто, казенныя правила, утвержденныя министромъ государственныхъ имуществъ въ февралѣ 1892 года, къ которымъ присоединены еще: такса сборамъ для лечебнаго сезона, цѣны на ванны въ разныхъ курортахъ, цѣны на цѣлебныя воды, грязи, соли. Двѣ послѣднія главы книжки посвящены уже собственно любителямъ природы; одна изъ нихъ содержитъ довольно интересное описаніе давно уже, правда, описанныхъ и переописанныхъ красотъ военно-грузинской дороги, а другая—горныхъ мѣстностей Крыма; эта послѣдняя глава гораздо богаче интересомъ, потому что о прелестныхъ крымскихъ горахъ у насъ вообще какъ-то меньше писалось, да и туристовъ тамъ, кажется, тоже меньше бываетъ, чѣмъ на классическихъ вершинахъ Кавказа.

М. О—овъ

— „Донъ-Кихотъ" Сервантеса — одно изъ самыхъ популярныхъ произведеній всемірной литературы. Любопытною иллюстраціей этого служитъ недавно вышедшая монографія Эшби (H. S. Ashbee) — „The Iconography of Don Quixote". Составитель ея задался цѣлью дать перечень и описаніе всѣхъ иллюстрированныхъ изданій этого произведенія, появившихся въ разныхъ странахъ съ 1605 г. по 1895 г. Имъ описано такимъ образомъ 409 изданій. Изъ нихъ 127 напечатано въ Лондонѣ и другихъ городахъ Англіи, 11—въ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ, Филадельфіи и другихъ городахъ Америки, остальныя—въ Парижѣ, Мадридѣ, Барселонѣ и другихъ городахъ Испаніи, Амстердамѣ, Антверпенѣ, Брюсселѣ и др.

№ 1428. Всемірная Иллюстрація. 1896 г.

Международное велосипедное состязаніе

По примѣру прошлаго года, устроенное давно ожидаемое шоссейное состязаніе Москва–Петербургъ уже закончилось. Пальма первенства досталась г. Дзевочко, прошедшему дистанцію въ 656 верстъ (700 километровъ) въ 38 час. 12 минутъ, несмотря на естественныя препятствія въ видѣ Валдайскихъ горъ и не смотря на сильный встрѣчный вѣтеръ отъ Новгорода до Чудова, замѣтно утомившій гонщика. Въ прошломъ году г-нъ Дзевочко прошелъ ту же дистанцію въ 36 ч. 10 мин. Алюръ, которымъ шелъ г. Дзевочко отъ Москвы до Новгорода, обѣщалъ окончаніе гонки около 8 ч. вечера. Поэтому у Средней Рогатки, за Московской заставой, собралось къ 8 часамъ до двухъ тысячъ велосипедистовъ. Ждать имъ пришлось долго. Плохой трактиръ, оказавшійся въ какіе нибудь полчаса безъ провіанта, не могъ подкрѣпить, какъ слѣдуетъ, массу велосипедистовъ. Около 11 часовъ къ Рогаткѣ пріѣхалъ г. Целибѣевъ, лидеровавшій г. Дзевочко отъ Колпино, и объявилъ, что гонщикъ близко. Затѣмъ пріѣхали на тендемѣ московскіе ѣздоки братья Смирновы, сопровождавшіе г. Дзевочко отъ Клина до Вышняго Волочка и отъ Чудова до Петербурга. Раздались крики: „ѣдетъ! ѣдетъ!" Вдали показался г. Дзевочко. Его сопровождала толпа велосипедистовъ, привѣтствовавшихъ побѣдителя криками „ура!" и звономъ велосипедныхъ колокольчиковъ. Тріумфъ г. Дзевочко былъ полонъ оживленія и своеобразія, благодаря продолжительному, мягкому и громкому звону велосипедныхъ колокольчиковъ. Второго ѣздока остались ждать немногіе.

Въ виду того, что, несомнѣнно, гонка Москва—Петербургъ повторится, скажемъ нѣсколько словъ объ ея устройствѣ. Когда пріѣхалъ г. Дзевочко въ Петербургъ, на него было непріятно смотрѣть. Видъ велосипедиста былъ болѣзненный: лихорадочный взглядъ, общее утомленіе и обморокъ при растираніи ногъ. Г. Дзевочко говорилъ, что онъ какъ бы не чувствуетъ своихъ ногъ. Что это не только такъ было, но и будетъ, знаетъ каждый, кто ѣздитъ на велосипедѣ. 656 верстъ проѣхать безъ сна, почти безъ ѣды и не слѣзая съ велосипеда, если не принимать въ разсчетъ минутные отдыхи на контрольныхъ пунктахъ, когда отмѣчается время ѣзды велосипедиста и смазывается его машина,—вѣдь это въ своемъ родѣ каторга. Если гонщики соглашаются вытерпѣть такое мученіе, то, конечно, ими руководитъ единственное желаніе получить денежный призъ. Заработать 1.000 р., даже 200 руб., въ 40 часовъ всякому пріятно. Во всякомъ случаѣ, гонщики, при теперешнихъ условіяхъ шоссейныхъ продолжительныхъ состязаній, безусловно вредятъ своему здоровью, переутомляя свою мускулатуру, что, какъ извѣстно, гибельно отзывается на правильной работѣ сердца. Мы увѣрены, что шоссейныя гонки можно устроить нѣсколько иначе—безъ вреда для здоровья участниковъ. Необходимо устроить только на контрольныхъ пунктахъ обязательный четырехъ или шестичасовой отдыхъ для всѣхъ гонщиковъ. Если гонщикъ придетъ въ 12 ч., его пускаютъ дальше уже не раньше, какъ въ 6 ч., принимая въ разсчетъ не только минуты, но и доли ихъ. Такой отдыхъ слѣдуетъ приноровить ко времени наибольшей жары, когда велосипедисту особенно трудно ѣхать по пыльной дорогѣ. Надо надѣяться, что будущими устроителями такой длинной гонки наше замѣчаніе будетъ принято во вниманіе.

Москва — Петербургъ

На международное всероссійское велосипедное состязаніе, устроенное обществомъ велосипедной ѣзды между Москвой и Петербургомъ и закончившееся 3-го іюня, записались многіе изъ извѣстныхъ международныхъ гонщиковъ. Въ ихъ числѣ были гг. Шаафъ изъ Кельна, Уренъ изъ Германіи, Грегеръ изъ Австріи, Тэ и Корръ изъ Франціи. Большинство ихъ просило перенести день состязанія на 15-е іюня, но такъ какъ общество сдѣлать этого не могло въ виду интересовъ остальныхъ записавшихся на гонку, то въ состязаніи Москва—Петербургъ принялъ участіе изъ западноевропейскихъ гонщиковъ только одинъ г. Корръ.

Въ субботу, 1-го іюня, ровно въ 9 ч. утра (по петербургскому времени), отъ старта у Тверской заставы въ Москвѣ были пущены одновременно 14 ѣздоковъ: Бабкинъ, Билибинъ, Дзевочко, Корръ, Николаевъ, М. Осиповъ, Осиповъ, Ожогинъ, Петерсъ, Рудаковъ, Секеринскій, Чудовъ, Шведовъ и Шидловскій. Гонку повелъ весьма бойко г. Шидловскій, и 25 верстъ гонщики прошли кучно. Затѣмъ выдѣлился г. Дзевочко, слѣдовавшій за тендемомъ. За нимъ шли остальные. Въ Клинъ (71 верста отъ Москвы) велосипедисты пришли уже группами. Въ первой группѣ находились гг. Дзевочко, Шведовъ и Чудовъ, во второй — гг. Николаевъ, Секеринскій и Ожогинъ; остальные запоздали. Французъ Корръ оставилъ гонку, г. Билибинъ (изъ Калуги) упалъ и расшибся, г. Шидловскій усталъ. Изъ остальныхъ продолжали гонку гг. Осиповъ, Бабкинъ, Рудаковъ и Петерсъ. По дорогѣ изъ Клина въ Тверь г. Шведовъ пошелъ первымъ и опередилъ въ Твери г. Дзевочко на 8 минутъ и г. Чудова на 26 минутъ. Г. Дзевочко дѣлалъ отъ Клина до Твери по 21½ версты въ часъ, г. Шведовъ по 23 вер. и г. Чудовъ по 20 вер. Г. Шведовъ былъ опаснымъ соперникомъ г. Дзевочко, но его быстрый алюръ отразился на послѣдующихъ дистанціяхъ. Въ то время, когда отъ Твери до Торжка при попутномъ вѣтрѣ г. Дзевочко продолжалъ гонку прежнимъ алюромъ — по 21½ верстъ, г. Шведовъ дѣлалъ только около 18 верстъ, г. Чудовъ сохранилъ прежній ходъ по 20 верстъ въ часъ. Въ Вышнемъ-Волочкѣ первымъ былъ г. Дзевочко—въ 9 ч. 39 м. вечера, вторымъ г. Шведовъ—въ 10 ч. 1 м., третьимъ г. Чудовъ—въ 10 ч. 17 м., четвертымъ и пятымъ гг. Бабкинъ и Рудаковъ въ 11 ч. 5 м., восьмымъ и послѣднимъ г. Николаевъ. Въ Валдаѣ, 357 верстъ отъ Москвы, первымъ былъ г. Дзевочко—въ 2 ч. 44 м. ночи, вторымъ г. Шведовъ—въ 2 ч. 56 м., затѣмъ г. Чудовъ въ 3 ч. 16½ м., Рудаковъ въ 4 ч. 27 м., Бабкинъ въ 7 ч. 37 м., М. Осиповъ въ 8 ч. 49 м., Николаевъ въ 10 ч. утра. Въ Крестцы первымъ пришелъ г. Дзевочко—въ 5 ч. 35 м. утра, затѣмъ гг. Шведовъ въ 5 ч. 40 м., Чудовъ въ 6 ч. 23 м. Въ Новгородѣ первымъ былъ г. Дзевочко — въ 9 час. 55 мин. утра, затѣмъ гг. Шведовъ (10 час. 35 мин.) и Чудовъ (10 час. 44 мин.). Гг. Дзевочко и Чудовъ дѣлали по 19 верстъ въ часъ, г. Шведовъ по 17 верстъ. Выйдя изъ Новгорода, гонщики встрѣтили сильный противный вѣтеръ: ходъ ихъ замедлился, силы ослабли. Дзевочко

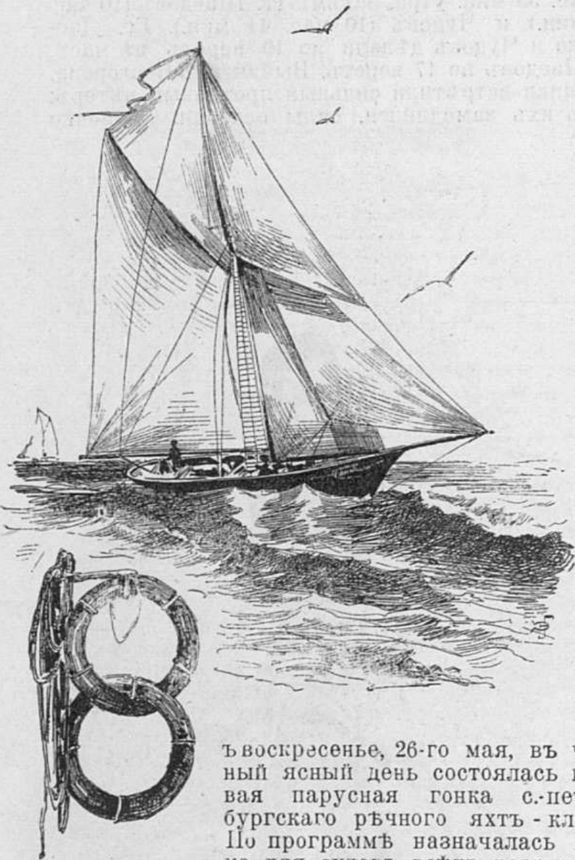
С. А. Панинъ (псевдонимъ), лучшій ѣздокъ Стрѣльны въ 1890 г. на 20 верстъ.

дѣлалъ только по 13 верстъ въ часъ, г. Шведовъ разбился и былъ быстро обойденъ г. Чудовымъ. Въ селѣ Чудовѣ первымъ былъ г. Дзевочко—въ 3 часа 4 мин., усталый; вторымъ г. Чудовъ—въ 4 ч. 29 м. дня, сохранивъ свою бодрость. Послѣдними были гг. Осиповъ и Николаевъ, пришедшіе въ 2 ч. ночи. Отъ Чудова до Средней Рогатки г. Дзевочко ѣхалъ медленно, дѣлая около 11 в. въ часъ, тогда какъ г. Чудовъ дѣлалъ по 14 в. Первымъ къ старту финиша все-таки пришелъ Дзевочко 2 іюня въ 11 ч. 12 м. вечера, вторымъ г. Чудовъ, отставшій отъ г. Дзевочко на 36 мин., третьимъ и четвертымъ гг. Бабкинъ и Рудаковъ въ 4 ч. 45 м. ночи (они кончили гонку, уже сойдя съ велосипеда, голова въ голову), пятымъ былъ г. Шведовъ—въ 5 ч. 52 м. утра, затѣмъ Николаевъ—въ 10 час. 24 мин. и Осиповъ 2-й—въ 11 часовъ утра 3 іюня. Такъ закончилась гонка. Все время стояла хорошая погода, дождь нигдѣ не настигъ гонщиковъ. Особенно хорошо было ѣхать ночью, когда не было жарко. На контрольныхъ пунктахъ для гонщиковъ были приготовлены легкіе завтраки. Въ то время, пока контроль отмѣчалъ въ книгахъ гонщиковъ время, ѣздоки закусывали и отдыхали. Особенно хорошо былъ организованъ контрольный и продовольственный пунктъ въ Торжкѣ. Здѣсь были устроены ширмы, скрывавшіе гонщиковъ отъ массы любопытныхъ глазъ, былъ также умывальникъ, необходимый во время утренняго пыльнаго пути и отсутствовавшій на другихъ пунктахъ. Гонщикамъ было предложено молоко съ рисомъ. Г. Дзевочко почти все время лидеровалъ тендемъ, г. Чудовъ шелъ безъ лидеровъ.

Комитетомъ общества велосипедной ѣзды присуждены: первый призъ — золотой жетонъ имени Е. И. В. великаго князя Сергія Михаиловича и 1,000 руб. — г. Дзевочкѣ, второй призъ — 500 руб. — г. Чудову. Гг. Бабкину и Рудакову рѣшено выдать 3 и 4-й призы, по 250 руб. каждому, г. Шведову, пятый призъ — 100 р. и жетонъ екатеринбургскаго общества велосипедистовъ. Гг. Николаеву и Осипову — жетоны.

ВЕСЛО и ПАРУСЪ

Парусная гонка

Въ воскресенье, 26-го мая, въ чудный ясный день состоялась первая парусная гонка с.-петербургскаго рѣчного яхтъ-клуба. По программѣ назначалась гонка для судовъ всѣхъ разрядовъ, но судовъ 7-го класса не записалось ни одного, а въ 5-мъ оказалось только одно. Собралось, однако, 15 судовъ. Дистанція (въ видѣ треугольника) была назначена: для судовъ 1-го и 2-го класса — $2^1/_2$ морскихъ мили, для 3 го—$3^3/_4$ м. м., для 4-го—$5^3/_4$ м. м. и для 5-го и 6-го—18 м. м. Гонка происходила на взморьѣ: для первыхъ четырехъ классовъ на пространствѣ между сѣвернымъ и южнымъ плавучими маяками, гдѣ находилось и судейское судно, парусно-паровая шхуна „Гарри", недавно пріобрѣтенная вице-командоромъ яхтъ-клуба Г. А. Донбергомъ, а для 5 го и 6-го классовъ—отъ сѣвера къ оконечности дамбы морского канала на Петергофъ и обратно къ судейскому судну. Слабый и крайне неустойчивый вѣтеръ, потянувшій сначала отъ Зюйдъ-Оста и перешедшій затѣмъ на Вестъ, не особенно радовалъ парусниковъ; тѣмъ не менѣе гонка не затянулась и въ четвертомъ часу была уже окончена, хотя и началась часомъ позже назначеннаго (въ 12 ч. 5 м. вмѣсто 11). Въ I классѣ участвовало два судна: „Дабчикъ" г. Биндемана съ рулевымъ И. И. Бергманомъ и „Мышка" В. А. Олсуфьева; побѣдителемъ вышелъ г. Бергманъ, опередившій г. Олсуфьева на 9 м. 14 с. Дистанція пройдена въ 1 ч. 29 м. 32 с. Во II кл. изъ двухъ судовъ („Юна", рулевой г. Ульманъ, и „Морвина", рулевой г. Биндеманъ; первымъ пришелъ г. Биндеманъ. Въ III классѣ („Маглонь", рулевой г. Гольцингеръ, „Оксана"—г. Донберга, рулевой А. О. Сиреліусъ, и „Асторъ", рулевой г. Мальмгренъ). Призъ имени Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Георгія Александровича взялъ г. Гольцингеръ, о чемъ и была въ тотъ же день послана телеграмма Его Высочеству. Въ IV классѣ („Пернова", рул. Ольсонъ, и „Дроздъ", рул. г. Буманъ) призъ достался г. Буману. Дистанція пройдена въ 1 ч. 9 м. 38 с. Въ V классѣ шла одна „Золушка" В. Н. Клагеса и по новымъ правиламъ, какъ сдѣлавшая хорошо всю дистанцію, также получила призъ. Въ VI классѣ шло четыре судна („Рэдъ-Ланцеръ", г. Брунста, „Рэдъ-Гандлетъ", г. Ворда, „Нэнъ", г. Фансмита и „Метеоръ" С. А. Воробьева). Опередила всѣхъ, почти на полчаса, „Нэнъ", но рулевой „Рэдъ-Гандлета" заявилъ протестъ, указывая на то, что „Нэнъ", огибая вѣхи у Морского канала, коснулась основанія одной изъ нихъ килемъ. Судьи гонки хотя въ принципѣ и признавали, что навалъ (?) этотъ не могъ имѣть для результатовъ гонки никакого значенія, тѣмъ не менѣе, по буквальному смыслу гоночныхъ правилъ, должны были признать рулевого „Нэнъ" лишеннымъ права на призъ, присудивъ его г. Брунсту; г. Фонсмиту же признали нужнымъ выдать за эту гонку особый именной жетонъ. Судьями на гонкѣ были: вице-командоръ Г. А. Донбергъ, судья отъ морского министерства контръ-адмиралъ Ельчаниновъ, почетный членъ яхтъ-клуба В. В. Шталь и И. В. Глушковъ.

Во время гонки на паровомъ катерѣ на яхту „Гарри", гдѣ находились судьи и коммиссія, прибылъ командиръ клуба съ депутаціей отъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, во главѣ съ полковникомъ Путиловымъ, для поднесенія яхтъ-клубу въ даръ роскошной вазы — изъ серебра, работы Грачева—цѣнностью до 800 рублей. Ваза, поддерживаемая художественно исполненными всевозможными морскими принадлежностями, имѣетъ на своемъ днѣ перекрещенное полковое знамя и флагъ яхтъ-клуба съ надписью „лейбъ-гвардіи гренадерскій полкъ — с.-петербургскому рѣчному яхтъ-клубу" — 21-го іюля 1896 г." т. е. день, когда должна разыгрываться на гонкѣ эта ваза, но выигравшему выдается лишь модель ея, а названіе яхты и фамилія владѣльца вырѣзаются на самой вазѣ, и она хранится постоянно въ яхтъ-клубѣ. Подобная ваза, значительно проще, была поднесена гренадерами яхтъ-клубу въ 1885 году, но погибла во время пожара клуба въ 1894 г. и теперь возобновлена, но уже въ болѣе изящномъ видѣ.

Возникшій лѣтъ шесть тому назадъ Шуваловскій парусный кружокъ съ весны этого года преобразовался въ яхтъ-клубъ и въ качествѣ такового праздновалъ 19-го мая открытіе навигаціи. Благодаря хорошей погодѣ, на церемонію собралось много членовъ съ ихъ семействами, а также представителей другихъ спортивныхъ обществъ. Послѣ молебствія, совершеннаго у яхтъ-клубской мачты, по командѣ командира В. П. Ивашева, на мачтѣ былъ торжественно поднятъ флагъ новаго яхтъ-клуба, а вслѣдъ затѣмъ былъ совершенъ традиціонный обрядъ „крещенія", недавно спущеннаго на воду, общественнаго ботика „Суздалецъ", причемъ роль крестной мамаши, разбившей, согласно обычаю, о форштевень судна бутылку шампанскаго, исполняла супруга казначея яхтъ-клуба, г-жа С. В. Симанцева. Начавшійся затѣмъ завтракъ отличался большимъ оживленіемъ. Новымъ яхтъ-клубомъ въ предстоящую навигацію предполагается устроить пять парусныхъ гонокъ: 9-го и 23-го іюня, 7-го іюля и 4-го и 18-го августа; кромѣ того, 22-го іюля — эскадренную прогулку. Затѣмъ по четвергамъ, начиная съ 23-го мая, устроены танцовальные вечера.

С. А. Панинъ

(къ портрету)

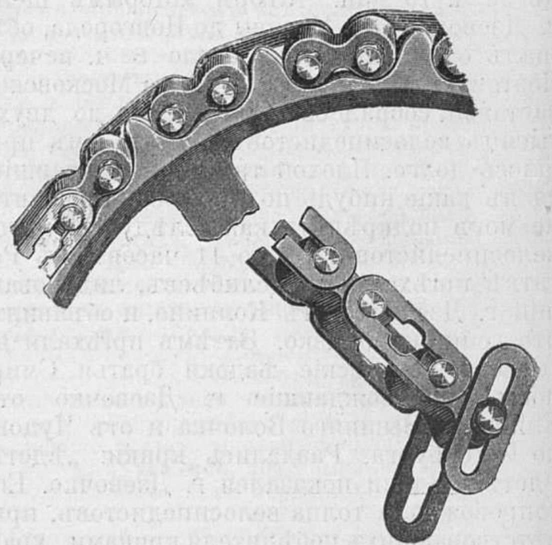
Сергѣй Александровичъ Панинъ (псевдонимъ)— еще молодой ѣздокъ. Ему въ настоящее время 18 лѣтъ. Началъ онъ участвовать въ велосипедныхъ состязаніяхъ съ осени 1894 года на стрѣльнинскомъ циклодромѣ и быстро выдвинулся изъ среды своихъ многочисленныхъ конкурентовъ. Нынѣшней зимой онъ принялъ участіе въ состязаніяхъ Михайловскаго манежа, устроенныхъ обществомъ велосипедной ѣзды, и находился уже въ числѣ ѣздоковъ перваго класса. Въ послѣдней гонкѣ онъ выигралъ первый призъ и получилъ званіе перваго ѣздока Петербурга въ 1896 году. При открытіи стрѣльнинскаго циклодрома участвовалъ въ трехъ заѣздахъ и между прочимъ въ двадцативерстномъ заѣздѣ на званіе лучшаго ѣздока Стрѣльны. Онъ легко побѣдилъ своего конкурента г. Шидловскаго и пріобрѣлъ это званіе. Ходъ С. А. Панина свободный и легкій, посадка красивая.

Состязаніе велосипедиста съ наѣздникомъ

Въ воскресенье, 26-го мая, на циклодромѣ кіевскаго общества велосипедистовъ, при большомъ стеченіи публики, состоялось состязаніе между кіевскимъ велосипедистомъ г. Потуржанскимъ и американскимъ наѣздникомъ Джекъ Блисдель изъ техасской труппы ковбоевъ Вильямса Каспара. Потуржанскій ѣхалъ на своемъ гоночномъ велосипедѣ завода Руджъ-Витвортъ, а Джекъ-Блисдель началъ скачку на лучшемъ американскомъ скакунѣ. Публика очень интересовалась результатами состязанія. Послѣ даннаго сигнала, наѣздникъ съ мѣста ринулся впередъ; Потуржанскій съ лидерами сейчасъ же нагналъ наѣздника и шелъ рядомъ съ нимъ. Публика, дѣлившаяся на двѣ партіи, видя такую равную борьбу, пришла въ азартъ и громкими криками, смѣшивающимися съ несмолкаемыми криками ковбоевъ, подбодряла какъ велосипедиста, такъ и наѣздника. Наѣздникъ также, видя, что велосипедистъ все не отстаетъ, началъ мѣнять лошадей уже чрезъ каждый кругъ, но и это не помогло. Чѣмъ дальше, лошади все слабѣютъ и слабѣютъ; велосипедистъ же — наоборотъ: онъ все увеличиваетъ ходъ и замѣтно начинаетъ уходить отъ наѣздника впередъ. На послѣднихъ десяти минутахъ было уже видно, что велосипедистъ одержитъ побѣду. Когда раздался звонокъ, извѣщающій, что до конца состязанія остается одна минута, г. Потуржанскій съ особенной быстротой, лидируемый г. Ахматовымъ, сдѣлалъ послѣдній кругъ и выигралъ состязаніе. Онъ прошелъ въ 1 часъ 35 вер. 11 саж., а наѣздникъ на 8 лошадяхъ сдѣлалъ 33 вер. 115 саж. Г. Потуржанскому былъ врученъ призъ — роскошный серебряный сервизъ въ 300 рублей: тутъ же было объявлено публикѣ, что скорость болѣе 35 верстъ въ часъ до сего времени на кіевскомъ циклодромѣ еще не была достигнута; существовалъ часовой рекордъ 34 вер. 169 саж. и владѣльцемъ его былъ также г. Потуржанскій.

Велосипедная цѣпь Балдуина

Правильная служба велосипеда зиждется на исправномъ состояніи двухъ главныхъ его частей — его резиновыхъ, пневматическихъ шинъ и той ленточной цѣпи, которая перекинута съ оси педалей на ось ходового колеса. Цѣпь эта состоитъ изъ пластинчатыхъ звеньевъ, скрѣпленныхъ болтами съ гайками. Вслѣдствіе постояннаго и притомъ усиленнаго тренія цѣпь неизбѣжно изнашивается, вытягивается, начинаетъ хлябать и наконецъ проскакиваетъ черезъ зубцы

шестерень, надѣтыхъ на осяхъ педали и колеса вся машина приходитъ въ разстройство, перестаетъ даже вовсе служить, не идетъ, не катится. Спрашивается — какъ предупредить изнашиваніе? Дѣлать части цѣпи изъ закаленной стали — это затруднитъ обработку, а дѣлать изъ мягкой — изнашиваніе неизбѣжно. Изыскивая средства борьбы съ этимъ недостаткомъ цѣпей, американскій конструкторъ Балдуинъ придумалъ нѣкоторое приспособленіе, при которой совершенно растянутая цѣпь можетъ быть вновь стянута до надлежащаго, точнаго размѣра. Цѣпь, построенная Балдуиномъ, не содержитъ никакихъ лишнихъ составныхъ частей, напротивъ, даже въ ней нѣсколько уменьшено ихъ число. Главная особенность этой цѣпи заключается въ устройствѣ болтовъ. Болтъ круглый, цилиндрическій по толщинѣ соотвѣтствуетъ каналамъ во внутрен-

нихъ 8 образцовыхъ звеньяхъ цѣпи; но концы болтовъ срѣзаны съ двухъ сторонъ совсѣмъ плоско, и между этими срѣзами дана болту толщина какъ разъ въ ширину прорѣза внѣшнихъ звеньевъ цѣпи. Два бока болта отстоятъ не на одинаковомъ разстояніи отъ центровой оси болта: одинъ нѣсколько дальше (именно на 1/32 дюйма), чѣмъ другой. Ясно, что болты можно вставить въ гнѣзда наружныхъ звеньевъ различными срѣзами, и цѣпь выйдетъ нѣсколько короче или длиннѣе; на всю цѣпь, длиною въ 52 дюйма, эта розница можетъ дойти до 3 дюймовъ. По мѣрѣ изнашиванія цѣпь удлиняется, тогда самъ владѣлецъ самокатки переставляетъ болты другими срѣзами къ концамъ прорѣзовъ въ звеньяхъ; онъ соображается при этомъ со степенью удлиненія цѣпи, переставляетъ болты, напримѣръ, черезъ каждыя 3—4—5 звеньевъ, и цѣпь укорачивается на сколько надо. Благодаря этому приспособленію цѣпь служитъ, по крайней мѣрѣ, вдвое дольше, чѣмъ цѣпи нынѣшнихъ ходячихъ устройствъ. Новость важная въ велосипедномъ спортѣ.

Новости спорта

Чампіонъ Россіи М. И. Дьяковъ, находящійся въ настоящее время въ Лондонѣ, участвовалъ въ недавней гонкѣ на „чампіонатъ Англіи" и одержалъ блестящую побѣду. Гонка была безъ лидеровъ на 25 миль. Въ состязаніи участвовало 43 человѣка, среди которыхъ, кромѣ англичанъ, находились голландцы, французы, датчане, нѣмцы, австрійцы и друг., такъ что состязаніе это имѣло характеръ международный. М. И. Дьяковъ намѣренъ принять участіе еще въ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ гонкахъ.

Международная гонка Бордо—Парижъ. Устраиваемая ежегодно международная гонка Бордо—Парижъ (дистанція 591 километръ) нынѣшнимъ лѣтомъ имѣла особенный интересъ въ виду того, что въ ней приняли участіе лучшіе ѣздоки Франціи: Ривьеръ, Тэ, Бретонъ; Англіи — Линтонъ, Неасонъ; Голландіи — Корданъ; Австріи — Фишеръ и Гергеръ и Бельгіи — Дерфъ. Фишеръ въ первое время находился впереди всѣхъ гонщиковъ, но скоро бросилъ гонку. Рѣзвѣй другихъ шли Ривьеръ и Линтонъ, перегоняя другъ друга. Первымъ кончилъ гонку Линтонъ, пройдя дистанцію въ 21 ч. 17 м. 18 с., вторымъ — Ривьеръ въ 21 ч. 18 м. 21 с., третьимъ — Тэ въ 22 ч. 12 м. 40 с., четвертымъ—Неасонъ въ 23 ч. 9 м. 45 с., пятымъ — Корданъ въ 23 ч. 28 м. 30 с. Грегеръ пришелъ седьмымъ. Жюри объявили пришедшими первыми Линтора и Ривьера. Послѣдній имѣлъ полное право претендовать на первенство, такъ какъ Линтонъ въ концѣ гонки направился къ велодрому не той дорогой, которая была указана въ маршрутѣ, а болѣе короткой, черезъ Булонскій лѣсъ. Лишать же перваго приза Линтона нѣтъ никакого основанія, такъ какъ маршрутъ ему не былъ извѣстенъ. Единственными виновниками такого недоразумѣнія являются распорядители международной гонки.

Рис. 1.

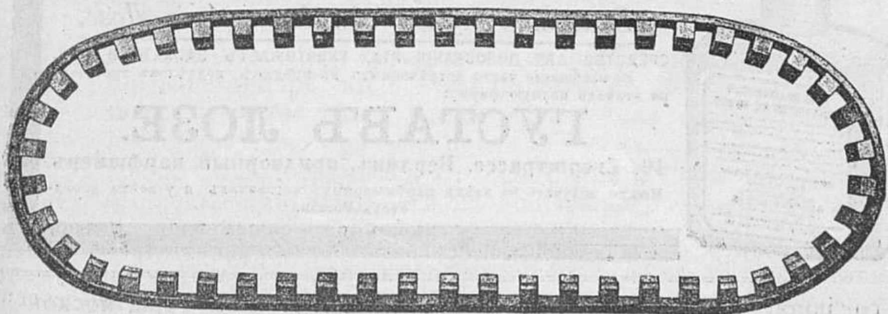
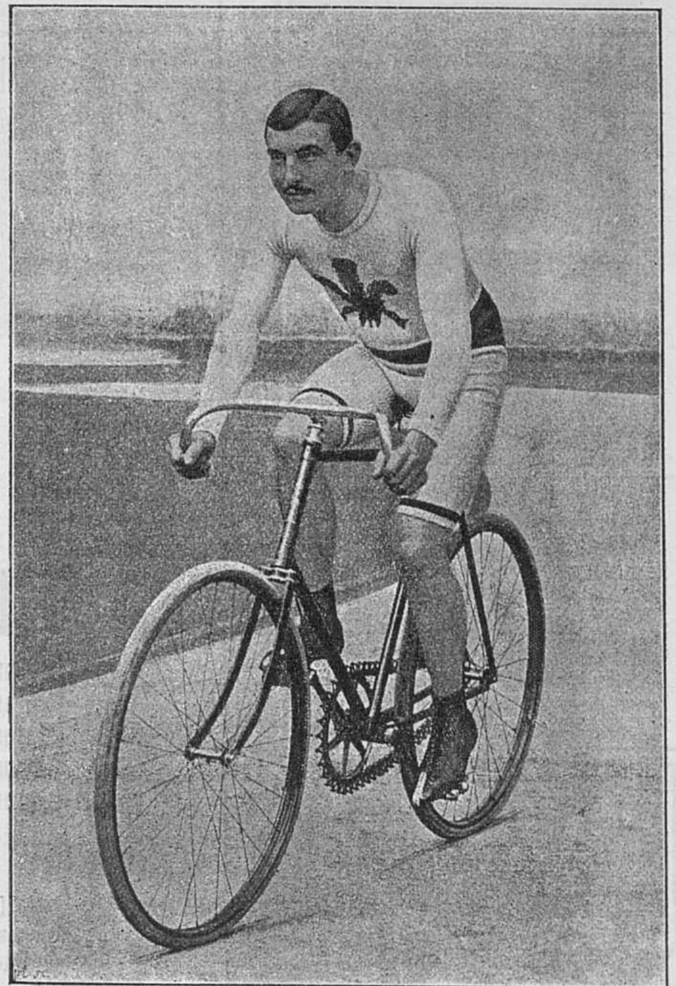

Рис. 2.

Новыя шины. Въ настоящее время въ велосипедномъ спортѣ царитъ пневматическая шина. Качества ея хорошо извѣстны. Она оберегаетъ отъ сотрясеній и, слѣдовательно, отъ порчи металлическія тонкія и легкія части велосипеда. Одновременно хорошо извѣстны и ея недостатки. Пневматическая шина очень скоро портится. Малѣйшаго прокола достаточно, чтобъ изъ нея вышелъ воздухъ. Велосипедистъ окажется вынужденнымъ или лично заниматься ея исправленіемъ, или отдать свой велосипедъ мастеру. Въ результатѣ стоимость велосипеда, благодаря частымъ починкамъ шинъ, возростаетъ весьма значительно. Чтобъ уменьшить эту стоимость, въ послѣднее время изобрѣтатели обратили вниманіе на возможность замѣнить пневматическую шину эластичной. На рисункахъ изображена такая шина. Она состоитъ изъ сплошной шины съ каучуковыми придатками — зубцами, разстояніе между которыми можно увеличить или уменьшить по желанію. Надѣтая на резиновый ободъ колеса, она пріобрѣтаетъ всѣ достоинства пневматической шины и даже превосходитъ ее, такъ какъ, по увѣренію изобрѣтателей, менѣе скользитъ, благодаря болѣе широкому своему основанію. Какъ на недостатки, указываютъ на возможность заполненія интерваловъ между резиновыми зубцами грязью или пылью. Но этотъ недостатокъ можно легко уничтожить, залѣпивъ бока шины тонкой резиновой лентой. Для дальнихъ поѣздокъ новая шина несомнѣнно имѣетъ хорошее будущее.

Царскосельскія скачки

Второй и третій дни скачекъ имѣли такую же средняго качества программу. Разыгранная въ четвергъ 30-го мая, первая барьерная скачка, на 2 версты 100 саж., несмотря на записанныхъ двухъ лошадей, прошла такимъ же валкуверомъ, какъ и въ первый день состязаніи. „Паника" С. Л. Носовича была снята, а взяла призъ „Джоя" Д. Ф. Лукашевича и С. А. Задонскаго (наѣздникъ А. В. Козловъ) въ 3 м. 45 с., призъ 510 руб. Добавочную гладкую скачку выиграла „Крелотъ" В. В. Маркозова (ѣздокъ Д. В. Маркозовъ) въ 2 мин. 40 с., первый призъ 414 рубл., второй — 106 руб. получилъ „Гаялоръ" А. К. Булатовича. Большой стипль-чезъ на три версты разыгрался очень печально: два ѣздока на препятствіяхъ упали; первый изъ нихъ А. Н. Петриченко, отдѣлался легко безъ ушиба, второй же А. В. Козловъ, скакавшій на „Рикошетѣ", упалъ и переломилъ себѣ ногу въ двухъ мѣстахъ, а лошадь, поранившая себѣ пахъ кускомъ дерева отъ барьера, была застрѣлена черезъ два дня. Призъ 646 рубл., ѣздоку вещь въ 150 рубл. взяла „Гарда" С. Л. Носовича въ 4 мин. 13 сек.; на полкорпуса отъ нея пришелъ вторымъ „Капитанъ-Кукъ", получивъ 215 рубл. и третьимъ былъ „Элисъ" А. К. Туганова. Другой стипль-чезъ на 2 версты, призъ 1-й лошади 398 рубл., ѣздоку вещь въ 100 рубл., взялъ „Тукай" В. В. Ростовцева въ 2 м. 32 с.; второй призъ 127 рубл. получила „Русалка", пришедшая отъ первой лошади на корпусъ и двѣ лошади „Лестокъ" и „Марзана" закинулись. Гладкая скачка на 2 версты 133 саж. разыгралась между шестью скакунами; лучше другихъ здѣсь былъ „Форашъ" С. Л. Носовича, пришедшій въ 3 м. 1 с., выигравъ 414 рубл.; второй призъ 106 рублей взяла другая лошадь того же владѣльца „Лео", на которой скакалъ баронъ В. Н. Ренне, проиграла она два корпуса. Послѣдняя скачка въ тотъ день была „барьерная" на 3 версты. Изъ трехъ скакавшихъ лошадей, первой пришла „Паника" С. Л. Носовича въ 4 м. 10 сек. и получила 682 рубл., а ѣздокъ-владѣлецъ серебряную вещь въ 100 рубл.; второй призъ достался „Вводному-Листу", на которомъ ѣхалъ А. А. Павловъ.

А. ЛИНТОНЪ, побѣдитель на международной гонкѣ Бордо—Парижъ.

Въ воскресенье, 2-го іюня, на барьерной скачкѣ „Паника" С. Л. Носовича была лучше своей соперницы „Миньоны" Н. А. Лисаневича, пройдя дистанцію въ 3 м. 13 с. и бросивъ вторую лошадь на полкорпуса; она получила 416 рубл., вторая — 104 рубл. На добавочной барьерной скачкѣ „Фальстафъ" В. К. Варгунина взялъ первый призъ 326 рубл. и второй, 84 рубля, получила „Сулима" А. А. Лихачева—ѣздокъ В. А. Лихачевъ. Шедшая въ тотъ же день вторымъ нумеромъ барьерная скачка доставила побѣду „Вводному-Листу" Д. В. Лукашевича (ѣздокъ С. Л. Носовичъ), который пришелъ въ 2 м. 43 с., получивъ 402 рубл.; второй призъ, 103 рубля, взяла „Акватина" М. С. Ильенко, опоздавшая на два корпуса (ѣздокъ К. С. Ильенко). Стипль-чезъ около 2 верстъ разыгрался между шестью лошадьми. „Змѣй" Н. А. Лисаневича былъ снятъ, а съ первымъ призомъ въ 398 рубл. и вещью для ѣздока въ 100 рубл. оказался „Тукай" В. Н. Ростовцева (ѣздокъ—самъ владѣлецъ); вторымъ былъ „Роландъ I й" А. Н. Петриченко, проигравшій на корпусъ. Гладкую скачку на 2 версты 100 саж. выигралъ „Форашъ" С. Л. Носовича въ 2 м. 50 с.; на 5 корпусовъ вторымъ былъ его же „Лео". Большой стипль-чезъ въ честь свѣтлѣйшаго князя Д. Б. Голицына, на 3 версты, выигралъ „Капитанъ-Кукъ" В. Н. Ростовцева въ 4 м. 9 с., призъ 988 рубл. и вещь въ 200 рубл. проигралъ ему четыре корпуса „Вераксъ" барона В. Н. Ренне (320 рубл.). Третій призъ 40 рублей получилъ „Эллисъ" А. К. Туганова (ѣздокъ-владѣлецъ). Послѣдняя гладкая скачка разыгралась между „Гунерсмаромъ" С. Л. Носовича и „Гаялоромъ" А. К. Булатовича (ѣздокъ—М. Н. Ефимовичъ), двѣ лошади „Файло" и „Гедиминъ" здѣсь были сняты. Со старта на этой скачкѣ пошелъ одинъ „Гунерсмаръ", а „Гаялоръ" закинулся на мѣстѣ и потерялъ болѣе ста корпусовъ. Окончили, впрочемъ, оба благополучно—„Гунерсмаръ" скакалъ не спѣша, ожидая товарища, но послѣдній пришелъ все-таки, какъ опредѣлили гг. судьи, на разстояніи отъ него въ ста корпусахъ. Первый призъ 326 рубл. получилъ „Гунерсмаръ" и второй—84 рубля „Гаялоръ". Время скачки очень тихое — первая верста въ 2 м., вторая въ 1 м. 16 с. — въ общемъ 3 м. 16 с.

М. И. I.

№ 1427 (23) „Всемірной Иллюстраціи“ сданъ въ воскресенье, 2-го іюня: на городскую почту въ 6 час. 30 мин. утра, московскимъ подписчикамъ въ субботу, 1-го іюня, въ 1 ч. 40 мин. дня и иногороднымъ въ понедѣльникъ и во вторникъ, 3-го и 4-го іюня, въ 2 часа дня, въ чемъ и имѣются почтовыя росписки.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся: въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
ВЪ МОСКВѢ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ.
ВЪ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи „Вѣстника Винодѣлія“ В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

Дозв. цензурою. СПб. 7-го іюня 1896 г. За издателя — редакторъ Э. Д. ГОППЕ. Типографія Эд. Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Какое милое письмо получилъ я отъ нея опять, уже девятое по счету! У меня становится свѣтлѣе на душѣ, какъ только я вижу ея почеркъ. У большинства образованныхъ женщинъ почеркъ не имѣетъ никакого опредѣленнаго характера (къ сожалѣнію, также у Эльфриды!). Онъ или напоминаетъ старательное школьное упражненіе—правильныя, тоненькія буквы — точно аккуратное вышиванье à petit point, чистенькое и ужасно скучное — или отличается ребяческой неувѣренностью. Другія женщины, напротивъ, стараясь блеснуть оригинальностью, обнаруживаютъ только дюжинность своей натуры: ихъ крупныя неуклюжія буквы не болѣе, какъ подражаніе мужскому почерку.

Но рука баронессы! Съ перваго взгляда каждый скажетъ себѣ: это писала женщина, но такая, въ головѣ которой родятся ясныя, опредѣленныя мысли, женщина съ чистымъ сердцемъ, прозрачнымъ, какъ лоно водъ, и богатымъ, какъ подземелья Плутона.

Таковъ у ней и слогъ: благородный, безъ вычурности, простой, безъ пошлости. Таково же и содержаніе ея писемъ: дѣловое безъ филистерства; когда же ей приходится затрогивать возвышенныя сферы мышленія, она дѣлаетъ это какъ хорошая наѣздница, которой ничего не значитъ, не измѣняя аллюра лошади, взять высокій барьеръ или перепрыгнуть черезъ канаву.

Однако въ нашей перепискѣ баронессѣ представлялось не много такихъ случаевъ. Прежде всего она написала мнѣ нѣсколько формальныхъ строкъ, изъявляя свою благодарность за мою распорядительность при доставкѣ тѣла въ Кардовицъ (родовое имѣніе баронской семьи на островѣ Рюгенѣ, гдѣ находится фамильный склепъ) и за прочія хлопоты, выпавшія на мою долю при этомъ несчастномъ случаѣ. Потомъ она прибавила, что въ послѣднее время, на сколько ей извѣстно, я помогалъ ея покойному мужу приводить въ порядокъ его денежныя дѣлы; поэтому она сочтетъ за величайшее одолженіе, если я возьму на себя трудъ сообщить, что именно считаю нужнымъ предпринять съ этой цѣлью, въ виду настоящихъ обстоятельствъ.

Въ отвѣтъ на это письмо я подробно изложилъ ей положеніе дѣлъ, на сколько оно было мнѣ доступно, причемъ не скрылъ отъ нея своихъ опасеній, что покойный баронъ, пожалуй, нарочно умолчалъ передо мной о многихъ сторонахъ денежнаго вопроса и, можетъ быть, очень важныхъ.

Такимъ образомъ, между нами завязалась постоянная переписка и на мою долю выпало немало трудовъ. Мнѣ пришлось войти въ сношеніе съ опекой маіората и личными опекунами Ганса. Благодаря какому-то исключительному счастью, я все попадалъ на людей осмотрительныхъ и добросовѣстныхъ, такъ что остался доволенъ полученными результатами и надѣюсь благополучно выбраться изъ всѣхъ затрудненій. А это было бы очень желательно въ интересахъ Ганса; въ противномъ случаѣ онъ можетъ попасть въ критическое положеніе, натыкаясь впослѣдствіи на каждомъ шагу на неудовлетворенныхъ кредиторовъ своего отца. Не менѣе нуждается въ этомъ и благородная женщина, которой, кромѣ довольно незначительной вдовьей части, была назначена въ брачномъ контрактѣ порядочная сумма чистыми деньгами; между тѣмъ покойный баронъ сильно растратилъ этотъ капиталъ, но я непремѣнно выхлопочу его для нея, хотя бы для этого мнѣ пришлось поднять на ноги весь свѣтъ.

Мы продолжали переписываться въ сухомъ тонѣ, касаясь только дѣловыхъ вопросовъ, до тѣхъ поръ, пока въ своемъ послѣднемъ письмѣ я не заговорилъ о Гансѣ. Этотъ мальчикъ съ самаго начала очаровалъ меня задушевнымъ взглядомъ своихъ большихъ карихъ глазъ и ясной улыбкой, которая вдругъ преображаетъ его серьезное личико. Я не могъ писать о немъ хладнокровно, и, вѣроятно, баронесса прочитывала мои строки также съ невольнымъ волненіемъ. Это внезапно перемѣнило тонъ нашихъ писемъ, сдѣлало его довѣрчивѣе, теплѣе, сердечнѣе. Она разсчитываетъ на мои совѣты и помощь при воспитаніи сына. Къ обѣимъ „традиціоннымъ“ опекунамъ мальчика (они же состояли опекунами и его отца) она не имѣетъ настоящаго довѣрія. Первый изъ нихъ — дѣйствительный тайный совѣтникъ юстиціи Бринкъ, второй — генералъ-лейтенантъ фонъ-Главицъ. Оба они люди въ высшей степени почтенные,

честные, крайне добросердечные, но уже слишкомъ снисходительные. На нихъ нельзя положиться, потому что они готовы смотрѣть на все сквозь пальцы и въ виду своихъ преклонныхъ лѣтъ едва ли знаютъ—какое воспитанie требуется въ настоящее время для юношества. Я же, напротивъ, нахожусь въ самыхъ счастливыхъ условiяхъ, какъ человѣкъ, который уже созрѣлъ въ житейской борьбѣ, но еще достаточно молодъ, чтобы сочувствовать молодежи и, если не раздѣлять ея черезчуръ смѣлыхъ стремленiй, то, по крайней мѣрѣ, понимать ихъ. Питая глубокое уваженie къ своему сословiю и будучи даже нечуждой сословныхъ предразсудковъ, баронесса, по ея словамъ, чувствуетъ отвращенie къ мелочнымъ, кичливымъ дворянчикамъ, которые ни чему не научились и ничего не позабыли. Этотъ разрядъ людей, который взялъ такую силу въ Германiи и пользуется такими преимуществами въ Пруссiи, губитъ дворянство, составляющее культурно-историческую необходимость, по убѣжденiю баронессы. Но чтобы аристократiя могла исполнять свою задачу — идти во главѣ нацiи — для этого еще недостаточно традицiонныхъ хорошихъ манеръ, упражненiя въ такъ называемыхъ рыцарскихъ искусствахъ и „savoir vivre“. Этимъ, пожалуй, еще можно было съ грѣхомъ пополамъ довольствоваться въ эпоху Вильгельма Мейстера, но въ современномъ мiрѣ недалеко уйдешь съ этими качествами, если къ нимъ не присоединяется ничего болѣе существеннаго. Подъ болѣе же существеннымъ она подразумѣваетъ современное политическое, нацiонально-экономическое, промышленное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и философское образованie. Меня баронесса считаетъ ученымъ и надѣется, что въ моемъ обществѣ мальчикъ усвоитъ уваженie къ наукѣ и пойметъ, что хорошiя книги наши лучшiя друзья.

Ея наивная вѣра въ мою ученость заставила меня улыбнуться. Достойно замѣчанiя и въ то же время стыдно, что мы, мужчины, все еще импонируемъ мыслящимъ женщинамъ своими небольшими познанiями! Я постарался найти такой оборотъ рѣчи въ своемъ отвѣтѣ, чтобы не оскорбить ея. При этомъ я высказалъ, что, по моему, не только юноша-дворянинъ, но и каждый молодой человѣкъ, находящiйся въ благопрiятныхъ условiяхъ, обязанъ, на сколько возможно, усвоить себѣ современную науку. Что же касается меня, то я, конечно, употреблю всѣ старанiя, чтобы направить ея сына на ту дорогу, о которой она мечтаетъ для него.

Потомъ, само собою разумѣется, я выразилъ скромнымъ образомъ свою радость по поводу того, что баронесса перемѣнила свое мнѣнie обо мнѣ въ болѣе лестную сторону...

Въ отвѣтъ на это пришло ея послѣднне письмо.

Она пишетъ...

Однако настоящiй дневникъ долженъ служить для меня въ старости какъ бы картой, по которой я могу безъ труда прослѣдить весь мой жизненный путь. Поэтому необходимо отмѣчать въ немъ пройденныя разстоянiя отъ одного знаменательнаго пункта до другого. А я чувствую, что это письмо служитъ именно подобной пограничной чертой. Она дала мнѣ возможность заглянуть въ такую область женской души, которой до сихъ поръ я совсѣмъ не зналъ, и прiобрѣтенныя мною новыя свѣдѣнiя не могутъ остаться безъ влiянiя на мои послѣдующiя чувства и мысли. Значитъ, письмо баронессы вполнѣ заслуживаетъ, чтобы я удѣлилъ ему мѣсто въ этой тетради.

Она пишетъ...

„Позвольте мнѣ въ другой разъ вернуться къ остальнымъ предметамъ, затронутымъ въ вашемъ письмѣ. Сегодня же меня занимаетъ только одинъ пунктъ. Вы коснулись его съ тою деликатностью, которою совсѣмъ избаловали вашу корреспондентку, и я давно уже испытываю непреодолимое желанie столковаться съ вами именно по этому вопросу. Да, я измѣнила свое мнѣнie о васъ, измѣнила радикально. Съ нашей первой встрѣчи — я не вижу причины этого отрицать — вы произвели на меня благопрiятное впечатлѣнie. Вы и стояли, и ходили, и говорили какъ человѣкъ, а не одна изъ тѣхъ куколъ въ мужскомъ одѣянiи, которыя фабрикуются тысячами, пускаются въ обращенie

подъ видомъ дюжинныхъ натуръ и способны внушить другимъ положительное омерзенiе къ жизни. Я крайне чутка къ подобнымъ вещамъ — и мнѣ пришлось слишкомъ долго и слишкомъ болѣзненно томиться въ нравственномъ одиночествѣ для того, чтобъ я не испытала отраднаго чувства при видѣ васъ. На меня точно повѣяло освѣжающимъ вѣтеркомъ во время тягостнаго лѣтняго зноя. Потомъ наступила реакцiя, тѣмъ болѣе сильная, чѣмъ больше понравились вы мнѣ. Опять горькое разочарованiе! Я думала про себя: „нѣтъ этотъ человѣкъ не можетъ быть тѣмъ, за что ты его принимаешь, если онъ такъ легко попался на удочку! Можно ли оказаться на столько слѣпымъ и не замѣчать, что имъ играютъ, какъ кошка мышью? Вѣроятно, у него нѣтъ никакого нравственнаго чутья, если онъ не видитъ душевной дрянности другого, хотя она такъ и сквозитъ изъ-подъ гладкой личины! Человѣкъ этотъ глупецъ, а, пожалуй, еще и хуже того: одинъ изъ тѣхъ, которые допускаютъ ослѣпить себя внѣшностью, чтобы самимъ значить что нибудь, и готовы влѣзть въ ливрею знатнаго лица ради чести попасть въ его свиту".

Съ возрастающимъ неудовольствiемъ слѣдила я за успѣхами вашей близости съ барономъ и презрительно расхохоталась, услыхавъ, что вы благополучно добрались до братскаго „ты" въ своей трогательной интимности. „Должно быть, одного поля ягоды!" рѣшила я. Рѣшила, совершенно позабывъ, что и сама нѣкогда поддалась тому же обаянiю, что мнѣ понадобилось столько выстрадать, пережить столько страшныхъ униженiй, разбивающихъ сердце обидъ, для того, чтобъ сбросить съ себя роковыя чары! Да и то не вдругъ! — только постепенно, противъ воли, среди жестокой борьбы, которая стоила мнѣ слишкомъ дорого. Между тѣмъ отъ васъ я съ перваго же момента требовала печальнаго благоразумiя, хотя сама дошла до него лишь путемъ горькаго опыта въ теченiе долгихъ лѣтъ.

Отъ всей души прошу теперь у васъ прощенья за свою тогдашнюю надменность! у васъ и у вашей милой жены. Надѣюсь еще подружиться съ нею, а съ вами, смѣю думать, мы уже подружились!"

И такъ, пишетъ мнѣ женщина, которая сочла нужнымъ въ своемъ второмъ письмѣ извиниться передо мною въ томъ, что она написала въ первый разъ на моемъ адресѣ „Его Благородiю" вмѣсто „Его Высокородiю". Ей, изволите видѣть, не пришло въ ту минуту на умъ, что я офицеръ!

Значитъ, вѣрно, что не всѣ тѣ свободны, которые смѣются надъ своими цѣпями. Да также и тѣ, которые сбросили ихъ съ себя.

Это отзывается парадоксомъ, а между тѣмъ буквально вѣрно.

Примѣромъ тому служитъ высокородная баронесса.

* * *

Странно, какъ въ воображенiи Эльфриды измѣнилась роковая сцена въ лѣсу! Хотя я никогда не допытывался насчетъ подробностей — Боже меня сохрани! — однако, судя по необыкновенному испугу моей жены и первымъ сбивчивымъ признанiямъ, я долженъ былъ предположить, что этотъ развратный человѣкъ выказалъ себя здѣсь во всей своей гнусности. Между тѣмъ, если послушать ее теперь, ни о чемъ подобномъ не можетъ быть и рѣчи. Все ограничилось будто бы тѣмъ, что баронъ снова жаловался на несчастье своей жизни, на судьбу, которая не послала ему любящей женщины, благодаря чему онъ сознательно стремился къ собственной гибели, тогда какъ хорошая жена могла бы легко направить его на все доброе, потому что онъ уступчивъ и готовъ подчиниться чужому влiянiю.

Ей стало его такъ жалко! Она была такъ искренно растрогана! Такъ глубоко потрясена!

Допустимъ, онъ могъ начать, такимъ образомъ, но кончилъ, безо всякаго сомнѣнiя, иначе.

9*

Неужели она просто забыла конецъ?
Нѣтъ, это невѣроятно.
Тогда Эльфрида хочетъ его забыть, не желаетъ больше о немъ думать.
Но въ такомъ случаѣ—почему же?

* * *

Я перелистывалъ свой дневникъ съ цѣлью перечитать мое описаніе событій того ужаснаго утра. Надо убѣдиться—не измѣняетъ ли и мнѣ моя память, не вводитъ ли и меня въ роковыя заблужденія разыгравшаяся фантазія.

Дѣло не такъ плохо, какъ я думалъ, но кое-какія уклоненія отъ истины все-таки можно подмѣтить. Нѣкоторыя частности стушевались, другое перепуталось въ моей головѣ. Такъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, я былъ бы способенъ утверждать теперь подъ присягой, что во время нашей перебранки я крикнулъ барону: „вы пьяны"! Подумать это я могъ, но сказать, не сказалъ — потому что этого не записано въ протоколѣ. Далѣе: мнѣ представляется, будто бы я подошелъ къ кучкѣ людей, обступившихъ мертвое тѣло, со словами: „ради Бога что такое случилось?" Эго тоже неправда. Изъ протокола ясно можно понять, что въ ту минуту я еще не помышлялъ отрекаться отъ совершеннаго мною убійства. Эта мысль и окончательное рѣшеніе явились у меня тогда, когда мой мозгъ вполнѣ освѣжился послѣ крѣпкаго сна, и я понялъ, что не отвѣтственъ за случившееся ни передъ кѣмъ, кромѣ судіи, который живетъ въ моемъ сердцѣ.

Какъ хорошо, какъ хорошо, что я немедленно составилъ точный протоколъ!

У женщинъ не хватаетъ на это присутствія духа и мужества. Поэтому онѣ не должны удивляться, если ихъ позднѣйшія показанія, странно уклоняющіяся отъ первыхъ, обыкновенно встрѣчаютъ недовѣрчивымъ покачиваніемъ головы.

Вотъ почему я убѣжденъ, что Эльфрида не говоритъ сознательной лжи—у пей просто произошла путаница въ мысляхъ, благодаря ея ненормальному положенію.

* * *

Цвѣтущая жизнь въ какихъ нибудь двадцать четыре часа смѣнилась оцѣпенѣніемъ смерти! Мое дорогое, милое дитя! мой добрый, сердечный мальчикъ! Въ одни сутки! Я просто не могу этого постичь. Да оно и не постижимо. Природа создаетъ живое существо съ такимъ совершенствомъ, осыпаетъ его богатѣйшими дарами, заботливо хранитъ нѣкоторое время ото всякихъ невзгодъ и опасностей, но вдругъ любящая мать превращается въ безумную и кидаетъ свое дитя въ пасть смерти. О, это холодное, желѣзное равнодушіе, которому мы воздаемъ слишкомъ много чести, называя его жестокимъ! При жестокости мыслимо еще чувство. У природы же нѣтъ никакого, какъ нѣтъ и сердца въ груди. Что отъ нея могъ произойти человѣкъ, способный раздѣлять чужую радость и сочувствовать горю ближняго, это чудо изъ чудесъ, передъ которымъ блѣднѣетъ весь дивный міръ лучезарныхъ солнцъ и вращающихся планетъ съ ихъ механическимъ движеніемъ и отраженіемъ, со всей ихъ бездушной безконечностью.

— Бѣдное дитя, что съ тобою сдѣлали? И что ты сдѣлало другимъ, чтобы такъ пострадать, ненаглядное, безобидное созданіе? Невинный ангелъ!

* * *

Однако я пользуюсь здѣсь гораздо большей симпатіей, чѣмъ думалъ. О моемъ добрѣйшемъ старикѣ, окружномъ лѣсничемъ, который, слава Богу, выздоровѣлъ и всталъ съ постели, о моемъ вѣрномъ Амсбергѣ и его славной женѣ я ужъ и не говорю. Также о баронессѣ, чудное письмо которой вызвало у меня первыя слезы, тогда какъ раньше я не могъ заплакать, несмотря на весь ужасъ сразившаго меня удара. Въ расположеніи этихъ людей я былъ увѣренъ и раньше.

Но другіе: г-нъ и г-жа Моэнъ, даже меланхолическая чета супруговъ Лахмундъ, знатные хозяева Грибеница, всѣ мои отношенія съ которыми ограничивались тѣмъ, что недавно я имѣлъ дѣловое совѣщаніе со старымъ графомъ, — они и сколько еще прочихъ сосѣдей выразили намъ свое участіе. Люди, совершенно мнѣ незнакомые, серьезно и почтительно раскланиваются теперь со мною, когда встрѣчаютъ меня на шоссе или въ другомъ мѣстѣ.

„Les gueux, les gueux, ils s'aiment entre eux!“ И въ самомъ дѣлѣ, развѣ всѣ мы не можемъ назваться жалкими бѣдняками передъ лицомъ безсмысленной, слѣпой судьбы — несчастные, беззащитные, безправные?

* * *

Да, безсмысленна и слѣпа судьба! И потому дѣтски нелѣпой была мысль, внезапно явившаяся у меня прошлой ночью и заставившая на одинъ моментъ замереть мое сердце. Мнѣ пришло въ голову, что мой ребенокъ умеръ за мою вину, изъ-за того, что я, какъ всякій другой, кто труситъ за каждый свой проступокъ малѣйшей отвѣтственности передъ самимъ собою, не побѣжалъ въ судъ, чтобы заявить: „вотъ человѣкъ, застрѣлившій барона Кардова, честно и справедливо защищая собственную жизнь! Доказать этого я не могу, иначе мнѣ пришлось бы предать гласности крайне щекотливыя вещи, которыя не касаются никого, кромѣ насъ обоихъ, участниковъ кровавой катастрофы. Но, господа судьи, конечно, вы докажете свою прославленную любезность, неразлучную съ вашимъ званіемъ, и повѣрите мнѣ на слово“.

Глупцомъ былъ бы я и трусомъ, если-бъ сдѣлалъ такъ!

Нѣтъ, не въ искупленіе моего грѣха умеръ мой ребенокъ, а изъ-за того, что ангелъ-истребитель—дифтеритъ—проходилъ по нашей мѣстности, безъ разбора заражая своимъ ядовитымъ дыханіемъ человѣческія жилища и унося съ собою все, что не имѣло силы оказать ему сопротивленія.

Мой бѣдный нѣжный мальчикъ былъ слишкомъ слабъ для борьбы съ нимъ. Вотъ и все.

* * *

Странное состояніе Эльфриды имѣетъ свою хорошую сторону, если можно такъ выразиться. Оно помогло ей легче перенести постигшій насъ тяжелый ударъ; я даже спрашиваю себя по временамъ — почувствовала ли она его вообще. Это наступило такъ внезапно, пошло такими быстрыми шагами впередъ — нашъ малютка скончался раньше, чѣмъ мать узнала о его болѣзни. Съ содроганіемъ вспоминаю я о томъ, какъ поднимался наверхъ къ женѣ, какъ нѣсколько разъ останавливался, хватаясь холодными дрожащими пальцами за перила лѣстницы, и повторялъ тихонько про себя съ невольнымъ стономъ: Боже мой, какъ то я скажу ей объ этомъ!

Наконецъ, у меня не хватило силы, и я украдкой ушелъ обратно. Лучше дать ей спокойно проспать хоть еще одну ночь. Завтра поутру она узнаетъ о своемъ ужасномъ горѣ и безъ того слишкомъ рано.

О, эта ночь, эта ночь!

Потомъ наступило утро, нерѣшительное, сѣрое, туманное, какъ будто у него была нечистая совѣсть.

Надо же было когда нибудь сказать Эльфридѣ. Я пошелъ наверхъ. Она еще спала. Я разбудилъ ее.

— Эльфрида, нашъ Бернгардъ заболѣлъ сегодня ночью и заболѣлъ очень сильно...

— А ты послалъ за докторомъ Бартомъ?

— Онъ уже былъ здѣсь и пріѣдетъ еще до полудня.

— Я также хотѣла бы съ нимъ посовѣтоваться. Онъ не показывался сюда цѣлую недѣлю. Навѣрно, докторъ воображаетъ, что мнѣ куда какъ хорошо. А мнѣ совсѣмъ нехорошо.

Тутъ она повернулась на другой бокъ и почти въ ту же минуту заснула.

Но теперь, когда Эльфрида узнала о смерти сына, бѣдняжка постоянно толкуетъ о своемъ ангелочкѣ на небѣ, о томъ, какъ утѣшительна мысль, что тамъ мы снова встрѣтимся со всѣми кого любимъ и соединимся съ ними навѣки. Я понялъ бы это, будь она всегда набожной. Но, насколько я ее знаю, Эльфрида никогда не отличалась особенной религіозностью.

Пожалуй, тутъ выступаютъ на сцену воспоминанія дѣтства? Она говорила мнѣ однажды, что ея мать была богомольной.

Или это болѣзненная игра воображенія, развившаяся гораздо позднѣе, можетъ быть, совсѣмъ недавняя?

Докторъ Бартъ, повидимому, склоненъ допустить послѣднее. Правда, онъ прибавляетъ: „здѣсь для насъ, врачей, начинается ignoramus“.

Ignoramus! Конечно!

А за нимъ сейчасъ же выступаетъ гипотеза, головокружительная гипотеза...

А за ней сомнѣніе, отвратительное сомнѣніе...

* * *

Я просилъ баронессу пріѣхать только послѣ праздника, такъ какъ она и безъ того очень долго пробыла на Рюгенѣ. Это большая жертва съ моей стороны. Иногда я просто жажду присутствія женщины, съ которой такъ сблизился заочно. Но оправдаются ли мои надежды, которыя она подавала мнѣ издалека?

Однако, какъ бы то ни было, моя обязанность предостеречь ее отъ переѣзда по отвратительной погодѣ.

Итакъ, послѣ праздниковъ!

* * *

Эти грустные, безотрадные праздники я буду помнить всю жизнь!

Печально и горько, когда мужъ съ женой стоятъ у зажженной елки, молча протягиваютъ другъ другу руки и со слезами обнимаютъ одинъ другого, оплакивая любимое дитя, чей веселый смѣхъ умолкъ навѣки, а блестящіе глазки потухли навсегда, навсегда! Но все-таки въ эту горькую минуту они испытываютъ печальную отраду.

Я же былъ лишенъ и этого источника утѣшенія.

Наверху лежала моя жена, высокопарно толкуя о прелести и святости наступившихъ „пасхальныхъ праздниковъ“, о воскресеніи Спасителя, которое служитъ намъ залогомъ, что и мы воскреснемъ и увидимся съ нашими близкими за могилой.

Внизу, у елки, я раздавалъ подарки своимъ людямъ: обѣимъ служанкамъ, кучеру, лѣснымъ сторожамъ и егерю. Они пожимали мнѣ руку въ знакъ благодарности съ сочувственными минами, искоса поглядывая на разложенные подарки.

Я поблагодарилъ Бога, когда все это кончилось. Карманы моей шубы и сюртука были набиты мелкими подарками, которыми я запасся наканунѣ въ Гриммѣ, когда я въ потемкахъ зимняго вечера, подъ снѣжной вьюгой, пробирался по шоссе къ сторожкѣ Амсберга. Мнѣ непремѣнно, непремѣнно хотѣлось видѣть дѣтей. А тамъ ихъ было вдоволь — отъ тринадцати лѣтъ до тринадцати недѣль. И какой поднялся веселый крикъ, какое ликованье!

Я не выдержалъ: забился въ уголокъ и плакалъ, плакалъ.

А когда поднялъ глаза, то поспѣшно вытеръ слезы, потому что добрѣйшіе супруги Амсбергъ также горько плакали, а дѣти обступили насъ, дивясь тому, что это за странный стихъ нашелъ на старыхъ людей.

Утѣшеніе, единственное во всемъ моемъ горѣ—она должна скоро пріѣхать.

Какъ первое вѣяніе весны проносится въ моей душѣ: „тогда все, все должно перемѣниться“.

* * *

Одинокій старикъ, углубившійся въ чтеніе среди глубокой ночной тишины, снова перевернулъ листокъ. Вверху слѣдующей страницы, на широкихъ поляхъ, нѣжными, но увѣренными штрихами было нарисовано женское лицо съ нѣсколько рѣзкимъ профилемъ; прекрасный овалъ головы и роскошные волосы были отдѣланы не такъ старательно, стройная шея и начало бюста едва обозначены.

Подъ рисункомъ, также карандашомъ, было подписано имя Елена и число — число того дня, когда онъ въ первый разъ увидалъ ее послѣ долгихъ мѣсяцевъ разлуки.

Это недурно, прошепталъ лѣсничій, но и самъ Рафаэль не могъ бы передать ея очарованія.

Его глаза стали влажны: онъ наклонился надъ листкомъ, горячо поцѣловалъ портретъ и поднялся съ мѣста. Подойдя къ окну и раздвинувъ занавѣси, старикъ распахнулъ его, чтобы заглянуть въ сумракъ лѣтней ночи.

Когда онъ передъ тѣмъ дошелъ до описанія катастрофы въ лѣсу, ему казалось, что это будетъ самой тягостной частью чтенія, и, дѣйствительно, перечитывая эти строки, лѣсничій раза два не могъ удержать тихаго стона, какъ человѣкъ, у котораго неосторожно развередили старую, не зажившую, рану.

Но при видѣ портрета на поляхъ страницы онъ совсѣмъ забылъ о томъ и его первымъ ощущеніемъ были радостный испугъ и глубокое умиленіе.

А потомъ — да, потомъ у него мучительно заныла рана, которая не могла зажить даже восемнадцать лѣтъ спустя, считая съ того числа, которое было подписано подъ рисункомъ. Отъ малѣйшаго прикосновенія она снова стала сочиться кровью, потому что никогда не заживала и никогда не заживетъ.

Даже и тогда, когда дѣти поженятся и будутъ счастливы, на сколько счастье доступно людямъ, это будетъ свѣтлой картиной въ его жизни, и онъ будетъ радоваться на нее. Конечно! Но потому такой свѣтлой, что ея фонъ былъ такъ теменъ.

Фонъ — его судьба... И судьба Елены.

Ахъ, также и ея. Иногда онъ сомнѣвался въ томъ и говорилъ: „Слава Богу, что она избавлена отъ этого горя, отъ этой сердечной муки“.

Но на безпристрастныхъ страницахъ дневника должно было написаться и это, какъ и то, другое: правда, полнѣйшая правда и ничего кромѣ правды.

Жестокая, сокрушающая сердце, правда.

Но зачѣмъ тогда читать дальше, воскрешая былую муку?

Муку, да, но также и блаженство, которое въ ней заключалось. Или, по крайней мѣрѣ, его отголосокъ!

Только умолкнувшее отзвучіе небеснаго блаженства?

Лѣсничій прошепталъ любимое имя въ ночной тишинѣ, со вздохомъ опустивъ страстно простертыя руки, заперъ окно, задернулъ занавѣси и пошелъ обратно къ своему мѣсту у письменнаго стола.

* * *

Я снова увидалъ ее.

Она написала мнѣ, что пріѣдетъ сегодня вечеромъ часа въ четыре и будетъ ждать меня въ шесть. Вѣроятно, я не откажусь напиться съ ней чаю, вѣдь намъ нужно о столькихъ вещахъ переговорить.

Погода была, въ видѣ исключенія, довольно сносная, хотя стоялъ сильный морозъ. Я велѣлъ запречь свою охотничью телѣжку и поѣхалъ къ назначенному часу въ Мелленгофъ — въ мундирѣ. Я почти всегда ношу форму, а это былъ не свѣтскій, но дѣловой визитъ съ серьезной цѣлью.

Въ дверяхъ прихожей меня встрѣтилъ только старый камердинеръ, добрый, надежный старикъ, служившій еще при дѣдушкѣ Ганса.

Изъ ея писемъ я уже зналъ, что она отпустила всю остальную прислугу за исключеніемъ этого человѣка, одного лакея, кучера и садовника.

Старикъ повелъ меня по великолѣпной, но скудно освѣщенной лѣстницѣ, на половину баронесы, гдѣ она уже нѣсколько лѣтъ жила одна. Ея комнаты расположены въ задней части замка. Изъ оконъ виденъ паркъ, а тамъ и сямъ между деревьями выступаетъ частями и мой лѣсъ.

Баронесса встрѣтила меня въ красивой обширной комнатѣ; она была одѣта во всемъ черномъ, и рядомъ съ ней стоялъ Гансъ. Я поцѣловалъ ей руку, поднялъ мальчика на воздухъ и прижалъ его къ своему сердцу.

Присутствіе ребенка было счастьемъ для меня. Я такъ сильно волновался, что мнѣ понадобилась вся сила воли, чтобы казаться спокойнымъ и спокойно говорить.

Гансъ очень выросъ въ четыре съ половиною мѣсяца и смотрѣлъ уже не маленькимъ мальчикомъ. Личико у него свѣженькое, цвѣтущее, и къ нему очень идетъ черный бархатный костюмъ; онъ похожъ въ немъ на одного изъ тѣхъ молодыхъ венеціанскихъ nobili, изъ которыхъ каждый могъ разсчитывать впослѣдствіи сдѣлаться дожемъ.

Конечно, мы прежде всего заговорили о немъ; потомъ явился старый камердинеръ, чтобы отвести Ганса къ учителю; мы же отправились къ чайному столу, гдѣ все уже было приготовлено. Прежде, чѣмъ сѣсть, баронесса еще разъ подала мнѣ руку.

— Простите, что я не могла избавить васъ отъ встрѣчи съ Гансомъ. Но я думала и думаю, что онъ, какъ теперь, такъ и впослѣдствіи, поможетъ вамъ забыть вашу ужасную потерю.

Мы заговорили о моемъ умершемъ ребенкѣ.

— Я только изрѣдка видѣла его, сказала она, — и каждый разъ была тогда въ самомъ тяжеломъ настроеніи духа, при которомъ намъ все представляется какъ-то смутно; тѣмъ не менѣе я живо помню вашего сына: изящный ребенокъ, пожалуй, слишкомъ изящный и нѣжный для того, чтобы справляться потомъ съ житейскими бурями. Впрочемъ, подобное разсужденіе можно сравнить съ костылями, на которыхъ мы стараемся кое-какъ протащиться по жизненному пути. Но безъ нихъ можно обойтись, и они не нужны тому, кто понимаетъ жизнь такъ, какъ она есть.

— А что же она такое по вашему, сударыня?

— Осязаемый фактъ. Мы живемъ, сами не зная зачѣмъ; намъ извѣстно только одно, что мы существуемъ. А также и другое: что мы должны умереть. Факты слѣдуетъ брать именно такъ, какъ они есть. А стараться ихъ объяснить, вдумываться въ нихъ,—это не ведетъ ни къ чему.

— Бѣдные философы! Если послушать васъ, то всѣ ихъ труды пропали даромъ.

— А развѣ нѣтъ? Неужели они при всемъ своемъ стараніи подвинули насъ хоть на шагъ впередъ? Или хотя немного разсѣяли мракъ, окружающій человѣчество? Вы скажете, что я, какъ женщина, ничего въ этомъ не смыслю. Или не скажете, потому что слишкомъ вѣжливы, но зато подумаете.

— Ошибаетесь, сударыня. По моему, философію, непонятную для умной, образованной женщины, не стоитъ серьезно разбирать и мужчинамъ, а слѣдуетъ просто отнести ее къ разряду пустыхъ бредней.

— Не всѣ мужчины такъ благосклонно судятъ о женщинахъ.

— Я думаю по двумъ причинамъ, и вторая изъ нихъ, конечно, является слѣдствіемъ первой.

— Не потрудитесь ли вы объясниться точнѣе.

— По моему, мнѣніе мужчинъ о женщинахъ основано просто на предразсудкѣ; это не болѣе какъ неуничтоженный остатокъ варварства, считавшаго непреложной истиной, что женщина ниже мужчины. Человѣчество такъ цѣпко держалось за этотъ догматъ, съ такимъ надменнымъ упорствомъ ограниченности противилось равноправности женщинъ въ сферѣ образованія, что женщина, дѣйствительно, до сихъ поръ пока еще не сравнялась съ мужчиной.

— Ну вотъ видите—только пока.

— Вы сами, сударыня, едва ли станете это отрицать. Объ исключеніяхъ мы, конечно, не говоримъ и воздаемъ имъ должное.

Видъ Кремля отъ Каменнаго моста.

Съ рисунка А. Кадолля, изданнаго въ Парижѣ въ 1825 г.

Гравировалъ В. К Зейпель.

Павелъ I прежде другихъ регалій велѣлъ возложить на себя, такъ называемый, »далматикъ« изъ малиноваго бархата—древнюю одежду византійскихъ императоровъ, сходную по покрою съ архіерейскимъ саккосомъ, какъ порфиру, »по возложеніи которой—говорится въ чинѣ коронованія 1737 г.—его величество преклонилъ главу, а митрополиты, осѣняя верхъ главы крестообразно, возложили руки на оную«. Положенную при этомъ молитву читалъ митрополитъ новгородскій Гавріилъ. Послѣ этого Павелъ I самъ возложилъ на себя вѣнецъ, поданный княземъ Безбородко, послѣ чего новгородскій митрополитъ вручилъ ему скипетръ и державу. По окончаніи этой церемоніи, государь сѣлъ на тронъ и, положивъ скипетръ и державу на подушки, снялъ съ себя вѣнецъ, прикоснулся имъ къ головѣ колѣнопреклоненной государыни и опять возложилъ на себя. Затѣмъ поднесена была меньшая корона, которую государь возложилъ на свою супругу, а также цѣпь ордена св. Андрея Первозваннаго и потомъ уже порфиру.

При св. муропомазаніи императоръ былъ помазанъ: на челѣ, очахъ, ноздряхъ, устахъ, ушахъ, на персяхъ и на обѣихъ рукахъ. Послѣ него была помазана императрица, но лишь на одномъ челѣ. Для причащенія Св. Тайнъ государь введенъ былъ внутрь алтаря и причащался по чину царскому—особо Тѣла и особо Крови Христовой. Государыня же пріобщалась передъ царскими вратами, какъ міряне. По окончаніи вѣнчальной церемоніи императоръ, стоя на возвышеніи среди церкви, прочелъ отъ своего имени и отъ имени императрицы Маріи Ѳеодоровны »актъ о престолонаслѣдіи«, въ которомъ, между прочимъ, онъ впервые изъ русскихъ государей назвалъ себя главой церкви.

По возвращеніи ихъ величествъ въ дворецъ, въ Грановитой палатѣ съ возвышенія, на которомъ подъ балдахиномъ приготовленъ былъ царскій тронъ, объявлены были милости. Прежде всего прочтенъ былъ манифестъ »о трехдневной работѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу помѣщика и о непринужденіи къ работѣ въ дни воскресные«. Въ этотъ день 109 частныхъ лицъ получили населенныя имѣнія, въ которыхъ было 100.438 душъ мужскаго пола. Кромѣ того, помимо щедрой раздачи денегъ, болѣе 600 человѣкъ были награждены чинами и орденами. Въ числѣ ихъ, бывшій камердинеръ Павла Петровича—Кутайсовъ получилъ чинъ статскаго совѣтника.

Обѣдъ для народа былъ устроенъ въ самый день коронаціи; столы и помосты съ жареными быками были разставлены отъ Никольскихъ воротъ по всей Лубянской площади и по Мясницкой до Красныхъ воротъ.

На слѣдующій день послѣ коронаціи, съ 6-го апрѣля, начался рядъ придворныхъ празднествъ, продолжавшихся двѣ недѣли. Императоръ на всѣ праздники являлся въ полномъ царскомъ облаченіи, въ далматикѣ и съ короной на головѣ и въ томъ же нарядѣ командовалъ войсками на парадѣ въ день преполовенія, причемъ митрополитъ Платонъ кропилъ государя и войска святой водой.

Корона для супруги Павла I была сдѣлана ювелиромъ Дювалемъ и отличалась стоимостью своихъ украшеній. Впослѣдствіи, въ 1799 г., императоръ Павелъ I возложилъ на себя въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, еще и другую корону, съ соблюденіемъ церковно-католическихъ обрядовъ, а именно корону великаго магистра державнаго рыцарскаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, которая была привезена съ острова Мальты въ Гатчину и поднесена ему рыцарями мальтійскаго ордена. Въ царствованіе Павла I корона эта изображалась и на государственномъ гербѣ, но послѣ его кончины она безъ церемоніала была вынесена изъ Зимняго дворца гофъ-фурьерами и отправлена въ Москву.

Необходимо замѣтить также, что 13-го апрѣля Павломъ I была устроена процессія рыцарскихъ и кавалерскихъ орденовъ въ Успенскій соборъ.

Послѣ обѣдни государь прочелъ съ трона новое установленіе о россійскихъ орденахъ; въ немъ не было упомянуто объ орденахъ св. Георгія и св. Владиміра—и Павелъ Петровичъ сказалъ, что орденъ св. Георгія остается на прежнемъ основаніи. Орденъ-же св. Владиміра былъ возстановленъ уже въ царствованіе императора Александра I.

2-го мая московскій университетъ, въ изъявленіе всеусерднѣйшей своей радости о благополучно совершившемся коронованіи, назначилъ публичное собраніе, которое было открыто латинскою рѣчью профессора Ѳедора Григорьевича Баузе, послѣ чего другой профессоръ—исторіи и краснорѣчія, Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ, произнесъ »слово« на русскомъ языкѣ, подъ названіемъ »Гласъ радованія въ селеніяхъ россійскихъ«. Въ заключеніе прочитана была »Ода Его Императорскому Величеству Павлу I«. Экземпляръ этой оды есть въ Императорской публичной библіотекѣ; ода начинается такъ:

„Въ сей день воскресъ Спаситель міра;
Вселенну всю исполнилъ свѣтъ;
Въ сей день вѣнецъ Твой и порфира,
Россіи новый блескъ даетъ“ и т. д.

Впрочемъ, С. М. Любецкій, авторъ книги »Отголоски старины«, говоритъ, что еще и неизвѣстный поэтъ имѣлъ счастіе поднести Павлу I стихи съ хоромъ на коронацію, напечатанные

въ университетской типографіи (ихъ нѣтъ въ публичной библіотекѣ), которыя начинаются словами:

„Россіи въ сердцѣ, во Кремлѣ,
По обитаемой всей вѣдомой землѣ,
Въ чертогахъ праотцевъ державныхъ,
Къ отечеству любовью славныхъ;
Средь башень, кажущихъ двухглавыхъ честь орловъ,
Подъ звукомъ пушекъ и колоколовъ,
Со добродѣтелью уединенъ своею,
Со Августѣйшею семьею,
Царь Павелъ пребывалъ —
И милости оттоль народу проливалъ“ и т. д.

По окончаніи коронаціонныхъ торжествъ, императоръ Павелъ I посѣтилъ южныя губерніи и спустя два мѣсяца, чрезъ Митаву, Курляндію и Лифляндію, возвратился въ Петербургъ.

Генералъ-губернаторъ Архаровъ пріѣхалъ прямо въ Петербургъ и, думая приготовить пріятный сюрпризъ государю, приказалъ обывателямъ столицы окрасить ворота своихъ домовъ, а также и заборы въ національный государственный цвѣтъ, т. е. полосами черной, оранжевой и бѣлой красками, какъ красились шлагбаумы. При въѣздѣ въ Петербургъ Павелъ I былъ пораженъ комическимъ однообразіемъ казенныхъ и частныхъ построекъ, и за это нелѣпое распоряженіе уволилъ Архарова, назначивъ на его мѣсто Буксгевдена.

Коронованіе императора Александра I

Императоръ Александръ I вступилъ на престолъ 12-го марта 1801 года и мѣсяцъ спустя издалъ манифестъ о своемъ коронованіи, имѣющемъ быть въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Предстоявшая коронація служила предметомъ оживленныхъ толковъ; разсказывали, что государь изъявлялъ желаніе, чтобы празднества были непродолжительны и сказалъ, что »никому не дастъ крестьянъ«, что и исполнилъ.

Съ августа мѣсяца стали вступать въ Москву баталіоны гвардейскихъ полковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ начали съѣзжаться въ первопрестольную придворные и помѣщики изъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи; увѣряютъ, что въ одинъ изъ этихъ дней въѣхало въ Москву около 11.000 экипажей, и пріѣзжіе, не находя помѣщеній, платили по 150 рублей и болѣе за комнату.

Императоръ Александръ I торжественно въѣхалъ въ Москву 8-го сентября 1801 года. До въѣзда своего онъ останавливался также въ Петровскомъ дворцѣ, изъ котораго сперва переѣхалъ въ Слободскій, а потомъ, за два дня до коронаціи, въ Кремлевскій дворецъ. По пушечнымъ выстрѣламъ началось шествіе, которое открыла конная гвардія со штандартомъ, за ней ѣхали кареты особъ всѣхъ пяти классовъ, цугами, расположенныя по старшинству, но пустыя. Роскошью запряжекъ въ этихъ цугахъ отличались экипажи: графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, фельдмаршала графа И. П. Салтыкова, княгини Дашковой, А. Ѳ. Сабурова, гг. Савеловыхъ, Всеволожскихъ и друг. Знатное дворянство ѣхало верхами по два въ рядъ, въ губернскихъ мундирахъ московской губерніи, чтобы избѣжать пестроту нарядовъ. За ними слѣдовали придворные чины перваго и второго класса, цугами въ открытыхъ колясках; затѣмъ слѣдовалъ отрядъ кавалергардовъ, а за нимъ ѣхалъ самъ государь Александръ Павловичъ на конѣ, безъ шляпы, за нимъ великій князь Константинъ Павловичъ и свита. Далѣе двигалась карета императрицы-матери въ восемь лошадей, за которой слѣдовали пажи верхами. Вторая карета была императрицы Елисаветы Алексѣевны и за этой каретой ѣхали уже великія княжны. Далѣе слѣдовали придворныя дамы, за ними конногвардейцы, почтальоны верхами и за ними дорожные экипажи императорской фамиліи. Въ дорожной коляскѣ государя сидѣлъ камердинеръ его величества.

Поэтъ Иванъ Поповъ въ »Одѣ на случай Высочайшаго прибытія Императора Александра I« для коронаціи, говорилъ:

„Тебя родившая Марія
Возноситъ въ высоты Святыя
Къ Всевышнему Владыкѣ гласъ:
„Ты далъ мнѣ утѣшенье въ сынѣ.
О! щедрый Боже, будь отнынѣ
Благословенъ на всякій часъ“.

Всѣ присутствующіе при въѣздѣ императора Александра I любовались прекрасной, величественной наружностью двадцатитрехлѣтняго монарха.

15-го сентября было совершено коронованіе. Стеченіе народа было огромное. Колокольня Ивана Великаго была застроена кругомъ на значительной высотѣ рядами подмостковъ, расположенныхъ одни надъ другими въ видѣ амфитеатра. Нѣкоторые изъ зрителей забрались на мѣста еще до разсвѣта. Въ Успенскомъ соборѣ также были устроены подмостки для лицъ, имѣвшихъ билеты; мужчины стояли внизу, а дамы вверху. Вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна съ великими княжнами, сопровождаемая блестящею свитой, заняла приготовленный для нея

престолъ. Государь и его супруга при вступленіи въ соборъ были встрѣчены первенствующимъ при вѣнчаніи московскимъ митрополитомъ Платономъ и архіепископомъ Серафиномъ. Обрядъ вѣнчанія 1801 г. былъ точнымъ повтореніемъ вѣнчанія на царство Павла I и его супруги, но императрица Елисавета Алексѣевна при коронованіи своемъ не становилась предъ своимъ супругомъ на колѣни, а стоя приняла на свою голову корону.

По окончаніи церемоніи вѣнчанія и обычнаго посѣщенія соборовъ, ихъ величества вернулись во дворецъ, гдѣ государь повелѣлъ въ своемъ присутствіи прочесть манифестъ, данный имъ русскому народу по случаю коронаціи, въ которомъ были перечислены всѣ милости, пожалованныя Александромъ I »въ самыхъ первыхъ дняхъ« его царствованія. Послѣ чтенія манифеста, объявлены были милости, пожалованныя частнымъ лицамъ по случаю коронаціи, и затѣмъ государь съ государыней отправились въ Грановитую палату къ обѣденному столу. По окончаніи обѣда ихъ величества удалились во внутренніе покои, а въ городѣ зажгли иллюминацію. 18-го сентября былъ придворный балъ въ Грановитой палатѣ, а 19-го угощеніе народа въ Сокольникахъ.

На коронацію Александра I было написано такое множество одъ, что извѣстный Ив. Ив. Дмитріевъ, также не преминувшій, однако, сочинить оду, написалъ, по поводу такого обилія стиховъ, слѣдующія строки:

Гордись предъ галлами, московскій ты Парнасъ!
На мѣсто одного Лебреня, есть у насъ:
Херасковъ, Карамзинъ, князь Шаликовъ, Измайловъ,
Тодорскій, Дмитріевъ, Поспѣлова, Михайловъ,
Кутузовъ, Свиньина, Невзоровъ, Мерзляковъ,
Сохацкій, Таушевъ, Шатровъ и Салтыковъ,
Тупицынъ, Похвисневъ и наконецъ — Хвостовъ.

Н. М. Карамзинъ свою оду заключалъ словами:

Монархъ! въ послѣдній разъ предъ трономъ
Дерзнулъ я съ лирою предстать;
Мнѣ сердце было Аполлономъ:
Люблю хвалить, но не ласкать;
Хвалилъ, гласъ общій повторяя.
Другіе славные пѣвцы
Отъ музъ пріимутъ въ даръ вѣнцы;
Тебя безъ лести прославляя:
Я въ храмъ Исторіи иду;
И тамъ... дѣла Твои найду.

15-го октября вся царская фамилія уѣхала изъ Москвы въ С.-Петербургъ.

Коронованіе императора Николая I

Императоръ Николай I, вступившій на престолъ 12-го декабря 1825 г., весною слѣдующаго года, именно 31-го апрѣля, издалъ манифестъ о коронаціи, которая была назначена въ іюнѣ мѣсяцѣ, но царская фамилія уѣхала въ Москву лишь въ іюлѣ мѣсяцѣ, такъ какъ императрица чувствовала себя слабою. Наслѣдникъ цесаревичъ и великія княжны Марія Николаевна и Ольга Николаевна отправились въ Москву сутками ранѣе ихъ величествъ; на встрѣчу имъ выѣхала вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, прибывшая въ Москву еще въ маѣ мѣсяцѣ, и проводила своихъ внуковъ до Петровскаго дворца. 20-го іюля въ этотъ же дворецъ прибыли государь и государыня.

Торжественный въѣздъ ихъ величествъ состоялся 24-го іюля, въ $5^1/_2$ часовъ пополудни, въ прекрасный лѣтній день. Восторгъ и радостные клики народа сопровождали монарха на всемъ его пути. Императоръ со всей своей августѣйшей семьею остановился въ Кремлевскомъ дворцѣ.

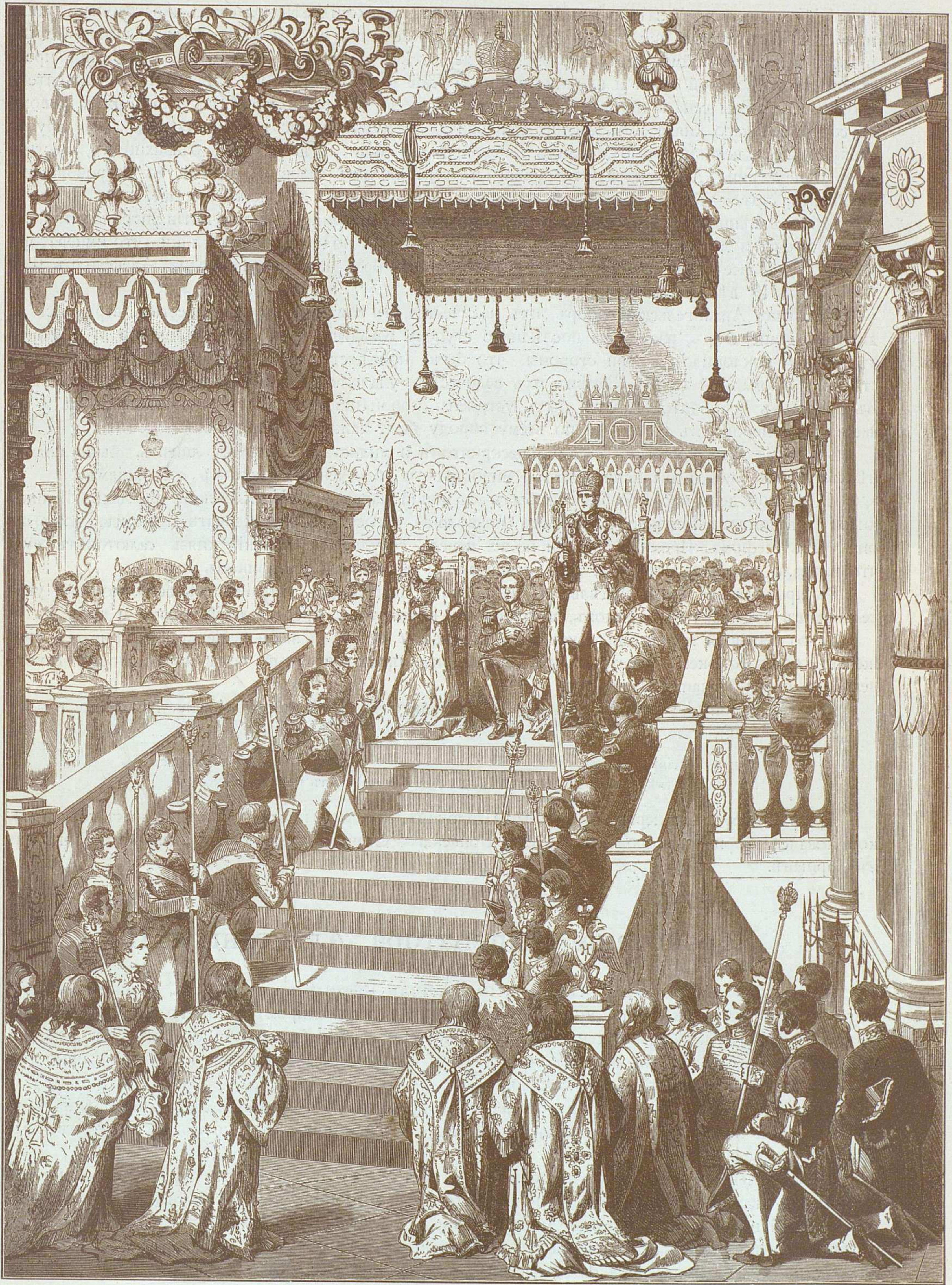
14-го августа прибылъ въ Москву цесаревичъ Константинъ Павловичъ. На слѣдующій день, въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы, царская фамилія должна была присутствовать у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ. Когда государь вышелъ изъ Кремлевскаго дворца съ обоими братьями, толпа народа пришла въ восторгъ, бросала вверхъ шапки, крича: »да здравствуетъ Николай Павловичъ! Да здравствуетъ цесаревичъ!« Императоръ подалъ знакъ—и войско крикнуло: »Ура Константинъ Павловичъ!«

За три дня до коронаціи произведена была обычная публикація о предстоящей коронаціи, а герольды на площадяхъ Москвы объявляли о днѣ коронаціи и бросали въ народъ печатные листы этой публикаціи.

22-го августа 1826 г. Кремль съ утра наполнился войсками, участниками церемоніи и зрителями, которые по билетамъ занимали мѣста въ Успенскомъ соборѣ и въ амфитеатрахъ, крытыхъ краснымъ сукномъ съ золотою бахромой. Народъ толпился предъ Кремлемъ и наполнялъ собой площади и сосѣднія улицы и даже крыши домовъ.

Ясный солнечный день благопріятствовалъ торжеству.

Въ 10 часовъ прошла въ Успенскій соборъ мать императора—Марія Ѳеодоровна подъ балдахиномъ, съ короной на головѣ и въ мантіи; за ней слѣдовали: великая княгиня Елена Павловна,

Коронованіе императора Николая I 22-го августа 1826 года.

прусскій принцъ, ведшій за руку наслѣдника-цесаревича Александра Николаевича, иностранные принцы и послы. Часъ спустя, при звонѣ колоколовъ и пушечныхъ выстрѣлахъ, отрядъ кавалергардовъ, пажи и два церемоніймейстера открыли шествіе; затѣмъ слѣдовали депутаты изъ губерній, представители московской думы и администрацiи, донскіе казаки со своимъ атаманомъ, предводители дворянства, члены сената и государственнаго совѣта, за которыми шелъ государь, имѣя рядомъ съ собой великаго князя Константина Павловича въ мундирѣ литовской гвардіи, а съ другой стороны шелъ великій князь Михаилъ Павловичъ. За ними, подъ другимъ балдахиномъ, шествовала императрица Александра Ѳеодоровна въ серебристомъ газовомъ платьѣ, въ сопровожденіи фрейлинъ, статсъ-дамъ и придворныхъ; отрядъ кавалергардовъ замыкалъ шествіе.

Обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ митрополитомъ Серафимомъ, при участіи митрополита кіевскаго Евгенія и московскаго Филарета, по обычному чину, но надо замѣтить лишь, что императоръ Николай I во все время совершенія литургіи стоялъ безъ короны. Государи Александръ II и Александръ III дѣлали то же самое.

Посѣтивъ Архангельскій соборъ, ихъ величества, въ томъ-же порядкѣ шествія, вернулись во дворецъ. Императоръ, взойдя на послѣднюю ступень Краснаго крыльца, остановился и, обратясь къ народу, поклонился на три стороны, что было привѣтствовано громкими криками восторга стоявшей громадной толпы. Затѣмъ ихъ величества удалились во внутренніе покои для отдыха. Въ 2 часа въ Грановитой палатѣ былъ устроенъ коронаціонный обѣдъ, кончившійся къ 4-мъ часамъ, а вечеромъ въ Кремлѣ и по всему городу была зажжена иллюминація.

Въ самый день коронаціи, помимо рескриптовъ о милостяхъ частнымъ лицамъ, было издано нѣсколько указовъ и два манифеста »о милостяхъ и облегченіяхъ разнымъ состояніямъ«.

На другой день послѣ коронаціи былъ большой парадъ на Кремлевской площади. Великій князь Константинъ Павловичъ просилъ позволенія у государя командовать полкомъ, котораго онъ былъ шефомъ. Проходя впереди полка передъ государемъ, великій князь салютовалъ ему, что вызвало всеобщее одобреніе аплодисментами и несмолкаемымъ крикомъ ура.

Въ продолженіе трехъ недѣль, съ небольшими перерывами, устраивались всевозможныя увеселенія, въ видѣ баловъ, обѣдовъ, маскарадовъ, концертовъ, представленій, охоты и проч.

12-го сентября происходило народное гулянье, а 13-го, въ заключеніе коронаціонныхъ торжествъ, былъ сожженъ блистательный фейерверкъ, приготовленный подъ наблюденіемъ самого великаго князя Михаила Павловича.

Оды на коронацію Николаю I написали Мерзляковъ, Ив. Такѣевъ, Алекс. Васильевъ и др. Послѣдній писалъ:

Ликуй Россія! веселися,
Въ блаженствѣ новомъ процвѣтай?
И всюду радость водворися:
Пріялъ корону Николай.

Три года спустя, императоръ Николай Павловичъ, первый и послѣдній изъ русскихъ государей, короновался вторично »королемъ« Царства Польскаго. Обрядъ этотъ былъ совершенъ 11-го мая въ Варшавѣ.

Коронованіе императора Александра II

Императоръ Александръ II, вступивъ на престолъ 18-го февраля 1855 г., ровно черезъ мѣсяцъ, 18-го марта, окончилъ крымскую войну парижскимъ миромъ, а 17-го апрѣля, въ день своего рожденія, далъ указъ сенату на имя министра двора—Адлерберга о приготовленіяхъ къ будущей коронаціи, назначенной на 26-е августа, которая совершилась съ небывалой пышностью въ виду множества иностранныхъ гостей.

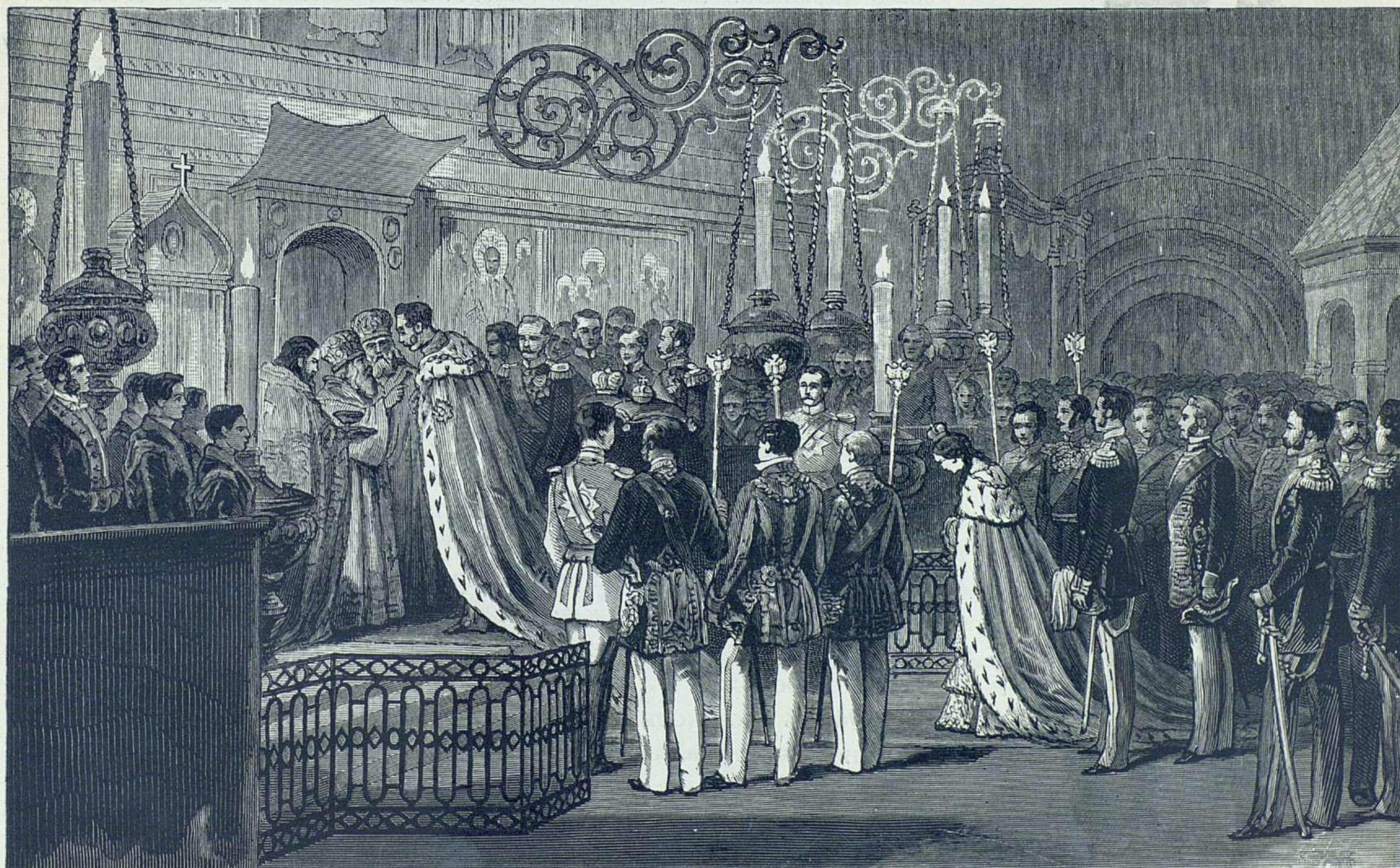
14-го августа, поздно вечеромъ, императоръ прибылъ въ Петровскій дворецъ въ сопровожденіи царской фамиліи, а 17-го числа, около 2-хъ часовъ пополудни, состоялся торжественный въѣздъ ихъ величествъ въ Москву.

Въ назначенный часъ, по 9-ти пушечнымъ выстрѣламъ, войска заняли опредѣленные пункты. Открывали шествіе жандармы съ полицеймейстеромъ, а за ними шелъ собственный его величества конвой изъ горскихъ племенъ Кавказа. Очень красива была также группа азіатскихъ депутатовъ, подвластныхъ Россіи народовъ, ѣхавшихъ верхами въ богатыхъ золотыхъ халатахъ, по два въ рядъ. Государь императоръ ѣхалъ верхомъ на сѣромъ конѣ, имѣя за собою министра двора, военнаго министра и всю свиту; затѣмъ слѣдовали великіе князья, наслѣдникъ цесаревичъ и иностранные принцы также верхами.

Далѣе двигались парадныя золоченыя кареты: въ первой подъ короною, ѣхала вдовствующая

Возложенiе короны императоромъ Александромъ II на главу императрицы Марiи Александровны.

Св. муропомазанiе ихъ императорскихъ величествъ.

Коронованiе императора Александра II и императрицы Марiи Александровны 26-го августа 1856 года.

императрица, во второй августѣйшая супруга государя, императрица Марія Александровна съ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, а за ними ѣхали великія княгини. Кареты были заложены цугомъ въ восемь лошадей. При вступленіи въ столицу былъ произведенъ 81 выстрѣлъ. На всемъ пути духовенство выходило изъ церквей съ иконами и крестами; при вступленіи въ Бѣлокаменную встрѣчалъ московскій генералъ-губернаторъ съ чинами. Затѣмъ была встрѣча у Земляного города при Воскресенскихъ воротахъ, гдѣ царская фамилія выходила для поклоненія Иверской Божіей Матери. Посѣтивъ соборъ, ихъ величества отправились въ Кремлевскій дворецъ.

За нѣсколько дней до коронаціи, государь съ государыней переѣхали въ имѣніе графа Шереметева — Останкино, чтобы приготовиться постомъ и молитвой къ таинству св. причащенія и мvропомазанія. Владѣлецъ Останкина, увѣдомленный заранѣе объ этомъ, превратилъ свой домъ въ великолѣпный дворецъ и проложилъ шоссе отъ Останкина до самаго Петровскаго дворца.

25-го августа, въ 4 часа пополудни, во всѣхъ московскихъ церквяхъ отправлено было молебствіе со звономъ колоколовъ, а вечеромъ — всенощная. Ихъ величества, по примѣру своихъ предшественниковъ, молились у »Спаса за золотой рѣшеткой«; при этомъ прочтено было правило предъ днемъ коронованія.

На слѣдующій день, 26-го августа, необычайное движеніе на улицахъ возвѣстило приближеніе торжества коронованія. Около 10 часовъ утра вдовствующая императрица Александра Ѳеодоровна въ серебряномъ глазетовомъ платьѣ, въ сопровожденіи наслѣдника цесаревича, подъ балдахиномъ, направилась въ Успенскій соборъ и заняла приготовленный для нея престолъ царя Алексѣя Михаиловича, вправо отъ возвышенія, гдѣ стояли два престола: царя Іоанна III для государя и царя Михаила Ѳеодоровича для государыни.

По сигналу, данному трубачами и литаврщиками, двинулась изъ дворца процессія, имѣя во главѣ взводъ кавалергардовъ, за которыми шли пажи, церемоніймейстеры, волостные головы, купцы, представители администраціи, сената и синода, герольды. Затѣмъ несли императорскія регаліи. Государь императоръ былъ въ полной парадной формѣ, въ лентѣ ордена св. Владиміра и цѣпи Андрея Первозваннаго. Государыня — въ русскомъ серебряномъ глазетовомъ платьѣ, шитомъ серебромъ, въ лентѣ ордена св. Екатерины, но безъ брилліантовъ и какихъ-либо украшеній на головѣ и платьѣ. Балдахинъ изъ золотой парчи съ ткаными орлами, на 16-ти серебряныхъ, вызолоченныхъ штангахъ, несли надъ ихъ величествами шестнадцать генералъ-адъютантовъ и такое же число ихъ держало шнуры. Процессію заключалъ взводъ кавалергардовъ. Самое вѣнчаніе отличалось большой торжественностью, такъ какъ было совершено: тремя митрополитами, шестью архіепископами, пятью епископами и большимъ числомъ низшаго духовенства. При вѣнчаніи Александра II былъ возстановленъ древній порядокъ, учрежденный Павломъ I, по которому императрицы, при возложеніи на нихъ царскихъ регалій, становятся передъ своимъ царственнымъ супругомъ на колѣни, а также была внесена большая стройность и симметричность по выходѣ изъ алтаря послѣ св. причастія. Такъ, императоръ Александръ II принялъ св. Тайны, стоя на солеѣ у образа Спасителя въ ожиданіи императрицы. Послѣ св. причащенія государыни, государь и государыня уже оба вмѣстѣ шествовали на тронъ. Точно также это происходило и при коронованіи императора Александра III.

По окончаніи вѣнчанія, императоръ Александръ II въ порфирѣ и вѣнцѣ, съ державой и скипетромъ въ рукахъ, а государыня въ порфирѣ и коронѣ, подъ тѣмъ-же балдахиномъ, появились передъ народомъ.

Обѣдъ происходилъ, по старой традиціи, въ Грановитой палатѣ и отличался небывалой пышностью и великолѣпіемъ, а манифестъ 26-го августа 1856 г. даровалъ русскому народу болѣе широкія милости, нежели при всѣхъ предыдущихъ коронаціяхъ.

Народное гулянье на Ходынскомъ полѣ, устроенное 8-го сентября, было также великолѣпно, но, къ сожалѣнію, его испортилъ шедшій съ утра дождь.

Герольдъ при коронованіи императора Александра II.

Перевезеніе Императорскихъ регалій въ Оружейную палату, въ Москвѣ, 4-го апрѣля 1896 г.

По наброскамъ съ натуры и по фотографіямъ рисовалъ А. П. Кандауровъ.

25

юнкера и наряжается караулъ отъ роты дворцовыхъ гренадеръ.

Участвующимъ въ перенесеніи Императорскихъ регалій быть въ парадной формѣ.

При ненастной погодѣ перенесеніе Императорскихъ регалій изъ Оружейной палаты въ Тронный залъ послѣдуетъ чрезъ внутреннія помѣщенія Кремлевскаго дворца.

По принятіи Ихъ Императорскими Величествами всеподданнѣйшихъ поздравленій, по случаю Св. Коронованія, послѣдуетъ, съ соблюденіемъ того же порядка, обратное перенесеніе Императорскихъ регалій изъ Троннаго зала въ Оружейную палату.

Высочайше утвержденный, 25-го апрѣля 1896 г., порядокъ празднованія дня Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ С.-Петербургѣ

1) Наканунѣ дня Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, 13-го мая, въ 6 часовъ вечера, совершено будетъ въ Исаакіевскомъ каѳедральномъ соборѣ и во всѣхъ прочихъ церквяхъ столицы всенощное бдѣніе.

2) Въ день Священнаго Коронованія, 14-го мая, по полученіи изъ Москвы комендантомъ Петропавловской крѣпости телеграммы отъ министра Императорскаго Двора о началѣ торжественнаго шествія Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ Кремлевскаго дворца въ Успенскій соборъ, объявлено будетъ о томъ жителямъ С.-Петербурга тремя пушечными выстрѣлами съ Петропавловской крѣпости, и одновременно на всѣхъ городскихъ каланчахъ подняты будутъ на 10 минутъ бѣлые флаги.

3) На имѣющей быть въ день Священнаго Коронованія въ Исаакіевскомъ каѳедральномъ соборѣ Божественной литургіи (которая начнется въ $11^1/_2$ часовъ утра) присутствуютъ находящіеся въ С.-Петербургѣ: генералитетъ, дворянство, должностныя лица и купечество. Городскіе цехи соберутся въ тотъ же день заблаговременно въ залахъ городской думы, откуда шествуютъ со значками, установленнымъ порядкомъ, въ Исаакіевскій соборъ.

4) По окончаніи литургіи ожидается въ Исаакіевскомъ соборѣ телеграмма отъ министра Императорскаго Двора о совершившемся въ Москвѣ Священномъ Коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ. О полученіи сего увѣдомленія возвѣщается тремя пушечными выстрѣлами, послѣ которыхъ на городскихъ каланчахъ поднимаются красные флаги. Тотчасъ же имѣетъ быть отслужено въ Исаакіевскомъ соборѣ и, одновременно съ тѣмъ, во всѣхъ церквяхъ С.-Петербурга благодарственное молебствіе, при окончаніи котораго въ соборѣ и по возглашеніи многолѣтія произведенъ будетъ съ Петропавловской крѣпости 101 пушечный выстрѣлъ, и въ то же время начнется колокольный звонъ во всѣхъ церквяхъ столицы, продолжающійся въ теченіе трехъ дней. На площади передъ соборомъ имѣетъ быть церковный парадъ отъ частей войскъ, въ столицѣ расположенныхъ. По окончаніи парада цехи возвращаются тѣмъ же порядкомъ въ думу, и флаги снимаются.

5) Въ тотъ же день отъ министерства Императорскаго Двора устроенъ будетъ обѣдъ на 10,000 бѣдныхъ жителей С.-Петербурга, а вечеромъ имѣетъ быть, устраиваемый городомъ, народный праздникъ.

6) На другой день послѣ Священнаго Коронованія, 15-го мая, въ 11 часовъ утра, въ Гостиномъ Дворѣ и во всѣхъ рынкахъ столицы совершаются благодарственныя молебствія.

7) Присутственныя мѣста закрываются на три дня.

8) Жителямъ столицы дозволяется украшать и иллюминовать дома въ день Священнаго Коронованія и въ слѣдующіе затѣмъ два дня.

Высочайше утвержденный, 25-го апрѣля 1896 года, порядокъ празднованія дня Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ имперіи

1) Наканунѣ дня Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, 13-го мая, въ 6 часовъ вечера, совершается всенощное бдѣніе въ каѳедральномъ соборѣ губернскаго или областнаго города или градоначальства и въ прочихъ городскихъ и сельскихъ церквяхъ губерніи и области.

2) Въ день Священнаго Коронованія, 14-го мая, имѣетъ быть въ каѳедральномъ соборѣ и прочихъ городскихъ и сельскихъ церквяхъ божественная литургія.

3) По полученіи губернаторомъ телеграммы отъ министровъ внутреннихъ дѣлъ или военнаго, по принадлежности, съ извѣщеніемъ о послѣдовавшемъ въ Москвѣ высокоторжественномъ и всерадостномъ событіи, совершается въ каѳедральномъ соборѣ и во всѣхъ церквяхъ губернскаго или областнаго города или градоначальства благодарственное молебствіе, по окончаніи коего и возглашеніи многолѣтія имѣетъ быть церковный парадъ, и въ то же время начинается колокольный звонъ, продолжающійся три дня.

4) Въ тотъ же день отъ министерства Императорскаго Двора устраиваются обѣды для бѣдныхъ жителей въ городахъ: Варшавѣ, Кіевѣ, Казани, Тифлисѣ, Ташкентѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Иркутскѣ, Гельсингфорсѣ, Новочеркасскѣ, Томскѣ, Архангельскѣ, Костромѣ, Новгородѣ, Владивостокѣ, Царскомъ-Селѣ, Петергофѣ, Гатчинѣ, Барнаулѣ и Нерчинскѣ.

5) Жителямъ предоставляется украшать и иллюминовать свои дома въ день Священнаго Коронованія и на слѣдующіе два дня, а вечеромъ въ день Священнаго Коронованія разрѣшается устройство народныхъ праздниковъ и гуляній.

6) Присутственныя мѣста закрываются на три дня,— и

7) Дальнѣйшія подробности празднованія дня Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ устанавливаются по соглашенію губернатора съ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ и старшимъ военнымъ начальникомъ, съ соблюденіемъ непремѣннаго условія, чтобы благодарственныя молебствія по случаю Священнаго Коронованія были отслужены лишь по полученіи на мѣстахъ извѣстій отъ мѣстнаго губернатора.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

ЦЕРЕМОНІАЛЪ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

И

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

Наканунѣ дня, назначеннаго для торжества Св. Коронованія, въ четыре часа пополудни, по всѣмъ церквямъ отправлено будетъ молебствіе со звономъ, а ввечеру всенощное бдѣніе. Ихъ Императорскія Величества, съ Особами Августѣйшей Фамиліи, изволятъ слушать оное *у Спаса за золотою рѣшеткой*, причемъ и надлежащее правило, передъ днемъ Св. Коронованія, прочтено будетъ.

Въ торжественный день Св. Коронованія, по сдѣланному въ 7 часовъ утра сигналу 21 пушечнымъ выстрѣломъ, начнется отъ Успенскаго собора благовѣстъ.

Особы и лица, участвующія въ Высочайшемъ шествіи въ Успенскій соборъ, по разосланнымъ отъ Высочайшаго Двора повѣсткамъ и по объявленіямъ отъ верховнаго церемоніймейстера, соберутся въ Кремлевскомъ Его Императорскаго Величества дворцѣ, на указанныхъ имъ мѣстахъ, къ $7^1/_2$ часамъ. Къ тому же времени соберутся въ Кремлевскомъ дворцѣ особы и лица, въ Высочайшемъ шествіи не участвующія,—ожидающія шествія въ залахъ дворца, а къ 8 часамъ — въ Успенскомъ соборѣ — особы и лица, коимъ назначено собираться въ ономъ въ ожиданіи Высочайшаго выхода.

Дамы въ русскомъ платьѣ, кавалеры въ парадной формѣ.

Иностранные послы, посланники и повѣренные въ дѣлахъ, съ ихъ супругами, и прочія приглашенныя въ Успенскій соборъ особы дипломатическаго корпуса, пропускаемыя въ соборъ по выданнымъ имъ отъ верховнаго церемоніймейстера билетамъ, прибудутъ въ Кремлевскій дворецъ къ $8^1/_2$ часамъ и, по введеніи церемоніймейстерами въ соборъ, займутъ опредѣленныя для нихъ мѣста.

По всему пути Высочайшаго шествія въ Успенскій соборъ, для Св. Коронованія, и въ другіе Кремлевскіе соборы разставятся шпалерами: въ Тронномъ залѣ — отъ трона до дверей Александровскаго зала — дворцовые гренадеры, а отъ сихъ дверей, по всему остальному протяженію — нижніе чины отъ сосредоточенныхъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ шефскихъ кавалерійскихъ частей. Войска, участвующія въ шествіи, станутъ: одинъ взводъ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка — въ Екатерининскомъ залѣ; два взвода сего полка — въ Тронномъ залѣ и одинъ взводъ того же полка — въ Святыхъ Сѣняхъ. Кромѣ того, по пути Высочайшаго шествія какъ во дворцѣ, такъ и внѣ дворца, по распоряженію Его Императорскаго Высочества главнаго начальника надъ всѣми войсками, собранными въ Москвѣ и окрестностяхъ, построятся войска со знаменами и штандартами.

Въ Успенскомъ соборѣ четыре офицера кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка заблаговременно станутъ: два старшихъ — на пятой ступени Трона, а два младшихъ — на седьмой ступени, съ обнаженными палашами и касками въ рукахъ, у Сѣверныхъ и Южныхъ дверей собора, внутри онаго, поставлены будутъ по два унтеръ-офицера того же полка, также съ обнаженными палашами и касками въ рукахъ, а внѣ собора — по два пѣхотныхъ унтеръ-офицера съ ружьями, въ шапкахъ.

До Высочайшаго выхода въ соборѣ отправлено будетъ, о здравіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, молебствіе, и по прочтеніи обыкновенныхъ часовъ, духовенство, въ облаченіи, ожидаетъ на паперти собора пришествія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

По полученіи извѣщенія отъ верховнаго церемоніймейстера, что часы въ соборѣ прочтены, и по донесеніи о томъ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ министромъ Императорскаго Двора, Ея Императорское Величество, въ коронѣ и порфирѣ, имѣя по сторонамъ двухъ ассистентовъ, изволитъ шествовать изъ внутреннихъ покоевъ въ Успенскій соборъ въ сопровожденіи Особъ Августѣйшей Фамиліи (кромѣ принимающихъ участіе въ шествіи Государя Императора) и иностранныхъ принцевъ и принцессъ. За Ея Величествомъ слѣдуютъ гофмейстерины, статсъ-дамы и камеръ-фрейлины Ихъ Императорскихъ Величествъ Государынь Императрицъ (кромѣ назначенныхъ слѣдовать, во время шествія въ соборъ Государя Императора, за Государынею Императрицею Александрою Ѳеодоровною), свитныя и дежурныя фрейлины Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, гофмейстерины и дежурныя фрейлины Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княгинь и иностранныя придворныя дамы. Городскія фрейлины Государынь Императрицъ шествуютъ до Краснаго крыльца и становятся на наружной площадкѣ, смежной съ Георгіевскимъ заломъ.

За придворными дамами слѣдуетъ военная свита Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей и иностранныхъ принцевъ. Изъ нихъ остаются въ соборѣ только особы, завѣдывающія и управляющія великокняжескими дворами, дежурные адъютанты и старшія особы свиты иностранныхъ принцевъ.

Шлейфъ порфиры Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны несутъ 4 камергера; у плечъ поддерживаютъ оную двое изъ вторыхъ чиновъ Высочайшаго Двора, а конецъ порфиры — одинъ изъ первыхъ чиновъ Высочайшаго Двора.

Отъ нижней ступени Краснаго крыльца до паперти собора надъ Ея Императорскимъ Величествомъ несенъ будетъ балдахинъ, шнуры коего держатъ восемь старшихъ особъ 3-го класса, а штанги восемь младшихъ особъ того же класса.

Ея Величеству предшествуютъ отъ Троннаго зала два церемоніймейстера Высочайшаго Двора, съ жезлами, оберъ-церемоніймейстеръ Высочайшаго Двора съ жезломъ, камеръ-юнкеры, камергеры, кавалеры великокняжескихъ дворовъ, носящіе придворное званіе, вторые чины Высочайшаго Двора, иностранные придворные кавалеры и первые чины Высочайшаго Двора (кромѣ получившихъ особыя назначенія во время шествія въ соборъ Государя Императора). Изъ предшествовавшихъ Ея Величеству особъ камергеры и камеръ-юнкеры не остаются въ соборѣ, а проходятъ *Сѣверными дверями* въ Сѵнодальную палату.

Впереди шествія идутъ 2 скорохода, 4 гофъ-фурьера и камеръ-фурьеръ.

У дверей собора Ея Величество встрѣчена будетъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ московскимъ и духовенствомъ, со крестомъ и св. водою.

Вступая въ соборъ Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна изволитъ взойти по ступенямъ трона и занять Свое мѣсто на постановленномъ подъ особымъ балдахиномъ престолѣ царя Алексѣя Михаиловича, а Ихъ Высочества Великіе Князья, Великія Княгини и иностранныя августѣйшія особы, пройдя по боковымъ всходамъ трона, становятся на приготовленныя для Ихъ Высочествъ мѣста; ассистенты Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны займутъ мѣста по сторонамъ престола Ея Величества, а особы, поддерживавшія и несшія шлейфъ порфиры Ея Величества, становятся на площадкѣ трона у правыхъ боковыхъ перилъ. Тамъ же становится оберъ-церемоніймейстеръ Высочайшаго Двора.

Изъ остающихся въ соборѣ: особы военной свиты Великихъ Князей становятся около Южной стѣны собора, а особы военной свиты иностранныхъ принцевъ занимаютъ опредѣленныя для нихъ мѣста, по указаніямъ церемоніймейстеровъ.

Въ это же время сановники, назначенные для несенія Императорскихъ регалій, подойдутъ въ Тронномъ залѣ къ столу съ регаліями и, по принятію оныхъ изъ рукъ верховнаго маршала, станутъ на свои мѣста, для участія въ Высочайшемъ шествіи.

До начатія шествія Государя Императора, духовникъ Ихъ Величествъ, со крестомъ, имѣя при себѣ двухъ діаконовъ, несущихъ на золотомъ блюдѣ св. воду, окропитъ оною путь слѣдованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Когда верховный маршалъ донесетъ Государю Императору что все къ шествію готово, тогда Ихъ Императорскія Величества изволятъ, изъ внутреннихъ покоевъ, прибыть въ Тронный залъ и возсѣсть тамъ на престолы подъ балдахиномъ.

По сигналу, данному, трубами и литаврами, хоромъ трубачей кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка съ наружной площадки, смѣжной съ Троннымъ заломъ, и хоромъ трубачей лейбъ-гвардіи коннаго полка съ верхней площадки Краснаго крыльца, Высочайшее шествіе въ Успенскій соборъ прослѣдуетъ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

1.

Взводъ кавалергардовъ, по три въ рядъ, съ двумя офицерами.

2.

Пажи и камеръ-пажи, по три въ рядъ, съ ихъ ротнымъ командиромъ — пройдя чрезъ соборъ, ожидаютъ окончанія церковной службы въ Крестовой синодальной палатѣ.

3.

Два церемоніймейстера, съ жезлами — остаются въ соборѣ.

4.

Волостные старшины, гминные войты и староста коробовскихъ бѣлопашцевъ, по три въ рядъ. Изъ нихъ остаются въ соборѣ старѣйшіе по времени службы 12 волостныхъ старшинъ (въ томъ числѣ одинъ старшина отъ московской губерніи и одинъ отъ петербургской), одинъ гминный войтъ и староста коробовскихъ бѣлопашцевъ.

5.

Городскіе головы и равнозначущія имъ лица губернскихъ городовъ, градоначальствъ и главныхъ городовъ военныхъ губернаторствъ и областей. Въ соборѣ остаются только городскіе головы обѣихъ столицъ и президентъ города Варшавы.

6.

Депутаты великаго княжества Финляндскаго. Всѣ остаются въ соборѣ.

7.

Предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ. Всѣ остаются въ соборѣ.

8.

Предсѣдатель и члены московскаго биржевого комитета и старшина и члены московской купеческой управы.

9.

Московскія: ремесленная, мѣщанская и городская управы и представители московской городской думы.

10.

Московскія: отдѣленіе совѣта торговли и мануфактуръ, сберегательная касса, ссудная казна, главная складочная таможня, отдѣленія государственнаго дворянскаго и крестьянскаго земельныхъ банковъ и контора государственнаго банка.

11.

Управленіе акцизными сборами московской губерніи.

12.

Московскій сельско-хозяйственный институтъ.

13.

Мѣстное управленіе государственными имуществами.

14.

Мѣстное учрежденіе государственнаго коннозаводства.

15.

Московское врачебное управленіе.

16.

Московскій почтамтъ.

17.

Московскій цензурный комитетъ.

18.

Московская контрольная палата.

19.

Московская казенная палата.

20.

Московскіе: столичный мировой съѣздъ, коммерческій судъ и окружный судъ, съ прокурорскимъ надзоромъ онаго.

21.

Московская экспедиція Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, московскій попечительный о бѣдныхъ комитетъ Императорскаго человѣколюбиваго общества и мѣстное управленіе Краснаго Креста.

22.

Московская дворянская опека и дворянское депутатское собраніе.

23.

Управленіе московскаго почтово-телеграфнаго округа.

24.

Управленіе московскаго округа путей сообщенія.

25.

Московское губернское правленіе и московскій губернаторъ.

26.

Канцелярія и управленіе московскаго генералъ-губернатора.

27.

Московскій комендантъ, штабъ московскаго военнаго округа и окружные отдѣлы онаго.

28.

Межевая канцелярія.

29.

Архивъ министерства юстиціи и московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

30.

Московская судебная палата, съ прокурорскимъ надзоромъ оной.

31.

Совѣтъ Императорскаго московскаго университета и управленіе московскаго учебнаго округа.

32.

Чины учрежденій министерства Императорскаго двора и главнаго управленія удѣловъ.

Примѣчаніе: Изъ состава учрежденій, поименованныхъ въ §§ 8 — 32 включительно остаются въ соборѣ только тѣ изъ начальствующихъ лицъ, которымъ выданы Высочайше установленные, для присутствія въ соборѣ, особые, для ношенія на лѣвомъ плечѣ, значки.

Прибытіе Ихъ Величествъ въ Москву 6-го мая.

Въ Царскомъ павильонѣ у смоленскаго вокзала.

Съ натуры рисовалъ К. О. Брожъ.

33.

Депутаты казачьихъ войскъ и областей. Изъ нихъ въ соборѣ остаются только наказные атаманы и областной предводитель дворянства Войска Донского.

34.

Ассистенты при губернскихъ предводителяхъ дворянства и младшіе представители дворянъ губерній, гдѣ не имѣются предводители дворянства — въ соборѣ не остаются.

35.

Губернскіе предводители дворянства и старшіе представители дворянъ губерній, гдѣ не имѣются предводители дворянства.

36.

Товарищъ оберъ-прокурора св. синода, оберъ-прокуроръ 1-го департамента правительствующаго сената, находящіеся въ Москвѣ товарищи главноуправляющихъ отдѣльными частями и министровъ и прибывшіе въ Москву генералъ-губернаторы.

37.

Почетные опекуны и статсъ-секретари.

38.

Сенаторы.

39.

Оберъ прокуроръ святѣйшаго синода, главноуправляющіе отдѣльными частями и министры.

40.

Члены государственнаго совѣта.

Примѣчаніе. Особы, поименованныя въ §§ 35, 36, 37, 38, 39 и 40 — всѣ остаются въ соборѣ, въ которомъ по указаніямъ церемоніймейстеровъ, занимаютъ назначенныя имъ мѣста.

41.

Два коронаціонные оберъ-церемоніймейстера, съ жезлами.

42.

Верховный церемоніймейстеръ, съ жезломъ.

43.

Два герольда, въ ихъ уборѣ.

44.

Унтеръ-офицеръ роты дворцовыхъ гренадеръ, со знаменемъ.

45.

Императорскія регаліи, несомыя назначенными для сего сановниками, съ ихъ ассистентами:

Цѣпь ордена св. апостола Андрея Первозваннаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Государственный мечъ.

Государственное знамя.

Государственная печать.

Порфира Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Порфира Государя Императора.

Держава.

Скипетръ.

Корона Императорская малая.

Корона Императорская большая.

По сторонамъ Императорскихъ регалій до самаго балдахина идутъ, не получившіе особыхъ назначеній, флигель-адъютанты, свиты Его Величества генералъ маіоры и генералъ-адъютанты генералъ-маіорскаго и генералъ-лейтенантскаго чина, младшіе впереди.

46.

Взводъ кавалергардовъ.

47.

Гофмаршалъ, съ жезломъ.

48.

Оберъ-гофмаршалъ, съ жезломъ.

49.

Верховный маршалъ, съ жезломъ.

50.

Его Императорское Величество Государь Императоръ, имѣя по сторонамъ двухъ ассистентовъ, а позади—министра Императорскаго двора, военнаго министра, командующаго Императорскою главною квартирою, дежурныхъ: генералъ-адъютанта, свиты Его Величества генералъ-маіора и флигель-адъютанта, и командиръ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка, съ обнаженнымъ палашемъ и каскою на головѣ.

51.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, имѣя по сторонамъ двухъ ассистентовъ.

Отъ нижней ступени Краснаго крыльца надъ Ихъ Величествами несенъ будетъ балдахинъ. Кисти и штанги сего балдахина будутъ держать 32 генералъ-адъютанта, старшіе—у кистей, младшіе—у штанговъ.

52.

Четыре статсъ-дамы, назначенныя для оправленія короны и порфиры, и свитныя и дежурныя фрейлины Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

53.

Не получившіе особыхъ назначеній генералъ-адъютанты полнаго генеральскаго чина.

54.

Взводъ кавалергардовъ.

55.

Родовое россійское дворянство, по три въ рядъ. Изъ нихъ трое остаются въ соборѣ.

56.

Именитое московское купечество и представители московской промышленности, по три въ рядъ.

Означенные въ этомъ параграфѣ лица не входятъ въ соборъ, а, пройдя по западной сторонѣ онаго, ожидаютъ въ синодальной палатѣ обратнаго шествія.

57.

Взводъ кавалергардовъ.

Примѣчаніе. Участвующіе четыре взвода кавалергардовъ, обойдя соборъ по западной сторонѣ онаго, становятся на помостѣ, ведущемъ отъ *Сѣверныхъ дверей* Успенскаго собора—къ Архангельскому собору.

Съ выступленіемъ главы шествія изъ дворца, начнется звонъ во всѣ колокола, а во время слѣдованія Ихъ Императорскихъ Величествъ стоящія въ строю войска отдаютъ установленную честь.

По приближеніи Императорскихъ регалій къ дверямъ соборнымъ, все духовенство въ облаченіи выходитъ на паперть; высокопреосвященный митрополитъ кіевскій почтетъ оныя кажденіемъ ѳиміама, а высокопреосвященный митрополитъ московскій кропленіемъ св. водою.

Когда Ихъ Императорскія Величества къ паперти приблизиться изволятъ, тогда митрополитъ московскій произнесетъ рѣчь; митрополитъ с.-петербургскій поднесетъ Ихъ Величествамъ благословящій крестъ къ цѣлованію, а митрополитъ кіевскій окропитъ Ихъ Величества св. водою.

По вступленіи во храмъ Ихъ Величества сотворятъ, передъ царскими вратами, троекратное Господеви поклоненіе и приложатся ко святымъ иконамъ, а потомъ изволятъ слѣдовать на пріуготовленный посреди собора тронъ и возсѣсть на престолахъ царей: Михаила Ѳеодоровича и Іоанна III.

Тогда архіереи, архимандриты и прочее духовенство, имѣющее быть въ служеніи, станутъ отъ ступеней трона до царскихъ вратъ, по обѣ стороны, а пѣвчіе на клиросахъ пропоютъ Царскій псаломъ: „*Милость и судъ воспою Тебѣ Господи*“.

Между тѣмъ какъ Ихъ Императорскія Величества, приложась ко святымъ иконамъ, изволятъ шествовать къ трону, сановники, несущіе Императорскія регаліи, возложа оныя на пріуготовленный столъ, станутъ слѣдующимъ порядкомъ:

Несшій большую корону — на верхней площадкѣ трона у стола, на которомъ она положена.

Несшій малую корону—у того же стола.

Несшій скипетръ — на верхней площадкѣ трона, справа.

Несшій державу — на той же площадкѣ, слѣва.

Несшіе порфиру — Государыни Императрицы — на той же ступени, слѣва.

Несшій государственный мечъ держитъ оный на второй ступени, справа.

Несшій государственное знамя держитъ оное на той же ступени, слѣва.

Несшій государственную печать держитъ оную на третьей ступени, справа.

Несшій цѣпь ордена св. апостола Андрея Первозваннаго станетъ на третьей ступени, слѣва.

Герольды предшествуютъ регаліямъ и затѣмъ становятся по обѣимъ сторонамъ трона, на нижней ступени, ассистенты же при регаліяхъ, становятся у *Сѣверной стороны* собора, за духовенствомъ.

Верховный маршалъ, оберъ-гофмаршалъ, верховный церемоніймейстеръ и гофмаршалъ, стоявшіе, пока Ихъ Величества прикладывались къ св. иконамъ, на первомъ у иконостаса уступѣ, близь клиросовъ, лицомъ къ алтарю, сопровождаютъ Ихъ Величества до верхней площадки трона и становятся потомъ на второй площадкѣ онаго, лицомъ другъ къ другу.

Ассистенты Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны займутъ мѣста на верхней площадкѣ трона, по сторонамъ Ихъ Величествъ: ассистенты Государя Императора — слѣва отъ престоловъ Ихъ Величествъ, а ассистенты Государыни Императрицы – справа отъ престоловъ.

Коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры станутъ на девятой ступени, ниже второй площадки трона.

Церемоніймейстеры — между первыми церковными столпами, у всхода на тронъ, по два съ каждой стороны, лицомъ другъ къ другу.

Между правымъ столпомъ и всходомъ къ трону, у самыхъ перилъ, — московскій губернаторъ, съ двумя ассистентами (предсѣдателемъ окружнаго суда и московскимъ вице-губернаторомъ), для настланія въ свое время бархата и золотой парчи.

Между престоломъ Государя Императора и столомъ для регалій становятся: министръ Императорскаго двора, военный министръ, командующій Императорскою главною квартирой и дежурный генералъ-адъютантъ.

Командиръ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка, съ обнаженнымъ палашемъ и каскою въ рукахъ, становится между престолами Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, позади престоловъ. Позади же престоловъ Ихъ Императорскихъ Величествъ становятся: двое изъ первыхъ чиновъ двора, назначенные къ поддержанію порфиръ у плечъ, а далѣе, у перилъ трона — шесть камергеровъ, долженствующіе нести шлейфъ порфиры Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Четыре статсъ-дамы своевременно будутъ приглашены церемоніймейстерами взойти на площадку трона для оправленія короны и порфиры Ея Величества.

Участвовавшіе въ шествіи сановники и чины, коимъ опредѣлено оставаться въ соборѣ, займутъ, по указаніямъ церемоніймейстеровъ, назначенныя имъ мѣста.

Священное коронованіе совершается слѣдующимъ порядкомъ:

Высокопреосвященный митрополитъ с.-петербургскій, взошедъ на верхнюю площадку трона и ставъ передъ Государемъ Императоромъ, предложитъ Его Величеству прочитать, вслухъ всѣхъ вѣрноподданныхъ, исповѣданіе православной вѣры, и затѣмъ поднесетъ разогнутую книгу по которой Его Императорское Величество изволитъ прочитать велегласно Символъ Вѣры. Засимъ высокопреосвященный митрополитъ, возгласивъ: *„Благодать Святаго Духа да будетъ съ тобою. Аминь“*, сходитъ съ трона.

По прочтеніи Св. Евангелія, высокопреосвященные митрополиты с.-петербургскій и кіевскій взойдутъ на тронъ.

Его Императорское Величество, снявъ съ Себя обыкновенную цѣпь ордена св. апостола Андрея Первозваннаго и отдавъ ее одному изъ ассистентовъ, повелитъ возложить на Себя Императорскую порфиру, съ принадлежащею къ ней брилліантовою цѣпью сего ордена, а высокопреосвященные митрополиты с.-петербургскій и кіевскій, принявъ порфиру отъ сановниковъ, несшихъ оную, поднесутъ ее Его Величеству, на двухъ подушкахъ, и послужатъ при возложеніи ея; причемъ митрополитъ с.-петербургскій возгласитъ: *„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“*, а одинъ изъ ассистентовъ Его Величества оправитъ порфиру.

По возложеніи порфиры, Его Императорское Величество изволитъ преклонить главу, а митрополитъ с.-петербургскій, осѣнивъ Государя Императора крестнымъ знаменіемъ и положа на главу крестообразно руки, прочитаетъ, по чиноположенію, установленныя двѣ молитвы.

По окончаніи второй молитвы Государь Императоръ повелитъ подать Себѣ корону. Сановникъ, несшій оную въ шествіи, поднесетъ ее на подушкѣ митрополиту с.-петербургскому для представленія Его Императорскому Величеству.

Государь Императоръ, принявъ съ подушки корону, возложитъ оную на главу Свою; митрополитъ с.-петербургскій произнесетъ рѣчь по книгѣ.

За симъ Его Императорское Величество повелитъ подать Себѣ скипетръ и державу. Сановники, несшіе оные въ шествіи, поднесутъ ихъ на подушкахъ высокопреосвященному митрополиту, который представитъ регаліи сіи Государю Императору и произнесетъ по книгѣ рѣчь.

Его Величество, принявъ въ правую руку скипетръ, а въ лѣвую державу, возсядетъ на престолъ и вскорѣ затѣмъ, положивъ обѣ регаліи на подушки, поданныя несшими ихъ сановниками, изволитъ позвать къ Себѣ Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну.

Ея Величество, подойдя къ Государю Императору, станетъ передъ Августѣйшимъ Супругомъ Своимъ на колѣни, на малиновую бархатную подушку, окаймленную золотою тесьмою и положенную однимъ изъ сопровождавшихъ Ея Величество ассистентовъ, а Монархъ, снявъ съ Себя корону, прикоснется оною къ Главѣ Императрицы и снова на Себя возложитъ.

Затѣмъ поднесена будетъ Государю Императору малая корона сановникомъ, несшимъ оную.

Его Величество возложитъ ее на главу Государыни Императрицы, а четыре статсъ-дамы оную оправятъ.

Засимъ поднесется Его Императорскому Величеству, для возложенія на Государыню Императрицу, порфира и цѣпь ордена св. апостола Андрея Первозваннаго, несшими оныя сановниками. Тѣ же четыре статсъ-дамы регаліи сіи оправятъ.

Тогда Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна изволитъ встать и возвратиться къ Своему престолу, а Государь Императоръ снова воспріиметъ скипетръ и державу. Протодіаконъ, возгласивъ весь Императорскій титулъ, воскликнетъ многолѣтіе Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, а пѣвчіе пропоютъ трижды: *„Многая лѣта“*.

Пѣніе сопровождается звономъ во всѣ колокола, и по данному военнымъ начальствомъ сигналу, — 101 пушечнымъ выстрѣломъ.

Въ то время духовенство и свѣтскія обоего пола особы, не оставляя занимаемыхъ ими мѣстъ, приносятъ поздравленія Его Императорскому Величеству, троекратнымъ поклономъ.

Государыни Императрицы и всѣ Августѣйшія особы привѣтствуютъ Государя Императора. Ихъ Высочества входятъ для сего на площадку трона.

По окончаніи звона колоколовъ и пальбы изъ пушекъ, Государь Императоръ, возставъ съ престола и отдавъ скипетръ и державу сановникамъ, несшимъ оные въ шествіи, изволитъ колѣнопреклоненно, прочесть по книгѣ, поданной высокопреосвященнымъ митрополитомъ с.-петербургскимъ, установленную молитву. Засимъ митрополитъ с.-петербургскій, ставъ на колѣни, равно какъ и всѣ въ храмѣ находящіеся, прочтетъ отъ лица всего народа молитву, въ продолженіи которой Государь Императоръ изволитъ стоять.

Послѣ сей молитвы высокопреосвященный митрополитъ с.-петербургскій произнесетъ краткую привѣтственную Его Величеству рѣчь, пѣвчіе пропоютъ *„Тебе Бога хвалимъ“*, вновь раздастся колокольный звонъ и начнется Божественная литургія.

Его Императорское Величество изволитъ снять корону и отдать сановнику, несшему оную, а, по окончаніи литургіи, вновь возложитъ корону на Себя.

По прочтеніи Св. Евангелія, два архіерея поднесутъ оное къ цѣлованію Ихъ Величествъ.

При началѣ пѣнія Каноника, — для Высочайшаго шествія къ царскимъ вратамъ, — постланъ будетъ отъ нижней ступени Императорскаго трона московскимъ губернаторомъ, съ двумя ассистентами, малиновый бархатъ, окаймленный золотою тесьмой, а передъ царскими вратами, сверхъ бархата, тѣми же лицами будетъ постлана золотая парча, конецъ которой, въ алтарѣ до престола церковнаго, разложатъ протодіаконы.

Послѣ пѣнія Каноника и по причащеніи совершавшихъ литургію, когда царскія врата отворятся, выйдутъ изъ алтаря два архіерея, съ протодіаконами, возвѣстить Его Императорскому Величеству, что время Св. мνропомазанія наступило. Тогда Государь Императоръ, передавъ шашку Свою ассистенту и сойдя съ трона, изволитъ шествовать въ порфирѣ къ царскимъ вратамъ.

За Его Величествомъ слѣдуетъ Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна.

Ихъ Величествамъ предшествуютъ: верховный-церемоніймейстеръ, имѣя по сторонамъ коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстеровъ, гофмаршалъ, оберъ-гофмаршалъ, верховный маршалъ, три сановника съ регаліями—рядомъ: несущій корону по серединѣ, несущій скипетръ — справа, а державу — слѣва.

За регаліями—Государь Императоръ, имѣя по сторонамъ Своихъ ассистентовъ и двухъ офицеровъ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка — старшихъ изъ стоявшихъ на ступеняхъ трона.

За Его Величествомъ—командиръ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка, съ обнаженнымъ палашемъ, министръ Императорскаго двора, военный министръ, командующій Императорскою главною квартирою и дежурный генералъ-адъютантъ. За Государынею Императрицею — ассистенты Ея Величества. Порфиры Ихъ Величествъ поддерживаютъ назначенные для сего первые и вторые чины Двора и камергеры.

Сановники, несущіе государственный мечъ, государственное знамя и государственную печать, и сановники, несшіе прочія Императорскія регаліи, остаются на своихъ мѣстахъ.

По приближеніи къ Царскимъ вратамъ Государь Императоръ станетъ на постланной золотой парчѣ, а Государыня Императрица изволитъ остановиться между трономъ и ступенями передъ алтаремъ. Ассистенты Его Величества отойдутъ вправо, къ мѣстной иконѣ Спасителя, за ними станутъ сановники, держащіе на подушкахъ корону, скипетръ и державу, а позади Императорскихъ регалій въ рядъ: министръ Императорскаго двора, военный министръ, командующій Императорскою главною квартирою, дежурный генералъ-адъютантъ и командиръ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка, съ обнаженнымъ палашемъ; два старшихъ офицера того же полка станутъ по сторонамъ ступеней, а два коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстера, гофмаршалъ, верховный церемоніймейстеръ, оберъ-гофмаршалъ и верховный маршалъ—полукружіемъ отъ обоихъ клиросовъ до мѣста, гдѣ Государыня Императрица изволитъ остановиться.

Высокопреосвященный митрополитъ с.-петербургскій, взявъ драгоцѣнный сосудъ со святымъ мνромъ, приступитъ къ Его Императорскому Величеству и, омоча пріуготовленный для сего драгоцѣнный сучецъ, совершитъ св. мνропомазаніе на челѣ Его Величества, на очахъ, на ноздряхъ, на устахъ, на ушахъ, на персяхъ и на рукахъ, глаголя: „*Печать дара Духа Святаго*", а высокопреосвященный митрополитъ кіевскій отретъ мѣста помазанія.

Принявъ св. мνропомазаніе, при совершеніи котораго произведенъ будетъ колокольный звонъ при 101 пушечномъ выстрѣлѣ, Государь Императоръ изволитъ стать по правую сторону, противъ мѣстной иконы Спасителя. Тогда приступитъ къ царскимъ вратамъ Государыня Императрица, ставъ на ту же золотую парчу.

Высокопреосвященный митрополитъ с.-петербургскій помажетъ св. мνромъ только на челѣ Ея Величества, произнося также: „*Печать дара Духа Святаго*". Высокопреосвященный митрополитъ московскій отретъ мѣсто помазанія.

Послѣ св. мνропомазанія Ея Величество изволитъ стать по лѣвую сторону, противъ иконы Божіей Матери, имѣя при себѣ своихъ ассистентовъ.

Въ это время митрополитъ с.-петербургскій введетъ черезъ Царскія врата Государя Императора во внутрь алтаря, прочіе сослужащіе святители поддержатъ порфиру Его Величества, принявъ оную отъ особъ, поддерживавшихъ ее до Царскихъ вратъ.

Его Величество, остановясь предъ Святою Трапезой, на золотой парчѣ, изволитъ причаститься Св. Христовыхъ Таинъ, по чину Царскому, какъ пріобщаются священнослужители, то есть особо Тѣла и особо Крови Христовой.

По причащеніи Св. Таинъ, одинъ изъ архіереевъ поднесетъ Государю Императору антидоръ и теплоту, а другой послужитъ къ умовенію устъ и рукъ.

По выходѣ изъ алтаря Государя Императора и по принятіи порфиры Его Величества особами, назначенными къ поддержанію и несенію шлейфа оной, Государь Императоръ изволитъ снова отойти къ мѣстной иконѣ Спасителя, а Государыня Императрица — приблизиться къ Царскимъ вратамъ, для принятія Св. Причастія, обыкновеннымъ порядкомъ, отъ Высокопреосвященнаго митрополита с.-петербургскаго, причемъ два другіе архіерея послужатъ Ея Величеству въ поднесеніи антидора и теплоты и къ умовенію устъ и рукъ.

Послѣ сего Ихъ Величества изволятъ шествовать къ трону и возсѣсть на престолахъ. При этомъ Императорскія регаліи несены будутъ впереди, тѣмъ же порядкомъ, какъ слѣдовали до Царскихъ вратъ.

Сановники всходятъ на верхнюю площадку трона, для возложенія несомыхъ ими регалій на пріуготовленный столъ.

Во время сего шествія, предшествующіе Императорскимъ регаліямъ — два коронаціонные оберъ-церемоніймейстера, верховный церемоніймейстеръ, гофмаршалъ, оберъ-гофмаршалъ и верховный маршалъ — останавливаются по пути слѣдованія на своихъ мѣстахъ.

Въ то время протопресвитеръ, духовникъ Ихъ Величествъ, прочтетъ предъ Ихъ Императорскими Величествами благодарственныя причастныя молитвы; при отпускѣ литургіи, протодіаконъ возгласитъ многолѣтіе Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, а пѣвчіе пропоютъ трижды: *Многая лѣта.*

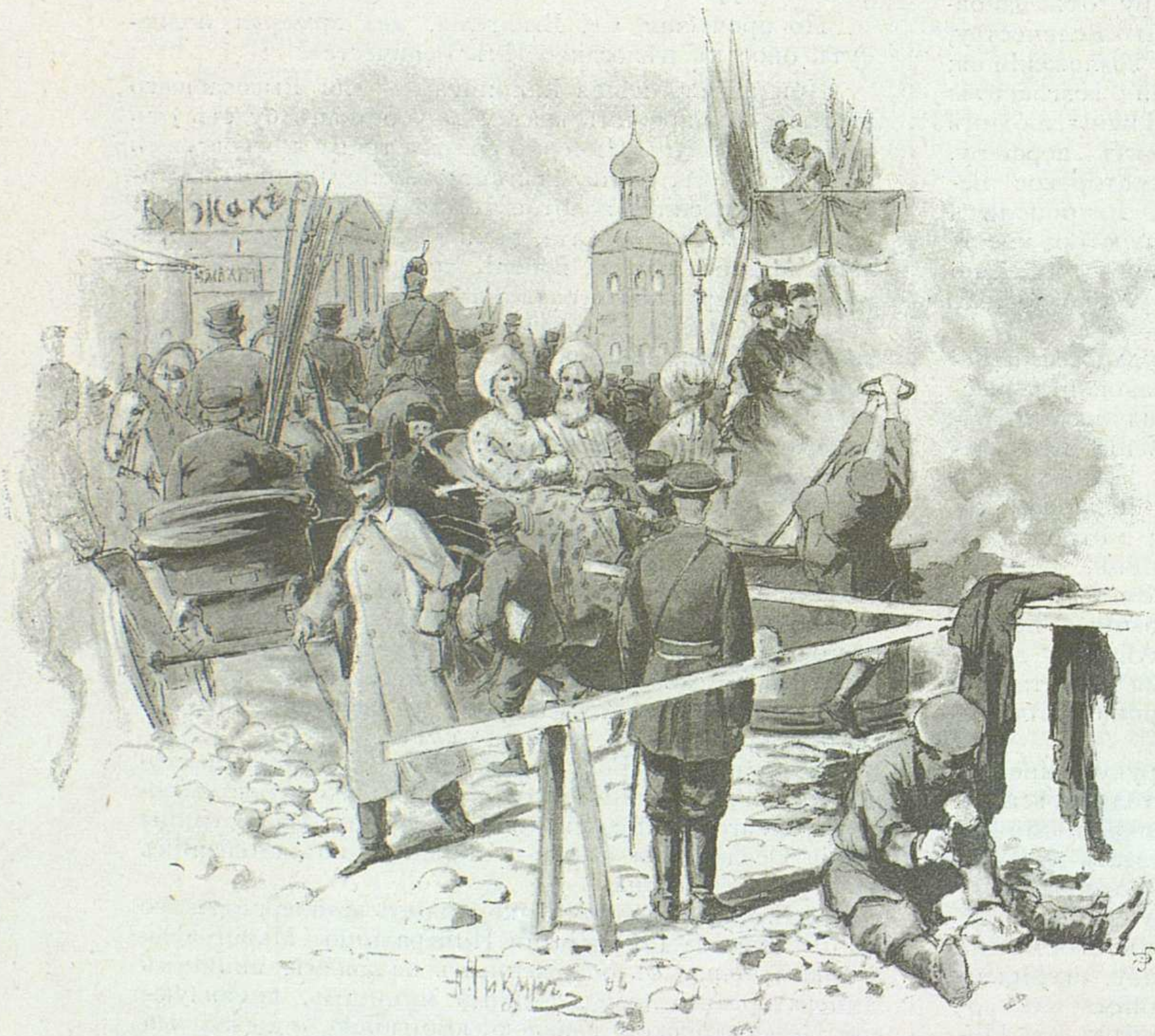
Въ заключеніе высокопреосвященный митрополитъ с.-петербургскій поднесетъ къ цѣлованію Ихъ Величествъ святый крестъ.

Государь Императоръ возложитъ на главу Свою корону, возьметъ скипетръ и державу.

Тогда всѣ, какъ духовныя, такъ и свѣтскія особы, учинятъ, троекратнымъ поклономъ, всеподданнѣйшее поздравленіе съ благополучнымъ совершеніемъ коронованія и св. мνропомазанія.

Августѣйшія Особы Императорской Фамиліи всходятъ, для принесенія поздравленій, на площадку трона.

Предъ началомъ пѣнія Канона, — два церемоніймейстера выходятъ изъ собора въ синодальную палату и приглашаютъ всѣхъ особъ, ожидавшихъ въ оной обратнаго шествія Ихъ

На Петровкѣ въ Москвѣ, въ предкоронаціонные дни.

Съ натуры рисовалъ А. А. Чикинъ.

Величествъ, выйти изъ палаты и строиться на помостѣ у *Сѣверныхъ дверей* собора, для предшествія Ихъ Величествамъ, въ томъ же порядкѣ, въ которомъ слѣдовали въ соборъ; камергеры же и камеръ-юнкеры строятся на помостѣ у *Южныхъ дверей* собора.

Когда Ихъ Величества, по святомъ причащеніи, изволятъ возвратиться на тронъ и возсѣсть на престолы, церемоніймейстеры приглашаютъ выйти изъ собора въ *Южныя двери:* придворныхъ чиновъ и иностранныхъ придворныхъ кавалеровъ, которые строятся на помостѣ вмѣстѣ съ камергерами и камеръ-юнкерами, для предшествованія Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ Кремлевскій дворецъ.

Въ то же время церемоніймейстеры приглашаютъ выйти въ *Сѣверныя двери:* всѣхъ особъ и лицъ предшествовавшихъ Ихъ Величествамъ при Высочайшемъ шествіи изъ Кремлевскаго дворца въ соборъ и сопровождавшихъ Императорскія регаліи: флигель-адъютантовъ, свиты Его Величества генералъ-маіоровъ и генералъ-адъютантовъ генералъ-маіорскаго и генералъ-лейтенантскаго чина. Несущіе надъ Ихъ Императорскими Величествами балдахинъ генералъ-адъютанты, по выходѣ изъ собора, принимаютъ у *Сѣверныхъ дверей* балдахинъ отъ штабъ-офицеровъ, державшихъ его и заблаговременно принесшихъ оный къ означеннымъ дверямъ.

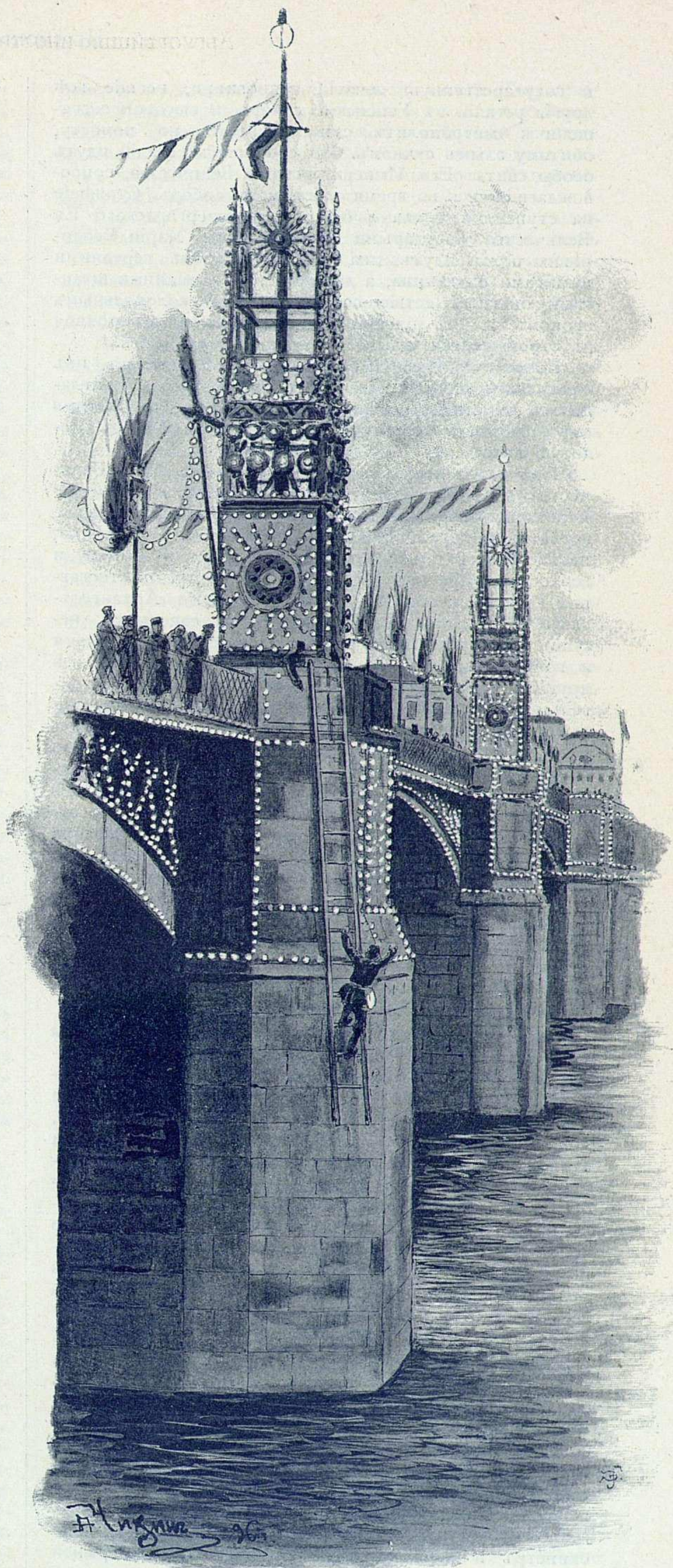
Всѣ поименованныя лица становятся на помостѣ въ ожиданіи обратнаго шествія Ихъ Величествъ.

По принятіи Ихъ Величествами всеподданнѣйшаго поздравленія въ соборѣ, Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, въ сопровожденіи Августѣйшихъ Особъ Императорской Фамиліи и иностранныхъ принцевъ и принцессъ, изволитъ выйти изъ собора *Южными дверями* и возвратиться во внутренніе покои Кремлевскаго дворца прежнимъ порядкомъ, въ предшествіи: двухъ церемоніймейстеровъ съ жезлами, оберъ-церемоніймейстера съ жезломъ, придворныхъ чиновъ и иностранныхъ придворныхъ кавалеровъ и имѣя за собою: гофмейстеринъ, статсъ-дамъ, камеръ-фрейлинъ и свитныхъ и дежурныхъ фрейлинъ Ихъ Величествъ Государынь Императрицъ и гофмейстеринъ и дежурныхъ фрейлинъ Ихъ Высочествъ великихъ княгинь, а также иностранныхъ придворныхъ дамъ, за которыми слѣдуетъ военная свита Ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ князей и иностранныхъ принцевъ. Всѣ особы, предшествовавшія Ея Величеству, а также особы, слѣдовавшія за сопровождавшими Ея Величество Августѣйшими Особами, останавливаются въ Тронномъ залѣ, въ ожиданіи обратнаго шествія Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Городскія фрейлины, ожидавшія на наружной площадкѣ, смежной съ Георгіевскимъ заломъ, присоединяются къ обратному шествію Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Отъ *Южныхъ дверей* собора до нижней площадки Краснаго крыльца Ея Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна изволитъ слѣдовать подъ балдахиномъ, несомымъ особами 3-го класса.

Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, сойдя съ трона, изволятъ выйти въ *Сѣверныя двери* собора, имѣя по сторонамъ Своихъ ассистентовъ, а позади — министра Императорскаго Двора, военнаго министра, командующаго Императорскою главною квартирою, дежурныхъ: генералъ-адъютанта, свиты Его Величества генералъ-майора и флигель-адъютанта и командира кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка.

Ихъ Величества, ставъ подъ балдахинъ, въ коронахъ и порфирахъ, поддерживаемыхъ и несомыхъ особами, къ сему назначенными, а Государь Императоръ со скипетромъ и державою въ рукахъ, шествуютъ въ Архангельскій соборъ.

Убранство Каменнаго моста. — Приготовленіе къ иллюминаціи.

Съ натуры рисовалъ А. А. Чикинъ.

Ихъ Императорскимъ Величествамъ предшествуютъ въ томъ же порядкѣ особы и лица, участвовавшія въ шествіи Ихъ Величествъ изъ Кремлевскаго дворца въ Успенскій соборъ, сановники, несущіе Императорскія регаліи (государственный мечъ, государственное знамя

и государственную печать), сановники, несшіе всѣ другія регаліи въ Успенскій соборъ, и высокопреосвященный митрополитъ с.-петербургскій, по помосту, обитому алымъ сукномъ. По сторонамъ регалій идутъ особы свиты Его Императорскаго Величества, сопровождавшія ихъ во время шествія въ соборъ. Стоявшіе на ступеняхъ трона 4 офицера кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка идутъ: два младшіе — предъ передними штангами балдахина, а два старшіе—за задними штангами онаго. Шествіе сопровождается колокольнымъ звономъ и 101 пушечнымъ выстрѣломъ, а стоящія въ строю войска отдаютъ установленную честь.

По выходѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ Успенскаго собора два церемоніймейстера приглашаютъ дипломатическій корпусъ выйти въ *Южныя двери* собора и перейти по Красному крыльцу въ Золотую палату.

Изъ числа особъ, предшествовавшихъ Ихъ Величествамъ, въ Архангельскій соборъ входятъ: церемоніймейстеры, коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры, верховный церемоніймейстеръ, герольды, сановники, несшіе Императорскую корону, скипетръ и державу, и верховный маршалъ; всѣ прочія особы, предшествовавшія Ихъ Величествамъ, проходятъ мимо Архангельскаго собора по помосту; изъ нихъ сановники, несущіе государственный мечъ, государственное знамя и государственную печать, и сановники, несшіе всѣ другія Императорскія регаліи, остаются между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами, въ ожиданіи выхода Ихъ Величествъ. Генералъ-адъютанты и генералы, несшіе балдахинъ надъ ихъ Величествами до *Сѣверныхъ дверей* собора, переходятъ съ нимъ къ *Западнымъ дверямъ* собора, гдѣ и ожидаютъ выхода Ихъ Величествъ; всѣ же прочія особы и лица, предшествовавшія Ихъ Величествамъ, проходятъ мимо собора по помосту и слѣдуютъ по Красному крыльцу въ Кремлевскій дворецъ и, дойдя до Владимірскаго зала, корридорами выходятъ мимо церкви Рождества Богородицы; герольды, войдя въ Архангельскій соборъ, переходятъ къ *Западнымъ дверямъ*, у которыхъ останавливаются— для предшествія Императорскимъ регаліямъ во время слѣдованія Ихъ Величествъ въ Благовѣщенскій соборъ.

Въ Архангельскій соборъ входятъ также ассистенты Ихъ Величествъ, министръ Императорскаго двора, военный министръ, командующій Императорскою главною квартирою, дежурные: генералъ-адъютантъ, свиты Его Величества генералъ-майоръ и флигель-адъютантъ, командиръ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка и особы, поддерживающія шлейфы порфиръ. При входѣ въ сей соборъ, ихъ Императорскія Величества будутъ встрѣчены епископомъ костромскимъ и духовенствомъ со крестомъ и св. водою. На паперти собора преосвященный епископъ поднесетъ крестъ къ цѣлованію Ихъ Величествъ и, по окропленіи св. водою, предшествуетъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ въ соборъ.

Его Величество, вошедъ въ соборъ, изволитъ снять съ главы Своей Императорскую корону и отдать оную, а равно и скипетръ и державу, сановникамъ, несшимъ сіи регаліи, которые держатъ ихъ на подушкахъ; затѣмъ Ихъ Величества изволятъ прикладываться ко святымъ иконамъ и мощамъ и поклониться гробницамъ предковъ Своихъ. Протодіаконъ читаетъ надлежащую по уставу эктенію, по окончаніи коей возглашается многолѣтіе. Его Величество изволитъ вновь возложить на главу Свою корону, принять въ руки скипетръ и державу и шествовать съ Государыней Императрицей, подъ балдахиномъ, въ Благовѣщенскій соборъ, въ предшествіи входившихъ въ Архангельскій соборъ — двухъ церемоніймейстеровъ, двухъ коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстеровъ, верховнаго церемоніймейстера, двухъ герольдовъ, сановниковъ, несущихъ и несшихъ Императорскія регаліи, верховнаго маршала и высокопреосвященнаго митрополита с.-петербургскаго. По сторонамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ идутъ ассистенты, а позади всѣ прочія особы, вошедшія съ Ихъ Величествами въ Архангельскій соборъ.

При входѣ въ Благовѣщенскій соборъ Ихъ Величества встрѣчены будутъ архіепископомъ херсонскимъ и духовенствомъ со Крестомъ и св. водой.

Всѣ особы, входившія въ Архангельскій соборъ, входятъ и въ Благовѣщенскій соборъ, въ которомъ Его Величество также изволитъ снять корону и отдать ее, а равно и скипетръ и державу, сановникамъ, несущимъ подушки отъ сихъ регалій. Затѣмъ Ихъ Величества изволятъ прикладываться ко св. иконамъ, послѣ чего протодіакономъ будетъ прочтена надлежащая по уставу эктенія и возглашено многолѣтіе. Его Величество изволитъ вновь возложить на Себя корону и принять скипетръ и державу.

Изъ Благовѣщенскаго собора Ихъ Величества шествуютъ подъ балдахиномъ въ томъ же порядкѣ къ Красному крыльцу, дойдя до котораго высокопреосвященный митрополитъ с.-петербургскій осѣнитъ Ихъ Величества св. крестомъ и отбываетъ въ Успенскій соборъ.

На нижней площадкѣ Краснаго крыльца Ихъ Величества выходятъ изъ-подъ балдахина и изволятъ шествовать во дворецъ, въ предшествіи: двухъ церемоніймейстеровъ, коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстеровъ, верховнаго церемоніймейстера, герольдовъ, Императорскихъ регалій и верховнаго маршала и въ сопровожденіи ассистентовъ и особъ, слѣдовавшихъ за Ихъ Величествами изъ Архангельскаго въ Благовѣщенскій соборъ, а также чиновъ Высочайшаго Двора и придворныхъ кавалеровъ, поддерживающихъ и несущихъ шлейфы порфиръ Ихъ Величествъ.

По вступленіи въ Тронный залъ, Его Величество изволитъ отдать скипетръ и державу сановникамъ, несшимъ оные, и затѣмъ Ихъ Величества, въ коронахъ и порфирахъ, изволятъ отбыть во внутренніе покои — для отдохновенія и ожиданія, когда къ трапезѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Грановитой палатѣ все будетъ приготовлено.

Верховный маршалъ, принявъ отъ сановниковъ несомыя ими Императорскія регаліи, возложитъ ихъ на приуготовленный по правую сторону трона столъ.

По донесеніи Ихъ Величествамъ верховнымъ маршаломъ о томъ, что къ трапезѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Грановитой палатѣ все изготовлено, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыни Императрицы, въ коронахъ и въ порфирахъ, поддерживаемыхъ и несомыхъ назначенными для сего особами, изволятъ шествовать въ Грановитую палату, въ сопровожденіи ассистентовъ, министра Императорскаго Двора, военнаго министра, командующаго Императорскою главною квартирой, дежурныхъ: генералъ-адъютанта, свиты Его Величества генералъ-майора и флигель-адъютанта и командира кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка.

Въ Тронномъ залѣ Государь Императоръ принимаетъ скипетръ и державу отъ сановниковъ, заблаговременно получившихъ ихъ отъ верховнаго маршала.

Его Величеству предшествуютъ: 4 церемоніймейстера, 2 коранаціонныхъ оберъ-церемоніймейстера, гофмаршалъ, верховный церемоніймейстеръ съ жезлами, первые чины Высочайшаго Двора, оберъ-гофмаршалъ съ жезломъ, 2 герольда, сановники, несшіе корону, скипетръ и державу, съ подушками отъ сихъ регалій въ рукахъ, ассистенты сихъ сановниковъ и верховный маршалъ съ жезломъ.

Во время Высочайшаго шествія, начиная отъ Троннаго зала, по правой сторонѣ Государя Императора идутъ: генералъ-адъютанты и свиты Его Величества генералъ-майоры, а по лѣвой—статсъ-секретари и вторые чины Высочайшаго Двора, а за Государынями Императрицами слѣдуютъ Августѣйшія Особы Императорской Фамиліи и Августѣйшія иностранныя особы, имѣя за собой гофмейстеринъ, статсъ-дамъ, камеръ-фрейлинъ и свитныхъ фрейлинъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государынь Императрицъ и особо приглашенныхъ къ столу въ Грановитой палатѣ иностранныхъ придворныхъ дамъ. По всему пути слѣдованія Высочайшаго шествія построятся шпалерами кавалергарды и дворцовые гренадеры.

Особы Императорской Фамиліи и иностранные принцы и принцессы, проводивъ Ихъ Величества до Владимірскаго зала, изволятъ изъ онаго взойти по лѣстницѣ въ Тайникъ.

Гофмейстерины, статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и свитныя фрейлины Ихъ Императорскихъ Величествъ Государынь Императрицъ, и особо приглашенныя къ столу иностранныя придворныя дамы входятъ въ Грановитую Палату вслѣдъ за Ихъ Величествами и становятся, по указаніямъ церемоніймейстеровъ, къ столамъ у назначенныхъ имъ мѣстъ.

Всѣ прочія особы, согласно церемоніалу предшествовавшія и сопровождавшія Ихъ Величества во время сего шествія, также входятъ въ Грановитую палату. Всѣ остальныя особы, собравшіяся въ залахъ дворца, а также гофмейстерины Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княгинь, дежурныя и городскія фрейлины Ихъ Величествъ Государынь Императрицъ, фрейлины Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княгинь и иностранныя придворныя дамы, флигель-адъютанты, генералы, состоящіе при ихъ Императорскихъ Высочествахъ Великихъ Князьяхъ, и адъютанты Ихъ Императорскихъ Высочествъ, придворные кавалеры Высочайшаго Двора, кавалеры великокняжескихъ дворовъ (не завѣдывающіе и не управляющіе дворами), военная свита иностранныхъ принцевъ и иностранные придворные кавалеры (за исключеніемъ особо приглашенныхъ къ столу въ Грановитой палатѣ) — остаются въ залахъ дворца, на своихъ мѣстахъ, въ ожиданіи обратнаго шествія Ихъ Императорскихъ Величествъ во внутренніе покои.

Особы дипломатическаго корпуса, заранѣе угощенныя въ Золотой палатѣ обѣдомъ, вводятся заблаговременно въ Грановитую палату церемоніймейстерами и становятся на назначенныхъ мѣстахъ, направо отъ входной двери.

Заблаговременно введенные въ Грановитую палату церемоніймейстерами, приглашенные по особымъ именнымъ повѣсткамъ къ обѣду: св. сунодъ и высшее духовенство, обоего пола особы 1-го и 2-го классовъ и высшіе сановники свиты августѣйшихъ гостей становятся къ столамъ у назначенныхъ имъ мѣстъ. Приглашенныя къ обѣду: придворныя дамы и дамы 1-го и 2-го классовъ становятся у столовъ съ правой стороны палаты.

Ихъ Императорскія Величества изволятъ въ Грановитой палатѣ взойти на тронъ и возсѣсть на поставленные подъ балдахиномъ престолы. Трапеза Ихъ Императорскихъ Величествъ будетъ приготовлена на три прибора: для Его Величества по срединѣ, для Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны — по правую сторону, а для Государыни Императрицы Александры Θеодоровны — по лѣвую сторону Государя Императора.

За престолами станутъ: ассистенты Ихъ Величествъ, первые чины Высочайшаго Двора, не исполняющіе особыхъ обязанностей, и особы, несшія и поддерживавшія шлейфы порфиръ Ихъ Императорскихъ Величествъ; противъ середины стола — оберъ-форшнейдеръ, а по правую и лѣвую стороны стола — оберъ-шенки; командиръ Кавалергадскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны полка, съ обнаженнымъ палашомъ и каскою на головѣ, — позади престола Его Императорскаго Величества. У нижней ступени трона, съ правой стороны, — дежурные генералъ-адъютантъ и свиты Его Величества генералъ-майоръ, а съ лѣвой — дежурный флигель-адъютантъ. По сторонамъ трона, около ступеней, стоятъ заблаговременно поставленные четыре офицера кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны полка, въ каскахъ, съ обнаженными палашами, а у обоихъ переднихъ угловъ нижней ступени трона — два герольда; противъ трона — верховный маршаль, оберъ-гофмаршалъ, верховный церемоніймейстеръ и гофмаршалъ, а за ними — коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры и церемоніймейстеры съ жезлами; сановники, несшіе корону, скипетръ и державу, со своими ассистентами, становятся у особо пріуготовленнаго для сихъ регалій стола; прочія, вошедшія съ Ихъ Императорскими Величествами въ Грановитую палату, особы становятся: приглашенныя къ Высочайшему столу — у своихъ мѣстъ, а не остающіяся въ Грановитой палатѣ во время трапезы — направо отъ дверей, по указаніямъ церемоніймейстеровъ.

По данному отъ Его Императорскаго Величества повелѣнію, министръ финансовъ поднесетъ Государынямъ Императрицамъ изготовленныя, по случаю Высочайшаго Коронованія, медали, кои раздаются и прочимъ приглашеннымъ къ обѣденному столу обоего пола особамъ чиновниками министерства финансовъ, подъ руководствомъ церемоніймейстеровъ.

Особамъ Императорской Фамиліи и иностраннымъ принцамъ и принцессамъ медали будутъ поднесены въ Тайникѣ собравшимися въ Святыхъ Сѣняхъ и ожидавшими Высочайшее шествіе завѣдующими и управляющими Дворами Ихъ Высочествъ и состоящими при Августѣйшихъ гостяхъ кавалерами.

По данному Его Императорскимъ Величествомъ повелѣнію, верховный маршалъ, оберъ-гофмаршалъ, верховный церемоніймейстеръ, гофмаршалъ, коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры и церемоніймейстеры, отдавъ Его Императорскому Величеству поклонъ, выходятъ въ Святыя Сѣни за блюдами, которыя вносятъ въ Грановитую палату отставные штабъ-офицеры, изъ дворянъ московской губерніи, въ предшествіи верховнаго маршала, оберъ-гофмаршала, верховнаго церемоніймейстера и гофмаршала, имѣя по сторонамъ по два офицера кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны полка съ обнаженными палашами и касками на головѣ. Позади идутъ коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры и церемоніймейстеры; ставятъ же блюда на столъ, пріуготовленный около средняго столпа Грановитой палаты, оберъ-гофмаршалъ и гофмаршалъ. По принесеніи кушанья Его Величество, снявъ съ главы корону, передаетъ оную, а равно и скипетръ и державу, несшимъ ихъ сановникамъ, которые возложатъ сіи регаліи на пріуготовленный для нихъ столъ.

Высокопреосвященный митрополитъ московскій благословитъ трапезу.

Ихъ Величества изволятъ сѣсть.

Приноситъ и на Высочайшій столъ ставитъ кушанья оберъ-форшнейдеръ.

Когда послѣ перваго блюда Его Императорское Величество изволитъ спросить пить, тогда духовенство и свѣтскія первыхъ двухъ классовъ обоего пола особы, отдавъ поклонъ, сядутъ на свои мѣста.

Лица дипломатическаго корпуса и всѣ особы вошедшія въ Грановитую палату, но не остающіяся въ ней во время трапезы Ихъ Императорскихъ Величествъ, также отдавъ поклонъ, выходятъ изъ палаты, не обращаясь лицомъ къ дверямъ; изъ нихъ члены дипломатическаго корпуса отбываютъ изъ дворца, а прочія особы возвращаются въ тѣ залы дворца, въ которыхъ собирались до Высочайшаго выхода, и ожидаютъ въ нихъ обратнаго шествія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Во время Высочайшаго стола пито будетъ за здравіе:

Государя Императора — при 61 выстрѣлѣ изъ пушекъ.

Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны — при 51 выстрѣлѣ. Государыни Императрицы Александры Θеодоровны при 51 выстрѣлѣ.

Всего Императорскаго Дома — при 31 выстрѣлѣ.

Духовныхъ особъ и всѣхъ вѣрноподданныхъ при 21 выстрѣлѣ.

Кубки Ихъ Императорскимъ Величествамъ подаютъ оберъ-шенки.

У Высочайшаго стола служатъ камергеры и камеръ-пажи.

Заздравныя провозглашаются оберъ-шенками, при звукѣ трубъ и литавръ хора трубачей кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны полка; въ продолженіе обѣда придворными артистами будетъ исполнена вокальная и инструментальная музыка.

По окончаніи трапезы Его Величество, сойдя съ трона, изволитъ возложить на главу корону и принять въ руки скипетръ и державу.

Ихъ Величества изволятъ возвратиться изъ Грановитой палаты во внутренніе покои по заламъ дворца въ сопровожденіи своихъ ассистентовъ и въ предшествіи: 4 церемоніймейстеровъ, 2 коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстеровъ, гофмаршала и верховнаго церемоніймейстера съ жезлами, первыхъ чиновъ Высочайшаго Двора, оберъ-гофмаршала съ жезломъ, 2 герольдовъ, сановниковъ, несшихъ корону, скипетръ и дер-

жаву, со своими ассистентами и верховнаго маршала съ жезломъ.

За Его Величествомъ Государемъ Императоромъ слѣдуютъ: министръ Императорскаго Двора, военный министръ, командующій Императорскою главною квартирой и дежурные: генералъ-адъютантъ, свиты Его Величества генералъ-майоръ и флигель-адъютантъ и командиръ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка.

Въ Тронномъ залѣ Государь Императоръ, снявъ съ Себя корону, отдастъ ее, а равно и скипетръ и державу сановникамъ, назначеннымъ для несенія оныхъ. Затѣмъ Ихъ Величества изволятъ прослѣдовать во внутренніе покои.

По отбытіи Ихъ Величествъ изъ Троннаго зала, приглашенныя по повѣсткамъ отъ Высочайшаго Двора,

Депутаты казачьихъ войскъ и областей.

Гражданскіе чины первыхъ пяти классовъ.

Губернскіе предводители дворянства, представители дворянъ губерній, гдѣ не имѣются предводители дворянства, предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, городскіе головы и равнозначащія имъ лица губернскихъ городовъ, градоначальствъ и главныхъ городовъ военныхъ губернаторствъ и областей, уѣздные предводители дворянства московской губерніи, предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ московской губерніи, городскіе головы и городскіе старосты уѣздныхъ городовъ московской губерніи — всѣ съ ихъ ассистентами, а также представители дворцовыхъ городовъ.

Депутаты великаго княжества Финляндскаго.

Представители духовенства не христіанскихъ испо-

Отъѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ Царскаго павильона у смоленскаго вокзала въ Москвѣ.

Съ натуры рисовалъ Э. К. Соколовскій.

особы обѣдаютъ въ устроенныхъ для того во дворѣ Кремлевскаго дворца палаткахъ.

Въ назначенные дни и часы принесутъ поздравленія Ихъ Императорскимъ Величествамъ въ Тронномъ залѣ:

Святѣйшій сунодъ и высшее духовенство, причемъ высокопреосвященный митрополитъ кіевскій произнесетъ рѣчь.

Духовныя особы иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій.

Государственный совѣтъ, министры, главноуправляющіе, правительствующій сенатъ, статсъ-секретари и почетные опекуны.

Свита Его Императорскаго Величества, военная свита Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей и военная свита иностранныхъ принцевъ.

Генералы и адмиралы.

Гвардіи, арміи и флота штабъ и оберъ-офицеры — по назначенію военнаго начальства.

вѣданій, представители азіятскихъ народовъ и депутаты мѣстностей, находящихся въ управленіи военнаго вѣдомства.

Представители биржевыхъ комитетовъ и комитетовъ торговли и мануфактуръ.

Волостные старшины и представители сельскаго населенія.

Придворные чины и кавалеры и иностранные придворные кавалеры.

Въ особо назначенные для сего дни и часы — иностранные послы, посланники, повѣренные въ дѣлахъ и прочія особы дипломатическаго корпуса, а также и дамы дипломатическаго корпуса.

Ихъ Императорскія Величества изволятъ принять поздравленія отъ придворныхъ дамъ, иностранныхъ придворныхъ дамъ и дамъ первыхъ шести классовъ, а равно и отъ женъ и дочерей потомственныхъ дворянъ.

Во время принесенія поздравленій Императорскія

Ихъ Величества у Петровскаго дворца.

Прiѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москву 6-го мая 1896 г.

Съ натуры рисовалъ В. И. Навозовъ.

регаліи остаются возложенными на пріуготовленномъ для нихъ въ Тронномъ залѣ столѣ, по концамъ котораго стоятъ два герольда въ ихъ уборѣ.

При Государѣ Императорѣ будутъ въ это время находиться министръ Императорскаго Двора, командующій Императорскою главною квартирой и дежурные: генералъ-адъютантъ, свиты Его Величества генералъ-маіоръ и флигель-адъютантъ.

Верховный маршалъ, оберъ-гофмаршалъ и верховный церемоніймейстеръ съ жезлами, первые чины Высочайшаго Двора, гофмаршалъ съ жезломъ, два коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстера и четыре церемоніймейстера, также съ жезлами, стоятъ по правую сторону трона, а придворныя дамы — по лѣвую.

По полученіи верховнымъ маршаломъ повелѣнія Его Величества, верховный церемоніймейстеръ дѣлаетъ распоряженіе о вводѣ коронаціонными оберъ-церемоніймейстерами и церемоніймейстерами особъ и лицъ, приносящихъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ поздравленіе.

Первые три дня по Св. Короновании быть колокольному звону и иллюминаціи.

Въ одинъ изъ назначенныхъ дней будутъ раздаваемы народу приготовленные по случаю Св. Коронованія жетоны при выходѣ изъ храмовъ.

По случаю Св. Коронованія назначаются:
Высочайшій вечерній выходъ въ Грановитую палату.
Торжественное представленіе въ Большомъ театрѣ.
Балъ въ Кремлевскомъ дворцѣ.
Народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ.

Трапеза для духовенства и высшихъ сановниковъ въ Грановитой палатѣ.

Обѣдъ въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца для сословныхъ представителей.

Обѣдъ въ Георгіевскомъ залѣ Кремлевскаго дворца для прибывшихъ въ Москву на торжества Св. Коронованія иностранныхъ пословъ и посланниковъ.

Обѣдъ въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца для московскаго генералъ-губернатора и представителей московскихъ правительственныхъ и сословныхъ учрежденій.

Обѣдъ въ Петровскомъ дворцѣ для волостныхъ старшинъ и представителей сельскаго населенія.

Высочайшій смотръ войскамъ на Ходынскомъ полѣ.

Подписалъ: министръ Императорскаго Двора

графъ Воронцовъ-Дашковъ.

АВГУСТѢЙШІЯ ИНОСТРАННЫЯ ОСОБЫ
и
ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИНОСТРАННЫХЪ ГОСУДАРСТВЪ,
имѣющіе присутствовать на торжествахъ Священнаго Коронованія
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ

Австро-Венгрія. Его императорское и королевское высочество эрцъ-герцогъ Людвигъ-Викторъ.

Свита: графъ Францъ Тунъ; графъ Робертъ Сальмъ, лейтенантъ, камергеръ; графъ Романъ Потоцкій, камергеръ; Элемеръ Лоньяй, камергеръ; графъ Геза Андраши, камергеръ.

Баварія. Его королевское высочество принцъ Людвигъ, старшій сынъ короля баварскаго.

Баронъ Альбертъ фонъ-Коницъ, генералъ-лейтенантъ, инспекторъ кавалеріи, камергеръ; баронъ Іоганнъ фонъ-Лассбергъ, капитанъ, адъютантъ принца, камергеръ; баронъ Вильгельмъ фонъ-Леонродъ, лейтенантъ, состоящій при особѣ его королевскаго высочества принца Людвига, камеръ-юнкеръ; баронъ д'Акстеръ, лейтенантъ, камеръ-юнкеръ, состоящій при баварской миссіи въ Берлинѣ.

Баденъ. Его королевское высочество наслѣдный великій герцогъ Фридрихъ.

Его высочество великій герцогъ принцъ Максиміліанъ Баденскій.

Свита: баронъ фонъ-Боклинъ, генералъ-лейтенантъ; баронъ фонъ-Бергхеймъ, гофмаршалъ; фонъ-Пфейль, капитанъ.

Бельгія. Его королевское высочество принцъ Альбертъ.

Баронъ Никэсъ, генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ его величества короля Бельгіи; Маршаль, генералъ-маіоръ и кавалеръ; Юнгблютъ, подполковникъ, ординарецъ принца Альберта; графъ Эдуардъ ванъ-деръ Ноотъ д'Ашъ, состоящій при королевской главной квартирѣ и придворный кавалеръ.

Бразилія. Чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ бразильскихъ соединенныхъ штатовъ при Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ.

Болгарія. Его королевское высочество князь Фердинандъ.

Великобританія. Его королевское высочество герцогъ Коннаутскій и Стретхирнскій, представитель ея величества королевы Великобританіи.

Ея королевское высочество герцогиня Коннаутская и Стрэтхирнская, его супруга.

Свита: сэръ Фрэнсисъ В. Гренфель, генералъ-маіоръ; Джонъ Р. Ф. Фуллертонъ, контръ-адмиралъ; Альфредъ Эгертонъ, полковникъ, шталмейстеръ двора его королевскаго высочества герцога Коннаутскаго; лордъ Бингхемъ, капитанъ; супруга полковника Эгертона, статсъ дама герцогини Коннаутской.

Виртембергъ. Его королевское высочество герцогъ Альбертъ Виртембергскій.

Ея Императорское Высочество великая княгиня Вѣра Константиновна и принцессы: Эльза и Ольга.

Свита: Шоттъ, генералъ-маіоръ, генералъ-адъютантъ его величества короля Виртембергскаго; графъ Дегенфельдъ-Шонбургъ, лейтенантъ, адъютантъ герцога Альберта; баронъ Родеръ, маіоръ уланскаго полка короля Карла (1-го виртембергсказо), № 19-го; баронесса Родеръ, фрейлина; баронеса Ракницъ, фрейлина; баронъ Зенттеръ фонъ-Лотценъ, камергеръ.

Германія. Его королевское высочество принцъ Генрихъ Прусскій.

Свита личная: баронъ Зекендорфъ, контръ-адмиралъ, состоящій по флоту, гофмаршалъ двора принца Генриха; фонъ Мюллеръ, капитанъ 2-го ранга, состоящій по флоту, адъютантъ принца; Клифордъ-Рокъ фонъ-Бренгель, ротмистръ 1-го полка королевскихъ гусаръ, адъютантъ принца.

Свита спеціальная: Вильомъ, генералъ лейтенантъ, начальникъ 7-й дивизіи; фонъ Плессенъ, генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, командующій главною квартирою; фонъ-Бюловъ, генералъ-маіоръ, командиръ 1-й гвардейской пѣхотной бригады; фонъ-Мольтке, полковникъ, флигель-адъютантъ императора германскаго и короля прусскаго; графъ Клинкофштремъ, полковникъ, флигель-адъютантъ, командиръ гвардейскаго кирасирскаго полка; Рейхъ, главный докторъ флота.

Гессенъ, Его королевское высочество великій герцогъ Гессенскій съ супругою.

Ея высочество великая герцогиня принцесса Викторія Баттенбергская.

Свита: Вестервеллеръ-фонъ Антони, оберъ гофмаршалъ великогерцогскаго двора, генералъ-отъ-инфантеріи; Ридезель баронъ Эйзенбахъ, оберъ-шталмейстеръ, маіоръ въ отставкѣ; баронъ Сенаркленсъ-Гранси, пол-

ковникъ, адъютантъ великаго герцога; фонъ-Франкенбергъ-Людвигсдорфъ, камергеръ; баронъ Редеръ-фонъ-Дисбургъ, маіоръ, адъютантъ великаго герцога.

Греція. Его королевское высочество наслѣдный принцъ.

Его королевское высочество принцъ Георгій.

Его королевское высочество принцъ Николай.

Ея Величество королева Эллиновъ Ольга Константиновна.

Ея королевское высочество принцесса Марія.

Свита: Сапунцаки, статсъ-дама; Сапунцаки, полковникъ, въ должности гофмейстера двора его величества короля эллиновъ; Мессала, камергеръ; Философовъ, секретарь ея величества королевы эллиновъ.

Данія. Его королевское высочество наслѣдный принцъ.

Свита: Энгельбрехтъ, генералъ, инспекторъ кавалеріи; Буль, камергеръ; Кофодъ Ганзенъ, капитанъ, адъютантъ наслѣднаго принца.

Испанія. Донъ-Хуанъ де-Завала де-Гузманъ, герцогъ Нахерскій, маркизъ Сіерра-Булонскій, испанскій грандъ, дивизіонный генералъ; его супруга, герцогиня Нахерская; донъ-Іакимъ де-Ласъ-Ланасъ, министръ-резидентъ.

Донъ-Альфонсъ Мерри-дель-Валь, второй секретарь посольства; донъ-Кристобаль Гарція-Лойгорри-и-Муріетта, состоящій при посольствѣ; Луисъ де-Завалла-Конде де-Паредесъ де-Нава-и-де-Кампо-Реаль, испанскій грандъ, подполковникъ, командиръ гусарскаго полка; донъ-Хуанъ О'Донелль-и-Варгасъ, ротмистръ; донъ-Ангель Эльдуаенъ маркизъ де-Эльдуаенъ, лейтенантъ флота.

Италія. Его королевское высочество принцъ Неаполитанскій.

Свита: Терзаги, генералъ-лейтенантъ, первый адъютантъ принца; Е. Аппеліусъ, генералъ-маіоръ, генералъ-адъютантъ короля Италіи; Альгозини, маіоръ пѣхоты, адъютантъ принца; Сюзанна, штабсъ-капитанъ, флигель-адъютантъ короля Италіи; графъ-де-Росси ди-Санта-Роза, церемоніймейстеръ; Строцци, ротмистръ, ординарецъ принца; Фердинандъ Комотто, секретарь министерства двора.

Китай. Ли-Хунгъ-Чангъ, носящій титулъ графа, канцлеръ Китайской имперіи, чрезвычайный посланникъ; Ли-Шингъ-Фонгъ, совѣтникъ посольства; секретари: Ли-Шингъ-Ши, Ло-Фонгъ-Ло, Уи-Ши-Мей, Ліенъ-Фангъ, Такашино, Ліенгъ-У-Ойонъ; состоящіе при посольствѣ: Май-Хсіенъ-Шинъ, Хангъ-Ши-Шіангъ, Шангъ-Ліу, Схіе-Пангъ-Ху, Куангъ-Тсіа-Вей.

Корея. Мингъ-Уингъ-Хуангъ, чрезвычайный посланникъ; Уинъ-Ши-Хо, совѣтникъ; одинъ секретарь и одинъ драгоманъ.

Люксембургъ. Его королевское высочество наслѣдный великій герцогъ.

Свита: баронъ фонъ-Зибергъ-цу-Зюммернъ, камергеръ и гофмаршалъ; Вандикъ, капитанъ, адъютантъ великаго герцога.

Мекленбургъ-Стрелицъ, Баронъ Мальтцанъ, генералъ-лейтенантъ.

Мекленбургъ-Шверинъ. Его королевское высочество великій герцогъ Фридрихъ-Францъ III.

Ея Императорское Высочество великая княгиня Анастасія Михаиловна, его супруга.

Свита: баронесса Мальтцанъ, статсъ-дама; баронъ Мальтцанъ, полковникъ, адъютантъ великаго герцога; фонъ-Гиршфельдъ, оберъ-гофмаршалъ; графъ Генкель фонъ-Доннерсмаркъ, лейтенантъ, адъютантъ великаго герцога; фонъ-Зервальдъ, статскій совѣтникъ, секретарь великой княгини Анастасіи Михаиловны; Рейнгардтъ, полковой штабъ-лекарь, лейбъ-медикъ.

Мексика. Мануэль Стурбе, полномочный мексиканскій министръ въ Лондонѣ и Берлинѣ съ супругою; донъ-Мигуэль Стурбе; донъ-Хуанъ Рейстегни и донъ-Луисъ Торресъ Ривасъ, состоящій при посольствѣ.

Монако. Его высочество наслѣдный принцъ монакскій.

Свита: баронъ де-Шармель, министръ резидентъ въ Парижѣ графъ де'Ореміель, подполковникъ главнаго штаба, адъютантъ принца.

Нидерланды. Баронъ М. В. дю-Томъ де-Беллиншаве, оберъ-церемоніймейстеръ, чрезвычайный посолъ; баронъ Х. М. Е. Тактсъ ванъ-Амеронгенъ, камергеръ; Іонкеръ ванъ-Тетсъ, ротмистръ, адъютантъ королевы; графъ І. Х. Ф. дю-Монсо, ординарецъ королевы.

Ольденбургъ. Его королевское высочество наслѣдный великій герцогъ Фридрихъ-Августъ.

Свита: баронъ Фридрихъ-Вильгельмъ фонъ-Ботмеръ, камергеръ, гофмаршалъ; Карлъ фонъ-Кленке, лейтенантъ, ординарецъ.

Персія. Принцъ Аббасъ Мирза Мулькара, братъ шаха.

Принцъ Мохамедъ Мирза Амири Туманъ, генералъ-лейтенантъ, совѣтникъ чрезвычайнаго посольства, сынъ принца Мулькара.

Свита: Махомедъ Ибрагимъ-ханъ, Моавинъ-эд-Довлехъ, совѣтникъ, генеральный консулъ въ Тифлисѣ; Мирза Абдулъ-Хуссейнъ ханъ, Мондиръ-онль-Мулькъ, Амири-Туманъ, военный атташе при посольствѣ; принцъ Хаджи-Аманула-Мирза, сартипъ 3-го класса, генералъ-маіоръ, адъютантъ, состоящій при посольствѣ; драгоманы: Али-Гули-ханъ и Мирза-Хоссанъ-ханъ.

Португалія. Графъ Фикало, чрезвычайный посланникъ, оберъ-гофмаршалъ двора его величества короля португальскаго; Альфредо Алессіо де-Кастро, секретарь; Ауресъ д'Орнелласъ, лейтенантъ главнаго штаба, военный атташе.

Румынія. Его королевское высочество наслѣдный принцъ съ супругою.

Свита: Владеско, генералъ-адъютантъ, командующій главною квартирою; Робеско, генералъ-адъютантъ, гофмейстеръ двора наслѣднаго принца; Марія Гречіано, статсъ-дама; Георгъ Розетъ-Розновано, полковникъ кавалеріи въ отставкѣ, бывшій президентъ палаты депутатовъ; Іоганнъ Соманеско, полковникъ, начальникъ штаба 2-го армейскаго корпуса; Константинъ Презанъ, подполковникъ, флигель-адъютантъ, инженеръ 2-го армейскаго корпуса; Григорій Бассарабеско, ротмистръ 4-го кавалерійскаго полка.

Саксонія. Его королевское высочество принцъ Георгъ, герцогъ Саксонскій.

Свита: Іоганнъ Кругъ де-Нидда, командиръ эскадрона, адъютантъ принца; Э. фонъ-Минквицъ, генералъ-лейтенантъ, командиръ 17-й бригады саксонской пѣхоты; баронъ Генрихъ фонъ-Фризенъ, тайный легаціонный совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, камергеръ; Левъ фонъ-Карловичъ, полковникъ, командиръ перваго гренадерскаго полка № 100; графъ Іоганнъ фонъ-Валльвичъ, саксонскій полномочный министръ въ Вѣнѣ; графиня Валльвичъ, его супруга.

Саксенъ-Альтенбургъ. Его высочество принцъ Альбертъ Саксенъ-Альтенбургскій съ супругою.

Саксенъ-Веймаръ. Ихъ королевскія высочества: великій герцогъ Карлъ Александръ и наслѣдный великій герцогъ Карлъ-Августъ.

Свита: Палезье-Фальконетъ, полковникъ, адъютантъ; его высочество принцъ Сайнъ-Виттгенштейнъ-Берлебургъ, полковникъ; графъ Биландтъ, капитанъ; баронъ Гумбольдтъ-Дахроденъ, лейтенантъ.

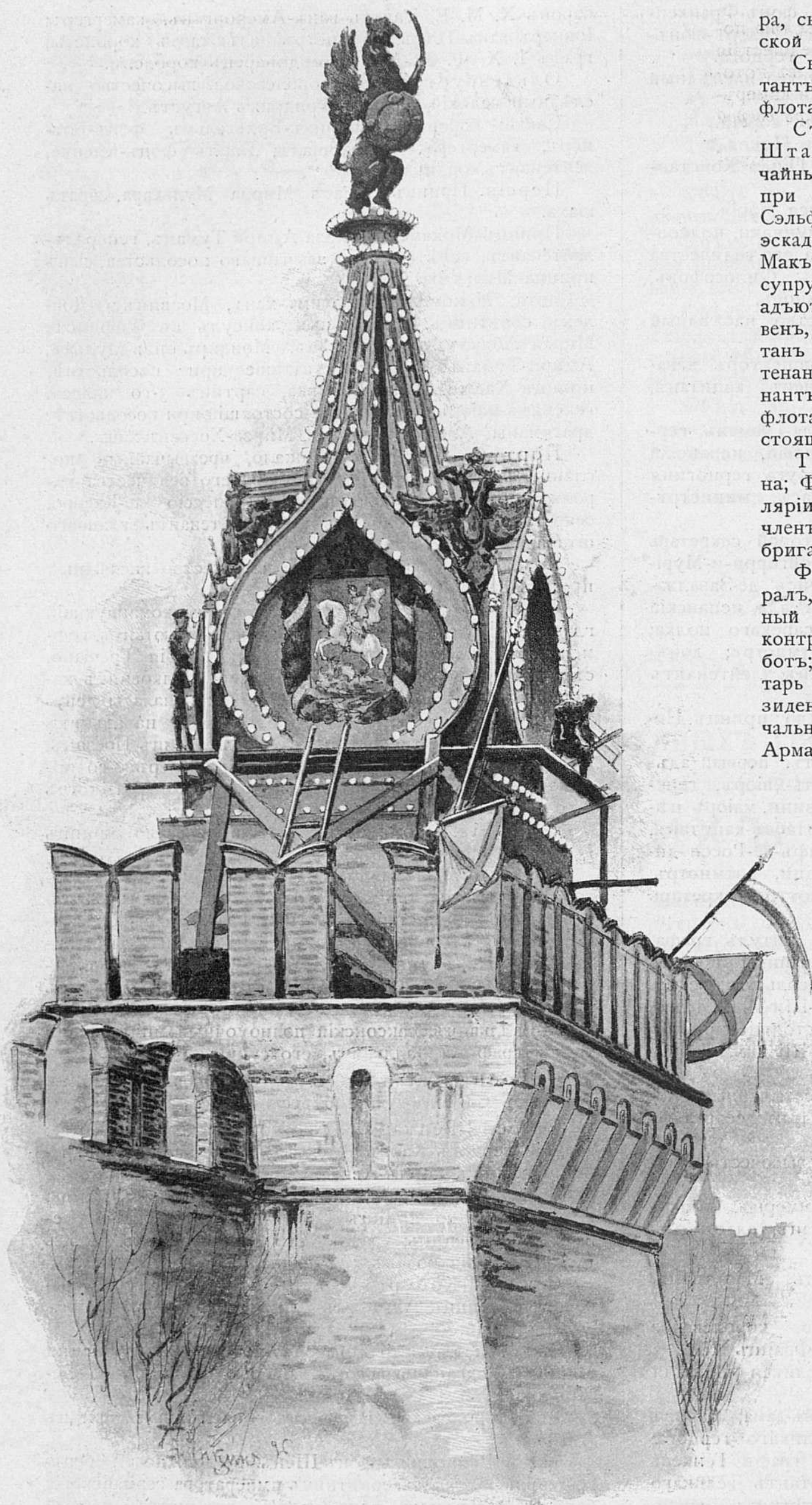
Саксенъ-Кобургъ-Гота. Его королевское высочество принцъ Альфредъ-Эрнестъ-Альбертъ, герцогъ Эдинбургскій.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Александровна съ дочерью принцессою Беатрисою.

Его королевское высочество наслѣдный принцъ Альфредъ.

Свита: Вильгельмъ фонъ-Шенъ, въ должности оберъ-гофмаршала, тайный совѣтникъ императора германскаго; баронъ Вильгельмъ фонъ-Старкъ, ротмистръ, первый адъютантъ герцога, въ должности оберъ-шталмейстера; мистрисъ Монсонъ, оберъ-гофмейстерина; баронесса фонъ-Старкъ, гофмейстерина; баронъ Менгденъ, секретарь Великой Княгини Маріи Александровны; фонъ-Рюкслебенъ, адъютантъ наслѣднаго принца Альфреда.

Святѣйшій престолъ. Антоніо Алліарди, архіепископъ кесарійскій, папскій нунцій въ Вѣнѣ; Дженнаро Гранито, изъ рода князей Бельмонтскихъ, домашній его святѣйшества прелатъ; Фердинандъ, изъ рода князей де-Крой, штатный камерарій при папскомъ дворѣ; Франческо Тарнази, сверхштатный камерарій; графъ Марино Салуццо, изъ рода герцоговъ Курилья-

Башня, выстроенная на стѣнѣ Китай-города въ театральномъ проѣздѣ.

Съ натуры рисовалъ А. А. Чикинъ.

но, сверхштатный камерарій; графъ Маріо ди-Карпенья, офицеръ папской гвардіи.

Сербія. Франассовичъ, генералъ, военный министръ; Атанацковичъ, полковникъ, директоръ департамента въ военномъ министерствѣ; Лазарь Петровичъ, подполковникъ, флигель-адъютантъ.

Сіамъ. Его королевское высочество принцъ Схира, сынъ сіамскаго короля, состоящій въ датской службѣ.

Свита: баронъ Саліотъ, капитанъ, адъютантъ; Най-Шаргъ, лейтенантъ сіамскаго флота.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Клифтонъ Брэкинриджъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ; Сэльфриджъ, контръ-адміралъ, командующій эскадрою въ Средиземномъ морѣ; Александръ Макъ-Доуэль, Макъ-Кукъ, генералъ-маіоръ, съ супругою; Джонъ Д. Макъ-Кукъ, полковникъ, адъютантъ; миссъ Макъ-Кукъ; Георгъ П. Скривенъ, капитанъ, адъютантъ; Г. Вадлей, капитанъ 1-го ранга; Джонъ К. Редфильдъ, лейтенантъ, командиръ; Д. Д. Гункеръ, лейтенантъ флота; Д. А. Бертолеттъ, лейтенантъ флота. Р. Лекъ-Руссель, мичманъ; Уэббъ, состоящій при чрезвычайномъ посланникѣ.

Турція. Зіа-паша, представитель султана; Фаикъ-бей, секретарь дворцовой канцеляріи; Константинъ-Эффендинъ Каратеодори, членъ государственнаго совѣта; Фаикъ-паша, бригадный генералъ, два адъютанта султана.

Франція. Мутонъ де-Буадеффръ генералъ, начальникъ главнаго штаба, чрезвычайный посланникъ; Салландрузъ де-Латорне, контръ-адміралъ, членъ совѣта морскихъ работъ; Фурнье, генералъ, генеральный секретарь и командующій главною квартирою президента республики; Жаннеро, генералъ, начальникъ кабинета военнаго министерства; Арманъ Молларъ, помощникъ завѣдывающаго церемоніальною частью; Менетрезъ, подполковникъ, состоящій при особѣ президента республики; Гофенъ де-Сенъ-Морель, артиллерійскій эскадронный командиръ, начальникъ кабинета у начальника главнаго штаба; Сади Карно, капитанъ 39-го пѣхотнаго полка.

Черногорія. Его высочество князь Николай съ двумя старшими сыновьями.

Свита: Славоміръ Джонковичъ, бригадиръ, первый адъютантъ князя; Дмитрій Бакичъ, черногорскій повѣренный въ дѣлахъ при Блистательной Портѣ; Николай Пеяновичъ, адъютантъ наслѣднаго князя Даніила; Сумароковъ, полковникъ гвардіи, воспитатель князя Мирко.

Швеція. Его королевское высочество наслѣдный принцъ Оскаръ-Густавъ-Адольфъ.

Свита: Карлъ, Вильгельмъ-Эриксонъ, генералъ-маіоръ, командиръ пѣхотнаго вестеръ-гетландскаго полка; баронъ О. Г. Е. Тоттъ, камергеръ; Кунтъ Гиллисъ Бильдъ, подполковникъ главнаго шведскаго штаба, адъютантъ принца; Рикъ, капитанъ норвежской службы, адъютантъ принца; Норденфалькъ, состоящій при посольствѣ.

Японія. Его императорское высочество принцъ Саданару Фушими.

Маршалъ маркизъ Ямагата, чрезвычайный посланникъ, генералъ-инспекторъ японской арміи.

Свита: виконтъ Кіюка, оберъ-гофмейстеръ двора принца; маркизъ Токугава, помощникъ оберъ-церемоніймейстера; Онекара, инженеръ-подполковникъ; Ассада, гофмейстеръ двора принца; Сакамото, капитанъ второго ранга; баронъ Маленокози, церемоніймейстеръ; Фукка, церемоніймейстеръ; Ито, церемоніймейстеръ;

№ 1429. Годъ XXVIII.] 15-го іюня 1896 г. [**Томъ LV. № 25.**

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ

Въ виду предстоящаго истеченія перваго полугодія 1896 г. контора редакціи проситъ гг. подписчиковъ, выславшихъ деньги только за первое полугодіе »**Всемірной Иллюстраціи**«, поспѣшить **взносомъ остальной суммы,** слѣдуемой **за второе полугодіе**, во избѣжаніе задержки въ высылкѣ имъ дальнѣйшихъ нумеровъ журнала.

При этомъ, 1429, нумерѣ »Всемірной Иллюстраціи« слѣдуютъ: **Литературное приложеніе**, содержащее въ себѣ: 1) »На Соляномъ озерѣ«, очеркъ К. Франка Девея (съ иллюстраціями). 2) Малютка-мученица, разсказъ Эмиліи Пардо Басанъ. 3) »Самъ себѣ судья«, романъ Фридриха Шпильгагена (10-й л.). 4) »**Въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.** Ч. I. Листъ 5.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

ТЕКСТЪ

РИСУНКИ

ШАХМАТЫ

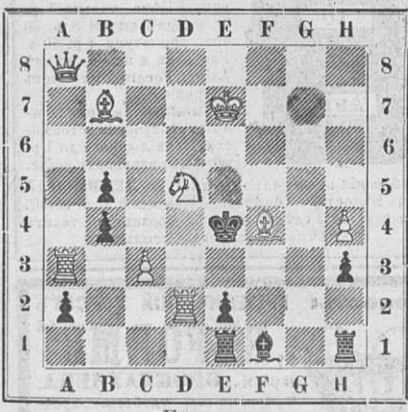
под редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1886

A. F. Mackenzie.

Первый призъ на международномъ конкурсѣ задачъ шахм. клуба въ Брайтонѣ.

Черные

Бѣлые

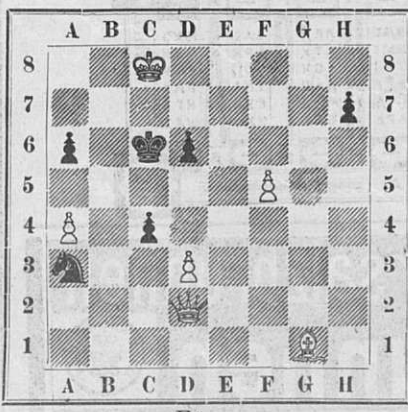
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1887

I. Pospisil.

Изъ „Deutsche Schachzeitung".

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

Президентъ с.-петербургскаго шахматнаго общества получилъ недавно отъ президента шахматнаго клуба въ Бруклинѣ слѣдующее письмо:

„М. Г. Наши американскіе шахматисты желали бы помѣряться силами съ своими русскими собратьями въ состязаніи, подобномъ происшедшему между Англіей и нами (см. № 1421 „Всем. Илл."). Для устраненія какихъ либо затрудненій статсъ-секретарь въ Вашингтонѣ поручилъ нашему посланнику въ Россіи, г. Клифтону Р. Брикенриджу, испросить разрѣшенія у центральной администраціи въ Петербургѣ воспользоваться для этой цѣли однимъ изъ телеграфныхъ путей. Въ случаѣ благопріятнаго разрѣшенія настоящаго ходатайства, когда не представится, повидимому, никакихъ препятствій къ осуществленію нашей мысли, и мы съ полной готовностью вступимъ съ вами въ столь желательное для насъ состязаніе. Въ ожиданіи этого я почту себя весьма обязаннымъ, если вы благоволите сообщить мнѣ вашъ личный взглядъ на этотъ предметъ. Лучше всего было бы организовать состязаніе въ теченіе зимняго сезона 1896—1897 гг., при участіи отъ 6-ти до 8-ми игроковъ".

Къ сожалѣнію, это интересное состязаніе едва ли состоится, такъ какъ, помимо разнаго рода препятствій и затрудненій, слишкомъ ужъ дорого обойдется, вѣроятно, игра по телеграфу съ Америкой, тѣмъ болѣе, что Россія не имѣетъ своего кабеля въ Атлантическомъ океанѣ.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ №№ 1403, 1405, 1406, 1407, 1408, 1409 и 1410.

№ 1839. *F. R. Gitins.* 1. C h3—g2 и если 1... Л d8 : d7,—e8 или c8, то 2. К f6—e8 или 2. d7 : e8 или c8 (К)×; если 1... Л d8—f8, 1... К h1—g2 или 1... g5—g4, то 2. Ф h6 : f8,—f4, или h2×; если 1... К h1—g3 или 1... a5—a4, то 2. C e1 : g3 или—b4×; если же 1... C g8—h7 или 1... К b8 ∞, то 2. К h8 : f7× или 2. Л c1—c6×.

№ 1840. *E. B. Schwann.* 1. К e6—g5, Кр e5—d4; 2. Ф a6—d6† и 3. Ф d6—d5× или 3. К e7—f5×. (*Вар. a*) 1... К. h8—f7; 2. Ф a6 : e2† и 3. К g5—h7 или e6× или 3. C e1 : b4×. (*Вар.* b) 1... К h8—g6; 2. Ф a6—b5† и 3. К e7—g8 или f5× или 3. C e1 : b4×. (*Вар. c*) 1... a2—a1; 2. Ф a6 : a1† и 3. C e1 : b4×. (Вар. *d*) 1... 1... g7—g6; 2. C e1—f2 и 3. Ф a6—e6×.

№ 1841. ***F. H Guest.*** 1. Ф a5—d2 и если 1... Кр f4—e4, 1... e5—e4 или 1... Л b7 ∞, то 2. Ф d2—b4. d6 или f2×; если же 1... Кр f4—g3, то 2. К e3—f1×.

№ 1842. *H. v. Gottschall.* 1. Л g1—

g8, f6 : e5; 2. К c4 : d6+ и 3. С e3—g5×. *(Вар. a)* 1... d6 : c5 (1... d6 : e5; 2. К c4—d6×); 2. С e3—g5 и К c4—e3× или 3. Л g8—f8×. *(Вар. b)* 1... d6—d5; 2 . К c4—d6+ и 3. d3—d4×.

№ 1843. *S. Schuster.* 1. d2—d4 и если 1... Кр c4—d3, то 2. Ф f2—c2×, если же 1... e4 : d3, то 2. К b5—a3×. Въ остальныхъ случаяхъ 2. Ф f2—e2×.

№ 1844. *R. Weinheimer.* 1. С e5—b2, Кр e6—f5; 2. Л g4—g5+ и 3. С b2—c1× или 3. f4—f5×. *(Вар. a)* 1... К c7∞; 2. f4—f5+ и 3. С c6—d7×. *(Вар. b)* 1... b5—b4; 2. Л g4—g5 и 3. f4—f5×.

№ 1845. *O. Würzbourg.* На b4 долженъ стоять бѣлый слонъ. 1. Ф c8—g4 и если 1... Л e4 : g4, то 2. Л g7 : g4×; если же 1... Л e4—f4, 1... Кр d4 : c4 или 1... b5 : c4, то 2. Ф g4 : f4 : e4 или —d1×.

№ 1846. *K. Erlin.* 1. К g6—e7, Кр d4—c5; 2. С g5—e3+ и 3. Ф d2—h2×. *(Вар. a)* 1... Л b1—b3; 2. К d6—f7 и 3. С g5—e3 или 3. Ф d2—b4×. *(Вар. a)* 1... Л b1—b2; 2. Ф d2 : b2+ и 3. Ф b2—d2 ✓ или 3. К d6—e4×. *(Вар. b)* 1... Л b1 или С a7—b6; 2. С g5—f6+ и 3. К d6—e4×. *(Вар. c)* 1... Л b1—c1 или —b5; 2. К d6—b5+ и 3. С g5—e3× или 3. Ф d2—f4×. *(Вар. d)* 1... Л b1∞; 2. Ф d2—b4+ и 3. Ф b4—c4× или 3. К d6—f7×. Въ другихъ случаяхъ 2. К d6—e4 и 3. С g4—f6×.

№ 1847. *O. Würzburg.* 1. Ф d6—f8 и если 1... c5—c4 или 1... Л h4—e4, то 2. К a5—c6× или 2. К g5—f3×. Въ остальныхъ случаяхъ матъ ферземъ.

№ 1848. *A. Bayersdorfer.* 1. С c5—a7, d3 : e2; 2. С h5—g4 и 3. Ф a5—f5× или 3. С g4—f5×. *(Вар. a)* 1... С h2—g1; 2. К e2 : g3+ и 3. Ф a5—c7×. *(Вар. b)* 1... К h7∞; 2. К e2—c3+ и 3. Ф a5—g5×. *(Вар. c)* 1... g3—g2; 2. С h5—g6+ и 3. Ф a5—h5×. Въ остальныхъ случаяхъ 2. С h5—g4 и 3. Ф. a5—f5×.

№ 1849. *H. A. Wood.* 1. Л d5—d2 и если 1... Кр f4—f3 или 1... К g4—e5, то 2. Л d2—f2× или 2. К f8—e6×. Въ остальныхъ случаяхъ. 2. К f8—g6×.

№ 1850. *Ю. Хохолуша.* На h6—нѣтъ никакой фигуры. 1. Ф c8—d8 (угрожая 2. Л d4—e4×), С e2—f3; 2. Л d4—f4 и 3. Ф d8—d4, : b8 или —g5— или 3. d2—d4×. *(Вар. a)* 1... К d3—f2 или c5; 2. Л d4—d5+ и 3. Л d5—f5×. *(Вар. b)* 1... К g8—f6; 2. К f8—g6+ и 3. Ф d8—e7×; *(Вар. c)* 1... К g8—e7; 2. Л d4—e4+ и 3. Ф d8 : e7×.

№ 1851. *Его же.* На g2—черный ферзь. 1. Ф g7—h6 и если 1... Ф g2 : c6 или ∞, то 2. Ф h6 : c6× или слонъ беретъ ферзя съ матомъ. Если 1... С f4∞, то 2. Л f8—f1× или 2. Ф h6 : h3×; если 1... К d7∞, то 2. Л d8—d1×, если же 1... h3—h2, то 2. К g4—f2×.

Вѣрныя рѣшенія задачъ №№ 1832 и 1833 прислалъ Н. Л. (Бѣла), задачи же № 1849 — А. Сѣверовъ (Тифлисъ).

Въ конторѣ „Всемірной Иллюстраціи" имѣются въ продажѣ шахматныя діаграммы съ печатными фигурами для наклейки, по 75 коп. за 100 діагр., и бланки для записыванія партій: за 100 экз. 1 руб.

Всю корреспонденцію по шахматному отдѣлу просимъ адресовать въ редакцію „Всемірной Иллюстраціи": Спб., Садовая ул., № 22.

Задача буквъ № 2

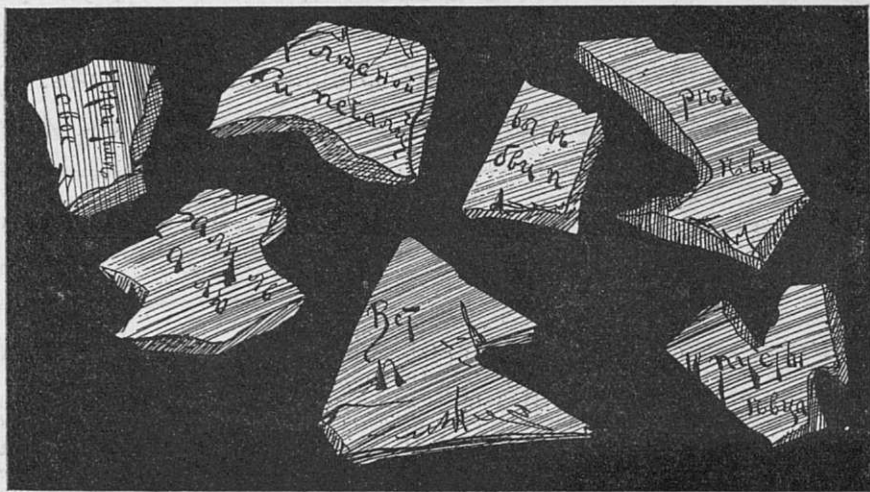
Найти слѣдующія 13 словъ:

1) Римская богиня. 1—5.
2) Станція Сызрань Вяз. ж. д. 6—11.
3) Употребительный терминъ въ анатоміи человѣка. 12—16.
4) Хищная рыба. 17—20.
5)* Тропическое плодовое дерево. 21—25.
6) Кустарникъ (плодовый). 26—31.
7) Маленькія лошади. 32—35.
8) Мѣсто ловли рыбы. 36—39.
9)* Междометіе. 40—41.
10) Названіе полевой работы. 42—47.
11) Растеніе, украшенное свѣчами и подарками. 48—51.
12)* Сила тяжести. 52—54.
13) Согласная буква. 55.

Взявъ вмѣсто чиселъ соотвѣтственныя имъ буквы, размѣстить послѣдніе въ фигурѣ такъ, чтобы можно было прочесть имя и произведенія извѣстнаго русскаго писателя.

* „ъ" отброшенъ въ концѣ слова.

Реставрація

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

№ 1429. Годъ XXVIII. 15-го іюня 1896 г. Томъ LV. № 25.

Иностранные художники. — Стрекоза. Картина Р. Бейшлага.

9 (21)-го іюня 1896 г.

Нижегородская выставка давно открыта, и впечатлѣніе, произведенное ею, можно считать болѣе или менѣе уже опредѣлившимся. Хотя самъ г. министръ финансовъ въ оффиціальной рѣчи своей и заявилъ, что выставка далеко еще не готова, а, съ другой стороны, по свѣдѣніямъ газетъ и тѣхъ лицъ, которыя ближе всего заинтересованы въ ней, выставка имѣетъ много другихъ недостатковъ, но это временныя и побочныя обстоятельства, не отнимающія у нея того значенія, которое она должна имѣть въ исторіи русской промышленности и борьбы русскаго духа предпріимчивости съ иностранными фабрикантами и заводчиками.

Процессъ умиротворенія Крита продолжается. Съ одной стороны, ласковыя слова и увѣщанія, съ другой—штыки и пули. Новый губернаторъ Крита, Абдулахъ-паша, обѣщаетъ созвать національное собраніе, если инсургенты положатъ оружіе. Но въ послѣдніе дни вновь произошли сраженія между турками и греками и сорокъ деревень сравнены съ землею. Австро-венгерскій посолъ выступилъ съ предложеніями, направленными къ тому, чтобы улеглись воинственныя страсти на островѣ. Всѣ послы получили отъ своихъ правительствъ приказаніе присоединиться къ этимъ предложеніямъ. Посолъ требуетъ назначенія губернатора изъ христіанъ, возстановленія халеппскаго договора и созыва національнаго собранія.

Впрочемъ, по турецкимъ свѣдѣніямъ, на Критѣ все почти спокойно, но зато знамя возстанія выкинуто въ Арменіи, и тамъ снова полилась кровь и раздались выстрѣлы. На этотъ разъ даже турецкіе источники не скрываютъ мрачнаго положенія вещей. Можно ожидать повторенія прошлогоднихъ ужасовъ. Въ Македоніи также далеко не спокойно. Инсургенты бродятъ въ горахъ, соединившись въ небольшія полуразбойничьи, полупатріотическія банды. Турція надѣется, конечно, на свои регулярныя арміи — для подавленія мятежныхъ провинцій и на сладкія рѣчи своихъ дипломатовъ, и на широковѣщательныя ирадэ султана — для успокоенія справедливаго негодованія европейскихъ народовъ. До сихъ поръ случалось такъ, что, въ концѣ концовъ, Турція достигала своихъ цѣлей, но, правда, случалось ей при этомъ и терять. Исторія Турціи вся исчерпывается непрерывною борьбою ея съ духомъ времени, и, какъ ни „коварны" англичане, подстрекающіе подданныхъ султана къ возстаніямъ, все же перспектива англійскаго вліянія или даже владычества безконечно отраднѣе турецкой дѣйствительности и турецкаго гнета.

Политическое затишье, въ которое погружена теперь Европа, поневолѣ заставляетъ устремлять взоры на страны далекихъ континентовъ. Въ то время, когда у насъ все затихло, въ Америкѣ начинаетъ кипѣть жизнь. Въ Европѣ спокойная ночь, въ Америкѣ бурный день. Въ Соединенныхъ Штатахъ происходитъ теперь могучая агитація въ виду предстоящихъ президентскихъ выборовъ. Республиканская партія выбрала уже своимъ кандидатомъ Макъ-Кинлея, и затѣмъ не преминетъ послѣдовать и другая политическая партія великой заатлантической республики—демократическая. Тогда начнется обычная выборная горячка, оканчивающаяся пораженіемъ одного и побѣдою другаго кандидата. Макъ-Кинлей обладаетъ огромной энергіей и представляетъ собою олицетвореніе протекціонизма. Благодаря этому, онъ выдвинулся впередъ, и въ лагерѣ демократовъ, въ рукахъ которыхъ, въ лицѣ президента Кливеленда, сосредоточивалась власть, господствуетъ замѣшательство. Общественное мнѣніе Америки категорически высказывается противъ этой партіи. Выработанная коммиссіею республиканской партіи программа объявляетъ войну дѣйствующей въ Америкѣ тарифной системѣ и требуетъ обложенія иностранныхъ товаровъ, конкурирующихъ съ американскими такими таможенными пошлинами, которыя соотвѣтствовали бы интересамъ американскихъ рабочихъ.

Воцареніе новаго персидскаго шаха совершилось, какъ извѣстно, благополучно, и новый государь съ первыхъ же дней своего царствованія заявилъ себя продолжателемъ миролюбивой внѣшней политики и тѣхъ дружественныхъ отношеній съ Россіею, которыя въ послѣдніе полвѣка установились между нею и персидскимъ государствомъ. Шахъ объявилъ—что весьма знаменательно — о желаніи своемъ водворить въ странѣ вѣротерпимость, дать новое движеніе народному просвѣщенію, водворить правду въ судахъ, улучшить администрацію и въ особенности обуздать тотъ произволъ, который господствуетъ въ провинціяхъ, отданныхъ въ полное распоряженіе безотвѣтственныхъ правителей. Самъ шахъ рѣзко осуждаетъ современное положеніе вещей въ Персіи. Въ этой странѣ не было раздѣленія государственной казны отъ личныхъ средствъ шаха, и въ то время, когда богатства накоплялись въ хранилищахъ шаха, народъ бѣдствовалъ и еще не такъ давно отъ голода умерло около двухъ милліоновъ персовъ. Наживались, конечно, и тѣ провинціальные правители, которымъ выгодно было поддерживать эти несправедливые частно-вотчинные порядки. Новый персидскій шахъ возвѣстилъ въ своемъ благородномъ манифестѣ, что онъ желаетъ положить предѣлъ такому первобытному положенію вещей и государственные доходы Персіи прежде всего будутъ предназначаться для удовлетворенія потребностей самого народа. Если Японія могла возродиться въ четверть вѣка, то нѣтъ ничего невозможнаго въ обновленіи Персіи, разъ только благія намѣренія новаго шаха не изсякнутъ и не будутъ извращены окружающими его сановниками. Новымъ распоряженіемъ шаха, между прочимъ, объявлена реформа, которая считается на столько важной, что о ней телеграфомъ возвѣщено во всѣ концы міра, а именно— съ этого времени въ Персіи не будутъ продаваться за деньги титулы и ордена, а только будутъ жаловать ихъ должностнымъ лицамъ въ видѣ награды за заслуги.

Изъ южной Африки сообщается объ очень серьезномъ положеніи вещей. Войскамъ Капской колоніи данъ приказъ выступить въ походъ. Возстаніе распространяется. Расположенныя въ Мафекингѣ англійскія войска также выступаютъ въ походъ.

Возвращаясь къ Европѣ, мы должны отмѣтить, что, по послѣднимъ извѣстіямъ, англо-итальянское соглашеніе по поводу африканскихъ дѣлъ грозитъ разстроиться, если уже не разстроилось, а объявленіе Мадагаскара французскою колоніею находится пока въ фазѣ проекта.

Въ Испаніи открытъ обширный заговоръ анархистовъ, метавшихъ бомбы, и въ настоящее время арестовано уже болѣе двухсотъ человѣкъ.

Мракъ, окружившій послѣ смерти эрцгерцога Карла-Людвига вопросъ о престолонаслѣдіи въ Австро-Венгріи, начинаетъ разсѣеваться. Въ виду болѣзненнаго состоянія эрцгерцога Франца-Фердинанда-Эсте императоръ Францъ-Іосифъ приказалъ эрцгерцогу Отто заняться дѣлами, входившими въ кругъ дѣятельности покойнаго эрцгерцога Карла-Людвига. Кромѣ того эрцгерцогъ Отто беретъ на себя именно тѣ обязанности по представительству, которыя исполнялъ раньше отъ имени императора покойный кронпринцъ Рудольфъ. Свита его значительно увеличена. Это даетъ полное основаніе думать, что наслѣдникомъ австро-венгерской короны будетъ объявленъ никто иной, какъ именно эрцгерцогъ Отто.

Немедленно послѣ смерти Жюля Симона императоръ Вильгельмъ послалъ по телеграфу президенту Фору депешу слѣдующаго содержанія: „Опять Франція проливаетъ слезы надъ гробомъ одного изъ величайшихъ сыновъ своихъ. Жюль Симонъ умеръ! Я все еще остаюсь и буду оставаться подъ обаяніемъ его личности, припоминая тѣ дни, когда онъ оказалъ мнѣ свое драгоцѣнное содѣйствіе для улучшенія быта рабочаго класса. Примите, г. президентъ, выраженіе моей сердечной симпатіи. Вильгельмъ". Но за нѣкоторое время до полученія этой телеграммы императора Вильгельма агентство Гаваса разослало парижскимъ газетамъ текстъ другой телеграммы его же, адресованной женѣ Жюля Симона и оказавшейся мнимою. Въ этой телеграммѣ говорилось о разоруженіи обоихъ народовъ, идея котораго, къ сожалѣнію, встрѣтила противодѣйствіе въ видѣ „дѣтскихъ и неразумныхъ" манифестацій со стороны лиги патріотовъ.

Въ телеграммѣ этой были выраженія, которыя показались французскому правительству оскорбительными. На другой день, однако, мистификація была разоблачена, не вызвавъ дипломатическаго столкновенія.

Къ тому же разряду политическихъ инцидентовъ относится случай, происшедшій въ Москвѣ на банкетѣ нѣмецкой колоніи съ принцемъ Людвигомъ баварскимъ. Президентъ банкета предложилъ тостъ за императора единой Германіи и за его свиту. Принцъ Людвигъ возразилъ, что онъ не принадлежитъ къ свитѣ императора и что единство Германіи не исчерпывается одной личностью императора Вильгельма. Тогда принцъ Генрихъ Прусскій и германскій посолъ вмѣстѣ со всѣми членами посольства встали со своихъ мѣстъ и удалились, протестуя такимъ образомъ противъ рѣчи принца Людвига. Русская печать изъ деликатности нѣкоторое время молчала объ этомъ событіи, но теперь о немъ говорятъ уже всѣ, какъ наши, такъ и западно-европейскія газеты, изъ которыхъ однѣ обвиняютъ президента московскаго нѣмецкаго общества, а другія находятъ заявленіе принца Людвига неумѣстнымъ.

За отсутствіемъ выдающихся политическихъ событій, одна русская газета дала названіе „испанско-русскаго конфликта" слѣдующему, не имѣющему большого значенія, обстоятельству: у секретаря русскаго посольства на улицѣ была отнята собака, которую онъ несъ на рукахъ, а муниципальные гвардейцы не оказали ему помощи. „Конфликтъ" закончился арестованіемъ начальника полиціи и лицъ, напавшихъ на секретаря, съ преданіемъ ихъ судебному слѣдствію.

ВЪ МІРѢ ЗНАНІЙ

Хроника наукъ, промышленности и пр.

Нѣчто объ атмосферной пыли.—Интересный случай идіосинкразіи. — Кошка — кормилица крысятъ.

Въ маѣ 1883 года на одномъ изъ островковъ Зондскаго пролива, Кракатоа, началось вулканическое изверженіе, которое тянулось почти безпрерывно до августа и 14-го августа закончилось чудовищнымъ взрывомъ, безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ вулканическихъ изверженій. Вскорѣ послѣ этого знаменитаго изверженія обнаружились любопытныя вещи. Не только вблизи вулкана, но и въ самыхъ отдаленныхъ отъ него мѣстностяхъ земного шара дали себѣ чувствовать какая-то особенная нечистота атмосферы, какой-то туманъ, который явственно чувствовался во время зари, давалъ о себѣ знать затмѣніемъ свѣта солнца и луны. Ученые тотчасъ приписали эту нечистоту воздуха той мас-

съ вулканическаго дыма, который былъ извергнутъ изъ Кракатоа и разошелся въ атмосферѣ всего земного шара. Но не всѣ соглашались съ такимъ толкованіемъ; начали соображать—много ли выдѣлилось этого дыма и неужели его достаточно, чтобы до такой степени затуманить чуть не всю земную атмосферу? Судя по силѣ изверженія, можно было принять, что вулканъ выкинулъ въ атмосферу, примѣрно, 20 кубическихъ верстъ твердыхъ частицъ, если всю эту копоть представить себѣ сжатою въ компактный комъ. Масса—размѣровъ ужасающихъ. Но, однако, если эту массу разсѣять въ атмосферѣ всего земного шара, то какой толщины пластъ дала бы она? Разсчетъ показываетъ, что изъ нея вышелъ бы слой всего лишь въ 1/25 долю миллиметра. Вотъ и возникъ вопросъ—можетъ ли столь ничтожный слой вызвать такой туманъ, который въ то время стоялъ надъ всей землей? Вопросъ этотъ недавно заинтересовалъ швейцарскаго физика Дюфура. Онъ сталъ наблюдать надъ обыкновеннымъ дымомъ, напримѣръ, выдѣляемымъ пароходною трубою. Клубы этого дыма очень легко застилаютъ свѣтъ солнца. Спрашивается, много ли въ дымѣ, выходящемъ изъ пароходной трубы, содержится собственно твердыхъ частицъ, какой пластъ дало бы все это дымное облако, еслибы его сдавить? Произведя приблизительный разсчетъ, Дюфуръ пришелъ къ выводу, что количество дыма, ясно уменьшающее свѣтъ солнца, дающее видимую муть въ воздухѣ, содержитъ пластъ угля толщиною всего лишь въ 1/1200 миллиметра. Этотъ выводъ очень его заинтересовалъ. Онъ рѣшилъ сдѣлать точные опыты, такъ какъ грубые разсчеты надъ пароходнымъ дымомъ, конечно, могли дать лишь приблизительные выводы, съ рискомъ большихъ ошибокъ. Онъ бралъ стекла и покрывалъ ихъ копотью, держа ихъ надъ газовымъ пламенемъ. Взвѣсивъ сначала чистое стеклышко, потомъ покрытое копотью, онъ опредѣлялъ вѣсъ слоя копоти, а затѣмъ, опираясь на удѣльный вѣсъ этой копоти, могъ уже съ точностью вычислить толщину ея слоя. Онъ взялъ для своихъ опытовъ четыре стекла и навелъ на нихъ слои копоти разной густоты. Одно стеклышко было лишь чуть-чуть тронуто налетомъ, такъ что черезъ него были ясно видны всѣ предметы; два другіе были закопчены покрѣпче, а четвертое было покрыто такимъ густымъ слоемъ, что черезъ него ничего не было видно, кромѣ солнца. Первое стеклышко имѣло слой копоти толщиною въ 0,00003, второе—въ 0,00005, третье—въ 0,0001 и четвертое—въ 0,00049 милиметра. Итакъ, слой копоти въ 1/2000 миллиметра совершенно закрывалъ отъ зрѣнія всѣ земные предметы и позволялъ видѣть только тусклый кружокъ солнца, на который можно было смотрѣть черезъ такой слой копоти безъ малѣйшаго утомленія глаза, какъ на раскаленный пятакъ. Послѣ того было заготовлено еще одно стеклышко, на которомъ слой копоти былъ доведенъ до толщины въ 1/692 миллиметра. Черезъ это стекло не было уже возможности разсмотрѣть и солнца въ самый яркій безоблачный день. Этотъ выводъ былъ тщательно провѣренъ; было точно установлено, что еслибы въ атмосферѣ образовался равномѣрный слой угольной копоти, толщиною въ указанную мѣру, т е. въ 1/692 миллиметра, то земная поверхность погрузилась бы въ абсолютную темноту. Разные факты, взятые изъ практики, повидимому, вполнѣ подтверждаютъ эти выводы. Такъ, въ мартѣ 1815 года было сильное изверженіе вулкана Сумбава, близъ острова Целебеса; вулканъ выбросилъ громадное количество дыма, пепла и лавы. Тогда, въ 60 миляхъ отъ мѣста изверженія, случилось проходить европейскому судну; во время изверженія сдѣлалось такъ темно, что люди на этомъ суднѣ (за 60 миль отъ вулкана!) не могли разсмотрѣть собственной руки, поднесенной къ самымъ глазамъ. Итакъ, еслибы вся масса твердаго вещества, извергнутаго изъ Кракатоа, попала въ воздухъ и распространилась въ немъ равномѣрно, то она произвела бы по всей землѣ адскую тьму, которая, Богъ вѣсть когда бы, прекратилась; пришлось бы ждать, пока большая часть этой вулканической копоти осѣла на землю, пала въ море, была прибита дождями. Для полнаго затемвѣнія земли, такого, при которомъ ничего нельзя было бы различить, даже диска солнца, по вычисленію Дюфура, достаточно было бы обратить въ пыль массу угля, имѣющую въ основаніи около одной квадратной версты, а въ высоту 350 саженъ, т. е. немногимъ больше 1/2 кубической версты. А для того, чтобы породить такую туманность земной атмосферы, которая соотвѣтствовала бы первому стеклышку Дюфура, достаточно было бы, чтобы масса угля съ такимъ же основаніемъ была высотою всего въ 7 саженъ. Изъ числа европейскихъ промышленныхъ центровъ наибольшую массу угля на своихъ фабрикахъ сжигаетъ городъ Манчестеръ; здѣсь толщина пласта угольной пыли въ воздухѣ доходитъ иногда до 1/1750 миллиметра; благодаря этому ничтожному слою копоти, сила дневного свѣта въ Манчестерѣ почти въ 30 разъ слабѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, въ славящемся чистотою своего воздуха Грюнденвальдѣ. Въ 1813 году было много вулканическихъ изверженій, и, кромѣ того, въ Германіи на громадномъ пространствѣ горѣли торфяники. Вслѣдствіе этого даже на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ водворилась зловѣщая тьма, такъ, въ началѣ іюля того года туристы, забравшіеся на вершину Риги, наблюдали какъ солнце постепенно блѣднѣло, затягиваясь туманомъ, и наконецъ совершенно утонуло въ немъ.

Есть много людей, обладающихъ въ высшей степени курьезными и совершенно необъяснимыми особенностями организаціи, выражающимися въ странномъ вкусѣ, склонности или, наоборотъ, отвращеніи къ различнымъ пищевымъ веществамъ или животнымъ, растеніямъ, или даже, наконецъ, къ внѣшнимъ признакамъ предметовъ, напримѣръ, къ цвѣту. Такія особенности носятъ въ медицинѣ названіе идіосинкразіи. Недавно о любопытномъ случаѣ этого рода сообщилъ въ печати извѣстный англійскій ученый Френсисъ Гальтонъ. Одержимымъ оказался какой-то полковникъ британской арміи. Этотъ субъектъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ, не могъ переносить вида какой бы-то ни было раны на ногтяхъ и не только у себя или у близкихъ, но даже у совершенно постороннихъ лицъ, ему не извѣстныхъ. Когда ему случалось повредить собственный ноготь, хотя бы все поврежденіе ограничивалось царапиною, его тотчасъ кидало въ холодный потъ и онъ чувствовалъ, что готовъ тотчасъ лишиться чувствъ. Даже, если при немъ въ разговорѣ упоминалось о какомъ нибудь несчастномъ случаѣ, гдѣ пострадали чьи бы-то ни было ногти, ему дѣлалось очень нехорошо. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда этотъ полковникъ былъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ, ему случилось быть на одномъ обѣдѣ; его сосѣдъ за столомъ вдругъ, по какому-то случаю, началъ разсказывать о томъ, какъ ему случилось ранить себѣ ноготь. Злополучный офицеръ старался всѣми силами не слушать этой исторіи, но это ему не удалось; передъ нимъ такъ и мелькалъ этотъ раненый ноготь и ему вдругъ стало такъ не хорошо, что онъ безъ чувствъ упалъ со стула и свалился подъ столъ. Никакія другія раны и никакія вообще физическія страданія не трогаютъ его; вообще это человѣкъ, какъ и подобаетъ „военной косточкѣ", не особенно чувствительный. Такъ, ему случалось присутствовать при жестокихъ экзекуціяхъ, и тотчасъ послѣ нихъ онъ съ большимъ аппетитомъ завтракалъ, тогда какъ другіе офицеры и даже солдаты бывали глубоко потрясены зрѣлищемъ. Видъ раненыхъ, больныхъ, умирающихъ не особенно угнетаетъ его. Самъ полковникъ совершенно удовлетворительно объяснялъ себѣ эту свою, можно сказать, постыдную слабость; дѣло въ томъ, что его мать, будучи беременна имъ, сильно помяла себѣ палецъ; потомъ отъ этого инцидента не осталось слѣда, да и самъ одержимый узналъ объ этомъ лишь впослѣдствіи, послѣ того, какъ его идіосинкразія уже явственно проявилась. Это объясненіе физіологическихъ странностей публикою принимается съ большою охотою, да и ученые не всѣ его начисто отрицаютъ. Въ книжкѣ Виктора Мёнье „Les excentricités physiologiques" собрано множество примѣровъ такой передачи впечатлѣній матери во время беременности своему ребенку. Случай съ этимъ полковникомъ очень напоминаетъ другаго военнаго, боевого генерала, человѣка испытанной храбрости, который до смерти боялся собакъ, притомъ самыхъ крошечныхъ, совсѣмъ невинныхъ и безвредныхъ; этотъ храбрый воинъ, однажды встрѣтился съ такою собачкою въ магазинѣ и былъ охваченъ такимъ сумасшедшимъ испугомъ, что сломя голову кинулся на магазинную стойку и оттуда, онѣмѣвъ отъ ужаса, глядѣлъ на своего миніатюрнаго супостата, который и вниманія на него не обращалъ.

Природа заложила въ животныхъ прочные основы инстинктовъ, по которымъ извѣстныя породы входятъ въ сношенія между собою. Простое наблюденіе показываетъ намъ кто кому другъ, кто кому врагъ, кто кому просто на просто добыча. Тутъ законъ послѣдователенъ, строгъ и неумолимъ, повторяется на каждомъ отдѣльномъ субъектѣ, и, какъ кажется, долженъ повторяться безъ всякихъ исключеній. И, однако же, такія исключенія случаются и поражаютъ наблюдателя изумленіемъ. Вдругъ, напримѣръ, обнаруживается дружба кошки съ собакой—дружба трогательная и нѣжная, отъ которой вѣетъ какимъ-то золотымъ вѣкомъ, когда, по благочестивой вѣрѣ людей должны прекратиться всѣ ненависти. Года два назадъ въ одной фермѣ въ Англіи кошка приняла подъ свое покровительство цѣлый выводокъ осиротѣлыхъ цыплятокъ и успѣшно его выходила. Теперь появляется сообщеніе о случаѣ еще болѣе курьезномъ, быть можетъ, самомъ удивительномъ изъ всѣхъ подобнаго рода странныхъ уклоненій (лучше сказать извращеній) врожденнаго инстинкта. Одинъ французскій землевладѣлецъ нашелъ у себя въ хлѣбномъ амбарѣ кошку въ компаніи съ четырьмя крысятами. Въ первую минуту онъ подумалъ, что кошка изловила ихъ и собирается съѣсть. Но намѣренія тутъ были явно противоположныя: кошка возилась съ крысятами, обнаруживая явныя материнскія заботы; эти крысята были ея пріемыши. Хозяинъ отнесся къ этимъ нѣжностямъ съ весьма простительною строптивостью: онъ рѣшилъ тотчасъ же свернуть крысятамъ шеи и надъ двумя уже и привелъ это намѣреніе въ исполненіе. Но кошка трогательно заступилась за остальныхъ двухъ и пришлось ей ихъ оставить. Кошка кормила ихъ, возилась съ ними какъ съ собственнымъ потомствомъ. Что будетъ, когда они подростутъ? Съѣстъ она своихъ пріемышей или нѣтъ?

М. Орловъ

НЕПОПРАВИМОЕ

Разсказъ

Н. Н. ЮРЬИНА

Продолженіе

Клавдинька писала, какъ говорила—безпорядочно, непослѣдовательно, не гонясь за выраженіями, часто повторяясь, но именно это и придавало ея письмамъ удивительную жизненность. Чуть-чуть что не слышался ея голосъ Равинскому, пока онъ читалъ эти выцвѣтшія отъ времени, но не потерявшія своей свѣжести строки писемъ дѣвушки.

Откуда же онъ взялъ, однако, что она была пустой и глупенькой? Не оттого ли, что она не гонялась за тою, заимообразно взятою изъ книжекъ, мудростью, которою онъ такъ гордился, когда былъ студентомъ? Она не хотѣла рядиться въ чужой умъ, и вмѣсто того, чтобы съ важностью повторять общія мѣста, которыми щеголяли онъ и его товарищи, она говорила только то, что думала, и такъ, какъ думала. Тогда это казалось ему глупостью и неразвитостью, а теперь онъ восхищался гибкостью ея ума, его изящѣствомъ и простотою въ выраженіи мыслей. И онъ не постыдился сознаться, что если кто нибудь изъ нихъ двоихъ и былъ недостаточно уменъ, то никакъ не она, а онъ, съ его самомнѣніемъ и самодовольствомъ.

Но что это? Равинскаго бросило въ жаръ и холодъ. Да, конечно, это писано о немъ, о комъ же больше?„Людоѣдъ", вѣдь обѣ эти дѣвушки именно его такъ называли за тотъ суровый видъ, который онъ считалъ нужнымъ напускать на себя, а также за его неумолимость въ отзывахъ обо всѣхъ и обо всемъ.

„Сонюшка, дорогая моя", читалъ онъ, „представь себѣ сюрпризъ и удивленіе! Людоѣдъ со мной заговорилъ. Право, увѣряю тебя, былъ у у насъ и заговорилъ такъ, какъ будто я достойна слушать его слова. Со страху я даже забыла о чемъ. Что-то такое о самостоятельности женской. Сначало выходило, что самостоятельность хороша, а подъ конецъ оказалось, что она совсѣмъ не хороша. То есть, конечно, такимъ дурамъ, какъ мы съ тобой. Ну, да не въ этомъ дѣло, а вотъ что: неужели, въ самомъ дѣлѣ, съ нами разговаривать можно только такъ, по ошибкѣ? Вѣдь это же ужасно! Развѣ не правда? Ахъ, Сонюшка, Сонюшка!.. Сказала бы я тебѣ одну вещь, да ты и сама ее знаешь. А что, если спросить когда нибудь у твоего братца: „Послушайте, Людоѣдъ, зачѣмъ вы меня обижаете вашимъ невниманіемъ? Отчего вы не хотите удѣлить мнѣ хоть крупицу вашего расположенія?". То-то онъ вытаращилъ бы на меня глаза. Ну, будетъ, будетъ, будетъ! Не хочу больше говорить объ этомъ, а то еще скажу больше, чѣмъ надо".

Убранство зданія городской управы.

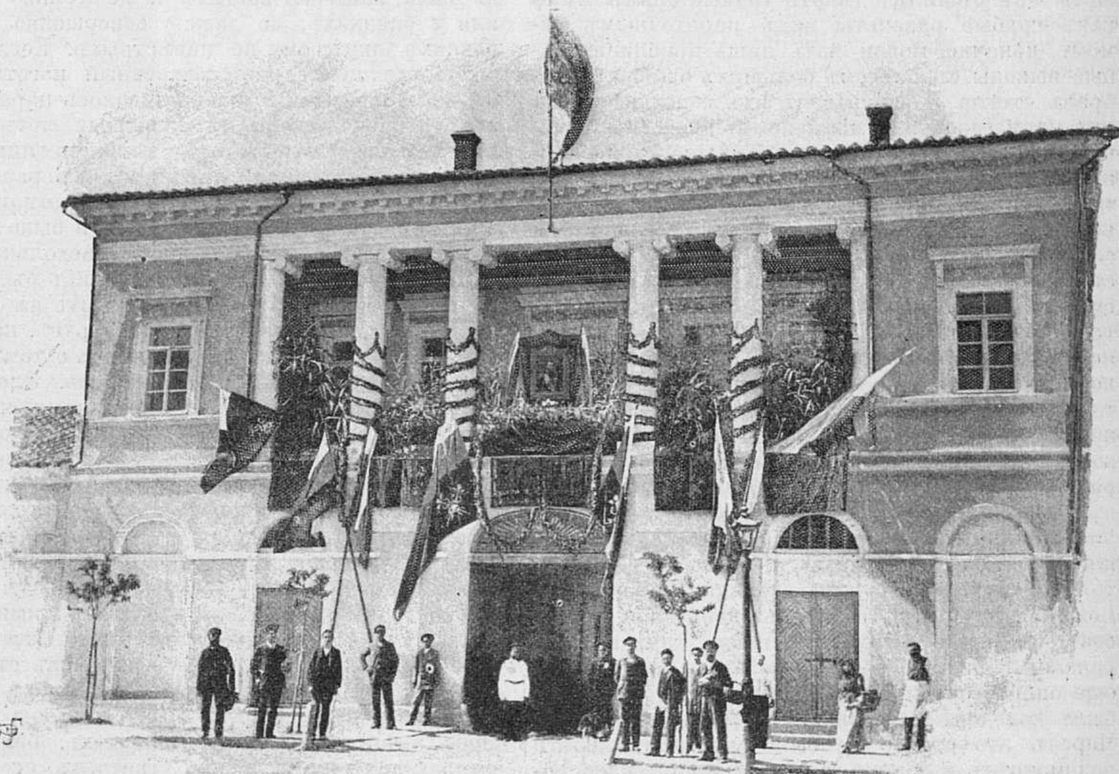
Письмо кончалось словами: „Поцѣлуй лишній разъ Людоѣда, только не говори, что это отъ меня“.

„Милая, что за скука у насъ въ домѣ, еслибы ты знала! читалъ онъ въ другомъ письмѣ. Пожить бы такъ, какъ бы хотѣлось, хоть одинъ годъ, — и того, я думаю, никогда не приведется. Одинъ бы только годъ, а тамъ пускай будетъ, что будетъ. Мама все бранится, говоритъ, что я фантазерка и что отъ меня нечего ждать чего нибудь путнаго. Но право же я очень немного хочу. Дядюшка,—и тотъ для меня ужъ интересный кавалеръ. Какъ подумаешь, еще всего два года назадъ я его считала такимъ почтеннымъ старичкомъ, что мнѣ и въ голову не пришло бы, что онъ можетъ за мной ухаживать. А больше вѣдь у меня никого и нѣтъ. Все-таки же онъ меня и повеселитъ, и слово какое нибудь сердечное скажетъ, когда очень тяжело на душѣ. Знаешь, мнѣ кажется, что онъ въ самомъ дѣлѣ меня любитъ. Когда я съ нимъ пробую обращаться построже, на него даже смотрѣть страшно,—поблѣднѣетъ, задрожитъ, просто становится самъ не свой. Вотъ и изволь-ка полюбоваться, какъ судьба распоряжается. Онъ любитъ меня, а я... ну, конечно, тебя и *всѣхъ кто на тебя хоть чуточку похожъ*“.

Послѣдняя фраза была подчеркнута и очень выразительно.

Равинскій прочитывалъ письмо за письмомъ и не въ силахъ былъ оторваться отъ этого чтенія. Ему становилось все яснѣе, какую роль игралъ онъ въ жизни бѣдной Клавдиньки. Читая, онъ какъ бы позабылъ, что видѣлся съ нею еще сегодня утромъ, ему представлялось, что Клавдинька давно умерла и онъ случайно узналъ тайну покойницы. И жалость, и нѣжность къ дѣвушкѣ, которая его когда-то любила и любви которой онъ даже не замѣтилъ, овладѣвали, мало по малу, его душой. Та драма, при которой онъ нѣкогда присутствовалъ, не зная всѣхъ ея сокровенныхъ нитей, вдругъ явилась передъ нимъ въ новомъ освѣщеніи. И „исторія“ Клавдиньки, такъ страшно желавшей вырваться на волю изъ подавлявшей своею мертвящею скукою атмосферы дома матери, и въ то же время не имѣвшей никакой надежды возбудить хотя искру сочувствія къ себѣ въ томъ, къ кому влекло ея сердце, — теперь становилась для Равинскаго болѣе понятною. Домъ — это была тюрьма, любовь Мытыщева—это ей казалось все же чѣмъ-то въ родѣ исхода. Притомъ же Клавдинька не понимала хорошенько всѣхъ послѣдствій, которыя могла имѣть для нея эта любовь, и только когда Мытищеву, путемъ цѣлаго ряда хитрыхъ подходовъ и ухищреній, удалось довести ее до „паденія“, — тогда только она рѣшилась сжечь свои корабли и бѣжала изъ дому. Послѣднее письмо ея къ Сонѣ было самое коротенькое изъ всѣхъ, но сколько горечи чувствовалось Равинскому за этими на первый взглядъ холодными и сдержанными строками.

„Прощай, милая Сонечка, пишу тебѣ въ послѣдній разъ, — по чему ты, конечно, скоро узнаешь. Разскажутъ тебѣ другіе, самой же говорить объ этомъ право нѣтъ силъ. Ты, я знаю,

Убранство зданія таможни на Итальянской улицѣ.

все равно меня не осудишь. Только ты одна, а больше не отъ кого мнѣ ждать пощады. Помни, что я тебя люблю и всегда буду любить. А могло бы быть все иначе, еслибы... Ну, да что,— все равно, что сдѣлано, того не передѣлаешь. Пожалѣй меня, милая. Твоя К.“.

Кончивъ чтеніе, Равинскій бережно перевязалъ опять письма Клавдиньки, но не положилъ ихъ обратно въ „архивъ“ Сони, а спряталъ въ одинъ изъ ящиковъ своего письменнаго стола. Сдѣлалъ это онъ, даже не подумавъ раньше, что онъ именно такъ поступитъ. Просто, пока онъ читалъ, онъ для самого себя незамѣтно проникся мыслью, что эти письма принадлежатъ ему; онъ съ ними такъ и поступилъ, какъ со своими.

Равинскій долго ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто только что пережилъ тяжелое нравственное потрясеніе. Дѣйствительно, его взволновала вся эта исторія, происходившая восемь лѣтъ назадъ, точно онъ самъ былъ въ ней главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. „Вѣдь это же дико“, говорилъ онъ самъ себѣ.—„Что мнѣ за дѣло до того, что когда-то глупая дѣвочка была обманута развратнымъ старикомъ. Можетъ быть, она сама давно забыла, сколько она въ то время перенесла униженій, горечи и разочарованій... Такъ изъ-за чего же мнѣ-то волноваться?“

Мало по малу, мысль его приняла мечтательный оттѣнокъ. „Еслибы *въ то время*“, думалъ Равинскій, — „онъ не прошелъ мимо нея, еслибы

Убранство азовско-донского и городского банковъ.

Съ фотографій М. К. Перекъ. Автотипіи Эд. Гоппе.

Крымъ. Ѳеодосія. — Празднованіе дня Священнаго Коронованія.

не считалъ ее неизмѣримо ниже себя, и боязнь, что другіе могутъ заподозрить, будто онъ способенъ заинтересоваться судьбой простенькой Клавдиньки, не приводила его въ смущеніе, словомъ, еслибы онъ такъ принялъ къ сердцу опасность, которая ей угрожала, какъ бы дѣло шло родной сестрѣ, — чтобы тогда могло быть? Какъ бы могла сложиться жизнь ея и его самого? У нея, конечно, не было бы этой грязной исторіи, оставившей неизгладимый слѣдъ въ ея существованіи. А онъ... Можетъ быть, еслибы онъ подошелъ къ ней, откинувъ свое величіе, то и ей удалось бы отдѣлаться отъ того страха и смущенія, которыя ей внушалъ „Людоѣдъ“, и она была бы съ нимъ такою же простою, искреннею и естественною, какъ съ его сестрой. Весьма возможно, что тогда, несмотря на свою молодость и пристрастіе ко всему яркому и „кричащему“, онъ съумѣлъ бы и въ то время оцѣнить ее, а оцѣнивши и полюбить. А тогда и въ его жизни не было бы этой полосы, — холодной полосы одиночества, подсказывавшаго ему подчасъ далеко невеселыя мысли, наложившаго на него отпечатокъ мрачности и раздражительности, заставлявшаго его иногда совершенно искренно высказывать, что жизнь совсѣмъ не такая занятная штука, чтобы стоило особенно дорожить ею. Вмѣсто двухъ изломанныхъ существъ было бы, быть можетъ, два человѣка живущихъ полною жизнью.

Любопытно бы, однако, узнать — сохранился ли у нея хотя какой-нибудь остатокъ прежняго чувства къ нему.

Былъ девятый часъ вечера. Равинскій нѣсколько разъ уже проходилъ мимо одного изъ огромныхъ домовъ на Пушкинской улицѣ, снова возвращался къ нему, нѣсколько замедлялъ шагъ у подъѣзда, но, не рѣшаясь войти, опять проходилъ дальше.

„Можно ли быть назойливѣе“, говорилъ онъ самъ себѣ, — „въ какія-нибудь двѣ недѣли пятый разъ стучаться къ ней въ двери? Что она должна подумать? Конечно, никакихъ сомнѣній для нея быть не можетъ, что я не спроста къ ней хожу, а съ какими нибудь намѣреніями, И ужъ навѣрное она думаетъ, что съ самыми гадкими“.

Онъ рѣшился не идти къ ней, а только еще разъ пройти мимо ея дома. Но какъ разъ въ это время подвернулся ему на встрѣчу мальчишка изъ сапожныхъ подмастерьевъ, котораго онъ уже разъ встрѣтилъ минутъ пять назадъ, когда тотъ направлялся въ погребъ съ пустыми бутылками. Теперь онъ возвращался, бережно неся въ рукахъ „пару пива“, и Равинскому показалось, что онъ насмѣшливо взглянулъ на него и чуть ли даже при этомъ не засвисталъ. И какъ бы признавая за этимъ юнымъ членомъ сословія сапожниковъ право быть судьею его поступковъ, онъ такъ смутился, что вмѣсто того, чтобы пройти мимо дома, поспѣшно шмыгнулъ въ подъѣздъ и почти бѣгомъ поднялся въ пятый этажъ. У двери съ надписью „меблированныя комнаты“ и съ черною доской, на которой были прописаны мѣломъ фамиліи жильцовъ, онъ еще остановился въ нерѣшимости. Но, очевидно, отступать было уже поздно и онъ, толкнувъ въ дверь очутился въ тускло освѣщенномъ корридорѣ. Впрочемъ, онъ и безъ освѣщенія могъ бы на ощупь найти ту комнату, которую ему было надо: пройдя нѣсколько шаговъ, завернуть направо и затѣмъ третья дверь направо же.

Клавдинька мало удивилась, когда увидала Равинскаго, или, если и удивилась, то не хотѣла показать ему это.

— Прямо къ чаю! воскликнула она весело. — Вотъ и отлично, я сейчасъ велю вамъ стаканъ принести.

— Я вамъ не помѣшалъ? нѣсколько церемонно освѣдомился Равинскій, держа шляпу въ рукахъ такъ, какъ будто онъ зашелъ всего минутъ на пять.

— Нѣтъ, какая же помѣха... Я по вечерамъ отдыхаю.

И она сама взяла изъ рукъ его шляпу и поставила на подзеркальникъ.

— Ну, знаете, когда человѣкъ некстати придетъ, такъ онъ и отдыхать помѣшаетъ.

— Вы мнѣ не мѣшаете, сказала она совершенно просто. — Чѣмъ чаще вы станете приходить, тѣмъ мнѣ будетъ пріятнѣе.

Равинскій смутился. Слѣдовало бы отвѣтить что нибудь шутливое,— такъ ему, по крайней мѣрѣ, представлялось, — но онъ чувствовалъ себя почти что растроганнымъ и ему хотѣлось за такой отвѣтъ взять обѣ руки Клавдиньки въ свои и покрыть ихъ поцѣлуями.

Явилась горничная со стаканомъ и булками, поставила ихъ на столъ и удалилась. Клавдинька принялась разливать чай. На кругломъ предиванномъ столикѣ, который также исполнялъ роль и письменнаго и обѣденнаго, не было салфетки, а была накрыта узорная пеньковая скатерть, которая, какъ видно, послужила съ честью нѣсколькимъ поколѣніямъ жильцовъ этой комнаты. Чай лежалъ на столѣ въ бумажкѣ, сахаръ также въ бумажномъ мѣшкѣ, самоваръ былъ, хотя и новый, но довольно топорной работы и имѣлъ такой тусклый видъ, что отражалъ окружающіе предметы только въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ. Да и вся обстановка комнаты была какая-то тусклая, поношенная,— и мебель, обитая пеньковой матеріей неопредѣленнаго сѣраго цвѣта, и зеркало, на которомъ виднѣлись то здѣсь, то тамъ бѣлесоватые островки, и обои, когда-то бывшіе нарядными, а теперь прокопчены дымомъ и полинявшіе... Неуютно и непривѣтливо глядѣла комната Клавдиньки и тѣмъ страннѣе было, что Равинскаго тянуло сюда, что самъ онъ въ своей обстановкѣ доводилъ чистоту и порядокъ до щегольства. Ему, конечно, при первомъ уже посѣщеніи бросилось въ глаза все, что отзывалось здѣсь казенщиной „меблированныхъ комнатъ“ и было непріятно, что Клавдинька должна проводить свою жизнь въ этихъ печальныхъ и непригладныхъ стѣнахъ. Чтобы она могла находить по своему вкусу такую обстановку, этого онъ не допускалъ. Какъ бы то ни было, на этотъ разъ онъ рѣшилъ выяснить этотъ вопросъ.

— Скажите, Клавдія Васильевна, отчего вы живете здѣсь, а не заведете свое хозяйство. Это не будетъ нескромный вопросъ?

— Вамъ здѣсь не нравится? Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не очень хорошо... Но я привыкла... Гостей у меня почти не бываетъ, сама я освобождаюсь отъ занятій довольно поздно... Ну, какъ-то и забываешь думать о своемъ углѣ.

— Кстати, и другой нескромный вопросъ, котораго я до сихъ поръ не имѣлъ случая вамъ сдѣлать: какого рода у васъ занятія?

— У меня профессія самая модная, — я массажистка. Развѣ вы не знали? У меня на дверяхъ есть карточка.

— Въ вашемъ корридорѣ царитъ такой мракъ, что вы смѣло могли бы прибить на дверяхъ десять карточекъ и никто не догадался бы о вашей профессіи. И давно вы ею занимаетесь?

Бушующее море. Картина И. К. Айвазовскаго, находящаяся на Всероссійской выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Съ фотографіи. Гравировалъ В. К. Зейпель.

— Лѣтъ пять уже. У меня есть мѣсто въ Н—ской больницѣ и кромѣ того частная практика. Спасибо нашимъ докторамъ — они рекомендуютъ меня своимъ больнымъ.

— Какъ вамъ пришло въ голову избрать именно это занятіе? спросилъ Равинскій и сейчасъ же спохватился, что, можетъ быть, не слѣдовало задавать такого вопроса, такъ какъ онъ могъ напомнить Клавдинькѣ что нибудь изъ ея прошлаго, что вспоминать ей было вовсе непріятно.

Но Клавдинька вовсе не замѣтила неловкости вопроса и безъ всякаго смущенія отвѣчала.

— Это вышло совершенно нечаянно. Я нанимала комнатку въ семьѣ, — не такую, какъ эта, а самую крохотную, только и было мѣста, что поставить кровать, столъ да стулъ. Работы у меня въ то время было мало, да и та была случайная — брала шить рубашки изъ магазина по десяти копѣекъ за штуку...

— По десяти копѣекъ... Вѣдь это же невозможная плата!..

— Да, не дорого... Впрочемъ, это за рубашки совсѣмъ простыя, а за тѣ, которыя получше, давали цѣлыми пятью копѣйками дороже... Ну, и за комнату я много платить не могла: по четыре рубля въ мѣсяцъ, да и тѣ я уплачивала неисправно. Разъ хозяйка моя заболѣла, не знаю, что у нея было, только докторъ и говоритъ, что ей надо дѣлать массажъ. Старичекъ онъ былъ такой славный, видитъ какая бѣднота въ квартирѣ. „Вамъ“, говоритъ, „вѣрно, нанять массажистку будетъ трудно, такъ, можетъ быть, кто нибудь изъ домашнихъ за это возьмется“. Я, конечно, сейчасъ же себя предложила. Показалъ онъ какъ надо дѣлать, черезъ недѣлю приходитъ, а больной уже много лучше. Удивился даже докторъ. „У васъ“, смѣется онъ, „талантъ. Отчего бы вамъ этимъ дѣломъ серьезно не заняться?“ А долго, спрашиваю я, учиться надо? „Года два“, отвѣчаетъ. Да вѣдь вѣрно, говорю, платить надо за ученье? „Ну, это мы какъ нибудь устроимъ“. И, дѣйствительно, устроилъ. А у меня и въ самомъ дѣлѣ къ этому талантъ оказался; пошло у меня это дѣло хорошо.

— Вамъ все-жъ таки не легко все это досталось... прежде, чѣмъ вы чего нибудь добились...

— Нѣтъ, что же... Одно время тяжело было, это правда. Ну, да такъ мнѣ и надо было...

Она покраснѣла и едва слышнымъ голосомъ добавила:

— Вѣдь вы знаете — я такая... ужасная дрянь. И, право, это очень мило съ вашей стороны, что вы приходите ко мнѣ...

— Ничего милаго нѣтъ, перебилъ Равинскій голосомъ, который онъ нарочно постарался сдѣлать грубымъ, чтобы скрыть свое волненіе.—Хожу потому... ну, потому, что мнѣ нравится у васъ бывать, вотъ и все.

— Какое же вы можете находить въ этомъ удовольствіе? Нѣтъ, правда, правда, — вы такой умный, мнѣ всегда казалось, что вамъ должно быть скучно говорить о разныхъ пустякахъ, а вѣдь я только это и умѣю. Знаете, что я васъ прежде ужасно боялась...

— Только боялись? сорвался съ языка Равинскаго неосторожный вопросъ.

Клавдинька вспыхнула. Она хотѣла что-то сказать, но какъ-то безпомощно и растерянно улыбнулась и притихла.

— Клавдія Васильевна... я васъ обидѣлъ? молящимъ голосомъ произнесъ Равинскій.—Простите меня...

— Вы знали, вы все знали? повторяла нѣсколько разъ Клавдинька, тревожно заглядывая ему въ глаза.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ и, самъ не зная какъ онъ осмѣлился это сдѣлать, взялъ ее за руку. Въ то время я не зналъ... Я узналъ гораздо позже... къ сожалѣнію.

Нѣкоторое время они сидѣли молча, но имъ казалось обоимъ, что между ними происходилъ какой-то обмѣнъ мыслей — все, что каждый изъ нихъ думалъ, но не имѣлъ смѣлости сказать другому, становилось понятнымъ безъ словъ и они въ нѣсколько минутъ сдѣлались ближе другъ къ другу, чѣмъ были до этого.

Клавдинька прервала молчаніе первая.

— Вамъ разсказала все Соня? спросила она, и темные ея глаза ласково взглянули на него.

— Не все ли равно? промолвилъ онъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта. И, все еще не выпуская ея руки изъ своей, онъ прибавилъ неувѣреннымъ голосомъ:

— Вѣдь это же все дѣла давноминувшія, — не такъ ли? Вѣдь все это уже у васъ совсѣмъ прошло, и объ этомъ говорить мы можемъ теперь совершенно спокойно?

Клавдинька вдругъ заплакала горькими слезами.

— Зачѣмъ... зачѣмъ... зачѣмъ вы мнѣ это напомнили? всхлипывая, твердила она.

Равинскій не ожидалъ этихъ слезъ и совсѣмъ растерялся. Онъ началъ что-то говорить, но самъ понималъ, что слова, — даже еслибы они были и въ десять разъ краснорѣчивѣе тѣхъ, которыя онъ былъ въ состояніи придумать въ эту минуту, — мало могли бы утѣшить плачущую дѣвушку. Онъ не могъ противиться желанію приласкать ее — безъ всякой задней мысли, просто какъ бѣднаго, заброшеннаго всѣми, ребенка, которому должно быть дорого всякое проявленіе участія. Онъ сѣлъ возлѣ Клавдиньки на диванъ, обнялъ ее и тихонько сталъ гладить ее по рукѣ. Она, казалось, не замѣчала этой ласки, но вдругъ обернулась, посмотрѣла на него глазами, которые показались ему безумными, и такъ крѣпко обвила его шею руками, такъ порывисто стала цѣловать его, что онъ, не отдавая себѣ отчета—къ чему это можетъ привести—и какъ бы заразившись тѣмъ безуміемъ, которое свѣтилось у нея въ глазахъ, сталъ возвращать ей ея поцѣлуи, все ближе и ближе привлекая ее къ себѣ.

На другой день Равинскій сидѣлъ у себя „на службѣ“ въ маленькомъ кабинетикѣ, казавшемся еще меньше отъ массы загромождавшихъ его увѣсистыхъ книгъ, лежавшихъ на столахъ, на полкахъ и вездѣ, гдѣ можно было ихъ положить. Онъ разсѣянно выслушивалъ явившагося къ нему для доклада молодого человѣка, облаченнаго въ свѣтлую лѣтнюю пару и непринужденно поигрывавшаго брелоками, которые болтались у него на висѣвшей изъ жилетнаго кармана коротенькой цѣпочкѣ. Равинскій завѣдывалъ отдѣломъ „статистики“ въ одномъ вѣдомствѣ, причемъ иногда самъ подшучивалъ надъ собою, увѣряя, что статистика — это послѣднее прибѣжище для всѣхъ неудавшихся „красныхъ“. Молодой человѣкъ докладывалъ о необходимости ввести въ программы, по которымъ доставлялись статистическія свѣдѣнія мѣстными органами вѣдомства, нѣсколько новыхъ вопросныхъ пунктовъ, и Равинскій молча соглашался съ нимъ, хотя въ другое время навѣрное нашелъ бы многое возразить противъ предлагаемыхъ нововведеній. Онъ относился къ своему дѣлу въ высшей степени внимательно, даже любовно, и вникалъ во всѣ мелочи, — собственно онъ даже считалъ, что мелочей въ этомъ дѣлѣ нѣтъ, такъ какъ самая ничтожная подробность имѣетъ свое значеніе и смыслъ. Но на этотъ разъ онъ былъ такъ разсѣянъ, что молодой человѣкъ, докладывавшій ему, возвратившись изъ кабинета своего начальника въ свое отдѣленіе, громогласно выразилъ предположеніе, что Иванъ Ивановичъ должно быть вчера „здорово клюнулъ“. Тема эта была охотно подхвачена подчиненными Равинскаго, и хотя, вообще, онъ и пользовался между ними нѣкоторою популярностью за отсутствіе у него „начальственности“, — они принялись, однако, съ усердіемъ, какое не всегда прилагали къ дѣламъ, изощрять по поводу него свое остроуміе.

А Равинскій, оставшись одинъ, снова погрузился въ задумчивость. Впечатлѣнія вчерашняго вечера всю ночь не дали ему уснуть и теперь не позволяли сосредоточиться на какомъ либо дѣлѣ. Они были необычны для него и ихъ было много, но изъ нихъ одно выдѣлялось всего отчетливѣе, заслоняя собою остальныя, и оно же заставляло Равинскаго сомнѣваться—точно ли онъ такъ счастливъ, какъ долженъ бы былъ, повидимому, считать себя. Онъ припоминалъ себѣ Клавдиньку то смущенною, то радостною, припоминалъ ее съ безумнымъ выраженіемъ въ глазахъ. Но болѣе всего запечатлѣлась она у него въ памяти такою, какою онъ видѣлъ ее передъ тѣмъ, какъ собрался уходить домой: съ потухшимъ взглядомъ, безучастно глядя на него, она не находила для него ни ласковаго слова, ни даже хотя бы привѣтливаго рукопожатія, какъ будто это была совсѣмъ другая женщина, отъ которой было отнято все, что составляло въ ней прелесть и очарованіе, и осталось только нѣкоторое внѣшнее подобіе ея.

— Что это значитъ? задавалъ онъ себѣ вопросъ. — Чѣмъ объяснить такую перемѣну?

И вдругъ онъ почувствовалъ смущеніе отъ пришедшей ему въ голову мысли. Да, конечно, это такъ!.. Развѣ могло быть иначе? Въ порывѣ страсти, забывъ въ ту минуту все на свѣтѣ, она ни передъ чѣмъ не остановилась, лишь бы показать ему, до какой степени она его любитъ. Она любила — и была права. Но что должна была она подумать о немъ потомъ, когда миновалъ порывъ, бросившій ее къ нему въ объятія, и она получила способность сознательно отнестись къ тому, что произошло? „Вотъ человѣкъ“ такъ безъ сомнѣнія разсуждала она, „который, зналъ, что у меня въ прошломъ было извѣстнаго рода „приключеніе“ и, кромѣ того, могъ предполагать, что я къ нему не совсѣмъ равнодушна, и потому явился ко мнѣ съ цѣлью одержать легкую побѣду... И теперь, когда это ему удалость, съ какимъ презрѣніемъ долженъ онъ относиться ко мнѣ...“ *Н. Юрьинъ.*

Продолженіе слѣдуетъ

Письмо

Въ эти бѣлыя ночи,
Въ эти дни по веснѣ
Я твои вижу очи
На-яву и во снѣ.

Жду я радостной встрѣчи,
Сердцемъ молодъ я вновь,
Чтобъ твои слышать рѣчи
Про мечты, про любовь.

Жду, что прежней улыбкой
Ты меня подаришь,
Хоть на мигъ, хоть ошибкой
Сердце мнѣ оживишь.

Въ эти млечныя ночи,
Въ эти зоркіе дни
Свѣтятъ мнѣ твои очи —
Свѣтятъ сердцу они...

Въ эти бѣлыя ночи,
Въ этой трепетной мглѣ
Милы мнѣ твои очи
Лишь одни на землѣ;

Мнѣ твои только рѣчи
Прозвучатъ про любовь,
И съ тобой только встрѣчи
Жажду, жажду я вновь.

Н. Козляховъ

ЗА ГРАНИЦЕЙ

Тысячелѣтній юбилей Венгріи. — Историческая справка. — Роль литературы въ дѣлѣ обновленія Венгріи. — Константинопольскіе разбойники. — Литературный разбой. — Борьба съ безсмертными за безсмертіе.

Венгрія празднуетъ тысячелѣтіе своего существованія. 26-го мая начались въ Буда-Пештѣ народныя торжества, и первымъ изъ нихъ было перенесеніе королевской короны изъ крѣпости въ церковь св. Матеея. Какъ и всѣ церемоніи подобнаго рода, она была чрезвычайно красиво обставлена и носила на себѣ тотъ величавый оттѣнокъ, въ которомъ есть нѣчто театральное и оперное. Прислуга шла въ пудреныхъ парикахъ, съ рыжими усами. Шли скороходы, пажи, шли сановники въ раззолоченныхъ мундирахъ, шли гусары, ментики которыхъ послужили прототипомъ гусарскому костюму другихъ странъ. Можно было ожидать въ церкви и крѣпости большего скопленія публики, но бургомистръ догадался обставить это нѣкоторыми затрудненіями; между прочимъ выдавались безплатные билеты. Карета, въ которой перевозилась корона, была сдѣлана еще въ прошломъ столѣтіи, она вся „золотая“. Всѣ дома Буда-Пешта были украшены флагами, коврами, драпировками, и на улицахъ стояли даже столы, которые сдавались въ наймы желающимъ. Исторія умалчиваетъ—произошли ли при этомъ инциденты въ родѣ того, который произошелъ во время одной изъ нашихъ петербургскихъ церемоній. Репортеръ, будучи маленькаго роста, хотѣлъ увидѣть процессію съ высоты и за пять рублей купилъ мѣсто на бочкѣ. Вдругъ дно въ бочкѣ провалилось, и онъ просидѣлъ въ ней за свои денежки до тѣхъ поръ, пока процессія не удалилась. Но въ Буда-Пештѣ случился другой инцидентъ. По церемоніалу требовалось, чтобы представители города открыли ларецъ, въ которомъ хранилась корона. Оказалось, что работа эта не подъ силу; пригласили народъ помоложе, и тѣ ничего не могли подѣлать. Замокъ не отпирался болѣе двѣнадцати лѣтъ, и желѣзо заржавѣло. Пришлось послать за придворнымъ слесаремъ, который взломалъ замокъ.

Шествіе открылось въ двѣнадцать часовъ по направленію изъ крѣпости въ парламентъ, а затѣмъ по главнымъ улицамъ повернуло обратно

въ крѣпость. Корреспонденты извѣщаютъ, что невозможно описать красоту и богатство костюмовъ и выѣздовъ. Въ теченіе двухъ часовъ мелькали, какъ въ калейдоскопѣ, древне-венгерскіе воины съ крыльями на шлемахъ и копьями и съ звѣриными шкурами на плечахъ. Затѣмъ слѣдовали древне-сербскіе костюмы, словакскіе, боснійскіе и другіе. Всѣ одѣянія національныхъ представителей были исторически вѣрны разнымъ эпохамъ и отличались большой роскошью. Кони были прекрасны; ихъ вели подъ уздцы конюхи. Тѣхъ представителей, которые были симпатичны публикѣ, толпа встрѣчала криками „эленъ", а несимпатичныхъ она провожала молчаніемъ или даже просто шикала имъ. У нѣкоторыхъ древнихъ воиновъ приклейныя бороды отваливались на солнцѣ, и это вызывало смѣхъ. Когда глаза устали, поражаемые блескомъ и пестротою волшебнаго шествія, показались золотыя кареты, и въ одной изъ нихъ всѣ увидѣли венгерскую корону съ согнутымъ крестомъ. Толпа заревѣла, какъ тысячеголосный звѣрь.

Зрѣлище это было устроено, надо замѣтить, на частныя средства, и ни король, ни королевская семья, ни войска не принимали въ немъ ни малѣйшаго участія. Король далъ аудіенцію представителямъ церемоніи во дворцѣ. Всѣ участвующіе въ шествіи хранили глубокое молчаніе, и оно нарушалось только трубами герольдовъ и криками публики. Фотографы со всѣхъ сторонъ наводили свои объективы на процессію, и въ числѣ ихъ была вдовствующая принцесса Стефанія.

Народу было такъ много, что и этотъ цивилизованный и гордящійся своими культурными привычками буда-пештскій людъ пострадалъ отъ давки, какъ у насъ на Ходынскомъ полѣ. Впрочемъ, не было ни одного смертнаго случая; пострадало болѣе или менѣе легко четыреста девятнадцать человѣкъ. Случай былъ заранѣе предвидѣнъ, и городомъ были приготовлены фургоны и носилки, такъ что раненымъ немедленно была оказана помощь. Великолѣпная иллюминація закончила вечеромъ венгерское національное торжество, а въ театрахъ давались такія пьесы, какъ „Король Стефанъ", „Тысячелѣтіе" и другія.

Въ послѣднее время тамъ и здѣсь, и у насъ, и за границей можно было встрѣтить въ печати враждебные или недружелюбные отзывы по поводу этого венгерскаго тысячелѣтняго юбилея. Справедливы ли они? Десять вѣковъ тому назадъ полудикая орда кочевниковъ спустилась въ Паннонскія долины и положила начало мадьярскому государству, покоривъ мѣстное населеніе, состоявшее изъ славянъ и болгаръ. Наука до сихъ поръ не можетъ дать точнаго отвѣта—откуда явились эти кочевники, кто были эти венгры или мадьяры, были ли они, какъ увѣряетъ одинъ этнографъ, потомками финскихъ племенъ, которые извѣстны въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ угровъ или югровъ, и тогда родичами венгровъ должны были бы оказаться вогулы и остяки, вымирающіе въ настоящее время у насъ на сѣверномъ Уралѣ отъ нищеты, алкоголя и отвратительныхъ болѣзней, или же, какъ утверждаетъ Вамбери, венгры народъ турецко-татарскаго происхожденія и сродни печенѣгамъ, половцамъ, татарамъ и туркамъ. Есть среднее еще мнѣніе, что венгры, на самомъ дѣлѣ, были потомками угровъ или югровъ, но, благодаря постояннымъ столкновеніямъ съ другими племенами, до того смѣшались съ ними и переродились, что образовали новое племя, способное къ культурѣ и къ высшей цивилизаціи. Какъ бы то ни было, засѣвъ въ при-дунайской низменности, венгры разгромили Велико-Моравское государство и стали опустошать Германію и Византію своими набѣгами. Но уже въ десятомъ вѣкѣ ихъ король Геза принялъ христіанство, а преемникъ его св. Стефанъ крестилъ весь народъ венгерскій, послѣ чего онъ занялъ въ исторіи Европы почетное мѣсто. Государи, принадлежащіе къ династіи Арпадовъ, нашли свой народъ достаточно зрѣлымъ для политической свободы и дали Венгріи „золотую буллу" — актъ въ родѣ великой хартіи вольностей англійскаго короля Іоанна Безземельнаго, признавъ за своими подданными право не повиноваться верховной власти въ случаѣ явныхъ съ ея стороны злоупотребленій. Кромѣ того, въ Венгріи, подобно Польшѣ, королевская власть была не наслѣдственная, а избирательная. Благодаря съ одной стороны культуроспособности венгровъ, а съ другой — просвѣщеннымъ ея государямъ, въ этой еще сравнительно недавно дикой странѣ черезъ какихъ нибудь двѣсти лѣтъ уже процвѣтали школы и открылся одинъ изъ самыхъ раннихъ въ Европѣ университетовъ. Венгрія богатѣла, земледѣліе процвѣтало, она славилась коневодствомъ, и кожаныя издѣлія ея были извѣстны во всей Европѣ. Правда, венгры вдохновлялись въ отношеніи искусства Византіею, и королевская мантія св. Стефана, которую, коронуясь венгерскимъ королемъ, надѣваетъ австрійскій императоръ, вся испещрена византійскими орнаментами. Впрочемъ, византійское вліяніе сказывалось только на такихъ предметахъ искусства, которые обнимали собою одежды, ткани, ювелирныя вещи; что же касается архитектуры, то она была романскаго происхожденія, и въ Венгріи до сихъ поръ существуетъ особый видъ церквей — сочетаніе базилики и древне-римской преторіи — не то храмъ, не то крѣпость. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ Венгріей правили короли изъ французскаго анжуйскаго дома; одинъ изъ нихъ, Людовикъ, признается величайшимъ правителемъ мадьярскаго народа. Въ это время Венгрія завела великолѣпный флотъ, который, будучи сосредоточенъ въ Зарѣ, соперничалъ съ венеціанскимъ. Въ королевскомъ замкѣ, находившемся въ Вышеградѣ, собирались для дружескихъ бесѣдъ величайшіе художники того времени, поэты, ученые и коронованныя особы. Мадьярская знать пріобрѣла утонченные нравы и ни въ чемъ не отставала, а можетъ быть даже и превосходила европейскихъ сосѣдей своихъ.

Но какъ нѣкогда у насъ ростъ славянскаго самобытнаго государства кіевскаго періода вдругъ былъ остановленъ напоромъ злой татарщины, такъ точно и Венгріи пришлось выдержать натискъ со стороны турокъ. Это былъ страшный натискъ, и хотя вначалѣ столкновенія съ турками венгры, отстоявшіе западную Европу отъ завоевателей Константинополя, выказали большое мужество и при Гуніади-Яносѣ сохранили своими побѣдами надъ врагами христіанства тронъ для его сына Матвѣя Корвина, и при этомъ королѣ Венгрія достигаетъ высшаго процвѣтанія и могущества, такъ что ужъ былъ не одинъ университетъ въ этой странѣ, а нѣсколько, но послѣ смерти его начался упадокъ Венгріи. Турецкій султанъ Соломанъ Великолѣпный перешелъ Дунай, нѣмцы наперли съ сѣвера, и въ 1526 году въ битвѣ при Магачѣ послѣ отчаяннаго сопротивленія венгры утратили свободу. Страна была разорена, національная самобытность угасла, воцарились грубые нравы, культура погибла. Впослѣдствіи, благодаря счастливому стеченію политическихъ обстоятельствъ и побѣдамъ надъ турками короля польскаго, Яна Собѣскаго, Венгрія надолго стала достояніемъ нѣмцевъ. Она освободилась отъ нихъ только въ нашемъ вѣкѣ при помощи открытой силы. Венгерцы, разумѣется, не забыли во время своего тысячелѣтняго юбилея, что главную службу возрожденію ихъ національной самобытности сослужила литература. Почти совсѣмъ угасшій венгерскій языкъ вновь сталъ органомъ мыслящихъ людей, какъ это было до короля Матвѣя Корвина, и этого матеріала было достаточно для построенія прочнаго фундамента свободъ новой Венгріи. Возрожденіе было такъ сильно и могуче, что безъ великодушной поддержки императора Николая I тронъ Габсбурговъ былъ бы опрокинутъ венграми.

Въ настоящее время Венгрія быстро идетъ по пути мирнаго развитія, и ея литература, земледѣліе и промышленность вступаютъ въ цвѣтущій періодъ.

Послѣ этого можно ли еще спорить, что Венгрія не имѣла права праздновать свое тысячелѣтіе? Если же въ своей національной заносчивости эта, сильная своимъ одушевленіемъ и національнымъ самосознаніемъ, страна нѣсколько притѣсняетъ сербовъ, словаковъ и другихъ маленькихъ славянъ, то она совершаетъ только одну изъ такихъ же несправедливостей, какія совершаютъ и другіе народы. Мы всѣ немножко шовинисты.

Высокій подъемъ національнаго духа вывелъ Венгрію изъ рабства къ свободѣ и далъ ей великое счастье увидѣть это, празднуя свой тысячелѣтній юбилей при сравнительно очень благопріятныхъ обстоятельствахъ. Турція, бывшая когда-то ея владычицей и существующая на основаніи другого государственнаго принципа, служитъ, наоборотъ, во многихъ отношеніяхъ пугаломъ европейскихъ народовъ. Страна находится въ состояніи какой-то вѣчной анархіи, несмотря на присутствіе деспотической власти, равной которой нѣтъ въ мірѣ. На Балканскомъ полуостровѣ не только не развивается спокойная общественная жизнь, но, по послѣднимъ извѣстіямъ, вездѣ усиливается разбойничество и чѣмъ ближе къ Константинополю, тѣмъ оно безнаказаннѣе и наглѣе. Изъ Константинополя можно видѣть холмистую мѣстность, на которой расположенъ курортъ Курія Ялова. Во главѣ этого курорта стоялъ въ послѣднее время французъ Бранзо. Мѣстность эта до того считалась безопасной, что никому въ голову не приходила мысль о возможности разбойническаго нападенія. Жена Бранзо отправилась на прогулку вмѣстѣ съ госпожей Парагаміонъ, женою одного чиновника, служащаго при сербскомъ посольствѣ въ Константинополѣ; при ней была дочь; прислуживали дамъ слуга. Разбойники внезапно спустились съ горы, разговаривая на какомъ-то невѣдомомъ языкѣ, можетъ быть, на албанскомъ, и на глазахъ двухъ жандармовъ захватили обѣихъ женщинъ. Жандармы, видя численное превосходство разбойниковъ, не вступились за нихъ. Приведя женщинъ въ лѣсъ, атаманъ шайки приказалъ г-жѣ Бранзо написать мужу письмо такого содержанія, что если онъ желаетъ спасти женѣ жизнь, то пусть заплатитъ пятнадцать тысячъ фунтовъ. Но дерзость разбойниковъ, сознающихъ свою силу, этимъ не ограничилась, они написали письмо самому султану. Дѣло въ томъ, что г-жа Бранзо по профессіи акушерка, она была вхожа въ султанскій гаремъ и принимала дѣтей у его женъ. Разбойники рѣшились эксплуатировать признательность султана къ искусной акушеркѣ. Что же касается г-жи Парагаміонъ, то она была выпущена на свободу подъ условіемъ внести десять тысячъ фунтовъ выкупа за дочь, которая осталась у нихъ. Несчастная мать вернулась больною. О происшедшемъ было немедленно дано знать французскому послу, который отправился въ Константинополь и вошелъ въ сношеніе съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Возвышенность была оцѣплена войсками, и брусскій вали получилъ приказъ сдѣлать „все зависящее" для поимки разбойниковъ. Но, къ сожалѣнію, „все зависящее" не совсѣмъ зависитъ отъ энергичнаго вали. Султану пришлось, въ концѣ концовъ, вступить въ дипломатическое сношеніе съ разбойниками и послать имъ требуемую сумму вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ. Онъ словно призналъ этихъ отважныхъ рыцарей лѣса независимою державою и разбойникамъ остается только завести какіе нибудь свои клейноды и имѣть уполномоченнаго агента при константинопольскомъ дворѣ.

Конечно, очень рѣзокъ переходъ отъ разбоя, совершеннаго албанскими искателями приключеній, къ литературному разбою, въ которомъ недавно французскіе критики обвинили знаменитаго Эмиля Золя, но мало ли какіе скачки приходится дѣлать фельетонисту. Золя также не остается въ долгу у критиковъ, нападавшихъ на романъ его „La Rome", и въ отвѣтѣ своемъ, напечатанномъ въ „Figaro", называетъ ихъ „мелкими людишками", „олицетвореніемъ зависти и безсилія", „библіотечными крысами" и, voilà le mot, *литературными разбойниками*, выжидающими жертву въ лѣсу, „чтобы всадить ей ножъ въ спину тогда, когда ударъ по ихъ разсчету наносится достаточно отравленнымъ оружіемъ и можетъ считаться безусловно смертельнымъ". Впрочемъ, Золя утѣшается. Онъ говоритъ: „Удары этихъ людишекъ не отравляютъ и не убиваютъ. Они наносятъ раны, но содѣйствуютъ славѣ и здоровью". Затѣмъ Золя признается, что онъ, дѣйствительно, кое-что заимствуетъ въ своихъ книгахъ. „Мой способъ писать романы— говоритъ онъ — все тотъ же, начиная съ перваго моего сочиненія. Я допускаю три рода источниковъ для справокъ: книги, которыя даютъ мнѣ свѣдѣнія о прошломъ, свидѣтелей, которые даютъ мнѣ устные или письменные документы того, что они видѣли, и, наконецъ, личныя и непосредственныя мои наблюденія. Если существуетъ еще четвертый источникъ, укажите мнѣ его! — восклицаетъ Золя — я тотчасъ же начну изъ него черпать". Надо замѣтить, что всѣ упреки по поводу романа „La Rome", которые расточались по адресу Золя, сводились къ тому, что онъ черпалъ изъ чужихъ книгъ. Золя на это возражаетъ: „Вложилъ ли я свою душу въ своихъ героевъ, создалъ ли я существа изъ тѣла и крови, такія же вѣчныя, какъ человѣкъ? Если я это сдѣлалъ, то не все ли равно, изъ какой глины я слѣпилъ ихъ". Въ заключеніе Золя разсказываетъ, что кто-то изъ друзей назвалъ его акулой и онъ былъ въ раздумьѣ—обидѣться ли ему или принять это сравненіе. Наконецъ, онъ рѣшилъ, что обиднаго въ этомъ нѣтъ ничего. „Да, я акула! — восклицаетъ онъ — „пожирающая свою эпоху и свой вѣкъ. Это мое право, и въ этомъ моя слава. Великій производитель, творецъ долженъ поѣдать свою эпоху, чтобы вновь ее возстановлять и вдыхать въ нее жизнь". А еще недавно Золя отстаивалъ право литературной собственности. Вотъ и вѣрь послѣ этого великимъ людямъ, къ которымъ, впрочемъ, кстати сказать, Золя уже въ слѣдующемъ вѣкѣ относить не будутъ.

Тѣмъ не менѣе странно, что Золя еще разъ провалился со своей кандидатурой во французскую академію, желая на этотъ разъ унаслѣдовать кресло Пастера или Дюма. Какъ комично, съ одной стороны, это упорство, съ которымъ Золя старается сдѣлаться безсмертнымъ, такъ, съ другой стороны, вызываетъ улыбку презрѣніе безсмертныхъ къ романисту.

Лиръ

В. П. ЖЕЛИХОВСКАЯ,
писательница, † 5-го мая с. г.

Съ фотографіи Д. С. Здобнова. Гравировалъ Б. А. Пуцъ.

В. П. КРЕЙТАНЪ,
скульпторъ, † 29-го мая с. г.

Съ фотографіи Никоновича. Гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.

В. П. Желиховская †

Еще одной выдающейся, даровитой русской женщиной стало меньше. 5-го мая скончалась въ Петербургѣ довольно популярная писательница Вѣра Петровна Желиховская, родная сестра извѣстной основательницы теософическаго общества Елены Петровны Блаватской. Литературная дѣятельность В. П. Желиховской была весьма разнообразна и выразилась въ цѣломъ рядѣ романовъ, повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній, этнографическихъ очерковъ, беллетристическихъ вещей для дѣтскаго чтенія, корреспонденцій и проч. Она также писала въ защиту вѣрованій своей сестры, увлекаясь таинственной, мистической стороной теософическаго ученія и интересуясь всѣмъ загадочнымъ, чудеснымъ, всѣми сверхъестественными явленіями. Когда сестра ея умерла, В. П. Желиховская съ особеннымъ рвеніемъ стала развивать ея ученіе и пыталась доказать его научность и возможность соглашенія его съ законами естественныхъ явленій. Незадолго до кончины она помѣстила въ одной газетѣ цѣлую серію фельетоновъ, довольно интересныхъ, въ которыхъ затрогивала всевозможные метафизическіе вопросы, разсуждая о времени, пространствѣ, четвертомъ измѣреніи и т. п. „Признавая свою сестру духовно-просвѣтленнымъ и потому совершеннымъ существомъ — говоритъ одно лицо, очевидно близко знавшее г-жу Желиховскую — она предрекала людямъ, желающимъ изучить

Балъ во французскомъ посольствѣ въ Москвѣ 18-го мая с. г.

По наброску съ натуры Фр. де-Гаанена.

Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Освященіе выставки.

Съ фотографіи М. П. Дмитріева въ Нижнемъ-Новгородѣ. Автотипія Эд. Гоппе.

Нижній-Новгородъ. — Открытіе всероссійской промышленной и художественной выставки 1896 г. 28-го мая с. г.

философію Блаватской, радость нравственнаго удовлетворенія и успокоенія въ единеніи съ великимъ духомъ природы. Она вѣрила, что ученіе Блаватской гуманизируетъ человѣчество и тѣмъ исцѣлитъ его матеріальныя и нравственныя неудачи". Это увлеченіе нѣкоторыми сторонами ученія сестры не помѣшало, однако, В. П. Желиховской оставаться глубоко вѣрующей православной христіанкой, строго слѣдовать обрядамъ и постановленіямъ нашей церкви. И въ этой своей искренней вѣрѣ, въ религіи она до конца дней черпала силы, видѣла оплотъ, помощь во всѣхъ жизненныхъ невзгодахъ, въ тяжелой борьбѣ за существованіе. На алтарь любви къ семьѣ В. П. Желиховская, будучи примѣрной, нѣжной матерью, почти идеальной въ наши дни, клала и свой, умъ и свои познанія, весь свой талантъ, и всѣ силы, физическія и нравственныя. Это была замѣчательная труженица, трудившаяся долгіе годы безъ отдыха, писавшая по цѣлымъ днямъ, не разгибая спины, это была добрая, хорошая, чуткая женщина, внушавшая къ себѣ и уваженіе, и симпатіи. В. П. Желиховская не обладала крупнымъ дарованіемъ, но была надѣлена отъ природы несомнѣннымъ художественнымъ талантомъ, живой наблюдательностью, довольно богатой фантазіей и воспріимчивостью. Всѣ ея произведенія, даже написанныя поспѣшно—писательницѣ почти всегда приходилось работать на срокъ — носятъ вполнѣ литературный характеръ; отличаются интересомъ, занимательностью, задушевностью, въ особенности сочиненія для дѣтскаго возраста, и говорятъ о выдающемся умѣ и прекрасномъ образованіи писательницы, весьма развитой и отлично понимавшей условія и задачи художественнаго творчества. „Отъ спѣшной и вынужденной работы", справедливо говорится въ одной замѣткѣ о г-жѣ Желиховской, „страдали и ея произведенія, которыхъ она не только не имѣла возможности хорошенько сперва обдумать, а затѣмъ какъ слѣдуетъ отдѣлать, но зачастую не имѣла времени даже перечитать,—страдала и она сама, чувствуя своей чуткой душою художницы неудовлетворительность написаннаго ею, подъ диктовку суровыхъ условій, сравнительно съ тѣмъ, что она могла бы написать при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ". Прекрасный сюжетъ, вполнѣ годный для романа, писательницѣ приходилось нерѣдко укладывать въ небольшой, быстро написанный, разсказъ, который она имѣла возможность скорѣе пристроить и, наоборотъ, для романа брать первую попавшуюся фабулу, неблагодарную, требовавшую бо̀льшаго напряженія мысли для ея развитія. Жестокая житейская необходимость вынуждала писательницу дробить свой талантъ, размѣнивать его на мелочи, и сознаніе крайней неотложности этого, сознаніе своего безсилія передъ обстоятельствами страшно мучило и угнетало вдумчивую и привыкшую къ самоанализу писательницу. Наибольшую популярность создали г-жѣ Желиховской ея книжки для дѣтей, въ которыхъ она нерѣдко съ большимъ мастерствомъ излагала просто, правдиво и трогательно свои думы, мысли и чувства передъ молодымъ читателемъ. Она превосходно владѣла простонародной рѣчью, и нѣсколько книжекъ ея, изданныхъ для народнаго чтенія, имѣли хорошій, вполнѣ заслуженный, успѣхъ.

Вѣра Петровна Желиховская принадлежала къ талантливой литературной семьѣ, была дочерью Елены Андреевны Ганъ, урожденной Ѳаддеевой, извѣстной писательницы тридцатыхъ — сороковыхъ годовъ, печатавшей свои произведенія подъ псевдонимомъ *Зинаиды Р—вой*, и родилась въ Екатеринославѣ 17-го апрѣля 1835 г. Семи лѣтъ В. П. Желиховская потеряла мать и была взята на воспитаніе Ѳаддеевыми, ея дѣдомъ и бабкой, жившими въ Одессѣ и затѣмъ переѣхавшими въ Саратовъ, гдѣ А. М. Ѳаддѣевъ служилъ губернаторомъ; они дали ей прекрасное образованіе. Восемнадцати лѣтъ В. П. Ганъ вышла замужъ за полковника Н. Н. Яхонтова, помѣщика псковской губерніи, брата извѣстнаго поэта А. Н. Яхонтова, но прожила съ нимъ всего четыре года, овдовѣвъ въ 1857 году. Послѣ этого она опять переѣхала съ двумя дѣтьми къ своему дѣду Ѳаддѣеву, въ то время служившему въ Тифлисѣ. Здѣсь черезъ нѣсколько лѣтъ она вступила во второй бракъ съ Вл. И. Желиховскимъ, директоромъ мѣстной классической гимназіи, а затѣмъ попечителемъ кавказскаго учебнаго округа, скончавшимся въ 1880 г. Только тогда, по собственнымъ словамъ В. П. Желиховской, „она хватилась за умъ: начала отдавать въ печать свои разсказы для дѣтей и для взрослыхъ, которые писала всю жизнь лишь ради удовольствія своихъ дѣтей и знакомыхъ". Успѣхъ ея перваго разсказа „За приключеніями", посвященнаго кавказскимъ дѣтямъ и изданнаго въ Тифлисѣ, побудилъ ее написать еще нѣсколько разсказовъ для дѣтскаго чтенія и для народа, которые печатались въ „Семьѣ и Школѣ", „Дѣтскомъ чтеніи", „Игрушечкѣ", „Семейныхъ Вечетахъ", „Задушевномъ Словѣ", „Досугѣ и Дѣлѣ", а также выходили отдѣльно. Затѣмъ В. П. Желиховская стала сотрудничать въ „Русскомъ Вѣстникѣ", „Гражданинѣ", „Нивѣ", „Свѣтѣ", г. Комарова, „Живописномъ Обозрѣніи", „Сѣверѣ", „Художникѣ", „Русскомъ Обозрѣніи", „Московскихъ Вѣдомостяхъ", „Всемірной Иллюстраціи", „Новостяхъ", „Русской Старинѣ", „Новомъ Времени", „Историческомъ Вѣстникѣ", „Звѣздѣ" и друг. изданіяхъ. Изъ беллетристическихъ произведеній ея наиболѣе извѣстны: „На Черномъ морѣ", „Болѣзнь времени", „Въ житейскомъ омутѣ", „Ложь", и цѣлый рядъ прекрасно написанныхъ кавказскихъ легендъ. Изъ произведеній для дѣтскаго и юношескаго возраста обратили на себя вниманіе задушевностью и простотой, имѣющіе также и автобіографическій интересъ, разсказы: „Какъ я была маленькой", „Мое отрочество", „Князь Илико" и друг. Она также писала для коммиссіи распространенія полезныхъ народныхъ чтеній, и къ такимъ книжкамъ ея для народа относятся: „Кавказъ и Закавказье", „Забытые герои", „Наши воины православные" и друг. Изъ драматическихъ произведеній ея слѣдуетъ упомянуть драму „Кто преступница?" и комедіи „Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ" и „На сорной почвѣ". Первыя двѣ удостоены преміи И. Г. Вучины. Живя до переѣзда въ Петербургъ, въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ, сперва въ Тифлисѣ, а потомъ въ Одессѣ, В. П. Желиховская сотрудничала въ мѣстныхъ газетахъ, также и по политическому отдѣлу. Болѣе всего она помѣстила своихъ пасхальныхъ и рождественскихъ разсказовъ, путевыхъ очерковъ, воспоминаній и разныхъ статей въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Тѣло В. П. Желиховской перевезено въ Одессу, гдѣ и погребено 11-го мая на Старомъ кладбищѣ. *П. Б.*

В. П. Крейтанъ †

Въ непродолжительномъ времени въ Александровскомъ саду въ Петербургѣ будутъ поставлены памятники-бюсты Гоголю и Лермонтову работы скульптора Крейтана, которому принадлежитъ, находящійся въ этомъ же саду, и памятникъ Жуковскаго. Скромный художникъ, честно послужившій родному искусству болѣе тридцати лѣтъ и еще столь недавно находившійся, совершенно бодрымъ и здоровымъ среди своихъ учениковъ, внезапно скончался 29-го истекшаго мая. Классный художникъ 1-й степени, статскій совѣтникъ Василій Петровичъ Крейтанъ, родился въ городѣ Фридрихсгамѣ выборгской губерніи въ 1832 году и первоначальное образованіе получилъ въ петербургскомъ Петропавловскомъ училищѣ. Еще на школьной скамьѣ онъ сталъ заниматься лѣпкой, чувствуя большое призваніе къ этой отрасли искусства, поступилъ въ 1858 году въ скульптурный классъ Императорской академіи художествъ. Здѣсь за успѣхи въ лѣпкѣ В. П. Крейтанъ получилъ нѣсколько наградъ. За барельефъ „Потопъ" ему присуждена была малая серебряная медаль и за круглую статую „Сѣятель", пріобрѣтенную затѣмъ академіей для музея, онъ получилъ малую золотую медаль. За годъ до окончанія академіи В. П. Крейтаномъ, на академической выставкѣ 1861 г., появился довольно талантливо исполненный барельефъ его работы — „Муцій Сцевола". Въ 1863 г. В. П. Крейтанъ вмѣстѣ съ тринадцатью живописцами, среди которыхъ были также И. Н. Крамской и А. И. Корзухинъ, отказался отъ конкурса на первую золотую медаль и вышелъ изъ академіи со званіемъ классного художника второй степени. Съ этого времени началась его преподавательская дѣятельность, къ которой онъ относился необыкновенно добросовѣстно со всѣмъ жаромъ художника, истинно любящаго свое дѣло. В. П. Крейтанъ сталъ преподавать, въ качествѣ штатнаго учителя, рисованіе и черченіе сперва во второмъ кадетскомъ корпусѣ (бывшая вторая военная гимназія) и затѣмъ въ пажескомъ корпусѣ. Независимо отъ этого онъ имѣлъ и частные уроки. Всѣ его ученики относились къ нему съ большой любовью и не могли не симпатизировать этому прекрасному, доброму человѣку. Въ 1869 году за бюстъ портрета N*** В. П. Крейтанъ былъ удостоенъ званія класснаго художника первой степени. Кромѣ упомянутыхъ памятниковъ-бюстовъ Жуковскаго, Гоголя и Лермонтова, изъ скульптурныхъ работъ В. П. Крейтана извѣстны „Амуръ" (гипсъ), эскизъ памятника профессору академіи А. Т. Маркову и друг.

Открытіе всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ

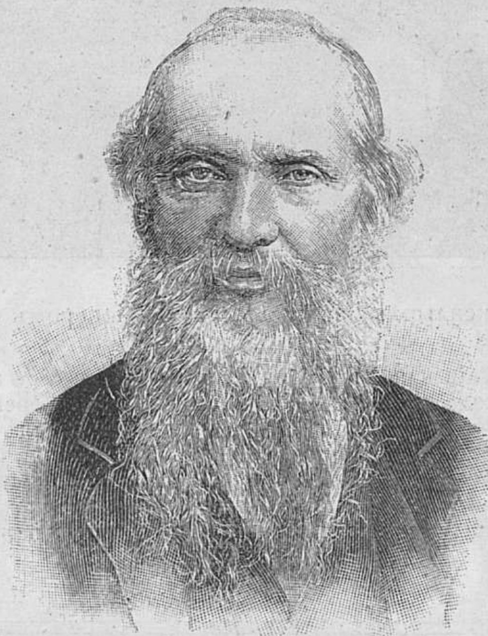
Дня за три до открытія всероссійской промышленной и художественной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ, являющей собою небывалое въ Россіи торжество труда и промышленности,—работали неустанно днемъ и ночью, такъ что выставка преобразилась до неузнаваемости. Во вторникъ, 28-го мая, съ самаго ранняго утра вся мѣстность предъ выставкой, носящая названіе Кунавино, украсилась флагами и приняла вполнѣ праздничный видъ. Можно сказать, что для Нижняго, какъ провинціальнаго города съ 70.000 жителей, это торжество было довольно рѣдкое, и народъ уже съ утра стоялъ по дорогѣ на выставку. Въ 10 часовъ утра съ курьерскимъ поѣздомъ прибыли министры: путей сообщенія князь М. И. Хилковъ, земледѣлія А. С. Ермоловъ и управляющій морскимъ министерствомъ адмиралъ Чихачевъ. Со слѣдующимъ поѣздомъ пріѣхали англійскій посланникъ О'Конноръ, баварскій — баронъ Гассеръ, приамурскій генералъ-губернаторъ генералъ Духовской, генералъ-губернаторъ Степного края баронъ Таубе, товарищъ оберъ-прокурора св. синода В. К. Саблеръ и управляющій дѣлами комитета министровъ А. Н. Куломзинъ. Всѣ эти лица были встрѣчены начальникомъ губерніи Н. М. Барановымъ. Погода стояла весьма благопріятная и день былъ очень жаркій. Въ 7 часовъ утра изъ собора двинулся крестный ходъ, который къ 9½ часамъ уже вступилъ на территорію выставки. Къ 10½ часамъ на площадкѣ, находящейся въ саду, внутри центральнаго зданія, и красиво убранной флагами, матеріями и тропическими растеніями, начали собираться приглашенные; нѣсколько спустя прибылъ министръ финансовъ С. Ю. Витте, которому Высочайше было повелѣно совершить открытіе выставки; затѣмъ прибыли начальникъ губерніи Н. М. Барановъ, директоръ департамента мануфактуръ и торговли В. И. Ковалевскій, генеральный коммиссаръ выставки В. И. Тимирязевъ, его помощники А. В. Добронизскій и И. Н. Ладыженскій, городской голова баронъ Д. Н. Дельвигъ, предсѣдатель ярмарочнаго комитета С. Т. Морозовъ, предсѣдатели города и экспоненты. Торжественное молебствіе было совершено преосвященными Владиміромъ и Алексіемъ въ сослуженіи архимандритовъ и тридцати священниковъ при большомъ хорѣ пѣвчихъ. По окончаніи молебствія, преосвященный Владиміръ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой высказалъ, что настоящая выставка наглядно показываетъ успѣхи русской промышленности за послѣдніе четырнадцать лѣтъ, что здѣсь представлена жизнь русскаго человѣка съ начала его обученія, воспитанія и пр. Затѣмъ произнесено было многолѣтіе Государю Императору и Государынямъ Императрицамъ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и Маріи Ѳеодоровнѣ. Послѣ этого министръ финансовъ и другія высокопоставленныя лица направились въ Царскій павильонъ, который преосвященный Владиміръ окропилъ св. водой, а священники обошли со св. водой, всѣ другія зданія и павильоны. По возвращеніи обратно на центральную площадку министръ финансовъ С. Ю. Витте взошелъ на каѳедру и произнесъ слѣдующую замѣчательную рѣчь: „23-го іюня 1893 года въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ III повелѣлъ устроить и открыть въ маѣ мѣсяцѣ 1896 года Всероссійскую промышленную и художественную выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ, имя котораго прославлено великими заслугами передъ отечествомъ. Державная воля остановила свой выборъ на этомъ городѣ въ виду выдающагося его экономическаго значенія, какъ важнаго сосредоточенія нашей внутренней торговли, расположеннаго недалеко отъ первопрестольной столицы, на главнѣйшей рѣкѣ русскаго государства и на историческомъ пути въ азіатскія страны. Попеченіе объ устройствѣ выставки было возложено на особую коммиссію подъ моимъ предсѣдательствомъ, составленную изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ здѣшняго города и промышленности. Наша задача заключалась въ томъ, чтобы наглядно представить Россіи и всему міру итоги того духовнаго и хозяйственнаго роста, котораго достигло нынѣ наше отечество вообще и въ частности, по сравненію со временемъ прошедшей московской всероссійской выставки, т. е. показать ростъ Россіи за послѣднія четырнадцать лѣтъ. Этотъ періодъ времени оказался близко совпадающимъ со временемъ прошлаго царствованія, которое отмѣчено неизгладимыми чертами въ исторіи Россіи. Великій своимъ богатырскимъ спокойствіемъ, непоколебимымъ въ вѣрѣ въ силы своего народа, царь даровалъ ему миръ для безмятежнаго развитія производительныхъ силъ госу-

дарства. Онъ окрылилъ юную промышленность своимъ могучимъ покровительствомъ, онъ твердо стоялъ на защитѣ національнаго творчества и труда. Божественный Промыселъ не уготовалъ ему наглядно видѣть плоды его неустанныхъ заботъ о процвѣтаніи своего народа и радость видѣть Россію быстро растущей на всѣхъ поприщахъ дѣятельности онъ оставилъ въ наслѣдство Тому, Кому передалъ и бремя самодержавія. Государю Императору благоугодно было повелѣть исполнить въ точности предначертанія Его Августѣйшаго родителя относительно выставки. Согласно сему повелѣнію, мы нынѣ, именно въ маѣ мѣсяцѣ 1896 г., собрались здѣсь, чтобы совершить ея торжественное открытіе. Долженъ сказать, что вы и сами увидите, что выставка находится еще въ положеніи не совершенно законченномъ; извѣстно, впрочемъ, что еще никогда и нигдѣ выставки въ день ихъ открытія не являлись во всей ихъ красѣ. Во первыхъ, есть такіе отдѣлы, какъ, напримѣръ, садоводство и скотоводство, которые по самому существу нынѣ еще не могутъ быть представлены; во вторыхъ, были особыя обстоятельства, не только задержавшія работы, какъ, напримѣръ, исключительно поздняя весна, коронаціонныя торжества, приковавшія къ себѣ вниманіе не только всей Россіи, но и всего свѣта, и, наконецъ: въ третьихъ, въ выставкѣ участвуетъ столько тысячъ людей, связанныхъ между собой только словомъ, что всегда между ними является извѣстный процентъ еще не дозрѣвшихъ до сознанія исполненія долга такого порядка. Впрочемъ, вы усмотрите, что мы открываемъ выставку въ такомъ положеніи, кому позавидовали бы многія изъ прежнихъ выставокъ всѣхъ странъ. Не пройдетъ и десяти дней, когда уже основательнаго укора относительно недоконченности выставки никто не сдѣлаетъ; между тѣмъ она открывается, вѣроятно, болѣе чѣмъ на сто двадцать дней, но осмотръ выставки даже въ настоящемъ ея видѣ не можетъ не привести всякаго безпристрастнаго обозрѣвателя къ заключенію, что послѣдніе годы отмѣчены чрезвычайнымъ ростомъ нашего отечества; огромное количественное и качественное развитіе почти по всѣмъ отраслямъ промышленности, усовершенствованія техники строительной, инженерной и механической и химической технологіи, улучшенія въ области обороны государства, охраненія народнаго здравія и имущества, въ школьномъ дѣлѣ, въ развитіи художественнаго вкуса и проч. — таковы, по моему пониманію и впечатлѣнію, успѣхи Россіи за послѣдній, очень короткій періодъ времени жизни государства, еще такъ недавно вступившаго на путь закономѣрнаго и правильнаго экономическаго развитія. Передъ лицомъ, наглядно показанной здѣсь, на песчинкѣ, обширной русской земли, не можетъ не охватывать патріотическая радость. Россія сильно выросла и духовно, и матеріально; въ ней крѣпнетъ мощь и сознаніе своихъ внутреннихъ силъ. Растетъ ея производительность, и вмѣстѣ съ нею растетъ и ея богатство. Успѣхи нашей фабричной и заводской промышленности столь велики, притокъ къ ней капиталовъ столь значителенъ, возникновеніе новыхъ отраслей производства, расширеніе и улучшеніе существующихъ совершается съ такой быстротой, что строго покровительственная система, твердо установленная въ прошедшее царствованіе, не можетъ не быть признана мѣрой глубокой государственной мудрости; по отношенію къ интересамъ нашей сельско-хозяйственной промышленности — этой жизненной основы Россіи — ростъ фабрично-заводской промышленности, несомнѣнно, ускоряетъ наступленіе лучшаго экономическаго порядка. Необходимо стремиться къ тому, чтобы то, что дома производится, въ возможно большей степени дома же и потреблялось, ибо народный желудокъ есть вѣрнѣйшій рынокъ потребленія. По повелѣнію Его Императорскаго Величества, объявляю выставку открытой".

По окончаніи рѣчи министра, которая произвела огромное впечатлѣніе, раздалось многократное несмолкаемое „ура"; оркестръ игралъ народный гимнъ, повторенный по требованію публики, послѣ чего было исполнено „Славься, Славься" съ колокольнымъ звономъ и нѣсколько музыкальныхъ пьесъ. Въ часъ дня, въ концертномъ павильонѣ, состоялся завтракъ, на который было приглашено до 400 лицъ. Были произнесены тосты за здоровье Государя Императора, Государынь Императрицъ Александры Ѳеодоровны и Маріи Ѳеодоровны. Адмиралъ Чихачевъ провозгласилъ тостъ за министра финансовъ; послѣдній тостъ былъ провозглашенъ С. Ю. Витте „за благоденствіе русскаго славнаго и мудраго народа". Въ 3 часа дня открылся входъ для публики съ платой по 30 коп.; всего было продано 2.400 билетовъ. Въ 8½ часовъ, въ новомъ городскомъ театрѣ, состоялся парадный спектакль (опера и балетъ), на который билеты не продавались, а были разосланы высокопоставленнымъ лицамъ, администраціи выставки и представителямъ печати; присутствовалъ также вице-король Ли-Хунъ-Чанъ съ сыномъ, который посѣтилъ выставку въ 3 часа дня, т. е. уже по открытіи выставки.

Лордъ Кельвинъ

Большой праздникъ науки былъ недавно въ Великобританіи. 3-го іюня въ Глазго, въ Шотландіи, происходило чествованіе 50-лѣтняго юбилея профессорской дѣятельности лорда Кельвина, знаменитаго физика, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Вильяма Томсона. Извѣстность лорда Кельвина гораздо ниже его научныхъ заслугъ. Зависитъ ли это отъ того, что его открытія, имѣющія огромное научное значеніе, мало понятны большей части публики, или здѣсь вліяли и другія причины, но имя лорда Кельвина мало говоритъ людямъ, хорошо знакомымъ съ заслугами Эдиссона, Белля, Рентгена, Тиндаля и друг.

В. ТОМСОНЪ, лордъ КЕЛЬВИНЪ, англійскій физикъ.

По поводу пятидесятилѣтія профессорской дѣятельности.

Вилльямъ Томсонъ, нынѣ лордъ Кельвинъ (родился въ 1824 году), принадлежитъ къ числу ученыхъ, которые съ одинаковымъ успѣхомъ работаютъ и на поприщѣ чистой науки, и въ области прикладного знанія. О его огромныхъ научныхъ заслугахъ достаточно сказать, что онъ считается однимъ изъ творцовъ механической теоріи теплоты — теоріи, представляющей собою одно изъ наиболѣе геніальныхъ обобщеній въ новѣйшей наукѣ о природѣ. Что же касается прикладной дѣятельности В. Томсона, то его имя навсегда связано съ двумя грандіознѣйшими предпріятіями второй половины нашего столѣтія: мы говоримъ о трансъ-атлантическомъ телеграфѣ и объ утилизаціи силъ Ніагарскаго водопада. Эти двѣ стороны дѣятельности знаменитаго ученаго не всегда шли параллельно. Въ началѣ своей научной карьеры, которая началась очень рано, Томсонъ былъ только представителемъ чистаго знанія. 17 лѣтъ отъ роду, въ 1841 г., онъ опубликовываетъ свой первый научный трудъ; къ 22 годамъ онъ уже пользуется ученою извѣстностью и получаетъ каѳедру физики въ глазговскомъ университетѣ, въ 1849 году появляются его первыя изслѣдованія по динамической теоріи теплоты; за ними слѣдуютъ важныя работы по электродинамикѣ, магнетизму и пр. Карьера молодого ученаго кажется вполнѣ опредѣлившейся, но судьба рѣшаетъ иначе, дѣлаетъ изъ Томсона практическаго дѣятеля и связываетъ его имя съ грандіозными промышленными предпріятіями нашего вѣка. Въ пятидесятыхъ годахъ злобой дня былъ вопросъ о соединеніи Англіи съ Америкой телеграфомъ. Осуществленіе этого плана долго тормазилось, такъ какъ профессіональные электротехники обладали слишкомъ малыми познаніями по теоретической физики и дѣйствовали на-ощупь. Цѣлый рядъ неудачъ заставилъ лицъ, стоящихъ во главѣ предпріятія, обратиться къ помощи В. Томсона. Онъ горячо принялся за работу, произвелъ точные опыты надъ скоростью передачи тока, усовершенствовалъ приборы, изобрѣлъ, такъ называемый, зеркальный гальванометръ, нашедшій важное примѣненіе въ телеграфномъ дѣлѣ, принялъ дѣятельное участіе въ трансъ-атлантическихъ экспедиціяхъ и быстро наладилъ это дѣло. Въ 1858 г. былъ проложенъ первый кабель и 5-го апрѣля пришла первая заатлантическая телеграмма. За свои заслуги въ этомъ дѣлѣ Томсонъ былъ возведенъ въ достоинство кавалера (Knight), а въ 1892 г. сдѣланъ пэромъ въ званіи лорда Кельвина. Участіе Томсона въ практическомъ предпріятіи значительно повліяло на направленіе его послѣдующихъ работъ и всей его дѣятельности, которыя носятъ нерѣдко прикладной характеръ. Онъ изобрѣтаетъ новый компасъ, извѣстный среди моряковъ подъ именемъ „томсоновскаго компаса", приборъ для предсказанія уровня приливовъ, усовершенствуетъ электрическіе маяки, изобрѣтаетъ инструменты для измѣренія электрическаго тока и изслѣдованія электрическаго состоянія воздуха и пр. Въ послѣднее время онъ принималъ дѣятельное участіе въ одномъ изъ крупнѣйшихъ предпріятій нашего времени—превращеніи силы Ніагарскаго водопада въ электрическую силу.

Характеръ дѣятельности Томсона отразился и на его юбилеѣ. Помимо 150 делегатовъ отъ ученыхъ обществъ и университетовъ всѣхъ странъ въ торжествѣ приняли участіе и различныя промышленныя предпріятія. Празднество началось пріемомъ въ одномъ изъ колледжей глазговскаго университета. Зала была переполнена блестящей публикой, съѣхавшейся изъ различныхъ странъ. Гостей принималъ совѣтъ университета in corpore. Затѣмъ начались поздравленія, которыя лордъ и леди Кельвинъ принимали, сидя на почетной эстрадѣ. Въ залахъ была устроена выставка приборовъ, изобрѣтенныхъ лордомъ Кельвиномъ. Между тѣмъ начали прибывать телеграммы со всѣхъ концовъ свѣта, для чего въ одной изъ залъ колледжа были поставлены пріемные аппараты, связанные съ главнѣйшими линіями подводныхъ кабелей. Телеграммы приходили изъ Индіи (отъ вице-короля), отъ президента Оранжевой республики, изъ Родезіи, Капской колоніи, Новой Зеландіи, Калифорніи, Гонъ-Конга, Австраліи и пр., и пр. Поздравленія продолжались и на другой день.

Наши картины и рисунки

Балъ у французскаго посла въ Москвѣ

Продолжая нашу серію рисунковъ, относящихся къ коронаціоннымъ торжествамъ, независимо отъ приложенія, мы помѣщаемъ въ этомъ нумерѣ „Всем. Илл." рисунокъ бала, даннаго въ Москвѣ французскимъ посломъ. Этотъ балъ, подробное описаніе котораго появится въ свое время, вмѣстѣ съ рисунками, въ нашемъ приложеніи, состоялся 18-го мая вечеромъ. Всѣ залы и комнаты были художественно убраны рѣдкими гобеленами, зеленью и цвѣтами; нѣкоторые изъ нихъ положительно были превращены въ зимніе сады. Въ одной залѣ билъ фонтанъ, освѣщаемый разноцвѣтнымъ электричествомъ. Къ пріѣзду Ихъ Величествъ въ залахъ посольства собрались иностранные принцы, принцессы, Особы Императорской Фамиліи, представители иностраннаго дипломатическаго корпуса, придворные чины и дамы. Все это смѣшалось въ весьма пеструю, но вмѣстѣ съ тѣмъ красивую массу. Часами масса эта дефилировала по заламъ. Оживленіе было всюду. Ихъ Величества были встрѣчены при входѣ посломъ съ супругою и оставались въ посольствѣ до второго часа ночи. Грандіозный балъ у французскаго посла закончился тонкимъ ужиномъ. Во время бала дамамъ были предложены роскошные вѣера и букеты изъ привезенныхъ изъ Франціи цвѣтовъ. Въ общемъ балъ вышелъ замѣчательнымъ; полный оживленія, роскоши, необычайнаго блеска, онъ оставилъ во многихъ неизгладимое впечатлѣніе. Во время бала игралъ оркестръ и пѣлъ хоръ русскихъ пѣвицъ въ роскошныхъ русскихъ костюмахъ. Широкое гостепріимство французскаго посольства было оказано всѣмъ гостямъ. Открытый буфетъ, шампанское, крюшоны, великолѣпный ужинъ, цвѣты гостямъ — все тутъ было. Особенно выдѣлялись столы въ Царскихъ комнатахъ — среди роскошнаго серебра тамъ буквально лежали горы благоуханныхъ цвѣтовъ.

Киргизская духовная миссiя въ Омскѣ

Съ каждымъ годомъ наше миссiонерское дѣло растетъ все болѣе и болѣе. Успѣхи проповѣди Слова Божiя среди инородцевъ, которые нерѣдко цѣлыми семьями принимаютъ христiанство, нынѣ настолько ощутительны, что ихъ трудно не замѣтить. Не малымъ успѣхомъ можетъ похвалиться въ этомъ святомъ дѣлѣ и наша киргизская духовная миссiя, работающая уже около пятнадцати лѣтъ. Эта миссiя, по указу св. синода, открыла свои дѣйствiя въ 1882 году для семипалатинской области, входившей тогда въ составъ томской епархiи и первымъ ея миссiонеромъ былъ, переведенный изъ алтайской миссiи, священникъ Филаретъ Синьковскiй, нынѣ епископъ владикавказскiй и моздокскiй. Сперва первый миссiонеръ имѣлъ свое мѣстопребыванiе въ Семипалатинскѣ и Устькаменогорскѣ, а затѣмъ, съ декабря 1883 года, въ поселкѣ Буконскомъ. Киргизская миссiя до 1895 года находилась въ вѣдѣнiи начальника алтайской миссiи, а съ этого года, по открытiи омской епархiи, перешла въ нее, причемъ начальникомъ миссiи былъ назначенъ архимандритъ Сергiй. До 1889 года миссiя находилась въ составѣ лишь одного буконскаго стана; затѣмъ въ слѣдующемъ году открыты еще два стана — долонскiй и большенарымскiй, въ 1892 г. — шульбинскiй, въ 1894 г. — Александровскiй, атбасарскiй, баянаульскiй и белалачскiй. Въ настоящее время киргизская духовная миссiя имѣетъ восемь становъ, причемъ въ числѣ толмачей и псаломщиковъ есть нѣсколько изъ новокрещеныхъ киргизовъ. При нѣкоторыхъ станахъ, по примѣру старѣйшаго стана буконскаго, открыты миссiонерскiя школы. На одномъ изъ нашихъ рисунковъ представлена группа членовъ киргизской миссiи, состоящая изъ 14 человѣкъ. Другой рисунокъ изображаетъ крещенiе цѣлаго семейства киргизовъ кендырлыкской волости — Iоанна (Токушъ) 28 лѣтъ, жены его Вѣры (Дяней), 18 лѣтъ, и двухнедѣльнаго сына ихъ Сергiя (Базарбай) на рѣчкѣ Жямяней, въ городѣ Зайсанѣ, 17-го сентября 1893 года. Крещенiе совершено миссiонеромъ буконскаго стана священникомъ о. Ефремомъ Елисѣевымъ.

Крещенiе семейства киргизовъ кендырлыкской волости миссiонеромъ священникомъ о. Елисѣевымъ.

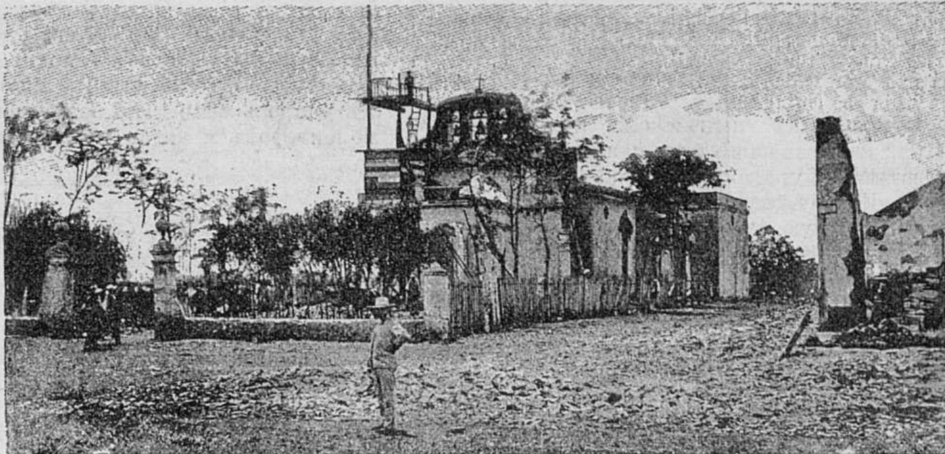
Группа членовъ киргизской духовной миссiи.

Съ фотографiй. Автотипiи Эд. Гоппе.

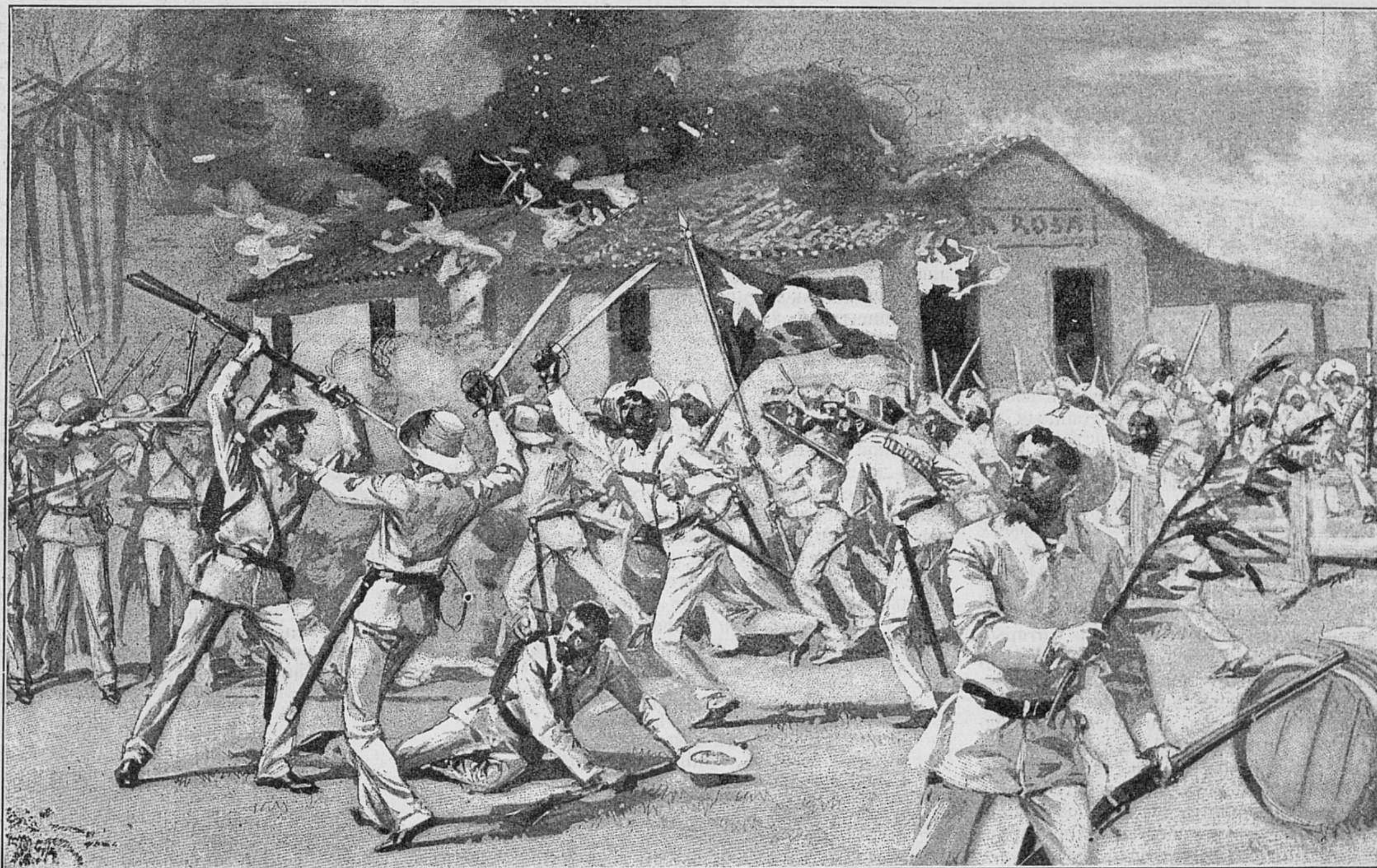
Киргизская духовная миссiя омской епархiи.

Захватъ испанскаго орудія.

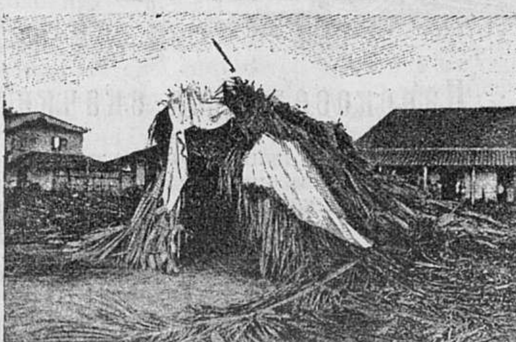

Разрушенная церковь въ Паласіосѣ, нынѣ приспособленная для геліографической сигнальной станціи.

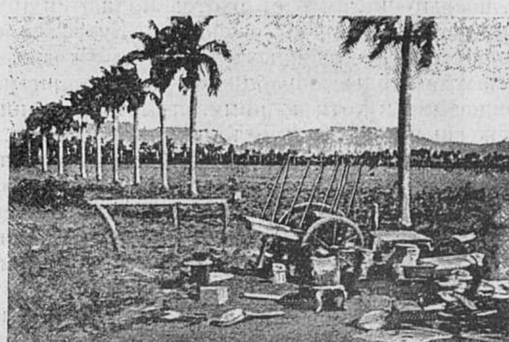

Нападеніе инсургентовъ на отрядъ волонтеровъ подъ командою капитана Карранса, въ гостинницѣ Ла-Роза, въ Санъ-Діего-де-Нуньесъ.

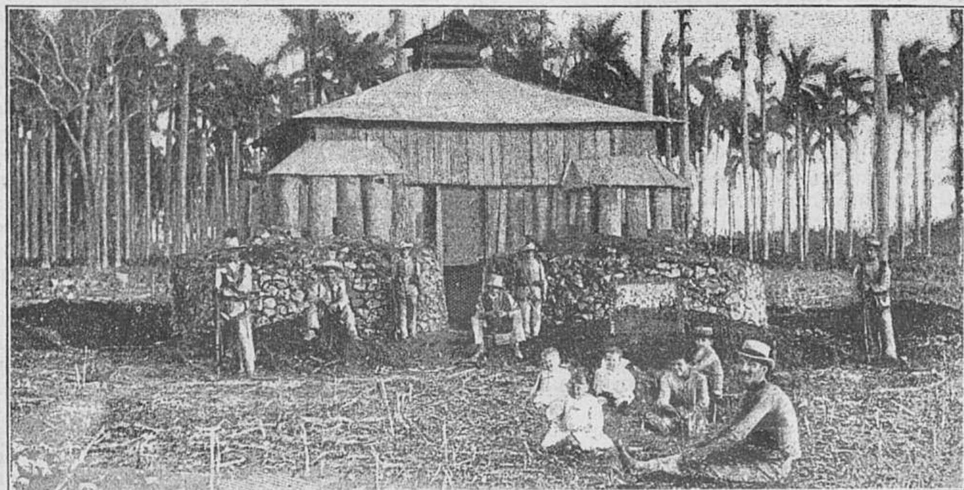

Шалаши, въ которыхъ укрывались бѣжавшіе изъ Санъ-Кристобаля.

Видъ горы Габиначо съ главною квартирою Масео.

Продовольствіе бѣжавшихъ изъ городовъ семей, сложенное вдоль желѣзнодорожнаго полотна.

Группа завербованныхъ.

Америка. О. Куба. Возстаніе туземцевъ противъ испанцевъ. — Движеніе испанскихъ войскъ вдоль по Трочѣ.

Отъ штиля къ урагану

Картина И. К. Айвазовскаго

Помѣщенная въ нынѣшнемъ нумерѣ „Всем. Илл.“ картина нашего знаменитаго мариниста „Отъ штиля къ урагану“ была на 120-й выставкѣ картинъ И. К. Айвазовскаго, а нынѣ отправлена на всероссійскую промышленную и художественную выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ. И въ этой картинѣ нашъ несравненный художникъ является тѣмъ же вдохновеннымъ поэтомъ моря, глубоко понимающимъ его и во время безвѣтрія и въ моменты бури. Впрочемъ, о талантѣ И. К. Айвазовскаго вообще и о его разработкѣ различныхъ типовъ маринъ у насъ достаточно говорилось и потому намъ остается только пригласить читателя полюбоваться настоящей картиной, украшающей собою художественный отдѣлъ выставки.

Возстаніе на островѣ Кубѣ

Возстаніе на Кубѣ все еще держится такъ твердо, что въ настоящее время невозможно и предвидѣть его окончанія. Какъ и всегда во время усобицы, населеніе жестоко терпитъ съ обѣихъ сторонъ; овладѣютъ мѣстностью правительственныя войска — тотчасъ начинается яростное преслѣдованіе всѣхъ заподозрѣнныхъ въ сочувствіи повстанцамъ; восторжествуютъ эти послѣдніе — опять таки отъ населенія требуется категорическій отвѣтъ на вопросъ—за кого оно—за Кубу или за Испанію? Повстанцы твердо укрѣпились въ горахъ, гдѣ ихъ, сколько можно судить по газетнымъ извѣстіямъ, испанцы не очень безпокоятъ; чаще нападеніе идетъ со стороны повстанцевъ, чѣмъ наоборотъ. Испанцы теперь возлагаютъ большія надежды на оборонительные линіи, которыми они прорѣзали весь островъ. Эти линіи, по мѣстному названію „тропы“ (trocha) состоятъ изъ укрѣпленныхъ фортовъ и военныхъ постовъ, отстоящихъ на недальнемъ разстояніи одинъ отъ другого. Испанцы и ихъ приверженцы твердо вѣрятъ, что эти линіи столь же надежны какъ китайская стѣна, и что повстанцы ни за что не прорвутся черезъ нихъ. Мѣстами, особенно около желѣзнодорожнаго пути проведены изгороди изъ колючей проволоки, которыя тоже кажутся кубанцамъ неодолимою преградою; правда, эти изгороди одно время сильно пропагандировались даже у насъ, на страницахъ „Земледѣльческой Газеты“, ибо, несомнѣнно, представляютъ собою прекрасное защитное средство отъ нашествія скотины; но сдержать ли они съ такимъ же успѣхомъ инсургентовъ—судить не беремся. Во всякомъ случаѣ, возставшіе кубанцы еще и не думаютъ унывать. Они, правда, въ силу исключительнаго своего положенія—на островѣ среди открытаго океана — отрѣзаны отъ всего міра; это чрезвычайно затрудняетъ для нихъ запасаніе военныхъ снарядовъ; однако, на выручку имъ съ охотою являются друзья и приверженцы идеи „свободной Кубы“, пребывающіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Отсюда снаряжаются цѣлые корабли съ добровольцами и припасами, и хотя за ними слѣдятъ испанцы и рѣдко прозѣвываютъ ихъ, но, можно думать, что нѣкоторая часть этой контрабанды все-таки успѣваютъ пробраться сквозь дозорную линію. Впрочемъ, что касается до военныхъ припасовъ, то повстанцы добываютъ ихъ самымъ мирнымъ образомъ ни отъ кого иного, какъ отъ самихъ своихъ враговъ, просто на просто покупаютъ патроны отъ испанскихъ солдатъ, и тѣ продаютъ. Корреспондентъ „Harper's Weekly“ съ удивленіемъ передаетъ о сценахъ этой торговли, которыя онъ наблюдалъ на рынкахъ. Къ торговцу или торговкѣ подходитъ испанскій солдатъ и начинаетъ приторговывать сыръ или фрукты. Торговецъ объявляетъ какую нибудь слишкомъ высокую цифру, солдатъ поднимаетъ бурю ругани, а торговецъ, чтобы покончить дѣло мирно, оглядывается кругомъ, убѣждаясь, что нигдѣ по близости нѣтъ офицера, и предлагаетъ свой товаръ... за два, за три патрона. Такимъ путемъ, медленно и постепенно, идетъ передвиженіе патроновъ изъ сумокъ испанскаго войска въ сумки инсургентовъ. Иногда послѣдніе вызнаютъ о большомъ транспортѣ боевыхъ припасовъ, отправляемомъ куда нибудь испанскимъ правительствомъ. Пользуясь своимъ знаніемъ мѣстности, повстанцы подкарауливаютъ поѣздъ съ военнымъ грузомъ въ самомъ опасномъ для него мѣстѣ, нападаютъ на него и отбиваютъ нужные имъ припасы. Недавно, напримѣръ, было сдѣлано очень удачное нападеніе на такой поѣздъ, шедшій изъ Гаванны въ Батабано; близь Посо Редондо повстанцы, подъ командою Гверры и Діаса, отбили этотъ поѣздъ отъ испанцевъ. Болѣе значительныя стычки послѣдняго времени происходили около деревни Санъ-Діего де-Нуньесъ и въ окрестностяхъ штабъ-квартиры капитана Карранса, въ Бодега-де-ла-Роса; въ послѣдней схваткѣ удалось захватить вооруженіе цѣлаго отряда волонтеровъ и около пяти тысячъ патроновъ.

Стрекоза

Къ картинѣ Р. Бейшлага

Съ испоконъ вѣка поэзія, стремящаяся украсить все окружающее, живетъ въ разладѣ съ суровой дѣйствительностью, но никогда еще это противорѣчіе не выступало такъ рѣзко, какъ въ современную эпоху, когда строгая наука все безжалостнѣе разрушаетъ сладкія иллюзіи. Тѣмъ не менѣе поэтическія натуры охотно убѣгаютъ отъ шумной лихорадочной дѣятельности повседневной жизни въ старинное волшебное царство сказокъ и легендъ, куда съ радостью вводятъ ихъ поэты и художники. Всѣ мы знаемъ, что стрекоза съ ея радужными крылышками и граціознымъ полетомъ, которой нѣмецкое простонародье дало названіе водяной нимфы, потому что она постоянно держится около воды, вовсе не такое безобидное, невинное созданіе, какимъ выставляетъ ее искусство поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ. Стрекозу гораздо основательнѣе причислить къ разряду хищныхъ насѣкомыхъ, а ея колеблющійся полетъ, когда она, будто играя, порхаетъ по воздуху, есть нѣчто иное, какъ усердная погоня за другими, болѣе слабыми насѣкомыми, которыхъ она истребляетъ съ ненасытной жадностью. Хотя наука указываетъ намъ, что стрекоза преслѣдуетъ преимущественно вредныхъ насѣкомыхъ, но какъ непоэтично такое превращеніе безобиднаго на видъ, маленькаго созданія, съ его какъ будто беззаботной рѣзвостью, въ гоняющагося за добычей хищника! Однако поэтамъ и художникамъ нѣтъ дѣла до такого противорѣчія и тѣ, кого увлекаютъ и сладко баюкаютъ ихъ граціозные вымыслы, всегда будутъ видѣть въ веселыхъ существахъ, кружащихся, летающихъ и толкущихся въ полѣ, въ лѣсу, въ рощѣ и на межѣ, обитателей чуднаго сказочнаго царства, которымъ каждый можетъ придать по своему вкусу и фантазіи, поэтическую и иносказательную форму. Слѣдовательно поэтъ правъ, когда поетъ, подражая пѣсенкѣ Грабена-Гоффмана:

...Стрекозѣ не надобно трудиться,
Ни копить, удѣлъ ея рѣзвиться;
Пищей служитъ ей цвѣточный ароматъ,
Чистый воздухъ, яркій солнца свѣтъ;
У нея заботъ, печалей нѣтъ...

Царскосельскія скачки

Въ четвергъ, 6-го іюня, на четвертый день лошади скакали съ очень недурною рѣзвостью; начались скачки, какъ всегда, съ барьерной на 2 версты. Призъ съ подписными 1045 рубл. Первый призъ взяла „Паника“ С. Л. Носовича, въ 3 м. 26 сек., на три корпуса отъ нея пришла „Миньона“ Н. А. Лисаневича (ѣздокъ В. Н. Ростовцевъ). Стипль-чезъ, при разстояніи около 3 верстъ разыгрался тоже между тремя лошадьми и лучше другихъ здѣсь была „Карресъ“ К. К. Гноинскаго, окончившая скачку въ 4 м. 19 с. и получившая 386 рубл.; на корпусъ отъ нея была „Копѣйка“ Д. Ф. Лукашевича, третьей пришла „Клорендъ“ К. К. Мамонтова. Добавочную гладкую скачку, на 2 версты, выиграла „Гольконда“ Л. К. Булатовича, (ѣздокъ А. А. Павловъ); пришла она въ 2 м. 36 сек., бросивъ на 1/2 корпуса „Руа-де-Лагора“, барона В. Н. Ренне, 1-й призъ здѣсь былъ 338 рубл.; второй — 87 рубл. Большой стипль-чезъ на призъ 1.060 рубл., дистанція около 4 верстъ, скакало четыре лошади; изъ нихъ съ первымъ призомъ оказался „Тукай“, В. Н. Ростовцева, пришедшій въ 5 м. 14 с.; на два корпуса отъ него была „Джоя“ гг. Лукашевича и Задонскаго, (ѣздокъ М. П. Целибѣевъ). Пятую гладкую скачку, выиграла „Крелотъ“ В. В. Морксзова, пройдя 1 1/2 версты въ 1 м. 50 с. и получивъ 338 рубл.; вторымъ на два корпуса отъ нея былъ „Гунерсмаръ“ С. Л. Носовича. Шестую гладкую скачку при дистанціи на 2 версты взялъ „Лео“ С. Л. Носовича въ 2 м. 31 с. (ѣздокъ баронъ В. Н. Ренне): вторымъ, на полкорпуса отъ него оказался „Дедюлисъ“, (ѣздокъ фонъ-Крумъ). Послѣднею въ этотъ день была барьерная скачка съ дистанціей на 2 версты и 100 саж. Первый призъ 414 рубл. взялъ „Зевесъ“ В. А. Лисаневича въ 3 мин., на 4 корпуса отъ него пришла „Акватина“ и третьей была „Леди-Лайкъ“ К. И. Глиноецкаго (ѣздокъ П. К. Гноинскій).

Пятый день скачекъ, въ воскресенье, 9-го іюня, отличался еще большимъ интересомъ, чѣмъ предыдущіе дни; въ этотъ день разыгрывался почетнѣйшій изъ призовъ сезона, призъ Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, достигавшій суммы въ 5.400 рубл.; оспаривало его семь лошадей; состязаніе было скачка съ препятствіями при дистанціи на три версты; взялъ 1-й призъ „Тукай“ В. Н. Ростовцева (ѣздокъ самъ владѣлецъ) въ 2 м. 40 с.; на полкорпуса отъ него пришелъ вторымъ „Вераксъ“ барона В. Н. Ренне, третьей была „Гарда“ г. Носовича и четвертой „Эллисъ“ А. К. Туганова. Въ этотъ же день разыгрывалось еще семь призовъ. Первый барьерный съ дистанціей на 2 версты и 100 саж., призъ 515 рубл., выигралъ „Вводный-Листъ“ Д. Ф. Лукашевича и С. А. Задонскаго (скакалъ на немъ М. П. Целибѣевъ); онъ пришелъ въ 2 м. 56 с.; второй призъ достался „Лестоку“ К. К. Мамонтова. Гладкую скачку на три версты оспаривали двѣ конюшни С. Л. Носовича и В. Θ. Меринга — побѣда осталась за первой конюшней, представитель ея „Лео“ пришелъ въ 3 м. 55 с., вторымъ въ двухъ корпусахъ отъ него былъ другой одноконюшникъ—жеребецъ „Форашъ“, такъ что весь призъ съ подписными 1.060 рубл. достался С. Л. Носовичу. Другую гладкую скачку на двѣ версты оспаривало семь лошадей; первый призъ получилъ „Гунерсмаръ“ С. Л. Носовича, бросившій на двадцать корпусовъ если не больше „Мюрата“ А. Ведерникова. Призъ съ подписными здѣсь былъ 440 рубл. Барьерную скачку на 3 версты, съ призомъ 860 рубл. изъ числа четырехъ лошадей выиграла „Паника“ С. Л. Носовича въ 4 м. 17 с., на корпусъ отъ нея пришла „Крелотъ“ В. В. Моркозова. Стипль-чезъ на 3 версты съ призомъ въ 620 рубл. выиграла въ 4 м. 15 с. „Джоя“ Д. Ф. Лукашевича и г-жи Задонской; на корпусъ отъ нея оказался „Альстеръ“ барона О. Б. Вольфа (ѣздокъ-владѣлецъ); третьей оришла „Карессъ“ К. К. Гноинскаго (ѣздокъ П. К. Гноинскій). Добавочная барьерная скачка на 2 версты разыгрывалась тоже между четырьмя лошадьми. Лучше другихъ здѣсь былъ „Призракъ“ С. В. Шишкина (ѣздокъ-владѣлецъ); второй призъ получилъ „Фальстафъ“ В. К. Варгунина, оказавшійся въ двухъ корпусахъ. Послѣдняя въ этотъ день добавочная гладкая скачка на 2 версты нашла пять лошадей. Съ первымъ призомъ (338 рубл.) неожиданно оказалась „Мерцхала“, лошадь кавалерійской офицерской школы, пришедшая въ 2 м. 37 с.; второй призъ достался „Калуджѣ“ С. В. Шишкина, бывшей отъ нея въ пяти корпусахъ и третьимъ пришелъ „Каракалъ“ А. К. Булатовича.

М. И. П.

Новости печати

— Новое произведеніе Марка Твена. Маркъ Твенъ написалъ недавно книгу, какой никакъ нельзя было бы ожидать отъ юмориста. На дняхъ она поступитъ уже въ продажу подъ заглавіемъ: „Личныя воспоминанія о Жаннѣ д'Аркъ. Въ предисловіи „mer Louis Le Conte“ (избранный въ данномъ произведеніи псевдонимъ автора) разсказываетъ, что онъ съ большой старательностью изучалъ исторію Жанны д'Аркъ, и это изученіе воодушевило его „религіознымъ почтеніемъ“ къ героинѣ французскаго народа.

Астрономія

— По поводу полнаго солнечнаго затмѣнія въ 1896 году. Солнечное затмѣніе, которое видно будетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы, вполнѣ наблюдать можно будетъ въ Норвегіи, въ мѣстечкѣ Вадзэ (Vadsö), нѣсколько восточнѣе Сѣвернаго мыса (въ фіордѣ Варангеръ). Полное затмѣніе наступитъ 9-го августа (н. ст.), утромъ въ 5 ч. 55 м. и 37 сек. Въ Англіи подъ эгидою двухъ обществъ („Royal Society“ и „Royal Astronomical Society“) образовался комитетъ, который подготовляетъ экспедицію къ Сѣверному мысу. Пароходъ уже нанятъ. Желающіе получить болѣе точныя свѣдѣнія объ этой экспедиціи и принять въ ней участіе могутъ за свѣдѣніями обращаться: 1) въ Лондонъ, въ міровую контору „Henry Gaze et Sons“, и 2) въ Вѣнѣ, въ международное бюро Шенкера и Kº (Schenker et Comp.), Шоттенрингъ, № 3.

— Новая планета. Гейдельбергскій профессоръ Максъ Вольфъ открылъ, съ помощью фотографіи, новую планету; это — двѣнадцатая планета, открытая въ нынѣшнемъ году. Общее число извѣстныхъ теперь планетъ достигаетъ съ нею 421.

Медицина и гигіена

— Обществомъ охраненія народнаго здравія во время выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ предположено устроить бесѣды, главнымъ образомъ, для учителей и учительницъ народныхъ школъ, пріѣзжающихъ на выставку. Помимо мѣстныхъ лекторовъ, изъявилъ уже согласие принять участіе въ веденіи этихъ бесѣдъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ с.-петербургскаго общества охраненія народнаго здравія докторъ А. С. Виреніусъ. Имѣется въ виду пригласить, именно, для веденія бесѣдъ извѣстныхъ земскихъ врачей: Д. Н. Жбанкова и В. Д. Ченыкаева и другихъ лицъ. Пока намѣчены бесѣды: по школьной гигіенѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ,—объ уходѣ за дѣтьми до школьнаго возраста, о заразныхъ болѣзняхъ, о популярныхъ медицинскихъ книжкахъ и проч.

Естествовѣдѣніе

— Продолжительность жизни животныхъ до сихъ поръ еще точнымъ образомъ не выяснена. Медвѣдь и волкъ не живутъ болѣе двадцати лѣтъ; лисица совсѣмъ уже хилѣетъ въ четырнадцать лѣтъ, а хищные звѣри тропическихъ странъ сравнительно очень долговѣчны. Въ лондонскомъ зоологическомъ саду одинъ изъ львовъ прожилъ въ своей клѣткѣ болѣе шестидесяти лѣтъ, несмотря на то, что его кормили дурнымъ мясомъ и въ особенности булками и вообще мучною пищею, къ которой львиный желудокъ непривыченъ. Зайцы и векши живутъ отъ 8 до 10 лѣтъ, свиньи столько же; козы и овцы не болѣе 15 лѣтъ, быки 35 лѣтъ, лошади—столько же. Нѣкоторыя собаки, особенно же комнатныя, доживаютъ иногда до 20 и 25 лѣтъ, кошки совсѣмъ уже дряхлѣютъ въ 15 лѣтъ и проводятъ дни и ночи въ постоянной спячкѣ. Замѣчательно, что слонъ чрезвычайно долговѣченъ. Утверждаютъ даже, будто онъ живетъ 300, 400 лѣтъ. Древніе историки разсказываютъ, что Александръ Македонскій, послѣ побѣды, одержанной имъ надъ индійскимъ царемъ Пиромъ, посвятилъ Богу солнца одного изъ слоновъ Пира, храбро сражавшагося въ переднихъ рядахъ, и назвалъ его Аяксомъ. Затѣмъ онъ далъ ему свободу, наложивъ на него клеймо, и черезъ 350 лѣтъ послѣ смерти Александра клейменый слонъ еще здравствовалъ. Другое крупное животное тропическихъ странъ, носорогъ, покрытый толстѣйшей кожей, живетъ не болѣе 25 лѣтъ. Киты, если вѣрить поморамъ, промышляющимъ ихъ ловлею, живутъ до 1.000 лѣтъ. Долговѣчностью особенно надѣлены нѣкоторые изъ представителей царства пернатыхъ, какъ, напримѣръ, попугаи, орлы и пеликаны, доживающіе до ста лѣтъ и болѣе. Во Флоренціи одинъ попугай пережилъ въ одномъ и томъ же семействѣ три поколѣнія, а въ Вѣнѣ еще недавно умеръ отъ старости орелъ, которому было 103 года.

Исторія, археологія

— О столичныхъ и большихъ городахъ древняго міра въ современномъ обществѣ установились невѣрныя понятія. Вообще принято почему-то думать, что городовъ съ величественными постройками въ глубокой древности вовсе не существовало, и что восхваляемые древними писателями города въ наше время казались бы жалкими и ничтожными. Однако болѣе основательное изученіе античнаго міра и въ особенности археологическія раскопки послѣдняго времени доказали совершенно противоположное. Что прежде всего бросается въ глаза при внимательномъ изученіи архитектуры древнихъ городовъ, такъ это огромная высота построекъ. Римъ временъ Цезарей отличался такими же башенной высоты домами, какъ и современный намъ американскій городъ Чикаго. Въ Вавилонѣ имѣлось немало четырехэтажныхъ зданій; общественныя постройки древнихъ индусовъ были, большею частью, семиэтажныя, въ Карѳагенѣ — шестиэтажныя. Въ древнемъ Римѣ страсть къ высокимъ зданіямъ дошла до того, что полицейскій надзоръ за городскими постройками въ концѣ-концовъ вынужденъ былъ запретить навсегда постройки зданій, вышина которыхъ превышала двадцать метровъ, т. е. не выше пяти этажей. Въ Царьградѣ, въ блестящую эпоху византійской имперіи, около 500 лѣтъ послѣ Рожд. Хр., имѣлись общественныя зданія въ 100 футовъ, т. е. свыше 14 саж. вышины; въ этой столицѣ 10 и 12-этажные дома были весьма нерѣдки. Единственное неудобство жизни въ городахъ того времени заключалось въ отсутствіи достаточно широкихъ улицъ. Римъ въ особенности отличался этимъ недостаткомъ. Двѣ наиболѣе оживленныя улицы — Vicus Fuscus и Vicus Ingarius — имѣли ширину: первая $4^1/_2$, а вторая $5^1/_2$ метровъ. Принимая во вниманіе, что большинство домовъ было построено изъ дерева, можно представить себѣ, съ какою опасностью въ пожарномъ отношеніи была сопряжена жизнь въ Римѣ. Къ этому присоединялся еще невообразимый безпорядокъ, существовавшій въ отношеніи движенія по этимъ тѣснымъ улицамъ, не освѣщавшимся по ночамъ. Впрочемъ, и днемъ не легко было отыскать чей либо домъ, потому что надписей названій улицъ и домовъ нигдѣ не имѣлось.

Торговля, промышленность

— Образцовыя червоводни. Для ознакомленія крестьянъ съ раціональными пріемами червокормленія, съ цѣлью поднятія шелководства, министерство земледѣлія намѣтило устройство ряда образцовыхъ черводенъ, въ которыхъ крестьяне, знакомые уже съ червокормленіемъ, могли бы усваивать раціональные пріемы выкормки червей. Подобныя червоводни предполагается передвигать изъ одного села въ другое, чтобы такимъ образомъ дать возможность крестьянамъ всего района ознакомиться съ червокормленіемъ.

— Разведеніемъ пауковъ, какъ особымъ видомъ промышленности, занимается нѣкто Грантеръ въ Филадельфіи, у котораго ихъ собрано болѣе 10.000 всевозможныхъ сортовъ. Оказывается, что Грантеръ продавалъ ихъ виноторговцамъ, по 50 фр. за сто штукъ; виноторговцы помѣщали ихъ въ своихъ погребахъ для того, чтобы покрывать паутиною бутылки и тѣмъ удостовѣрять ихъ давность, что достигалось черезъ 2—3 мѣсяце послѣ пребыванія пауковъ въ винномъ подвалѣ.

Аэронавтика

— Аэростатъ „Генералъ Ванновскій". Не такъ давно, а именно 10-го мая, при ясной и теплой погодѣ и слабомъ вѣтрѣ, съ площадки учебнаго воздухоплавательнаго парка (на Волковомъ полѣ), поднялся большой аэростатъ „Генералъ Ванновскій", принадлежащій военному вѣдомству. Въ полетѣ участвовали начальникъ воздухоплавательнаго кадра гвардіи капитанъ Ковалько и два офицера, гг. Дурново и Дамбергъ. Шаръ, размѣромъ въ 1,000 куб. футовъ, наполненъ водородомъ посредствомъ особаго аппарата, изобрѣтеннаго техникомъ воздухоплавательнаго парка. Путешественниками взяты съ собой: барографъ, барометръ, 2 аппарата для измѣренія высотъ, географическія карты и пр. Для регулированія спуска воздухоплаватели взяли съ собою 14 мѣшковъ съ пескомъ, по 1 пуду вѣса въ каждомъ. Шаръ, поднявшись на высоту до 1.500 метровъ, понесся по направленію къ сѣверо-западу. Въ этомъ направленіе онъ продолжалъ полетъ, подвигаясь впередъ чрезвычайно медленно, такъ что въ продолженіи $4^1/_2$ часовъ едва прошелъ около 40 верстъ. Въ $5^1/_2$ час. аэронавты, израсходовавъ весь балластъ, были вынуждены спуститься. Спускъ шара обошелся вполнѣ благополучно. Путешественники очутились въ маленькой деревушкѣ въ Финляндіи, гдѣ съ помощью крестьянъ, собрали шаръ. Шаръ и всѣ бывшіе въ пути приборы на другой день доставлены въ паркъ воздухоплавательнаго кадра.

Промышленность

— Культура какао въ Конго. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій „Société d'agriculture" въ Парижѣ Дыбовскій сдѣлалъ докладъ объ опытахъ разведенія какаоваго дерева въ французскихъ владѣніяхъ Конго (Габунъ) въ теченіе послѣднихъ 5-ти лѣтъ. Ввозъ какао во Францію въ 1865 году достигалъ 7,300.000 киллограммовъ; въ 1894 г. онъ достигъ 28 милліоновъ килограм. Потребленіе поднялось съ 6 милліоновъ до 14, причемъ французскія колоніи поставляли лишь 665.000 килограммовъ. Какаовое дерево требуетъ температуры минимумъ въ 22° С, и годового количества дождя не меньше 1,7—1,8 метра. Плоды снимаются два раза въ годъ съ промежуткомъ въ 6 мѣсяцевъ; но на старыхъ деревьяхъ почти ежедневно идетъ собираніе плодовъ и на такихъ деревьяхъ почти всегда можно найти и цвѣты, и плоды въ одно и то же время. Сто килограммовъ свѣжихъ бобовъ какао даютъ 45—50 килограммовъ сухого какао. Каждое дерево приноситъ ежегодно сухого какао отъ $^1/_{10}$ до 2 килограммовъ.

— Послѣдніе дни Э. Росси. Иностранныя газеты сообщаютъ слѣдующія подробности о послѣднихъ дняхъ Эрнесто Росси. 4-го мая Росси отплылъ на пароходѣ австрійскаго Ллойда „Pandoro" изъ Одессы въ Константинополь. Здѣсь онъ далъ два представленія во дворцѣ въ присутствіи султана и его гарема, слѣдившаго за спектаклемъ изъ-за золотой рѣшетки. Росси чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и во время плаванія изъ Константинополя въ Бриндизи былъ въ отличномъ расположеніи духа и весело бесѣдовалъ со своими спутниками. На пути изъ Фоджіа во Флоренцію, въ спальномъ вагонѣ, съ нимъ сдѣлались страшныя судороги въ сердцѣ. Крича: „я умираю! я умираю!" артистъ метался по спальному вагону, возбуждая во всѣхъ пассажирахъ чувства ужаса и состраданія. Въ Пескаро, послѣдней большой станціи, Росси, которому становилось все хуже, вынесли изъ вагона и помѣстили въ залу, гдѣ онъ, задыхаясь, не переставалъ кричать: „Воздуха! воздуха!" Когда страданія его были не такъ сильны и онъ приходилъ въ себя, великій артистъ утѣшалъ окружающихъ. „Отчего я не умеръ въ Одессѣ, — сказалъ онъ,— я всегда желалъ умереть на сценѣ". Умирающій намекалъ на сильный припадокъ, который случился съ нимъ въ Одессѣ на одномъ изъ представленій „Короля Лира". Съѣхавшіеся въ Пескаро врачи признали положеніе больного почти безнадежнымъ. Въ теченіи трехъ сутокъ знаменитый артистъ былъ между жизнью и смертью. За все это время онъ почти постоянно находился въ безсознательномъ состояніи, но въ бреду декламировалъ свои роли, особенно любимыя имъ мѣста изъ роли Людовика XI.

— Изъ жизни Эрнесто Росси. Знаменитый трагикъ въ первый свой пріѣздъ въ Петербургъ, благодаря пѣвцу Корсову, познакомился съ нашимъ знаменитымъ В. В. Самойловымъ. Самойловъ, вообще, знаменитостей, кромѣ себя, не долюбливалъ. Росси Самойловъ принялъ въ кабинетѣ, одѣтый въ парчевой халатъ.—Я ждалъ васъ! сказалъ ему Самойловъ. Росси немножко изумился такой увѣренности, но промолчалъ. Обѣ знаменитости повели бесѣду сухо и натянуто. Самойловъ владѣлъ и то плохо только французскимъ языкомъ. Росси, конечно, по-русски изъясняться не могъ. Однако, Самойловъ послѣ этого посѣтилъ представленія Росси и впослѣдствіи былъ съ нимъ уже гораздо обходительнѣе

Самъ Росси разсказывалъ въ своихъ мемуарахъ, что нигдѣ онъ такъ не боялся передъ своимъ первымъ выходомъ, какъ въ Петербургѣ. Трагикъ полагалъ, что въ Петербургѣ его никто не пойметъ. Выступалъ онъ въ „Отелло". Къ концу своихъ гастролей Росси уже не хотѣлось уѣзжать изъ Петербурга, такъ очарованъ былъ онъ пріемомъ нашей публики. Подарки полученные тогда, Росси отправилъ въ Ливорно, гдѣ они хранятся въ музеѣ его имени. Передъ проводами артисты, художники и литераторы давали Росси банкетъ. Надо сказать, что приглашенъ впервые нашей дирекціей Росси былъ благодаря графу Адлербергу.

„Іоанна Грознаго" Росси сталъ играть недавно, но мысль объ исполненіи этой роли появилась у трагика еще въ шестидесятыхъ годахъ, когда Росси подружился въ Италіи съ авторомъ Грознаго А. Толстымъ. Росси видѣлъ эту трагедію въ Парижѣ, но не признавалъ французскаго исполнителя Моргимера за хорошій образецъ. Самойлова увидать ему не удалось, и потому трагикъ приписываетъ вполнѣ себѣ созданіе этой роли, тогда какъ остальной репертуаръ онъ создавалъ по образцамъ видѣнныхъ имъ въ молодости знаменитостей.

— Послѣ Клары Шуманъ остался дневникъ ея — Tagebuch-Aufzeichnungen — за сорокъ лѣтъ. Въ виду того виднаго положенія, какое занимала покойная, и сама по себѣ, и по мужу, въ музыкальномъ мірѣ, дневникъ ея заключаетъ въ себѣ интересный и цѣнный матеріалъ для освѣщенія различныхъ сторонъ музыкальнаго развитія въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій.

Бріеръ-де-Лиль генералъ, одинъ изъ выдающихся французскихъ стратеговъ, герой Седана, ранѣе участвовавшій въ Китаѣ и Индо-Китаѣ, генералъ-инспекторъ флота, авторъ многихъ монографій и статей по военному дѣлу, замѣчательный патріотъ, † въ Парижѣ 6 (18)-го іюня, 69 лѣтъ.

Мироновъ Андрей Михайловичъ, издатель газеты „Таганрогскій Вѣстникъ", гласный таганрогской городской думы, членъ городской управы, заступавшій мѣсто городскаго головы, полезный, общественный дѣятель † въ Таганрогѣ 18-го мая, 57 лѣтъ.

Папроцкая Марія, молодая польская писательница, писавшая подъ псевдонимомъ Зничъ, сотрудница „Ежедневнаго Курьера" и другихъ изданій, авторъ нѣсколькихъ талантливыхъ романовъ † въ Луцкѣ, въ срединѣ мая.

Сорокинъ Николай Александровичъ, преподаватель математики въ кіево-печерской гимназіи, членъ кіевскаго физико-математическаго общества, авторъ нѣсколькихъ работъ по своей спеціальности, замѣчательный педагогъ † въ Кіевѣ 5-го іюня, 35 лѣтъ.

Суворовъ Николай Ивановичъ, провинціальный литераторъ, основатель и редакторъ „Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей", знатокъ исторіи и археологіи, авторъ цѣлаго ряда цѣнныхъ изслѣдованій по вологодской старинѣ, членъ многихъ ученыхъ обществъ, † въ Вологдѣ 11-го мая, 81 года.

M-lle Маргарита, укротительница львовъ

Въ настоящее время въ Петербургѣ, въ саду „Новый Эрмитажъ", подвизается пріѣзжая укротительница львовъ, балерина M-lle Маргарита Угальдъ, уроженка Кенигсберга. Она не только заставляетъ звѣрей выдѣлывать различные фокусы и пускаетъ въ ихъ клѣткѣ фейерверкъ, но даже танцуетъ въ ней серпентинъ, поражая и восхищая публику своимъ безстрашіемъ. Относительно укрощенія хищныхъ звѣрей, каковы львы, тигры, леопарды и т. п., въ средѣ непосвященныхъ существуютъ самыя странныя понятія. Такъ, многіе утверждаютъ, будто бы укротитель магнетизируетъ животное своимъ взглядомъ, или втираетъ себѣ въ кожу сокъ одного индійскаго растенія, запахъ котораго имѣетъ особое свойство приводить въ трепетъ звѣрей, или, наконецъ, будто бы онъ входитъ въ клѣтку совершенно голый, такъ какъ видъ обнаженнаго человѣческаго тѣла нагоняетъ на звѣря невообразимый ужасъ. Само собою разумѣется, что все это однѣ нелѣпыя выдумки. Дрессировка хищныхъ звѣрей требуетъ прежде всего полнѣйшей трезвости, необычайнаго терпѣнія, мужества и силы воли. Уговоры и ласковое обращеніе въ большинствѣ случаевъ оказываютъ несравненно болѣе благотворное дѣйствіе, чѣмъ безразсудные побои, хотя иногда и бываетъ необходимо изрѣдка ударить животное. Въ настоящее время въ дѣлѣ прирученія звѣрей выработана извѣстная система. Въ Гагенбекѣ и Кроссъ-Ливерпулѣ существуютъ спеціальныя дрессировочныя заведенія для хищныхъ животныхъ, гдѣ примѣняются строго выработанныя правила, и результатомъ методы, основанной на многолѣтней практикѣ, явилась въ нихъ такъ называемая „приручающая" дрессура въ противуположность „дикой", исключительно примѣнявшейся укротителями еще какихъ-нибудь пять лѣтъ назадъ, но зачастую приносившая большой вредъ животнымъ. Хищные звѣри, привозимые изъ дальнихъ тропическихъ странъ, слишкомъ дорогой товаръ, а „дикая" дрессура быстро губитъ ихъ. По той же причинѣ изобрѣтенный однимъ укротителемъ „электрическій", хлыстъ не могъ войти въ употребленіе. Служа прекрасной защитой человѣку, онъ въ то же время совершенно изнуряетъ животное. Изобрѣтательный англичанинъ Макдональдъ прибѣгалъ, между прочимъ, къ гипнозу, какъ къ средству укрощенія. Въ настоящее же время появилась новая укротительница m-lle Маргарита, красивая и единственная конкуррентка миссъ Севиды (прибѣгающей къ дикой дрессурѣ). Эта балерина исполняетъ модный танецъ „Серпантинъ" посреди великолѣпной группы звѣрей: троихъ львовъ и львицы. Сначала укротительница входитъ въ клѣтку въ полумужскомъ костюмѣ и заставляетъ молодыхъ, но уже взрослыхъ львовъ продѣлывать рядъ интересныхъ и разнообразныхъ фокусовъ. Съ спокойной граціей ложится она на спину одного изъ звѣрей, тогда какъ другой замѣняетъ ей скамеечку для ногъ. По ея приказанію львы влѣзаютъ на стулья, перепрыгиваютъ черезъ барьеры, стрѣляютъ изъ пистолетовъ и послушно совершаютъ другія чудеса звѣриной ловкости. Очень рѣдко который нибудь изъ нихъ заупрямится. Они боятся только прыгать черезъ огненые обручи; прочіе же „нумера" сходятъ замѣчательно гладко. M-lle Маргарита обнимаетъ и нѣжно цѣлуетъ въ морду своихъ страшныхъ воспитанниковъ; кладетъ ихъ головы себѣ на колѣни, суетъ свою руку, а потомъ и голову въ ихъ разинутую пасть, тутъ же кормитъ ихъ сырымъ мясомъ. Въ заключеніе она пускаетъ въ клѣткѣ фейерверкъ, осыпая дождемъ огненныхъ трескучихъ искръ испуганныхъ звѣрей. Исполнивъ все это, укротительница выбрасываетъ изъ клѣтки орудіе укрощенія—хлыстъ и остается въ ней съ пустыми руками. Но это еще не конецъ. Она уходитъ, чтобы переодѣться и возвращается обратно въ длинномъ и широкомъ бѣломъ платьѣ. На аренѣ становится темно; на нее наводятъ лучи переливающагося электрическаго свѣта: краснаго, зеленаго, желтаго и въ этомъ измѣнчивомъ фантастическомъ освѣщеніи, напоминающемъ какую-то фантасмагорію, балерина исполняетъ граціознѣйшіе пируэты, извиваясь и кружась среди газовыхъ волнъ своей одежды. Она похожа на пестраго гигантскаго мотылька, порхающаго надъ цвѣтами, тогда какъ ей со всѣхъ сторонъ грозитъ смертельная опасность. Притихшіе львы въ изумленіи слѣдятъ за ней глазами, точно любуясь этой красивой бабочкой, которая баззаботно кружится надъ бездной.

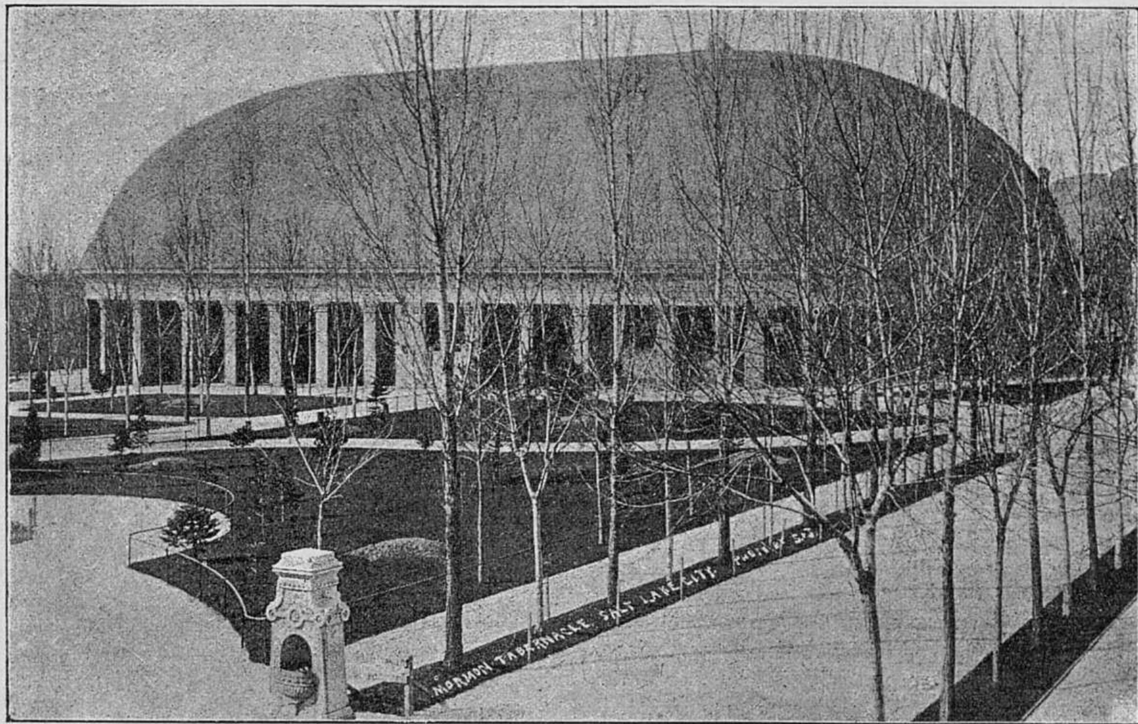

M-lle МАРГАРИТА,
укротительница львовъ, гастролирующая въ Петербургѣ.

M-lle Маргарита, танцующая серпентинъ въ клѣткѣ львовъ.

По фотографіи рисовалъ Альбертъ Рихтеръ.

Мормонскій храмъ въ городѣ Соляного Озера.

НА СОЛЯНОМЪ ОЗЕРѢ

Очеркъ К. ФРАНКА ДЕВЕЯ

На американскомъ континентѣ существуетъ три города, совершенно своеобразныхъ и единственныхъ въ своемъ родѣ: Квебекъ, Сентъ-Августинъ и городъ Соляного Озера (Гретъ-сотъ-лэкъ). Нужно видѣть эту столицу общины мормоновъ, съ ея широкими, прямоугольными улицами, съ системой водопроводовъ, берущей свое начало въ горныхъ источникахъ, съ причудливыми постройками, храмомъ и скинией, чтобы удивляться энергіи и настойчивости Брайгама Юнга, ея основателя.

Тотъ фактъ, что Утахъ (вся область, занимаемая мормонами) была очень рано допущена къ союзу сѣверо-американскихъ государствъ, придаетъ новый видъ мормонскому вопросу. Эта перемѣна гражданскаго строя сказалась уничтоженіемъ полигаміи и территоріальнаго владѣнія. Она породила новыя надежды, новыя стремленія, новыя системы. Упорная распря, продолжавшаяся цѣлые годы между такъ называемыми „язычниками“, невѣрующими и обитателями города Соляного Озера, наконецъ, прекратилась. Вліяніе людей съ обширнымъ кругозоромъ изгладило слѣды порядка вещей, державшаго Утахъ въ теченіе четверти вѣка какъ бы на военномъ положеніи.

Теперь создаются новые политическіе взгляды. Мормонская іерархія утверждаетъ, что съ отмѣною многоженства число послѣдователей ихъ ученія увеличилось. Мормонскіе миссіонеры посылаются въ самыя отдаленныя части свѣта для привлеченія людей въ свою общину и такъ какъ въ настоящее время причина всякой внѣшней вражды устранена, преуспѣяніе здѣсь, повидимому, совершенно обезпечено.

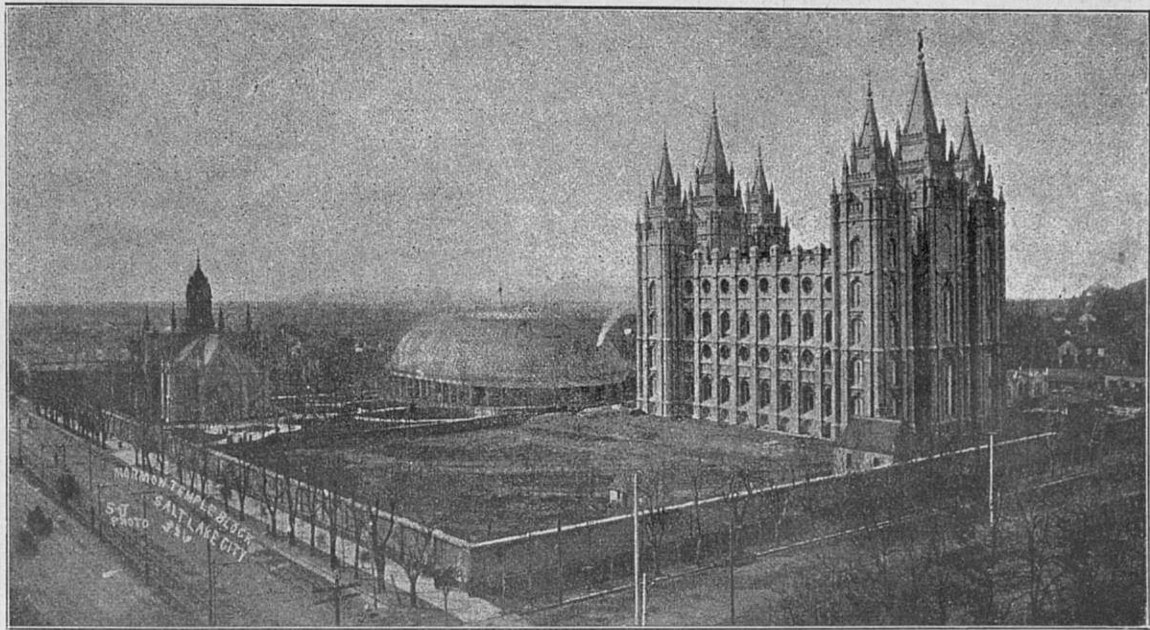
Въ Утахъ совершился какъ соціальный, такъ и политическій переворотъ. Преграды, которыя еще немного лѣтъ назадъ отдѣляли мормоновъ отъ немормоновъ, начинаютъ падать. Послѣдователи другихъ сектъ, если они въ прежнее время держали себя хотя сколько нибудь миролюбиво и дружески относительно мормоновъ, имѣютъ доступъ въ лучшіе кружки мормонскаго общества. Уничтоженіе многоженства раздѣлило мормонскія семейства и создало новыя поселенія. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что великолѣпное зданіе, выстроенное правительствомъ для отставныхъ супругъ въ городѣ Соляного Озера и стоившее громадныхъ денегъ, остается не занятымъ и не единая изъ покинутыхъ женщинъ не ступила туда ногой. Мормонскія лэди, очевидно, предпочитаютъ горевать въ одиночествѣ о потерѣ своего „единственнаго“ супруга.

Образованный классъ мормоновъ отличается необыкновенной общительностью. По заповѣди Брайгама Юнга, его колонисты должны были постоянно трудиться цѣлый день, а вечера посвящать общественнымъ удовольствіямъ. Въ особенности старался онъ поощрять танцы. Въ каждомъ кварталѣ города Соляного Озера находится общественное зданіе, гдѣ есть обширная зала для собраній и танцевъ. Всѣ молодые люди у мормоновъ танцуютъ превосходно; здѣсь также въ ходу музыка и любительскіе спектакли.

Купальня на Соляномъ озерѣ.

Едва ли во всемъ городѣ найдется молодая дѣвушка, которая не получила бы музыкальнаго образованія. Въ школахъ ихъ, считающихся лучшими въ странѣ, непремѣнно преподаютъ музыку; почти каждая молодая мормонка играетъ на фортепіано, на арфѣ или на скрипкѣ. Нѣкоторыя обнаруживаютъ большой талантъ къ музыкѣ и тогда ихъ посылаютъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ Европу. Самая хорошенькая, привлекательная дѣвушка, какой мнѣ уже давно не случалось встрѣчать, милое семнадцатилѣтнее созданіе, похожее на робкую газель, съ цвѣтомъ лица, напоминавшимъ персикъ, съ овальнымъ личикомъ, ру-

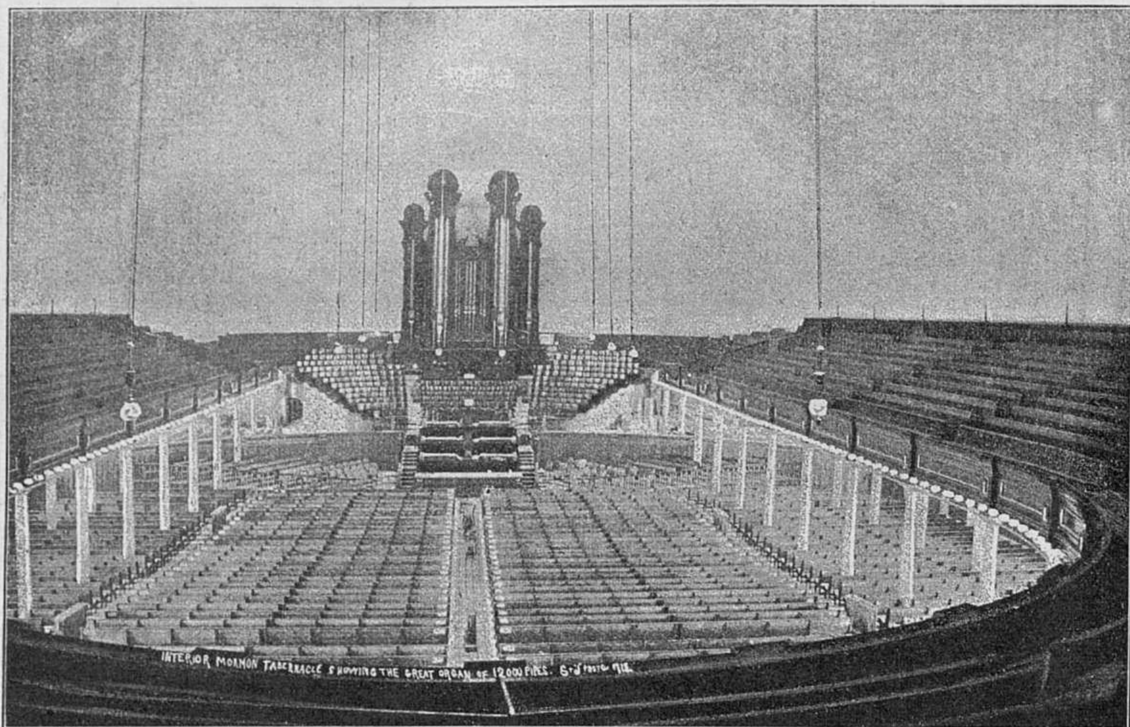

Мормонскій храмъ.

биновыми губками и задумчивыми глазами, оттѣненными длинными густыми рѣсницами, была представлена мнѣ на мормонскомъ балу; она обладала фигурой, въ которой самъ Тиціанъ не нашелъ бы недостатка. Несмотря на свой юный возрастъ, эта дѣвушка слыветъ замѣчательной скрипачкой и въ скоромъ времени должна отправиться въ парижскую консерваторію.

Большой, сооруженный мормонами, органъ въ храмѣ — великолѣпный инструментъ — много способствовалъ музыкальному развитію этихъ людей, совершенно удаленныхъ отъ міра искусства. Хоръ, состоящій изъ пятисотъ человѣкъ, даетъ понятіе о томъ, чего могутъ достичь мормоны въ музыкальномъ отношеніи.

Невозможно пробыть и одного дня въ этихъ мѣстахъ безъ того, чтобы не подивиться изумительной дѣятельности и дальновидному уму Брайгама Юнга. Съ того іюльскаго дня въ 1847 году, когда первый отрядъ странствующихъ мормоновъ проникъ черезъ перевалъ Вазачскихъ горъ и Утахъ Брайгамъ Юнгъ, изнуренный болѣзнью, воткнулъ въ землю свой страническій посохъ со словами: „Вотъ здѣсь мы выстроимъ нашъ храмъ!“ — съ того дня до самой смерти онъ былъ властелиномъ своего народа не только въ строительномъ искусствѣ, но и въ законодательствѣ, его сужденіе оказывалось безошибочнымъ. Не потерявъ дорогою ни единаго человѣка, руководимый только даромъ провидѣнія, привелъ онъ своихъ послѣдователей въ эту страну и основалъ здѣсь поселеніе, несмотря на протестъ пограничнаго гарнизона. Первая скудная жатва колонистовъ была опустошена саранчею; но тутъ съ большого озера налетѣли чайки и пожрали вредныхъ насѣкомыхъ. Въ этомъ Брайгамъ увидалъ чудо и съ тѣхъ поръ чайка пользуется въ Утахѣ такимъ же почетомъ, какъ журавль въ Германіи.

Внутренность мормонскаго храма и органъ.

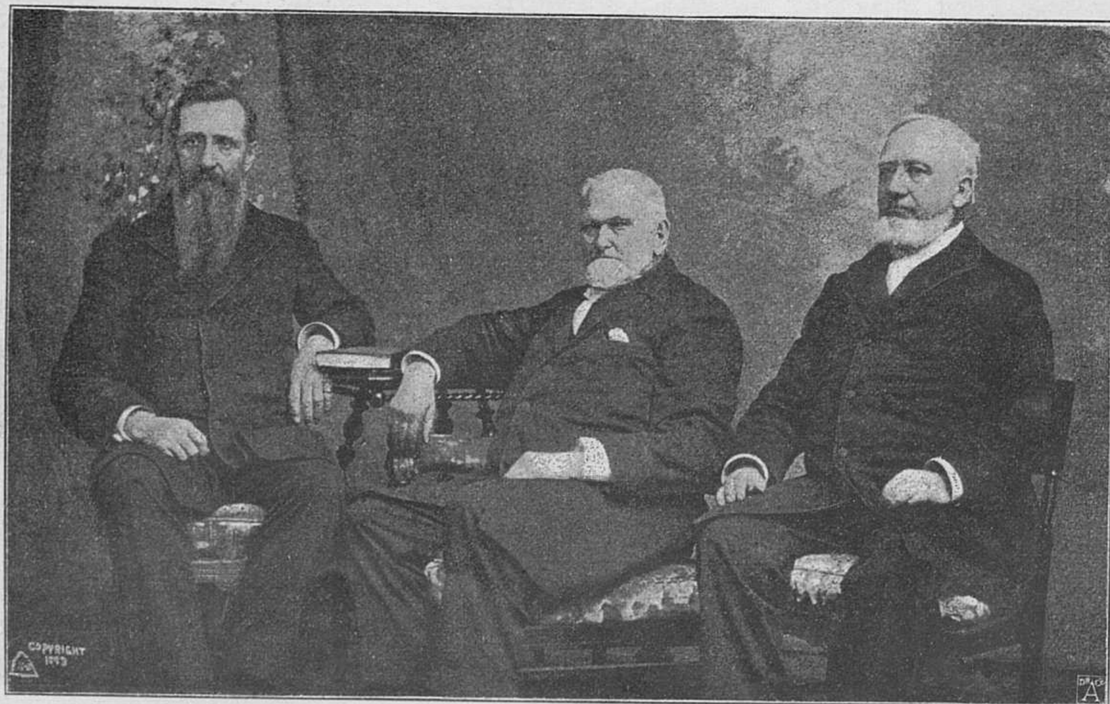
Брайгамъ Юнгъ.

Орлиныя ворота.

Амалія Юнгъ.

Нынѣшніе правители мормоновъ.

Новый храмъ, постройка котораго потребовала сорока лѣтъ и который былъ недавно освященъ, представляетъ собою великолѣпный памятникъ дѣятельности Брайгама Юнга. Стоимость его доходитъ до двадцати милліоновъ марокъ; но при всей внушительности, его архитектура не соотвѣтствуетъ ни одному изъ существующихъ стилей. Онъ единственный въ своемъ родѣ, начиная съ фундамента до позолоченнаго геральдическаго ангела Мароки на самомъ высокомъ шпилѣ башни. Тоже самое нужно сказать объ Орлиныхъ воротахъ и ведущей къ нимъ дорогѣ въ двадцать миль протяженія, о „Пчелиномъ Ульѣ“, о „Львиномъ домѣ“ и о пріютѣ — все это самостоятельныя творенія Брайгама Юнга.

Городъ Соляного Озера съ его шестидесятью тысячами жителей, съ его громадными постройками, парками и храмами, фабриками и жилыми домами — нѣкоторые изъ нихъ вмѣстимостью не больше спальнаго вагона — представляетъ собой образецъ правильно организованной колонизаціи. Кто желаетъ вполнѣ оцѣнить значеніе новаго храма въ архитектурномъ отношеніи, тотъ долженъ посмотрѣть на него съ возвышенности за городомъ. Отсюда онъ поднимается передъ вами въ величавыхъ контурахъ и если ему не достаетъ готической граціи миланскаго собора, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ онъ на зрите-

ля внушительностью своихъ размѣровъ, и какъ бы наполняетъ собою всю долину.

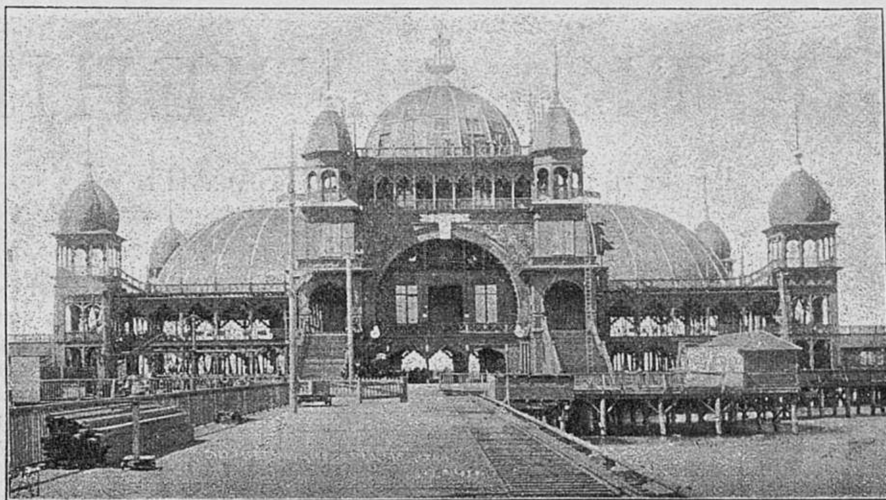
Серьезно прослѣдивъ житейское поприще Брайгама Юнга, нельзя не дивиться этому человѣку. Поставленный въ какое угодно положеніе, онъ всегда выдѣлился бы изъ толпы и сталъ бы вожакомъ другихъ. Какой бы славный воинъ могъ выйти изъ него!

Въ окнахъ магазиновъ въ мормонской столицѣ можно видѣть гравюру на стали, изображающую пророка Джозефа Смита верхомъ на лошади въ мундирѣ командира мормонскихъ войскъ. Какая разница между его рѣзкимъ профилемъ, съ сильно выдавшимся носомъ и строгимъ, энергичнымъ лицомъ Брайгама Юнга, въ которомъ выражается столько твердости! Въ началѣ своей карьеры Юнгъ придерживался правила: „Благоразумнѣе кормить индѣйцевъ, чѣмъ съ ними воевать"!—Когда же оказалось, что дикари непремѣнно хотѣли войны, то онъ уступилъ ихъ желанію.

Еслибъ ему и прежде являлась мысль, что его система недолго устоитъ противъ нападеній извнѣ, то онъ, конечно, съ самаго начала постановилъ бы главной основой своего ученія изолированность общины отъ остального міра.

Обширная долина была его собственностью, а между тѣмъ непринадлежавшіе къ мормонству пріѣзжали сюда и располагались на житье. Каждой религіозной сектѣ, желавшей поселиться въ городѣ Соляного Озера, Юнгъ дарилъ мѣсто для постройки. Католики, открытые враги мормонства, владѣютъ тамъ въ настоящее время великолѣпнымъ благотворительнымъ учрежденіемъ, которое стоитъ на участкѣ земли, спеціально подаренномъ Брайгамомъ Юнгомъ для этой цѣли. Онъ стоялъ за идею проведенія желѣзнодорожной линіи черезъ весь континентъ, прежде чѣмъ народы Востока подумали о томъ, и дожилъ до того, что она была окончена и открыла доступъ въ его столицу враждебнымъ пришельцамъ.

Онъ ввелъ многоженство и защищалъ его, желая увеличенія своей колоніи. Врожденная мудрость конечно подсказывала ему, что это установленіе просуществуетъ недолго, потому что, не говоря уже о неудовольствіи цивилизованнаго міра, которое полигамія навлекала на мормонскую общину, дѣти отъ полигамическихъ браковъ не сочувствовали этой системѣ. Но для него многоженство было признано ученіемъ мормонской церкви, оно служило средствомъ для

Павильонъ Соляного Озера.

быстрой колонизаціи и тотъ фактъ, что самъ онъ оставилъ послѣ себя пятьдесятъ шесть человѣкъ дѣтей, подтверждаетъ практичность этой системы; какъ Фридриху Великому нужны были солдаты, такъ ему были нужны миссіонеры и работники. Между тѣмъ отсюда нельзя выводить заключенія, что его домашняя жизнь была лишена всякой поэзіи. По крайней мѣрѣ, его сватовство къ прекрасной Амаліи Фольсомъ Юнгъ и женитьба на ней представляютъ собою романическій эпизодъ, тѣмъ болѣе если принять во вниманіе, что эта лэди была девятою супругой главы мормоновъ.

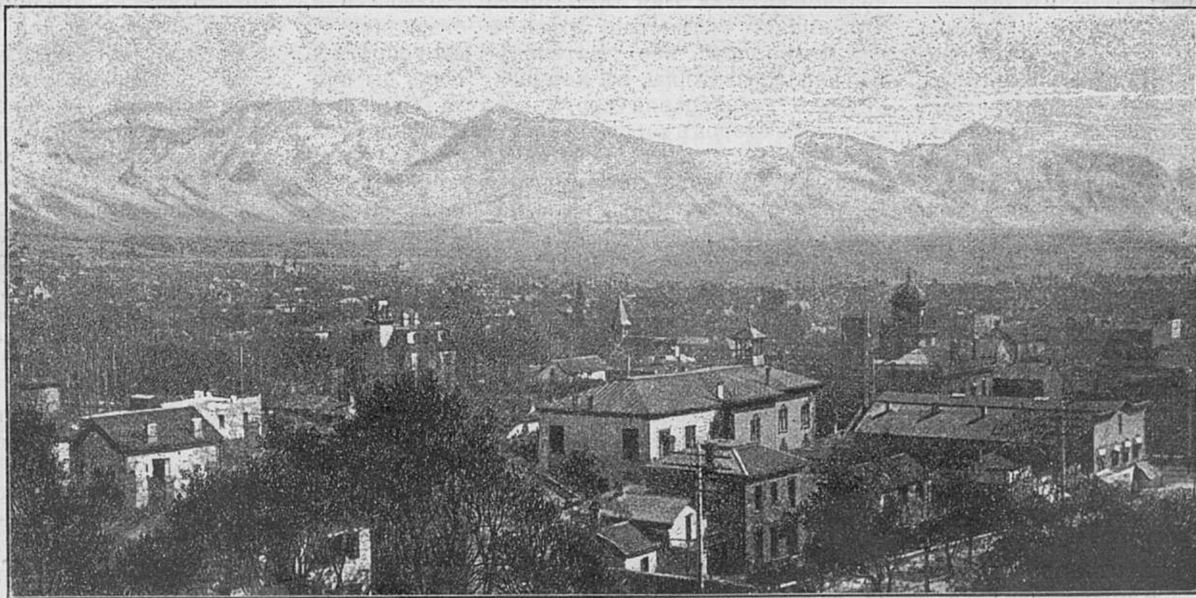
Какъ она сама разсказываетъ. Брайгамъ Юнгъ и его главный совѣтникъ, богатый и могущественный А. К. Кимбалль, имѣлъ обыкновеніе встрѣчать прибывающихъ въ городъ пилигримовъ; такъ было и съ партіей, съ которой пріѣхала на западъ красавица Амалія. Первая встрѣча послужила началомъ романа, дальнѣйшее развитіе котораго сама героиня передаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Я была представлена президенту, прежде чѣмъ мы вступили въ городъ Соляного Озера. Когда мы тамъ поселились, Брайгамъ Юнгъ бывалъ у насъ почти ежедневно, а нѣкоторое время спустя, я стала посѣщать вмѣстѣ съ нимъ общественныя собранія. Была ли у него особая метода ухаживанья? Нѣтъ, онъ дѣйствовалъ также, какъ всѣ влюбленные. Я знала, что у него много женъ, но никогда не спрашивала, сколько именно, и это нимало не охладило моей любви. Три недѣли послѣ свадьбы я еще оставалась у себя и только на четвертую перешла въ „Львиный домъ", жилище президента Юнга Всѣ его жены и дѣти жили тамъ и у каждой жены, не исключая меня, была особая комната. Въ то время наше семейство состояло изъ семидесяти пяти человѣкъ. Мы всѣ обѣдали за однимъ столомъ, за которымъ предсѣдательствовалъ мужъ, а каждое утро и вечеръ собирались въ большой гостиной на общую молитву, также подъ предсѣдательствомъ моего супруга. Сколько разъ послѣ того вступалъ онъ еще въ бракъ? Дважды, насколько мнѣ извѣстно, но онъ не оказывалъ ни одной изъ своихъ женъ явнаго предпочтенія и по смерти оставилъ всѣмъ своимъ вдовамъ одинаковую часть наслѣдства. Считаю ли я многоженство справедливымъ установленіемъ? Конечно, такъ. Правительство объявило его противузаконнымъ и мормонскій народъ обѣщалъ отъ него воздерживаться".

Въ настоящее время мормонская община управляется тремя президентами, которые поименованы здѣсь по ихъ рангу: Вильфордомъ Вудруфомъ, Гео О. Каннономъ и Джозефомъ Смитомъ, племянникомъ основателя общины, Джона Смита. Мистеръ Вудруфъ напоминаетъ умомъ и характеромъ Брайгама Юнга. Это старецъ 87 лѣтъ, со строгими чертами, какимъ я представляю себѣ ветхозавѣтнаго Іоссію; онъ строгій исполнитель закона. Президентъ Каннонъ стоитъ во главѣ тѣхъ членовъ мормонской общины, которые ведутъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Президентъ Смитъ отличается глубокомысленнымъ, сосредоточеннымъ характеромъ и набожнымъ видомъ духовнаго лица. Въ разговорѣ, который я имѣлъ съ нимъ во время моего недавняго пребыванія въ Вашингтонѣ, мнѣ особенно бросилась въ глаза кротость, сквозившая во всѣхъ его рѣчахъ. Я коснулся преслѣдованія мормоновъ за послѣднія десять лѣтъ, причемъ у Смита не вырвалось, однако, ни одного горькаго слова.

Мормоны, живущіе въ Утахѣ, самый терпѣливый и прилежный народъ, какой я когда-либо встрѣчалъ. Брайгамъ Юнгъ постановилъ, чтобы неимущіе, поселявшіеся у него, получали землю, жилище и образованіе и чтобы ихъ главное счастье заключалось въ трудѣ. И вотъ, мы видимъ плоды этой политики: церкви, школы, фабрики, рудники, желѣзныя дороги и повсемѣстное богатство. Такимъ образомъ, въ короткій промежутокъ времени, всего въ пятьдесятъ лѣтъ, возникло въ пустынѣ большое цвѣтущее государство. Слава о немъ и его основателѣ разнеслась по всему міру.

Городъ Соляного Озера.

МАЛЮТКА-МУЧЕНИЦА

Разсказъ ЭМИЛІИ ПАРДО БАСАНЪ

(Съ испанскаго)

Я не поведу здѣсь рѣчи о тѣхъ несчастныхъ дѣтяхъ, о которыхъ и безъ того часто говорится на газетныхъ столбцахъ, о дѣтяхъ, которыхъ полиція подбираетъ поздно ночью на улицахъ, одѣтыхъ въ лохмотья, измученныхъ голодомъ, дрожащихъ отъ холода, исполосанныхъ жестокими ударами и т. п.

У той мученицы, о которой я сейчасъ буду говорить, было безконечное количество самаго тончайшаго бѣлья, вышитаго ея иниціалами съ короной и украшеннаго настоящимъ, нѣжнымъ, какъ морская пѣна, валансьенскимъ кружевомъ. Ей присылали изъ Англіи въ громадныхъ ящикахъ множество платьевъ, всякихъ накидокъ, пальто и шляпъ. За ея столомъ изобиловали самыя питательныя блюда, самыя избранныя вина. Холода она встрѣчала вся укутанная въ пухъ и мѣха, и англійская „chambermaid" мыла ее ежедневно тончайшими мылами и самыми душистыми водами.

Зимой она обитала въ домѣ, похожемъ на маленькій дворецъ, какъ есть весь обложенный дорогими коврами, отапливаемый множествомъ печей и каминовъ. Лѣтомъ жила она въ чудесной виллѣ, на берегу моря, съ садами, паркомъ, бесѣдками, столѣтними деревьями и мраморными богинями, которыя, склоняясь, глядѣли сквозь зеленый покровъ листьевъ ненуфаровъ въ зеркальную гладь прудковъ и озерковъ.

Когда у малютки являлось желаніе прогуляться, къ ея услугамъ всегда во всякое время были ландо или карета; если же она предпочитала сидѣть дома, открывался шкапъ, наполненный самыми рѣдкостными, невиданными игрушками. Изъ этого шкапа, какъ изъ наряднаго вымысла сказки, появлялись разныя чудесныя существа, созданныя современнымъ волшебствомъ: жокей, одѣтый въ голубой бархатъ съ золочеными пуговицами, верхомъ на конѣ, который на самомъ дѣлѣ могъ бѣжать и перескакивать черезъ препятствія; кукла, которая поворачивала голову, открывала и закрывала глаза и избалованно-дѣтскимъ голосомъ пищала: „папа, мама"; другая кукла — плясунья: она держала въ рукахъ обручъ изъ цвѣтовъ, перепрыгивала черезъ него, кувыркалась, танцовала, притопывая ножками, и, наконецъ, кланялась публикѣ, посылая ей воздушные поцѣлуи; была еще электрическая колясочка, акробатъ, обезьянка-скрипачъ, механическій соловей, который пѣлъ, поворачивая голову и поднимая перья, словомъ, всѣ тѣ автоматы, всѣ тѣ подражанія жизни и маріонетки, которыя покупаются за дорогія деньги, чтобы позабавить ими дѣтей богатыхъ родителей.

И, несмотря на все это, утверждаю и говорю вамъ, что малютка, о которой я веду рѣчь, жила и умерла мученицей, и что даже послѣ ея смерти личико ея, окруженное складками тончайшей бѣлой кисеи, еще носило на себѣ явственную печать горькаго и меланхолическаго выраженія, столь изумительнаго въ десятилѣтнемъ ребенкѣ, боготворимомъ родителями и воспитанномъ въ шелку и бархатѣ.

Да, она была мученицей, повѣрьте мнѣ, такой же мученицей, какъ и тѣ многія покинутыя дѣти, которыя, дрожа отъ холода въ зимнія вьюги и морозы, ищутъ себѣ пріюта и убѣжища въ подъѣздахъ или подъ воротами домовъ.

Дочь родителей, потерявшихъ уже было всякую надежду имѣть дѣтей, единственная наслѣдница знатнаго имени и многочисленныхъ громадныхъ имѣній, дѣвочка эта съ первыхъ же лѣтъ своей жизни стала жертвой собственной своей блестящей судьбы. Отецъ и мать—и ему, и ей было уже лѣтъ по пятидесяти — трепетали надъ малѣйшимъ ея движеніемъ, прислушивались къ каждому ея дыханію, тревожно считали всякое біеніе ея маленькаго, невиннаго сердечка и выростили ее такъ, какъ выращиваютъ въ теплицахъ самый рѣдкій цвѣтокъ, которому суждено погибнуть отъ малѣйшаго холоднаго вѣтерка. Спеціально былъ приставленъ къ малюткѣ докторъ, которому было поручено неусыпно слѣдить за всѣми физіологическими ея функціями. Всѣ глотки молока, переходившіе изъ груди кормилицы въ ротикъ ребенка, были тщательно разсчитаны. Самые точные часы указывали минута въ минуту время ея сна, пробужденія, гулянья и одѣванья. Температура воды для мытья ея всегда предварительно измѣрялась термометромъ; по самымъ подробнымъ предписаніямъ и приказаніямъ доктора взвѣшивались на тончайшихъ вѣсахъ ея пища и одежда. Когда у малютки стали прорѣзываться зубки и она въ этотъ кризисъ дѣтскаго возраста стала выказывать безпокойство и нетерпѣніе, весь домъ превратился точно въ какой-то безмолвный скитъ: никто не дерзалъ возвышать голоса, и всѣ ходили на цыпочкахъ, чтобы какъ нибудь не испугать и не разбудить ребенка.

Режимъ этотъ показался гигіеничнымъ и изъ временнаго превратился въ постоянный. Можно было бы подумать, что этотъ домъ былъ храмомъ, воздвигнутымъ въ честь бога молчанія. И дѣвочка, одаренная тѣмъ страннымъ свойствомъ угадыванія, которое подчасъ встрѣчается у нѣкоторыхъ дѣтей, поняла, что шумъ и смѣхъ не найдутъ здѣсь отзвука, и съ той минуты, какъ принялась ходить, она стала молчаливой, сдержанной, послушной, серьезной... такой серьезной и послушной, что было просто тяжело и жалко на нее смотрѣть.

Въ одномъ лишь отношеніи малюткѣ не удавалось выказать покорность. При самомъ искреннемъ желаніи, она не могла щегольнуть румянцемъ, тѣмъ дѣтскимъ румянцемъ, который такъ напоминаетъ спѣлыя красныя яблочки и такъ радуетъ сердце матерей. Ея нѣжная атласная кожа, прозрачная вслѣдствіе малокровія, была вся испещрена синими жилками, и мѣстами на ней проступала легкая желтизна мрамора. Ея голубые — самаго темнаго голубого цвѣта — глаза, имѣли такой глубокій, спокойный и покорный взглядъ. Ротикъ ея казался уже нѣсколько поблекшей и завядшей розой.

Было ли это слѣдствіемъ той заботливости, съ которой старались предохранить ее отъ малѣйшаго впечатлѣнія холода, или же слѣдствіемъ ея малокровія, но зябкость малютки была до того велика, что даже въ теплые, весенніе дни она продолжала ходить въ бѣлыхъ шерстяныхъ платьицахъ, въ бѣлыхъ шерстяныхъ гамашахъ и въ бѣлыхъ же шерстяныхъ перчаткахъ. Когда она проходила мимо — вся въ бѣломъ, стройная, прямая, медленно двигающаяся, спокойная, — веселыя и здоровыя мысли, вызываемыя обыкновенно видомъ дѣтей, уступали мѣсто инымъ мыслямъ — мрачнымъ, говорящимъ о смерти, мыслямъ о монастыряхъ и мавзолеяхъ...

Не думайте, чтобы родители ея не понимали, что дѣвочка ихъ одна изъ тѣхъ слабо горящихъ лампадокъ, которыя гаснутъ при малѣйшемъ колебаніи воздуха. Они такъ хорошо это понимали, что именно вслѣдствіе этого и старались съ каждымъ днемъ все тщательнѣе закупоривать малѣйшія скважины, въ которыя могла бы проникнуть губительная струя воздуха. Ступайте, со всѣхъ сторонъ хорошенько замазывайте окна, обивайте двери и стѣны, чтобы какъ нибудь не впустить въ домъ незримаго дыханія смерти! Давайте сюда побольше ваты, побольше войлока, сукна, гвоздей, давайте мы какъ можно лучше, какъ можно крѣпче изолируемъ нашего ребенка!..

Когда приподымались тяжелыя занавѣси, дѣвочка по временамъ видѣла изъ окна уличныхъ ребятишекъ, оборванныхъ и грязныхъ, но весело играющихъ. Красныя, смѣющіяся, шумныя, полныя жизни, эти дѣти дразнили другъ друга то бычачьей головой, кой-какъ сплетенной изъ ивовыхъ прутьевъ, то играли въ другую какую нибудь игру, то бросали другъ въ друга камешками и т. д.

Изъ виллы, откуда былъ виденъ весь морской берегъ, дѣвочка, бывало, смотрѣла, какъ сыновья рыбаковъ, тоже шумная уличная дѣтвора, — голые, загорѣлые, быстрые и проворные, точно рыбки — всегда цѣлыми стаями купались, оставаясь часами въ зеленоватой водѣ, ныряя въ ней словно дельфины.

По приказанію доктора и дѣвочка купалась тоже. Ей поставили удобную и просторную купальню: тутъ ее раздѣвали и, укутанную въ тысячу плащей, со всевозможными предосторожностями, передавали на руки купальщику, который окуналъ ее на секунду въ море и тотчасъ же вынималъ обратно. Впечатлѣніе получалось ужасное. Вся кровь приливала къ ея сердцу: трепещущая, съ расширенными зрачками, смотрѣла она на разстилавшуюся передъ ней безграничную зыбь, на эту бездну зеленыхъ и шумящихъ водъ, на эту идущую прямо на нее громадную вогнутую, пѣнящуюся, страшную волну, готовую, казалось ей, поглотить ее. И зубы дѣвочки стучали отъ испуга, и она думала про себя: „О, какъ мнѣ страшно!" Но у нея не вырывалось ни одного вздоха, ни одного крика. Даже и тутъ она не нарушала своего обѣта молчанія. Только потомъ, когда изъ окна она видѣла, какъ шаловливая уличная стая ребятишекъ смѣло возилась въ ужасныхъ волнахъ, играя съ ними точно морскія чайки, малютка-мученица думала про себя: „Откуда у этихъ дѣтей берется такая храбрость?"

Между тѣмъ, улыбаясь во весь ротъ своей зловѣщей улыбкой, смерть приближалась понемногу къ барскому, столь старательно закупоренному, дому. Правда, что смерть не нашла въ немъ никакой скважины или щелочки, черезъ которую она могла бы прямо пройти туда, и ей пришлось пробираться окольнымъ путемъ, черезъ ближайшій чердакъ, откуда она сквозь замочную скважину проскользнула на лѣстницу, встрѣтивъ здѣсь проходившаго мимо доктора, спряталась у него подъ сюртукомъ, оттуда перескочила въ его карманъ, забралась въ спичечницу, и такимъ образомъ, была внесена имъ къ малюткѣ-мученицѣ.

Разныя затрудненія и препятствія, встрѣченныя смертью на ея пути, были причиной того, что она явилась на этотъ разъ нѣсколько утомленной и ослабѣвшей, почему и не выступила сразу смѣло и открыто, а, надѣвъ на себя личину лицемѣрной мягкости и кротости, еще долго промедлила передъ тѣмъ, чтобы унести съ собой бѣднаго ребенка. То время, которое понадобилось смерти, чтобы набраться силы и рѣшительности, оказалось для малютки-мученицы продолжительной, нескончаемой пыткой.

Дѣвочку пичкали всевозможными отвратительными и тошнотворными лекарствами, обкладывали горчишниками и пластырями, прижигали ранки, образовавшіяся въ ея горлышкѣ вслѣдствіе худосочія всего ея организма, словомъ, на ней было продѣлано все, были испытаны всѣ средства. И во все это время бѣдная жертва ни разу не нарушила своего обѣта молчанія, а палачи ея не обратили вниманіе на молчаливую мольбу ея гаснущихъ глазъ... Нѣтъ, эти палачи слишкомъ горячо любили, слишкомъ боготворили ее для того, чтобы упустить хотя бы малѣйшую подробность ея мученической пытки! Только уже въ предсмертную, послѣднюю минуту, когда ей все-таки еще подносили ложку, не знаю ужъ какого тамъ аптекарскаго снадобья, дѣвочка глубоко вздохнула, привстала, три раза отрицательно покачала головой, охватила рученками шею безразсудной своей матери и, прижавшись личикомъ къ ея лицу, прошептала едва слышно: „Открой окно, мама".

Но окно не было открыто, такъ какъ несомнѣнно слова эти были предсмертнымъ бредомъ... Агонія дѣвочки продолжалась недолго. И малютка-мученица, переставъ дышать, лежала на постелькѣ такая красивая, бѣлая, безкровная, съ выраженіемъ на лицѣ той сосредоточенной горечи, какая бываетъ у всѣхъ покидающихъ жизнь, оставляя въ ней еще нѣчто недодѣланное, недосказанное, непережитое, неперечувствованное, то самое нѣчто, что, быть можетъ, и было самой сутью ихъ жизни.

Въ гробу, обитомъ бархатомъ, среди вѣтокъ бѣлой сирени, обдающихъ своимъ аристократическимъ благоуханіемъ, бѣдные останки ребенка взывали о правосудіи, жаловались на медленное убійство. Такъ какъ стояла весна и ночь была теплая, то, желая провѣтрить комнату отъ трупнаго запаха и чада горѣвшихъ восковыхъ свѣчей, люди, бодрствовавшіе у гроба малютки, открыли окна.

Когда въ комнату повѣяло струей благотворнаго, чистаго воздуха, исхудалое личико умершей малютки, казалось, приняло выраженіе спокойствія и отдыха.

Быть можетъ, ей не хотѣлось, не освѣжившись воздухомъ, перейти изъ тѣснаго затворничества ея родительскаго дома въ вѣчное затворничество могилы.

ДУХИ ИЗЪ ЦАРСКИХЪ ФІАЛОКЪ

ДУХИ для платковъ. РИСОВАЯ ПУДРА. МЫЛО.

Изобрѣтеніе ПАРФЮМЕРИ ОРИЗА. Л. ЛЕГРАНЪ, 11, площадь Маделены, Парижъ.

L. Legrand, 11, Pl. de la Madeleine, PARIS

ЗАИКАНІЕ

лечитъ основательно въ спеціальн. заведеніи **Карла Эрнстъ.** Принимаются приходящіе и пансіонеры. **Спб., Невскій пр., 100, кв. 7; лѣтомъ: Шувалово,** финл. ж. д., Михайловская ул., № 3. Руководство къ самообученію 3 р. **Свѣдѣнія безплатно**

ПИШУЩІЯ МАШИНЫ

РЕМИНГТОНЪ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ю. Блокъ

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Кокандъ, Варшава, Екатеринбургъ и Ростовъ на Дону.

МИНІАТЮРНЫЙ АХРОМАТИЧЕСК. БИНОКЛЬ „ЛИЛИПУТЪ"

со шнуркомъ въ замшевомъ кошелькѣ . . . . 8 р. 50 к.

Пересылка за 2 фунта.

„Лилипутъ" удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ для поля, охоты, путешествія или театра большіе тяжелые бинокли.

Предостереженіе: вслѣдствіе усиленнаго спроса на наши универсальные бинокли „Аргусъ" и „Лилипутъ" появились дешевыя, но крайне плохія подделки, поэтому считаемъ долгомъ предупредить гг. покупателей, что настоящіе бинокли нашей фабрики продаются въ Россіи только въ нижеуказанномъ складѣ. Безъ фирмы и фабричнаго клейма—поддѣлка.

Е. КРАУСЪ и К°.

Спеціальная фабрика оптическихъ инструментовъ.

Парижъ, Rue Albouy 21 & 23.
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ:
С.-Петербургъ, Мойка, № 42
(у Полицейскаго моста).

Иллюстрированный прейсъ-курантъ оптич. приборовъ и фотографическихъ объектовъ высылается БЕЗПЛАТНО.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ВСЯКАГО РОДА И ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА РЕКОМЕНД. ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

МОСКВА, Петровка, домъ Волкова. НИЖЕГ ЯРМ Главный домъ № 6.

ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ.

ОБШИРНѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ

СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

До 1000 шт. въ наличности.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ю. Блокъ

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ н/Д.

КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

„Парфюмерія Сѣверная Флора"

Одеколонъ цвѣт. Духи и мыло „Вэра-Віолетъ" и др. запах.

С. А. ПРОКОФЬЕВЪ и К°

ВЪ МОСКВѢ СРЕДНІЕ РЯДЫ 25.

Петербургъ, Невскій 58.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

PASTILLES VICHY-ETAT
aux Sels Naturels extraits des Eaux
Vendues en boîtes métalliques scellées.

COMPRIMÉS de VICHY
aux Sels Naturels extraits des Eaux
pour fabriquer l'Eau minérale artificielle de Vichy gazeuse.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ

ПРОВИЗОРА

Г. Ф. ЮРГЕНСЪ

БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО

ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ

БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

Кус. 50 к. ½ кус. 30 к.

Главный складъ для всей Россіи у **Г. Ф. ЮРГЕНСЪ,** въ Москвѣ.

КРАСКА для ВОЛОСЪ

І. ГОЛЛЕНДЕРА

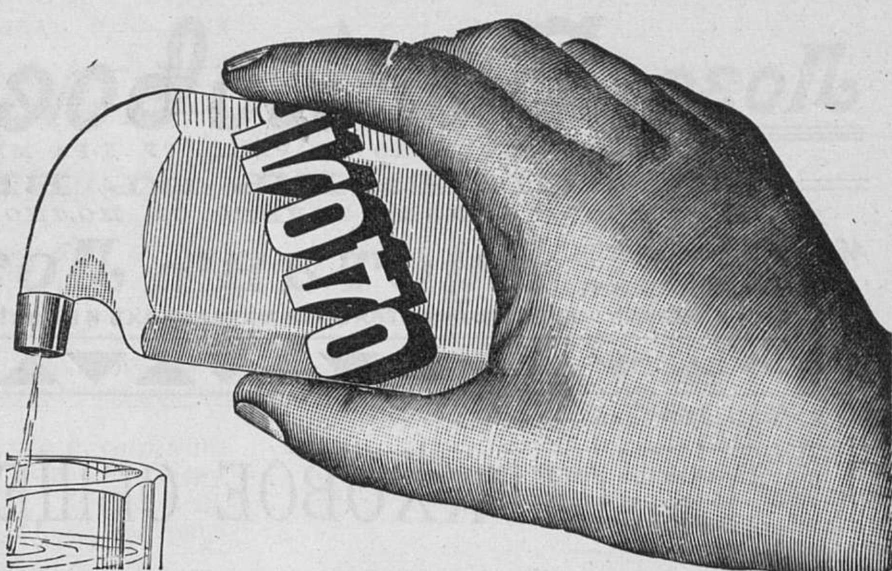
для окраски волосъ въ цвѣта: черный, каштановый и темнорусый. Легкій способъ и скорое окрашиваніе волосъ. Цѣна коробки 1 р. 50 к., съ пересылкою въ Европейскую Россію 2 р. 25 коп.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

С.-Петербургъ, Демидовъ пер., № 1.

ЛУЧШЕЕ ДЛЯ ЗУБОВЪ.

Одоль сохраняетъ зубы.
Одоль уничтожаетъ дурной запахъ изо рта.
Одоль предохраняетъ зубы отъ порчи.
Одоль уничтожаетъ дурной вкусъ во рту.
Одоль очищаетъ полости рта отъ слизы.

Одоль за границей распространенъ въ **МИЛЛІОНАХЪ ФЛАКОНОВЪ.**

Цѣна 1/1 флакона (оригинальный флаконъ-капельница), хватающаго при нормальномъ употребленіи на нѣсколько мѣсяцевъ, **1 Р. 50 К.** Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФОТО-ХЕМИГРАФИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

ИЗГОТОВЛЕНІЕ

ЦИНКОГРАФИЧЕСКИХЪ КЛИШЕ

ПО ВСѢМЪ СПОСОБАМЪ

для печатанія на

ТИПОГРАФСКИХЪ МАШИНАХЪ

съ оригиналовъ, исполненныхъ на тоновой или корневой бумагѣ, карандашемъ, перомъ или тушью, съ фотографій, акварелей, масляныхъ картинъ и проч.

Альбомъ образцовъ моей мастерской можно получить въ моей конторѣ (Вознесенск. пр. 53) за 1 руб. безъ пер. и 1 р. 50 к. съ пер. При заказѣ на клише „Альбомъ" этотъ **выдается безплатно.**

ЭДУАРДЪ ГОППЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

EDUARD HOPPE

53. Вознесенскій пр. 53.

ВТОРОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

стихотвореній А. В. КОЛЬЦОВА

подъ редакціею **П. В. Быкова.**

Роскошное изданіе въ четвертую часть листа, 31 + XX + 140 страницъ.

Цѣна: въ бумажкѣ, въ изящной обложкѣ, исполненной по рисунку *К. О. Брожа*—**1 р. 50 к.**, съ перес. **1 р. 75 к.**; въ роскошномъ переплетѣ, съ золот. тисненіемъ — **2 р. 50 к.**, съ перес. **3 р.**; въ переплетѣ съ золот. обрѣзомъ—**3 р.**, съ перес. **3 р. 50 к.**

Книгоиздательство ГЕРМАНЪ ГОППЕ:

С.-Петербургъ, Садовая. 22

Принцесса Володимірская. Историческій романъ, въ 4-хъ частяхъ, гр. Е. А. Саліаса. Въ 8 д. л. 46 печатныхъ листовъ съ 23-мя рисунками не въ текстѣ. Цѣна 3 руб. 50 коп. безъ пересылки и 4 руб. съ перес.

L. T. PIVER A PARIS

ПАРФЮМЕРІЯ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА

CORYLOPSIS DU JAPON

МЫЛО, ДУХИ, ТУАЛЕТНАЯ ВОДА, РИСОВАЯ ПУДРА, МАСЛА И ПР.

№ 1428 (24) „Всемірной Иллюстраціи" сданъ въ воскресенье, 9-го іюня: на городскую почту въ 10 час. утра, московскимъ подписчикамъ въ субботу, 8-го іюня, въ 1 ч. 40 мин. дня и иногороднымъ въ понедѣльникъ и во вторникъ, 10-го и 11-го іюня, въ 1 часъ 40 мин. дня, въ чемъ и имѣются почтовыя росписки.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи" находятся: въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.

ВЪ МОСКВѢ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ.

ВЪ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи „Вѣстника Винодѣлія" В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

Наступила маленькая пауза. Баронесса принялась наливать мнѣ вторую чашку чая и пока я слѣдилъ за движеніями ея тонкихъ, бѣлыхъ рукъ, она неожиданно сказала:

— Ваша жена, конечно, прежде всего воспользовалась такимъ благосклоннымъ отношеніемъ къ женскому полу, которое, къ несчастію, встрѣчается слишкомъ рѣдко?

Ея неожиданный вопросъ привелъ меня въ сильнѣйшее смущеніе. Еслибъ я правдиво отвѣтилъ на него и сознался, что Эльфрида съ самаго начала ловко уклонялась ото всякой попытки съ моей стороны направить ея мысли къ болѣе возвышеннымъ предметамъ, это могло бы показаться жалобой на мою жену и даже прямо обвиненіемъ противъ нея. А главное, теперь, когда я такъ тревожусь о бѣдняжкѣ!

Поэтому я далъ уклончивый отвѣтъ и заговорилъ о теперешнемъ состояніи жены, сообщая о ея болѣзни то, что находилъ возможнымъ. О сценѣ въ лѣсу, съ которой для меня собственно начались всѣ несчастья, я само собой разумѣется, конечно, не заикался.

Баронесса слушала меня, немного отвернувшись въ сторону и устремивъ въ пространство серьезный взглядъ. Повидимому, ей было больно, что она коснулась предмета, о которомъ я не могъ говорить безъ огорченія, и она воспользовалась первымъ представившимся поводомъ, чтобы свести разговоръ на современное воспитаніе дѣвушекъ вообще и на свое собственное въ частности.

— Говоря о себѣ, — сказала она, мнѣ въ сущности не слѣдовало бы употреблять громкаго слова „образованіе“. Разумѣется, у меня въ дѣтствѣ была француженка гувернантка, а потомъ я просидѣла положенное число лѣтъ въ институтѣ для благородныхъ дѣвицъ. Но собственно я сама образовала себя, не избѣжавъ при этомъ крупныхъ ошибокъ, и я боюсь, что пробѣлы моего воспитанія обнаруживались и въ письмахъ, и въ моемъ сегодняшнемъ разговорѣ съ вами гораздо чаще, чѣмъ въ томъ пріятно сознаться моему тщеславію. Моихъ добрѣйшихъ родителей нельзя винить за это. Вы знаете, что семья у насъ большая. Двѣ моихъ старшихъ сестры сдѣлались придворными дамами: одна въ Берлинѣ, другая въ Кобургѣ; двое братьевъ вышли въ офицеры; двѣ младшихъ сестры живутъ дома, а домъ у насъ, по нашему происхожденію и связямъ, слишкомъ бѣденъ. Чего же можно было требовать при такихъ условіяхъ? Если мнѣ можно вмѣнить что нибудь въ заслугу, то развѣ то, что я рано поняла положеніе нашихъ дѣлъ и добросовѣстно старалась пополнить недостатки своего образованія, насколько это было въ моихъ силахъ Меня поддерживала въ этомъ понятливость, хорошая память и гордость. Или, если человѣкъ испытываетъ непреодолимое желаніе быть чѣмъ нибудь, скажемъ, даже: многимъ, имѣть значеніе и ни въ какомъ случаѣ не затеряться въ толпѣ, неужели это слѣдуетъ назвать тщеславіемъ? Тутъ я дошла до пункта, на которомъ, какъ мнѣ извѣстно, наши мнѣнія рѣзко расходятся.

Я называю себя аристократкой вы непремѣнно хотите быть демократомъ. Насчетъ послѣдняго у меня свои особенныя мнѣнія. Въ данную минуту я хочу только защитить свой взглядъ на знатное сословіе. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о благородствѣ крови, хотя не трудно доказать, что оно также передается по наслѣдству; что, несомнѣнно, представляетъ наслѣдіе отцовъ, такъ это традиція, исторія семейства, воспоминаніе о томъ или другомъ предкѣ, отличившемся на войнѣ или въ мирное время, о прабабкѣ, блиставшей красотой, и добродѣтелью. Ужъ хотя бы ради одной этой традиціи слѣдовало стараться создать аристократію, но она, къ счастью, уже существуетъ. Традиція окружаетъ насъ, людей благороднаго происхожденія, какъ бы особой атмосферой, которая не можетъ сравниться ни съ какой иной по своему укрѣпляющему, бодрящему вліянію на нашу духовную и нравственную природу; я хочу сказать, что никакая другая атмосфера не выдержитъ сравненія съ этой. У мѣщанской семьи нѣтъ преданій, такъ какъ воспоминанія здѣсь по большей части оканчиваются на поколѣніи дѣда и бабушки. Человѣкъ мѣщанскаго рода принужденъ самъ создать себѣ значеніе и въ этомъ онъ похожъ на мореплавателя, который пускается безъ карты въ незна-

комое море. Можетъ быть, онъ и достигнетъ желаннаго берега, но вѣроятнѣе всего, что его прибьетъ волнами туда, куда онъ вовсе не желаетъ. Вотъ почему во всѣхъ его поступкахъ сквозитъ постоянная неувѣренность, которая отражается — присутствующіе, конечно, исключаются — и въ его осанкѣ, манерахъ, и въ его минѣ и рѣчахъ: онъ то не въ мѣру смѣлъ и заносчивъ, то слишкомъ покоренъ и робокъ. Мы же, люди благородной крови — печальныя исключенія, разумѣется, не идутъ въ счетъ — стоимъ тверже на своихъ ногахъ. И передъ кѣмъ стали бы мы опускать глаза, если даже въ лицѣ королей и императоровъ намъ, въ худшемъ случаѣ, можно видѣть лишь равныхъ себѣ. Мои предки съ отцовской стороны были, напримѣръ, свободными князьями на Рюгенѣ и въ Помераніи, когда бранденбургскаго маркграфства еще не существовало, а въ жилахъ моей матери течетъ кровь польскихъ королей. „Почитайте работу рукъ!" Я не стану возражать противъ этого ни единымъ словомъ; я всегда высоко чту и умственный трудъ; прилежаніе можетъ создать многое, только не ощущеніе счастья, о которомъ тотъ же поэтъ сказалъ, что оно должно упасть съ неба, изъ лона боговъ.

Пересказывая все это своими словами, насколько оно сохранилось въ моей памяти, я слишкомъ ясно чувствую, что рѣчь баронессы ничего не выиграла въ моемъ изложеніи. Никогда я не слышалъ, чтобы мужчина, а тѣмъ менѣе женщина, говорили такъ прекрасно. Я не знатокъ музыки, но мнѣ кажется, что исполненіе превосходнѣйшей музыкальной пьесы не могло доставить знатоку бо́льшаго наслажденія, чѣмъ то, которое испытывалъ я, слушая баронессу. Ея нѣсколько низкій, мягкій голосъ звучитъ одинаково ровно, а между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ она оживляется или говоритъ спокойнѣе, въ немъ слышатся роскошныя модуляціи. Я не замѣтилъ, чтобы она хоть разъ затруднилась выраженіемъ. Если же ей не достаетъ для оттѣнка мысли подходящаго слова въ нѣмецкомъ языкѣ, баронесса тотчасъ замѣняетъ его иностраннымъ. По моему — это правильно. Для обыденныхъ разговоровъ, конечно, достаточно и избитыхъ фразъ.

„Оно должно упасть съ небесъ, съ божественнаго лона, — счастье"...

Никогда въ жизни не чувствовалъ я такъ глубоко эту грандіозную истину какъ въ ту минуту, когда слушалъ баронессу, упиваясь ея красотой.

Да, Елена, ты упоительно хороша. Ты до того околдовала меня своими темными очами, что минутами я млѣлъ отъ восторга. А потомъ меня одолѣвало безумное желаніе броситься въ сладостное пламя и погибнуть въ немъ.

Въ твоихъ жилахъ течетъ кровь сарматскихъ королей. Дай мнѣ башмачекъ съ твоей маленькой ножки... Ступай-ка въ постель, пріятель! Ты ужъ и безъ того совсѣмъ въ чаду.

* * *

Она спросила меня, можно ли ей навѣстить Эльфриду, и я тотчасъ почувствовалъ, что черезчуръ поторопился, отвѣтивъ ей положительно. Нечего дѣлать, пришлось просить позволенія у Эльфриды. Дѣло вышло еще хуже, чѣмъ я опасался. Эльфрида не могла бы испугаться сильнѣе, еслибы ей сказали, что къ ней собирается въ гости самъ сатана, о которомъ она толкуетъ теперь порою въ мистическихъ выраженіяхъ. Къ чему явится сюда эта женщина, которую она презираетъ, ненавидитъ такъ,какъ не ненавидѣла еще ни одного человѣка? При теперешнемъ состояніи Эльфриды каждая мелочь принимаетъ чудовищные размѣры въ ея воображеніи, а что она съ самаго начала не благоволила къ баронессѣ, это я отлично зналъ. Но такой фанатизмъ антипатіи все таки былъ для меня неожиданностью. Конечно, я тотчасъ сказалъ женѣ, что она можетъ принимать или не принимать кого ей угодно, а передъ баронессой извинился, приведя въ оправданіе необычайную нервозность больной и крайнюю измѣнчивость ея состоянія духа. Что Эльфрида не принимаетъ никого по желанію врача, этимъ я не могъ отговориться, такъ какъ г-жа Моэнъ пріѣзжаетъ къ намъ почти каждый день, а при великолѣпной акустикѣ въ нашемъ околоткѣ, это неминуемо должно было дойти до ушей баронессы или скоро дойдетъ. Впро-

чемъ, хозяйка Мёлленгофа приняла мои извиненія совершенно хладнокровно; отказъ Эльфриды, повидимому, нисколько не удивилъ ее и не показался ей оскорбительнымъ. Рѣшительно нерасположеніе здѣсь обоюдное. Да и трудно найти двѣ женскихъ натуры, болѣе несходныхъ между собой.

Но почему Эльфрида снова стала такъ благоволить къ г-жѣ Моэнъ, это для меня загадочно. Правда, наша любезная сосѣдка, по ея собственному сознанію, остерегается сказать малѣйшее неблагопріятное слово о покойномъ баронѣ, о которомъ больная часто заговариваетъ съ ней, тогда какъ меня она теперь, слава Богу, совершенно избавила отъ этихъ разговоровъ.

Я безконечно обязанъ добрѣйшей г-жѣ Моэнъ. Она умная, славная женщина, умѣетъ смѣшить, разсказывать маленькія исторійки, по большей части, изъ своей собственной жизни, забавные анекдоты, которые отличаются у ней большимъ юморомъ. Короче, лучшей собесѣдницы нельзя и пожелать для бѣднаго ребенка, впавшаго въ меланхолію.

Г-жа Моэнъ старается ободрить и меня. Она говоритъ, что молодыя женщины въ положеніи Эльфриды зачастую страдаютъ нервнымъ разстройствомъ. Сама она испытывала почти то же самое передъ рожденіемъ своей дочери Маріи. На нее нападала временами такая тоска, что она не разъ была готова броситься въ воду и только мысль о невинной младенческой жизни, бившейся у нея подъ сердцемъ, останавливала ее. Подобные недуги, по словамъ г-жи Моэнъ, проходятъ потомъ сами собою, также какъ они и появляются—безъ всякой видимой причины.

Ахъ, еслибъ предсказаніе этой милой женщины оправдалось! У меня бываютъ дни и часы, когда я опасаюсь самаго худшаго.

* *
*

Совершилъ большую прогулку по полямъ и лѣсу съ Гансомъ и его гувернеромъ. Было еще холодно, однако, въ февральскомъ воздухѣ чувствуется уже вѣяніе весны. Моя собака Понто сопровождала насъ. Понто пробѣжалъ разстояніе, по крайней мѣрѣ, въ двѣнадцать разъ больше, чѣмъ мы, а Гансъ, не перестававшій съ нимъ рѣзвиться, навѣрно сдѣлалъ моціонъ вдвое противъ насъ, къ ужасу г. кандидата, который то и дѣло кричалъ:

— Да не бѣгайте такъ, Гансъ, развѣ это можно! Смотрите, Гансъ, я пожалуюсь вашей матушкѣ.

Такъ какъ маленькій ростомъ и довольно полный гувернеръ, несмотря на свою молодость, уже страдаетъ одышкою, то ему можно простить эту излишнюю боязливость.

Въ остальномъ онъ показался мнѣ чрезвычайно добродушнымъ малымъ, у котораго, несмотря на его книжную ученость, не мало здраваго смысла, можетъ быть, именно благодаря его крестьянскому происхожденію. Тѣмъ болѣе поражаетъ въ немъ строгая набожность, не имѣющая, однако, ничего общаго съ ханжествомъ. Нашему же брату какъ-то странно видѣть человѣка, который только что обнаружилъ передъ вами замѣчательную практическую сметку и вслѣдъ затѣмъ развязно пускается толковать о чудесахъ откровенія, какъ о чемъ-то совершенно обыденномъ, въ родѣ питья и ѣды.

Я не люблю спорить объ извѣстныхъ вещахъ, если вижу, что мой собесѣдникъ держится совершенно противоположнаго мнѣнія. Это не имѣетъ смысла. Противники думаютъ, что говорятъ на одинаковомъ языкѣ, а между тѣмъ каждый изъ нихъ подъ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ подразумѣваетъ нѣчто совершенно иное. Тутъ невозможно не только столковаться, но и понять другъ друга.

Баронесса, по крайней мѣрѣ, понимаетъ меня, но едва ли соглашается со мной.

Послѣ прогулки, когда Гансъ со своимъ менторомъ удалились, я перевелъ разговоръ съ ней на эту щекотливую тему, упомянувъ о томъ, какъ опасно вводить въ воспитаніе и образованіе юнаго человѣческаго существа — не въ

10*

видѣ предметовъ, вызывающихъ на размышленіе, о которыхъ можно разсуждать, но въ видѣ чего-то, что стоитъ выше всякихъ сомнѣній—такіе элементы, отъ которыхъ его созрѣвшій умъ впослѣдствіи откажется, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, не обойдется безъ жестокой борьбы и напрасной затраты умственныхъ и душевныхъ силъ, тогда какъ послѣднія можно и должно съ большей пользой употребить на что-нибудь лучшее.

Баронесса подумала немного и отвѣтила:

— Напрасно вы говорили такими обиняками. Я отлично понимаю, что вы хотите сказать: по вашему, мнѣ слѣдовало бы взять учителемъ Гансу раціоналиста и вообще воспитывать его на началахъ свободнаго мышленія. Позвольте не согласиться съ вами въ этомъ. Я держусь того мнѣнія, что планъ разумнаго воспитанія долженъ быть приспособленъ къ натурамъ средняго уровня, но никакъ не имѣть въ виду исключеній ни въ ту, ни въ другую сторону, то-есть натуръ, одаренныхъ или особенно богато, или скудно. Исторія и опытъ показываютъ намъ, что изъ ста челвѣкъ девяносто девять—пожалуй, я могла бы съ большимъ правомъ сказать: девятьсотъ девяносто девять изъ тысячи — не могутъ обойтись безъ вѣры въ авторитетъ ни въ мірскихъ, ни въ духовныхъ вопросахъ. Это громадное большинство хочетъ, чтобы имъ руководили, ему хочется смотрѣть вверхъ, кому нибудь поклоняться; отнимите у него единодержавный образъ правленія, оно станетъ поклоняться президенту, диктатору, отнимите дворянство, оно склонится передъ денежной аристократіей; отнимите вѣру въ высшее всемогущее существо и поставьте на мѣсто послѣдняго человѣческій разумъ и завтра же этотъ призракъ разума разсѣется передъ понятіемъ о Господѣ Богѣ. Теперь,—кто же можетъ сказать намъ: твое дитя не будетъ принадлежать къ большинству? Если же выйдетъ такъ въ видѣ исключенія,—я, конечно, говорю о выдающихся, счастливыхъ натурахъ—тогда юноша самъ съумѣетъ выбраться на настоящій путь. Предрѣшать же эту дорогу заранѣе совершенно напрасно. Если бы воспитатели взяли на себя такъ много, этимъ они не только не избавили бы своихъ питомцевъ отъ тяжелой борьбы, о которой вы только что говорили, но обрекли бы ихъ на еще худшее блужданіе въ потемкахъ. Въ данномъ случаѣ, что хорошо для одного, не годится для другого.

— Я радъ, по крайней мѣрѣ, что вы признаете право исключительныхъ натуръ, сказалъ я.

— Да развѣ можно его оспаривать? возразила она. — Только я сильно сомнѣваюсь, что пользованіе этимъ правомъ приноситъ счастье.

Тогда я знаю кое-кого, кто навѣрно несчастливъ.

— Это вы сами?

— Можетъ быть. Но вы-то ужь, баронесса, безъ всякаго сомнѣнія.

— Ну, вы, пожалуй, ошибаетесь. Религіозность входитъ въ мою систему. Она даже составляетъ ея основу. А эта система стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ нею.

Она дала разговору другой оборотъ. Я вскорѣ простился съ баронессой и ушелъ разстроенный, причемъ у меня, къ сожалѣнію, не хватило такта скрыть свое недовольство и оно не разсѣялось даже теперь, когда я пишу эти строки. Еще бы мнѣ не раздражаться! Эльфрида—Боже мой, я никогда не требовалъ, чтобы она слѣдовала за мною въ высшія сферы мышленія—нельзя принуждать человѣка съ завѣдомо слабыми легкими къ путешествіямъ по высокимъ горамъ,—но она, она! съ ея-то орлиными крыльями! Когда ей говорятъ: лети со мною! Она вдругъ спокойно отвѣчаетъ: я не смѣю; моя система запрещаетъ мнѣ.

И неужели помириться съ этой системой, которая парализуетъ благороднѣйшія силы, надѣваетъ оковы рабства на людей, рожденныхъ свободными? Неужели не возставать противъ нея, допустить безъ сопротивленія, чтобы она все дальше и дальше распространяла свою власть и не допускать никакого позволительнаго средства для борьбы съ нею?

Одно я вижу ясно: я могъ бы до безумія влюбиться въ эту женщину, но

любить ее я не могу. Ни теперь, ни послѣ. Любовь есть гармонія душъ или она ничто. По крайней мѣрѣ, ничто изъ того, чѣмъ мы отличаемся отъ животныхъ. Вѣроятно, и пава видитъ въ павлинѣ non plus ultra мужественной силы и красоты. А онъ въ ней—совершенный образъ женственной граціи и прелести.

Но человѣкъ не павлинъ; по крайней мѣрѣ, онъ не долженъ имъ быть.

И я также не хочу быть павлиномъ.

* * *

Я твердо рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не скрывать отъ баронессы своихъ мнѣній. Я вообще не привыкъ маскироваться. Да, по моему, этимъ вѣрнѣе всего предохранить себя отъ рабства, которому такъ легко подчинить красивой женщинѣ мужчину. Въ особенности, когда она, подобно баронессѣ, при всей внѣшней мягкости и уступчивости твердо стоитъ на своемъ и не поддается ни на одну пядь, когда дѣло принимаетъ серьезный оборотъ. Вѣдь если я робко скажу „да", гдѣ слѣдуетъ рѣшительно отвѣтить „нѣтъ", то она по своей проницательности и нравственной чуткости, сейчасъ же замѣтитъ мнѣ: „видите, вотъ указанная мною разница между нами, дворянами, и людьми незнатнаго происхожденія. У насъ хватаетъ мужества высказывать свои убѣжденія, а у васъ нѣтъ".

Извините! хотя бы изъ-за этого мнѣ пришлось поссориться съ баронессой, я не хочу играть передъ ней комедію; пусть она узнаетъ, каковъ я!

Сегодня я воспользовался удобнымъ случаемъ и какъ она недавно разсказала мнѣ вкратцѣ о своемъ воспитаніи, такъ и я описалъ ей свое. Я говорилъ съ ней про своего дѣда и отца, которые состояли въ нѣкоторомъ родѣ наслѣдственными лѣсничими у графовъ фонъ-Ш., у которыхъ ихъ предки, вѣроятно, были слугами. Разсказалъ о томъ, какъ мой отецъ участвовалъ молодымъ человѣкомъ въ войнѣ за освобожденіе; какъ воздухъ свободы произвелъ на него неизбѣжное дѣйствіе и онъ рѣшилъ пробить для меня, своего единственнаго сына, брешь въ той стѣнѣ, которая заграждала доступъ ему самому и прочимъ членамъ семьи къ высшимъ сферамъ жизни и образованія. Ему стоило большихъ лишеній осуществить свой планъ и содержать меня въ школѣ и академіи. Я не скрылъ и того, какой спартанскій образъ жизни пришлось мнѣ вести, несмотря на поддержку отца, и какъ я, будучи фельдъегеремъ, завидовалъ моему егерю, простому парню, который могъ досыта наѣдаться чернымъ хлѣбомъ.

До сихъ поръ все шло хорошо и баронесса слушала меня съ видимымъ участіемъ.

Но вотъ съ перемѣны судьбы отдѣльнаго лица мы перешли къ судьбѣ цѣлой массы, которая выбивается на дорогу приблизительно изъ такихъ же, а иногда и болѣе скудныхъ условій жизни. Это увлекло насъ въ область политическихъ или вѣрнѣе, соціально политическихъ вопросовъ. Для меня было очень заманчиво защищать соціально демократическую доктрину передъ гордой баронессой.

— Что она такое, сказалъ я, — какъ не дальнѣйшій фазисъ развитія, въ который неминуемо должно было вступить христіанство, едва только масса, или, по крайней мѣрѣ, большая часть послѣдней, отпала отъ прежнихъ вѣрованій, стала видѣть въ небѣ лишь преломленіе свѣтовыхъ лучей въ земныхъ атомахъ пыли и уразумѣла, что хотя земное ядро и находится, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ расплавленно-жидкомъ состояніи, но, конечно, не служитъ адомъ для грѣшныхъ душъ? Съ того момента изреченіе Фауста: „Изъ этой земли проистекаютъ мои радости и это солнце освѣщаетъ мои горести", было усвоено милліонами людей и эти милліоны стали пытаться сдѣлать что нибудь изъ короткаго срока, опредѣленнаго для жизни сыну земли. Я очень хорошо знаю, что сторонниковъ соціально демократической доктрины называютъ утопистами. Но еслибъ древній друидъ сказалъ своимъ германцамъ въ звѣриныхъ шкурахъ, что наступитъ время, когда ихъ дѣтямъ не придется больше вести борьбы за суще-

ствованіе съ лѣсными волками и медвѣдями, развѣ его не назвали бы помѣшаннымъ или утопистомъ, — допуская, что тогда существовало это слово и понятіе? Развѣ Колумбъ не былъ безумцемъ въ глазахъ тупой толпы? Развѣ великій Александръ фонъ-Гумбольдъ, когда ему показали первые опыты телеграфнаго сообщенія, не сказалъ, что это изобрѣтеніе останется не болѣе какъ хорошенькой комнатной игрушкой? Поэтому, если что нибудь предстоитъ еще человѣчеству, но чего въ данное время пока еще нѣтъ, оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться абсолютно невозможнымъ изъ-за того только, что мы до этого не успѣли дожить. А если что нибудь предстоитъ человѣчеству, такъ это, безъ сомнѣнія, требованіе соціалъ-демократической теоріи, чтобы каждый, кто носитъ имя человѣка, былъ поставленъ въ возможность вести образъ жизни, достойный человѣческаго званія.

Я увлекся темою разговора и говорилъ съ жаромъ; баронесса возразила мнѣ со своимъ всегдашнимъ спокойствіемъ:

— Вы цитировали Фауста. Позвольте мнѣ отвѣтить вмѣстѣ съ Гретхенъ: — „Какъ послушаешь, когда говорятъ такимъ образомъ, кажется, оно будто бы и вѣрно, а на самомъ дѣлѣ выходитъ нехорошо". Во первыхъ, что значитъ образъ жизни, достойный человѣка? Вѣдь это понятіе измѣняется, смотря по темпераменту, характеру, уму и фантазіи каждаго. А если будетъ предписано, что слѣдуетъ считать достойнымъ человѣка, то это понятіе снова сдѣлается однимъ изъ тѣхъ догматовъ, къ которымъ вы питаете такое ужасное отвращеніе, и противъ него прежде всего возстанутъ свободные умы. По моему, такую нивеллировку нельзя произвести въ двадцать четыре часа, однако если принять, что она, по вашему выраженію, лежитъ на пути человѣчества и должна когда нибудь осуществиться, то я могу сказать одно: благодареніе Богу, что мнѣ не придется до этого дожить. Оно и немыслимо. Чтобы человѣчеству дойти до желаннаго вами пункта, человѣческой природѣ пришлось бы подвергнуться эволюціямъ и метаморфозамъ, на которыя потребуется періодъ времени, измѣряемый тысячелѣтіями. Если ужъ это не музыка будущаго утопистовъ, то я и не знаю, что тогда заслуживаетъ подобнаго имени. Послѣ моихъ словъ вы, коконечно, махнете на меня рукой и будете неправы по отношенію ко мнѣ. Несмотря на весь мой аристократизмъ, я способна глубоко сочувствовать матеріальнымъ страданіямъ человѣчества, которыя легко становятся источникомъ моральныхъ золъ и душевныхъ мукъ. Если наше знакомство, какъ я надѣюсь и желаю, продлится на долгое время, мнѣ еще представится случай доказать вамъ это.

Она сказала правду. Даже г-жа Моэнъ, авторитетъ въ подобныхъ вещахъ, утверждаетъ, что баронесса съумѣла тайно отъ всѣхъ разыскать въ околоткѣ множество бѣдныхъ и несчастныхъ, которымъ она помогаетъ осмотрительно и съ большимъ усердіемъ.

Ради этого нельзя сердиться на молодую, прекрасную женщину.

И эта смѣсь средневѣково-феодальныхъ взглядовъ и самой ясной разсудительности, самой тонкой логики всегда представляетъ для психолога интересный предметъ наблюденія.

* * *

Все это, однако, не мѣшаетъ мнѣ терять иногда терпѣніе, да и баронесса навѣрное готова порою прогнать меня прочь.

* * *

Несмотря на экономическія ограниченія, которыя она ввела во всѣ отрасли хозяйства, у ней не хватило духу распродать всѣхъ верховыхъ лошадей, и баронесса оставила двухъ изъ нихъ для себя и для Ганса. Верховая ѣзда необходима для развитія силы мальчика, по словамъ матери. На самомъ же дѣлѣ она сама страстно любитъ это развлеченіе, и, замѣчу кстати, такая превосходная наѣздница, что я не видалъ подобныхъ нигдѣ, кромѣ цирка.

Нѣсколько разъ меня приглашали участвовать въ этихъ прогулкахъ; причемъ я, должно быть, представлялъ очень странную фигуру на своемъ старомъ, спокойномъ рыжемъ конѣ.

Сегодня мнѣ пришлось сопровождать баронессу на прекрасномъ полукровномъ жеребцѣ Ганса, такъ какъ мальчикъ вслѣдствіе легкаго нездоровья долженъ былъ остаться дома.

— Я думаю вамъ, какъ пѣхотинцу, приходилось рѣдко ѣздить верхомъ?

— Простите, баронесса: вѣдь я три года прослужилъ фельдъегеремъ.

— А! Вотъ какъ!

* * *

Нѣтъ ничего лучше на свѣтѣ прекраснаго весенняго утра, когда оно отражается въ глазахъ красивой женщины!

* * *

Прошло уже цѣлыхъ пять недѣль, а я все еще не получилъ отставки. Удивительное дѣло! Я такъ часто и настойчиво напрашивался на нее, что мнѣ мерещилось шуршаніе бумаги, по которой прекрасная рука выводила мой суровый приговоръ.

Ужъ не находитъ ли моя царица, что ея непокорный вассалъ все же настолько практическій субъектъ, что его не мѣшаетъ помиловать ради собственной пользы?

Дѣйствительно, мнѣ посчастливилось оказать прекрасной женщинѣ нѣсколько важныхъ услугъ. Такъ, благодаря моимъ хлопотамъ и содѣйствію моего добрѣйшаго друга Т. въ Берлинѣ, ея собственный капиталъ спасенъ, хотя не безъ нѣкотораго незначительнаго ущерба.

Также и весьма растяжимыя статьи семейнаго устава, касательно обезпеченія и содержанія вдовы умершаго владѣльца маіората, я съумѣлъ обратить въ ея пользу съ тѣхъ поръ, какъ засѣдаю и имѣю голосъ въ опекѣ.

Собственно опеку слѣдовало бы назвать попечительнымъ совѣтомъ, такъ какъ ея главная обязанность заключается въ наблюденіи за хозяйствомъ въ имѣніяхъ и въ правильномъ помѣщеніи наличныхъ капиталовъ (въ данное время сравнительно очень незначительныхъ). Совѣтъ состоитъ изъ стараго графа Грибена и королевскаго чиновника (полевое хозяйство), казеннаго архитектора (зданія), лѣсничаго, завѣдывающаго лѣсами и банкира Земмлера и К° въ Берлинѣ (финансы). Лѣснымъ хозяйствомъ завѣдывалъ уже много лѣтъ мой старый начальникъ, окружной лѣсничій. Его послѣдняя тяжкая болѣзнь послужила ему поводомъ попросить объ увольненіи, причемъ онъ тотчасъ предложилъ взять меня на его мѣсто. Опека имѣетъ право замѣщать выбывающихъ членовъ и потому предложеніе моего стараго покровителя было единогласно принято. Моя обязанность — объѣзжать разъ въ годъ лѣса маіората здѣсь, на Рюгенѣ и въ Силезіи. За эти труды полагается весьма приличное вознагражденіе; мнѣ это было непріятно, но такъ какъ всѣ члены опеки получаютъ, согласно статутамъ, извѣстныя суммы, а эти статуты существуютъ почти уже сто лѣтъ, то нарушать ихъ не приходится, какъ милостиво объяснила мнѣ баронесса, тѣмъ болѣе, что сама она остается здѣсь совершенно въ сторонѣ.

Тѣмъ не менѣе я хотѣлъ отблагодарить ее чѣмъ нибудь и вскорѣ нашелъ къ этому удобный случай. Собственно вдовамъ по семейному уставу полагается жить въ главномъ помѣстьѣ Кардовицѣ на Рюгенѣ. Но баронесса не любитъ этой усадьбы и случайно сказала при мнѣ, что ей было бы пріятно оставаться въ Мѣлленгофѣ, по крайней мѣрѣ, до совершеннолѣтія Ганса. Мнѣ безъ особенныхъ хлопотъ удалось убѣдить своихъ сотоварищей по опекѣ, что этотъ параграфъ устава допускаетъ и болѣе свободное толкованіе, которое я имѣлъ въ виду; послѣ того баронессѣ сообщили, что еслибы она вздумала избрать своей резиденціей Мѣлленгофъ, то не встрѣтила бы никакихъ препятствій.

Я велъ все это дѣло въ секретѣ и сюрпризъ вышелъ полный.

Когда оффиціальная бумага была получена въ Мёлленгофѣ, я случайно находился тамъ. Едва баронесса распечатала конвертъ и стала читать, мнѣ показалось, что ея руки слегка дрожатъ.

Затѣмъ она молча протянула ихъ мнѣ и взглянула на меня такъ ласково, такъ мило, такъ...

Мнѣ и во снѣ не снилось, чтобы эти гордые, ясные глаза могли подарить подобнымъ взглядомъ.

Впрочемъ, бываютъ моменты, когда королевы изливаютъ солнечный свѣтъ своей милости и на непокорныхъ вассаловъ.

Сегодня ночью я видѣлъ чудный и страшный сонъ.

Мы съ баронессой будто бы ѣхали рядомъ верхомъ, поднимаясь по широкой лѣсной дорогѣ. Земля такъ густо заросла травою и мхомъ, что стукъ копытъ былъ совершенно неслышенъ: деревья по обѣимъ сторонамъ поднимались высоко, высоко, а между ними разстилался зеленоватозолотистый сумракъ. Изъ сумрака смотрѣли на меня ея глаза, совершенно такъ, какъ недавно: ласково и мило, но невообразимо грустно.

— Почему ты такъ печально смотришь на меня? спросилъ я.

— Потому что рыцарь, который приближается сюда, разлучитъ насъ навѣки.

Вдругъ я увидалъ рыцаря, о которомъ она говорила. Онъ спускался по лѣсной дорогѣ прямо на насъ, на ворономъ конѣ, въ черныхъ латахъ и съ опущеннымъ забраломъ. До сихъ поръ мы ѣхали, держась за руки, но тутъ разъединили руки, потому что всадникъ, казалось, хотѣлъ, во чтобы то ни стало, проѣхать между нами на своей крупной тяжеловѣсной лошади. Онъ такъ и сдѣлалъ, въ ту же минуту откинувъ забрало, изъ-подъ котораго выглянуло лицо барона, блѣдное, съ мутными и остановившимися глазами, какъ я видѣлъ его въ то утро въ лѣсу на полянѣ.

Тутъ онъ исчезъ. Но по слѣдамъ чернаго рыцаря мчался бурный потокъ, становившійся съ каждой секундой все шире и шире, пока не обратился, наконецъ, въ бушующее море, на противоположныхъ берегахъ котораго стояли я и она. Она сдѣлала мнѣ прощальный знакъ рукою, но разстояніе между нами было уже слишкомъ велико и ея фигура рисовалась передо мной лишь въ видѣ неясной тѣни. Эта тѣнь исчезла также во мракѣ, окутавшемъ бурное море, на небѣ засверкали молніи, грянулъ страшный раскатъ грома—и я проснулся.

То была гроза, бушевавшая сегодня поутру съ трехъ до четырехъ часовъ и надѣлавшая столько опустошеній въ моемъ лѣсу, что мнѣ пришлось почти весь день провести внѣ дома.

И цѣлый день преслѣдовалъ меня страшный сонъ. Я видѣлъ передъ собой все, какъ на яву, точно это происходило на самомъ дѣлѣ.

Все равно и безъ этого сновидѣнія я зналъ, что мы разлучены навѣки, еслибъ даже никакой черный рыцарь, съ блѣднымъ лицомъ мертвеца, не стоялъ между нами!

* * *

Г-жа Моэнъ сдѣлала одно открытіе, которымъ нашла нужнымъ подѣлиться со мною, такъ какъ ей кажется, что въ немъ она видитъ разгадку страннаго душевнаго состоянія Эльфриды.

Эльфрида считаетъ себя причиной смерти барона. Бѣдняжка вообразила, что онъ лишилъ себя жизни изъ-за того, что она такъ рѣзко оттолкнула его въ тотъ вечеръ въ лѣсу. Она не хотѣла его обидѣть, а только ужасно перепугалась. Въ страшномъ несчастіи, происшедшемъ по ея винѣ, у ней только одно утѣшеніе: она знаетъ, что и сама скоро умретъ. Тогда они снова свидятся въ лучшемъ мірѣ и она скажетъ ему, какъ это все случилось. Блаженнымъ духамъ на небесахъ недоступны ни ненависть, ни гнѣвъ; все это исчезаетъ тамъ въ лучахъ божественной славы. Въ сердцахъ людей въ раю живутъ только прощеніе и любовь; сподобившіеся безсмертія носятся ликующимъ сонмомъ вокругъ престола Всевышняго и радостно воспѣваютъ Ему: „аллилуйя!“

Коронованіе императора Александра III

Императоръ Александръ III, вступившій на престолъ 1-го марта 1881 г., только спустя два года, манифестомъ отъ 24-го января 1883 г., объявилъ о предстоявшей коронаціи, назначенной 15-го мая.

8-го мая ихъ величества прибыли въ Москву и, послѣ торжественной встрѣчи на вокзалѣ смоленской желѣзной дороги, отправились въ Петровскій дворецъ.

Торжественный выѣздъ въ Москву государя и государыни совершился 10-го мая. Императоръ слѣдовалъ верхомъ въ сопровожденіи наслѣдника цесаревича и великихъ князей, а императрица Марія Ѳеодоровна ѣхала въ каретѣ, запряженной восьмью бѣлыми лошадьми, съ великой княжной Ксеніей Александровной. Красная площадь была полна народомъ; эстрады правой и лѣвой стороны были отведены для публики, а вся средняя часть занята оркестромъ и хорами — всего было 10.000 исполнителей. Отсюда процессія направилась къ Кремлю и соборамъ; о прибытіи ихъ величествъ въ Кремлевскій дворецъ возвѣстили пушечные выстрѣлы.

11-го мая происходило торжественное освященіе государственнаго знамени, »сооруженнаго« въ Петербургѣ, и въ тотъ же день ихъ величества переселились въ Александрійскій дворецъ в. Нескучнаго для приготовленія къ причащенію св. Таинъ.

Съ 12-го мая, три дня сряду, герольды объявляли о предстоящей коронаціи.

15-го мая, къ 7-ми часамъ утра, площадь между соборами, куда пускали по билетамъ, наполнилась публикой. Трибуны, устроенныя амфитеатромъ, пестрѣли нарядами дамъ, мундирами и костюмами восточныхъ представителей народовъ, для которыхъ была устроена отдѣльная трибуна.

Въ семь часовъ прозвучалъ колоколъ Ивана Великаго, и съ Тайницкой башни раздались пушечные выстрѣлы. По окончаніи молебствія и чтенія часовъ литургіи, началось шествіе наслѣдника цесаревича съ Краснаго крыльца. При появленіи его высочества загремѣли барабаны, войска взяли на караулъ и при неумолкаемыхъ крикахъ »ура!« цесаревичъ на паперти собора былъ встрѣченъ духовенствомъ.

Между тѣмъ, на дворцовой площади дѣлались проготовленія къ шествію ихъ величествъ.

Къ нижней ступени Краснаго крыльца 32 штабъ-офицера принесли сіявшій золотомъ и украшенный перьями, балдахинъ. И вотъ, когда государь и государыня, сойдя съ Краснаго крыльца, вступили подъ балдахинъ и, шествуя при звукахъ оркестровъ, исполнявшихъ »Боже Царя Храни«, при звонѣ колоколовъ и кликахъ народа поднялись на паперть Успенскаго собора, они были встрѣчены духовенствомъ съ крестомъ и святою водою и вступили въ храмъ. Государь, войдя на верхнюю площадку троннаго мѣста, возсѣлъ на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича, а государыня — на престолъ царя Алексѣя Михаиловича. Затѣмъ начался торжественный обрядъ коронаванія, по окончаніи котораго и принятія поздравленій ихъ величества вышли въ сѣверныя двери храма и, вступивъ на помостъ, крытый алымъ сукномъ, шествовали, въ коронахъ и порфирахъ, а государь также и со скипетромъ и державой въ рукѣ въ соборы, возвращаясь изъ которыхъ, поднявшись на верхнюю площадку Краснаго крыльца, ихъ величества троекратно, по древнему обычаю, поклонились народу, который отвѣтилъ восторженными кликами »ура!«.

Въ 3 часа и 10 минутъ ихъ величества прибыли къ обѣденному столу въ Грановитую палату, гдѣ, во время стола, игралъ оркестръ и пѣлъ хоръ Императорскихъ театровъ и при участіи г-жи Лавровой и Мельникова исполнена была кантата нашего знаменитаго поэта Аполлона Николаевича

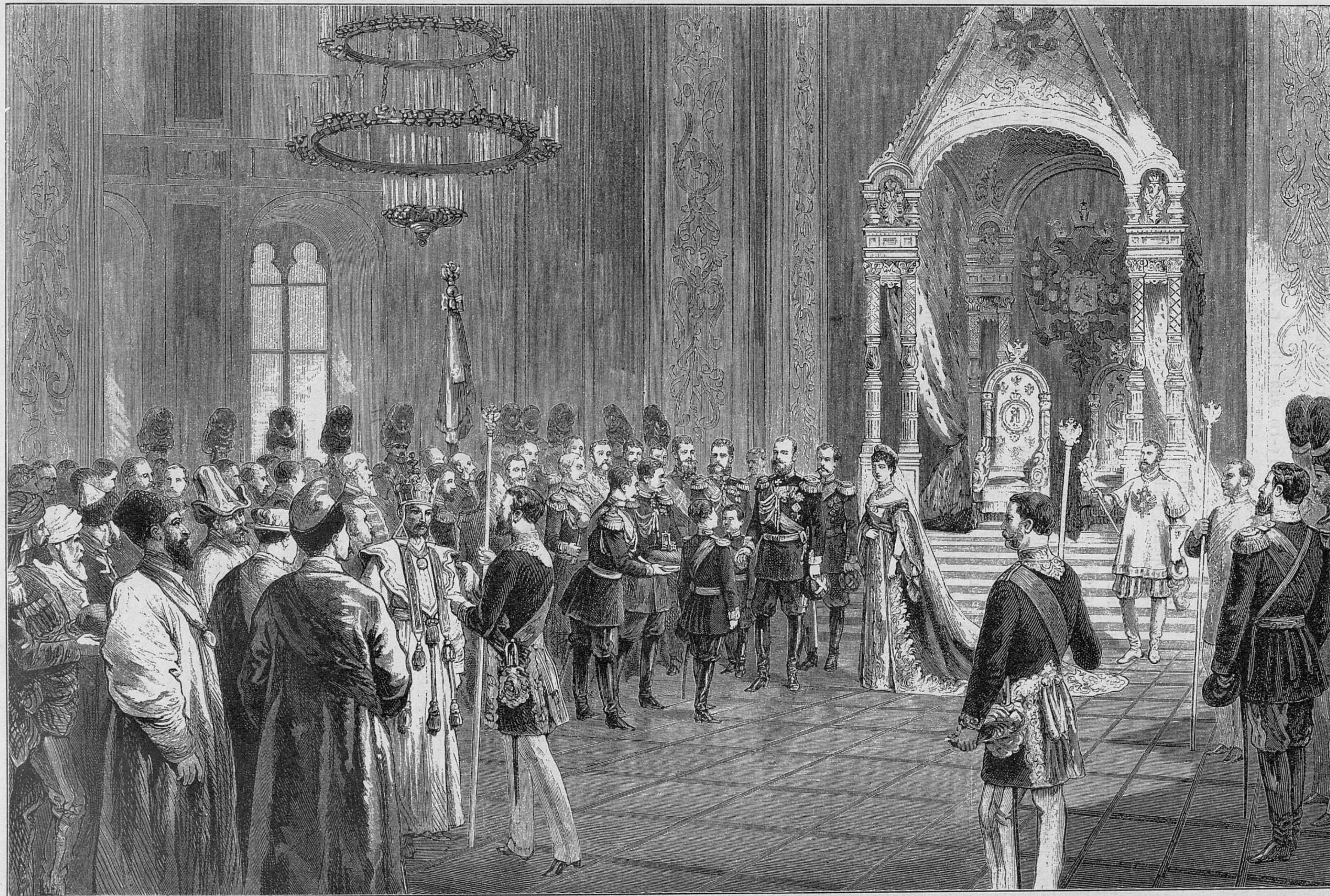
Герольдъ при коронаціи императора Александра III.

Чтеніе рѣчи митрополитомъ Исидоромъ послѣ возложенія короны.

Съ натуры рисовалъ К. О. Брожъ.

Коронованіе Императора Александра III и Императрицы Маріи Θеодоровны 15-го мая 1883 года

Поздравленіе Ихъ Императорскихъ Величествъ и поднесеніе хлѣба-соли въ Андреевскомъ залѣ.

Съ натуры рисовалъ К. О. Брожъ.

Коронованіе Императора Александра III и Императрицы Маріи Ѳеодоровны 15-го мая 1883 года.

Майкова, аранжированная М. И. Чайковскимъ. Вечеромъ Москва горѣла тысячами огней и электрическихъ лампочекъ.

Изданный манифестъ въ день коронаціи, 15-го мая 1883 г., даровалъ многія неоцѣненныя милости и облегченія русскому народу.

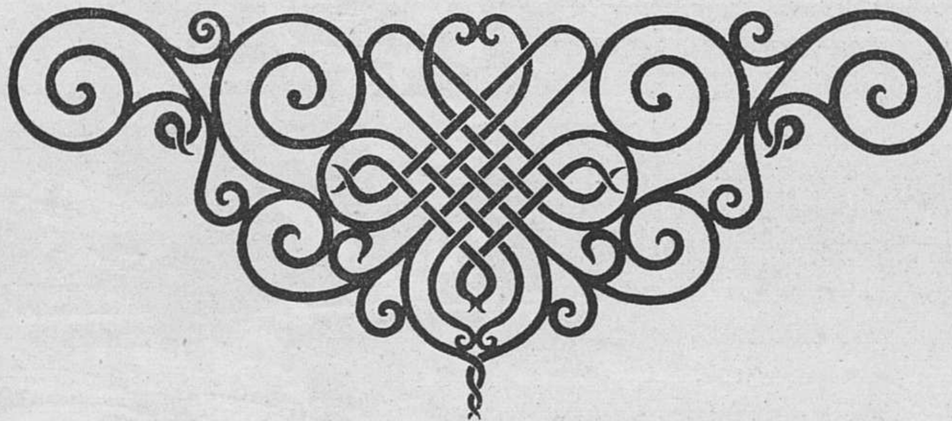
Съ вечера 16-го мая куртагъ въ Кремлевскомъ дворцѣ открылъ собой цѣлый рядъ торжествъ и баловъ.

21-го мая государь и государыня посѣтили народное гулянье на Ходынскомъ полѣ, послѣ чего отправились въ Петровскій дворецъ, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ для волостныхъ старшинъ, собранныхъ со всей Россіи.

22-го мая ихъ величества посѣтили Троицкую лавру, а 23-го числа присутствовали на утреннемъ молебствіи въ Преображенской слободѣ, бывшемъ селѣ Преображенскомъ, гдѣ праздновался 200-лѣтній юбилей первыхъ двухъ полковъ русской гвардіи: Преображенскаго и Семеновскаго.

26-го мая было совершено въ присутствіи ихъ величествъ торжественное освященіе храма Спасителя, начатаго при императорѣ Александрѣ I, въ память спасенія Россіи во время отечественной войны.

Наконецъ, 28-го мая Высочайшимъ смотромъ всѣхъ войскъ, находившихся въ Москвѣ, завершились коронаціонныя торжества и ихъ величества отбыли изъ Москвы въ С.-Петербургъ, куда и изволили прибыть на слѣдующій день въ 12 часовъ. Съ Николаевскаго вокзала Ихъ Величества отправились въ Казанскій соборъ, гдѣ митрополитъ Исидоръ встрѣтилъ ихъ краткой привѣтственной рѣчью. Послѣ молебствія и прикладыванія къ иконамъ, государь и государыня прослѣдовали въ Петропавловскій соборъ, а оттуда — на Англійскую набережную и на яхтѣ »Александрія« отбыли въ Петергофъ.

Царскія и Императорскія регаліи, одежды, утвари

Очеркъ М. И. ПЫЛЯЕВА

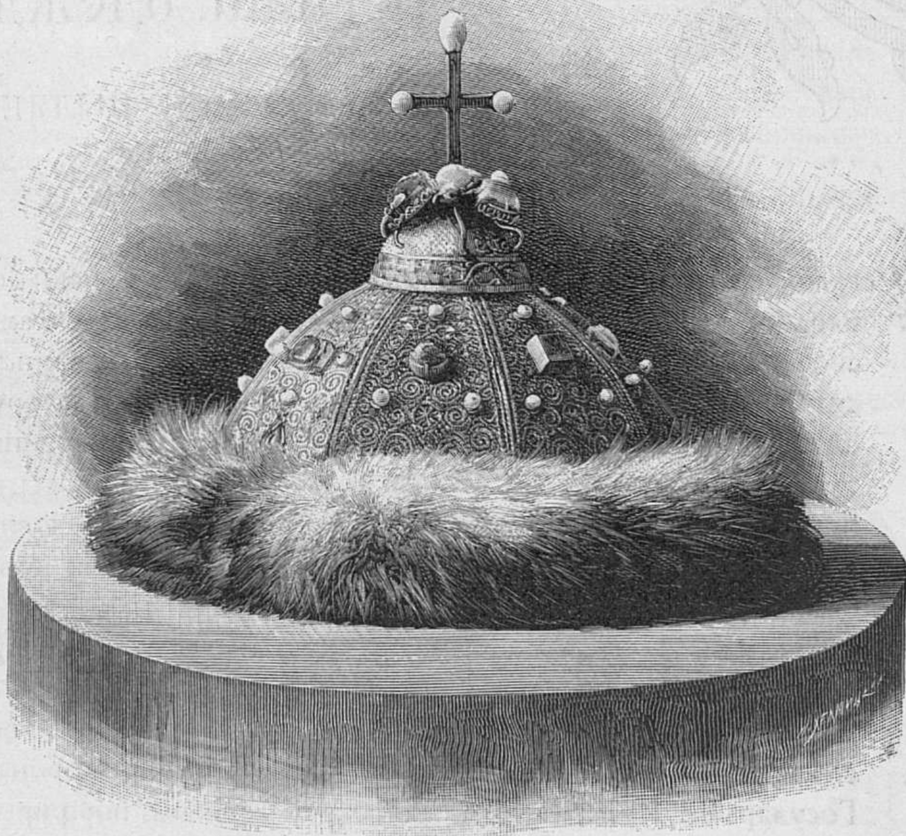
Регаліи, отъ латинскаго слова rex, царь, означаютъ знаки достоинства царскаго, царскія украшенія, представляютъ собою символъ самодержавія и ведутъ свое начало съ древнѣйшихъ временъ. У дикихъ, воинственныхъ, народовъ символами власти естественно являлось разнаго рода оружіе—палка, палица, съ теченіемъ времени превратившаяся въ жезлъ, усвоенный и многими культурными народами, въ посохъ и, наконецъ, въ скипетръ. Знаками власти и превосходства служили въ глубокой древности: головной уборъ — шапка, клобукъ, шлемъ, вѣнецъ, діадима, мечъ или сабля, копье, знамя; къ числу символическихъ предметовъ, знаменующихъ собою власть, относятся престолъ или тронъ, а со времени христіанства — также крестъ и держава. Современныя Императорскія регаліи значительно отличаются отъ регалій, которыя употреблялись при вѣнчаніи на царство московскихъ царей, и суть слѣдующія: большая Императорская россійская корона, малая корона для Государыни Императрицы, скипетръ, держава, порфиры или Императорскія мантіи, коронные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, государственная церемоніальная печать, государственный мечъ и государственное знамя. Вмѣстѣ съ исторіей чина вѣнчанія шла и исторія царскихъ облаченій и регалій. У первыхъ христіанскихъ императоровъ Византіи знаки царскаго достоинства оставались прежніе, унаслѣдованные отъ языческихъ императоровъ. Съ теченіемъ времени и царской утвари было придано христіанское значеніе.

Знаками верховной власти великихъ князей и русскихъ императоровъ съ древнѣйшихъ временъ считаются, такъ называемый, »царскій чинъ или санъ«, златой вѣнецъ Мономаховъ, св. бармы, держава, скипетръ и крещатая цѣпь, присланные при животворящемъ крестѣ великому князю Владиміру Кіевскому изъ Византіи. Наслѣдственный золотой вѣнецъ русскихъ царей — или корона Мономахова — есть древнѣйшая изъ всѣхъ подобныхъ коронъ прочихъ государствъ Европы.

Сохранность царскаго чина съ 988 года до настоящихъ дней могла бы подлежать сомнѣнію, еслибъ рядъ положительныхъ свидѣтельствъ не подтверждалъ, что онъ сбереженъ и въ гибельную эпоху разгрома Россіи татарами, и въ московскую поруху 1611 и 12 годовъ, когда дума бояръ, подъ вліяніемъ польскаго короля Сигизмунда III, избрала на престолъ сына его Владислава и содержала въ Москвѣ польско-литовскія войска въ тщетномъ ожиданіи королевича. Войска королевскія, занимавшія Кремль, были въ распоряженіи думы бояръ московскихъ, избравшихъ на царство королевича. Эти войска не посягали на казну царскую, гдѣ хранились регаліи, въ которыя долженъ былъ облечься тщетно ожидаемый Владиславъ.

Уже послѣ возмущенія жителей московскихъ (въ мартѣ 1611 года), не желавшихъ влады-

чества поляковъ, и послѣ уже опустошенія грабежомъ и пожаромъ не Кремля, а Китая города и Бѣлаго города, войска королевскія, занявшія для безопасности Кремль, не получая изъ Польши жалованья, обратились въ октябрѣ съ просьбою къ думѣ боярской объ удовлетвореніи ихъ. Но дума отказала за неимѣніемъ въ казнѣ денегъ. »Было чѣмъ выдать«, пишетъ Маскѣвичъ, »но бояре не хотѣли трогать сокровищъ, необходимыхъ для торжественнаго вѣнчанія королевича, коего съ часу на часъ ожидали. Тамъ хранились всякія вещи, употребляемыя при коронаціи: царскія одежды, утварь золотая и серебряная, множество золотой столовой посуды, не говоря о серебряной, драгоцѣнные каменья, сверхъ того столы, осыпанные каменьями, и стулья, золотые обои, шитые ковры, жемчугъ и тому подобное. Все это я видѣлъ свои глазами и т. д. Слѣдовательно, хотя было, говорю, чѣмъ платить намъ, но бояре не хотѣли тратить казны и только дали въ закладъ нѣсколько вещей, обѣщая скоро выкупить ихъ, а именно: двѣ царскія короны, изъ коихъ одна принадлежала Годунову, а другая, еще не совсѣмъ оконченая работою, Димитрію, мужу Мнишковны, два или три единорога, царскій посохъ изъ единорога, по концамъ
оправленный зо лотомъ съ брил
ліантами, и гу сарское сѣдло
того же Димит рія, украшенное
золотомъ, ка меньями и жем
чугомъ. Эти ве щи по описямъ
казны и выданы подъ роспиську
Гонсѣвскаго и другихъ«. Та
кимъ образомъ, изъ описанія
Маскѣвича о пре бываніи поль
скихъ королев скихъ войскъ въ
Кремлѣ видно, что слова Бера,
тогдашняго лю теранскаго па
стора въ Моск вѣ, — будто бы
поляки, разгра бивъ Москву,
расхитили и каз ну великокня
жескую, есть ложное сказа-
ніе, по слухамъ, основанное на
выдачѣ войску изъ казны ве
щей Годунова и самозванца, ко
торыхъ памятью не дорожила
русская душа. Беръ пишетъ:
»въ числѣ со кровищъ цар
скихъ, на счетъ которыхъ со
держалось коро левское войско
находилось семь коронъ, три ски
петра и другія безцѣнныя ве
щи. Одинъ ски петръ, изъ
цѣльной кости единорога, осы

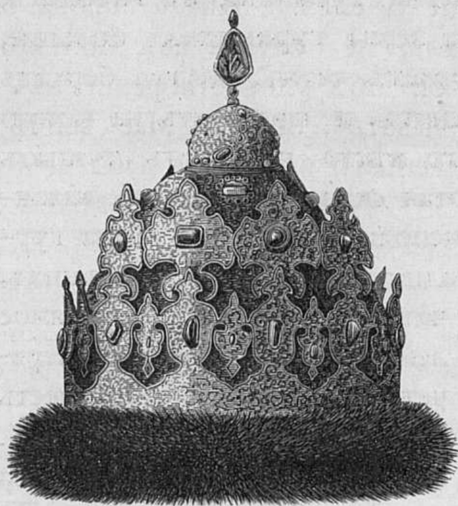

Шапка Мономаха или „златая шапка“.

панный яхонтами, затмѣвалъ все драгоцѣнное въ мірѣ«. Но Маржеретъ, сопровождавшій нѣсколько разъ Димитрія самозванца, при осмотрѣ казны говоритъ: »тамъ же хранятся четыре короны, изъ коихъ три царскія и одна старинная великокняжеская, кромѣ приготовленной и совсѣмъ отдѣланной для царицы Димитріевой супруги«. Все это подтверждаетъ, что Беръ распространялъ преувеличенные слухи о выданныхъ въ закладъ двухъ упомянутыхъ коронахъ, посохѣ и сѣдлѣ, дѣйствительно увезенныхъ поляками въ Польшу и тамъ подѣленныхъ. Объ этихъ двухъ коронахъ идетъ дѣло и въ укорительной отъ россійскихъ бояръ граматѣ къ польскимъ вельможамъ въ 1614 году. Одну изъ этихъ двухъ коронъ польскій историкъ Мархоцкій называетъ, неизвѣстно по какимъ свѣдѣніямъ, присланною императоромъ Максимиліаномъ II великому князю Ивану Васильевичу, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пишетъ, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ коронованъ древнею царскою шапкой.

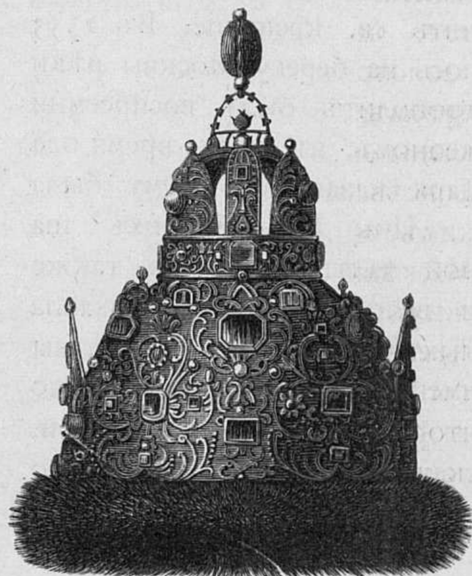
Въ росписи государева большого наряда, писанной съ прежнихъ росписей, въ 1642 году, по указу царя Михаила Ѳеодоровича—принять завѣдываніе государевыми большими нарядами боярину Ѳеодору Ивановичу Шереметеву—о царской златой шапкѣ сказано: »Шапка Мономахова золота сканаго съ каменьемъ и зерны пушена соболемъ, подложена атласомъ червчатымъ«.

Въ описи, составленной по указу царя Петра Алексѣевича, въ 1696 году, описаніе Мономаховой шапки вполнѣ соотвѣтствуетъ современному состоянію этого древнѣйшаго вѣнца царскаго.

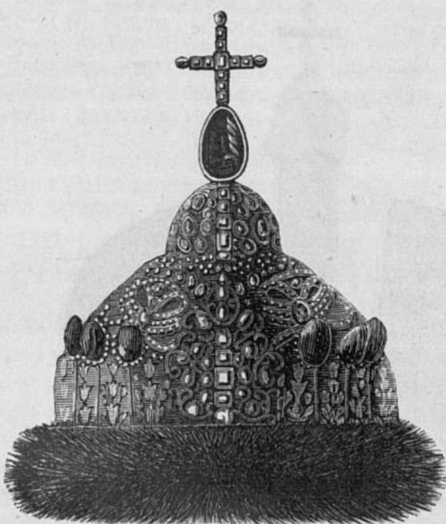
Шапка казанскаго царства.

»Шапка царская золота сканая Мономахова, на ней крестъ золотъ гладкій, на немъ по концамъ и въ исподи четыре зерна гурмицкихъ, да въ ней каменья въ золотыхъ гнѣздахъ, надъ яблокомъ яхонтъ желтъ, яхонтъ лазоревъ, лалъ, промежъ ними три зерна гурмыцкихъ, да на ней четыре изумруда, два лала, двѣ коры яхонтовыя въ золотыхъ гнѣздахъ, двадцать пять зеренъ гурмицкихъ на золотыхъ сѣняхъ, околъ соболій, подложена отласомъ червчатымъ, влагалище деревянное оклеено бархателью травчатою, закладки и крючки серебряны«. Въ древности только эта одна шапка была съ крестомъ и при выходахъ въ »большомъ нарядѣ« упоминалось: »шапка царская съ крестомъ Мономаховъ«. Шапка Мономахова у насъ считается древнѣйшей русской короной. Она давно получила названіе національной святыни. Историческая ея извѣстность не менѣе итальянской желѣзной короны, такъ названной отъ вдѣланнаго въ нее гвоздя, принадлежавшаго, по преданію, къ числу тѣхъ гвоздей, которыми былъ распятъ Христосъ. Съ обладаніемъ этою короною соединялось понятіе о правѣ владычества надъ Италіей. Шапка Мономаха въ древности у насъ называлась »златая шапка«, только въ духовной граматѣ Іоанна IV въ первый разъ она появляется подъ именемъ Мономаховой.

Корона царя Михаила Θеодоровича.

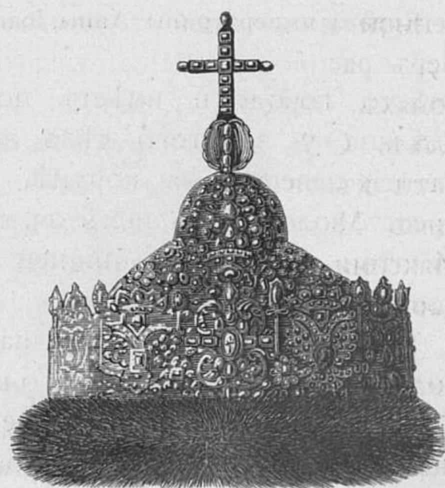
Для общаго коронованія двухъ царей—Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича—по образцу царской наслѣдственной шапки была устроена вторая шапка; ей усвоено названіе шапки Мономаховой второго наряда. Вотъ описаніе этой короны, взятое изъ описи царской казны 1682 года: »Шапка второго наряда сдѣлана съ образца Мономаховы шапки; на ней по цкѣ серебряной золоченой каменья въ гнѣздахъ; одинъ яхонтъ лазоревой, три изумруда; да три лала; да въ гнѣздѣ камня нѣтъ. Двадцать пять зеренъ гурмыцкихъ на спняхъ. Наверху яблоко, на яблокѣ въ гнѣздахъ золотыхъ лалъ да яхонтъ лазоревой, да изумрудъ; три зерна гурмыцкихъ въ гнѣздахъ; на яблокѣ крестъ золотой; на немъ четыре зерна гурмыцкихъ. Та шапка съ околомъ собольимъ«.

Корона царя Петра Алексѣевича.

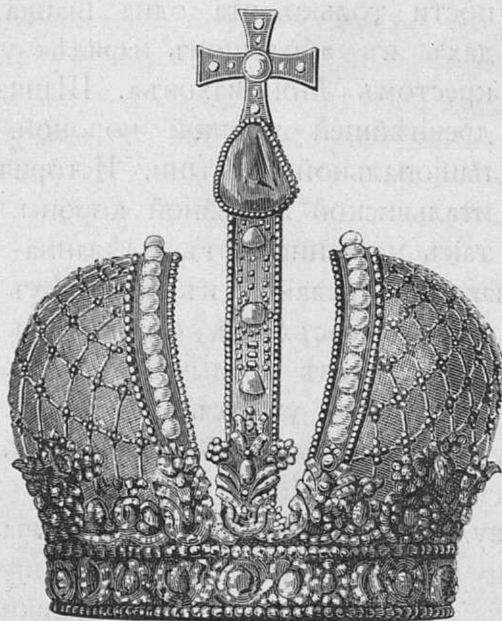
Здѣсь считаемъ не лишнимъ привести объясненіе названій древнихъ камней, встрѣчаемыхъ на украшеніяхъ старинныхъ коронъ. Такъ слово »зерно гурмыцкое или гурмышское« произошло отъ испорченаго слова урмитское, т. е. ормусское зерно, изъ города Ормуса, лежащаго при Персидскомъ заливѣ, гдѣ еще во времена библейскія ловили и продавали жемчугъ. Также слово »бурмитское зерно« означаетъ старинное русское названіе крупнаго жемчуга. Подъ словомъ яхонтъ встарину подразумѣвали сапфиръ, рубинъ и другія красивыя отличія драгоцѣннаго корунда; слово яхонтъ произошло отъ персидскаго »якутъ«; лаломъ на Востокѣ называютъ всѣ драгоцѣнные камни краснаго цвѣта; надо предполагать, что у насъ подъ этимъ именемъ слыла красная китайская шпинель.

Изъ государственныхъ коронъ, хранящихся въ Москвѣ, въ Оружейной палатѣ, извѣстна еще »шапка казанскаго царства«. Нѣкогда эта корона принадлежала древней Волжской Болгаріи затѣмъ, при покореніи Казани Іоанномъ IV, она была взята какъ трофей. Въ описи 1642 года архива Оружейной палаты, составленной по указу царя Михаила Θеодоровича, описаніе казанской шапки слѣдующее: »Шапка казанская золотая съ черною,

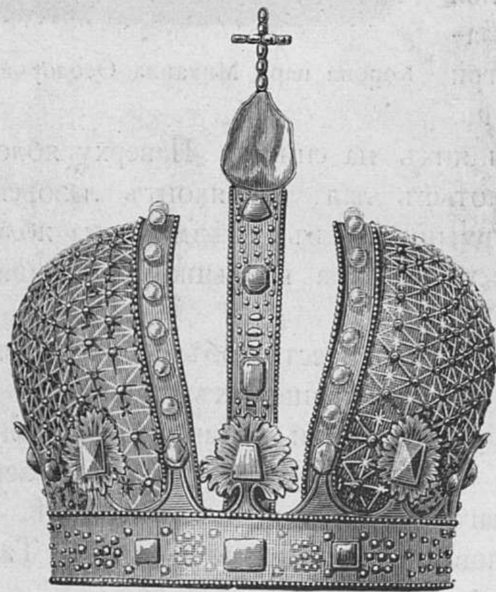
Корона царя Іоанна Алексѣевича.

городы прорѣзные золоты, въ ней каменье лалы и бирюза и зерна гурмыцкие въ гнѣздехъ; наверху на спнѣ камень лалъ, подъ камнемъ и поверхъ каменя два зерна гурмыцкихъ большие; пушена соболемъ, подложена атласомъ червчатымъ. Влагалище бархатъ чернъ, внутри бархатъ червленъ, петли и ручки серебряны бѣлы. Изъ той шапки лалъ снятъ и положенъ на новую шапку, которая дѣлана при Ефимѣ Телепневѣ въ 1627 году, а вто мѣсто положенъ тумпаз желтъ«. Въ описи 1682 года царской казны значится: »Шапка золотая сканая съ черню казанскаго царя Симеона, на ней наверху яхонтъ желтъ; наверху и на исподи яхонта два зерна гурмыцкихъ, въ ней тридцать три лала, осьмнадцать бирюзъ, да двѣнадцать бирюзокъ маленькихъ, двѣнадцать зерень половин чатыхъ, влагалище деревяное оклеено сверху бархатомъ зе ленымъ, изнутри тафтою червчатою«. Вѣсомъ эта шапка четыре фунта семдесять шесть золотниковъ. По оцѣнкѣ 1702 года шапкѣ той цѣна 684 руб. и двадцать алтынъ. Существу етъ преданіе, что эта корона была сдѣлана для царя Симео на Іоанномъ Грознымъ. По взятіи Казани, ханъ казан скій Едигеръ пожелалъ принять св. крещеніе. Въ 1553 году это торжество совершилось на берегу Москвы рѣки въ присутствіи государя; и митрополитъ былъ воспреемни комъ. Едигеръ, названный Симеономъ, въ то же время ода ренъ былъ Іоанномъ саномъ царя казанскаго и ему была поднесена новая корона.

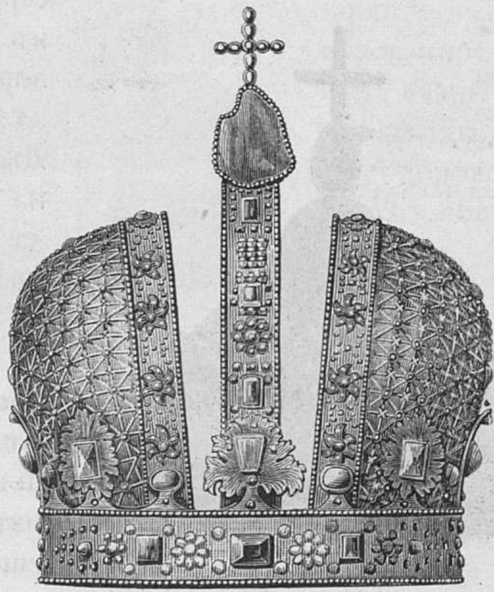

Корона императрицы Екатерины I.

Изъ историческихъ ша покъ, хранящихся въ Оружейной палатѣ, имѣется также »шапка перваго наряда царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича«. Въ старинныхъ описяхъ большой казны эта шапка извѣстна подъ именемъ »шапки фряской«, но это названіе не означаетъ, что она работы иностранной, т. е. фряжская или французская — названіе это ей дано за то, что верхняя часть ея

Корона императрицы Анны Іоанновны.

Корона императрицы Елисаветы Петровны.

вмѣсто городовъ имѣетъ подобіе фряжской короны. Въ описи 1642 года сказано, что она »дѣлана у золотого дѣла въ приказѣ у думнаго дьяка Ефима Телепнева. Первоначально на ней наверху, на корунѣ, былъ лалъ великъ, что снятъ съ казанской шапки, надъ лаломъ крестъ золотъ, въ немъ 23 алмаза да три зерна бурмицкихъ«. По описи 1628 года видно, что въ этой коронѣ, въ нижней части, стоялъ яхонтъ лазоревый, да еще нѣсколько другихъ сапфировъ высокой цѣны.

Не менѣе извѣстна еще шапка царя Іоанна Алексѣевича, носящая названіе »алтабасной«, т. е. изъ золотой ткани, и сдѣлана она въ 1684 году. Всѣ украшающіе ея запоны сняты съ алмазной шапки царя Ѳеодора Алексѣевича. Эта шапка по описи 1689 года значится какъ шапка третьяго наряда. Въ настоящемъ состояніи алтабасной шапки противъ перваго описанія не достаетъ многихъ драгоцѣнныхъ камней. Такъ, нѣтъ двухъ бурмицкихъ зеренъ на первомъ запонѣ и бывшаго подъ крестомъ сквознаго изумруда, который безъ сомнѣнія снятъ на шапку перваго наряда.

445

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

№ 1430. Годъ XXVIII. 22-го іюня 1896 г. Томъ LV. № 26.

При этомъ, 1430, нумерѣ »Всемірной Иллюстраціи« слѣдуютъ: **Литературное приложеніе**, содержащее въ себѣ: 1) »Самъ себѣ судья«, романъ Фр. Шпильгагена (11-й л.). 2) Оглавленіе LV томі »Всем. Илл.«. 3) »Въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Ч. I. Листъ 6.

СОДЕРЖАНІЕ НУМЕРА

ВЕЛИКІЙ ВОПРОСЪ КУПАЛЬНАГО СЕЗОНА

— Какъ бы поэфектнѣе заявить себя на французскихъ морскихъ купаньяхъ.

1) Американская ныряльщица. 2) Сначала надо смочить груди!.. 3) Костюмъ не предназначенный для употребленія. 4) Мадмуазель „Миссъ“!.. 5) Ножная ванна. 6) Современная Венера. 7) У спасательнаго каната.

ШАХМАТЫ

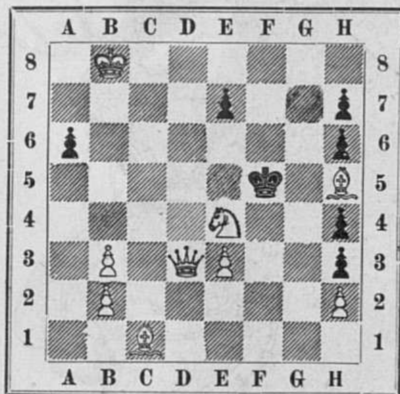
подъ редакціей **А. П. Шишкина**

ЗАДАЧА № 1888

H. H. Davis.

Второй призъ на конкурсѣ задачъ шахм. клуба въ Брайтонѣ.

Черные

Бѣлые

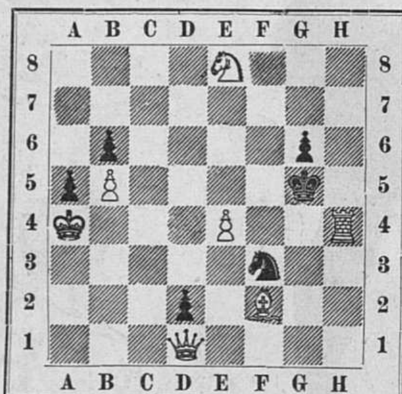
Матъ въ 3 хода.

ЗАДАЧА № 1889

C. Behting.

Изъ „Deutsche Schachzeitung“.

Черные

Бѣлые

Матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ въ №№ 1411, 1412, 1413, 1414 и 1415.

№ 1852. *Dr. G. Kalnicky.* 1. Ф c8—b8 (угрожая 2. К e5—f7† и 3. Ф b8—f4×), Кр g5—h4; 2. Ф b8 : b4† и 3. К e5—f3 или f7× *(Вар. a)*. 1... Кр g5—f4; 2. К e5—d3† и 3. Ф b8—f4 или b7× *(Вар. b)*. 1... Кр g5—h6 или 1... h5—h4; 2. К e5—f7† и 3. Ф b8—h8.

№ 1853. *L. N. de-Yong.* 1. Кр h1—g1 и если 1... К e1—f3† или ∞, то 2. Ф e4—f3×; если 1... К g2—h4 или ∞, то 2. g3—g4× или 2. Ф e4—h1×; если 1... f4—f3 или : g3, то 2. Ф e4—g4×; если же 1... Л f6 : f5 или ∞, то 2. Ф e4 : f5× или матъ, открывая пѣшкой ладью на a5.

№ 1854. *H. Kaidansky.* 1. Ф g1—f1 (угрожая 2. К c2—b4† и 3. Ф f1—d3×), Кр e4—d5†; 2. Ф f1 : c4† и 3. К c2—b4 или e3×. *(Вар. a)*. 1... К g7 : f5†; 2. Ф f1 : f5† и 3. К c2 - d4×. *(Вар. b)*. 1... К h5 : f4; 2. К c2—b4† и 3. Ф f1 : f4×. *(Вар. c)* 1.. С b3 : c2; Ф f1 : c4† и 3. Ф c4—g4×. (Вар. *d*) 1... Л c4—d4; 2. К c2 : d4† и 3. Ф f1—f3, e2 или : c4×.

№ 1855. *V. Marin.* 1. Л b5—f5 и если 1... К f7—e5, то 2. Л f5—f4×. Въ остальныхъ случаяхъ 2. Ф c6—a4 или d5×.

№ 1856. *Девизъ: Zalude constak smutny na dube.* 1. К d5—b4 (угрожая 2. Ф b7—c6† и 3. С g7—f6×), Кр d6—c5; 2. К b4 : d3† и 3. Ф b7—f7× или 3. С g7—f8×. *(Вар. a)* 1... С d3—c4†; 2. Кр g8—f8 и 3. Ф b7—e7×. *(Вар. b)* 1... С d3—e4; 2. С g7—f8† и 3. Ф b7—g7×.

№ 1857. *Une petitesse.* 1. Л h8—e8 и если 1... Кр e4 : d4, 1... h3 : g2 или 1... К d7∞, то 2. Ф h2—f4, h4 или e5×; если же 1... c5 : d4†, то 2. К f7—d6—.

№ 1858. *E. Pradignat.* 1. c2—c4 (угрожая 2. К d7—c5† и 3. С e1—g3×), Кр e4 : d3; 2. Ф b5—b1† и 3. Ф b1—b5×. *(Вар. a)* 1... К g1—e2 или h3; 2. Ф b5—e5† и 3. Ф e5 : e2× или 3. К d7—c5×. *(Вар. b)* 1... К a5—b7; 2. Ф b5—b1 и 3. Л d3—e3×. *(Вар. c)* 1... К a5—b3 или 1... Л a3—a1; 2. Л d3—e3† и 3. Ф b5–d5–. *(Вар. d)* 1... К a5 : c4; 2. Ф b5—b7† и 3. Ф b7—b1×. *(Вар. e)* 1... С f5 : d7 или g4; 2. Л d3 : d4† и 3. Ф c5—d5×. Если 1... Л a3 : d3, 1... d4 : c3 или 1... e7—e5, то 2. Ф b5—d5× или 2. К d7—c5×.

№ 1859. *V. Marin.* 1 К e7—g6 и если 1... Кр d3 : e4, 1... Л d4∞ или 1... Л d5 : d6 или —e5†, то 2. К g6—e5×; если же 1... Кр d3—c4 или 1... Лd5∞, то 2. Ф b2—c2× или 2. Л d6 : d4×.

№ 1860. *Г. Кейданскаго.* 1. Ф h6—a6 (угрожая 2. Ф a6 : a8×), Кр e4—d5; 2. Ф a6—a5† и 3. Ф a5—d8, : b5 или : a8×. *(Вар. a)* 1... С a8—d5; 2. К b3—d2† и 3. Ф a6—b6×. *(Вар. b)* 1...С e5 : d4; 2. Ф a6—d6 и 3. Ф d6 : d4 или e6× или 3. К b3 - d2×. *(Вар. c)* 1... С e5—d6 или c7; 2. Ф a6—c8 и 3. Ф c8 : f5 или —e6×. *(Вар. d)* 1... С e5∞; 2. Ф a6—a5 и 3. Ф a5 : f5 или —e1× или 3. К b3—d2×.

№ 1861. *I. Pospisil.* 1. Ф h6 – c1 (угрожая 2. Ф c1 : c4×) и если 1... Кр d5 : e4, то 2. Ф c1—h1×; если 1... Л c4 : e4, то 2. Л b4—b5×; если 1... Л c4—d4 или : b4, то 2. К e4—f6×; если же 1... Кр d5 - c6 или 1... Л∞, то 2. К f5—e7×.

Вѣрныя рѣшенія задачъ №№ 1857 и 1859 прислалъ А. Сѣверовъ (Тифлисъ).

Въ Лондонѣ, въ „Simpson's Divan'ѣ“, въ настоящее время происходитъ турниръ, въ которомъ участвуютъ 12 игроковъ: гг. Bird, Lee, Loman, Mortimer, Teichmann, Cresswell, Farrow, Fenton, Ingeldsby, Müller, Kolland и Van Vliet.

Въ Америкѣ въ послѣднее время привлекаетъ на себя всеобщее вниманіе новый шахматный чампіонъ Соединенныхъ Штатовъ — г. Шовальтеръ, побѣдитель г. Липшютца. Теперь онъ отстаиваетъ свое первенство въ матчѣ съ г. Берри. Матчъ происходитъ въ Бостонѣ и начался 16-го мая. Изъ четырехъ сыгранныхъ партій двѣ окончились въ ничью, одну выигралъ г. Берри и одну — г. Шовальтеръ.

Г. Н. Пильсбери также вызвалъ г. Шовальтера на матчъ (со ставкою въ 1.000—1.500 долларовъ), который начнется вскорѣ послѣ окончанія матча съ г. Берри.

В. Стейницъ возвратился 22-го мая въ Нью-Іоркъ. Предполагаютъ, что онъ не будетъ участвовать въ нюренбергскомъ турнирѣ въ виду предстоящаго ему въ скоромъ времени серьезнаго состязанія съ Э. Ласкеромъ.

Въ Берлинѣ началъ издаваться недавно подъ редакціей г. Вальбродта новый шахматный журналъ „Berliner Schachzeitung“. Журналъ выходитъ книжками въ 16 страницъ два раза въ мѣсяцъ. Подписныя деньги 6 марокъ, могутъ быть высланы по адресу: Berlin, Expedit., № 24. Auguststr, 87.

Въ Барселонѣ также появился шахматный журналъ—„Ruy Lopez“. Журналъ издается на испанскомъ языкѣ г. Coro Gonzalez'омъ и выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ книжкой также въ 16 страницъ. Подписная цѣна—5 марокъ; адресъ: Libreria de Antonio Lopez. Rambla del Centro. 20. Barcelona.

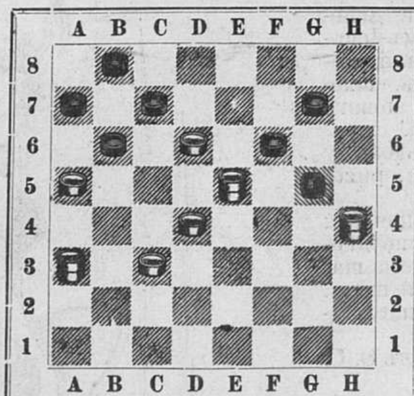
ШАШКИ

ЗАДАЧА № 171

Ф. М. Уткина (въ Муромѣ).

Изъ „Шахм. Обозрѣнія“ 1893 г.

Черные

Бѣлые

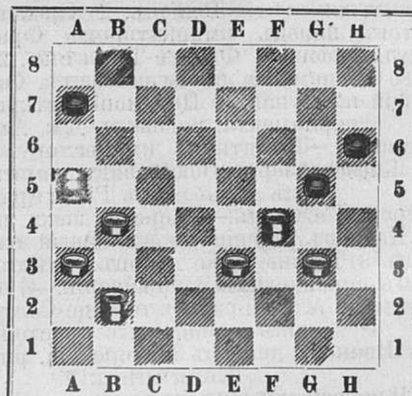
Запереть простую.

ЗАДАЧА № 172

А. И. Шошина (въ СПБ.).

Поддавки.

Черные

Бѣлые

Запереть свою простую.

РѢШЕНІЯ ЗАДАЧЪ ВЪ №№ 1405 и 1409.

№ 149. *А. С. Егорова.* 1. e5—f6, e7 : g5; 2. c7—b8, d8 : a5; 3. b8—f4, e3 : b6; 4. a7 : f2, g5 : g1; 5. b2—c3, a5 : d2; 6. e1 : b4' a3 : c5; 7. h8—d4, c5 : e3; 8. g3—f2 и 9. c1 : e3.

№ 150. *А. И. Шошина.* 1. d8—f6, a5 : d8; 2. f6—g7, h8 : h4 (a); 3. d2—e1, d8—a5 (b и c); 4. b2—a1, a5 : d2; 5. e1—b4, a3 : c5; 6. a1—d4, c5 : g1; 7. c1—d2 и 8. d2—e1.

(Вар. a) 2... d8 : h4; 3. c3—d4, h8 : f6, 4. d2—g5 и 5. d4 : f6.

(Вар. b). 3... d8—f6; 4. c3—d4, f6 : a1; 5. f2—e3, h4 : d4; 6. e1—c3 и 7. h2—g3.

(Вар. c) 3... d8—c7 или e7 (3... d8—g5; 4. c1 : h6, a3 ; c1; 5. e1—d2 и т. д.; 4. c3—b4; a3 : c5; 5. b2—d4,c5 :g1; 6. c1 – f4 или a3, и 7. f4 : b8 или 7.a 3 : f8

№ 151. *А. С. Егорова.* 1. c1—f4, e5 : g3; 2. g1—e3, f6 : a1; 3. e3—c1, h4 : f6. 4. a5—b6, c7 : c3: 5. c1—b2, e7 : b4; 6. a3 : e1 и 7. e1 : c3.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

№ 1430. Годъ XXVIII. 22-го іюня 1896 г. Томъ LV. № 26.

Императоръ НИКОЛАЙ I.

Съ фотографіи. Рисовалъ К. О. Брожъ.

По поводу сотой годовщины рожденія.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I

1796—1896 гг.

„Я стала бабушкой третьяго внука, который по необыкновенной силѣ своей, предназначенъ, кажется мнѣ, также царствовать, хотя у него и есть два старшихъ брата“.

Эти слова были сказаны императрицею Екатериною II, 25-го іюня 1796 года, когда ей, въ исходѣ четвертаго часа утра, доложили о рожденіи великаго князя. Новорожденный великій князь впослѣдствіи замѣчательнымъ образомъ оправдалъ предсказаніе своей бабки: въ 1825 году онъ вступилъ на всероссійскій престолъ. Этотъ внукъ Екатерины былъ императоръ Николай I. Такимъ образомъ, 25-го іюня нынѣшняго года исполняется столѣтіе со дня его рожденія.

Какъ извѣстно, императоръ Александръ I, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ престолъ старшему изъ своихъ двухъ братьевъ великому князю Константину Павловичу. Но тотъ отказался отъ престола въ пользу своего младшаго брата Николая. Этимъ моментомъ нѣкотораго замѣшательства въ престолонаслѣдованіи воспользовались возникшія въ то время безпокойныя политическія партіи и устроили извѣстное въ нашей исторіи декабрьское возмущеніе, которое было весьма счастливо подавлено молодымъ императоромъ, — съ замѣчательною быстротою и энергіею.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ императоръ Николай I заявилъ себя непримиримымъ противникомъ тогдашняго австрійскаго перваго министра Меттерниха. Вліяніе этого государственнаго дѣятеля было въ то время громадное; можно почти безъ преувеличенія утверждать, что Меттернихъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбы всей Европы. Николай I, по своей дѣятельной и властной натурѣ никакъ не могъ помириться съ второстепенной ролью: онъ хотѣлъ стать самъ и поставить Россію на первое мѣсто, стать самому вершителемъ судебъ Европы. Въ первые же годы царствованія онъ поднялъ восточный вопросъ, который все время оставался главнымъ центромъ его внѣшней политики. Тогда начались волненія въ Греціи, стремившейся свергнуть турецкое владычество. Какъ разъ въ это же самое время вторглись на Кавказъ и грозили нашимъ владѣніямъ персы. Николай сразу повелъ войны противъ Персіи и противъ Турціи, обѣ кончившіяся побѣдою. Знаменитый Паскевичъ нѣсколько разъ разбилъ на голову персовъ, и овладѣлъ ихъ главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ Эриванью. Въ 1828 году съ персами былъ заключенъ миръ въ Туркманчаѣ, по которому къ Россіи отошла Эривань и средоточіе армянской святыни Эчміандзинъ. Турки, въ свою очередь, потерпѣли полное пораженіе и должны были уступить Россіи нѣсколько крѣпостей по берегамъ Дуная и Чернаго моря. Несмотря на всевозможныя противодѣйствія и козни Меттерниха, война съ Турціею закончилась блистательно и по адріанопольскому миру, заключенному въ 1829 году, устья Дуная и восточный берегъ Чернаго моря отошли къ Россіи, а Греція пріобрѣла независимость.

Почти тотчасъ послѣ этихъ войнъ Императору Николаю пришлось выступить умиротворителемъ польскаго возстанія. Идея о независимости Польши никогда на переставала бродить среди польскихъ патріотовъ. А въ то время, т. е. въ концѣ 20-хъ годовъ какъ разъ явился энергическій поборникъ независимости, извѣстный магнатъ Адамъ Чарторыжскій. Онъ не щадилъ своихъ громадныхъ средствъ на подготовленіе возстанія. Полякамъ казалось въ то время, что западныя державы отнесутся столь же сочувственно къ добивающейся независимости Польшѣ, какъ они отнеслись къ Греціи. И вотъ, въ 1830 году въ Варшавѣ вспыхнулъ мятежъ. Самъ намѣстникъ, великій князь Константинъ, едва спасся, а многіе изъ его приближенныхъ погибли.

Между тѣмъ, Англія и Франція, на которыхъ польскіе патріоты такъ крѣпко разсчитывали, не оказали имъ никакой дѣйствительной поддержки; русская же армія подъ начальствомъ Паскевича нанесла повстанцамъ жестокое пораженіе при Остроленкѣ, въ 1831 г.

Польша утратила послѣдніе слѣды независимости и сдѣлалась русскою провинціею съ ограниченными правами.

Послѣ того настала 20-лѣтняя эпоха, которая, по справедливости, въ исторіи Европы можетъ быть отмѣчена названіемъ эпохи Николая.

Въ это время Россія смѣло могла задавать тонъ Европѣ. Германія была раздроблена и безсильна, и притомъ связана съ Россіею черезъ браки коронованныхъ особъ. Франція была обезсилена внутренними смутами. Болѣе серьезнымъ противникамъ Россіи оставалась лишь Англія, изо всѣхъ силъ стремившаяся отбить отъ Россіи вліяніе на Турцію. Проискамъ Англіи Россія была обязана продолжительною и упорною борьбою съ Кавказомъ. Здѣсь еще въ началѣ 30-хъ годовъ появился знаменитый имамъ Кази-Мулла, поднявшій противъ Россіи населеніе Дагестана, объявившій священную войну до послѣдней капли крови. Съ этимъ первымъ имамомъ было покончено въ 1832 г. Но на смѣну ему выступилъ гораздо болѣе даровитый и опасный Шамиль, которому постепенно, къ началу 40-хъ годовъ, удалось подчинить себѣ весь Дагестанъ. Его борьба съ русскими была въ началѣ очень успѣшна, онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ, захватилъ нѣсколько укрѣпленій. Въ 1846 году намѣстникомъ Кавказа былъ назначенъ графъ Воронцовъ, который повелъ борьбу съ горцами въ строго систематическомъ порядкѣ; русскіе постепенно подвигались въ горы, вырубали лѣса, строили дороги, укрѣпленія, закладывали цѣлыя укрѣпленныя линіи. Шамиль былъ сильно стѣсненъ, но, однако, все еще не сдавался и для удержанія спокойствія на Кавказѣ приходилось держать тамъ 200 тысячную армію. Тѣмъ времеменемъ Англія вмѣшалась въ дѣла Афганистана и посадила тамъ своего владѣтеля. Въ то же время императоръ Николай послалъ армію подъ начальствомъ Перовскаго противъ хивинцевъ, грабившихъ русскіе караваны. Экспедиція оказалась неудачною, въ томъ смыслѣ, что ей пришлось жестоко пострадать отъ суроваго климата средней Азіи; но хивинскій ханъ все таки былъ напуганъ движеніемъ русскихъ и изъявилъ покорность. Англичанъ же въ Афганистанѣ постигла полная неудача, ихъ оттуда изгнали. Англія начала интриги противъ Россіи въ Персіи и Китаѣ, но Персія была слишкомъ запугана русскимъ оружіемъ, Китай же ненавидѣлъ Англію за ввозъ опія, и напротивъ, очень благоволилъ къ Россіи, запретившей своимъ купцамъ торговлю этимъ ядомъ.

Соперничество Англіи съ Россіей вновь и съ особенною силою сосредоточилось въ борьбѣ за вліяніе на дѣла Турціи. Англія въ то время поддерживала властителя Египта Магомета-Али въ его враждѣ съ Турціею.

Мало по малу, англичанамъ удалось почти захватить въ свою власть Египетъ. Въ то же время чрезвычайно усиливалось ихъ вліяніе и въ Константинополѣ. Дипломатическая борьба достигла высшаго разгара, когда въ Англіи у кормила иностранной политики всталъ даровитый лордъ Пальмерстонъ. Это соперничество постепенно и привело Россію къ памятной крымской войнѣ. Но прежде чѣмъ разсказать объ этомъ послѣднемъ актѣ политической дѣятельности Николая I, необходимо сказать нѣсколько словъ о венгерской кампаніи. Въ 1846 году многочисленные польскіе эмигранты, все время непрерывно агитировавшіе по всей Европѣ сосредоточились въ вольномъ городѣ Краковѣ, подъ предводительствомъ Мѣрославскаго. Имъ удалось поднять мятежи въ Галиціи и Познани, думали они также взбунтовать и русскую Польшу. Но въ Галиціи противъ нихъ поднялось крестьянское населеніе, движимое враждою къ „панамъ“ и произведшее жесточайшую рѣзню повстанцевъ. Въ Краковѣ же съ ними покончили прусскія войска. Тогда всѣ уцѣлѣвшіе эмигранты и повстанцы бросились въ Венгрію.

Въ этой странѣ, которая въ то время какъ и нынѣ была подвластна Австріи, мечтанія о независимости съ особенною силою вспыхнули въ бурномъ 1848 году, когда вся западная Европа была охвачена революціонною лихорадкою. Венгры единодушно поднялись возбуждаемые своимъ знаменитымъ патріотомъ Кошутомъ. Выступившія противъ венгерцевъ австрійскія войска были разбиты. Венгрія торжественно провозгласила себя республикою. Императоръ Николай I, какъ стражъ порядка и законности въ Европѣ, не могъ потерпѣть такого нарушенія державныхъ правъ Австріи. Венгерское движеніе онъ не могъ трактовать иначе какъ бунтъ провинціи противъ государства. И онъ выступилъ могучимъ и побѣдоноснымъ защитникомъ Австріи. Все тотъ же Паскевичъ въ союзѣ съ австрійцами и хорватами нанесъ венгерцамъ рѣшительное пораженіе при Вилагошѣ, въ 1849 году.

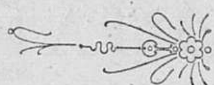
Послѣ венгерской кампаніи могущество Россіи достигло высшей точки. Пруссія могла считаться, по родству коронованныхъ особъ, союзницею. Австрія была спасена Россіею отъ разгрома. Франція, въ которой въ то время только что восходила звѣзда Наполеона III, никому не казалась опасною. Императоръ Николай видѣлъ передъ собою только одного серьезнаго противника — Англію, но надѣялся ее умиротворить при будущемъ раздѣлѣ Турціи, который былъ для него рѣшеннымъ вопросомъ, отдавъ ей Египетъ и Критъ. Русская дипломатія этого времени держалась чрезвычайно рѣшительно и часто высокомѣрно; особенно выдѣлялся въ этомъ отношеніи русскій посолъ въ Константинополѣ князь Меньшиковъ. Ядромъ раздора явилась въ то время Палестина. Во всѣхъ святыхъ мѣстахъ этой страны православное духовенство стало брать явный верхъ надъ представителями другихъ христіанскихъ исповѣданій. Особенно дѣятельными противниками его оказались католики. Они склонили въ свои интересы Наполеона III и тотъ настоялъ передъ султаномъ, на томъ чтобы всѣ христіанскія религіи пользовались въ святой землѣ одинаковыми правами. Тогда Меньшиковъ отъ имени императора Николая потребовалъ установленія протектората Россіи надъ всѣмъ православнымъ населеніемъ Турціи. Послѣдовалъ рѣзкій разрывъ, на защиту ислама поднялась вся христіанская Европа и Россія очутилась лицомъ къ лицу съ грознымъ союзомъ.

Началась крымская война. Въ самый разгаръ этой отчаянной борьбы съ Европою императоръ Николай I, потрясенный неудачами, скончался. Начатую имъ борьбу съ Европою пришлось закончить его преемнику.

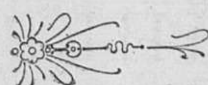
Такова внѣшняя исторія царствованія императора Николая I. Бросимъ теперь взглядъ на его внутреннюю государственную дѣятельность. Первою заботою его было искорененіе глубоко внѣдрившихся въ наше чиновничество злоупотребленій, въ особенности же взяточничества. Наши законы того времени являлись въ совершенно хаотическомъ состояніи, и Николаю I принадлежитъ починъ въ изданіи перваго систематическаго свода законовъ. Старое „Полное собраніе законовъ“ въ 45 томахъ, превратилось подъ руководствомъ знаменитаго Сперанскаго въ нынѣшній сводъ въ 15 томахъ.

Императоръ Николай глубоко и искренно возмущался крѣпостнымъ правомъ, но при всей своей энергіи не рѣшился наложить руку на это наслѣдіе минувшихъ вѣковъ, опасаясь вызвать такою реформою страшное потрясеніе всего государства. Сперанскимъ былъ составленъ даже планъ освобожденія крестьянъ, но этотъ планъ былъ встрѣченъ сильнымъ противодѣйствіемъ высшей аристократіи. Николай I много усилій положилъ для поднятія значенія высшаго сословія. Въ его время безчисленное множество мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ, особенно среди инородцевъ, польской шляхты и малороссійскихъ помѣщиковъ хлопотали о дворянствѣ и обыкновенно добивались его. Николай I рядомъ суровыхъ мѣръ прекратилъ это движеніе. Нѣсколько десятковъ тысячъ новыхъ дворянъ, послѣ тщательной провѣрки ихъ правъ, были переписаны въ однодворцы и купцы. Народное просвѣщеніе, къ подъему котораго императоръ Николай I приложилъ не мало заботъ, долгое время находилось при немъ въ рукахъ образованнаго и гуманнаго графа Уварова. Въ 1835 г. былъ изданъ университетскій уставъ.

Къ царствованію Николая I относится основаніе кіевскаго университета, технологическаго института, школы правовѣдѣнія, астрономической обсерваторіи въ Пулковѣ и разныхъ ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ географическаго; было снаряжено нѣсколько ученыхъ экспедицій и предпринято на казенный счетъ изданіе многихъ цѣнныхъ научныхъ сочиненій. Въ 1828 году упорядочено среднее образованіе изданіемъ устава гимназій и училищъ. Умственное движеніе русскаго общества, выразившееся въ литературѣ, достаточно характеризуется и оцѣнивается именами главныхъ дѣятелей той эпохи на научномъ и литературномъ поприщахъ: Пушкина, Гоголя, Бѣлинскаго, Кольцова, Тургенева, Некрасова, Достоевскаго, Грановскаго и цѣлаго ряда другихъ знаменитостей, включая сюда и корифеевъ искусства, которое императоръ очень любилъ и всячески поощрялъ и которое при немъ процвѣтало вполнѣ

ЛЮБОВЬ

Придешь ли ты, угасшая такъ рано,
Души моей владычица, — любовь?
Иль сладкій ядъ минувшаго обмана
Мой бѣдный умъ не отуманитъ вновь?...

Она пришла — какъ свѣтлый вѣстникъ рая —
Опять восторгъ!.. и слезы!.. и мечты!..
Я счастлива, надѣясь и страдая,
И жизнь полна безсмертной красоты!

М. Лохвицкая

16 (28)-го іюня 1896 г.

По прежнему, политическій горизонтъ остается сравнительно яснымъ, и ничто, повидимому, не предвѣщаетъ близкихъ бурь. Въ Европѣ царствуетъ довольно сносное миролюбіе.

Россія, отпраздновавъ Священное Коронованіе своего Молодого Императора, приступила къ промышленно-торговому торжеству въ Нижнемъ-Новгородѣ. Родственныя намъ Сербія и Черногорія, разъединенныя долгое время австро-венгерскимъ вліяніемъ, подаютъ другъ другу руку подобно тому, какъ недавно Болгарія браталась съ Сербіей, и Бѣлградъ встрѣчаетъ и чествуетъ князя черногорскаго въ академіи наукъ, въ старомъ дворцѣ, въ новомъ дворцѣ, въ кафедральномъ соборѣ.

Испанія стремится къ сближенію съ Франціей. Въ Буда-Пештѣ продолжаются мирныя юбилейныя празднества и чествуются русскіе журналисты, съ провозглашеніемъ прекраснаго принципа, что „народамъ чужда національная ненависть, возводятъ ее въ догматъ только лже-пророки, и долгъ писателей распространять въ народахъ братскія чувства“. Въ Берлинѣ нѣмцы даютъ банкеты въ честь Ли-Хунъ-Чанга, кричатъ „hoch“ китайскому императору и Бисмаркъ небесной имперіи видается съ германскимъ Бисмаркомъ, который „ничего не дѣлаетъ, чтобы не огорчаться“.

Во Франціи совершается открытіе памятника Карно. Въ Италіи мирное настроеніе избираетъ своимъ объектомъ то-же Францію и, такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ очень прочные мирные союзы скрѣпляются при помощи морскихъ эскадръ, то предполагалось, что французы пришлютъ дружественную флотилію въ Средиземное море. Но Англія, ревнуя къ Франціи, а главное, не желая выпускать изъ рукъ такого лакомаго куска, какъ несчастный, истоптанный въ абиссинскихъ пустыняхъ и облитый кровью „сапогъ“ короля Гумберта, поспѣшила прислать въ Чивита-Веккію всѣ свои суда, плавающія въ Средиземномъ морѣ. Говорятъ, что при этомъ было потребовано англійскимъ посломъ объясненіе отъ итальянскаго правительства по поводу переговоровъ его съ французской республикой. Народъ чрезвычайно недружелюбно встрѣтилъ англичанъ, но въ общемъ все-таки это имѣло видъ англо-итальянскаго дружественнаго свиданія. О политической внутренней жизни сѣверныхъ народовъ, населяющихъ просвѣщенную Европу, даже не слышно — такъ она невозмутимо культурна и не уклоняется отъ намѣченныхъ цѣлей, по своей скромности не привлекающихъ вниманія дипломатовъ и журналистовъ.

За то въ Турціи дѣла обстоятъ не очень благополучно. За послѣдніе дни на островѣ Критѣ произошли многочисленныя и упорныя стычки. Замиреніе острова посредствомъ пуль и штыковъ совершается очень медленно, не смотря на константинопольскія извѣстія, утверждающія, что Абдулахъ-паша неотразимъ. Паша уволенъ отъ генералъ-губернаторства и на его мѣсто назначенъ Георгій Беровичъ, самосскій князь, а Абдулахъ-паша остается командующимъ войсками на островѣ съ производствомъ въ фельдмаршалы. Національное собраніе на о. Критѣ должно состояться на-дняхъ. Такимъ образомъ, воспослѣдовало вмѣшательство европейской дипломатіи и султанъ согласился со справедливостью ея заявленій и требованій. Что касается безпорядковъ въ Ванѣ, то они также серьезны, какъ и въ прошломъ году. Полунезависимые друзы въ Хавранѣ и на Ливанѣ возстали въ свою очередь. Въ горахъ Арменіи своевольничаютъ курды. Поневолѣ Турція должна, въ концѣ концовъ, внять настойчивымъ совѣтамъ, идущимъ изъ европейскихъ дипломатическихъ канцелярій.

Молодая турецкая партія обнаруживаетъ усиленную дѣятельность: многочисленные случаи произвола въ провинціяхъ и въ столицѣ увеличили число ея сторонниковъ и усилили убѣжденіе, на что интересы Турціи и ея народовъ требуютъ коренныхъ перемѣнъ въ правительственной системѣ. Разсказываютъ объ ультиматумѣ, полученномъ въ Ильдизъ-Кіоскѣ. Результатомъ этого былъ приказъ сформировать отрядъ тѣлохранителей изъ курдовъ, которые вообще пользуются большимъ расположеніемъ и довѣріемъ падишаха. Старо-турецкая партія продолжаетъ имѣть высокое о себѣ мнѣніе, вслѣдствіе чего всѣ совѣты въ смыслѣ искренней политики примиренія и прогресса падаютъ на непроизводительную почву.

Малая Азія да южная Африка — вотъ гдѣ въ настоящее время сосредоточиваются военные подвиги людской взаимной ненависти, жадности и низости. Извѣстія изъ южной Африки крайне печальнаго характера. Министерству маркиза Салисбюри положительно не везетъ. Англичане сотнями разстрѣливали воинственныхъ мотабеле и нанесли имъ цѣлый рядъ ужасныхъ пораженій при помощи своихъ усовершенствованныхъ орудій, между которыми такую видную роль играютъ теперь пушки Максима. И все это только потому, что матабеле не хотѣли пускать на свои земли, считая ихъ своими собственными, англійскихъ колонистовъ. Тѣмъ не менѣе, когда англійскій отрядъ убилъ какого-то жреца матабелей во время исполненія имъ священной службы, дикари возстали, какъ одинъ человѣкъ, и чего никакъ не ожидали англичане, нанесли имъ рѣшительное пораженіе и, наконецъ, взяли приступомъ фортъ Салисбюри — словно въ насмѣшку названный по имени англійскаго премьера. Пушки Максима изломаны въ куски. Англійское общественное мнѣніе въ виду всѣхъ этихъ политическихъ неудачъ, увѣнчавшихся не только побѣдою трансвальской республики, но и горсти дикарей надъ англійской короной, должно призадуматься и увидѣть неспособность торійскаго министерства къ руководству дѣлами страны.

НЕПОПРАВИМОЕ

Разсказъ

Н. Н. ЮРЬИНА

Продолженіе

Равинскій такъ живо почувствовалъ всю горечь обиды и униженія, которыя должна была испытывать Клавдинька, что ему казалось необходимымъ сейчасъ же предпринять что нибудь, что могло бы утѣшить и успокоить ее. Но что?

Онъ нѣкоторое время просидѣлъ, низко опустивъ голову и какъ-то весь съежившись въ креслѣ, какъ бы обдумывая вопросъ, необыкновенно сложный и требующій сильнаго умственнаго напряженія.

Но это продолжалось не долго. Внутренній голосъ шепнулъ ему, „къ чему ты передъ самимъ собою играешь комедію и притворяешься, что ищешь рѣшенія, тогда какъ отлично знаешь, что тутъ только одно рѣшеніе и можетъ быть?..“

— Да, конечно одно, жениться на ней, сказалъ онъ почти вслухъ.

Онъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ. Состояніе, близкое къ отчаянію, овладѣло имъ. Зачѣмъ все это такъ сложилось? Зачѣмъ нужно было случиться этой отвратительной исторіи съ Мытищевымъ? Еслибы ея не было, какъ бы все разрѣшилось просто и хорошо... И какъ они оба могли бы быть счастливы теперь...

Но кто же виноватъ въ этомъ? Отчего онъ тогда такъ равнодушно прошелъ мимо? Вѣдь онъ зналъ, какая опасность ей грозитъ, зачѣмъ же онъ не предостерегъ ее во время?

Да, онъ виноватъ во всемъ происшедшемъ больше всего — и онъ долженъ нести наказаніе за это. Пусть будетъ—что будетъ, но онъ женится на ней, хотя знаетъ, что никогда не въ состояніи будетъ забыть ея прошлаго.

Равинскій ушелъ со службы очень рано, что опять таки вызвало разныя болѣе или менѣе остроумныя толкованія и догадки со стороны чиновниковъ, которые съ давнихъ поръ уже привыкли расходиться по домамъ раньше своего начальника.

Онъ такъ торопился въ унылыя меблированныя комнаты на Пушкинской, какъ будто каждая минута промедленія должна была лечь тяжелымъ бременемъ на его совѣсть. Почему-то онъ представлялъ себѣ, что Клавдинька цѣлый день съ утра сидитъ дома въ ожиданіи его прихода. Конечно, теперь нетерпѣніе ея достигло уже крайнихъ предѣловъ и, можетъ быть, она теряетъ даже надежду на то, что онъ явится.

Равинскій постучалъ въ дверь, а самъ въ это время такъ отчетливо, какъ будто онъ обладалъ способностью проникать взоромъ через стѣны, видѣлъ передъ своими глазами Клавдиньку, блѣдную, въ слезахъ, раскаивающуюся во вчерашнемъ увлеченіи и готовую встрѣтить его съ выраженіемъ нѣмого упрека на лицѣ.

Онъ постучалъ, но отвѣта не было. То же самое и во второй разъ. Подъ вліяніемъ преслѣдовавшихъ его мыслей, онъ уже представлялъ себѣ самое худшее, что только могло случиться,—боясь и отойти отъ этой двери, къ которой его какъ будто что-то притягивало, и не рѣшаясь поднять тревогу. Онъ обрадовался, когда увидѣлъ, проходившую по корридору, горничную.

— Барышня какъ съ утра ушли въ больницу, такъ и не возвращались еще, бойко доложила она, кивнувъ ему головой точно старому знакомому.

Итакъ, она ушла въ больницу и по разнымъ своимъ дѣламъ, какъ будто ничего вчера и не было. Это такъ мало соотвѣтствовало тому, что по представленію Равинскаго Клавдинька должна была бы переживать, что онъ испыталъ даже нѣкоторое разочарованіе.

— Дайте мнѣ, пожалуйста, ключъ. Мнѣ надо написать пару словъ Клавдіи Васильевнѣ, сказалъ онъ горничной.

Та же комната, которая и раньше своимъ видомъ приводила Равинскаго въ уныніе, теперь, когда не было Клавдиньки, оживлявшей все-таки эти стѣны своимъ присутствіемъ, показалась ему просто ужасной. Онъ возмутился при мысли, что Клавдинька могла здѣсь жить и даже не стремилась вырваться отсюда. И ему показалось униженіемъ какъ для него самого, такъ и для Клавдиньки, что начался ихъ романъ въ обстановкѣ, такъ мало соотвѣтствующей всѣмъ тѣмъ чувствамъ, которыя они испытывали.

Онъ нашелъ на столѣ обрывокъ бумаги и написалъ: „Мнѣ необходимо васъ видѣть. Зайду къ вамъ сегодня вечеромъ пораньше. Постарайтесь, чтобы никого не было. Вашъ И. Р.“.

Уходя, онъ, еще спускаясь по лѣстницѣ, сообразилъ, что записка была слишкомъ суха и коротка и что послѣ того, что произошло вчера, нужно бы написать что нибудь болѣе сердечное. Но подняться опять наверхъ, розыскать горничную, вторично попросить у нея ключъ отъ номера и встрѣтиться при этомъ съ ея недоумѣвающимъ взглядомъ, все это было такою сложною процедурою, одна мысль о выполненіи которой привела Равинскаго въ смущеніе. „Все равно“, подумалъ онъ, „не далѣе, какъ черезъ три часа, я съ нею увижусь и тогда все объяснится само собою“.

Придя домой, Равинскій едва успѣлъ наскоро пообѣдать, какъ въ передней раздался звонокъ.

„Надо было приказать Якову, чтобы онъ никого не принималъ“, подумалъ онъ. „А то еще могутъ задержать. Да и нѣтъ у меня охоты никого видѣть“.

Онъ вышелъ въ гостиную и прежде, чѣмъ Яковъ, съ таинственнымъ видомъ шедшій къ нему на встрѣчу успѣлъ что нибудь сказать, онъ уже понялъ, въ чемъ дѣло.

— Хорошо, хорошо, сказалъ онъ Якову, не слушая, что тотъ говорилъ ему. Я знаю,— ступайте къ себѣ. Когда надо будетъ, я васъ позову.

Яковъ вышелъ, по дорогѣ самъ себѣ ухмыляясь и подмигивая, какъ будто произошло что-то въ высшей степени забавное. А Равинскій бросился въ переднюю, гдѣ ждала его *она*.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I, на 40-мъ году жизни.

Съ современной гравюры.

— Я такъ и зналъ, что это вы, — говорилъ онъ, держа Клавдиньку за руку и вводя ее въ гостиную.

Лицо Клавдиньки было нѣсколько смущенное, но оживленное, — трудно было бы найти въ немъ хотя малѣйшій слѣдъ тѣхъ сомнѣній и огорченій, которыя, по предположеніямъ Равинскаго, она должна была испытывать.

— Скажите, что случилось? Вы меня напугали вашею запиской... Вы здоровы? Забрасывала она его вопросами — и въ глазахъ ея свѣтилось нѣжное участіе, а также и увѣренность въ томъ, что теперь она имѣетъ нѣкоторое право заботиться о немъ.

— Случилось то, что мнѣ нужно съ вами поговорить серьезно, Клавдинька, отвѣчалъ онъ.

— Клавдинька? Вы сказали — Клавдинька? воскликнула она, радостно блеснувъ глазами. И, приблизивъ къ нему свое лицо, она шопотомъ прибавила.

— Вы всегда меня такъ называйте. Слышите,—всегда.

— Хорошо, — но вы должны мнѣ дать на это право.

Клавдинька покраснѣла.

— Я не знаю, какого еще большаго права вамъ надо.

Повидимому, она считала этотъ вопросъ вполнѣ исчерпаннымъ, такъ какъ, съ видомъ живѣйшаго любопытства, стала осматривать гостиную Равинскаго.

— Да, у васъ здѣсь гораздо лучше, чѣмъ у меня. И сравненія даже быть не можетъ. Вотъ ужъ сегодня, навѣрное, моя комната мнѣ покажется ужасной.

— Хотите остаться здѣсь совсѣмъ?.. навсегда?.. спросилъ Равинскій, и отъ одного сознанія, что настаетъ минута, подобной которой никогда еще не было въ его жизни, онъ почувствовалъ, что сердце его начинаетъ колотиться такъ сильно, точно хочетъ вырваться изъ грудной клѣтки, а руки и ноги холодѣютъ.

Онъ совсѣмъ не такъ, не этими словами думалъ объясниться съ Клавдинькой, когда рѣшилъ въ умѣ, что онъ долженъ на ней жениться. И онъ сейчасъ же спохватился, что она могла понять его слова совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они были сказаны.

— Клавдинька, — поспѣшилъ онъ прибавить, вы, конечно, понимаете, что я смотрю на васъ... какъ на свою жену. И отъ васъ будетъ зависѣть сдѣлаться ею и въ самомъ дѣлѣ, когда вы захотите.

Клавдинька взглянула на него съ выраженіемъ испуга въ своихъ большихъ темныхъ глазахъ. Ни слова не сказавъ въ отвѣтъ, она отошла къ окну и, прислонившись лицомъ къ стеклу, принялась глядѣть на улицу.

Она не слышала, какъ Равинскій подошелъ къ ней и вздрогнула, когда онъ, тихо положивъ ей руку на плечо, промолвилъ.

— Клавдинька, я жду...

Такъ вотъ когда оно пришло, — то, о чемъ Клавдинька когда-то едва осмѣливалась мечтать!.. Что-же,— стоитъ ей сказать одно слово, и она жена,—жена того самаго Ванички, который представлялся ей всегда лучшимъ, умнѣйшимъ, благороднѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Одно только слово... Что же ей мѣшаетъ сказать это слово?

Колебаніе ея продолжалось не болѣе полуминуты. Чтобы послѣ того, что у нея было въ прошломъ, она позволила себѣ хотя бы подумать выйти за него замужъ! Нѣтъ, нѣтъ, — ни зачто! Если бы она съумѣла сохранить чистымъ и незапятнаннымъ свое первое чувство къ нему, тогда она, можетъ быть, и могла бы считать себя достойной того счастья, которое теперь открывается передъ ней. Но теперь— нѣтъ!.. нѣтъ!..

Клавдинька чувство-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I, въ бытность великимъ княземъ.

По поводу сотой годовщины рожденія.

Прохожденіе делегатовъ передъ императоромъ Францомъ-Іосифомъ.

Съ натуры рисовалъ Фр. де-Гааненъ.

Австро-Венгрія. Буда-Пештъ. — Торжества по случаю тысячелѣтія Венгріи.

вала себя такъ виноватой передъ Равинскимъ за свое прошлое, какъ будто когда-то, еще давно, они поклялись другъ другу въ вѣчной вѣрности: онъ выдержалъ испытаніе и ни разу не измѣнилъ ей, а она не съумѣла сдержать свою клятву... Ей и въ голову не приходило, что и онъ могъ считать себя виноватымъ передъ нею за то, что не остановилъ ее на краю пропасти, въ которую она падала. И, сама не подозрѣвая, до какой степени слова ея должны были больно отозваться въ сердцѣ Равинскаго, она, порывисто сжимая его руки въ своихъ, безсвязно говорила:

— Милый... милый... простите меня... я не могу... Еслибы это было тогда... еслибы я тогда знала... А теперь поздно... И зачѣмъ это? Вѣдь все равно я ваша, вся, какъ есть — съ моими гадкими мыслями, со всѣмъ, что во мнѣ еще осталось хорошаго. Я буду ваша, пока вы сами захотите... Но только этого не просите...

Онъ слушалъ, и хотя въ головѣ у него складывались возраженія противъ того, что она говорила, но такія робкія и неопредѣленныя, что ни одного изъ нихъ онъ не рѣшился произнести вслухъ. Зато другой, внутренній, голосъ, болѣе рѣшительный, нашептывалъ ему: „Да, пусть будетъ такъ. Такъ спокойнѣе и лучше. Развѣ не можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, такой случай, что черезъ какіе нибудь два—три мѣсяца мы поймемъ, что самое лучшее для насъ обоихъ разойтись? Зачѣмъ же связывать себя лишними путами?“.

А Клавдинька тѣмъ временемъ, взявши его подъ руку, крѣпко прижалась къ нему и своимъ негромкимъ груднымъ голосомъ говорила.

— Я хочу все видѣть у васъ, — слышите? Показывайте, какъ вы живете? Гдѣ вы занимаетесь? Гдѣ сидите, когда ничего не дѣлаете? Гдѣ ваша спальня? Показывайте, въ какомъ порядкѣ ваши вещи. Я все хочу видѣть, все.

Она почти насильно потащила его по комнатамъ, задавая вопросъ за вопросомъ, интересуясь всякою мелочью.

Они осмотрѣли все, что можно было осмотрѣть, и передъ тѣмъ, какъ собирались уже выходить, Клавдинька задержала на мгновеніе Равинскаго и чуть слышно проговорила:

— Я хочу вамъ что-то сказать...

— Говорите, Клавдинька.

— Вы же сами сказали, что хотите... Ну, словомъ, если я... останусь здѣсь, — вы меня не прогоните? Нѣтъ? И, сама испугавшись своей смѣлости, она быстро скользнула въ сосѣднюю комнату и забилась тамъ въ самый уголъ дивана, закрывъ лицо руками и боясь оглянуться назадъ.

Равинскій послѣдовалъ за нею, и еслибы Клавдинька видѣла ту недобрую усмѣшку, которая блуждала у него на губахъ, то, можетъ быть, пожалѣла бы о томъ, что такъ предупредительно шла на встрѣчу его желаніямъ.

Первыя двѣ—три недѣли у Равинскаго столько было возни и хлопотъ, что онъ совсѣмъ не имѣлъ свободнаго времени сосредоточить на чемъ либо свои мысли. Точно ему хотѣлось поразить Клавдиньку противоположностью между тою обстановкою, въ которой она жила за послѣднее время, и тою, которую должна была найти у него: онъ изощрялъ свою фантазію въ придумываніи разныхъ замысловатыхъ подробностей убранства двухъ ея комнатокъ. Напрасно Клавдинька пробовала останавливать его, увѣряя, что ей ничего не нужно и что чѣмъ проще будетъ обставлено ея помѣщеніе, тѣмъ она будетъ чувствовать себя лучше. Онъ понакупалъ разныхъ шкапчиковъ съ выженными на нихъ средневѣковыми фигурами, полочекъ и этажерочекъ, украшенныхъ затѣйливой рѣзьбой, приносилъ домой десятки фарфоровыхъ бездѣлушекъ, японскихъ вазъ, флаконовъ, нарядныхъ альбомовъ и рамокъ.

Какъ ни стѣсняла Клавдиньку вся непривычная для нея роскошь „маленькаго музея“— такъ она называла свои комнатки,—но она примирялась съ нею, потому что видѣла въ заботливости и вниманіи, которыми Равинскій старался окружить ее на каждомъ шагу, доказательство его любви къ ней. Она была увѣрена, что эта любовь досталась ей какъ бы по ошибкѣ, что ошибка эта должна скоро обнаружиться и что тогда такъ же внезапно настанетъ конецъ ея счастью, какъ неожиданно оно свалилось ей на голову,—а пока она гнала прочь всякія мысли, которыя могли отравить ей настоящую минуту.

Отъ Равинскаго она слышала уже не разъ, что благодаря ей онъ воскресъ и помолодѣлъ, что только теперь онъ начинаетъ понимать, какъ хороша жизнь, что онъ даже не можетъ себѣ представить, какъ бы онъ сталъ жить безъ нея.

Въ сущности, свою суетливую дѣятельность, заботою о тысячѣ мелочей Равинскій хотѣлъ заглушить нѣкоторыя мысли, съ которыми онъ не въ силахъ былъ справиться. Прежде всего его мучило каждый разъ, какъ онъ объ этомъ думалъ, сознаніе, что онъ живетъ съ Клавдинькой *такъ. А такъ* жила она и съ Мытищевымъ, думалось ему,—и хотя онъ очень хорошо понималъ, какъ мало общаго было между отношеніями Клавдиньки къ нему и ея печальнымъ первымъ романомъ, однако ему доставляло какое-то непонятное для него самого удовлетвореніе представлять себѣ въ умѣ Клавдиньку въ видѣ подсудимой и подвергать ее инквизиторскимъ допросамъ. Осталось ли воображеніе ея чистымъ, несмотря ни на что, или же Мытищевъ съумѣлъ отравить его и заставить витать въ той сферѣ пошлыхъ и низменныхъ представленій и чувствъ, которыми было проникнуто все его существо?

Если у нея было одно приключеніе, то отчего не могло быть и два, и больше? Онъ вспоминалъ, какъ легко досталась ему „побѣда“ надъ нею, и эту легкость ставилъ ей въ вину.

Быть можетъ, Равинскій и съумѣлъ бы избавиться отъ такихъ мыслей, еслибы не одно обстоятельство, которое и смущало, и раздражало его. Дѣло въ томъ, что, несмотря на свою близость къ молодой женщинѣ, онъ все же чувствовалъ, что есть въ ней нѣчто таинственное, чего онъ не можетъ понять, какъ будто кромѣ тѣхъ мыслей и чувствъ, которыми она дѣлилась съ нимъ, у нея былъ особый міръ, въ который проникнуть не дозволялось никому. Почему подозрѣвалъ онъ существованіе этого таинственнаго міра, онъ и самъ затруднился бы объяснить. Но что тайна была, въ этомъ онъ ни на минуту не сомнѣвался.

Когда лихорадочная дѣятельность, выражавшаяся, главнымъ образомъ, въ покупкѣ для Клавдиньки тысячи для нея ненужныхъ мелочей, улеглась наконецъ, то оказалось, что образъ жизни Равинскаго очень мало измѣнился, сравнительно съ прежнимъ. Какъ и до этого, день онъ проводилъ на службѣ и возвращался домой обыкновенно не ранѣе часовъ шести. Съ Клавдинькой по утрамъ онъ не видался, такъ какъ она уходила въ больницу рано, когда онъ еще спалъ.

Обѣдала она въ какой-то дешевенькой кухмистерской, куда, по старой привычкѣ, заходила возвращаясь съ занятій домой. Равинскій пробовалъ было пріучить ее обѣдать дома, но она увѣряла, что непремѣнно недѣли черезъ двѣ захворала бы, еслибы ей пришлось дожидаться съ обѣдомъ до поздняго вечера. Въ сущности же она хотѣла, чтобы содержаніе ея стоило Равинскому какъ можно меньше, такъ какъ онъ и слушать не хотѣлъ о томъ, чтобы она вносила свою долю на хозяйственные расходы по дому. Они сходились только за вечернимъ чаемъ, который подавался большею частью на половинѣ Клавдиньки, Напившись чаю, они принимались „молчать о разныхъ интересныхъ предметахъ“, какъ выражалась Клавдинька, и въ этомъ занятіи проводили часа два или три, послѣ чего Равинскій возвращался въ свой кабинетъ къ прерваннымъ занятіямъ. Вообще, Клавдинька не съумѣла или не хотѣла сразу войти въ роль хозяйки и держала себя такъ, какъ будто ея пребываніе въ домѣ было только временнымъ.

Конечно, Равинскаго все это ужасно безпокоило, и онъ объяснялъ себѣ поведеніе Кловдиньки тѣмъ, что она слишкомъ привыкла къ бездомной, бродячей жизни, и потому у нея нѣтъ теперь даже потребности устраиваться на семейный ладъ.

— Мы живемъ подъ одною кровлей, но мы почти чужіе, горячо заговорилъ однажды Равинскій. — Ваша жизнь идетъ сама по себѣ, моя также. Скажите, что общее соединяетъ насъ? Любовь — вы скажете? Прекрасно. Но любовь должна оказывать вліяніе на всю жизнь человѣка въ цѣломъ, а не наполнять только какой нибудь свободный часъ въ теченіе дня. Бросьте службу, Клавдинька, станьте хозяйкой здѣсь въ домѣ, сдѣлайте такъ, чтобы на каждомъ шагу чувствовалось здѣсь ваше присутствіе, и вы увидите, какъ измѣнится вся наша жизнь, увидите, на сколько мы станемъ ближе другъ къ другу.

Клавдинька печально покачала головой.

— Вы знаете, я уже привыкла къ безпорядочной жизни и поздно мнѣ передѣлывать себя.

— И это называется любовью? съ горечью замѣтилъ Равинскій.—Хороша любовь, для которой пожертвовать нѣсколькими дурными привычками оказывается не подъ силу.

— Я васъ люблю, вы это сами знаете, сказала Клавдинька, робко взглянувъ на Равинскаго.

— Я этого не вижу.

— Если я брошу свою службу, то я свяжу васъ... А я этого не хочу.

Послѣднія слова, произнесенныя молодой женщиной, звучали твердо и увѣренно.

— Я и безъ того считаю себя связаннымъ своимъ словомъ. Этого для меня достаточно.

— А я васъ считаю свободнымъ. Но если я останусь безъ дѣла и сяду вамъ на шею, то вамъ уже трудно будетъ считать себя свободнымъ относительно меня. Можетъ случиться, что я вамъ надоѣмъ, у васъ явится желаніе отдѣлаться отъ меня, но вамъ будетъ жалко выбросить меня на улицу, и вы будете держать меня... на пенсіи... А я этого не хочу... Жалости вашей мнѣ не надо...

— Значитъ, у насъ будетъ продолжаться все то же? мрачнымъ тономъ спросилъ Равинскій.

Клавдинька ничего не отвѣчала, и спустя нѣкоторое время онъ, не простившись съ нею и даже не взглянувъ на нее, отправился на свою половину.

До сихъ поръ Равинскій ни разу еще не думалъ о томъ, что отношеніямъ его съ Клавдинькой можетъ наступить когда нибудь конецъ. Хотя онъ и считалъ, что единственный романъ въ его жизни совершенно неудался и что выпавшее на его долю счастье не особенно высокаго качества, но теперь, когда онъ увидалъ, что романъ этотъ можетъ когда нибудь прекратиться помимо его желанія, онъ почувствовалъ вдругъ всѣмъ своимъ существомъ, что онъ способенъ погнаться и за этою уходящею тѣнью счастья, только бы снова ему не испытать всѣхъ ужасовъ одиночества.

Подъ вліяніемъ такого настроенія Равинскій сталъ нѣсколько ровнѣе относиться къ Клавдинькѣ, чѣмъ до этого. Она это почувствовала и замѣтно расцвѣла. Чтобы имѣть болѣе свободнаго времени, она отказалась почти совсѣмъ отъ частной практики и оставила за собою только больницу. Домой она стала возвращаться часамъ къ двумъ и даже пробовала дѣлать разныя хозяйственныя распоряженія. Обѣдали Равинскій и Клавдинька теперь вмѣстѣ. Скоро нашелся у нихъ предлогъ еще больше времени проводить вдвоемъ, такъ какъ Равинскійпредложилъ Клавдинькѣ читать ей по вечерамъ что нибудь вслухъ. Она встрѣтила это предложеніе такъ, какъ будто Равинскій дѣлалъ ей особое одолженіе, и съ этихъ поръ онъ сталъ являться къ ней каждый вечеръ съ какою нибудь книгою или журналомъ, въ которомъ имъ уже заранѣе была намѣчена статья, способная заинтересовать его слушательницу.

Въ этихъ чтеніяхъ Равинскій и Клавдинька неожиданно для себя нашли почву для сближенія. Оба они были слишкомъ замкнуты — Равинскій по природѣ, Клавдинька въ силу неудачно сложившихся условій жизни, и говорить о себѣ представлялось для каждаго изъ нихъ до болѣзненнаго затруднительнымъ. Чтенія ихъ обоихъ развязывали. То, что они не рѣшались говорить о самихъ себѣ, они высказывали по поводу дѣйствующихъ лицъ прочитанныхъ романовъ и повѣстей. Они научились отличать почти безошибочно, что въ этихъ разговорахъ относилось лично къ нимъ и что имѣло интересъ отвлеченный. И опять, какъ и въ тотъ разъ, когда онъ познакомился съ письмами Клавдиньки, Равинскій поражался тѣмъ—на сколько Клавдинька самостоятельнѣе и независимѣе его въ своихъ взглядахъ и сужденіяхъ. Если она высказывала какое нибудь мнѣніе, то въ тѣхъ только случаяхъ, когда она сама до него додумалась, тогда какъ въ своихъ рѣчахъ Равинскій не рѣдко могъ прослѣдить отголоски вычитаннаго имъ когда-то и потомъ забытаго.

И, однако, несмотря на то, что они теперь короче узнали другъ друга, сблизиться вполнѣ имъ все-таки не удалось. Что-то неуловимое раздѣляло ихъ. По временамъ Равинскому казалось, что онъ хорошо понимаетъ Клавдиньку и чуть ли не можетъ заранѣе предсказать, какъ она поступитъ въ томъ или другомъ случаѣ. Но это бывало только въ ея отсутствіе. Сходясь же съ нею, онъ всегда почти чувствовалъ, какъ и прежде, что есть въ ней что-то загадочное и странное, чего онъ не знаетъ и, можетъ быть, не узнаетъ никогда.

Какъ бы то ни было, жизнь ихъ вошла, казалось, въ колею, и хотя воспоминанія о прошломъ и отравляли иногда спокойное настроеніе духа Равинскаго, но онъ старался принудить себя не думать о томъ, чего передѣлать все равно было нельзя, и иногда это ему удавалось.

Однажды Равинскій собрался зайти къ Клавдинькѣ днемъ не въ обычное время. Дверь на ея половину была полуоткрыта, — онъ увидалъ Клавдиньку, стоящую, въ полуоборотъ къ нему, около письменнаго стола. Такъ какъ она, повидимому, не замѣчала его, то, по своему обыкновенію, не желая входить къ ней безъ предупрежденія, онъ хотѣлъ какимъ нибудь способомъ подать ей знакъ своего присутствія. Вдругъ онъ вздрогнулъ и, широко раскрывъ глаза, на мгновеніе застылъ, не въ состояніи будучи ни пошевелиться, ни произнести хотя бы слово. Что та-

кое произошло? Въ первую минуту онъ самъ не съумѣлъ бы дать себѣ отчетъ, какое значеніе имѣло то, чему онъ только что былъ свидѣтелемъ, но почему-то сразу почувствовалъ, что здѣсь заключается разгадка мучившей его тайны.

Онъ все еще стоялъ, какъ бы окаменѣвъ, въ томъ положеніи, въ какомъ находился въ тотъ моментъ, когда увидѣлъ нѣчто, такъ его поразившее. „Что же это такое?" спрашивалъ онъ себя мысленно. Развѣ случилось что нибудь особенное? Что-то металлическое блеснуло передъ его глазами, — онъ могъ бы принять это, пожалуй, за никкелевый карандашикъ, — потомъ Клавдинька сдвинула рукавъ платья выше локтя, машинально, неглядя, уколола руку „карандашикомъ", какъ будто она дѣлала что-то привычное, повторявшееся уже сотни разъ, затѣмъ такъ же механически она спрятала карандашикъ въ небольшой футляръ, который положила въ карманъ и въ задумчивости, не замѣчая Равинскаго, отошла къ окну.

Онъ понялъ, наконецъ, или, вѣрнѣе, рѣшился понять. И какъ только онъ самъ себѣ сказалъ, что это такое было, онъ тотчасъ же повернулъ назадъ, чтобы не пойти, нѣтъ, побѣжать въ свой кабинетъ и тамъ наединѣ обсудить значеніе происшедшаго. Встрѣтиться въ эту минуту лицомъ къ лицу съ Клавдинькой, спокойно поглядѣть ей въ глаза онъ былъ бы не въ состояніи. Ему нужно было привести себя въ равновѣсіе, иначе онъ тотчасъ же выдалъ бы себя.

Онъ заперъ двери на ключъ, хотя Клавдинька и не имѣла обыкновенія безъ особой необходимости заглядывать къ нему, но мало ли что могло придти ей въ голову? Онъ рѣшилъ обезопасить себя.

Итакъ, вотъ ключъ къ ея тайнѣ!.. Небольшой металлическій инструментъ, посредствомъ котораго она отравляетъ себя ядомъ, и безъ этого яда она, конечно, не можетъ жить, такъ какъ должна постоянно „подвинчивать" себя... Морфиноманка!.. Значитъ, все ея оживленіе, всѣ порывы, всѣ эти, составлявшія въ его глазахъ главную ея привлекательность, перемѣнчивыя настроенія, быть можетъ даже самый умъ ея, — все это поддерживается искусственнымъ возбужденіемъ!.. Морфиноманка!.. Ему казалось, что есть что-то страшно унизительное въ этой зависимости всей душевной жизни отъ нѣсколькихъ капель наркотическаго вещества, вспрыскиваемаго подъ кожу. Значитъ, въ дѣйствительности она *не такая*, какою онъ ее видитъ, — это въ ней дѣйствуетъ, говоритъ за нее, заставляетъ ее поступать такъ, а не иначе, тонкій ядъ, разлитый въ ея организмѣ. Но какая же она въ самомъ дѣлѣ?

Пойти сейчасъ же туда, къ ней, поговорить съ нею, какъ онъ сталъ бы говорить съ сестрою въ подобномъ случаѣ... Заставить ее одуматься, вырвать у нея слово, что она отстанетъ отъ этой ужасной привычки... Нѣтъ! онъ никогда, ни за что не рѣшится завести съ нею рѣчь объ этомъ. Еслибы онъ могъ говорить спокойно... Но онъ не съумѣетъ сдержаться. Стоитъ сказать ему хотя бы одно слово, сдѣлать хотя бы намекъ, — и тотчасъ неудержимымъ потокомъ прорвется и выскажется все то, о чемъ говорить съ Клавдинькой онъ не считалъ себя въ правѣ. Стоитъ только начать разговоръ — и на сцену сейчасъ же явится та „исторія", которую ему такъ хотѣлось бы предать забвенію.

Онъ даже былъ увѣренъ, что эта привычка непремѣнно находится въ связи съ исторіей. Одиночество, заброшенность, отсутствіе близкихъ людей... А тутъ случайно, — можетъ быть, во время какой нибудь болѣзни, — подвернулся этотъ источникъ забвенія, это такъ легко доступное средство, дающее возможность каждому, прибѣгающему къ его помощи, равнодушнѣе относиться ко всѣмъ невзгодамъ внѣшняго міра и окунуться въ міръ призрачнаго счастья... Да, конечно, нельзя было строго судить ее за то, что она не съумѣла удержаться отъ соблазна хотя такимъ способомъ скрасить свою жизнь. Равинскій это понималъ и все же чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Въ немъ жила какая-то инстинктивная ненависть ко всякому извращенію человѣческой природы, онъ испытывалъ непреодолимое отвращеніе ко всѣмъ этимъ отравамъ, которыми чуть не поголовно въ большихъ или меньшихъ дозахъ отравляется человѣчество для того, чтобы чувствовать себя „нормально". И, противъ его воли, въ немъ накипало злое чувство противъ Клавдиньки, такъ что, въ концѣ концовъ, онъ задалъ даже себѣ вопросъ: какъ рѣшилась она, зная за собою такой недостатокъ, связать себя съ нимъ почти нерасторжимыми узами, забывая, однако, или не желая помнить, что первые шаги къ ихъ сближенію были сдѣланы имъ самимъ.

Яковъ пришелъ звать Равинскаго къ обѣду. Онъ вышелъ въ столовую, стараясь придать себѣ свой обычный видъ, но это ему плохо удавалось. Въ продолженіе всего обѣда онъ сидѣлъ молча, съ сумрачнымъ видомъ, и Клавдинька, которая не знала причины его дурного расположенія духа, напрасно ломала себѣ голову, доискиваясь, чѣмъ она могла его обидѣть. Отъ обычнаго вечерняго чтенія Равинскій отказался подъ предлогомъ головной боли.

Открытіе, сдѣланное Равинскимъ, совершенно измѣнило его отношенія къ Клавдинькѣ. Для нихъ обоихъ потянулись теперь дни, томительные въ своемъ однообразіи. Не трудно было замѣтить, что есть что-то недоговоренное между ними, но ни у одного изъ нихъ не хватало мужества вызвать другого на рѣшительное объясненіе. Равинскій, какъ шпіонъ, слѣдилъ украдкой за каждымъ движеніемъ Клавдиньки. Вотъ она вышла изъ комнаты, — онъ уже знаетъ зачѣмъ. Она возвращается, глаза ея блестятъ болѣе, чѣмъ обыкновенно, — онъ знаетъ почему. Каждый разъ ему хочется удержать ее, но ему удается подавить это желаніе. Къ чему поведетъ такое объясненіе? Все равно, эта привычка неискоренима, и притомъ же... онъ долженъ терпѣливо относиться ко всему, чтобы въ Клавдинькѣ онъ не встрѣтилъ страннаго и для себя непріятнаго. Вѣдь могъ же онъ въ то время, когда она была еще чистой дѣвушкой, готовой идти всюду, куда бы ни повелъ ее любимый человѣкъ, — могъ бы онъ тогда взять ее подъ свою защиту и уберечь отъ всего, что способно было загрязнить ея душу, извратить ея привычки и наклонности. Но онъ этого не сдѣлалъ.

Что бы могло быть, еслибы они сблизились и пошли въ жизни рука объ руку еще восемь лѣтъ тому назадъ?.. Эта мысль стала неотступно преслѣдовать Равинскаго, гдѣ бы онъ ни находился, какимъ бы дѣломъ ни былъ занятъ. Въ глубинѣ души въ это время копошился все тотъ же вопросъ: что могло бы быть? Какова была бы ихъ жизнь? Онъ представлялъ себѣ Клавдиньку молодой женщиной, счастливой вдвойнѣ—и тѣмъ, что исполнилось наяву-то, что представлялось ей несбыточной мечтой, и, можетъ быть, еще больше сознаніемъ, что она даетъ счастье любимому человѣку. Ахъ, какъ они могли бы быть счастливы!.. Не было бы этихъ призраковъ прошлаго — непреодолимой преграды, благодаря которой теперь они только наружно могутъ казаться близкими, а на самомъ дѣлѣ остаются чуждыми другъ другу. Цѣлый рядъ сценъ проносился передъ нимъ, вся прелесть сближенія съ чистою женскою душою представлялась ему такъ ясно, что, казалось, стоило сдѣлать только маленькое усиліе, чтобы созданіе его воображенія обратилось въ живую дѣйствительность. Онъ разговаривалъ съ *тою* Клавдинькой, — и въ то время, какъ *эта* Клавдинька по цѣлымъ вечерамъ сидѣла молча, своимъ усталымъ, потухшимъ взглядомъ глядя на окружающее, — та, другая, обмѣнивалась съ нимъ мыслями, порой наивными, порой неожиданно глубокими, но всегда исполненными своеобразной прелести.

Какъ могли бы они быть счастливы... Онъ видѣлъ Клавдиньку матерью своихъ дѣтей, представлялъ себѣ, какъ изъ беззаботнаго счастливаго ребенка она стала бы женщиной, такою же счастливой, но уже полной сознанія отвѣтственности за жизнь и здоровье, за душу и умъ маленькихъ существъ. Какіе вечера проводили бы они вмѣстѣ, когда тѣ, маленькіе, улеглись бы спать, какъ обсуждали бы несчетное число разъ, что ожидаетъ въ будущемъ этихъ крошечныхъ человѣчковъ, передавали бы другъ другу наблюденія надъ ихъ словами и поступками...

Но что общаго между *тою* женщиной и *этой*? Онъ уже знаетъ, что черезъ нѣсколько минутъ *эта* встанетъ и выйдетъ въ другую комнату. Да, такъ и есть и даже скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Неужели же она не понимаетъ, какъ ужасно для него то, что теперь она дѣлаетъ? Неужели она не чувствуетъ, отчего онъ смотритъ на нее чуть ли не съ ненавистью, когда она возвращается снова на свое мѣсто?

Нѣтъ, очевидно, не понимаетъ и не чувствуетъ.

Равинскій сталъ неузнаваемъ: онъ пожелтѣлъ и осунулся, голосъ его сдѣлался рѣзокъ и отрывистъ. Не только онъ не могъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ, но не въ состояніи былъ даже думать ни о чемъ безъ того, чтобы мысль его, покружившись немного около разныхъ, ставшихъ для него теперь совершенно чуждыми, предметовъ, не вернулась опять все къ тому же вопросу.

„Какой нибудь да нужно найти изъ этого выходъ", чуть ли не въ тысячный разъ уже повторялъ онъ себѣ, возвращаясь домой послѣ одной изъ тѣхъ продолжительныхъ прогулокъ, которыя онъ теперь дѣлалъ очень часто, избѣгая оставаться дома съ Клавдинькой вдвоемъ. Надо найти выходъ, иначе кончится навѣрное тѣмъ, что я сойду съ ума.

Самый простой выходъ былъ—разстаться. Но одна мысль объ этомъ казалась Равинскому невыносимою. Лучше пусть жизнь ихъ будетъ изломана, исковеркана, но они будутъ вмѣстѣ влачить ее, чѣмъ пріобрѣсти нѣкоторое подобіе спокойствія цѣною разлуки.

Остается примириться съ тѣмъ, что есть...

„Надо примириться съ тѣмъ, что такого счастья, какъ мы его себѣ представляемъ въ мечтахъ, нѣтъ на землѣ", съ горечью думалъ онъ. „Развѣ не обидно, что счастье подошло, казалось, такъ близко и все же не дается въ руки? Но и то уже что нибудь значитъ, что я теперь не одинъ, какъ прежде. И это не всякому дается въ жизни. Самое лучшее—постараться довольствоваться возможнымъ и попробовать устроить такъ, чтобы наши отношенія были, если не хорошими, то хоть бы только сносными".

Онъ рѣшилъ, наконецъ, что это сдѣлать необходимо. Не безъ борьбы, не безъ усилій далось ему это рѣшеніе. Онъ зналъ, что ему придется насиловать себя, употреблять почти нечеловѣческія старанія, чтобы казаться довольнымъ и спокойнымъ, когда у него на душѣ будетъ такъ невыразимо тяжело. Но онъ рѣшилъ переломить себя, чего бы это ему ни стоило.

Придя къ такому рѣшенію, онъ почти успокоился. Онъ представилъ себѣ, какъ Клавдинька изумится и обрадуется, когда увидитъ его не нахмуреннымъ и суровымъ, какимъ за послѣднее время онъ постоянно былъ, а ласковымъ и внимательнымъ. Бѣдная! Она и безъ того не избалована жизнью, а при томъ враждебномъ отношеніи, которое она видѣла съ его стороны, ея существованіе, конечно, не было сладкимъ.

Равинскій ускорилъ шагъ, желая поскорѣе добраться домой. Конечно, лучшаго рѣшенія онъ не найдетъ. Если оба они не могутъ быть счастливы, то пусть хотя ей одной достанется тотъ ничтожный обломокъ счастья, который въ настоящую минуту еще можно спасти отъ крушенія.

— Клавдія Васильевна дома? Это былъ обычный вопросъ, который онъ задавалъ Якову, когда тотъ отворялъ ему дверь, но на этотъ разъ онъ самъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что въ его голосѣ почему-то звучало безпокойство.

— Никакъ нѣтъ-съ! Онѣ уѣхали.

По своему обыкновенію, Яковъ улыбнулся такъ таинственно, какъ будто онъ зналъ многое, но не хотѣлъ первый начинать объ этомъ разговоръ.

— Куда уѣхала? отрывисто спросилъ Равинскій.

— Не знаю, Иванъ Ивановичъ. Вещи собрали и уѣхали, а для васъ оставили письмо. У нихъ на столѣ оно лежитъ.

Равинскій почти бѣгомъ направился на половину Клавдиньки. Повидимому, все тамъ оставалось на своемъ мѣстѣ, всѣ эти бездѣлушки, которыми онъ такъ старался украсить комнаты молодой женщины: всѣ картины и гравюры, столики и шкапчики, ни что не измѣнилось, но былъ уже на всемъ отпечатокъ безжизненнаго, свойственный жилищамъ, покинутымъ хозяевами.

Письмо лежало на столѣ на видномъ мѣстѣ.

Оно было коротенькое, и Равинскій почти однимъ взглядомъ успѣлъ окинуть его съ начала до конца.

„Прощайте. Я ухожу отъ васъ. Я и себя измучила, и васъ тоже. Много я думала, какъ лучше поступить и нашла, что такъ будетъ всего лучше.

Милый мой! Будьте счастливы, если только вы можете, и не думайте слишкомъ дурно о вашей Клавдинькѣ".

Равинскій опустился въ кресло около письменнаго стола.

Значитъ, она ушла. Всего нѣсколько минутъ не дождалась того благополучія, которое онъ ей готовилъ, и ушла. Тутъ только онъ почувствовалъ, что и такая, какова она теперь, съ пятномъ на ея прошломъ, со всѣми ея привычками, какъ бы ни казались онѣ ему непріятными и даже ужасными, она все-таки ему мила. Съ нею онъ не былъ счастливъ, но безъ нея его жизни будетъ пустота... Ничего не будетъ, кромѣ мрака, тоскливаго одиночества и сожалѣній о томъ, чего нельзя воротить...

Бѣжать за нею? Найти ее и заставить согласиться вернуться опять сюда?

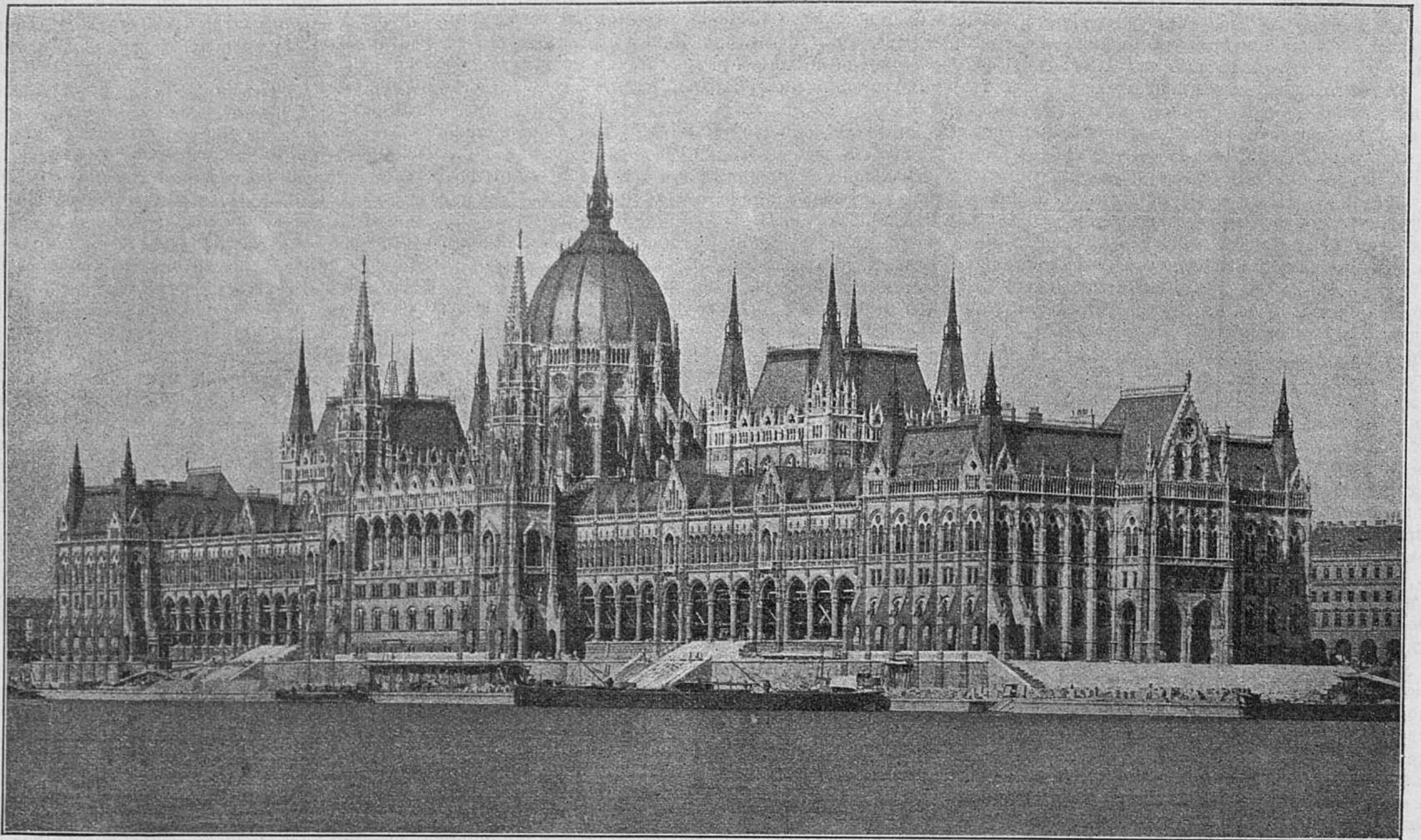
Она вернется, и что же будетъ дальше? А если онъ снова станетъ мучить ее?.. Развѣ онъ можетъ ручаться, что не повторится опять все то же, что заставило ее спасаться бѣгствомъ?

Какое же право онъ имѣетъ оспаривать ея рѣшеніе? Она такъ хочетъ, пусть такъ и будетъ...

Вѣдь онъ самъ во всемъ виноватъ...

И голова Равинскаго все безпомощнѣе опускалась на грудь...

Н. Юринъ

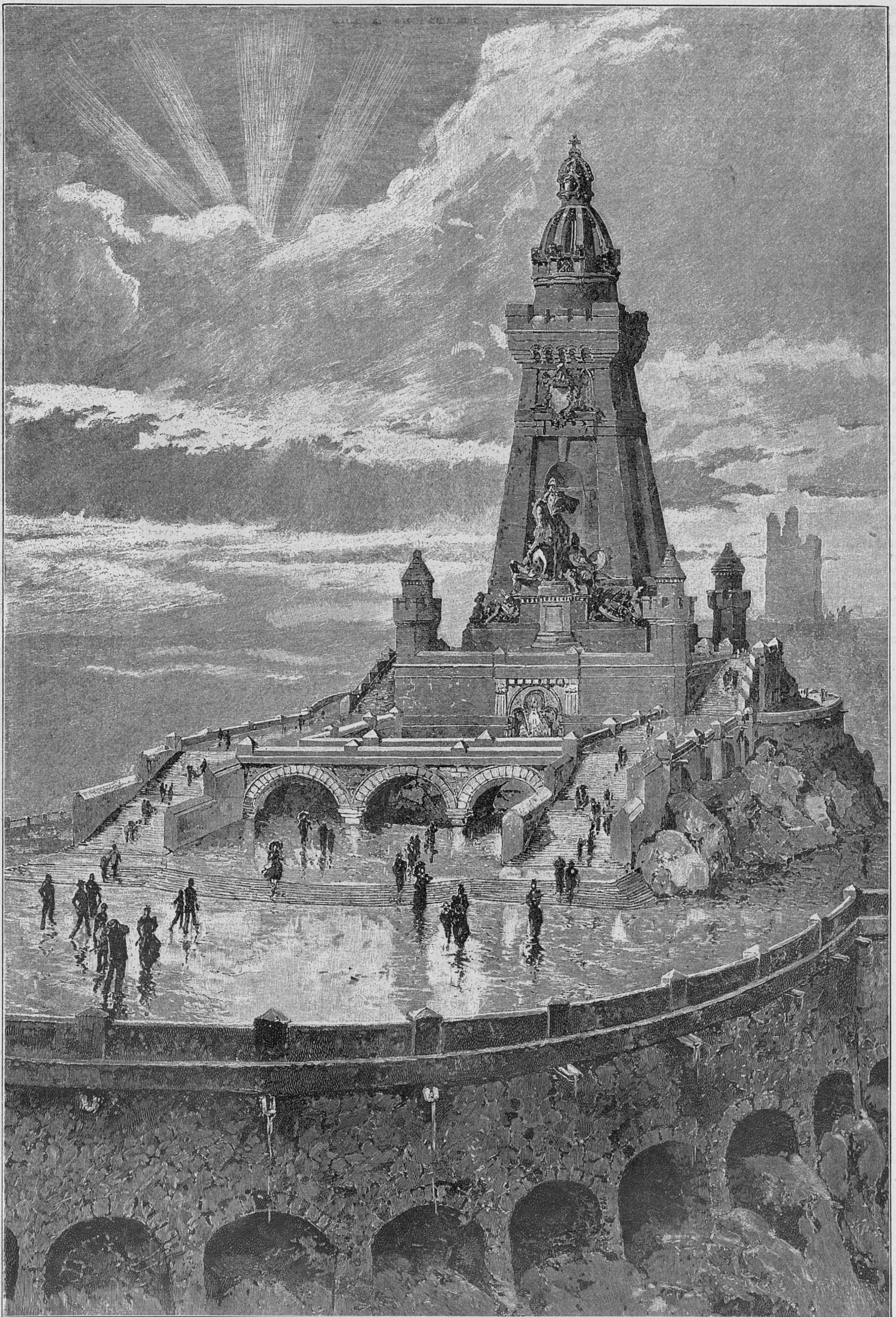

Зданіе новаго парламента въ Буда-Пештѣ. Фасадъ, выходящій на Дунай.

Церемонія открытія новаго парламента.

Съ натуры рисовалъ Дж. Амато.

Австро-Венгрія. Буда-Пештъ. — Торжества по случаю тысячелѣтія Венгріи.

Общій видъ памятника.

Германія. — Памятникъ императору Вильгельму на Киффгейзерѣ.

Съ натуры рисовалъ Альбертъ Рихтеръ.

Дворецъ шаха въ Тегеранѣ

Постоянная резиденція шаха въ столицѣ Персіи, то, что въ нашемъ, европейскомъ, смыслѣ слѣдовало бы назвать его дворцомъ, не представляетъ собою цѣльнаго большого зданія; это скорѣе, какъ бы усадьба, нѣчто вродѣ нашихъ старыхъ помѣщичьихъ домовъ, со множествомъ флигелей и службъ. Вся масса отдѣльныхъ дворцовыхъ построекъ обнесена общею стѣною, такъ что весь дворцовый городокъ стоитъ отдѣльно на подобіе кремля. Въ ряду этихъ, всегда пышныхъ, отдѣльныхъ построекъ нѣтъ ни одной, предназначенной для постояннаго и исключительнаго мѣстожительства шаха; онъ обитаетъ то въ одномъ, то въ другомъ домѣ. На нашемъ рисункѣ представлены главныя ворота въ дворцовомъ городкѣ, носящія пышное названіе „алмазныхъ". Это весьма изящное, богато декорированное сооруженіе. Вершина воротъ вѣнчается полукруглою аркадою, подъ которою устроены жилые покои. Посреди воротъ сдѣлана главная большая входная дверь, а по бокамъ двѣ малыхъ. Въ нишахъ между дверями поставлены бронзовыя статуи, служащія для помѣщенія свѣточей. Украшенія этихъ изящныхъ воротъ сверкаютъ яркими цвѣтами и эмалями.

Дворецъ солнца (Шамъ-Соль-Эмаретъ).

Бабъ и Бабиды

Убіеніе персидскаго шаха до сихъ поръ еще составляетъ предметъ толковъ. Личность фанатика, поднявшаго руку на „царя царей" остается загадочною. Но въ полученныхъ вначалѣ сообщеніяхъ твердо и опредѣленно указывалось на принадлежность убійцы къ сектѣ бабидовъ. Такимъ образомъ, возникаетъ интересъ къ ознакомленію съ этою сектою. Ея основатель объявился въ 1843 году, въ Ширазѣ, городѣ землетрясеній, родинѣ поэтовъ Саади и Хафиза. Это былъ 19-тилѣтній юноша Мирза-Али-Мохамедъ. Онъ поражалъ своихъ согражданъ раннимъ своимъ духовнымъ развитіемъ, необыкновенною начитанностью и благочестіемъ; впечатлительные почитатели почитали его потомкомъ и преемникомъ имама Гуссейна, внука Магометова. Въ началѣ 40-хъ годовъ Мирза-Али совершилъ паломничество въ Мекку и нѣкоторое время пребывалъ въ Куфѣ, гдѣ погибъ отъ руки убійцы его предполагаемый великій предокъ, Гуссейнъ.

Алмазный входъ во дворецъ (Сардаръ-алмазъ).

Съ фотографій Д. И. Ермакова въ Тифлисѣ. Автотипіи Эд. Гоппе.

Персія. Тегеранъ. — Дворецъ шаха персидскаго.

Кабинетъ во дворцѣ — мѣсто пріема шахомъ персидскихъ сановниковъ.

Музей шаха. Видъ отъ входа внутри зданія.

Съ фотографій Д. И. Ермакова въ Тифлисѣ. Автотипіи Эд. Гоппе.

Персія. Тегеранъ. — Дворецъ шаха персидскаго.

Здѣсь и началась его проповѣдь. Онъ возставалъ противъ магометанскаго духовенства, противъ деспотизма буквоѣдовъ — начетчиковъ. Его необыкновенное, пылкое краснорѣчіе живо сдѣлало его центромъ чрезвычайно многочисленной и весьма воинственно настроенной толпы послѣдователей. Упоенный успѣхомъ онъ провозгласилъ себя „естественными вратами“, ведущими къ познанію божественной истины; такъ и утвердилось за нимъ это названіе вратъ — по арабски *бабъ*. Само собою разумѣется, что вѣсти о новой проповѣди, дошли до тегеранскаго правительства. Мирза-Али ни мало не смутился доносомъ и просилъ назначить публичный религіозный диспутъ въ Тегеранѣ. Правительство отклонило эту просьбу и приказало „бабу“ оставаться въ Ширазѣ, подвергнувъ его какъ бы домашнему аресту. Толпы поклонниковъ продолжали стекаться къ нему, и онъ попрежнему открыто катехизировалъ ихъ. Воспламеняясь день ото дня, юноша, наконецъ, и самъ увѣровалъ въ свое пророческое призваніе и объявилъ себя божественнымъ явленіемъ, возродителемъ свѣта истины. Одинъ изъ его ревностнѣйшихъ учениковъ Хуссейнъ Бушревіе обходилъ въ это время Испагань, Кашанъ и Тегеранъ, всюду открыто возвѣщая новое ученіе, и объявляя Мирзу-Али „бабомъ“, „возродителемъ двѣнадцатымъ имамомъ, „сокрытымъ“ (Махди). Царствовавшій въ то время Магометъ шахъ самъ былъ человѣкъ неособенно твердый въ принципахъ правовѣрнаго ислама и пожалуй, не прочь былъ бы пристать къ новому ученію, но, однакоже, вѣроятно, по настойчивымъ извѣтамъ духовенства, рѣшилъ изгнать Бушревіе изъ столицы. Въ то же время другой ученикъ „баба“ проповѣдывалъ въ Мазандеранѣ. Тамъ же вдругъ объявилась юная фанатичка новой секты, дѣвушка красавица, по имени Зерринъ-Таджъ, прозванная „утѣшеніемъ очей“; ея красота и пылкія рѣчи собрали вокругъ нея не мало послѣдователей; она, проповѣдуя въ духѣ „баба“, возставала противъ многоженства и затворничества магометанскихъ женщинъ. Въ 1847 году Бушревіе велъ пропаганду въ Хорасанѣ. Число сектантовъ такъ въ это время возросло и настроеніе ихъ было до такой степени воинственное, что Бушревіе, во главѣ сильнаго скопища своихъ поклонниковъ, напалъ на города Миніами и Ярджемендъ, и, на нѣкоторое время, овладѣлъ ими. Тѣмъ временемъ шахъ Магометъ скончался; начались безпокойства, волненія, довольно обычныя въ Персіи при переходѣ власти отъ шаха къ шаху. Бабиды какъ нельзя лучше воспользовались смутнымъ моментомъ. Бушревіе присоединилъ къ себѣ малолѣтняго фанатика Яхія, котораго считали будущимъ бабомъ и возродителемъ. Образовалась цѣлая армія сектантовъ, которая долго боролась съ правительственными войсками, но, наконецъ таки, была загнана въ одинъ покинутый замокъ, и здѣсь была доконченa голодомъ. Однако движеніе отнюдь не угасло; оно все еще бродило въ Казвинѣ, въ Хамаданѣ, Кашанѣ, Испагани, Мазандеранѣ и Хорассанѣ. Тѣмъ временемъ на престолъ вступилъ, нынѣ погибшій отъ руки фанатика, шахъ Насръ-Эддинъ. Онъ рѣшилъ круто покончить съ бабидами, велѣлъ схватить самого основателя секты и заточить его въ крѣпость Джеригъ, въ Прикаспійской области, гдѣ онъ и высидѣлъ полтора года. Потомъ его перевезли въ Тавризъ, здѣсь судили и приговорили къ смертной казни, вмѣстѣ съ двумя его почитателями, изъ которыхъ одинъ отрекся отъ „возродителя“ и былъ помилованъ. Бабъ и послѣдователь, оставшійся ему вѣрнымъ, были повѣшены на веревкахъ на городской стѣнѣ и разстрѣляны. Но тутъ случилось чудо. Послѣдователь былъ убитъ выстрѣлами, а бабъ остался цѣлъ и невредимъ; пули только перешибли веревки, которыми онъ былъ привязанъ; онъ упалъ, поднялся на ноги, бросился бѣжать, но былъ настигнутъ солдатами и зарубленъ, а кровавый трупъ его волочили по улицамъ и отдали на истязаніе толпѣ. Но и со смертью своего главы секта не угасла. Бабиды собрали настоящій соборъ въ Тегеранѣ и провозгласили бабомъ 16-ти лѣтняго Яхію. И вотъ, новый имамъ началъ странствовать изъ города въ городъ, продолжая дѣло своего предшественника и подготовляя новое поголовное возстаніе сектантовъ. Въ послѣдствіи новый „бабъ“ поселился въ Багдадѣ и спокойно писалъ тамъ фоліанты своихъ религіозно-политическихъ трактатовъ. Между тѣмъ, въ 1852 г. случилось событіе громадной важности. Двое фанатиковъ бабидовъ сдѣлали покушеніе на жизнь шаха, который пришелъ въ крайнюю степень раздраженія противъ неугомонныхъ раскольниковъ. Вся полиція была поставлена на ноги. Скоро удалось обнаружить всѣхъ бабидовъ и накрыть ихъ тайныя сборища. Громадная масса народа была схвачена, подвергнута неимовѣрнымъ истязаніямъ и казнена цѣлыми толпами въ Тегеранѣ. Юнаго „баба“ также арестовали, задушили и сожгли. Бабиды примолкли съ тѣхъ поръ, но повременамъ ихъ расколъ все продолжалъ вспыхивать и ихъ мстительное чувство къ недавно погибшему шаху не умирало.

Что такое, въ сущности, этотъ бабизмъ? Всего точнѣе его можно опредѣлить, какъ религіозный расколъ. Въ сущности бабиды тѣ же магометане, съ тою же фанатическою нетерпимостью. Всякія пререканія о вопросахъ вѣры они считаютъ недозволенными, еретическими: принимай ученіе, какъ оно преподано, или погибни. Иновѣрный существо безправное. Въ тонкости бабидскаго вѣроученія мы считаемъ безполезнымъ входить, отмѣтимъ лишь нѣкоторые болѣе существенные пункты, въ которыхъ бабиды разошлись съ правовѣрными масульманами. Такъ, они проповѣдовали одноженство, и нѣкоторое сравненіе въ правахъ между мужчинами и женщинами, хотя въ сущности, главнымъ пунктомъ „женскаго вопроса“ являлся лишь протестъ противъ закрыванія женщинами лица; отрицались и нѣкоторыя обрядности, напримѣръ, слишкомъ частыя обязательныя молитвы, паломничество, отрицался обычай обращаться на молитвѣ лицомъ въ сторону Мекки; проповѣдывалось нѣкоторое огражденіе въ произволѣ родительской власти, въ основѣ котораго была положена любовь къ дѣтямъ, и т. д.

М. Орловъ

МЕХМЕДЪ-АЛИ-МИРЗА, ЭХТЕ-ЗАДЕ-САЛТАНЕ,
наслѣдникъ персидскаго престола.
Съ фотографіи Калфаяна въ Тавризѣ. Автотипія Эд. Гоппе.

Торжества въ Буда-Пештѣ

Празднества, по поводу исполнившагося тысячелѣтія со дня основанія венгерскаго государства, торжественно справлялись въ Пештѣ съ 24-го по 27-е мая. 24-го мая совершилась церемонія перенесенія венгерскихъ царскихъ регалій изъ королевскаго дворца въ церковь Матвѣя Корвина, гдѣ онѣ оставались выставленными въ теченіи трехъ дней. 27-го числа городъ пріобѣлъ особенно торжественный видъ. Въ этотъ день по обоимъ городамъ, входящимъ въ составъ венгерской столицы, проходила пышная процессія. Толпа наполнявшая улицы, сосредоточилась въ двухъ главныхъ пунктахъ: около королевскаго дворца и у новаго зданія парламента; всѣхъ привлекалъ моментъ прохожденія процессіи передъ дворцомъ, откуда ее обозрѣвалъ императоръ Францъ-Іосифъ и торжественное засѣданіе парламента, посвященное чествованію тысячелѣтія. Шествіе установилось на Марсовомъ полѣ. Отсюда оно двинулось къ церкви Корвина и здѣсь приняло царскія регаліи; потомъ процессія перешла Дунай по Маргаритину мосту и около 10 часовъ утра вступила на площадь передъ парламентомъ. Новый парламентъ — величественное, огромное зданіе въ ново-готическомъ стилѣ. Длина его 130 сажень, а вершина шпиля на центральномъ куполѣ возвышается на 50 сажень надъ уровнемъ Дуная. По обѣимъ сторонамъ купола ясно выдѣляются двѣ усѣченно-пирамидальныя кровли зала обыкновенныхъ засѣданій; парадная же зала, назначенная для торжественныхъ собраній, находится подъ центральнымъ куполомъ. Главный входъ въ здачіе находится въ фасадѣ противоположномъ набережной Дуная. Здѣсь вся процессія прошла тихимъ шагомъ, подъ взглядами тысячъ народа, привѣтствовавшаго ее торжественными восклицаніями. Впереди шли депутаты города во главѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Перчелемъ, одѣтымъ въ голубой бархатный костюмъ. Каждый изъ 89 венгерскихъ комитатовъ и каждый городъ Венгріи и Кроаціи имѣлъ въ процессіи своего представителя, съ особымъ значкомъ въ рукахъ. Каждой отдѣльной группѣ предшествовалъ герольдъ, а пажи въ бѣлокурыхъ парикахъ держали лошадей подъ уздцы. Города и комитаты несли свои историческія знамена, нѣкоторыя весьма древнія, напримѣръ: существующія со времени крестовыхъ походовъ и войнъ съ Турціею; таково знамя комитата Туркошъ,—знамя Ракочаго. Въ этой первой части процессіи участвовало до тысячи всадниковъ. Костюмы всадниковъ отличались чрезвычайною пестротою и нѣкоторою театральностью, напоминали что-то оперное; у иныхъ были накинуты на плечи мѣха леопардовъ и пантеръ; сбруи коней сверкали металлическими украшеніями и драгоцѣнными камнями. За представителями городовъ шли магнаты и депутаты, еще роскошнѣе костюмированные. За ними двигались парадныя кареты; въ первой, запряженной бѣлыми какъ снѣгъ конями, везли цар-

На Ивановъ день въ Малороссіи.

Оригинальный рисунокъ для »Всемірной Иллюстраціи« Ѳ. С. Козачинскаго.

скія регаліи; въ остальныхъ каретахъ сидѣли представители высшаго духовенства и высшей администраціи. Представители древнѣйшихъ боярскихъ родовъ Николичъ, Клобузицкій, Зичи. Слуха внесли регаліи въ парламентъ по роскошной лѣстницѣ изъ бураго мрамора. Въ залѣ были поставлены кресла только для президента и его совѣтниковъ, а въ трибунахъ для великихъ герцогинь и герцоговъ; остальная публика все время смотрѣла и слушала, стоя. На президентскихъ креслахъ помѣстились Силаги, президентъ палаты депутатовъ, и Кароли, вице-президентъ палаты господъ; около нихъ на пьедесталахъ и бархатныхъ подушкахъ были размѣщены регаліи. Засѣданіе было непродолжительное; было произнесено лишь нѣсколько краткихъ рѣчей, встрѣченныхъ громкими кликами. Черезъ часъ вся процессія уже шла обратно, къ королевскому дворцу. Императоръ Францъ-Іосифъ встрѣтилъ ее на балконѣ дворца; около него стояла, въ своемъ неизмѣнномъ траурномъ костюмѣ, императрица; императорская чета являлась при этомъ королевскою: передъ процессіею и массами народа были не императоръ и императрица австрійскіе, а король и королева Венгріи. Знамена склонялись передъ королевскою четою; этимъ какъ бы подтверждалась клятва въ вѣрноподданничествѣ, данная тысяча лѣтъ тому назадъ Арпаду побѣдоносными предками нынѣшнихъ мадьяръ.

ДАМА СЪ КАМЕЛІЯМИ

(**La dames aux camélias**)

Очеркъ ЖЮЛЯ БУА

Померкнетъ, быть можетъ, не только слава обоихъ Дюма—отца и сына—но и воспоминаніе о нихъ, зато во вѣки не умретъ воспоминаніе о „дамѣ съ камеліями". Я ходилъ на могилу ея; на кладбищѣ Монмартръ она извѣстна каждому. Привратникъ указалъ мнѣ ее, но не подъ настоящимъ именемъ — Альфонсины Плесси, такъ какъ тамъ много Плесси и Альфонсинъ, но подъ опернымъ ея прозвищемъ женщины-куртизанки. Какъ генералъ гордится плюмажемъ своей шляпы, такъ она гордилась своею кличкою камеліи и тою убійственною граціею, которыя обезсмертили ее въ поэзіи.

Вотъ скромная эпитафія на ея памятникѣ:

Здѣсь почіетъ
Альфонсина Плесси,
родившаяся 15-го января 1824 года,
умершая 3-го февраля 1847 года.

Никакихъ религіозныхъ атрибутовъ нѣтъ на этой могилѣ, которая украшена урной и видомъ своимъ напоминаетъ древній кенотафъ. На ней уныло лежитъ полинялый отъ дождей вѣнокъ изъ жемчужныхъ камелій. Но что, дѣйствительно, трогательно, это — оставленные гризетками букетцы изъ маргаритокъ въ два или три су, обернутые обрывками бумаги,— вѣроятно, той самой бумаги, въ которую укладывали свой жареный картофель всякія Мими Пенсонъ и... Альфонсины... Мнѣ хочется разсказать еще разъ и съ полнымъ сочувствіемъ объ этой, полной разнообразныхъ приключеній и послужившей темою для стольких анекдотовъ, жизни. Одинъ истый парижанинъ — именно Несторъ Рокпланъ — раздѣлилъ эту грѣшную, хотя и такую краткую, жизнь на три періода: *жаренаго картофеля, камелій* и *чахотки.*

Первый начинается сценою на „Новомъ мосту", гдѣ продавецъ жаренаго картофеля готовитъ его для своихъ дешевыхъ покупателей. Нашъ хроникеръ замѣчаетъ жадные взоры маленькой бродяжки, очень хорошенькой, но очень грязной, устремленные на жаровню. Она уже хотѣла приняться за зеленое яблоко, бывшее у нея въ рукахъ, но бросила его въ Сену, когда Рокпланъ предложилъ ей большой свертокъ жаренаго картофеля. Послѣ этого нашъ хроникеръ начинаетъ встрѣчать свою гризетку въ Ранела, въ одномъ изъ публичныхъ садовъ, исчезнувшихъ впослѣдствіи, подъ руку съ однимъ герцогомъ. Разодѣтая какъ герцогиня, она носила свой нарядъ съ врожденнымъ изяществомъ и блескомъ „каскадной" парижанки... „Каскадъ"—живописное слово, прекрасно рисующее неровную, идущую какъ бы скачками, жизнь этой Альфонсины, у которой были такіе чистые глаза, что она хотѣла называться Маріей... А между тѣмъ сколько у нея было приключеній и какія приключенія! Какія трещины, какіе провалы на ея пути! Свидѣтель ея молодости передаетъ намъ все это. Столько тутъ сладострастнаго и грустнаго, что гораздо болѣе плачешь при воспоминаніи о немъ, чѣмъ слушая ту устарѣлую драму или ту избитую оперу, которыхъ она была вдохновительницею. Мать она потеряла вскорѣ послѣ рожденія своего. Отецъ ея, Маренъ, сынъ нищей и священника, по ремеслу разносчикъ и колдунъ, самъ отдалъ ея въ ту школу стариковъ, которая служитъ первою станціею на этомъ пути, такъ называемыхъ, наслажденій жизнью. Ей было всего двѣнадцать лѣтъ. Собирая на полѣ оставшіеся отъ уборки хлѣба колосья, она уже тогда играла съ деревенскими парнями въ „Дафнисъ и Хлою". Позднѣе она слишкомъ полюбила выставки въ окнахъ магазиновъ. О, эти выставки—вѣчное искушеніе, головокружительная пропасть для гризетокъ! И Альфонсина соскользнула туда, благодаря стараніямъ влюбленнаго въ нее харчевника, который свезъ ее въ Сенъ-Клу. Это было отправленіемъ ея на островъ Цитеры. Она въ теченіе нѣсколькихъ дней разорила его на пять тысячъ франковъ. Его преемнику пришлось уже поплатиться вдвое. Но удвоенія шли у ней безпрерывно. Между тѣмъ она росла, скоро должна была достигнуть шестнадцати лѣтъ и играла какъ сумасшедшая. Всѣ курорты востока Франціи и Германіи видѣли ее въ своихъ стѣнахъ, опьяненную ѳиміамомъ похвалъ и до безумія разгоряченную за trente et quarante и рулеткой. Она тратила отъ 500 до 1000 франковъ въ день и мѣняла свои привязанности почти каждыя двѣ недѣли. Желающимъ побѣдить ее приходилось подносить самые оригинальные и цѣнные подар-

pardonnez moi mon cher
Edouard je vous en prie
à deux genoux—
si vous m'aimez assez
pour cela rien que deux mots
mon pardon et votre amitié
écrivez moi poste restante
à Ems duché de Nassau
je suis seule ici et très
malade ~~[illegible]~~ cher Edouard
vite mon pardon adieu—
Marie Duplessis

Автографъ Маріи Дюплесси.

ки; много говорили, напримѣръ, про посланный ей ящикъ съ дюжиною апельсиновъ, изъ которыхъ каждый былъ обернутъ ассигнаціей въ 1.000 франковъ. Но когда ухаживатель ей не нравился, она умѣла уйти вовремя и оставляла вмѣсто себя, для замѣны, свою горничную, всегда отвѣтную. Любила ли она кого нибудь? Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, она была почти вѣрна въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ тому изъ своихъ обожателей, который въ Баденѣ, Буживалѣ, Лондонѣ, (гдѣ она была обвѣнчана въ присутствіи двухъ свидѣтелей) растратилъ на нее все свое состояніе, несмотря на сопротивленія своихъ родныхъ и на тѣ странные съ ихъ сторонъ поступки, которые внушили Дюма одну изъ главныхъ сценъ его драмы. Но любовь проходитъ, а голодъ приходитъ, и вотъ новые любовники стали слѣдовать одинъ за другими въ теченіе послѣднихъ лѣтъ ея жизни; уже серьезно больная, она не знала—что ей выдумать для того, чтобы разсѣяться. Случалось ей прибѣгать даже къ молитвѣ у себя дома или говѣть въ церкви св. Магдалины, которая всегда оставалась ея любимымъ приходомъ. Правда, что было отъ чего скучать до смерти. Несмотря на успѣхи, прихоти, ухаживанья, трудно себѣ представить образъ жизни болѣе монотонный. Вставаніе въ полдень, послѣ завтрака двадцать минутъ игры на роялѣ, получасовое чтеніе, затѣмъ одѣваніе, поѣздка въ булонскій лѣсъ, гдѣ прогулка пѣшкомъ по одной изъ большихъ аллей. По возвращеніи домой — въ 5 часовъ зимой или въ 6 лѣтомъ — пріемъ нѣсколькихъ гостей, обѣдъ, послѣ котораго куда нибудь на вечеръ или въ театръ, наконецъ ужинъ чуть не до утра... Послѣдніе дни были еще печальнѣе: судебные пристава напали съ такимъ остервенѣніемъ, что еще сильнѣе заставили ее предугадывать свою близкую кончину. Она уже распродала большую часть своихъ бриллiантовъ и вещей. Съ ея стороны это было, конечно, не предусмотрительно, такъ какъ еще не всѣ покровители покинули ее, особенно одинъ, влюбившійся не только въ ея бархатные глаза, изящную талію, маленькія ножки и ручки, но даже въ ея чахотку, потому что въ этомъ видѣ она напоминала ему умершую дочь. Вы догадываетесь, что для такого „фамильнаго портрета" онъ устроилъ недурную рамку на бульварѣ Маделенъ, и квартира эта, въ отсутствіе старика-покровителя, усердно посѣщалась золотою молодежью того времени: печально прославившимся барономъ, знаменитымъ пьянистомъ, щедрымъ какъ истый вельможа, разбогатѣвшимъ подрядчикомъ и поэтомъ...

Приведу здѣсь нѣсколько писемъ ея къ графу де-П., одному изъ тѣхъ, которые остались наиболѣе вѣрны послѣднему блеску ея звѣзды. Съ этой связью соединена даже одна мистическая подробность, о которой я не хочу умолчать, тѣмъ болѣе, что о ней никогда не говорилось въ печати. Въ послѣдніе дни жизни „дамы съ камеліями" графъ де-П., сильно безпокоясь о ея здоровьѣ, рѣшился обратиться къ знаменитому тогда ясновидящему—Алексису—и передалъ ему фланелевую фуфайку, только что снятую съ умирающей. Алексисъ ему отвѣчалъ: „Возвращайтесь къ ней скорѣе—ей осталось прожить лишь нѣсколько часовъ". И дѣйствительно, она умерла на другой день...

Письма Плесси можно распредѣлить на двѣ группы: одни изъ нихъ любовныя, другія — дѣловыя. Всѣ они кратки, написаны небрежнымъ почеркомъ, строки широко отстоятъ другъ отъ друга, какъ вообще у людей расточительныхъ...

Начнемъ съ самой короткой записки: бумага розовая, сложенная и переложенная въ треугольникъ, запечатана краснымъ сургучомъ и той однообразной печатью, которую она никогда не забываетъ приложить и на которой двѣ буквы — М. Д., увѣнчанныя короною маркиза.

„Сегодня вечеромъ въ шесть съ половиною часовъ. Тысячу нѣжностей.

Марія".

Назначается другое свиданіе; записка все на такой же розовой бумажкѣ, но на этотъ разъ въ длинномъ узкомъ конвертѣ, немного бьющемъ на эффектъ:

„Вы мнѣ сдѣлаете большое удовольствіе, милый Эдуардъ, если зайдете повидаться со мною сегодня вечеромъ (театръ Водевиль, № 27). Не могу обѣдать съ тобой, я очень больна

Тысяча нѣжностей. Марія".

Снова та же бумага, тотъ же конвертъ, но почеркъ болѣе нервный: слѣдовательно интимность увеличилась, привычка вступила въ свои права, но манера осталась почтительной и деликатной съ оттѣнкомъ стыдливости, выражаемымъ въ маленькихъ привѣтливыхъ подробностяхъ:

„Какъ мнѣ грустно, милый Эдуардъ, что я часомъ ранѣе не получила твоего письма! Зелія просила меня сообщить ей—не могу ли я провести съ нею вечеръ. Не имѣя ничего лучшаго въ виду, я обѣщала. Если ты желаешь, мы завтра вмѣстѣ пообѣдаемъ; напиши согласенъ ли. Въ ожиданіи, дорогой маленькій братецъ, цѣлую тысячу разъ твои голубые глаза. Всѣмъ сердцемъ

Марія".

Что произошло затѣмъ? Легонькая измѣна или другая провинность? Дочь народа снова приняла предъ оскорбленнымъ большимъ бариномъ тонъ покорной служанки.

„Простите меня, мой милый Эдуардъ, — на колѣняхъ умоляю васъ, если вы любите меня для того достаточно, — только два слова: прощеніе и дружба. Пишите мнѣ до востребованія въ Эмсъ, герцогство Нассауское. Я здѣсь одна и очень больна. Итакъ, милый Эдуардъ, скорѣе мое прощеніе. Прощайте.

Марія Дюплесси".

Это — послѣдняя записка на розовой бумажкѣ.

Окончимъ эту группу письмомъ, въ нѣкоторомъ родѣ оффиціальномъ, на голубоватосѣрой бумагѣ. Это уже разрывъ, — разрывъ, безъ сомнѣнія, временный, предложенный имъ, принятый ею, какъ подписываютъ или расторгаютъ контрактъ. Почеркъ въ запискѣ мелкій, сдержанный.

„Мой милый Эдуардъ!

Во всемъ, что вы мнѣ пишете, — вижу только одно, на что вы желаете получить отъ меня отвѣтъ: вы хотите, чтобъ я вамъ сказала письменно, что вы свободны и можете дѣлать, что вамъ заблагоразсудится. Это я уже вамъ сказала лично третьяго дня, повторяю теперь и подписываю:

Марія Дюплесси“.

Вторая группа, дѣла, начинается требованіемъ обѣщанныхъ бриллiантовъ. Это письмо — длиннѣйшее изъ всѣхъ и наиболѣе обильное литературностью (на столько желаніе роскоши придаетъ женщинѣ краснорѣчія); вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ и самыя серьезныя грамматическія ошибки.

„Милый Эдуардъ, будьте добры, передайте посланному мною мои бумаги, которыя мнѣ крайне нужны. Вы меня очень обяжете, попросивъ г. Бретона поторопиться присылкою моихъ бриллiантовъ; вѣдь вы знаете, что я желаю уѣхать какъ можно скорѣе, а безъ нихъ я не могу тронуться, потому что они мнѣ нужны для окончанія дѣлъ. Такъ какъ мой посланный можетъ не застать васъ, то, по возвращеніи домой, напишите отвѣтъ, за которымъ я пришлю сегодня вечеромъ.

„Не понимаю, къ чему вы передавали многимъ, что позднѣе догоните меня въ Италіи, когда этого на самомъ дѣлѣ не будетъ.

„Вамъ, значитъ, очень хочется сдѣлать мнѣ зло. Вѣдь вы хорошо знаете, что этимъ вы можете повредить моей будущности, которую, какъ видно вамъ желательно сдѣлать несчастною и печальной? Прощаю вамъ это отъ всего сердца, но прошу васъ не забывать содержанія моего письма.

Вся ваша.

22, улица д'Антенъ. Марія“.

Грѣшница является здѣсь на лицо,—вся, какъ она есть, со своими требованіями, страхами, легкою отдачею самой себя, за вознагражденіе и тѣми оттѣнками рабства, которые такъ нравятся многимъ мужчинамъ, порабощаемымъ только тѣми, кто кажется ихъ рабынями.

А вотъ ласковое заигрываніе изъ-за желанія получить ложу въ театрѣ; но можно ли представить себѣ что нибудь болѣе парижское, болѣе вѣтренное? Ей непремѣнно нужно быть на этомъ столь заманчивомъ спектаклѣ. Блѣдноголубая бумага до сихъ поръ сохранила слѣды золотого песку. Эта записка сложена, по обыкновенію, въ видѣ шляпы жандарма и съ зеленою печатью; надпись *„весьма спѣшное“*, приходитъ по имени адресата съ „черновою“ небрежностью страстныхъ натуръ и куртизанокъ.

„Мой возлюбленный Недъ!

Сегодня въ Variétés необычайное представленіе, въ бенефисъ Буффе. Идутъ: *Le diner de Madelon*, *Le Père Turlututu*, *Phèdre* Одри. *Les armes de Richelieu*, *Le Solitaire*, мелодрама Одри, *Le Gamin de Paris*, кадриль артистовъ изъ „Сильфиды“, однимъ словомъ прелестный вечеръ; ты сдѣлаешь мнѣ огромное удовольствіе, если достанешь ложу. Отвѣчай мнѣ, добрый, дорогой другъ; цѣлую, если только ты мнѣ это позволишь, тысячу милліоновъ разъ твои глаза.

Марія“.

Послѣдняя еще записка; въ ней дѣло перемѣшивается съ нѣжностями, на сценѣ опять ювелиръ и упоминаніе о немъ стушевывается банальными обѣщаніями учащенныхъ поцѣлуевъ тому, кто даритъ бриллiанты.

„Твое письмо пришло въ 5 часовъ; мнѣ нельзя, дорогой Эдуардъ, быть при свиданіи, назначенномъ Бретономъ, такъ какъ могу не застать Ределя, человѣка занятого и моя поѣздка къ нему окажется тогда напрасною. Другой разъ, дорогой Эдуардъ, пиши мнѣ ранѣе — за полчаса. Надѣюсь тебя видѣть скоро. Цѣлую тысячу разъ твои глаза.

Марія“.

Есть еще у меня въ рукахъ тоненькая глянцевитая карточка, тутъ же подъ пятью извертами ея волосы. Могутъ ли они совершить чудо— воскресить любовь въ потухшихъ сердцахъ? Могутъ ли разбудить Купидона нашего времени, сдѣлавшагося такимъ неврастеникомъ, этого стрѣлка, стрѣлы котораго, увы! слишкомъ притупились и слишкомъ растерялись? Не знаю. Они лежатъ предо мною, такіе безцвѣтные, поблекшіе, въ своихъ кувертахъ, такихъ тонкихъ и аристократическихъ — по модѣ того времени, когда не была въ употребленіи прозаическая англійская бумага. Какъ на первомъ, такъ и на послѣднемъ конвертѣ слѣды ея руки: четыре толстыхъ штриха перомъ, образующіе расплюснутую звѣзду. Чернила выцвѣли, сдѣлались бѣловатыми какъ и волосы...Эта брюнетка, съ теченіемъ времени, послѣ своей смерти, сдѣлалась почти блондинкой. Прядь же скрѣплена ничѣмъ; она натуральна, какъ женщина безъ всякихъ прикрасъ туалета — нѣтъ даже ленточки. Точно свернувшаяся змѣйка, бѣдное животное, утратившее свою злость и растрепавшееся въ нитки, сдѣлавшееся однимъ изъ клочковъ той вѣчной пряжи Омфалы, которую и геркулесы и совсѣмъ не геркулесы, слабые или сильные, всегда плели и плетутъ съ немного смѣшнымъ для мужчинъ послушаніемъ.

Циклонъ въ Сенъ-Луи

Сѣверная Америка — страна бурь; она въ большомъ сосѣдствѣ съ источникомъ тѣхъ великихъ возмущеній атмосферы, которыя начинаются обыкновенно въ Мексиканскомъ заливѣ и потомъ несутся по направленію къ Европѣ, вдоль широкаго русла Гольфстрема, широко раскидываясь по сторонамъ, захватывая американскій континентъ своими крыльями. Бури, ураганы, циклоны — столь обычное явленіе въ Америкѣ, что наложило свой ясный слѣдъ даже на мифологію мѣстныхъ народовъ; у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ пользуется большимъ почитаніемъ Гурриканъ — богъ бурь, въ центральной Америкѣ демона ураргановъ представляли себѣ въ видѣ птицы. Нынѣшній май въ Сѣверной Америкѣ былъ вообще очень бурный; отъ бурь крѣпко досталось Техасу, Канзасу, Иллинойсу, Дакотѣ, Миссури. Но съ особенною силою бѣдствіе разразилось надъ главнымъ городомъ штата Миссури, Сенъ-Луи. Замѣтимъ, мимоходомъ, что этотъ городъ одинъ изъ важнѣйшихъ внутреннихъ торговыхъ пунктовъ въ Соединенныхъ Штатахъ; это настоящій узелъ внутренней торговли, куда стягиваются произведенія запада, юга и востока страны. Городъ громадный, выросшій съ волшебною быстротою, сгорѣвшій до тла, вновь возстановленный съ еще большею быстротою — словомъ, типичнѣйшій городъ страны Янки. Циклонъ разразился здѣсь днемъ 15 (27)-го мая, и продолжался, быть можетъ, не долѣе одной минуты; но этого рокового мгновенія разгула стихій было достаточно, чтобы разрушить городъ, какъ карточный домикъ. Приближеніе циклона возвѣстила страшная тьма, молніи, и необычайной силы вѣтеръ. И вотъ, вдругъ вѣтеръ пріобрѣлъ силу и натискъ пушечнаго ядра, ринулся стѣною, передъ которою все встрѣчное валилось наземь; прохожіе и экипажи подхватывались этимъ бѣшенымъ токомъ, поднимались отъ земли и бросались прямо на стѣны домовъ. По вѣтру летѣли снесенныя кровли домовъ; стѣны валились подъ напоромъ бури съ неистовымъ грохотомъ. Центръ циклона, а вмѣстѣ съ нимъ и линія наибольшаго разгрома, прошелъ по юго-западной части города, гдѣ ютятся мелкіе лавочники и рабочіе; постройки здѣсь небольшія и сравнительно непрочныя; весь этотъ кварталъ былъ, буквально, въ одно мгновеніе превращенъ въ груду развалинъ, среди которыхъ валялись трупы убитыхъ и множество изувѣченныхъ, особенно яростное опустошеніе обрушилось на улицы Лафайета, Джефферсона и Миссури. На углу Миссурійской и Джефферсонской улицъ циклонъ разрушилъ электрическій заводъ главнаго общества желѣзной дороги. Все зданіе завода не только разрушено до основанія, но и исчезло вовсе, снесено съ мѣста и разметено на далекое разстояніе; теперь на мѣстѣ завода стоятъ только полуразрушенныя машины. Слѣды циклона на набережной на самой рѣкѣ — ужасны. Громадный и, казалось бы, несокрушимый мостъ черезъ рѣку, настолько пострадалъ, что его починка потребуетъ расхода въ полмилліона долларовъ. Суда поднимались вѣтромъ и волнами какъ щепки, сталкивались одно съ другимъ и тутъ же тонули. Дождь лилъ сплошною стѣною, водопадомъ. Молнія надѣлала множество пожаровъ, къ которымъ пожарные не могли пробраться по улицамъ, превратившимся отъ ливня въ бурные потоки, загроможденные грудами обломковъ разрушенныхъ построекъ; тѣмъ временемъ наступила темная ночь, скрывшая страшную картину разрушенія; и только на другой день предстала эта картина передъ пораженнымъ ужасомъ населеніемъ, во всемъ своемъ драматизмѣ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, во время циклона погибло, менѣе чѣмъ въ минуту времени, не менѣе 450 человѣкъ, а убытку нанесено на сорокъ милліоновъ рублей. Городъ лежалъ весь въ развалинахъ, точно выдержавъ жесточайшую бомбардировку.

На Ивановъ день

Къ рисунку Ѳ. С. Козачинскаго

День 24-го іюня, Ивановъ день, Иванъ-Купало, — великій всеславянскій праздникъ торжества лѣта. Наши предки подмѣтили, что животворящія силы природы — солнце, дождь достигаютъ около этого времени своего высшаго напряженія, одерживаютъ полный верхъ надъ враждебными имъ силами смерти, разрушенія. Народъ отмѣтилъ эту высшую точку торжества благодѣтельныхъ силъ природы и праздновалъ ее повсюду въ славянскихъ земляхъ, а также и у нѣмцевъ, съ необычайною радостью и торжественностью. Въ обрядностяхъ этихъ торжествъ выступали на первый планъ три культовыхъ статьи — огонь, какъ символъ бога-громовника, божества-живителя по преимуществу, вода, какъ двигатель растительной силы, и зелень, какъ видимый результатъ работы благодѣтельныхъ силъ на пользу человѣка. Огни, костры — необходимая и самая важная подробность купальскихъ торжествъ. Въ народѣ до сихъ поръ сохранился обычай прыгать черезъ костры, переводить черезъ нихъ скотъ. Въ славянскихъ земляхъ, занимающихъ горныя мѣстности, напримѣръ, Карпаты, Судеты, въ ночь подъ Ивановъ день вершины горъ ярко освѣщаются многочисленными кострами, представляя единственное въ своемъ родѣ зрѣлище первобытной иллюминаціи. Огонь въ этотъ день, по народному вѣрованію, имѣетъ особую пророческую и цѣлящую силу; когда пара молодыхъ поселянъ, парень и дѣвушка, схватившись за руки прыгаютъ черезъ костеръ, то по удачѣ или неудачѣ скачка они сами и вся собравшаяся публика заключаютъ о ихъ судьбѣ. Мѣстами черезъ купальскіе костры переносятъ больныхъ дѣтей, прогоняютъ хворую скотину, съ твердой вѣрою, что они поправятся. У насъ въ Россіи древніе купальскіе обрядности лучше всего, кажется, сохранились въ Малороссіи и юго-западномъ краѣ. Такъ, въ харьковской губерніи сельчане собираются подъ Ивана Купала въ особыя, издревле избранныя мѣста и перепрыгиваютъ черезъ крапивные кусты; жгучая крапива, очевидно, какъ-то отожествляется съ огнемъ, и крапивный кустъ играетъ тутъ роль костра. Въ это время часто поются особыя купальскія пѣсни. Мѣстами сохранился обычай, видимо связанный съ старымъ древеснымъ культомъ; срубаютъ деревцо, украшаютъ его вѣнкомъ изъ цвѣтовъ и относятъ въ мѣсто купальскихъ сборищъ. Деревцо, называемое Мариною (названіе это сближается съ Мореною, отъ моръ, смерть — богинею зимы, смерти) ставится на мѣсто, а подъ него сажается соломенная кукла, величиною съ ребенка, на которую надѣваютъ сорочку, плахту, монисты и вѣнокъ изъ цвѣтовъ; это и есть Купало. Часто тутъ же, около Морены и Купала, ставятъ столъ съ виномъ и ѣдою. Зажигаютъ костеръ, прыгаютъ черезъ него попарно, держа въ рукахъ куклу Купалы, и веселятся тутъ всю ночь до разсвѣта. А на другой день куклу и деревцо приносятъ къ рѣкѣ, срываютъ съ нихъ всѣ украшенія и кидаютъ ихъ въ воду; затѣмъ происходитъ общее купанье. Вся эта веселая толпа молодежи всегда одѣвается въ свои лучшіе праздничные наряды, а дѣвушки надѣваютъ на головы вѣнки изъ цвѣтовъ и душистыхъ травъ; эти вѣнки, по обычаю, надѣвались такъ, что ихъ передняя часть опускалась на лицо и закрывала его до половины. Въ Ивановъ день вѣнки имѣютъ такое же прорицательное и цѣлебное значеніе какъ и въ семикъ. Когда деревцо Морену приносили для потопленія къ рѣкѣ, то еще прежде него, дѣвушки кидали въ воду, сорванныя съ головъ вѣнки. Но иныя не бросали этихъ вѣнковъ, а уносили ихъ домой, вѣшали ихъ въ сѣняхъ жилыхъ избъ, или на заборахъ, или въ помѣщеніяхъ для скотины, твердо вѣруя, что эти вѣнки предохраняютъ всѣхъ домашнихъ и животину отъ всяческихъ напастей. Въ этотъ день, и именно въ ночь подъ Ивана Купала, растенія пріобрѣтаютъ особую волшебную и цѣлящую силу; лекарственныя травы собираются деревенскими знахарями въ эту ночь. Знаменитый въ кладоискательскомъ искусствѣ папоротникъ разцвѣтаетъ также одинъ только разъ въ годъ, именно въ эту же самую Ивановскую ночь.

М. Новодворскій,

римско-католическій епископъ плоцкій †

Недавно скончался въ Варшавѣ плоцкій римско-католическій епископъ Михаилъ Новодворскій, очень почтенный архипастырь своей церкви, замѣчательный ученый богословъ и церковный историкъ. Потомокъ польской дворянской фамиліи (герба Наленчъ), М. Новодворскій родился 27-го іюля 1831 г. въ Влоцлавскѣ, въ семьѣ скромнаго учителя и среднее образованіе получилъ въ калишскомъ реальномъ училищѣ. Отсюда, по собственному желанію, онъ поступилъ въ влоцлавскую духовную семинарію и, послѣ блестящаго окончанія курса въ ней, спеціальное образованіе завершилъ въ варшавской духовной академіи. Въ 1854 г. Новодворскій былъ посвященъ въ священники. Затѣмъ послѣдовательно мы видимъ Новодворскаго викаріемъ въ Конецкѣ, нешавскаго уѣзда, библіотекаремъ и профессоромъ духовной академіи въ Варшавѣ, каноникомъ варшавскаго митрополитанскаго капитула и, наконецъ, съ 1889 г. епископомъ плоцкимъ.

М. НОВОДВОРСКІЙ,
римско-католическій плоцкій епископъ, † 31-го мая с. г.

Епископъ Новодворскій былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ римско-католическихъ іерарховъ въ нашемъ отечествѣ. Заслуги его на литературномъ поприщѣ, особенно въ области церковной исторіи, очень важны и цѣнны. Будучи еще каноникомъ въ Варшавѣ, онъ сталъ издавать „Przeglad Katolicki“, т. е. „Католическое Обозрѣніе“, которое и до сихъ поръ остается едва ли не самымъ серьезнымъ духовнымъ журналомъ на польскомъ языкѣ. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ переводовъ его на польскій языкъ крупнѣйшихъ изъ произведеній германской и французской богословской литературы: д-ра Мëлера „Symbolika czyli wyklad dogmatyczny niezgodnosci pomiedzy katolikami i protestantami“ („Символика или догматическое изложеніе несогласій между католиками и протестантами“, Варшава. 1871), К. Перена „Bogactwo w spoleczenstwie chrzescianckiem“ („Богатство въ христіанскомъ обществѣ“, Варшава. 1875), І. М. Виллефранха „Pius IX“ (Варшава. 1878) и Л. Велло „Jezus Chrystus“. Изъ оригинальныхъ работъ епископа Михаила слѣдуетъ отмѣтить: жизнеописаніе кс. Кароля Суровецкаго (Варшава, 1870), цѣлый

Конная статуя монумента.

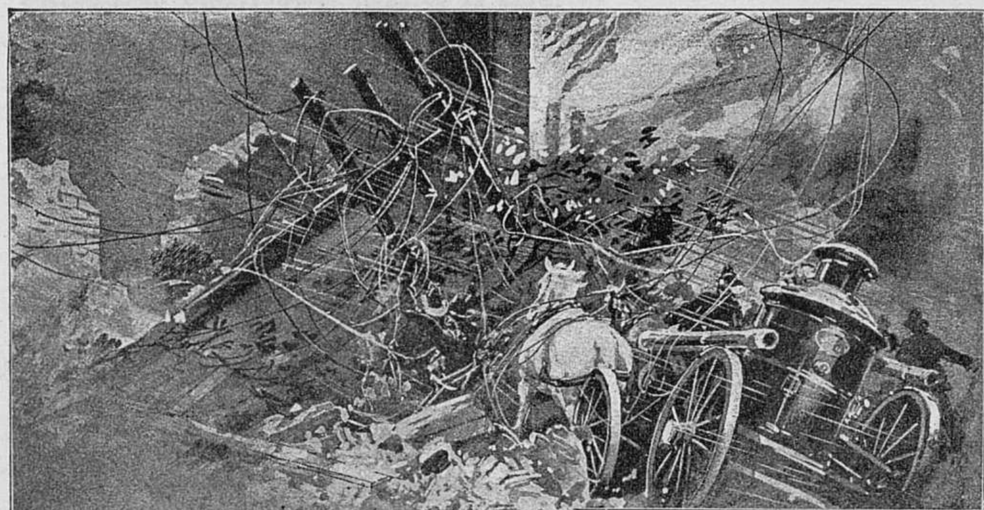
Италія. Миланъ. — Открытіе памятника королю Виктору-Эмануилу 12 (24)-го іюня с. г.

Видъ Джефферсоновской улицы на протяженіи 1½ мили.

Разрушенія близь моста въ восточной сторонѣ Сенъ-Луи.

Пожарный обозъ, запутавшійся въ порванныхъ проволокахъ.

Разрушенное зданіе компаніи прессованія хлопка.

Общій видъ города Сенъ-Луи съ восточной стороны. Разгромъ на рѣкѣ.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Сенъ-Луи на Миссисипи. — Опустошенія, произведенные циклономъ 15 (27)-го мая с. г.

рядъ статей въ „Przegl. Katolicki“, посвященныхъ разбору теологической доктрины гр. Л. Н. Толстого, трудъ, къ сожалѣнію, не оконченный за смертью автора, и много трактатовъ богословскаго и церковно-историческаго характера въ извѣстной „Encyklopedyi coscielnej“ („Церковной энциклопедіи“), изданіе которой было предпринято Новодворскимъ въ 1873 г. и въ настоящее время доведено до XXI тома (Pozytywizm-Prusy). Изъ трактатовъ Новодворскаго очень интересенъ трактатъ объ Янѣ Остророгѣ. За свои учено-литературные труды епископъ Михаилъ былъ удостоенъ, въ 1888 г., петербургской римско-католической духовной академіею и краковскимъ ягелонскимъ университетомъ степени доктора богословія. Административныя заслуги епископа Новодворскаго вполнѣ оцѣнены высшимъ правительствомъ, что и выразилось въ пожалованіи ему ордена св. Станислава 1-й ст. въ 1892 году. Какъ человѣкъ, Новодворскій былъ въ высшей степени симпатиченъ.

Г. Воробьевъ

Эхте-Зате-Салтане,

наслѣдникъ персидскаго престола

По вступленіи на престолъ шаха персидскаго Музафферъ-Эддина, наслѣдникомъ его объявленъ старшій сынъ шаха Мехмедъ-Али-Мирза, носившій до сихъ поръ титулъ Эхте-Зате-Салтане. Онъ родился въ 1871 году и получилъ хорошее образованіе, довольно, свободно владѣетъ французскимъ языкомъ и любитъ военное дѣло. Мехмедъ-Али-Мирза, до провозглашенія его наслѣдникомъ престола, состоялъ командующимъ войсками адербейджанской провинціи, высшее управленіе которой находилось въ рукахъ теперешняго шаха, когда онъ былъ наслѣдникомъ. Онъ пользуется большой популярностью и среди войскъ, о нуждахъ которыхъ всегда усердно заботился, и среди населенія, которое любитъ молодого наслѣдника за его доступность и за то доброжелательное вниманіе, съ какимъ онъ всегда относится ко всѣмъ просьбамъ и жалобамъ, къ нему обращеннымъ. Принцъ Мехмедъ-Али-Мирза женатъ на дочери своего дяди по отцу, третьяго сына покойнаго Насръ-Эддина шаха, Нахибусъ-Салтане, состоящаго военнымъ министромъ въ Тегеранѣ. При передачѣ Мехмеду-Али-Мирза управленія Адербейджаномъ, новый шахъ обнародовалъ къ сыну письмо, напечатанное въ персидской газетѣ „Насыри“, гдѣ сказано слѣдующее: „Эхте-Зате-Салтане,—мой дорогой сынъ, а Адербейджанъ—мой домъ, который я люблю больше всего на свѣтѣ. А потому лучшій свой домъ я поручаю дорогому сыну. Онъ долженъ быть отцомъ для каждаго адербейджанца. Я самъ, во время моего тридцатисемилѣтняго управленія, обращался съ адербейджанцами по отцовски. Эхте-Зате-Салтане долженъ дѣйствовать по моему примѣру“.

Памятникъ императору Вильгельму на Киффгейзерскихъ горахъ

Въ самомъ сердцѣ Германіи, между горными массовыми группами Гарца и Тюрингервальда лежитъ горная группа Киффгейзеръ, съ которой вѣками связана извѣстная нѣмецкая народная легенда о Мессіи германскаго народа, Фридрихѣ Барбароссѣ; маститый король, отважный боецъ за германскую идею, по преданію, спитъ гдѣ-то, въ недоступной глубинѣ горы, и когда придетъ его время, проснется и встанетъ вновь во главѣ всей нѣмецкой земли. На этой-то славной горѣ, близъ развалинъ стариннаго замка Гогенштауфеновъ, Ротенбурга, и воздвигнутъ памятникъ первому императору, объединителю Германіи, Фридриху-Вильгельму. Площадка горы, на которой воздвигнутъ памятникъ, выравнена и обдѣлана каменною кладкою съ частыми аркадами. Гребень этой площадки обведенъ массивною балюстрадою, такъ что площадка образуетъ собою какъ бы дворъ, въ центрѣ котораго и возвышается собственно памятникъ. Основаніемъ памятника служитъ естественный пригорокъ, вершина котораго, въ свою очередь, выравнена и образуетъ вторую террасу памятника, также обведенную балюстрадою. Съ нижней террасы на верхнюю ведутъ двѣ боковыя лѣстницы. Между этими лѣстницами выведена каменная стѣнка съ просторными аркадами, которыя ведутъ во внутренній дворикъ, прилегающій къ подножію памятника. Здѣсь, въ фасадѣ этого подножія, сдѣлана ниша съ тройчатыми колоннами по бокамъ и широкою полукруглою аркадою надъ ними. Въ этой нишѣ, на фонѣ громадной готической розетки, покоится могучая фигура рыжебородаго короля. Онъ сидитъ на скамьѣ, опираясь локтями на верхній край ея спинки. На немъ длинная мантія, падающая по его фигурѣ крупными складками. На головѣ корона, изъ-подъ которой падаютъ длинные густые волосы, сливающіеся съ бородой, распростертой по всей груди. Въ правой рукѣ Барбарусса, держитъ свой громадный мечъ. Онъ представленъ какъ бы въ моментъ пробужденія отъ своего заколдованнаго сна, того пробужденія, о которомъ мечтаетъ народная фантазія. Надъ нишею съ Барбаруссою выведена стѣна, идущая четырехугольникомъ и образующая какъ бы пьедесталъ памятника. По угламъ пьедестала возвышаются четыре башни съ зубчатыми бойницами, въ видѣ балкончиковъ. По бокамъ этого пьедестала вытянуты двѣ лѣстницы, соединяющія вторую террасу съ тою площадкою, на которой поставлена колонна памятника. Эта колонна имѣетъ видъ усѣченной четырегранной пирамиды, съ толстыми флянцами по угламъ. Верхняя часть пирамиды обдѣлана выступающимъ карнизомъ съ зубцами по вершинѣ. Сверхъ пирамиды на цилиндрическомъ основаніи поставленъ куполъ увѣнчанный крестомъ, и имѣющій подобіе короны. Около передняго фасада пирамиды, на особомъ, нѣсколько выдвинутомъ, пьедесталѣ поставлена фигура императора Вильгельма. Императоръ представленъ верхомъ на конѣ, круто поднявшемъ правую переднюю ногу. На императорѣ каска и походная шинель, капюшонъ которой развивается отъ быстраго движенія коня. Спереди, у ногъ коня, двѣ фигуры, изображающія древнихъ германцевъ, временъ римскаго нашествія. Слѣва мужская фигура, въ полномъ вооруженіи, со щитомъ, въ крылатой шапкѣ; справа древняя германка, въ томъ видѣ, какъ она по преданію являлась на поле битвы, вслѣдъ за своимъ отцомъ, мужемъ, братомъ. Фигура обращена лицомъ въ сторону императора; въ лѣвой рукѣ она держитъ вѣнокъ, а правою опирается на массивный щитъ, на которомъ виднѣется выпуклая надпись: „Sedan, Paris, 1870“. Размѣры памятника весьма внушительны. Нижняя круглая терраса приподнята на высоту около 6 саженъ и имѣетъ въ маломъ поперечникѣ 45, а въ большомъ—около 60 саж. Двѣ слѣдующія террасы возвышаются еще на 15 саж., а башня, имѣющая основаніе около 10 саж. въ квадратѣ, возвышается надъ верхнею террасою на 26 саж. Фигура императора, считая отъ копытъ лошади до вершины каски, имѣетъ болѣе 4 саж. высоты. Памятникъ былъ торжественно открытъ, въ присутствіи императора, 6-го текущаго іюня. Проектъ, по которому памятникъ выполненъ, составленъ Бруно Шмицемъ, въ сотрудничествѣ со скульпторами Эмилемъ Гундризеромъ и Николаемъ Гейгеромъ.

Мирза-Магометъ-Риза-Кермани

Объ убійцѣ персидскаго шаха Насръ-Эддина уже было говорено въ свое время во „Всемірной Иллюстраціи“. Оказывается, что Мирза-Магометъ-Риза-Кермани — таково полное имя убійцы — докторъ по профессіи, имѣлъ смѣлость представить ультиматумъ еще внуку шаха Найэпо-Салтане. Въ то время Сеидъ Джемаль-Эддинъ находился въ Лондонѣ. Незадолго передъ тѣмъ, въ одну ночь на улицахъ Тегерана было расклеено 1.000 реформистскихъ прокламацій. Ультиматумъ Ризы гласилъ слѣдующее: „Три мѣсяца срока прошли, теперь — или „Канунъ“, или „отреченіе“, или „смерть“. Риза былъ немедленно арестованъ, и пытался покончить самоубійствомъ, распоровъ себѣ животъ ножницами, но его вылечили и отправили въ Казвинъ, гдѣ онъ пробылъ годъ и два мѣсяца въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ другими одиннадцатью участниками митинга, арестованными послѣ него. Спустя 14 мѣсяцевъ всѣ эти лица были освобождены подъ условіемъ, что они не будутъ больше вспоминать о „Канунѣ“. Но фанатикъ Риза не сдержалъ обѣщанія, онъ возобновилъ свою пропаганду, былъ схваченъ, два раза сидѣлъ въ тюрьмѣ и, наконецъ, былъ изгнанъ изъ Персіи. Едва оправившись, Риза-Кермани тайно возвратился въ Персію, гдѣ, какъ уже извѣстно, привелъ свой планъ въ исполненіе. Джемаль-Эддинъ-Эффенди является въ Персіи главой новой національной партіи, не имѣющей ничего общаго съ баббизмомъ, послѣдователи котораго почти всѣ истреблены покойнымъ шахомъ. Риза-Кермани, какъ увѣряютъ, не принадлежитъ къ сектѣ „баби“. Баббизмъ добивался лишь религіозной реформы, основанной на спиритуализмѣ въ связи съ пантеизмомъ.

Памятникъ Виктору Эммануилу въ Миланѣ

Торжественное открытіе памятника Виктору Эммануилу въ Миланѣ состоялось 12 (24)-го іюня. Этотъ грандіозный памятникъ — произведеніе извѣстнаго итальянскаго скульптора Эрколе Роза. Конная статуя перваго короля объединенной Италіи, увѣнчивающая памятникъ, имѣетъ около 8 аршинъ въ вышину. Артистъ представилъ покойнаго короля на полѣ битвы, въ самомъ жаркомъ мѣстѣ боя, въ моментъ когда онъ сдерживаетъ коня и отдаетъ команду. Эта группа вся отлита изъ бронзы. Громадный пьедесталъ сдѣланъ четырехсторонній и бока его украшены художественно исполненными скульптурными группами, представляющими военныя сцены, именно, разные моменты вступленія побѣдоноснаго войска Виктора Эммануила въ Миланъ въ маѣ 1859 года. Справа и слѣва отъ памятника положены на четыреугольныхъ плитахъ фигуры львовъ; около одного изъ нихъ лежитъ дубовая вѣтвь, около другого — лавровая; подъ лапами львовъ щиты, на одномъ изъ которыхъ сдѣлана надпись: „Roma“ (Римъ). Эрколе Роза, положившему массу труда на созданіе этого своего образцоваго произведенія, не посчастливилось дожить до его открытія; онъ скончался въ Римѣ въ октябрѣ 1893 года. Такова странная судьба творцовъ выдающихся миланскихъ памятниковъ. Менгони, авторъ галлереи, Виктора Эммануила, Гранди — творецъ памятника „Пяти Дней“, оба умерли до окончанія ихъ произведеній. По случаю открытія памятника составлена популярная біографія покойнаго короля для раздачи ее въ народныхъ школахъ. Памятникъ поставленъ на обширной центральной площади города, гдѣ высится знаменитый соборъ. Миланцы готовились къ открытію памятника съ особенною торжественностью, считая его событіемъ первостепенной важности въ исторіи города. Вопросъ о его сооруженіи былъ поднятъ миланскою городскою управою въ самый день смерти короля и тогда же открылась на него подписка, сразу, въ нѣсколько часовъ давшая довольно крупную сумму.

Новости печати

Деревня. Новый иллюстрированный сельско-хозяйственный журналъ, №№ 1—4 Спб. 1895 г. Наша сельско-хозяйственная періодическая печать не можетъ вызывать жалобъ на скудость. Мы имѣемъ до трехъ десятковъ журналовъ по всевозможнымъ отраслямъ хозяйства. Большая часть этихъ журналовъ вполнѣ общедоступны по цѣнѣ и по содержанію. Съ прошедшаго года этотъ длинный рядъ увеличился новымъ дешевымъ ежемѣсячнымъ журналомъ, подъ названіемъ „Деревня“. Передъ нами нѣсколько первыхъ нумеровъ этого журнала. Они составлены очень тщательно. Въ ряду авторовъ статей мы встрѣчаемъ много именъ опытныхъ хозяевъ, общественныхъ дѣятелей и профессоровъ, уже давно выступившихъ въ сельско-хозяйственной литературѣ. Отмѣтимъ въ вышедшихъ нумерахъ, между прочимъ, статьи: г. Колесова, о сравнительной доходности лѣса и поля, г. Ракуша, о воздѣлываніи корзиночной ивы, г. Пашкевича, объ огурцахъ и моркови, г. Гедроица, объ известково-песчаныхъ постройкахъ, г-жи Гриневой, объ откормѣ птицъ, г. Навалихина, о воздѣлываніи кормовыхъ травъ въ хозяйствахъ сѣверной и средней Россіи, и т. д. Въ журналѣ заведенъ отдѣлъ вопросовъ и отвѣтовъ сдѣлавшійся, съ легкой руки незабвеннаго редактора „Земледѣльческой газеты“, Ѳ. А. Баталина, почти необходимою составною частью каждаго сельско-хозяйственнаго журнала. Въ вышедшихъ нумерахъ мы нашли не малое число чертежей, плановъ, рисунковъ, виньетокъ, портретъ недавно умершаго ученаго агронома П. А. Костычева и очень не дурную хромолитографію. Вообще новый журналъ занялъ свое мѣсто въ ряду своихъ собратій, и какъ намъ кажется, можетъ разсчитывать на успѣхъ. Редактируетъ его П. Н. Елагинъ, извѣстный спеціалистъ по птицеводству. Цѣна журнала 3 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою.

М. А. О.

Лейбъ-гвардіи с.-петербургскій короля Фридриха Вильгельма III полкъ. 6-го декабря 1894 года. Составилъ Ф. Орловъ. Варшава. 1895 г. 6-го декабря 1894 года лейбъ-гвардіи с.-петербургскій короля Фридриха Вильгельма III полкъ удостоился полученія телеграммы отъ Его Императорскаго Величества о дарованіи этому полку правъ старой гвардіи. Лежащая передъ нами изящно изданная брошюра представляетъ собою, если можно такъ выразится, непосредственный отголосокъ этого торжественнаго въ жизни полка событія. Въ брошюркѣ описана радостная встрѣча полкомъ Царской милости, напечатанъ золотыми буквами, въ изящной рамкѣ, текстъ телеграммы Государя Императора, затѣмъ, приведены телеграммы Высочайшихъ Особъ, съ поздравленіями и пожеланіями по случаю Высочай-

шей милости. Въ концѣ брошюры приведенъ списокъ личнаго состава полка къ 6-му декабря 1894 г.
М. А. О.

И. Шевченко-Красногорскій. По Волгѣ и Каспію. Путевые наброски. Спб. 1895 г. Эта небольшая брошюра (72 страницы), по размѣрамъ не превосходящая журнальной статьи, можетъ быть разсматриваема только лишь какъ отчетъ о личныхъ дорожныхъ впечатлѣніяхъ автора, проѣхавшагося по громадному пространству Волги и Каспійскаго моря, въ качествѣ любознательнаго туриста. Дать понятіе о такомъ громадномъ районѣ, какой захваченъ авторомъ въ небольшой брошюркѣ, конечно, нѣтъ никакой возможности. Авторъ пишетъ свои замѣтки очень интересно и прочесть ихъ можно, сначала до конца, безъ особаго усилія. Но быстро промчавшись на протяженіи чуть ли не 10.000 верстъ, авторъ только мимоходомъ цѣплялся своимъ вниманіемъ за все встрѣчное. Такимъ образомъ, онъ не избѣгъ обычной участи туриста, такъ сказать, пожирающаго пространство. По страницамъ его брошюрки щедрою рукою раскиданы разныя неточности, плоды мимолетнаго наблюденія, въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, совершенно безвредныя. Такъ, въ Казани ему кинулись въ глаза вялость и скука, встрѣченныя имъ въ посѣщенныхъ чистыхъ мѣстахъ города и совсѣмъ просмотрѣна имъ та оживленнѣйшая сутолока, которая царитъ въ торговомъ центрѣ города; селенія Верхній и Нижній Услонъ помѣщены имъ рядомъ, тогда какъ между ними добрый десятокъ верстъ разстоянія; южные склоны Жигулей, по его словамъ, тянутся по берегу Волги 15 верстъ ниже Самары, тогда какъ въ дѣйствительности они отходятъ отъ Волги за 20 верстъ выше Самары, и т. д. Все это, впрочемъ, пустяки, опять повторяемъ, и книжечка не лишена извѣстнаго интереса.
М. А. О.

Дешевая библіотека. Маркъ Аврелій Антонинъ. Къ самому себѣ. Размышленія. Переводъ съ греческаго Пл. Краснова. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1895 г. Авторъ этой книжки, римскій императоръ Маркъ Аврелій Антонинъ, жилъ за 100 лѣтъ до Рождества Христова. Онъ былъ философъ изъ школы стоиковъ. Онъ получилъ воспитаніе въ домѣ своего дѣда подъ руководствомъ лучшихъ учителей своего времени. Какъ правитель, онъ пользовался глубочайшимъ почитаніемъ своего народа, который даже обоготворилъ его послѣ его смерти; 100 лѣтъ спустя еще находили его изображенія въ числѣ домашнихъ божествъ во многихъ римскихъ домахъ. Маркъ Аврелій прилагалъ много заботъ о распространеніи образованія, объ улучшеніи быта рабовъ, о смягченіи семейныхъ нравовъ. Имъ были изданы законы для ограниченія черезъчуръ широкаго произвола родительской власти и для огражденія чести женщины. При немъ была устроена въ Аѳинахъ высшая философская школа, нѣчто въ родѣ университета. Послѣ его смерти въ складкахъ его одежды нашли рукопись его знаменитыхъ „Размышленій“, которыя доставили ему столь громкую извѣстность. Онъ записывалъ эти размышленія въ видѣ коротихъ замѣтокъ по мѣрѣ того, какъ они приходили ему въ голову. Эти замѣтки, настоящіе, такъ сказать, типическіе афоризмы, проникнуты духомъ стоицизма. Въ нихъ нѣтъ никакого подбора, никакой связи, они не представляютъ изложенія философской системы автора. Онъ писалъ для себя, отсюда и заглавіе этого сборника замѣтокъ—„Къ самому себѣ“. Подлинникъ написанъ на греческомъ языкѣ, который, какъ извѣстно, въ тѣ времена былъ такъ же распространенъ среди образованныхъ людей, какъ въ наше время французскій языкъ. Превосходный переводъ П. Н. Краснова обличаетъ въ переводчикѣ отличнаго знатока и любителя древнихъ классиковъ.
М. А. О.

Географія, этнографія, путешествія

— Плавучіе льды южныхъ морей. Извѣстно, что число плавающихъ льдинъ, встрѣчаемыхъ между мысомъ Доброй Надежды и Австраліей, въ извѣстные годы гораздо болѣе значительно, чѣмъ въ другіе. Такимъ образомъ, въ послѣдніе годы въ эти страны приплывало необыкновенное количество огромныхъ ледяныхъ горъ. Чтобы объяснить этотъ фактъ, предполагали, что его слѣдуетъ приписать обильному выпаденію снѣга, ускоряющему движеніе антарктическихъ ледниковъ. Но Г. Россель, членъ королевскаго общества, въ докладѣ, прочитанномъ въ королевскомъ обществѣ Новаго Южнаго Уэльса, утверждаетъ, что это объясненіе не можетъ быть принято, такъ какъ движеніе ледника зависитъ, главнымъ образомъ, отъ наклона поверхности, по которой онъ спускается, и, во всякомъ случаѣ, обильное выпаденіе въ одинъ годъ снѣга не могло бы увеличить его скорость въ пропорціи, объясняющей огромное, періодически повторяющееся, увеличеніе числа плавающихъ льдинъ. Очевидно, необходимо, чтобы въ нѣкоторые неправильные промежутки времени, часто отдѣленные другъ отъ друга многими годами, дѣйствовала какая-то сила, достаточная для того, чтобы ломать и разрывать ледяныя горы, медленно образовавшіяся по берегамъ. Россель думаетъ, что надо искать эту причину въ дѣйствіи вулкановъ антарктическаго континента, которые въ моментъ изверженія сотрясаютъ почву и разламываютъ ледники. Англійскій журналъ „Nature“ дѣлаетъ интересное сопоставленіе этого мнѣнія Росселя съ отчетомъ гидрографическаго бюро С.-Штатовъ, въ которомъ описываются громадныя льдины, встрѣченныя въ 1893 и 1894 гг. въ южной части Атлантическаго океана, къ востоку отъ мыса Горна. Согласно этому отчету, льдины эти были такихъ размѣровъ, что не могли образоваться на малыхъ островахъ, но лишь на континентѣ, достаточно обширномъ для такихъ огромныхъ ледниковъ.

— Величайшій лѣсъ. Самая большая площадь, покрытая сплошнымъ лѣсомъ, находится, по изслѣдованіямъ секціи лѣсоводства американскаго общества поощренія наукъ, въ Сибири. Это—безконечная, мрачная тайга съ ея сосновыми, лиственными, кедровыми лѣсами. Въ длину она имѣетъ 3.000 миль, въ ширину—1.000—7.000 миль и простирается отъ Оби до Индигирки, захватывая долины рѣкъ Енисея, Оленека, Лены и Яны. Въ противоположность экваторіальнымъ первобытнымъ лѣсамъ, сибирская тайга состоитъ преимущественно изъ различныхъ породъ хвойныхъ деревьевъ. Въ ней найдутся тысячи квадратныхъ миль, гдѣ еще не ступала нога человѣка. Стволы деревьевъ, стоящихъ крайне близко другъ къ другу, достигаютъ въ вышину 150 футовъ и больше. Ихъ густыя вершины преграждаютъ доступъ блѣднымъ лучамъ сѣвернаго солнца, и безконечные ряды этихъ прямыхъ, мрачныхъ, совершенно похожихъ одинъ на другого, стволовъ лишаютъ человѣка возможности оріентироваться среди нихъ. Даже самые опытные охотники не рискуютъ забираться въ чащу иначе, какъ дѣлая по пути замѣтки на деревьяхъ. У охотника, заблудившагося въ этой лѣсной пустынѣ, едва ли можетъ быть надежда снова выбраться на настоящую дорогу и избѣгнуть смерти отъ голода и холода. Даже туземцы избѣгаютъ тайги и очень характерно выражаются про нее: „это мѣсто“, говорятъ они,—„гдѣ умъ мутится“.

Политехника

— Летательная машина. Новая летательная машина, только что изобрѣтенная профессоромъ физики въ Вашингтонѣ, Ланглеемъ, по заявленію нью-іоркскихъ газетъ, произвела настоящую сенсацію въ американскихъ ученыхъ кружкахъ, по мнѣнію которыхъ придуманный Ланглеемъ летательный снарядъ составитъ эпоху въ исторіи воздухоплаванія. Ланглей представилъ пока одну только модель летательнаго снаряда, но очевидцы произведенныхъ съ нею опытовъ единогласно заявляютъ, что его изобрѣтеніе составляетъ такой существенный шагъ къ рѣшенію вопроса о механическомъ воздухоплаваніи, до котораго никто еще не додумался. Присутствовавшій при тѣхъ же опытахъ извѣстный изобрѣтатель телефона Грэгамъ Белль, подъ впечатлѣніемъ того, что представилось его глазамъ, телеграфировалъ президенту французской академіи наукъ: „Всѣ безъ исключенія свидѣтели полетовъ машины Ланглея прониклись убѣжденіемъ, что возможность летанія въ воздухѣ съ помощью чисто механическихъ средствъ, безъ подъемныхъ газовъ, доказана теперь безповоротно“. Пять лѣтъ тому назадъ Ланглей заявилъ въ одномъ ученомъ обществѣ, что съ усовершенствованными двигателями достаточно сообщить наклоннымъ аэропланамъ извѣстную скорость движенія, чтобы заставить ихъ держаться въ воздухѣ. Чѣмъ больше будетъ эта скорость, тѣмъ большую тяжесть можетъ выдержать аэропланъ. „Возьмемъ“, говоритъ Ланглей, „наклонную плоскость, снабдимъ ее толкающимъ двигателемъ, „пропульзаторомъ“, и сопротивленіе воздушной среды тотчасъ подниметъ ее вверхъ съ тѣмъ большею силою, чѣмъ быстрѣе она будетъ двигаться въ горизонтальномъ направленіи“. Ланглей разсчиталъ математически, что такимъ способомъ можно поднять на воздухъ большія тяжести, и провѣрилъ точность своего разсчета, устроивъ летательный снарядъ, о которомъ извѣстно только, что онъ изъ стали, снабженъ аэропланами, образующими въ сложности плоскость въ 4 кв. метра, и двигателемъ въ одну лошадиную силу, вращающимъ лопастные винты. Весь снарядъ, вмѣстѣ съ двигателемъ, вѣситъ не болѣе 50 фунтовъ. Первый опытъ съ этой летательной машиной былъ произведенъ Ланглеемъ на Потомакскомъ заливѣ. „Аэродромъ“, какъ онъ назвалъ свой снарядъ, находился на передней части парохода, отплывшаго отъ берега на нѣсколько десятковъ саженей, и какъ только двигатель былъ пущенъ въ ходъ, снарядъ поднялся сначала на десять метровъ и, продолжая подниматься противъ вѣтра, описалъ надъ заливомъ полукругъ, соотвѣтствовавшій окружности во сто метровъ въ діаметрѣ, затѣмъ, съ высоты 25 метровъ плавно опустился почти на то мѣсто, съ котораго поднялся. Онъ опустился только потому, что двигатель, израсходовавъ весь свой паръ, утратилъ подъемную силу. Летательный снарядъ пробылъ въ воздухѣ полторы минуты. Во второй разъ „аэродромъ“ Ланглея, поднявшійся съ суши, перелетѣлъ черезъ возвышенность, обросшую высокими деревьями и опустился на разстояніи 275 метровъ отъ мѣста своего подъема. Опыты Ланглея показали, что существуетъ полная возможность тихо подниматься вверхъ съ помощью аэроплановъ и спускаться при нихъ, какъ въ парашютѣ.

Пути сообщенія

— Новый портъ на Черномъ морѣ. Недавно однимъ коммерсантомъ сдѣлано открытіе, которое можетъ имѣть громадное значеніе въ дѣлѣ нашего торговаго мореходства. Коммерсантъ этотъ на берегу Чернаго моря, вблизи Перекопа, открылъ бухту, вполнѣ пригодную для стоянки не только каботажныхъ, но и морскихъ судовъ, съ значительной осадкой. Бухта находится въ 4-хъ верстахъ отъ г. Перекопа и въ 4-хъ верстахъ отъ деревни Чурюмъ, днѣпровскаго уѣзда. Произведенныя за счетъ коммерсанта измѣренія дали вполнѣ благопріятные результаты. Глубина порта свыше 20 футовъ. Первый грузъ въ количествѣ 10 тыс. четвертей хлѣба былъ отправленъ изъ этого порта недавно на англійскомъ пароходѣ. Ожидаются въ портъ еще нѣсколько пароходовъ. На берегу кипитъ лихорадочная дѣятельность: строятся магазины, дома для контор и проч., сооруженъ прочный мостъ отъ берега въ глубь порта, къ которому пристаютъ катера. Судна съ значительной осадкой останавливаются на рейдѣ, вполнѣ защищенномъ отъ морскихъ волнъ, верстахъ въ 3—4 отъ берега. Если портъ, дѣйствительно, устроится, онъ будетъ имѣть громадное значеніе для мѣстнаго сельскаго хозяйства и торговли. Изъ Перекопа и прилегающаго къ нему района хлѣбъ до сихъ поръ направлялся сухимъ путемъ или въ Каховку, или въ Евпаторію для дальнѣйшаго слѣдованія его за границу. Оба эти пункта отстоятъ отъ Перекопа на разстояніи 70 верстъ. Отсюда видно — какіе громадные накладные расходы падаютъ на хлѣбную торговлю Перекопскаго перешейка. Съ открытіемъ порта у Чурюма расходы эти падаютъ, и весь хлѣбъ будетъ направляться сюда.

Некрологъ

Грассъ Людвигъ Іеронимовичъ, предсѣдатель казанской судебной палаты, авторъ трудовъ по страховому дѣлу и, между прочимъ, книги „Страхованіе сельско-хозяйственныхъ посѣвовъ“, изданной въ неурожайный 1891 годъ и привлекшей большое вниманіе печати и общества, † въ Казани 11-го іюня, 55 лѣтъ.

Лангъ Владиміръ Ивановичъ, контръ-адмиралъ, около 35 лѣтъ служившій во флотѣ, командовавшій шестью боевыми судами, авторъ нѣсколькихъ статей, † въ Одессѣ 8-го іюня, 55 лѣтъ.

Неболсинъ Григорій Павловичъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, почетный членъ совѣта торговли и мануфактуръ, писатель, авторъ многочисленныхъ работъ по торговлѣ и статистикѣ Россіи, помѣщенныхъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“, „Трудахъ И. Вольнаго Экономическаго Общества“, „Запискахъ И. Русскаго Географическаго Общества“, „Отечественныхъ Запискахъ“ и друг. изданіяхъ, † въ Спб. 16-го іюня, 85 лѣтъ.

Новодворскій Михаилъ, римско-католическій епископъ плоцкій, замѣчательный богословъ, авторъ многихъ сочиненій по церковной исторіи и переводчикъ иностранныхъ богословскихъ трудовъ на польскій языкъ, † въ Варшавѣ 31-го мая (12-го іюня), 65 лѣтъ.

Пленсковскій Ромуальдъ, бывшій профессоръ психіатріи въ Императорскомъ варшавскомъ университетѣ, занимавшій мѣсто ординатора въ больницѣ для умалишенныхъ св. Іоанна Божія, авторъ книгъ „Психіатрія“ и „Психіатрическая казуистика“ и многочисленныхъ статей, помѣщенныхъ во всѣхъ польскихъ медицинскихъ журналахъ, † въ Варшавѣ 12-го іюня.

Соколовъ Доримедонтъ Доримедонтовичъ, бывшій директоръ института гражданскихъ инженеровъ, авторъ цѣлаго ряда спеціальныхъ изслѣдованій и статей, между прочимъ, и „Курса гражданской архитектуры“, выдержавшаго нѣсколько изданій, замѣчательный педагогъ, членъ многочисленныхъ коммиссій и разныхъ учрежденій, † въ Гейдельбергѣ 15-го іюня, 59 лѣтъ. По его проектамъ выстроено много зданій въ Петербургѣ.

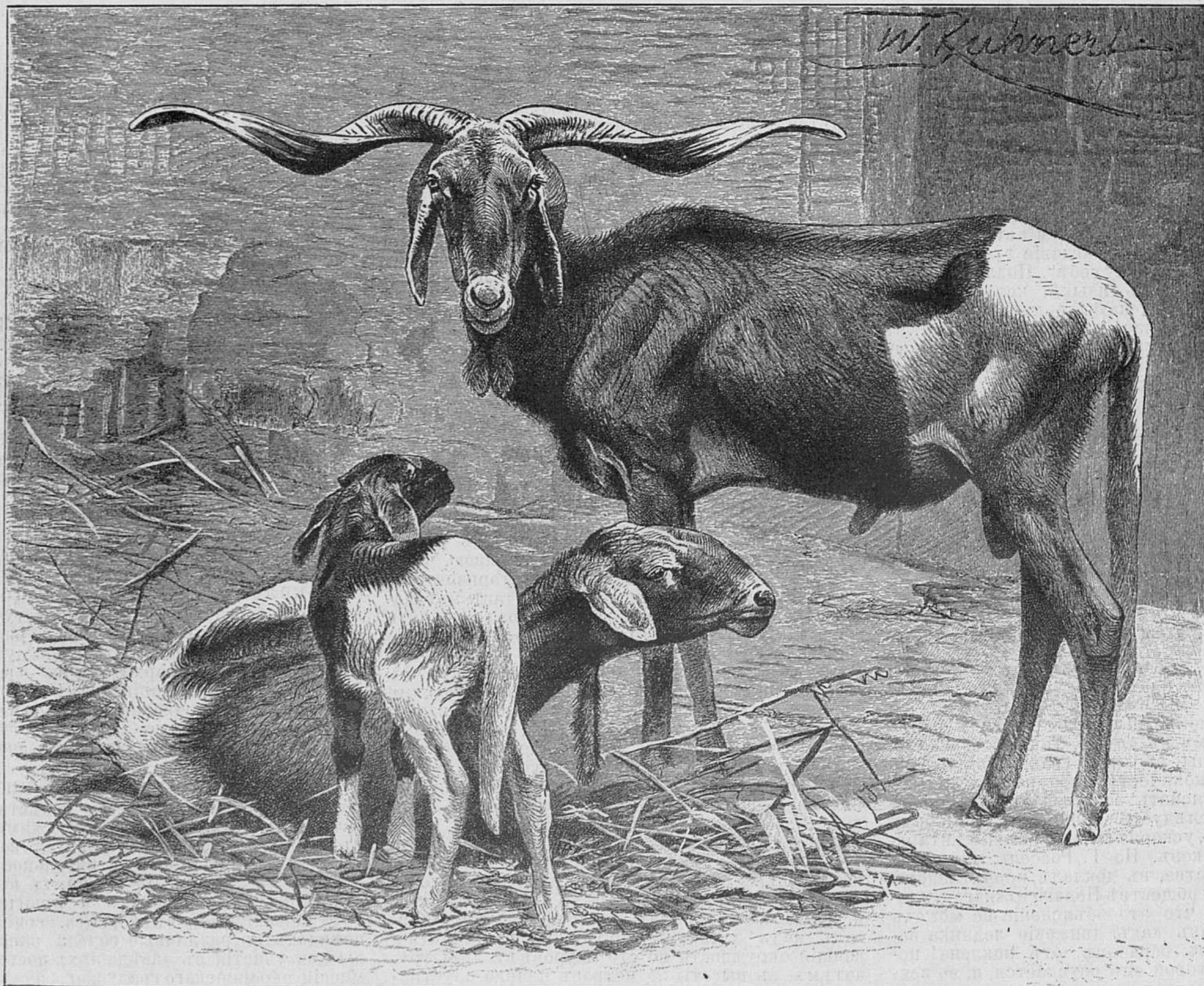
Форшъ Эдуардъ Ивановичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, весьма извѣстный своими астрономическими и геодезическими работами, въ качествѣ начальника корпуса военныхъ топографовъ, принимавшій дѣятельное участіе въ разработкѣ различныхъ научныхъ вопросовъ на основаніи геодезическихъ и топографическихъ изслѣдованій чиновъ корпуса, совершившій 14 поѣздокъ въ различные города западной Европы для участія въ засѣданіяхъ постоянной коммиссіи европейскаго градуснаго измѣренія, † въ кіевской губ. 9-го іюня, 58 лѣтъ. Подъ его редакціей издано 11 объемистыхъ томовъ записокъ военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба.

Нигерская овца

Въ зоологической наукѣ нѣтъ вопроса, путь къ разрѣшенію котораго усѣянъ такими затрудненіями, какъ вопросъ о происхожденіи прирученныхъ животныхъ. Прирученіе происходило, несомнѣнно, во времена незапамятныя. Съ тѣхъ поръ животныя, попавшія подъ власть человѣка, всюду за нимъ слѣдовали въ его странствованіяхъ, перекочевывали изъ горныхъ странъ въ низменности, изъ лѣсовъ въ степи, изъ жаркаго климата въ умѣренный или—наоборотъ. Всѣ эти историческія превратности клали свой отпечатокъ на первобытный типъ, который, къ тому же, долженъ былъ непрерывно приспособляться къ потребностямъ человѣка и подвергаться всѣмъ случайностямъ скрещиванія. Въ этомъ водоворотѣ вліяній не мудрено было потерять всякіе концы и корни, и вотъ теперь ученымъ предоставлено сколько угодно фантазировать и мудрствовать, отыскивая утраченные корни. Куда, напримѣръ, въ какой зоологическій типъ отнести породу, представители которой, изображенные на нашемъ рисункѣ, нѣсколько лѣтъ уже живутъ въ берлинскомъ зоологическомъ саду? Ученый докторъ Ноакъ нашелъ въ ней слѣды четырехъ породъ: муфлона (Ovis musimon), гривистой овцы (Ovis tragelaptus) и двухъ породъ козы: Capra Falconeri и emlaica. Въ Берлинѣ эти овцы доставлены изъ Африки, съ рѣки Нигера мичманомъ Карнапъ-Квернгеймомъ; порода была, во всякомъ случаѣ, признана новою, тщательно описана Мюллеромъ-Либенвальдомъ и названа, по имени доставившаго ее морского офицера — карнаповскою овцою — Ovis longipes Carnapi. Ноги этой овцы очень длинныя. Рубашка на первой половинѣ тѣла желтобурая, а на задней—бѣлая. На шеѣ висятъ два волосатые мѣшка. Носъ большой, сильно горбатый, какъ у египетской овцы. Длинныя уши у самца висятъ книзу, а у самки при основаніи держатся горизонтально. Хвостъ доходитъ до нижняго сустава ноги. У самки лохматая челка. По описаннымъ признакамъ, эта порода ближе всего напоминаетъ гвинейскую овцу, но отличается отъ нея полуаршинными рогами, закрученными въ пологій винтъ и распростертыми горизонтально; эти рога—типическіе бараньи, а не овечьи. Мичманъ Карнапъ-Квернгеймъ увѣряетъ, что эта овца разводится въ странѣ Гаусса, и отсюда пригоняется съ караванами на Нигеръ, гдѣ служитъ для скрещиванія съ мѣстными овцами, въ видахъ улучшенія ихъ мясныхъ статей. Мюллеръ-Либенвальде, имѣвшій случай изучить карнаповскую овцу, даетъ самый лестный отзывъ о ея благонравіи; это вполнѣ и въ совершенствѣ домашнее, прирученное животное, безъ малѣйшихъ слѣдовъ дикости и недовѣрія къ человѣку.

Мирза-Магометъ-Риза-Кермани, убійца персидскаго шаха.

Изъ міра животныхъ. — Нигерская, карнаповская, овца.

Съ натуры рисовалъ В. Кунертъ.

»Змѣй«, скаковой жеребецъ Н. А. Лисаневича

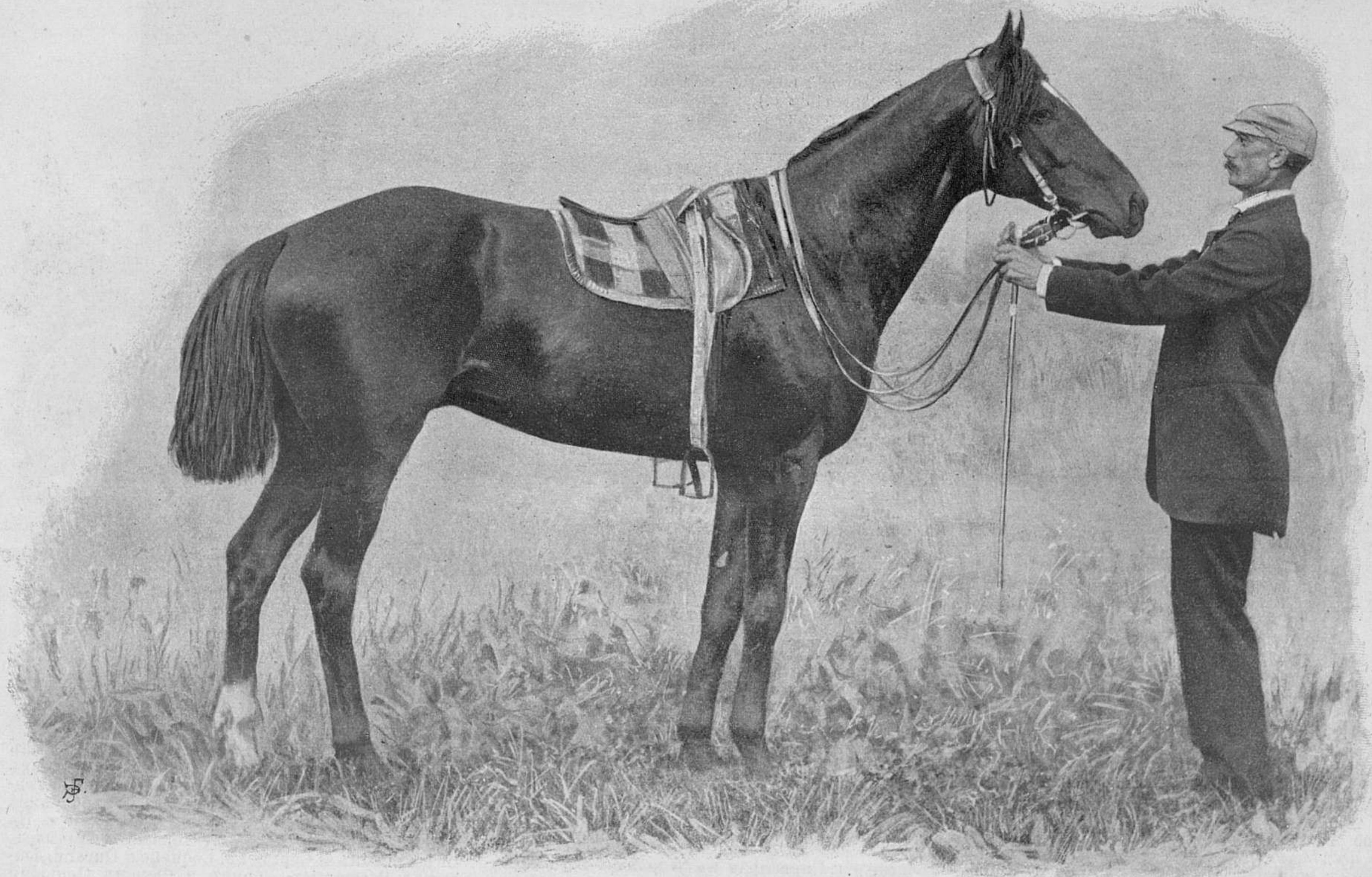
„Змѣй", скаковой жеребецъ гнѣдой масти, родился въ 1890 г. на заводѣ князя П. И. Кантакузена. Отецъ его „Деситъ 2-й", сынъ выводнаго изъ Англіи „Десита" и „Жунгаріи"; послѣдняя родилась отъ „Вѣстуна", сына „Сигнала"; мать — „Ама". „Змѣй" чистокровный конь англійской породы, купленъ Н. А. Лисаневичемъ въ 1891 году годовикомъ. Онъ всѣмъ обязанъ своему энергичному и опытному владѣльцу, который самъ, какъ опытный кавалеристъ, воспиталъ и выдерживалъ его для скачекъ. Съ 1893 года „Змѣй" скакалъ на ипподромахъ въ Одессѣ, Кіевѣ, Симферополѣ, Харьковѣ, Варшавѣ, Москвѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Царскомъ Селѣ и въ Петербургѣ, принимая участіе какъ въ жокейскихъ, такъ и джентльмэнскихъ скачкахъ. Всего онъ состязался девяносто разъ и выигралъ призовъ своему хозяину на 10.541 рублей. Предѣльная его рѣзвость на одну версту—1 м. 11 с., на $1^{1}/_{2}$ версты — 1 м. 47 с., 2 версты — 2 м. 28 с., три версты 3 м. 58 с. Въ нынѣшнемъ году на московскомъ ипподромѣ, при розыгрышѣ „Коронаціонныхъ" призовъ, „Змѣй" выказалъ небывалый еще примѣръ силы и энергіи: онъ сдѣлалъ дистанціонный пробѣгъ свыше ста верстъ, находясь въ пути всего 7 часовъ, изъ которыхъ имѣлъ тридцать минутъ полнаго отдыха, и послѣ часоваго отдыха совершилъ двухверстную скачку, которую выигралъ у четырнадцати соперниковъ въ 2 м. 45 с. легко и свободно, бросивъ соперниковъ на пять корпусовъ. При такомъ изумительномъ подвигѣ, благодаря большому умѣнью своего ѣздока-владѣльца, онъ сохранилъ свои ноги въ цѣлости и не вызвалъ отъ натуги обычнаго у лошадей растяженія жилъ. Подвигъ „Змѣя" послѣ неудачнаго такого пробѣга между Берлиномъ и Вѣной въ 1892 году и въ прошломъ году стоверстнаго пробѣга въ Варшавѣ, гдѣ изъ 41 лошади погибло 36 штукъ, является безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ скаковаго спорта. По общимъ отзывамъ нашихъ кавалеристовъ, „Змѣй" представляетъ собой идеалъ боевой кавалерійской лошади.

М. И. П.

ВЕЛОСИПЕДЪ

Гонки общества велосипедистовъ-любителей

Весеннія гонки на трекѣ с.-петербургскаго общества велосипедистовъ-любителей отличались въ послѣднее время большимъ оживленіемъ. Особенно интереснымъ вышло состязаніе въ честь побѣдителей гонки Москва — Петербургъ, устроенное 4-го іюня. Среди зрителей находились гг. Дзевочко, Чудовъ, Рудаковъ со своими лидерами и французскій гонщикъ г. Корръ. Самымъ интереснымъ заѣздомъ былъ заѣздъ лидеровъ шоссейной гонки, который и изображенъ на нашемъ рисункѣ. Въ немъ участвовало семь ѣздоковъ: французы гг. Durand, Pamantier, Ducomb, Coquelle, москвичи гг. Смоленскій, Усовъ и Мишинъ. Къ сожалѣнію, устроители гонки не распорядились пригласить къ участію сильныхъ московскихъ ѣздоковъ гг. Сафонова и Долинина, которые тоже лидировали во время шоссейной гонки и были въ Петербургѣ. Они, конечно, согласились бы участвовать въ этомъ заѣздѣ, еслибы распорядители гонки заранѣе обѣщали заготовить для нихъ гоночныя машины. Но этого не было сдѣлано. Своихъ гоночныхъ машинъ у нихъ не было.

»Змѣй«, скаковой жеребецъ Н. А. Лисаневича, выигравшій 100-верстный призъ въ Москвѣ.

Поэтому лидеры-французы не имѣли себѣ сильныхъ конкурентовъ. Они могли опасаться только гг. Смоленскаго и Мишина, но у перваго во время гонки попортилась машина, второй же былъ, повидимому, весьма утомленъ шоссейной гонкой. Первымъ пришелъ г. Durand, пройдя $7\frac{1}{2}$ верстъ въ 13 м. $29\frac{1}{5}$ с., вторымъ г. Coquelle въ 13 м. $29\frac{4}{5}$ с., третьимъ г. Ducomb въ 13 м. 30 с. и четвертымъ Pamanfier въ 13 мин. 33 сек. Они проявили хорошую скорость, но, какъ извѣстно, московскій гонщикъ г. Долининъ ту же дистанцію прошелъ въ 10 м. $51\frac{4}{5}$ сек. Во всякомъ случаѣ, публика горячо привѣтствовала французскихъ гостей. Оркестръ исполнилъ нѣсколько разъ народный гимнъ и марсельезу. „Ура" и „Vive la France" чередовались и долго не смолкали. Въ другихъ заѣздахъ приняли участіе новые сильные ѣздоки: москвичъ г. Киркальди и одесситъ г. Цорнъ. Въ главномъ пятнадцативерстномъ заѣздѣ на „первенство Россіи" съ ними состязались петербуржцы: гг. Сергѣевъ (извѣстный раньше подъ фамиліей Целибѣева), Стелла, Звѣздочкинъ и Ковмаръ. Очень часто находились впереди гг. Звѣздочкинъ, Стелла и Сергѣевъ, но были скоро настигаемы остальными. Большую часть гонки велъ г. Цорнъ, сохраняя почти все время одинъ и тотъ же ходъ. Въ лицѣ его петербургскіе гонщики имѣли опаснаго соперника. На финишѣ первыми вырвались гг. Сергѣевъ и Звѣздочкинъ, но были обойдены сперва г. Цорномъ, затѣмъ г. Киркальди. Послѣдній пришелъ первымъ, пройдя 15 верстъ въ 29 мин. $13\frac{1}{5}$ сек. и обогнавъ г. Цорна на $\frac{1}{5}$ сек. Третьимъ былъ г. Звѣздочкинъ. Изъ другихъ заѣздовъ для старшихъ гонщиковъ интересны были заѣзды на $1\frac{1}{2}$ версты и на $\frac{1}{2}$ мили. Въ обоихъ заѣздахъ первенство досталось г. Ковмару, второе мѣсто занималъ г. Звѣздочкинъ. Въ заѣздъ на $\frac{1}{2}$ мили всѣ ѣздоки—гг. Цорнъ, Панинъ, Звѣздочкинъ и Ковмаръ—шли медленно и пришли къ старту не въ норму, поэтому лишились призовъ. Норма $\frac{1}{2}$ мили 1 м. 15 с., Ковмаръ же пришелъ первымъ въ 1 м. 18 с. Кстати о нормѣ. Обыкновенно норма устанавливается сообразно силамъ ѣздоковъ и опубликовывается въ программахъ состязаній, такъ что каждый гонщикъ и зритель гонки всегда можетъ справиться со временемъ нормы. Общество велосипедистовъ-любителей почему-то этого не дѣлаетъ, и гонка теряетъ вслѣдствіе этого значительный интересъ. Норма составлена обществомъ на всѣ состязанія одна и та же, что неправильно, такъ какъ норма послѣднихъ состязаній должна быть меньшей сообразно увеличенію силъ ѣздоковъ, благодаря ихъ участію въ нѣсколькихъ предыдущихъ состязаніяхъ. Составленная обществомъ норма напечатана на небольшихъ листахъ и вывѣшена въ немногихъ незамѣтныхъ мѣстахъ трибуны велодрома, такъ что почти никто и не знаетъ объ ея существованіи. Слѣдовало бы обществу въ этомъ отношеніи побольше заботиться о публикѣ и печатать время нормы въ программахъ состязаній. Въ заѣздахъ младшихъ гонщиковъ выдѣлились своей быстрой ѣздой: на дистанцію въ $4\frac{1}{2}$ версты — гг. С. (7 м. $32\frac{2}{5}$ с.) и Якобсонъ, на дистанцію $\frac{1}{2}$ версты—гг. Спадниковъ ($46\frac{4}{5}$ с.) и Якобсонъ. Утѣшительный призъ достался г. Тахванову.

М. Ѳ. ДЗЕВОЧКО, побѣдитель международной шоссейной гонки въ 1896 г. Москва—Петербургъ. Выигралъ первый призъ, проѣхавъ дистанцію 656 в. въ 38 ч. 12 м.

Пятое состязаніе, устроенное 26-го мая, состояло изъ девяти заѣздовъ, изъ которыхъ самымъ интереснымъ былъ заѣздъ на „первенство въ Россіи", на дистанцію 3 версты. Удивительная смѣлость у общества велосипедистовъ-любителей разыгрывать первенство въ Россіи на обыкновенной гонкѣ. Такіе призы могутъ имѣть мѣсто только на всероссійскихъ состязаніяхъ, о которыхъ извѣщаются велосипедисты всѣхъ русскихъ городовъ. Впрочемъ можно было бы и согласиться съ правомъ общества выдавать призъ „первенства въ Россіи", если бы въ гонкѣ принялъ участіе г. Шредеръ, которому принадлежитъ трехверстный русскій рекордъ, установленный въ 4 м. $30\frac{1}{5}$ с. Однако г. Шредеръ не участвовалъ. Оспаривали „первенство" москвичи гг. Бутылкинъ и Киркальди, члены петербургскаго общества велосипедистовъ-любителей гг. Звѣздочкинъ и Стелла и любитель г. Ковмаръ. Гонку вначалѣ повелъ г. Стелла, но скоро усталъ и сошелъ съ круга. Вырвался г. Звѣздочкинъ, но дальше всѣхъ находился впереди г. Бутылкинъ. Онъ рано началъ финишъ и оказался побитымъ г. Ковмаромъ, прошедшимъ трехверстную дистанцію въ 4 м. $52\frac{2}{5}$ с. и опередившимъ г. Бутылкина на $\frac{1}{4}$ колеса, и г. Киркальди на $\frac{3}{4}$ колеса. Въ пятнадцативерстномъ заѣздѣ для старшихъ гонщиковъ г. Киркальди оказался первымъ, побивъ гг. Бутылкина, Ковмаря, Целибѣева и Звѣздочкина. Онъ прошелъ 15 верстъ въ 29 м. $37\frac{4}{5}$ с., обогнавъ г. Бутылкина на $\frac{3}{4}$ сек. Этотъ заѣздъ былъ интересенъ еще тѣмъ, что г. Целибѣевъ неоднократно пробовалъ оторваться отъ своихъ соперниковъ, но неудачно: они вскорѣ его перегнали и оставили далеко позади себя. Во всякомъ случаѣ желаніе г. Целибѣева быть первымъ подзадоривало ѣздоковъ и вызывало шумныя одобренія зрителей. Заѣздъ въ $\frac{1}{4}$ мили первымъ закончилъ г. Бутылкинъ въ $34\frac{1}{5}$ сек. Изъ младшихъ гонщиковъ, имѣвшихъ два заѣзда, съ перебѣжками, получили первые призы за дистанцію въ $7\frac{1}{2}$ верстъ г. С. (13 м. $6\frac{1}{5}$ с.), за дистанцію въ 3 версты г. Якобсонъ. Изъ новичковъ выдѣлились своей хорошей ѣздой гг. Шне и Теновъ.

Послѣднее весеннее состязаніе, происходившее 9-го іюня, отличалось особеннымъ оживленіемъ, благодаря участію французскихъ велосипедистовъ-членовъ Union C. de France и московскаго гонщика г. Мишина, лидеровавшаго во время шоссейной гонки Москва—Петербургъ. Самымъ интереснымъ оказался заѣздъ на 25 верстъ. Разыгрывался призъ закрытія весеннихъ гонокъ. Оспаривали этотъ призъ лучшіе петербургскіе ѣздоки: гг. Звѣздочкинъ, Сергѣевъ, Крынскій и Веберъ, одесситъ г. Цорнъ и москвичъ г. Мишинъ. Послѣдній очень часто красиво отрывался отъ группы остальныхъ гонщиковъ и болѣе другихъ велъ гонку. Благодаря его участію въ заѣздѣ, скорость гонщиковъ была во все время весьма значительная. Финишъ началъ г. Сергѣевъ, но скоро былъ обойденъ. Первымъ пришелъ къ старту сильный одесскій ѣздокъ г. Цорнъ въ 48 м. $25\frac{2}{5}$ с., обогнавъ на $\frac{1}{5}$ с. г. Мишина и на $\frac{2}{5}$ с. г. Звѣздочкина. Интереснымъ былъ также франко-русскій заѣздъ на 3 версты. Гонщики были пущены двумя группами. Изъ петербургскихъ старшихъ гонщиковъ выдѣлились гг. Звѣздочкинъ и Сергѣевъ, изъ французовъ—гг. Durand и Coquelle. Время первыхъ — 5 м. 38 с., время вторыхъ— 5 м. 9 с. Въ перебѣжкѣ гг. Durand и Coquelle оказались слабѣе гг. Звѣздочкина и Целибѣева, тѣмъ не менѣе призъ былъ присужденъ французскимъ ѣздокамъ, такъ какъ перебѣжка не была принята во вниманіе вслѣдствіе своей длительности (время г. Звѣздочкина 7 м. 52 с.), превысившей норму въ 5 м. 40 с. На тендемахъ состязались гг. Черновъ и Ковмаръ, Звѣздочкинъ и Сергѣевъ, Coquelle и Durand, Ducomb и Parmantier, Зоринъ и Фокинъ. Первыми прошли $4\frac{1}{2}$ версты гг. Черновъ и Ковмаръ, Coquelle и Durand въ 6 м. $55\frac{2}{5}$ с. Перебѣжки между

Г. ЧУДОВЪ, побѣдитель международной шоссейной гонки Москва—Петербургъ. Выигралъ второй призъ.

Г. ЗВѢЗДОЧКИНЪ (В. В. Мурманъ), одинъ изъ лучшихъ гонщиковъ Петербурга и окрестностей.

ними не было, и каждому выданъ первый призъ. Въ этой гонкѣ состязались, между прочимъ, гг. Андерсонъ и Ольгинъ, оба старше 40 лѣтъ. Побѣдилъ г. Ольгинъ, пройдя 3 версты въ 6 м. 51 с.

Одинъ изъ находящихся въ настоящее время въ Петербургѣ французскихъ велосипедистовъ-гонщиковъ г. Ducomb побилъ вчера всероссійскіе рекорды съ лидерами, установленные гг. Докучаевымъ и Пуресевымъ на дистанціи болѣе 38 верстъ. Онъ сдѣлалъ въ часъ 38 в. 125 с. (часовой рекордъ г. Пуресева— 37 в. 243 с.), 50 верстъ проѣхалъ въ 1 ч. 19 м. 4 с. (время г. Пуресева 1 ч. 22 м. 8 с.), 75 верстъ въ 2 ч. 7 м. 42⁴/₅ с., 100 верстъ въ 2 ч. 43 м. 10¹/₅ с. (время г. Докучаева— 2 ч. 50 м. 13¹/₅ с.). Лидеровать г. Ducomb вызвались на триплетѣ гг. Coquelle, Parmantier и Corr и гг. Мишинъ, Кавскій и Чудовъ и на тэндемѣ по очереди гг. Брунау и Цорнъ, Durand и Спандиковъ, Цорнъ и Аверстъ. Г. Ducomb, несмотря на дождь во время побитія рекордовъ, выказалъ себя поистинѣ провосходнымъ циклистомъ.

циклодромѣ Стрѣльнинскаго общества велосипедистовъ-любителей привлекли многочисленныхъ зрителей. Изъ десяти заѣздовъ интереснымъ былъ заѣздъ на званіе перваго ѣздока Стрѣльнинскаго общества. Дистанція $1^1/_2$ версты. Состязались гг. Звѣздочкинъ и Ковмаръ. Побѣдилъ послѣдній, пройдя дистанцію въ 3 м. $11^2/_5$ с. и перегнавъ перваго на $^1/_5$ сек. Въ ѣздѣ съ препятствіями на одну версту участвовали четыре велосипедиста. Самымъ рѣзвымъ изъ нихъ оказался г. Фокинъ (2 м. $19^3/_5$ с.). Заѣздъ первоклассниковъ на призъ г. Мурмана (дист. 3 версты) могъ бы быть интереснымъ, еслибы гонщики не шли медленно. Они, повидимому, боялись другъ друга и всѣ (гг. Ковмаръ, Рѣпинскій, Пауль, С. Б.) не пришли въ норму. Призъ — золотые часы — остался, такимъ образомъ, не разыграннымъ. Въ бѣгѣ безъ велосипедовъ на четверть мили участвовали шесть человѣкъ. Скоро трое оставили трекъ. Изъ остальныхъ первымъ пришелъ Ивановскій въ $58^1/_5$ сек., вторымъ г. Волинъ и третьимъ г. Очаговъ. Состязанія закончились игрою „Rouge et noire". Участники были раздѣлены на двѣ группы, по десяти ѣздоковъ въ каждой. Пу-

свящалъ на изученіе окрестностей Москвы, тщательно записывая пройденныя разстоянія. Такимъ образомъ въ 1890 году онъ проѣхалъ 1041 в., въ 1891 г. 1391 в., въ 1892 г. 1366 в., въ 1893 г. 2480 в., въ 1894 г. 4349 в., въ 1895 г. 4150 в., въ 1896 г. 2703 в.

Эти прогулки на столько укрѣпили здоровье Дзевочки, что въ 1893 году, 15-го августа, онъ попытался испытать свои силы на шоссейной гонкѣ отъ московскаго клуба велосипедистовъ на дист. 50 вер. и на этотъ разъ весьма удачно. На тяжеломъ 42-хъ фунтовомъ велосипедѣ М. Ѳ. прошелъ 50 верстъ въ 2 ч. 11 м. 55 сек. по грязному шоссе. Съ этого времени онъ увлекся гонками. Всѣхъ призовъ онъ имѣетъ 30. Выигралъ слѣдующія дистанціонныя гонки:

Москва—Нижній (400 вер.), Владиміръ—Москва (162 вер.), Петербургъ — Москва (656 вер.), Тула—Москва (156 вер.), Москва—Петербургъ (664 вер.) и наконецъ, Тверь — Москва (146 вер.).

Въ 4-хчасовомъ состязаніи съ техасскимъ наѣздникомъ г. Ковбоемъ Дзевочко пришелъ первымъ. Онъ не проигралъ ни одного шоссейнаго состязанія, въ которомъ принималъ участіе, и всегда

1) Виконтъ Milhau, 2) князь Д. А. Ширинскій-Шихматовъ, 3) М. Ѳ. Дзевочко.

Участники шоссейной гонки „Москва — Петербургъ".

Съ фотографіи К. К. Булла. Автотипія Эд. Гоппе.

На стрѣльнинскомъ циклодромѣ

Открытіе стрѣльнинскаго циклодрома привлекло 25-го мая не только мѣстныхъ дачниковъ, но и многихъ изъ Петербурга. Нѣсколько членовъ с.-петербургскаго общества велосипедистовъ-любителей во главѣ съ г. Кириловымъ пріѣхали въ Стрѣльну изъ Петербурга на велосипедахъ, заѣхавъ попутно въ Царское Село. Трекъ на циклодромѣ подновленъ. Послѣ молебствія и гимна взвился на трибунѣ флагъ, затѣмъ раздался звонокъ, возвѣщавшій о началѣ состязаній. Самымъ интереснымъ былъ заѣздъ на призъ открытія. Дистанція $7^1/_2$ верстъ; норма 14 минутъ 37 сек.; флагъ 30 сек. Шли гг. Бутылкинъ, Панинъ, Ковмаръ, Звѣздочкинъ и Орловъ. Изъ нихъ опаснымъ соперникомъ г. Бутылкину былъ одинъ только г. Орловъ, не участвовавшій въ предыдущихъ гонкахъ. Г. Панинъ сдѣлалъ уже въ день состязанія $21^1/_2$ версту, г. Шидловскій—25 верстъ, г. Мурманъ—8 верстъ и Ковмаръ $7^1/_2$ верстъ. Первымъ былъ г. Бутылкинъ въ 14 мин. 19 с., вторымъ Ковмаръ въ 14 мин. $19^4/_5$ с., третьимъ г. Панинъ 14 м. 20 с. Въ одномъ изъ слѣдующихъ заѣздовъ разыгрывалось званіе лучшаго ѣздока Стрѣльны на дистанцію въ 20 верстъ. Это званіе получилъ г. Панинъ (портретъ его напечатанъ въ предыдущемъ нумерѣ „Всемірной Иллюстраціи"), показавшій хорошую рѣзвость. 20 верстъ онъ прошелъ въ 37 м. 50 с., обогнавъ Шидловскаго на $5^4/_5$ с. Имя г. Панина, какъ побѣдителя, будетъ вырѣзано на почетномъ кубкѣ основателя стрѣльнинскаго общества г. Гетца.

Въ воскресенье, 16-го іюня, несмотря на перепадавшій дождь, велосипедныя состязанія на

щены были съ противоположныхъ пунктовъ круга: въ одномъ мѣстѣ — красные, въ другомъ — черные. Задача каждаго гонщика заключалась въ томъ, чтобъ перегнать своихъ конкурентовъ изъ другой группы. Кого удалось обогнать, тотъ долженъ былъ сойти съ круга. Игра продолжалась около 6 минутъ и окончилась побѣдой красныхъ, имѣющихъ въ своемъ составѣ сильнаго гонщика — г. Ѳедорова.

М. Ѳ. Дзевочко

Чампіонъ всероссійскихъ международныхъ шоссейныхъ гонокъ М. Ѳ. Дзевочко — уроженецъ Минска, 32 лѣтъ — занимается ѣздой на велосипедѣ, въ качествѣ любителя, въ часы досуга отъ службы въ управленіи желѣзной дороги. Лѣтъ пять тому назадъ одинъ изъ сослуживцевъ чампіона, человѣкъ солидныхъ лѣтъ, пріобрѣлъ высокій велосипедъ и каждый день разсказывалъ о его способностяхъ исцѣлять различныя болѣзни. Г. Дзевочко былъ въ это время далеко не цвѣтущаго здоровья, отличался хилымъ тѣлосложеніемъ и потому рѣшился испробовать чудодѣйственное лекарство. Въ 1888 году онъ пріобрѣлъ высокій велосипедъ (паукъ) на послѣднія сбереженія и съ этого времени не разставался съ любимой машиной. У Дзевочко перебывали велосипеды всѣхъ системъ по мѣрѣ постепеннаго усовершенствованія машины. Въ ноябрѣ 1888 года М. Ѳ. впервые участвовалъ въ гонкѣ въ московскомъ манежѣ, но неудачно: за 10 саженей до финиша упалъ и не кончилъ гонки. Загородныя прогулки ему больше нравились, чѣмъ гонки, и потому все свободное отъ службы время онъ по-

получалъ одинъ изъ призовъ. Онъ состоитъ дѣйствительнымъ членомъ московскаго клуба велосипедистовъ, въ которомъ два года былъ старшиною.

ВЕСЛО и ПАРУСЪ

Первую парусную гонку невскаго яхтъ-клуба, происходившую въ воскресенье, 9-го іюня, близъ Невскаго плавучаго маяка, нельзя назвать удачною. Сильный порывистый вѣтеръ, дувшій упорно и вызвавшій большую волну, заставлялъ опасаться, даже утромъ въ день, назначенный для гонки, что она не состоится совсѣмъ. И дѣйствительно, изъ двадцати слишкомъ записавшихся на гонку судовъ приняли въ ней участіе только семь, такъ какъ, напримѣръ, суда первыхъ трехъ (маленькихъ) разрядовъ совсѣмъ не могли придти. Въ добавокъ начало гонки чуть-чуть не вышло трагическимъ. Паровой катеръ невскаго яхтъ-клуба „Саматъ", на которомъ отправились къ мѣсту гонки, на военный пароходъ „Посыльный", нѣкоторые изъ членовъ гоночной коммиссіи и корреспонденты газетъ, потерпѣлъ полную аварію. Приставая къ „Посыльному", катеръ, вслѣдствіе большого волненія, нѣсколько разъ такъ крѣпко ударился подъ свѣсъ парохода, что ему снесло рубку, и, наконецъ, черпнувъ нѣсколько разъ, онъ затонулъ. Къ счастью, какъ команда, такъ и пассажиры катера успѣли поочередно перескочить на пароходъ, передавъ туда почти всѣ имѣвшіяся съ ними вещи, а оставшіеся послѣдними на катерѣ г. Богдановъ-Березовскій съ матросомъ перескочили на тузикъ. Несчастье произошло, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того,

что въ винтъ катера запутался фалинь, на которомъ буксировали изъ яхтъ-клуба тузикъ съ яхты „Зазноба“, и катеръ не могъ самостоятельно двигаться. Случай могъ имѣть еще болѣе печальное окончаніе, такъ какъ можно было опасаться взрыва парового котла на „Саматѣ“ въ то время, какъ онъ погружался въ воду; отъ взрыва могъ пострадать и военный пароходъ, не отличающійся особою молодостью, но, къ счастью, взрыва не послѣдовало, и находившіеся на пароходѣ отдѣлались лишь нѣсколькими минутами томительнаго ожиданія.

Участвовало въ гонкѣ, какъ уже сказано, семь судовъ: VI разряда на дистанцію въ 22 морскихъ мили, „Нэнъ“ г. Фансмита и „Рэдъ-Ланцеръ“ г. Мертенса; скорѣе своего противника окончилъ гонку (въ 4 ч. 16 м. 55 с.) „Рэдъ-Ланцеръ“; „Нэнъ“ опоздала на 3 м. 38 с.; въ V разрядѣ, на дистанцію 13¾ морскихъ мили, „Орнсей“ г. Мейснера, „Пернова“ г. А. Ольсона, „Золушка“ В. Н. Клагеса и „Вендетта“ г. Валя (выборгскаго паруснаго общества). „Орнсей“ окончилъ дистанцію въ 2 ч. 5 м. 12 с.; за нимъ „Золушка“ въ 2 ч. 6 м. 34 с. „Пернова“ отстала почти на 2 ч., а у „Вендетты“ произошла какая-то аварія (кажется, сломался руль). Кромѣ того въ гонкѣ участвовали: „Маглонь“ г. Гольцингера, судно III разряда, но, за неимѣніемъ конкурентовъ, ходившее вмѣстѣ съ судами V разряда, т. е. сдѣлавшее вмѣсто трехъ тринадцать миль, и „Привѣтъ“ г. Григорьева (IV разряда), не кончившій гонки.

1) Мишинъ, 2) Усовъ, 3) Смоленскій, 4) Coquelle, 5) Ducomb, 6) Parmantier, 7) Durand.

Заѣздъ для лидеровъ шоссейной гонки Москва — Петербургъ.

Съ фотографіи. Автотипія Эд. Гоппе.

Царскосельскія скачки

Въ шестой день скачекъ, въ четвергъ, 13-го іюня, въ первый разъ состоялись въ этомъ сезонѣ жокейскія скачки. Первая шла вторымъ нумеромъ, съ призомъ въ 1.600 рубл., назначеннымъ для трехлѣтокъ, съ дистанціей на 1½ версты. Оспаривали его четыре лошади. Первый призъ выигралъ „Вайтеръ“ князя Любомірскаго, окончивъ дистанцію въ 1 м. 47 с. и бросивъ на пять корпусовъ вторую лошадь „Дебору“ С. С. Зоненберга. Другая интересная жокейская скачка, на призъ такой же цѣнности, на дистанцію 2 версты, по составу соперниковъ должна была бы выйти прекрасной, но по оплошности двухъ жокеевъ, сдѣлавшихъ фальстартъ на всю дистанцію, вышла далеко не интересной. Шли двѣ лошади: „Лео“ С. Л. Носовича и „Рабштынъ“ В. Ѳ. Меринга; послѣдней началъ скачку совсѣмъ усталый и отсталъ отъ своего соперника „Лео“ на сорокъ корпусовъ. 1-й призъ получилъ „Лео“, второй „Рабштынъ“. Записанный „Асхабадъ“ графа А. М. Потоцкаго, послѣ фальстарта, отказался. Время скачки 2 м. 32 с. Третья скачка жокеевъ на продажный призъ интересна была по записи лошадей. Выиграла ее „Марселина“ С. С. Зоненберга въ 2 м. 41 с., бросивъ вторую лошадь на три корпуса; третьими здѣсь пришли голова въ голову „Круль“ графа А. М. Потоцкаго и „Китъ-у-Дубль“ М. М. Нѣмчинова и А. С. Хомякова. Весь призъ съ подписными достигалъ суммы въ 1.120 рубл. Изъ разыгранныхъ въ этотъ день пяти джентльменскихъ скачекъ совсѣмъ неожиданно вышла добавочная гладкая скачка, въ которой „Шапронъ-Ружъ“ барона В. Е. Энгельгардта побила семь соперниковъ, придя въ 2 м. 37 с.; второю на четыре корпуса была „Кадуджа“ С. В. Шишкина. Хорошо разыгрался стипль-чезъ при дистанціи на двѣ версты, гдѣ „Копѣйка“ (ѣздокъ М. П. Целибѣевъ) пришла рѣзво въ 2 м. 29 с., бросивъ вторую лошадь „Кемлича“ на два корпуса; весь призъ равнялся 620 рубл. Большой стипль-чезъ на 3 версты съ призомъ въ 1.075 рубл. оспаривало четыре лошади, и выиграла его „Джоя“, на которой ѣздокомъ опять былъ М. П. Целибѣевъ, окончивъ скачку въ 4 м. 8 с.; на три корпуса отъ нея была „Карессъ“. Послѣдняя барьерная скачка чуть-чуть не окончилась плачевно: на одномъ изъ барьеровъ „Голконда“ упала вмѣстѣ съ ѣздокомъ; къ счастью послѣдній не получилъ тяжкаго ушиба, а отдѣлался счастливо. Побѣдительницей оказалась „Копія“, на которой ѣздокомъ былъ тотъ же герой дня М. П. Целибѣевъ; вторымъ на пять корпусовъ былъ „Мюратъ“ Д. А. Ведерникова; весь призъ равнялся 525 рублямъ.

Въ воскресенье, 16-го іюня, скачки отличались необыкновенно большой программой; разыграно было цѣлыхъ девять призовъ. Начались онѣ съ барьерной скачки при дистанціи на 2½ версты — призомъ въ 1030 рубл., который и взяла „Паника“ въ 3 м. 29 с.; соперникъ ея „Гультай“ не явился. Вторую жокейскую скачку при дистанціи на 2 версты и 100 саж. съ призомъ въ 1030 рубл. оспаривали двѣ лошади; изъ нихъ 1-й призъ достался „Марселинѣ“ С. С. Зоненберга, проскакавшей въ 2 м. 41 с.; второй призъ взяла „Шампонъ“ И. И. Репке, пришедшая на три корпуса отъ первой. Большой стипль-чезъ въ память великаго князя Николая Николаевича выиграла „Гарда“ С. Л. Носовича, пройдя 4 версты въ 4 м. 55 с., второй призъ получилъ „Капитанъ Кукъ“ В. Н. Ростовцева; онъ былъ на 4 корпуса отъ „Гарда“ — и третій „Вераксъ“ — барона В. Н. Ренне. Весь призъ равнялся 2090 рубл Добавочную барьерную скачку выигралъ „Броселіандъ“ К. К. Агафонова, въ 2 м. 40 сек. (ѣздокъ Н. Н. Грековъ); второй призъ получилъ „Борнали“ А. П. Веселовскаго, опоздавшій на голову. Жокейская скачка для трехлѣтокъ на 2 версты прошла не безъ приключеній, двѣ лошади — „Люциферъ“ гр. А. М. Потоцкаго и „Касторъ“ И. И. Репке — пришли голова въ голову въ 2 м. 30 с., а скакавшій съ ними „Мистеръ Шумилло“ С. С. Зоненберга окончилъ въ 3-хъ корпусахъ отъ нихъ. Въ концѣ скачекъ назначена была перебѣжка, на которой „Косторъ“ былъ первымъ, придя въ 2 м. 48 с., и на ½ отъ него головы пришелъ „Люциферъ“.

Весь призъ ровнялся 2090 рублямъ.

Добавочная гладкая скачка съ призомъ 500 рубл. — дистанція 2 версты — привлекла 13 лошадей, изъ которыхъ, впрочемъ, пять отказались. Скачку выигралъ „Сунбимъ“ барона В. Н. Врангеля въ 2 м. 34 с.; на шесть корпусовъ отъ него пришелъ „Призракъ“ С. В. Шишкина; третьей была „Копія“.

Другая гладкая скачка — дистанція 2 версты, — прошла при десяти соперникахъ и побѣдителемъ былъ „Гедиминъ“ В. В. Дерожинскаго (ѣздокъ владѣлецъ), второй была „Гильдія“ В. Н. Ростовцева (ѣздокъ владѣлецъ) и третьей „Мерцхала“ (ѣздокъ Г. Н. Сверчковъ). Весь призъ равнялся 350 рубл.; время скачки — 2 м. 34 с.

Двухверстный стипль-чезъ на 2 версты изъ пяти лошадей взяла „Русалка“ В. А. Лисаневича (ѣздокъ владѣлецъ) въ 2 м. 20 с.; второй пришла „Копѣйка“ — на три корпуса (ѣздокъ М. П. Целибѣевъ). Продажный призъ на двѣ версты — 1060 рубл. — выиграла „Афиша“ Р. Г. Лингарта въ 2 м. 31 с.; второй пришла „Китъ-у-Дубль“ М. М. Нѣмчинова и А. С. Хомякова, придя на два корпуса и третьимъ оказался „Гультай“ Н. І. Кирьянова.

М. И. П.

лучшее для зубовъ.

Одоль сохраняетъ зубы.
Одоль уничтожаетъ дурной запахъ изо рта.
Одоль предохраняетъ зубы отъ порчи.
Одоль уничтожаетъ дурной вкусъ во рту.
Одоль очищаетъ полости рта отъ слизы.

Одоль за границею распространенъ въ **МИЛЛІОНАХЪ ФЛАКОНОВЪ.**

Цѣна 1/1 флакона (оригинальный флаконъ-капельница), хватающаго при нормальномъ употребленіи на нѣсколько мѣсяцевъ, **1 Р. 50 К.** Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ.

№ 4711. № 4711.

Кто любитъ запахъ настоящей фіалки, тотъ пусть требуетъ

ЭССЕНЦІИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА".

(Violette du Rhin.)

Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.

No. 4711 Savon violette du rhin,
No. 4711 Sachets violette du rhin

Всѣ одинаковаго превосходнаго качества.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

ГУСТАВЪ ШТЫРМЕРЪ

20 коп. ОДИНЪ КУСОКЪ: П-А-Л-Ь-М-И-Р-А ТРИ КУСКА: 50 коп.

ПАЛЬМИРА

ВАРШАВА

Лозе специальные духи

„MAIGLOECKCHEN" Лозе,

„GOLDLILIE" Лозе, „PEAU D'ESPAGNE" Лозе,

„БѢЛЫЙ ГЕЛІОТРОПЪ" Лозе,

„СИРИНГА" Лозе.

НОВО!! НОВО!!

„EDELVEILCHEN" Лозе, „MIMOSA" Лозе.

О-ДЕ-КОЛОНЪ ЛИЛАКЪ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, ПРИДВОРНЫЙ ПАРФЮМЕРЪ; Берлинъ, 45, Іегерштрассе, 46.

Продажа въ лучшихъ парфюм., аптекарск. и галант. магазинахъ и у многихъ парикмахеровъ.

D.O.M ✝ D.O.M

BÉNÉDICTINE

de l'Abbaye de Fécamp

MONACHORUM MONACHORUM

La Meilleure des Liqueurs

Se défier des contrefaçons.

Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville

D.O.M ✝ D.O.M

МОДНЫЕ ДУХИ

PARFUMS A LA MODE

GISMONDA
CORYLOPSIS DU JAPON
CHRYSANTHÈME DE TOKIO
BOUQUET FIN DE SIÈCLE

L. T. PIVER

10, Boulevard de Strasbourg, PARIS

ОБШИРНѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ
СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
До 1000 шт. въ наличности.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Ж. Блокъ
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ н/Д.
КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

ДЕШЕВЫЙ и ПОЛЕЗНЫЙ ПРЕДМЕТЪ

ДЛЯ ВСЯКАГО.

Карманный письменный приборъ никкелированный, заключающій въ себѣ: штемпель для краски, имя, отч. и фамилію, печать для сургуча, перо и карандашъ. Цѣна только 1 руб., двѣ штуки 1 р. 80 к., 3 шт. 2 р. 50 к. Высылаю немедленно по полученіи стоимости. Мелкія деньги до 1 р. можно прислать почт. марк. Упаковка и почт. расх., кромѣ Азіат. Россіи, на счетъ фабрики. Заказы и подроб. адресъ высылки слѣдуетъ ясно обозначить. Требованія и и деньги прошу адресовать **І. Д. ЛЕВИНСОНУ**, г. Бѣлостокъ, фабрика штемпелей и печатей.

SOURCES DE L'ÉTAT

CELESTINS
GR^DE GRILLE
HOPITAL

VICHY

Avoir soin de désigner la Source

PARFUMERIE
BOUQUET DU SACRE
GELLÉ FRÈRES, PARIS

ИЗЯЩНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

графа Л. Н. ТОЛСТАГО

Хозяинъ и Работникъ.

Форматъ въ большую 8-ю долю листа

СЪ 9-ю ОРИГИНАЛЬНЫМИ РИСУНКАМИ.

Цѣна 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

Требованія адресовать: **книгоиздательство ГЕРМАНЪ ГОППЕ.** С.-Петербургъ, Садовая ул., 22

РУССК. ОБЩ. Ⓟ РИГА 711 — Ⓟ — 86 РУССК. ОБЩ. Ⓟ РИГА

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО для производства **стальныхъ перьевъ**

ВЪ Г. РИГѢ

изготовляетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества. Продаются во всѣхъ городахъ имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ.

№ 1429 (25) „Всемірной Иллюстраціи“ сданъ въ субботу, 15-го іюня: на городскую почту въ 11 час. 20 мин. утра, московскимъ подписчикамъ въ субботу, 15-го іюня, въ 11 час. утра и иногороднымъ въ воскресенье, 16-го іюня, въ 10 час. 45 мин. утра, въ чемъ и имѣются почтовыя росписки.

Главная контора и редакція „Всемірной Иллюстраціи“ находятся: въ С.-Петербургѣ, на Садовой ул., № 22.
ВЪ МОСКВѢ отдѣленія конторы находятся: 1) при книжн. маг. А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 15, 2) при конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ.
ВЪ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи „Вѣстника Винодѣлія“ В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

Дозв. цензурою. СПб. 20-го іюня 1896 г. За издателя — редакторъ Э. Д. ГОППЕ. Типографія Эд. Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

Г-жа Моэнъ удивляется—откуда берутся такія странныя фантазіи у нашей бѣдной больной.

Но я понимаю это, слишкомъ хорошо! слишкомъ хорошо!

Еслибъ я могъ предвидѣть, что съ перваго визита этого человѣка въ нашъ домъ оттуда навсегда улетитъ драгоцѣнное благо — спокойствіе!

Видитъ ли ясно баронесса въ этомъ ужасающемъ мракѣ? Не предчувствовала ли она съ первой же встрѣчи, что такъ случится? Не слѣдила ли она за взглядами того и другого и не сказали ли они ей истины, такъ какъ эта женщина знала силу его чаръ надъ женскими сердцами? И не было ли то причиной отталкивающей холодности, которую она съ самаго начала показала Эльфридѣ?

А я-то, слѣпой глупецъ, ничего не подозрѣвалъ, ничего не видѣлъ и ни о чемъ не догадывался!

* *
*

Докторъ Бартъ пытается утѣшить меня, что съ рожденіемъ ребенка все пройдетъ.

Бѣдные врачи! Мы преднамѣренно скрываемъ отъ нихъ настоящія причины нашихъ страданій, а потомъ удивляемся, что они ощупью бродятъ въ потемкахъ. Женщина убивается изъ-за измѣны мужа, а докторъ предписываетъ ей Швальбахъ. Умный, развитой мужчина ищетъ въ винѣ забвенья той тоски, безотрадной пустоты, которую онъ чувствуетъ въ присутствіи глупой жены, а докторъ принимается лечить его отъ болѣзни печени.

Надъ этимъ можно было бы хохотать, еслибъ подобные факты не были слишкомъ грустны!

А г-жа Моэнъ еще спрашиваетъ меня—радуюсь ли я, что у меня родится ребенокъ!

Баронесса не разспрашиваетъ ни о чемъ. Иногда мнѣ приходитъ въ голову, что она боится получить отвѣтъ, котораго не должна или, по крайней мѣрѣ, не хочетъ услышать.

* *
*

Какъ часто былъ я готовъ откровенно высказать ей все горе, переполняющее мое сердце, и говорилъ себѣ, что сдѣлаю это непремѣнно, если она хоть немного ободритъ меня къ признанію.

Но могу ли я сказать, что она ободрила меня сегодня?

Я жаловался на то, что жизнь обѣщаетъ намъ такъ много и исполняетъ мало своихъ обѣщаній.

Баронесса возразила на это:

— А, можетъ быть, мы не правы, жалуясь на жизнь. Она была бы, пожалуй, счастлива и богата радостями, еслибъ мы не срывали ея плодовъ, пока наши руки еще слишкомъ коротки, и не брали бы на себя нерасторжимыхъ обязательствъ, отъ которыхъ отшатнулись бы, спустя какихъ нибудь два года.

— Да развѣ это не одно и то же, высказанное только иными словами?

— Не думаю. По моему, большая разница принимать на себя отвѣтственность за сдѣланныя нами ошибки или взваливать вину на какой-то неопредѣленный иксъ.

— Но зачѣмъ же было тогда создавать насъ такими близорукими, слѣпыми, что мы неминуемо должны впадать въ ошибки?

— Но кто же возьмется доказать, что это неминуемо? Одинъ ошибается, другой — нѣтъ.

— На сколько я знаю жизнь, избѣжать ошибки можно только по особо счастливой случайности, которая выпадаетъ на долю смертнаго такъ рѣдко, что служитъ лишь подтвержденіемъ общаго печальнаго правила. Но, пожалуй, вамъ, сударыня, судьба благопріятствовала несравненно больше.

— Всегда рискованно стараться сдѣлать общій выводъ для всего человѣчества, основываясь на опытѣ единичнаго лица.

Такимъ образомъ, голоднаго нищаго еще разъ прогнали отъ дверей.

Вмѣсто хлѣба, о которомъ онъ молилъ, прекрасная бѣлая рука подала ему камень.

— Голодать крайне мучительно, сударыня! Мнѣ сдается, что вы сами имѣете нѣкоторое понятіе объ этомъ.

Или существуетъ такая гордость, которая можетъ заставить замолчать даже самое страшное, гложущее чувство голода?

Тогда, великіе боги, на колѣняхъ умоляю васъ: пошлите мнѣ эту гордость, или я погибну!

* *
*

Сегодня я имѣлъ очень серьезный разговоръ съ докторомъ Бартомъ; послѣдніе дни онъ былъ крайне молчаливъ, а теперь нерѣшительно высказалъ ужасное предположеніе, что Эльфрида, пожалуй, не поправится и послѣ родовъ, такъ какъ ея болѣзнь все болѣе и болѣе указываетъ на органическое разстройство функцій мозга. Къ счастью, можно надѣяться, что это не повліяетъ на ребенка. Если я пожелаю, то онъ пригласитъ на консультацію другого врача, именно профессора Вертгейма изъ Грюнвальда. Во всякомъ случаѣ, надо взять сидѣлку, которая безотлучно находилась бы при больной; мнѣ же не слѣдуетъ слишкомъ часто входить въ комнату Эльфриды, а, пожалуй, дня два и совсѣмъ не заглядывать туда: докторъ замѣтилъ, что мое присутствіе какъ будто увеличиваетъ тревогу больной.

И для такой невыразимой пытки человѣкъ родится на свѣтъ!

Можно ли назвать богохульствомъ, когда отецъ желаетъ, чтобы его ребенокъ родился мертвымъ!

Сегодня консультація доктора Барта съ профессоромъ Вертгеймомъ. О, этотъ страшный часъ ожиданія, пока авгуры обмѣниваются между собой своей мудростью!

И все ради того, чтобъ когда младшій врачъ отворитъ дверь и позоветъ ожидавшаго, съ перваго взгляда увидѣть, что ему лучше оставить всякую надежду за порогомъ.

— Нельзя сказать, чтобъ дѣло было совсѣмъ плохо, но и хорошаго мало. Природа часто сама помогаетъ себѣ самымъ удивительнымъ образомъ, но въ подобныхъ критическихъ случаяхъ лучше всего быть готовымъ ко всему. Впрочемъ, всѣ предписанія почтеннаго коллеги были вполнѣ цѣлесообразны, такъ что самъ онъ — профессоръ — можетъ только подтвердить ихъ. Я могу быть увѣренъ, что онъ готовъ во всякое время помочь г-ну коллегѣ своимъ совѣтомъ.

Затѣмъ любезное рукопожатіе, отъѣздъ г-на профессора, между тѣмъ какъ младшій коллега еще разъ поднимается въ комнату больной, а услыхавшій такія утѣшительныя вещи отецъ семейства колотитъ себя кулакомъ въ лобъ, чтобъ разразиться вслѣдъ затѣмъ дикимъ хохотомъ.

Да, одинъ неизбѣжно дѣлаетъ себя несчастнымъ безъ всякой надобности, а другой нѣтъ.

Вѣдь приблизительно такъ говорили вы, прекрасная Сивилла? Древній Зевсъ въ первой пѣснѣ Одиссеи говоритъ то же самое.

* *
*

Оба доктора пріѣзжаютъ теперь ежедневно, по большей части вмѣстѣ. Остается еще цѣлый мѣсяцъ до критическаго дня; но силы несчастной страдалицы быстро падаютъ; повидимому, здѣсь идетъ вопросъ о жизни и смерти. Я готовъ ко всему.

* *
*

Смѣшная фраза! Когда придетъ несчастье, его переносишь не потому, что готовъ къ нему, а потому что долженъ, и переносишь, повидимому, спокойно — по той причинѣ, что истерзанные нервы больше не чувствуютъ пытки...

Природа употребляла геройскія усилія, чтобы помочь самой себѣ, но ей

это не удалось. Мать умерла; ребенокъ живъ. И врачи надѣются, что онъ будетъ жить.

„На могилѣ выростаетъ надежда“; кажется, это сказано гдѣ-то у Виланда...

На могилѣ матери надежда на дочь! Все, вмѣстѣ взятое, называется человѣческимъ жребiемъ, человѣческой жизнью.

* * *

Я послалъ сказать о случившемся въ замокъ. Полчаса спустя она была уже тутъ...

Звѣзда, золотой блескъ которой внезапно засiялъ между черныхъ тучъ, проносящихся по ночному небу...

Съ тѣхъ поръ она почти не покидаетъ моего дома. Я не долженъ ни о чемъ заботиться.

Какъ охотно повинуюсь я ей!

* * *

Какъ бы справился я безъ нея? Она—мое провидѣнiе. Какое спокойствiе! какая увѣренность, какая свѣтлая голова! Сначала я думалъ, что не могъ бы восхищаться женщинами ея закала, а теперь вижу, что онѣ-то и есть воплощенiе вѣчной женственности и вѣнецъ творенiя.

Потому-то ее и должны были назвать Еленой.

Вѣдь Елена все равно, что Селена, богиня свѣтила, которое озаряетъ своимъ чистымъ сiянiемъ ночной мракъ.

Мнѣ очень хотѣлось бы назвать дѣвочку ея именемъ, но это было бы дерзостью: „съ богами не долженъ равняться ни единый человѣкъ“.

Когда я былъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, то любилъ хорошенькую бѣлокурую сосѣдку восьми лѣтъ по имени Кэтс.

Я спросилъ баронессу—какъ ей нравится имя Кэте.

Она сказала: „это очень красивое имя“.

Итакъ, пусть моя дочка зовется Кэте!

* * *

Зачѣмъ надо было мнѣ сдѣлать еще это печальное открытiе? Оно было ужъ совсѣмъ излишнимъ, вѣдь я и безъ того слишкомъ хорошо зналъ, что Эльфрида любила его.

Бѣдная дурочка! Какого труда, должно быть, стоило ей собрать всѣ эти сокровища и затѣмъ такъ плохо прятать ихъ, что и при ея жизни каждый нескромный случай могъ выдать ея тайну: вотъ маленькiй нюхательный флакончикъ изъ золота, который онъ всегда носилъ при себѣ, а потомъ будто бы нечаянно потерялъ, листокъ изъ записной книжки, по которой онъ однажды вечеромъ пробовалъ рисовать, затѣмъ различные — говоря мимоходомъ, весьма плохiе — стихи, вѣроятно, попадавшiе тайкомъ въ руки Эльфриды вмѣстѣ съ букетами; наконецъ даже его перчатка, должно быть, упавшая подъ столъ, послѣ чего ее не могли найти, несмотря на всѣ поиски. Въ огонь весь этотъ ребяческiй хламъ!

А между тѣмъ, когда я шелъ въ походъ, Эльфрида собиралась умереть отъ горя! А ея отчаянныя письма, переполненныя нѣжностью, и безумная радость, когда я благополучно возвратился! А блаженство, когда я получилъ, наконецъ, мѣсто! Какую райскую жизнь собирались мы съ ней проводить въ лѣсной глуши!

Неужели все это была ложь?

О, нѣтъ, нѣтъ! А только игра воображенiя, сказки, которыя выдумываютъ для своего удовольствiя дѣти съ пылкой фантазiей, причемъ совершенно искренно вѣрятъ, что все это происходило съ ними въ дѣйствительности.

11*

Эльфрида была такимъ впечатлительнымъ, увлекающимся ребенкомъ, вотъ и все.

А я?

Мальчишкой, несмотря на свои тридцать лѣтъ, мальчишкой, который очень разсердился бы, еслибы ему сказали, что онъ знаетъ любовь только по наслышкѣ, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго, даже никакого понятія.

Но что же значило тогда это глухое, мучительное чувство, которое подсказывало мнѣ, что, несмотря на всѣ наши ласки и поцѣлуи, въ нашемъ союзѣ чего-то не достаетъ? Это было что-то неопредѣленное, смутное, какъ очертанія далекихъ синеватыхъ горъ на горизонтѣ, къ которымъ васъ почему-то влечетъ тоскливое желаніе. И эта тоска становится съ годами глубже, больнѣе; напрасно человѣкъ старается стряхнуть ее, называетъ себя глупцомъ за то, что его удивляетъ невозможность вести глубокомысленные разговоры съ прелестнымъ юнымъ созданіемъ, которое осталось ребенкомъ, хотя у него теперь сидитъ собственное дитя. Да, меня удивляло, что она съ такой безбожной наивностью словесно и письменно удалялась отъ возвышенныхъ предметовъ, къ которымъ я чувствовалъ величайшее уваженіе. Въ этомъ направленіи она дѣлала пресмѣшные скачки; когда педантическій менторъ пытался объяснить ей гётевскую теорію растеній, она прерывала его вопросомъ—положилъ ли онъ сахару въ свой чай.

Надъ этимъ обыкновенно улыбаются, а между тѣмъ это страшно серьезный вопросъ. И наступитъ часъ, когда ты съ содроганіемъ поймешь, что тутъ поставлено на карту все, что есть у тебя самаго лучшаго, священнаго, для чего только и стоитъ жить.

Можетъ быть, такая минута была для меня ближе, чѣмъ я думалъ; можетъ быть, она была уже готова наступить.

Разумѣется! Я взялъ на себя нерасторжимое обязательство годами двумя раньше, чѣмъ слѣдовало, и сдѣлалъ ложный шагъ: Эльфрида была мнѣ не пара, не такую мнѣ надо было жену.

Но я-то самъ годился ли ей въ мужья?

Конечно, нѣтъ, иначе лукавый соблазнитель не могъ бы увлечь ее такъ легко.

И вотъ, цѣлые годы на одной и той же подушкѣ покоятся двѣ головы, мысли которыхъ такъ рѣзко расходятся между собой; два сердца бьются рядомъ, и никто не замѣчаетъ, какъ различенъ ихъ ритмъ. А все это, вмѣстѣ взятое, называется супружествомъ, о которомъ слѣдуетъ говорить съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, если не хочешь прослыть легкомысленнымъ насмѣшникомъ, а не то, пожалуй, и хуже.

Римскіе авгуры улыбались втихомолку, заглядывая другъ другу въ глаза. У насъ же нѣтъ добросовѣстности авгуровъ.

* *
*

Съ мая прошлаго года я не написалъ въ этой тетради ни одной строки.

Да и что мнѣ было писать? Содержаніе этого года исчерпывается тремя словами:

Я люблю ее.

Да, я люблю ее всѣми силами своей души, каждой каплей крови въ моихъ жилахъ. Люблю ее при блескѣ солнца, при сіяніи луны, при слабомъ свѣтѣ ночной лампады: она моя первая мысль при пробужденіи и послѣдняя передъ сномъ. Ея образъ сопуствуетъ мнѣ повсюду. Мое мышленіе, чувства, все мое существо проникнуто ею; я живу ею одной.

Я зналъ, что такъ случится и боролся противъ этого. Къ чему привела моя борьба? Такъ дѣти строятъ песчаную плотину на берегу моря, чтобы защититься отъ надвигающагося прилива. Вотъ набѣжала первая волна и, дѣйствительно, отхлынула назадъ, также и вторая. Наконецъ, катится третій валъ;

тогда испуганные мальчики бѣгутъ обратно къ домамъ, а тамъ, гдѣ они сейчасъ играли, нѣтъ ничего, кромѣ плещущей воды и бѣлой пѣны.

Можетъ быть, еслибы я послѣдовалъ примѣру мальчиковъ и убѣжалъ такъ далеко, какъ только могли нести меня ноги...

Но и тогда мнѣ не было бы спасенія. Еслибы я взялъ крылья утренней зари, то любовь послѣдовала бы за мной до крайнихъ предѣловъ моря. Любовь и тоска. Сокрушающая сердце, безъисходная тоска! И она убила бы меня.

Я это зналъ; я былъ такъ твердо въ этомъ убѣжденъ, какъ въ моемъ жалкомъ существованіи. Тѣмъ не менѣе я огорчалъ моего стараго начальника, употребляя всѣ средства, чтобы добиться перевода въ другое мѣсто. Мнѣ постоянно отказывали, а подъ конецъ такимъ рѣшительнымъ образомъ, что я не рискнулъ послѣ того возобновлять своей просьбы. Меня принудили остаться, какъ батальонъ, которому приказано стоять на позиціи, ружьемъ къ ногѣ, подъ градомъ непріятельскихъ гранатъ. Вѣдь именно при такихъ условіяхъ я заслужилъ свой Желѣзный Крестъ. А также пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ не выдавать своего волненія, держаться прямо, оставаясь по наружности безстрастнымъ, какъ подобаетъ мужчинѣ и офицеру въ такомъ критическомъ положеніи. Здѣсь собственно нужна извѣстная выправка, чтобы не обнаружить ни нервной торопливости, ни тревоги и даже не моргнуть рѣсницей. Спокойный разговоръ о шансахъ настоящаго положенія, по возможности, даже о постороннихъ вещахъ. Отъ времени до времени шутка, но не слишкомъ рискованная, натянутая, потому что и она можетъ выдать ваше дѣйствительное состояніе духа.

Я полагаю, что могу быть доволенъ собою и съ этой стороны. Она не слыхала отъ меня еще ни одного слова, котораго не могъ бы сказать ей другъ, не желающій быть ничѣмъ инымъ, кромѣ друга. Я ни разу не цѣловалъ ей руки дольше и горячѣе, чѣмъ это позволяетъ приличіе.

Она принимаетъ мою сдержанность, какъ нѣчто должное, и это не можетъ быть иначе, не подозрѣвая какихъ страшныхъ усилій стоитъ мнѣ это ровное обращеніе.

Да и какъ могла бы она подозрѣвать? Не можетъ же ей придти въ голову нелѣпая мысль, что какой-то лѣсничій темнаго происхожденія осмѣлился поднять глаза на нее, вдовствующую баронессу, урожденную графиню! Она и я! Да вѣдь мы, по ея теоріи, принадлежимъ къ совершенно различнымъ расамъ людей—дочь крестоносцевъ и негръ, дочь султана и невольникъ. Къ чести юнаго Магомета, я долженъ допустить, что Азры были также царскаго рода, иначе гордость повелѣвала бы ему въ тысячу разъ лучше умереть, чѣмъ признаться въ своей любви и прочесть свой смертный приговоръ въ презрительной улыбкѣ высокомѣрной царевны.

Но вѣдь ея глаза смотрятъ вовсе не высокомѣрно, когда она говоритъ со мной. Они ласковы и добры, какъ глаза сестры. Потомъ у меня бываютъ моменты, когда я мечтаю быть ея братомъ, и безуміе умолкаетъ въ моей груди.

Да, мое чувство, дѣйствительно, безуміе—съ какой стороны я ни смотрю на него. Даже еслибы я былъ равнымъ Еленѣ, или она могла бы считать меня равнымъ себѣ и невѣроятное стало бы дѣйствительностью, то есть еслибъ она полюбила меня, какъ я люблю ее, и тогда могло бы выйти только одно изъ двухъ: или я не сказалъ бы ей о томъ, что случилось въ то утро въ лѣсу, и это осталось бы такъ, развѣ только я проговорился бы во снѣ — во снѣ мнѣ часто случается бредить—и тогда мой бредъ открылъ бы ей ужасную истину; но это невозможно; этого бы я не вынесъ,—или я поступилъ бы какъ честный человѣкъ и признался бы ей во всемъ; тогда она, пожалуй, поняла бы, что я не могъ дѣйствовать иначе, но все-таки оттолкнула бы руку, хотя и не преднамѣренно обагренную кровью ею мужа.

Да, это кровь ея мужа, отца ея ребенка, отъ котораго она будетъ тщательно скрывать, какимъ недостойнымъ человѣкомъ былъ его отецъ; она уже и теперь учитъ сына свято чтить память этого отца по своей теоріи о нравственномъ вліяніи традицій въ дворянской семьѣ. И вдругъ какая нибудь несчастная случайность могла открыть мальчику, что убійца такого достойнѣйшаго человѣка сдѣлался его отчимомъ, вторымъ мужемъ его матери.

Но оставимъ въ сторонѣ даже и сына. Какъ бы ни былъ преступенъ передъ женою баронъ—потому что со стороны развратника было преступленіемъ жениться на невинной, чистой дѣвушкѣ, не думая исправиться отъ своей развратной жизни—все же она любила его когда-то. Нѣкоторые физіологи утверждаютъ будто кровь перваго мужа навсегда смѣшивается съ кровью жены, передаваясь даже дѣтямъ отъ второго брака. Правда это или нѣтъ, но суть въ томъ, что она его любила. Мнѣ бросилось въ глаза, что баронесса, избѣгавшая первое время всякаго воспоминанія о немъ и точно забывшая о покойномъ, теперь часто заговариваетъ о мужѣ и совсѣмъ въ иномъ тонѣ, а не такъ, какъ въ своихъ первыхъ письмахъ, гдѣ она почти явно обвиняла его. Теперь распущенность барона превратилась у ней въ легкомысліе, а его сластолюбіе она объясняетъ избыткомъ силъ, слишкомъ богатой натурой и при этомъ посматриваетъ на меня такимъ взглядомъ, который ясно говоритъ: „не смѣй мнѣ противорѣчить! Я такъ хочу".

Взглядъ Брунегильды, когда она отдавала Гагену жестокое приказаніе.

Вѣроятно, бѣдному Гагену стало очень тяжело въ ту минуту, но онъ былъ вассаломъ, а она госпожей.

Вѣрный вассалъ дѣлаетъ то, что приказываетъ его госпожа.

* *
*

Сегодня поутру она была здѣсь только для того, чтобы взглянуть на Кэте. Она аккуратно пріѣзжаетъ черезъ день, иногда ежедневно.

Только однимъ способомъ могу я отблагодарить ее за то, что она дѣлаетъ для бѣдной сиротки, потерявшей мать, именно—любя Ганса какъ родного сына; конечно, я и прежде любилъ его, можно сказать, съ самаго перваго момента, и теперь моя любовь къ милому мальчику только ростетъ съ каждымъ днемъ. Странно, но это также было и раньше: я никогда не вижу въ немъ отца, на котораго Гансъ, однако, поразительно похожъ фигурой, манерами, даже лицомъ, а всегда только мать, хотя отъ нея Гансъ унаслѣдовалъ лишь темные густые волосы и глаза — каріе, лучезарные сарматскіе глаза. Теперь ему восемь лѣтъ, и это настоящій херувимъ, совершенно по сердцу Сусанны; къ нему можно примѣнить слова пѣсни: „Если дѣвушки полюбятъ, такъ ужъ знаютъ—почему".

Гансъ единственная дорогая отрада въ моихъ горькихъ страданіяхъ. А между тѣмъ его мать рѣшила, что мы должны разстаться. Одиночество, въ которомъ онъ живетъ, не годится больше для такого мечтательнаго ребенка съ пылкой фантазіей; ему нужно общество другихъ мальчиковъ, хотя бы даже ихъ грубость и поразила непріятнымъ образомъ съ перваго раза избалованнаго маленькаго принца. Теперь онъ выдержитъ лучше столкновенія съ суровой дѣйствительностью, чѣмъ потомъ, когда хотятъ пустить чистое золото въ обращеніе, ему нельзя обойтись безъ лигатуры изъ самой простой мѣди. Мой другъ Тр. отыскалъ въ Берлинѣ превосходный пансіонъ у одного почтеннаго учителя гимназіи, который воспитываетъ нѣсколькихъ мальчиковъ одинаковаго возраста съ Гансомъ и пріобрѣлъ славу отличнаго педагога. Баронесса хочетъ на этихъ дняхъ отправиться въ Берлинъ посмотрѣть этотъ пансіонъ, хотя и не сомнѣвается въ вѣрности рекомендаціи. Я не смѣю замѣтить, что у меня также есть въ Берлинѣ дѣла и намъ было бы удобно отправиться туда съ ней вмѣстѣ.

* *
*

Сегодня я провелъ славный вечеръ въ Гребеницѣ. Мнѣ приходилось потолковать съ графомъ о дѣлахъ кардовскаго маіората и меня оставили ужинать.

Графъ, мало по малу, подружился со мной, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ мы оба засѣдаемъ въ опекѣ и я помогаю ему совѣтами по управленію его довольно обширныхъ лѣсныхъ дачъ. Онъ добрый мужчина, лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ широкой рыжей бородой, въ которой пробиваются уже серебристыя нити. Графъ Грибенъ былъ бы еще разговорчивѣе и веселѣе, еслибъ не боялся

уронить себя передъ другими или вызвать неудовольствіе своей супруги — важной, церемонной дамы, которая ходитъ, высоко поднявъ брови, точно спрашивая—найдется ли на свѣтѣ дерзкій человѣкъ, который бы рѣшился посягнуть на ея достоинство. Ихъ единственный сынъ служитъ въ гвардейскихъ драгунахъ въ Берлинѣ, старшая изъ дочерей, красивыхъ, стройныхъ дѣвушекъ, была помолвлена съ нѣкіимъ графомъ В., который палъ подъ Віонвилемъ; младшая всего нѣсколько дней сговорена съ однимъ силезскимъ магнатомъ; помолвка будетъ отпразднована въ слѣдующее воскресенье баломъ, на который я уже получилъ приглашеніе.

Нельзя сказать, чтобы эта семья отличалась избыткомъ ума или остроумной находчивости. Хотя графъ и состоитъ членомъ Палаты Господъ, но, повидимому, тамъ могутъ быть терпимы люди съ самыми допотопными политическими и соціальными взглядами. Кромѣ „Крестовой Газеты" въ домъ не допускается никакой другой, и я подозрѣваю, что графиня беретъ ее въ руки только для того, чтобы прочитывать семейныя извѣстія, а также (въ интересахъ своего сынка и цѣлой дюжины дядюшекъ и двоюродныхъ братцевъ во всевозможныхъ чинахъ) отдѣлъ производствъ и назначеній по арміи. Молодыя графини, пожалуй, читаютъ иногда французскіе романы съ одобренія mademoiselle Марго, бывшей воспитательницы, а теперь дуэньи дѣвицъ. Впрочемъ, онѣ гораздо лучше знаютъ толкъ въ собакахъ и лошадяхъ, чѣмъ въ книгахъ.

Но всѣ члены семьи твердо убѣждены, что Грибены изъ Грибеница занимаютъ совершенно исключительное общественное положеніе; въ этомъ пунктѣ они какъ будто сходятся съ баронессой, однако, присмотрѣвшись ближе, можно замѣтить здѣсь большую разницу. Я сказалъ бы: Елена—простите, пожалуйста, баронесса! — благородна сама по себѣ, эти же люди благородны только потому, что передъ ихъ именемъ стоитъ частица „фонъ", а надъ ихъ гербомъ красуется даже девятиконечная корона. Для той знатность рода служитъ только фономъ, на которомъ выступаетъ ея собственное достоинство, для этихъ же — она вовсе не фонъ, но солнце, отъ котораго они заимствуютъ свой свѣтъ; та могла родиться въ хижинѣ и все-таки царила бы повсюду, гдѣ ни появилась; они же, еслибы смѣшались съ толпой, то никто не нашелъ бы ихъ тамъ, и пожалуй даже они сами не отличили бы другъ друга отъ простолюдиновъ.

Ужъ не оттого ли это происходитъ, что (по теоріи баронессы) необыкновенно благодатная сила традицій не успѣла еще обнаружиться на Грибенахъ? Ихъ родъ далеко не такъ древенъ, какъ родъ Кардововъ, а на сколько онъ отсталъ въ этомъ отношеніи отъ рюгенскихъ князей, отъ которыхъ произошла Елена, не говоря уже о ея царственныхъ сарматскихъ предкахъ съ материнской стороны!

Поэтому все у нихъ — разумѣется, только сравнительно — отличается отпечаткомъ новизны, не вполнѣ освященной почтеннымъ рядомъ вѣковъ въ глазахъ благоговѣющихъ плебеевъ. Вотъ хоть бы замокъ, выстроенный всего десять лѣтъ назадъ; положимъ, онъ очень комфортабеленъ, даже изященъ, но въ общемъ все-таки смахиваетъ на обыкновенный домъ, какимъ можетъ обзавестись каждый богатый выскочка. Совершенная противоположность Мёлленгофу, покрытому благородной двухсотлѣтней ржавчиной, гдѣ въ роскошныхъ залахъ вамъ мерещится шелестъ дамскихъ платьевъ временъ Людовика XIII или XIV. Точно также красиво расположенный и прекрасно содержимый паркъ въ Грибеницѣ наряду съ великолѣпными лужайками и гигантскими деревьями мёлленгофскаго парка имѣетъ довольно жалкій видъ, по крайней мѣрѣ для одного вѣрнаго вассала прекрасной, благородной, несравненной госпожи, по справедливости считающей себя вѣнцомъ своего рода.

Да, чудная, возлюбленная, обожаемая женщина, хотя я какъ будто и смѣюсь надъ тобой, но ты, дѣйствительно, такова, дѣйствительно, такова!

О, еслибы я былъ царемъ,
И будь моею вся земля,
И будь моею вся земля...

Ахъ, эти поэты, какъ я имъ завидую! Они могутъ сказать и выразить даже то, чего не чувствуютъ. А мы несчастные, хотя бы сердце наше было переполнено, должны молчать и молча терпѣть.

* * *

Я начерталъ себѣ маршрутъ на будущее. Онъ ясенъ, какъ нельзя болѣе; я былъ бы слѣпцомъ или безумцемъ, еслибы сбился съ настоящаго пути.

Она пригласила меня сегодня къ себѣ, чтобы переговорить о берлинскомъ пансіонѣ, насчетъ котораго у ней возникли кое-какія сомнѣнія. Я пошелъ въ замокъ въ пять часовъ вечера, какъ приказала баронесса, и она приняла меня, по обыкновенію, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Цѣлый годъ Елена не снимала траура — грустное и совершенно не нужное для меня напоминаніе о могилѣ, раздѣляющей насъ. Сегодня въ первый разъ она надѣла свѣтлое платье, такъ что въ первый моментъ я ее совсѣмъ не узналъ, какъ будто никогда не видѣлъ до тѣхъ поръ. Такъ, если старую картину, стоявшую до сихъ поръ въ невѣрномъ освѣщеніи, освѣтятъ, наконецъ, какъ слѣдуетъ—она представляется зрителю въ новой красѣ. Однимъ словомъ, я хочу сказать, что Елена еще никогда не была такъ прекрасна — настоящая мечта, нисколько не утратившая своего очарованія изъ-за того, что она сто разъ являлась мнѣ.

Совершенно противъ воли у меня на лицѣ отразилось мое душевное волненіе. Елена слегка покраснѣла подъ моимъ восторженнымъ взглядомъ, и на ея полныхъ губахъ заиграла почти наивная улыбка польщеннаго тщеславія. Я былъ осчастливленъ этой улыбкой въ своемъ безразсудствѣ, нисколько не подозрѣвая, что она является предательскимъ солнечнымъ лучемъ изъ-за тучъ, который для людей опытныхъ служитъ несомнѣннымъ предвѣстникомъ приближающагося дождя. И какой же ливень долженъ былъ обрушиться на меня на этотъ разъ!

Ея лобъ тотчасъ омрачился, напоминая мнѣ объ осторожности. Но я не хотѣлъ быть осторожнымъ, я хотѣлъ сдѣлать по своему, мнѣ было любопытно видѣть, что можетъ выйти изъ нашего маленькаго столкновенія.

— Вы знаете, сударыня, что никто не говоритъ такъ мало комплиментовъ, какъ я. Поэтому если я скажу: ваше блѣдножелтое платье восхитительно идетъ къ вамъ, то вы найдете вполнѣ естественнымъ мое замѣчаніе, хотя, пожалуй, мнѣ слѣдовало бы отъ него воздержаться.

— Да ужъ, конечно, тѣмъ болѣе, что я и безъ того могу прочесть все, что угодно, на лицѣ мужчины.

— Все, баронесса?

— Почти что такъ.

— Я былъ бы счастливъ, еслибъ вы дали мнѣ образецъ своего искусства и соблаговолили сказать, что я чувствую и думаю въ настоящую минуту.

— Сегодня утромъ я уже имѣла случай доказать свою проницательность. Могу васъ увѣрить, что опытъ вышелъ до такой степени удачнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неутѣшительнымъ, что я не чувствую ни малѣйшей охоты производить его еще разъ въ тотъ же день.

— Если вы говорите, я долженъ вамъ вѣрить.

— Можете вполнѣ. Мнѣ даже хотѣлось бы предоставить на ваше сужденіе то, что было неутѣшительнаго и заслуживало удивленія въ этомъ опытѣ.

— Извольте, я выскажусь, какъ только узнаю въ чемъ дѣло.

— Навѣрно баронъ (NB. она никогда не называла его иначе) говорилъ вамъ когда нибудь о графѣ Ашереденѣ?

— Право, не помню.

— Вспомните хорошенько. Онъ любилъ говорить о товарищахъ молодости и не всегда съ подобающей скромностью.

— Дѣйствительно, теперь я припоминаю.

— Вотъ видите.